АН т. 32
10/041 ае

+указатель
М.Г. Покрушенко

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ

АН
10
041 all

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ.

270

Т. XXXII. + указатель
М. Г. Покрышкина

ОДЕССА.
„Славянская“ типографія Е. Хрисогелосъ, Херсонская улица, домъ № 15.
1915.

Печатано по опредѣленію ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Вице-президентъ **А. Л. Бертье-Делагардъ.**

Секретарь проф. **М. Г. Попруженко.**

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
703156

Разрѣшено военной цензурой. Одесса. Ноябрь 1915 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Изслѣдованія. Стр.

1) Россія на Дунаѣ. Д. чл. *В. Н. Ренненкампфъ* . . . . . 1— 14
2) Къ истолкованію керченскаго рельефа. Д. чл. *Б. В. Варнеке.* . . . . . 15— 24
3) Остатки человѣческихъ скелетовъ изъ кургана на Слободкѣ-Романовкѣ въ Одессѣ. Д. чл. *Д. К. Третьяковъ* . 25— 40
4) Гр. М. С. Воронцовъ и крестьянскій вопросъ. Чл.-кор. *С. Л. Аваліани.* . . . . . 41— 57
5) Амага и Тиргатао. Д. чл. *М. И. Ростовцевъ.* . . . . . 58— 77
6) Древнѣйшая Пицунда у Понта Евксинскаго. Чл.-кор. *Л. М. Мелексетъ-Бековъ* . . . . . *)109—122
7) Раскопки кургана въ предмѣстьи Одессы — „Слободка-Романовка". Чл.-кор. *А. В. Добровольскій* . . . . . 123—145
8) Принадлежащія музею Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей предметы съ арабскими, персидскими и турецкими надписями. Д. чл. *И. С. Спаварисъ* . . . . . 146—198
9) Первыя страницы Русской лѣтописи и византійскія перехожія сказанія. Почетн. чл. *Ѳ. И. Успенскій* . . . 199—228
10) Изслѣдованіе нѣкоторыхъ недоумѣнныхъ вопросовъ средневѣковья въ Тавридѣ. Почетн. чл. *А. Л. Бертье-Деламгардъ.* . . . . . 229— 256
11) Варяжская Вира. Д. чл. *Е. Н. Щепкинъ* . . . . . 257—407
12) Современное состояніе вопроса о „Каменныхъ бабахъ" или „Балбалахъ". Почетн. чл. *Н. И. Веселовскій.* . . . 408—444
13) Гдѣ былъ древній Одессъ? Д. чл. *В. И. Гошкевичъ* . . 445—450
14) Еще о мѣстонахожденіи древней Одессы. Д. чл. *С. Д. Пападимитріу* . . . . . 451—456

II. Матеріалы.

1) Библіографическіе матеріалы по исторіи Новороссіи . . Указатель къ изданіямъ—„Календарь", „Новороссійскій Календарь", „Памятная книжка" и „Адресъ-календарь" Одесскаго Градоначальства" и „Труды Одесскаго статистическаго Комитета" съ 1832—1914 г. Чл.-кор. *Л. М. де-Рибасъ* . . . . . 1— 25

*) Перерывъ въ пагинаціи произошелъ вслѣдствіе того, что одна изъ отпечатанныхъ статей не могла быть включена въ томъ по независѣвшимъ отъ издательскаго комитета причинамъ.

Стр.

2) Изъ бумагъ М. М. Кириакова. Съ предисловіемъ д. чл. *А. В. Флоровскаго* . . . . . 26— 41
3) Къ начальной исторіи г. Маріуполя. Почетн. чл. *В. В. Латышевъ* . . . . . 42— 64
4) Какъ составилось собраніе „Каменныхъ бабъ" музея Императорскаго Одесскаго Общ. Исторіи и Древностей. . . 65— 74

III. Протоколы.

Доклады: 1) Д. чл. *М. Ф. Шкадышекъ* — Погребенія каменнаго вѣка въ Одессѣ. *(Засѣд. 426)* 3— 9
2) Д. чл. *И. С. Спаварисъ* — О двухъ намогильныхъ памятникахъ съ турецкими надписями въ музеѣ. *(Засѣд. 427)* . . . . . 12— 19
3) Д. чл. *И. С. Спаварисъ* — О металлической чашѣ съ арабской надписью. *(Засѣд. 427)* . 20— 26
4) Чл.-кор. *Е. А. Загоровскій* — Новая книга о скиѳахъ и понтійскихъ грекахъ. *(Засѣд. 427).* 27— 42
5) Чл.-кор. *Б. Я. Калустовъ.* — Слѣды древней стоянки человѣка въ низовьяхъ Дуная. *(Засѣд. 427).* . . . . . 43— 47
6) Рѣчь гр. А. Ф. Ланжерона при открытіи Ришельевскаго лицея. *(Засѣд. 429)* . . . . 53 – 56
7) Д. чл. *С. А. Жебелевъ* — Ѳукидидъ IV 20, 4. *(Засѣд. 431)* . . . . . 64— 65
8) Чл.-кор. *П. Л. Тучапскій* — Иванъ III и зарубежные евреи (Хозя Кокосъ и Захарія Гуилъ-Гурсисъ). *(Засѣд. 432)* . . . . . 67— 74
9) Д. чл. *М. Г. Попруженко* — Памяти В. И. Ламанскаго. *(Засѣд. 435)* . . . . . 88—107
10) Д. чл. *Б. В. Варнеке* — Памяти А. Н. Шварца. *(Засѣд. 436).* . . . . . 109—112
11) Д. чл. *Ю. Ю. Марти* — Стихотворная эпитафія Аристона, с. Аристонова. *(Засѣд 437).* 116—118
12) Д. чл. *Б. В. Варнеке* — Новыя древности изъ Керчи. *(Засѣд. 440).* . . . . . 128—137

IV. Приложеніе.

Указатель статей, помѣщенныхъ въ I—XXX томахъ „Записокъ" Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Составилъ д. чл. *М. Г. Попруженко* . . . . 1— 63

Россія на Дунаѣ

(по поводу книги Л. А. Кассо).

Въ 1913 г. появился въ печати очень интересный, обстоятельно, вполнѣ научно, разработанный, хотя и небольшой (всего 230 стр.), трудъ Л. А. Кассо: „Россія на Дунаѣ и образованіе бессарабской области", пріуроченный къ столѣтней годовщинѣ Бухарестскаго мира, имѣющаго существенное значеніе въ исторіи нашей восточной политики.

Нѣкоторые, преимущественно русскіе, историки усматриваютъ въ этомъ мирѣ благопріятную для Россіи пріостановку военныхъ дѣйствій на югѣ предъ вторженіемъ Наполеона съ запада. Другіе—французскіе первой половины XIX вѣка—видятъ въ немъ главнымъ образомъ причину неудачи, постигшей Наполеона въ Россіи;—третьи же, именно румынскіе публицисты, „подчеркиваютъ роковую роль Бухарестскаго мира въ судьбѣ дунайскихъ княжествъ" и говорятъ, что миръ этотъ, обусловившій присоединеніе лучшей части Молдавіи къ Россіи, долженъ былъ выяснить балканскимъ христіанамъ истинныя цѣли русской освободительной политики. Повидимому эти публицисты глубоко признательны Наполеону, что онъ отвлекъ русскія силы отъ Дуная и цѣной собственной гибели спасъ Молдавію и Валахію отъ полнаго поглощенія ихъ Россіею.

По мнѣнію автора излагаемаго труда Бухарестскій миръ означаетъ какъ бы *перепутье* въ наступательномъ движеніи Россіи на Балканскомъ полуостровѣ: дѣйствовать ли ей самостоятельно и единолично въ отношеніи къ Турціи, или же искать опоры для своей восточной политики въ содѣйствіи тѣхъ великихъ державъ, съ которыми она связалась въ 1815 году? Россія колеблется между этими двумя возможностями. Въ 1828 г. она предприняла съ согласія Англіи, Австріи и Франціи войну съ Оттоманской имперіею, заранѣе отказавшись отъ территоріальныхъ расширеній въ Европейской Турціи. Въ 1833 г. пыталась вступать съ ней въ отдѣльныя соглашенія, окончившіяся въ 1841 г. неблагопріятно для Россіи. Въ 1854 г. объявила войну Турціи, помимо Европы, но, наткнувшись на ея противодѣйствіе, лишилась части своей территоріи, пріобрѣтенной въ 1812 г., которую возвратила себѣ лишь послѣ побѣдоносной войны съ турками 1877 г.

Указанное значеніе Бухарестскаго мира служитъ для автора достаточнымъ основаніемъ помянуть его столѣтній юбилей и вмѣстѣ съ

тѣмъ остановиться на выясненіи „предшествовавшихъ ему событій, чтобы лучше усвоить созданное имъ и продолжающееся понынѣ положеніе".

Событія эти неблагопріятны наступательному движенію Россіи на Востокъ. Наполеоновская Франція, продолжая королевскую традицію, противодѣйствуетъ ей на берегахъ Босфора, и хотя Наполеонъ для подавленія Австріи и искалъ сближенія съ Россіею, прельщая ее призракомъ совмѣстнаго съ нимъ раздѣла турецкихъ владѣній, но все же его коренная мысль заключалась въ томъ, чтобы сохранить территоріальную неприкосновенность Оттоманской имперіи и въ ближайшемъ будущемъ воспользоваться ея силами противъ Россіи же. Съ этою цѣлью и не воздерживаясь отъ обмана, онъ дипломатически мѣшаетъ присоединенію Молдавіи и Валахіи къ Россіи, войска которой въ 1807 г. занимали территорію обоихъ княжествъ.

Мало того, онъ помышляетъ о дружеской встрѣчѣ французской и турецкой арміи на границѣ Царства Польскаго и обѣщаетъ Портѣ въ случаѣ ея войны совмѣстно съ Франціею противъ Россіи возвращеніе Крыма, о которомъ не могли забыть у Золотого Рога.

Сблизившись съ Австріею, Наполеонъ уже считаетъ себя какъ бы продолжателемъ королей стараго режима въ ихъ поискахъ за европейскимъ равновѣсіемъ и не ограничиваясь дипломатическою поддержкою Турціи противъ Россіи, возбуждаетъ противъ нее же также и Австрію, искушая своего тестя дунайскими княжествами, что совершенно соотвѣтствовало тайнымъ возделѣніямъ вѣнскаго кабинета, желавшаго территоріальныхъ расширеній насчетъ Турціи и нынѣшней Сербіи. Наполеонъ даже совѣтуетъ Австріи „занять Бѣлградъ безъ объявленія войны".

Состоявшееся за счетъ дунайскихъ княжествъ въ ущербъ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ Турціи австрійско-французское соглашеніе настолько смутило Императора Александра, что у него даже возникла мысль о подготовленіи возстанія венгерцевъ, тѣхъ же венгерцевъ, которыхъ въ 1849 г. другой русскій императоръ возвратилъ въ австрійское послушаніе.

Двуличіе Наполеона, и прежде не пользовавшагося особымъ довѣріемъ Турціи, въ виду извѣстнаго ей его предположенія подѣлить ея владѣнія сообща съ Россіей, не осталось тайной также и для Порты, и въ критическую для Наполеона минуту онъ лишился поддержки Оттоманской имперіи, этой старой союзницы французской политики, заключившей Бухарестскій миръ съ Россіей.

Но обманывая Россію и Турцію, не обманывалъ ли Наполеонъ также и Австріи?

Къ числу принципіальныхъ противниковъ Россіи въ области ея восточной политики кромѣ Франціи и Австріи слѣдуетъ отнести также и Англію, которая по трактату, заключенному съ Турціей въ 1809 г., обязывалась содѣйствовать прекращенію войны между Россіей и Тур-

ціей на условіяхъ выгодныхъ для послѣдней, „assurant l'intégrité du territoire de l'Empire“, т. е. Турціи.

Политика иностранныхъ державъ, противодѣйствовавшихъ расширенію Россіи на Востокъ, совпадала съ политикой фонаріотовъ, лично заинтересованныхъ въ томъ, чтобы Молдавія и Валахія сохранили то положеніе, которое они занимали до войны 1806 г. Присоединеніе этихъ княжествъ къ Россіи было бы тяжкимъ ударомъ не только для греческихъ княжескихъ фамилій, занимавшихъ престолы Молдавіи и Валахіи и служившихъ проводниками греческаго вліянія и обогащенія на Балканскомъ полуостровѣ, но и для всѣхъ вообще константинопольскихъ грековъ, связанныхъ съ этими фамиліями.

Даже само населеніе Молдаво-Валахіи, раззоряемое оккупаціей русскихъ войскъ, этихъ frati de cruce, какъ ихъ называли мѣстные крестьяне, обнаруживало недоброжелательное отношеніе къ Россіи.

Наконецъ и среди русскихъ государственныхъ дѣятелей и дипломатовъ высказывались опасенія, вызываемыя восточной политикой Александра. Такъ, напр., гр. С. Р. Воронцовъ боялся, что даже при самомъ благопріятномъ исходѣ русско-турецкой войны Россія „получила бы по Дунаю новую границу, трудно защищаемую и крайне обременительную для нея въ случаѣ обще-европейской войны.

А адмиралъ Мордвиновъ въ запискѣ, поданной императору, доказывалъ, что Россія достаточно велика и что вмѣсто присоединенія новыхъ областей, Молдавіи и Валахіи, государство должно стремиться къ улучшенію и развитію имѣющейся уже территоріи“. Наши же дипломаты, Штакельбергъ, Нессельроде и Куракинъ, боясь раздражить Австрію, настаивали на скорѣйшемъ заключеніи нами мира съ Портой *„безъ территоріальныхъ требованій“*.

Итакъ, ни могущественныя европейскія державы, ни молдаво-валахскіе господари, ни обѣднѣвшее населеніе оккупированныхъ русскими войсками областей, ни даже русскіе сановники и дипломаты не желали присоединенія дунайскихъ княжествъ къ Россіи, не желали ея расширенія на Востокъ.

Кто же былъ проводникомъ и защитникомъ наступательной восточной политики Россіи, кто страстно желалъ включенія въ ея предѣлы Молдаво-Валахіи? Въ первую половину своего царствованія Императоръ Александръ.

Подъ несомнѣннымъ вліяніемъ кн. Чарторыжскаго мечты Александра I продолжать Екатерининскую политику на Балканскомъ полуостровѣ принимаютъ болѣе конкретную форму, и онъ проникается мыслью и вмѣстѣ съ тѣмъ твердой надеждой, что придунайскія княжества будутъ окончательно признаны за Россіею, какъ видно изъ его переписки съ матерью 1808 г. онъ этого „страстно желалъ“. Восточныя грёзы Александра поддерживаютъ Ришелье и въ особенности Румянцевъ, „по глубокому убѣжденію котораго царствованіе Алек-

сандра должно было на Востокѣ завершить широкіе замыслы его августѣйшей бабки".

Но обстоятельства сильнѣе Благословеннаго: неминуемая близость вооруженнаго столкновенія съ Франціей въ связи съ овладѣвшей Александромъ подъ вліяніемъ Бернадота идеей русско-турецко-шведскаго союза, направленнаго противъ Наполеона, понуждаетъ его къ уступкамъ, и онъ примиряется съ присоединеніемъ къ Россіи лишь Бессарабіи.

Поспѣшность Россіи, усталость, истощеніе, а также опасенія Турціи завершили соглашеніе между ними. Осторожные турки боялись побѣдъ Наполеона. Они были увѣрены, что за пораженіемъ Россіи должно послѣдовать нашествіе французовъ въ предѣлы ихъ имперіи. Они опасались тоже восточныхъ грёзъ героя пирамидъ. Но даже помимо этой опасности побѣда Наполеона надъ Россіей окончательно развязала бы руки Австріи и направила бы ее къ территоріальнымъ расширеніямъ на Балканскомъ полуостровѣ. Не лучше ли было для самой же Турціи мириться съ Россіей, тѣмъ болѣе, что, въ случаѣ неудачи Наполеона, и она, въ виду нерѣшенной компаніи, вернулась бы къ Дунаю, и тогда имперія Оттомановъ рисковала бы потерять больше, чѣмъ Бессарабію, быть можетъ, еще Яссы и Бухарестъ?

Впослѣдствіи самъ Александръ оставилъ свои восточныя мечты, охладѣлъ къ защитѣ русскихъ интересовъ на Дунаѣ, покинулъ мысль о княжествахъ и о новой войнѣ съ Турціей. А между тѣмъ сочетаніе внѣшнихъ условій благопріятствовало Россіи. Англія была разслаблена континентальной системой, Австрія раззорена Наполеоновскими войнами, Пруссія въ то время не поддерживала бы Австрію противъ Россіи, и болѣе чѣмъ когда либо можно было расчитывать провести самостоятельную политику по отношенію къ Турціи. „Но воевать съ нею Александръ не желалъ. Онъ говорилъ Кисилеву въ 1816 г.: „Войны затѣвать теперь не должно, намъ нуженъ отдыхъ".

Не опасался-ли императоръ новыхъ обремененій для государственнаго бюджета, не вспоминалъ ли онъ предыдущія безплодныя компаніи, безсистемныя осады крѣпостей, распри между военачальниками и вѣчныя затрудненія въ продовольствіи; не вспомнилъ ли онъ, наконецъ, доведенное до отчаянія населеніе княжествъ, когда говорилъ Каподистріи: „Довольно было войнъ на Дунаѣ; онѣ деморализуютъ наши арміи?"

Однако въ сущности въ миролюбіи Александра нуждалась не столько его имперія, сколько, прежде всего, сама ослабѣвшая Турція, и союзный Россіи австрійскій кабинетъ послѣ вѣнскаго конгресса взялъ на себя особую миссію успокоить ее, доставляя Портѣ точныя свѣдѣнія о настроеніи государя въ восточномъ вопросѣ съ цѣлью, такимъ путемъ постепенно сближаясь съ Турціей, заручиться ея довѣріемъ, чтобы потомъ использовать его противъ Россіи же.

Съ особой энергіей дѣйствовали въ этомъ направленіи „лобзавшіе“ Александра австрійскіе государственные дѣятели Меттерниxъ и Гентцъ. Они непрерывно ручаются Портѣ за миролюбіе русскаго императора и настойчиво совѣтуютъ ей вступить въ самое тѣсное сближеніе и довѣрчивое сближеніе съ Австріей и Англіей, заинтересованныхъ въ неприкосновенности ея территоріи. „Австрія“, пишетъ Гентцъ, „не имѣла бы даже разумнаго основанія желать своего расширенія на счетъ Турціи, такъ какъ было бы весьма нецѣлесообразно прибавлять новыя мало культурныя области къ тѣмъ изъ ея территорій, которыя, какъ Венгрія и Иллирія, не даютъ и половины возможнаго дохода“. Какъ *теперь* страненъ и малоубѣдителенъ этотъ аргументъ послѣ аннексіи „лоскутной имперіей“ Босніи и Герцеговины и ея несомнѣнныхъ дальнѣйшихъ поползновеній на Балканскомъ полуостровѣ.

Но въ одномъ былъ совершенно правъ Гентцъ. Онъ справедливо увѣрялъ Турцію, что ея лучшая гарантія заключается въ возрастающемъ тяготѣніи Александра къ Австріи, тяготѣніи, удерживающемъ Россію отъ рѣшительныхъ и самостоятельныхъ шаговъ въ турецкихъ дѣлахъ и обезличивающемъ ея политику.

Глубоко убѣжденнымъ и проницательнымъ противникомъ этого опаснаго обезличенія русской политики, противникомъ Меттерниха и Гентца былъ, состоявшій на службѣ Россіи, моденскій графъ Іоаннъ Антоновичъ Каподистрія, принадлежавшій къ старому корфіотскому роду.

Уже въ Вѣнѣ въ 1814 г, при первомъ его представленіи государю, онъ подчеркивалъ необходимость для Россіи, сохраняя полную свободу дѣйствій, вести единоличную, безъ посторонней поддержки, самостоятельную политику на Востокѣ. По его мнѣнію всякое общеніе на этой почвѣ съ другими державами должно было лишь ослабить ее

Въ качествѣ русскаго статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ Каподистрія старался провести этотъ свой коренной взглядъ въ дѣятельности нашихъ дипломатическихъ органовъ, и хотя тогда главой вѣдомства и считался Нессельроде, но выдающіяся качества и личное обаяніе іоническаго грека создавали ему преимущественное положеніе не только у государя, но и въ глазахъ представителей иностранныхъ державъ въ Петербургѣ.

Къ сожалѣнію этотъ государственный дѣятель встрѣтился съ недовѣріемъ къ себѣ не только при дворѣ, но и въ болѣе широкихъ слояхъ петербургскаго общества, большинству котораго онъ казался представителемъ не русскихъ, а греческихъ интересовъ, и его обвиняли въ томъ, что онъ только прикрывалъ русскимъ именемъ освободительную политику своихъ соплеменниковъ, „крайніе правые“ же того времени причисляли его даже къ опаснымъ революціонерамъ. въ виду его близости къ организаторамъ греческаго возстанія.

Безъ сомнѣнія Каподистрія былъ привязанъ къ своей родинѣ, не скрывалъ этого и не отчаявался въ ея лучшемъ будущемъ, но преданность его Россіи также внѣ всякаго сомнѣнія; она пережила его русское статсъ-секретарство, и, когда онъ сталъ главою нововозникшаго эллинскаго государства, его упрекали главнымъ образомъ именно въ этой привязанности къ Россіи, которая, по мнѣнію грековъ —мнительныхъ противниковъ Каподистріи, заключала въ себѣ даже опасность для дальнѣйшаго самостоятельнаго существованія ихъ отечества.

„Можно смѣло увѣрять“, говоритъ нашъ авторъ, „что Каподистрія понималъ существенные интересы Имперіи не хуже коренныхъ русско-подданныхъ, когда онъ употреблялъ все свое вліяніе на Александра, чтобы разубѣдить его, при открытіи польскаго сейма въ 1818 г., дать торжественное обѣщаніе о присоединеніи Западной Россіи къ царству польскому“.

Въ качествѣ сторонника обособленнаго воздѣйствія Россіи на Турцію Каподистрія былъ опасенъ на западѣ всѣмъ тѣмъ, которые боялись роста русскаго вліянія. Естественно, что съ нимъ боролись, враждебные этому вліянію, прусскій министръ Гарденбергъ и Гентцъ; Меттернихъ же, возненавидившій Каподистрію, рѣшилъ подорвать въ самомъ корнѣ довѣріе къ нему Александра, изображая его революціонеромъ, противникомъ установившейся на западѣ послѣ 1815 г. политической системы и европейскаго мира. Онъ праздновалъ его уходъ изъ Петербурга, какъ одну изъ своихъ крупнѣйшихъ побѣдъ.

Боязнь Австріи, а вмѣстѣ съ ней и Англіи, самостоятельной политики Россіи на Востокѣ, ихъ опасенія новой русско-турецкой войны существенно возросли со времени появленія греческихъ повстанцевъ, съ Ипсиланти во главѣ, въ Валахіи и Молдавіи. Этимъ державамъ нужно было непремѣнно пріостановить революціонное движеніе съ цѣлью предотвратить войну Россіи противъ Турціи и перенести разыгравшійся греческій вопросъ на совмѣстное обсужденіе Александра и другихъ европейскихъ потентатовъ, т. е., въ сущности, связать его ими. Выполненіемъ этой задачи со свойственной ему цѣпкостью и послѣдовательностью и озаботился Меттернихъ, при ближайшемъ участіи своего вѣрнаго сотрудника Гентца. Онъ сумѣлъ окончательно дискредитировать Каподистрію и его глубоко вѣрную политику въ глазахъ его монарха, сумѣлъ овладѣть „бѣднымъ маленькимъ Несельродъ“ и русскимъ посланнымъ Татищевымъ, этимъ, по его словамъ, „ядромъ, начиненнымъ ватой“, сумѣлъ неразрывно связать Александра съ Австріей и на столько подчинилъ его своему вліянію, что, если бы, какъ утверждалъ Гентцъ: „Александру кто нибудь предложилъ половину Оттоманской имперіи, то онъ не протянулъ бы даже руки, чтобы получить этотъ даръ“.

Удалось Меттерниху устранить самостоятельность русскихъ политическихъ дѣйствій на Востокѣ и обусловить улучшеніе участи

греческаго народа участіемъ не только Россіи, но также и Австріи, Англіи и Пруссіи.

Державы эти торжествовали, а Каподистрія?

Онъ на всегда покинулъ Петербургъ въ серединѣ августа 1822 г.

Такъ разсѣялись „грёзы", восточныя грёзы Александра.

Лишь мимолетно воскресли онѣ среди населенія Бессарабіи „когда въ Кишиневѣ, въ 1825 г., было получено извѣстіе о кончинѣ Государя. Съ именемъ наслѣдника Константина Павловича среди христіанъ Оттоманской имперіи связывалась память о восточныхъ помыслахъ Екатерины и наступательной политикѣ Россіи, которую еще мечталъ проводить Румянцевъ въ первую половину царствованія Александра".

Присоединенная къ Россіи новая окраина была прекрасна. „La Bessarabie est un beau pays, Sire", писалъ Чичаговъ Александру въ 1812 году.

Не обладая достаточнымъ количествомъ населенія, она изобиловала природными богатствами: хлѣбомъ, сѣномъ, скотомъ. Еще Сумароковъ въ 1799 г. называлъ ее „землею обѣтованною, плодоносною, многолиственныя пастбища которой достигаютъ такой высоты, что стерегомыхъ на нихъ стадъ совсѣмъ не видно; климатъ въ той странѣ весьма хорошій, положенія мѣстъ безподобныя, плодовъ, птицъ и рыбъ разныхъ родовъ великое множество".

Эту „обѣтованную землю" надлежало устроить Русскому государству.

Немедленно послѣ заключенія Бухарестскаго мира главнокомандующій Дунайской арміи Чичаговъ поручилъ Каподистріи составить правила о временномъ управленіи Бессарабіи. Организація присоединеннаго края имѣла двоякую цѣль: упроченіе благосостоянія мѣстнаго населенія и привлеченіе подданныхъ Оттоманской имперіи. Новый порядокъ долженъ былъ явиться краснорѣчивымъ показателемъ той помощи, которую могли ожидать отъ Россіи народности, еще находившіяся подъ турецкимъ игомъ, и усилилъ бы въ нихъ желаніе раздѣлить впослѣдствіи участь бессарабскихъ христіанъ. Эта болѣе отдаленная цѣль ярко подчеркивается Чичаговымъ въ его письмѣ къ первому губернатору новой области молдаванину Скарлату Стурдзѣ: „Надобно", пишетъ онъ, „дать возчувствовать жителямъ Бессарабіи выгоды отеческаго и щедраго правленія, искуснымъ образомъ обратить на область сію вниманіе пограничныхъ народовъ. Послѣдняя война занимала умы и надежды Молдаванъ, Валаховъ, Грековъ, Болгаръ, Сербовъ и всѣхъ народовъ, привязанныхъ къ Россіи .... Надобно *сохранить привязанность сихъ народовъ* и охранить ихъ отъ вліянія нашихъ враговъ".

Проэктъ временнаго правленія Бессарабіи былъ вскорѣ оконченъ Каподистріей, утвержденъ въ 1812 г. государемъ, и первый органическій законъ новой русской окраины вступилъ въ силу съ нѣкоторыми послѣдующими дополненіями, изданными въ 1813 г. Этотъ но-

вый законъ, по настоянію Чичагова, сохранялъ обособленный характеръ за Бессарабской областью. Главнокомандующій опасался, что уравненіе ея съ остальными русскими губерніями пагубно отразится на интересахъ мѣстнаго населенія.

Съ точки зрѣнія общерусской администраціи главная особенность новаго строя заключалась въ исключительномъ подчиненіи бессарабскаго губернатора командующему дунайскою арміею, который замѣнялъ для него органы центральнаго управленія Имперіи. Но по мѣрѣ удаленія Молдавской арміи отъ береговъ Днѣстра направляющее руководство главнокомандующаго становилось все труднѣе и призрачнѣе, и вскорѣ бессарабскій губернаторъ на общемъ основаніи подчиненъ былъ центральной власти. „Ему ввѣрялись всѣ части внутренняго управленія областью, исключая крѣпостей и военныхъ частей, которыми вѣдалъ особый военный начальникъ. Дѣлопроизводство по всѣмъ частямъ гражданскаго управленія принадлежало областному правительству, состоявшему изъ двухъ департаментовъ и напоминавшему старый княжескій диванъ по многочисленности своихъ обязанностей, судебныхъ и административныхъ. Каждый изъ департаментовъ раздѣлялся на экспедиціи, въ которыхъ засѣдали совѣтники, выбираемые изъ русскихъ чиновниковъ и помѣщиковъ съ такимъ расчетомъ, чтобы въ общемъ собраніи департаментовъ мѣстный элементъ имѣлъ большинство, въ соотношеніи 7 къ 5“. Разработка дальнѣйшаго устройства судебной и хозяйственной части въ краѣ возлагалась тоже на губернатора, что явно противорѣчило учрежденію въ Петербургѣ въ 1812 г. особаго комитета „по молдо-влахійскимъ дѣламъ“.

Церковное управленіе области Высочайше утвержденнымъ докладомъ св. Синода 21 августа 1813 г. было предоставлено кишиневскому епархіальному начальству, во главѣ котораго находился глубокоубѣжденный сторонникъ Россіи митрополитъ Гавріилъ.

Если бессарабское областное управленіе напоминало собою молдавскій диванъ, то старый порядокъ еще болѣе сохранился въ уѣздномъ управленіи двѣнадцати цынутовъ или уѣздовъ новой области, гдѣ исправники сохранили свою прежнюю, административную и судебную, власть съ прежнимъ же неограниченнымъ произволомъ, такъ что главная язва края оказалась незалѣченной.

Въ годъ присоединенія новой окраины къ Россіи, только что получившей отъ нея „органическій законъ“, началась эмиграція бессарабцевъ, главнымъ образомъ крестьянъ, въ княжество Молдавію, т. е., возвращеніе ихъ подъ сюзеренитетъ блестящей Порты. Это движеніе, пагубное для Бессарабіи и престижа русской власти, естественно вызвало противодѣйствіе преданнаго Россіи митрополита Гавріила. Пользуясь высокимъ нравственнымъ авторитетомъ, онъ поспѣшилъ составить посланіе, разосланное всѣмъ благочиннымъ для оглашенія въ церквахъ, въ которомъ „увѣщевалъ населеніе не подда-

ваться повальному бѣгству, перечислялъ всѣ мѣры русскаго правительства, направленныя къ его благу, и убѣждалъ бессарабцевъ вооружиться терпѣніемъ".

Но чѣмъ же была вызвана эта эмиграція, совершенно неожиданная для русскаго правительства и столь несоотвѣтствовавшая его намѣренію привлечь въ Бессарабію иноземные элементы?

Обыкновенно бѣгство бессарабскихъ крестьянъ объясняется слухами о введеніи крѣпостнаго права въ той области, гдѣ они пользовались личной свободой. Конечно, эти слухи сыграли нѣкоторую роль, хотя и были категорически опровергнуты Гавріиломъ, а впослѣдствіи имперскимъ правительствомъ былъ даже изданъ указъ, воспрещавшій русскимъ вотчинникамъ отыскивать своихъ бѣглыхъ крѣпостныхъ въ Бессарабіи.

Но, главнымъ образомъ, объясненіе эмиграціи бессарабцевъ „нужно искать въ крайне удрученномъ состояніи населенія за предыдущіе годы военной оккупаціи, въ экономическомъ разстройствѣ крестьянства вслѣдствіе безконечныхъ поборовъ и, пожалуй, еще въ томъ, что это населеніе разувѣрилось въ возможности для русской администраціи умалить его страданія".

Стадное чувство, охватившее тысячи мирныхъ обывателей, чувство отчаянія, страха (la grande peur) стихійно гнало ихъ изъ предѣловъ новообразованнаго края.

Бессарабская администрація была безсильна бороться съ этимъ зломъ, хотя всѣ подати, установленныя въ Молдавскомъ княжествѣ, и были отмѣнены на три года, но исправники продолжали собирать ихъ въ свою пользу; къ тому же и „жизнь значительно вздорожала вслѣдствіе отдачи на откупъ нѣкоторыхъ, важныхъ для обывателей, съѣстныхъ припасовъ".

Къ этимъ экономическимъ бѣдствіямъ населенія присоединились еще и юридическія, обусловливавшіяся „крайней шаткостью понятія о законномѣрности въ Бессарабіи", гдѣ по цѣлому ряду случаевъ законовъ или вовсе не было, или же неизвѣстно было, какой законъ долженъ быть примѣненъ. Актъ о временномъ управленіи области предоставлялъ ея жителямъ ихъ законы, не обладавшіе однако ни полнотой, ни стройностью.

Кромѣ того, административнаго права не было въ Молдавскомъ княжествѣ, не могло оно оказаться и въ Бессарабіи. Права и обязанности мѣстной администраціи не были опредѣлены ни однимъ закономъ: исправникамъ и ихъ помощникамъ „окалашамъ" въ уѣздѣ и „капитанамъ" въ мѣстечкахъ предоставлялся полнѣйшій произволъ. Служебная отвѣтственность должностныхъ лицъ тоже не существовала въ Бессарабіи, пока имперскіе законы не были распространены на эту область.

Карательныя нормы были крайне немногочисленны и пестраго происхожденія

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ молдавскій законъ оказывался строже русскаго, и мѣстныя власти колебались, приводить ли имъ въ исполненіе по приговорамъ кишиневскаго суда смертную казнь, не признанную общерусскимъ законодательствомъ.

Источниками для бессарабскаго права (уголовнаго и гражданскаго) служили *старые земскіе обычаи*, нигдѣ не записанные и рѣдко провѣренные, и *отдѣльныя постановленія византійскихъ компиляцій*, навязанныя населенію фанаріотскими чиновниками и не всегда соотвѣтствовавшія правосознанію румынскаго населенія. Митрополитъ Гавріилъ называлъ ихъ „греческими хитростями".

Суды въ княжествахъ были малосвѣдущи Въ нужныхъ случаяхъ они пользовались услугами особаго законоискусника (номикосъ), состоявшаго при судебномъ Диванѣ.

Вообще же юридическое положеніе области оставалось еще на столько невыясненнымъ, что, хотя рѣшенія общаго собранія департаментовъ областнаго правительства и почитались окончательными, но все же возникали сомнѣнія, не подлежатъ ли они въ гражданскомъ процессѣ апелляціонному порядку обжалованія въ Сенатъ?

Явное экономическое и юридическое недомоганіе новой области въ связи съ все возрастающей эмиграціей ея населенія вызвало у русскаго правительства стремленіе приблизить администрацію Бессарабіи къ общегосударственному строю. Въ видахъ осуществленія такой задачи губернаторомъ присоединеннаго края назначенъ былъ въ 1813 г. взамѣнъ уволеннаго Стурдзы г. м. Гартингъ. Онъ задался мыслью сократить льготы, признанныя за бессарабскими жителями въ 1812 г., и поручилъ правителю своей канцеляріи Сомову составить новый планъ гражданскаго управленія Бессарабіи, соотвѣтствующаго общерусской губернской организаціи съ допущеніемъ лишь нѣкоторыхъ мѣстныхъ особенностей, какъ это было признано цѣлесообразнымъ въ Таврической губерніи. Одновременно Гартингъ жаловался на личный составъ областнаго правительства, на преобладаніе въ немъ молдавскихъ совѣтниковъ, на ихъ беззаконія и поступки, противные здравому смыслу, причемъ просилъ разрѣшенія ежегодно смѣщать ихъ.

Эти жалобы въ связи съ предполагаемыми Гартингомъ мѣрами общаго характера не могли не взволновать бессарабскихъ помѣщиковъ, внушая имъ опасенія за дарованное, хотя и первобытное, но все же выгодное для нихъ самоуправленіе. Тревога молдавскихъ бояръ въ особенности усилилась подъ вліяніемъ распространившихся въ то время слуховъ, сулившихъ имъ лишеніе привилегій и тѣлесныя наказанія. А между тѣмъ экономическое положеніе края, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бояръ, все ухудшалось. Бессарабія, отрѣзанная пограничнымъ кордономъ отъ Молдавіи, потеряла прежніе рынки и не находила сбыта для своего хлѣба.

Обезпокоенные всѣмъ этимъ бессарабцы рѣшили обратиться къ самому монарху съ жалобой на Гартинга и съ просьбой *сохранить дарованныя имъ льготы*.

Ходатайство молдаванъ о сохраненіи мѣстнаго нрава обратило на себя вниманіе въ Петербургѣ, и въ Бессарабію командированъ былъ чиновникъ коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Свиньинъ съ цѣлью изслѣдовать вопросъ о мѣстныхъ нормахъ и кромѣ того собрать свѣдѣнія объ общемъ состояніи области.

Привезенное имъ описаніе новаго края и его права, составленное подъ вліяніемъ молдавскихъ бояръ, оказалось, конечно, для нихъ весьма благопріятнымъ, но эмиграцію, наиболѣе безпокоившую русское правительство, Свиньинъ подтвердилъ цифровыми данными. Ее же подтвердилъ и Кисилевъ, возвратившійся изъ военной командировки по нашей юго-западной границѣ и доложившій Александру, что въ Бессарабіи „все на откупу, все имѣетъ цѣну и исправники обязаны еще болѣе другихъ быть грабителями, платя за мѣсто свое отъ 20 до 30 тысячъ рублей“.

Бессарабія бѣднѣла, сыны ея бѣжали къ падишаху, не давала никакихъ доходовъ казнѣ, такъ что русскому правительству приходилось возстанавливать всѣ тяжелые и неравномѣрно распредѣленные сборы, существовавшіе въ княжествѣ Молдавскомъ, и даже съ трудомъ могла перенести тяжесть военнаго постоя малочисленныхъ русскихъ гарнизоновъ, оставленныхъ въ краѣ послѣ 1812 г.

Эти факты больше боярскихъ жалобъ повредили Гартингу, и онъ былъ уволенъ.

Съ 1816 г. главнымъ образомъ подъ вліяніемъ гр. Каподистріи замѣчается поворотъ въ дѣлѣ управленія Бессарабіей. Роль гражданскаго губернатора новой области значительно сокращается, и онъ подчиняется полномочному намѣстнику, должность котораго была создана въ Бессарабіи для подольскаго генералъ-губернатора Бахметева. Этому довѣренному лицу государь поручилъ дѣло реорганизаціи Бессарабіи и обновленіе личнаго состава мѣстной администраціи.

Въ Высочайшемъ Рескриптѣ на имя Бахметева упоминалось о неудачномъ предшествовавшемъ управленіи и о необходимости дать Бессарабіи особое *областное образованіе*, согласное съ коренными ея законами и обычаями, обезпечивающее сословные права и преимущества и способное къ раскрытію „обильныхъ источниковъ, коими природа столь щедро одарила сію землю“.

Однимъ словомъ подобно Финляндіи, Царству Польскому и Грузіи и Бессарабія должна была получить автономію, ибо не „черезъ подчиненіе образу правленія чуждому“, надѣялся Александръ, „устроить счастье народовъ“.

Новый бессарабскій уставъ, составленный при ближайшемъ участіи правителя канцеляріи Бахметева Криницкаго согласно руко-

водящимъ указаніямъ вышеупомянутаго Выс. Рескрипта, опубликованъ былъ въ 1818 г.

Онъ признавалъ *обособленность* края и создавалъ органы власти, обезпечивающіе за всѣми сословіями области ихъ права и привилегіи, но активную роль въ мѣстномъ самоуправленіи предоставлялъ лишь дворянству.

По этому уставу главнымъ административно-судебнымъ органомъ края былъ верховный совѣтъ, рѣшенія котораго почитались окончательными и на нихъ можно было жаловаться только въ государственный совѣтъ. Онъ состоялъ изъ 11 членовъ: пять по назначенію и шесть по выборамъ отъ дворянства, такимъ образомъ въ этомъ коллегіальномъ органѣ большинство было гарантировано за мѣстными представителями.

Другимъ коллегіальнымъ учрежденіемъ было областное правительство, слагавшееся изъ двухъ экспедицій съ двумя совѣтниками, изъ которыхъ одинъ избирался дворянствомъ.

Судебная организація по своему составу давала предпочтеніе выборному дворянскому элементу предъ назначеннымъ бюрократическимъ. Въ присутственныхъ мѣстахъ по всѣмъ дѣламъ допускалось производство на двухъ языкахъ, а по гражданскимъ на одномъ только молдавскомъ.

Въ уѣздахъ исправники и ихъ засѣдатели должны были избираться дворянами. Судебныя функціи этихъ должностныхъ лицъ переносились на вновь создаваемые уѣздные суды—дворянскіе по своему составу

Такимъ образомъ „дворянское сословіе получило возможность на всѣхъ ступеняхъ губернской администраціи обнаруживать свою дѣятельность и охранять примѣненіе мѣстнаго права, которое подтверждалось уставомъ 1818 г.“.

Но бессарабское дворянство, неорганизованное, не представлявшее собою замкнутой корпораціи и къ тому же раздираемое внутреннимъ антагонизмомъ старыхъ и новыхъ фамилій (изъ бывшихъ мелкихъ молдавскихъ чиновниковъ), было совершенно неподготовлено къ осуществленію дарованнаго ему self government и отнеслось болѣе чѣмъ небрежно къ возложеннымъ на него обязанностямъ по самоуправленію.

По счету современниковъ изъ 200 дѣлъ, поступающихъ ежегодно въ верховный совѣтъ, онъ рѣшалъ не болѣе 13. Слабая работоспособность и частое непосѣщеніе этой коллегіи молдавскими совѣтниками естественно вызвали нѣкоторыя измѣненія въ ея составѣ. Черезъ два года число членовъ совѣта по назначенію было увеличино еще двумя совѣтниками, что, конечно, дало преобладаніе коронным представителямъ верховной коллегіи; кромѣ того, предсѣдательствующій въ совѣтѣ намѣстникъ по всѣмъ дѣламъ, исключая судебныхъ, получилъ право veto: въ случаѣ его разногласія съ большинствомъ,

онъ могъ пріостановить рѣшеніе совѣта и представить его вмѣстѣ съ своимъ мнѣніемъ на благовозрѣніе монарха

Такимъ образомъ неудобства, вытекавшія изъ перевѣса и пассивности мѣстныхъ элементовъ, были значительно смягчены.

Но положеніе края все же не улучшалось, хотя и прекратилась, наконецъ, крестьянская эмиграція и даже приняты были мѣры для заселенія громадныхъ пустопорожнихъ пространствъ Бессарабіи славянскими и германскими колонистами.

Въ сущности Бахметевъ и его преемникъ Инзовъ были совершенно безсильны въ ихъ борьбѣ съ крайними злоупотребленіями мѣстной администраціи, именно съ избранными дворянствомъ исправниками, которые оказались не менѣе вредными для населенія, чѣмъ въ эпоху назначенія ихъ губернаторомъ; трудно даже рѣшить, кто собственно былъ опаснѣе для интересовъ края, пришлый ли изъ русскихъ губерній бюрократическій элементъ, или же мѣстный молдавскій?

Въ Полномъ Собраніи Законовъ помѣщены, доложенные Комитету Министровъ, отзывы о нѣкоторыхъ дворянскихъ исправникахъ: оказывается, что „измаильскій былъ содержателемъ почтовыхъ лошадей въ своемъ уѣздѣ, бендерскій—повѣреннымъ мѣстнаго помѣщика, аккерманскій—покровителемъ разбойниковъ, а ясскій, изъ всѣхъ лучшій, за нѣкоторые поступки отданъ подъ слѣдствіе".

Такого рода администрація не могла не вызвать неудовольствія русскаго правительства, и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ возобладало отрицательное отношеніе къ первенствующей роли дворянства въ управленіи Бессарабіей; новый же намѣстникъ края, назначенный въ 1823 г., онъ же и новороссійскій генералъ-губернаторъ, гр. Воронцовъ былъ даже того мнѣнія, что созданное въ 1812 г. и расширенное въ 1816 г. самоуправленіе и является источникомъ всѣхъ бѣдъ въ Бессарабіи. Его точка зрѣнія встрѣтила поддержку тѣхъ русскихъ сановниковъ, которымъ удалось познакомиться съ глубокими язвами областного управленія.

При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что представленіе Воронцова о постепенномъ сокращеніи правъ дворянства въ управленіи области нашло себѣ благопріятную почву въ Петербургѣ. Прежде всего по его иниціативѣ избраніе исправниковъ было замѣнено назначеніемъ ихъ губернаторомъ, затѣмъ въ 1825 г. были отмѣнены судебныя функціи верх. совѣта

Не довольствуясь частичными сокращеніями боярскихъ правъ, Воронцовъ, возвращаясь къ мысли Гартинга, составилъ проэктъ о введеніи въ Бессарабіи общаго управленія русскихъ губерній съ сохраненіемъ лишь немногочисленныхъ особенностей, вызываемыхъ чисто мѣстными нуждами.

Облеченныя въ форму закона начертанія Воронцова въ 1828 г. были опубликованы какъ новое учрежденіе для управленія Бессарабской областью.

Этотъ законъ отмѣнялъ намѣстничество, вводя Бессарабію на общихъ основаніяхъ въ составъ новороссійскаго генералъ-губернаторства. Онъ учреждалъ въ новой области общерусскія губернскія установленія и обще-имперскую налоговую систему съ подчиненіемъ всѣхъ ея присутственныхъ мѣстъ органамъ центральнаго управленія. Верховный совѣтъ, переименованный въ областной, сохранялъ лишь немногочисленныя функціи по раскладкѣ нѣкоторыхъ сборовъ и регулированію продовольственныхъ дѣлъ. Весь составъ его, за исключеніемъ областного предводителя, былъ назначенный, и собирался этотъ совѣтъ лишь два раза въ годъ. Молдавскій языкъ исключался изъ дѣлопроизводства всѣхъ областныхъ учрежденій.

Закономъ 1828 г. заканчивается исторія самоуправленія Бессарабіи, заканчивается также и исторія ея, какъ обособленной административной единицы въ составѣ великой имперіи.

Отмѣна недолговѣчнаго самоуправленія, хотя и не вызвала раздраженія бессарабскихъ дворянъ, но все же среди нихъ долго сохранялась скорбная память объ утратѣ нѣкогда полученныхъ правъ.

Объединенная съ Россіей Бессарабія не сыграла послѣ Бухарестскаго мира той роли, о которой мечталъ Каподистрія, не была предварительной ступенью для дальнѣйшихъ нашихъ завоеваній на Балканскомъ полуостровѣ, не послужила переходнымъ этапомъ въ русскомъ наступательномъ движеніи къ Босфору, тѣмъ болѣе, что измѣнилось общее направленіе восточной политики Россіи, выдвигавшей не столько заботу о всѣхъ христіанскихъ подданныхъ Порты, сколько защиту славянскихъ интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ, и съ этой точки зрѣнія романское населеніе Молдаво-Валахіи какъ будто только мѣшало братскому сліянію въ будущемъ сѣверныхъ славянъ съ южными, но эта Бессарабія, по площади своей въ три раза превосходящая Эльзасъ-Лотарингію, и понынѣ напоминаетъ намъ боевые подвиги русскаго оружія, и въ ней должно „любить все, что у насъ осталось отъ восточныхъ грёзъ и несбыточныхъ мечтаній“.

Такъ заканчиваетъ авторъ свой очень интересный трудъ, глубоко проникнутый идеей русской государственности и ея смѣлаго, мощнаго развитія, написанный съ большимъ широко-литературнымъ знаніемъ дѣла и чрезвычайно живымъ образнымъ языкомъ.

Вл. Ренненкампфъ.

Къ истолкованію керченскаго рельефа.

Находящійся въ залѣ засѣданій нашего Общества (Инвентарь II в, 5; по указателю залъ VI № 129) мраморный рельефъ, найденный еще въ 1840 г. при раскопкахъ двора у древней византійской церкви Усѣкновенія Главы Іоанна Предтечи въ Керчи, и пожертвованный архіепископомъ Гавріиломъ, уже неоднократно останавливалъ на себѣ вниманіе изслѣдователей. Такъ въ X томѣ Записокъ Общества его издалъ и описалъ Н. П. Кондаковъ (Мраморный рельефъ изъ Пантикапеи. Записки X 1877 стр. 16 — 25 таб. № 3). Почтенный ученый правильно установилъ что, каковы бы ни были первоначальные размѣры рельефа и сколько бы ни было на немъ фигуръ, сохранившаяся его часть представляетъ собой его центръ (стр. 17), причемъ изображенные здѣсь Аполлонъ и Гермесъ являются главными лицами всей сцены. Также основательно призналъ Н. П. Кондаковъ въ фрагментированной фигурѣ налѣво изображеніе Артемиды. (стр. 16), въ крайней же фигурѣ направо онъ склоненъ былъ при первомъ взглядѣ признать Афродиту (стр. 17), но далѣе онъ истолковываетъ ее уже какъ Хариту (стр. 19). На его взглядъ, всѣ эти 4 божества изображены танцующими (стр. 18). По стилю Н. П. Кондаковъ относитъ этотъ рельефъ къ III или IV вѣку до Р. Хр. и подчеркиваетъ гіератическій его характеръ (стр. 24).

А Фуртвенглеръ отмѣтилъ керченскій рельефъ въ небольшой замѣткѣ, посвященной древностямъ Одесскаго музея (Aus der Reise. *Berlin. Philol. Wochen.* 1888, № 48, 1514—1517). Онъ считаетъ рельефъ архаистическимъ и указываетъ на сходство крайней правой фигуры съ т. н. Пейто на лѣвомъ углу коринѳскаго путеала. Общаго значенія всей сцены онъ въ своей замѣткѣ не объясняетъ.

Это сходство съ Пейто коринѳскаго путеала признаетъ и Fr. Hauser (Die Neuattischen Reliefs. Stutt. 1889, 163), однако въ отличіе отъ Фуртвенглера онъ признаетъ существенныя различія по стилю между Керченскимъ рельефомъ и Коринѳскимъ путеаломъ.

Затѣмъ обратилъ вниманіе на этотъ памятникъ Саломонъ Рейнакъ, посвятившій ему обширное изслѣдованіе стилистическаго характера (Un bas-relief de Pantikapee au Musee d'Odessa. Monuments et Memoires fondations Eugéne Piot. II 1895, 57—76), снабженное прекраснымъ снимкомъ съ рельефа (табл. VII). На его взглядъ, это про-

изведеніе „аттикоіонической пластики, около 470 г. возникшее подъ вліяніемъ образцовъ, которымъ удивлялись современники Кимона“ (стр. 76). О содержаніи рельефа онъ говоритъ мало, но крайняя фигура справа, на его взглядъ, не Харита, а Пейто, приближающаяся по типу къ Сосандрѣ Каламиса (стр. 59 и 72).

Итакъ всѣ изслѣдователи одинаково опредѣляютъ 3 фигуры этого рельефа, расходясь во мнѣніяхъ только на счетъ крайней справа. Цѣль настоящей замѣтки—по мѣрѣ силъ разобраться въ этомъ разномысліи и, оставляя совершенно въ сторонѣ споръ о времени памятника и его художественныхъ особенностяхъ, высказать предположительное объясненіе всей сцены путемъ новаго истолкованія спорной фигуры. Сравнивать ее, какъ это дѣлали Фуртвенглеръ и Гаузеръ съ фигурой Коринѳскаго путеала (изданъ между прочимъ *I. Overbeck.* Geschichte d. griech. Plastik. I⁴, 251 fig. 67 ср. стр. 297) затруднительно прежде всего потому, что, какъ подчеркиваетъ Коллиньонъ (Histoire de la sculpture grecque 1897, II 651), этотъ памятникъ извѣстенъ seulement par un moulage et des dessins, а затѣмъ и на Коринѳскомъ путеалѣ въ соотвѣтствующей фигурѣ усматриваютъ Пейто не по какимъ нибудь положительнымъ признакамъ, опредѣляющимъ эту богиню, а только по ей дѣйствіямъ въ изображенной тамъ сценѣ (см. I. Overbeck. 252). Коринѳскій путеалъ сначала принадлежалъ коринѳскому жителю Нотара, а затѣмъ чрезъ посредство Лика попалъ въ Лондонъ, но въ 1861 г. его слѣды совершенно исчезли и тогда Ал. Михаелисъ, подробно изложившій исторію этого камня (Ancient marbles in Great Britain. *Jour. of hell. st.* VI 1885, 46—49 переизданъ на табл. 56) тщетно его разыскивалъ. Судя по снимкамъ, на немъ Пейто была значительно менѣе обнажена, чѣмъ на керченскомъ рельефѣ

Пейто посвятилъ въ 1846 г. Отто Янъ Einladungsschrift Грейфсвальдскаго университета подъ заглавіемъ Peitho, die Göttin der Ueberredung (*A. Michaelis—S. Petersen* Otto Iahn in seinen Briefen. Lpz. 1913, 23), но въ позднѣйшіе сборники своихъ статей онъ ея не включалъ, почему ея не могъ достать ни Э. Поттье, изучавшій эту богиню (B. C. H. XXI. 1897, 502 прим. 1) ни я, хотя и искалъ настойчиво эту брошюру знаменитаго археолога въ Бреславлѣ и Вѣнѣ.

Павсаній сообщаетъ, что уже при немъ не существовало древнихъ изображеній Пейто (I. 22, 3), но онъ же передаетъ, что богиню изобразилъ Пракситель (I 43, 6 Overbeck SQ № 1165 и 1248, 33). По его же описанію, на тронѣ Зевса въ Олимпіи было между прочимъ изображено, какъ Афродиту вѣнчала Пейто (V. 11 3).

Одни ученые видятъ изображеніе Пейто на фразѣ Парѳенона, тогда какъ другіе опредѣляли ее какъ Деметру (*I. Overbeck* тамъ-же 443 ср. *Ch. Waldstein.* Essays on the art of Pheidias. Cambridge 1885, 200), а W. Klein признаетъ за Артемиду (Gesch. d. griech. Kunst. Leip. 1905 II, 89). Это толкованіе принято было Фуртвенглеромъ (Meisterwerke стр. 191) потому, что Пейто не входитъ въ число 12 великихъ

олимпійскихъ божествъ (ср. *H. Brunn.* Kleine Schriften. II, 260). Изъ за этого Фуртвенглеръ и возвращается къ мнѣнію, высказанному давно уже Герхардтомъ (см. ibid. прим. 1).

Безусловно за изображеніе Пейто считаетъ эту фигуру Парѳенона и Э. Поттье (La Peitho du Parthénon et ses origines *Bull de corr hell.* XXI. 1897, 497—509), издавшій между прочимъ обѣтную терракотовую табличку, найденную въ 1886 г. у сѣверной стѣны Акрополя (XII). Онъ вполнѣ убѣдительно доказалъ ея сходство съ соотвѣтствующей фигурой Парѳенонскаго фриза (см. замѣтку въ *Amer. Jour. of arch.* 1899. III 296), для которой онъ еще раньше указалъ параллель въ видѣ головы, находящейся теперь въ Луврѣ и, по его мнѣнію, сдѣланной на нѣсколько десятилѣтій раньше фриза Парѳенона (La tête au Cecryphàle du Louvre тамъ же. XX 1896, 445—458 табл. XVII и XVIII) но приписать ее рѣзцу опредѣленнаго ваятеля онъ отказался.

Можно указать еще нѣсколько изображеній этой богини на памятникахъ греческаго искусства, причемъ вездѣ она и по своему одѣянію, значительно выше закрытому, и по манерѣ драпированія гораздо ближе подходитъ къ фигурѣ съ фриза Парѳенона, чѣмъ къ крайней фигурѣ въ правомъ углу Керченскаго рельефа.

1) Надпись доказываетъ, что именно Пейто изображена на рельефѣ, гдѣ Афродита обняла покровительственно Елену въ присутствіи Париса. Богиня убѣжденія сидитъ на высокомъ пьедесталѣ, такъ что ея ноги приходятся надъ головой Елены. Она одѣта въ хитонъ опять таки съ высокимъ воротомъ Real museo Borbonico Неаполь 1827 таб. 40 и текстъ ср. *I. Langl* griechiesche Götter—und Helden Gestalten. Wien. 1887. стр. 62.

2) Также засвидѣтельствованна приписью Пейто на вазѣ, изданной у *Th. Panofka* Musée Blacas (Paris 1833 tab. 22 B. ср. стр. 66—68, примѣчаніе 8 посвящено подробному обзору свидѣтельствъ объ этой богинѣ. Та же ваза занесена *Fr. Winter*, Die jungeren attischen Vasen—Berlin 1885 XIII C. 26).

3) Припись опредѣляетъ богиню какъ Пейто—на гидріи Британскаго музея работы Мейдія, изображающей похищеніе Левкиппидъ Діоскурами (*Furtwängler—Reichold* Griechieche Vasenmalerei табл. 8 текстъ стр. 39. W. *Klein* Vasen mit Meitersignaturen. Wien 1887 2, 203—205. См *Em. Loewy* Zu griech. Vasenbildern. *Eranos Vindobonensis.* 1893, 274 Изъ дешевыхъ и широко доступныхъ изданій она хорошо воспроизведена у *Hoeber* Grichische Vasen. München 1909, 112 № 69.

4) Гидрія изъ городской галлереи въ Генуѣ издана у *E. Petersen* Die Geburt der Aphrodite *Rom. Mitt.* 1899. XIV, стр. 154—162 на табл. VII).

5) Пренестинская циста, гдѣ Г. Бруннъ также видитъ изображеніе Пейто. (Cista prenestina del museo Napoleone III. *Annali dell' Istituto.* XXXV. 1862=Kleine Schriften. Leipz. 1898. I. 265 рис. № 64).

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

6) Носъ аѳинскаго національнаго музея; засвидѣтельствована, какъ Пейто, приписью—*Б. В. Фармаковскій* Аттическая вазовая живопись. СПБ. 1902 табл. XIII а см. текстъ стр. 559 и прим. 4, опровергающее возраженія Гартвига

7) Многіе изслѣдователи признаютъ за Пейто двѣ фигуры на обѣихъ картинахъ Апулійской пелики изъ музея изящныхъ искусствъ при Московскомъ университетѣ (*А. Н. Шварцъ* краткое описаніе древне-греческихъ сосудовъ, принадлежащихъ И. М. У. Москва 1890 стр. 41 № 108) см. *Н. А. Щербаковъ* Апулійская пелика. *Сборникъ статей въ честь Д. А. Корсакова* Казань 1913 стр. 439—448 ср. его возраженія на стр. 445.

8) Женщина, которая держитъ руку Федры на константинопольскомъ рельефѣ, и которую К. Робертъ очень правдоподобно опредѣляетъ какъ Пейто *C. Robert* Die antiken Sarcophagreliefs. Berl. 1904. III abt II табл. XLIV № 144 ср. стр. 172.

9) Ваза, изображающая преслѣдованіе Менелаемъ Елены, защищаемой Афридитой. Налѣво съ краю стоитъ Пейто, какъ это засвидѣтельствовано приписью, въ высокомъ іоническомъ хитонѣ. Переиздана въ словарѣ Рошера I, 2 столб. 1946. ср. *А. Михаелисъ* художество-археологическія открытія за сто лѣтъ пер. В. К. Мальмберга. Москва 1913 стр. 362.

Зато ни одного точно засвидѣтельствованнаго изображеніи Пейто, которое походило бы на разсматриваемую фигуру Керченскаго рельефа, найти не удалось.

Затѣмъ мы въ сущности ничего не выигрываемъ, признавъ эту фигуру за Пейто: напрасно искали бы мы въ миѳическомъ преданіи о Гермесѣ и Аполлонѣ сцену, которая допускала бы участіе Пейто и подходила бы къ положеніемъ божествъ Керченскаго рельефа. Павсаній (II. 7. 7) разсказываетъ, будто Аполлонъ и Артемида послѣ убіенія Пиѳона явились ради очищенія въ Эгіалею; тамъ ихъ встрѣтили 7 юношей и 7 дѣвъ, убѣдившихъ войти въ кремль города; на мѣстѣ встрѣчи сооруженъ храмъ въ честь Пейто. Но и Павсаній не передаетъ ничего о такой сценѣ, гдѣ бы Пейто выступала одновременно съ этими божествами (Энцикл. *Паули—Виссова* II, 1, 1368). Такимъ образомъ при этомъ толкованіи остается подъ вопросомъ, какой эпизодъ изъ исторіи взаимоотношеній этихъ божествъ избралъ художникъ для нашего рельефа. Нельзя также удовлетвориться предположеніемъ Н. П. Кондакова, будто божества эти объединены общимъ танцемъ: стоитъ взглянуть и на самый камень и на рисунокъ, приложенный къ статьѣ акад. Кондакова, и станетъ сейчасъ же яснымъ, что божества эти не танцуютъ, а совершенно спокойно стоятъ на землѣ. Это доказываетъ положеніе ногъ Аполлона и Гермеса — обѣ женскія фигуры по краямъ въ этомъ отношеніи не даютъ никакого матеріала. Ноги Аполлона ступнями совершенно вплотную прилегаютъ къ землѣ, ноги же Гермеса вполнѣ соотвѣтствуютъ тому положенію, кото-

рое Эммануель, спеціально изслѣдовавшій этотъ вопросъ, призналъ наиболѣе характерной для 5 вѣка formule de la marche (*M. Emmanuel* La danse grecque antique. Paris 1896, стр. 51 fig. № 20) Такую постановку ногъ придалъ, только въ обратномъ направленіи, между прочимъ рѣзчикъ рельефа изъ музея Torlonia Одиссею, причемъ Лео Блохъ, повидимому, совершенно правильно предполагаетъ, что въ этой сценѣ Одиссей долженъ былъ находиться въ состояніи движенія (Griechischer Wandschmuck. München 1895, стр. 58, переизданъ у него же на стр. 17).

Если и правильно сдѣланное недавно наблюденіе, что греческое искусство времени Перикла разучилась точно воспроизводить движенія танца (*Aug. Frickenhaus* Lenäenvasen. 72 Winckelmannsprogramm. Berl. 1912, 19) то къ нашему рельефу оно приложимо менѣе всего.

Зато необходимо исходить при опредѣленіи содержанія нашего рельефа изъ совершенно справедливаго наблюденія Н. П. Кондакова, что центръ всей сцены представляетъ Гермесъ и Аполлонъ. Стало быть надо искать среди миѳовъ такой разсказъ, гдѣ оба эти бога выступали бы вмѣстѣ. Здѣсь припоминаются слова схоліаста къ Иліадѣ (15, 256): „Гермесъ изобрѣлъ лиру и похитилъ быковъ Аполлона, но былъ захваченъ Аполлономъ благодаря его дару угадыванія. Когда Аполлонъ сталъ грозить, Гермесъ похитилъ у него еще и стрѣлы съ плечъ, но Аполлонъ засмѣялся и даровалъ ему даръ угадыванія... а самъ получилъ отъ него лиру". Отмѣтимъ тутъ же, что на нашемъ рельефѣ какъ разъ у Аполлона лира, а Гермесъ держитъ на виду, τὴν μαντικὴν ῥάβδον, ἀφ' ἧς καὶ χρυσόρραπις ὁ Ἑρμῆς προσηγορεύθη, говоритъ тотъ же схоліастъ. Думаютъ, что эти разсказы восходятъ къ Алкею (*Eitrem* P. W. s. v. Hermes Sp. 781).

Павсаній (IX, 30, 1) говоритъ: καὶ Ἀπόλλων χαλκοῦς ἐστιν ἐν Ἑλικῶνι καὶ Ἑρμῆς μαχόμενοι περὶ τῆς λύρας. Непосредственно за этимъ онъ говоритъ про статую Діониса работы Лисиппа, почему нѣкоторые и эту группу приписываютъ тому же Лисиппу (*I. Overbeck* S. Q. № 1458). Во всякомъ случаѣ существованіе группы на подобный сюжетъ сомнѣнію не подлежитъ. Филостратъ сообщаетъ также о воспроизведеніи этой сцены художниками (Imagg. I. 26, § 3– 5). при чемъ по его разсказу, здѣсь сверхъ того присутствовала еще мать Гермеса, Майя

Есть свидѣтельство, что въ „Антіопѣ" Эврипида говорилось, будто Гермесъ былъ присужденъ дать лиру διὰ τὸ λύτρον за похищеніе быковъ Аполлона (fr. 190 N²,); идти объ этомъ рѣчь въ этой трагедіи могла потому, что одинъ изъ главныхъ ея персонажей, Амфіонъ получилъ свою лиру отъ Гермеса (Apollod. 3, 5, 5. ср. *O. Ribbeck*. Die Röm. Tragoedie. Lpz. 1875, 292 про „Антіопу" Пакувія).

Т. н. Гомеровскій гимнъ Гермесу своимъ основнымъ содержаніемъ имѣетъ тоже эту кражу 50 быковъ (ст. 74), розыски тамъ очень усложнены Сперва Аполлонъ является къ горѣ Килленѣ (228) и тамъ грозитъ Гермесу бросить его въ Тартаръ, если онъ не вернетъ тот-

часъ покражу (256), на что Гермесъ отвѣчаетъ упорнымъ запиратель ствомъ (263), Аполлонъ хватаетъ его на руки (293) и, бросивъ на землю (298), заставляетъ разыскивать слѣды похищенныхъ быковъ (303), но Гермесъ упирается и заявляетъ, что онъ никакихъ быковъ и не видалъ (310). Тогда Аполлонъ съ Гермесомъ являются къ самому Зевсу (327—328) на вершину Олимпа (322), но Гермесъ и тутъ продолжаетъ лукавить, предварительно увѣривъ Зевса, что онъ не умѣетъ лгать (369). Зевсъ смѣется (389) уловкамъ сына и заставляетъ его продолжать поиски (389), предлагая Гермесу διάκτορον ἡγεμονεύειν (392) Боги являются въ Пилосъ (398) и здѣсь только происходитъ ихъ примиреніе (574), причемъ Аполлонъ даетъ Гермесу не только золотую вѣтвь (529), но и πᾶσι δ' ἐπὶ προβάτοισιν ἀνάσσειν (571) отказавши однако въ томъ дарѣ прорицаній (533—535), которому Гермесъ особенно завидовалъ (472). У Лукіана (Dial. deor. VII 4) находимъ новую особенность миѳа: золотую вѣтвь Гермесъ получилъ не отъ Аполлона, а отъ Гефеста: онъ далъ ее ему παίγνιον εἶναι; у Аполлодора (объ его отношеніи къ гимну см. изданіе *A. Gemoll.* стр. 191—192); дѣйствіе также переносится изъ Киллены въ Пилосъ, затѣмъ снова въ Киллену, къ Зевсу на Олимпъ и снова въ Пилосъ, но по его версіи Гермесъ получаетъ отъ Аполлона, кромѣ ῥάβδος, еще и даръ прорицанія, въ чемъ ему и отказывалъ Аполлонъ гомеровскаго гимна. Зато про власть надъ животными у Аполлодора нѣтъ ни слова. (III. 10. 2).

За послѣднее время объ этомъ миѳѣ заставила насъ вспомнить вновь найденная пьеса Софокла *Слѣдопыты* (*A. Hunt.* The Oxyrhynchus papyri IX 1912, 30—86 № 1174 ср. *Ѳ. Ф. Зѣлинскій.* Новонайденная сатирическая драма Софокла. *Вѣст. Европы* 1914 № 1, 157—177).

Вторая половина *Слѣдопытовъ* не сохранена на папирусѣ, но англійскій издатель очень правдоподобно предполагаетъ, что остальные 200—300 стиховъ занимала встрѣча Аполлона съ Гермесомъ, примирявшимъ его чрезъ дареніе лиры (Ox. P. IX. 32). Въ краткой замѣткѣ о вновь найденной пьесѣ Софокла такую ея развязку предлагаетъ и Ѳ. Ф. Зѣлинскій. (На нивѣ античности. *Рус. Мысль.* 1911 г. окт. 21 втор. счета срв. *Вѣст. Евр.* 1914 № 1 стр. 176). Хотя Карлъ Робертъ въ своемъ переводѣ и воздержался отъ своей привычки фантазировать, ограничиваясь простой замѣткой, что остальное, легко возсттновляемое по гомеровскому гимну, будетъ представлено пантомимически (!?). (Die Spürhunde. Ein Satyrspiel von Sophocles. Berlin 1913), но и онъ вводитъ Гермеса въ число дѣйствующихъ лицъ пьесы (стр. 8). A. Koerte (*Archiv f. Papyr.* 1913 V. 4, 562) также признаетъ совершенно несомнѣннымъ участіе Гермеса въ недошедшей до насъ части пьесы, причемъ оба бога должны были подъ конецъ примириться, но отказывается опредѣлить, какъ происходило это примиреніе.

C. Robert (Aphoristische Bemerkungen zu Sophocles Ἰχιευται *Hermes* 1912, 555) очень тонко подмѣтилъ, что то мѣсто, которое въ Гомеровскомъ гимнѣ отведено Майѣ, Софоклъ отвелъ Килленѣ, нянькѣ Гер-

меса. Ея выступленіе тѣмъ болѣе умѣстно, что пьеса разыгрывается въ Аркадіи у горы Киллены, какъ это отмѣтилъ еще англійскій издатель (Ox. Par. IX, 31). Тѣснѣйшую связь Киллены съ Гермесомъ доказываетъ знаменитый возгласъ Алкея: Χαῖρε Κυλλάνας ὃ μέδεις, σὲ γάρ μοι θῦμος ὕμνην [2, (22) B.]. Сообразно съ этимъ въ однихъ только метаморфозахъ Овидія Гермесъ 6 разъ названъ Cyllenius: I 712, II 720, 818, V 331, XIII, 146 и XIV, 291 (*Ф. С. F. H. Bruhmann* Epitheta deorum Lpz 1893, 107).

Припись у изображенія Гермеса на вазѣ, изображающей рожденіе Аѳины, называетъ его также Κυλλήνιος (см. *Н. И Романовъ*. О двухъ тирринскихъ амфорахъ. Ж. М. Нар. Пр. 1901 № 12 отд. клас. филол. стр 121). Возможно, что Софоклъ для своей драмы какъ разъ потому и уклонился отъ извода преданія, легшаго въ основу Гомеровскаго гимна, что тамъ такъ часто и безъ особой нужды мѣнялось мѣсто дѣйствія, переносимаго даже на Олимпъ: для драматурга это было вовсе не осуществимо.

Было бы, конечно, совершенно ошибочно видѣть въ Керченскомъ рельефѣ хотя бы малѣйшую зависимость отъ этой пьесы Софокла: на немъ нѣтъ рѣшительно ничего, что заставляло бы думать хотя бы о самой отдаленной связи съ театромъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ позволю себѣ высказать предположеніе, что на немъ изображенъ тотъ моментъ миѳа, который долженъ былъ составлять заключительную часть пьесы Софокла: примиреніе Аполлона съ Гермесомъ. Въ такомъ случаѣ можно установить, и кто та женщина справа, о которой такъ спорили ученые, изучавшіе этотъ памятникъ: это нимфа: или Майя (по Филострату) или Киллена (по Софоклу).

Вопросъ объ изображеніи нимфъ изслѣдовали многіе, причемъ изъ обширной литературы заслуживаютъ особаго вниманія замѣчанія А. Фуртвенглера въ пояснительномъ текстѣ къ таблицамъ 27—28 второй части Collection Sabouroff. Общій очеркъ далъ Блохъ у Рошера Ausf. Lexicon. S. V. Nymphen столб. 555—567. Въ итогѣ установлено, что основное различіе въ изображеніяхъ этого типа состоитъ въ томъ, какъ онѣ одѣты. Очень часто нимфы изображаются совершенно задрапированными см. *Fr. Wieseler* Ueber ein Votivrelief aus Megara. *Abhandlungen Götting. Gesellschaft* XX 1875, стр. 20 и 39. Сюда относится, напримѣръ, изображеніе нимфъ при судѣ Париса на памятникѣ Villa Ludovisi (*Th. Schreiber* Die Antiken Bildwerke der Villa Ludovisi in Rom. Leipz 1880 № 106, наоборотъ въ томъ же собраніи № 142 съ изображеніемъ вакхической процессіи—нимфа обнажена).

Обзоръ этихъ памятниковъ далъ E. Pottier (Basrelief des nymphes trouvé à Eleusis. *Bull. d. Corr. Hell.* V 1881, 349—357). Но наряду съ этимъ много изображеній нимфъ и наоборотъ безъ всякихъ признаковъ одежды: сюда относятся не только рельефы, но и монеты (см. *V. Dobrusky* Inscriptions et monuments figurés de Thrace. *Bull. de Corr. Hell.* XXI. 1897, 119—140 №№ 5—8; тутъ же № 12 и 13 одѣты). Се-

редину между тѣми и другими занимаютъ такіе памятники, на которыхъ изображены нимфы съ обнаженной только верхней частью туловища. Кромѣ знаменитой Латеранской статуи, сюда относится очень изящная статуи Нимфы, по стилю напоминающая Праксителевы работы и находящаяся нынѣ въ Копенгагенѣ (см. *P. Arndt*, La glyptothéque Ny-Carlsberg. Munch. 1909. вып. XII, № 112 текстъ стр. 161, гдѣ указаны всѣ реплики), а также рельефъ изъ острова Искіи, содержащій посвятительную надпись въ честь нитродійскихъ нимфъ (C I. L. X, 1, 6790) и хранящійся въ Эрмитажѣ (*Г. Кизеритскій* Императорскій Эрмитажъ. Музей древней скульптуры. 4 изд. СПБ. 1901, стр. 44, № 96). Также изображены нимфы и на рельефѣ, гдѣ онѣ находятся вмѣстѣ съ Сильваномъ и Геракломъ (переизданъ у Рошера при статьѣ о нимфахъ № 7 стол. 563—564, сначала былъ изданъ у *Visconti* Museo Pio Glement. VII taf. 10 описанъ *H. Dütschke* Antike Bildwerke in Oberitalien, Leipz. 1878, III p. 177, № 356 о немъ см. любопытныя замѣчанія *Отто Яна* Arch. Beiträge Brl. 1847, стр. 62 слл. переизданъ у него табл. IV № 1). Очень большой подборъ изображеній нимфъ съ обнаженной верхней частью туловища, причемъ способы и формы этого обнаженія самыя разнообразные, данъ у *S. Reinach*. Repertoire de la sculpture. II табл. 405 и 406.

То же самое разнообразіе мы видимъ и на геммахъ: на нихъ нимфъ изображали тоже то совершенно одѣтыми (*A. Furtwaengler* Antike Gemmen табл. 5 № 42; 10 № 9 и 15; 13 № 21; 33 № 38; 34 № 17, 36 № 30), то наоборотъ совсѣмъ голыми (табл. 30 № 12; 44 № 70; 49 № 25), но чаще всего попадается опять таки изображеніе съ обнаженной верхней частью туловища (табл. 14 № 34; 23 № 51; 30 № 5 и 11; 33 № 37; 41 № 12; 49 № 31; 57 № 18 и 20; 63 № 43).

Къ изображенію нимфы на керченскомъ рельефѣ очень подходитъ ихъ обликъ на рельефѣ, переизданномъ *A. Conze* Heroen und Göttergestalten der grischischen Kunst. Wien. 1875 taf XXII, № 1 ср. текстъ стр. 17. Одежда нимфы Керченскаго рельефа и манера драпироваться очень близко подходятъ также къ изображенію нимфы на Латеранскомъ рельефѣ № 1147 (26) Helbig — Reisch, гдѣ кромѣ ея, изображенъ еще Панъ и Аркадъ (перепечатанъ у Рошера III. 1451 s. v. Pan). О помпеянскихъ картинахъ см. W. *Klein* Pompeianische Bilderstudien. *Oester. Iahreshefte*. XV. 1913, 148. Тамъ изображаютъ съ обнаженной верхней частью тѣла не только богинь, напр. Афродиту, но и многихъ представительницъ героическаго эпоса, достаточно указать на картину Reg. IX Ins. 5 № 18 (*Hermann—Bruckmann*. Denkmäler d. Malerei des Altertums № 69): панъ среди нимфъ; здѣсь нимфы изображены какъ разъ съ обнаженной верхней частью тѣла. Но совершенно также одѣты на помпеянскихъ картинахъ существа, лишенныя всякаго сверхъестественнаго характера. Вотъ почему на картинѣ изъ casa dei Vettii, изображающей жертвоприношеніе Ифигеніи, ту же самую фигуру одни изслѣдователи считаютъ за нимфу, послан-

пую Артемидой, а другіе за прислужницу при жертвоприношеніи (*P. Hermann* Denkmäler d. Malerei des Altertums табл. 20 текстъ стр. 31. *М. И. Ростовцевъ* Помпеи за 1893—1895 г.г. Записки Имп. Рус. Археологическаго Общества VIII. труды отд. археологіи древнеклассической кн. I. СПБ. 1896 стр. 367 переиздана у него же въ видѣ заставки на стр. 332).

Такъ же при совершенно обнаженной верхней части тѣла прикрыты только ноги у нимфъ въ лѣвомъ углу на рельефахъ, изображающихъ судъ Париса: изъ Villa Pamphili—у *C. Robert* D. Antiken Sarkophagsreliefs II табл. IV 10 и изъ Villa Albani тамъ же табл. V 11. (переиздано въ словарѣ Рошера S. V. Paris столб. 1625—1626). Робертъ въ этихъ фигурахъ признаетъ Quellennymphen des Ida (текстъ стр. 12 и 14).

Изъ вазовой живописи приведу одинъ примѣръ: на вазѣ Мюнхенскаго музея изъ Александріи, изображающей судъ Париса, слѣва паритъ женская фигура, по одеждѣ очень напоминающая разсматриваемую. Фуртвенглеръ вполнѣ убѣдительно признаетъ ее за нимфу (*Furtwängler Reichold.* Griechiesche Vasenmalerei. Табл. 40 текстъ стр. 205).

Теодоръ Шрейберъ высказалъ мнѣніе, что элементы ландшафта, передаваемые живописью эллинистическаго періода довольно точно, на рельефахъ того же времени werden personificirt, also in plastischer Umsetzung wiedergegeben. (Die Brunnenreliefs aus Palazzo Grimani Lpz. 1888, 70 прим. 30a). Тѣмъ болѣе это приложимо къ рельефамъ тѣхъ эпохъ, которыя были гораздо скупѣе на воспроизведеніе ландшафта и другихъ подробностей обстановки (см тамъ-же 52 и 90 прим. 93). Стало быть эта фигура могла служить также указаніемъ на мѣсто дѣйствія всей сцены. И это ея двойное назначеніе было особенно цѣнно. Вотъ почему я склоняюсь скорѣе къ мнѣнію, что изображенная на рельефѣ нимфа—Киллена: это толкованіе даетъ больше, опредѣляя также и мѣсто дѣйствія. Итакъ на рельефѣ изображенъ тотъ моментъ, когда, получивъ лиру, Аполлонъ идетъ къ Артемидѣ, а Гермесъ устремляется къ Килленѣ: вся его посадка обнаруживаетъ движенія болѣе оживленныя, чѣмъ у Аполлона. Онъ что-то говоритъ Килленѣ, а та отъ него отвернулась: по вполнѣ понятной причинѣ; вѣдь Гермесъ въ итогѣ проигралъ больше, чѣмъ получилъ: онъ лишился и быковъ и лиры, а кромѣ того, выяснились его воровскія продѣлки. Между тѣмъ Аполлонъ только выигралъ. Поэтому-то Гермесъ и выговариваетъ своей нянькѣ Килленѣ, что она не сумѣла, какъ слѣдуетъ, защитить его и доставить торжество надъ Аполлономъ (ср. *Ф. Зѣлинскій* Вѣст. Евр. 1914 № 1, 174). Для воспроизведенія этой сцены рѣзчику вовсе не нужно было опираться ни на пьесу Софокла, ни на гомеровскій гимнъ, подобно тому, какъ въ свою очередь не былъ вовсе использованъ для пьесы и гимнъ Софокломъ, что отмѣтилъ уже Виламовицъ (Der Spürhunde des Sophocles. *Ilbergs Jahrbücher* XXIX, 1913, 6 стр. отд. оттиска). Миѳъ былъ и безъ того

всѣмъ извѣстенъ. Но жесты и аттрибуты участниковъ сцены онъ подобралъ удачно и сознательно.

Поднятая кверху рука Гермеса съ вытянутыми прямо пальцами, является излюбленнымъ у греческихъ художниковъ жестомъ для выраженія разговора (*K. Sittl* D. Gebärden d. Griechen und Römer. Lpz. 1890, 285 рис. 33), иногда знаменуя конецъ бесѣды. Такой жестъ дѣлаетъ глашатай Талѳибій царю Пріаму на Вюрцбургской амфорѣ (*L. V. Urlichs* Beiträge zur Kunstgeschichte. Leipzig 1885 табл. 4 стр. 18—20). Аполлонъ лѣвой рукой держитъ лиру, а правой высокій посохъ это то κρανεῖον ἀκόντιον, которымъ въ Гомеровскомъ гимнѣ Аполлонъ клянется облагодѣтельствовать Гермеса (460) и который такъ затруднялъ толкователей гимна (см. *A. Gemoll.* Die Homerischen Hymnen. Lpz. 1886, 188—189).

Для законченнаго воспроизведенія на камнѣ этого сюжета было бы вполнѣ достаточно 3 фигуръ: Гермеса, Аполлона и Киллены. Но тогда, вопервыхъ, часть мрамора осталась бы незаполненной, а вовторыхъ нарушенъ былъ бы законъ строгого соотвѣтствія отдѣльныхъ фигуръ на общемъ рисункѣ, столь характерный для греческаго искусства (см. *Th. Schreiber*. Die Nekyia des Polygnotos in Delphi. Festschrift f. J. Overbeck. 1893, 189, 199. и Die Wandbilder des Polygnotos. *Abh. Sächs. Gesell. d. Wissenchaften phil. hist. Cl.* XVII, 1897, 57—65), что Г. Брунъ видѣлъ именно въ этомъ recht eigentlich das Princip der hellenischen Kunst (Griechische Kunstgeschichte I. München 1893, 62 сл.) поэтому въ соотвѣтствіе съ Килленой лѣваго бока съ правой стороны рѣзчикъ изобразилъ еще Артемиду. Получился рисунокъ со строго выдержанной симметріей: середину занимаютъ два мужскихъ божества, между которыми собственно и разыгрывается данная сцена, но по бокамъ каждаго изъ нихъ прибавлено еще по богинѣ, изъ которыхъ каждая опять таки особенно тѣсно связана съ даннымъ божествомъ. Получилась композиція, столь излюбленная греческими художниками по схемѣ

C A B C′

(Примѣры этой схемы см. у *Th. Schreiber*. Die Wandbilder des Polygnotos стр. 155); почему для этой цѣли рѣзчикъ выбралъ именно Артемиду, едва ли нужно объяснять въ виду той связи, которая въ миѳахъ объединяетъ Аполлона именно съ этой богиней (см. *G. Hermann*. Opuscula VII, 285. *Wernicke* S. V. Artemis у Pauly-Wissowa II, 1 sp. 1361—1362), почему на многихъ памятникахъ искусства ихъ и изображали рядомъ (см. *тамъ-же* Sp, 1422—1423)=напр. вазовый рисунокъ *Mon. bell'Inst. di corr. Arch.* VIII af. 42=*A. Conze*. Heroen. LXVI.

Б. Варнеке.

Artemis Apollo Hermes Cyllene

Керченскій рельефъ Музея Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Граф. зав. Новакъ и Побуда. Одесса.

Остатки человѣческихъ скелетовъ изъ кургана на Слободкѣ-Романовкѣ.

(*Предварительное сообщеніе*).

Благодаря любезности *М. Ѳ. Шкадышека* и проф. *В. Д. Ласкарева*, которымъ я приношу здѣсь мою глубокою благодарность, я получилъ для изслѣдованія скелеты изъ кургана на Слободкѣ-Романовкѣ, помѣченные подъ №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 13 и 14, и къ нимъ черепа 1, 2, 4, 5, 6, 7, 13 и 14, а также остатки череповъ, мужского и женскаго, изъ могилы съ двойнымъ погребеніемъ. Къ сожалѣнію, указанные номера не соотвѣтствуютъ номерамъ протокола раскопокъ по сообщенію *М. Ѳ. Шкадышека* (426 засѣд.), въ чемъ можно убѣдиться сличеніемъ той и другой номераціи, а такъ-же и при детальномъ изученіи скелетовъ. Я сохраняю пока тѣ номера, съ какими получилъ я весь матерьялъ отъ моего и проф. *Ласкарева* служителей, надѣясь возстановить впослѣдствіи правильность номераціи. На черепахъ и обломкахъ ихъ я произвелъ измѣренія (табл. I и II), комбинируя различныя системы измѣреній. Здѣсь, для предварительнаго сообщенія, я прилагаю таблицы измѣреній черепа и нижней челюсти по Монакскому соглашенію. Я принужденъ былъ только опустить изъ всѣхъ предложенныхъ Монакскимъ соглашеніемъ измѣреній опредѣленіе объема изъ боязни разрушить достаточно хрупкіе черепа. Въ виду небольшого количества череповъ я пока опускаю и подсчеты процентовъ и соотношеній, ограничиваясь самыми общими характеристиками

Таблица I. Измѣренія череповъ.

№	ИЗМѢРЕНІЯ	1	2	4	5	6	7	13	14	двойное погреб. м.	двойное погреб. ж
1	Наибольшая длина	186	193	173	165	190	175	180	187	175	—
2	Длина glabella—inion . .	—	193	123	165	188	—	180	187	175	—
3	Наибольшая ширина . . .	135	140	—	145	133	143	139	145	143	—
4	Вышина basion-bregma . . .	–	142	—	134	139	—	143	—	140	—
5	Вышина yxo—bregma . .	—	112	—	105	112	123	108	—	—	—
6	Наименьшая ширина лба. . .	91	110	—	95	95	85	94	102	—	99

№	ИЗМѢРЕНІЯ	1	2	4	5	6	7	13	14	двойное погреб. м.	двойное погреб. ж.
7	Ширина въ области сосц. отростковъ	123	133	—	117	132	131	134	—	—	—
8	Ширина въ обл. скуловыхъ дугъ	127	141	—	127	134	133	130	146	—	—
9	Разстояніе nasion basion .	100	112	—	95	106	105	107	—	—	—
10	Разст. отъ альвеоляри. края — basion	100	101	—	85	107	94	95	—	—	—
11	Разст. отъ нижн. края нижн. чел. — nasion.	111	121	—	95	123	—	125	—	—	—
12	Разст. отъ альвеоляри. края — nasion	69	70	65	54	75	68	70	67	—	—
13	Вышина носа	52	48	40	41	51	53	49	51	—	41
14	Ширина носа	22	23	26	23	22	23	19	—	—	24
15	Межглазничный діаметръ.	28	24	24	25	23	21	21	25	—	25
16	Ширина глазницы	35	40	36	37	33	35	38	40	—	40
17	Вышина глазницы	27	33	28	27	27	32	29	30	—	29
18	Ширина верхн. альвеол. края .	60	63	65	60	58	—	62	63	—	—
18 bis	Вышина альвеоляри. кривизны.	51	56	50	48	60	47	52	—	—	—
19	Длина твердаго неба . . .	—	52	—	49	52	46	52	—	—	—
19 bis	Ширина твердаго неба.	37	40	40	33	36	33	36	—	—	—
20	Разст. отъ альвеолярн края до глазницы	42	42	37	34	41	36	42	—	—	—
21	Длина затылочнаго отверстія.	36	37	33	30	40	34	40	—	—	—
21 bis	Ширина затылочн. отверстія .	28	29	—	25	35	31	33	—	—	—
22	Сагиттальная окружность . . .	—	395	—	352	355	365	372	—	—	—
23	Поперечная окружность . . .	—	320	—	320	290	325	310	—	—	—
23 bis	Горизонтальная окружность.	—	548	—	494	520	500	520	—	—	—

Таблица II. Измѣренія нижней челюсти.

№	ИЗМѢРЕНІЯ	1	2	4	5	6	7	13	14	двойное погреб. м.	двойное погреб. ж.
25	Ширина въ суставн. отросткахъ.	—	132	114	109	131	131	125	131	133	118
26	Ширина въ углахъ	101	94	92	87	110	105	103	98	105	85
27	Длина вѣтви	54	64	52	38	42	60	65	72	56	55
28 a.	Наибольшая ширина вѣтви . .	42	42	40	36	42	40	42	45	41	38
28 b.	Наименьшая ширина вѣтви.	38	35	32	28	35	31	36	36	40	36
29	Вышина въ подбородкѣ	31	37	22	25	28	24	35	32	30	28
30	шина тѣла.	28	30	22	21	31	27	34	28	26	24
31	Наибольшая толщина . . .	15	16	14	15	12	13	16	15	13	14
32	Уголъ.	112°	115°	120°	120°	115°	114°	117°	105°	119°	121°

Изъ прилагаемой III таблицы черепныхъ указателей видно, что изъ 9 череповъ 4 типа длиноголовыхъ, 2 среднеголовыхъ и 3 короткоголовыхъ, при чемъ 1 (№ 5) можетъ быть названъ крайне короткоголовымъ.

По указателю высоты, всѣ черепа относятся къ высокоголовымъ. По размѣрамъ носа 5 череповъ принадлежатъ къ узконосымъ, 3 къ широконосымъ. У 8-ми череповъ орбиты низкія, у одного—высокія. 3 черепа обладаютъ узкимъ небомъ, 1—среднимъ и 1—широкимъ. Указатели ширины лица, вычисленные по *Кольману*, распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 1—95, 2—85, 5—76, 6—91, 13—93, что даетъ 2 коротколицыхъ (хамепрозоповъ) на 3 длиннолицыхъ (лептопрозоповъ).

Таблица III. Черепные указатели.

№	УКАЗАТЕЛИ	1	2	4	5	6	7	13	14	двойное погреб.	
										м.	ж.
1	Указатель длины	72	72	71	88	70	81	77	77	81	—
2	Высотный указатель	—	73	—	81	87	—	79	77	80	—
3	Лицевой	51	49	—	42	57	51	54	42	—	—
4	Носовой	43	47	65	53	43	43	39	—	—	58
5	Глазничный	77	82	77	71	82	91	76	75	—	72
6	Небный	—	68	—	79	69	72	80	—	—	—

Относительно указателей я долженъ замѣтить, что они не могутъ въ данномъ случаѣ точно характеризовать прижизненныяособенности череповъ, такъ какъ послѣдніе, исключая развѣ 5 и 6, обнаруживаютъ нѣкоторую деформацію, особенно въ затылочной области, происшедшую отъ давленія земли. Женскій черепъ изъ могилы съ двойнымъ погребеніемъ былъ раздавленъ, повидимому, сейчасъ же послѣ погребенія, въ черепѣ № 4 однѣ кости сдавлены, другія лопнули отъ давленія. Даже весьма хорошо сохранившійся черепъ 6 сдавленъ, повидимому, въ височной области, такъ какъ нижняя челюсть оказывается большей ширины въ своихъ суставныхъ отросткахъ, чѣмъ разстояніе между суставными ямками для нихъ.

Въ отдѣльности можно сказать объ означенныхъ черепахъ слѣдующее:

№ *1*. Женскій черепъ, теменная область разрушена. Долихоцефалъ съ сильно изогнутой затылочной костью. Въ ламбдовидномъ швѣ имѣются Ворміевы кости. Ясно и сильно выражена crista supramastoidea, linea temporalis различается хорошо лишь на лобной кости. Швы открыты, зубы стерты. Въ нижней челюсти еще отсутствуютъ зубы мудрости. По состоянію костей конечностей индивидуумъ былъ все таки вполнѣ взрослымъ. Слѣды краски замѣтны на подбородкѣ.

№ 2. Мужской, долихоцефалическій черепъ. Сильно развитыя надбровныя дуги (въ медіальной части) и выступающее надпереносье. Корень носа сидитъ вслѣдствіе этого очень глубоко. Швы открыты и достаточно сложные. Ворміевы кости въ лѣвой части вѣнечнаго шва. Въ горизонтальной плоскости форма черепа яйцевидная. Височная линія слабо выражена. Зубы въ полномъ количествѣ и мало стерты. Слѣдовъ краски на черепѣ почти нѣтъ, но они имѣются на другихъ костяхъ скелета.

№ 4. Черепъ раздавленъ, по всѣмъ признакамъ долихоцефалическаго типа. Лобный шовъ не заросъ (метопизмъ). На нижней челюсти съ правой стороны всего 7 зубовъ, имѣющіеся 3 зуба мудрости еще совсѣмъ не стерты, въ противоположность остальнымъ зубамъ. Очевидно, этотъ черепъ принадлежитъ еще молодому субъекту. Слѣды краски имѣются на височной кости.

№ 5. Женскій брахицефалическій черепъ, пятиугольнаго очертанія въ горизонтальной плоскости. Черепъ не деформированъ и сохранился лучше всѣхъ другихъ. Черепные швы въ первомъ періодѣ заростанія. Среди сильно стертыхъ зубовъ у I коренного правой стороны вскрытъ сосочекъ. Нижніе зубы стерты почти въ горизонтальной плоскости, тогда какъ верхніе—косо. Слѣды окраски сохранились на височныхъ костяхъ, сосцевидныхъ отросткахъ и подбородкѣ. Къ этому же черепу принадлежатъ сохранившаяся подъязычная кость и окостѣненіе въ щитовидномъ хрящѣ гортани.

Въ задней трети сагиттальнаго шва, непосредственно впереди теменныхъ отверстій, имѣется отклоняющееся болѣе въ правую сторону круглое углубленіе съ діаметромъ около 2 сант., съ шероховатымъ дномъ. Трудно рѣшить, является ли оно слѣдомъ прижизненнаго вдавленія отъ тупого орудія, или же нужно считать его происшедшимъ отъ заросшаго трепанаціоннаго отверстія.

№ 6. Мужской, наиболѣе долихоцефалическій изъ всѣхъ череповъ. Въ горизонтальной плоскости—удлиненно-яйцевидный. Швы почти всѣ заросли. Сильно развитыя надбровныя дуги и глубокій корень носа. Рѣзкая crista supramastoidea переходитъ на концѣ въ значительный бугорокъ, tuberculum supramastoideum anterius, а въ области asterion имѣется круглый tuberc. supramast. posterius—все это признаки, связанные съ сильной жевательной мускулатурой. Зубы стерты, но количество ихъ полное. Слѣды окраски имѣются на височныхъ костяхъ, на подбородкѣ, сосцевидныхъ отросткахъ и на заднемъ краѣ восходящей вѣтви нижней челюсти съ лѣвой стороны.

№ 7. Мужской долихоцефалическій черепъ, пятиугольнаго очертанія. Височныя линіи сильно сближены, между ними остается пористое поле, которое въ стрѣловидномъ швѣ поднимается въ видѣ продольнаго вала, напоминая lophus австралійскихъ череповъ. Теменные бугры сильно вздуты. Швы весьма сложные, открытые лишь наполовину. Скулы сильно выдаются, на лицѣ обращаютъ на себя вниманіе глу-

бокія собачьи ямы (fossa canina). Зубы верхней челюсти сбиты при раскопкѣ, въ нижней челюсти имѣется полный рядъ сильно стертыхъ зубовъ.

На чешуѣ лобной кости замѣчаются тонкія бороздки, справа 2, слѣва 1.

№ 13. Мезоцефалическій, мужской черепъ. Швы начинаютъ заростать, зубы сильно стерты въ горизонтальной плоскости. На верхней челюсти имѣется глубокая собачья ямка. Слѣды окраски сохранились на правой сторонѣ черепа.

Черепъ интересенъ ясно выраженной трепанаціонной дырой въ области ламбдовиднаго шва, въ задней трети лѣвой теменной кости. Трепанаціонное отверстіе имѣетъ размѣры: длина—33 милл., ширина —20 милл.; оно вытянуто косо по направленію къ продольной оси черепа и раздѣлено не вполнѣ экзостозомъ—слѣдъ начавшагося заростанія отверстія—на двѣ половины. Края отверстія утончены.

№ 14. Мезоцефалическій, сильно разрушенный въ основаніи и съ боковъ мужской черепъ. Теменныя кости отчасти сдавлены, отчасти лопнули и сохранили свое положеніе. На чешуѣ лобной кости имѣются 2 узкія бороздки, правая и лѣвая.

Слѣдующіе два черепа принадлежатъ одной могилѣ.

Мужской брахицефалическій черепъ, деформированъ въ затылочной области. Сохранились лишь нижняя челюсть и верхняя часть черепа. Хорошо сохранилась окраска черепа. На чешуѣ лобной кости имѣются узкія бороздки, правая и лѣвая. Та и другая упираются внизу въ круглыя небольшія отверстія, повидимому, искуственныя. Хорошо сохранившееся лѣвое отверстіе ведетъ въ каналъ, проникающій въ вертикальномъ направленіи въ глазницу на разстояніи 12 милл. отъ надглазничнаго края. Бороздки заполнены краской. Нижній конецъ правой бороздки оканчивается короткимъ и болѣе широкимъ желобкомъ, нижній конецъ котораго и достигаетъ упомянутаго отверстія. Параллельно правой бороздкѣ идетъ еще въ верхней части лобной кости короткая вторая бороздка на разстояніи 8 милл. отъ первой. Зубы въ полномъ числѣ и мало стерты.

Отъ женскаго черепа сохранились лицевая часть и разошедшіяся во швамъ теменныя кости. Чешуя лобной кости и теменныя кости прекрасно сохранили окраску. Челюсти укорочены, особенно нижняя. Зубы не всѣ сохранились, въ нижней челюсти видны прорѣзывающіеся зубы мудрости. Верхніе рѣзцы крупные. Зубы мало стерты.

На чешуѣ лобной кости ясно различаются четыре бороздки, подобно предыдущему черепу, но отверстій на концахъ бороздокъ нѣтъ.

Кромѣ означенныхъ череповъ, у меня были еще остатки черепа № 3, мало пригодные для измѣреній вслѣдствіе плохого сохраненія, и разрушенный дѣтскій черепъ (въ возрастѣ около 7 лѣтъ). Наконецъ, имѣлся еще обломокъ затылочной кости безъ номера; обломокъ этотъ отличается значительною толщиною кости.

Въ конечномъ итогѣ добытый изъ кургана краніологическій матерьялъ не отличается большою однородностью признаковъ. Правда, преобладаніе принадлежитъ длинноголовымъ, но не въ такой степени, чтобы можно было пренебречь короткоголовымъ черепомъ № 5. Присматриваясь къ деталямъ измѣреній, можно даже сказать, что два среднеголовыхъ черепа имѣютъ много общаго съ остальными длинноголовыми: тѣ и другіе вмѣстѣ составляютъ достаточно однородную группу, противоположную черепу № 5.

Отношенія между этими группами выступятъ всего яснѣе, если мы сравнимъ крайнихъ представителей обѣихъ группъ, т. е. черепа № 5 и 6. Съ перваго же взгляда на нихъ очевидно, что это черепа двухъ различныхъ расъ. Черепъ № 6 обладаетъ покатымъ лбомъ, длинною мозговою капсулой, глубокимъ корнемъ носа. Изслѣдуя его съ помощью діаграфа, я констатировалъ у него значительный прогнатизмъ. Его личной уголъ, измѣренный по *Брока-Кловѣ*, составляетъ 59, а уголъ линіи профиля съ нѣмецкою горизонталью даетъ 76° — каковыя числа указываютъ значительный прогнатизмъ. Черепъ № 5, весьма короткій съ мягкими очертаніями, въ тоже время отличается прямымъ лицомъ, даже слегка гипортогнатиченъ, несмотря на то, что онъ несомнѣнно женскій. Линія его профиля образуетъ съ нѣмецкою горизонталью уголъ въ 91°, а уголъ *Брока-Кловѣ* = 71°.

Всѣ другіе черепа представляютъ формы въ которыхъ повторяются особенности череповъ 5 и 6. Напримѣръ, наименьшій лобный діаметръ даетъ у всѣхъ череповъ мало уклоняющіяся другъ отъ друга цифры. То же можно сказать о межглазничномъ діаметрѣ, объ измѣреніяхъ нижней челюсти, не говоря уже о многихъ чисто описательныхъ признакахъ, какъ глубокая fossa canina и т. д. Правда, и здѣсь черепъ № 5 образуетъ самостоятельную группу, къ которой остальные черепа приближаются лишь въ нѣкоторыхъ измѣреніяхъ. Тѣмъ не менѣе получается такое общее впечатлѣніе, что всѣ эти черепа принадлежатъ одному племени, состоящему изъ двухъ различныхъ расовыхъ элементовъ, при чемъ смѣшеніе этихъ элементовъ только началось и далеко еще не вызвало нивеллировки крайнихъ расовыхъ признаковъ. Нашу группу череповъ можно прямо сравнить въ этомъ отношеніи съ черепами приладожскаго неолита, найденными въ свое время *А. А. Иностранцевымъ* и изслѣдованными *А. Богдановымъ*. По своимъ антропологическимъ признакамъ ладожскіе черепа очень близко подходятъ къ долихоцефалическимъ черепамъ нашего кургана, и изображенный на таб. I труда пр. *Иностранцева* черепъ почти тождественъ по формѣ и моделировкѣ съ нашимъ черепомъ 6. Однако, въ виду разницы между мужскими и женскими черепами, *Богдановъ* высказалъ предположеніе, что либо жены умыкались отъ сосѣдняго, менѣе длинноголоваго племени, либо уже выработалось такое раздѣленіе труда, при которомъ на долю мужчины выпалъ физическій трудъ, а на долю женщины домашній обиходъ, не требовавшій осо-

беннаго развитія мышцъ. Послѣднее предположеніе стоитъ въ связи съ взглядомъ *Богданова*, высказанномъ имъ опредѣленнѣе въ другомъ мѣстѣ, о томъ, что съ развитіемъ культуры вообще черепъ становится короткимъ, какъ въ свое время утверждалъ и *Брока*. Но солиднаго подтвержденія эти взгляды не получили и до сихъ поръ. Поэтому я считаю болѣе вѣскимъ первое предположеніе *Богданова* о внесеніи короткоголовости въ основное длинноголовое населеніе при посредствѣ иноплеменнаго женскаго элемента. Сохранившаяся лицевая часть другого, несомнѣнно женскаго черепа имѣетъ почти тѣ же измѣренія, что и № 5, а именно:

	№ 5	ж. ч. изъ двойн. мог.
Вышина носа	41	41
Ширина его	23	24
Межглазничный діаметръ. . . .	25	25
Ширина глазницы	34	40
Вышина глазницы.	27	29
Наименьшая ширина лба. . . .	95	99.

Можно думать, что и женскій черепъ изъ двойной могилы былъ короткимъ, т. е. типа черепа 5, такъ что въ женскихъ черепахъ мы имѣемъ рѣшительное преобладаніе короткоголовости.

Чтобы достаточнымъ образомъ оцѣнить этотъ фактъ смѣшенія расовыхъ типовъ, нужно въ краткихъ чертахъ напомнить общій краніологическій характеръ доисторическаго населенія въ Россіи. Трудами Богданова, до сихъ поръ не провозойденными, установлено, что курганное населеніе центральной Россіи было съ древнѣйшихъ временъ долихоцефалическимъ, и лишь въ позднѣйшія эпохи короткоголовость становится отличительною особенностью русскаго населенія. Чѣмъ древнѣе курганъ, тѣмъ, по наблюденіямъ *Богданова*, чище былъ выраженъ длинноголовый типъ.

Нужно замѣтить, что во времена *Богданова* хронологія курганныхъ культуръ была почти не затронута, и въ рукахъ означеннаго изслѣдователя находился весьма незначительный матерьялъ изъ кургановъ, подобныхъ открытому въ Слободкѣ-Романовкѣ. (Въ сущности такимъ курганнымъ черепомъ, изученнымъ *Богдановымъ*, былъ лишь черепъ отъ *Д. Я. Самоквасова* изъ *Гамарни*, Полт. губ.—долихоцефалъ).

Впослѣдствіи трудами археологовъ этотъ типъ кургановъ съ окрашенными костями, съ издѣліями изъ камня и кости, съ крайне скудными находками мѣдныхъ издѣлій все болѣе и болѣе отдѣляется, какъ самостоятельная и древнѣйшая группа, предшествующая скиеской эпохѣ, принадлежащая концу неолита. *Спицынъ* характеризовалъ ихъ, какъ курганы съ окрашенными костями, *Zaborowsky*—какъ курганы кимврійской народности, *Самоквасовъ*, какъ киммерійскіе курганы или курганы киммерійской эпохи, продолжавшейся, по *Геродоту*, до третьей четверти VII вѣка до Р. Хр. Конечно, въ руки антропо-

логовъ попадаютъ и черепа изъ этихъ неолитическихъ кургановъ имѣются работы объ нихъ *Попова, Анучина, Талько-Гринцевича, Zaborowsky* и другихъ, но не имѣется той синтетической работы надъ ними, которая была произведена надъ черепами позднѣйшихъ эпохъ *Ан. Богдановымъ. Zaborowsky* напр., описываетъ 13 череповъ изъ такихъ кургановъ—всѣ они длиноголовы. *Анучинъ* имѣлъ въ своемъ распоряженія и длинно и среднеголовые неолитическіе курганные черепа (одинъ былъ трепанированъ). *Талько-Гринцевичъ* замѣчаетъ, что не смотря на преобладаніе среди его неолитическихъ курганныхъ череповъ долихоцефаловъ, послѣдніе имѣются все таки въ меньшемъ процентѣ, чѣмъ у позднѣйшихъ древлянъ. *Поповъ* изъ раскопокъ *Трипольева* въ одномъ неолитическомъ курганѣ Харьковской губ., нашелъ 19 короткоголовыхъ, 2 средне и 1 длинноголоваго.

Къ этимъ даннымъ нужно присоединить черепа каменнаго вѣка не курганные: Ладожскіе (смѣшанный типъ длинноголовыхъ), Уткинскіе (длиноголовые), Волосовскій черепъ гр. Уварова (среднеголовый) и Фатьяновскіе (долихоцефалы).

Изъ сопоставленія означенныхъ данныхъ выясняется уже достаточно опредѣленно, что вопросъ о доисторическомъ заселеніи территоріи Европейской Россіи гораздо сложнѣе, чѣмъ представлялъ его себѣ *Богдановъ*. Встрѣчая среди неолитическихъ череповъ преобладаніе длинноголовыхъ, *Богдановъ* высказалъ убѣжденіе, что длинноголовый типъ является для русскаго, или славянскаго, населенія Россіи кореннымъ, ему принадлежало все пространство Россіи отъ Новгорода до Кіева. Это коренное населеніе было окружено съ сѣвера и съ юго-востока короткоголовыми, отчасти монгольскими народами, что и вызвало уменьшеніе процента длиноголовости въ историческое время, благодаря смѣшенію съ этими племенами.

Въ настоящее время нужно признать, по изслѣдованіямъ *Талько-Гринцевича, Попова* и по черепамъ *Слободки-Романовки*, что прониканіе короткоголоваго элемента въ коренное населеніе началось очень давно и достигло значительной степени и распространенія. Въ неолитическую эпоху мы встрѣчаемъ короткоголовыхъ и въ Кіевской и въ Харьковской губ., т. е. тамъ, гдѣ впослѣдствіи, по даннымъ *Богданова*, сталъ опять въ началѣ исторической эпохи преобладать длинноголовый типъ. Въ теченіе вѣковъ на обширной территоріи нашего отечества непрерывно происходилъ приливъ и отливъ антропологическихъ элементовъ, и границы распространенія первоначальнаго длинноголоваго населенія безпрестанно измѣнялись.

Но населеніе Россіи не стоитъ въ этомъ отношеніи особнякомъ отъ остального славянства. Какъ замѣчено было ранѣе и какъ высказано вполнѣ опредѣленно на послѣдней конференціи (1912 г.). Нѣмецкаго Антропологическаго общества по вопросу объ антропологіи славянъ, переходъ отъ первоначальной, доисторической длинноголовости къ современной короткоголовости произошелъ и у западныхъ

славянъ, не соприкасавшихся ни съ мордвой ни съ татарами. И нужно сказать, что конференція не пришла ни къ какому опредѣленному рѣшенію относительно причинъ такой антропологической трансформаціи.

Черепа 1, 2, 4 и 6 Слободки-Романовки служатъ доказательствомъ, что курганъ принадлежитъ коренному дославянскому длинноголовому народу, занимавшему, очевидно, въ данное время большую территорію, чѣмъ въ періодъ славянскій или скиѳскій. Короткоголовый 5 черепъ не обнаруживаетъ никакихъ монгольскихъ признаковъ. Въ моей университетской коллекціи имѣется порядочное количество калмыцкихъ череповъ и несомнѣнно монгольскихъ изъ стоглавой пещеры —при сравненіи съ ними черепа 5-го я не могъ уловить ни одного признака, характернаго для монгольскихъ череповъ. Наоборотъ, по всѣмъ признакамъ, черепъ № 5 можно отнести къ европейскимъ брахицефаламъ, homo alpinus, появленіе котораго въ Европѣ до сихъ поръ является камнемъ преткновенія антропологической систематики Европы. Уже *Ripley* (The Races of Europe) указываетъ принадлежность брахицефаловъ русской равнины къ своей группѣ homo alpinus, альпійской расѣ или типу, замѣчая, что къ Востоку отъ Карпатъ этотъ типъ теряетъ свою чистоту, но можетъ быть еще прослѣженъ даже въ Азіи.

Очевидно теперь, что исторію неолитическаго населенія Россіи нельзя отдѣлять отъ таковой западной Европы, гдѣ начиная со свайныхъ построекъ Швейцаріи идетъ перемѣщеніе границъ длинноголовыхъ и короткоголовыхъ и смѣшеніе ихъ въ пограничныхъ областяхъ. И если въ западной Европѣ примѣсь короткоголовыхъ могла вызывать уменьшеніе длинноголовости цѣлыхъ народовъ, нельзя отрицать значенія этой примѣси и для русскихъ славянъ. Отсюда возникаетъ вопросъ, насколько вліяніе альпійскаго типа сказалось въ позднѣйшія эпохи, вмѣстѣ съ вліяніемъ короткоголовыхъ урало-алтайцевъ. Но на одну сторону смѣны расовыхъ типовъ я хотѣлъ бы обратить сейчасъ вниманіе, чтобы указать, какою цѣнностью обладаетъ неолитическій курганный матеріалъ. Скиѳскіе курганы, по находкамъ *Богданова*, заключаютъ опять смѣсь преобладающихъ длинноголовыхъ съ короткоголовыми, при чемъ короткоголовые не имѣютъ монгольскихъ признаковъ, и скорѣе можно найти монгольскія примѣси у длинноголовыхъ. Если короткоголовые не монголы, то весьма вѣроятно, и они относятся къ алпійской расѣ. Однимъ словомъ, весьма вѣроятно, что короткоголовость современнаго русскаго населенія нужно приписать въ значительной степени шедшему съ юго-запада вліянію альпійской расы.

Ограничившись этой бѣглой и предварительной замѣткой о короткоголовомъ элементѣ нашего кургана, я хотѣлъ-бы остановить вниманіе и на крайне длинноголовомъ черепѣ № 6.

Уже *В. Д. Ласкаревъ* говорилъ мнѣ, что черепа изъ кургана привлекли его вниманіе именно низкимъ и покатымъ лбомъ вмѣстѣ

съ сильно выступающими впередъ надбровными дугами и переносьемъ. Все это особенности черепа № 6—особенности, называемыя въ послѣднее время неандерталоидными, т. е. напоминающими антропологическій характеръ одной изъ палеолитическихъ расъ Европы, обладавшей организаціей болѣе низкой, чѣмъ какая угодно современная человѣческая раса.

Двумя изслѣдователями, *Rauber'омъ* и *Казимиромъ Столыхво* были описаны найденные на русской территоріи черепа, по ихъ мнѣнію, несомнѣнно неандерталоиднаго характера; еще *Kollman* обратилъ вниманіе на сходство съ Неандертальскимъ черепомъ неполнаго черепа изъ Гадомки Каневскаго уѣзда. Однако, оказалось, что его неандерталоидныя черты выступаютъ, какъ слѣдствіе неправильной оріентировки. *К. Столыхво* исключилъ возможность такихъ ошибокъ, взявъ для своего изслѣдованія хорошо сохранившійся черепъ изъ кургана скиѳской эпохи изъ Новоселки, Кіевской губерніи. Сравнивъ тщательно различныя измѣренія своего черепа съ измѣреніями имѣвшихся тогда череповъ Неандертальской расы, *Столыхво* пришелъ къ заключенію, что Новоселковскій черепъ, не принадлежа Неандертальской расѣ, во многихъ отношеніяхъ повторяетъ ея свойства, являясь какъ бы переходною ступенью отъ послѣднихъ къ курганному и другимъ длинноголовымъ типамъ. Такимъ образомъ можно было бы предположить, что Неандертальская раса, не исчезая съ лица земли безслѣдно, какъ думаютъ нѣкоторые авторы, сохранялась съ своихъ переходныхъ типахъ, оттѣсненная изъ западной Европы въ восточную.

Если бы *Столыхво* былъ правъ, мы могли бы ожидать именно въ неолитическихъ курганахъ встрѣтить повторенія Новоселковскаго черепа. Но именно этого и нѣтъ, и нашъ черепъ № 6 при ближайшемъ изученіи оказывается имѣющимъ лишь самое поверхностное сходство съ неандертальскимъ, и не можетъ быть отнесенъ даже и къ переходнымъ отъ Неандертальскаго къ другимъ типамъ. Кстати можно замѣтить, что въ наилучшей монографіи Неандертальской расы *M. Boule* весьма сомнѣвается въ принадлежности Новоселковскаго черепа къ неандерталоиднымъ. И въ самомъ дѣлѣ, по моему мнѣнію, скорѣе можно считать Новоселковскій черепъ уклоняющимся, менѣе развитымъ въ лобной и затылочной частяхъ, курганнымъ черепомъ типа № 6.

Гораздо болѣе нахожу я сходства между имѣющимися въ моемъ распоряженіи длинноголовыми черепами съ дифференцировавшейся въ концѣ палеолитической эпохи Кроманьонской расой. Правда, въ этомъ отношеніи именно черепъ № 6 представляетъ наибольшія уклоненія въ величинѣ угловъ, если сопоставить его, напримѣръ, съ изученнымъ детально проф. *Kluatsch'емъ* черепомъ „старика Кроманьонца". Но по общей моделировкѣ, по развитію надбровныхъ дугъ и переносья, въ формѣ скуловой дуги можно и въ черепѣ № 6 видѣть нѣкоторое сходство съ Кроманьонскими черепами. Нужно замѣтить, что

именно на скелетахъ этой расы, распространявшейся когда то отъ береговъ западной части Средиземнаго моря до Моравіи, встрѣчается окраска костей. Необходимо вѣдь имѣть въ виду тотъ фактъ, что тщательное изученіе населенія Россіи указало на распространенность среди него черноволосыхъ и темныхъ шатеновъ. На этомъ основаніи такой авторитетный изслѣдователь, какъ *M. Hörnes* склоненъ сближать нѣкоторые элементы (широколицые) курганнаго населенія съ Кроманьонскими. Въ современномъ населеніи Россіи, по изслѣдованіямъ *Чепурковскаго*, въ Рязанской губерніи имѣется центръ черноволосыхъ длинноголовыхъ. Какъ въ позднѣйшемъ неолитическомъ населеніи западной Европы мы находимъ уже значительныя уклоненія отъ кроманьонскаго типа, развившагося, по предположенію *Hörnes'a* въ два теченія: сѣверныхъ и средиземноморскихъ длинноголовыхъ, такъ и въ русскихъ курганахъ нѣтъ основаній искать чистаго Краманьонскаго типа, а нужно рѣшить вопросъ, къ сѣверному или къ южному типу принадлежатъ скелеты Слободки-Романовки.

Извѣстное сходство своихъ курганныхъ череповъ съ черепами изъ германскихъ рядовыхъ могилъ замѣтилъ еще *А. Богдановъ*. Съ другой стороны, это сходство установлено и заграничными учеными. „Всякій, кто имѣлъ случай видѣть большое собраніе череповъ изъ кургановъ Европейской Россіи", говоритъ *Retzius* въ Crania suecica antiqua: „не можетъ не признать съ извѣстнымъ удивленіемъ ихъ сходства съ черепами изъ рядовыхъ могилъ и изъ скандинавскихъ могилъ эпохъ бронзы и желѣза". Этотъ же авторъ указываетъ, что въ Европѣ въ неолитическую эпоху наступило смѣшеніе расъ съ преобладаніемъ длинноголовости, въ послѣдующія же эпохи бронзы и желѣза это преобладаніе еще болѣе усилилось, чтобы почти уже въ историческія времена уступить развитію короткоголовости.

Если и на русской почвѣ мы въ состояніи прослѣдить подобное же перемѣщеніе расовыхъ элементовъ, то нѣтъ никакого повода изолировать эти элементы, какъ какой-то специфически славянскій типъ (Urslaven), а нужно разсматривать его, какъ одинъ изъ общеевропейскихъ типовъ.

А. Богдановъ, сближая курганное населеніе Россіи съ населеніемъ рядовыхъ могилъ имѣлъ въ виду, конечно свѣтловолосыхъ и свѣтлокожихъ длинноголовыхъ сѣвернаго типа. или „тевтонцевъ".

Рихардъ Вейнбергъ, не отрицая факта упомянутаго сходства, считаетъ и людей періода рядовыхъ могилъ брюнетами, какими были нѣкоторые длинноголовые русскихъ кургановъ. Отъ этого предположенія одинъ шагъ къ взглядамъ итальянскаго антрополога *Sergi*, согласно которымъ дославянское населеніе кургановъ относится къ средиземноморской расѣ. Но, благодаря сохранившимся костямъ скелета въ курганѣ Слободки-Романовки, относительно теоріи *Sergi* въ данномъ случаѣ можно высказаться вполнѣ опредѣленно. Высокій ростъ длинноголовыхъ кургана Слободки-Романовки, такъ же какъ покатый лобъ

и сильно развитыя надбровныя дуги и переносье мало соотвѣтствуютъ обычному средиземноморскому типу, а между тѣмъ именно по берегу Чернаго моря можно было бы ожидать встрѣтить его, если бы происходило его разселеніе, согласно взлядамъ *Sergi*. Не зная цвѣта волосъ и кожи нашихъ неолитиковъ, мы, по имѣющимся даннымъ, можемъ отнести ихъ длинноголовыхъ только къ сѣверной расѣ.

Мы еще далеки отъ того, чтобы разгадать всѣ тѣ расовыя наслоенія, которыя создали антропологическіе элементы населенія русской равнины. Можно лишь сказать, что они гораздо сложнѣе, чѣмъ предполагали антропологи прошлаго столѣтія, и всякую новую находку курганнаго скелетнаго матерьяла нужно считать драгоцѣннѣйшимъ и необходимѣйшимъ средствомъ придти къ намѣченнымъ наукою цѣлямъ.

Вмѣстѣ съ черепами изъ кургана на Слободкѣ-Романовкѣ было взято изъ могилъ и много костей скелета. Первоначально служитель проф. Ласкарева собралъ наиболѣе прочныя кости, затѣмъ мой служитель взялъ все, что можно еще было взять—и все таки приходится сожалѣть, что не было взято больше. Уже предварительное изслѣдованіе однѣхъ только длинныхъ костей конечностей даетъ очень важный результатъ, а именно, ихъ свойства указываютъ, что всѣ скелеты принадлежатъ одному народу (и, вѣроятно, были погребены въ одно и то же время). Такое предположеніе оправдывается присутствіемъ платимеріи и платикнеміи у всѣхъ скелетовъ.

Понятіе платимеріи бедренной кости введено въ науку *Manouvrier* и означаетъ сплющенность цилиндрическаго діафиза кости въ фронтальной плоскости сейчасъ же подъ вертлугами. Какъ указали другія изслѣдованія, платимерія стоитъ въ связи съ нѣкоторыми другими особенностями кости, какъ третій вертлугъ, подвертлужная ямка (trochanter tertius, fossa hypotrochanterica). Указатель ясно выраженной платимеріи 65—75, очень сильная платимерія имѣетъ указатель ниже 65.

У скелетовъ Слободки-Романовки я опредѣляю границы платимеріи въ 78—62 (ст. табл. IV), при чемъ изъ 8 скелетовъ 6 имѣютъ указатель ниже 75, и изъ нихъ 2 ниже 65. Очевидно, мы встрѣчаемъ здѣсь платимерію и наклонность къ ней, какъ этническій признакъ.

Таблица VI. *Указатели бедренной и большой берцовой костей.*

№	УКАЗАТЕЛИ	1	2	3	4	5	6	7	13
1	Платимерія бедренной кости. .	69,6	65	62,8	74,2	76,6	61,9	78,9	70
2	Платикнемія б. берцовой кости.	54,8	69,4	57,5	64,1	59,2	60	65	54,7

Тоже самое можно сказать о платикнеміи большой берцовой кости, найденной мною у скелетовъ кургана, т. е. той саблевидности,

о которой упомянуто уже въ сообщеніи *М. Ѳ. Шкадышека.* Указатель платикнеміи долженъ быть ниже 70. У нашихъ скелетовъ предѣлы платикнеміи = 69,4—54,7, другими словами, имѣется ясно выраженная и даже крайняя платикнемія.

Въ виду того, что платикнемія не является расовымъ признакомъ, а считается пріобрѣтаемымъ и встрѣчается у всякихъ народовъ, можно разсматривать ее также, какъ этническій признакъ. *Manouvrier* ставитъ ее въ связь съ сильнымъ развитіемъ мышцъ, вызываемымъ необходимостью ходить по неровной мѣстности. Однако, другіе авторы возражали, что именно у горцевъ платикнемія не является обязательнымъ явленіемъ, и наоборотъ, часто встрѣчается у племенъ, живущихъ въ равнинахъ. Въ нашемъ случаѣ мы встрѣчаемъ также опроверженіе взгляда *Manouvrier*. Но какъ бы то ни было, явленіе платикнеміи спаиваетъ всѣ скелеты въ одинъ этническій типъ — они всѣ принадлежатъ населенію, жившему въ одинаковыхъ условіяхъ, слѣдов., весьма вѣроятно, одной народности. Какъ ни цѣненъ костный матерьялъ нашихъ скелетовъ, нужно сказать, что въ характеристикѣ русскаго курганнаго населенія онъ стоитъ изолированно—скелеты, найденные въ нашихъ курганахъ, почти не изучены антропологически, кромѣ, конечно, череповъ. Даже кости Ладожскаго неолита, которому было посвящено въ свое время особенное вниманіе, описаны *Тихоміровымъ* лишь чисто анатомически, безъ намека на ихъ антропологическіе элементы.

Въ литературѣ Западной Европы мы встрѣчаемъ, наоборотъ, давно уже указанія на характерныя антропологическія особенности доисторическихъ скелетовъ и въ числѣ ихъ платимерія и платикнемія оказываются весьма обычными спутниками неолитическаго европейца. Мало того, платикнемичны были и палеолитическіе Кроманьонцы, такъ что посредствомъ этого признака наши скелеты, какъ и своею длинноголовостью, присоединяются къ обще-европейскому этническому типу.

Въ заключеніе я позволю себѣ остановиться на двухъ вопросахъ, касающихся болѣе археологіи, которые тѣмъ не менѣе имѣютъ непосредственное отношеніе къ изучаемымъ мною костямъ.

Первое—это окраска череповъ и костей. Слѣды окраски можно замѣтить почти на всѣхъ черепахъ и на многихъ костяхъ, несомнѣнная окраска имѣется на черепахъ изъ могилы съ двойнымъ погребеніемъ. Въ виду того, что М. Ѳ. Шкадышекъ присоединяется въ своемъ сообщеніи къ мнѣнію проф. *Кулаковскаго,* отрицающаго преднамѣренное окрашиваніе скелета, я напомню подробнѣе доводы проф. *Кулаковскаго*. Онъ находитъ, что окрашенные скелеты всегда цѣлы, что противорѣчитъ предполагавшемуся очищенію ихъ отъ мяса передъ окраской. Затѣмъ, свѣжія кости скелета, благодаря содержанію жира, не могли бы воспринять окраски минеральными веществами. Наконецъ, онъ приводитъ въ свою пользу и мнѣніе проф. *Якимовича,* изслѣдовавшаго окрашенныя кости микроскопическимъ путемъ.

Въ моей университетской коллекціи череповъ, имѣется одинъ съ помѣткою „Керчь“, у котораго превосходнымъ образомъ сохранилась окраска покрышки черепа, носа, подбородка и скуловыхъ костей. Мѣстами замѣтны такія рѣзкія границы окраски, какія не могли бы возникнуть, если бы окраска не наносилась прямо на обнаженный черепъ. Очевидно, что въ данномъ случаѣ существовала и очистка черепа отъ кожи и нанесеніе краски. Интересно то обстоятельство, что краска нанесена именно на тѣ мѣста черепа, которыя обнажаются сейчасъ же послѣ удаленія кожи, и отсутствуетъ на мѣстахъ, закрытыхъ мышцами. Изъ этого слѣдуетъ, что очищенія отъ мяса дѣйствительно не было, но тѣмъ не менѣе извѣстныя кости могли быть очищены и окрашены безъ нарушенія цѣльности скелета. Уже нѣкоторыя утробныя положенія съ до крайности сближенными костями заставляютъ предполагать, что погребающіе должны были предпринимать мѣры противъ окоченѣлости трупа. Изъ современныхъ этнографическихъ наблюденій можно привести указанія *Andree*, который говоритъ, что нѣкоторые народы, не дожидаясь послѣдней минуты, связываютъ умирающаго, чтобы посмертное окоченѣніе не мѣшало имъ погребать трупъ въ скорченомъ положеніи. (Въ той же статьѣ *Andree* возстаетъ противъ понятія утробнаго положенія).

Изъ череповъ кургана Слободки-Романовки особенно интересенъ по отношенію къ окраскѣ женскій черепъ изъ двойной могилы. Онъ раздавленъ, лобная кость отопла отъ теменныхъ, да и послѣднія также разошлись по своему шву. Вся зубчатая часть даже сложнаго сагиттальнаго края той и другой кости сохранилась въ совершенствѣ, обломаны всего 2 зубца. Это могло произойти лишь въ томъ случаѣ, если черепъ былъ раздавленъ еще въ свѣжемъ видѣ вскорѣ послѣ погребенія. Краска на этомъ черепѣ не столько пропитываетъ кость, сколько лежитъ на ней въ видѣ самостоятельнаго слоя, при чемъ обнаружившіеся зубцы швовъ не окрашены, а лишь мѣстами краска зашла въ шовъ такъ, какъ это могло бы случиться лишь при окрашиваніи свѣжаго черепа.

Въ то время, какъ одни черепа, поскольку они не сохранили окраски, имѣютъ чистую поверхность желтоватаго цвѣта, на другихъ замѣчаются черныя и темныя пятна, какъ будто эти черепа прежде сгнили и на нихъ остались пятна отъ плѣсени, дѣйствовавшей непосредственно на черепъ, что также служило бы указаніемъ погребенія трупа, лишеннаго кожи черепа.

Я далекъ все таки отъ мысли, что всякій красноватый оттѣнокъ кости будетъ непремѣнно слѣдомъ преднамѣренной окраски. Еще *Pigorini* по поводу окраски палеолитическихъ скелетовъ изъ Красныхъ Гротовъ Ментоны (Baoussé-Roussé) высказывался за то, что встрѣчается и преднамѣренная и случайная окраска неолитическихъ скелетовъ. Въ курганѣ Слободки-Романовки скелеты были окружены слоемъ насыпной краски, и нѣтъ ничего удивительнаго, если она перешла и на нѣкоторыя кости. Часто, напримѣръ, замѣчается красный оттѣнокъ

на костяхъ таза, преднамѣренность окраски которыхъ, я не считаю, по различнымъ признакамъ, допустимою. Считаю необходимымъ еще упомянуть о слѣдующемъ. Лаборантъ Геологич. кабинета г. *Алексѣевъ* увѣрялъ меня, что ему удалось найти кусокъ краски подъ лопаткой (т. е. съ передней стороны послѣдней), куда онъ не могъ бы попасть, если бы съ трупа не была снята, по крайней мѣрѣ, кожа.

Микроскопическіе препараты, которые я пробовалъ приготовлять изъ кусочковъ окрашенныхъ костей, не дали мнѣ рѣшительно никакихъ доказательствъ ни за ни въ пользу утвержденія пр. *Кулаковскаго*, но не дали ихъ, по моему мнѣнію, и препараты пр. *Якимовича*. На основаніи всего сказаннаго, я полагаю, что утвержденія пр. *Кулаковскаго* нѣсколько поспѣшны.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ можно было бы, не снимая кожи съ черепа, провести тѣ символическія тонкія бороздки, которыя замѣчены мною на трехъ черепахъ и которыя на одномъ связаны съ тонкими, прямыми каналами, несомнѣнно пробуравленными человѣческой рукой.

Означенные канальцы и бороздки сами по себѣ являются интересною бытовою деталью неолитическихъ обитателей одесскаго залива. Я въ настоящее время не могу сообщить по ихъ поводу никакого другого, параллельнаго явленія.

Вторымъ интереснымъ археологическимъ фактомъ кургана я считаю характеръ погребеній. *М. Ѳ. Шкадышекъ* сообщилъ о трехъ видахъ положенія скелетовъ—вытянутые, спящіе и въ утробномъ положеніи, а затѣмъ: погребенные въ кистахъ, въ материкѣ и въ насыпи. По поводу всего этого разнообразія способа помѣщенія трупа при погребеніи я хотѣлъ бы только указать, что оно не можетъ доказывать разновременности погребеніи Въ современной этнографіи можно найти сколько угодно фактовъ, что у племенъ, помѣщающихъ своихъ покойниковъ въ могилы въ скорченномъ видѣ, имѣются и другіе способы погребенія въ зависимости отъ соціальнаго положенія или отъ рода смерти или даже отъ степени наступившаго окоченѣнія, которое можетъ составить значительное препятствіе для приведенія трупа въ скорченное положеніе (*Andree*).

Несмотря на общее впечатлѣніе отъ скелетовъ, какъ принадлежащихъ рослому, мускулистому и подвижному населенію, на двухъ—трехъ скелетахъ имѣются ясные слѣды болѣзненныхъ измѣненій въ видѣ наростовъ костной массы около суставовъ. Это все измѣненія, вызываемыя артритами, воспаленіями суставовъ, чѣмъ страдалъ доисторическій человѣкъ еще съ палеолитическаго періода вмѣстѣ съ пещерными медвѣдями и гіенами. Извѣстно, что *R. Virchow* собралъ себѣ цѣлую коллекцію такихъ доисторическихъ измѣненій. Кромѣ того, у нашихъ череповъ сохранились кое гдѣ послѣдствія страданій зубовъ.

Въ заключеніе, я долженъ сказать, что въ антропологическомъ отношеніи курганъ представляетъ чрезвычайный интересъ—и окончаніе его раскопки настоятельно необходимо.

Списокъ упомянутыхъ сочиненій.

1. *Andree R.* Ethnologische Betrachtungen über Höckerbestattung. Arch. f. Anthrop. N. F. Bd. VI. 1907.
2. *Анучинъ Д. О.* О черепахъ изъ кургановъ и могильниковъ Изюмскаго уѣзда Харьковской губерніи. Труды XII Археол. съѣзда. Харьковъ 1902 г.
3. *Bogdanow* A. Quelle est la race la plus ancienne de la Russie centrale. Com. r. du Congr. intern. de Moscou. 1892.
4. *Boule M.* L'homme fossile de la Chapelle—aux—Saints. 1913.
5. *Иностранцевъ* А. Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера. 1882 г.
6. Конференція по антропологіи славянъ. Korrespondenzblatt der Deut. Ges. für Anthropol., Ethn. und Urgeschichte. Jahrg. XLII, № 7/12, 1912.
7. *Manouvrier L.* La platimérie. Congr. intern. d'Anthropol. et d'Archéol. préhistorique. 10 Sess. 1889.
8. *Pigorini.* La XIII Sess. du Congr. intern. d'Anthropol. et d'Archéol. préhistorique. Vol. XVII, 1906.
9. *Поповъ М.* Труды Харьковскаго предварит. комитета къ археол. съѣзду въ Харьковѣ. 1902 г.
10. *Rauber.* Der Schädel von Kegel. Intern. Monatschr. f. Anat. und Physiol. Bd. XXIII, 1906.
11. *Retzius G.* Crania Suecica antiqua.
12. *Ripley W.* The Races of Europe. 1900.
13. *Sergi G.* Varietà umana della Russia e del Mediterraneo. Atti Soc. Rom. Anthrop. I, 1893.
14. Онъ же. Di quanto il tipo del cranio della presente popolatione della Russia centrale diiferisce dal tipo antico dell'epoca dei Kurgani. Тамъ же, V, 1897.
15. *Самоквасовъ Д.* Могилы земли русской.
16. *Stolyhwo K.* Le crâne de Nowosiolka considéré comme preuve de l'existence à l'époque historique de formes apparentées à Homo primigenius. Bull. Acad. Sc. Cracov. 1908.
17. *Talko-Hryncewicz.* Contribution à l'étude des Kourgans de l'Ukraine. Cracovie. 1900.
18. *Tschepourkowsky E.* Anthropologische Studien. Arch. f. Anthrop. N. F. Bd. X, 1911.
19. Графъ Уваровъ. Археологія Россіи 1881.
20. *Weinberg R.* Zentralblatt für Anthropol. 1901.
21. *Zaborowsky.* Du Dniestr à la Caspienne. Bull. de la Soc. d'Anthrop. vol. VI. 1895.

Д. Третьяковъ.

Гр. М. С. Воронцовъ и крестьянскій вопросъ [1]).

Крестьянскій вопросъ и аграрныя отношенія на югѣ Россіи, въ предѣлахъ Бессарабіи и Новороссійскаго края, не служили предметомъ самостоятельнаго изслѣдованія. Такой пробѣлъ въ изученіи крестьянскаго и аграрнаго строя вообще въ южной Россіи слѣдуетъ признать весьма существеннымъ. Изслѣдованіе названныхъ вопросовъ для юга Россіи представляетъ исключительный интересъ, благодаря той оригинальной жизни, которая здѣсь складывалась. Югъ Россіи въ теченіи очень продолжительнаго времени, во всякомъ случаѣ со времени присоединенія его къ Россіи, съ конца XVIII в., представлялъ бассейнъ, въ который стекали разнородные національные элементы; пестрое, по національному, вѣроисповѣдному и соціальному составу, населеніе юга создавало мѣшанину и крайнюю пестроту обычныхъ и юридическихъ нормъ, которыя заносились сюда новыми поселенцами и которыми управлялись мѣстные жители. Колонизаціонная политика русскаго правительства, которая въ первую очередь стремилась создать на дальнемъ югѣ живой авангардъ, съ теченіемъ времени должна была осуществить вторую важнѣйшую свою политическую задачу: слить этотъ авангардъ съ центромъ, сплотить въ одно цѣлое. Задача была трудная и сложная постолько, посколько разнороднѣе были входящіе въ южную окраину элементы. Ломать кореннымъ образомъ и сразу понятія и представленія южныхъ поселенцевъ являлось совершенно нежелательнымъ въ цѣляхъ привлеченія и расположенія новыхъ подданныхъ; сохраненіе мѣстныхъ и туземныхъ правовыхъ и иныхъ представленій было нежелательно, съ другой стороны, и кореннымъ образомъ расходилось съ планами государственной централизаціи, тутъ то и оказалось чрезвычайное затрудненіе, которое уже было создано колонистами купно съ аборигенами.

Изученіе государственной политики на югѣ Россіи, изслѣдованіе путей насажденія русской гражданственности въ Бессарабіи, Новой Россіи вопросъ чрезвычайно интересный, но это дѣло не скораго бу-

[1]) Настоящая статья написана на основаніи хранящихся въ архивѣ б. Новор. и Бессарабск. ген.-губ. дѣлъ: № 75, 17 окт. 1823 г., л. 2—9; л.л. 95—96; 73—75; 1824 г., № 133/655 на 122 лл.; № 75, 1824 г., л. 67—72; 110—114; 1828 г., № 35 на 104 лл. Ср. статью автора по тому-же вопросу въ XXXI т. «Записокъ Имп. Од. Общ. Ист. и Др.».

дущаго. Огромный сырой архивный матеріалъ, хранящійся, хотя бы въ архивѣ бывшей канцеляріи Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора, даетъ положительно неисчерпаемый источникъ для изученія судебъ юга Россіи. Все что сдѣлано до сихъ поръ для ознакомленія съ этой сокровищницей оставляетъ желать еще весьма и весьма многаго и очередная задача нашихъ мѣстныхъ ученыхъ обществъ организовать систематическое обслѣдованіе названнаго архива [1]).

Занимаясь эпохой управленія Новороссійскимъ краемъ и Кавказомъ М. С. Воронцовымъ, мы и остановились на тѣхъ нѣкоторыхъ моментахъ крестьянскаго вопроса, которые связаны съ политикой кн. М. С. Воронцова.

Не претендуя на широкіе замыслы, въ настоящихъ очеркахъ мы полагали бы необходимымъ дать нѣсколько отрывковъ, характеризующихъ позицію русской политики касательно крестьянскаго населенія и видовъ землепользованія южной окраины.

Спѣшимъ оговориться, что при существующемъ положеніи разработки архивныхъ данныхъ и при огромной массѣ ихъ, единоличными силами возможно вести лишь частичное монографическое обслѣдованіе, слабую попытку котораго мы здѣсь предлагаемъ.

Обязанные поселяне.

Послѣ присоединенія земель между Бугомъ и Днѣстромъ стали въ большомъ числѣ переселяться на эти земли изъ за-границы; переселенцы появлялись какъ до раздачи новыхъ земель помѣщикамъ, такъ и послѣ. Въ 1795 г. переселенцы были внесены въ общую перепись, а помѣщики, пользуясь этимъ, стали считать переселенцевъ своими крѣпостными, переселенцы воспрепятствовали такому толкованію и начались большія недоразумѣнія, которыя подрывали хозяйственную устойчивость обѣихъ сторонъ; такъ какъ поселенцы на новыхъ земляхъ въ сущности никакими законоположеніями ограждены не были, то Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ виду свѣдѣній о ненормальныхъ отношеніяхъ между помѣщиками и поселенцами разработало особое положеніе, долженствующее регулировать взаимоотношенія между владѣльцами земель и сидящимъ на нихъ населеніемъ, 20 сент. 1804 г., Положеніе получило Высочайшую санкцію; согласно новому Положенію всѣ заграничные выходцы, разселившіеся на частновладѣльческихъ земляхъ въ Тираспольскомъ у., Херсонской губ. получили названіе *обязанныхъ поселянъ*, были „изъяты изъ крѣпостного состоянія, но оставлены на тѣхъ земляхъ, гдѣ они по ревизіи 1795 г. записаны безъ права перехода“; однако, Положеніе было издано временно, въ будущемъ надлежало выработать болѣе прочныя пра-

[1]) См. А. В. Флоровскій, Собраніе Высочайшихъ грамотъ и указовъ въ арх. упразди. Новорос. и Бессар. ген.-губ. управленія, Од. 1912 г.

вила; значеніе уже изданнаго Положенія заключалось въ томъ, что оно устанавливало два момента въ правовомъ положеніи заграничныхъ выходцевъ; заграничные выходцы не были признаны крѣпостными, вопреки домоганіямъ помѣщиковъ, но это отрицательное опредѣленіе страдаетъ неясностью, оно не квалифицируетъ правовыхъ нормъ состоянія обязанныхъ поселянъ; второй моментъ, опредѣляемый Положеніемъ заключается въ томъ, что признанные не крѣпостными обязанные поселяне, были лишены свободы перехода съ владѣльческихъ земель, а это создавало для класса, повидимому, свободныхъ людей, нѣкоторую крѣпость. Неопредѣленность въ правовомъ положеніи временно обязанныхъ поселянъ вынудила Херсонское губернское Правленіе 9 марта 1805 г. опредѣлить, что „обязанные поселяне разумѣются тѣ иностранные поселенцы, которые прежде раздачи помѣщикамъ земель между Бугомъ и Днѣстромъ въ Тираспольскомъ у., найдены на оныхъ водворенными и кои послѣ раздачи переведены или сами перешли изъ заграницы [1]); эти обязанные поселяне должны работать на помѣщика всѣмъ обществомъ двѣнадцать дней въ году; по разъясненію Херсонскаго губернскаго правленія, эти дни распредѣляются такимъ образомъ: 1) для приготовленія весною къ посѣву помѣщичьихъ сѣмянъ, распашки и посѣва на помѣщика—три дня; 2) на сѣнокосъ и уборку сѣна, на приготовленіе земли къ посѣву помѣщичьяго озимаго хлѣба—четыре дня; 3) на жатву и уборку хлѣба и сѣна—пять дней, всего 12 дней, вмѣстѣ съ тѣмъ Херсонское Губернское управленіе считало болѣе цѣлесообразнымъ распредѣленіе этихъ дней по характеру и качеству работъ предоставить добровольному соглашенію сторонъ. Херсонскій военный губернаторъ съ своей стороны, соглашаясь съ губернскимъ правленіемъ, предписалъ привести въ дѣйствіе указанное постановленіе, „внушивъ обязаннымъ поселянамъ, такъ и владѣльцамъ ихъ, чѣмъ первые послѣднимъ должны и чтобы поселяне до будущаго о рабочихъ дняхъ постановленія исполняли безропотно по настоящему, а помѣщики ни подъ какимъ предлогомъ не вымогали отъ поселянъ болѣе того, что по Высочайше утвержденномъ для нихъ положеніи опредѣлено, подтвердя при томъ крѣпко земской полиціи, дабы присматривались почаще въ деревни, обязанными поселянами обитаемыя, чтобы ни сіи, ни помѣщики ихъ не выходили изъ границъ, правилами имъ предписанныхъ“. Херсонское губернское правленіе командировало отъ себя н. сов. фонъ-Швейдена, чтобы „съ предводителемъ дворянства, земскимъ исправникомъ и стряпчимъ объявилъ то постановленіе, какъ обязаннымъ поселянамъ и владѣльцамъ *со всею ясностью и крайнею осторожностью отъ излишнихъ и несовмѣстныхъ о томъ истолкованій*“. Мы не знаемъ, каковы были практическіе результаты всѣхъ этихъ постановленій и рѣшеній, но мѣстная власть думала о замѣнѣ временнаго Положенія болѣе по-

[1]) Признаны подходящими «подъ ея званіе молдавской націи люди».

стояннымъ; такъ Херсонскій гражданскій губернаторъ Гладкій въ особомъ рапортѣ, отъ 16 мая 1806 г., извѣщалъ бывшаго Херсонскаго военнаго губернатора дюка-де-Ришелье, что имъ Гладкимъ, на основаніи п. 5 Высочайшаго рескрипта 20 сент. 1804 г., уже составлено Положеніе о временно-обязанныхъ поселянахъ; Ришелье представилъ проектъ Положенія Гладкаго Министру внутреннихъ дѣлъ В. П. Кочубею, „который, сдѣлавъ на ономъ свои замѣчанія, препроводилъ оныя обратно для составленія вновь другого начертанія". Дюкъ де-Ришелье 26 іюня 1807 г. предложилъ Гладкому составить другой проектъ, который былъ бы, „сколько можно, сообразнѣе съ намѣреніемъ правительства о устроеніи обязанныхъ поселянъ", Гладкій составилъ новый проектъ и представилъ его Ришелье 31 дек. 1807 г.,какая судьба постигла этотъ исправленный проектъ сказать трудно, какъ отнеслись въ высшихъ сферахъ къ тому, то же неизвѣстно, во всякомъ случаѣ никакого новаго положенія обязанные поселяне не получили, все осталось по старому Не удовлетворялъ ли проектъ Гладкаго правительственныя сферы или помѣшали какія-либо постороннія обстоятельства мы не знаемъ, за неимѣніемъ соотвѣтствующихъ свѣдѣній, но дѣло о положеніи обязанныхъ поселянъ заглохло на цѣлыхъ 17 лѣтъ, до 1824 г., до вступленія въ управленіе кн. М. С. Воронцова; между тѣмъ, повидимому, спокойнаго теченія жизни среди заграничныхъ выходцевъ не было. Любопытно отмѣтить, что помѣщичьи крестьяне Тираспольскаго уѣзда „превратно" толковали Высочайшій указъ 20 сент. 1804 г. „съ конфирмованнымъ при ономъ Положеніемъ для вышедшихъ изъ—за-границы переселенцевъ и въ Тираспольскомъ у. между Буга и Днѣстра на земляхъ помѣщичьихъ поселившихся, о не повиновеніи ихъ помѣщикамъ и о постановленіи до будущаго Положенія сколько дней работать они должны и въ какое время года".

Проектъ или „постановленія" Гладкаго оказался только въ одной редакціи; что же касается первоначальнаго текста и тѣхъ замѣчаній, какія были сдѣланы В. П. Кочубеемъ, то такового въ архивѣ не оказалось, и сужденій о немъ имѣть нельзя. Но мнѣнія Гладкаго, вы разившіяся въ имѣщейся у насъ редакціи заслуживаютъ особаго вниманія. Вообще съ Положеніемъ о временно-обязанныхъ поселянахъ въ Тираспольскомъ уѣздѣ ничего сдѣлано не было.

Всѣхъ обязанныхъ поселянъ въ Тираспольскомъ уѣздѣ числилось 1696 д. м. п. На основаніи Положенія 20 сент. 1804 г. Гладкій формулируетъ рядъ правилъ, долженствующихъ разъ на всегда регулировать взаимоотношенія между помѣщиками и обязанными поселянами; согласно съ Положеніемъ Гладкій признаетъ, что къ обязаннымъ поселенцамъ не могутъ быть причислены тѣ помѣщичьи крестьяне, которые уже переведены изъ внутреннихъ русскихъ губерній, равно и тѣ, которые могутъ далѣе выселяться изъ—за-границы и водворяться на помѣщичьихъ земляхъ по добровольнымъ соглашеніямъ съ послѣдними; положеніе выходцевъ этой категоріи обуслов-

лено указомъ 9 мая 1802 г., который запрещалъ, съ одной стороны, „личное сихъ переселенцевъ укрѣпленіе“, а съ другой—предписывалъ „образъ условій въ повинностяхъ ихъ къ владѣльцамъ земель“. Обязанные поселяне должны отставаться „на всегда безъ перехода на тѣхъ земляхъ, гдѣ они по ревизіи 1795 г. записаны и потому обязаны они, исполняя долгъ свой безъ малѣйшаго порядка въ отношеніи къ своимъ помѣщикамъ, стараться всѣми мѣрами о прочномъ и благонадежномъ себя укорененіи и о распространеніи своего хозяйства сколько для своей и помѣщичьей, не меньше того и для государственной пользы, въ противномъ же случаѣ всякій покушавшійся на своевольный переходъ подвергается строгому, по законамъ, сужденію, но ежели кому-либо изъ обязанныхъ поселянъ пожелаетъ дать свободу въ такомъ случаѣ уволенный въ отношеніи рода жизни имѣетъ воспользоваться общимъ правомъ представленнымъ крестьянамъ изъ помѣщичьихъ владѣній увольняемымъ“. Обязанные поселяне, соотвѣтственно обычаямъ Молдавіи, уплачиваютъ со всѣхъ земныхъ произведеній ежегодно $^1/_{10}$ часть или по соглашенію натуральная повинность можетъ быть замѣнена денежной. Помѣщики обязываются дать каждому семейству въ цѣломъ, „а не порознь на всякаго рабочаго человѣка такіе участки земли, которые соотвѣтствовали бы настоящей выгодѣ по возможности и состоянію ихъ“, если поселянинъ не окажется въ силахъ обработать земельный надѣлъ, то помѣщикъ же долженъ дать средства, необходимыя для обработки земли т. е. „привести его хозяйственными мѣрами въ состояніе имѣть рабочій скотъ и принадлежность къ земледѣлію“, когда поселянинъ будетъ доведенъ до такого хозяйственнаго состоянія, тогда только помѣщикъ вправѣ требовать десятину. „Десятину сію всякій обязанный поселянинъ долженъ свести помѣщику попеченіемъ своимъ на мѣсто помѣщикомъ показанное, прежде собственнаго своего хлѣба“; повинность обязаннаго поселянина не исчерпывается платежами десятины съ поземельнаго урожая, онъ обязывается уплачивать $^1/_{10}$ съ овцеводства, только въ томъ случаѣ, если овцы пасутся на помѣщичьей землѣ; отъ десятины освобождается рабочій рогатый скотъ и лошади, „яко служащихъ къ обрабатыванію земли, отъ произведенія коея помѣщикъ получаетъ уже положенный доходъ“. Согласно съ обычаями Молдавіи поселяне должны работать на помѣщика „всѣмъ обществомъ 12 дней въ году“, и по мѣстнымъ особенностямъ губернское начальство должно опредѣлить какъ характеръ работъ, такъ и время ихъ начала; къ этимъ работамъ привлекаются поселяне въ возрастѣ отъ 15 до 60 л. Сколько же рабочихъ должно выходить въ день—опредѣленіе этого предоставляется „усмотрѣнію настоящей надобности въ единственное распоряженіе помѣщиковъ, безъ всякаго со стороны поселянъ противорѣчія“. Отъ работъ на помѣщика освобождаются женщины, но во время жатвы, „особливо въ несвойственномъ мужчинамъ упражненіи“ для собиранія конопли, льна, чистки кукурузы могутъ быть созываe-

мы женщины и дни ихъ работъ засчитываются въ число 12 обязательныхъ рабочихъ дней, „щитая оные какъ бы самими мужчинами отработанными". Помѣщику не возбраняется „созывать обязанныхъ поселянъ на помощь или толоку", но явиться на работу „зависитъ уже отъ собственной воли поселянъ и ни подъ какимъ видомъ къ сему *понуждаемы они быть не должны*"; сверхъ уже указанныхъ повинностей поселяне 3 дня въ году „въ свободное отъ другихъ полевыхъ работъ время" повинны косить, вывозить бурьянъ или камышъ; поселяне могутъ быть призываемы „на обработываніе виноградныхъ помѣщичьихъ и садовъ", но за плату по 25 к. въ день.

Положеніе Гладкаго подчеркиваетъ особенно настоятельно, что поселянъ помѣщики не могутъ „ни по рознь, ни семействами продавать, дарить и уступать, ни въ услуги домашнія брать, *развѣ по собственному ихъ согласію*", не допуская продажи порознь. Положеніе признаетъ за помѣщиками право, по которому они вправѣ продавать земли, населенныя поселянами, „яко собственность совершенно имъ принадлежащую"; во избѣжаніе, повидимому спекуляцій людьми, наемъ прислуги или отдача поселянами дочерей въ качествѣ прислуги, долженъ происходить съ вѣдѣнія мирскаго суда или старосты, эти агенты власти призываются свидѣтельствовать условія договора и слѣдить, чтобы, напримѣръ, не имѣли мѣста невыгодныя для малолѣтнихъ сдѣлки.

Помѣщикамъ, которые лишаются Положеніемъ распоряженія личностью, ни подъ какимъ видомъ не разрѣшается самимъ наказывать поселянъ; провинившіеся поселяне для сужденія о степени проступка отсылаются въ мирской судъ долженствующій быть учрежденнымъ. Составъ суда организуется самимъ обществомъ, старосты въ судъ избираются отъ каждаго селенія или сотни, „какъ то сами они выгоднѣйшимъ для себя признаютъ", Староста при мирскомъ судѣ долженъ „имѣть неусыпное смотрѣніе за порядкомъ между обязанныхъ поселянъ", избравшей его сотни. Избранные для несенія общественной службы освобождаются, за время несенія службы, отъ повинностей въ пользу помѣщика, всѣ повинности отправляются за избраннаго его избирателями. По отношенію къ этимъ избраннымъ общественной волей старостамъ помѣщикъ надѣляется очень большой властью, которая лишаетъ значенія систему избранія; если помѣщикъ замѣтитъ, что старосты „удаляются отъ порядка или потворствуютъ поселянамъ, примѣченнымъ въ маловажныхъ преступленіяхъ", *могутъ отрѣшать ихъ отъ должности и даже приказать избрать другихъ*, подобную „перемѣну можетъ онъ (помѣщикъ) по *два раза ежегодно учинить*"; помимо этого, если помѣщикъ „усмотритъ, что кто-либо изъ обязанныхъ поселянъ ведетъ развратную жизнь и нерадя о своемъ хозяйствѣ, переводитъ оное на деньги, подавая тѣмъ о себѣ сомнѣніе въ покушеніи къ побѣгу", то помѣщикъ имѣетъ право обратиться къ мирскому суду съ требованіемъ о принятіи соотвѣтственныхъ мѣръ

и въ случаѣ неудовлетворенія рѣшеніемъ его, то и къ Нижнему Земскому суду; точно также поступаютъ поселяне, если помѣщикъ начинаетъ предъявлять требованія объ исполненіи повинностей, сверхъ установленныхъ, а „Земскій судъ и исправникъ, по изысканіи истины, *не смотря на лицо*, обязываютъ помѣщика къ исполненію настоящаго Положенія".

Поселянамъ предоставляются проектомъ льготные годы по отбыванію рекрутской повинности. до хозяйственнаго обзаведенія, по прошествіи этихъ лѣтъ обязанные поселяне даютъ рекрутовъ наравнѣ съ прочими сословіями, отбывающими эту повинность, если помѣщикъ до срока или вообще будетъ насильно сдавать поселянъ въ рекруты, „то судъ мирской долженъ за то вступаться и представлять земскому суду или исправнику".

Положеніе по проекту Гладкаго, цѣликомъ основанное на Положеніи 20 сент. 1804 г. и представляющее его разъясненіе и толкованіе имѣетъ безспорно свои достоинства, какъ попытка поставить положеніе обязанныхъ поселянъ подъ защиту закона, но попытка эта не осуществлена, потому что она сохранила широкую власть за помѣщикомъ; какъ Положеніе 1804 г., такъ и проектъ Гладкаго, закрываютъ разъ на всегда выходъ изъ состоянія обязанному поселянину, правда такой выходъ какъ будто имѣется, но переходъ поселянина въ разрядъ свободныхъ людей зависитъ отъ доброй воли помѣщика и нисколько не вытекаетъ изъ юридическихъ нормъ; нельзя также не усмотрѣть смѣшенія какъ актовъ чисто юридическаго характера, слѣдовательно способныхъ гарантировать minimum правъ поселенцевъ, съ соглашеніемъ или усмотрѣніемъ помѣщика, т. е. моментомъ субъективнымъ; Гладкій возстаетъ противъ возможности продажи поселенцевъ порознь, и мы ожидали бы предположенія серьезныхъ предпосылокъ, какъ общечеловѣческихъ, хозяйственныхъ и т. п, направленныхъ противъ вреднѣйшаго института, но этого не оказывается, абсолютнаго осужденія нѣтъ; продажа людей порознь можетъ быть допущена при условіи согласія поселенца, ибо согласіе и готовность подобнаго рода со стороны помѣщика безспорны; наконецъ, особенно характерно стремленіе проекта, правда, глухо прорывающееся, надѣлить помѣщика вотчинной властью; право отрѣшать выборныхъ властей мира, при чрезвычайно благопріятныхъ вообще для помѣщика условіяхъ, право весьма широкое, которое сводило на нѣтъ выборное начало и вооружало помѣщика очень сильнымъ оружіемъ, вслѣдствіе чего роль контроля, которая приписывается мирскому суду, хотя бы при участіи старостъ въ качествѣ свидѣтелей при совершеніи условій найма поселенцевъ съ помѣщиками, покоилась на весьма зыбкомъ основаніи; такимъ образомъ, тенденціи, духъ крѣпостничества осилили всѣ, безспорно положительныя стороны проекта, и покрыли своей тяжестью весь проектъ, сдѣлавъ его непримѣнимымъ къ обязаннымъ поселянамъ, не крѣпостнымъ въ полномъ объемѣ этого

понятія, но дѣйствительной жизнью поставленнымъ очень близко къ крѣпостному институту.

Когда вступилъ въ управленіе Новороссійскимъ краемъ кн. М. С. Воронцовъ, то засталъ большой безпорядокъ: „кто хотѣлъ, тотъ дѣйствовалъ по старому, а другой по новому учрежденію“, между помѣщиками и поселянами происходили постоянныя недоразумѣнія, мѣстная власть руководствовалась собственнымъ Положеніемъ, которое ни отъ кого не удостоилось санкціи. Кн. М. С. Воронцовъ въ первую очередь постановилъ ввести въ надлежащую силу и дѣйствіе Положеніе 1804 г., позаботился о точномъ его исполненіи, слѣдствіемъ этого было то, что жалобы поселянъ и помѣщиковъ нѣсколько уменьшилось. До эпохи М. С. Воронцова помѣщикъ былъ озабоченъ одной мыслью, какъ бы заселить свои земли, искалъ охотниковъ, „и не думалъ о кондиціяхъ съ поселяющимися, а если и предлагалъ, то самыя маловажныя“, со временемъ, съ постепеннымъ заселеніемъ и увеличеніемъ населенія, уменьшеніемъ земельныхъ площадей, цѣнность земли стала возрастать, помѣщики стали предъявлять болѣе строгія требованія къ обязаннымъ поселянамъ въ отношеніи отбыванія повинностей, обязанные поселяне отстаивали незыблемость старыхъ условій. Присматриваясь къ мѣстнымъ условіямъ, М. С. Воронцовъ пришелъ къ выводу, что нѣтъ надобности издавать какія нибудь Положенія, достаточно только помѣщику предоставить распоряженіе землей по личному усмотрѣнію, а обязаннымъ поселянамъ—своей личностью, между тѣмъ существующій запретъ о переходѣ обязанныхъ поселянъ съ помѣщичьихъ земель, по мнѣнію М. С. Воронцова, не можетъ не быть для нихъ стѣснительнымъ, особенно потому, что въ Бессарабской области „поселяне суть всѣ свободнаго состоянія“. Назначенная Высочайшей властью коммиссія должна была разработать проектъ о взаимоотношеніи обязанныхъ поселянъ и помѣщиковъ. По предположенію М. С. Воронцова, обязанные поселяне до 1 янв. 1828 г. должны оставаться подъ дѣйствіемъ Положенія 20 сент. 1804 г., по прошествіи этого срока поселяне могутъ оставаться на помѣщичьихъ земляхъ лишь на основаніи соглашенія съ помѣщиками; если соглашенія по какимъ-либо обстоятельствамъ происходить не будутъ или поселянинъ уйдетъ отъ помѣщика, то таковымъ должна быть открыта возможность селиться на казенныхъ земляхъ наравнѣ съ казенными крестьянами; такимъ образомъ, М. С. Воронцовъ въ представленіи своемъ на Высочайшее имя значительно упрощалъ Положеніе объ обязанныхъ поселянахъ и трактовалъ послѣднихъ, какъ людей вольныхъ, которымъ предоставлялась полная свобода дѣйствій; такая точка зрѣнія на обязанныхъ поселянъ разрушала то несправедливое положеніе, которымъ люди вольные превращались въ крѣпостныхъ. Правда, о свободѣ личности поселянъ думали и другіе администраторы до М. С. Воронцова: гр. Ланжеронъ распорядился, „дабы обязан-

ные поселяне не были помѣщены въ число подданныхъ или кресть янъ", нораспоряженіе осталось на бумагѣ.

Мнѣніе М. С. Воронцова удостоилось Высочайшей санкціи 27 1827 г.; по указу этого года, 1) изданное въ 1804 г. Положеніе объ отношеніяхъ и повинностяхъ поселянъ между Бугомъ и Днѣстромъ и помѣщиками сохраняется въ силѣ до 1 янв. 1829 г., 2) съ этого времени взаимоотношенія между обязанными поселянами и владѣльцами земель регулируются только ихъ соглашеніями; 3) признавая за одной стороной свободу распоряженія землей, указъ требуетъ, чтобы формальныя соглашенія о пользованіи землями заключались не болѣе какъ на 20 л., и представлялись въ уѣздный судъ, чтобы послѣдній могъ предотвращать, помимо незаконности сдѣлокъ, возможность закрѣпощенія поселянъ; 4) указъ требуетъ „не принуждать ни помѣщиковъ, ни поселянъ къ заключенію таковыхъ условій", 5) но при поселеніи обязанныхъ поселянъ на помѣщичьихъ земляхъ безъ заключенія формальныхъ условій, жалобы отъ сторонъ не могутъ приниматься во вниманіе, „кромѣ дѣйствій противныхъ общимъ гражданскимъ и уголовнымъ законамъ", 6) всѣ нарушенія состоявшагося условія разбираются третейскимъ судомъ, если послѣдній не разрѣшитъ споровъ, то уѣзднымъ судомъ; 7) обязаннымъ поселянамъ, по ихъ собственному желанію, открывается возможность переселяться на казенныя земли, „гдѣ по удобности и усмотрѣнію мѣстнаго начальства такое переселеніе допущено быть можетъ, съ обращеніемъ переселенцевъ въ число казенныхъ поселянъ", Казенная Палата и гражданскій губернаторъ приглашаются „оказывать переселенцамъ законное пособіе и содѣйствовать къ прочному устроенію ихъ на новомъ жительствѣ".

Татары поселяне.

Татары на Таврическомъ полуостровѣ со времени вступленія ихъ въ подданство Россіи управлялись различнаго рода законоположеніями, распоряженіями, изданными разновременно, не согласованными между собою, часто противорѣчивыми; съ прочнымъ утвержденіемъ русской власти естественно возникла мысль о точномъ разграниченіи правъ и обязанностей инородческаго элемента на полуостровѣ, возникла необходимость объ укрѣпленіи основъ русской гражданственности въ новой области, необходимость выйти, наконецъ, на путь систематическаго строительства; насущная забота объ устроеніи гражданскихъ отношеній на полуостровѣ въ первую очередь коснулась многочисленнаго туземнаго населенія, татаръ.

Въ октябрѣ 1823 г. Государственной канцеляріей былъ составленъ *„Проектъ положенія для татаръ поселянъ Таврической губерніи"*. Проектъ распадается на нѣсколько частей, въ первой основной части трактуется о правахъ татаръ вообще.

Личное право. Татары Таврической губ. признаются лично свободными и приравниваются къ казеннымъ поселянамъ; какъ лично свободные, татары вольны заключать съ помѣщиками условія касательно пользованія землями, переходить отъ одного владѣльца къ другому, по исполненіи всѣхъ обязательствъ, съ соблюденіемъ всѣхъ существующихъ распоряженій; татары свободно переселяются съ помѣщичьихъ земель на казенныя и обратно; равно имѣютъ право временныхъ отлучекъ изъ своихъ селеній съ увѣдомленіемъ о томъ сельскаго общества; при непродолжительности отлучекъ для проѣзда не требуются особые виды отъ начальства.

Проектъ гарантируетъ татарамъ личную неприкосновенность, они „не могутъ быть наказываемы иначе, какъ по судебному рѣшенію или приговоду сельскаго общества“; для предотвращенія злоупотребленій властью надъ личностью татаръ со стороны помѣщиковъ первымъ „представляется право приносить въ надлежащія судебныя мѣста жалобы на помѣщиковъ, ежели сіи послѣдніи или ихъ управители причиняютъ имъ обиды, побои или другаго какого-либо рода оскорбленія“, мѣстному крымскому начальству „строго предписывается немедленно разсматривать такого рода дѣла, показывать обиженнымъ полное удовлетвореніе по всей строгости законовъ“. Обязанности татаръ по отношенію къ владѣльцамъ земли, обуславливаются соглашеніями и на какія-либо личныя услуги и работы татары не могутъ быть требуемы.

О правѣ собственности. Признанный лично свободнымъ, татаринъ признается надѣленнымъ правомъ собственности; это право заключается: 1) въ земляхъ общественныхъ, принадлежащихъ цѣлымъ селеніямъ крестьянъ казеннаго вѣдомства, на эти земли имѣютъ они всѣ права собственности, кромѣ права продажи; 2) въ домахъ, огородахъ, участкахъ земли, пріобрѣтенныхъ татариномъ или его семействомъ; 3) въ сельско-хозяйственныхъ орудіяхъ, рабочемъ скотѣ и во всемъ, что „въ домашнемъ ихъ быту въ собственность имъ принадлежитъ“; земельную собственность татары могутъ дѣлать предметомъ гражданскаго оборота, „но не иначе, какъ *съ согласія сельскаго ихъ общества* и съ вѣдома помѣщика“; вообще „все то, что признано закономъ собственностью татаръ принадлежитъ въ полное свободное и неотъемлемое *владѣніе*“. Съ своей собственности никакихъ повинностей платить помѣщикамъ они не обязаны.

О повинностяхъ татаръ къ помѣщикамъ. Всѣ повинности татаръ опредѣляются взаимными соглашеніями, всякое увеличеніе или уменьшеніе повинностей въ существующемъ обычномъ размѣрѣ „должно зависѣть по добровольному соглашенію отъ большихъ или меньшихъ выгодъ, предоставляемыхъ помѣщиками татарамъ поселянамъ“; всѣ споры разрѣшаются на основаніи общихъ законовъ о контрактахъ или третейскимъ судомъ. Общественныя повинности, отъ которыхъ

татары не освобождаются, исполняются независимо отъ повинностей помѣщикамъ.

Сельская расправа. Въ помѣщичьихъ земляхъ, на которыхъ живутъ татары поселяне, завѣдываніе сельской полиціей принадлежитъ помѣщику; распоряженія относительно тишины и порядка „не иначе исполняются, какъ посредствомъ муллъ и сельскихъ старостъ", которые получаютъ приказанія отъ помѣщиковъ; въ дѣлахъ уголовныхъ, спорныхъ какъ помѣщики, такъ и татары поселяне должны обращаться въ правительственныя установленія.

О правахъ на земли древнихъ и новыхъ помѣщиковъ. Признавъ право собственности на земли за татарскими обществами, отдѣльными лицами и семействами, проектъ призналъ необходимымъ разграничить права исконныхъ владѣльцевъ и новыхъ пришельцевъ послѣ завоеванія Крыма. Коммиссія для разбора земельныхъ споровъ признала неотъемлемою собственностью татаръ тѣ земли, которыя находятся „внутри дачъ помѣщичьихъ". Пахатныя земли, луга, сады и прочія, угодія, которыми владѣли лица, принадлежащія „къ духовному званію магометанскаго закона"; купцы разныхъ націй, мѣщане, разночинцы, которые по старому праву признавались собственниками и на будущее время пользуются правами собственности на владѣемыя земли; но на нѣкоторыхъ изъ видахъ земель издревле находились татарскія селенія; отношенія такихъ селеній къ владѣльцамъ земель должны быть соблюдаемы на тѣхъ самыхъ условіяхъ, какія установлены для татаръ казеннаго вѣдомства, поселенныхъ на земляхъ помѣщиковъ.

О правѣ на вакуфныя земли. Вакуфныя земли состояли въ садахъ, лугахъ, лѣсахъ, поляхъ частью отданныхъ татарами при жизни мечетямъ и училищамъ, частью отказанныхъ по духовнымъ завѣщаніямъ съ тѣмъ, чтобы съ доходовъ съ нихъ поддерживались училища и мечети; по проекту вакуфныя земли, по удостовѣреніи законными актами, должны оставаться неприкосновенной собственностью церквей и мечетей и состоять въ распоряженіи магометанскаго духовенства.

Проектъ положенія Государственной Канцеляріи подвергся весьма тщательному критическому разсмотрѣнію со стороны кн. М. С. Воронцова въ апрѣлѣ 1825 г. Въ проектѣ канцеляріи земли, принадлежащія въ собственность татарамъ, раздѣлены на три рода: 1) на участки, находящіеся внутри общественныхъ дачъ, продажа которыхъ дозволяется собственнику, но исключительно окружнымъ жителямъ, 2) на земли, находящіяся подъ селеніями татаръ казеннаго вѣдомства, но принадлежащія лично татарамъ и составляющія ихъ личную собственность, продажа этихъ земель допускается во всякія руки, но съ дозволенія Казенной Экспедиціи и санкціи Министра Финансовъ; 3) на земли, лежащія внутрь дачъ казенныхъ и помѣщичьихъ, онѣ оставляются навсегда крѣпкими за владѣльцами, но ничего не сказано о правѣ ихъ продажи; анализируя юридическія предносылки этихъ трехъ ви-

довъ земельной собственности, кн. М. С. Воронцовъ пришелъ къ выводу, что согласно этому раздѣленію нельзя утверждать, чтобы „татары имѣли право располагать по произволу землями, принадлежащими каждому изъ нихъ въ отдѣльную собственность". Для кн. Воронцова непонятенъ терминъ собственность, потому что продажа земли зависитъ отъ санкціи общества и помѣщика, а не владѣльца, болѣе цѣлесообразнымъ ему кажется предоставить татарину полную свободу въ распоряженіи движимой собственностью, поставивъ ихъ въ зависимость отъ спеціально для этой цѣли, изданныхъ правилъ. Продажа общественныхъ земель, по мнѣнію М. С. Воронцова, не должна быть запрещена; но продажа земель поселянамъ же не можетъ быть принята; М. С. Воронцовъ исходитъ изъ того соображенія, что множество участковъ на южномъ бер. Крыма чрезвычайно дороги, и поселянамъ недоступны, поэтому проектируемое правило о продажѣ собственности поселянамъ непремѣнно того селенія, въ округѣ котораго находится участокъ, лишитъ поселянъ тѣхъ выгодъ, которыя они могли бы имѣть, при пользованіи правомъ свободнаго распоряженія, съ другой стороны, это ограниченіе, „преградитъ путь къ поселенію въ лучшей части Крыма такимъ людямъ, которые одни могутъ привести страну сію въ цвѣтущее состояніе, и безъ которыхъ оно никогда не выйдетъ изъ настоящаго грубаго положенія своего".

Въ вопросѣ о повинностяхъ поселянъ кн. М. С. Воронцовъ не раздѣляетъ точки зрѣнія проекта; М. С. Воронцовъ полагаетъ, что было бы справедливѣе опредѣленіе повинностей предоставить соглашенію сторонъ; введеніе правилъ проекта потребуетъ „единовременнаго ограниченія"; при старыхъ правилахъ помѣщикъ не можетъ согнать съ земли поселянъ, но если, говоритъ критикъ, будутъ изданы новыя правила, помѣщикъ получитъ такую возможность и „дабы по оному правительство не увидѣло вдругъ толпы скитающихся безъ подданныхъ своихъ и не подвергло ихъ притѣсненіями жестокихъ людей", то необходимо положить, по крайней мѣрѣ, двухгодичный срокъ для вступленія въ силу этихъ правилъ, и лишь послѣ этого срока дозволить переселяться татарамъ, но съ тѣмъ чтобы требованіе о переселеніи объявлялось за годъ татарамъ, и земской полиціи, такимъ образомъ „всякій поселянинъ, видящій себя принужденнымъ перемѣнить мѣсто жительства, будетъ имѣть возможность заготовить новое жилище и, не теряя жатвы, засѣяннаго имъ хлѣба на старой землѣ, сдѣлавъ новый засѣвъ близъ своего дома".

Въ принципѣ М. С. Воронцовъ ничего не имѣетъ противъ передачи завѣдыванія земской полиціи помѣщикамъ, когда „во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ право сіе предоставляется и должно быть предоставлено владѣльцу земли", но „въ Крыму, гдѣ большая часть помѣщиковъ татарскіе мурзы, самовластно управляющіе живущими у нихъ татарами, и большею частію притѣсняющіе ихъ, безусловное и непремѣнное завѣдываніе помѣщиками сельскою полиціею, будетъ

источникомъ многихъ злоупотребленій и тѣмъ болѣе, что „законъ магометанскій запрещаетъ татарамъ жаловаться христіанину на единовѣрцевъ своихъ“, на основаніи этихъ соображеній М. С. Воронцовъ полагаетъ болѣе правильнымъ для огражденія интересовъ поселянъ проектъ правилъ дополнить новымъ пунктомъ, что завѣдываніе земской полиціей „представляется помѣщикамъ или повѣреннымъ ихъ не иначе какъ съ ежегоднымъ утвержденіемъ ихъ въ сей власти губернаторомъ, по представленіямъ уѣздныхъ дворянскихъ предводителей“; избраннымъ для вѣдѣнія земской полиціей, „равно какъ и самымъ помѣщикамъ, утвержденнымъ въ званіи наблюдателей порядка“ М. С. Воронцовъ проектируетъ дать наименованіе *сельскихъ судей* „съ правомъ входить въ разбирательство ссоръ и распрей подчиненныхъ имъ селянъ и прекращать оныя миролюбивыми сдѣлками“, въ „шалостяхъ и маловажныхъ винахъ требовать *отъ сельскаго общества* опредѣленія виновнымъ наказанія по положенію о сельской расправѣ“, и лишь въ случаяхъ серьезныхъ проступковъ представлять объ этомъ земской полиціи; „пользованіе такой властью не есть служба и потому сельскій судья не обязанъ безотлучно находиться въ своемъ жилищѣ, ниже просить у кого бы то ни было позволенія на отлучку“.

Наконецъ, М. С. Воронцовъ настаивалъ на необходимости перевода Положенія на татарскій языкъ. На проектъ Положенія возражалъ между прочимъ и министръ финансовъ; послѣдній полагалъ, что „для удержанія татарскаго бродяжничества не слѣдуетъ имъ переселяться съ земель казенныхъ на владѣльческія безъ важныхъ на то причинъ и безъ разрѣшенія Министра Финансовъ“, на это мнѣніе очень рѣшительно возражалъ въ свою очередь кн. М. С. Воронцовъ и считалъ, что осуществленіе предложеніе Министра Финансовъ „нарушитъ вольность крымскихъ татаръ, которые къ землѣ никогда привязаны не были“ и которые съ „древнѣйшихъ временъ имѣли и имѣютъ право переселяться съ одного мѣста на другое“, лишеніе той свободы, которой уже пользовались татары, явилось бы не реформой, а предпріятіемъ вреднымъ и ненужнымъ; помимо принципіальной нежелательности, М. С. Воронцовъ считаетъ непріемлемымъ предложеніе по чисто формальнымъ основаніямъ: „сколько переписки и сколько времени потребуютъ для полученія отъ министра, занятаго множествомъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ разрѣшенія на просьбу *каждаго татарина*, желающаго переселиться съ казенной земли на помѣщичью“, а „важность причинъ, по которымъ поселянинъ переходитъ опредѣляется *не правительствомъ, но нуждою его*. Если онъ находитъ, что ему на такомъ то мѣстѣ выгоднѣе жить, нежели на другомъ, то несправедливо будетъ удерживать его противъ желанія“; для предотвращенія бродяжничества, по мнѣнію М. С. Воронцова, необходимо объявить татарамъ, что намѣревающійся переселиться татаринъ заявляетъ о томъ за годъ земской полиціи для заготовленія земли; М. С. Воронцовъ не возражаетъ противъ того, чтобы при переселеніи съ по-

мѣщичьей земли на казенную испрашивалось разрѣшеніе. Министръ Финансовъ еще полагалъ, что для предупрежденія чрезполосности владѣнія татаръ съ частными лицами, слѣдуетъ разрѣшить татарамъ отчуждать землю только односельчанамъ, возраженіе М. С. Воронцова противъ такого мнѣнія уже приводилось выше, но не ограничиваясь сказаннымъ, М. С. ставитъ вопросъ на принципіальную точку зрѣнія и находитъ, что „установить это правило значитъ *лишить татаръ права собственности*, М. С. не видитъ „причинъ, которая дѣлала бы необходимымъ принятіе мѣры столь сильной", и не допускаетъ „что оно принесетъ несравненно больше вреда, нежели пользы". М. С. Воронцовъ „весьма далекъ отъ того, чтобы желать изгнанія или принужденія переселенія сего народа, но не могу не сказать, говоритъ онъ, что правительство должно заботиться о водвореніи въ Крыму людей промышленныхъ и трудолюбивыхъ и слѣдовательно не должно заграждать имъ путь въ пріобрѣтеніи у татаръ земель. Чрезполосное владѣніе, которое въ семъ случаѣ одно только угрожаетъ, при всѣхъ предохранительныхъ мѣрахъ со стороны правительства, не можетъ быть устранено отъ участковъ садовыхъ, разсѣянныхъ по нагорной части Крыма и до того раздробленныхъ, что иногда не только одинъ садъ, но одно большое дерево имѣетъ нѣсколько владѣльцевъ, изъ разныхъ званій, разныхъ селеній и городовъ. И такъ оставить богатства сіи единственно въ рукахъ татаръ для избѣжанія чрезполоснаго владѣнія, по мѣстному положенію неизбѣжнаго, значитъ осудить Крымъ на вѣчное запустѣніе".

О рекрутской повинности Крымскихъ татаръ и ногайцевъ.

Послѣ того какъ въ 1791 г. была взята крѣпость Анапа, оттуда вывезли много ногайцевъ на Крымскій полуостровъ; ногайцевъ „разобрали" главные военоначальники между собою и были они „оставлены за ними въ крестьянствѣ". Такихъ ногайцевъ между прочимъ досталось ген.-м. Годлевскому болѣе 200 д. м. п., которыхъ онъ и поселилъ въ своемъ имѣніи въ Таврической губ., Ѳеодосійскомъ у. и составилъ изъ нихъ деревню Алдерменъ. Наслѣдникъ этого генерала пор. Н. Годлевскій съ этихъ ногайцевъ въ 313 д. ревизскихъ душъ, получилъ въ 1816 г. 180 т. руб. и, утвердивъ ихъ въ званіи свободныхъ хлѣбопашцевъ, поселилъ въ Ѳеодосійскомъ же у. Годлевскіе платили съ этихъ ногайцевъ подати и рекрутскія деньги, какъ и за русскихъ крестьянъ, „потому что они въ числѣ крестьянъ состояли". Въ 1827 г. изъ ногайцевъ, отпущенныхъ Годлевскимъ, анапскихъ плѣнныхъ, отпущенныхъ тайн. с. Поповымъ были набраны рекруты. Ногайцы жаловались въ 1827 г. и 1828 г. М. С. Воронцову. Ногайцы Мелитоп. у. и указывали, что ногайцы поселенные въ Мелитопольскомъ у. на казенныхъ земляхъ и крымскіе татары были свободны и отъ подушныхъ и отъ поставки рекрутъ, жалобщики просили освободить ихъ отъ этихъ повинностей, такъ какъ всѣ они „подъ однимъ же скипетромъ

управляемые", прошеніе къ М. С. Воронцову оканчивалось: „удостойтѣ знаменитый начальникъ" обратить вниманіе и ходатайствовать „у милосерднѣйшаго отца отечества".

Рескриптомъ Имп. Екатерины II на имя гр. Зубова 17 сент. 1796 г. татарскому населенію была пожалована свобода отъ рекрутскаго набора. Въ рескриптѣ, правда, не говорилось о плѣнныхъ ногайцахъ магометанахъ, которые были зачислены въ крестьянство; по толкованію Таврическаго гражд. губернатора Дм. Нарышкина анапскихъ ногайцевъ „Монаршей милости лишать кажется не должно, ибо какъ оная относится не къ состоянію какому или званію, а вообще къ магометанамъ, то потому и не было надобности упоминать въ томъ рескриптѣ ни о плѣнныхъ ногайцахъ, ни о другихъ званіяхъ, которыя отъ того, исключая ногайцевъ, не подверглись натуральной поставкѣ рекрутъ", наконецъ, магометане Таврическаго полуострова „всѣ безъ исключенія", болѣе 100 т. д. вольные, плѣнные, казенные поселяне были освобождены отъ поставки рекрутъ, въ виду этого 21 іюня 1828 г. М. С. Воронцовъ, признавая вполнѣ законнымъ просьбу ногайцевъ, отпущенныхъ Годлевскимъ, ходатайствовалъ объ освобожденіи ихъ отъ рекрутской повинности, ходатайство М. С. Воронцова было удовлетворено, но съ оговоркой льготу „не считать за правило, но какъ изъятіе".

Въ вопросѣ о рекрутской повинности татаръ мнѣнія мѣстныхъ властей сильно расходились. Таврическій гражд. губ. Нарышкинъ увѣрялъ, что во время рекрутскаго набора 1831 г. многіе изъ крымскихъ татаръ „охотно изъявляютъ желаніе вступать въ военную службу по найму за русскихъ очередныхъ", мѣстныя крымскія власти даже готовы были поощрять такое рвеніе татаръ, съ условіемъ, чтобы поступленіе на военную службу „не было затрудняемо необходимостью принять христіанскую вѣру, если они того не пожелаютъ". М. С. Воронцовъ совершенно иначе смотрѣлъ на этотъ вопросъ и въ секретномъ сообщеніи гр. Чернышеву, отъ 31 мая 1831 г., въ очень сильныхъ и откровенныхъ выраженіяхъ высказывалъ свой взглядъ и раскрывалъ всю обстановку, которая показываетъ, насколько мѣстное татарское населеніе тяготѣло къ военной повинности, какъ то рисовали правительственные агенты власти (такое впечатлѣніе получается изъ ознакомленія съ черновымъ отношенія, изъ дѣлъ не видно, подверглось ли оно окончательной редакціонной поправкѣ). М. С. Воронцовъ отмѣчаетъ, что во время формированія крымскихъ татарскихъ полковъ въ 1807 г. русское правительство желало „скорѣе вывести изъ Крыма лучшихъ людей и получить въ лицѣ ихъ аманатовъ въ залогъ преданности Россіи". Таврическій гр. губ. Мертваго, получивъ такое предложеніе, воспользовался съѣздомъ въ Симферополѣ для избранія кандидатовъ на мѣсто муфтія и получилъ просьбу отъ дворянства, волостныхъ головъ черезъ губернскаго предводителя о дозволеніи представить на службу людей изъ татаръ, такое желаніе,

конечно, сотствовало видотвѣамъ правительства. „Начальство приняло рѣшительные мѣры вслѣдствіе приговора дворянства, который *вчернѣ написанъ собственною рукою губ. Мертваго* и не смотря ни на какія затрудненія полки были сформированы и отправлены въ походъ. Но причины въ то время бывшія теперь не существуютъ и мѣры, кои тогда были взяты въ настоящее время не могутъ быть допущены". Въ 1826 г. по проекту ген. Балатухова Высочайше было повелѣно сформировать гвардейскій татарскій эскадронъ; вскорѣ оказалось, что *„громкое изъявленіе вѣрноподданническаго усердія* ген.-м. Балатухова *отъ имени всего крымскаго дворянства* кончилось тѣмъ, что дворяне записали только дѣтей своихъ на службу въ гвардію, а служившіе прежде въ татарскихъ полкахъ офицеры поступили также въ оную, *но самый составъ полка не объявлялъ никогда желанія формировать на свой счетъ гвардейскій эскадронъ, побужденъ былъ мѣстнымъ начальствомъ* выставить для онаго людей и лошадей". М. С. Воронцовъ того мнѣнія что Мегметъ Мурза Крымтаевъ, представляющій желаніе составить два конныхъ полка изъ татаръ и ногайцевъ долженъ представить полномочія отъ дворянства и народа, въ противномъ случаѣ окажется „ничто иное какъ собственное намѣреніе снискать для себя какую-либо выгоду". Вообще М. С. Воронцовъ совершенно не раздѣляетъ взгляда непремѣнно привлекать татаръ къ военному дѣлу, наоборотъ, правительству „нужно стараться поддерживать и утверждать въ крымскихъ татарахъ расположеніе вести мирную жизнь и заниматься сельскимъ хозяйствомъ. Признавая весьма вреднымъ составлять изъ отдѣльныхъ націй цѣлые полки", М. С. Воронцовъ „далекъ отъ мысли преграждать татарамъ средство вступать въ военную службу", но открыть имъ возможность служить наравнѣ съ русскими; но все же, по мнѣнію М. С. Воронцова, „рано думать о рекрутскомъ наборѣ въ Крыму", и татары охотно будутъ поступать на военную службу, если бы были увѣрены, что ихъ не принудятъ принять христіанство. Относительно проектированнаго сформированія двухъ конныхъ крымскихъ полковъ М. С. Воронцовъ считаетъ долгомъ „отвѣтствовать, что *только по наряду и настоянію полиціи* возможно исполнить таковое предположеніе, но успѣха въ *добровольномъ желаніи* татарскаго дворянства и въ сформированіи двухъ полковъ еще менѣе слѣдуетъ ожидать". Препятствіе въ осуществленіи предположенія М. С. Воронцовъ видитъ еще въ томъ, что дворяне бѣдны, владѣютъ разстроеннымъ хозяйствомъ, а поселяне, какъ люди свободные, не находятся подъ вліяніемъ дворянства. Комитетъ Министровъ имѣлъ общее сужденіе о рекрутской повинности крымскихъ татаръ и принципіально былъ того мнѣнія, что ихъ необходимо „обложить рекрутской повинностью по примѣру прочихъ казенныхъ крестьянъ". Имп. Николай I вполнѣ раздѣлялъ эту точку зрѣнія, но рѣшилъ 29 апр. 1829 г. „спросить гр. Воронцова, не считаетъ ли онъ лучшимъ формировать изъ нихъ конные полки на подобіе тѣхъ, кои существовали во время

войны 1812 г. на казачьемъ основаніи", М. С. Воронцовъ не замедлилъ отвѣтить, что „сформированіе казачьихъ полковъ изъ крымскихъ татаръ, не пріобыкшихъ къ европейской военной службѣ, а по давности нахожденія въ подданствѣ Россіи гораздо болѣе получившаго навыкъ къ жизни мирной сопряжена съ весьма большими затрудненіями и неудобствами"; и издержки на сформированіе этихъ полковъ, по мнѣнію М. С. Воронцова, были бы настолько велики, что не покрылись бы пользой отъ нихъ, и лишній разъ повторяетъ основной свой взглядъ, что лучше способствовать развитію сельскаго-хозяйства среди татарскаго населенія, чтобы „какъ можно болѣе имѣлъ (Крымъ) людей для занятія хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ". Если правительству непремѣнно будетъ желательно распространеніе рекрутской повинности на татаръ, то оно легко этого достигнетъ, благодаря покорности татаръ, но боится М. С. Воронцовъ того, что татары освобожденные Высочайшей волей отъ рекрутской повинности, не поймутъ цѣли нововведенія и нарушеніе грамотъ „разрушитъ ихъ довѣріе къ другимъ законоположеніямъ, послужитъ поводомъ неумѣстнымъ разсужденіямъ, межъ тѣмъ *косвенное* постановленіе, ведущее къ той же цѣли отразитъ сіи невыгоды и приготовитъ крымскихъ мусульманъ къ общимъ правиламъ рекрутскаго набора", не слѣдуетъ формировать конныхъ полковъ на подобіе казачьихъ еще и потому, что татары не единовѣрцы русскимъ и „полезнѣе оставить ихъ домашній бытъ въ безпечной простотѣ, нежели водворять въ нихъ воинственный духъ". М. С. Воронцовъ предлагаетъ „косвенные" пріемы: рекрутскіе наборы—татаръ не „называть рекрутскимъ наборомъ, а формированіемъ полковъ", составить посемейные списки, расположить очередь набора въ соотвѣтствіи съ большинствомъ членовъ семействъ, что и „сблизитъ ихъ (татаръ) къ настоящему рекрутству".

Изучая отношенія М. С. Воронцова къ крестьянскому вопросу на югѣ Россіи, изслѣдователь долженъ отмѣтить трезвую политику этого человѣка, вытекающую изъ истиннаго пониманія вещей; самымъ знаменательнымъ въ этой политикѣ является неуклонное и постоянное требованіе считаться съ чисто мѣстными условіями жизни; исходя изъ соображенія о мѣстныхъ интересахъ, М. С. Воронцовъ часто становился въ оппозицію, и весьма рѣшительную къ той нивеллирующей политикѣ, которая исходила изъ центральныхъ учрежденій, далекихъ отъ туземныхъ интересовъ, мѣстныхъ нуждъ и потребностей; помимо этого, М. С. Воронцовъ постепенно былъ на стражѣ опредѣленнаго крѣпостного status quo, и потому всякія попытки внесенія основъ крѣпостного института русскаго въ жизнь зависимыхъ сословій юга находили въ немъ рѣзкаго противника; конечно, М. С. Воронцовъ дѣлалъ отступленія и уступки, нерѣдко противорѣчащія его взглядамъ, но они обуславливались характеромъ политическаго момента, но каковы бы ни были эти уступки М. С. Воронцовъ всегда оставался защитникомъ и хранителемъ культурныхъ формъ въ крестьянскомъ вопросѣ.

С. Аваліани.

Амага и Тиргатао.

Среди анекдотовъ о женскихъ стратегемахъ, собранныхъ Поліэномъ въ VIII книгѣ своего извѣстнаго сборника, почти въ концѣ, подъ № 55 и 56 стоятъ разсказы о двухъ сарматскихъ царицахъ Амагѣ и Тиргатао. Насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не было сдѣлано серьезной попытки оцѣнить историческую достовѣрность этихъ разсказовъ, точно фиксировать ихъ хронологически и опредѣлить источникъ, откуда эти разсказы взяты были Поліэномъ. Постараюсь это сдѣлать.

I.

Разсказъ объ Амагѣ стоитъ у Поліэна подъ № 56 (Pol. Strat., VIII, 56: Ἀμάγγ, ed. Melber). Амага была жена сарматскаго царя Медосакка; племя, которымъ управлялъ ея мужъ жило въ земляхъ, примыкающихъ къ понтійскому побережью (τῶν ἐπὶ τὴν Ποντικὴν παραλίαν καθηκόντων) [1]). Рѣчь здѣсь, конечно, можетъ итти только о побережьи на западъ отъ Азовскаго моря, т. е. о мѣстностяхъ между Днѣпромъ и Молочной, а, можетъ быть, и дальше на западъ. Центръ царства, какъ можно видѣть изъ дальнѣйшаго разсказа, находился недалеко отъ Перекопскаго перешейка.

Въ виду того, что мужъ Амаги былъ пьяница и велъ кутильный образъ жизни, государственными дѣлами пришлось вѣдать ей. Слава ея была велика среди всѣхъ скиѳовъ. Херсонесцы, жившіе въ Тавридѣ, тѣснимые царемъ сосѣднихъ скиѳовъ (τῶν παραχειμένων Σκυθῶν), попросили у ней союза. Она сначала пыталась уладить дѣло дипломатическимъ путемъ, но, когда скиѳскій царь не обратилъ вниманія на ея вмѣшательство, принуждена была воздѣйствовать на него силой. Далѣе идетъ разсказъ о молодецкомъ каваллерійскомъ рейдѣ, который Амага совершила во главѣ 120 всадниковъ. Въ одинъ день и одну ночь она проскакала 1200 стадіевъ, захватила царскую резиденцію скиѳовъ, убила царя, его родственниковъ и друзей и передала власть сыну убитаго, наказавъ ему воздержаться отъ нападеній на сосѣднихъ эллиновъ и варваровъ. Захваченную скиѳами землю она возвратила Херсонесу.

---

[1]) Буквально: «тѣхъ сарматовъ, владѣнія которыхъ доходили до понтійскаго побережья».

На первый взглядъ, разсказъ, ничѣмъ не датированный, кажется выдуманнымъ анекдотомъ, не имѣющимъ подъ собой никакой реальной подкладки. Но присмотримся къ нему ближе.

Какая политическая ситуація лежитъ въ основѣ анекдота? Таврическій полуостровъ занятъ полукочевыми скиѳами; царская резиденція скиѳовъ представляетъ собою, очевидно, не городъ съ каменными стѣнами, а нѣчто вродѣ укрѣпленнаго лагеря. Скиѳы насѣдаютъ на Херсонесъ, которому приходится отъ нихъ плохо; въ то же время они воюютъ и съ сосѣдними варварами, очевидно, таврами, или можетъ быть, приморскими сатархами (см. ниже). Ихъ ближайшими сосѣдями на сѣверѣ являются сарматы, резиденція которыхъ отстоитъ отъ резиденціи скиѳовъ только на 1200 стадій (221,98 кил.). Зная, что резиденція великихъ скиѳскихъ царей II в. до Р. Хр., Скилура и Палака, находилась около Симферополя, и предполагая резиденцію Амаги въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ черноморскимъ побережьемъ за Перекопомъ (гдѣ нибудь около р. Каланчака), мы получимъ какъ разъ указанное Поліэномъ разстояніе—нѣсколько болѣе 200 кил. Сарматы со скиѳами во враждѣ, но въ дружбѣ съ Херсонесомъ; они выступаютъ въ роли завоевателей и побѣдителей.

Соотвѣтствуетъ ли эта ситуація какой либо опредѣленной эпохѣ или она плодъ фантазіи? Геродотъ и зависимые отъ него авторы знаютъ сарматовъ только за Дономъ, но уже пс. Скилакъ регистрируетъ ихъ и на зап. берегу, а Артемидоръ эфесскій, источникъ Страбона, упоминаетъ роксоланъ на Днѣпрѣ и притомъ въ роли союзниковъ скиѳовъ въ ихъ борьбѣ съ Херсонесомъ и Понтомъ. [1]).

Въ концѣ II в. до Р. Хр. сарматы такимъ образомъ играютъ важную роль въ мѣстной политикѣ, какъ большая организованная воинская сила. Начало этой политической роли сарматовъ относится къ болѣе раннему времени. Первое свѣдѣніе о немъ даетъ намъ Полибій, разсказывая о договорѣ, заключенномъ понтійскимъ царемъ Фарнакомъ I съ царями виѳинскимъ, пергамскимъ и каппадокійскимъ. Въ этотъ договоръ включены были и греческіе города—Гераклея понтійская и Херсонесъ съ одной стороны, Месембрія и Кизикъ съ другой; рядомъ съ ними включенъ былъ въ догоръ и Гаталъ сарматъ, называемый Полибіемъ рядомъ съ царемъ Арменіи Артаксіей и Акусилохомъ (Pol. XXV, 2: περιελήφθησαν δὲ ταῖς συνθήκαις τῶν μὲν κατὰ τὴν Ἀσίαν δυναστῶν Ἀρταξίας ὁ τῆς πλείστης Ἀρμενίας ἄρχων καὶ Ἀκουσίλοχος, τῶν δὲ κατὰ τὴν Εὐρώπην Γάταλος ὁ Σαρμάτης, τῶν δ' αὐτονομουμένων Ἡρακλεῶται, Μεσημβριανοί, Χερσονησῖται σὺν δὲ τούτοις Κυζικηνοί). Это извѣстіе иллюстрируется и подтверждается недавно найденной въ Херсонесѣ надписью изданной Ром. Христ. Лепероmъ [2]). Надпись содержитъ договоръ Фарнака съ Херсонесомъ. Въ немъ имѣется очень цѣнное для насъ указаніе

[1]) См. Strabo, VII, 3, 17 (C. 306), ихъ царемъ былъ въ это время Тасій.
[2]) И. И. А. К., 45, стр. 22 слл.

на то, что Фарнакъ будетъ помогать Херсонесу въ случаѣ нападенія на него варваровъ (стр. 13 слл.: φίλος ἔσομαι Χερσονησίταις διὰ παντὸς, καὶ ὃν οἱ παρκείμενοι βάρβαροι στρατεύωσιν/ἐπὶ Χερσόνησον ἢ τὴν κρατουμένην ὑπὸ Χερσονησιτῶν χώραν ἢ ἀδικῶσιν Χερσονησίτας καὶ ἐπικαλῶνταί με, βοηθήσω αὐτοῖς, καθὼς ἄν μοι καιρός).

Ясно, что всѣ включенные въ договоръ цари и города такъ или иначе принимали участіе въ войнѣ. Участіе Херсонеса понятно постольку, поскольку важную роль въ войнѣ играла Гераклея, захватить которую въ свои руки Фарнаку не удалось, хотя это, очевидно, и входило въ его планы [1]). Римъ, старый другъ Гераклеи, продиктовавшій условія договора, постарался на будущее время гарантировать безопасность Гераклеи отъ ея жадныхъ и непокорныхъ Риму понтійскихъ сосѣдей (за Виѳинію Римъ, конечно, не боялся; она всегда была рабски покорна Риму); вмѣстѣ съ Гераклеей гарантирована была безопасность и Херсонесу, который, очевидно, поддержалъ Гераклею, главнымъ образомъ, вѣроятно, посылкой хлѣба [2]). Итакъ, Херсонесъ появился въ договорѣ, какъ союзникъ Гераклеи. Ясно, что Галатъ попалъ въ договоръ тѣмъ же путемъ, т. е. какъ союзникъ Херсонеса и Гераклеи.

Такой союзъ можно считать вполнѣ естественнымъ. Сарматы только недавно перешли Донъ и начали тѣснить скиѳовъ съ востока. Дорога на западъ скиѳамъ была закрыта, такъ какъ тамъ хозяйничали ѳракійцы и бастарны (вѣроятно, кельты), клиномъ врѣзавшіеся въ старую великую Скиѳію и разбившіе ее на двѣ Малыя Скиѳіи, какъ ихъ называетъ Страбонъ [VII, 3, 5 (C. 313)] со словъ Эратосѳена или Артемидора эфесскаго: Малую Скиѳію на Таврическомъ полуостровѣ и таковую же на Дунаѣ. Таврида, такимъ образомъ, была послѣднимъ прибѣжищемъ независимости скиѳовъ, и не мудрено, что они принуждены были для всей массы своихъ соплеменниковъ подумать о новыхъ мѣстахъ для жительства и одновременно о томъ, чтобы твердо укрѣпить свою власть на полуостровѣ. Въ виду этого они должны были стремиться подчинить себѣ какъ раньше здѣсь жившихъ иранцевъ [3]), такъ и другія племена

---

[1]) См. *Th. Reinach*, Mithridate Eupator, 41. Тіосъ ему удалось захватить, хотя и пришлось впослѣдствіи отъ него отказаться, ср. *Леперъ*, l. l., 31, гдѣ остальная литература.

[2]) Херсонесъ, конечно, естественно боялся и за свою судьбу въ случаѣ паденія Гераклеи. Будущее показало, что аннексія Херсонеса дѣйствительно входила въ планы понтійскихъ царей и что для нихъ Херсонесъ былъ естественнымъ этапомъ для соединенія своего ирано-греческаго государства съ греко-иранскимъ Боспоромъ и ирано-греческими скиѳами и сарматами. О дружбѣ Рима съ Гераклеей см. Memnon (Fr. h. gr. III 539), XXVI, 4.

[3]) Можетъ быть, къ этимъ не скиѳскимъ племенамъ принадлежатъ сатархи, племя, жившее въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ моремъ и занимавшееся морскимъ разбоемъ. Съ ними скиѳы боролись еще въ эпоху Скилура и Палака, если къ этому времени относить вмѣстѣ съ Минзомъ (Scythians and Greeks, 463) надпися Посидея Посидеева Jos. P. E., I, 242, 243, 244, ср. 94, а также 48 и 49. Судя по словамъ Мелы II, 1, 2—3, можно думать, что сатархи, съ которыми сражался Посидей, занимали не только Азовское побережье, но и часть западнаго берега Крыма, почему и опасны были морской державѣ Скилура,

Крыма, спеціально тавровъ. Но особенно большія усилія они должны были направить на разрушеніе мощи греческихъ городовъ, занявшихъ всѣ выходы къ морю и значительную часть плодородной территоріи крымскаго полуострова. Болѣе всего опасны были скиѳы для Херсонеса, какъ государства менѣе сильнаго чѣмъ Боспорское царство. При такихъ условіяхъ Херсонесъ и надвигавшіеся съ Востока сарматы имѣли однихъ враговъ—скиѳовъ. Съ другой стороны, скиѳы были естественными союзниками Фарнака, стремившагося захватить Гераклею и Херсонесъ. Не будетъ поэтому слишкомъ смѣлымъ предположить, что скиѳы какъ разъ въ эпоху войны Фарнака въ союзѣ съ Фарнакомъ усилили свой напоръ на Херсонесъ, и Херсонесъ спасся только войдя въ союзъ съ сарматами, насѣдавшими на скиѳовъ съ сѣвера и востока.

Сарматы, дѣйствовавшіе въ союзѣ съ Херсонесомъ и Гераклеей, по всей вѣроятности, тѣ роксоланы, которые нѣсколько позже (въ эпоху Миѳрадата Вел. и Артемидора эфесскаго) все еще занимали степи между Днѣпромъ и Дономъ. Въ это время они, правда, состоятъ въ союзѣ со скиѳами, что объясняется какъ усиленіемъ скиѳовъ, такъ и опасностью, которая грозила всему побережью Чернаго моря отъ экспансивныхъ стремленій Миѳрадата Великаго [1]).

Иначе, чѣмъ указано выше, понять появленіе Гатала въ договорѣ невозможно. Въ иной роли онъ не могъ быть ни союзникомъ, ни противникомъ воюющихъ. Въ виду всего указаннаго ясно, что разсказъ объ Амагѣ воспроизводитъ реальную дѣйствительность второй половины III или начала II в. до Р. Хр., говоря намъ, какъ и Полибій, и херсонесская надпись, о ростѣ скиѳской державы и о борьбѣ между скиѳами и греками съ одной стороны, скиѳами и сарматами съ другой. Очень характерна подробность о включеніи въ число подзащитныхъ сарматовъ и варваровъ т. е. не скиѳскихъ племенъ Тавриды. Это указываетъ на раннее время, можетъ быть, на время до войны Фарнака, т. е. на вторую половину III-яго в. до Р. Хр. Къ этому подходитъ и кочевой еще образъ жизни скиѳовъ въ Тавридѣ, смѣнившійся уже при Скилурѣ жизнью въ городахъ, число которыхъ все возрастало.

Ясно, такимъ образомъ, что фонъ картины, даваемой Поліэномъ, реальный и точный [2]). Не сталъ бы я сомнѣваться и въ реальности

державшаго въ своихъ рукахъ и Ольвію. О связи между сатархами и синдами и объ ихъ исторіи вообще я буду говорить въ другомъ мѣстѣ.

[1]) Возможно, впрочемъ, думать, что союзниками Гераклеи были языги, если только изъ расположенія племенъ на картѣ Артемидора эфесскаго (Страбона) можно вывести заключеніе, что языги первые перешли Донъ и вступили въ столкновеніе со скиѳами. Не знаю, правильно ли мнѣніе Мюлленгофа и Миннза (*Minns*, Scythians and Greeks, 121), что языги это то-же племя, которое Гекатей называетъ иксибатами, Эфоръ язаматами (см. Steph. Byz. s. v.), а Поліэнъ (см. ниже) иксоматами и которое жило на сѣверо-восточномъ побережьи Азовскаго моря. Въ такомъ случаѣ датировать разсказъ придется еще болѣе раннимъ временемъ.

[2]) Реальность разсказа Поліэна признаетъ и Миннзъ (*Minns*, Scythians and Greeks 518); онъ же правильно поставилъ въ связь разсказъ Поліэна съ разсказомъ Полибія; херсонесской надписи онъ использовать еще не могъ.

именъ. Но на ряду съ этимъ мы видимъ, что имѣемъ дѣло съ преданіемъ, окрашеннымъ въ опредѣленный цвѣтъ. Несмотря на то, что крупное значеніе женщинъ въ государственной и военной жизни сарматовъ фактъ, отмѣчаемый почти всѣми, кто сообщаетъ намъ данныя о сарматахъ, разсказъ объ Амагѣ носитъ всетаки явно анекдотическій характеръ, и самый фактъ ея молодецкаго набѣга врядъ ли достовѣренъ. Тенденція анекдота ясна—противопоставить идеализованную женщину пьяному и развращенному мущинѣ, подчеркнуть ὕβρις скиескаго царя, дать всему романтическій колоритъ, все это въ рамкѣ занимательнаго приключенія въ духѣ, знакомомъ намъ по Майнъ-Риду и Куперу Общимъ фономъ разсказа является идеализація варваровъ вообще.

Весь анекдотъ разсказанъ притомъ съ точки зрѣнія херсонесца въ связи, очевидно, съ исторіей объ одномъ изъ чудесныхъ спасеній Херсонеса отъ надвигавшихся варваровъ. Это наводитъ на мысль, что источникомъ разсказа, въ концѣ концовъ, является херсонесскій писатель, историкъ, говорившій намъ о жизни Херсонеса и притомъ не раньше эллинистическаго времени.

Существованіе такой исторической литературы въ Херсонесѣ теперь засвидѣтельствовано. Удачное сопоставленіе давно уже извѣстнаго фрагмента надписи, опубликованнаго и прекрасно объясненнаго Латышевымъ, съ новымъ фрагментомъ той же надписи, открытымъ Р. Х. Лепером, позволило послѣднему почти цѣликомъ возстановить текстъ надписи, довольно подробно характеризующей намъ личность и характеръ труда херсонесскаго историка Сириска [1]). Вотъ что говорится объ этомъ въ надписи, стр. 27 слл.: ἐπειδὴ] Σύριτκος Ἡρακλείδα τὰ[ς ἐ]πιφαν[ε]ίας τᾶς Πα[ρ]θένου φιλ[ο]πόνως συγ]γράψας α[νέ]γνω καὶ τ[ὰ]ποτὶ τ]οὺς Βοσ[π]όρου [β]ασιλεῖ[ς]διηγήσα]το, τὰ [θ'ὑ]πάρξαντα φ[ι]λάνθρωπα ποτὶ τὰ]ς πόλεις ἱστ[όρησεν ἐπιεικ]έως τῶι δά̄μω[ι и дальше, стр. 14 слл.: ὁ δ[ᾶ̄]μος στεφα]νεῖ Σύριτκον Ἡρακλε[ί]δα ὅτι τὰ]ς ἐπιφανείας τᾶς Πο[ρ]θένου ἔγρα]ψε καὶ τὰ ποτὶ τὰς [πόλ]εις καὶ τοὺς] βασιλεῖς ὑπάρξ[αν]τα φιλάνθρωπα] ἱστόρησε ἀλαθιν[ῶς] καὶ ἐπιεικέως] τᾶι πόλει κτλ.

Содержаніемъ написанной въ патріотическомъ духѣ исторіи Херсонеса, которую Сирискъ, какъ когда то Геродотъ въ Аѳинахъ, прочелъ своимъ согражданамъ, было такимъ образомъ изложеніе всѣхъ случаевъ чудеснаго проявленія своей силы богинею, наряду же съ этимъ разсказъ о сношеніяхъ съ Боспорскимъ царствомъ и съ союзными греческими городами. Чудесное, такимъ образомъ, играло въ

---

[1]) См. *Леперъ*, И. И. А. К., 45, стр. 44 слл.; Ios. P. E., I, 184 и IV, стр. 277; *Wilhelm*, Arch.-ep. Mtteil. aus Oesterreich, XX (1897), стр. 87, № 13; *Bechtel*, Samml. der griech. Dialektinschriften, III, № 3086; ср. *Латышевъ*, И. И. А. К., 45, стр. 133 и его же статью «Къ вопросу о культѣ богини Дѣвы въ Херсонесѣ Таврическомъ», *Сборникъ* Харьковскаго историко-филол. Общества въ честь проф. Бузескула (Харьковъ 1914). Подробнѣе объ этой надписи я говорю въ связи съ данными Линдійской хроники въ статьѣ «Ἐπιφάνειαι», имѣющей появиться въ «Klio».

этомъ трудѣ не малую роль, и сила богини проявлялась, какъ показываютъ аналогіи, приведенныя Вильгельмомъ, главнымъ образомъ въ трудные моменты войнъ съ варварами [1]).

Я не сталъ бы утверждать, что эпизодъ объ Амагѣ идетъ въ концѣ концовъ отъ исторіи Сириска: этотъ писатель, по всей вѣроятности, старше II в. до Р. Хр.; но я не сомнѣваюсь, что и болѣе позднее время нашло своихъ историографовъ, которые разсказали современныя имъ событія въ томъ же духѣ, но со всѣми приправами эллинистической историографіи [2]).

Въ той же колеѣ идетъ и тотъ поздній историкъ Херсонеса, который далъ матеріалъ Константину Порфирородному для его разсказовъ. Мы не въ состояніи уловить точной даты оригиналовъ, лежащихъ въ основѣ этихъ разсказовъ; но и здѣсь въ центрѣ стоятъ отношенія къ Боспору, анекдотъ о молодечествѣ женщины и преступности и пьянствѣ мужчины, о военной хитрости и о вмѣшательствѣ божества, словомъ всѣ характерныя черты эллинистической историографіи. Все это связано было впослѣдствіи съ опредѣленными памятниками города и непонятными именами въ городской топографіи и дало тотъ разсказъ, который мы читаемъ у Константина [3]). Я увѣренъ однако, что нѣчто подобное о героической Гикіи, херсонесской гражданкѣ, разсказывала херсонесская историографія, какъ она же сохранила намъ память о сарматской амазонкѣ Амагѣ, спасшей Херсонесъ отъ враговъ скиѳовъ

---

[1]) Ср. вышеприведенную статью *В. В. Латышева* въ Сборникѣ въ честь В. П. Бузескула, гдѣ предложено новое очень заманчивое чтеніе надписи, изданной тѣмъ-же В. В. Латышевымъ въ И. И. А. К., 18, стр. 114 слл., № 23. Декретъ предложенъ тѣмъ-же Гераклидомъ, который предложилъ и декретъ въ честь Сириска, и содержитъ, по всей видимости, изложеніе одного изъ случаевъ чудеснаго избавленія Херсонеса отъ набѣга скиѳовъ при помощи богини Дѣвы. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, скиѳы ли или тавры упоминаемые въ надписи παροικοῦντες βάρβαροι. Если правильно первое, то начало напора скиѳовъ на Таврическій полуостровъ придется отнести еще къ III в. до Р. Хр., къ которому относятся оба декрета.

[2]) Въ высшей степени интересную параллель къ работѣ Сириска даетъ новонайденная Линдійская хроника, опубликованная Блинкенбергомъ (*Chr. Blinkenberg*, La chronique du temple Lindien, Copenhague 1912). Помимо того что она лишній разъ показываетъ, какъ богата была мѣстная, столь плохо намъ извѣстная, историческая литература эллинистическаго времени, она даетъ намъ впервые представленіе о томъ, какую роль въ этой литературѣ играли ἐπιφάνειαι τῶν θεῶν и какой характеръ носили разсказы объ этихъ ἐπιφάνειαι. Правда, ἐπιφάνειαι въ этой хроникѣ играютъ служебную роль, иллюстрируя историческій каталогъ ἀναθέματα въ храмѣ Линдійской Аѳины (A, 3: πολλοῖς κ[αὶ καλοῖς ἀναθέμασι ἐξ ἀρχαιοτ]άτων χρόνων κεκόσμηται διά τὴν τῆ[ς θεοῦ ἐπιφάνειαν]), тѣмъ не менѣе рядъ этихъ ἐπιφάνειαι приведенъ (отдѣлъ D) и свидѣтельствуетъ, что онѣ играли важную роль въ историческихъ трудахъ, цитируемыхъ какъ источники для каждаго отдѣльнаго случая «явленія» богини. Blinkenberg (стр. 406) приводитъ и два спеціальныхъ труда, говорившихъ о подобнаго рода «эпифаніяхъ». Слова декрета въ честь Сириска показываютъ, что Сирискъ былъ, можетъ быть, первымъ, давшимъ сводъ «явленій» на основаніи, очевидно, храмовыхъ записей. Вторымъ его источникомъ были, очевидно, договоры съ городами и царями, хранившіеся въ общественныхъ архивахъ.

[3]) См. *Minns*, Scythians and Greeks, 526 слл.

II.

Болѣе сложенъ и менѣе поддается историко-критическому анализу разсказъ Поліэна о Тиргатао (Pol. VIII, 55). Тиргатао мэотянка вышла замужъ за царя синдовъ Гекатея. Гекатей лишился престола, но его вернулъ на царство Сатиръ, боспорскій тираннъ, выдавъ за него замужъ свою дочь и приказавъ ему убить свою первую жену. Изъ любви къ первой женѣ Гекатей не отправилъ ее на тотъ свѣтъ, а заключилъ въ крѣпость, поставивъ около нея стражу. Тиргатао удается однако убѣжать Съ большими трудностями добирается она къ своему родному племени иксоматовъ. Отца своего, царя иксоматовъ, она не застаетъ въ живыхъ, но сумѣла выйти замужъ за его преемника. Вмѣстѣ съ нимъ она поднимаетъ рядъ племенъ противъ Сатира и Гекатея, разоряетъ Синдику и царство Сатира. Сатиръ и Гекатей просятъ мира, причемъ Сатиръ даетъ заложникомъ своего сына Метродора. Желая устранить опасную женщину, Сатиръ придумываетъ коварную хитрость. Подъ видомъ бѣглецовъ-изгнанниковъ онъ посылаетъ двухъ друзей своихъ къ Тиргатао; они облыжно просятъ Тиргатао пріютить ихъ, Сатиръ же для виду настойчиво требуетъ ихъ выдачи. Друзья Сатира, допущенные къ Тиргатао, дѣлаютъ попытку убить ее; но ударъ меча попалъ въ поясъ, и попытка не удалась. Ихъ схватили, пытали, они выдали хитрость Сатира. Послѣдовалъ новый опустошительный набѣгъ. Сатиръ съ горя умеръ, его престолъ наслѣдовалъ Горгиппъ, съ большимъ трудомъ добившійся, наконецъ, мира.

По духу и тенденціи разсказъ во всѣхъ подробностяхъ походитъ на разсказъ объ Амагѣ. Такая же энергичная сарматская женщина-варварка, противопоставляемая коварнымъ культурнымъ Сатиру и Гекатею, такой же драматическій эффектный разсказъ, превосходный матеріалъ для историческаго реторизма, причемъ на этотъ разъ видную роль играетъ и романическій элементъ—любовь Гекатея. Такая же экзотическая обстановка На первый взглядъ мы опять имѣемъ передъ собою quasi историческій анекдотъ, представляющійся весьма мало достовѣрнымъ.

Но и здѣсь, присмотрѣвшись поближе, мы улавливаемъ рядъ подробностей, которыя свидѣтельствуютъ объ основательномъ знакомствѣ автора разсказа какъ съ мѣстностью, такъ и съ исторической обстановкой.

Прежде всего, географическія данныя. Синды совершено правильно поставлены въ ближайшую географическую и политическую связь съ Боспоромъ, на второмъ планѣ стоятъ мэоты, какъ рядъ независимыхъ племенъ. Хорошо характеризуется путь отъ одного изъ городовъ синдовъ на Кубани къ сѣвернымъ частямъ Азовскаго моря, правильно указывается на двойственность Синдики: одна часть—вассальная, другая—очевидно приморская—въ подданствѣ боспорскаго

царя. Интересна и бытовая подробность—поясъ царицы, на который попалъ мечъ. Намъ по гробницамъ хорошо извѣстны типичные кожанные пояса, обитые металлическими пластинками.

Еще разительнѣе имена. О Сатирѣ, Горгиппѣ и Метродорѣ мнѣ еще придется говорить. Остановлюсь на Гекатеѣ. Представляется страннымъ царь синдовъ съ этимъ чисто греческихъ именемъ. Но характерно, что имя Гекатей, ни разу не встрѣчающееся въ эпиграфикѣ Пантикапея, попадается трижды въ ранне-эллинистическихъ надписяхъ Синдики. Дважды мы имѣемъ его въ горгиппійскомъ спискѣ побѣдителей на агонахъ, приписываемомъ Латышевымъ III в. до Р. Хр. Въ этомъ спискѣ названы немногочисленные представители смѣшанной греческой, синдской и скиеской знати Горгиппіи, этой царской резиденціи синдовъ, какъ ее называетъ Страбонъ [1]).

Интересно, что еще болѣе распространенное въ Горгиппіи IV и посл. вѣковъ имя Гестіэя мы встрѣчаемъ на перстнѣ, найденномъ на лѣвой рукѣ женщины, погребенной во второй гробницѣ Артюховскаго кургана рядомъ съ мущиной. Перстень имѣетъ форму сандаліи и на немъ вырѣзано: Ἑστιαῖος Μαμμίᾳ [2]). Не можетъ быть сомнѣнія, что это имена погребенныхъ.

Между тѣмъ, роскошь вещей трехъ гробницъ Артюховскаго кургана поразительна. По публикаціи, гдѣ обнародованы не всѣ вещи можно составить себѣ объ этомъ только довольно блѣдное представленіе. При этомъ вещей, которыя принято называть варварскими, въ гробницахъ не имѣется вовсе. Всѣ вещи чисто греческаго характера, настоящій pendant къ погребеніямъ Б. Близницы. Извѣстна и дата погребенія: по характеру вещей, по обильной керамикѣ, гдѣ совершенно отсутствуютъ болѣе или менѣе хорошіе чернолаковые сосуды, но богато представлены позднія стадіи керамики эллинистической вплоть до начатковъ terra sigillata, наконецъ, по двумъ монетамъ Перисада и монетѣ Лисимаха можно съ увѣренностью сказать, что наиболѣе ранней датой погребеній надо считать вторую половину III в. до Р. Хр., скорѣе же всѣ погребенія принадлежатъ II в. [3]).

---

[1]) См. Ios. P. E. IV, 432, B I 8 и II, 25, ср. *Латышевъ*, Понтика, 224 слл.; Strabo XI, 2, 10 (C 495): ἔστι δὲ καὶ Γοργιπία ἐν τῇ Σινδικῇ, τὸ βασίλειον τῶν Σίνδων πλησίον θαλάττης. Характерно, что резиденціи скиескихъ и сарматскихъ царей почти у всѣхъ писателей носятъ техническое имя βασίλειον.

[2]) См. О. И. А. К., 1880, 16, № 40; Атласъ, табл. III, 7 и 8. Имя Гестіэя встрѣчается въ томъ же Горгиппійскомъ спискѣ Ios. P. E., IV, 432 пять разъ: A. I, 23; II, 48; B I, 36, 43, 45; II, 14. Его же мы имѣемъ одинъ разъ въ эльтогенскомъ спискѣ III в. до Р. Хр., ibid. 205, 3 и въ Ольвійскомъ того же времени Ios. I. E., I, 114, 1, 18. Наконецъ Ἑστιαῖα есть имя жрицы времени Перисада I-го, Ios. P. E., II, 17.

[3]) Наиболѣе показательна керамика, но чрезвычайно важны и монеты. Монеты Лисимаха, чеканенныя послѣ его смерти, такъ-же, какъ и монеты Перисадовъ, точное пріуроченіе которыхъ опредѣленнымъ династамъ, носившимъ это имя, невозможно (см. *Латышевъ* Понтика, 89 слл.; *Minns*, Scythians and Greeks, 584 слл.), правда, не даютъ

Все говоритъ, такимъ образомъ, за то что передъ нами семейное погребеніе богатаго и знатнаго эллинизованнаго синда, если не синдскаго династа, то одного изъ членовъ царскаго рода [1]).

Выборъ имени Гекатея для царя-мужа Тиргатао свидѣтельствуетъ такимъ образомъ о большой освѣдомленности автора разсказа о политическихъ условіяхъ и обстановкѣ жизни эллинистическаго времени на Таманскомъ полуостровѣ и позволяетъ видѣть въ разсказанномъ событіи не выдуманный анекдотъ, а пріукрашенный въ духѣ эллинистической исторіографіи историческій фактъ.

Но къ какому времени относится разсказанное событіе? Многое говоритъ за точку зрѣнія В. В. Латышева (Ποντικά, 65 слл.), относящаго разсказъ ко времени Сатира I-го (407—387 г.). Во-первыхъ, имена Сатира и Горгиппа, хотя послѣднее, какъ имя сына Сатира I-го, не засвидѣтельствовано, а извѣстно только какъ имя отца жены Перисада. Во-вторыхъ, независимость мэотовъ и названіе среди нихъ племени иксоматовъ, котораго источники Стробона уже не называютъ среди сарматскихъ племенъ, но которое извѣстно было около Мэотиды Гекатею и Эфору (см. выше стр. 6, прим. 1). Мюлленгофъ и Миннъ предполагаютъ, что это языги Страбона, наиболѣе далеко продвинувшееся на западъ и сѣверъ сарматское племя (выше стр. 6). Въ разсказѣ о Тиргатао проявляется сила этого племени и его склонность къ завоеваніямъ. Весьма возможно, что именно это племя, если не Роксоланъ, имѣетъ въ виду разсказъ объ Амагѣ.

Всѣ эти указанія мнѣ представляются однако очень шаткими. Тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о Сатирѣ, говорятъ намъ за то, что центръ его дѣятельности находился на европейской сторонѣ царства; его цѣлью было вырвать изъ рукъ гераклейскаго и херсонесскаго вліянія Ѳеодосію и тѣмъ монополизовать экспортъ хлѣба всего сѣв.-вост. Крыма вплоть до горнаго побережья тавровъ. Онъ и умеръ за этимъ дѣломъ, а не въ борьбѣ съ сарматами, и врядъ ли правильно думать, что могло быть двѣ версіи о его смерти. Наконецъ, его преемникомъ былъ не Горгиппъ, а Левконъ. Думать, что Горгиппъ, отецъ Комосаріи, былъ братомъ Левкона, нѣтъ никакихъ основаній. Горгиппа, отца Комосаріи, какъ и Гекатея, я считалъ бы мѣстнымъ вассальнымъ Боспору царемъ синдовъ, принявшимъ вмѣстѣ съ гре-

---

точной даты, но онѣ съ несомнѣнностью указываютъ на время до Миерадата Великаго, когда эти монеты, несомнѣнно, должны были выйти изъ обращенія. Никѣмъ до сихъ поръ не обращено вниманіе на то, какъ важно для исторіи эллинистическаго Боспора преобладаніе въ его нумизматикѣ въ III и II в. до Р. Хр. Лисимаховскихъ монетъ и подчиненіе мѣстныхъ монетъ Лисимаховскимъ типамъ. Это указываетъ, на мой взглядъ, на то огромное значеніе, которое имѣлъ Лисимахъ и Ѳракія вообще для исторіи и политическаго положенія эллинистическаго Боспора.

[1]) За болѣе раннюю датировку говоритъ, между прочимъ, то, что имя Ἑστιαῖος, не встрѣчающееся въ эпиграфикѣ юга Россіи въ римское время, распространено, какъ было указано выше, главнымъ образомъ, въ IV–III в. до Р. Хр. Оба имени и Ἑκαταῖος и Ἑστιαῖος обычны и на амфорныхъ ручкахъ того-же времени.

ческой цивилизаціей и греческое имя. По имени одного изъ этихъ царей получила свое греческое названіе и Горгиппія. Въ этомъ предположеніи укрѣпляютъ меня какъ черепицы съ именемъ Горгиппа, найденныя въ Анапѣ [1]), такъ и цилиндръ съ надписью: Ὀρχάμο τοῦ Γοργίππο, гдѣ сынъ носитъ иранское, отецъ греческое имя [2]). Только черезъ брачный союзъ съ дочерью одного изъ Горгипповъ имя это вошло и въ династію Спартокидовъ, если только у Динарха въ названномъ тамъ Горгиппѣ слѣдуетъ видѣть дѣйствительно сына или брата Сатира II-го, а не вассальнаго диналста Горгиппіи, находившагося въ свойствѣ съ Спартокидами [3]). Я увѣренъ въ томъ, что Горгиппія имѣла во все время существованія Спартокидовъ свою собственную синдскую династію, связанную брачными союзами съ пантикапейскими тиранами и вассальную Пантикапею [4]). Ту-же ситуацію предполагаетъ и разсказъ о Тиргатао, давая намъ опредѣленное и ясное объ этомъ свидѣтельство. Къ этому синдскому царству принадлежала и Фанагорія; поэтому она и не упоминается въ титулѣ пантикапейскихъ тирановъ рядомъ съ Θеодосіей, что заставило Брандиса предположить ея полную независимость отъ Боспора въ эпоху первыхъ Спартокидовъ [5]). Таковы же были и отношенія боспорскихъ тирановъ къ другимъ мэотійскимъ племенамъ; въ зависимости отъ дипломатическихъ и военныхъ успѣховъ они то становятся вассальными Боспору, то вновь отъ этой зависимости освобождаются. Самая зависимость синдовъ отъ Боспора то сильнѣе, то слабѣе въ связи съ силою или слабостью отдѣльныхъ боспорскихъ тирановъ [6]). Думаю, что приблизительно тѣ-же отношенія существовали и между Пантикапеемъ и крымскими скиѳами, какъ показываетъ лучше извѣстная намъ позднѣйшая исторія Боспора при послѣднемъ Перисадѣ и при Миѳрадатѣ Вел. и его преемникахъ.

Не думаю, однако, чтобы упомянутый въ разсказѣ о Тиргатао Сатиръ былъ идентиченъ съ Сатиромъ II. Сатиръ II правилъ недолго

---

[1]) Мат. по арх. Россіи, 17, стр. 81, № 7; *Шкорпилъ*, Сборн. статей въ честь графа А. А. Бобринскаго, 33, прим. 5; *Minns*, Scythians and Greeks, 573.

[2]) *Reinach*, Ant. du Bosph. Cimm. стр. 135, № LXVIII.

[3]) См. Din., in Demosth., 43.

[4]) Этой династіи принадлежатъ тѣ почти греческія роскошныя погребенія Тамани, которыя дали намъ такую массу первоклассныхъ вещей греческаго искусства, какъ то Большая и Малая Близницы, курганы Васюринской горы, рядъ великолѣпныхъ кургановъ и склеповъ около Анапы, Артюховскій курганъ, памятникъ Комосарія, можетъ быть, имѣющій отношеніе къ ея погребенію, курганъ, разрытый ген. Вандервейде и мн. др.

[5]) См. Pauly-Wissowa. R. E., III, 765 слл., особ. 767.

[6]) Ср. *Boeckh*, CJgr., II, стр. 107. Характерно, что имена синдскихъ династовъ чисто греческія (Гекатей, Горгиппъ), что указываетъ либо на эллинизацію синдовъ, либо на соглашеніе между ними и жителями греческихъ городовъ. Интересно, что женщины этой династіи носятъ наоборотъ мѣстныя имена. Исторія Тиргатао интересна и тѣмъ, что показываетъ тенденцію синдскихъ династовъ брачиться съ сарматскими царями, на что въ Пантикапеѣ смотрѣли косо.

и исторію его правленія мы хорошо знаемъ изъ очень освѣдомленнаго боспорскаго источника, который лежитъ въ основѣ разсказа Діодора. Въ этой исторіи мѣста эпизоду, переданному Поліэномъ, нѣтъ.

Между тѣмъ трудно предположить, чтобы лица, названныя Полиэномъ, не были совершенно опредѣленными боспорскими царями. Остается поэтому думать, что время правленія Сатира и Горгиппа падаетъ на эпоху послѣ 284 года, когда у насъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній о смѣнѣ царей и ихъ именахъ, а имѣются только случайныя надписи и монеты. Къ этому времени вполнѣ подходило бы и имя Метродоръ, засвидѣтельствованное черепицами [1]).

Мы имѣемъ, такимъ образомъ, опять свѣдѣніе объ исторіи нашего юга, относящееся къ III в. до Р. Хр., свѣдѣніе, исходящее изъ компетентнаго источника, но отъ автора, несомнѣнно, эллинистическаго времени.

III.

Къ этому же времени, т. е. къ эпохѣ послѣ серединѣ III в. до Р. Хр. относятся, на мой взглядъ, и остальные разсказы Поліэна изъ области боспорской исторіи, прежде всего, его разсказы о Левконѣ (VI, 9). Строгихъ доказательствъ для этого положенія я не имѣю, но внутренняя вѣроятность говоритъ всецѣло за мою точку зрѣнія [2]).

Изъ четырехъ разсказовъ Поліэна первый (VI, 9, 1) говоритъ о трудномъ финансовомъ положеніи Боспора и о сомнительной операціи Левкона, связанной съ перечеканкой монеты. Три остальные разсказа говорятъ о заговорахъ пантикапейскихъ гражданъ, неповиновеніи и измѣнѣ флота и войска, все это въ связи съ большой войной, которая ведется съ Гераклеей, и притомъ не очень удачно для Боспора.

Совершенно ту-же ситуацію предполагаетъ замѣтка Поліэна (V, 23) о Тиннихѣ и замѣтка у Ps. Аристотеля, Oecon., II, 2, 8. Характерно, что и тамъ и здѣсь рѣчь идетъ о боспорскихъ тираннахъ во множественномъ числѣ, что какъ будто предполагаетъ соправительство. Интересно, что 40 кораблей было послано Гераклеотами на помощь Византіи (Memnon, l. XIII—XIV, 23; FHGr., III, 528) приблизительно въ то-же время, которымъ я датирую и разсказы Поліэна.

Разскахъ о Тиннихѣ предполагаетъ, что Ѳеодосія свободна, что ее осаждаютъ боспорскіе тираны, причемъ Тинниху удается при посредствѣ военной хитрости освободить городъ отъ осады. Появленіе Тинниха въ качествѣ полководца, противопостановленіе его боспорскимъ тираннамъ позволяетъ думать, что Гераклея въ то время была свободна и не управлялась болѣе тираннами. Естественно, что она помогала желавшей освободиться отъ боспорскаго ига Ѳеодосіи.

[1]) См. перечисленіе штемпелей съ этимъ именемъ у *Шкорпила*, l. l., стр. 33, прим. 4. Приблизительно къ той же датировкѣ склоняются и *Boeckh*, CJgr., II, 92, и *Minns*, Scythians and Greeks, 573 сл.

[2]) Такова же точка зрѣнія *Köhler'a*, Serapis, II, 60 и *Boeckh'a*, CJgr., II, 93. Оба однако своего мнѣнія не обосновали, почему оно и было отвергнуто безъ обсужденія Латышевымъ (см. ниже, стр. 17).

Это, и исторія Гераклеи вообще заставила уже Кэлера (см. выше) и Дройзена (III, 1, 284) датировать разказъ о Тинніхѣ тѣмъ временемъ, когда Гераклея ведетъ, какъ сильная держава, вполнѣ самостоятельную политику и помогаетъ многимъ свободнымъ греческимъ городамъ, которымъ грозитъ опасность отъ сосѣднихъ понтійскихъ и виѳинскихъ царей, а также отъ Селевкидовъ. Это—время около 255 г. до Р. Хр., когда Гераклея помогаетъ Византіи противъ Антіоха II. Ту-же политику, какъ мы видѣли, продолжаетъ Гераклея и въ эпоху, которой мы датировали разказъ объ Амагѣ и которой датирована вышеупомянутая херсонесская надпись (ср. *Niese*, Geschichte der griech. und maked. Staaten II, 136 слл.). Со свѣдѣніями, сообщаемыми Полізномъ въ VI, 9, я сравнилъ бы и замѣтку Аѳенея (VI, 71, 257 с.) о тираннѣ Левконѣ, окруженномъ измѣнниками и оперирующемъ при помощи шпіоновъ и „льстецовъ“, которыхъ онъ самъ презираетъ.

Если со всѣмъ этимъ сопоставить упомянутаго Овидіемъ убитаго своей женой Левкона (Ovid. Ib., 309 слл.), о которомъ очень содержательныя подробности передаетъ точно освѣдомленный схоліастъ Овидія (Левконъ сначала отправляетъ на тотъ свѣтъ своего брата Спартока, любовника жены, которую онъ называетъ Ἀλκαθόη; пуанта въ стихахъ Овидія лежитъ, очевидно, въ томъ, что жена его, правившая, судя по этой пуантѣ, и послѣ смерти Левкона, носила обычное въ титулахъ эллинистическихъ царицъ прозвище Εὐσεβής), то вся серія свидѣтельствъ, заимствованныхъ, вѣроятно, изъ одного источника и потому очень однородныхъ по выбору и трактовкѣ событій, дастъ намъ очень яркую, согласованную въ деталяхъ картину бурнаго правленія какого то Левкона, который не можетъ быть Левкономъ I.

Передъ нами властитель съ типичною для эллистическаго царя исторіей. Его правленіе, первоначально, м. б., совмѣстное съ братомъ Спартокомъ полно смутъ, войнъ, любовныхъ исторій. Противъ него настроено собственное гражданство, отъ него отпала Ѳеодосія, завоевывающая себѣ свободу и укрывшая изгнанниковъ изъ городовъ подвластныхъ царю или царямъ (заимствую это данное изъ свидѣтельства анонимнаго перипла о томъ, что Ѳеодосія пріютила въ своихъ стѣнахъ боспорскихъ изгнанниковъ) [1]). Ѳеодосію поддерживаетъ Гераклея и, очевидно, Херсонесъ (мы знаемъ, со словъ Сириска, что сношенія Херсонеса съ Боспоромъ въ предполагаемое нами время непрерывны). Въ борьбѣ съ ними Левконъ не можетъ разсчитывать ни на поддержку гражданской, очевидно, арміи, ни на поддержку

[1]) Anon. peripl. 77; Geogr. gr. min. I, 402 слл., ср. *Латышевъ*, Понтика, 75; отношу извѣстіе анонима къ этому, а не болѣе раннему времени, такъ какъ оно, очевидно, заимствовано изъ периплова, дающихъ картину побережья болѣе поздняго времени, чѣмъ эпоха Левкона I, м. б., восходящую въ основѣ своей къ Деметрію изъ Каллатиса, которому слѣдуетъ пс. Скимнъ. Деметрій же изъ Каллатиса, по всей вѣроятности, современникъ Левкона II, см. ниже.

флота, тріерархи котораго, судя по даннымъ, сообщаемымъ о нихъ, также принадлежатъ къ боспорскому гражданству. Единственная опора Левкона—союзные скиѳы, при помощи которыхъ онъ заставляетъ свое гражданское войско бороться съ врагами. Испытываетъ Левконъ и большія финансовыя затрудненія, которыя заставляютъ его прибѣгнуть къ обычному въ эпоху эллинизма средству—перечеканкѣ монеты. Измѣна проникаетъ и въ семью царя. Убійство Спартока, очевидно, стоитъ въ связи съ заговоромъ, настоящимъ или предполагаемымъ, на жизнь Левкона, въ которомъ замѣшана и жена Левкона Алкаѳоя. Такъ какъ въ войскѣ Левкона сарматскіе и синдскіе союзники не упоминаются, то весьма возможно, что азіатская сторона была на сторонѣ и, м. б., подъ властью Спартока. Дѣло кончается тѣмъ. что жена Левкона—Алкаѳоя, вѣроятно, въ связи съ казнью ея любовника устраняетъ, м. б., при помощи гражданства Левкона и остается правительницей царства, принимая или удерживая титулъ Εὐσεβής.

Всѣ эти событія могутъ быть и датированы съ довольно большой точностью. Въ боспорской нумизматикѣ мы знаемъ рядъ мѣдныхъ монетъ съ именемъ и портретомъ царя Левкона [1]). Среди монетъ боспорскихъ царей эта серія стоитъ особнякомъ; на мой взглядъ, она старше другихъ, старше серій съ именами Перисадовъ и Гигіенонта. Это—первая попытка превращенія городскихъ монетъ Боспора въ монеты отдѣльныхъ правителей Боспора, выступающихъ уже не какъ архонты, а какъ эллинистическіе цари. Характерно, что значительная часть этихъ монетъ снабжена контромарками, т. е. подверглась перечеканкѣ.

Между тѣмъ въ надписи Ios. P. E., II, 15 мы имѣемъ Левкона, сына Перисада II-го, который, м. б., является братомъ Спартока (Ios. P. E., II, 18). Это превосходно согласуется съ свидѣтельствомъ Поліэна о Тиннихѣ и съ вѣроятной датой этого свидѣтельства, предложенной Дройзеномъ. Дѣйствительно, Перисадъ II (къ нему, м. б., относится довольно безсодержательная замѣтка Поліэна V, 44, показывающая, впрочемъ, что уже правленіе Перисада было полно военныхъ перипетій съ рядомъ испытанныхъ этимъ правителемъ военныхъ неудачъ; самый характеръ замѣтки типиченъ для эллинистической исторіографіи) правилъ, начиная съ 284 г., такъ что сыновья его, Левконъ и Спартокъ, могли править въ 60-хъ и 50-хъ годахъ III в. до Р. Хр.

Характерно, что къ тому же времени относятся и монеты съ надписью и изображеніемъ архонта Гигіенонта [2]), открывающія серію монетъ, чеканенныхъ по образцу монетъ Лисимаха. Эти монеты стоятъ, м. б., въ связи съ реакціей гражданства противъ Левкона съ его цар-

---

[1]) *Латышевъ*, Ποντικά, 89; *Minns*, Scyth. and Greeks, 581 и 583 слл.

[2]) О Гигіенонтѣ см. *В. Шкорпилъ*, Сборникъ стат. подн. графу А. А. Бобринскому, 31 слл.; *Minns*, Scyth. and Greeks, 585.

скими замашками. Не даромъ же имя Гигіенонта—новое въ боспорскомъ царскомъ домѣ, не даромъ же Гигіенонтъ подчеркиваетъ свое архонтство, недаромъ же типъ монетъ опредѣленно имитируетъ типы монетъ ѳракійскаго царства Лисимаха и его преемниковъ.

Я бы склоненъ былъ поэтому считать царствованіе Левкона, смѣняющимъ правленіе Перисада II-го. Преемникомъ Левкона, послѣ краткаго перерыва, заполняемаго правленіемъ Гигіенонта, я склоненъ былъ бы считать Сатира III-го, упомянутаго Поліэномъ въ исторіи Тиргатао. Этимъ былъ бы заполненъ цѣликомъ пробѣлъ въ исторіи боспорскаго царства между Перисадомъ II и Перисадомъ III.

Съ точки зрѣнія общей эволюціи Боспорскаго царства получается при нашей реконструкціи вразумительная и цѣльная картина. Первые славные тираны Боспора, правившіе при постоянномъ содѣйствіи Аѳинъ и создавшіе благосостояніе и мощь Боспора, основывали свою власть, гл. обр., на этой поддержкѣ Аѳинъ, на своихъ крупныхъ средствахъ, получаемыхъ отъ широко развитой хлѣбной торговли, что давало имъ возможность не нуждаться въ поддержкѣ гражданъ и опираться исключительно на наемный флотъ и постоянное наемное войско, распредѣленное по городамъ въ видѣ гарнизоновъ. Но времена мѣняются. Аѳины чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе могутъ оказывать поддержку своимъ боспорскимъ союзникамъ. Наемники становятся все дороже. Приходится обращаться къ ѳракійцамъ, число которыхъ въ войскѣ Сатира II, брата Евмела равняется числу грековъ.

Евмелу II (Diod. XX, 22—26) послѣ побѣды надъ братомъ и истребленія всей почти царской семьи приходится сдѣлать уступку греческому гражданству, поднявшему голову послѣ наступленія смутъ въ семьѣ тирановъ. Вспомнимъ, что приблизительно въ это время падаетъ Гераклейская тираннія [1]). Евмелъ принужденъ пойти на уступки. Онъ возвращаетъ Боспорцамъ ихъ πάτριος πολιτεία, перестаетъ взимать съ нихъ εἰσφοραί, которыя, очевидно, до него шли на содержаніе наемнаго войска. Логическій выводъ отсюда тотъ, что граждане отнынѣ формируютъ войско и служатъ во флотѣ, причемъ противовѣсомъ имъ являются союзные скиѳы и сарматы съ азіатскаго берега.

Одновременно Евмелу приходится быть на чеку противъ широкой завоевательной политики Лисимаха [2]), стремящагося объединить въ своей державѣ всѣ греческіе города зап. и сѣвернаго побережья Чернаго моря, въ чемъ онъ идетъ по стопамъ Филиппа и Александра Вел. Не даромъ же Евмелъ даетъ у себя прибѣжище гражданству покореннаго Лисимахомъ Каллатиса.

Послѣ смерти Евмела положеніе его наслѣдника Перисада II-го дѣлается еще труднѣе. Логическимъ выводомъ изъ этого положенія вещей является вся исторія правленія Левкона II-го, которую я по-

---

[1]) См. *H. Apel*, Die Tyrannis von Heraklea, Halle, 1910, 55 слл.

[2]) *Beloch*. Gr. Gesch., III, 144, 1.

старался возстановить въ предыдущихъ строкахъ. Тенденція Евмела къ созданію большого понтійскаго царства ведетъ не только къ соперничеству съ Θракіей, но и къ новой враждѣ съ Гераклеей и Херсонесомъ. Наряду съ этимъ боспорскіе тираннѣ естественно стремятся къ неограниченной власти, стремятся перейти отъ положенія городского тиранна къ положенію эллинистическаго царя, слѣдуя въ этомъ эволюціи, которую мы наблюдаемъ и въ Пергамскомъ царствѣ, и въ Понтѣ, и въ Виѳиніи. Это вызываетъ реакцію со стороны гражданства греческихъ городовъ, а нелады съ Гераклеей, въ связи съ этимъ недовольствомъ гражданъ, вызываютъ отпаденіе Θеодосіи.

Характерно, что это отпаденіе Θеодосіи подтверждается и ея монетами, напоминающими монеты Левкона II, но имѣющими надпись Θευ(δοσίας) (см. *Minns*, Scyth. and Greeks, pl. IX, 7 и VI, 7, ср. стр. 629). Тѣ же условія вызываютъ и монеты Фанагоріи съ подобнаго же рода изображеніями, но съ надписью Φαναγορειτῶν (*Minns*, pl. IX, 13).

Положеніе дѣлъ на азіатской сторонѣ, гдѣ вліяніе Боспора сталкивается съ вліяніемъ крѣпнущихъ мэотійскихъ племенъ, иллюстрируется исторіей преемниковъ Левкона II-го, отголоски которой сохранилъ намъ разсказъ о Тиргатао.

Большинство изслѣдователей, однако, относитъ, какъ извѣстно свидѣтельства Поліэна къ эпохѣ Левкона I-го на томъ основаніи, что для Левкона I-го завоеваніе Θеодосіи засвидѣтельствовано и на томъ основаніи, что послѣ Левкона I-го всѣ тираннѣ Боспора называютъ себя ἄρχοντες Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης [1]).

Послѣднее указаніе нисколько не разрушаетъ нашей конструкціи, такъ какъ для эпохи Левкона II-го и его ближайшихъ преемниковъ эпиграфическихъ свидѣтельствъ у насъ не имѣется, да и свобода Θеодосіи, судя по монетамъ, была кратковременна. Наоборотъ, подтверждаетъ мое предположеніе та роль, которую Θеодосія и Фанагорія играютъ въ послѣдніе годы исторіи Миерадата.

Мы, конечно, очень мало знаемъ объ исторіи Левкона I-го, но весь обликъ этого царя, который мы имѣемъ въ отраженіи въ свидѣтельствахъ Хрисиппа (*Arnim*, Stoic. vet. fragm. III, 173 слл.), мало подходитъ ко всѣмъ выше приведеннымъ даннымъ. Не гармонируютъ съ ними и затрудненія финансоваго характера, которыя переживаетъ Левконъ Поліэна.

Еще менѣе подходитъ къ разсказамъ о Левконѣ у Поліэна то, что мы знаемъ о строѣ войска Левкона I-го. Все, что мы слышимъ объ этомъ, ведетъ къ тому, чтобы имѣть право утверждать, что войско Боспора въ это время состояло исключительно изъ наемниковъ. Это опредѣленно засвидѣтельствовано и Энеемъ тактикомъ (Tact. 5, 2) и извѣстною аѳинскою надписью (*Dittenberger*, Syll. 2, 126), говорящею о на-

[1]) См. *Латышевъ*, Понтика, 76 слл; *Brandis*, P. W., R. E., III, 764 слл; *Minns*, Scythians and Greeks, 574.

борѣ людей для флота въ Аѳинахъ, и, наконецъ, декретомъ аркадцевъ въ честь Левкона I-го (Ios. P. E, II, 9), который совершенно правильно объясняется какъ вызванный постоянными вербовками боспорскихъ тирановъ въ Аркадіи.

Совершенно ту-же картину даетъ и свидѣтельство Діодора (XX, 22) о составѣ войска Сатира II-го. Между тѣмъ, какъ мы видѣли выше, войско Левкона, о которомъ говоритъ Полiэнъ, имѣетъ иной составъ, гдѣ главную роль, какъ мы можемъ предположить, играютъ не наемники, а граждане греческихъ городовъ.

Все это, и особенно весь составъ и весь характеръ свѣдѣній, заставляютъ меня считать всю эту группу сообщеній и однородной, и одновременной, восходящей къ одному и тому же источнику эллинистическаго времени и трактующей одновременныя событія.

III.

Разборъ открывковъ Полiэна показалъ намъ, что въ литературѣ поздняго эллинизма имѣлось историческое произведеніе, которое использовало мѣстную и херсонесскую, и боспорскую, и вообще понтійскую традицію для разсказа о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто на сѣверномъ побережьи Чернаго моря въ поздне-эллинистическое время. Эта традиція рѣзко отличается отъ той, которую знали Хрисиппъ и Діодоръ и которую, можетъ быть, черезъ иное посредство использовали историческій источникъ Страбона и источникъ того-же Полiэна въ другихъ частяхъ его произведенія. Эта старшая традиція исходила, несомнѣнно, изъ Боспора, была дружественна тираннiи, интересовалась политическими вопросами, не имѣла склонности къ романическимъ разсказамъ и полувыдуманнымъ анекдотамъ. Къ ней восходитъ все то, что мы знаемъ о времени наибольшей силы и славы Боспора, объ эпохѣ V, IV и начала III в. до Р. Хр. Эту традицію использовала, вѣроятно, большая исторіографія III в., ею же пользовался и историкъ Миѳрадата — источникъ Страбона. Характерно, что Страбонъ считаетъ нужнымъ назвать только первыхъ тирановъ Боспора; время между Перисадомъ I и Перисадомъ послѣднимъ для него пустая страница [1]).

Эту лакуну заполняла однако поздне-эллинистическая традиція, освѣдомленность которой, какъ мы видѣли, внѣ сомнѣнія. Къ сожалѣнію, позднѣйшее время къ этой традиціи отнеслось съ пренебреженіемъ, взявши изъ нея только нѣсколько анекдотическихъ и романическихъ разсказовъ. А между тѣмъ эта традиція была бы для насъ въ высшей степени цѣнна, такъ какъ она, хотя и идеализировала варваровъ, но, несомнѣнно, имѣла къ нимъ большой интересъ и сообщала о нихъ много интереснѣйшихъ свѣдѣній не только анекдоти-

[1]) См. Strabo VII, 3, 4 (C 310). Удовольствуюсь здѣсь этими намеками. Подробнѣе объ этомъ я собираюсь говорить въ другомъ мѣстѣ.

ческаго характера, такъ же, какъ позднѣе историки Миѳрадата, особенно тѣ, которые писали его исторію не въ римскомъ, а въ понтійскомъ освѣщеніи [1]).

Въ основѣ своей эта исторія эллинистическаго періода—мѣстнаго происхожденія; но мѣстныя работы были, вѣроятно, связаны въ одно цѣлое историческое изложеніе почти одновременно съ ихъ появленіемъ.

Какъ попали обрывки этого преданія къ Поліэну, Овидію и его схоліастамъ, точному опредѣленію не поддается. Но, можетъ быть, не случайность, что ту-же идеализирующую точку зрѣнія на скиѳовъ и сарматовъ проводитъ въ своемъ трудѣ Помпей Трогъ, удѣлившій въ своемъ изложеніи не мало мѣста и исторіи Боспорскаго царства [2]). Несомнѣнно, что интересъ къ скиѳамъ и сарматамъ принадлежитъ не лично Помпею Трогу, какъ и не принадлежитъ ему и невполнѣ дружелюбное настроеніе по отношенію къ Риму и наряду съ этимъ опредѣленная симпатія къ Востоку и спеціально къ Парѳіи. Для писателя, писавшаго для римской публики на латинскомъ языкѣ, это возможно предположить только постольку, поскольку авторъ воспользовался какимъ нибудь очень извѣстнымъ и популярнымъ литературно-историческимъ произведеніемъ, въ которомъ особенно цѣнилась форма и увлекательное изложеніе, изъ за котораго автору прощали его до нѣкоторой степени антиримскую точку зрѣнія; ярко и опредѣленно высказана эта точка зрѣнія не была нигдѣ; мы ее улавливаемъ наиболѣе опредѣленно только въ извѣстной рѣчи Миѳрадата у Юстина, гдѣ нападки на Римъ вполнѣ естественны въ устахъ заклятого врага Рима.

Нѣтъ никакого основанія поэтому думать, чтобы авторъ, котораго сокращаетъ Помпей Трогъ, былъ непремѣнно на подозрѣніи у всего римскаго общества и въ немъ непопуляренъ. Идеализація скиѳовъ и парѳянъ, какъ идеализація варваровъ съ чистотой ихъ нравовъ вообще, была въ эпоху поздняго эллинизма и ранней имперіи въ такой же модѣ, какъ и раньше въ эпоху Эфора; вспомнимъ Германію Тацита; а опредѣленной враждебности къ Риму я во всемъ эксцерптѣ Юстина не нахожу нигдѣ.

Вотъ почему я склоненъ присоединиться къ теоріи Гутшмида и видѣть въ произведеніи Помпея Трога сокращеніе очень извѣстнаго труда Тимагена, прославленнаго особенно въ кругахъ римской сенаторской оппозиціи эпохи Августа [3]). Слава Тимагена основывалась

---

[1]) См. мою статью въ Сборникѣ статей въ честь В. П. Бузескула.

[2]) См. Prol. къ кн. XVI: dictaeque in excessu (послѣ исторіи Миѳрадата до войнъ съ Римомъ) regum Bosporanorum et Colchorum origines et res gestae.

[3]) См. *Gutschmid*, Kleine Shcriften, V, 218 слл.; 348 слл. и 19 слл.; см. также Jahrb. f. cl. Phil., Suppl. II, 186 слл. Къ Гутшмиду присоединились *Wachsmuth*, Rh. Mus. 46 (1891), 473 слл. и *Kaerst*, Philol., 56 (1897), 621 слл. Противъ него высказались *E. Schwartz* и *F. Reuss* (см. *Reuss*, Rhein. Mus. 57 (1902), 559 слл.).

конечно больше всего на его мастерствѣ какъ литератора, на блестящей формѣ его труда и захватывающемъ содержаніи. Какъ бы ни назывался его трудъ, несомнѣнно, содержаніемъ его была исторія эллинистическихъ царствъ вплоть до момента превращенія каждаго изъ нихъ въ римскую провинцію. Въ этихъ рамкахъ находитъ себѣ естественное мѣсто, какъ мы это и видимъ въ прологахъ Помпея Трога, исторія Боспорскаго царства, Гераклеи и Херсонеса въ связи съ исторіей войны Рима съ Миѳрадатомъ, причемъ Тимагену естественно было обратить главное свое вниманіе на болѣе позднее время и дать мѣсто разсказамъ, выставлявшимъ въ идеальномъ свѣтѣ будущихъ союзниковъ Миѳрадата, преданныхъ ему и послѣ его смерти сарматовъ. Для своего труда Тимагену естественно было, при большой его начитанности и при отсутствіи критики, использовать и старую до-эллинистическую, и новую эллинистическую традиціи о Гераклеѣ, Херсонесѣ и Боспорскомъ царствѣ.

Какъ разъ такое соединеніе источниковъ разнаго характера и разнаго происхожденія, источниковъ гераклейскихъ и боспорскихъ находимъ мы въ отрывкахъ Поліэна, касающихся исторіи скиѳовъ, Гераклеи, Боспора, Херсонеса и сарматовъ. Въ двухъ вышеразобранныхъ отрывкахъ мы имѣемъ и ярко идеализирующую сарматовъ точку зрѣнія.

Принимая во вниманіе, что у Юстина съ Поліэномъ въ цѣломъ рядѣ случаевъ (*Gulschmid*, Kl. Schr., V, 224) имѣется почти буквальное совпаденіе, мы вправѣ, я думаю, предположить, что свѣдѣнія о Боспорѣ и сарматахъ попали къ Поліэну черезъ посредство Тимагена [1]).

Какъ бы то ни было, интересно уже то, что мнѣ удалось показать съ полною на мой взглядъ несомнѣнностью, что и для эллинистическаго времени существовала для исторіи Боспора и Херсонеса довольно достовѣрная, хотя и реторически прикрашенная и сдобренная анекдотами традиція, доводившая исторію Крыма и Боспора до времени Миѳрадата. Исторію Миѳрадата и его наслѣдниковъ въ Понтѣ и на Боспорѣ разсказали затѣмъ историки Миѳрадата и его династіи, послѣ чего мы больше не улавливаемъ существованія мѣстной достовѣрной традиціи. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ считать хотя бы отголоскомъ таковой діалоги Лукіана „Токсарисъ“ и „Скиѳъ“, сравненіе которыхъ съ отрывками о Тиргатао и Амагѣ весьма поучительны.

Кромѣ ставшихъ каноничными Токсариса и Анахарсиса мы имѣемъ въ разсказахъ Токсариса въ діалогѣ Токсарисъ сплошь одни только выдуманныя имена, начиная съ Левканора и Евбіота, очень туманныя представленія о географіи и этнографіи мѣстности, чрез-

[1]) *Melber*, Ueber die Quellen und den Wert der Strategemensammlung Polyaens, Fleck. Jahrb., Suppl. XIV, 419 слл. объ источникахъ Поліэна въ интересующихъ насъ мѣстахъ высказывается очень осторожно; см. стр. 647 (о V, 23); ibid. (V, 44); 592, ср. 474 (VI, 9); 475 (VII, 44).

вычайно неопредѣленную и расплывчатую историческую ситуацію, гдѣ только имя алановъ напоминаетъ о томъ, что дѣйствіе происходитъ въ римское время[1]). Мнѣ поэтому представляется, что Лукіанъ, какъ и авторъ разсказа о Гикіи, о которомъ была рѣчь выше, восходитъ въ концѣ концовъ къ эллинистической полу-анекдотической, полу-исторической традиціи, но обращается съ ней свободно, выдумывая имена, не считаясь съ историческимъ фономъ, внося нѣкоторыя черты, которыя должны были создать иллюзію современной автору дѣйствительности. На мѣсто исторіи стала чистая новелла безъ всякаго историческаго значенія, не дающая намъ никакихъ свѣдѣній, которыми мы могли бы воспользоваться для реконструкціи исторіи Крыма и Боспора.

Тѣмъ не менѣе рядъ чертъ *исторической обстановки* у Лукіана несомнѣнно указываютъ на знакомство его съ историческимъ преданіемъ эллинистическаго времени. Такъ, напримѣръ, представленіе о дани, которую платятъ боспорскіе цари скиѳамъ (Luc. Tox. 44, ср. 55), напоминаетъ намъ исторію послѣдняго Перисада, который: οὐχ οἷός τε ὢν ἀντέχειν πρὸς τοὺς βαρβάρους φόρον πραττομένους μείζω τῶν πρότερον Μιθριδάτῃ τῷ Εὐπάτορι παρέδωκε τὴν ἀρχήν (Strabo VII, 4, 4, C 310). Вполнѣ соотвѣтствуетъ тому же времени постоянная смѣна скиѳскихъ и сарматскихъ вліяній при боспорскомъ дворѣ (Luc. Tox. 51) и постоянные брачные союзы скиѳовъ и сарматовъ съ боспорскимъ царствующимъ домомъ. Напомню выше разобранный разсказъ о Тиргатао, выдачу Миѳрадатомъ Великимъ своихъ дочерей замужъ за скиѳскихъ и сарматскихъ династовъ (App. Mithr. 108 сл., ср. 117; *Reinach*, Mithradate, 403) [2]), наконецъ, пребываніе скиѳскаго царевича Савмака въ Пантикапеѣ въ эпоху послѣдняго Перисада; весьма вѣроятно, что и онъ былъ въ родствѣ съ боспорской династіей (см. надпись Діофанта Ios. P. E., I, 185, II, строки 34 слл.).

---

[1]) О Токсарисѣ Лукіана написано очень много, но никто не заинтересовался его источникомъ. Что мы имѣемъ дѣло съ новеллой общепризнано, что Левканоръ и Евбіотъ, какъ и всѣ остальныя дѣйствующія лица, выдуманы, тоже. Нѣтъ сомнѣній и въ томъ, что діалогъ подлинный (см. противъ *I. Guttentag*, De subdito qui inter Lucianeos legi solet dialogo Toxaride Berl. 1860; *C. Kretz*, De Luciani dialogo Toxaride, Progr. d. Gymn. Offenburg 1890/91, 16 слл.). Но никто не заинтересовался вопросомъ объ исторической достовѣрности обстановки и объ источникахъ свѣдѣній Лукіана о Боспорѣ, крымской Скиѳіи и сарматахъ. О литературномъ характерѣ и строеніи діалога см. *G. Jacob*, Charakteristik Lucians von Samosata, Hamburg 1832, 130 слл.; *A. Chassang*, Histoire du roman, Paris 1862, 410—412; *Hirzel*, Der Dialog, II, 287 слл.; *E. Rohde*, Der griech. Roman, 361 (336); *Th. Sinko*, Eos XIV (1908), 123; *O. Schissel von Fleschenberg*, Novellenkränze Lukians, Halle 1912, 50 слл.; онъ-же, Die griechische Novelle, Halle 1913. О достовѣрности Левканора и Евбіота см. Luciani Toxaris ed. Jacob. p. 130.

[2]) Весьма возможно, что Орсобарисъ и Евпатра были выданы за скиѳскихъ династовъ, Клеопатра же находилась въ Фанагоріи, какъ невѣста или жена одного изъ синдскихъ или мэотскихъ царей.

Наконецъ, общая картина жизни при боспорскомъ дворѣ, полуварварскій обликъ царей Боспора, несомнѣнно, не выдуманы и не могли быть выдуманы. Это результатъ постепенной иранизаціи двора и царствующей династіи, подготовленной долгимъ предыдущимъ развитіемъ. Характерна и идеализація скиѳовъ, ярко сказывающаяся въ діалогѣ и вполнѣ соотвѣтствующая киническому міросозерцанію Лукіана

Я уже указывалъ, что та-же точка зрѣнія царила и во всей эллинистической традиціи, касающейся исторіи Крыма. Вполнѣ возможны и рядъ бытовыхъ особенностей реальнаго характера, упоминаемыхъ Лукіаномъ. Укажу, напримѣръ, на характеристику царя махліевъ Адирмаха (Luc. Tox. 44 сл., особ. 46; ὅτι χρυσᾶς τε φιάλας ἐλέγετο ἔχειν δέκα καὶ ἀμάξας τετρακλίνους ὀγδοήκοντα καὶ πρόβατα καὶ βοῦς πολλούς). Лукіанъ здѣсь немного подсмѣивается надъ „богатствомъ“ царя, противовѣсомъ которому является идеальная бѣдность скиѳовъ, но золотыя фіалы, находимыя въ каждомъ богатомъ скифскомъ погребеніи, взяты изъ освѣдомленнаго источника. Интересно указаніе (гл. 51) на одноязычность скиѳовъ и алановъ, на обрядъ братанія (гл. 37), болѣе сомнителенъ, хотя и не невозможенъ, обрядъ сидѣнія на шкурѣ (гл. 48). Все это прекрасно могло стоять въ одной изъ идеализующихъ трактовокъ скиѳовъ и сарматовъ эллинистическаго времени и врядъ ли выдумано Лукіаномъ.

М. Ростовцевъ.

Древнѣйшая Пицунда у Понта Евксинскаго.

Кому не приходилось при плаваніи на пароходѣ между Гаграми и Гудаутомъ обращать свой взоръ въ сторону береговой полосы Евксинскаго Понта, гдѣ изъ чащи величаваго сосноваго лѣса такъ гордо выглядываетъ, во всемъ своемъ древнемъ архитектурномъ величіи, знаменитый храмъ *Пицундскій* или, въ устахъ грузинъ, *Бичвинтскій?...*

Величественное по своей природной красотѣ восточное побережье Евксинскаго Понта становится извѣстнымъ съ незапамятныхъ временъ. Но съ рубежа VII и VI вѣковъ до Р. Х. оно обращается въ мѣсто для эллинской колонизаціи. По словамъ Н. Мурзакевича, „почти за шестьсотъ лѣтъ до пришествія въ міръ Христа Спасителя преимущественно эллины Дорійскаго племени, приплывъ сюда, на изобильныхъ пастбищами мѣстахъ начинаютъ заселять городки и поселки, по времени сдѣлавшіеся значительными торжищными мѣстами, какими впослѣдствіи явились: Фазисъ (теперь Поти), Діоскуріасъ (т. е. Сухумъ), Питіусъ (т. е. Пицунда), Пагра (т Гагра) и Горгиппы (т. Анапа?)“ [1]). Изъ нихъ особенную роль пріобрѣлъ *Питіусъ*, иначе называемый *Питіунтъ* (*Питіунта*) или, позднѣе, *Пицунда*, имѣвшій соперника лишь въ лицѣ сосѣда своего, называемаго *Діоскуріада* или *Діоскуріасъ*, или, позднѣе, *Севастополь*.

Питіусъ-Питіунтъ (Питіунта)-Пицунда упоминается у многихъ древнихъ,—греческихъ и латинскихъ,—авторовъ и въ средневѣковыхъ картахъ. Первымъ по времени на него указываетъ знаменитый Страбонъ (I в. до Р. Х.—I в. по Р. Х.) въ *Geographica*, lib. XI, cap. II, § 14 [2]). За нимъ слѣдуютъ: Плиній Секундъ Старшій (I в. по Р. Х.)

---

[1]) Н. Мурзакевичъ, *Древнѣйшій Пицундскій православный храмъ на восточномъ берегу Чернаго моря* (оттискъ изъ X т. «Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей»), Одесса, 1877 г., стр. 3–4.

[2]) См. В. Латышевъ, *Извѣстія древнихъ писателей о Скиѳіи и Кавказѣ*, т. I, СПБ., 1893–1900 гг., стр. 135.—К. Ганъ, *Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ*, ч. I, Тфл., 1884 г., стр. 63.

въ *Historia naturalis*[3]), lib. VI, § 5[4]); Арріанъ Никомидійскій (II в. по Р. Х.) въ *Periplus Ponti Euxini*, § 18 [по изд. Hercher'a] или § 27 [по изд. Müller'a][5]); Амміанъ Марцеллинъ (IV в. по Р. Х.) въ *Rerum gestarum libri qui supersunt*, lib. XXII, cap. VIII, § 16[6]); Ѳеодоритъ Киррскій (IV—V в.в. по Р. Х.) въ *Ecclesiastica historia*, lib. V, cap. XXXIV[7]); Анонимъ-авторъ Перипла (V в. по Р. Х.) въ *Periplus Ponti Euxini*, lib. XLII, § 13 и 15[8]); Зосимъ (V в. по Р. Х.) въ *Historia nova*, lib. I, cap. XXXII—XXXIII[9]); Прокопій Кесарійскій (VI в. по Р. Х.) въ *De bello gotthico*, lib. VI, § 4[10]), въ *De bello persico*, lib. II, § 29[11]) и въ *De aedificiis*, lib. III, § 7[12]); и, наконецъ, Ѳеофанъ Византійскій (VIII в. по Р. Х.) въ *Chronographia* I, annus 398[13]). Одни (Плиній) называютъ его Pityus (Πιτυοῦς) *Питіусъ*, другіе (всѣ прочіе авторы)—Pityunta Πιτυοῦντα *Питіунта* или *Питіунтъ*, или, что̀—то-же, *Пицунда* (Pezonda или Peçonda средневѣковыхъ картъ). Въ грузинскихъ лѣтописяхъ *Картлисъ-Цховреба* извѣстна *Бичвинта*, у абхазовъ—*Лдзаа*. Наиболѣе употребительная форма названія это—*Пицунда*.

Пицунда у древнихъ писателей то и дѣло выставляется рядомъ съ Діоскуріадой (Діоскуріасъ)-Севастополемъ, т. е. нынѣшнимъ Сухумомъ. Анонимъ-авторъ Перипла говоритъ: „Если отправиться изъ Діоскуріады-Севастополя, первая стоянка можетъ быть въ Питіунтѣ“. Прокопій упоминаетъ Севастополь и Питіунтъ, какъ „отстоящіе одинъ отъ другого на разстояніи двухдневнаго сообщенія“. Дѣйствительное мѣстоположеніе ея, Пицунды (Питіунта), опредѣляется въ зависимости отъ Діоскуріады-Севастополя: по Страбону—на разстояніи 360-ти стадій, а по Арріану и Анониму—на разстояніи 350-ти стадій, или (по Анониму)—46$^2/_3$ рим. мили; это даетъ, на наши мѣры, около 60—62 верстъ. Отъ Пицунды (Питіунта) до Триглиты-Нитики, т. е. соврем. Гагръ: по Арріану и Анониму—150 стадій, или (по Анониму)—20 рим.

---

[3]) Понятно, что заявленіе Н. Мурзакевича (ц. с., стр. 4), якобы «въ царствованіе благодушнаго Траяна впервые встрѣчается имя Питіуса въ сочиненіи римскаго натуралиста Плинія» аннулируется, ибо Питіусъ гораздо раньше Плинія встрѣчается у Страбона.

[4]) См. В. Латышевъ, ц. с., т. II, СПБ., 1902—1904 гг., стр. 179.—К. Ганъ ц. с. I, 105.

[5]) См. В. Латышевъ, ц. с. I, 223.—К. Ганъ, ц. с. I, 150—151.

[6]) См. *Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt*, Biponti, 1786, p. 299—К. Ганъ, ц. с. I, 182.

[7]) См. В. Латышевъ, ц. с. I, 779.

[8]) См. ibid., 277.

[9]) См. ibid, 790—791.—К. Ганъ, ц. с. I, 197—198.

[10]) См. «Corpus scriptorum historiae byzantinae», ser. Procopius, ed. Bonnae, v. II, 1833, p. 472—475.

[11]) См. ibid., v. I, 1833, p. 289.

[12]) См. ibid., v. III, 1838, p. 261.

[13]) См. cit. «Corpus», ser. Theophanus, ed. Bonnae, v. I, 1839, p. 123.

миль; это даетъ, на наши мѣры, около 25—26 верстъ. Современный Пицундскій храмъ расположенъ подъ 57° с. широты и 43° в. долготы.

Страбонъ считаетъ Пицунду (Питіунтъ), вмѣстѣ съ Діоскуріадой, мѣстностью Колхиды, примыкающею къ Черноморскому побережью, которое, по его словамъ, „оканчивается у Питіунта и Діоскуріады". Эта-же самая Пицунда (Питіунтъ) у Прокопія значится въ описаніи Лазики. На самомъ-же дѣлѣ, Пицунда находится въ предѣлахъ Абхазіи (древн. Абасгіи), а не Колхиды и не Лазики. Вотъ почему разнохарактерныя показанія Страбона и Прокопія должны вызвать совершенно справедливое недоумѣніе въ тѣхъ изъ читателей, кои мало посвящены въ историческую географію Кавказа. Но если мы взвѣсимъ нѣкоторыя, характерныя для насъ, обстоятельства, то окажется, что указанные писатели по-своему совершенно правы и ихъ показаніями ничуть не извращается историческая географія. Подъ Лазикой извѣстенъ бассейнъ Чороха, т. е. нынѣшній Лазистанъ, подъ Колхидой—бассейнъ Ріона, т. е. нынѣшняя Мингрелія и часть Имеріи, а подъ Абхазіей—бассейнъ Ингура, т. е. нынѣшній Сухумскій округъ (Абхазія). Но въ извѣстные моменты Лазика, по справедливому замѣчанію Н. Марра, „обнимала не нынѣшній лишь Лазистанъ, а и восточное побережье Чернаго моря съ нынѣшнею Гуріею, Мингреліею и даже Имеретіею" [14]) (=Имеріею). То-же самое можно сказать и относительно Колхиды, которая порой обнимала и Черноморское побережье съ Абхазіей включительно [15]). Вотъ почему въ показаніяхъ Страбона и Прокопія нельзя усмотрѣть ни малѣйшей погрѣшности.

Но какъ бы то ни было, Пицунда это—мѣстность на Черноморскомъ побережьи, пріобрѣвшая, съ теченіемъ времени, значеніе передового торговаго пункта и значительнаго укрѣпленія. Она, какъ выше уже было замѣчено, извѣстна многимъ древнимъ авторамъ. Страбонъ называетъ ее великой, Плиній—богатѣйшимъ городомъ, Амміанъ—довольно извѣстнымъ городомъ, Зосимъ—окруженною огромной стѣной и имѣющую весьма удобную гавань, тотъ-же Зосимъ и Прокопій—укрѣпленіемъ. Кромѣ того, Амміанъ и Ѳеодоритъ даютъ намъ знать, что городъ этотъ расположенъ на островѣ. Таковы отзывы древнихъ писателей о Пицундѣ.

Обращаясь засимъ къ исторіи Пицунды, должны мы констатировать крайнюю скудость необходимыхъ для этого источниковъ. У насъ

---

[14]) Н. Марръ, *Крещеніе армянъ, грузинъ, абхазовъ и алановъ святымъ Григоріемъ* (Арабская версія), «Записки Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества», т. XVI, в. II—III (СПБ., 1905 г.), стр. 166, срв. стр. 165. —Срв. Н. Адонцъ, *Арменія въ эпоху Юстиніана* («Тексты и Разысканія по армяно-грузинской филологіи», кн. XI), СПБ., 1908 г., стр. 219, срв. стр. 100.

[15]) Срв. А. Дьячковъ Тарасовъ, *Гагры и его окрестности* («Записки Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», кн. XXIV, в. I), Тфл., 1903 г., стр. 32.

имѣются только источники собственно-историческаго характера: это—отрывочныя данныя Плинія, Зосима и Прокопія. Что-же касается матеріаловъ археологическаго характера, то они буквально отсутствуютъ, ибо никакихъ археологическихъ развѣдокъ на мѣстѣ древняго города не производилось.

Первое историческое свѣдѣніе о Пицундѣ сообщаетъ Плиній. Онъ считаетъ, что Питіусъ «разграбленъ еніохами», но когда именно разграбленъ, объ этомъ не даетъ никакихъ указаній. Во всякомъ-же случаѣ, должно допустить, что разграбленіе Питіуса имѣло мѣсто до начала I столѣтія по Р. Х.

Въ 294 году по Р. Х., въ царствованіе императора Деція, Черноморское побережье, по сообщенію Зосима, дѣлается предметомъ опустошеній со стороны скиѳовъ, прибывшихъ моремъ, и которые «прежде всего напали на Пинтіунтъ». Городъ былъ окруженъ огромной стѣной и имѣлъ весьма удобную гавань. Во главѣ мѣстнаго гарнизона стоялъ Сукессіанъ, который и выступилъ для отраженія врага съ наличными въ Питіунтѣ силами. Нападеніе скиѳовъ было отбито. Послѣдніе потеряли «подъ Питіунтомъ многихъ изъ своихъ», а затѣмъ, изъ опасенія чтобы гарнизоны другихъ укрѣпленій не соединились съ «Питіунтскимъ отрядомъ» и не уничтожили ихъ окончательно, удалились во-своясн, захвативъ, впрочёмъ, съ собой какія могли суда. Когда-же Сукессіанъ при императорѣ Валеріанѣ былъ призванъ ко двору, скиѳы повторили нападеніе на побережье и «пошли прямо на Питіунтъ». Безъ малѣйшаго затрудненія, какъ сообщаетъ Зосимъ, они овладѣли этимъ укрѣпленіемъ и вырѣзали бывшій въ немъ гарнизонъ.

Дальнѣйшія свѣдѣнія о Пицундѣ восходятъ ко времени Юстиніана Великаго, и свѣдѣнія эти мы черпаемъ у Прокопія.

Въ 550 году въ Колхиду вторглись персы. Дальновидный Юстиніанъ поспѣшилъ заключить съ ними миръ, и, такимъ образомъ, Черноморское побережье, до котораго персы не успѣли добраться, осталось въ рукахъ римлянъ. Послѣдніе воспользовались временемъ и принялись за укрѣпленіе побережья, дабы, въ случаѣ вторженія персовъ въ прибрежные города, не быть постигнутыми врасплохъ. Съ этой цѣлью римляне «построили на побережьи два укрѣпленія: Севастополь и Питіунтъ», и «съ самаго-же начала поставили тамъ гарнизонъ». Это было какъ-разъ предъ нашествіемъ Хосроя. Когда-же Хосрой съ большими военными силами вторгся въ предѣлы Абхазіи, римляне потеряли всякую надежду на свои силы съ цѣлью отстоять укрѣпленія свои, а съ другой стороны,—чтобъ не дать персамъ возможности воспользоваться готовыми уже опорными пунктами,—рѣшили, не дожидаясь непріятеля, самимъ-же снести ихъ. Они такъ и поступили: срыли стѣны Питіунта и Севастополя, и немедленно удалились моремъ въ Трапезунтъ. Цѣль была достигнута, и персамъ не удалось утвердиться въ Абхазіи и, въ частности, въ Питіунтѣ (Пицундѣ).

Послѣ этихъ событій городъ Пицунда больше не упоминается у древнихъ авторовъ. Даже Прокопій, говорящій, въ обозрѣніи о строительской дѣятельности Юстиніана, о возстановленіи Севастополя, ни единымъ словомъ не отзывается о Питіунтѣ, изъ чего, казалось-бы, должно слѣдовать то, что при Юстиніанѣ послѣдній не былъ возстановленъ.

Интересно, что въ приложеніи второмъ къ *Іероклову Синекдему*, гдѣ данъ списокъ urbium regionum fluminum cet. nomina immutata, значится: Σωτηρόπολις τὰ νῦν Πύθια [16]), т. е. «Сотирополь—нынче Пиѳія (Pithia)». Если отожествить Пиѳію съ Питіусомъ [17]), можно, пожалуй, притти къ интересному положенію: именно, что Пицунда (Питіусъ) и Сотирополь(Пиѳія) суть синонимы, прикрывающіе собой одинъ и тотъ-же географическій пунктъ. Такого положенія, между прочимъ, придерживается Н. Брунъ [18]), а за нимъ и Ю. Кулаковскій [19]).

Если-же это такъ, то, слѣдовательно, мы далеко еще не вправѣ думать, якобы Пицунда не была возстановлена послѣ VI вѣка по Р. Х. Наоборотъ, эта самая Пицунда, но уже подъ другимъ названіемъ, фигурируетъ далеко за VI вѣкомъ, а именно въ IX—X вѣкахъ и позже. Она, прикрытая маской Сотирополя, упоминается въ спискѣ епархій времени Льва Мудраго [20]) и въ Administrando imperio (cap. 42) Константина Порфиророднаго [21]). Коротко говоря, Пицунда въ предѣлахъ VI—IX вѣковъ была возстановлена, но по неизвѣстной намъ причинѣ стала называться Σωτηρόπολις [22]) *Сотирополь* или Σωτηριούπολις [23]) *Сотиріуполь*.

«Питіунтъ»,—говоритъ епископъ Киррскій Ѳеодоритъ, — «это — крайній предѣлъ Римской власти, сосѣдній съ самыми дикими варварами». Отсюда понятно, почему этотъ Питіунтъ (Пицунда) былъ обращенъ у римлянъ въ мѣсто ссылки [24]). Сюда, между прочимъ, былъ сосланъ, судя по сообщенію Ѳеодорита, а за нимъ и Ѳеофана, св. Іоаннъ Златоустъ (Хризостомъ); событіе это имѣло мѣсто, согласно Ѳеофану, въ 398 году. Объ этомъ-же событіи въ Житіи Хризостомъ читаемъ: «Пришло отъ царицы повелѣніе отправить Іоанна въ пустынное мѣсто, называемое Пиѳіунтъ, находившееся на берегу Пон-

---

[16]) См. G. Parthey, *Hieroclis Synecdemus et notitiae graecae episcopatuum*, Berolini, 1866, p. 315.

[17]) См. П. Усларъ, *Древнѣйшія сказанія о Кавказѣ* («Сборникъ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ», кн. X), Тфл., 1881 г., стр. 392.—Срв. Н. Адонцъ, ц. с., стр. 100.

[18]) См. Н. Брунъ, *Черноморье*, ч. II, Одесса, 1880 г., стр. 245.

[19]) См. Ю. Кулаковскій, *Гдѣ былъ построенъ имп. Юстиніаномъ храмъ для Аваэговъ*, «Археологическія Извѣстія и Замѣтки», т. V (Москва, 1897 г.), стр. 36.

[20]) См. H. Gelzer, *Georgii Cyprii Descriptio orbis Romani*, Lipsiae, 1890, p. 60.

[21]) См. cit. «Corpus», ser. Constantinus, ed. Bonnae, v. III, 1840, p. 182.

[22]) См. G. Parthey, op. c., l. c.

[23]) См. H. Gelzer, op. c., l. c.

[24]) Срв. А. Дьячковъ-Тарасовъ, ц. с., стр. 39.

тійскаго моря, въ сосѣдствѣ съ грубыми варварами»[25]). Впрочемъ, какъ сообщаетъ Θеодоритъ, а за нимъ и другіе источники, Хризостома не дошелъ до мѣста ссылки, такъ какъ по дорогѣ скончался. Въ Абхазіи доселѣ держится преданіе, якобы Хризостомъ погребенъ въ Пицундѣ, и даже указывается мѣсто его могилы въ современномъ Пицундскомъ храмѣ. Преданіе это, конечно, не заслуживаетъ цѣны.

Основаніе современнаго Пицундскаго (Бичвинтскаго) храма многіе изслѣдователи (Ф. Дюбуа, Д. Бакрадзе, Н. Мурзакевичъ, Ф. Брунъ, И. Толстой съ Н. Кондаковымъ, П. Уварова и многіе другіе) приписываютъ Юстиніану Великому. Въ частности, П. Уварова говоритъ объ этомъ храмѣ: «Преданіе видитъ въ немъ постройку великаго Юстиніана, и мнѣніе это такъ укоренилось на Кавказѣ, что его почти нѣтъ возможности оспаривать»[26]). Къ сожалѣнію, ни подобное приписываніе изслѣдователей, ни подобное заявленіе П. Уваровой не могутъ быть пріемлемы съ нашей стороны, и именно по слѣдующимъ соображеніямъ.

Первое. Единственный источникъ, вѣрнѣе первоисточникъ, откуда мы въ состояніи черпать свѣдѣнія о просвѣщеніи абасговъ-абхазовъ[27]) и о постройкѣ для нихъ Юстиніаномъ Великимъ христіанскаго храма, это—Прокопій Кесарійскій. Послѣдній о столь важномъ событіи говоритъ слѣдующее:

«Ἰουστινιανὸς Βασιλεὺς καὶ ἱερὸν τῆς «θεοτόκου ἐν Ἀβασγοῖς οἰκοδομησάμενος, «ἱερεῖς τε αὐτοῖς καταστησάμενος, διεπρά-«ξατο ἅπαντα αὐτοὺς ἤδη τῶν Χριστιανῶν «ἐκδιδάσκεσθαι» (De bello gothico, «lib. IV, cap. 3)[28]).

«Царь Юстиніанъ, воздвигши «у Абасговъ храмъ Бого-«родицы и назначивъ туда свя-«щеннослужителей, распорядил-«ся, чтобы они (священнослужи-«тели) наставляли всѣхъ въ обы-«чаѣ Христіанскомъ».

Съ Прокопіемъ согласенъ также латинскій анналистъ, кесарь Бароній, авторъ извѣстныхъ Annales ecclesiastici a Christo nato ad annum 1198 (Roma, 1588), который, судя по грузинскому географу-царевичу Вахушту, говоритъ: «Кесарь Юстиніанъ воздвигъ церковь въ Абхазіи въ 529 году отъ Христа»[29]).

---

[25]) *Минеи-Четьи* на русскомъ языкѣ, кн. 3, Москва, 1905 г., ноябрь, стр. 363.

[26]) П. Уварова, *Абхазія*, «Матеріалы по археологіи Кавказа», в. IV (Москва, 1894 г.), стр. 8.

[27]) Срв. Н. Марръ, ц. с., стр. 168.—Н. Марръ, *Исторія термина «абхазъ»*, «Извѣстія Императорской Академіи Наукъ», 1912 г. № 11.

[28]) Cit. «Corpus», scr. Procopius, v. II, p. 472—473.

[29]) См. Wakhoucht, *Description géographique de la Géorgie*, trad. par M. Brosset, SPB., 1842, p. 406, n. 1.—Царевичъ Вахушти, *Географія Грузіи*, введеніе, переводъ и примѣчанія М. Джанашвили («Записки Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», кн. XXIV, в. V), Тфл., 1904 г., стр. 233, срв. стр. XX.

Въ цитованныхъ словахъ Прокопія (и Баронія), какъ ясно видно, нѣтъ ни указанія, ни даже намека на мѣсто, гдѣ былъ сооруженъ Юстиніаномъ храмъ для абхазовъ. И потому, казалось-бы, нисколько не справедлива и не правомочна попытка историковъ сознательно или безсознательно садить Юстиніаново дѣтище на почву Пицунды, по крайней мѣрѣ при современномъ состояніи историко-археологической науки.

Что-же касается нѣкоторыхъ грузинскихъ историческихъ источниковъ, какъ-то грузинскихъ лѣтописей *Картлисъ-Цховреба* (XVII—XVIII вв.)[30] и *Географіи Грузіи* царевича Вахушта (XVIII в.)[31], которые, во что бы то ни стало, именно въ Пицундѣ (Бичвинтѣ) и хотятъ видѣть «постройку великаго Юстиніана», то къ нимъ слѣдовалобы отнестись довольно осторожно; ибо съ этими источниками не со[illegible], въ данномъ случаѣ, древнія версіи исторіи Грузіи и, что особенно важно, древняя редакція грузинскихъ лѣтописей, сохранившаяся въ армянскомъ переводѣ XII вѣка, и извѣстная подъ названіемъ *Chronique Arménienne (Армянская Хроника)*[32]. И это—явленіе весьма любопытное. Оно какъ-будто хочетъ намъ внушить мысль о томъ, что сообщенія грузинскихъ лѣтописей *Картлисъ-Цховреба* и Вахуштіевой *Географіи Грузіи*, относительно мѣста постройки (въ Пицундѣ-Бичвинтѣ?!) Юстиніанова храма, основаны не на древнихъ письменныхъ,—грузинскихъ или негрузинскихъ,—памятникахъ, а на изустно вращавшемся въ Грузіи, до и во время обработки указанныхъ источниковъ, преданіи.

Подобное-же преданіе, именно преданіе, признающее за Пицундскимъ храмомъ значеніе Юстиніанова творенія, могло возникнуть очень легко, и возникнуть, вѣроятно, въ предѣлахъ XIV—XVIII вѣковъ. Въ это время Пицунда (Бичвинта) служила каѳедрой католикосапатріарха Западной Грузіи, именовавшагося Абхазскимъ и Имерскимъ, и имѣвшаго подъ своей юрисдикціей епархіи Имеріи, Гуріи, Мингреліи, Абхазіи, Сваніи и части Месхіи[33]. При такомъ исключительноважномъ значеніи названнаго храма—съ одной стороны, и при отсутствіи данныхъ о мѣстонахожденіи Юстиніанова творенія—съ другой стороны, народная психика, понятное дѣло, не могла воздержаться отъ болѣе или менѣе удобомыслимаго для нея заключенія. Она, эта психика, должна была, рано или поздно, разрѣшить всеобщее недоумѣніе относительно мѣстонахожденія Юстиніанова храма; а лучшимъ

---

[30]) См. M. Brosset, *Histoire de la Géorgie*, t. I, SPB., 1849, p. 213.

[31]) См. Wakoucht, op. c., p. 406.—Царевичъ Вахушти, ц. с., стр. 233.

[32]) Срв. M. Brosset, *Additions et éclaircissements à l'Histoire de la Géorgie*, SPB., 1851.

Джуаншеръ, *Краткая исторія Грузіи* (на армянск. яз.), Венеція, 1884 г.

[33]) См. M. Brosset, *De l'état religieux et politique de la Géorgie jusqu'au XVIII-e siècle*, «Bulletin scientifique publié par l'Academie impériale des sciences», t. V (SPB., 1839), p. 228.

и вѣрнѣйшимъ средствомъ разрѣшенія подобнаго недоумѣнія могло оказаться ни что иное, какъ отожествленіе знаменитости эпохи Юстиніана со знаменитостью вѣка или, правильнѣе выражаясь, усмотрѣніе въ Пицундскомъ (Бичвинтскомъ) храмѣ творенія Юстиніана. Такимъ образомъ, какъ мы полагаемъ, и могло создаться преданіе о томъ, что, якобы, храмъ для абасговъ (абхазовъ) былъ сооруженъ Юстиніаномъ въ Пицундѣ,—преданіе, которое, дѣйствительно, укоренилось на Кавказѣ, въ особенности въ Абхазіи, и съ которымъ П. Уваровой пришлось серьезно считаться.

Второе. Въ эпоху Юстиніана Великаго въ Абхазіи, судя по произведеніямъ Прокопія, было только два извѣстныхъ пункта: Севастополь и Питіунтъ; и, какъ естественно думать, храмъ для абасговъ (абхазовъ) долженъ былъ пріютиться въ одномъ изъ этихъ пунктовъ: либо въ Севастополѣ, либо въ Питіунтѣ. Но Питіунтъ былъ разрушенъ, и о возстановленіи его Прокопій ничего не говоритъ. Съ другой-же стороны, тотъ-же Прокопій сообщаетъ о возстановленіи Севастополя, бывшаго вмѣстѣ съ Питіунтомъ въ развалинахъ, и объ обращеніи его въ неприступную крѣпость. Этому Севастополю Юстиніанъ далъ стѣны и цѣлый рядъ фортовъ, и сдѣлалъ его «первымъ въ тѣхъ мѣстахъ городомъ, какъ по красотѣ, такъ и по величинѣ» (*De aedificiis*, lib, III, cap. VII)[34]). Слѣдовательно, каѳедра абхазскаго епископа должна была имѣть мѣсто въ Севастополѣ (нын. Сухумѣ), а не на развалинахъ Питіунта. Это положеніе отчасти подтверждается свидѣтельствомъ списка епархій Константинопольскаго патріархата, въ которомъ значится: ἐπαρχίας Ἀβασγίας ὁ Σεβαστοπόλεως[35]), т.-е. «Абасгская епархія [съ каѳедрой] въ Севастополѣ».

«Когда былъ отстроенъ Питіунтъ»,—говоритъ Ю. Кулаковскій,—«и что было поводомъ предпочесть его, въ смыслѣ каѳедры, Севастополю, остается неизвѣстнымъ; но несомнѣнно однако, что первоначально, въ теченіе болѣе трехъ вѣковъ, Авазги имѣли свой духовный центръ не въ Питіунтѣ или Пицундѣ, какъ звучало это имя въ средніе вѣка, а въ Севастополѣ, т. е. нынѣшнемъ Сухумѣ, и нынѣ существующій близъ Пицунды храмъ не могъ имѣть никакого отношенія къ правителю Авазговъ, имп. Юстиніану Великому»[36]). Кромѣ того, «каѳедральный храмъ, построенный для Авазговъ Юстиніаномъ, былъ сооруженъ во имя Пресвятой Богородицы; а храмъ въ Пицундѣ посвященъ во имя святой Софіи Премудрости Божіей. На это послѣднее указываетъ какъ то, что на средневѣковыхъ картахъ Чернаго моря нѣсколько выше порта Пицунды (Pezonda или Peçonda) значится мѣстность *San Sofia* (отъ 1351 года) или *Sancta Sofia* (1497 г.)[37]),

---

[34]) См. cit. «Corpus», ser. Procopius, v. I, p. 261.
[35]) См. G. Parthey, op. c., p. 59, 153.
[36]) Ю. Кулаковскій, ц. с., стр. 36.
[37]) Срв. Ф. Брунъ, ц. с. II, табл. 3.

такъ и то, что городъ Пицунда носилъ у грековъ имя *Сотирополя*»[38]), т. е. города Спасителя.

Третье. Если-бы мы имѣли самыя достовѣрныя данныя о томъ, что храмъ во имя Богородицы былъ сооруженъ Юстиніаномъ въ Питіунтѣ, то и тогда мы не были-бы вправѣ полагать, якобы современный Пицундскій (Бичвинтскій) храмъ есть произведеніе временъ Юстиніана Великаго. И вотъ почему.—Вслѣдъ за обращеніемъ абасговъ (абхазовъ) въ христіантство и, слѣдовательно, послѣ сооруженія Юстиніаномъ храма Богородицы имѣло мѣсто нашествіе Хосроя на Абхазію[39]); и если названный храмъ уже существовалъ въ ту пору, то онъ, по справедливому замѣчанію Ю. Кулаковскаго, «не могъ избѣжать всеобщаго разрушенія»[40]), и избѣжать при томъ-же Юстиніанѣ. Такимъ образомъ очевидно, насколько безсмысленно говорить о сохранности до нашихъ дней основаннаго Юстиніаномъ Великимъ храма въ Абхазіи, если даже безразлично относиться къ вопросу о томъ, гдѣ былъ сооруженъ этотъ храмъ: въ Питіунтѣ или Севастополѣ.

Наконецъ, *четвертое.* Современный Пицундскій (Бичвинтскій) храмъ по характеру своего зодчества (см. рис. 1 и 2) принадлежитъ къ тому типу армяно-грузинскихъ храмовъ, который представляетъ собой сочетаніе центрально-купольной (византійской) системы съ системою базиличною, и въ которомъ эффектъ сосредоточивается у алтаря и надъ нимъ. Это—продолговатое зданіе въ три корабля (nef'a) съ тремя наружными абсидами съ восточной стороны и съ цилиндрическимъ барабаномъ церковной главы (сферическій куполъ, вмѣсто коническаго, является продуктомъ недавняго времени). Такой типъ храма, къ которому принадлежитъ большинство армянскихъ и грузинскихъ церквей, установился въ предѣлахъ X—XII вѣковъ. Съ этимъ положеніемъ почти согласны И. Толстой съ Н. Кондаковымъ, у которыхъ касательно Пицунды читаемъ слѣдующее: «Сохранившаяся донынѣ церковь Пицунды по своимъ формамъ, по своему даже плану купольной церкви на четырехъ столбахъ съ прибавленіемъ нартекса, западными хорами и т. д., относится ко времени установки византійскаго канона, т. е. не ранѣе X столѣтія»[41]). Съ этимъ положеніемъ согласенъ также А. Павлиновъ[42]).

Простая логика, конечно, не можетъ допустить, чтобы храмъ, относящійся по своей архитектурѣ ко времени не ранѣе X вѣка, былъ-бы произведеніемъ эпохи Юстиніана Великаго, жившаго въ VI вѣкѣ.

---

[38]) Ю. Кулаковскій, ц. с., стр. 36—37.

[39]) См. ibid., стр. 35.

[40]) Ibid.

[41]) И. Толстой и Н. Кондаковъ, *Русскія древности въ памятникахъ искусства*, в. IV, СПБ., 1891 г., стр. 36.

[42]) См. А. Павлиновъ, *Экспедиція на Кавказъ 1888 года*, «Матеріалы по археологіи Кавказа», в. III (Москва, 1893 г.), стр. 74.

Такимъ образомъ, мы выяснили, что: 1) Прокопій абсолютно не указываетъ того мѣста, гдѣ былъ построенъ Юстиніаномъ Великимъ

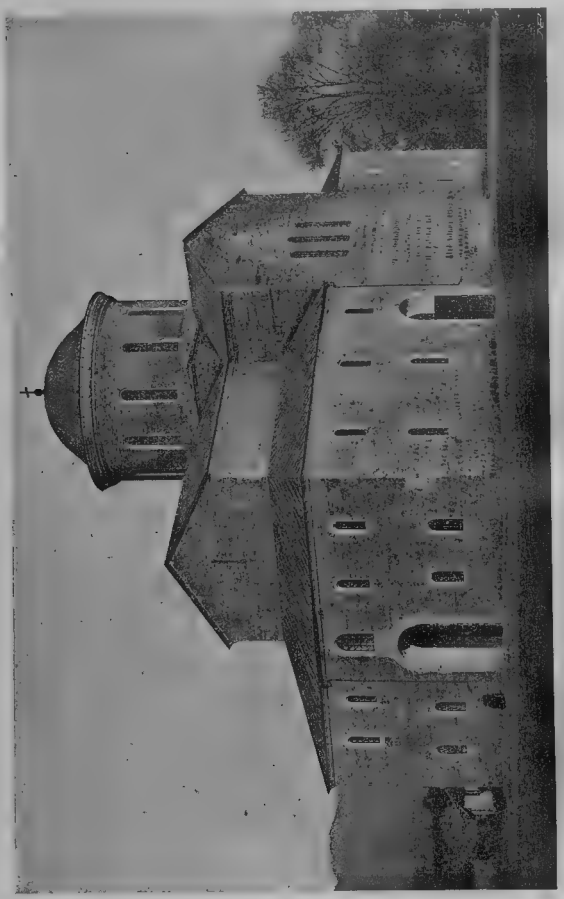


Рис. № 1. Пицундскій храмъ съ юго-западной стороны

храмъ для абасговъ во имя Богородицы. 2) Храмъ этотъ, судя по имѣющимся довольно вѣскимъ даннымъ, былъ построенъ въ Севастополѣ (нын. Сухумѣ), а не въ Пицундѣ (нын. Бичвинтѣ), какъ то

ошибочно принято думать. 3) Если даже допустить мысль, что храмъ этотъ былъ сооруженъ Юстиніаномъ въ Питіунтѣ (Пицундѣ-Бичвинтѣ), то онъ не могъ избѣжать всеобщаго разрушенія при томъ-же Юстиніанѣ. 4) Современный Пицундскій (Бичвинтскій) храмъ, который не имѣетъ никакого отношенія къ Юстиніану Великому, есть произведеніе не ранѣе X вѣка.

Рис. № 2. Пицундскій храмъ съ восточной стороны.

Но при всемъ томъ, мы совершенно далеки отъ намѣренія отрицать существованіе христіанскаго храма въ Пицундѣ до X вѣка. Наоборотъ, мы можемъ смѣло утверждать, что въ Пицундѣ существовалъ храмъ еще въ IX вѣкѣ, а быть можетъ и гораздо раньше.

На подобное положеніе должно насъ наводить одно только названіе *Сотирополь* или *Сотиріуполь*, которымъ Пицунда замаскирована въ нѣкоторыхъ историческихъ источникахъ (см. выше). Очень можетъ быть, что храмъ въ Пицундѣ былъ посвященъ Христу Спасителю, и отъ этого городъ сталъ называться *Сотирополь*, въ буквальномъ переводѣ *Спасителеградъ*.

Приходится сожалѣть, что мы не въ состояніи выяснить, хотя-бы приблизительно, время первоначальнаго основанія храма въ Пицундѣ, ибо мы не располагаемъ на этотъ счетъ рѣшительно никакими источниками. Не въ состояніи мы также установить точно время сооруженія понынѣ сохранившагося храма; хотя, впрочемъ, онъ по характеру зодчества является типичнымъ представителемъ періода X—XII вѣковъ. При этомъ нужно думать, что современный Пицундскій (Бичвинтскій) храмъ возникъ въ предѣлахъ X—XII вѣковъ не самъ по себѣ, а какъ преемникъ болѣе древняго храма, существовавшаго на томъ-же самомъ мѣстѣ съ гораздо ранней эпохи и, повидимому, подвергшагося разборкѣ, словомъ,—что современный Пицундскій (Бичвинтскій) храмъ построенъ на мѣстѣ древняго, нынѣ не существующаго, храма.

Что касается древняго города, то онъ въ настоящее время не существуетъ, и даже неизвѣстно, когда онъ сошелъ со сцены исторіи. Слѣды этого города, имѣвшаго въ окружности до 30 верстъ [43]), находятся недалеко отъ нынѣшняго храма, на разстояніи не болѣе $^1/_4$ версты [44]). Среди нихъ, по словамъ Ф. Бруна, сохранились слѣды Юстиніановыхъ укрѣпленій, «не смотря на разрушающее дѣйствіе временъ и на частые набѣги варварскихъ сосѣдей» [45]). Н. Снѣссаревъ на основаніи остатковъ древняго города трактуетъ о высокой культурѣ, царившей въ Пицундѣ [46]). Развалины города до сихъ поръ еще не обслѣдованы, раскопокъ не производилось. Въ виду этого, намъ приходится ограничиться сказаннымъ и вовсе не заводить рѣчи о развалинахъ Пицунды.

Въ заключеніе, переходимъ къ филологическому объясненію названія *Пицунда*. Но такъ какъ Пицунда у грузинъ извѣстна подъ названіемъ *Бичвинта* и это послѣднее употребляется въ литературѣ съ такимъ-же правомъ гражданства, какъ и первое названіе, то, вполнѣ естественно, приходится говорить и о другомъ названіи—*Бичвинта*. Обѣ эти формы, *Пицунда* и *Бичвинта*, по справедливому замѣчанію

---

[43]) См. Протоколы подготовительнаго комитета V археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ, Москва, 1879 г., стр. 20.

[44]) См. Д. Бакрадзе, *Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства*. «Записки Общества Любителей Кавказской Археологіи», кн. I (Тфл., 1875 г.), стр. 121.—Срв. Л. Исарловъ, *Письма о Грузіи*, Тфл., 1899 г., стр. 395.

[45]) См. Ф. Брунъ, ц. с., стр. 245.

[46]) См. Н. Снѣссаревъ, *Гагры*, «Новое Время», 1912 г. № 12916.

I. Орбели, «принадлежатъ различнымъ діалектамъ и даже языкамъ, но вполнѣ, въ отношеніи всѣхъ звуковъ, покрываютъ другъ друга» [47]).

Первое названіе, *Пицунда*, это—то-же, что греч. Πιτυοῦντα Pityunta *Питіунта* (*Питіунтъ*) = лат. Pityus (Πιτυοῦς) *Питіусъ*. Положеніе это весьма прочно. Прочно также и то, что названіе это получаетъ объясненіе отъ природы мѣстности. Несомнѣнно, что въ основѣ его лежитъ греч. πίτυς = лат. pinus, т. е. сосна. И такое производство интересующаго насъ названія вполнѣ естественно, если принять во вниманіе то обстоятельство, что царицей пицундской растительности является Pinus maritima—приморская сосна, считавшаяся когда-то священною. Въ такомъ случаѣ-же «Питіусъ» или «Питіунтъ», resp. «Пицунда», получаетъ значеніе мѣста, поросшаго сосной. Подобное производство топографическаго названія наблюдается и за Пицундой. Такъ, Страбонъ указываетъ, что «въ число острововъ, лежащихъ передъ Иберіей [Испаніей], входятъ два Питіузскихъ... иначе Сосновыя» (*Geographica*, lib. III, cap. V, § 1); или, въ другомъ мѣстѣ,—«Саламинъ [близъ Аттики] назывался... Питіуссой отъ дерева сосны» (Op. cit., lib. IX, cap. I, § 19; срв. lib. XIII, cap. I, § 18).

П. Усларъ считаетъ интересующее насъ названіе «миѳическимъ» [48]). Отожествивъ «Питіусъ» съ «Питія», онъ заявляетъ, «что, по мнѣнію грековъ, названіе Питія на ѳракійскомъ языкѣ означаетъ золотое руно» [49]); хотя самъ П. Усларъ по незнанію имъ ѳракійскаго языка не въ состояніи былъ провѣрить правильность такого мнѣнія [50]). Съ другой стороны, П. Усларъ указываетъ на преданіе, сохранившееся въ городѣ Лампсакѣ на Геллеспонтѣ, «будто Фриксосъ привезъ туда золотое руно и что посему городъ этотъ въ древнія времена назывался Питія» [51]). «Питія», — говоритъ тотъ-же П. Усларъ, — «встрѣчается на азіятскомъ берегу противъ выхода изъ Геллеспонта въ Пропонтиду. Питіей назывался нѣкогда городъ Лампсакъ на Геллеспонтѣ, это же названіе встрѣчается въ окрестностяхъ Требизонта и, наконецъ, въ углу Адріатическаго моря. Со всѣми этими мѣстностями греки связывали преданія объ Аргонавтахъ: это имя постоянно представлялось имъ въ видѣ слѣда, оставленнаго пресловутыми странствователями. Таковое имя встрѣчаемъ мы и на восточномъ берегу Чернаго моря» [52]).

---

[47]) І. Орбели, *Городъ близнецовъ ΔΙΟΣΚΟΥΡΙΑΣ и племя возницъ ΗΝΙΟΧΟΙ*, «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1911 г., май, отд. клас. филол., стр. 196, пр. 2.

[48]) См. П. Усларъ, ц. с., стр. 393.

[49]) Ibid., стр. 392.

[50]) См. Ibid., стр. 375.

[51]) Ibid.

[52]) Ibid.

Существуетъ также иное объясненіе происхожденія интересующаго насъ названія: миѳъ эллинскій гласитъ, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сталъ извѣстенъ Питіусъ, «Панъ превратилъ нимфу Питисъ въ сосну» [53]).

Но какъ бы то ни было, реальное значеніе названія *Пицунда* это—«мѣсто, поросшее сосной», или просто—«сосновое мѣсто».

Таково-же значеніе другого названія, *Бичвинта* или, точнѣе, *Бич'винт'а*: и оно, подобно первому, имѣетъ въ своей основѣ слово, означающее «сосна», т.-е. груз. «п'ич'ви» (=арм. «п'ич'и»).

Весьма оригинальное объясненіе обоихъ, интересующихъ насъ, названій предлагаетъ Н. Марръ [54]).

Согласно этому объясненію, оба названія, *Пицунда* и *Бич'винт'а*, относятся къ той категоріи названій, которыя образованы съ помощью абхазскаго суффикса *мъста* (-та > -да > -т'а). Въ основѣ этихъ названій лежитъ слово, являющееся эквивалентомъ греч. πίτυς *сосна*. Слово это по-грузински звучитъ то въ видѣ «пиц'у-и» или «пицу-и» (у мингрельцевъ, лазовъ), то въ видѣ «п'ич'у-и» или «бич'у-и» (у к'арт'овъ). Постановка этихъ формъ во мн. ч. к'арт'скаго типа даетъ: 1) «пицу-н», и 2) «бич'у-н», откуда уже, съ помощью абхазскаго суффикса *мъста* (-та > -да > -т'а), получаются: 1) «Пицун-да», и 2) «Бич'ун-т'а» или—съ сванскимъ раздвоеніемъ «у» (=ви)—«Бич'винт'а». Что касается греческой формы названія, то она есть лишь результатъ простого воспринятія греками мѣстнаго названія Пицунды въ формѣ Πιτιοῦντα, какъ В. падежъ, и возведенія его къ И. Πιτιοῦς.

Вотъ, кажется, все, что только можно было сказать относительно древнѣйшей Пицунды.

На исторіи современнаго Пицундскаго (Бичвинтскаго) храма мы не останавливаемся, такъ какъ это выходитъ за предѣлы нашей задачи, тѣмъ болѣе, что по этому поводу существуетъ довольно обширная литература.

Членъ-корреспондентъ **Л. Меликсетъ-Бековъ.**

---

[53]) См. Н. Марръ, *Изъ лингвистической поѣздки въ Абхазію. Къ этнологическимъ вопросамъ*, «Извѣстія Императорской Академіи Наукъ», 1913 г., № 6, стр. 323—324.

[54]) См. Catalogue des médailles du Bosphore-Cimmérien du prince A. Sibirsky, SPB. 1859, p. 260, Н. Мурзакевичъ, ц. с., стр. 5, пр. 5.

Раскопки кургана въ предмѣстьи Одессы — „Слободка-Романовка".

Въ концѣ сентября 1912 г. въ одной изъ одесскихъ газетъ появилась замѣтка о томъ, что въ предмѣстьи г. Одессы — „Слободка-Романовка", въ огородѣ Психіатрической больницы, администраціей послѣдней разрытъ древній курганъ съ цѣлью устроить въ немъ погребъ. Въ той-же замѣткѣ указывалось, что при этомъ были найдены предметы, имѣющіе археологическое значеніе. Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей рѣшило его раскопать съ археологической цѣлью. Для этого Совѣтъ Общества испросилъ разрѣшеніе Городской Управы и было приступлено къ раскопкѣ.

Курганъ расположенъ на возвышенности, находящейся между „Кривой-Балкой" и балкой, отдѣляющей городъ отъ Слободки-Романовки", которая спеціальнаго названія не имѣетъ. Возвышенность эта постепенно опускается къ морю, гдѣ и переходитъ въ такъ называемую „Пересыпь". Къ юго-западу отъ кургана, на разстояніи около 400 саж виденъ другой, довольно большой курганъ, къ западу, на горизонтѣ, виднѣются еще нѣсколько кургановъ. Вокругъ кургана земля вспахивается и даже бока насыпи нѣсколько распаханы.

Высота его около 4 метр., форма насыпи конусообразная съ нѣсколько смѣщенной къ сѣверу вершиной. Діаметръ окружности насыпи около 34 метр.

При осмотрѣ въ восточной части насыпи оказались углубленія отсюда при постройкѣ больницы бралась земля. Въ западной-же части насыпи былъ устроенъ небольшой деструкторъ. Въ центрѣ насыпи, въ самомъ верху, была четыреугольная яма, засыпанная всякими отбросами позднѣйшаго времени; какъ было выяснено изъ разспросовъ, здѣсь была землянка—курень для сторожа нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Глубиною эта яма была около 1,5 метра, шириною и длиною болѣе 2-хъ метровъ.

Какъ я уже выше упомянулъ, администрація больницы рѣшила въ этомъ курганѣ устроить погребъ, для чего стали его раскапывать съ сѣверной стороны траншеей въ 5,35 метр. шириною и глубиной почти до грунта. Осталась нераскопанной только часть южной стороны насыпи, приблизительно около 8,5 метра. Кромѣ того, нетронутыми остались восточная и западная части насыпи.

Въ стѣнкахъ этой траншеи виднѣлись камни и человѣческія кости. Въ выброшенной изъ траншеи землѣ были найдены осколки кремней и фрагменты грубой черноглиняной посуды. На одномъ изъ нихъ былъ орнаментъ изъ елочки.

Возлѣ кургана оказалось много камней, нѣкоторые изъ нихъ были обтесаны въ видѣ четыреугольныхъ плитъ. Все это было выброшено изъ траншеи.

Затѣмъ у сторожа больницы оказались и нѣкоторыя вещи, найденныя въ этомъ курганѣ: большой сосудъ, плохо обожженный, снаружи смазанный глиной (см. таб. II, рис. 11), два маленькихъ черноглиняныхъ горшечка (см. табл. II, рис. 3 и 4), куски красной краски и осколки кремней.

Сторожъ-же, какъ участникъ раскопки, разсказалъ слѣдующее: въ верхней части насыпи попадались фрагменты черноглиняной посуды, отдѣльные камни и куски кремней. Они на все это не обращали никакого вниманія и продолжали рыть.

Но вотъ, въ сѣверномъ углу траншеи, они наткнулись на каменную гробницу, сложенную изъ пяти плитъ въ видѣ ящика, изъ которыхъ четыре составляли ея бока, а пятая служила крышкой, дна не было. Щели между плитами были замазаны зеленой глиной и заложены мелкими камнями. Внутри ящика была земля и въ ней костякъ въ сидячемъ положеніи (?). Возлѣ головы былъ поставленъ довольно большой сосудъ (см. рис. 11, таб. II). Въ сосудѣ былъ пепелъ (?). Подъ костякомъ, нѣсколько ниже, нашли двѣ скорлупы отъ яицъ.

Далѣе попадались погребенія безъ гробницъ, прямо въ насыпи, но они на нихъ не обращали вниманія, поэтому сколько ихъ было найдено и въ какомъ положеніи, установить не представлялось возможнымъ.

Затѣмъ, по разсказамъ того-же сторожа, появилась ограда въ видѣ круга изъ большихъ тесанныхъ плитъ, поставленныхъ на ребро. Въ траншеи была лишь обнаружена западная часть этого круга, другая-же была скрыта подъ восточной частью насыпи, оставшаяся нетронутой. (Она была тамъ впослѣдствіи найдена). Вышиною эти плиты были до 1,4 метр., шириною около 0,7 метр. и толщиною около 0,18 метр.

Внутри этого круга были найдены еще три каменныхъ гробницы, такого-же устройства, но уже не замазанныя глиной, а сложенныя изъ хорошо обтесанныхъ, пригнанныхъ плитъ. Въ нихъ погребенія въ скорченномъ положеніи. Вещей при покойникахъ не было никакихъ.

Внѣ круга были тоже погребенія и возлѣ костяковъ находились небольшіе горшочки (см. рис. 3 и 4, табл. II).

Опредѣлить точно мѣсто нахожденія погребеній въ каменныхъ гробницахъ не удалось. Установлено лишь, что они были внутри большого каменнаго круга. При дальнѣйшей раскопкѣ, какъ видно будетъ изъ дневника, все сказанное сторожемъ, подтвердилось.

Дневникъ раскопки 1912 года.

Работа началась расчисткой старой траншеи и углубленіемъ ея до грунта. Въ южной сторонѣ траншеи, внѣ круга изъ камней на высотѣ 0,7 метр. отъ грунта, было найдено погребеніе:

№ 1. (См. чер. 1, таб. 1).

Костякъ лежалъ прямо въ насыпи, на спинѣ, головой на СЗ. Ноги были протянуты. Черепъ на затылкѣ. Руки протянуты и прижаты къ бедрамъ. Возлѣ костяка попадались куски совершенно сгнившаго дерева, но объяснить его назначеніе не удалось. Подъ костякомъ видны были слѣды красной краски и какой-то сгнившей подстилки въ видѣ пепельнаго цвѣта порошка. Кости очень плохо сохранились. Скелетъ оказался мужскимъ, ростомъ 1,65 метр. Кости не окрашены. Вещей при покойникѣ не было никакихъ. Это было впускное погребеніе въ первичную насыпь.

Нѣсколько восточнѣе и на 0,35 метр. ниже его было обнаружено погребеніе:

№ 2. (См. чер. I, таб. 1).

Какъ разъ подъ ногами перваго погребенія лежала голова второго. Костякъ лежалъ на спинѣ, головою на ЮЗ. Ноги были протянуты. Черепъ лежалъ на затылкѣ. Руки протянуты и прижаты къ бедрамъ. Подъ костякомъ оказались слѣды подстилки. Кости сохранились хорошо. Скелетъ мужской, ростомъ — 1,69 метр. Слѣдовъ краски нѣтъ. Подъ костякомъ найдена скорлупа отъ яйца. Тоже впускное погребеніе въ первичную насыпь.

№ 3. (См. чер. 1, таб. 1).

На высотѣ около 0,7 метр. отъ грунта, южнѣе двухъ первыхъ погребеній, въ насыпи показался большой камень, а подъ нимъ прослойка сгнившаго дерева. Когда мѣсто это было зачищено, то обнаружилась четыреугольная площадка изъ сгнившихъ деревянныхъ брусьевъ. Камень лежалъ на этой площадкѣ, и отъ его тяжести въ этомъ мѣстѣ она нѣсколько провалилась внутрь. Длина и ширина площадки около 1,4 метра. Когда земля была удалена, то оказалось, что эта площадка опиралась на четыре столбика, каждый длиною около 0,7 метра. Подъ этой площадкой, въ ямѣ, выкопанной въ грунтѣ, глубиною въ 0,35 метр., оказался костякъ въ скорченномъ положеніи. Лежалъ онъ на правомъ боку, головой на ЮВ. Ноги сильно поджаты къ тазу. Черепъ—на правомъ вискѣ. Кисть правой руки положена подъ голову, лѣвая на грудь. Подъ костякомъ были слѣды подстилки и краски. Кости плохо сохранились. Костякъ муж-

ской ростомъ 1,69 метр. Не окрашенъ. Вещей не найдено при немъ никакихъ.

У самого сѣвернаго края траншеи былъ найденъ черноглинянный горшочекъ, плохо обоженный, сдѣланный безъ гончарнаго круга. По краю его горлышка нанесенъ веревочный орнаментъ. (См. рис. № 10, таб. II).

Приблизительно посрединѣ траншеи, у западнаго ея обрѣза, было найдено четырнадцать кремневыхъ остроугольныхъ желваковъ, довольно большой величины, покрытыхъ бѣлой оболочкой изъ аморфнаго кремнезема. Здѣсь-же былъ найденъ и кусокъ кремня въ видѣ тонкаго осколка. Въ восточной части траншеи нашли челюсть лошади. Вся траншея была расчищена до грунта и въ ней больше ничего не было найдено. Этимъ и окончилась раскопка 1912 года.

Дневникъ раскопки 1913 года.

Съ 4-го октября 1913 года Общество снова приступило къ разслѣдованію кургана, для чего стали сносить средину восточной части насыпи длиною и шириною около 12,7 метр., такъ что оставались неизслѣдованными только небольшіе ея края.

Насыпь кургана, какъ выяснилось путемъ раскопки, состояла изъ трехъ послѣдовательныхъ насыпей. (См. чер. 2, таб. 1).

Первичной—нижней, толщиною въ центрѣ 1,5 метра и въ діаметрѣ около 21 метр., изъ чернозема смѣшаннаго съ мелкой желтой глиной. Второй—средней, толщиною въ центрѣ около двухъ метр. Къ краямъ она расплывается и у основанія достигаетъ въ діаметрѣ около 30 метр. Состоитъ изъ чернозема съ пятнами изъ желтой глины. Третья—верхняя насыпь не болѣе 0,7 метр. толщиною, тоже расплывается къ краямъ и у основанія достигаетъ въ діаметрѣ 35 метр. Состоитъ изъ чистаго чернозема и въ самыхъ верхнихъ слояхъ носитъ слѣды позднѣйшихъ отбросовъ. Сѣверная часть верхней насыпи облицована у основанія мелкими камнями, приблизительно на протяженіе 1,4 метр. Съ южной стороны кургана этой облицовки незамѣтно.

Въ самомъ верху средней насыпи, въ СВ. ея сторонѣ, была найдена разрушенная каменная гробница (см. рис. 1, бук. А). Остались неразрушенными только двѣ плиты, составлявшихъ ея восточную стѣнку и по одному примыкающему къ ней камню отъ боковъ. Остальныхъ камней не было. Бока были замазаны зеленой глиной и заложены мелкимъ щебнемъ. По длинѣ своей она была расположена съ ЮВВ. на СЗЗ. Внутри нея была очень твердая земля, а въ ней куски человѣческихъ костей и разбросанные зубы лошади. Ничего больше не было найдено. Вѣроятно гробница была разрушена случайно въ древности или уже въ позднѣйшія времена, такъ какъ верхняя насыпь во многихъ мѣстахъ имѣла ямы, засыпанныя позднѣйшими отбросами. (Эта гробница однородна съ первой, которая была

найдена въ сѣверной сторонѣ при раскопкѣ кургана администраціей больницы, о которой намъ разсказалъ сторожъ и также, какъ и та помѣщалась въ средней насыпи).

Рис. 1. Восточная часть снятая до нижней насыпи.

Нѣсколько южнѣе и глубже, тоже въ средней насыпи, былъ найденъ разбитый сосудъ изъ желтой глины. прекрасно обожженный, сдѣланный безъ гончарнаго круга; на поверхности его былъ нанесенъ сѣтчатый орнаментъ черной краской (см. № 13, таб. II; рис. 1,

бук. Г.). Состоялъ онъ изъ двухъ частей: нижней—сосуда и верхней — крышки къ нему. Онъ былъ разбитъ еще въ древности, такъ какъ куски его были разбросаны на разстояніи квадратной сажени, и, кромѣ того, нѣкоторыхъ фрагментовъ совсѣмъ не найдено. Въ разныхъ частяхъ насыпи попадались скорлупы отъ яицъ и куски кремней.

На границѣ средней и нижней насыпей появилась ограда въ видѣ круга изъ хорошо обтесанныхъ камней. Какъ выяснилось впослѣдствіи, камни эти были вышиною 1,4 метр., шириною 0,7 метр. и толщиною 0,18 метр. Поставлены они были на короткое ребро съ наклономъ внутрь и нижней частью были врыты въ грунтъ изъ желтой глины (см. рис. 2, бук. Б.; рис. 1, бук. Д.).

Съ южной стороны такихъ камней было 4, затѣмъ далѣе отъ мѣста, обозначеннаго на рисункѣ буквою В. (см. рис. 2) камни были наполовину сломаны и въ мѣстѣ Г. поворачивали подъ прямымъ угломъ къ востоку до бук. Д. Сперва здѣсь лежала плашмя плита, а затѣмъ шли необтесанные камни. Отсюда до Е. (см. рис. 2) шли съ юга на сѣверъ камни необтесанные, положенные неаккуратно въ видѣ полукруга. Отсюда до Ж. сперва шли къ западу то-же необтесанные камни, а затѣмъ лежала плита плашмя. Отъ Ж. до З. снова идетъ продолженіе круга; здѣсь онъ обозначенъ сломаннымъ на половину камнемъ, дальше стоитъ опять цѣлый камень отъ З. до И. Дальше этотъ кругъ до конца траншеи идетъ снова изъ наполовину сломанныхъ камней, поставленныхъ на ребро. Діаметръ этого круга—9,8 метр. Такимъ образомъ онъ является продолженіемъ того круга, о которомъ намъ говорилъ сторожъ. Оба они безъ сомнѣнія замыкались и представляли полный кругъ, расположенный какъ-разъ въ срединѣ кургана. Внутри этого круга, въ юго-восточной его сторонѣ, въ средней насыпи, появилась площадка изъ необдѣланныхъ камней, положенныхъ плашмя. Въ срединѣ ея камни лежали выше, къ краямъ они понижались (см. рис. 1, бук. Б.). Когда камни были разобраны, то посреди нихъ оказалась большая плита, по длинѣ своей расположенная съ Ю. на С. Подъ этой плитой были найдены два погребенія:

№ 4. (См. черт. 1, таб. 1). Не полное погребеніе. Были найдены только черепъ и голенныя кости. Причемъ черепъ лежалъ къ сѣверу, а голенныя кости на разстояніи 0,7 м. отъ него къ югу. Остальныхъ частей костяка не было. Возможно, что это было расчлененное погребеніе. Нѣсколько восточнѣе—другое погребеніе:

№ 5. (См. чер. 1, таб. 1). Костякъ лежалъ прямо въ насыпи, на правомъ боку, головой къ ЮЗ. Ноги сильно подогнуты къ тазу. Черепъ на правомъ вискѣ. Кисти рукъ положены между ногъ. Подъ костякомъ видны слѣды подстилки. Костякъ не окрашенъ, очень плохой сохранности. Скелетъ мужской, ростомъ 1,69 метр. Ниже костяка были найдены скорлупы отъ яицъ. Возлѣ ступни лежалъ осколокъ кремня. Оба эти погребенія были въ средней насыпи.

На этой-же высотѣ, немного сѣвернѣе, было обнаружено снова погребеніе:

№ 6. (См. чер. I, таб. 1), (рис. 1, бук. Е.). Костякъ лежалъ на спинѣ, головой на СЗ. Ноги протянуты и повернуты къ югу. Черепъ на правомъ вискѣ. Лѣвая рука положена на животъ, правая протянута къ бедру. Костякъ лежалъ на подстилкѣ изъ рогожи, такой-же рогожей былъ покрытъ онъ и сверху. Слѣды этой подстилки ясно остались на землѣ. Кости очень плохо сохранились. Костякъ оказался женскимъ, ростомъ 1,47 метр. Не окрашенъ. Возлѣ кисти лѣвой руки найденъ осколокъ кремня. Погребеніе это было тоже въ средней насыпи.

Въ восточной части траншеи (см. рис. 1, бук. В.; рис. 2, бук. К.; чер. I, таб. I) на 0,7 метр. отъ грунта появилась плита, которая, какъ оказалось, служила крышкой каменной гробницѣ, состоящей изъ пяти, хорошо обтесанныхъ плитъ. Четыре плиты служили ея боками, пятая—крышкой, дна не было. Внутренніе размѣры слѣдующіе: длина=1,02 метр., ширин.=0.49 метр., высота—0,67 метр. Въ ней погребеніе:

№ 7. (См. чер. 1, таб. 1). Костякъ въ скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головой на сѣверъ. Ноги сильно поджаты къ тазу. Черепъ на лѣвомъ вискѣ. Руки—правая на груди, лѣвая повернута къ востоку. Подъ костякомъ попадалась зеленая глина и слѣды подстилки съ краской. Полъ опредѣлить не удалось, ростъ 1,69 метр. На груди было много краски въ кускахъ. Костякъ не окрашенъ. Вещей при немъ не было никакихъ.

Въ верхней части нижней насыпи, въ сѣверо-восточной ея сторонѣ, внѣ круга изъ камней, прямо въ насыпи обнаружено погребеніе:

№ 8. (См. чер. 1, таб. 1; рис. 2, бук. Л.). Костякъ лежалъ на правомъ боку, головой на Ю. Ноги подогнуты, лѣвая положена сверху правой. Черепъ—на правомъ вискѣ. Лѣвая рука положена на тазъ, правая—между ногъ. Подъ костякомъ замѣтны слѣды подстилки. Кости совершенно истлѣвшія. Скелетъ дѣтскій, ростомъ 0,8 метр. Не окрашенъ. Вещей при немъ не было никакихъ.

Нѣсколько восточнѣе и ниже, тоже непосредственно въ насыпи оказалось другое погребеніе:

№ 9. (См. чер. 1, таб. 1; рис. 2, бук. М.). Костякъ лежалъ на правомъ боку, головой на Юго-Востокъ. Ноги были протянты. Черепъ—на правомъ вискѣ. Правая рука была положена между ногъ, лѣвая подъ голову. Подстилки не было замѣтно. Кости очень плохой сохранности. Скелетъ дѣтскій, ростомъ 1,11 метр. Окраски не было. У черепа лежалъ на боку цѣлый небольшой, круглодонный горшочекъ изъ черной глины, очень плохо обожженный, безъ орнамента, сдѣланный безъ гончарнаго круга (см. таб. II, рис. 1). Подъ погребеніями № 4 и № 5 на 0,35 метр. ниже появилась огромная плита (см. рис. 2, бук. П.) неправильной формы. Длина ея была 2 метр., ширина

1,25 метр., толщина 0,18 метр. Вокругъ этой плиты были положены небольшіе необтесанные камни на высотѣ 0,7 метр. отъ грунта. Кругъ этотъ съ западной стороны былъ разомкнутъ, его разрушили, когда

Рис. 2. Восточная часть насыпи снята до грунта.

рыли погребъ по распоряженію администраціи больницы. Такимъ образомъ этотъ кругъ изъ камней (см. рис. 2, бук. Н.) былъ внутри большого круга. Но въ то время, какъ большой былъ составленъ изъ огромныхъ хорошо обтесанныхъ плитъ, аккуратно пригнанныхъ другъ къ другу, глубоко вкопанныхъ въ грунтъ, представлялъ собою серьез-

ное сооруженіе,—внутренній былъ прямой противоположностью ему: камни положены прямо въ насыпь, очевидно наскоро, между камнями во многихъ мѣстахъ были пустые промежутки, было лишь желаніе ими обозначить кругъ (вѣроятно въ силу какого-нибудь религіознаго соображенія), внутри котораго находилось погребеніе. Лежали эти камни на одной высотѣ съ плитой и были приблизительно такой-же толщины (см. рис. 2, бук. Н.).

Такимъ образомъ въ курганѣ оказались два каменныхъ круга: одинъ большой, въ діаметрѣ 9,8 метр., другой, внутри него, меньшій, въ діаметрѣ 4,25 метр. (замѣтимъ, что погребеніе въ каменной гробницѣ № 7, находилось между этими кругами и, что гробница была составлена изъ обтесанныхъ, хорошо пригнанныхъ плитъ). Была очевидна какая-то связь между гробницей и большимъ каменнымъ кругомъ.

Подъ большой плитой были найдены, сложенными въ кучу, около 10 штукъ скорлупъ отъ яицъ, а подъ ними, тоже непосредственно въ насыпи, обнаружилось погребеніе:

№ 10. (См. чер. 1, таб. 1). Костякъ лежалъ на правомъ боку, головой на С. Ноги поджаты къ тазу. Черепъ на правомъ вискѣ. Лѣвая рука въ локтѣ изогнута и положена на животъ, правая тоже изогнута и положена на грудь, возлѣ праваго плеча. Подъ костякомъ были слѣды подстилки и куски красной краски. Кости плохо сохранились. Кисти ногъ окрашены, на черепѣ слѣдовъ краски не замѣчено. Скелетъ мужской, ростомъ 1,69 метр. Ноги засыпаны были пескомъ. (Здѣсь впервые былъ найденъ). Возлѣ черепа попадались мелкіе куски угля, возлѣ ступней ногъ—кусокъ отбитаго кремня.

Подъ этимъ погребеніемъ, нѣсколько западнѣе, на 0,55 метр. ниже его, уже на грунтѣ изъ желтой глины было обнаружено снова погребеніе:

№ 11. (См. чер 1, таб. 1). Костякъ лежалъ на правомъ боку, головой на востокъ. Ноги были поджаты. Черепъ на правомъ вискѣ. Кости сохранились очень плохо, къ тому-же это погребеніе было повреждено при раскопкѣ кургана администраціей больницы. Ростъ и полъ опредѣлить не удалось. Черепъ былъ густо окрашенъ красной краской. Вещей не было никакихъ.

Въ сѣверной части кургана, внѣ большого круга, на высотѣ погребенія № 9 и средняго круга. оказалось погребеніе тоже прямо въ насыпи:

№ 12. (См. чер 1, таб. 1). Костякъ лежалъ на спинѣ, головой на Ю. Ноги были протянуты. Черепъ—на правомъ вискѣ и былъ прислоненъ къ большому каменному кругу (см рис. 2, бук. Р.). Правая рука положена на тазъ, лѣвая протянута къ бедру. Подъ костякомъ были замѣтны слѣды подстилки. Кости сохранились довольно хорошо. Скелетъ мужской ростомъ 1,56 метр. Черепъ слегка окрашенъ. Подъ головой найденъ кусокъ кремня со слѣдами отбивки. Немного южнѣе и глубже, уже на грунтѣ изъ желтой глины, между большимъ и

малымъ кругами, обнаружилось на глинѣ темное пятно и въ немъ погребеніе:.

№ 13. (См. чер. 1, таб. 1). Костякъ лежалъ въ четыреугольной ямѣ, которая сперва была въ длину 1,42 метр. и въ ширину 1,3 метр., но затѣмъ въ видѣ ступеньки съузилась до 0,7 метр. Глубиною она была около 0,7 метр. Кости были найдены въ безпорядкѣ. Черепъ былъ найденъ въ западной части ямы, ноги въ восточной. Судя по бедренной и голенной костямъ, онъ былъ въ скорченномъ положеніи съ поджатыми ногами. На черепѣ видны слѣды окраски. Вещей не было никакихъ.

Въ южной части насыпи, тоже между большимъ и малымъ кругами, нѣсколько ниже камней средняго круга обнаружено погребеніе:

№ 14. (См. чер. I, таб. 1; рис. 2, бук С). Костякъ лежалъ прямо въ насыпи, на правомъ боку, головой на З. Ноги были немного повернуты къ югу. Черепъ на правомъ вискѣ. Руки протянуты къ тазу. Подъ костякомъ слѣды подстилки. Кости очень плохой сохранности. Скелетъ дѣтскій, ростомъ 1,07 метр. Не окрашенъ. Возлѣ головы, немного съ боку, стоялъ вверхъ отверстіемъ горшочекъ изъ черной глины, плохо обожженный, сдѣланный безъ гончарнаго круга, покрытый отъ горлышка и до самого дна великолѣпнымъ елочнымъ орнаментомъ (см. таб. II, рис. 5). Погребеніе впускное въ первичную насыпь. Восточнѣе погребенія № 7 еще на границѣ средней и нижней насыпей стали попадаться камни. На высотѣ средняго каменнаго круга, въ этомъ мѣстѣ появилось четыреугольное темное пятно обложенное камнями только съ трехъ сторонъ (см. рис 2, бук. Г. Д. Е. Ж.) и такимъ образомъ оказалось какъ-бы присоединеннымъ къ большому кругу. Ниже были обнаружены деревянные брусья, лежавшіе по длинѣ своей съ В. на З. Подъ ними уже шелъ грунтъ изъ желтой глины (такъ что они были положены на немъ) и въ немъ такое-же четыреугольное темное пятно, длиною съ юга на сѣверъ—1,87 метр., шириною съ запада на востокъ—1,4. Это была яма вырытая въ грунтѣ глубиною 1,12 метр. На днѣ ея было обнаружено двойное погребеніе:

№ 15. (См. чер. 1, таб. 1)[1]. На стѣнкахъ ямы остались слѣды орудія, которымъ она была выкопана. Это—длинныя, узкія, желобчатыя выемки. Въ западной сторонѣ ея лежалъ мужской костякъ на спинѣ, головой на С. Черепъ повернутъ къ востоку въ сторону женскаго скелета. Руки протянуты къ тазу. Ноги подогнуты и повернуты тоже къ востоку, соприкасаясь съ колѣнями женскаго костяка. Черепъ густо окрашенъ красной краской. Подъ скелетомъ вездѣ насыпана краска. Ростъ 1,91 метр. Вещей при немъ не было никакихъ.

---

[1]) № 15 соотвѣтствуетъ „двойному погребенію“ предварительнаго сообщенія проф. Д. К. Третьякова: Остатки человѣческихъ скелетовъ на Слободкѣ-Романовкѣ. XXXII т Зап. Имп. Одес. Общ. Ист. и Древн.

Въ восточной сторонѣ лежалъ женскій скелетъ, тоже на спинѣ, головой на С. Черепъ на затылкѣ. Руки протянуты къ тазу. Ноги подогнуты, повернуты въ сторону къ мужскому скелету и нѣсколько въ колѣняхъ приподняты. Черепъ густо окрашенъ красной краской. Подъ костякомъ вездѣ видна была краска. Возлѣ ушей у черепа найдены 2 серебряныхъ серьги изъ проволоки, изогнутой въ видѣ спирали. Ростъ 1,6 метр. Никакихъ вещей больше не было. Немного восточнѣе этого погребенія, на границѣ нижней и средней насыпей появилось полукруглое пятно изъ чернозема съ желтой глиной; къ нему съ СВ. въ насыпи вела узкая траншея, въ 0,7 метр. шириною, изъ очень мягкой (сравнительно съ окружающей) не слежавшейся земли. Это пятно дошло до самого грунта и еще на 0,35 метр. углубилось въ немъ. Затѣмъ, въ западной его сторонѣ оказались небольшіе камни и возлѣ нихъ сосудъ изъ черной глины, внутри котораго оказались зерна проса (см. таб. II, рис. 14). Когда камни вынули, то отсюда шла небольшая катакомба, по длинѣ своей расположенная съ ССЗ. на ЮЮВ. Длиною около 2 метр., шириною около 1,42 метр., дно было ровное, сводъ полукруглый, высотою не болѣе 0,7 метр. Въ этой катакомбѣ было погребеніе:

№ 16. (См. чер. I, таб. 1)[1]) Костякъ лежалъ на спинѣ; головой на ЮЮВ. Черепъ—на правомъ вискѣ Лѣвая рука была положена на тазъ, правая протянута къ бедру. Ноги протянуты. Скелетъ мужской, ростомъ 1,82 метр. Подъ скелетомъ—слѣды подстилки. Въ теменной кости черепа имѣется отверстіе длиною въ 33 мил. и шириною въ 20 мил. Южнѣе этого погребенія въ грунтѣ, оказалась четыреугольная ямка; длиною 0,55 и шириною 0,35. Въ ней погребеніе:

№ 17. (См. чер. 1, таб. 1). Костякъ оказался дѣтскимъ. Черепъ лежалъ въ СВ. сторонѣ ямки, возлѣ него былъ маленькій горшочекъ изъ черной глины, плохо обожженный съ линейнымъ орнаментомъ (см. таб, II, рис. 6). Остальные кости совершенно сгнили и поэтому опредѣлить положеніе костяка не удалось. Здѣсь-же, нѣсколько выше, была найдена очень маленькая глиняная мисочка съ веревочнымъ орнаментомъ по краю (см. таб. II, рис. 8), и маленькій горшочекъ весь покрытый точечнымъ орнаментомъ (см. таб. II, рис. 2) Оба они были плохо обожжены, сдѣланы изъ черной глины, безъ гончарнаго круга. Въ южной сторонѣ кургана, на границѣ средней и нижней насыпей оказались 2 погребенія. Оба очевидно впускные:

№ 18. (См. чер. 1, таб. 1). Погребеніе прямо въ насыпи прикрытое необтесанными довольно большими камнями. Костякъ лежалъ на спинѣ, головою на ЮЗЗ. Ноги протянуты. Черепъ—на правомъ

---

[1]) № 16 соотвѣтствуетъ № 13 предварительнаго сообщенія проф. Д. К. Третьякова: Остатки человѣческимъ скелетовъ изъ кургана на Слободкѣ-Романовкѣ. XXXII т. Зап. Имп. Од. Общ. Ист. и Др.

вискѣ. Руки протянуты къ бедрамъ. Подстилки не было замѣтно. Кости плохо сохранились. Скелетъ мужской, ростомъ 1,78 метр. На груди лежали небольшіе куски извести. Вещей при немъ не было никакихъ. Къ Юго-Западу и нѣсколько ниже было другое погребеніе:

№ 19. (См. чер. 1, таб. 1). Костякъ лежалъ на спинѣ, головой на югъ. Ноги были протянуты, руки тоже протянуты къ бедрамъ. Черепъ—на правомъ вискѣ. Подстилки не было. Кости очень плохой сохранности. Скелетъ мужской, ростомъ 1,6 метр. На груди и возлѣ скелета попадались куски извести. Вещей не было. Въ этомъ-же мѣстѣ, ниже, уже на грунтѣ, лежала плита и на ней раздавленный землей круглодонный сосудъ (см. таб. II, рис. 12). Подъ ней была четыреугольная яма въ 0,35 метр. шириною, 0,55 метр. длиною и глубиною въ 0,18 метр. Въ ней погребеніе:

№ 20. (См. чер. 1, таб. 1). Очевидно погребенъ былъ ребенокъ, но отъ времени кости совершенно истлѣли, такъ что остались лишь слѣды краски и остатки костей въ видѣ порошка.

Къ востоку отъ этого погребенія, въ грунтѣ, обнаружилась четыреугольная ямка, длиною 0,7 метр., шириною 0,55 метр. Въ ней погребеніе:

№ 21. (См. чер. 1, таб. 1). Костякъ дѣтскій, очень плохой сохранности. Можно было лишь установить, что черепъ лежалъ въ СЗ. сторонѣ ямки, ноги—въ ЮВ. Подъ костякомъ были слѣды краски. Въ челюстяхъ найдено всего 16 зубовъ. Возлѣ костяка найденъ кусочекъ слюды. Къ востоку отъ погребенія № 17 еще на границѣ средней и нижней насыпей, появилось полукруглое пятно изъ чернозема смѣшаннаго съ глиной. Оно шло до грунта и на 0,55 метр. углублялось въ грунтъ. Здѣсь въ западной его сторонѣ лежали небольшіе камни. Когда ихъ сняли, то отсюда шла катакомба къ юго-западу. Длина ея 2,5 метр., ширина 1,7 метр. По длинѣ своей она была расположена съ СВ. на ЮЗ. Полъ былъ ровный овальной формы, потолокъ сводчатый въ видѣ полукруга. Въ ней погребеніе:

№ 22. (См. чер. 1, таб. 1)[1]. Костякъ лежалъ на спинѣ, головой на югъ. Ноги были протянуты. Руки прижаты къ бедрамъ. Черепъ лежалъ отдѣльно отъ туловища на теменной кости. Нижняя челюсть лежала на своемъ мѣстѣ, поэтому черепъ, очевидно, свалился впослѣдствіи. Катакомба, какъ и первая, была засыпана землей, въ ней попадались куски отбитыхъ кремней. Возлѣ головы былъ поставленъ вверхъ дномъ круглодонный сосудъ (см. таб. II, рис. 7) изъ черной глины, довольно хорошо обожженный, сдѣланный безъ гончарнаго круга. На его бокахъ оказался веревочный орнаментъ въ видѣ петли,

[1]) № 22 соотвѣтствуетъ № 14 предварительнаго сообщенія проф. Д. К. Третьякова: Остатки человѣческихъ скелетовъ изъ кургана на Слободкѣ-Романовкѣ. XXXII т. Зап. Имп. Общ. Ист. и Древн.

у края онъ имѣлъ съ одной стороны расположенныя рядомъ двѣ шишечки. Когда его подняли, то внутри онъ оказался пустымъ и вымазанъ былъ черной краской. На его днѣ съ наружной стороны было пятно изъ той-же краски. Оно имѣло такой видъ, будто сверху на дно сосуда налили краску и она расплылась. Скелетъ былъ мужской, ростомъ 1,82 метр. Подъ сосудомъ былъ черный порошекъ — это обсыпавшаяся краска, которой онъ былъ вымазанъ внутри.

Въ сѣверной части верхней насыпи (см. чер. 1, таб. 1 № 33) была обнаружена четыреугольная, продолговатая яма, засыпанная черноземомъ, въ которомъ попадались куски стекла, горлышки отъ бутылокъ и другіе позднѣйшіе отбросы. На глубинѣ 0,7 метр. отъ грунта заканчивалась она глинобитной площадкой тоже четыреугольной формы. Здѣсь было найдено пять круглыхъ шрапнельныхъ свинцовыхъ пуль, въ діаметрѣ около 2-хъ сантиметровъ. Всѣ они носили на себѣ слѣды ударовъ. Возможно, что здѣсь было какое-нибудь укрѣпленіе въ позднѣйшія времена.

Раскопка восточной части насыпи на этомъ и была окончена.

Западная часть была раскопана тоже не сквозной траншеей, въ длину около 21 метр. и въ ширину 5,5 метр., такъ что въ общемъ остались нераскопанными только небольшіе края насыпи.

Въ верхней насыпи попадались отдѣльные камни и куски костей животныхъ. Лишь на границѣ средней и нижней насыпей, въ сѣверо-западной ея части (см. чер. 1, таб. 1 № 23) была найдена каменная гробница слѣдующаго устройства: составлена она была изъ восьми большихъ, тонкихъ, грубо обтесанныхъ плитъ; расположена была по длинѣ съ СЗ. на ЮВ. Южная стѣнка ея была составлена изъ двухъ плитъ, восточная и западная—тоже, сѣверная-же изъ одной большой плиты; прикрыта она была одной тоже очень большой плитой. Установлена она была такимъ образомъ, что плиты, составлявшія ея бока, были поставлены съ нѣкоторымъ уклономъ наружу, щели между ними и крышей были тщательно заложены щебнемъ и замазаны, какъ снаружи, такъ и внутри зеленой глиной. Длина гробницы 2 метр., шир.—1,4 метр., высота—1,05 метр., дна не было. Когда земля была снята глубже, то ясно было видно, что она была поставлена прямо на первичной, нижней насыпи, на СЗ. ея склонѣ. Внутри гробницы была очень мягкая, мелкая, какъ-бы просѣянная земля (объясняется это тѣмъ, что всѣ щели были хорошо замазаны и земля постепенно проникала внутрь черезъ маленькія, образовавшіяся впослѣдствіи отверстія) и въ ней на днѣ оказалось погребеніе:

№ 23. (См. чер. 1, таб. 1)[1]. Костякъ лежалъ на лѣвомъ боку, головой на СЗ. Ноги поджаты къ тазу. Черепъ—на лѣвомъ вискѣ.

---

[1]) №№ 23 и 24 соотвѣтствуютъ №№ 2 и 1 предварительнаго сообщенія проф. Д. К. Третьякова: Остатки человѣческихъ скелетовъ изъ кургана на Слободкѣ-Романовкѣ. XXXII т. Зап. Имп. Общ. Ист. и Древ.

Правая рука въ локтѣ изогнута подъ прямымъ угломъ, лѣвая-же положена между ногъ. Подъ костякомъ были слѣды подстилки изъ шерсти, куски которой довольно хорошо сохранились. На костякѣ сверху и снизу были найдены небольшіе куски кожи. Весьма возможно, что покойникъ имѣлъ одежду изъ шкуры, шерстью вывернутой наружу. Кости сохранились довольно хорошо. Костякъ мужской ростомъ 1,82 метр. Попадались куски краски. Возлѣ черепа, съ сѣверной стороны, былъ найденъ совершенно сгнившій деревянный сосудъ. Путемъ расчистки удалось опредѣлить его приблизительную форму—это было что-то вродѣ глубокой миски, съ довольно толстыми стѣнками. Между кистью правой руки и колѣнями ногъ стоялъ другой, гораздо меньшій, тоже деревянный сосудъ, съ очень тонкими стѣнками въ видѣ небольшого горшочка. Удалось сохранить только его дно. У ногъ костяка были найдены, сложенными въ кучу, кости барана. Возлѣ локтя лѣвой руки лежалъ костяной кружокъ съ конической усѣченной поверхностью, просверленный посрединѣ. Здѣсь-же, ближе къ ребрамъ лежала небольшая кремневая стрѣлка.

Въ срединѣ траншеи, въ восточной ея сторонѣ появились три камня, служившіе продолженіемъ большого каменнаго круга.

Нѣсколько къ западу, на границѣ средней и нижней насыпей, появилась каменная плита, обложенная по бокамъ небольшими камнями. Подъ ней на глубинѣ 0,7 метр., въ четыреугольной ямѣ оказалось погребеніе:

№ 24. (См. чер. 1, таб. 1). Костякъ лежалъ прямо въ насыпи на лѣвомъ боку, головой на С. Ноги были сильно поджаты къ тазу, кисти ногъ вывернуты къ верху. Черепъ, отдѣльно отъ туловища, былъ поставленъ на подбородокъ (вѣроятно отъ давленія земли позвонки разорвались, и черепъ сползъ въ сторону). Руки положены между ногъ. Краски не было. Подъ костякомъ были замѣтны слѣды подстилки. Кости сохранились плохо. Костякъ женскій, ростомъ 1,73 метр. Возлѣ реберъ найдена небольшая кремневая стрѣлка. Погребеніе это впускное въ первичную насыпь.

Къ сѣверу отъ погребенія № 23 на грунтѣ, показалась плита, обложенная небольшими камнями; подъ ней на 0,35 метр. въ грунтъ шла четыреугольная яма и въ ней погребеніе:

№ 25. (См. чер. 1, таб. 1)[1]). Костякъ лежалъ на лѣвомъ боку, головой на СВ. Ноги настолько подогнуты, что колѣна оказались на высотѣ груди. Черепъ лежалъ на лѣвомъ вискѣ. Лѣвая рука сперва идетъ внизъ къ тазу, затѣмъ въ локтѣ изогнута и направлена вверхъ, правая-же перекрещивается съ лѣвой. Подъ костякомъ были

---

[1]) №№ 25 и 26 соотвѣтствуютъ №№ 6 и 5 предварительнаго сообщенія проф. Д. К. Третьякова: Остатки человѣческихъ скелетовъ изъ кургана на Слободкѣ-Романовкѣ. XXXII т. Зап. Имп. Од. Общ. Ист. и Древн.

видны слѣды подстилки. Кости сохранились довольно хорошо. Костякъ мужской, ростомъ 1,69 метр. Неокрашенъ. Между колѣнями и кистями рукъ лежалъ на боку, отверстіемъ къ костяку, небольшой плоскодонный сосудъ, безъ орнамента, сдѣланный изъ сѣрой глины, безъ гончарнаго круга (см. рис. 3).

Къ сѣверу отъ погребенія № 24, въ грунтѣ изъ желтой глины, показалось овальной формы темное пятно, въ немъ на глубинѣ 0,35 метр. погребеніе:

№ 26. (См. чер. 1, таб. 1). Костякъ женскій, лежалъ на спинѣ головой на ЮВ. Ноги были протянуты и положены одна на другую (перекрещены). Черепъ лежалъ на затылкѣ. Руки протянуты къ бедрамъ. Слѣдовъ подстилки не было замѣтно. Кости прекрасно сохранились, въ особенности черепъ. Ростъ 1,56 метр.; слѣдовъ краски не было. На груди попадались куски извести. Вещей не было никакихъ.

Нѣсколько сѣв.-зап. погребенія № 26, еще въ насыпи, обнаружилось пятно полуовальной формы изъ глины; оно углублялось внизъ до самого грунта и даже на 0,5 метр. въ грунтъ. На самомъ грунтѣ оно принимало видъ овала и увеличивалось вдвое. Здѣсь, въ южной его сторонѣ, лежали въ безпорядкѣ части человѣческихъ костей, сѣверная-же часть еще нѣсколько углублялась, приблизительно на 0,18 метр. и была заложена въ ЮЗ. сторонѣ камнями. Отсюда шелъ ходъ въ катакомбу. Катакомба имѣла такое-же устройство, какъ и двѣ предыдущихъ. Въ ней погребеніе:

№ 27. (См. чер. 1, таб. 1) [1]). Костякъ лежалъ на спинѣ, головой на ЮВ. Ноги были протянуты. Черепъ—на правомъ вискѣ. Правая рука протянута къ бедру, кисть-же лѣвой руки положена на тазъ. Подъ костякомъ замѣтны были слѣды подстилки. Кости сохранились довольно хорошо. Скелетъ мужской. Ростомъ 1,73 метр. Краска отсутствовала. Попадались на груди куски извести Вещей не было никакихъ. Погребеніе это, какъ и два другихъ катакомбныхъ, безусловно было впускное въ грунтъ черезъ первичную насыпь. Доказательствомъ этого, какъ и въ двухъ первыхъ случаяхъ, служитъ глина въ насыпи, выброшенная при устройствѣ катакомбы. Къ тому-же при погребеніи своего покойника они наткнулись здѣсь на погребеніе находившееся въ грунтѣ, въ овальной ямѣ. Остатки костей его и были найдены въ южной сторонѣ этой ямы, случайно нетронутой при устройствѣ катакомбы.

Южнѣе этого погребенія, почти на грунтѣ показалась неправильной формы плита. Посрединѣ ея были положены въ рядъ шесть небольшихъ камней по направленію съ З. на В. Когда ихъ сняли, то оказалось, что плита въ этомъ направленіи была разбита и поэтому

---

[1]) № 27 соотвѣтствуетъ № 7 предварительнаго сообщенія проф. Д. К. Третьякова: Остатки человѣческихъ скелетовъ изъ кургана на Слободкѣ-Романовкѣ. XXXII т. Зап. Имп. Од. Общ. Ист. и Древ.

ее и перекрыли небольшими камнями еще при погребеніи. Подъ плитой, въ грунтѣ, на глубинѣ 0,35 метр. въ четыреугольной ямѣ, оказалось погребеніе:

№ 28. (См. чер. 1, таб. 1). Костякъ лежалъ на правомъ боку головой на сѣв. Ноги сильно поджаты къ тазу. Черепъ—на правомъ вискѣ. Правая рука лежала возлѣ ногъ, лѣвая—на груди. Замѣтны были слѣды подстилки и въ ней куски краски. Ростъ 1,6 метр. Возлѣ груди попадались куски краски. Въ ногахъ были найдены копытныя кости двукопытныхъ мелкихъ животныхъ (барана). Въ черепѣ было отверстіе длиною въ 3 сант., шириною полтора сант. Очевидно покойникъ былъ убитъ какимъ-то широкимъ, тонкимъ орудіемъ. Вещей при немъ не было никакихъ

Къ юго-востоку лежало нѣсколько камней и возлѣ нихъ оказалась овальной формы яма, углубленная въ грунтъ на 0,35 метр. и въ ней погребеніе:

№ 29. (См. чер. 1, таб. 1)[1]). Костякъ лежалъ на лѣвомъ боку, головой на ЮВ. Ноги были сильно подогнуты, такъ что колѣни были на высотѣ груди. Лѣвая рука была возлѣ колѣна правой ноги. Правая-же лежала на груди. Черепъ лежалъ на лѣвомъ вискѣ. Подъ скелетомъ замѣтны были слѣды подстилки и краски. Кости плохо сохранились. Ростъ 1,56 метр. Вещей не было.

Юго-восточнѣе этого погребенія, снова на грунтѣ обнаружилась плита, треснувшая на 4 части и посрединѣ нѣсколько провалившаяся, обложенная камнями; подъ ней овальной формы яма въ грунтѣ, глубиною 0,35 метр. и въ ней погребеніе:

№ 30. (См. черт. 1, таб. 1). Костякъ лежалъ на спинѣ, головой на ЮВ. Ноги были сильно поджаты къ тазу, съ опущенными внизъ колѣнями. Черепъ лежалъ на лѣвомъ вискѣ. Правая рука лежала на тазу, лѣвая—между ногъ. Подъ костякомъ были слѣды подстилки и краски. Кости плохо сохранились. Ростъ 1,56 метр. Вещей не было. Далѣе къ ЮВ., въ насыпи былъ найденъ небольшой горшочекъ, сѣрой глины, плохо обожженной (см. таб. II, рис. 9); подъ нимъ уже въ грунтѣ обнаружилась овальная яма, глубиною 0,35 метровъ, по длинѣ своей расположенная съ С. на Ю. Въ ней было погребеніе:

№ 31. (См. чер. 1, таб. 1) Костякъ лежалъ на спинѣ, головой на С. Ноги были протянуты. Черепъ лежалъ на правомъ вискѣ. Руки были положены на животъ. Подъ скелетомъ были замѣтны слѣды подстилки и краски. Кости плохо сохранились. Скелетъ оказался дѣтскимъ, ростомъ 1,29 метр. Черепъ былъ слегка окрашенъ. Это погребеніе было впущено черезъ первичную насыпь, судя по очень мягкой землѣ насыпи въ этомъ мѣстѣ. Къ востоку отъ этого погре-

---

[1]) №№ 29 и 30 соотвѣтствуютъ №№ 3 и 4 предварительнаго сообщенія проф. Д. К. Третьякова: Остатки человѣческихъ скелетовъ изъ кургана на Слободкѣ-Романовкѣ. XXXII т. Зап. Имп. Од. Общ. Ист. и Древн.

бенія, тоже въ грунтѣ, въ овальной ямѣ, глубиною въ 0,55 метр., было обнаружено двойное погребеніе:

№ 32. (См чер. 1, таб. 1). Костяки лежали головами въ разныя стороны, ноги-же упирались другъ въ друга. Въ западной части ямы лежалъ дѣтскій костякъ, головою на СЗ., на лѣвомъ боку. Ноги были подогнуты. Черепъ—на лѣвомъ вискѣ. Руки между ногъ. Въ подстилкахъ попадались куски краски. Кости очень плохо сохранились. Ростъ костяка 1,24 метр. Черепъ былъ окрашенъ красной краской.

Въ восточной части ямы лежалъ другой костякъ на правомъ боку, головой на ЮВ. Ноги были подогнуты. Кости совершенно истлѣли. Костякъ дѣтскій, ростомъ не болѣе 0,7 метр. На черепѣ были слѣды краски. Вещей возлѣ скелета не было никакихъ.

Какъ я уже въ началѣ этого дневника упомянулъ, администрація больницы разрушила довольно большую часть кургана, все найденное въ немъ было выброшено, и, такимъ образомъ, памятникъ старины могъ совершенно погибнуть. Цѣлью Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей было сохранить то, что еще осталось неразрушеннымъ, сдѣлать его достояніемъ науки. Эта цѣль, кажется, достигнута. Есть предположеніе на слѣдующій годъ, если окажется возможнымъ, снести совершенно этотъ курганъ, такъ какъ весьма возможно, что въ оставшихся нераскопанными бокахъ кургана, окажутся еще погребенія.

Описаніе вещей, найденныхъ при раскопкахъ.

I. Посуда.

Глиняные сосуды, найденные при раскопкѣ, представляютъ собой самой разнообразной величины и формы горшки, горшечки, чашки и миски, предназначавшіеся очевидно для домашняго обихода. Всѣ они сдѣланы отъ руки, безъ гончарнаго круга, большинство изъ нихъ очень грубой работы.

Матерьяломъ служила для тринадцати сосудовъ сѣрая и черная глина, иногда съ примѣсью мелкаго гравія; для двухъ-же желтая, причемъ одинъ былъ сдѣланъ изъ свѣтло-желтой глины, другой—изъ темной.

Обожжены сосуды вообще слабо, лишь четыре—хорошо обожжены. Сосудъ-же изъ свѣтло-желтой глины обожженъ прекрасно, но онъ является случайностью среди всѣхъ другихъ, найденныхъ въ этомъ курганѣ.

Нѣкоторые изъ сосудовъ были довольно большой величины, другіе—поменьше, а нѣкоторые совсѣмъ маленькіе. Эти послѣдніе находились при дѣтскихъ погребеніяхъ и, вѣроятно, предназначались для ихъ пользованія.

Изъ всѣхъ сосудовъ только два были вынуты неповрежденными, другіе, хотя и были положены при погребеніи цѣлыми, но при вынутіи ихъ изъ земли, разваливались въ мелкіе кусочки; многіе-же были раздавлены тяжестью земли, а нѣкоторые безъ сомнѣнія были положены уже разбитыми, какъ напримѣръ № 14 (см. дальше). Впослѣдствіи всѣ эти сосуды были подклеены, такъ что форму и видъ удалось возстановить.

Изъ пятнадцати найденныхъ сосудовъ три оказались круглодонными, остальные—плоскодонными.

№ 1. (См. таб. II, рис. 1). Найденъ при дѣтскомъ погребеніи № 9. Небольшой круглодонный сосудъ въ видѣ чашки, удивительно грубой работы, изъ сѣрой глины, сдѣланный отъ руки. Толщина стѣнокъ неравномѣрная, дно толщиною въ 1 сант., стѣнки къ краю утончаются до $^1/_2$ сант. Ширина отверстія—9 сант. Общая высота—8 сант. Слегка обожженъ, снаружи обмазанъ желтой глиной.

№ 2. (См. таб. II, рис. 2). Найденъ прямо въ насыпи, надъ дѣтскимъ погребеніемъ № 17. Былъ разбитъ на мелкіе куски, удалось реставрировать лишь около половины сосуда. Очень грубой работы, изъ черной глины, сдѣланъ отъ руки. Край горлышка, высотою въ 1 сант, отогнутъ наружу, нѣсколько тоньше стѣнокъ и покрытъ зубчатымъ орнаментомъ. Шейка выражена слабо. Плечи незначительны. Бока слегка выпуклые, высокіе. Дно плоское, утолщенное. Горлышко гладкое, въ діаметрѣ 6 сант. Общая высота сосуда—6 сант. Толщина стѣнокъ неравномѣрная, около $^1/_2$ сант, начиная отъ шейки и до самаго дна сосудъ покрытъ орнаментомъ изъ вдавленныхъ, довольно глубокихъ, точекъ, расположенныхъ по окружностямъ въ 14 рядовъ. По своимъ незначительнымъ размѣрамъ и потому, что былъ найденъ вблизи дѣтскаго погребенія, долженъ быть отнесенъ къ виду игрушекъ, или-же былъ сдѣланъ спеціально для употребленія ребенкомъ.

№ 3. (См. таб. II, рис. 3). Найденъ администраціей больницы, неизвѣстно въ какомъ мѣстѣ. Небольшой сосудъ изъ сѣрой глины, сдѣланный отъ руки, очень грубой работы.

Дно въ діаметрѣ—5 сант., плоское, утолщенное, стѣнки утончаются къ краямъ. Отверстіе въ діаметрѣ—7 сант. Общая высота—6 сант. Не орнаментированъ.

№ 4. (См. таб. II, рис. 4). Тоже найденъ администраціей больницы, не извѣстно въ какомъ мѣстѣ кургана и при какихъ обстоятельствахъ. Это небольшой, плоскодонный сосудъ въ видѣ чашки, сдѣланный изъ сѣрой глины съ примѣсью мелкаго гравія, отъ руки Діаметръ отверстія $8^1/_2$ сант., край ровный гладкій. Дно толстое въ діаметрѣ $5^1|_2$ сант., общая высота $6^1/_2$ сант. Стѣнки у дна толще, къ краямъ—тоньше. Снаружи обмазанъ желтой глиной. Обжигъ средній. Орнамента нѣтъ.

№ 5. (См. таб. II, рис. 5). Найденъ цѣлымъ возлѣ головы дѣтскаго погребенія № 14. Небольшой, плоскодонный сосудъ, сдѣланный

отъ руки, изъ сѣрой глины. Край горла прямой, высотою въ 1 сант. Шейки нѣтъ. Плечи отлогія—небольшія. Бока сравнительно высокіе, выпуклые. Дно плоское, въ діаметрѣ—6½ сант. Горлышко ровное, гладкое, въ діаметрѣ—10 сант. Обжигъ средній. Общая высота—10 сант., толщина стѣнокъ ½ сант. Весь горшочекъ отъ края и до самаго дна покрытъ рѣзнымъ орнаментомъ: на горлышкѣ нанесенъ елочный орнаментъ, на плечахъ тотъ-же орнаментъ, заключенный между двумя параллельными линіями. На бокахъ сперва идетъ такой-же орнаментъ въ три ряда, а затѣмъ тотъ-же орнаментъ окружаетъ сосудъ въ видѣ ломанныхъ линій, образующихъ треугольники. Въ этихъ треугольникахъ расположенъ тотъ-же орнаментъ въ уменьшенномъ видѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ елочка замѣняется косыми линіями. Возлѣ дна нанесена та-же елочка между двумя параллельными линіями. Сосудъ прекрасной работы, имѣетъ очень красивый видъ и довольно правильную форму. Орнаментъ распредѣленъ симметрично и лишь въ одномъ мѣстѣ ломанныя линіи пересѣкаются—это произошло отъ неправильнаго разсчета, при нанесеніи орнамента. При вынутіи изъ земли разсыпался въ мелкіе кусочки, затѣмъ былъ возстановленъ.

№ 6. (См. таб. II, рис. 6). Найденъ, возлѣ головы дѣтскаго погребенія № 17. Маленькій сосудъ въ видѣ горшочка, грубой работы, сдѣланный отъ руки, изъ сѣрой глины. Край горлышка, высотою въ 1 сант., отогнутъ наружу и къ концамъ утончается до минимума (на немъ видны слѣды пальцевъ отъ лѣпки). Шейка едва замѣтна. Плечи тоже. Бока высокіе, слегка выпуклые. Дно плоское, въ діаметрѣ 4 сант. Горлышко внутри гладкое, въ діаметрѣ—8 сант. Обжигъ очень плохой. Общая высота—9 сант. Толщина стѣнокъ неравномѣрная—около—½ сант. Дно гораздо толще стѣнокъ. Орнаментъ рѣзной изъ ломанныхъ линій, нанесенныхъ на поверхности сосуда. Судя по незначительнымъ размѣрамъ и потому, что найденъ былъ возлѣ дѣтскаго погребенія, предназначался, вѣроятно, для ребенка.

№ 7. (См. таб. II, рис. 7). Найденъ возлѣ головы катакомбнаго погребенія № 22 перевернутымъ вверхъ дномъ. Круглодонный сосудъ, сдѣланный отъ руки, изъ сѣрой глины. Край горла ровный, высотою 1 сант. Шейка очень узкая, едва замѣтная. Плечи тоже. Бока выпуклые. Дно полукруглое. Горлышко гладкое, въ діаметрѣ—17 сант. Обжигъ очень хорошій. Снаружи обмазанъ желтой глиной, внутри какой-то черной жидкостью, такая-же жидкость была вылита на его дно и расплылась въ разныя стороны. На боку съ одной стороны помѣщены двѣ шишечки съ дырочками. Общая высота сосуда 12½ сант. толщина стѣнокъ около ¾ сант. На наружной сторонѣ горлышка нанесенъ вдавленный веревочный орнаментъ. Такой-же орнаментъ, но уже въ видѣ петель, покрываетъ и его бока. Такихъ петель на сосудѣ двадцать двѣ, расположенныхъ симметрично.

№ 8. (См. таб. II, рис. 8). Очень маленькій сосудъ въ видѣ мисочки, найденный вмѣстѣ съ сосудомъ № 2. Сдѣланъ изъ сѣрой глины, отъ руки, слегка обожженъ. По краю нанесенъ зубчатый орнаментъ. Отверстіе въ діаметрѣ—7½ сант., дно плоское, нѣсколько вогнутое, въ діаметрѣ—4 сант

Общая высота сосуда—3 сант., толщина стѣнокъ ½ сант. Очевидно тоже предназначался для ребенка.

№ 9. (См. таб. II, рис. 9). Найденъ надъ дѣтскимъ погребеніемъ № 31. Сосудъ небольшой изъ сѣрой глины, сдѣланный отъ руки. Край горла прямой, закругленный, высотою въ ½ сант. Шейка едва замѣтна. Плечи небольшіе, отлогіе. Бока выпуклые. Дно плоское, въ діаметрѣ 6 сант. Горлышко гладкое, въ діаметрѣ 8 сант. Обжигъ слабый. Общая высота сосуда 10 сант. Толщина стѣнокъ ½ сант. Горлышко съ наружной стороны покрыто вдавленнымъ орнаментомъ шнуровымъ, возлѣ дна нанесенъ вдавленный ракушный орнаментъ.

№ 10. (См. таб. II, рис. 10). Найденъ въ сѣверной части кургана прямо въ насыпи Сдѣланъ изъ сѣрой глины съ примѣсью мелкаго гравія, безъ гончарнаго круга. Край горлышка высокій—4 сант., на немъ зубчатый орнаментъ. Шейки нѣтъ. Бока выпуклые Горлышко гладкое, въ діаметрѣ 12 сант. Дно плоское, неровное, въ діаметрѣ 8 сант. На внѣшней сторонѣ горлышка съ одной стороны видна попытка орнаментаціи въ видѣ четырехъ вертикальныхъ черточекъ Обжигъ слабый. Общая высота сосуда—18 сант., толщина стѣнокъ ½ сант.

№ 11. (См. таб. II, рис. 11). Найденъ администраціей больницы при погребеніи въ каменномъ ящикѣ, замазанномъ зеленой глиной. Сдѣланъ изъ сѣрой глины съ примѣсью крупнаго гравія, отъ руки, съ наружной стороны обмазанъ желтой глиной. Край горла не ровный, нѣсколько отогнутый наружу, вышиною въ 3 сант. Шейка выражена хорошо. Плечи тоже. Бока выпуклые. Посрединѣ сосудъ расширяется и составленъ какъ-бы изъ двухъ усѣченныхъ конусовъ. Горло сосуда гладкое, въ діаметрѣ 11 сант. Дно плоское, въ діаметрѣ 11 сант. Не орнаментированъ. Обжигъ средній. По внѣшнему виду очень грубой работы. Общая высота сосуда 24 сант., толщина стѣнокъ ½ сант. На шейкѣ видны отпечатки пальцевъ.

№ 12. (См. таб. II, рис. 12). Найденъ на плитѣ, прикрывавшей дѣтское погребеніе № 20. Сосудъ сферической формы изъ темно-желтой глины, сдѣланъ отъ руки. Край горла срѣзанъ съ уклономъ наружу, вышиною 1½ сант. Шейка выражена хорошо. Плечи тоже. Бока выпуклые. Горло гладкое, въ діаметрѣ 7½ сант. Дно круглое. Обжигъ средній. Общая высота сосуда 16 сант., толщина стѣнокъ ½ сант. Не орнаментированъ. По внѣшнему виду хорошей работы.

№ 13. (См. таб. II, рис. 13). Сосудъ изъ желтой глины, прекрасно обожженный съ сглаженной поверхностью, сдѣланный отъ руки. Найденъ прямо въ насыпи разбитымъ въ мелкіе куски (см.

рис. 1, бук. Г.). Состоитъ изъ двухъ частей: нижней—сосуда и верхней—крышки къ нему. Дно плоское, горлышко гладкое, высотою въ 2 сант.; шейка выражена слабо; бока выпуклые. На плечахъ сосуда, съ двухъ противуположныхъ сторонъ придѣланы ушки съ двумя отростками въ видѣ рожекъ. Посреди ушекъ имѣется по одной вертикальной сквозной дырочкѣ. На внѣшней поверхности сосуда, нанесенъ черной краской орнаментъ въ видѣ ромбоидальной сѣточки. Подъ ушками-же орнаментъ состоитъ изъ трехъ волнистыхъ линій, нанесенныхъ черной краской, между которыми пространство заполнено красной краской, тоже въ видѣ волнистыхъ линій. Общая высота сосуда—14 сант., толщина стѣнокъ ½ сант Дно утолщенное.

Крышка представляетъ собою типъ обыкновенной чашки съ плоскимъ дномъ, возлѣ котораго тоже имѣется пара ушекъ съ дырочками, точно такихъ-же, какъ и на сосудѣ, лишь немного меньшихъ. Поверхность крышки покрыта такимъ-же сѣтчатымъ орнаментомъ. Высота крышки 7 сант.. толщина стѣнокъ неравномѣрная, дно утолщенное. Сосудъ этотъ рѣзко отличается по формѣ, выдѣлкѣ, матерьялу и орнаментаціи отъ всѣхъ остальныхъ сосудовъ, найденныхъ въ этомъ курганѣ. При внимательномъ осмотрѣ замѣчается его близость къ сосудамъ „петренскимъ", найденнымъ проф. фонъ-Штерномъ въ Бессарабской губ. и раскрашеннымъ сосудамъ „трипольской культуры". Пять точно такихъ-же сосудовъ были найдены г. Стемпковскимъ при раскопкѣ кургана въ с. Парканы Тирасп. уѣзда, и лишь на одномъ изъ нихъ, кувшинообразномъ сосудѣ, орнаментъ нанесенъ бѣлой краской въ видѣ квадратной сѣточки. Всѣ эти сосуды хранятся въ Херсонскомъ музеѣ.

№ 14. (См. таб. II, рис. 14). Найденъ возлѣ катакомбнаго погребенія № 16. Сдѣланъ изъ сѣрой глины съ примѣсью мелкаго гравія. Край горла сглаженъ и обрѣзанъ съ уклономъ внутрь. Высота края 1½ сант. Шейка выражена слабо. Плечи тоже. Бока высокіе, выпуклые, на нихъ нанесенъ орнаментъ изъ точекъ, расположенныхъ по окружности въ два ряда. Горло гладкое, въ діаметрѣ 13 сант. Дно плоское, въ діаметрѣ 9 сант. Обжигъ плохой. Съ наружной стороны обмазанъ глиной. Общая высота сосуда 16 сант., толщина стѣнокъ ½ сант.

Рис. № 3.

№ 15. (См. рис. 3). Найденъ возлѣ погребенія № 25. Небольшой сосудъ изъ сѣрой глины, слабо обожженный, сдѣланъ отъ руки. Край горла не ровный, отогнутый наружу, высотою въ 2 сант. Шейка довольно широкая, выражена хорошо. Плечи незначительны. Бока высокіе, выпуклые. Дно плоское, въ діаметрѣ 7½ сант. Горлышко овальное, въ діаметрѣ 11×9 сант. Общая высота 13 сант., толщина стѣнокъ ½ сант.

II. Кремни.

Возлѣ скелетовъ и прямо въ насыпи попадались осколки кремней неправильной формы; лишь два изъ нихъ можно принять за небольшіе скребки; возлѣ-же скелетовъ № 24 и 23 были найдены небольшія кремневыя стрѣлки. Кромѣ того, было найдено въ одномъ мѣстѣ насыпи 14 кремневыхъ желваковъ, очевидно предназначенныхъ для отбивки отъ нихъ орудій; это можетъ служить доказательствомъ того, что кремневыя издѣлія приготовлялись здѣсь-же, на мѣстѣ, хотя, къ сожалѣнію, въ курганѣ не было найдено ни одного нуклеуса.

III. Костяныя издѣлія.

При погребеніи № 23 найденъ костяной кружокъ просверленный посрединѣ. Возможно, что онъ служилъ амулетомъ. Кромѣ того, въ насыпи была найдена еще небольшая косточка заостренная съ одного края.

IV. Металлическія вещи.

Возлѣ женскаго костяка № 15 найдены серебряныя серьги изъ тонкой проволоки изогнутыя въ видѣ спирали.

V. Данныя химическаго анализа.

Были взяты для анализа три куска краски изъ различныхъ погребеній, найденныхъ въ этомъ курганѣ и кусочекъ серьги, найденной при женскомъ скелетѣ погребенія № 15. Краска, какъ видно изъ прилагаемаго ниже химическаго анализа, оказалась желѣзной охрой; серьга-же серебряной.

ЛАБОРАНТЪ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ ХИМИЧЕСКОЙ
ЛАБОРАТОРІИ
Министерства Финансовъ
въ г. Одессѣ.

Г-ну А. В. Добровольскому.

Милостивый Государь,

Имѣю честь увѣдомить Васъ, что доставленные Вами для изслѣдованія три образца краски оказались желѣзной охрой, кусочки-же металла—серебромъ.

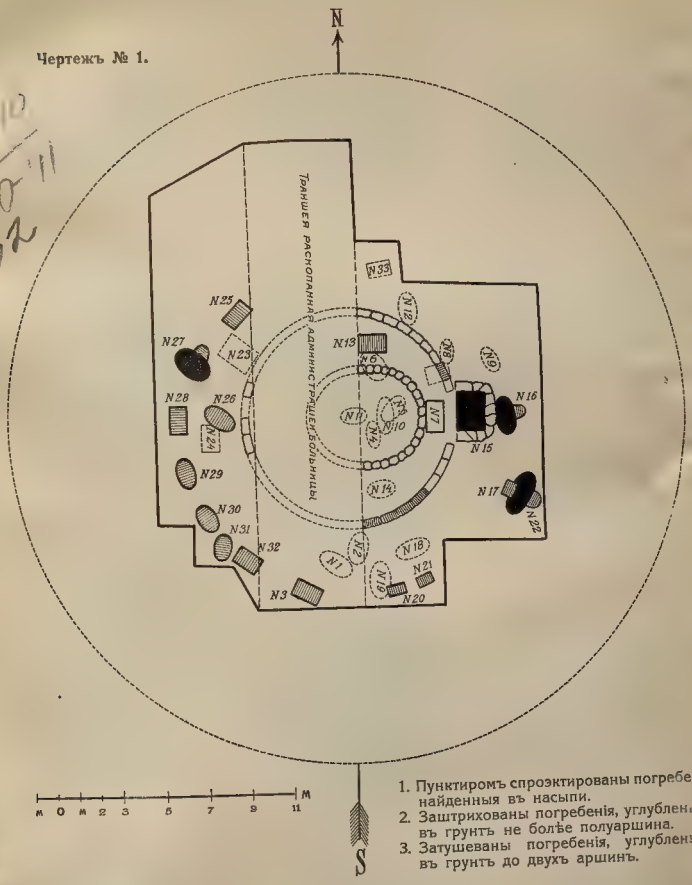
К. Русановъ.

Одесса,
15 февраля 1914 года.

До изданія этого дневника вышли работы по поводу раскопокъ кургана на Слободкѣ-Романовкѣ проф. Имп. Новорос. Унив. Д. К. Третьякова: „Остатки человѣческихъ скелетовъ изъ кургана на Слободкѣ-Романовкѣ и М. Ѳ. Шкадынка: „Погребеніе каменнаго вѣка въ г. Одессѣ". Оба въ XXXII т. Зап. Имп. Одес. Общ. Ист. и Древ.

Членъ-корреспондентъ **Аркадій Добровольскій.**

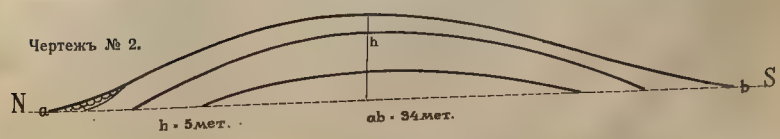
Чертежъ № 1.



1. Пунктиромъ спроэктированы погребенія, найденныя въ насыпи.
2. Заштрихованы погребенія, углубленныя въ грунтъ не болѣе полуаршина.
3. Затушеваны погребенія, углубленныя въ грунтъ до двухъ аршинъ.

Профиль насыпи.

Чертежъ № 2.



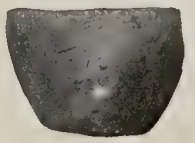
Графич. зав. Новак. и П... Одесса

1

2

7

6



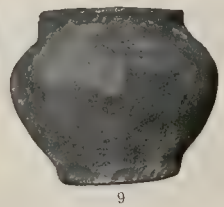
4

5

8

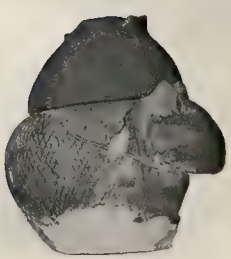
3

11

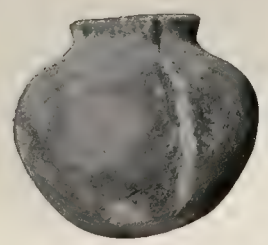


9

14



13



12

10

Графич. зав. Новакъ и Побуда. Одесса.

Принадлежащіе музею ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей предметы съ арабскими, персидскими и турецкими надписями.

Приступая къ разсмотрѣнію памятниковъ нашего музея съ восточными (арабскими, персидскими и турецкими) надписями, я долженъ, прежде всего отмѣтить, что у насъ почти никакихъ свѣдѣній нѣтъ относительно первоначальнаго мѣстонахожденія ихъ а также и о времени и объ обстоятельствахъ нахожденія ихъ и поступленія въ Музей, если, конечно, не считать тѣ крайне скудныя, и недостаточныя данныя, которыя приведены въ краткомъ указателѣ Музея. Съ достовѣрностью можно считать установленнымъ только что: 1) нѣкоторые каменные памятники сняты съ крѣпостей, фронтона источника, дворца городовъ Анапы Аккермана, Измаила, Ретимно (о. Крита) и привезены въ Одессу 2) а большая часть намогильныхъ памятниковъ вывезены изъ мусульманскаго кладбища въ Скутари, предмѣстіи Константинополя на Азіатскомъ берегу, вѣроятно во время возвращенія оттуда русскаго отряда въ 1829 г., 3) меньшая же часть намогильныхъ памятниковъ—мѣстнаго происхожденія, найденная на Хаджибейскомъ лиманѣ и др. мѣстахъ, 4) всѣ каменные памятники десятками лѣтъ лежали во дворѣ Музея и только въ послѣднее время они удостоились чести украшать собою 10-ый залъ Музея нашего. Нѣкоторые каменные и другіе памятники находятся въ другихъ, а именно въ 3, 5 и 8 залахъ Музея, гдѣ мнѣ удалось ихъ отыскать, между тѣмъ какъ, по многимъ соображеніямъ, весьма желательно, даже необходимо сгруппировать памятники мусульманской старины въ одномъ спеціальномъ помѣщеніи нашего музея.

Упомянутые восточные памятники дѣлятся на каменные, глиняные съ цвѣтной глазурью, и металлическіе (желѣзные, мѣдные и серебряные). Въ этотъ перечень не входятъ мусульманскія монеты помѣщенныя въ особомъ, 7-мъ залѣ, которыя, хотя и составляютъ весьма драгоцѣнную нумизматическую коллекцію и

дважды описаны уже въ 1841 и 1876 г г. В. Григорьевымъ и Д-ромъ О. Blay въ спеціальныхъ изданіяхъ [1]), однако почему-то даже не отмѣчены въ указателѣ Музея.

Задавшись цѣлью впервые представить съ разрѣшенія совѣта Общества опытъ систематическаго описанія всѣхъ вышеупомянутыхъ предметовъ восточной старины, съ указаніемъ и зала, гдѣ находится данный предметъ въ настоящее время, я счелъ необходимымъ при сохраненіи прежней нумераціи указателя держаться, однако, особой нумераціи, которую, я и рекомендую ввести въ указатель Музея при слѣдующемъ его изданіи причемъ спеціально для напечатанія въ предстоящемъ изданіи указателя сдѣлалъ краткое извлеченіе изъ настоящей моей статьи.

1) Самымъ важнымъ изъ памятниковъ нашего музея съ турецкими надписями по своему значенію для исторіи Юга Россіи безспорно является памятникъ, отмѣченный въ краткомъ указателѣ музея за 1913 г. подъ № 14, снятый съ воротъ крѣпости гор. Анапы въ 1807 г., фотографическій снимокъ котораго какъ и снимки многихъ другихъ памятниковъ, любезно сдѣланный спеціально для моей статьи д. чл. нашего Общества глубокоуважаемымъ Константиномъ Милосовичемъ Генераломъ Милиславлевичемъ представляю здѣсь, выражая ему глубокую свою признательность за оказанную мнѣ любезность и принятыя имъ на себя хлопоты.

Памятникъ этотъ (см. рис. № 1) представляетъ собою большихъ размѣровъ (выш. 1.12 м. шир. 1.70 м. и толщ. 15 см.) мраморную плиту съ красивой османской надписью.

Въ срединѣ заглавной части надписи, раздѣленной на три прямоугольника, рельефно выступаетъ большая Императорская монограмма--печать (тура[2]) султана Селима III съ вѣтками розы и бутономъ по обѣимъ ея сторонамъ. Печа́ть читается такъ:

Ас-Султан ібн-ӓс-Султан. Äс-Султаны Ѣазі Сӓлім ханы calic, ібн-ӓс-Султан Мустафа ханыс-calic, ӓл музаффӓрі дајімі т. е.: Султанъ, сынъ Султана. Султанъ побѣдоносецъ Селимъ ханъ III, сынъ султана Мустафы хана III, всегдашній побѣдитель. Въ квадратикахъ по бо-

---

[1]) а′ Описаніе куфическихъ монетъ X вѣка, найденныхъ въ Рязанской губерніи въ 1839 г. В. Григорьевъ. СПБ. 1841 и б′ Восточныя монеты Музея Имп. Общества исторіи и древностей въ Одессѣ. Die Orientalischen Münzen des Museums der Kaiserlichen Historisch-Archäologischen Gesellschaft zu Odessa von Dr. O. Blay Odessa. 1876.

[2]) *ТуБра* отъ сл. *туБра* или *турБа* обозначающаго коршуна съ открытыми крыльями. Печать-монограмма, имѣющая видъ птицы съ открытыми крыльями или отпечатка руки, замѣняетъ собою султанскую подпись въ заглавіи указовъ, надписей, монетъ и т. д.

камъ монограммы читается на правой сторонѣ изреченіе: *Ма ша Аллаху кана* т. е. все то, что соизволилъ Богъ было (совершилось), а на лѣвой изреченіе *la kуввата illa billaxi*: нѣтъ силы иной кромѣ какъ въ Богѣ, почти дословно встрѣчающіяся въ главѣ 18. (Пещера) ст. 37 Корана [1]).

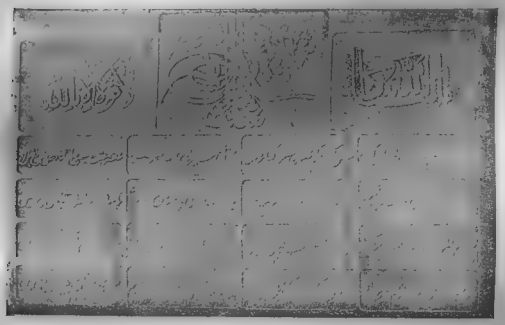


Рис. 1.

Только, что приведенное изреченіе впослѣдствіи послужило основой для составленія однимъ изъ 12 имамовъ нижеслѣдующей краткой мотивы, которую мусульмане произносятъ очень часто

Ма ша Аллаху кана, la хавла ва̄ la kуввата illa billaxil Ali-l-Азімі.

„что̀ Богъ соизволитъ, то и будетъ, ибо нѣтъ иной мощи ни власти, кромѣ какъ въ Богѣ Всевышнемъ, Великомъ".

Главная, историческая часть надписи состоитъ изъ 4 строкъ, заключающихъ въ себѣ 8 риѳмованныхъ стиховъ или 16 полустишій въ отдѣльныхъ мраморныхъ клѣточкахъ, образующихся изъ горизонтальныхъ и вертикальныхъ линій, также рельефныхъ какъ и надпись сама.

---

[1]) Это мѣсто переводится еще такъ: Да будетъ воля Божія, нѣтъ иной власти кромѣ власти Бога.

Въ предлагаемомъ текстѣ я привожу для удобства каждый стихъ въ отдѣльной строкѣ:

Транскрипція текста Анапской надписи [1]).

1) *Хосрӓві дӓрја хашӓм Султан Сӓlім Хан кім Худа*
хысні мілкін мухкӓм ӓтсін хашрӓдӓк ӧмрі тавіl

2) *Шуѣlv та'мірі kыlа'і сӓмті сӓрхаддат ilӓ*
халка ӓмнijӓтрӓсан олмакта дыр бі kaly kыl

3) *Сајӓсіндӓ олду мӓ'мур пӱмlӓ сӓрхат у суѣур*
фыркајы адајы діні олмада hӓрдӓм зӓlil

4) *јаптырып шімді Анапа kalасын, сукканына*
ба'ісі сур олду, бунјаны зӓhі тархы пӓмil

5) *Субӓсу патлар хабаб аса kыбабы нух фӓlӓк*
топуна [2]) *дїздарі уласа атӓш ӓфруз фітіl*

6) *Сӓір ӓдін бахрі сіјаh ӱзрӓ аlӓвпаш олдуѣун*
шӓптӓ рад у барка бӓн,зӓтмӓк іӓрӓк хасмі мухіl

7) *Ӓі Сурурі, сӧіlӓмішlӓр там бір місра ан,а*
бірдӓ бӓн булдум кі олду ікі тарixі пӓlil.

Ӓтті нӓв бунјад Анапа kalасын Султан Сӓlім 1212
Хысны јапты Хан Сӓlім олду Анапа бі адіl 1212.

Насколько мнѣ извѣстно, изъ надписей памятниковъ спеціальнаго мусульманскаго отдѣла Музея нашего Общества въ печати была переведена одна лишь [3]) надпись этого, памятника, рисунокъ и транскрипцію текста которой я только, что представилъ здѣсь. Переводъ этотъ былъ сдѣланъ еще въ 1808 г., годъ смерти Султана Селима III, неизвѣстно кѣмъ, и помѣщенъ въ запискахъ Общества (т. X стр. 507—508) въ 1876 г. по сообщенію и за подписью Н. Мурзакевича [4]).

---

[1]) Въ виду неимѣнія арабскаго шрифта въ мѣстныхъ типографіяхъ предлагаемые мною въ этой статьѣ тексты надписей были по моему заказу изготовлены въ Константинополѣ, но вслѣдствіе войны мною не получены. Поэтому я и здѣсь принужденъ ограничиться приведеніемъ лишь транскрипціи текстовъ согласно моему чтенію. Если при печатаніи статьи тексты будутъ получены, будутъ мною представлены въ видѣ приложенія.

[2]) Въ оригиналѣ слово это—*полустерто,* я предлагаю чтеніе *топуна.*

[3]) Не считая перевода двухъ небольшихъ намогильныхъ памятниковъ сдѣланныхъ Н. Ѳ. Катановымъ и мною. См. Записки Общества т. XXXI стр. 146—7 и т. XXXII стр. 12 Послѣ составленія статьи я, по любезному указанію вице-президента О-ва А. Л. Бертіе-Делагарда узналъ о только, что изданной книгѣ Н. И. Рѣпникова подъ загл.: Нѣсколько словъ о развалинахъ Аккерманской крѣпости" (СПБ. 1913) гдѣ на стр. 21—22 говорится что были (до меня) прочтены еще 2 надписи по одной строкѣ каждая. На нихъ я укажу, въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ настоящей статьи.

[4]) Въ указателѣ музея за 1913 г. на стр. 144 говорится, что „и если вѣрить д-ру Менцелю въ переводѣ Мурзакевича вкралось нѣсколько неточностей". Такъ какъ г. Менцель, на сколько мнѣ извѣстно ничего объ этомъ не напечаталъ, я лишенъ возможности судить, въ чемъ именно усматриваетъ онъ эти неточности.

Для детальнаго сличенія этого перевода съ нынѣ сдѣланнымъ и ниже предлагаемымъ мною, переводомъ я счелъ необходимымъ привести здѣсь цѣликомъ все сообщеніе г. Мурзакевича объ Анапской надписи:

„Анапская крѣпостная надпись, Одесскаго Музея. [1])

По случаю, въ 1808 г., осмотра епархіи мѣстнымъ архіепископомъ Платономъ (Любарскимъ) при посѣщеніи Николаевскаго Черноморскаго Депо картъ сохранявшаго и нѣкоторые историческіе предметы, въ числѣ каковыхъ была турецкая надпись снятыя (?) съ воротъ крѣпости Анапа въ 1807 г. по распоряженіи дюка Ришелье, поднесена оыла начальникомъ Депо на листкѣ копія надписи въ четыре странипы, in 4°, ниже слѣдующаго содержанія.—Какъ матеріалъ исторически—мѣстный эта надпись излагается здѣсь слово въ слово, турецкій же оригиналъ, съ другими подобными надписями хранящимися (?) при Музеѣ Общества, будутъ изданы своевременно.

Вотъ ея содержаніе:

Его Высокопреосвященству, господину Екатеринославскому Херсонскому архіепископу и кавалеру Платопу; (въ 7 строкъ). Поднесена по случаю посѣщенія его Черпоморское Депо картъ. Николаевъ. Печатано въ типографіи Черноморскаго Депо. 1808 года in 4°.

„Султанъ Селимъ.
Мустафа Ханъ.

1. О Великій Боже!

Безъ твоего соизволенія ничего не поколеблется!

2. Султанъ Селимъ имѣетъ неограниченную власть.

Проситъ тебя, Великій Боже! сохранить всѣ грады его во вѣки!

3) Печется о всѣхъ городахъ ему подвластныхъ, строитъ и оканчиваетъ новый!

4. И какъ всѣ города, во владѣніи находящіяся, въ продолженіи жизни его благополучны; то и оный да будетъ таковымъ во вѣки!

А враги его тому да удивятся!

5. Онъ соорудилъ теперь городъ Анапъ; жители онаго да будутъ благополучны!

6. Около его сдѣлалъ прекрасные вороты и самые величайшіе исполипы не могутъ разрушить оныхъ.

7. Поставилъ на берегу Чернаго моря;

Отъ лукаваго врага охранимъ Богомъ.

---

[1]) Зап. Общества т. X стр. 507—508.

8. А будетъ извѣстно каждому, что надпись сія сдѣлана въ память сооруженія города Анапы и въ вѣчное прославленіе Султана Селима. Сочинитель ея есть одинъ изъ жителей города Анапа. 1798 года.

Одесса 14 Авг. 1876 — Сообщилъ Н. Мурзакевичъ Ч. О. О.

Послѣ послѣдняго слова сообщенія г. Мурзакевича, приведеннаго мною здѣсь дословно и съ сохраненіемъ стилистическихъ и ореографическихъ особенностей его, слѣдуетъ внизу такое примѣчаніе г. Мурзакевича: „Султанъ Селимъ III владѣлъ съ 1789 по 1807 й годъ. Переводчикъ вмѣсто турецкаго лѣтосчисленія поставилъ христіанское, тогда какъ мусульманское будетъ 1213-й годъ Эгиры.

Въ сообщеніи Н. Мурзакевича мы ясно видимъ, что въ немъ говорится о томъ, что:

1) Надпись здѣсь излагается „слово въ слово“.

2) Турецкій же оригиналъ предполагалось еще въ Августѣ (14) 1876 г. издать „своевременно“ вмѣстѣ съ другими подобными надписями, хранящимися при Музеѣ Общества.

3) „Переводчикъ вмѣсто турецкаго лѣтосчисленія поставилъ христіанское (1798) тогда какъ мусульманское будетъ 1213 (?): [1]) годъ Эгиры (о чемъ говорится въ примѣчаніи Н. Мурзакевича).

4) Сочинитель падписи есть одинъ изъ жителей города Анапы.

5) Султанъ Селимъ имѣетъ неограниченную власть.

6) Султанъ Селимъ обращается къ Богу съ просьбою о сохраненіи всѣхъ градовъ его во вѣки.

7) Онъ же строитъ и оканчиваетъ новый (городъ).

8) Враги его да удивятся.

9) Около его (города) сдѣлалъ прекрасные вороты.

10) Самые величайшіе исполины не могутъ разрушить оныхъ.

11) поставилъ на берегу Чернаго моря

12) Отъ луковаго врага охранимъ Богомъ.

13) Надпись сдѣлана въ память сооруженія города Анапы и въ вѣчное прославленіе Султана Селима,

Приведенные мною 13 пунктовъ изъ сообщенія и перевода помѣщеннаго въ Запискахъ Общества г. Мурзакевичемъ, (не говоря уже о многихъ, менѣе существенныхъ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ въ нихъ), совершенно не соотвѣтствуютъ дѣйствительному содержанію надписи памятника Анапской крѣпости, а переводъ ея,

---

[1]) Подъ каждымъ изъ послѣднихъ двухъ полустишій надписи поставлена ясно хронологія: 1212. Объ этомъ рѣчь впереди.

изложенный слово въ слово" является болѣе чѣмъ вольнымъ такъ какъ содержитъ, помимо весьма существенныхъ ошибокъ, еще массу ни на чемъ необоснованныхъ и ничѣмъ кромѣ невѣжества автора перевода необъяснимыхъ небылицъ, которыя напрасно мы старались бы найти въ оригиналѣ надписи.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ авторомъ перевода надписи, является, по моему мнѣнію, отнюдь не г. Мурзакевичъ, который, нигдѣ въ сообщеніи своемъ не говоритъ о себѣ, какъ объ авторѣ перевода, а неизвѣстное намъ, весьма поверхностно владѣвшее османскимъ нарѣчіемъ лицо, названное Н. Мурзакевичемъ просто „переводчикомъ". Это лицо и приготовило переводъ для напечатанія его въ 1808 г. въ типографіи Депо картъ въ Николаевѣ вмѣстѣ съ копіею самой надписи и краткимъ новѣроятно крупными буквами напечатаннымъ адресомъ, въ 7 строкъ, на имя архіепископа Платона для поднесенія ему при посѣщеніи Николаевскаго Черноморскаго Депо Картъ.

Слѣдуетъ здѣсь же отмѣтить, что даже нумерація стиховъ въ выше приведенномъ переводѣ не соотвѣтствуетъ порядку ея въ оригиналѣ какъ видно изъ нижеизложеннаго, впервые мною сдѣланнаго точнаго, по возможности буквальнаго, перевода надписи Анапской крѣпости:

Мѣсто
Султанскои печати

Все, то, что соизволилъ Богъ, получило бытіе (свое)
(ибо) нѣтъ иной мощи кромѣ какъ въ Богѣ.

1. Владыка моря, могущественный Султанъ Селимъ Ханъ,—крѣпость власти (царства) коего да утвердитъ (упрочитъ) Богъ до дня воскрешенія и суда,—жизнь продолжительную (свою)

2. проводя въ занятіяхъ по реставраціи крѣпостей (находящихся) въ областяхъ по (всѣмъ) пограничнымъ (съ другими государствами) линіямъ безъ шума и разговоровъ [1]) продолжаетъ доставлять (подвластному себѣ) народу (полную) безопасность (и благополучіе).

3. Благодаря ему [2]) (даже) всѣ границы и предѣлы (государства) приведены въ состояніе полнаго расцвѣта, а группы людей [3]) принадлежащія къ врагамъ вѣры Его подвергаются (Имъ) постоянно униженію (позору).

4 Повелѣвъ нынѣ сооруженіе крѣпости (гор.) Анапы, населенію ея даровалъ [4]) Онъ радостный праздникъ (ликованія). По истинѣ прекрасно—планомѣрное (фундаментальное) сооруженіе ея (крѣпости).

---

[1]) споровъ, скандаловъ напрасныхъ

[2]) въ его тѣни.

[3]) партія.

[4]) буквально сдѣлался причиною, виновникомъ,

5) Какъ пузыри лопается (взрываются) по всѣмъ сторонамъ (кругомъ) купола девяти (путей) небесныхъ пламя[1]) когда[2]) комендантъ крѣпости приближаетъ[3]) къ ея пушкамъ[4]) фитиль, зажигающій огонь.

6. А врагъ коварный соверцая какъ она (крѣпость) по Черному морю разсыпаетъ пламя вокругъ себя, долженъ будетъ уподобить (сравнить это явленіе) грому и молніи (сверкающей) въ ночную пору.

7. О Сурури! (знай, что:) уже оказали (другіе поэты въ честь его, Султана или ея, крѣпости) одно полное полустишіе (для изображенія ея) хронограммы, а я изобрѣлъ[5]) еще одно (полустишіе) и (такимъ образомъ получились[6]) двѣ великолѣпныя хронограммы:

8. (а) положилъ основу Анапской крѣпости Султанъ Селимъ. 1212.

(б) крѣпость воздвигъ Ханъ Селимъ, стала Анапа безподобной 1212.

---

[1]) Девять небесъ (*нухъ фäläк*) Такъ называлось (а также еще и *нухъ сінähр*) небо не для обозначенія количества (слоевъ) неба или просто небесъ, которыхъ древніе астрономы какъ арабы такъ и персы насчитываютъ только до семи (häфт асуманъ, также и въ Коранѣ сäб сäмават) а для указанія числа путей вращенія небесныхъ тѣлъ по мнѣнію древнихъ арабскихъ астрономовъ написавшихъ астрономическія книги по системѣ Птоломея. У новѣйшихъ ученыхъ путь вращенія небесныхъ тѣлъ называется мäдар или міхрäк.

Вотъ перечень этихъ девяти путей:

1) *Фäläкі камäр* путь луны
2) „ *утарiт* „ Меркурія
3) „ *зöhрä* „ Венеры
4) „ *шäмс* „ Солнца
5) „ *мäріх* „ Марса
6) „ *муштäрі* „ Юпитера
7) „ *зуhäl* „ Кроноса
8) „ *сäвабіт* „ не вращающихся звѣздъ
или буручъ „ круга зодіака
9) *Фäläкі* атласъ „ атласа.
или „ *уль äфlак* или путь путей (небо небесныхъ)
или „ *ala* найвысшій путь
или „ *азам* найвеличайшій путь

О девяти небесахъ знаменитый персидскій суфическій поэтъ-философъ Омаръ Хайямъ написалъ слѣдующее четверостишіе (*рубаjы*).

„О ты глупецъ, это олицетворенное тѣло—ничто и этотъ куполъ изъ девяти слоевъ небесъ—ничто. Будь ты веселъ такъ какъ въ семъ обиталищѣ-бытія и тлѣнія мы на одно мгновеніе только существуемъ, но и это мгновеніе есть ничто".

---

[2]) если.

[3]) связываетъ. соединяетъ подведетъ.

[4]) букв. пушкѣ.

[5]) выдумалъ, нашелъ.

[6]) стало.

Изъ вышеприведеннаго моего перевода становится очевиднымъ, что авторомъ надписи и объихъ ея хронограммъ не „одинъ изъ жителей гор. Анапы", какъ говорится въ сообщеніи г. Мурзакевича, а знаменитый турецкій поэтъ—историкъ позднѣйшаго періода османской литературы, сочинитель историческихъ надписей и хронограммъ Сейдъ Османъ Сурури [1]) сынъ Хафиза Мусы, современникъ Султана Селима III, поэтъ, который родившись въ 1165 г. хиджры =(1751 г. по Р. Х.) въ Малоазійскомъ городѣ Адана, первоначально носилъ прозвище *Хузні* (печальный), а по пріѣздѣ въ 1193 г. (=1779 г.) въ г. Константинополь, по приглашенію Шейх-уль—ислама Тевфикъ Эфенди, прозванъ былъ послѣднимъ—*Сурури*, нѣкоторое время занимался изученіемъ поэзіи у Вехбія Зюмбюльзаде, автора „*Тохфа*", былъ судьею, умеръ и похороненъ въ 1229 г. х. (=1813 г.) возлѣ *Топкапу* рядомъ со своимъ наставникомъ. По свѣдѣніямъ, передаваемымъ *Эбуззіа Тевфикъ-Беемъ* Сурури отличался особенно высокимъ ростомъ. Въ г. Анапѣ онъ, по всей вѣроятности, и совсѣмъ не былъ но составилъ только надпись крѣпости какъ видно и изъ даты ея, приведенной какъ цифрами 1212, дважды отмѣченными, такъ и двумя полными хронограммами [2]) надъ каждой цифровой датою.

[1]) Прозвище *Сурури*, Веселый, Радостный носили еще два другихъ османскихъ поэта а) Мустафа бін Шабанъ Сурури, сынъ богатыхъ родителей, родомъ изъ Калиполи, воспитатель Султана Мустафы, одного изъ сыновей Султана Сулеймана I Кануни, (926 974 х. 1520 - 1566 по Р. Х.) знаменитый представитель ранней эпохи османской поэзіи умершій въ 9.9 г. х. (=1561 г.) и написавшій 3 сборника (*диванъ*) стихотвореній и много комментарій къ сочиненіямъ Сади, Хафиза, къ „*Мѣснавіі шаріфъ* и др., и слѣдующій стихъ о самомъ себѣ: „Сказали, что имя имѣетъ вліяніе на (характеръ) человѣка, носящаго его, но я не видѣлъ, о Сурури, чтобы я, на свѣтѣ, смѣялся когда-нибудь б') Сурури, персъ родомъ, жившій при Султанѣ Селимѣ I.

[2]) Хронограмма *таріх* въ надписяхъ у арабовъ персовъ и турокъ—хронологическая дата извѣстнаго историческаго событія, получаемая изъ буквъ, обозначающихъ опредѣленныя числа, и составляющихъ слова и цѣлыя выраженія въ концѣ надписи, и чаще всего полустишія, непосредственно относящіяся, по своему содержанію къ событіямъ и лицамъ упоминаемымъ въ надписи. Буквы словъ, сложенныя въ ихъ числительномъ значеніи (въ порядкѣ *абчад хісабы* т. е. условно принятыхъ словъ, указывающихъ на порядокъ и числительное значеніе буквъ арабскаго алфавита) и даютъ ту дату событія которая часто плеонастически тутъ же обозначается для удобопонятности и не образованнымъ, арабскими цифрами какъ въ разсматриваемой мною надписи мы видимъ дважды годъ 1212. Составленіе подобныхъ хронограммъ является весьма труднымъ искусствомъ, въ обладаніи коимъ въ разные періоды турецкой исторіи отличались очень немногія лица. Хронограммы бываютъ 1) полныя (*тамма*), когда въ счетъ идутъ, всѣ безъ исключенія буквы полустишія, выражающаго хронологическую дату, какъ объ, упомянутыя выше, хронограммы Анапской надписи, которыя я здѣсь переложилъ на цифры въ видѣ образца для полныхъ хронограммъ:

а полустишіе восьмого стиха, которое выше переведено мною словами: „положилъ новую основу крѣпости Анапы Султанъ Селимъ":

1+10+400+4+10+50+6+2+50+10+1+4+1+50+1+2+5+100+30+70+5+60+50+60+30+9+1+50+60+30+40+10+40=1212 (=1797).

Обыкновенно дата событія на памятникахъ отмѣчается одной хронограммою.

Здѣсь же ихъ двѣ, обѣ принадлежатъ автору надписи Сурури, который обладая замѣчательнымъ талантомъ составлять хронограммы даже *exprompt*u, написалъ двѣ, при чемъ ихъ изъ скромности изложилъ въ такой литературной формѣ какъ будто первую хронограмму сочинили другіе (*cöilämiшläp* сказали) а вторую онъ (*я*=бäн) выдумалъ, нашелъ.

Такъ увлекался Сурури своимъ талантомъ сочиняя очень легко хронограммы, что, когда, въ 1789 г. (=1204 х.) турецкій флотъ былъ отправленъ въ Черное море для военно-морскихъ выступленій противъ Россіи, Сурури, какъ разсказываютъ, воспользовался и этимъ исторически важнымъ событіемъ и сказалъ въ обществѣ своихъ друзей слѣдующую хронограмму:

„Шäкli ìірдап ìälip фікрä јазаркäн тарiх

Сӱрдӱ јälкäн кӱрäк адајы капудан паша“

„Видъ водоворота приходитъ мнѣ на умъ при составленіи (сей) хронограммы: изгналъ на парусахъ и веслахъ врага капитанъ — паша (адмиралъ)“.

Когда одинъ изъ собесѣдниковъ его возразилъ ему и сказалъ: что-же ты скажешь если побѣждены будемъ мы, а не враги?, онъ также остроумно отвѣтилъ: что же мнѣ остается сказать, вѣдь только, что сказанная мною хронограмма въ одно и то же время заключаетъ въ себѣ и побѣду и пораженіе, при этомъ съ замѣчательною ловкостью вторично произнесъ эту хронограмму въ такомъ уже видѣ:

„Шäкli ìірдап íälip фікрä јазаркäн тарiх

сӱрдӱ јälкäн кӱрäк ада капудан пашајы“ т. е.

„Видъ водоворота приходитъ мнѣ на умъ при составленіи сей хронограммы: изгнали враги на парусахъ и веслахъ капитана Пашу“, не измѣнивъ ничего въ составѣ словъ ея и буквъ, кромѣ перестановки одного слога послѣдняго слова.

б' полустишіе (послѣднее): переведенное мною выше словами: „крѣпость воздвигъ Ханъ Селимъ, стала Анапа безподобной“.

8+90+50+10+10+1+2+4+10++600+1+50+5+60+30+10+40+1+6+30+4+10+1+50+1+50+1+2+5+2+10+70+4+10+30=1212 (1797)

2) Хронограммы—*драгоцѣнныя, алмазныя, жемчужныя* (цäвhäр, цäвhäрі), когда въ счетъ идутъ только буквы съ точками. На другой надписи нашего Музея мы увидимъ и такую хронограмму.

3) Хронограмма—простая (садä) или запущенная (муhмäl) когда въ счетъ идутъ только буквы безъ точекъ, и наконецъ 4) Хронограммы—*намека* (та' мijä) или *покрытія*, когда число лѣтъ, недостающихъ или излишнихъ въ хронограммѣ надписи тутъ-же остроумно исправляется и дополняется авторомъ ея какимъ нибудь выраженіемъ или другимъ цѣлымъ полустишіемъ.

Сурури составилъ очень остроумныя хронограммы также по случаю вторичнаго взятія Египта турками отъ французовъ,на свое рожденіе и смерть и мн. др.

Нѣсколько подробнѣе мнѣ пришлось поневолѣ, остановиться на авторѣ надписи, чтобы отмѣтить, что онъ вовсе не „одинъ изъ жителей" Анапы, какъ полагалъ авторъ сообщенія а личность по своей спеціальности историческая. Вся надпись, за исключеніемъ заглавныхъ изреченій написана стихами арабскаго размѣра *рамаl* по формулѣ: *фаилатунъ* (трижды) *фаилунъ*.

—⏑— | — —⏑— | — —⏑— | — —⏑—

кромѣ этого стихи риѳмуются между собою въ концѣ слогомъ—иль (il).

Какъ видно изъ надписи и ея даты 1212=1797 крѣпость гор. Анапы была сооружена или скорѣе реставрирована Османскимъ Султаномъ Селимомъ III жившимъ въ 1761—1808 гг. (1175—1223 хиджры) и царствовавшимъ въ промежуткѣ 1788—1807 гг. по Р. Х. (1203—1222 хиджры) и несмотря на цѣлый рядъ войнъ со многими государствами въ томъ числѣ и съ Россіею (Ясскій миръ 1792 г.), посвятившимъ всѣ свои силы и заботы дѣлу обновленія Турціи, освобожденію ея отъ тлетворнаго вліянія Янычаръ, учрежденію *Нізамы пädiт* т. е. организованнаго по европейски войска и другимъ реформамъ но въ 48. году своей жизни задушеннымъ послѣ почти 19-лѣтняго весьма плодотворнаго царствованія. Сама надпись, сообщая свѣдѣнія о томъ, что Султанъ Селимъ оказывалъ особую дѣятельность по укрѣпленію пограничныхъ областей путемъ реставраціи и сооруженія крѣпостей подтверждаетъ данныя извѣстныя намъ и по исторіи города Анапы, оставшагося долгое время въ рукахъ генуэзцевъ подъ именемъ *Мара* или *Mapario* [1]) взятаго въ 1475 г. турками, укрѣпившими его въ 1784 г., (1199 г. х.) какъ оборонительный пунктъ противъ русскихъ въ руки которыхъ Анапа переходила не разъ, пока въ 1829 г. не осталась окончательно за Россіею по Адріанопольскому мирному трактату, по которому Турція обязалась признать независимость Греціи и подтвердить внутреннюю автономію Молдавіи и Валахіи.

О городѣ Анапѣ и о состояніи ея крѣпости въ XVII вѣкѣ нѣкоторыя небезынтересныя свѣдѣнія даетъ намъ знаменитый турецкій путешественникъ *Эвлія Челеби* [2]) который находясь во время осады турками Азова (1461 г.), взятаго до этого (1637) казаками, въ свитѣ главнокомандующаго турецкою арміею въ качествѣ *музззина* посѣтилъ между прочимъ и Анапу. Эти свѣдѣнія впервые обнародованныя въ переводѣ на англійскій языкъ бар. Гаммеромъ въ 1850 г. въ его Narrative of travels in Europe, Asia and Afrika...by Evliya Efendi были

[1]) см. Зап. Общества VIII 171 и IX 183 и д.

[2]) О его сочиненіяхъ см. мою статью о чашѣ съ Арабской надписью въ Зап. Общества т. XXXII. См. нѣсколько дальше, въ одномъ изъ слѣдующихъ примѣчаній настоящей статьи предложеніе мое объ изданіи и переводѣ сочиненій Эліи Челеби нашимъ Обществомъ.

съ англійскаго переведены д. ч. О-ва Ф. Бруномъ на русскій языкъ и напечатаны въ Запискахъ Общества [1]) Но ввиду дефектности Гаммеровскаго, сокращеннаго и неточнаго перевода, я счелъ необходимымъ перевести интересующія насъ свѣдѣнія относительно Анапы съ турецкаго оригинала труда Эвлія Челеби (т. II стр. 111—112) съ моими объяснительными примѣчаніями, въ видѣ матеріала для исторіи этого города кубанской области:

„Описаніе крѣпости Анапы:

Александръ, (Великій) владыка Европы и Азіи [2]) по велѣнію Божіему отправившись въ путь съ цѣлью сооруженія стѣны (для защиты отъ вторженія) Яджуджъ и Мамджуджъ [3]), проѣздомъ остановился здѣсь. Климатъ и мѣстоположеніе Анапы очень понравились ему, а также и обильная дичь, за которою онъ любилъ охотиться. Въ виду сего онъ и построилъ здѣсь эту, пятиугольной формы, замокъ-цитадель на самомъ берегу морскомъ на весьма просторной, скалистой, возвышенности употребивъ для этой цѣли блестящіе, отшлифованные камни, при чемъ полъ зала Александрова былъ вымощенъ и украшенъ рубиномъ, яхонтомъ, изумрудомъ, топазомъ, перламутромъ и сердоликомъ. Вотъ почему и крѣпость эта называется Анапа съ драгоцѣнностями (подъ) ногами. [4])

Такъ она записана въ исторіяхъ. Впослѣдствіи Анапа сдѣлалась столицей и мѣстомъ гибели короля Генуэзцевъ, при которыхъ она была въ весьма цвѣтущемъ состояніи, точно рай: Послѣ же ихъ, когда Тимуръ темный [5]) опустошилъ область Ирака, Дадіяни и Гештекъ, Казань и другіе 700 городовъ и предпринялъ походъ противъ Тархтамыша Хана (царствовавшаго) въ Крыму, онъ опустошилъ и предмѣстный городокъ и крѣпость Анапы. Осталась въ цѣлости только одна ея цитадель; Позднѣе когда Гедикъ Ахмедъ Паша, Великій Визирь Султана Баязета II Вели [6]) во главѣ Императорскаго флота

---

[1]) т. VIII 179—171 ср. и IX, 180—183 и далѣе.

[2]) или Востока и Запада буквально слова: *зуl карнäін* значатъ обладающій двумя рогами, двурогій.

[3]) Маджуджъ, второй сынъ Яфета сына Ноева. Легендарные народы Яджуджъ и Маджуджъ (Гогъ и Магогъ) отъ этихъ двухъ родоначальниковъ происшедшіе по свѣдѣніямъ Ветх. Завѣта, Апокалипсиса. Корана (ср. гл. XVIII ст. 82 и далѣе) и арабскихъ лѣтописцевъ находились за китайскими стѣнами въ сѣверномъ краѣ дальней Азіи. Отличаясь невысокимъ ростомъ они извѣстны были своими вторженіями въ другія страны, и опустошеніемъ ихъ. Они разрушатъ счастливыя страны перешедши китайскія стѣны или стѣну сооруженную Александромъ Великимъ. Вѣроятно, что они составляютъ сибирскихъ татаръ. Нѣкоторые отожествляютъ ихъ съ монголами и татарами во главѣ съ Чингизомъ, опустошившими мусульманскія и другія страны.

[4]) *kaläi гäвhäpnajы Анапаі.* Ниже авторъ даетъ другое объясненіе на ванія Анапы.

[5]) нравственный уродъ, лишенный духовнаго свѣта (*бі-нур*).

[6]) Вели=благотворитель по религіознымъ побужденіямъ. Султанъ Баязетъ II жилъ въ 851—918 г. хиджры (1417—1512) и царствовалъ отъ 886—918 г. хиджры (1481—1512 г.).

прибылъ для взятія крѣпости Кефе, онъ съ безчисленными войсками отвоевалъ эту крѣпость отъ Генуэзцевъ, и наполнилъ ее войсками. Эта очень прочная крѣпость находится у самого моря, построенная на неровной (обрывистой) скалѣ, на возвышенности, составляющей границу областей Абхасцевъ и Черкесовъ. Въ настоящее время въ ней нѣтъ никакого гарнизона. Нѣсколько разъ донскіе казаки ее разрушали. Внѣ же крѣпости есть около 150 домовъ построенныхъ изъ корзиночнаго, тонкаго камыша. Это—деревня носящая названіе Кабакъ[1]).

Сѣверная сторона крѣпости образуетъ Анапскія горы! Суда, отправляющіяся изъ Чернаго моря въ Азовъ проходятъ мимо этихъ горъ. Онѣ—высоки. Крѣпость построена съ большимъ искусствомъ, она дѣло рукъ опытнаго (искуснаго) инженера. Внутри крѣпости зимуютъ овцы и козы племени Шефаке [2]) обитающаго ея окрестности. По письменнымъ свѣдѣніямъ Узлемиръ Заде Османа Паши, Анапа является резиденціею воеводства Тамаскаго уѣзда губерніи (области) Кефе. Племя Шефаке только въ крайныхъ случаяхъ платитъ десятину въ пользу войны. Оно представляетъ изъ себя около трехъ тысячъ мятежниковъ подъ видомъ законопослушныхъ. Крѣпость имѣетъ большую гавань—портъ съ одними воротами, внутри порта стоитъ тысяча судовъ, связанныхъ одною веревкою. Гавань защищена отъ вѣтровъ съ восьми сторонъ (свѣта). Ни въ какой сторонѣ Чернаго моря нѣтъ такого порта, за исключеніемъ, развѣ, Балаклавы [3])...

Съ древнихъ временъ въ этой гавани вылавливали особый родъ жемчуга. Въ настоящее время еще видны перламутровыя раковины ихъ. Поэтому и крѣпость называется *Gäshärgan*—мѣстомъ драгоцѣнностей [4]). И въ настоящее время русскіе ежегодно бросаютъ якорь въ этой гавани и безъ боязни и стѣсненія занимаются здѣсь водолазнымъ искусствомъ вылавливая жемчужныя и перламутровыя раковины.

Если бы ремонтировать этотъ портъ и помѣстить въ Анапѣ достаточный арсеналъ и гарнизонъ въ крѣпость, то стало бы дѣломъ весьма легкимъ подчинить всю эту область и держать въ повиновеніи страны [5]) Абхасцевъ и Черкезистанъ, такъ какъ и Ногаи, живущіе въ Черкезистанѣ привозятъ сюда и продаютъ свои товары, отъ этой же торговли выручаются большіе таможенные доходы".

---

[2]) въ перев.; тыква.

[1]) по Хаджи Калфа: Джегаки и Шегаки см. статью Бруна въ Зап. О-ва т. IX стр. 186.

[3]) описаніе Балаклавы у Эвлія Челеби помѣщеніе во II т. его соч., стр. 127.

[4]) о названіи крѣпости Анапы см. выше.

[5]) Въ текстѣ стоитъ,=море, пелагъ *(dəŋrə)* вѣроятно—ошибка издателя сочиненій Эвлія Челеби вмѣсто слова страна, область *(dijar)*.

2) Слѣдующимъ меньшимъ по размѣрамъ (выс. 51 см. шир. 63 см. и толщ. 8 см.), памятникомъ Музея нашего, въ надписи котораго также говорится о султанской дѣятельности, является мраморная плита подъ № 15, находившаяся на стѣнѣ дворца, построеннаго великимъ визиромъ Кемахи Хаджи Османомъ Пашею въ гор. Реѳимно острова Крита, откуда и привезенъ памятникъ въ Одессу (см. рис. № 2).

Рис. 2.

Надпись его, текстъ которой мною ниже представляется, составлена нѣкіимъ *Нури* [1]) въ 18 полустишіяхъ или въ девяти риѳмованныхъ стихахъ, оканчивающихся на звукъ а (элифъ 1), съ болѣе рѣдкою, чѣмъ въ предыдущемъ памятникѣ хронограммою [2]) указывающей на дату постройки замка 1227 г. хиджры (1812 г по Р. Х.)

Транскрипція надписи по моему чтенію:

Шäh—іäрдуні атäбäјы Хосрäвı самірӱтпä
јані Султаны Сälатіні адаläт—фäрма

---

[1]) прозвище поэта (*махлас*).

[2]) она называется *алмазной* или *драгоцѣнной* (*цäвhäр*); такъ какъ считаются только буквы словъ, имѣющія точки, (*нокта*) ср. примѣчаніе къ хронограммѣ предыдущаго памятника.

Зыллы мӓмдуду Худајы Хазрӓті Султан Махмуд
Кі інајаты tyly ӓтмӓдӓ чун шӓмсі зуха
Хамду lillaxi кі анін, асры хумајунында
јенідӓн олмада тӓдріч ilӓ alӓм іхја
јоѣуду бунда сӓраі дыр дӓмӓјӓ ц̣аі kapap

Рӓсмуда тӓнк іді ѣајӓттӓ маkарры вузӓра
Олыц̣ак давlӓт ilӓ Хазрӓті дӓстуру зӓман

Рӓсмуја сајӓ-фікӓні ма'дӓlӓт олду бӓрц̣а

Ол вӓзірі hімӓм арајы Фӓlатун—фітнӓт
Намы самісі Кӓмахі Хац̣ы Осман Паша

јадіїар олмаѣычун арсаїаhы alӓмдӓ
Бу сӓрајы јенідӓн еilӓдї іц̣аду біна

Ӧмру ikбаli фузун ола бунун, їібі дахі
Ніц̣ӓ хаірата мувафак едӓ затын Мӓвlа

Олду авізӓјі ц̣ӓвhӓр ан,а Нурі таріх
Олмуш а'lа бу бінајы Хац̣ы Осман Паша [1])

Переводъ надписи.

Высокосановное солнце подножія (престола) властелина т. е. царя царей справедливыхъ, являющагося длинною тѣнью [2]) Бога (на землѣ Султана Махмуда,—милости коего продолжаютъ (нынѣ) всходитъ по добно солнцу утреннему—благодареніе Богу, что въ Его Августѣйшую эру (царствованія) снова вся вселенная постепенно возрождается къ жизни [3])—(не было здѣсь въ Реѳимно жилища, достойнаго имени дворца, ибо тѣсно было зданіе резиденціи везирей, когда это солнце счастливо стало великимъ везиромъ этого времени, тогда и въ Реѳимнѣ укрѣпилась справедливость ясная [4]).

Тотъ везирь, украшенный великими заботами (для блага Имперіи) съ геніемъ Платона—высокое его имя: Хаджи Османъ Паша (родомъ изъ) Кемаха [5])—воздвигъ сызнова сей дворецъ дабы въ обиталищѣ мірскомъ онъ послужилъ на память о немъ.

Да будетъ долголѣтна жизнь его и счастіе и да дастъ Господь удачу его высокочтимой особѣ въ сооруженіи многихъ подобныхъ полезныхъ учрежденій.

О Нури, (слѣдующая) хронограмма послужила ему драгоцѣннымъ (алмазнымъ) украшеніемъ:

---

[1]) стихи арабскаго размѣра *рӓмӓl*: —⏑—|——⏑—|——⏑—|——⏑—

[2]) яркимъ отраженіемъ.

[3]) оживотворяется,

[4]) отражающая тѣнь.

[5]) Кемахъ городокъ въ Малой Азіи на южномъ берегу Карасу, притока Евфрата, въ Эрзинджанскомъ уѣздѣ Эрзерумскаго вилаета съ 4 тысячнымъ населеніемъ (*Ср. камус уль allам Ch. Samy-Bey Fraschery* т. V стр. 3881).

„Какъ прекрасно сіе зданіе (сооруженіе) Хаджи Османа Паши“ [1]).

Дата надписи 1227 (=1812) указываетъ, что въ ней говорится о Султанѣ Махмудѣ II (1223—1255=1808—1839) сынѣ Абдулъ Хамида I (1187—1203=1773—1789), 30-мъ Султанѣ Османской Имперіи родившемся въ 1199 г. х. (=1784 г.) и восшедшемъ на престолъ 24-хъ лѣтнимъ юношей послѣ кратковременнаго царствованія его брата Султана Мустафы IV (1222—1220=1807—1880).

Султанъ Махмудъ II воспитанный Султаномъ Селимомъ III, о которомъ говорится въ надписи Анапской крѣпости, всѣ свои старанія и силы какъ и Селимъ III приложилъ къ образованію и обновленію Турціи, осуществленіемъ реформъ внутри государства и отстаиваніемъ цѣлости его отъ внѣшнихъ враговъ. Но обстоятельства во многихъ отношеніяхъ оказались сильнѣе его воли и благихъ намѣреній. Хотя ему удалось остановить, напримѣръ, всеобщее почти стремленіе среди правителей отдѣльныхъ областей въ Малой Азіи и Европейской Турціи къ феодализму (*därä bailiji*), подавленіемъ этого опаснаго движенія и примѣрнымъ наказаніемъ виновниковъ, но двухлѣтняя война съ Россіею окончилась уступкою ей Бессарабіи по Букарестскому трактату 1227 г. хиджры (=1812).

Точно также онъ, при помощи египетскаго правителя Мехмеда Али Паши и его сына Ибрагима Паши, подавилъ смуты въ Хеджаской области, возстаніе въ Арабскомъ полуостровѣ, но въ 1233 (1826) принужденъ былъ признать автономію Сербіи и расширеніе правъ Валахіи и Молдавіи.

Послѣ подавленія возстанія Янинскаго полуфеодальнаго правителя Тепеделени Али Паши въ 1235 г. хиджры (1819) началось греческое возстаніе 1821, длившееся почти 8 лѣтъ.

Новая война съ Россіею окончилась адріанопольскимъ миромъ въ 1829 г. (=1245 х.).

Но самою славною страницею въ исторіи дѣятельности Султана Махмуда II является важнѣйшее событіе 1826 г. хиджры (=1241—2 г.), названное въ турецкихъ лѣтописяхъ *вакааjы хаіріjä* т. е. благотворнымъ событіемъ: Султанъ Махмудъ II съ священнымъ знаменемъ въ рукахъ выступилъ самолично съ требованіемъ помощи всего Константинопольскаго населенія для уничтоженія Янычаръ [2]) и окончательно укрѣпилъ за собою славу учрежденія, взамѣнъ Янычаръ, *нізамы пädім* т. е. новыхъ европейски обученныхъ регулярныхъ войскъ

---

[1]) Буквы съ точками этого полустишія въ числительномъ ихъ значеніи въ оригиналѣ (300+2+2+50+10+3+10+500+50+3 0=) даютъ намъ хронологическую дату сооруженія дворца 1227 (=1812).

[2]) Этотъ великій подвигъ Султана Махмуда, осуществившаго, наконецъ, планъ Султана Селима III, изложенъ подробно въ монографическомъ сочиненіи Эс'ада эфенди, изданномъ въ Константинополѣ на турецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *Уссу Зя'фäр* (=Основа побѣды).

Послѣ подписанія конвенціи о союзѣ съ Россіею въ 1833 г., (1249 г. хиджры) въ Хункяръ-Искелеси, съ правомъ Россіи вводить военный флотъ въ Дарданельскій и Босфорскій проливы, Султанъ Махмудъ II много трудился надъ учрежденіемъ высшихъ учебныхъ заведеній и вообще надъ привитіемъ европейской культуры въ Турціи и надъ избавленіемъ ея отъ власти тьмы и невѣжества, и открылъ новую для нея эру прогресса. Онъ умеръ въ 1255 г. (1839) во время новой войны съ Ибрагимомъ Пашею, вторгшимся въ Сирію, и похороненъ въ особомъ мавзолеѣ (*тюрбѣ*) возлѣ *Чемберели-Ташъ* въ Константинополѣ.

---

3) Въ честь вышеупомянутаго Османа Паши въ гор. Ретимно на о. Критѣ былъ поставленъ еще одинъ памятникъ, (см. рис. 3) который привезенный также въ нашъ Музей находится въ 10 залѣ подъ № 16, повидимому не вошедшій еще въ инвентарь, и названный въ крат-

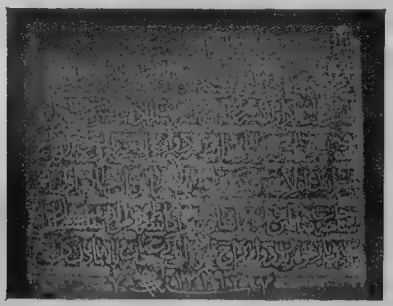


Рис. 3.

комъ указателѣ, по ошибкѣ, памятникомъ (съ надписью) съ колодца. Въ самой надписи этого памятника мы читаемъ, что онъ былъ поставленъ (не для указанія колодца—по турецки *kyjy*) а на фронтонѣ стѣны источника—фонтана *(чёшмё* [1]) сооруженнаго тѣмъ же Османомъ Пашею

1) о значеніи *чёшмё* на мусульманскомъ Востокѣ, въ виду отсутствія тамъ въ домахъ водопроводной системы, см. мое сообщеніе, напечатанное въ XXXII Зап. Общества гдѣ указаны, также *чёшмё*, существовавшіе въ Константинополѣ въ XVII в. при Эвлія Челеби.

въ 1229 г. (=1813) т. е. двумя годами позже постройки вышеупомянутаго визирскаго замка, по всей вѣроятности возлѣ этого дворца. Размѣры памятника почти точно такіе же (выс. 52 см. шир. 63 см. толщ. 8 см.) какіе и размѣры памятника о дворцѣ. Надпись его, не считая заглавнаго изреченія, состоитъ изъ 12 полустишій или 6 риемованныхъ (на слово *ič*= пей) стиховъ, написанныхъ въ размѣрѣ *рäмäl* по типу:

—◡——|— —◡——|— —◡——|— —◡—

Содержаніе надписи исчерпывается восхваленіемъ воды источника, предлагаемой всѣмъ измученнымъ жаждою въ знойные лѣтніе дни.

По мнѣнію автора надписи вода этого источника представляетъ собою нѣчто божественное, болѣе предпочтительное по чистотѣ, прозрачности и вкусу, чѣмъ водка (*арак*) вино, замороженные сиропы, мускусъ и т. д. Она—жемчужина живая, она—Сельсебиль даже въ сравненіи съ водою Сельсебиля—райскаго источника

Слогъ этой надписи какъ и надписи предыдущаго памятника отличается крайней изысканностью и вычурностью выраженій, затрудняющей плавный переводъ.

Транскрипція надписи.

Вä мін äl мajі куllÿ шäijін хаijін
1) *. імзäмі атäшфäшан табындан äi läб·тäшнä ìäl*
бу бунары lÿläдäн манäнді мajі äфдäl ič
2) *Фаслы кäрма да äiäр олдун· са махрурyl мізан*
нä арак нä бадä нä шäрбäті мустäамäl ič
3) *махза фäізі афіjäттір, іштä lÿlÿjі мäзап*
нä дäваjі мушк вä нä cälпі луук вä cäндäl ič
4) *äi харарäттäн олан бімар сон·ра kыл дäва*
бу зÿlali сафтäн абу хаjаты äввäl ič
5) *сахäjі пäннäт місаlін kыл тамаша бу jäрін,*
касä касä дурма долдур cälcäl [1]) *calcäbildäн ič*
6) *тapіхін jаз пäвhäрідан дöк jäbä уч катра дурр*
Абы пакіjі чäшмäjі Османъ Пашадан ìäl ič.

1229

Переводъ надписи.

При помощи воды всякое вещество оживотворяется [2]).

---

1) Во второмъ полустишіи пятого стиха надписи слово *cälcäbildäн* написано дважды одно на другомъ, но размѣръ не разрѣшаетъ существованіе одного или обоихъ вмѣстѣ изъ этихъ словъ. По моему мнѣнію слѣдуетъ первое слово читать *cälcäl*=чистая, вкусная (вода), какъ у меня въ транскрипціи.

2) Изъ корана гл. XXI, ст. 31, глава о пророкахъ, гдѣ говорится: *вä ıaalна мін äl маjі кÿllÿ шäijін хаijін* т. е. „а при помощи воды мы все оживотворили“.

Приди, о ты, съ губами жаждущими отъ жары (воды) огненнаго земземскаго колодца [1]) и выпей изъ крана этого родника подобіе найблагодатнѣйшей воды.

Если у тебя, (о прохожій), въ лѣтнюю пору разгорячень весь организмъ то ни арака, ни вина, ни какого-либо общеупотребительнаго напитка не пей. Ибо вода сего источника сама есть средство для (утоленія жажды и) преуспѣнія (расцвѣта, обилія) здоровья.

Вотъ жемчужина, превращенная въ жидкость, ни снадобій мускуса ни замороженнаго сиропа, ни (лекарства изъ) благоухающаго дерева не пей.

О ты, немощный отъ невыносимаго зноя, потомъ займись леченіемъ себя (отъ изнуренія), сперва же выпей воды жизни изъ этого прозрачнаго и холоднаго родника.

Взгляни на ровную, просторную площадь этого уголка, подобнаго раю, и не переставая наливай чаши, одну за другою и пей изъ воды чистой, вкусной (подобной водѣ райскаго источника) Сельсебиля: [2])

А хронограмму пиши изъ алмазныхъ: три капли жемчужины—воды вылей на землю [3]) и иди пей воду цѣломудрія [4]) изъ источника Османа Паши. 1229 (=1813 г. по Р. Х.).

---

4) Другими памятниками, имѣющими значеніе для юга Россіи, являются четыре большихъ размѣровъ (1.21 см. шир., 0.92 см. выс. и 11 см. т.) красивыя мраморныя, совершенно одинаковыя плиты подъ № 1 указателя (II а 179, 180, 181, 182 инвентаря), съ большою, красивою рельефной въ серединѣ монограммою-печатью Султана Селима III, реставрировавшаго и Анапскую крѣпость, съ орнаментикою по угламъ, вѣтками розъ по обѣимъ сторонамъ Султанской печати (см. рис. № 4) и съ надписью, одинаковаго содержанія, на турецкомъ языкѣ, въ одну строку, внизу на лѣвомъ углу каждой плиты. Вотъ транскрипція текста надписи и переводъ:

---

[1]) Очень холодная вода священнаго колодца Земземъ называется авторомъ надписи горячей, жажду лишь возбуждающей въ поэтическомъ сравненіи съ водою этого источника. Вода священнаго колодца Земземъ находящагося въ Меккѣ, выкопаннаго, по преданію, женою Авраама Агаръ и ея сыномъ Исмаиломъ, разносится паломниками-мусульманами въ самыя отдаленныя части свѣта.

[2]) Ср. гл. LXXVI стр. 17—18 корана. *wa jaskawna fiha kasan kana mizaǧuha zanǧabilan—ainan fiha tusamma Calcabilan* т. е и будутъ они утолять свою жажду изъ чашъ полныхъ смѣси изъ имбира, изъ источника, который тамъ находится и называется *Сельсебилемъ*.

[3]) Это выраженіе напоминаетъ *σπουδή* древнихъ грековъ.

[4]) буквально *пакі*=чистота для размѣра вмѣсто *пак*=чистая.

Äcäpi хамäi Мäхмäд Рäшід, äміні бінаjы kalajы Jсмаjыл. 1209. т. е. Работа [1]) пера (кисти) Мехмеда Решида, завѣдующаго постройкою крѣпости Измаила 1209 г.

Согласно этой надписи въ 1209 г. хиджры, т. е. въ 1794 г. турки построили крѣпость Измаила [2]). Для этой цѣли Султаномъ Селимомъ III было возложено инженеру Мехмеду Решиду завѣдывать дѣлами сооруженія крѣпости.

Рис. 4.

Названіе города Измаила объясняется разными лицами различно: 1) Эвлія Челеби, посѣтившій и описавшій Измаилъ въ XVII в. [3]) утверждаетъ, что городъ названъ такъ по имени капитана (адмирала) Исмаила, посланнаго въ 889 хиджры (1484 по Р. Х.) году Султаномъ

---

[1]) Результатъ, слѣдъ, памятникъ.

[2]) См. монографію П. Т. Коломойцева подъ заглавіемъ: Бывшая крѣпость Измаилъ и ея памятники. Кишиневъ 1912 г.

[3]) т. V стр. 106—107 соч. *Cäjahätнамäjі* Эвліа Челеби. Очень много интереснаго пишетъ Эвлія Челеби объ Измаилѣ, отмѣчая при этомъ, то важное историческое обстоятельство, что при его посѣщеніи городъ былъ безъ всякой крѣпости и коммендантa.

Баязетомъ II (886—918=1481—1512) и завоевавшаго этотъ городъ. 2) Авторъ историко-географическаго словаря на турецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ *Камусуль Алламъ* [1]) Сами-Бей Фрашери слово Измаилъ (*ismail*) считаетъ превращеніемъ отъ первоначальнаго слова *Самаиль* обозначающаго дракона. 3) Г. Коломойцевъ въ выше упомянутой своей монографіи [2]) говоритъ, что древніе румыны этотъ городъ называли Смилъ, а турки это названіе передѣлали въ Ишмаслъ, что значитъ услыши Богъ. Послѣднее объясненіе мнѣ кажется совершенно непріемлемымъ, такъ какъ нѣтъ такого турецкаго слова съ указаннымъ, тѣмъ болѣе, значеніемъ. Можетъ быть авторъ означенной брошюры хотѣлъ объяснить названіе Исмаилъ арабскими словами

исмаи—аллахъ, исма—илла.

5) Еще одинъ изъ памятниковъ нашего музея украшенъ Султанской монограммою. (см. рис. № 5). Это—небольшой памятникъ

Рис. 5.

(о. 34 см. выш., 0.42 шир. и т. 06.) подъ № указателя 17 (и инвент. II а 200) въ формѣ мраморнаго треугольника съ округленіями по боковымъ линіямъ и съ печатью—монограммою Султана Махмуда, вѣроятно, II (1223—1225 хиджры, 1808—1839 по Р. Х.) безъ всякой даты,

1) Константинополь 1306 г. (=1888) т. II стр. 944.
2) стр. 3.

и съ надписью на арабскомъ языкѣ на самомъ верху въ видѣ двухъ круговъ, одинъ въ другомъ, изображающихъ два слова: *ма шаа* и внутри круга слово: *Аллахъ*. Вѣточки со цвѣтами украшаютъ верхъ монограммы, на правомъ боку которой мы видимъ также изображеніе гробика. На нижней части памятника по обѣимъ сторонамъ Султанской монограммы есть такая надпись:

Транскрипція надписи
Ма шаа Аллаху [1]).

Ja муфаттіх yl äбвап іфтах lіна хаір yl бап.

Переводъ ея.
Какъ прекрасно [2]).

О Боже, отворяющій (всѣ) двери, отвори намъ наилучшую дверь [3])

Судя по содержанію надписи нужно предположить, что этотъ памятникъ былъ поставленъ надъ дверью мечети имени вышеупомянутаго Султана или надъ воротами турецкаго кладбища. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ никакихъ указаній о мѣстѣ, гдѣ онъ былъ найденъ.

б) Въ 3 залѣ нашего музея, на стѣнѣ у окна виситъ въ рамѣ найденный въ 1909 г. въ старомъ Крыму изразецъ (за № 11) небольшого размѣра (выс. 30 см.×46 см. шир.), сдѣланный изъ Кашанской (Персія) глазированной цвѣтной порцеланы съ рельефнымъ изображеніемъ семи фигуръ, изъ коихъ вторая и шестая съ черными усами сидятъ по восточному обычаю, съ чалмою (*імамä*) на головѣ и сверху ея шахскою короною какъ у Шаховъ Сефевидской династіи, и съ палицею (*ỉÿрз*) одинъ изъ нихъ, а другой съ мечемъ (*шімшір*) въ рукахъ (см. рис. № 6) Остальныя же пять лицъ стоятъ, три въ серединѣ группы, а два по краямъ ея, по одному, съ руками, сложенными на поясѣ, съ чалмою на головѣ безъ короны и съ узкимъ бантикомъ (*пäзу—бäнд*) на лѣвой рукѣ (отъ предплечья до кисти). Поза ихъ свидѣтельствуетъ о почтительномъ послушаніи и о готовности ихъ исполнять немедленно всякія приказанія сидящихъ и охранять ихъ самоотверженно. Очевидно, что эти фигуры изображаютъ юношей-камергеровъ (*пішхідмäт*) и пажей (*ỉylам*).

Присматриваясь внимательно къ позамъ сидящихъ фигуръ, мы, съ большою вѣроятностью, можемъ утверждать, что лица эти не визиры, такъ какъ носятъ на головѣ короны (*тапъ*), но и не шахи оба, такъ какъ по восточному, строго соблюдаемому этикету, они должны

---

1) Верхняя надпись.

2) Букв., что соизволитъ Богъ (да будетъ воля Аллаха) изъ корана 18 гл. стихъ 37 и IX ст. 19. Эти слова обыкновенно записываются въ трехугольный талисманъ (нусха, мыска)—табличку, носимую дѣтьми на шеѣ отъ дурного глаза. См. прим. 1 на стр. 3 и статью мою о чашѣ съ Арабск. надп. Зап. т. XXXII.

3) Этого изреченія, если не ошибаюсь, въ коранѣ нѣтъ, оно взято, вѣроятно, изъ лирическаго сборника (*діван*) знаменитаго персидскаго поэта Хафиза Ширазскаго.

были быть изображены обращенными лицомъ другъ къ другу, но и не являются Шахомъ и его визиремъ, ибо тогда одинъ изъ нихъ, а именно Шахъ долженъ былъ бы смотрѣть впередъ, а другой, визирь долженъ былъ бы быть обращеннымъ лицомъ къ нему, Шаху. Вѣроятнѣе всего что эти двѣ фигуры, такъ похожія другъ на друга, обѣ смотрящія впередъ, представляютъ одно только лицо, монарха, по капризу художника изображеннаго то съ палицею въ рукахъ, то съ мечемъ, двумя эмблемами, регаліями, одной власти въ Персіи.

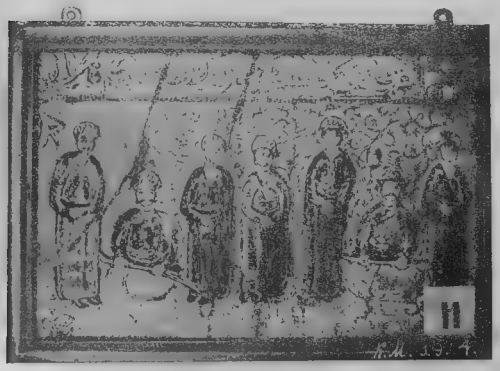


Рис 6.

На верхней и нижней части изразца мы видимъ двѣ надписи, по одной строкѣ каждая, проведенныя рельефомъ бѣлаго цвѣта, изъ которыхъ верхняя строка написана на арабскомъ языкѣ. Въ содержаніи ея ничего не говорится о повелителѣ и его власти какъ утверждаетъ г. Менцель въ краткомъ указателѣ [1]) музея. Она воспроизводитъ только начало главы [2]) Корана съ такъ называемымъ малымъ благословеніемъ (славословіемъ Бога).

---

1) См. стр. 55 пам. 11-ый

2) 67-ой стихъ I (*Сурäі мӱлк, аjäі тäбарака)* ср. также гл. 62 корана („*Сурäі хадід* глава „желѣзо") ст. 2.

Я привожу здѣсь транскрипцію и переводъ этого стиха:

Тäбарака äлläзі біjäдіhіl—мӱlкӱ ва хува ala кӱllӱ шäіjін kадірун, äлläзі (xalakal-мäвта вal-хаіjата [1]) т. е. да будетъ благословенъ тотъ (Единій Богъ), въ рукахъ котораго находится власть и который отличается всемогуществомъ. Онъ (создалъ смерть и жизнь...).

Нижняя надпись—на персидскомъ языкѣ,—также, какъ я упомянулъ, состоящая изъ одной строки, не есть изреченіе какъ говоритъ г. Менцель въ указателѣ, а хронологія, слѣдующая:

Бä тарiхі Рäбіуссані [2]) *шäшсад нäвäд ду,* т. е. по лѣтосчисленію въ мѣсяцѣ *Рäбіуссані*, 692 г. (хиджры).

Такимъ образомъ изразецъ относитъ свою дату къ мѣсяцу Апрѣлю (число не указано) 1292 г. нашей эры, а не 1297 г. какъ отмѣчено на страницѣ 55 указателя музея. Этотъ годъ соотвѣтствуетъ со временемъ царствованія въ Персіи Монгольскаго Ильхана Кейхату (690—694=1291—1295) потомка Чингизъ Хана, преемника своего брата Аргуна Хана [3]).

Но несмотря, однако, на указаніе вышеупомянутой даты, какъ техника этой персидской работы самаго посредственнаго качества такъ и изображаемыя рельефныя фигуры изразца въ связи съ подобными изразцами въ Персіи новѣйшей эпохи, даютъ нѣкоторое основаніе предположить, что данный рельефъ не относится къ указанному году владычества Кейхату Хана, а есть лишь весьма несовершенное подражаніе не особенно искусснаго мастера, пожелавшаго воспроизвести какой-нибудь памятникъ съ указанною датою.

Нынѣ въ Персіи не только стѣны въ мечетяхъ и въ баняхъ, но и стѣны частныхъ домовъ украшаются часто подобными изразцами какъ иногда и полы нѣкоторыхъ комнатъ въ частныхъ домахъ, съ датами самыми произвольными, по капризу горе-художниковъ.

Вѣроятно, разсматриваемый нами изразецъ взятъ со стѣны какой-либо мечети позднѣйшаго времени.

О дѣятельности Кейхату Хана я нашелъ слѣдующія весьма интересныя свѣдѣнія въ сочиненіи подъ заглавіемъ: Исторія Персіи, составленная Серджанъ Мелькемомъ, посланникомъ англійскимъ въ переводѣ на персидскій языкъ сдѣланномъ Мирзою Измаиломъ, прозваннымъ *Хаірäті ірані* (Чудо Персіи) и жившемъ въ Индостанѣ:

---

1) Въ надписи нѣтъ словъ поставленныхъ въ скобкахъ.

2) Этотъ мѣсяцъ чаще называется *Рäбіӱl ахір*, букв. послѣдняя весна.

3) Ср. соч. „Мусульманскія династіи" Стенли Лэнъ-пуля въ пер. В. Бартольда СПБ. 1899 стр. 182, 184.

Въ этомъ сочиненіи [1]) говорится, что Кейхату восшелъ на престолъ послѣ брата своего Аргуна. Когда послѣдній умеръ, Кейхату будучи губернаторомъ Анатоліи, немедленно прибылъ въ тогдашнюю столицу государства Тавризъ, гдѣ населеніе изъявило ему покорность, но многіе изъ сановниковъ въ тайнѣ были настроены противъ него. Не способный къ серьезнымъ занятіямъ по управленію государствомъ, крайне лѣнивый, развратный, все свое время онъ проводилъ въ пиршествахъ и истощилъ государственную казну безумными расходами на зрѣлища, пьянство и распутную жизнь, передавъ управленіе дѣлами государства одному изъ своихъ визирей. Одно только крупное историческое событіе при Кейхату заставляетъ насъ писать исторію этого неспособнаго властелина. Оно состояло въ слѣдующемъ: Кейхату надѣлалъ много долговъ и довелъ себя и казну государства до такого безвыходнаго положенія, что нечѣмъ было купить необходимые для жизни съѣстные припасы для царскаго дома. Одинъ изъ его казначеевъ, по имени Изеддинъ Музафферъ, человѣкъ весьма способный и хитрый, прозванный народомъ зловреднымъ (*шäрір*) посовѣтовалъ Кейхату, черезъ посредство перваго его министра, ввести въ Персіи, подобно Китаю, вмѣсто золотыхъ и серебрянныхъ монетъ [2]), бумажныя деньги, ассигнаціи. Крайне нуждаясь въ деньгахъ, онъ одобрилъ этотъ совѣтъ и планъ и издалъ указъ строго воспрещающій употребленіе золота и серебра, даже въ видѣ украшеній, безъ особаго Высочайшаго разрѣшенія. Ассигнаціи были названы *чав* [3]). Далѣе Кейхату повелѣлъ въ каждомъ городѣ построить монетный дворъ (*чавханä*) чтобы оттуда выдавались народу ассигнаціи.

Оставшись, такимъ образомъ, не у дѣлъ всѣ чеканщики монетъ и ювелиры страны стали получать жалованіе изъ монетныхъ дворовъ. Ассигнаціи эти были такой формы: онѣ представляли собою четыреугольную, нѣсколько продолговатую, бумагу, на которой отмѣчалось нѣсколько словъ по китайски или китайскими буквами, и кромѣ того на обѣихъ сторонахъ

---

1) *Тарiхi Iран* стр. 154—156. Сочиненіе это, съ иллюстраціями изданное въ 1287 г. хиджры (1870) въ Бомбеѣ, составлено на основаніи двухъ исторій на персидскомъ языкѣ 1) *Хабібі сіјäр* и 2) *Тарiхi дiлкуша,* какъ говорится въ предисловіи его. Авторъ его Серджанъ Мелькемъ спеціально прикомандированный въ Персію для поздравленія отъ имени англійскаго правительства Фатхъ-Али Шаха (1211 - 1250 хиджры 1797—1834) по случаю коронованія его, по исполненіи своей миссіи, путешествовалъ, съ разрѣшенія Шаха, по всей Персіи и собиралъ матеріалы для составленія исторіи Персіи.

2) Въ коллекціи монетъ Ахмеда Зія (ср. его *Мäскӱкаты iсlамiјä таквiмi,* Константинополь 1328 г, стр. 86) есть серебрянная монета, чеканенная въ Тавризѣ въ 696 г., (1296), на лицевой сторонѣ которой есть слова: *la ilaxa illa ллаху, Мухаммеду Рäсуl уллахi.* (Нѣтъ Бога кромѣ единаго Бога, Мухаммедъ его посланникъ), а на оборотной сторонѣ монгольско-уйгурская надпись и слова *Äрiнчiн турчi.*

3) М. б. это слово имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ турецкому слову *чап*=діаметръ, и оффиціально утвержденный планъ участка.

ся писалось свидѣтельство о единствѣ Бога и о пророкѣ его [1]), а также слова: *Иранчы Ручи*, титулъ: Его Величества татарскаго Хана. Въ серединѣ ассигнаціи былъ кругъ съ обозначеніемъ суммы, подъ нимъ нѣсколько строкъ съ датою и съ правиломъ—предупрежденіемъ, что будетъ казненъ всякій, кто не будетъ принимать эти деньги.

По этому поводу нѣкій поэтъ написалъ слѣдующіе стихи:

Чав äïäр дäр ṇiḥан рäван башäд

рäвнаḳы мӱlк чавдан башäд

т. е. если бы ассигнаціи были на свѣтѣ въ оборотѣ (въ ходу) то и блескъ (ореолъ, престижъ) Имперіи былъ бы вѣчнымъ. Это было въ 694 г. хиджры (1294 г. по Р. Х.). Но очень скоро послѣ этого народъ возмутился, и Музафферъ казначей палъ первою жертвою народной расправы. Шаху удалось подавить бунтъ, но все же населеніе осталось имъ недовольнымъ и относилось къ нему весьма враждебно. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Байду Ханъ (694) потомокъ Хулагу выступилъ противъ него. Нѣсколько сановникомъ воспользовались этимъ, напали на Кейхату и убили его. Онъ царствовалъ 3 года и 5 мѣсяцевъ.

---

(7) Среди памятниковъ нашего музея (залъ 10) есть два памятника съ арабскими надписями религіознаго содержанія.

Первый изъ нихъ очень толстый бѣлый мраморный четыреугольникъ съ арабской надписью, 0.60 см. выш. 0.75 шир. и 0.31 см. толщ.) подъ № 5 указателя и II а 195 инв. Въ указателѣ [2]) сказано, что этотъ памятникъ вынутъ изъ аккерманской крѣпостной стѣны, но, по моему мнѣнію, онъ вѣроятно былъ первоначально поставленъ на воротахъ или стѣнѣ какой-либо мечети шіитскаго толка, такъ какъ содержаніе надписи указываетъ на предпочтительно благоговѣйное отношеніе мусульманъ, поставившихъ памятникъ, къ Алію, зятю Мухаммеда. Благодаря крайней сложности, запутанности почерка этой надписи, написанной какъ бы вязью въ два яруса, она читается очень и очень трудно. Нѣсколько дней мнѣ удавалось читать только отдѣльныя слова пока наконецъ разобралъ всю надпись. По этой, вѣроятно, причинѣ никто [3]) до сихъ поръ не могъ даже правильно прочесть ее, какъ видно изъ предлагаемаго въ

---

1) т. е. слова: *Ашхаду äнна la illaxa illa ллаху, ашхаду äнна Мухаммадан рäсуlуллахі*=свидѣтельствую, что нѣтъ Бога, кромѣ единаго Бога, и (еще) свидѣтельствую, что Мухаммедъ посланникъ Божій.

2) стран. 143 № 5 (изданіе 1913 года).

3) Благодаря любезному указанію вице-президента Имп. Од. Общества ист. и древн. А. Л. Бертіе-Делагарда наканунѣ 430. засѣданія членовъ (26 марта 1914 г.) въ которомъ прочитано настоящее мое сообщеніе, я узналъ, что до меня и проф. Н. А. Мѣдниковъ прочелъ эту надпись (ср. Н. И. Рѣпникова. Нѣск. словъ о развалинахъ Аккерманской крѣпости. СПБ. 1913 г. стр. 21)

указателѣ музея [1]) перевода ея, выдаваемой за арабское изреченіе слѣдующаго содержанія: «Всякая печаль минуетъ съ упованіемъ на Бога, она превратится для тебя къ лучшему». Между тѣмъ, какъ надпись эта не есть изреченіе, а нѣсколько сокращенный конецъ шійт-

Рис. 7.

ской молитвы, которая по мусульманскому преданію была сообщена Мухаммеду при откровеніи, данномъ ему Богомъ черезъ Архангела Гавріила передъ походомъ въ Тебукъ [2]) въ 9-омъ году Хиджры (630 по Р. Х.) относительно побѣды его надъ врагами при помощи Алія. Вотъ транскрипція текста этой молитвы:

Транскрипція молитвы:

(Нада Alijан мазhаpyl аɥаjібі
таɥітху авнан lака фін—нäвajібі)
Кÿllÿ hаммін [3]) *(вä ɓаммін) сäjанɥаli*

---

1) Изданіе 1913 г. стр. 145 пам. 5

2) мѣстность на сѣв. отъ Хиджаза между Мединою и Дамаскомъ. По свѣдѣніямъ Якута Хамави здѣсь при немъ были: стѣна (Мухамедова), финиковый лѣсъ и источникъ, а Султанъ Сулейманъ Кануни I (926—974=1520—1566) построилъ, впослѣдствіи, башню.

3) Слова *hамм* и *ɓамм* вмѣстѣ съ другимъ однозвучнымъ, почти, словомъ *häм* входятъ въ слѣдующую фразу, составляющую турецкую загадку:
Häм hаммі вä ɓаммы дäф едäр, hämдä сäфа вäрір, кімдір, нäдір, нä сilсilädäндір аɥаn
Шаран.
т. е.: И заботу и печаль отгоняетъ прочь и наслажденіе доставляетъ (человѣку), кто онъ что оно, какого же рода—происхожденія?
Вино.

(*бä азімäтіка ja Аллаh, бä нäбаввäтіка ja Мухаммäд*), *бä вілаjäтіка ja Алі (ja Алі*).

Переводъ ея.

(Зови Алія, являющагося источникомъ чудесъ
въ немъ ты найдешь помощь себѣ въ своихъ злосчастьяхъ)
Всякая забота (и горе) исчезнутъ
(благодаря величію, могуществу твоему, о Боже, и пророчеству твоему
о Мухаммедъ) и дружбѣ—помощи твоей о Али (о Али) [1]).

На мраморѣ мы находимъ только тѣ слова приведенной мною молитвы, которыя не заключены въ скобкахъ.

Такимъ образомъ получается слѣдующій текстъ надписи:

Кyллy hаммін сäjанпаlі бä вілаjäтіка ja Алі

т. е Всякая забота (безпокойство) исчезнетъ (удалится), благодаря помощи [2])—покровительству твоему, о Али [3]).

Высокая почесть, оказываемая шіитами—мусульманами одному изъ четырехъ правовѣрныхъ халифовъ, Алію (35—40 хиджры 655—661 по Р. К.), отцу Хасана и Хусеина и Зейнебъ (дочь), мужу Фатимы, дочери Мухаммеда и единственному, по мнѣнію шіитовъ, законному преемнику послѣдняго, зиждется на словахъ мусульманскаго пророка объ Алiѣ: «Я городъ (истиннаго) познанія, а Али ворота его». «Ты мой братъ и въ настоящемъ и въ будущемъ мірѣ»... и т. д. [4]).

---

8) Второй изъ памятниковъ съ арабской религіозной надписью за № 4 указателя (и II а 193 инвентаря) прочитанъ и переведенъ [5]) также неправильно. Это довольно узкій двухсторонній намогильный камень съ закругленнымъ верхомъ и восточной орнаментикою. Надпись этого памятника по обѣимъ его сторонамъ не заключаетъ въ себѣ также никакой даты, какъ и надпись предыдущаго памятника объ Алiѣ. Онъ отличается отъ всѣхъ другихъ намогильныхъ памятниковъ нашего музея, о которыхъ рѣчь впереди, тѣмъ, что онъ слу-

---

1) Это краткая молитва, о бо́льшой же (*Нада Алijан кäбір*) см.: Арабскій сборникъ молитвъ подъ заглавіемъ: „*Мунтäхі-ба—шшäнсі*“ изд. 1325 г. стр. 541, гдѣ обращеніе къ Алію („*ja Алі*“) повторяется трижды.

2) Дружбѣ (съ Богомъ). Али прозванъ между прочимъ другомъ Бога (*вäлі уллах*).

3) Мусульмане, глубокопочитающіе Алія, особенно же шіиты, украшаютъ его многими эпитетами въ родѣ (*муртäза*)=изъ́ранникъ (*хаідар*)=левъ, (*äсадуллаh*)=левъ Божій), *абу турап*)=отецъ земли, (*аху рäсулуллах*)=братъ посланника Бога, (*шахы мäрдан*=царь людей, (*Шахы вілаjат*)=царь дружбы, (*Вäліуллах*)=другъ Божій, (*Шірі худа*)=левъ Божій и т. п. Со. мою статью о чашѣ съ арабскою надписью въ XXXII Зап. Общества.

4) „*Äна мäдінäтуl ілмі вä Алі бабуха*“, „*äнта ахі біддунjа вäl ахрäті*“ и много другихъ преданій.

5) Ср. указатель музея за 1913 г. стр. 142 п. 4.

житъ не для вертикальной постановки у головы или ногъ покойника на его могилѣ, какъ всѣ прочіе, а для горизонтальнаго лежанія по бокамъ или на возвышенной, острымъ почти концомъ, срединѣ могилы. Орнаментика его не отличается изяществомъ.

Вотъ какъ переведена въ указателѣ эта надпись кѣмъ то пожелавшимъ остаться въ неизвѣстности:

«Пророкъ сказалъ: Господь привѣтствуетъ и благословляетъ его Смерть есть внезапно застигающій рокъ. Единое упованіе тому, кто послалъ ее (т. е. Богъ), и утѣшеніемъ служитъ его высокій пророкъ» [1]).

Въ только что приведенномъ мною изъ указателя переводѣ, только первыя и послѣднія слова, по моему мнѣнію, можно назвать правильными, да и тѣ часто и стереотипно повторяются, какъ обыкновенная форма для начала и конца преданія [2]) у мусульманъ, вся же остальная часть этого перевода совершенно не соотвѣтствуетъ содержанію надписи, что̀ свидѣтельствуетъ о томъ, что анонимный переводчикъ [3]) не могъ совершенно прочитать этой надписи, какъ и предыдущей и все таки сильно постарался представить что-нибудь въ видѣ перевода.

Дѣло въ томъ, что этотъ камень, всего $1^1/_2$ аршина длины, составляетъ, по всей вѣроятности, первую половину средней или боковой части могилы, а не весь памятникъ, и потому естественно содержитъ только начало и конецъ афоризма—сравненія смерти.

Надпись, какъ она есть, мнѣ удалось читать въ такомъ видѣ:

На одной сторонѣ

kal-ӓн нӓбі, салла Аллаху аlӓihi ва саллама, ӓl мӓвту бабун [4]) ***-к*** [5]).

На оборотѣ

ху кӱllӱн насі шарібуху вӓ саддака рӓсуl ӓl кӓріму

Буквальный переводъ ея:

Сказалъ пророкъ, да благословитъ Богъ его и да привѣтствуетъ его [6]): смерть это дверь (?), каждый (?)... и всѣ люди (должны) испить ее (чашу смерти) и истину сказалъ посланникъ (Божій) славный (глубоко почитаемый). Очевидно, здѣсь рѣчь идетъ о сравненіи смерти съ чашею, дверью и т. д. для образнаго выраженія мысли о томъ, что всѣ люди смертны, и никто смерти не минуетъ, о внезапно же застигающемъ рокѣ, объ упованіи единомъ и утѣшеніи и т. д. данныхъ никакихъ въ текстѣ надписи не имѣется.

---

[1]) Ср. краткій указатель музея за 1913 г. стр. 142.

[2]) *Хадіс.*

[3]) Ср. предисловіе къ 4-му изданію 1913 г. указателя стр. 16.

[4]) Въ словѣ точекъ нѣтъ, вѣроятно, *бабун* (дверь).

[5]) На надписи видна только начальная часть слова *кӱllӱ* (?).

[6]) Эта форма привѣтствія называется общей *хабары аммӓ* и употребляется суннитами а шіиты имѣютъ свою особую форму: *хабары хассӓ* съ прибавленіемъ словъ: и семейство его, (Мухаммеда *вӓ álixi.*)

Недостающую же среднюю часть надписи этого памятника, по моему мнѣнію, необходимо считать простымъ продолженіемъ афоризма сравненія о смерти и можно, по аналогіи съ другими подобными памятниками возстановить всю надпись памятника. Подобная попытка дала мнѣ такой результатъ:

Предполагая, что памятникъ состоялъ изъ двухъ, почти равной длины, камней, длиною въ общемъ въ три аршина и имѣя начало и конецъ надписи, я, примѣрно, составилъ всю надпись въ строгой зависимости отъ неясныхъ буквъ словъ въ концѣ первой строки и въ началѣ второй, оборотной строки,

kal än-näбі салла Аллаху aläihi ва саллама: äl мäвту бабун (?) *кÿllÿ* (?) *хаіjін дахіlуху, вäl kабру мä'ва кÿllÿн насі сакінуху*

äl мäвту мä'кулун вä касун (или *мäшрубун*) *кÿllÿ хаіjін акілуху, кÿllÿн насі шарібуху, вä саддака рäсуl äl кäріму.*

т. е. сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ благословеніе и привѣтъ Божій: смерть есть дверь, въ которую войдетъ всякій живущій, могила—жилище, которое всѣ люди должны обитать (послѣ смерти), смерть—это пища и чаша (съ виномъ или напиткомъ), которыя всѣ люди (предопредѣлены) вкусить и выпитъ, и истину глаголетъ посланикъ (Божій) славный.

Сравненіе смерти съ чашей въ надписи приписывается самому Мухаммеду и изложено здѣсь въ формѣ преданія [1]) (*хадіс*), но оно въ первоначальномъ именно, кратко выраженномъ своемъ видѣ, безъ позднѣйшихъ наслоеній принадлежало, по моему мнѣнію, не Мухаммеду а одному изъ величайшихъ арабскихъ поэтовъ Абуль Атахію (*Абуль Исхак Исмаилъ ибн Касымъ Абуль Атахіе*), родившемуся въ Куфѣ въ 130 г. хиджры (=747 г. по Р. Х.) и умершему въ Багдадѣ въ 221 (=836), жившему при Аббасидскихъ Халифахъ Мехди, Гарунеррешидѣ и Мамунѣ. Авторъ безчисленныхъ стихотвореній, посвященныхъ главнымъ образомъ аскетизму съ наставленіями по моральнымъ вопросамъ, Абуль Атахіе то и дѣло говорилъ и писалъ стихами, обладая особымъ талантомъ поэтическаго творчества, о сущности сего міра и о смерти. Современные съ нимъ мусульмане обращая вниманіе на то обстоятельство, что Абуль Атахіе, при этомъ, ничего не говоритъ и не пишетъ о будущей жизни, заподозрили его въ еретическо-философскомъ направленіи [2]).

---

1) О смерти я нашелъ много преданій въ сбоникѣ ихъ съ комментаріями изданномъ на турецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ *Бін бір хадісі шаріф шäрхі* т. е. толкованіе (комментаріи) тысяча и однаго священныхъ преданій Мехмедомъ Арифъ Беемъ въ Константинополѣ въ 1319 г. хиджры (=1901 г.) но среди этихъ преданій нѣтъ ничего относительно упоминаемаго въ этой надписи сравненія. Ср №№ 101, 108; 168, 227. 608, 659 742, 890, 907, 909, 947 994.

2) Ср. *камусуl Аllамъ* т. I стр. 739.

9) Еще одинъ каменный памятникъ, привезенный изъ Аккермана [1]), находится въ 3 залѣ Музея подъ № 10. Онъ представляетъ собою

---

1) Какъ извѣстно, конвенція 1826 г. въ Аккерманѣ между Россіею и Турціею о вознагражденіи за убытки отъ грабежей варварійскихъ корсаровъ гарантировала полную внутреннюю автономію Молдавіи, Валахіи и Сербіи, подтвержденную черезъ три года послѣ этого и Адріанопольскимъ трактатомъ о мирѣ между Россіею и Турціею, обязавшейся признать также независимостъ Греціи. Свѣдѣнія объ Аккерманѣ – Бѣлгородѣ и его греческихъ надписяхъ помѣщены въ т. II стр. 480—483 Зап. Общества. Весьма обстоятельное описаніе этого города и его крѣпости, а также историческихъ событій, связанныхъ съ судьбою Аккермана, даетъ намъ знаменитый путешественникъ XXVII вѣка Эвлія Челеби на стр. 108—113 т. V своего „*Сäjahäтнамä*" ср. также стр. 163—168, 206—212. По словамъ Эвлія Челеби, описавшаго Аккерманскую крѣпость и ея осаду весьма многочисленными турецкими войсками Султана Баязета II (886—918=1481—1512) въ 889 г. хиджры (1484 г.) предпринятую по совѣту Карашемседдина, а также и способъ взятія ея, крѣпость Аккерманъ (по татарски бѣлая крѣпость) при Салсалѣ (послѣдователѣ Муаммеда), первомъ основателѣ Аккермана, называлась Бургазъ-Конеманъ (вѣроятно *Πῦργος Κομνηνῶν*). Описаніе Эвлія Челеби будетъ мною своевременно переведено. Пользуясь случаемъ, я считаю долгомъ своимъ обратить вниманіе нашего Общества на только что цитированное мною „*Сäjahäтнамä*" Эвлія Челеби (1020 1090=1610 - 1679), турецкаго путешественника XVII в., къ которому вполнѣ примѣнимо гомеровское: „*πολλῶν δ'ἀνθρώπων ἴδεν ἄστεα καὶ νόον ἔγνω*", чуть-ли не всю жизнь проведшему въ странствованіяхъ по разнымъ странамъ Европы, Азіи и Африки и обстоятельно описавшему все имъ видѣнное съ исторической, лингвистической, религіозно-легендарной, археологической и др. точекъ зрѣнія въ десяти крупныхъ томахъ, рукописи коихъ хранятся въ библіотекѣ имени Пертева Паши въ Скутари, предмѣстіи Константинополя. Шесть первыхъ томовъ его изданы въ Константинополѣ издателемъ газеты Икдамъ Ахмедъ Джевдетомъ подъ редакціею Неджиба Асима весьма неудовлетворительно въ научномъ отношеніи „съ исправленіями по усмотрѣнію". Біографическій очеркъ Евлія а также и отрывки изъ его богатаго по своему содержанію труда въ переводѣ на англійскій языкъ, сдѣланномъ на скорую руку, далъ намъ въ 1856 г. баронъ Хаммеръ (*Narrativ of travels in Europe, Asia and Afrika... бу Evliya Efendi*, ср. русскій переводъ части ихъ Ф. Бруномъ въ VIII и IX т.т. Зап. О-ва), полагая, что сочиненіе Эвлія Челеби состоитъ только изъ 4-хъ томовъ (*ср. камусуl Allамъ* гдѣ упоминается всего о 3-хъ томахъ только). Президентъ Парижскаго Азіатскаго общества *de Menard* отмѣтилъ громадное значеніе для науки труда Эвлія, названнаго османскимъ историкомъ Ахмедъ Вефикъ Пашею *сäijахы мухаkkak* т. е. достовѣрнымъ путешественникомъ. Выше всѣхъ другихъ мусульманскихъ средневѣковыхъ путешественниковъ какъ *Мес'уди, Ибн Фадлала, Идрисъ и Ибн-Батута* ставитъ его, Эвлія Челеби, знаменитый оріенталистъ Вамбери, по предложенію котораго Будапештская Академія наукъ на свои средства издала подъ редакціей венгерскаго ученаго Карачуна шестой томъ (послѣдній изъ изданныхъ доселѣ) сочиненія Эвлія, посвященный Венгріи и охарактеризованный, по мнѣнію Вамбери, какъ „сокровище для Венгріи". Помимо общаго значенія для исторической и археологической наукъ, трудъ Эвлія Челеби для насъ, русскихъ важенъ особенно и свѣдѣнія его о Россіи цѣнны, такъ какъ онъ побывалъ у насъ въ Россіи при разныхъ историческихъ обстоятельствахъ, даже при султанѣ Ибрагимѣ 1049—1058=1640—1648) лично присутствовалъ при неудачной осадѣ турками Азова въ 1641 г., и подробно описалъ весьма живо историческія событія, останавливаясь въ собираніи географическихъ данныхъ, характеристикѣ языка, національностей, и быта посѣщенныхъ имъ мѣстъ. Въ виду этого я полагалъ бы, что при малѣйшей возможности для Общества было бы весьма цѣннымъ вкладомъ для научныхъ изслѣдованій юга Россіи, изданіе по рукописямъ и переводъ по крайней мѣрѣ всѣхъ касающихся ея свѣдѣній находящихся во II, V, VII и VIII т. т. *Сäjahäтнамä*. Эвлія Челеби. (ср. мое сообщеніе о металлич. чашѣ съ арабской надписью въ XXXII т. Зап. Общества примѣч. на стр. 15).

почти квадратный (43×40×32 см.) пористый, мягкій камень (не мраморъ, какъ указано въ указателѣ изд. 1913 г. стр. 55) съ весьма коротенькою надписью на турецкомъ языкѣ на лицевой сторонѣ:

Тамірі Абу-Бäкр ага сäнä 1084 (?) т. е. Ремонтъ (реставрація) Абу-Бекра ага годъ 1084 (=1673 (?) Дата сильно стерта.

Кромѣ выше описанныхъ памятниковъ въ музеѣ Общества находятся еще тринадцать мужскихъ и женскихъ намогильныхъ мусульманскихъ памятниковъ, подъ №№ 1) 2 ук. (инв. IIъ 184). 2) 2а (II 185). 3) 2dd (IIо 181). 4) $2^2/_{75}$ (IIа 187). 5) IIа 188. 6) 2 (IIа 189) 7) 2дд (безъ № инв.) 8) 3 (№ инв. стертъ) [2]). 9) 2 (безъ № инв.). 10) 13 (безъ № инв.) 11) IIа 192 инв. (безъ № указ.). 12) въ залѣ 3 № IIв. 195 и 13) 8 указ. (IIа 190 инв.), изъ которыхъ большинство въ среднемъ около $1^1/_2$ м. высоты и 12—15 в. ширины. Эти памятники съ разными датами, съ турбанами или безъ нихъ особеннаго историческаго значенія не имѣютъ и собираніе ихъ въ музеѣ, повидимому, носитъ случайный характеръ. Надписи ихъ начинаются словами указывающими на вѣчность или всемогущество Бога, безсмертіе Его [3]) и оканчиваются почти всегда обращеніемъ къ посѣтителямъ могилъ молиться за упокой души усопшаго (*рухуна* или *рухујічун фатіха* или *al фатіха*) и съ указаніемъ хронологической даты смерти правовѣрныхъ [4]).

Въ содержаніи же самой намогильной мусульманской надписи этихъ памятниковъ говорится о суетности безспокойной жизни человѣческой, въ семъ тлѣнномъ мірѣ, являющемся временной страннопріемницею, тѣнью призракавъ противоположность съ будущею, вѣчной, по милостью Божіей, жизнью съ райскими садами и т. д., а также о необходимости безропотно подчиниться волѣ Бога, Господа славы, въ предвѣчности предопредѣлившаго, дабы душа человѣка возвратилась въ міръ мзды. Въ нихъ указываются также и на сжигающую душу, глубокую, безутѣшную скорбь горько плачущхх родныхъ, пережившихъ

---

1) По указанію глубокоуважаемаго А. Л Бертье-Делагарда нѣсколько поздно я узналъ (за день до засѣданія общества) о соч. Н И. Рѣпникова подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ о развалинахъ аккерманской крѣпости. СПБ. 1913 г. гдѣ (стр. 22) говорится объ этой надписи. Проф. Н. И. Веселовскій прочелъ дату ? 85. По моему ясно видны цифры (084). Только первая цифра не видна, которая стерта и безъ сомнѣнія должна быть 1 т. е. 1084.

2) Онъ не читается хорошо, почти совсѣмъ стерта надпись его.

3) *Ну äl бакы, äl бакы* (=вѣчносущій—Онъ) *hy al хаіја* (=Онъ—живущій безсмертный), (послѣднее слово часто замѣняется словомъ *älläsi la јамуту*=который не умираетъ), *машаллаh* да будетъ воля Божія и т. д.

4) Нѣкоторые намогильные памятники на Востокѣ призываютъ правовѣрныхъ къ молитвѣ въ такихъ выраженіяхъ: а) *äiläјäн кабрін зіјарäт окуја фатіха*=посѣщающій его могилу да прочтетъ молитву б) *зіјарäттäн мурад олан доадыр доан,ыз руху мäзтаја пыдадыр* цѣль посѣщенія (могилы усопшаго) вѣдь—молитва (ибо) молитва Ваша служитъ пищею для духа (души) усопшаго.

безвозвратную утрату дорогихъ усопшихъ, нерѣдко очень молодыхъ, не насладившихся еще вовсе благами земной жизни и преждевременно завядшихъ, какъ роза—бутонъ.

Послѣ общей характеристики этихъ тринадцати памятниковъ я предлагаю здѣсь транскрипцію и переводъ каждаго изъ нихъ отдѣльно.

---

10 (1) Намогильный памятникъ.

Транскрипція надписи его:

Ну al-бakы

Бу џіhанын, joktyp асла рахаты
ixmijap ідäр iäläнläp рыxlämi
дар у дӱнjа бір місафірханäдір
akыl олан бäндäн алсун ібрäті
ірџі [1]) *äмрін ідінџä істіма'*
тäрк ідуп, ykбaja ђimmi cyp'aты [2])
äссäjim Хасан аӻанын, оӻлу мäрхум
äссäjim Cyläiман äфäнді immi нуш џамы äџäldäн ajäті
рихуjiччн äl фатіха.
1240 фі џäмаз (-і ӱl äвäl или *axӱp).*

Переводъ ея:

Вовсе нѣтъ покоя въ этомъ мірѣ (поэтому) и приходящіе (сюда) предпочитаютъ переселеніе (на тотъ свѣтъ). Міръ тлѣнія [3]) подобенъ дому гостепріимному. Кто разуменъ пусть тотъ у меня беретъ примѣръ. Какъ только услышалъ велѣніе (Божіе): „возвратись“, поспѣшилъ (я) отправиться въ міръ будущей мзды [4]), покинувъ (этотъ міръ), покойный Сейдъ Сулейманъ Эфенди, сынъ Сейда Хасана Аги выпилъ чашу предвѣчнаго предопредѣленія (упомянутаго въ откровеніи Божіемъ, въ священномъ коранѣ).

(Читай) молитву за (упокой) его души 1240 г. мѣс. *Джемаз* (1—*ӱl äвäl*=5ый или—*axäp*, 6-ой м. луннаго года).

---

1) Возвратись (ты, душа) ср. гл. корана (*Сурäі äl фаџр*) стихъ 27—30 *ja aijy хан нäфсуl мутмінату ірџі ila раббіка радіjатан, мурдіjатан фадхуlі фі ібаді вадхуlі џäннäті*) т. е. „Ты же душа (вѣрующаго) будь спокойна (относительно судьбы своей) возвратись къ Господу, удовлетворенная наградою своей и угодная Богу и среди слугъ моихъ вступи въ рай мой.

2) Стихи размѣра *рäмäl.*

3) *Дары дӱніа или дары фäна.*

4) *Дары ykба* или *дары бaka* (міръ, жилище вѣчности).

11 и 12 (2 и 3). Два одинаковые намогильные памятники съ почти тождественной за исключеніемъ именъ усопшихъ и даты надписью:

Транскрипція текста

Бöilä булдум (бу) пiһаны санкi бiр зыллы хајал
ол сäђäптäн кiмсä xalімдäн етмäз бäнiм суal [1])
бäн дäдiм äl хукму [2]) *lillaxi, разыјым һäр äмрiнä*
чун äзäldä [3]) *бöilä taktip eilämiш (ол) зуl пälal* [4])
мäһхум (вä мағфур) Суläiман (Ali) хасäкii хассä
рухујiчун äl фатiха

83 (? стерто) и 1185
пäмазi уl ахäр.

Переводъ

Этотъ міръ я нашелъ какъ бы тѣнью призрака.
Вотъ почему никто не интересуется моей (положеніемъ) судьбою
Я сказалъ: это рѣшеніе Божіе, я покоряюсь всякому Его велѣнію,
потому, что (=разъ) такъ въ предвѣчности предопредѣлилъ
всеславный!
(прочти) молитву за (упокой) души усопшаго (да проститъ ему
Господь) Сулеймана (Алія) принадлежащаго Августѣйшей
гвардіи
769—1183 (мѣсяца) 6-го, года луны) и 1185(=1771).

13 (4) Намогильный памятникъ.

Транскрипція текста

Нäв пiвчным ћiттi пäннäт бағына
фiраһы калды пäдäрiнiн, пaнына
дäрiаһы Ali kапупу башыларындан
хапы Мäхмäд аға задä мäрхум
äссäјiт Рäсiм Бäi рухуна фатiха
1240.

---

1) Въ одномъ изъ нихъ: *xalімдäн бäнiм iтмäз сiвal.*

2) Изъ корана, 12 ст. XL главы „вѣрующій", (*сурäi äl мумiн) „хукм lil лаxil alil кäбiр"* т. е. Власть (высшее рѣшеніе) принадлежитъ Господу Возвышенному, Великому, ср. и др. мѣста въ коранѣ.

3) Чаще употребляется форма *äпäldäн.*

4) Въ одномъ изъ этихъ памятниковъ стоитъ *salпälal.*

Переводъ

Мой юный отрокъ ушелъ въ садъ райскій
разлука же съ нимъ оставила [1]) (тяжкое горе) въ сердцѣ (душѣ) его отца
(Читай) молитву за (упокой) души покойнаго
Сеида Ресима Бея, сына Хаджи Мехмеда аги одного изъ Султанскихъ камергеровъ (Высок. Порты). 1240 г. (=1824).

Рис. 8

14 (5) **Намогильный памятникъ.** (см. рис. 8).

Транскрипція надписи.

Сілахтар аѓанын, кім бір махтумäсі [2]), *ах!*
ïідіптір дары дӱнјадан јакты п̣ан *ilä дil*

---

[1]) буквально осталась.
[2]) *махтумä* очень рѣдкая форма вмѣсто часто употребительнаго *кäрімä* или *кыз*.

шäфаат едä махшäрдä, калды валідäіні
буka'і ах у зарілä, худа вірä тäхаммуl
доалар еіläјін Хіlмі таріхі тамм дејінтір
„учуп руху Зуläіханын äдäні ідä мäнзіlі“
1242

Переводъ

Ахъ! дочь Силахтар аги, (командира конной бригады,)
ушла изъ этого суетнаго міра, скорбью [1]) покрывъ душу и сердце,
да будетъ она ходатаемъ (передъ Богомъ за насъ) въ судный день,
а ея родители пережили [2]) (ее) въ рыданіяхъ и неутѣшныхъ стенаніяхъ.
Господь да ниспошлетъ имъ утѣшеніе [3])
Помолившись много разъ (долго) Хилми сказалъ (слѣдующую) полную хронограмму [4])
улетѣла душа Зулейхи, да будетъ
(да сдѣлаетъ Богъ) Рай [5]) жилищемъ ея. (3)
1242 г. (=1826 г.)

- - -

15 (6) Намогильный памятникъ.

Транскрипція ея

Ху-al -Бакы

Тоімајып [6]) *іäнчlіјінä чункі*
öldÿ (олду) намурат, рахмäтä
муставрак ідä рабб уl ібад
Кäрзälі мäрхум
Алјанік Мäхмäд Рéіјіс
рухуна фатіха
Сäнä 1230

Переводъ ея

Во имя Бога вѣчносущаго.
Не насладившись юностью своей,

---

1) б. сожгла.
2) б. остался, (остались).
3) б. (мужество) переносить (горе), терпѣніе.
4) Это единственный намогильный памятникъ въ Музеѣ съ хронограммою (см. надпись Анапской крѣпости въ началѣ настоящей статьи о разныхъ видахъ хронограммъ. Здѣсь хронограмма нѣсколько разнится съ цифровой датою.
5) *äдäн=рай синон.: иäннäт, бähішт, фірдус.*
6) *доімајып.*

онъ умеръ не достигши цѣли (жизни),
да даруетъ ему Господь (своихъ) рабовъ, щедрую милость [1])
(Прочти) молитву за (упокой) души Алощекаго [2]) Мехмеда Министра Иностранныхъ Дѣлъ, [3]) родомъ изъ города Керае [4]).

1230 (=1814 г.)

16 (7) Намогильный памятникъ (см. рис. 9).

Транскрипція надписи.

Xy-al—Bakы

Рис. 9.

---

[1]) б. да утопитъ его въ (морѣ) милости.

[2]) *Алjанак*, фамилія усопшаго (въ текстѣ по ошибкѣ напечатано „*алjанiк*".

[3]) Титулъ *Päjic* обозначалъ въ старину еще помощника капитана. Здѣсь повидимому „*Päjic*'омъ" былъ отецъ усопшаго юноши или усопшій носилъ фамилію „*Päjic*".

[4]) Приморской городокъ Синопскаго уѣзда Кастамунскаго вилаета 35 кил. къ югу отъ Синопа, имѣетъ 5 т. нас. Отсюда происходитъ особая порода курицы. См. стр. 3844 *камус yl Allam* ср. и Diction. Geogr. de l'empire Ottoman par C. Mostras стр. 149.

Ачылмадан ї̈ўl ї̈бі солдум hälä
Зар зар аҕлар бана бўlбўl білä
чäшмім ачык намурат ї̈іттім јола
рухумуз шад, мäскäніміз ҕäннäт ола,
Імамзадä Сäіјіт Хаҕы Хасан
аҕанын кäрімäсі мäрхумäі шäріфä
Хадіҕä ханымъ рухуна фатіха
сäнä 1227.

Переводъ ея

(Во имя) Бога вѣчносущаго
Едва успѣвъ расцвѣсти и завяла я, какъ роза (такъ скоро и преждевременно, что)
даже соловей неутѣшно стонетъ оплакивая меня (потому, что) я не насладилась жизнью, и не достигши цѣли подчинилась (волѣ злого рока)
Да возликуетъ душа наша и рай да будетъ нашимъ жилищемъ
(Остановись о прохожій и прочти) молитву
(за упокой) души Хадиджи
усопшей высокочтимой госпожи, дочери господина
Хаджи Хасана Имамова, потомка Мухаммеда
Годъ 1227 (=1812).

17 (8) Намогильный памятникъ.

Транскрипція надписи

Al-Бакы

Хасан аҕанын кäрімäсі
ҕäннäтмäкан мäрхумäі
шäріфä Äммиш ханым
рухуна фатіха
Сäнä 1236

Переводъ ея

(Во имя Бога) вѣчносущаго
(Прочти, о посѣтитель сей могилы)
молитву за (упокой) души

усопшей, (нынѣ) жительницы рая,
глубокочтимой Эммиши ханумъ
дочери господина Хасана
Годъ 1236 (=1820 г.) [1])

---

18 (9) Намогильный памятникъ.

Транскрипція.

Ху al Хаіja - l-Бакы
кімсä бакы däjildir, чункі бу дунjада...

Переводъ ея.

(Во имя) безсмертнаго, вѣчнаго Бога
Никто не вѣченъ, ибо въ мірѣ этомъ [2])....

19 (10) Намогильный памятникъ.

Транскрипція надписи.

Мäрхум вä мағфур
äс Сäjjіт Хапы
Мäхмät рухуна
Фатіха
сäнä
..14

Переводъ ея

(Прочти молитву)
за (упокой) души Сеида Хаджи
Мехмеда, да будетъ милость Божія)
и прощеніе надъ нимъ. Годъ .. 14 [3]).

---

1) О только что разсмотрѣнныхъ этихъ двухъ памятникахъ [№ 16 (7) и № 17 (8)], уже переведенныхъ проф. Катановымъ и мною см. его статью въ т. XXXI Записокъ стр. 146—147 и мое по поводу его перевода сообщеніе, напечатанное въ XXXII тѣхъ же Записокъ Общества.

2) Почти вся надпись этого известковаго памятника стерта, и едва читаются отдѣльныя только слова.

3) Надпись этого высокаго, въ 2 метра, намогильнаго мраморнаго памятника, съ турбаномъ, найденнаго на Хаджибейскомъ лиманѣ очень неясна, почти вся стерта. Я предлагаю приведенное выше чтеніе.

20 (11) Намогильный памятникъ [1])

Транскрипція надписи

Дары фйнадан бакаја рыхлät
ідäп мäрхум [2]) *Амінä*
кадын рухуна фатіха.
1163.

Переводъ ея.

(Прочти) молитву (за упокой) души.
Госпожи Эмине, покойной, переселившейся
изъ міра тлѣнія въ (міръ) вѣчности
Дата 1163. (=1749)

21 (12) Намогильный очень маленькій мраморный памятникъ, верхняя и нижняя части котораго сломаны. Онъ находится въ залѣ 3. Музея подъ № 4 (инв. II в. 195) и кажется привезенъ изъ Ѳеодосіи, читаются только слова:

мäрхумä Умму Кÿlсÿм [3])
бінт...

т. е.

Покойная Ум-кюльсюмъ
дочь...

22 (13) Этотъ памятникъ (см. рис. 10) находящійся въ 10 залѣ подъ №8 указателя (инв. IIа 190) представляетъ собою высокій ($1^1/_2$ м.) круглый перевернутый, болѣе узкимъ концомъ внизъ мраморный намогильный столбъ въ формѣ перевернутаго усѣченнаго конуса. По указателю онъ привезенъ изъ Константинополя. Надпись этого памятника не имѣетъ ни заглавныхъ словъ ни послѣдныхъ выраженій о молитвѣ, обыкновенно встрѣчающихся въ каждой почти намогильной надписи, ни даты. Она написана даже въ прозѣ. Эти отступленія отъ общей формы намогильныхъ памятниковъ объясняются, вѣроятно, трагической участью Махмуда-Бея, въ честь котораго памятникъ былъ поставленъ, умершаго неестественной смертью.

---

1) Очень маленькій мраморный памятникъ съ отбитымъ тюрбаномъ, 11 в. высоты.

2) вмѣсто: *мäрхумä*.

3) Такъ звали дочь Алія, жену Халифа Омара.

Транскрипція надписи.

Хісарынын [1]) *önündä*
кänді kурсан [2]) *коллары* [3])
'gämісін басуп кändіні шähіт
ідуп вäфат ідän
Махмут бäjін мäзары шäріфідір.

Рис. 10.

Переводъ ея.

Священная могила Махмуда Бея умершаго (отъ руки) его собственныхъ подчиненныхъ, пиратовъ, разгромившихъ его судно и дѣлавшихъ его мученикомъ передъ крѣпостью его (?).

---

[1]) въ текстѣ стоитъ ясно надъ предпослѣднимъ слогомъ знакъ произношенія на у (ˈ). Поэтому, если предположить что это ошибка мастера—гравера, слѣдуетъ читать какъ я транскрибировалъ выше. Въ противномъ случаѣ тутъ слѣдуетъ читать два слова *хісар* и *юнäl* или *юнäк* (собственное имя; крѣпостн?) или *юнан*=греческая (?).

[2]) Недостаетъ въ текстѣ, по моему мнѣнію, буква н (*kурсан*=пиратъ).

[3]) отряды (б. руки отъ плеча до кисти), отсюда караулъ, или *куллары*=рабы, наемные люди.

Послѣ детальнаго, по возможности, описанія каменныхъ памятниковъ, мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о тѣхъ девяти металлическихъ предметахъ, которые находятся въ залахъ: въ 3-мъ (персидское мѣдное ведро) въ 5-мъ (два серебрянныя небольшія украшенія, шлемъ и конусообразная крышка блюда) и въ 8-мъ (круглое зеркало (?), подсвѣчникъ, копилка и лампадка или вазочка). На всѣхъ этихъ предметахъ есть надписи, которыя по разнымъ причинамъ, весьма трудно читаются Главныя изъ причинъ слѣдующія: а) причудливая орнаментика на вышеупомянутыхъ предметахъ, которая сплелась съ буквами надписей до такой степени, что почти невозможно понять, гдѣ начинается буква и гдѣ кончается линія орнамента, б) странныя формы почерка нѣкоторыхъ надписей, совершенно не похожаго на извѣстные въ мусульманской письменности почерки: 1) *куфи*, 2) *рык'а*, 3) *сӱлӱс*, 4) *насх*, 5) *насталык* и 6) *шікäстä*, в) то обстоятельство, что значительная часть нѣкоторыхъ изъ надписей, совершенно стерта и наконецъ г) значеніе нѣкоторыхъ надписей, служащихъ простыми лишь украшеніями съ частымъ повтореніемъ одинаковыхъ словъ при отсутствіи какого либо смысла ихъ содержанія. Послѣднее обстоятельство относится только къ двумъ предметамъ, надписи коихъ представляютъ собою орнаментику изъ часто повторяющихся одинаковыхъ словъ. Даты на надписяхъ этихъ предметовъ также нѣтъ за исключеніемъ одной маленькой серебрянной вещицы. Историческое и археологическое значеніе ихъ весьма незначительно, такъ какъ большинство изъ нихъ— издѣлія современныя, а нѣкоторыя даже на Востокѣ являются предметами заурядными.

Послѣ общей характеристики упомянутыхъ девяти металлическихъ предметовъ, я перехожу теперь къ бѣглому размотрѣнію каждаго изъ нихъ въ отдѣльности.

---

23 Мѣдное ведро (*сäтл*, *cimil*) персидской работы съ ручкою находится въ 3-мъ залѣ подъ № 19. Оно приблизительно 10—12 вершк. выш. и 7 вершк. діаметра, почти цилиндрическое съ болѣе широкимъ дномъ и открытою стороною. Оно украшено красивою, не глубокою, надписью съ почеркомъ *насталык* помѣщенною внутри орнаментовъ, раздѣляющихъ отдѣльныя слова или группу словъ написанныхъ вязью въ два яруса. Къ сожалѣнію частью орнаменты и частью мѣста, гдѣ прикрѣпляются кольца для ручки ведра покрываютъ нѣкоторыя слова надписи. Остальная часть читается такъ:

Транскрипція надписи на ведрѣ

Хаіфäст ан кі... зä дäсті ба lalä
äјамы шäбап ва нäвцäвані
äз умр нäмітуван шумардäн

анїаh кі бӓ ӓіш бӓкзӓрані
ӓјамы ʻгӱlӓст вӓ ḱамӓрані,
саkы, бӓдӓh абы зӓндӓіані
дӓр сӓрхуш... п̣ам бадӓ ӓст.

Переводъ надписи:

Увы! для того, кто... изъ руки держащей лилію,
(принимаетъ счастье въ) дни молодости и юности
нельзя считать (настоящею) жизнью
тотъ промежутокъ времени, который ты проводишь въ
пьянствѣ и развратѣ
(нынѣ) вотъ настали (весенные) дни цвѣтовъ и счастья
О виночерпій, подай воду жизни
Для человѣка на веселѣ... чаша (съ водою уже) есть вино ?).

24 Въ 5-мъ залѣ подъ № 66 есть желѣзный шлемъ (*тас кулаh* или *кулаh худ*), крайняя окружность открытой части котораго дѣлится на восемь четыреугольниковъ. Каждый изъ послѣднихъ включаетъ въ себѣ надпись золотыми довольно крупными, но большею частью совершенно стертыми буквами. Едва можно разобрать надписи 2 четыреугольниковъ. Надпись состоитъ изъ слѣдующаго изреченія корана (глава II „*корова*“ ст. 256,):

Транскрипція надписи:

Аллаху! ла illaxi illa xy al xaijal kaijуму, la тахузуху сінӓтун вӓ la навмун, laxy ма фіссамаваті ва ма фіl арды. Ман зallӓзі јашфау індаху illa бі ізніхі јаlаму ма бӓіна аідаіхім ва ма халафахум вӓ la јахутуна бі шӓіјін мін ilміхі illa біма шаа, васіа курсајухус самаваті вӓl арді ва la јvдуху хыфзухума ва xyal alijyl азіму.

Переводъ ея:

Есть только одинъ Богъ, и нѣтъ Бога, кромѣ Бога, Живого и Неизмѣннаго. Ни дремота, ни сонъ не овладѣваютъ имъ. Ему принадлежитъ все, что есть на небесахъ и на землѣ. Кто можетъ предстательствовать передъ Нимъ если не будетъ на то Его воли? Онъ знаетъ, что было до нихъ, и что будетъ послѣ нихъ—люди же постигаютъ изъ мудрости Его лишь то, чему онъ пожелаетъ ихъ научить. Престолъ Его простирается на небо и на землю и Онъ безъ всякаго труда охраняетъ ихъ Онъ, Высочайшій, Великій.

25 Въ томъ-же 5-мъ залѣ подъ № 58 виситъ на стѣнѣ конусо-шлемо-образная высокая мѣдная небольшихъ размѣровъ луженая крышка блюда (*сӓрпуш*) съ разными мужскими и женскими фигурами орнаментами и съ надписями надъ и подъ фигурами въ двѣ окружныя строки. (см. рис. 11). Надпись на персидскомъ языкѣ, при чемъ въ нижней строкѣ граверъ допустилъ много орѳографическихъ и другихъ ошибокъ затрудняющихъ чтеніе ея. Надпись въ стихахъ. Верхняя надпись состоитъ изъ первыхъ 4-хъ полустишій 6-ой оды знаменитаго персидскаго поэта Хафиза Ширазскаго, умершаго въ 791 г. хиджры (1388) [1]).

Рис. 11.

Транскрипція:

Дil мірӓвӓд зӓ дӓстӓм, саhіндiлан, Худара!
Дӓрда кі разы пӓнhан хаhӓт шуд ашікара
кӓшті—нішӓстӓіаным, ӓі бады шурта! бӓрхыз
бӓшад кі баз бінім дідары ашінара.

1) См. „*Діваны Хафызы Шіразі* 1303 г. изд. въ Константинополѣ ср. также изд. въ Бомбеѣ.

Переводъ верхней надписи:

(Подруга) сердца моего уходитъ отъ меня [1]), ради Бога!
О друзья (помогите)
Увы! сокровенная моя тайна будетъ обнаружена
О вѣтеръ попутный (счастья)! подуй, (сильнѣе) — мы вѣдь
пассажиры (житейскаго) корабля
Авось мы снова (удостоимся) свидѣться съ (взоромъ)
возлюбленной.

Текстъ нижней строки:

Транскрипція:

Аі анкі тура äст дäр ɥіhан хуш
дäр сöhбаті бäзм мікуш
бäрдар вäі äз...
јäк лахза діläш зä ɦам фäрамуш...
імруз рäсід чун хуш бäр läбі бошkап
äз ніјмäті нуш наз наз (баз) хаші (?) мірäсäд.

Переводъ:

О ты, который обладаешь разумомъ въ этомъ мірѣ,
стремись въ общество пирующихъ съ винопитіемъ, подыми чашу
изъ...
Одинъ моментъ предай (?) забвенію печаль сердечную
Какъ пріятно, что сегодня наслажденіе вкуснымъ блюдомъ коснулось губъ.
Отъ благодати питья.... получается наслажденіе. (?)

— — — —

26 и 27 Въ 5-мъ залѣ въ витринѣ № 43 (63) мы находимъ два маленькихъ металлическихъ круглыхъ предмета съ отдѣльными нумерами 1096 и 1097, 5 и 6 см. діаметра съ арабскою надписью на нихъ. Первый изъ упомянутыхъ предметовъ—плоская бронза въ формѣ мѣсяца, охватывающаго ажурную звѣздочку, а второй выпуклый, позолоченный съ орнаментикою въ серединѣ. Надписи обоихъ предметовъ почти одинаковы и сдѣланы черною краскою на наружной окружности. Оборотная сторона ихъ гладкая. Въ концѣ надписи перваго предмета нарисованъ мечъ, а въ концѣ второго обозначена дата 1246 г. Хиджры (=1830)

Надписи читаются такъ:

Мäн тäфаккара (фіl) аваkыбуль умур lам јасɥа

т. е. тотъ кто хорошенько обдумалъ (предварительно поразмыслилъ)

---

1) букв. изъ моей руки.

о послѣдствіяхъ своихъ поступковъ (дѣлъ) тотъ (никогда) не стоналъ (не будетъ вздыхать (не раскается).

Важное значеніе философской и религіозной мысли и обдуманности въ дѣятельности человѣка весьма рельефно выступаетъ въ другомъ религіозномъ арабскомъ афоризмѣ, а именно:

тäфäккўру саатін хаіру мін ібадäті сäнäтін

т. е. Размышленіе въ продолженіи одного часа лучше (угоднѣе Богу) чѣмъ молитва въ продолженіи цѣлаго года.

Рис. 12.

Вышеупомянутые предметы въ самыхъ различныхъ формахъ общеупотребительны на мусульманскомъ Востокѣ и служатъ украшеніемъ на шапкѣ, груди, поясѣ и т. д., главнымъ образомъ въ качествѣ талисмана отъ дурнаго глаза.

28 Въ 8-мъ залѣ въ стекляномъ шкапчикѣ находятся мѣдный подсвѣчникъ (см. рис. № 12) (*шамäдан*) 9 см. выш и 12 діаметра нижней части съ красивою вычурной орнаментикою, въ формѣ колокола

съ надписью въ 3 строки. Среди орнаментовъ различаются отдѣльныя слова, не дающія никакого смысла. Вѣроятно, что надпись только буквами арабскими написана, но не содержитъ словъ арабскихъ персидскихъ и турецкихъ.

Двойникъ этого подсвѣчника, очень похожій на него какъ по величинѣ, такъ и по формѣ находится въ настоящее время въ мечети Алляеддина, Султана Сельджукскаго въ городѣ Конья (*Iconium*) въ Малой Азіи, нѣкогда столицѣ Сельджукскаго государства. Но надпись Икопійскаго подсвѣчника—иная и только въ двѣ строчки, одна изъ коихъ покрываетъ широкую часть его [1]).

Подобный же подсвѣчникъ съ надписью въ 1 строку, принадлежащій Султану Египетскому хранится въ Каирѣ [2]).

Рис. 13.

29. Мѣдная также или темнобронзовая вазочка (см. рис. 13)

---

1) См. стр. 350 иллюстрированнаго журнала „*Shähbal*" (№ 90) изд. въ Константинополѣ.

2) Ср. исторію мусульманской культуры *(Mädänijäti iclamijä Tapixi)* изд. въ Константинополѣ въ турецкомъ переводѣ Дж. Зейданомъ въ 1329 г. хиджры (стр. 240).

для цвѣтовъ (*ỉÿ̈лдан*), шарообразной формы съ горлышкомъ, высотою приблизительно въ 6—7 вершковъ. Среди красивой орнаментики различаются слова надписи, также въ 3 строки: *Mäвla* Господь, *äннасу* люди, *хатал* болтовня, и др. Такъ какъ эта ваза, спеціально устроена чтобы открываться въ шарообразной части, мнѣ кажется, что примѣненіе ея какъ плевательницы (*сÿ̈лÿ̈фдан*) весьма широко распространенной на мусульманскомъ Востокѣ, вѣроятнѣе чѣмъ въ качествѣ вазы для цвѣтовъ. По своей внѣшней формѣ эта ваза поразительно похожа на стеклянныя лампадки съ разноцвѣтною на нихъ эмалью и съ надписями[1]).

Рис 14.

30 Темно-бронзовая почти шаро-образная копилка (?) (см. рис. 14) съ крышкою, могущая служить и какъ чаша для обливанія въ банѣ, небольшихъ размѣровъ съ одной только строкою надписи на нижней ея части и очень красивой меандрической и круглой орнаментикою. Читаются отдѣльныя слова: *äссултан* султанъ, *äннасыр*, помощникъ и др., которыя повторяются.

---

1) ср. стр. 128 упомянутой выше исторіи Мус. культуры, и иллюстрированную исторію ислама (*Мусаввäр Тарiхi Iсlaм*) Эмира Али, изданную въ Константинополѣ въ 1329 г. хиджры.

31 Круглое чугунное зеркало (?) или скорѣе оборотная сторона зеркала, величиною въ 15½ см. діаметра, съ малымъ кругомъ въ центрѣ и большимъ у края, и съ одною строкою надписи на крайней окружности. Остальная часть диска заполнена орнаментами. Надпись на арабскомъ языкѣ, но невозможно почти въ ней разобраться, такъ какъ кругъ—изъ литаго чугуна (при этомъ разбитаго), буквы часто сливаются и точки надъ и подъ буквами почти отсутствуютъ. Отдѣльныя слова: *ad dahr* (судьба, вѣкъ), *алллах (Богъ)*, *al kaida* правило *al malik* владѣлецъ, властелинъ, *al kamar* луна, *Ad dajym* постоянный, вѣчный и т. д. Вѣроятно, слова на этой и предыдущей надписи служатъ для обозначенія талисмановъ [1]).

Оканчивая такимъ образомъ опытъ подробнаго, по возможности, описанія памятниковъ и предметовъ съ надписями на арабскомъ, персидскомъ и турецкомъ языкахъ, находящихся въ музеѣ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, я надѣюсь, что мнѣ будутъ указаны ошибки, промахи или пробѣлы въ моемъ описаніи лицами компетентными, интересующимися упомянутыми памятниками. Всякаго рода указанія компетентныхъ лицъ мною будутъ съ признательностью приняты къ свѣдѣнію.

Дѣйств. членъ ИМПЕРАТОРСКАГО Одесск. Общества Исторіи и Древностей

И. СПАѲАРИСЪ.

26-го Марта 1914 года.
Одесса

---

[1]) см. подобную заднюю крышку зеркала, украшенную разноцвѣтною эмалью въ вышеприведенной иллюстр. исторіи ислама на стр. 208.

Замѣченныя опечатки:

Стран.	Строка	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
148	4 снизу	*Тулра* отъ	*Тура* отъ
149	1 сверху	*ща̀*	*шаа*
„	6 „	только,	только
„	8 „	мотивы	молитвы,
„	9 „	*ща̀*	*шаа*
„	„ „	*хавла*	*хавla*
150	1 снизу	усматрнваетъ	усматриваетъ
„	„ сверху	каждый стихъ,	каждое полустишіе
„	7 „	*халка*	*халка*
„	8 „	*олмакта*	*олмакта*
„	15 „	*барка*	*барка*
„	18 „	*Ämti*	8) *Ämti*
„	22 снизу	этого,	этого
151	10 сверху	по распоряженіи	по распоряженію
„	12 „	странпцы	страницы
152	10 снизу	луковаго	лукаваго
„	22 сверху	Ананы	Анапы
153	1 „	слово въ слово	„слово въ слово“
„	18 „	новѣроятно	но вѣроятно
154	1 „	(взрываются)	(взрывается)
„	2 „	небесныхъ пламя [1])	небесныхъ [1]) пламя
155	22 „	926 974	926—974
„	23 „	9 9 г. х.	969 г. х.
156	16 „	*капудан*	*капудан*
„	28 „	„	„
159	6 снизу	1)...	2)...
„	7 „	2)...	1)...
„	18 „	*Гäвhäрган*	*`Гäвhäрiан*
162	6 „	3 0=)	300=)
„	7 сверху	1222—1220	1222—1223
„	„ „	1807—1880	1807—1808
„	13 снизу	*вакаајы*	*вакаајы*
„	14 „	1826 г. хиджры (1241—2 г.)	1826 г. (=1241—2 г. хиджры)

Стран.	Строка	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
164	11 снизу	*катра*	*катра*
„	26 сверху	*арак*	*арак*
„	28 „	*луук*	*луук*
165	7 „	преуспѣнія	преуспѣянія
174	16 сверху	сановникомъ	сановниковъ
„	11 снизу	*мунтäхі-ба-шшäнсі*	*Мунтäхібäш-Шäмсі*
„	12 „	о бо́льшои	о большой
175	6 „	1913 г. указателя	указателя изд. 1913 г.
176	7 „	*шаріф*	*шäріф*
177	23 „	1856	1850
178	1 сверху	стерта	стерта [1])
„	17 снизу	сжигающую	„сжигающую“
179	2 „	*дүніа*	*дүнја*
„	10 „	1240 г.	1240 г. хиджры (=1824)
180	21 сверху	769—1183	1183 (=1769)
182	2 снизу	*иäннäт*	*пäннäт*
„	12 „	*Алјанік*	*Алјанак*
„	„ „	*Рéijіс*	*Räjіс*
„	14 „	*мустаɒрак*	*мустаɸак*
185	7 сверху	*Ху al Хаіја*	*Ху-al—Хаіја*
„	8 „	*дүнјада*	*дүнјада*
187	3 снизу	крѣпостн	крѣпости
189	„ сверху	*зäндäіані*	*зäндäіані*
190	4 снизу	*нішäстäіаным,*	*нішäстäіанім,*
„	3-4 сверху	фигурами орна-ментами	фигурами—орна-ментами

Первыя страницы Русской лѣтописи и византійскія перехожія сказанія.

Въ начальной лѣтописи записано подъ 6360 г., соотвѣтствующимъ 852-му, слѣдующее любопытное сопоставленіе, которое свидѣтельствуетъ, что нашему древнему лѣтописцу не была чужда мысль о соотношеніи между византійской и русской исторіей. На основаніи недошедшихъ до насъ данныхъ онъ записалъ: „Наченшу Михаилу царствовати, начася прозывати Русская земля. О семь бо увѣдахомь, (вар. „яко же сказаютъ“, или „яко же пишется“), яко при семь цари приходиша Русь на Царь-градъ, яко же пишется въ лѣтописаніи гречестѣмь. Тѣмъ-же и отселѣ почнемь и числа положимъ“.

Что не 862 годомъ начинается Русское государство, въ этомъ теперь ни мало нельзя сомнѣваться; но что было на Руси до этого времени, на это отвѣчаютъ лишь неясные слѣды и обрывки традиціи, попадающіеся въ греческой и русской лѣтописяхъ. Было-бы, однако, малодушіемъ отказываться отъ попытокъ вновь и вновь затрагивать старые вопросы съ тѣмъ, чтобы внести въ нихъ больше ясности, ибо тѣ слѣды и обрывки преданій, о которыхъ сейчасъ упомянуто, могутъ стать со временемъ ясными свидѣтельствами опредѣленныхъ фактовъ и отношеній. Нѣкоторыя основанія надѣяться на обнаруженіе реальной Руси въ дорюриковскія времена, т. е. до основанія Русскаго государства, заимствуются съ двухъ сторонъ: и съ точки зрѣнія историческихъ свидѣтельствъ, и со стороны сказаній и народныхъ преданій, а также повѣрій.

Прежде всего разсмотримъ лѣтописныя данныя. Главнѣйше имѣется въ виду извѣстіе латинской хроники, подъ 839 годомъ записавшей о византійскомъ посольствѣ царя Ѳеофила, прибывшемъ въ Ингельгеймъ къ императору Людовику Благочестивому. Предметомъ переговоровъ были здѣсь, между прочимъ, русскіе, въ первый разъ являющіеся тогда подъ своимъ именемъ[1]). Царь Ѳеофилъ просилъ

[1]) „Annal. Bertiniani“ ap. Pertz SS., 1, p. 434: a. 839. Venerunt legati graecorum a Theophilo imperatore directi... ferentes cum donis imperatore dignis epistolam... Misit etiam cum eis quosdam, qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant, quos rex illorum, Chacanus vocabulo, ad se amicitiae, sicut asserebant, causa direxerat, petens per memoratam epistolam, quatenus benignitate imperatoris redeundi facultatem atque auxilium per imperium suum totum habere

между прочимъ Людовика оказать благосклонное вниманіе и дать свободный пропускъ чрезъ свои владѣнія Русскимъ (Rhos). Просьба эта объяснена тѣмъ обстоятельствомъ, что тотъ путь, которымъ они пришли изъ своей земли въ Константинополь, оказался занятъ варварскими и чрезвычайно жестокими племенами и представлялъ-бы для нихъ серьезную опасность, если-бъ они держали обратный путь черезъ тѣ-же земли. Для того, чтобы оцѣнить приведенный въ латинской хроникѣ фактъ, нужно замѣтить, что византійская лѣтопись, говоря о посольствахъ Ѳеофила на западъ, пропустила то, о которомъ говорится въ латинской. Вслѣдствіе этого, для всякихъ сужденій объ имени Русь и объ обстоятельствахъ, которыя заставили русскихъ просить содѣйствія царя Ѳеофила къ возвращенію черезъ владѣнія западнаго императора и присоединиться къ отправленному изъ Византіи посольству на западъ, представляется только латинское изложеніе содержанія письма Ѳеофила къ Людовику. Противъ достовѣрности самаго факта, занесеннаго въ латинскую лѣтопись, нельзя указать возраженій, ибо въ немъ отмѣчены имена византійскихъ пословъ, точно обозначено время прибытія посольства и, наконецъ, указанъ имѣвшій мѣсто въ Ингельгеймѣ родъ разслѣдованія по поводу тѣхъ лицъ, которыя назывались Русью.

Во главѣ посольства стояли Ѳеодосій, епископъ халкидонскій и спаѳарій Ѳеофанъ. Безъ особенно серьезныхъ причинъ подвергать сомнѣнію эти имена мы не можемъ. Съ нѣкоторою долей вѣроятности можно было-бы приводить противъ показанія латинскаго лѣтописца другія извѣстія[1]), по которымъ къ германскому императору былъ посланъ патрикій Ѳеодосій Вавуцикъ съ цѣлью переговоровъ о союзной войнѣ противъ сарацинъ. Но въ пользу самостоятельности нашего извѣстія и независимости этого посольства отъ того, которое представлялось императору Людовику въ 839 году, говоритъ уже то обстоятельство, что патрикій Ѳеодосій въ качествѣ византійскаго посла упомянутъ въ венеціанской хроникѣ: онъ представлялся въ Венеціи дожу Петру, поднесъ ему знаки достоинства спаѳарія и провелъ въ Венеціи цѣлый годъ. Далѣе, извѣстно, что этотъ посолъ умеръ, не окончивъ своей миссіи на западѣ[2]).

Въ виду этихъ обстоятельствъ, должно считать не подлежащимъ сомнѣнію, что упомянутое въ византійской и венеціанской лѣтопи-

---

possent, quonium itinera, per quae ad illum Constantinopolim venerant, inter barbaras et nimiae feritatis gentes immanissimas habuerant, quibus eos, ne forte periculum incideret redire noluit. Quorum adventus causam imperator diligentius investigans, comperit eos gentis esse Sveonum, exploratores potius regni illius nostrique quam amicitiae petitores ratus, penes se eo usque retinendos iudicavit, quod veraciter invenire posset, utrum fideliter eo necne pervenirent...

[1]) Theop. «Continuatio», III. c. 37; Genesii, III, p, 1081 (Migne t. 109).

[2]) Генесій, p. 1084.

сяхъ посольство различно отъ того, о которомъ мы говоримъ здѣсь. Новѣйшіе изслѣдователи, изучавшіе отношенія двухъ имперій въ IX вѣкѣ, приходятъ къ выводу, что въ послѣдніе годы жизни Ѳеофила снаряжены были на западъ два посольства: одно сейчасъ-же послѣ пораженія, понесеннаго греками при Аморіи въ сентябрѣ 838 года, другое въ 841 году. Греки записали только о послѣднемъ, а франкская лѣтопись упоминаетъ о первомъ [1]).

Итакъ, тѣ обстоятельства, которыя поставили Русь въ необходимость присоединиться къ византійскому посольству, отправленному на западъ, и которыя побудили царя Ѳеофила просить для нихъ свободнаго пропуска черезъ владѣнія западнаго императора, должны были имѣть мѣсто въ 838 году. Въ виду отсутствія положительныхъ лѣтописныхъ извѣстій о событіяхъ, происходившихъ при Ѳеофилѣ на сѣверъ отъ Чернаго моря и принимая въ соображеніе фикцію, закрѣпленную первоначальнымъ русскимъ лѣтописцемъ, что Русская земля начала прозываться своимъ именемъ съ того времени, какъ началъ царствовать Михаилъ, сынъ Ѳеофила, мы должны или пожертвовать латинскимъ извѣстіемъ на томъ основаніи, что оно ничѣмъ не можетъ быть подтверждено и объяснено, или показать по меньшей мѣрѣ основанія, которыя могли-бы подорвать означенную фикцію русскаго лѣтописца. Въ такомъ положеніи доселѣ стоитъ вопросъ о дорюриковской Руси.

Легко однако понять, что фикція русской лѣтописи сводится въ своихъ началахъ къ тому положенію, что въ періодъ происхожденія русскаго лѣтописнаго свода византійскія свѣдѣнія о Руси не восходили далѣе Михаила III, иначе говоря, что русскій лѣтописецъ, изучавшій византійскую лѣтопись ради ознакомленія съ древнею исторіей Руси, не нашелъ въ ней никакихъ свѣдѣній до царствованія Михаила. Мы могли-бы совершенно сблизить положеніе древняго лѣтописца съ ролью изслѣдователя новѣйшаго времени; какъ тотъ, такъ и другой, находя въ византійской лѣтописи первыя упоминанія о Руси въ царствованіе Михаила, имѣлъ основаніе сказать, что при этомъ царѣ начинается русская исторія, такъ какъ лѣтописцы при этомъ царѣ записываютъ извѣстія о походахъ Руси. Но несомнѣнно, что точка зрѣнія какъ древняго, такъ и новаго изслѣдователя будетъ вѣрна только въ той степени, въ какой справедливо положеніе, изъ котораго они отправляются. Въ смыслѣ исторической критики это положеніе далеко не безусловно вѣрно, ибо, съ одной стороны, могла утратиться та лѣтопись, въ которой было записано о Руси въ царствованіе предшественниковъ Михаила, съ другой—нельзя ожидать,

---

[1]) Simson, «Ludwig der Fromme», II, 202, Anm. 5; Harnack, „Das karoling. u. das Byzant. Reich“, S. 72; Gasquet, „L'empire byzantin“, p. 327—328; ср. Ann. Bertin a. 842 и Weil, „Gesch. der Chalifen“, II, 315.

чтобы всякая лѣтопись, въ особенности веденная не оффиціально, отмѣчала всѣ событія. Неточность фикціи первоначальнаго лѣтописца высказывается особенно съ той стороны, что въ распоряженіи его были такія преданія о Руси, которыми онъ принужденъ былъ пожертвовать во имя предвзятой теоріи о началѣ русской исторіи при византійскомъ царѣ Михаилѣ. Извѣстно, что въ русской лѣтописи событіямъ, подтверждаемымъ византійскою, предшествуетъ цѣлый рядъ преданій или свѣдѣній, которыя, съ одной стороны, не укладываются въ искусственныя хронологическія рамки, съ другой-же, по внутреннему смыслу, выступаютъ за пограничную черту, проведенную самимъ лѣтописцемъ.

Новѣйшій изслѣдователь, въ смыслѣ находящагося въ его распоряженіи лѣтописнаго византійскаго матеріала, едва-ли находится не въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ составитель первоначальнаго свода. Послѣднему навѣрное не было извѣстно то мѣсто латинской лѣтописи, которое упоминаетъ о Руси подъ 839 годомъ, едва-ли были извѣстны упоминанія о Руси въ житіяхъ Сурожскомъ и Амастридскомъ. Преимущество его было въ томъ, что онъ могъ располагать нѣкоторыми документами (договоры) и преданіями, сохранившимся до его времени въ самой Руси. По нашему крайнему разумѣнію, задача современной критики должна направляться къ тому, чтобы свести и суммировать тѣ преданія, вошедшія въ первоначальную лѣтопись, которыя не находятъ для себя объясненія въ доступной нашему лѣтописцу византійской лѣтописи. Эта сторона будущей критической работы облегчается тѣмъ соображеніемъ, что первоначальный лѣтописецъ, подкупленный извѣстіями о Руси при Михаилѣ III, не далъ себѣ большого труда тщательно ознакомиться съ предыдущимъ царствованіемъ, въ числѣ отмѣченныхъ лѣтописью дѣяній котораго составитель первоначальнаго свода могъ бы заинтересоваться постройкой Саркела и реформами въ управленіи Херсонисомъ. Такимъ образомъ, если современный изслѣдователь можетъ отыскать въ византійской лѣтописи, описывающей время предшественниковъ Михаила, нѣкоторые слѣды знакомства Византіи съ Русью, то это не будетъ посягательствомъ на первоначальный сводъ, а продолженіемъ разработки того же матеріала, который доступенъ былъ и безыменному автору нашего свода.

Первыя страницы первоначальнаго русскаго лѣтописнаго свода, которыя не могутъ быть провѣрены византійскою лѣтописью, ждутъ еще кропотливыхъ критическихъ изслѣдованій, нужду которыхъ такъ ясно понимали изслѣдователи начала прошлаго столѣтія. „Пусть будущій испытатель русской исторіи—говорилъ Шлецеръ („Несторъ“, II, 149)—постарается особенно византійское лѣтосчисленіе, начиная съ 800 года, привесть въ возможную извѣстность и свѣрить его потомъ съ показаніями русскихъ временниковъ. Правда, это будетъ тяжкій трудъ, но за него приняться должно, этого требуетъ честь

русской исторіи; когда-нибудь да должно очистить ее отъ невѣрныхъ годовыхъ чиселъ, которые до сихъ поръ одинъ списывалъ у другаго безъ всякаго размышленія. Развѣ не стоитъ труда стараніе опредѣлить съ нѣкоторою по меньшей мѣрѣ вѣроятностью истинное начало великихъ происшествій въ верхнемъ сѣверѣ, отъ которыхъ возникло Русское государство?“

Позволимъ себѣ небольшую экскурсію въ область лѣтописнаго свода съ тѣмъ, чтобы выяснить нѣкоторыя обстоятельства по отношенію къ знаменитому выраженію: Наченшу Михаилу царствовати начася прозывати Русская земля. Что эта мысль пришла лѣтописцу вслѣдствіе обращенія его съ византійскою лѣтописью или, говоря прямѣе, заимствована изъ чтенія этой лѣтописи, а не составляетъ результатъ изученія мѣстнаго преданія, достаточно доказывается дальнѣйшими словами: „о семъ бо увѣдахомъ, яко при семъ цари приходиша Русь на Царьградъ, яко же пишется въ лѣтописаніи гречестѣмъ. Тѣмже отселе почнемъ и числа положимъ“. Древнѣйшій лѣтописецъ принималъ на себя этимъ два обязательства, которыя одинаково трудно было ему исполнить. Во-первыхъ, ему необходимо было, во что бы то ни стало, свести всѣ жившія до его времени на Руси преданія къ опредѣленной системѣ, обставивъ ихъ историческими фактами и указавъ имъ свое мѣсто. Во-вторыхъ, онъ долженъ былъ предпринять неблагодарную и превышающую его научныя средства работу по отношенію къ византійской хронологіи. Послѣднее обстоятельство особенно важно, и на немъ нельзя не остановиться. Пусть будетъ его руководителемъ въ этомъ отношеніи Георгій Амартолъ, знакомство съ которымъ у начальнаго лѣтописца легко можетъ быть доказано, если бы даже не было на это прямого указанія. Что могъ дать лѣтописецъ Георгій въ смыслѣ хронологіи? Царствованіе Михаила у него начинается 6339 годомъ отъ сотворенія міра и 839 отъ Р. Х. Прежде всего, дата отъ Р. Христова, соотвѣтствующая 6339 году отъ сотворенія міра, должна дать по настоящему 831 годъ, и слѣдовательно, все счисленіе Георгія на 11 лѣтъ отступаетъ отъ дѣйствительнаго византійскаго, такъ какъ Михаилъ вступилъ на царство въ 842 г. Дата 839, хотя и ближе къ дѣйствительной, не могла служить для начальнаго лѣтописца точкой отправленія вслѣдствіе своего несогласія съ первой. да и не служила, потому что онъ поставилъ 852 годъ при словахъ: „Ноченшу Михаилу царствовати“. Допустимъ, что онъ могъ обратиться къ Симеону Магистру для повѣрки хронологіи Георгія. У Симеона начало царствованія Михаила обозначено 6335 годомъ отъ сотворенія міра, то-есть, 827 христіанской эры, вторая же дата у него показана 835. Такимъ образомъ, первое его хронологическое показаніе на 15 лѣтъ отличается отъ дѣйствительнаго, второе на 7. Развѣ можно допустить, чтобы первоначальный лѣтописецъ былъ въ состояніи распутаться въ этой хронологической неурядицѣ? Во всякомъ случаѣ, онъ не

могъ не допустить ошибки, ставя первый годъ. Будемъ ли думать, что онъ имѣлъ въ виду разные періоды царствованія Михаила—съ матерью и безъ матери, во всякомъ случаѣ, показанный у него 852 годъ не соотвѣтствуетъ и этимъ періодамъ, ибо Михаилъ 15 лѣтъ царствовалъ съ матерью, 10 лѣтъ одинъ и еще годъ съ небольшимъ съ Василіемъ Македонянином. Уже первая дата, взятая первоначальнымъ лѣтописцемъ, была неправильна, а вслѣдствіе того и послѣдующія даты не могли быть на своемъ мѣстѣ. Между тѣмъ, связавъ себя невѣрнымъ исходнымъ годомъ, взятымъ у греческаго лѣтописца, составитель свода долженъ былъ считать для себя безусловно необходимымъ располагать дошедшія до него извѣстія въ хронологическомъ порядкѣ.

Если для византійской хронологіи онъ могъ воспользоваться тѣми датами, которыя поставлены у Георгія, то для русской ему предстояло самому дать хронологію. Судя по тому, что многіе годы оставлены пустыми (853—857; 870—875; 888—897), что нѣкоторыя извѣстія повторены два раза подъ разными годами, что болѣе живые типы и болѣе выдающіяся преданія представлены въ лѣтописи съ опредѣленнымъ характеромъ повторяемости,—можемъ сдѣлать заключеніе, что традиція дошла до составителя свода въ весьма неясныхъ чертахъ, утративъ уже реальныя условія мѣста и времени. Что эта традиція, лишенная хронологіи, помѣщена лѣтописцемъ между 852 и 879 годомъ, основаніемъ тому служилъ просто исходный годъ его лѣтосчисленія; если-бы поставленъ былъ 842 вмѣсто 852, то, по всей вѣроятности, и всѣ событія между 852 и 879 годомъ отодвинулись бы назадъ на 10 лѣтъ. Но какъ основное положеніе лѣтописца, что съ началомъ царствованія Михаила начала прозываться Русская земля, навѣяно было знакомствомъ съ византійскою лѣтописью, которая отмѣтила при Михаилѣ о походѣ русскихъ на Константинополь, то оно не можетъ быть разсматриваемо какъ непререкаемое положеніе, а какъ выводъ изъ наблюденія нѣкоторыхъ фактовъ. Конечно, Русская земля начала прозываться своимъ именемъ не ради того, что Русь ходила на Константинополь, и не со времени этого похода: такая точка зрѣнія можетъ быть вѣрна по отношенію къ византійцу, а не къ русскому.

Мы пришли теперь къ постановкѣ самой важной части вопроса. Слѣды традиціи, нашедшіе себѣ мѣсто на первыхъ страницахъ лѣтописи, не представляютъ-ли признаковъ, по которымъ можно было-бы ихъ сблизить съ разсмотрѣнными выше данными о Руси, относящимися ко времени царя Ѳеофила? Конечно, на первомъ мѣстѣ должно быть въ этомъ отношеніи поставлено сказаніе объ Аскольдѣ и Дирѣ. Оно чуть-ли не было самымъ опредѣленнымъ и реальнымъ фактомъ, воспоминаніе о которомъ еще живо хранилось до лѣтописца. Это доказывается уже тѣмъ, что это имя нѣсколько разъ появляется въ лѣтописи. По словамъ Шлецера (II, 98), въ русскихъ временникахъ

Аскольдъ упоминается восемь разъ, и четыре раза лѣтописи снаряжаютъ его въ походъ на Византію. Почему лѣтописецъ пріурочилъ преданіе о походѣ Аскольда и Дира къ 866 году? Почему черезъ десять лѣтъ снова Аскольдъ идетъ на Царьградъ? Конечно, потому, что существовало нѣсколько сказаній объ этихъ походахъ, и притомъ съ различными подробностями. Подъ 866 г. византійская лѣтопись записала о походѣ Руси на Константинополь: это было первымъ для русскаго лѣтописца опорнымъ пунктомъ, къ которому онъ могъ пріурочить преданіе объ Аскольдѣ и Дирѣ. Въ сущности, нѣтъ никакихъ основаній думать, что въ 866 году именно Аскольдъ и Диръ были подъ Константинополемъ, ибо греческая лѣтопись не назвала вождей русскаго флота. Но что особенно для насъ важно, это извѣстіе подъ 876 годомъ. „Роди-же нарицаеміи Руси, иже и Кумани, живяху во Евксинопонтѣ, и начаша плѣновати страну Римляньскую. и хотяху поити въ Константиноградъ; но возбрани имъ вышній промыслъ, паче же и приключися имъ гнѣвъ Божій, и тогда возвратишася тщіи князи ихъ Аскольдъ и Диръ". Едва-ли можно сомнѣваться, что здѣсь мы имѣемъ традицію о какомъ-то другомъ военномъ предпріятіи Руси. Разница между первымъ и вторымъ фактомъ очевидна: о первомъ записано на основаніи византійской лѣтописи, что доказываетъ и имя Орифонта (то-есть, Оорифы) и Черная рѣка и выраженіе „безбожная Русь"; второй-же фактъ записанъ на основаніи мѣстнаго преданія, которое имѣло особую окраску: „Русь начала опустошенія въ византійской области и хотѣла идти на Константинополь, но промыслъ Божій не допустилъ ее". Нельзя не догадываться, что въ русскомъ преданіи не было данныхъ ни о ризѣ Влахернской Богоматери, ни даже о морской экспедиціи на Константинополь, а было нѣчто другое, можетъ быть, сближающееся съ извѣстіемъ подъ 864 г.: «убіенъ бысть отъ Болгаръ Аскóльдовъ сынъ» и «оскорбишася Новгородци, глаголюще»... Во всякомъ случаѣ, по нашему крайнему разумѣнію, то, что записано подъ 876 годомъ, скорѣе сближается съ слѣдами традиціи и народныхъ преданій, къ которымъ сейчасъ перейдемъ, а не съ фактами, записанными въ первоначальной лѣтописи подъ 866 г.

Въ заключеніе, обращаясь къ извѣстію франкской лѣтописи о Руси, бывшей въ 839 г. при дворѣ Людовика Благочестиваго, мы должны присоединить къ объясненію этого извѣстія слѣдующія замѣчанія. Во-первыхъ, въ немъ есть мѣсто, въ толкованіи котораго доселѣ не могутъ придти къ соглашенію изслѣдователи. это именно: они говорили, что они, то-есть ихъ народъ, называются Русью и что царь ихъ, по прозванію каганъ, послалъ ихъ, какъ они утверждали, съ цѣлью завязать дружественныя отношенія съ императоромъ. Затрудненія, возникающія при толкованіи этого мѣста, находятъ себѣ достаточное объясненіе въ томъ, что здѣсь имѣется переводъ на латинскій первоначальнаго греческаго текста, въ которомъ не выдержаны техническія выраженія подлинника. Слѣдуетъ также упомя-

нуть и о томъ, что въ Германіи возбудили сомнѣніе и недовѣріе заявленія этихъ русскихъ, сопутствовавшихъ греческому посольству, и ихъ задержали, принявъ за соглядатаевъ, чему и нельзя удивляться, потому что народное имя Русь впервые появлялось тогда въ международныхъ отношеніяхъ [1]). Чтобы хотя до нѣкоторой степени примирить приведенное извѣстіе съ обрывками преданій о дорюриковской Руси и дать правдоподобное объясненіе появленію Руси въ Константинополѣ и въ Германіи въ 839 г., мы находимъ возможнымъ присовокупить слѣдующее. У составителя первоначальнаго свода могли быть въ распоряженіи преданія, восходящія къ дорюриковской эпохѣ, но онъ не допустилъ ихъ въ свой сводъ безъ измѣненій, какихъ требовала фикція о началѣ Руси при Михаилѣ. Преданіе объ изгнаніи варяговъ и о призваніи князей, записанное подъ 862 г., должно почитаться именно такимъ искусственно обработаннымъ фактомъ, который, по всѣмъ даннымъ, долженъ падать на время царя Ѳеофила. Не сохранился-ли въ латинской хроникѣ слѣдъ борьбы туземнаго славянскаго населенія съ иноземными завоевателями? Нельзя-ли допустить, что въ 838 г. часть варяговъ, вытѣсненная изъ Новгорода, при содѣйствіи царя Ѳеофила пробиралась къ своимъ сородичамъ въ Скандинавію, чтобы собрать новыхъ охотниковъ и сдѣлать новую попытку утвердиться въ Россіи. Само собой разумѣется, что истинная цѣль путешествія оставалась тайной для византійскаго двора и что Русь не могла ясно и опредѣленно говорить и въ Германіи о своихъ намѣреніяхъ.

Переходимъ къ разбору традиціи, сохранившейся въ византійскихъ памятникахъ. Едва-ли кто рѣшится утверждать, что традиція объ отношеніяхъ древней Руси къ Византіи могла быть закрѣплена въ лѣтописномъ изложеніи послѣ того, какъ на выше указанномъ примѣрѣ мы убѣдились, что первое упоминаніе о Руси сохранилось не въ византійской лѣтописи. Народное воззрѣніе на Русь прежде всего окрашено сверхъестественнымъ и фантастическимъ элементомъ. Что въ Византіи былъ достаточный матеріалъ для такихъ воззрѣній и для такихъ сказаній о Руси, гдѣ фантазіи представлялось свободное поле для чудесныхъ повѣствованій, доказательство тому видимъ въ нѣкоторыхъ глоссахъ къ лѣтописцамъ, въ сказаніи о чародѣйствѣ патріарха Іоанна (834—843), въ житьяхъ Стефана Сурожскаго и Георгія Амастридскаго. Характерные признаки языческой Руси, кромѣ того, были предметомъ загадокъ, нѣкоторыя изъ нихъ указываемъ ниже.

У писателя Симеона Магистра [2]) читается одно изъ любопытнѣйшихъ мѣстъ о Руси, которое въ русскомъ переводѣ имѣетъ такой видъ: «Русь, знаменитые дромиты, названы отъ нѣкоего сильнаго Рос-

---

[1]) Васильевскій, „Русско-Визант. изслѣдованія“, II, CXXIV.

[2]) Symeonis Magistri „De Leone Basilii Filio“, c. 13 (Theoph. „Cont.“, p. 767).

са, избѣжавъ вліянія попущенныхъ Богомъ или нечистою силой насланныхъ и овладѣвшихъ ею чаръ»...[1]) — Воззрѣніе, которымъ внушена приведеннья мысль о Руси, можетъ имѣть свое объясненіе въ какомъ-то не отмѣченномъ византійской лѣтописью случаѣ или въ преданіи о подобномъ случаѣ, будто Русь однажды спаслась отъ дѣйствія чародѣйственной неземной силы, или будто на ней не вполнѣ оправдались угрожавшія дурными послѣдствіями чары или предсказанія. Что это мѣсто осталось единственнымъ въ литературѣ и не повторено у другихъ писателей, какъ современныхъ Симеону Магистру, такъ и тѣхъ, которые имъ пользовались, можно объяснять или вставнымъ характеромъ этого мѣста, внесеннымъ не во всѣ списки Симеона, или тѣмъ обстоятельствомъ, что другіе писатели, независимые отъ Симеона, не знали того случая, который для него послужилъ основаніемъ къ употребленію упомянутыхъ выраженій о Руси. Патріарху Іоанну VII въ лѣтописяхъ и въ литературѣ житій усвояется характеръ необыкновеннаго человѣка. Его сношенія съ духами, чернокнижіе, чародѣйство и тому подобныя качества ставятъ его далеко выше современнаго общества. Особенность сказаній объ Іоаннѣ состоитъ въ томъ, что онъ проявляетъ свою демоническую силу, между прочимъ, въ международныхъ отношеніяхъ.

Съ его именемъ соединено одно любопытное сказаніе, которое, повидимому, относится къ исторіи русско-византійскихъ отношеній. Разъ дикое языческое племя, съ тремя предводителями во главѣ, опустошало и грабило Ромэйскую землю. Царь и народъ были въ отчаяніи. Тогда Іоаннъ успокаиваетъ царя, совѣтуя не терять присутствія духа и исполнить одно его предложеніе, которое состояло въ слѣдующемъ: между мѣдными статуями, поставленными вдоль Еврипа, въ Ипподромѣ, была одна съ тремя головами, которую онъ по своей тайной наукѣ относилъ къ вождямъ того племени. Итакъ, приказавъ приготовить три желѣзныхъ молота и вручивъ ихъ тремъ сильнымъ мужамъ, въ ночной часъ въ свѣтской одеждѣ приходитъ онъ съ этими людьми къ той статуѣ. Произнося чародѣйственныя слова, посредствомъ которыхъ перевелъ силу тѣхъ вождей въ статую или лучше, овладѣвъ посредствомъ чаръ присущею статуѣ силой, приказалъ каждому сильно бить молотомъ. Двое изъ людей сильнымъ размахомъ молота отбили у статуи двѣ головы, третій-же только повредилъ голову, не отдѣливъ ее отъ статуи. Соотвѣтственное тому случилось съ вождями. Произошла между ними жестокая усобица, въ которой одинъ одержалъ перевѣсъ, отрубивъ головы двумъ другимъ. Итакъ, спасся одинъ, но и то не вполнѣ благополучно, а племя

---

[1]) Мы занимались объясненіемъ этого мѣста въ статьѣ, помѣщенной въ „Журн. М. Н. Просв.“, январь 1890: „Патріархъ Іоаннъ VII Грамматикъ“; за подробностями отсылаемъ къ этой статьѣ.

это, будучи ослаблено, въ позорномъ бѣгствѣ удалилось на свои мѣста[1]).

Слѣдуетъ думать, что мѣсто о Руси—Дромитахъ у Симеона Магистра служитъ указаніемъ, что авторъ зналъ нѣчто объ отношеніяхъ Руси къ Византіи изъ преданія, или читалъ объ этомъ какое-нибудь сказаніе. Разсказъ продолжателя Ѳеофана о чародѣйствѣ патріарха Іоанна весьма умѣстно сблизитъ съ мѣстомъ о Руси — Дромитахъ. Нужно особенно подчеркнуть, что чары патріарха направлялись на трехъ вождей невѣрнаго и жестокаго языческаго племени, которые опустошали своими набѣгами ромэйскую страну и довели до отчаянія царя Ѳеофила. Сказаніе о чарахъ Іоанна совпадало съ временемъ самаго сильнаго напряженія враждебныхъ нападеній Руси на имперію. Оно составилось не позже X-го и не ранѣе первой половины IX-го вѣка, такъ какъ царь Ѳеофилъ названъ въ сказаніи по имени. Итакъ, въ трехъ вождяхъ языческаго племени есть полная вѣроятность усматривать русскихъ вождей.

Ставя въ связь мѣсто о Руси у Симеона Магистра съ сказаніемъ о чародѣйствѣ патріарха Іоанна у продолжателя Ѳеофана, мы допускаемъ, что здѣсь имѣется прежде всего слѣдъ византійскаго преданія о Руси дорюриковской. На подобные слѣды нападали уже давно и въ разныхъ направленіяхъ, но, къ сожалѣнію, все это слѣды слишкомъ слабые и мало опредѣляющіе даже общее направленіе утраченныхъ фактовъ. Если придерживаться той исторической рамки, въ которую традиція помѣстила движеніе Руси на югъ, опустошеніе византійскихъ областей, междоусобную войну трехъ вождей, погибель двухъ изъ нихъ и знаменитое бѣгство оставшагося въ живыхъ, то въ этомъ получается слѣдъ знакомства Византіи съ Русью при Ѳеофилѣ и патріархѣ Іоаннѣ, то-есть до 842 года. Но само собою разумѣется, при этомъ возникаетъ весьма настойчиво вопросъ: оправдывается-ли, хотя до нѣкоторой степени, притязаніе идти по неяснымъ слѣдамъ въ до рюриковскую глубь византійско-русскихъ отношеній?— Въ этомъ и состоитъ величайшая невыгода русской исторической науки въ нынѣшнемъ ея положеніи, что она никакъ не можетъ не сознавать потребности расширять свои задачи вширь и вглубь, и въ то-же время не можетъ допустить, что Русское государство сложилось тѣмъ путемъ, какой обозначенъ у первоначальнаго лѣтописца.

Столько-же вообще изъ византійскихъ памятниковъ, сколько въ частности изъ литературы житій святыхъ древняя исторія Россіи позаимствовала уже не мало драгоцѣнныхъ матеріаловъ. Но и до послѣдняго времени этотъ матеріалъ не можетъ считаться вполнѣ исчер-

---

[1]) Theoph. Cont. IV, c. 7 (p. 155). Снова припомнимъ здѣсь о Руси въ Ингельгеймѣ въ 839 г.

паннымъ, такъ какъ «новыхъ подробностей или даже новыхъ откровеній[1]) для познанія византійской жизни мы можемъ ожидать именно отъ расширенія нашего знакомства съ агіографической литературой, отъ новыхъ находокъ въ этой области, гдѣ онѣ дѣйствительно возможны". Сдѣланныя около половины прошедшаго столѣтія находки амастридской и сурожской легенды возбудили въ литературѣ живой интересъ къ вопросу о дорюриковской Руси. Въ обоихъ житіяхъ упоминается о Руси, которая заявляетъ о себѣ въ Малой Азіи и въ Крыму; въ амастридскомъ житьи говорится о нападеніи русскихъ на Амастриду, что на южномъ берегу Чернаго моря, въ сурожскомъ о нашествіи на Сурожъ, нынѣшній Судакъ въ Крыму. Хотя въ прекрасномъ изслѣдованіи академика Васильевскаго объ упомянутыхъ житьяхъ не пропущено ни одной черты, которая могла-бы быть съ пользой привлечена для освѣщенія вопроса, но самый характеръ обработки историческаго матеріала въ памятникахъ агіографической литературы, гдѣ риторика часто господствуетъ надъ реальнымъ содержаніемъ, препятствуетъ тому, чтобы принимать во всемъ объемѣ сообщаемыя житьями данныя. Въ данномъ случаѣ дѣло осложняется еще и тѣмъ, что о Руси говорится не въ повѣствованіи о жизни святого, а въ разсказѣ о чудесахъ послѣ смерти его, такъ что время жизни его и чудо по смерти—могутъ обозначать два не близкіе между собой хронологическіе періода.

Не смотря на эти особенности, указаннымъ житіямъ принадлежитъ важное значеніе въ вопросѣ о реальномъ существованіи Руси до основанія русскаго государства. Въ житіи св. Георгія амастридскаго о Руси сообщается слѣдующее.

«Было нашествіе варваровъ Руси[2]), народа, какъ всѣ знаютъ, въ высшей степени дикаго, грубаго, не носящаго въ себѣ никакихъ слѣдовъ человѣколюбія. Звѣрскіе нравами, безчеловѣчные дѣлами, обнаруживая свою кровожадность уже однимъ своимъ видомъ,— этотъ народъ, начавъ разореніе отъ Пропонтиды, достигъ наконецъ и до отечества святаго, посѣкая нещадно всякій полъ и всякій возрастъ... храмы ниспровергаются, святыня оскверняется, на мѣсто ихъ нечестивые алтари, беззаконныя возліянія и жертвы и то древнее таврическое избіеніе иностранцевъ и закланіе дѣвственницъ, мужей и женщинъ. Лугамъ, источникамъ и деревьямъ воздается поклоненіе... Когда варвары вошли въ храмъ и увидали гробницу, они вообразили, что тутъ сокровище. Устремившись, чтобы раскопать оное, они вдругъ почувствовали себя разслабленными въ рукахъ и ногахъ и, связанные невидимыми узами, остановились совершенно неподвижными... А ихъ предводитель, когда увидѣлъ необычайное явленіе,

---

[1]) Васильевскій, „Русско-Визант. изслѣдованія", вып. 2-й, стр. CXXI - CXXII.
[2]) „Ἔφοδος ἦν βαρβάρων τῶν Ρῶς".

исполнился тоже страха и ужаса и, приказавъ подвести одного изъ уведенныхъ въ плѣнъ, спрашивалъ его, что означаетъ случившееся и какого Бога это сила и что такое здѣсь закопано. Тотъ отвѣчаетъ: это сила Бога, все приведшаго изъ небытія въ бытіе, которому никто не можетъ противорѣчить—ни царь, ни тиранъ, ни князь... Тогда варварскій предводитель начинаетъ допытываться, чѣмъ можно умилостивить этого Бога. Ему говорятъ, что дарами по христіанскому обычаю: освобожденіемъ плѣнныхъ и почитаніемъ его храмовъ. Варваръ обѣщалъ все сдѣлать какъ можно скорѣе. Тогда совершилось чудо исцѣленія его воиновъ».

Чтобы пріурочить разсказанный здѣсь фактъ къ опредѣленной хронологіи, необходимо прежде всего отрѣшиться отъ похода Аскольда и Дира. Георгій посвященъ въ епископскій санъ и назначенъ на каѳедру Амастриды около 790 г., должно далѣе допускать, что онъ достигъ епископскаго сана не ранѣе 30-лѣтняго возраста, умеръ-же въ царствованіе Никифора (802—811) и именно около 806—807 г. Принимая во вниманіе, что въ жизнеописаніи всячески устраняется малѣйшій намекъ на святыя иконы, а между тѣмъ въ первой половинѣ IX вѣка это былъ жгучій вопросъ времени, слѣдуетъ приходить къ заключенію, что житіе составлено въ то время, когда этотъ вопросъ былъ запретомъ, т. е. до 843 года. Отсюда заключаютъ, что и нападеніе Руси на Амастриду должно относиться къ эпохѣ дорюриковской и сближаться съ извѣстіемъ латинской хроники подъ 839 г.

По отношенію къ житію св. Стефана Сурожскаго мы должны ограничиться самыми скромными выводами, такъ какъ въ немъ не находимъ такой исторической обстановки, какая оказывается въ ранѣе разсмотрѣнномъ житіи. Кромѣ того, сурожская легенда мѣстнаго происхожденія и житіе извѣстно лишь въ русскомъ изложеніи [1]), и празднованіе памяти св. Стефана совершается только въ русской церкви. Всѣ эти особенности, а равно и то обстоятельство, что о Руси упоминается и въ немъ не въ самомъ повѣствованіи о жизни Стефана, а въ чудесахъ, лишаютъ насъ возможности воспользоваться имъ для историческихъ обобщеній [2])

Прежде чѣмъ переходить къ лѣтописнымъ даннымъ о сношеніяхъ Руси съ Византіей, обратимъ вниманіе на тѣ извѣстія для вопроса о дорюриковской Руси, которыя заимствуются изъ арабскихъ

---

[1]) Краткое греческое житіе въ первый разъ издано Васильевскимъ въ его „Русско-визант. изслѣдованіяхъ“.

[2]) Васильевскій, «Житіе св. Стефана», стр. 100. О прихожденіи ратію къ Сурожу князя Бравлина. «По смерти же святаго мало лѣтъ мину пріиде рать великая изъ Новгорода князь Бравлинъ силенъ зѣло плѣни отъ Корсуня и до Корча и съ многою силою приде къ Сурожу... и вниде въ градъ и вниде въ церковь въ св. Софію, гдѣ находились мощи святаго.—Тогда разболѣлся князь, лицо его обратилось назадъ»... Съ княземъ совершилось чудо, и онъ крестился.

писателей. Одно изъ важнѣйшихъ въ этомъ смыслѣ свидѣтельствъ принадлежитъ арабскому писателю IX в. Ибнъ-Хордадбегу [1]), котораго упоминаніе о Руси тѣмъ болѣе имѣетъ цѣнности, что оно восходитъ ко времени не позже 846 года. Свидѣтельство Хордадбега состоитъ въ слѣдующемъ. «Что касается русскихъ (купцовъ) — а они суть племя славянское—то они направляются изъ дальнѣйшихъ концовъ Саклаба (такъ называется славянская страна) къ морю русскому [2]) и продаютъ тамъ бобровые мѣха и горныхъ лисицъ, а также и мечи. Царь Рума взимаетъ десятину съ ихъ товаровъ. А не то, они спускаются по Танаису (Донъ), рѣкѣ славянъ, проходятъ чрезъ Камлиджъ (Итиль), столицу хазаръ, и властитель страны взимаетъ съ нихъ десятину, и оттуда они пускаются на судахъ по морю Джурджана (Каспійскому) и выходятъ на берегъ, гдѣ имъ любо. Иногда они провозятъ свой товаръ на верблюдахъ изъ города Джурджана въ Багдадъ. И евнухи славянскіе служатъ имъ здѣсь проводниками. Они выдаютъ себя за христіанъ и какъ такіе платятъ поголовную подать».

Въ сообщеніи арабскаго писателя есть особенно важная подробность: онъ прямо и опредѣленно относитъ Русь къ славянскому племени, между тѣмъ, по другимъ извѣстіямъ, Русь отличается отъ славянъ. „Онъ причислилъ русскихъ купцовъ,—говоритъ академикъ Васильевскій,—къ славянамъ просто на томъ основаніи, что переводчиками ихъ въ Багдадѣ, гдѣ и онъ самъ жилъ, служили обыкновенно евнухи славянскаго происхожденія“. Такимъ образомъ, извѣстіе о торговлѣ русскихъ купцовъ съ Византіей черезъ Черное море и съ мусульманскими странами черезъ Каспійское относится еще къ сороковымъ годамъ IX-го столѣтія. Слѣдовательно, Русь была извѣстна византійцамъ и арабамъ въ первой половинѣ того-же столѣтія.

Тотъ-же самый фактъ подтверждается нѣкоторыми литературными данными, почерпнутыми нами въ бумагахъ византиниста Газе, хранящихся въ Парижской Національной Библіотекѣ. Тамъ приводится нѣсколько загадокъ на греческомъ языкѣ на слово Ρῶς. Напримѣръ: „Мое имя мученикъ, но такъ же называется птица. По отнятіи первыхъ трехъ буквъ ты увидишь гордое, надменное, языческое племя“. Загадка дана на слово Θλῶρος—и относится къ языческой эпохѣ Руси, которая характеризуется здѣсь такими-же чертами, какъ Русь указанныхъ выше житій. Или другой примѣръ. „Меня производитъ насѣкомое, дающее сладкій плодъ. Я часто нахожусь въ храмахъ и пользуюсь вниманіемъ богомольцевъ. Если отнимешь двѣ первыя буквы, то три остальныя будутъ обозначать надменной гордости

---

[1]) De Goeje, «Bibliotheca geograph. arabicorum», Pars VI, p. 115; Васильевскій, стр. XXVIII и слѣд

[2]) Понтъ эвксинскій или Черное море.

варвара Скиѳа". Эта загадка дана на слово κηρός—воскъ. Разгадка ея, присоединенная здѣсь, имѣетъ для насъ важное значеніе, потому что ею прямо обозначается, что въ представленіи византійцевъ той эпохи варваръ Скиѳъ и русскій народъ суть равнозначущіе этнографическіе термины.

Переходимъ къ документальнымъ историческимъ даннымъ, которыми подтверждается та мысль, что Русь извѣстна была въ Византіи прежде основанія русскаго гасударства.

Между всѣми византійскими извѣстіями о Руси дорюриковской самое важное значеніе слѣдуетъ придавать, безъ сомнѣнія, знаменитымъ бесѣдамъ патріарха Фотія „на нашествіе Русскихъ". Занимая патріаршій престолъ съ 857 по 869 г., Фотій долженъ былъ принимать непосредственное участіе въ сношеніяхъ съ вождями, устроившими нападеніе на Царьградъ, и въ обращеніи ихъ въ христіанство. Какъ человѣкъ просвѣщенный и тщательно вникавшій въ политическія событія своего времени, Фотій болѣе всякаго другого могъ интересоваться русскимъ народомъ и былъ въ состояніи собрать объ немъ обстоятельныя свѣдѣнія. Но хотя давно уже извѣстно было ученымъ, что Фотій во время своего патріаршества говорилъ въ церкви св. Софіи проповѣди по случаю нападенія Руси на Константинополь, но долго не удавалось отыскать ихъ. Только въ 1858 г. извѣстному византинисту, епископу Порфирію Успенскому, удалось открыть на Аѳонѣ давно розыскиваемыя бесѣды Фотія. Находка епископа Порфирія была опубликована въ 1864 г.[1]).

Хотя это первое изданіе подало поводъ къ печальнымъ недоразумѣніямъ вслѣдствіе ошибочнаго истолкованія нѣкоторыхъ мѣстъ подлинника и хотя первоначальная ошибка, допущенная первымъ издателемъ, повторялась довольно долго даже у весьма почтенныхъ ученыхъ, но все-же появленіе въ печати перваго современнаго событіямъ сообщенія о Руси имѣло важныя послѣдствія хотя-бы и въ томъ отношеніи, что поставило на реальную почву занимающій насъ вопросъ.

„Это первыя страницы нашей исторіи,—писалъ епископъ Порфирій,—первыя краткія сказанія о вѣрѣ и народности отдаленнѣйшихъ предковъ нашихъ, о военной силѣ ихъ на сушѣ и на морѣ, о замыслахъ, отвагѣ, славѣ и сношеніяхъ съ Цареградомъ, сказанія современника, который видѣлъ Россовъ въ лицо, слышалъ ихъ бранные крики". Черезъ три года послѣ перваго послѣдовало второе изданіе бесѣдъ Фотія[2]), въ которомъ исправлены всѣ погрѣшности предыдущаго и возстановлено правильное чтеніе рукописнаго текста. Вотъ въ какихъ чертахъ предстаетъ передъ нами Русь въ характеристикѣ патріарха Фотія. „Откуда выпалъ на насъ этотъ иперборейскій ужас-

[1]) „Четыре бесѣды Фотія"; С.-Петербургъ, 1864 г.
[2]) Nauck, «Lexicon Vindobonense», Petropoli, 1867, p. 201 и слѣд.

ный ударъ громовый? — Поднялся съ сѣверныхъ странъ народъ, поднялись племена съ крайнихъ предѣловъ земли. Въ одно и то-же время мы и услышали объ нихъ, и увидѣли, и узнали ихъ; между тѣмъ сколькими странами и державами, какими судоходными рѣками и морями безъ пристаней были мы отдѣлены отъ нападавшихъ на насъ?"—Во второй бесѣдѣ, возвращаясь къ тому-же предмету, Фотій сообщаетъ о Руси слѣдующіе признаки. „Народъ незнатный, народъ неимѣющій правильнаго устройства[1]), народъ причисляемый къ зависимымъ (несвободнымъ), неизвѣстный, но получившій имя отъ похода на насъ, не славный, но сдѣлавшійся знатнымъ, ничтожный и бѣдный, но достигшій блестящей высоты и неизмѣримаго богатства; народъ гдѣ-то вдали отъ насъ живущій, варварскій, пастушескій, надмевающійся своимъ оружіемъ, безпечный, неизслѣдованный, неимѣющій военной организаціи. Таковъ-то народъ, который въ мгновеніе ока, подобно морской волнѣ, нахлынулъ на наши предѣлы. Кому прежде было не подъ силу выносить даже слухъ римскаго имени, тѣ подняли оружіе и рукоплескали противъ самой власти ихъ и въ гордомъ самомнѣніи мнили взять царственный городъ, какъ гнѣздо съ птенцами".

Оцѣнивая содержаніе приведенныхъ словъ Фотія, мы не можемъ допускать какихъ-бы то ни было мечтаній на счетъ яко-бы сочувственныхъ качествъ Руси. При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ была сказана рѣчь, и немыслимо представлять въ сочувственномъ свѣтѣ непріятеля, съ ожесточеніемъ наносившаго вредъ и угрожавшаго взятіемъ города на щитъ. Но намъ приходятъ на мысль другія соображенія. Въ рѣчи патріарха много риторики: рядомъ съ чувствомъ непосредственной опасности отъ дикаго врага, въ словахъ Фотія не находимъ конкретныхъ признаковъ, по какимъ можно распознавать личное впечатлѣніе, субъективное чувство. Напротивъ, получается предположеніе, какъ будто характеристика Руси сдѣлана по книжнымъ матеріаламъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ намека на предводителей, нѣтъ указаній на ближайшія послѣдствія нашествія Руси на Константинополь, никакихъ попытокъ ознакомить съ происхожденіемъ Руси и съ ея прежними къ Константинополю отношеніями. Между тѣмъ, когда Фотію случилось по другому случаю возвратиться къ тому-же предмету, онъ нашелъ возможнымъ сказать о Руси гораздо болѣе, чѣмъ въ приведенныхъ выше словахъ. Въ настоящее время, правда, выяснилось, что между первымъ и вторымъ свидѣтельствомъ прошелъ значительный срокъ. Теперь уже можетъ считаться доказаннымъ, что нашествіе Руси, подавшее поводъ къ бесѣдамъ Фотія, имѣло мѣсто въ іюнѣ 860 г.[2]). Слѣдовательно до времени составленія

[1]) ἔθνος ἀναρίθμητον.

[2]) Cumont, «Anecdota Bruxellensia», Gand, 1894, p. 33; Лопаревъ, «Церковное слово о русскомъ походѣ 860» («Визант. Временникъ», т. II, стр. 582); De Boor, «Der Angriff der Rhos auf Byzanz», („Byz. Zeitschr.", 1895, S. 445).

знаменитаго окружнаго посланія къ восточнымъ церквамъ, въ которомъ указываются заслуги константинопольской патріархіи по отношенію къ обращенію въ христіанство болгаръ и русскихъ, составленнаго въ 867 г., прошло уже шесть лѣтъ, въ которыя произошли важныя перемѣны въ самой характеристикѣ Руси, имѣвшія основаніе въ самомъ существѣ отношеній Византіи къ Руси, и обратно [1]). Въ этомъ документѣ, значеніе котораго такъ важно въ славянской и русской исторіи, патріархъ Фотій говоритъ: „Не только болгаре обратились къ христіанству, но и тотъ народъ, о которомъ много и часто говорится и который превосходитъ другихъ грубостію и звѣрствомъ, то-есть такъ называемые русскіе. Поработивъ сосѣдніе народы и чрезъ то чрезмѣрно возгордившись, они подняли руку на ромэйскую имперію. Но теперь и они перемѣнили еллинскую и безбожную вѣру, въ которой прежде содержались, на чистое христіанское ученіе, вошедши въ число преданныхъ намъ и друзей, хотя незадолго предъ тѣмъ грабили насъ и обнаруживали необузданную дерзость. И въ нихъ возгорѣлась такая жажда вѣры и ревность, что приняли епископа и пастыря и съ великимъ тщаніемъ и прилежаніемъ исполняютъ христіанскіе обряды".—Сообщаемый въ этомъ оффиціальномъ памятникѣ фактъ въ высшей степени важенъ и имѣетъ громадное значеніе въ первоначальной исторіи Руси. Въ русскихъ памятникахъ объ немъ не засвидѣтельствовано, объ немъ лишь можно догадываться по нѣкоторымъ намекамъ на существованіе въ Кіевѣ значительнаго количества христіанъ уже въ раннее время. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Фотій въ окружномъ посланіи говоритъ о тѣхъ-же русскихъ, которые сдѣлали нападеніе въ 860 г. Такимъ образомъ, слѣдуетъ заключить, что вожди, участвовавшіе въ этомъ походѣ, крестились, заключили съ Византіей миръ и приняли къ себѣ епископа. Все это могло случиться въ періодъ между 860 и 867 годомъ.

Съ похода Аскольда и Дира начинаются въ лѣтописи уже не подлежащія сомнѣнію записи русскаго лѣтописца, отмѣченныя годами. Хотя зависимость русскаго извѣстія отъ греческаго не можетъ не броситься въ глаза, если сравнить русскій текстъ лѣтописи подъ 6374 г. съ тѣмъ, что читается у продолжателя Георгія Амартола подъ 864 годомъ [2]), тѣмъ не менѣе, нельзя не отмѣтить той особенности, что въ русской лѣтописи даны имена предводителей, а въ византійской именъ нѣтъ. Несмотря на то, при сравненіи обоихъ текстовъ, получается убѣжденіе, что и тѣ мѣста, которыя могли казаться испорченными, имѣютъ для себя объясненіе въ оригиналѣ [3]). Можно-бы конечно, пожелать, чтобы стоящія въ связи съ русскимъ походомъ об-

---

[1]) Baletta, „Φωτίου ἐπιστολαί", p. 178.

[2]) Муральтъ, «Хронографъ Георгія Амартола», С.-Петербургъ, 1859, стр. 736–7.

[3]) „Κυμάτων ἐπαναστάσεις ἀλλεπάλληλοι ἐγένοντο" — волнамъ вельямъ вставшимъ за собо.

стоятельства сдѣлались предметомъ тщательнаго и подробнаго изслѣдованія, отъ котораго нисколько не могло-бы потерять извѣстіе русской лѣтописи[1]). Картина впечатлѣнія, произведеннаго въ Константинополѣ походомъ русскихъ въ 860 году, далеко не вполнѣ нарисована въ приведенныхъ выше словахъ Фотія; она частію измѣнялась, частію разросталась въ подробностяхъ. Что въ особенности слѣдуетъ отмѣтить, обстоятельства этого нашествія Руси съ значительными отличіями переданы въ жизнеописаніи патріарха Игнатія, написанномъ весьма извѣстнымъ писателемъ IX-го вѣка Никитой Давидомъ или Пафлагонскимъ. Упоминая о жестокихъ преслѣдованіяхъ, какимъ подвергался Игнатій отъ Фотія и его приверженцевъ, т. е. говоря о времени удаленія Игнатія съ каѳедры константинопольской (858 по 867), жизнеописатель его говоритъ:[2]) „въ это время кровопійственный народъ скиѳовъ, такъ называемые русскіе, прибывъ по Черному морю въ Стену (т. е. Босфоръ) и разграбивъ всѣ селенія и монастыри, опустошили и близъ лежащіе къ Константинополю острова, расхитивъ всѣ сосуды и имущество и предавая смерти взятыхъ въ плѣнъ людей. Съ варварской жадностью и яростью устремившись на патріаршіе монастыри, они захватили все ихъ достояніе: двадцать два вѣрныхъ служителя его были изрублены мечами“.—Приведенное мѣсто прекрасно подтверждаетъ развитіе сказанія въ разныхъ направленіяхъ. У Никиты Давида взята одна подробность, которая для Фотія не имѣла значенія: существенный ущербъ, нанесенный русскимъ нашествіемъ окрестнымъ монастырямъ и главнымъ образомъ церковному имуществу прославляемаго имъ героя.

Въ связи съ русскимъ походомъ на Константинополь въ 860 году слѣдуетъ оцѣнить большой важности фактъ, отмѣченный въ окружномъ посланіи Фотія въ 867 г. Весьма любопытно, что въ первоначальномъ русскомъ сводѣ не упомянуто ни однимъ намекомъ о послѣдовавшемъ затѣмъ вскорѣ обращеніи русскихъ въ христіанство, между тѣмъ, это обстоятельство въ настоящее время должно считаться вполнѣ доказаннымъ. Въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія, благодаря новой струѣ, влившейся въ изученіе Кирилло-меѳодіевскаго вопроса, подверглись пересмотру почти уже укрѣпившіяся данныя о событіяхъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ IX вѣка, вслѣдствіе чего измѣнился взглядъ и на русско-византійскія отношенія этого времени[3]). Послѣ того какъ Русь потерпѣла подъ Цареградомъ неудачу и удалилась въ началѣ осени 861 г. отъ Константинополя,

---

[1]) Таковы всѣ данныя, касающіяся Никиты Оорифа, адмирала флота, патрикія, принимавшаго участіе въ войнахъ съ арабами и игравшаго важную роль въ имперіи.

[2]) Vita Ignatii; Migne, Patr. gr., t. 105, col. 516.

[3]) Этотъ вопросъ подвергся пересмотру въ статьяхъ академика В. И. Ламанскаго, «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1893 и 1894 г., начиная съ апрѣльской кн.; «Archiv fur slavische Philol.», XXVIII, Cyrillo—Methodiana.

произошли событія, сильно измѣнившія роль Византіи по отношенію какъ къ ближайшимъ къ имперіи сосѣдямъ (болгаре и казары), такъ и къ Руси. Какъ ни много остается еще не совсѣмъ выясненныхъ подробностей, касающихся этой эпохи всемірно-историческаго значенія, тѣмъ не менѣе, можно выдвинуть исключительной важности государственные и церковные факты, обязанные иниціативѣ патріарха Фотія. Нужно думать, что послѣ возвращенія въ Кіевъ, русскіе послали въ Константинополь пословъ и просили назначить имъ епископа, и что Фотій въ своемъ окружномъ посланіи имѣлъ полное основаніе ссылаться на дѣйствительный фактъ—распространеніе христіанской миссіи на Болгарію и Россію. Какъ фактически происходили эти обстоятельства, это можетъ быть выяснено по связи съ исторіей дѣятельности Кирилла и Меѳодія. Находя излишнимъ слѣдить далѣе за разростаніемъ традиціи о нападеніи Руси на Константинополь въ 860 г., остановимся на приведенныхъ данныхъ, которыя достаточно утверждаютъ ту мысль, что первая страница русской лѣтописи находится въ зависимости отъ византійскихъ извѣстій. Идти далѣе въ этомъ направленіи и потому было бы не совсѣмъ цѣлесообразно, что извѣстія о Руси, почерпаемыя изъ византійскихъ и русскихъ лѣтописей, лишены одного качества—этнографическаго и географическаго признака. Кого нужно подразумѣвать подъ Русью, пришедшею въ Константинополь въ 860 году, русскихъ славянъ или Русь скандинавскую, призванную восточными славянами изъ-за моря? Гдѣ жили, откуда пришли и куда удалились эти русскіе послѣ испытаннаго ими подъ Константинополемъ несчастія, разстроившаго ихъ флотилію и заставившаго ихъ отступить отъ города?—Но такъ какъ и изложеніе борьбы партій норманнской и антинорманской не можетъ быть здѣсь предметомъ нашихъ занятій, то въ методологическомъ смыслѣ единственнымъ способомъ выйти изъ затрудненія остается постановка слѣдующаго вопроса: какими свѣдѣніями обладали византійскіе государственные люди о землѣ, на которой жили русскіе, что можно заимствовать у византійскихъ писателей VIII—IX вѣка по отношенію къ юго-восточной Европѣ и южной Россіи?

Свѣдѣнія, доходившія до Константинополя о восточной Европѣ и въ частности о странѣ, вошедшей впослѣдствіи въ Русское государство, шли различными путями. Прежде всего, о характерѣ подобныхъ свѣдѣній и способѣ собиранія таковыхъ свидѣтельствуетъ заглавіе 42 главы сочиненія Константина Порфиророднаго объ управленіи имперіей: „Географія отъ Солуни до рѣки Дуная и города Бѣлграда, мадьярской и печенѣжской земли до хазарскаго города Саркела, Россіи... и Чернаго моря“. Однимъ изъ такихъ географическихъ описаній, найденныхъ въ государственномъ архивѣ, воспользовался Константинъ для своего сочиненія, дающаго свѣдѣнія о юго-восточной Европѣ и Россіи. Кромѣ того, непосредственныя торговыя и административныя сношенія Константинополя съ сѣвернымъ побе-

режьемъ Чернаго моря и Крымомъ, гдѣ находился важный торговый городъ Херсонесъ, были источникомъ разнообразныхъ и обновляющихся свѣдѣній объ южной Россіи даже и ранѣе непосредственныхъ сношеній Руси съ Византіей. Попытаемся оцѣнить относящіяся сюда извѣстія, начавъ съ тѣхъ, которыя относятся къ Крыму.

Хотя съ вопросомъ о византійскихъ владѣніяхъ и о сферѣ политическаго и культурнаго вліянія Византіи на сѣверномъ берегу Чернаго моря стоятъ въ связи наши глубокіе политическіе и національные интересы, но до сихъ поръ мы мало подвинулись въ выясненіи этого вопроса. Правда, бывали періоды оживленія вниманія къ исторіи Крыма, когда открывался новый матеріалъ, бросавшій нѣкоторый свѣтъ на эту исторію; такъ было по случаю находокъ бесѣдъ Фотія, сурожской легенды, записки греческаго топарха. Но находки не оправдывали возлагавшихся на нихъ первоначальныхъ большихъ надеждъ и временное оживленіе интереса уступало мѣсто новому затишью. Какъ-бы то ни было, въ этой области накопился важный запасъ свѣдѣній, которымъ нельзя пренебречь.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что въ тогдашней юго-восточной Европѣ главное вліяніе принадлежало хазарамъ, происхожденіе которыхъ точно не установлено. Владѣнія ихъ простирались въ IX в. отъ сѣвернаго Кавказа до земель, занятыхъ русскими племенами сѣверянъ и радимичей. Съ Византіей сношенія ихъ начинаются съ VII в.; императоръ Ираклій оцѣнилъ ихъ значеніе и воспользовался ихъ союзомъ въ своей войнѣ съ персами. Съ тѣхъ поръ хазары играли роль въ политической исторіи Византіи и, послѣ занятія крымскаго полуострова, сдѣлавшись непосредственными сосѣдями имперіи, принимали участіе въ ея внутреннихъ придворныхъ переворотахъ. Юстиніанъ II, лишенный власти и сосланный въ Херсонисъ, завязалъ сношенія съ каганомъ хазарскимъ, который въ это время владѣлъ уже восточной частью крымскаго полуострова. Не надѣясь собственными силами возвратить себѣ утраченную власть, Юстиніанъ успѣлъ заинтересовать въ своей судьбѣ кагана и получилъ разрѣшеніе искать убѣжища въ его владѣніяхъ. Извѣстно, что затѣмъ Юстиніанъ женился на дочери (или сестрѣ) кагана и жилъ нѣкоторое время въ Фанагоріи, подчиненной хазарамъ. Хотя каганъ, уступая настойчивымъ представленіямъ Тиверія III (Апсимара), рѣшился пожертвовать своимъ зятемъ и уже отдалъ приказъ убить его, но Юстиніанъ тайно бѣжалъ изъ Фанагоріи на предоставленномъ ему его приверженцами суднѣ къ берегамъ Болгаріи, гдѣ тогда правилъ ханъ Тервель, который и помогъ ему возвратить власть (705 г.).

Періодъ русской исторіи, предшествующій образованію государства, находится подъ политическимъ вліяніемъ хазаръ, которые простирали свою власть до Кіева. „И наидоша ся Козаре, сѣдяща на горахъ сихъ въ лѣсахъ, и рѣша Козаре: платите намъ дань. Сдумавъше же поляне и вдаша отъ дыма мечъ“. Первыя военныя пріобрѣ-

тенія сдѣланы были древнѣйшими русскими князьями на счетъ именно хазаръ. Окончательное паденіе хазарскаго каганата послѣдовало при Святославѣ (969 г.). Само собой разумѣется, Византія не могла пренебрегать политическими и торговыми интересами въ странахъ на сѣверъ отъ Чернаго моря, а потому сношенія съ хазарами поддерживались и при императорахъ иконоборцахъ. Ко времени царя Ѳеофила относятся наиболѣе важныя въ этомъ отношеніи извѣстія, проливающія свѣтъ на роль Византіи въ южно-русскихъ областяхъ, занятыхъ тогда хазарами. Какъ оказывается, царь Ѳеофилъ въ 833-мъ году, отвѣчая на ходатайство хазарскаго кагана, посылаетъ въ хазарскую землю своего инженера, который построилъ на Дону крѣпость Саркелъ. По многимъ основаніямъ это выступленіе Византіи внѣ сферы своего непосредственнаго политическаго вліянія заслуживаетъ серьезнаго вниманія и оцѣнки. Нельзя при этомъ не упомянуть, что построеніе Саркела не есть лѣтописный фактъ. Нужно думать, что о миссіи византійскаго инженера, спаѳаро-кандидата Петроны Каматира, былъ составленъ особый докладъ, который имѣлъ оффиціальный характеръ и не сталъ доступнымъ современнымъ лѣтописцамъ. Такъ онъ не былъ извѣстенъ продолжателю хроники Георгія Амартола, почему не попалъ и въ русскій лѣтописный сводъ. Докладъ о миссіи Петроны сдѣлался извѣстнымъ вѣроятно съ тѣхъ поръ, какъ императоръ Константинъ внесъ его въ свой сборникъ, изъ котораго онъ попалъ и въ лѣтопись. Такимъ образомъ, Константинъ сдѣлалъ изъ него извлеченіе для своего сочиненія „De administrando imperio“ [1]), отсюда оно попало въ лѣтопись продолжателя Ѳеофана, а изъ нея въ новомъ сокращеніи появилось въ лѣтописи XI в Предполагается, что въ основаніе подразумѣваемой части легло географическое сочиненіе, авторъ котораго вставилъ въ свое повѣствованіе и разсказъ о миссіи Петроны [2]). Изъ сопоставленія первоначальныхъ свидѣтельствъ получаемъ слѣдующій разсказъ. „Хазарскій каганъ и бегъ обратились къ царю Ѳеофилу съ просьбой построить имъ на Дону укрѣпленіе. Ѳеофилъ, согласившись удовлетворить просьбу кагана, отправилъ на царскихъ судахъ отрядъ людей подъ начальствомъ спаѳаро-кандидата Петроны, присоединивъ къ нему эскадру катепана Пафлагоніи. Прибывъ въ Херсонисъ, Петрона оставляетъ большія морскія суда и пересадилъ свой экипажъ на грузовыя круглыя суда, которыя могли ходить по рѣкѣ. Поднявшись вверхъ по теченію Дона къ тому мѣсту, гдѣ нужно было строить укрѣпленіе, Петрона началъ приготовляться къ дѣлу. Но какъ въ этой мѣстности не оказалось годнаго для постройки камня, то онъ приказалъ копать глину и, устроивъ печи,

---

[1]) Это извѣстная гл. 42.

[2]) Это легко видѣть въ „De adm. imp.“, p. 177. 17 со словъ: „ἀπὸ δὲ κάτωθεν“ до p. 179 со словъ: «ἀπὸ δὲ τοῦ Λαυσύρεως»;—Theoph. Contin. «De Theoph.», 122 - 3.

сталъ выжигать кирпичъ, известку-же нашелъ возможнымъ добывать изъ мелкаго рѣчного камня. Съ большими затрудненіями, говоритъ въ заключеніе лѣтописецъ, онъ привелъ къ концу дѣло и окончилъ укрѣпленіе". Такъ возникла крѣпость Саркелъ или Бѣлая Вѣжа нашей лѣтописи. Назначеніемъ ея было защищать хазарскую область отъ нападеній печенѣговъ, которые занимали южно-русскія степи отъ нижняго теченія Дуная до Дона. Хазары должны были содержать въ Саркелѣ гарнизонъ изъ 300 человѣкъ, періодически смѣняемый [1]). Хотя возбуждаетъ сомнѣніе то обстоятельство, почему византійскій императоръ такъ легко согласился на просьбу кагана и почему въ этомъ случаѣ Византія отказалась отъ своего всегдашняго обычая — ревниво охранять отъ варваровъ тайны военнаго искусства [2]), но допустимъ, что построеніе Саркела происходило именно тогда и при тѣхъ обстоятельствахъ, какъ это изложено у Константина Порфироднаго, и посмотримъ, что достигалось этимъ въ смыслѣ расширенія сферы вліянія Византіи въ южной Россіи. Мѣстность, гдѣ былъ построенъ Саркелъ, лежала далеко за Крымомъ въ области хазарскаго царства, гдѣ Донъ наиболѣе сближается съ Волгой и гдѣ нужно предполагать существованіе древняго волока для торговыхъ каравановъ. Въ первой половинѣ IX-го вѣка какъ для хазаръ, такъ въ извѣстной мѣрѣ для имперіи важно было принять оборонительныя мѣры противъ разныхъ хищническихъ народовъ — и болѣе угровъ, чѣмъ печенѣговъ. Эта опасность могла сближать интересы хазаръ и Византіи, которые въ политическомъ отношеніи давно уже вошли въ союзъ противъ общаго для нихъ врага въ лицѣ арабовъ. Но кромѣ политическихъ интересовъ, для оцѣнки которыхъ наука не владѣетъ еще всѣми необходимыми данными, мы должны обратить здѣсь вниманіе на торговыя и экономическія выгоды, которыя всегда привлекали грековъ, какъ торговую націю, къ занятымъ славянскими и тюркскими племенами южно-русскимъ землямъ. Мы разумѣемъ здѣсь старые караванные пути, которыми Черное море соединилось съ Индіей и Китаемъ черезъ центральную Азію и которые дѣлали Византію посредницей въ міровой торговлѣ. Товары восточныхъ мануфактуръ—шелковыя ткани и прянности—являются предметами торговли въ городѣ Херсонѣ между печенѣгами и греками [3]). Какъ можно судить на основаніи приводимыхъ у Гейда [4]) данныхъ, хазары оказываются организаторами правильной культурной жизни; они предоставили, между прочимъ, право свободнаго поселенія и устройства въ своемъ государствѣ христіанамъ, евреямъ и мусульманамъ, обезпечивъ имъ свободу вѣро-

---

[1]) Подробности даетъ Продолжатель Ѳеофана.

[2]) Эта развито въ моей статьѣ «Византійск. владѣнія на сѣв. берегу Чернаго моря», помѣщ. въ «Кіевской старинѣ» за январь 1889 г.

[3]) Constantini, «De admin. imp.», c. 6.

[4]) Heyd, «Histoire du commerce de Levant», Leipzig, 1885, I p. 47.

исповѣданія и внутренняго самоуправленія. Вслѣдствіе того арабскіе купцы могли завязать правильныя торговыя сношенія съ прикаспійскими странами и со столицей хазарскаго царства. И на сѣверъ, среди новгородскихъ славянъ, свѣдѣнія на счетъ южныхъ и восточныхъ странъ шли чрезъ Гардарикъ, т. е. чрезъ хазарское царство. Такъ какъ западныя владѣнія хазаръ простирались до Дона и Азовскаго моря, то они въ качествѣ торговыхъ посредниковъ могли доставлять восточные товары непосредственно въ Константинополь. Для защиты своихъ крымскихъ владѣній и съ цѣлью удержанія своего авторитета между варварскими народами Византія могла находить весьма полезнымъ укрѣпить на Дону свое положеніе построеніемъ крѣпости въ хазарскихъ владѣніяхъ. Слѣдуетъ кромѣ того сказать, что государство и церковь пріобрѣтали новое поприще для распространенія христіанства и культурной миссіи и достигли здѣсь въ IX вѣкѣ важныхъ успѣховъ. Между прочимъ стоитъ упомянуть, что въ самомъ началѣ X вѣка въ хазарскихъ Климатахъ устроена была епископская каѳедра. Но прежде, чѣмъ переходить къ этой культурной и религіозной миссіи имперіи, мы должны еще заняться однимъ спеціальнымъ вопросомъ, поставленнымъ въ нашихъ источникахъ въ непосредственную связь съ постройкой Саркела.

Возвратившись въ Константинополь, Петрона Каматиръ сдѣлалъ царю докладъ касательно способа обезпеченія власти имперіи въ Херсонѣ. По его мнѣнію, основанному на личномъ ознакомленіи съ мѣстными людьми, въ Херсонѣ было необходимо усилить центральную власть, иначе городъ и зависящая отъ него область могутъ постепенно ослаблять свои связи съ имперіей. И нельзя не согласиться, что предшествовавшая исторія Херсона до извѣстной степени оправдывала подобныя соображенія. Петрона давалъ совѣтъ измѣнить администрацію этой области, отмѣнивъ привиллегіи города, который жилъ по римскому городовому праву и имѣлъ во главѣ своей протевона и совѣтъ старшинъ. Можно думать, что сущность реформы, какая была рекомендована Петроной и принята правительствомъ, состояла въ подведеніи Херсона и его округа въ систему, получившую тогда почти общее примѣненіе—византійскія владѣнія въ Крыму организованы въ ѳему. Въ виду этого городъ получилъ въ лицѣ назначаемаго изъ Константинополя стратига военнаго и гражданскаго правителя, которому подчинялся протевонъ и городской совѣтъ. Первымъ стратигомъ, какъ и естественно, былъ Петрона, возведенный въ чинъ протоспаѳарія. Такимъ образомъ, введеніе ѳемнаго устройства въ Крыму поставлено нашимъ источникомъ въ связь съ расширеніемъ византійскаго политическаго вліянія за предѣлы Крыма.

Хотя византійскія извѣстія о Руси не даютъ отвѣта на географическіе и этнографическіе запросы и не позволяютъ съ точностью сказать ни о томъ, откуда пришла эта Русь, ни о томъ, къ какой она принадлежала народности, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признавать, что

Русь, о которой идетъ рѣчь въ бесѣдахъ Фотія, есть Русь норманнская, поселившаяся вмѣстѣ съ Аскольдомъ и Диромъ въ Кіевѣ. Такимъ образомъ, не допуская мысли объ утвержденіи Руси въ предѣлахъ Чернаго моря, мы должны пока ограничиться тѣмъ выводомъ, что непосредственныя свѣдѣнія о южной и восточной Европѣ необходимо распространяемы были въ Византіи изъ политическихъ и военныхъ цѣлей и что эти свѣдѣнія не могли быть ни широки, ни разнообразны и точны.

Наибольшее значеніе въ этомъ отношеніи принадлежитъ описанію торговаго пути изъ Россіи въ Константинополь, составленному въ X в. и вошедшему въ сочиненіе Константина Порфироднаго „Объ управленіи имперіей“ [1]). Это сочиненіе, бросающее свѣтъ на отдаленныя внутреннія отношенія въ русскомъ государствѣ, которыя почти не затронуты въ другихъ источникахъ того времени, давно уже обратило на себя вниманіе и пользуется значеніемъ первостепеннаго источника. Произведеніе, посвященное описанію торговаго пути изъ Россіи въ Царьградъ, должно относиться къ началу X в. и было составлено, по всей вѣроятности, для императорскаго правительства въ періодъ происхожденія знаменитыхъ договоровъ съ греками, сохранившихся только въ русской лѣтописи. Въ этомъ описаніи торговаго пути неизвѣстный авторъ говоритъ о двухъ народахъ, отличныхъ одинъ отъ другого, которымъ принадлежитъ русская земля и которые владѣютъ въ ней—это русскіе и славяне. Описывая путь торговыхъ каравановъ по рѣкѣ Днѣпру, и приходя къ извѣстнымъ днѣпровскимъ порогамъ, авторъ имѣлъ счастливую мысль передать названія пороговъ на славянскомъ и русскомъ языкѣ, чѣмъ придалъ своему небольшому сочиненію безцѣнное значеніе въ исторіи вопроса о происхожденіи Руси, т. е. въ исторіи школъ національной и норманно-варяжской. «Суда,—говорится въ этомъ памятникѣ,—идущія изъ Россіи въ Константинополь, направляются частію изъ Новгорода, частію изъ Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышгорода. Всѣ эти суда, слѣдуя по теченію рѣки Днѣпра, собираются въ городѣ Кіевѣ, который иначе называется Самвата. Славяне-же, данники русскихъ—кривичи, лучане и другіе—рубятъ на своихъ горахъ въ зимнее время деревья, выдалбливаютъ ихъ и весной, когда растаетъ ледъ, гонятъ ихъ въ ближайшія озера, а отсюда по Днѣпру въ Кіевъ, если озера соединяются съ Днѣпромъ. Тамъ продаютъ свои суда русскимъ, а эти покупаютъ и снабжаютъ лодки веслами, скамьями и другими принадлежностями, взятыми изъ старыхъ судовъ. Затѣмъ въ мѣсяцѣ іюнѣ спускаются по Днѣпру до города Витичева, который подвластенъ русскимъ. Тамъ останавливаются на два или на три дня, пока соберутся всѣ однодеревки, а когда соберутся, то опускаются дальше по

[1]) „De administr. imperio“, c. IX.

Днѣпру. И вотъ приходятъ они къ первому порогу, называемому Ἐσσουπῆ. что по-русски и по славянски значитъ μὴ κοιμᾶσθαι (т. е. не спать!) Этотъ порогъ такъ узокъ, какъ Циканистирій. среди-же его острыя и высокія скалы [1]). Подступая къ нимъ, вода крутится и низвергается въ глубину съ великимъ и страшнымъ шумомъ. Посему русскіе не отваживаются плыть черезъ эти скалы, но останавливаются по близости, высаживаютъ людей на сушу, а поклажу оставляютъ въ лодкахъ. Потомъ входятъ въ воду и то голыми ногами нащупывая дно, чтобы не натолкнуться на камень, то шестами съ кормы и носа и съ середины направляютъ лодки черезъ этотъ порогъ. Съ такими предосторожностями прошедши этотъ порогъ, принимаютъ съ берега остальныхъ и плывутъ къ слѣдующему порогу, называемому по-русски Οὐλβορσί, по-славянски островной порогъ, что значитъ τὸ νησίον τοῦ φραγμοῦ (т. е. островокъ порога). Онъ подобно первому страшенъ и непроходимъ. И снова, высадивъ на сушу людей, переправляютъ лодки по предыдущему способу. Такъ подходятъ къ третьему порогу, называемому Γελανδρί, что значитъ на славянскомъ ἦχος φραγμοῦ (т. е. звукъ или звонъ порога). Затѣмъ къ большому четвертому порогу, называемому по-русски, Αειφόρ, по-славянски же неясыть, потому что на утесахъ скалъ гнѣздятся пеликаны. На этомъ порогѣ всѣ суда выволакиваются на сушу, здѣсь-же отдѣляются избранные мужи, чтобы оставить стражу противъ печенѣговъ, и отходятъ и неусыпно блюдутъ стражу. Остальные-же, взявъ изъ лодокъ поклажу, равно какъ закованныхъ въ цѣпи рабовъ, переправляютъ ихъ по сухому пути на разстояніи шести миль, пока минуютъ порогъ. И свои лодки частію тащатъ по землѣ, частію несутъ на плечахъ, пока не дойдутъ до другой стороны порога; тамъ спускаютъ ихъ снова на воду, складываютъ въ нихъ имущество и опять плывутъ. Подошедши къ пятому порогу, называемому по-русски Βαρουφόρος, по-славянски же βουλνηπράχ, поелику образуетъ большой водоворотъ, снова проводятъ лодки по извилинамъ теченія, какъ на первомъ и второмъ порогѣ, и доходятъ до шестого порога, который по русски называется Λεάντι, по-славянски-же βερούτζη, или кипящая вода. Миновавъ и этотъ подобнымъ же образомъ, подходятъ къ седьмому, называемому по-русски Σερούβιν, а по-славянски ναπρεζή, что значитъ малый порогъ. Такъ достигаютъ называемато Крирійскаго перевала, черезъ который херсонцы ѣздятъ изъ Россіи и печенѣги въ Херсонъ, ширина этого перевала какъ ипподромъ. Иа этомъ мѣстѣ печенѣги стерегутъ русскихъ и нападаютъ на нихъ. Пройдя это мѣсто, пристаютъ къ острову называемому св. Георгій [2]). На этомъ островѣ совершаютъ жертво-

---

[1]) Ссылка на константинопольскій дворцовый ипподромъ или Циканистирій. находившійся на берегу моря, хотя не даетъ точнаго понятія о порогѣ, была наглядна для жителей Константинополя. Бѣляевъ, „Byzant“, 1, 76.

[2]) Нынѣ Хортица.

приношенія, гдѣ стоитъ огромный дубъ; приносятъ въ жертву живыхъ пѣтуховъ, кругомъ втыкая стрѣлы, иные же хлѣбъ и мясо, или кто что имѣетъ, согласно ихъ обычаю; о пѣтухахъ бросаютъ жеребьи: убить-ли и съѣсть, или оставить въ живыхъ. Отъ этого острова русскіе уже не боятся печенѣговъ до самой рѣки Селины». Такимъ образомъ, въ извѣстіи Константина указаны главнѣйшія мѣста, имѣвшія значеніе по пути движенія русскихъ въ Черное море до самаго Константинополя.

По многимъ отношеніямъ это описаніе торговаго пути имѣетъ громадное значеніе въ исторіографіи и съ давнихъ поръ было предметомъ внимательнаго изученія и примѣненія. Находимъ умѣстнымъ выдвинуть здѣсь нѣкоторыя стороны, имѣющія болѣе широкое значеніе. Прежде всего, девятая и предшествующія главы сочиненія «Объ управленіи имперіей» показываютъ, что имперія располагала весьма обстоятельными свѣдѣніями на счетъ черноморскихъ побережій и южно-русскихъ степей, занятыхъ кочевниками, отъ которыхъ ей необходимо было оберегать свои владѣнія. Но описаніе днѣпровскихъ пороговъ или пути изъ Россіи въ Константинополь отличается спеціальными качествами, которыя придаютъ занимающей насъ главѣ широкое значеніе. Она составлена если не грекомъ, то во всякомъ случаѣ жителемъ Константинополя, знавшимъ славянскій и шведскій или русскій языкъ, и по всей вѣроятности внушена не военными потребностями, а торговыми интересами. Авторъ сдѣлалъ нѣсколько мимоходныхъ замѣчаній о славянахъ и русскихъ, съ которыми ничто не можетъ быть сравниваемо во всей сохранившейся литературѣ. Именно, по его воззрѣнію русское государство населяютъ два народа: господствующій народъ и подчиненный, первый называетъ онъ русскими, второй славянами. Славяне—данники, они приготовляютъ однодеревки и продаютъ ихъ въ Кіевѣ русскимъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ Русь: по Днѣпру плывутъ русскіе, они же приносятъ жертву на Хортицѣ языческимъ богамъ, они же идутъ на Константинополь. Это воззрѣніе находитъ себѣ сильную поддержку въ двоякомъ названіи пороговъ—на славянскомъ и русскомъ языкѣ.

Вслѣдствіе своей опредѣленности и наглядности, это мѣсто составляетъ краеугольный камень для такъ называемой норманской школы въ русской исторіи, по мнѣнію которой русское государство основано выходцами изъ-за моря шведами—норманнами или русскими. Задача названной школы по отношенію къ русскимъ названіямъ пороговъ состоитъ въ томъ, чтобы открыть въ нихъ элементы шведскаго языка. Имѣя въ виду, что текстъ сочиненія «Объ управленіи имперіей» далеко не исправенъ, что въ немъ есть пропуски, напримѣръ, для перваго порога нѣтъ русскаго названія, для третьяго—славянскаго, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ недостаетъ согласія между греческимъ толкованіемъ наименованія порога и его дѣйствительнымъ названіемъ, въ виду этихъ особенностей текста знаменитое мѣсто до

сихъ поръ остается камнемъ соблазна между норманнистами и несторовцами или той школой, которая не признаетъ иноземнаго элемента въ основаніи русскаго государства.

Не останавливаясь здѣсь на подробностяхъ, которыя завели-бы насъ слишкомъ далеко, можемъ принять тотъ выводъ, что Русь, которой принадлежатъ не славянскія названія пороговъ, должна быть дѣйствительно шведскаго происхожденія, такъ какъ русскія названія пороговъ не могутъ быть объяснены изъ другого языка, кромѣ старошведскаго. А если это такъ, то нужно согласиться и съ другимъ, вытекающимъ отсюда заключеніемъ, что давшіе названіе этимъ порогамъ люди были шведы—норманны, а не славяне.

Приведенное описаніе днѣпровскихъ пороговъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ реальной дѣйствительности, которая можетъ быть наблюдаема въ настоящее время. Пороговъ на Днѣпрѣ считается теперь девять. Они идутъ въ такомъ порядкѣ: 1) Старо-Кайдацкій, 2) Сурскій, 3) Лаханскій (одинъ изъ большихъ), 4) Звонецкій, 5) Ненасытецкій (самый извѣстный), 6) Волнинскій, 7) Будило, 8) Лишній, 9) Вильный или Гадючій. Ясное дѣло, что византійское описаніе пороговъ не можетъ быть пріурочено къ нынѣшнимъ ни по порядку ихъ, ни по значенію; описаніе пороговъ, дошедшее до насъ въ сочиненіи «Объ управленіи имперіей», если провѣрить его непосредственнымъ наблюденіемъ нынѣшнихъ днѣпровскихъ пороговъ, можетъ дать матеріалъ для сужденія о редакціи этого древняго описанія. Не можетъ быть сомнѣнія, что самъ Константинъ пороговъ не видалъ; сохраненное въ сочиненіи, носящемъ его имя, описаніе пороговъ сдѣлано на основаніи литературныхъ замѣтокъ или донесеній и носитъ слѣды извѣстной литературной обработки, нѣкоторыхъ обобщеній. Такъ, въ описаніи перваго порога чувствуется общая картина впечатлѣнія, которое могъ дать не первый, а скорѣй тотъ, который у него названъ неясыть и помѣщенъ на четвертомъ мѣстѣ, т. е. нынѣшній Ненасытецкій. Самое число пороговъ, уменьшенное противъ дѣйствительнаго на два, можетъ служить подтвержденіемъ нашей мысли: въ первоначальномъ сыромъ матеріалѣ мало разграничены были два порога (Сурскій и Лаханскій), находящіеся на разстояніи одной полуверсты, и соединенные въ греческомъ памятникѣ въ одинъ. Точно также легко приходить къ заключенію, что въ греческій перечень не вошелъ тотъ порогъ, который нынѣ слыветъ подъ названіемъ Лишній и чрезъ который въ половодье можно безо всякой опасности переправляться въ лодкѣ. Нельзя не замѣтить еще, что и самый порядокъ пороговъ въ разбираемомъ памятникѣ не соотвѣтствуетъ дѣйствительному. Между прочимъ, первый порогъ Ἐσσοῠπῆ [1]), т. е. Νεσσοῠπῆ, скорѣй долженъ со-

[1]) Ошибка появилась изъ рукописнаго написанія („scriptura continua") ΕΠΟΝΟ-ΜΑΖΟΜΕΝΟΝΝΕΣΣΟΥΠΗ и изъ пропуска одного Ν.

отвѣтствовать тому, который и теперь носитъ названіе Будило, а это будетъ по порядку шестой. Но что въ общемъ греческія имена пороговъ передаютъ и донынѣ употребительныя наименованія, достаточно сослаться на пороги Звонецкій (третій, ἦχος φραγμοῦ) и Волнинскій (пятый, βουλνηπράχ). Только съ приблизительной точностью можно судить о времени, къ которому относятся тѣ матеріалы, на основаніи которыхъ сдѣлано разсматриваемое здѣсь описаніе днѣпровскихъ пороговъ. Царствованіе Константина можетъ быть принимаемо только условно, какъ крайній терминъ, не позже котораго составлены эти матеріалы. Происхожденіе ихъ должно относиться или ко времени первой проповѣди христіанства между русскими въ 862—3 г., или ко времени составленія первыхъ договоровъ съ греками, т. е. въ 907—911 г.

Близкое отношеніе къ этимъ записямъ имѣетъ загадочный памятникъ, изданный византинистомъ Газе на основаніи пропавшей теперь парижской рукописи, въ которой на нѣсколькихъ листкахъ, незаписанныхъ основнымъ текстомъ, находились свѣдѣнія о черноморскихъ берегахъ и о переправѣ черезъ Днѣпръ неизвѣстнаго военнаго чина съ небольшой командой. Послѣ многократныхъ попытокъ объяснить и пріурочить этотъ загадочный памятникъ къ опредѣленному времени и поставить въ связь съ опредѣленными событіями IX—X в., получается неутѣшительный выводъ, что каждая новая попытка, не давая окончательнаго вывода, ограничивается постановкой новой гипотезы. Хотя по нашему мнѣнію, выведенному на основаніи неоднократнаго и серьезнаго обращенія къ такъ называемой „Запискѣ Готскаго топарха“, подразумѣваемые отрывки долго еще будутъ предметомъ болѣе или менѣе остроумныхъ догадокъ, пока счастливая случайность не измѣнитъ положенія дѣла, т. е. если не вольется новая струя и не освѣжитъ намъ знанія по исторіи южной Россіи; тѣмъ не менѣе, въ настоящемъ случаѣ, сопоставляя этотъ памятникъ съ девятой главой „Объ управленіи имперіей“, можно относиться къ нему какъ къ одному изъ видовъ матеріала, бывшаго въ распоряженіи Константина Порфирородnаго[1]). Изъ этого памятника можно видѣть, что въ IX в. на сѣверномъ берегу Чернаго моря происходила большая борьба изъ-за политическаго вліянія и что въ этой борьбѣ съ чуждыми элементами имперія является выразительницей высшихъ культурныхъ началъ и государственной административной и правовой централизаціи, которая не могла не импонировать мелкимъ племеннымъ группамъ, постепенно организовавшимся въ южной Россіи и на дунайской границѣ.

---

[1]) Мои статьи: „Комментарій на записку Готскаго топарха“; „Отчетъ о XLIV присужденіи наградъ графа Уварова“; „Византійскія владѣнія на сѣв. берегу Чернаго моря“, въ „Кіевской старинѣ“ за 1889 г., январь.

Если нельзя не усматривать въ приведенныхъ литературныхъ фактахъ довольно опредѣленныхъ указаній на знакомство съ народами, жившими за чертой непосредственнаго политическаго вліянія Византіи, то оставалось-бы придти къ выводу, что оффиціальныя сферы могли располагать разнообразными свѣдѣніями, по отношенію къ юго-восточной Европѣ и что въ X в. этими свѣдѣніями воспользовались окружающіе Константина литературные люди, чтобы построить дошедшій до насъ подъ именемъ Константина литературный памятникъ. Въ числѣ этихъ данныхъ, какими можно было воспользоваться въ X вѣкѣ, были и такія, которыя съ успѣхомъ разрабатывали церковные и политическіе дѣятели IX вѣка для оправданія церковной и политической миссіи при патріархѣ Фотіи.

Литературныя произведенія, относящіяся къ жизни и дѣятельности славянскихъ просвѣтителей и по основному содержанію принадлежащія къ концу IX и началу X вѣка, могутъ служить характеристикой степени знакомства византійскаго образованнаго общества съ сосѣдними народами и странами юго-восточной Европы. И прежде всего заслуживаетъ вниманія отдѣлъ о казарской миссіи въ Паннонскихъ житіяхъ св Кирилла.

Эта часть жизнеописанія тѣмъ болѣе должна быть здѣсь использована, что по всѣмъ вѣроятностямъ подъ казарской миссіей разумѣется, между прочимъ, и проповѣдь христіанства въ Кіевѣ [1]). Въ древней исторіи Россіи значительный періодъ въ VIII и IX в. несомнѣнно стоитъ въ тѣсной связи съ исторіей казарскаго царства, которое включало въ свои предѣлы значительную часть славянскихъ племенъ, платившихъ дань казарскому кагану. Весь подготовительный періодъ, отъ VIII вѣка и до выступленія русскихъ славянъ въ самостоятельной роли въ концѣ IX вѣка, отмѣчается казарскимъ вліяніемъ, которое смѣняется потомъ варяжскимъ или норманнскимъ. Весьма вѣроятно, что въ этотъ подготовительный періодъ и страна, занимаемая нашими предками, называлась Казаріей, и долго потомъ князья кіевскіе послѣ Аскольда и Дира носили обычный титулъ кагановъ. Имя Гардарики, каковымъ обозначалась у иноземныхъ народовъ Русь IX и X вѣка, есть передѣланное имя казаръ или Хазаріи. Особенно тѣсныя отношенія, въ какихъ Византія находилась съ казарами, способствовали тому, что въ имперію могли притекать обильныя свѣдѣнія о казарскомъ царствѣ и населяющихъ его племенахъ.

Изъ приведенныхъ выше фактовъ, которые свидѣтельствуютъ о живыхъ сношеніяхъ имперіи съ казарскимъ царствомъ, само собой слѣдуетъ, что административныя учрежденія Византіи и высшее свѣтское и духовное правительство должны были располагать довольно точными данными о Казарскомъ царствѣ и населявшихъ его народахъ.

---

[1]) Полнѣе эта мысль проведена въ изслѣдованіи В. И. Ламанскаго, „Журн. М. Н. Просвѣщенія", май—іюнь 1903 г. (ч. 347).

По словамъ составителя житія Кирилла въ Константинополь пришли послы отъ Казарскаго кагана и объяснили слѣдующее. «Мы почитаемъ единое божество и поклоняемся ему, но евреи и мусульмане стараются совратить насъ къ своей вѣрѣ дарами и увѣщаніями. Посему просимъ прислать къ намъ мужа книжна; если онъ докажетъ превосходство вашей вѣры противъ евреевъ и магометанъ, то мы обратимся къ христіанской вѣрѣ».—Вслѣдствіе этого обращенія, которое трудно понимать въ томъ смыслѣ, какъ оно передается въ Паннонскомъ житіи, славянскимъ первоучителямъ было предложено отправиться въ казарскую землю, куда Кириллъ и былъ снаряженъ съ „царскою помощью“ [1]).

Казарская миссія сопровождалась разнообразными послѣдствіями въ судьбѣ славянскихъ просвѣтителей. Въ Херсонѣ св. Кириллъ изучилъ восточные языки, еврейскій и самарянскій, тамъ-же нашелъ евангеліе и псалтырь на русскомъ языкѣ и изучилъ этотъ языкъ. Для послѣдующей дѣятельности св. братьевъ громадное значеніе имѣло также и то, что въ Херсонѣ ими были обрѣтены мощи св. Климента, съ которыми они впослѣдствіи отправились въ Римъ. Наконецъ, Паннонское житье соединяетъ съ путешествіемъ св. братьевъ въ Казарію два обстоятельства совершенно особаго характера: нападеніе казарскаго воеводы на христіанскій городъ, не названный по имени, и нападеніе угорскаго отряда на св. Кирилла въ то время, какъ онъ въ пути находился на молитвѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ, духовной авторитетъ св. Кирилла возобладалъ надъ варварами-язычниками; казарскій воевода далъ обѣщаніе креститься, а угры воздали поклоненіе св. Кириллу и отпустили его „со всею дружиною“ [2]).

Уже въ этихъ, впрочемъ, недостаточно ясныхъ выраженіяхъ Паннонскаго житья есть указаніе на путешествіе св. братьевъ въ южной Россіи, въ сопровожденіи военнаго отряда, даннаго имъ царемъ. Но затѣмъ идетъ рѣчь о другомъ направленіи пути: на Меотійское озеро, Каспійскія ворота и Кавказскія горы. Нѣсколько страницъ посвящено пребыванію славянскихъ первоучителей у казаръ, но фактическаго матеріала дается весьма мало. Такъ, трудно дать себѣ отчетъ, что это за мужъ лукавый, который былъ высланъ для бесѣды съ Кирилломъ и гдѣ происходила эта бесѣда. По отношенію къ личной бесѣдѣ философа съ каганомъ снова мы встрѣчаемъ неясности. Неизвѣстно, гдѣ была встрѣча съ каганомъ; кромѣ того, бесѣды, которыя ведутъ между собой каганъ и греческій миссіонеръ, возбуждаютъ недоразумѣніе. Можно-бы думать, что содержаніе бесѣдъ, веденныхъ Константиномъ-Кирилломъ заимствовано изъ какого-либо позднѣйшаго литературнаго произведенія, имѣвшаго содержаніемъ пренія съ сараци-

[1]) Это выраженіе слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, понимать какъ переводное съ греческаго (βασιλικὴ βοήθεια) и видѣть въ немъ указаніе на военный отрядъ.

[2]) Здѣсь вновь мы видимъ намекъ на указанную выше царскую помощь или военный отрядъ.

нами и іудеями. Видимые результаты бесѣдъ съ казарами были въ сущности, весьма скромны: въ христіанство обратилось до 200 семей. При прощаніи каганъ предложилъ философу дары, но онъ не принялъ ихъ, а просилъ освободить содержавшихся въ плѣну. Тогда были собраны плѣнные, которыхъ нашлось до 200 и которые выпущены были на волю и ушли съ философомъ.

Замѣчено [1]), что въ сказаніи о казарской миссіи различаются двѣ части: преніе съ евреями и бесѣды съ язычниками, некнижная чадь. Въ первой казарскій каганъ еврейскаго исповѣданія, во второй язычникъ. Въ первомъ разсказѣ сцена происходитъ какъ-бы въ покояхъ кагана, во второмъ на вольномъ воздухѣ, какъ бы на берегу рѣки. Въ послѣднемъ, какъ каганъ, такъ и его совѣтникъ—оба противника еврейства и магометанства,—признаютъ превосходство христіанской вѣры и разрѣшаютъ желающимъ немедленно креститься. Подобныя соображенія, будучи сопоставлены съ ясными слѣдами отдѣльнаго путешествія св. братьевъ по южной Россіи (припомнимъ нападеніе угровъ), естественно приводятъ къ заключенію, что подъ наименованіемъ казарской миссіи нужно подразумѣвать путешествіе по странѣ между Дономъ и Днѣпромъ, Днѣстромъ и Бугомъ, населенной славянами и находившейся подъ властію казарскаго кагана. Въ этой области, среди господствующаго населенія еврейство и магометанство были одинаково признаваемыми религіями. Нужно думать, что изъ этой казарской области было и упоминаемое въ Паннонскомъ житіи посольство въ Константинополь.

Разсказъ о казарской миссіи въ Паннонскомъ житіи представляется какъ сокращенное изложеніе того, что было составлено самимъ Константиномъ и что потомъ вошло въ 8 бесѣдъ, принадлежавшихъ Меѳодію [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что это сокращеніе сдѣлано весьма неискусно, наполнено ошибками и спутано. Кромѣ того, въ работу первоначальнаго составителя вошли съ теченіемъ времени вставки и тенденціозныя объясненія въ соотвѣтствіи съ исторіей Кирилло-меѳодіевскаго вопроса. Первоначальное повѣствованіе о казарской миссіи было составлено на греческомъ языкѣ; но какъ это сказаніе, такъ и тотъ матеріалъ, который легъ въ основаніе Паннонскихъ житій, утрачены безвозвратно. Теперь возникаетъ проблема, которую слѣдуетъ разрѣшить тщательнымъ подборомъ историко-литературнаго матеріала: нѣтъ-ли слѣдовъ кирилловскаго отчета о казарской миссіи въ тѣхъ отрывкахъ, которые сохранились еще на греческомъ языкѣ и вошли частію въ сборникъ Константина, частію въ безыменные отрывки разныхъ наименованій.

Почетный членъ **Ѳ. И. Успенскій.**

---

[1]) Особенно выдвинута эта мысль у В. И. Ламанскаго, „Ж. М. Н. Просв.“, ч. 347, стр. 375 и сл. (1903 г.).

[2]) „Житіе Кирилла“, стр. 344 („Чтенія“ за 1864 г.).

Изслѣдованіе нѣкоторыхъ недоумѣнныхъ вопросовъ средневѣковья въ Гавридѣ.

Въ исторической географіи Тавриды не мало неизвѣстнаго, неизслѣдованнаго и даже не замѣченнаго, особенно въ глухія времена X—XV вѣковъ, до турецкаго завоеванія. Отсюда понятно, что возникавшіе въ этомъ направленіи вопросы часто подвергались разсмотрѣнію и все же нѣкоторые изъ нихъ здѣсь вновь поднимаются; оправданіемъ тому служитъ лишь многолѣтнее, близкое знакомство автора съ особенностями мѣстныхъ условій родного ему края, не всегда достаточно знакомыхъ ученымъ занимавшимся этими вопросами.

Три отдѣла этой статьи, повидимому, имѣютъ мало общаго, если судить по подзаголовкамъ, но ихъ тѣсную внутреннюю связь и столь значительную зависимость, что рѣшеніе въ одномъ служитъ и для другихъ замѣтитъ читатель, а этого казалось достаточно для ихъ покрытія однимъ общимъ заглавіемъ.

Не смѣю сказать, что достигъ чего либо безусловно прочнаго въ рѣшеніи поставленныхъ вопросовъ, но думаю, что во всякомъ случаѣ приводимыя соображенія могутъ быть полезны указаніемъ нѣкоторыхъ мало замѣченныхъ сторонъ этихъ изслѣдованій.

А. Поселенія южнаго прибрежья.

Въ патріаршихъ грамматахъ и еще болѣе въ документахъ генуэзскихъ колоній, указывается довольно много названій поселеній по южному прибрежью *Тавриды*. Ихъ давно уже стараются пріурочить къ мѣстамъ нынѣ извѣстнымъ, но далеко не для всѣхъ это можетъ считаться рѣшеннымъ. Всѣ поиски направлялись на указаніе современныхъ поселеній съ именами подобными старымъ; пріемъ вѣрный, но однимъ подобозвучіемъ нельзя ограничиться, необходимо помнить и взвѣшивать также и историко-топографическія отношенія. Съ по-

мощью такихъ соображеній, а также нѣкоторыхъ новыхъ документовъ и разысканій на мѣстѣ, можно достигнуть бо́льшаго, чѣмъ сдѣлано до нынѣ.

Въ патріаршихъ грамматахъ, 1384 года и другихъ, по поводу препирательства за приходы между митрополитами Херсонскимъ, Готскимъ и Сугдейскимъ, спорныя между ними деревни такъ названы, въ географическомъ порядкѣ, отъ запада къ востоку[1]): *Сикита, Парѳенитъ, Лампадъ, Алуста, Фуна и Аланія.* Близко къ тому же времени, около 1350 года, Генузцы овладѣли *Балаклавой*, въ 1365 году *Судакомъ* съ окрестными деревнями, а по договору 1380 года за ними было признано и побережье между *Балаклавой* и *Кафой*, захваченное ими, конечно, гораздо ранѣе, вѣроятно вмѣстѣ съ *Балаклавой*. Въ сохранившихся въ *Генуи* казначейскихъ спискахъ *Кафы* (cartolari della Masseria) показаны деревни по этому прибрежью; ихъ имена далъ Десимони, къ сожалѣнію, не показавъ точнаго времени этихъ списковъ, но оно очень близко къ времени вышеуказанныхъ патріаршихъ грамматъ, а потому все это можетъ итти вмѣстѣ. Не указанъ и порядокъ поселеній въ подлинныхъ спискахъ, а напечаталъ ихъ Десимони примѣняясь къ порядку существующихъ деревень, идя отъ запада къ востоку. Привожу его списокъ, причемъ въ скобкахъ показаны имъ же данныя соотвѣтствующія имена существующихъ поселеній: *Cembalo* (*Балаклава*), *Fori* (*Форосъ*), *Chinicheo* (*Кикинеизъ*), *Lupico* (*Алупка*), *Muzacori* (*Мисхоръ*), *Orianda* (*Оріанда*), *Jallita* (*Ялта*), *Sikita* (*Никита*), *Gorzouium* (*Гурзуфъ*), *Pertenite* (*Партенитъ*), *Lambadie* (*Ламбатъ*), *Lusta* (*Алушта*), *Soldaia* (*Судакъ*); сверхъ того *Fonna* и *Megapotamo*, которыя Десимони незналъ къ чему пріурочить[2]).

Всѣ эти названія, какъ патріаршія, такъ и генуэзскія, столь очевидно пріурочиваются, какъ по сходству съ существующими названіями, такъ и по общему топографическому смыслу, что нуждаются въ объясненіяхъ и исправленіяхъ лишь въ томъ немногомъ, что показано ниже.

Сикиту не только Десимони, но и мѣстные изслѣдователи и ученые пріурочивали къ современной деревнѣ *Никитѣ*, между *Ялтой* и *Гурзуфомъ*[3]). Мурзакевичъ даже пояснялъ, что замѣна начальной буквы въ ея имени легко произошла, когда построили въ деревнѣ цер-

---

[1]) Miklosicz, Acta Patriarchatus Const., II, CCCLXVII и CCCCXIX; Тоже, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., V и VI.

[2]) Desimoni, Nuovi Studi sull'atl. Luxoro, Atti della Soc. lig. di Stor. Patr., V, 254—255.

[3]) Гейдъ отождествлялъ Сикиту съ Скутъ, Искютъ, деревней близъ Судака (Hist. du Com. de Levant, II, 208), но это явное недоразумѣніе, основанное только на нѣкоторомъ созвучіи именъ.

ковь во имя св. Никиты[1]). И все таки это пріуроченіе, мнѣ кажется мало вѣроятнымъ. Замѣна одной буквы въ словѣ другою можетъ быть, вообще говоря, и не трудна, но не въ словахъ имѣющихъ прямой смыслъ. *Сикита* значитъ мѣсто гдѣ растутъ или разводятся винныя ягоды (инжирница, фиговница) и перемѣнить такое значащее названіе на имя въ честь св. Никиты не столь просто. Къ тому же, построеніе здѣсь церкви во имя св. Никиты есть ничѣмъ недоказуемое предположеніе. Въ нынѣшней *Никитѣ* населеніе сплошь татарское и отъ бывшей церкви сохранились лишь слѣды развалинъ не имѣющихъ имени теперь, но въ спискахъ Грековъ, выходцевъ 1778 года, которыхъ въ дер. *Никитѣ* значилось довольно много, 102 души, 30 дворовъ, эта церковь показана во имя св. Іоанна Златоуста[2]), да не вдалекѣ имѣются развалины другой, маленькой, во имя св. Юрія (въ предѣлахъ казеннаго Никитскаго сада). Мало того, во имя св. Никиты не было церкви во всемъ *Крыму*, хотя извѣстно болѣе полутораста названій старыхъ церквей. Въ *Крыму* есть очень много всякихъ урочищъ зовущихся по имени какого либо святого, но во всѣхъ такихъ случаяхъ никогда не говорится одно лишь имя, а всегда оно сопровождается, по совершенно понятной причинѣ, прибавкой—святой; наприм., *Ай-Петри* (гора), *Ай-Василь* (деревня), *Ай-Никола* (поляна), *Ай-Янъ* (источникъ), такъ что въ настоящемъ случаѣ надо бы быть названію деревни—*Ай-Никита*, чего никогда не было слышно. Можно бы подумать, что слово *Сикита* измѣнили Русскіе, не понимая его осмыслили въ Никиту, но и у Грековъ, выходцевъ въ *Маріуполь*, эта деревня также называлась просто *Никита*[3]). Еще бо́льшее сомнѣніе въ этомъ пріуроченіи вызывается тѣмъ, что въ патріаршихъ грамматахъ всѣ деревни показаны смежно, безъ пропусковъ, что и понятно, такъ какъ иначе вышла бы черезполосица епархій. *Сикита* въ грамматахъ показана западнѣе *Партенита*, сейчасъ же съ нимъ рядомъ. Считая ее *Никитой*, между этими деревнями въ дѣйствительности выходитъ разстояніе около пятнадцати верстъ и оказывается значительная естественная преграда, отрогъ хребта *Яйлы*, кончающійся столь своеобразной, крутопадающей въ море горою, какъ *Аюдагъ*. Въ этомъ промежуткѣ теперь находятся нѣсколько деревень: *Дегерменъ-кой*, *Куркулетъ*, *Кизилъ-ташъ* и *Гурзуфъ*; по спискамъ выходцевъ Грековъ здѣсь были деревни: *Миляри* или *Дегерменъ-кой*, что однозначуще по гречески и по татарски (мельничная деревня); *Яг-ташъ* (жирный камень); *Кизилъ-ташъ* (красный камень); *Гурзуфъ*. Можно еще до-

---

[1]) Древніе акты Патріархата, 3. Од. Общ., VI, 460.

[2]) Въ концѣ XVIII вѣка она была обращена въ мечеть, затѣмъ въ медресе, а въ прошломъ году разобрана и на ея мѣстѣ построено новое училище.

[3]) Вѣдомости Суворова, Дубровинъ, Присоед. Крыма, II, 712; Зап. Од. Общ. Ист. и Др., XIV, вѣдом. митр. Игнатія, 140; Сборн. Гавріила, II, Изслѣд. о врем. постр. церкв. Маріуп. духовн. правл., № 26 статьи.

пустить, что мелкихъ деревень не было во время патріаршихъ грамматъ, но такое большое мѣстечко съ крѣпостью, какъ *Гурзуфъ*, бывшее таковымъ еще въ VI вѣкѣ, конечно, и тогда удерживало свое значеніе, оно упоминается Генуэзцами. Слѣдовательно большой пропускъ деревень между *Партенитомъ* и *Сикитой*, если таковую видѣть въ современной *Никитѣ*, и вызываемая тѣмъ черезполосица епархій (о чемъ ниже), недопустимы. Вѣроятнѣе думать, что названіе *Сикита* относилось не къ Никитѣ и что оно исчезало совсѣмъ, замѣненное инымъ, наприм. именемъ ближайшей къ *Партениту* деревни—*Миляри*, нынѣ называемой *Дегерменъ-кой* Въ сущности здѣсь три деревни, такъ и показывалось въ начальныхъ вѣдомостяхъ [1]); одна изъ нихъ была греческая, изъ нее выселилось, въ 1776 году, 57 душъ. И *Сикита*, и *Миляри* не столько названія деревни, сколько указанія ея свойствъ; весьма возможно, что по мѣрѣ исчезанія значенія посадокъ винныхъ ягодъ и развитіи мельничнаго дѣла, одно сельско-хозяйственное свойство деревни, а съ нимъ и названіе, смѣнилось другимъ, подобнымъ же. Трудно думать, чтобы такое богатое водой и хорошими землями мѣсто, какъ *Дегерменъ-кой*, оставалось незанятымъ, пустовало. Современная выходцамъ, Грекамъ конца XVIII вѣка, существующая деревня *Никита*, вѣроятно, гораздо болѣе поздняя, чѣмъ *Сикита*, а что много деревень на южномъ берегу прибавилось послѣ описываемаго здѣсь времени увидимъ далѣе.

Въ грамматѣ 1390 года сказано—*Сикита съ Хрихаремъ* [2]). Послѣдній относятъ къ *Чуфутъ-кале*, вспоминая его старое названіе—*Кыркоръ* или *Киркъ-ель* [3]). Пріуроченіе совершенно невѣроятное, такъ какъ *Хрихарь* упомянутъ въ явной связи, сосѣдствѣ и близости съ вышеуказанными деревнями, какъ бы совмѣщенъ съ *Сикитой*, а *Чуфутъ-кале* отстоитъ отсюда верстахъ въ шестидесяти, за мало доступными горами. Теперь названіе *Хрихарь*, неимѣющее значенія, ни въ чемъ не слышится, вѣроятно еще встарь оно слилось съ общимъ названіемъ—*Сикита*.

Въ патріаршихъ грамматахъ показана подлѣ *Алушты* деревня *Фуна*; у Генуэзцевъ она названа—*Fonna* и Десимони не находилъ ей мѣста, ибо деревня съ подобнымъ названіемъ теперь неизвѣстна. Мурзакевичъ, намекомъ въ примѣчаніи, показалъ, что *Фуна* тоже самое, что и *Фуллы*, но никуда ее не относилъ [4]). Это-же самое утвержденіе очень подробно и настоятельно развивалъ о. Родіоновъ, пріуročивая *Фуну* въ дер. *Партенитъ* [5]). Томашекъ полагалъ, что эта де-

---

[1]) Лашковъ, Камер. опис. Крыма, 1784 г., Изв. Таврич. Уч. Ком., № 6.

[2]) Древн. акты Патріарх., Зап. Од. Общ., VI, CCCLXIX.

[3]) Напр.: Heyd, Hist. du com. de Levant, II, 215; Брунъ, Мат. для ист. Сугдеи, Черноморье, II, 137.

[4]) Древн. акты, Зап. Од Общ. Ист. и Древн., VI, 460, примѣч.

[5]) Родіоновъ, Опис. Таврич. епархій, 26–29.

ревня была на мѣстѣ нынѣшняго *Капсихора*, внѣ спорнаго округа, верстахъ въ сорока восточнѣе [1]). Кондараки и еп. Гермогенъ искали ее въ дер. *Шумъ* или подлѣ *Никиты*, въ *Рускофиль-кале* [2]). Теперь есть возможность указать мѣсто *Фуны* съ совершенной точностью, по даннымъ рукописнаго сборника арх. Гавріила, находящемся въ библ. Од. Общ. Ист. и Др. По требованію арх. Гавріила, тогда Екатеринославскаго, благочинные деревень вокругъ *Маріуполя*, населенныхъ Греками, составили подробныя записи о томъ, какъ именно эти выходцы путешествовали изъ *Крыма*, какія ихъ деревни соединились и какія именно села они основали; тутъ-же указывались имена бывшихъ тогда съ ними священниковъ, во имя церквей въ *Крыму* и на новыхъ мѣстахъ, вывезенныя иконы, церковные сосуды и т. под. весьма любопытныя справки. Все это составлялось въ 1836 году, т. е. еще при живыхъ свидѣтеляхъ переселенія. Тутъ дано указаніе и о *Фунѣ* [3]).

---

[1]) Tomaschek, Die Goten in Taurien, 73.

[2]) Гермогенъ, Таврич. епархія, 137, примѣч.; Кондараки, Въ пам. стол. Крыма. Истор. и археол., 8.

[3]) Сборн. Гавріила, Изслѣд. о врем. постр. Маріуп. церкв., II, № 18 статьи.

Здѣсь-же можно найти и отвѣтъ на вопросъ, которымъ задавались наши ученые, изъ какихъ крымскихъ деревень образовались деревни Маріупольскихъ Грековъ. Г. Браунъ (Маріуп. греки, Жив. Стар., II, 81–82, а также Die letzten Schicksale der Krimgoten, 73—75), старался разузнать о томъ на мѣстѣ, но это ему не удалось съ достаточной достовѣрностью. Изъ „Сборн. Гавр." все получается вполнѣ точно и хотя такая справка лишь косвенно подходитъ къ смыслу настоящей статьи, но даю ее на случай какихъ-либо соображеній въ томъ-же направленіи, такъ какъ ея источникъ не всѣмъ доступенъ Привожу изъ него показанія раздѣливъ деревни по языкамъ и въ каждомъ расположивъ ихъ въ географической послѣдовательности по Крыму, отъ запада къ востоку. Въ деревняхъ отдѣла А, роднымъ языкомъ былъ татарскій и греческаго не понимали, въ деревнахъ отдѣла Б, греческій, но въ нихъ и по татарски говорили всѣ. Раздѣленіе по языкамъ сдѣлано согласно указаній прот. Серафима, сына свящ. вышедшаго изъ Крыма съ деревней Керменчика, род. около 1820 г. (Крымскіе Христ. на берег. Азов. моря, Херс. Епарх. Вѣд., 1362, № 3; 2-е изд., отд. брош., Екатер., 1901); всего сорокъ девять крымскихъ деревень и пять городовъ. Деревни Армянъ, Грузинъ, Валаховъ, вновь образовавшіяся и двадцать шесть деревень, значащихся въ Крымскихъ вѣдомостяхъ Суворова и Игнатія, но не упомянутыхъ въ „Сборн. Гавріила". впрочемъ мелкія, съ населеніемъ всего вмѣстѣ около тысячи душъ только, здѣсь не значатся, очевидно потому, что онѣ слились съ другими безслѣдно. Названія показаны по современному крымскому написанію; значеніе этихъ названій по русски даны по возможности для всѣхъ; гр.— значитъ съ мѣстнаго греческаго говора т.—съ такого-же татарскаго.

А. Татарскій языкъ.

Были въ Крыму.	*Образовали у Маріуполя.*
Карань (неизвѣстно)	Карань.
Черкесъ-керменъ (Черкес. крѣпость т.)	
Мармара (Мраморщикъ, гр.)	
Камара (Комната, гр.).	Камара.

Село *Константинополь*, близъ *Маріуполя*, образовалось изъ крымскихъ деревень *Фуны* (190 душъ), *Мега-потама* (124 д.), *Микропотама* (126 д.), *Ксеро-потама* (103 д.) и *Алушты* (около 30 д.). Ихъ старики разсказывали, что въ *Крыму* они всѣ были сосѣдями,

---

Были въ Крыму.	*Образовали у Маріуполя.*
Ласпи (Грязь, гр.)	Ласпи.
Алъ-су (Красная вода, т.)	
Качи-кальенъ (Крестовый корабль, т.)	
Албатъ (Утонетъ, т.)	Керменчикъ.
Керменчикъ (Крѣпостца, т.)	
Шюру (Десятая часть, т.)	
Бія-сала (Бѣлая сала, т.)	
Улу-сала (Большая сала, т.)	
Богатырь (Держи стропила, т.)	Багатырь
Лака (Котловина, гр.)	
Улаклы (Мѣсто канавъ, т.)	Улаклы.
Мангушъ (неизвѣстно)	Мангушъ.
Бешъ-евъ (Пять дворовъ, т.)	Бешъ-евъ.
Болш. Ени-сала (Новая сала, т.)	Ай-Янъ.
Эски-Крымъ (Старый Крымъ)	Старый Крымъ.
Гёзлеве (Евпаторія)	г. Маріуполь.
Балаклава (Рыбница, т.)	
Бахчисарай (Садовый сарай, т.)	
Кара-су-базаръ (Базаръ черной рѣчки, т.)	
Кафа (Ѳеодосія)	

Б. Греческій языкъ.

Были въ Крыму.	*Образовали у Маріуполя.*
Ялта (Прибрежная, гр.)	Ялта.
Верхн. Аутка (Верхн. эта, гр.)	
Нижн. Аутка (Нижн. эта, гр.)	
Марсанда (неизвѣстно)	
Магарачъ (Пещера, гр.)	
Никита (Побѣдитель, гр.)	
Б. Ламбатъ (Больш. свѣточь, гр.)	
М. Ламбатъ (Мал. свѣточь, гр.)	
Гурзуфъ (неизвѣстно)	Гурзуфъ.
Кизилъ-ташъ (Красн. камень, т.)	
Стиля (Столбъ, гр.)	Стиля.
Салг. Ени-сала (Новая сала, т.)	Больш. Ени-сала.
Демерджи (Фуна, Дымящая, гр.)	Константинополь (Демерджи).
Алушта (Неумытая, гр.)	
Улу-узень (Больш. рѣчка, т.)	
Кучукъ-узень (Малая рѣчка, т.)	
Куру-узень (Сухая рѣчка, т.)	
Аргынъ-кара-коба (Черная пещера, т.)	Кара-коба.
Чердаклы (Ступеньчатая, т.)	Чердаклы.
Байсу (Бея вода, т.)	
Кара-коба (Черная пещера, т.)	

вмѣстѣ путешествовали и вмѣстѣ осѣли на новыхъ земляхъ. Такъ какъ *Фуна* была самою людною и только ея священникъ дошелъ до мѣста (Трифилій, прочіе перемерли), то, по принятому переселенцами порядку, новую церковь построили во имя св. Ѳеодора Стратилата, какъ

Были въ Крыму.	*Образовали у Маріуполя.*
Ени-сала (Новая сала)	
Уйшунь (Пусть спитъ, т.)	Мал. Ени-сала
Ени-кой (Новая деревня, т)	
Джемрекъ (Сусликъ, т.)	
Сартана (Желт. теленокъ, т.)	Сартана.
Чермалыкъ (Ломоносъ, растеніе, т.)	
Айланма (Крученый, т.)	Чермалыкъ.
Капсихоръ (Горѣлая деревня, гр.)	
Шеленъ (Тысяча, гр.)	

Этого распредѣленія деревень доискивались потому, что въ разности языковъ думали видѣть указаніе и на различіе народностей населявшихъ деревни въ Крыму. Григоровичъ отсюда полагалъ, что этихъ народностей было двѣ, что будто-бы доказывается не только лингвистически, но и географически, такъ какъ деревни съ татарскимъ языкомъ занимали въ Крыму бывшую Херсонскую епархію, а съ греческимъ Сугдейскую (Зап. Антикв. о поѣздкѣ на Калку и пр., 6). Рядъ выше данныхъ деревень, подобранныхъ и сопоставленныхъ, не трудно положить на карту и тогда станетъ яснымъ, что такое предположеніе ни исторически, ни географически не оправдывается. На прилагаемой картѣ, города и деревни, въ которыхъ населеніе вышедшее въ 1778 году къ Маріуполю, говорило только по татарски подчеркнуты краснымъ; гдѣ говорили и по татарски и по гречески, подчеркнуты синимъ. Первый отдѣлъ, даже въ деревняхъ, вовсе не ограничивается предѣлами Херсонской епархіи (объ этихъ предѣлахъ рѣчь будетъ далѣе), большая часть его занимаетъ епархію Готскую до Чатырь-дага и даже Фульскую, сверхъ того, онъ-же распространяется на всѣ городскія поселенія, а значитъ и на всѣ бывшія епархіи, во всемъ Крыму, отъ запада до востока; второй отдѣлъ также не ограничивается Сугдейской епархіей, а переходитъ и въ Готскую. Да это предположеніе трудно вывести и просто отъ соображенія; едва-ли можно видѣть только двѣ народности въ томъ краѣ гдѣ ихъ было весьма много, къ тому-же сбособленность одной основана на татарскомъ языкѣ, т. е. такомъ, который не могъ принадлежать какой-бы то ни было христіанской, до прихода Татаръ, а переходъ таковыхъ въ христіанство уже и вовсе не вѣроятенъ, въ сколько-нибудь замѣтномъ числѣ, и тѣмъ болѣе въ сплошномъ населеніи части страны. Григоровичъ полагалъ, что это потомки Аланъ, но эти кочевники, конечно, никогда не занимали исключительно всего юго-западнаго Крыма и всѣхъ его городовъ.

Такое-же значеніе, въ смыслѣ поисковъ народностей, приналъ различію языка и г. Брунъ, полагая, что лишь въ отдѣлѣ съ татарскимъ языкомъ можно искать слѣды Готовъ (Маріуп. Греки, Жив. Стар., 11, 78—79. Die letzten Schicks. d. Krimgoten, 74—75); и это продположеніе не подтверждается. Изъ отдѣла деревень татарскаго языка ближайшія къ Херсонесу и Балаклавѣ, (Карань, Камара, Ласпи), а также всѣ городскія поселенія не могли, вообще говоря, быть когда-либо Готскими; съ другой стороны въ отдѣлѣ греческаго языка все южное побережье, гдѣ открывается такъ много памятниковъ и слѣдовъ Готовъ, приходится къ нимъ не относить. Трудно себѣ продставить почему именно Готы, остатки которыхъ передъ завладѣніемъ Турками, какъ извѣстно несомнѣнно, говорили по гречески, оказались говорящими по татарски.

Мнѣ кажется, что объясненіе разности говоровъ крымскихъ христіанскихъ деревень никоимъ образомъ не лежитъ въ различіи народностей ихъ населившихъ когда-то, а находится въ прямой и простѣйшей зависимости отъ вліянія внѣшнихъ силъ, т. е. въ

то было въ старой *Фунѣ* въ *Крыму*. Общее поселеніе также должно было называться *Фуной*, но митр. Игнатій, видя чрезвычайное обиліе приношеній сосѣдей въ даръ новой церкви этого села, при ея освященіи

настоящемъ случаѣ, натиска Татаръ. Татарская культура, какова-бы она не была, несомнѣнно оказала огромное вліяніе; подъ ея давленіемъ разные народные говоры замѣнялись татарскимъ, а христіанство исчезало, уступая мусульманству; и это настолько, что передъ русскимъ покореніемъ и то и другое едва теплилось у немногихъ, еще не вовсе отатарившихся. Понятно, что вліяніе татарской культуры было тѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ поселенія были ближе къ ея средоточію, т. е. къ столицѣ, Бахчисараю, или къ приморскимъ городамъ. И дѣйствительно, обратившись къ картѣ мы увидимъ, что всѣ деревни съ татарскимъ языкомъ находились въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Бахчисарая и его порта—Балаклавы, не далѣе верстъ двадцати. Очевидно, что эти деревни не только подвергались особенно близкому и усиленному татарскому религіозно-административному вліянію, но и экономически тянули, всѣмъ своимъ укладомъ, къ этимъ татарско-турецкимъ городамъ. Всѣ деревни съ греческимъ языкомъ находятся не то лѣкгоразадо дальше, по разстоянію, но и за естественными преградами: на южномъ берегу, тогда весьма мало доступномъ или въ глухомъ узлѣ горъ, между Судакомъ и Кара-субазаромъ, почти столь-же трудно посѣщаемомъ. Что именно это объясненіе надлежащее можно видѣть изъ того, что населеніе Маріуполя вышедшее изъ крымскихъ городовъ, въ которыхъ, казалось-бы, всего легче сохранить родной говоръ, какъ по большей самостоятельности горожанъ, такъ и по значительности старой культуры, именно все и вездѣ оказывается сплошь съ татарскимъ языкомъ. Да, впрочемъ, и сами переселенцы подтверждаютъ такое соображеніе. И въ Крыму, и на новой своей родинѣ населеніе деревень съ греческимъ языкомъ звалось „Татами“, а съ татарскимъ, въ деревняхъ и городахъ, носило кличку „Базаріанъ“. Смыслъ перваго чужіе, покоренные, невѣрные, а второе—обозначаетъ горожанъ и вообще говорящихъ городскимъ, базарнымъ языкомъ. Прибавлю, что всѣ христіане, кромѣ языка заимствовали очень много татарскихъ обычаевъ, ихъ утварь, одежду. Выводъ отсюда одинъ: въ настоящемъ случаѣ разность языка не можетъ служить показателемъ различія народностей. Все основное христіанское населеніе, не пришлое, какъ Армяне или Итальянцы, передъ турецкимъ завоеваніемъ, кромѣ ничтожныхъ единицъ, въ смыслѣ языка, было огречено, потерявъ свою основную рѣчь, вѣроятно именно потому его сопротивленіе чужой культурѣ оказалось ничтожнымъ, завися отъ значительности внѣшнихъ усилій, а не отъ внутренней духовной мощи, выражаемой прочностью языка и вѣры. Тогда-же въ Крыму было очень много и затѣмъ выселилось изъ него Армянъ, деревенскихъ и городскихъ, до тринадцати тысячъ, на девятнадцать тысячъ Грековъ, но ни въ какой самой малой ихъ части татарскій языкъ не сталъ роднымъ, очевидно потому, что свой былъ внѣдренъ прочно, исконно, а не случайно замѣстилъ бывшую когда-то иную, родную рѣчь.

Рѣшусь высказать по вопросу поисковъ слѣдовъ Готовъ въ языкѣ, что нѣтъ основанія отдавать предпочтеніе какому-либо изъ языковъ нынѣ слышимыхъ, такъ какъ и татарскій и греческій равно чужды готскому и слѣдовательно не могутъ имѣть исключительнаго значенія. Слѣдовъ Готовъ всего прямѣе искать не по языкамъ, а въ деревняхъ бывшихъ на готской территоріи, которую, приблизительно, возможно, опредѣлить; этими деревнями близъ Маріуполя оказываются. Керменчикъ, Богатырь, Ялта, Гурзуфъ, Константинополь (Демерджи) и изъ нихъ вновь образованные. Такъ поставленныя изслѣдованія будутъ еще болѣе трудны, но все-же съ ними надобно спѣшить ибо всѣ говоры исчезаютъ передъ силой новаго базарнаго языка—русскаго.

Греческій языкъ на которомъ говорятъ въ деревняхъ бывшихъ крымскихъ Грековъ тамъ называютъ „айла“. Хорошо знающіе греческій и всѣ его говоры, Крыма и Анатоліи, уроженцы послѣдней, мнѣ говорили, что въ бо́льшей части этихъ деревень нарѣчіе очень близко къ анатолійскому и хотя нѣсколько отличается, но все-же вполнѣ понятно; въ иныхъ-же деревняхъ, напр. Сартанѣ, языкъ столь своеобразенъ, что и ихъ пони манію недоступенъ.

въ 1780 году, (множество овецъ и до двухсотъ головъ рогатаго скота), далъ сборному селу пышное имя—*Константинополь*. Въ вѣдомостяхъ о переселенцахъ, Суворова, Игнатія и мѣстныхъ крымскихъ чиновниковъ [1]) *Фуны* нѣтъ вовсе, но на соотвѣтственномъ мѣстѣ, со всѣми деревнями ея сосѣдей, показана деревня *Демерджи* (кузнецъ, потатарски), съ церковью въ ней во имя того-же св. Ѳеодора Стратилата; да и селеніе *Константинополь* до сихъ поръ въ народѣ зовется вторымъ именемъ—*Демерджи*, а *Фуна* на мѣстномъ греческомъ говорѣ значила—дымящая, курящая, т. е. иносказательно таже кузница; такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что *Фуна* въ *Крыму* тождественна съ дер. *Демерджи*. Эти оба названія даны деревнѣ по имени и свойствамъ горы, подъ которой она расположена, потому что вокругъ этой горной вершины обычно *дымятъ* туманы и особенно *курятъ* метели зимой, а грохотъ часто обрушающихся скалъ напоминаетъ работу *кузнеца*. Недавно эту деревню, уже чисто татарскую, переселили на новое мѣсто, по близости, въ виду опасности отъ падающихъ скалъ, состоящихъ изъ легко разрушающейся породы, но на старомъ мѣстѣ еще хорошо сохранилось укрѣпленіе и въ немъ почти цѣлая старая церковь во имя св. Ѳеодора Стратилата, которой рисунки, хотя и не особенно вѣрные, даны Кеппеномъ [2]).

Мега-потамъ есть, безъ сомнѣнія, *Улу-узень*, лежащая къ востоку отъ *Алушты*, названіе имѣющее по татарски тоже значеніе, что и по гречески, т. е. большая рѣчка. Тутъ-же и ея сосѣдки—*Ксеро-потамъ* (*Куру-узень*—сухая рѣчка) и *Микро-потамъ* (*Кучюкъ-узень*—малая рѣчка). Послѣднихъ двухъ деревень въ генуэзскихъ спискахъ не значится, очевидно потому что онѣ позднѣйшаго образованія.

Аланія названа въ патріаршей грамматѣ, но ее нѣтъ въ генуэзскомъ спискѣ, чему и должна быть особая причина, именно та, что это имя не поселенія, а этническое, данное по имени жившаго въ немъ народа. Не задолго до этого указанія, тоже въ патріаршемъ актѣ 1347 года, Аланы названы народомъ пастушескимъ, кочевымъ [3]). Ранѣе, около 1222 года, ихъ епископъ Ѳеодоръ говорилъ, что они разсѣяны по горамъ и пустынямъ, не имѣютъ ни стойла, ни навѣса. Не подалеку отъ *Херсона* они тогда жили для огражденія и охраны города [4]). Позволительно предположить, что и близъ *Фуны* ихъ станъ расположился въ наиболѣе удобномъ мѣстѣ для защиты отъ прорыва черезъ горы, съ тою-же цѣлью охраны съ сѣвера Алуштинской долины,

---

[1]) Статист. свѣд. о Крымѣ, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., XIV; Изв. Тавр. Арх. Ком., № 7.

[2]) Кеппенъ, Крымскій Сборн., 18—19, 152.

[3]) Древн. акты патріарх., Зап. Од. Общ. Ист. и Др., VI, 447, CXIV.

[4]) Кулаковскій, Еп. Ѳеодора Аланское посланіе, Зап. Од. Общ., XXI, 17—18; Его-же, Аланы по свѣд. писат., Чт. въ Общ. Нест. Лѣт., XIII, 63—64.

очень населенной; съ уходомъ отсюда этихъ кочевниковъ исчезло и указаніе ихъ стана. Также возможно, что этотъ станъ былъ поставленъ съ пастушескими цѣлями, такъ какъ названъ вслѣдъ за *Фуной*, т. е. былъ высоко въ горахъ, близко отъ яйлъ (горныхъ пастбищъ). По смыслу мѣстности, онъ находился, вѣроятно, на перевалѣ въ долину *Алмы* или около деревни *Корбеклы*; адѣсь есть урочища называемыя: *Узунъ-аланъ Учунъ-аланъ, Югъ-аланъ* и *Учь-аланъ*[1]), но никакого воспоминанія объ Аланахъ тутъ не заключается; аланъ, по татарски—поляна, и значеніе этихъ названій будетъ—длиная, тремъ принадлежащая, укрытая и три поляны.

Въ патріаршихъ грамматахъ 1382, 1384, 1385, 1386 и 1390 годовъ, есть еще два названія *Кинсанусъ* и *Элиссъ*, не упомянутыя въ генуэзскихъ спискахъ. Первый числится, вмѣстѣ съ вышеупомянутыми приходамъ, спорнымъ между Херсонскимъ и Готскимъ[2]). Его думали видѣть въ современной деревнѣ *Кикинеизъ*, просто по нѣкоторому созвучію, но это предположеніе невозможно въ топографическомъ смыслѣ; отъ деревень, вмѣстѣ съ которыми акты указываютъ это мѣсто, *Кикинеизъ* находится въ шестидесяти верстахъ, да и въ генуэзскихъ спискахъ онъ названъ на своемъ-же мѣстѣ подъ очень схожимъ именемъ — *Chinicheo*. Въ одной патріаршей грамматѣ (CCCLXVIII) названіе *Кинсанусъ* покрываетъ все, прочія деревни не названы; другая (CCCLXX) даже и озаглавлена „актъ о Кинсанусѣ“, хотя подразумѣваетъ всѣ деревни; въ третьей (CCCCXIX), ходатайствующее отъ разныхъ деревень духовенство названо все вмѣстѣ только Кинсанусскимъ. По смыслу этихъ упоминаній въ актахъ о *Кинсанусѣ*, можно съ увѣренностью заключать, что это мѣсто не есть какое-либо особое поселеніе, господствующее надъ всѣми, что и географически не можетъ быть отыскано, а просто лишь названіе всего того округа, въ которомъ находились приходы отъ *Сикиты* до *Алушты* включительно. Этотъ округъ и въ топографическомъ смыслѣ занимаетъ весьма опредѣленную и хорошо отграниченную область, простираясь отъ *Аю-дага* до *Демерджи*, съ ея Алуштинскими отрогами къ морю, всего по береговой полосѣ около шестнадцати верстъ.

Элиссъ упоминается въ 1382 и 1390 годахъ, какъ спорное мѣсто между Херсонскимъ и Сугдейскимъ[3]). Разыскивая только звукоподобіе, это мѣсто находили повсюду, даже въ устьяхъ *Днѣпра*, въ дер. *Ласпи*, въ дер. *Ай-Василь* (подлѣ *Ялты*), въ дер. *Каралезъ*[4]); но

---

[1]) По межевому плану, 1834 г., дачи *Корбеклы*.

[2]) Древн. акты, Зап. Од. Общ., VI, CCCLV, CCCXVII, CCCLXVIII, CCCLXX, CCCXIX.

[3]) Древн. акты патр., Зап. Од. Общ., VI, CCCLV, CCCCXIX.

[4]) Бурачковъ, О мѣстопол. Каркинита, Зап. Од. Общ., IX, 48; Сосногорова (Карауловъ), Путеводит. по Крыму, 4-е изд. (и другіе), 188; Васильевскій, Р. Визант. Изслѣд., II, CCXV; Tomaschek, Die Goten in T., 74; Кондараки, Столѣт. Кр., Ист. и Арх., 8; Гермогенъ, Таврич. епархія, 137.

кромѣ сходства названій необходима и географическая возможность. Объ устьяхъ *Днѣпра*, какъ-то странно и упоминать. *Ласпи* и *Ай-Василь* въ стасемидесяти и стадвадцати верстахъ отъ *Сугдеи*, никакъ не могли быть въ ея епархіи, и по дальности и по оказывавшейся черезполосицѣ съ Готскимъ и Херсонскимъ. *Каралезъ* (Кара-Илясъ—черный Илья) лежитъ въ четырехъ-пяти верстахъ отъ стѣнъ *Θеодоро* (*Мангупъ-кале*), почти у подножья горы, на которой лежитъ этотъ каѳедральный городъ Готской епархіи. Естественно, что татарская деревня *Каралезъ*, если только существовала въ тѣ времена, непремѣнно была Готской епархіи, а никакъ не Сугдейской, отъ которой она отстоитъ въ ста верстахъ. Такимъ образомъ, звуковымъ путемъ никакого *Элисса* нельзя указать, но по смыслу актовъ видно, что, также какъ и *Кинсанусъ*, это было названіе цѣлаго округа, а не одного какого-либо поселенія; въ *Элиссѣ* даже поставлялся Сугдейскимъ особый епископъ, чего не сдѣлали-бы для простого села, да это (хоръ-епископы) и возбранялось церковными постановленіями [1]). Наконецъ, неужели изъ-за одной деревни могла возгорѣться такая ссора между митрополитами, которую приходилось разбирать долгіе годы и рѣшать нѣсколькими постановленіями патріарховъ и синода. Этотъ округъ, по смыслу тѣхъ-же актовъ о спорѣ, прилегаетъ къ *Кинсанусу*, т. е. идетъ по прибрежью на востокъ отъ Алушты, заключая довольно значительное пространство, около восемнадцати верстъ по берегу и четыре деревни. Самое названіе мѣстности—Элиссъ, значащее—крученость, извилистость, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ топографіи этого округа; онъ весь пересѣченъ и изрѣзанъ многочисленными долинами, оврагами и ущельями. Кеппенъ очень вѣрно назвалъ дорогу по этимъ мѣстамъ (собственно сосѣднимъ, но свойство тоже) „непріятнѣйшей по южному берегу, безчисленными ярами и провалами пересѣченной“ [2]). О всемъ этомъ еще будетъ говорено подробно при опредѣленіи границъ епархій. Данныя объясненія вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ почему названія *Кинсануса* и *Элисса* исчезли изъ народной памяти; это произошло именно потому, что они относились не къ опредѣленнымъ поселеніямъ, а къ большимъ административнымъ или народнымъ дѣленіямъ страны. Прошла едва сотня лѣтъ, а кто, кромѣ книжниковъ помнитъ гдѣ были у насъ на югѣ напр. *Буджакъ*, или *Дикое поле*, или *Новороссійская* губернія? тогда какъ деревенскія поселенія въ нихъ и понынѣ сохранили свои старыя, значительною частью татарскія имена. Это естественное свойство памяти земскаго люда, твердо знающаго свою деревню, неизмѣнно сохраняя ее названіе, и почти не замѣчающаго выдумокъ правителей, или народа внѣ ея.

---

[1]) Арсеній, Лѣтопись церк. событій, 121; Древн. акты патр., Зап. Од. Общ., VI, CCCLV.

[2]) Кеппенъ, Крымск. Сборн., 140.

Такимъ образомъ, всѣ поселенія извѣстныя изъ средневѣковыхъ документовъ, на всемъ разсмотрѣнномъ протяженіи поставлены на свои мѣста, остается дать къ нимъ нѣсколько общихъ соображеній

Прежде всего желательно-бы знать все-ли существовавшее указано въ приведенныхъ спискахъ, не было-ли сдѣлано тогда пропусковъ? Нѣтъ данныхъ для положительнаго отвѣта на такой вопросъ, но пропуски въ спискахъ у Генуэзцевъ, столь охотно перечислявшихъ принадлежавшія имъ даже и ничтожныя деревушки съ полудюжиной жителей, едва-ли вѣроятны, а такъ какъ ко времени занятія *Крыма* и нынѣ, на всемъ разсматриваемомъ пространствѣ, оказывается поселеній гораздо больше, то приходится думать, что не помѣщенныя въ спискахъ образовались значительно позднѣе, несмотря на то. что не занятыми мѣстами оказываются многоводныя и плодородныя. На протяженіи между *Форосомъ* и *Ялтой*, сравнительно съ настоящимъ, не показаны деревни: *Мшатка, Мухалатка, Кучук-кой, Лимена, Симеизъ, Кореизъ, Гаспра, Нижн.* и *Верхн. Аутки.* Всѣ эти деревни при занятіи Крыма существовали, но *Фороса* и *Оріанды* генуэзскихъ записей уже не было, какъ нѣтъ ихъ и теперь.

На этомъ протяженіи въ числѣ не показанныхъ Генуэзцами значится и *Кореизъ*, а такой пропускъ требуетъ объясненій, ибо не сразу можно признать позднѣйшее образованіе этой деревни, такъ какъ тутъ жили древніе *Курасаиты*, торжище которыхъ извѣстно гораздо ранѣе генуэзскихъ записей, по житію Іоанна Готскаго. Опредѣляя положеніе этого мѣста, Васильевскій говорилъ, что по объясненіямъ Бюшинга и Кеппена, съ чѣмъ онъ и соглашался. *Курасаиты* должно видѣть въ теперешнемъ *Гурзуфѣ* (*Гурзувиты*)[1]). Бюшингъ (т. е. Тунманъ) сопоставилъ эти имена только по нѣкоторому созвучію, безъ какихъ-либо объясненій[2]); Кеппенъ, приведя въ подлинникѣ слова Тунмана, также оставилъ ихъ безъ разсмотрѣнія[3]); однако, такое отождествленіе, географически возможное, едва-ли вѣроятно. *Гурзуфъ* большое мѣстечко уже при Юстиніанѣ I, съ той поры крѣпость и видное поселеніе, съ значительнымъ по тому времени портомъ, не могло быть названо простымъ торжищемъ, базаромъ. Мурзакевичъ также только по звуку относилъ *Курасаитовъ* къ *Кара-су-базару*, что и географически невозможно[4]). Ю. А. Кулаковскій, по тому-же признаку подобозвучія, ви-

---

[1]) Васильевскій, Жит. Іоанна Готскаго, Журн. Мин. Нар. Пр., 1878, № 1, 122, 151. Предполагаетъ, что церковь у Курасаитовъ, по житію Іоанна Готск., со многими могилами, поэтому была пещерная, но пещерныхъ церквей нѣтъ и не могло быть на южномъ берегу, по свойству мѣстныхъ скалъ. Да нѣтъ и надобности въ такомъ объясненіи, такъ какъ не только пещерныя, но и всѣ церкви были переполнены могилами, въ тѣ времена, въ горномъ Крыму.

[2]) Buschings, Erdbeschreibung, IV B., 355, Troppau, 1784.

[3]) Кеппенъ, Крымск. сборн., 177.

[4]) Житіе Іоанна Готск., Зап. Од. Общ., XIII, 32.

дѣлъ *Курасаитовъ* въ урочищѣ *Карасанъ* или *Харасанъ* (теперь имѣніе г. Раевскаго)[1]), но это названіе чисто татарское, позднее, его не могло быть при Іоаннѣ Готскомъ; оно можетъ указывать или на случайное воспоминаніе о персидской области этого имени, или на то что здѣсь была обжигательная печь, кирпича или черепицы, а потомъ оставшіеся жженые обломки толкли въ порошокъ, для подмѣшиванія къ известковому раствору—это и есть *Карасанъ*, или *Харасанъ*. Впрочемъ, гораздо проще видѣть здѣсь самое обыкновенное татарское имя—Кара-Асанъ (Черный Асанъ), какъ показывалъ Кеппенъ[2]); это въ точности подтверждается тремя рѣдчайшими литографіями, тридцатыхъ годовъ, печатанными въ заведеніи самого владѣльца, М. М. Бороздина, гдѣ названіе имѣнія показано именно Караасанъ[3]). Ни малѣйшихъ слѣдовъ церкви или поселенія тамъ никогда не находили. Брунъ искалъ *Курасаитовъ* въ *Керчи*, что ни по звуку, ни географически невозможно[4]).

Деревня *Кореизъ* въ старину, при занятіи *Крыма* и довольно долго послѣ того, писалась *Хураисъ*, *Курансъ*, *Хуризы*, съ многочисленными подобнаго рода мелкими варіантами; эти написанія можно видѣть и на картахъ и въ спискахъ; такимъ образомъ, эта деревня, какъ мѣстоположеніемъ, такъ и своимъ именемъ вполнѣ напоминаетъ торжище *Курасаитовъ* и монастырекъ *Кюризу* патріаршихъ грамматъ[5]). Когда здѣсь поселилась, въ 1824 году, кн. А С. Голицына и надумала строиться, то закладку ея церкви, освящалъ арх. Гавріилъ, о чемъ оставилъ такую любопытную замѣтку:

„Кураиская Воскресенск., кам. 831. Совершенно новая церковь „построенная княгиней Голицыной, которая тутъ и покоится вѣчно. „Въ старину была тутъ Греческая церковь, какъ видно изъ надписи „на вырытомъ при заложеніи новой церкви камнѣ, который положенъ „и паки подъ основаніе новой церкви. Свидѣтельствуетъ имѣющій „честь предать сіе свѣдѣніе читателямъ. (Смиренный Г. А Х. и Т. „предосвящавшій мѣсто для основанія церкви въ 1829 году, когда и „путь по южному берегу Крыма былъ еще неудобопроходимъ)“ [6]).

Эти замѣтки арх. Гавріилъ видимо назначалъ для печати, и потому въ черновикѣ къ сожалѣнію, не счелъ надобнымъ сказать въ чемъ состояла и какая была видѣнная имъ надпись. Все это, однако, даетъ достаточное право именно здѣсь видѣть *Курасаитовъ* или *Кюризу* тожъ, а такъ какъ тогда было не селе-

---

[1]) Кулаковскій, Зам. по ист. и топ. Крыма, Арх. Изв. и Зам., 1896, № 1.

[2]) Кеппенъ, Крымскій сборн., Указат. къ картѣ, 42.

[3]) Двѣ перепечатаны, но не съ подлинными подписями; Модзалевскій, Архивъ Раевскихъ, IV.

[4]) Брунъ, О разн. назв. Керчи, Черноморье, II, 311.

[5]) Древн. акты, Зап. Од. Общ., VI, CCCCXCVII, 1395 года. *Κύριζος*, *Κύριζος*—тождественно съ *Хуризы* нашихъ старыхъ картъ

[6]) Сборн. Гавріила, II, Замѣтки по Таврич. губ. (конца тридцатыхъ годовъ XIX в.).

ніе, а торжище, т. е. базаръ. куда, вѣроятно, только по извѣстнымъ днямъ, съѣзжались жители окрестныхъ деревень, то оно и не попало въ Генуэзскіе списки. Однако, около этого же времени торжище начало заселяться, такъ что монастырекъ *Кюризу*, въ актѣ 1395 года, обозначается уже въ „Новой деревнѣ“ [1]).

Далѣе за *Ялтой*, до предѣла разсматриваемой части прибрежья, также оказываются многія поселенія не обозначенныя въ генуэзскихъ спискахъ, а именно, нынѣ существующія и бывшія при занятіи *Крыма*: *Дерекой, Ай-Василь, Марсанда, Магарачъ, Кизилъ-ташъ, Куркулетъ*, три *Дегерменъ-коя, Кучукъ-Ламбатъ, Корбеклы, Шума, Куру-узень (Ксеропотамъ)*, и *Кучукъ-узень (Микро-потамъ)*.

Всего отъ *Фороса* до *Кучукъ-узеня* показано въ актахъ патріархата и Генуэзцами пятнадцать поселеній, на протяженіи около пятидесяти верстъ береговой полосы. Изъ нихъ исчезли три—(*Форосъ, Оріанда* и *Аланія*), одно слилось съ бо́льшимъ (*Хрихарь* съ *Сикитой*), и все таки ко времени занятія Крыма было тридцать четыре поселенія, слишкомъ вдвое больше. Послѣ вывода въ 1778 г. христіанъ въ степи *Маріуполя* исчезли двѣ деревни (*Марсанда* и *Магарачъ*) остальныя существуютъ. Такимъ образомъ, приходится оставить бездоказательно повторяемую мысль, что населеніе южнаго берега во время Генуэзцевъ было значительнѣе, чѣмъ послѣ нихъ; оказываетося гораздо болѣе вѣроятнымъ совершенно обратное, т. е., что оно росло, умножалось и разселялось такъ, что къ русскимъ временамъ стало, приблизительно, по малой мѣрѣ вдвое бо́льшимъ, чѣмъ было въ концѣ XIV вѣка, занявъ всѣ удобныя и водныя долины и мѣста. Христіанъ съ этого прибрежья было выведено 2233 души, изъ 642 дворовъ въ 14 деревняхъ. Край значительно опустѣлъ, но мѣста ушедшихъ скоро пополнились и съ тѣхъ поръ населеніе усиленно растетъ, но внутри тѣхъ же поселеній, ибо заводить новыя негдѣ.

Не безполезно будетъ перечислить всѣ поселенія этого берега, бывшія и еще существующія, въ географическомъ порядкѣ, отъ запада къ востоку, по меридіанамъ; названія даны по современному написанію; исчезнувшія обозначены звѣздочкой: **Форосъ* (Подать, Дань, гр.). *Мшатка* (Средняя, Внутренняя); *Мухалатка* (Михайловка, гр.); *Кучукъ кой* (Малая деревня, т.); *Кикинеизъ* (Курчавая, гр.); *Лимена* (Пристань, Лиманъ, гр.); *Симеизъ* (Знакъ, гр.); *Алупка* (Лисица, гр.); *Мисхоръ* (Промежуточная дер., гр.); *Корензъ* (неизвѣстно); *Гаспра* (Бѣлая, гр.); **Оріанда* (неизвѣстно); *Верхн. Аутка* (Эта, гр., Уто мѣстныхъ грековъ); *Нижн. Аутка*; *Ялта* (Прибрежная, гр.); *Дере-кой* (Ущелья деревня, т.); *Ай-Василь* (св. Василій. гр.); **Марсанда* (неизвѣстно); **Магарачъ* (Пещера, гр.); *Никита* (Побѣдитель, гр.); *Гурзуфъ* (неизвѣстно); *Кизилъ-ташъ* (Красный камень, т.); *Куркулетъ* (неизвѣстно); *Де-*

[1]) Древн. акты, Зап. Од. Общ., VI, CCCCXCVII.

германъ-кой (Мельничная деревня, т.); другой *Дегерм.*; трет. *Дегерм.*; **Хрихарь* (неизвѣстно); *Партенитъ* (Дѣвичья, гр.); *Кучукъ-Ламбатъ* (Малый свѣточь, гр.); *Бюкъ-Ламбатъ* (Большой свѣточь, гр.); **Аланія* (Аланская); *Корбеклы* (Слѣпого сторожка. т.); *Шума* (неизвѣстно); *Демерджи* (Кузнецъ, т., она же *Фуна*, Дымящая. гр.); *Алушта* (Неумытая. гр.); *Улу-узень* (Большая рѣчка, т.); *Куру-узень* (Сухая рѣчка, т.); *Кучукъ-узень* (Малая рѣчка. т.)[1]).

Десимони давая списокъ поселеній указалъ, что *Готія* (генуэзска) простиралась отъ *Чембало* до *Солдаіи* включительно, поставивъ первую во главѣ списка, а вторую заключивъ его. Онъ повторилъ выраженія договора 1380 года (о чемъ далѣе) не замѣтивъ, что съ востока, между послѣднею данною имъ деревнею, *Мега-потамъ*, и *Солдаіею*, очень большое протяженіе берега ничѣмъ не занято, а въ слѣдующемъ спискѣ онъ же даетъ *Солдайскія* деревни (о нихъ ниже) именно въ этомъ незаполненномъ пространствѣ и помѣщающіяся. Также не могло быть и съ запада, чтобы между *Чембало* и *Форосомъ* не было поселеній; напр. рядомъ съ *Форосомъ*, западнѣе, была дер. *Ласпи* (Грязь, гр), не указанная въ спискѣ, а между тѣмъ въ этой красивой мѣстности, съ хорошей бухтой, превосходными рыбными ловлями, водой и земельными удобствами и до сихъ поръ видятся многіе остатки не только средневѣковой, но и древней жизни; передъ занятіемъ Крыма тамъ была деревня съ 128 душами и двумя церквами. *Форосъ* же и теперь не имѣетъ поселенія, и нѣтъ слѣдовъ его въ прошломъ, да по своему маловодію сколько нибудь примѣтное поселеніе тамъ и маловѣроятно. Почему же это мѣсто показано, а *Ласпи* нѣтъ? почему не показаны деревни вблизи *Солдаіи*? Все это объясняется, но иной постановкой, чѣмъ данныя Десимони. Въ *Солдаіи* и въ *Чембало* были консулы, управлявшіе не только своими городами, но и окрестными частями страны. Для *Солдаіи* и *Кафы* это опредѣленно извѣстно; въ *Чембало* было, конечно, тоже самое, хотя это прямо и не указано; безъ сомнѣнія къ ней тянули и ближайшія деревни, напр.: *Ксрань* (неизвѣстно), *Камары* (Комната, гр.), *Варнутка* (Брошенная, т.), *Мускомія* (Душистый медъ, гр.), вѣроятно и часть *Байдарской* долины, изъ которой только идетъ въ *Ласпи* удобная и хорошая дорога, а *Ласпи* и до сихъ поръ родъ пригорода *Балаклавы*, въ смыслѣ рыболовства. *Готія*-же, или точнѣе gregia marina Gotiae, какъ говорили Генуэзцы, управлялась особыми властями. Слѣдовательно, списокъ деревень данный Десимони въ точности даетъ предѣлы именно и только генуэзской области *Готіи*, каковая, какъ оказывается, тянулась отъ *Фороса* до *Мега-потама* включительно, а вовсе не отъ

[1]) Въ скобкахъ показаны и здѣсь, и выше, и далѣе, значенія названій, съ прибавленіемъ гр.—значитъ съ мѣстнаго, греческое или т.—знач. татарское. Эти значенія опредѣлялись не по филологическимъ соображеніямъ корнесловій, мнѣ неизвѣстнымъ, а просто по пониманію мѣстныхъ людей, хорошо знакомыхъ съ современными татарскимъ и греческимъ языками и ихъ нарѣчіями; возможно, что они ошибались, мѣстами.

Чембало до *Солдаіи*. Административная граница этой *Готіи* проходила по естественной преградѣ на западѣ, отрогу главной гряды горъ, кончающемуся мысами *Сарычъ* и *Форосъ*, что и отмѣчено въ спискѣ самимъ названіемъ пограничнаго мѣста—*Форосъ*, значащимъ дань, подать, можетъ быть указывающемъ ту границу, на которую сносились какія-либо подати. Управлялось морское прибрежье *Готіи* въ генуэзское время капитанами, а не консулами, т. е., повидимому, это управленіе носило военный обликъ. Первый капитанъ извѣстенъ въ 1429 г., Баттиста де-Гандино [1]). Въ уставѣ колоній 1449 года есть лишь косвенное указаніе на послѣднюю должность; позже капитанъ. Бальдассаре Андора, извѣстенъ въ 1454 году и далѣе, почти непрерывно, они идутъ до 1475 г. [2]).

Въ 1365 году Генуэзцы завладѣли *Судакомъ* съ окрестными деревнями послѣ многихъ треволненій, о которыхъ здѣсь не мѣсто разсказывать, къ тому-же общеизвѣстныхъ. Этотъ захватъ былъ за ними закрѣпленъ заключеніемъ въ 1380—1381 году, особаго мирнаго договора съ Татарами, по которому *Судакъ* и всѣ его восемнадцать деревень, взятыя Генуэзцами и опять отнятыя у нихъ Мамаемъ, признавались за Генуэзцами окончательно [3]). Въ этомъ договорѣ деревни не были поименованы [4]) и лишь много послѣ изданія договора и его перевода Десимони нашелъ, въ тѣхъ-же казначейскихъ спискахъ, ихъ названія, но не издалъ документовъ, въ которыхъ деревни указываются, а одну выборку именъ деревень, не давъ какихъ-либо, хотя-бы краткихъ замѣтокъ о существѣ самихъ документовъ, ни даже ихъ времени [5]). Въ этихъ спискахъ, какъ замѣчаетъ Десимони, деревни расположены не въ порядкѣ географической послѣдовательности, а какъ ни попало, но указаны крайнія изъ нихъ, на востокѣ и западѣ, чѣмъ значительно сужены предѣлы розысковъ. Самъ Десимони, а еще ранѣе Брунъ,

---

[1]) Canale, Della Crimea, I, 306.

[2]) Vigna, Codice diplomatico delle colonie Tauro-Ligure, t. II, p. 2, Stat. Caphe, 628 Capit. Goziae, 981–987; З. О. О., т. V, 726.

[3]) Silv. de Sacy, Pièces tirées des archives de Gênes, Notices et extraits des manuscrits, etc., t. XI, 52—58. Договоръ былъ заключенъ гдѣ-то „in mezo de Caffa e de la montagna de Sachim, davanti li trey pozi, dever la faça de Caffa“ (p. 55); т. е. „между Кафой и горой Сакимъ, у трехъ колодцевъ, въ виду Кафы“. Де-Саси, давая переводъ договора, принимая во вниманіе сюсюканіе генуэзскаго нарѣчія, на которомъ писанъ договоръ, назвалъ гору—Jachim, т. е. Жакимъ. Никакого подобозвучія этимъ названіямъ въ настоящее время не отыскивается, также, какъ нельзя указать и мѣста трехъ колодцевъ въ виду Кафы; эти два средневѣковыхъ названія остаются не пріуроченными; объ этомъ-же см. Смирновъ, Кр. ханство, 132 и Heyd, Histoire du commerce du Levant, II, 205–206. Въ окончательной редакціи договора, изданной Оливьери, (Carte et cronache per la storia genovese, 72), имени горы вовсе не указано.

[4]) Брунъ утверждалъ, что деревни названы въ самомъ договорѣ (О посел. итал. въ Газаріи, Черноморье, I, 224; Матер. для истор. Сугдеи, Черн., II, 144), но о пропускѣ ихъ названій сѣтовалъ еще Кеппенъ, совершенно вѣрно (Кр. Сборн., 86).

[5]) Desimoni, Nuovi studi sull'Atlante Luxoro, 254–255.

Карауловъ и друг., старались пріурочить эти деревни, но съ небольшимъ успѣхомъ, главнымъ образомъ потому, что искали подобія по звуку, мало обращая вниманія на географію, да и для послѣдней принимали, что Генуэзцы владѣли только прибрежьемъ, а потому и деревни искали лишь вдоль самаго морскаго берега. Такое предположеніе, не основанное на какихъ-либо данныхъ, можетъ быть признано вѣрнымъ только для вышеуказаннаго участка, отъ *Фороса* до *Мега-потама*, гдѣ хребетъ горъ на столько неудобопроходимъ, что составляетъ естественную границу; совсѣмъ не то вблизи *Судака*. Здѣсь горы отступаютъ отъ берега, значительно понижаются и разрываются на отдѣльныя возвышенности, такъ, что не рѣзко примѣтны южный и сѣверный склонъ общей гряды горъ, поэтому онѣ не представляютъ естественной преграды; даже сама *Судакская* долина, со всѣми подраздѣленіями, несомнѣнно вся принадлежавшая Генуэзцамъ, тянется далеко на сѣверъ, поэтому здѣсь нѣтъ и возможности думать, что Генуэзцы ничѣмъ не владѣли вдали отъ берега моря. Самое звукоподобіе, конечно, много значитъ, но надобно помнить, что мы знаемъ теперешнія названія мѣстностей, но не представляемъ себѣ, какъ эти слова звучали въ народномъ говорѣ того далекаго времени. Однако, можно сказать, что эти имена, столь чуждыя Генуэзцамъ, воспринимались ими съ самыми разнообразными и удивительными искаженіями въ произношеніи и написаніи ихъ: напр., какъ догадаться, что *Tasilli* современное—*Шеленъ*, *Pangropoli* тотъ-же—*Партенитъ* и т. под. [1]) У всѣхъ есть склонность осмыслить чужое слово своимъ языкомъ, и у Генуэзцевъ это было также въ ходу [2]). Наконецъ, ошибки писцовъ

---

[1]) Pangropoli, несомнѣнно означаетъ поселеніе Партенитъ, но превращеніе самаго имени, быть можетъ, произошло, какъ думалъ Кеппенъ, при посредствѣ монастыря Ай-Брокуль (т. е. св. Прокла), развалины котораго онъ видѣлъ вблизи (однако, около десяти верстъ) Партенита, (Кеппенъ, Крымскій сборникъ, 160).

[2]) Искажая имена поселеній въ Крыму, часто почти до неузнаваемости, Генуэзцы при этомъ всегда брали въ основу только греческія названія, или вообще древнія, никогда не переводя ихъ значеніе на свой языкъ (исключеніе — Аккерманъ въ Бессарабіи, объясняемое далѣе). Татарскія названія они заимствовали только въ случаѣ неимѣнія болѣе стараго. Монголо-Татары поступали иначе, давая всѣмъ городскимъ поселеніемъ (кромѣ Кафы), свои осмысляемыя названія. Такое же отношеніе тюркскихъ племенъ вообще къ географической номенклатурѣ указано для всей Азіи (L. Cahun, Turcs et Mongols, 31—32). Это замѣчаніе можетъ служить нѣкоторымъ указаніемъ времени основанія городовъ, въ смыслѣ до татарскаго или послѣ него. Въ поясненіе сказаннаго, привожу сравнительную таблицу названій всѣхъ крымскихъ городовъ извѣстныхъ не позже татаро-генуэзскаго времени.

Греко-визант.	*Генуэзское.*	*Татарское.*
Керкинитъ.	Крикинери.	Гёзъ-деве.
Херсонъ.	Сарзона.	Сары-керменъ.
Каламита.	Каламита.	Инъ-керменъ.
Ѳеодоро.	Тодоро.	Мангупъ-кале.

и переписчиковъ, бывшихъ и настоящихъ, тоже имѣютъ свой вѣсъ. Принимая все это въ соображеніе, попробую пріурочить деревни Солдайскаго консульства.

По Десимони въ спискахъ говорится, что ихъ округъ простирался *„a Cosio usque ad Osdaffum“* включительно, а затѣмъ даны такъ написанныя имена деревень:

1.	*Casale Coxii.*	10.	*Casale de Bezalega.*
2.	„ *Sancti Johannis.*	11.	„ *de Buzult.*
3.	„ *Tarataxii.*	12.	„ *de Cara ihoclac.*
4.	„ *Louolli.*	13.	„ *de lo Diauollo.*
5.	„ *de lo Sille.*	14.	„ *de lo Carlo.*
6.	„ *de lo Sdaffo.*	15.	„ *Sancti Erigni.*
7.	„ *de la Canecha.*	16.	„ *Saragaihi.*
8.	„ *de Carpati.*	17.	„ *Paradixii.*
9.	„ *de lo Scuto.*	18.	„ *de lo Cheder.*

О томъ же имѣются и иныя генуэзскія показанія. Послѣдній Солдайскій консулъ, Христофоро ди Негро, велъ судьбище и обширную переписку, по поводу захвата, братьями Гуаско, двухъ деревень его управленія, т. е. долженствовавшихъ значиться въ показанномъ перечисленіи. Въ этой перепискѣ имъ упоминаются нѣсколько деревень, но подъ другими названіями, что въ значительной мѣрѣ способствуетъ уясненію мѣстоположеній и будетъ далѣе принято во вниманіе. Особенная важность данныхъ этого спора состоитъ въ томъ, что владѣніе *Солдаіею* восемнадцатью деревнями подтверждается нѣсколько разъ и въ такомъ видѣ, что до самаго конца генуэзскаго господства въ *Крыму* въ управленіи Солдайскаго консула ихъ больше и не было, а это также весьма важно для пріуроченія деревень[1]); тоже число деревень подтверждается и уставомъ Генуэзскихъ колоній, 1449 года[2]). Такимъ образомъ, въ основу дальнѣйшихъ соображеній и бу-

Греко-визант.	*Генуэзское.*	*Татарское.*
Символонъ.	Чембало.	Балуклы.
Сугдайя.	Солдайя.	Су-дагъ.
Кафа.	Кафа.	Кэфэ.
Пантикапей.	Понтико.	Керчь.
Боспоръ.	Боспоръ.	
Матарха.	Матрега.	Туманъ.
Тафръ.	„	Оръ-капи.
„	Керкери.	Кыркъ-іери.
„	Солхать.	Солкатъ.

[1]) Vigna, Codice dipl., t. II, p. 2, 306, 318, 320, 323. Самый споръ консула съ тремя братьями Гуаско изложенъ, вкратцѣ, Л. П. Колли въ стат. о Христофоро ди Негро, Изв. Тавр. Арх. Ком. № 38.

[2]) Vigna, op. c., II, p. 2, 660, § 518; З. О. О., V, 780. § 11.

дутъ положены списокъ Десимони и данныя изъ генуэзскихъ актовъ, но прежде представлю сдѣланное въ этомъ направленіи до сихъ поръ.

Кеппенъ первый занимался этимъ вопросомъ; незная названія деревень онъ предположилъ, что эти деревни были тѣ же самыя, что значились позднѣе въ турецкомъ Судакскомъ кадылыкѣ (судебно-административномъ округѣ), при занятіи *Крыма*. Здѣсь число деревень оказалось почти тоже (девятнадцать), а это, вѣроятно, и дало Кеппену основаніе поддерживать свою мысль. Соображаясь съ деревнями Судакскаго и другихъ турецкихъ кадылыковъ въ южномъ *Крыму*, онъ показалъ, приблизительно, сѣверную границу турецкихъ владѣній и полагалъ, что въ тѣхъ же границахъ владѣли Генуэзцы и даже Византійцы [1]). Эти соображенія, логически вѣроятныя, дѣйствительность не оправдала. Оказалось, что Турки мало обращали вниманія на предшествовавшія ихъ владычеству политически-административныя дѣленія покореннаго ими горнаго *Крыма*. И самъ Кеппенъ могъ бы замѣтить, что въ приведенныхъ имъ, по Палласу, спискахъ деревень кадылыковъ, въ Мангупскомъ значатся смѣшанно деревни принадлежавшія не только двумъ генуэзскимъ округамъ (консульства *Чембало* и часть капитанства *Готіи*), но и владѣнія города *Херсона* и княжества *Θеодоро*. Генуэзцы всегда держали *Солдаію* въ черномъ тѣлѣ, какъ старую соперницу *Кафы*, и управленію ея консула не давали большой ширы, понятно, что у Турокъ соображенія оказались иныя и они измѣнили границы округа, присоединивъ къ нему кусокъ капитанства приморской *Готіи* и отнявъ часть съ сѣвера; изъ девятнадцати деревень турецкаго кадылыка только семь были подвластны консулу *Солдаіи*, да четыре изъ такихъ же исчезли совсѣмъ.

Изъ этого поясненія можно видѣть, что общимъ путемъ, поставленнымъ Кеппенномъ, этого вопроса нельзя рѣшить. Соображенія поэтому же поводу высказанныя другими авторами, касаясь деревень въ частности, будутъ указаны въ своихъ мѣстахъ, такъ какъ приходится разсматривать каждую деревню въ отдѣльности.

Прежде всего мы видимъ, что границы консульства *Солдаіи*, опредѣляемыя положеніемъ его деревень, простирались „*a Cosio usque ad Osdaffum*“, но *Cosio* или, какъ стоитъ въ спискѣ, подъ № 1—*Coxii*, есть безъ малѣйшаго сомнѣнія деревня *Козы*, по теперешнему произношенію (т. е. кокъ-гёзъ—синій глазъ, по татарски) [2]). Она находится отъ *Судака* въ двѣнадцати верстахъ къ востоку, въ сторону *Θеодосіи*; этою деревнею и опредѣляется въ точности восточная граница консульства. Мѣсто деревни *Osdaffum*, столь важной для опредѣ-

[1]) Кеппенъ, Крымск. Сборн., 78, 80.

[2]) Нѣкоторые мѣстные татары говорятъ, что названіе деревни происходитъ отъ слова «козъ», значащаго орѣхъ по ногайски. Невѣроятно, чтобы названіе деревнѣ дали чужіе ногайцы, да и существовала деревня, конечно, ранѣе, чѣмъ прославилось своими орѣхами. Производятъ названіе деревни также и отъ слова «кёзъ»—впадина, лощина.

ленія западной границы, составляло главный камень преткновенія всѣхъ поисковъ. Карауловъ искалъ эту деревню при маленькой рѣчкѣ *Сотера*, западнѣе *Мега-потама* (*Улу-узень*); Г. Браунъ еще западнѣе въ долинѣ *Еди-евлеръ* (семь дворовъ); все это точно извѣстно въ капитанствѣ *Готіи* и указывалось для *Солдаіи* безъ какого либо основанія, просто какъ въ пустыхъ мѣстахъ [1]); Брунъ и Десимони не рѣшались сказать о ней, что бы то ни было. Приходится поискать инымъ путемъ. Названіе деревни пишется вначалѣ—*Osdaffum*, но въ перечисленіи деревень оно же значится—*de lo Sdaffo* (№ 6), слѣдовательно, отбрасывая предлогъ и членъ, оно звучало для Генуэзцевъ какъ—*Sdaffo*, а изъ того что говорилось выше о предѣлахъ приморской *Готіи* должно заключить, что эта деревня была гдѣ либо восточнѣе *Мега-потама* (*Улу-узеня*), крайняго предѣла послѣдней. Разыскивая въ этихъ мѣстахъ всяческія урочища, оказалось, что верстахъ въ пяти сѣвернѣе дер. *Искюта*, въ его рѣчку впадаетъ, съ запада, притокъ, образуя въ горахъ хорошую долину; это большое урочище извѣстно подъ именемъ *Ставлухаръ* [2]), т. е. *Ставло-хорá*, конюшенныя деревни, по гречески. Вѣроятно здѣсь была деревня, служившая въ особенности лѣтнимъ помѣщеніемъ скота, откуда и ея названіе. Мѣстность удобная, хорошо укрытая, есть остатки развалинъ; теперь тутъ пустырь и частью виноградники *Искюта*. Какъ по соображенію съ границей *Готіи*, такъ и по созвучію, съ полнымъ основаніемъ можно видѣть здѣсь передѣлку Генуэзцами названія σταῦλως въ *Sdaffo*. Выше указано, по совершенно инымъ источникамъ, что чуть западнѣе этого мѣста проходила восточная граница капитанства *Готіи* слѣдовательно границы между двумя административными округами *Готіей* и *Солдаіей*, опредѣляются одинаково разными путями и значитъ точно. Опредѣливъ границы консульства, восточную и западную, а также первую деревню списка, можно далѣе идти по ихъ номерамъ.

Sancti Iohannis, № 2. Разумѣется, это генуэзское чтеніе греческаго *Ай-Янъ*, но съ такимъ именемъ вблизи *Судака* нѣтъ деревни, да и въ тѣ времена она была названа по имени церкви; подлѣ дер. *Таракташъ*, восточнѣе, есть долина съ остатками построекъ, называющаяся *Ай-Ванъ*, здѣсь и была та церковь, по которой называлась и деревня. Г. Браунъ полагалъ [3]), также по имени церкви, эту деревню въ *Курузенъ*, но это далеко и въ предѣлахъ иного округа, капитанства *Готіи*.

Tarataxii, № 3. Одна изъ современныхъ большихъ деревень, *Бюкъ* (большой) или *Кучукъ* (малый) *Тарактатъ* (гребень-камень—по виду скалы).

---

[1]) Карауловъ, Путевод. по Крыму, 4-е изд., 206. Braun, Die letzten Schicksale der Krimgoten, 25.

[2]) Русскія карты Крыма, особенно послѣдняя, одноверстная.

[3]) Braun, op. c., 25.

Lonolli, № 4. Правильное написаніе было *lo Volli*; отбрасывая членъ, останется *Volli,* т. е. теперешняя *Во́ронъ*. Это названіе, несмотря на его тождество съ русскимъ словомъ, конечно, не русское, такъ какъ извѣстно ранѣе занятія *Крыма*. Трудно сказать изъ какого именно произношенія его смягчили Генуэзцы. На первыхъ нашихъ картахъ эта деревня названа—*Веринкуль, Ворункуу*; исключая окончаніе, испорченное—кой (деревня), основное названіе было, повидимому, какъ слышится въ говорѣ татаръ и теперь, *Вэрынъ, Вэранъ*, что значитъ—покинутая, брошенная. Изъ такого же имени на западѣ *Крыма* мы сдѣлали *Варнутку*.

De lo Sille, № 5. Въ перепискѣ генуэзскихъ чиновниковъ эта же деревня пишется: *Tasili, Tasilli, Tassili*[1]). Отбрасывая предлогъ и членъ, ея названіе будетъ—*Sille, Sili,* т. е. теперешняя—*Ше́ленъ*, которую еще въ первыхъ русскихъ спискахъ, по занятіи *Крыма*, писали также, какъ у Генуэзцевъ—*Шиле*[2]); въ мѣстномъ говорѣ грековъ—тысяча.

De lo Sdaffo, № 6. Объ этой деревнѣ уже сказано выше.

De la Canecha, № 7. И понынѣ называется *Канака,* долина и рѣчка западнѣе *Искюта*. Деревни теперь тутъ нѣтъ, но достаточно развалинъ и небольшая культура. Эта долина лежитъ чуть западнѣе крайней западной деревни—*Sdaffo,* но это объясняется тѣмъ, что Генуэзцы считали, конечно, не по картамъ, а по времени ѣзды, каковая направлялась береговой тропой и тогда *Canecha,* въ западную сторону, ближе къ *Солдаіи*, чѣмъ *Sdaffo*, до которой приходилось еще, свернувъ съ береговой дороги, значительно подыматься въ гору, выше *Искюта*. Бартоломео ди Сантамброджіо, кафскій чиновникъ, называетъ эту деревню въ 1474 году, точно такъ, какъ и теперь — *Canaca* и прибавляетъ, что это *„caxale canlucorum*[4], т. е. деревня ханскихъ людей[3]). Названіе деревни значитъ — милая, игривая въ мѣстномъ греческомъ языкѣ.

De Carpati, № 8. Теперь и въ старыхъ спискахъ зовется *Арпатъ*; вѣроятно значитъ—захватъ, похищеніе, въ греческомъ говорѣ.

De lo Scuto, № 9. Въ генуэзской перепискѣ пишется *Scuti*[4]); это, конечно, теперешній—*Искютъ*, въ нашихъ старыхъ описяхъ писавшійся точно, какъ у Генуэзцевъ—*Скутъ*[5]). Будто бы значитъ—стой, по мнѣнію Кондараки, но неизвѣстно на какомъ языкѣ; онъ же передаетъ легенду, въ которой это названіе идетъ отъ первыхъ поселенцевъ, сказавшихъ—истъ-гутъ, при видѣ хорошей страны; легенда намекаетъ на Готовъ и конечно выдумана самимъ Кондараки въ виду созвучія словъ[6]).

---

[1]) Vigna, Codice dipl., t. II, p. 2, 293, 318, 320, 323, 386, 391, 508.

[2]) Лашковъ, Статист. свѣд. о Крымѣ, 1783 г., Зап. Од. Общ., XIV, 130.

[3]) Vigna, op. c., 415.

[4]) Vigna op., c., 293. 318, 320, 508, 523.

[5]) Лашковъ, op. c., Зап. Од. Общ., XIV, 130.

[6]) Кондараки, Въ пам. стол. Крыма, топограф. обзоръ, 274.

De Bezalega, № 10. Теперь эта деревня зовется—*Бешъ-евъ*, а еще полнѣе—*Бешъ-евъ-эли* (пяти дворовъ селеніе, т.; эли—значитъ поселеніе, жилище, очень распространенная прибавка къ названіямъ деревень около *Кара-су-базара, Стараго Крыма* и вообще въ восточномъ *Крыму*); въ первыхъ русскихъ вѣдомостяхъ писали эту деревню—*Бешевле* [1]); изъ такого звука Генуэзцы сдѣлали свою—*Bezalega*.

De Burult, № 11. Брунъ относилъ къ современной *Эль-Бузлы*, т. е. *Бузлы-эли* (ледяная т.) и совершенно вѣрно [2]).

De Cara ihoclac, № 12. Брунъ думалъ, что эта деревня была въ нынѣшнемъ *Кутлакъ* (привидѣніе, т.) или *Токлукъ* (плодородный, т.), обѣ эти деревни лежатъ на южномъ склонѣ горъ, а по смыслу всего, о чемъ далѣе, генуэзская *Cara ihoclac* находилась на сѣверномъ, поэтому полагаю ее въ современномъ *Куртлукъ* (червивый) или *Каргалыкъ* (вороньe мѣсто, т.), деревнѣ чуть сѣвернѣе *Эль-Бузлы* (на картѣ пропущена), что и созвучію лучше подходитъ. Однако, въ генуэзскомъ названіи выдѣляются два слова, первое кара—черный, а второе, возможно, оглакъ - козленокъ; съ такимъ значеніемъ нынѣ нѣтъ поселенія.

De lo Diauollo, № 13. Карауловъ полагалъ, что это деревня *Туакъ* (головной платокъ, т.), потому что вблизи ея есть пещера (однако, верстахъ въ десяти), гдѣ, по татарскимъ разсказамъ, живетъ дьяволъ [3]), но генуэзское имя слѣдуетъ разсматривать въ иной плоскости, чѣмъ его буквальное значеніе. Собственно мѣстнаго названія чорта въ такомъ именно созвучіи не могло быть и Десимони предполагалъ, что здѣсь данъ переводъ татарскаго слова (чортъ — шайтанъ) [4]), но въ *Крыму* нигдѣ не видно перевода Генуэзцами на свой языкъ чужаго значенія названія (см. выше въ примѣчаніи), да и мало вѣроятно, чтобы кто-бы то ни было, а татары въ особенности, назвали свою деревню чортовой. Безъ сомнѣнія это простое осмысленіе по итальянски какого-то подобозвучія, напр.: Тавъ-эли (жирная, богатая, т.), Татъ-эли (невѣрныхъ, покоренныхъ деревня, т.). Дагъ-эли (горная деревня, т); Деве-эли (верблюжья деревня, т.) [5]). Слѣдуетъ однако замѣтить, что деревни съ подобнымъ именемъ нынѣ нѣтъ въ разсматриваемомъ округѣ. Есть *Тавъ-эли* (*Тавель*) и *Дагъ-эли*, но онѣ далеко, по *Салгиру*. Тавъ собственно значитъ—жирная, богатая, и съ этимъ присловьемъ есть вблизи деревня *Тавъ-Чокончи*, но все-же она

---

[1]) Лашковъ, Камер. опис. Крыма, 1784 года, Изв. Таврич. Арх. Ком., № 6, 46, 16 деревня и точно эта самая 48, 22 дер. Карас. кадыл.

[2]) Брунъ, Черноморье, II, 144, Матер. для ист. Суд.

[3]) Сосног. и Карауловъ, Путевод. 4-е изд., 210.

[4]) Desimoni, Nuovi studi, 255.

[5]) Въ одной изъ приписокъ Фирковича приводится названіе поселенія—Дайбули. Приписка выдумана, но возможность звукового сходства этого имени остается (Зап. Од. О., I, 634); это тоже, что и тай-буляу,—жеребенка нашелъ.

почти въ степи, на сѣверномъ склонѣ и слишкомъ далеко, въ бассейнѣ р. Зуи, тогда какъ генуэзскія поселенія сѣвернаго склона всѣ въ бас. р. Кара-су. *Татъ-эли* называли христіанскія селенія и вообще весь южный берегъ. Есть *Деве-ташъ* (верблюжій камень, т.), названіе лѣсной дачи вблизи *Эль-Бузлы*, возможно и бытіе здѣсь деревни *Деве-эли*, изъ чего само собой писалось lo Diavollo. Въ общемъ, возможному объясненію названія не нахожу прямого приложенія, вѣроятно потому, что эта деревня исчезла.

De lo Carlo, № 14: Славичъ (Сосногорова), указывала на урочище *Кеарлы*, повыше *Кутлака* [1]) но это описка имени горы называющейся *Исарлы* (крѣпости подобная, т.), а не *Кеарлы*, слово не имѣющее значенія. Генуэзское названіе деревни есть передѣлка татарскаго—*Юкары* (верхній), часто прилагаемаго къ горнымъ деревнямъ; хотя тутъ и мало подобозвучія, но это опредѣляется иными соображеніями. Въ генуэзской перепискѣ въ числѣ подвластныхъ *Солдаіи* восемнадцати деревень, указывается деревня *Otaihi*, т. е., по смыслу тогдашняго написанія, настоящее ея названіе было *Taihi*, но такой деревни вовсе нѣтъ въ основномъ спискѣ восемнадцати, зато и до сихъ поръ имѣются въ дѣйствительности въ этихъ мѣстахъ три деревни, зовущіяся *Тайганъ*, одна изъ нихъ *Юкары-Тайганъ* (верхняя сковорода, т.). Приходится думать, что въ спискѣ деревень дали только первое слово названія—*Юкары*, передѣлавъ его въ *Carlo*, а консулъ *Солдаіи*, лучше знавшій свои деревни, далъ ея истинное названіе — *Taihi*, бывшей не только явно въ числѣ восемнадцати, но ея жители даже имѣли свои дома въ *Солдаіи* и платили тамъ подати [2]).

Sancti Erigni, № 15. Десимони говоритъ, что это названіе вѣроятно значитъ *Santa Irene* [3]). Незнаю возможно ли такое превращеніе написанія имени св. Ирены, но нигдѣ въ *Крыму* не бывало церкви во имя такой святой. Карауловъ искалъ эту деревню на горѣ *Эльтигенъ* (рука дотронулась, т.), подлѣ *Отузъ* [4]). Вѣрнѣе полагать, что и здѣсь дѣло въ осмысленіи чуждаго Генуэзцамъ имени. Межъ трехъ деревень, изъ числа восемнадцати, поименованныхъ консуломъ есть *Сартана* (желтый теленокъ, т.), которую составитель списка и осмыслилъ въ *Sancti Erigni;* гораздо позже, консулъ, ближе знавшій свои деревни, далъ настоящее названіе—*Сартана*, которое иначе вовсе не находится между восемнадцатью, а должно быть тамъ непремѣнно [5]).

Saragaihi, № 16. Брунъ думалъ, что это Сары-кая (желтая скала, т.), но такой деревни здѣсь не было вовсе [6]). Въ генуэзской перепискѣ

---

[1]) Славичъ, Письмо къ Бруну, Зап. Од. О., VIII, 472.
[2]) Vigna, op. c., t. II, p. 2, 302, 511.
[3]) Desimoni, op. c. 255.
[4]) Карауловъ и Сосногорова, Путеводитель по Крыму, 4-е изд., 368.
[5]) Vigna, op .c., t. II, p. 302, 511.
[6]) Брунъ, Черноморье, Мат. для Ист. Сугдеи, II, 144.

названіе этой деревни пишется — *Caragaihi, Charagaihi* [1]), и есть, конечно, татарское—*Кара-агачъ* (черное дерево, т. собственно одна изъ породъ береста). Деревушка этого имени была очень маленькая, вблизи *Солдаіи* (*in confinibus Sold.*), всего въ пять хатъ, да и въ нихъ жили только во время полевыхъ работъ, а въ остальную пору поселяне оставались въ самой *Солдаіи*. Теперь съ такимъ именемъ нѣтъ деревни, но западная часть двойной *Судакской* долины, *Ай-Савская*, въ своей верхней части зовется *Кара-агачъ*, съ тѣмъ же именемъ и лѣсъ ее окружающій; здѣсь, конечно, была и деревушка этого имени [2]).

Paradixii, № 17. Десимони думалъ, что эта деревня была на мѣстѣ *Демерджи*, конечно, по нѣкоторому звукоподобію, но деревня съ послѣднимъ именемъ находилась совсѣмъ въ другомъ округѣ, въ капитанствѣ *Готіи* и въ тѣ времена звалась *Фуной*, какъ выяснено выше. Караулову и Славичъ это названіе дало поводъ къ романтическому предположенію на тему рая [3]), но едва-ли могли назвать деревню раемъ, также какъ и чортомъ, да къ тому же въ такомъ толкованіи пришлось бы допустить переводъ значенія мѣстнаго слова на итальянскій. Дѣло стоитъ проще; близъ деревни *Орталанъ* (средняя поляна, т.) есть издавна извѣстные и почитаемые монастырь и церковь *св. Параскевы* (нынѣ возобновленные), да и въ самомъ *Орталанѣ* были развалины древней церкви во имя той-же святой [4]); вотъ ея имя, непонятное Генуэзцамъ, они и передѣлали въ *Paradixii*. Консулъ *Солдаіи*, знавшій точнѣе свои деревни, назвалъ въ ихъ числѣ вмѣсто *Paradixii* деревню *Ortalagam*, т. е. явно *Орталанъ*, а не имя его или сосѣдняго монастыря церкви [5]).

De lo Cheder, № 18. Передѣлка названія деревни *Чердаклы* (ступенчатая, т.), находящейся также на сѣверномъ склонѣ въ бассейнѣ р. Кара-су.

Такимъ образомъ почти всѣ деревни списка пріурочены достаточно хорошо. Прочность сдѣланныхъ указаній подкрѣпляется также и общимъ соображеніемъ. Десимони говорилъ, что всѣ восемнадцать деревень даны въ спискѣ въ географическомъ безпорядкѣ, однако, если обратить вниманіе на сдѣланное пріуроченіе, то можно замѣтить, что хотя въ спискѣ деревни и не идутъ точно одна за другой, отъ востока къ западу, но все же въ нихъ ясно видны, безъ смѣшенія, двѣ группы: первая половина, девять деревень, находится на южномъ склонѣ гряды горъ, а вторая, тоже девять деревень, лежитъ на сѣверномъ и, конечно, это не могло быть простой случайностью

---

[1]) Vigna, op. c., t. II, p. 2, 301, 310, 387, 404.

[2]) О положеніи Кара-агача, см. Кеппенъ, Крымск. Сборн., 112—113.

[3]) Карауловъ, Путевод. по Крыму, 4-е изд., 383; Славичъ. Письмо къ Бруну. Зап. Од. Общ. VIII, 473.

[4]) Гавріилъ, арх., Ост. христ. древн. въ Крыму, Зап. Од. Общ., I, 325, № 25.

[5]) Vigna, op. c. t. II, p. 2, 302, 511.

въ спискѣ, а потому и свидѣтельствуетъ о вѣрности пріуроченія именно второй половины, въ которой всего болѣе неопредѣленныхъ. До сихъ поръ вовсе не предполагалась возможность владѣнія Генуэзцами частью сѣвернаго склона хотя ничто ни въ географическомъ, ни въ историческомъ смыслахъ этому не представляло помѣхи. Деревни показанныя послѣднимъ консуломъ *Солдаіи* непремѣнно должны быть въ числѣ восемнадцати перваго списка, и какъ не удивительны отождествленія *Ortolagam* съ *Paradixii, Otailli* съ *de lo Carlo* и *Sartana* съ *Sancti Erigni,* но все это приходится признать.

Есть еще деревня показаная тѣмъ же консуломъ Ди Негро и тоже, конечно, бывшая въ числѣ восемнадцати—*Marti*[1]). Такого имени, или ему подобнаго нынѣ вовсе не имѣется и мнѣ кажется, что это осмысленіе или даже просто описка, стараго или новаго времени; возможно, что *Marti* есть таже *Carpati—Арпатъ*, № 8 списка. Вѣроятность этого подтверждается тѣмъ, что жители деревни *Marti* жаловались на самоуправство тѣхъ же братьевъ Гуаско, захватившихъ *Искютъ* и *Шеленъ* и властовавшихъ тамъ до права примѣненія смертной казни включительно.[1]) *Арпатъ* (*Marti*) находится по серединѣ пути между этими деревнями и не могъ избѣгнуть судьбы своихъ обоихъ сосѣдей, захваченныхъ предпріимчивыми братьями—авантюристами.

Въ той же замѣткѣ Десимони показаны еще деревни, но уже консульства не *Солдаіи*, а *Кафы*[2]). *Otuzii*—безъ сомнѣнія нынѣшній *Отузъ* (тридцать, т.). Странность этого татарскаго названія давала поводъ утверждать совсѣмъ невѣроятное, предполагая, что въ этой малой и маловодной долинѣ когда то были тридцать деревень[3]), генуэзское показаніе, достаточно ясно называющее лишь одну деревню, доказываетъ, что этого никогда не бывало. Въ генуэзскихъ источникахъ къ тому же значится, что *Отузъ* недавно основанъ, что даетъ время, такъ какъ казначейская запись 1461 г., а это показываетъ, что и до того такое названіе не могло получиться отъ разселенія тридцати деревень. Предполагаютъ также, что названіе—тридцать, дано потому, что эта деревня находится въ тридцати верстахъ и отъ *Θеодосіи* и отъ *Судака* объясненіе остроумное, но безъ сомнѣнія татары въ XV вѣкѣ не считали нашими теперешними верстами[4]). Въ такихъ объясненіяхъ нѣтъ надобности, такъ какъ у Татаръ очень употребительны собственныя имена изъ числительныхъ, даваемыя и людямъ и мѣстностямъ[5]).

---

[1]) Vigna, op. c,, 414

[2]) Desimoni, op. c., 255.

[3]) Карауловъ, Путевод., 4-е изд., 363.

[4]) Домбровскій, Очеркъ Θеодос. уѣзда, Новорос. календ. на 1856 г., 23.

[5]) Смирновъ, Крымское ханство, 110.

Далѣе къ востоку Десимони назвалъ еще—*Pefidima* или *Possidima*; теперь здѣсь нѣтъ деревни; въ этомъ морскомъ заливѣ, впрочемъ, на первыхъ русскихъ картахъ 1771—80 годовъ, еще показана здѣсь маленькая армянская деревушка. Десимони все это приравнялъ къ *Генуэзскому порту*, или, что тоже, къ бухтѣ *Тэкіе* (монастырекъ. т.); названіе позднѣйшее, турецкое, оно показано не только на первыхъ картахъ, но и на картѣ Кеппена, дано по армянской церкви, находящейся здѣсь недалеко отъ берега; ея развалины еще довольно хорошо сохранились. Прибавлю, что ранѣе эта же бухта называлась *Provato, Provanto;* нѣкоторое время она была въ рукахъ Венеціанъ [1]). Въ настоящее время это *Двуякорная* и, что удивительно, у мѣстныхъ рыбаковъ сохранилось ея старинное названіе—*Provato,* но въ русскомъ осмысленіи, ее называютъ—*Праватка*, ведя это отъ слова правая; въ дѣйствительности, оно идетъ изъ греческаго—овца, овечье мѣсто, что и до сихъ поръ встрѣчается въ этомъ почти безводномъ, безжизненномъ, пустынномъ мѣстѣ.

Между *Отузъ* и *Двуякорной* на средневѣковыхъ картахъ помѣщена *Caliera, Calitra,* съ разными варіантами; это теперь бухта и деревня *Кокъ-тебель* (синяя вершина, т), но неизвѣстно было ли тамъ поселеніе, при Венеціанцахъ не долго владѣвшихъ, а потомъ Генуэзцахъ.

Наконецъ, Десимони даетъ еще два имени—*Baganda* и *Vonitica;* онъ не говоритъ что это такое, деревни или что иное. Первое, *Баганда*, своимъ словообразованіемъ соотвѣтствуетъ урочищамъ южнаго берега, т. е. генуэзской *Гоміи*, гдѣ ее показалъ и Десимони; только тамъ извѣстны названія урочищъ съ окончаніемъ на—*анда: Аянда, Панда* [2]), *Кунда, Оріанда, Мургунда, Аунда, Марсанда*. Ни изъ какого мѣстнаго языка теперь эти названія не объясняются и Томашекъ, быть можетъ, правъ говоря, что это слѣды языка древнихъ Тавровъ [3]). Эти названія, удержавшіяся въ длинномъ рядѣ вѣковъ, со времени русскаго владычества, и даже не въ его началѣ, а близъ половины XIX вѣка, начали портить; *Оріанду* стали часто писать—*Орэанда*, а *Марсанду*, довольно обычной перестановкой буквъ и увеличеніемъ свистящихъ, обратили въ неблагозвучную—*Массандру*. Въ доказательство сказаннаго можно привести цѣлые ряды свидѣтельствъ, старыхъ авторовъ и документовъ, но вопросъ мелочной и я рѣшаюсь думать, что мнѣ и на слово повѣрятъ. *Vonitica*—названіе воротъ въ городской стѣнѣ *Кафы*, ведшихъ въ гавань—porta Vonitiche, vel Filatorum [4]).

---

[1]) Heyd. Hist. du com. du Levont, II, 201.

[2]) Урочище въ Симензѣ; съ тѣмъ же именемъ Тацитъ указываетъ рѣчку гдѣ то на Таманскомъ полуостровѣ (Ann., XII, 16).

[3]) Tomaschek, Die Goten in Taurien, 72.

[4]) Vigna, Codice diplomatico, I, 355, doc. CL.

Относительно округа консульства *Солдаіи* слѣдуетъ замѣтить тоже что и для капитанства *Готіи*, т. е. числомъ деревень нынѣ и даже ко времени занятія *Крыма*, онъ много населеннѣе, чѣмъ то было во время Генуэзцовъ. Въ предѣлахъ округа на южномъ склонѣ прибавилось шесть деревень: *Туакъ*, *Капсихоръ*, *Ай-Сересъ*, (св. Сергій), *Куплакъ*, *Кучукъ-Таракташъ*, *Токлукъ*; исчезло четыре; *Канака*, *Ставлу-хора*, *Кара-агачъ*, *Ай-Янъ*; ихъ уже не было при занятіи Крыма. За горами, на сѣверномъ склонѣ, трудно опредѣлить точную сѣверную границу генуэзскихъ владѣній, но по картѣ видно, что поименованныя деревни составляютъ правильную цѣпь, прикрывающую значительное пространство склоновъ горъ, особенно въ верховьяхъ бассейна р. Кара-су. Полагая, что за эту цѣпь не выходили владѣнія Генуэзцевъ найдемъ, что внутри нея вмѣсто бывшихъ девяти деревень теперь восемнадцать. Въ общемъ, прибавленіе деревень не столь замѣтно, какъ въ *Готіи*, вмѣсто восемнадцати стало двадцать девять, но населенность ихъ, конечно, гораздо больше, такъ какъ деревень съ нѣсколькими жителями всего, уходившими зимовать въ *Судакъ*, вовсе не имѣется.

Это изслѣдованіе пріуроченія средневѣковыхъ деревень предпринято главнымъ образомъ для способствованія установленію границъ различныхъ владѣній. Пока изъ него получилось, совершенно опредѣленно, административное дѣленіе генуэзскихъ колоній. На западѣ консульство *Чембало*—его границы прочно устанавливаются только съ востока; капитанство морскаго побережья *Готіи*—его предѣлы выяснились въ точности, со всѣхъ сторонъ; тоже можно сказать и о консульствѣ *Солдаіи*; консульство *Кафы* опредѣлилось только съ запада. Въ дальнѣйшемъ къ этой пограничности еще прійдется обращаться.

Географическое распредѣленіе деревень, совмѣстно съ значеніемъ ихъ названій, даютъ возможность получить нѣкоторый намекъ на племенной составъ населенія края, разумѣется лишь въ широкомъ смыслѣ главныхъ теченій. Въ *Тавридѣ* осѣдали, частью, очень многія племена, но къ XIII—XIV вѣкамъ изъ всего этого въ горной части образовалось нѣчто общее, покрытое греческо-византійской культурой. Въ это время въ *Крымъ* влились большими ордами монголо-татары, захватывавшіе полуостровъ съ сѣвера и востока. Борьба этихъ двухъ теченій обусловила всю жизнь *Тавриды*, до русскихъ временъ; въ этомъ смыслѣ даетъ кое-что и пріуроченіе названныхъ деревень. Можно принять, приблизительно, съ случайными исключеніями, что названіе любой деревни, объясняемое изъ какого-либо языка, показываетъ и народность впервые ее населившую. Въ такомъ смыслѣ можно разсматривать и вышеупомянутыя деревни XIV—XV вѣковъ: тринадцать генуэзской *Готіи*, восемнадцать округа *Солдаіи* и одну *Кафы*. Въ первомъ отдѣлѣ, два названія (*Оріанда* и *Кикинеизъ*) сохранились, какъ данныя неизвѣстнымъ народомъ, одно указываетъ кочевое племя Аланъ, остальныя десять явно греческаго происхожденія; во второмъ

отдѣлѣ шесть греческихъ, два неизвѣстныхъ, одинадцать татарскихъ; послѣднія восточнѣе и сѣвернѣе *Судака*. Всего на тридцать двѣ деревни двадцать христіанскихъ и двѣнадцать татарскихъ. Отсюда можно видѣть, что еще въ концѣ XV вѣка татарское вліяніе почти не проникало за горы, на югъ, а сами татары оставались кочевниками, мало вліявшими на основное населеніе, да и проникновеніе ихъ культуры обнаруживается въ слабой мѣрѣ, она только со стороны степи начинаетъ захватывать предгорья. Ко времени русскаго занятія *Крыма*, изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ тридцати двухъ деревень, только въ одинадцати были христіане, выселенные въ приазовскія степи. Вообще на всемъ этомъ пространствѣ приходилось къ концу XVIII вѣка шестьдесятъ три деревни, изъ нихъ двадцать три христіанскія исорокъ татарскихъ. Изъ этого можно заключить что татарскій языкъ и магометанство, очевидно при усиленномъ вліяніи турокъ, владѣвшихъ и правившихъ всѣми этими землями, получили значительное распространеніе съ XV по XIX вѣкъ, за счетъ греческаго языка и христіанства, при чемъ это происходило не столько на основѣ внѣдренія въ первичное населеніе иной народности, сколько вслѣдствіе постепеннаго исчезанія стараго языка и вѣры и замѣщенія ихъ новыми въ томъ-же мѣстномъ населеніи. Русское завоеваніе усиленно поспособствовало такому превращенію и въ настоящее время, въ коренномъ деревенскомъ населеніи горнаго *Крыма* греческая культура, въ смыслѣ языка и вѣры, исчезла на всемъ протяженіи прибрежья, деревни котораго населены исключительно магометанами, (кромѣ небольшого числа временныхъ поселенцевъ) считающими своимъ роднымъ языкомъ татарскій. По происхожденію это населеніе очень смѣшанное, но въ немъ всего менѣе татарской крови.

Для наглядности расположенія деревень и ясности пониманія дальнѣйшихъ пограничныхъ указаній, прилагается небольшая, почти схематическая карта южнаго *Крыма*. На ней, чтобы не пестрить ее, горы и рѣчки показаны только въ самомъ общемъ смыслѣ, большая гряда яйлъ и главныя теченія рѣчекъ. Названія поселеній даны по современному произношенію, но къ нимъ прибавлено въ скобкахъ подчеркнутое старое, если оно очень отличалось отъ современнаго [1]).

Почетн. членъ **А. Л. Бертье-Делагардъ.**

27-го мая 1914 года
г. Ялта.

---

[1]) По нездоровью, авторъ не успѣлъ закончить подготовленные слѣдующіе два отдѣла статьи. Ихъ заглавія: Б. Православныя и уніатскія епархіи, ихъ предѣлы; В. Справки о Фуллахъ. Въ послѣднемъ, разборъ всѣхъ соображеній сдѣланный безъ какой-либо предвзятой мысли, приводитъ къ возобновленію стариннаго предположенія о бытіи Фуллъ на мѣстѣ Чуфутъ-кале.

Карта
Юго-западнаго Крыма
Масштабъ
Красной краской подчеркнуты поселенія, въ которыхъ православные жители въ XVII. в. говорили только по татарски
Синей краской подчеркнуты поселенія, въ которыхъ говорили и по татарски и по гречески
Графич. завед. Новакъ и Побуда, Одесса

Варяжская Вира.

I.

Вѣхи и бакены древне-русскаго денежнаго и вѣсового обращенія.

Чѣмъ шире и глубже изучаются вопросы денежнаго обращенія Кіево-Новгородской Руси, тѣмъ сложнѣе и неуловимѣе они становятся. При наличности вліяній византійскихъ, арабскихъ и скандинаво-англо-саксонскихъ, края задачи ускользаютъ съ кругозора русскаго историка, и вся проблема подымается въ область исторіи всеобщей. Каждый изслѣдователь подходитъ къ слѣдамъ господствовавшихъ когда-то денежныхъ системъ со стороны своей спеціальности, и часто не знаетъ, что̀ сдѣлано сосѣдями на другихъ концахъ изучаемаго поля. Спеціалисты какъ-то поразбрелись по нему и потеряли другъ друга. Историкъ-экономистъ уклоняется отъ знакомства со всей полнотой археологическихъ находокъ; нумизматъ не считаетъ для себя обязательными положенія, общепризнанныя и общепринятыя у юристовъ и историковъ, исходящихъ отъ текстовъ въ памятникахъ письменности.

Но для большинства изслѣдующихъ, учащихъ и учащихся древне-русская денежная система чаще всего лишь средство и орудіе изученія, а не самодовлѣющая цѣль сама по себѣ. Для насъ—здѣсь и теперь—важно не столько умножать далѣе число догадокъ, мѣняющихся отъ одного десятилѣтія къ другому, или непремѣнно найти новыя разновидности слитковъ и монетъ типовъ, всегда неустойчивыхъ по вѣсу и размѣрамъ, сколько нащупать себѣ нѣсколько безусловно прочныхъ краеугольныхъ камней, намѣтить естественныя вѣхи между ними, высмотрѣть и разыскать бакены, опредѣляющіе взаимно перекрещивающіяся теченія денежнаго обращенія, неравныя по силѣ и глубинѣ.

Первымъ устоемъ систематическаго истолкованія древне-русской денежной системы можетъ стать положеніе, что золото, по словамъ Святослава, шло изъ Византіи. Золотой римско-византійскій солидъ по нормѣ Константина В. легъ въ основу франкской денежной системы на Западѣ и служилъ образцомъ для чеканки арабскихъ динаровъ на Востокѣ. Онъ-же упоминается въ договорѣ Игоря съ греками подъ именемъ златника, или золотника, и подразумѣвается, очевидно, и въ договорѣ Олега при цифрѣ 20 золота. Константинъ В.

установилъ норму, по которой изъ римскаго фунта въ 327,45 грм. вычеканивалось 72 золотыхъ солида по 4,55 грм. каждый. Эта норма осталась въ Византіи навсегда для ея номисмъ, или византіевъ, или перперъ. Только въ Галліи чеканились римскіе солиды и по нормѣ 84 изъ фунта. Такіе гальскіе солиды отъ границы между VI и VII в.в. найдены въ Юго-Восточной Галліи, а именно въ 3,89 грм. (Сальо).

Однако, норма Константина въ $^1/_{72}$ римскаго фунта далеко не всегда соблюдалась при реальной чеканкѣ солидовъ на В. Такъ для золотыхъ имп. Анастасія гр. И. И. Толстой даетъ еще 4,3; 4,4; 4,5 грм., а для Юстиніановыхъ 4,45; 4,4; 3,8; 3,7 грм. Но съ Гераклія солидъ падаетъ въ вѣсѣ и при Македонской династіи никогда не достигаетъ нормы Константина В. Харьковскій университетъ обладаетъ солидомъ Анастасія въ 4,3 грм. вѣсу и 20 мм. въ діаметрѣ, солидомъ Юстиніана В. въ 4,49 грм. и 21 мм., Тиверія—въ 4,4 грм. и 20 мм. Однако тамъ-же солидъ Гераклія вѣситъ 4,14 грм. при діаметрѣ въ 21 мм., солиды Гераклія и Константина 4,14—4,39 грм. при діаметрахъ въ 20,5 и 21 мм.; солидъ Константина X (или VII) и Романа II 3,26 грм. и 19 мм.; Василія II и Константина XI—4,38 грм. и 24,5 мм., Константина XI-го—4,26 грм., т. е. ровно русскій золотникъ вѣсу. Взвѣшивая и измѣряя золотые Одесскаго Музея Древностей, я, ради примѣра, получилъ по солиду для Никифора Фоки въ 4,02 гр. и 22 мм. (обрѣзанъ); для Іоанна Цимисхія въ 3,95 грм. и 21,5 мм.; для Василія II и Константина XI одинъ въ 3,89 грм. и 22 мм., а другой въ 4,02 (пробитъ) и 20 мм.; для Константина XII Мономаха уже вогнутый солидъ въ 3,995 грм. и 23 мм. Въ Британскомъ музеѣ по каталогу солиды Никифора Фоки чаще всего въ 67 грэновъ (4,34 грм.) съ дробью и до 68,4 грэн. (4,43 грм.); для Іоанна Цимисхія максимумъ 68,2 грэна; для Василія II и Константина XI номисмы отмѣчены отъ 62 грэновъ (4 грм.) до 68,1, причемъ чаще всего 67 съ дробью; для Константина XI—62,9—67,7 грэн., среди которыхъ есть номисмы въ 65,5 грэн., то-есть почти нашъ золотникъ (свѣдѣнія отъ Бертье-Делагарда). Итакъ, судя по этимъ примѣрамъ, солиды—номисмы Македонской династіи въ царствованія, важныя для русской исторіи по сношеніямъ съ Кіевскими князьями, не всегда достигали даже 4 грм. и рѣдко приближались къ 4,4 грм., а чаще всего спускались близко къ нормѣ вѣса теперешняго русскаго золотника (4,3 грм.).

Неудивительно, что и арабскіе золотые динары, возникшіе по подобію солидовъ, переживали тѣже ступени паденія. Куэйпо установилъ въ прошломъ столѣтіи средній вѣсъ динара для первыхъ вѣковъ гиджры въ 4,25 грм., т. е. почти русскій золотникъ; теперь этотъ-же вѣсъ Декурдеманшъ[1]) принимаетъ для динара Абдуль-

[1]) Decourdemanche, Traité pratique des Poids et Mesures des peuples anciens et des arabes. Paris, 1909.

Мелика, или Малека (65—85 г., или 685—705 п. Р. Х.). Однако, по бар. Тизенгаузену, 27 золотыхъ динаровъ первыхъ вѣковъ гиджры, принадлежавшіе въ концѣ прошлаго столѣтія Императорскому Эрмитажу,— вѣсомъ отъ 83—96 долей, или 3,65—4,22 грм.; при этомъ преобладали динары не менѣе 90 долей (3,96 грм.), три динара вѣсили почти по 96 д. каждый, 4 по 94 д.[1]). Итакъ, и арабскіе динары на дѣлѣ чаще всего не достигали вѣса русскаго золотника. Судя по описаніямъ кладовъ, ни греческіе солиды, ни арабскіе динары не входили въ обычное денежное обращеніе на Руси. Только въ Норвегіи найдено 8 аббассидскихъ динаровъ вмѣстѣ, а въ Англіи два динара омаядскихъ. Зато въ древней Руси чеканилась собственная золотая монета по нормамъ тогдашнихъ византійскихъ солидовъ. Гр. И. И. Толстой принимаетъ вѣсъ въ 1 з. 3 д. (4,4 грм.), найденный въ трехъ лучшихъ экземплярахъ, за нормальный для злата Владимира „на столѣ“. Однако средній вѣсъ для 7 экземпляровъ данъ у него въ золотникѣ, или съ приближеніемъ въ 4,3 грм., т. е. въ вѣсъ экземпляра Одесскаго Музея (4,33 грм. при діаметрѣ 23 мм.). Сравнивая златники Владимира съ перечисленными уже солидами Македонской династіи, мы находимъ, что предполагаемая для Россіи норма въ 1 зол. 3 д. совпадаетъ съ золотымъ Константина X (или VII Порфр.) и Романа II и золотымъ Василія II и Константина XI, то-есть современниковъ Владиміра Святого; въ тоже время средній вѣсъ, исчисленный въ 1 зол., соотвѣтствуетъ иногда тяжести солида одного Константина XI-го. Чеканка золотой монеты, вѣроятно, не исключала на Руси и расплаты золотомъ по вѣсу нормы того-же златника. Такъ, не говоря уже о золотыхъ шейныхъ гривнахъ, въ собраніи семьи Ханенокъ хранится найденный въ Каневскомъ уѣздѣ золотой 4-хъ-гранный брусокъ, у котораго одинъ конецъ закругленъ, а другой обрубленъ; длина бруска 3 стм., вѣсъ 20 грм.[2]), или $4^1/_2$ лучшихъ златника.

Главнымъ металломъ денежнаго обращенія на Руси было, по общему признанію, серебро, которое въ кладахъ находится или въ видѣ слитковъ, или въ монетѣ, а именно для IX—X и начала XI в.в. въ арабскихъ диргемахъ, а для XI в. въ западно-европейскихъ, чаще всего англо-саксонскихъ пфеннигахъ. Въ „Топографіи кладовъ Восточныхъ монетъ“ (1910 г.) А. Марковъ далъ во всю ширину картину того потока куфическихъ монетъ, который наводнялъ Россію до 1015 г. Для начала здѣсь описанъ кладъ, найденный въ 1868 г. въ г. Муромѣ Владимірской губ.: въ глиняномъ горшкѣ оказалось 11.077 штукъ цѣльныхъ, а въ мѣдномъ сосудѣ до 14 фунтовъ изломанныхъ диргемовъ.

---

[1]) Доли множу на 0,0444 грм., аптекарскіе граны (русско-вюртембергскіе) на 0,62, золотники на 4,26 (5), граны на 0,0648.

[2]) Древности Придвѣпровья, У. В. Антоновичъ описалъ еще два золотыхъ слитка неправильной цилиндрической формы, въ 141 грм. (33 зол.), вѣроятно обрубленный на $^1/_4$ и въ 95 грм. ($22^1/_4$ з.), оба изъ клада конца XI в.

Въ кладѣ насчитано 140 диргемовъ халифата, 10.079 саманидскихъ и т. д. Омеядскія монеты выбиты всѣ въ Васитѣ въ первой половинѣ VIII в., аббассидскія между 760—937 г.г. въ Куфѣ, Багдадѣ, Дамаскѣ, Басрѣ, Васитѣ, Ширазѣ, Испагани, Тифлисѣ, саманидскія въ Самаркандѣ, Балхѣ, Шашѣ, Мервѣ между 883—939 гг. Р. Х. Въ Глазовскомъ уѣздѣ Вятской губ. въ 1867 г. найдено сразу 1500 диргемовъ Омаядовъ, Аббассидовъ и Тагеридовъ 699—843 г.г., въ Кіевѣ въ 1863 г. 190 саманидскихъ диргемовъ, чеканенныхъ въ 895—986 г.г. Въ Новоржевскомъ уѣздѣ Псковской губ. въ 1891 г. найденъ кладъ, состоявшій изъ 5921 цѣлыхъ монетъ и 827 ломанныхъ. Большинство монетъ оказалось англо-саксонскими, германскими и вообще зап.-европейскими XI в., а кромѣ того въ кладѣ заключалось 240 цѣлыхъ и 30 обломанныхъ диргемовъ аббассидскихъ, саманидскихъ, бувейгидскихъ, чеканенныхъ между 893—1013 г.г. Въ Кіевѣ въ 1899 г. найденъ кладъ изъ золотыхъ вещей; тутъ были два золотыхъ бруска вѣсомъ въ 33 зол. 56 дол. (съ отрубленнымъ концомъ) и 22 з. 80 д.; затѣмъ кладъ содержалъ еще 19 византійскихъ солидовъ (Никифора, Фоки, Василія II и Константина XI, Романа III, Константина XII, Исаака Комнина) и арабскій динаръ, вычеканенный въ 1033 г.[1]) Причина прекращенія ввоза диргемовъ въ началѣ XI в. въ Европу, по словамъ Маркова, чисто экономическая: ввозить стало нечего, такъ какъ въ самомъ началѣ V в. гиджры, или началѣ XI-го в. по нашему лѣтосчисленію, прекратился самый чеканъ диргемовъ на Востокѣ вслѣдствіе недостатка серебра. Еще въ теченіе всего VI в гиджры мусульманскимъ властителямъ приходилось обходиться почти исключительно одной кредитной монетой изъ мѣди, довольствуясь только замѣною слова фелусъ (мѣдная монета, фоллисъ) словомъ диргемъ. Такъ какъ мѣдь въ Россіи не обращалась, то и въ VI в. гиджры (XII в. по Р. Х.) долгое еще время незамѣтно проникновенія восточной монеты въ Россію.

Арабскій диргемъ по своему происхожденію связанъ не прямо съ византійскимъ серебромъ, а еще съ персидскимъ эпохи Сассанидовъ. Самостоятельная чеканка началась у арабовъ съ 717—18 г.г. при Абдуль-Малекѣ, и для первыхъ вѣковъ Куэйпо принималъ вѣсъ диргема въ 2.76 грм., а Декурдеманшъ подымаетъ его до 2.83 грм., т. е. до $^1/_{144}$ Иракскаго фунта въ 408 грм. По Тизенгаузену, диргемы Глазовскаго клада вѣсили большею частью отъ 45—46 аптекарскихъ грановъ, т. е. 2,79—2,85 грм.[2]) Черепнинъ, преимущественно на основаніи собственной коллекціи диргемовъ, опредѣляетъ средній вѣсъ для аббассидскихъ диргемовъ, чеканенныхъ съ VIII до первой четверти X ст.,

---

[1]) Кіевская Стар., 1899, окт.

[2]) Взвѣшивая въ Од. Музеѣ Древн. восточныя монеты по опредѣленію О. Блау, я получилъ въ видѣ примѣра для сассанидскаго серебреника—вѣсъ въ 4 грм., при діаметрѣ въ 31 мм., для омаядскаго диргема 2,83 грм. и 27 мм., для саманидскаго плохого

въ 63—65 долей, т. е 2,77—2,86 грм., а для саманидскихъ X ст. въ 80 долей, т. е. 3,5 грм. Въ описаніи Коростовскаго клада онъ-же принимаетъ средній вѣсъ всяческихъ диргемовъ X в. какъ аббассидскихъ, такъ и саманидскихъ и другихъ X—нач. XI вв. на Руси приблизительно въ 53 грна, т. е. 3,29 грм. Наряду съ такими единичными диргемами Черепнинъ отмѣчаетъ полуторные, двойные, четвертные, тоесть около 75,100,200 грновъ, или 4,65; 6,2; 12,4 грм. Фрэнъ признавалъ, что диргемы X-го вѣка какъ аббассидскіе, такъ и саманидскіе чеканились изъ серебра 95-ой пробы. Черепнинъ согласенъ, что серебро аббассидскихъ диргемовъ высокопробное, отъ 89-ой до 92-ой пробы, но въ саманидской чеканкѣ находитъ примѣсь лигатуры болѣе значительной. Марковъ, описывая кладъ куфическихъ монетъ, найденный въ 1905 г. въ селѣ Крещеный Баранъ (Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи), наиболѣе интересными считаетъ 46 диргемовъ династіи Мамунидовъ, царствовавшей въ Харезмѣ въ 995—1017 гг. По его словамъ, монеты Мамунидовъ сдѣланы изъ густо высеребряной красной мѣди, такъ что это не полноцѣнная, а кредитная, билонная монета. Этимъ Марковъ объясняетъ колебанія вѣса въ разныхъ экземплярахъ одного и того-же типа монеты отъ 4,60 до 7,10 граммовъ.

Сравнительно съ распространенностью арабскихъ диргемовъ значеніе византійской серебряной монеты на Руси, миліарисіевъ и полумиліарисіевъ, или кератіевъ, представляется вполнѣ ничтожнымъ. Къ тому же византійскіе серебреники не отличались устойчивостью по вѣсу и величинѣ и не только не имѣли вліянія на чеканку серебра халифовъ, но одно время даже сами впадали въ подражаніе диргемамъ. Въ общемъ метрологи полагаютъ, что miliarense Константина В. вѣсилъ 4,55 грм., тоесть $^1/_{72}$ римскаго фунта, какъ и золотой солидъ. Съ Юліана Отступника онъ вычеканивался уже рѣдко, а съ Ираклія это названіе укрѣпилось за серебряной монетой приблизительно въ 6,82 грм., т. е. $^1/_{48}$ литры. По Финлею, съ Василія I Македонянина и до конца имперіи золотой солидъ обмѣнивался на 12 серебряныхъ миліарисіевъ, или 24 кератія, или 144 фоллиса мѣди; изъ серебра вычеканивались только кератіи (почти Силиква) въ 2,66 грм. Однако, Сабатьэ отказывается отъ установленія точныхъ названій и классификацій по цѣнности для серебряной монеты, начиная съ эпохи Льва III. Самъ Финлэ приводитъ два миліарисія Ираклія въ 6,54 и 4,66 грм. Въ концѣ концовъ Сабатьэ считаетъ правдоподобнымъ, что всякая серебряная монета въ этотъ періодъ прикрывалась названіемъ кератіона,

---

серебра 3,18 грм. при 27 мм., для аббассидскаго—2,89 грм. и спеціально для диргема Гаруна эръ Рашида 3,2 грм. при 25 мм. Въ трудахъ Моск. Нумизм. Об. Нютцель описалъ ранній омаядскій диргемъ, представляющій собой переходный типъ отъ сассанидскаго серебра къ диргемамъ Абдэль-Мелика, вѣсомъ въ 3,55 грм. при 34 мм. Въ числѣ восточныхъ единицъ вѣса Декурдеманшъ приводитъ въ системахъ вѣса диргемъ, связанный съ именемъ халифа Эльмансура (ок. 770 г.) въ 3,148 грм.

или кератія, а такихъ кератіевъ 24 шло на солидъ. Такъ какъ силиква — кератіонъ, предположительно, могла лечь въ основу диргема Абдуль-Мелика, то вліяніе диргема легко смѣшать съ отголоскомъ кератія [1]).

Взвѣшивая въ Одесскомъ Музеѣ Древностей византійскія монеты типовъ, засвидѣтельствованныхъ у Сабатьэ, я получилъ серебреники для Ираклія и Константина вѣсомъ въ 6,55 и 6,50 грм. при діаметрѣ въ 24 и 25 мм.; для Константа II въ 3,87 грм. при 25 мм. то типу, признанному миліарисіемъ у Сабатьэ; для Льва VI Философа въ 3,36 грм. при 19 мм., какъ кажется, провинціальной работы (типа, не отмѣченнаго у Сабатьэ); для Іоанна Цимисхія въ 2,79 грм. при 23 мм.; такой-же серебреникъ изъ Коростовскаго клада вѣсилъ 31 грнъ, или 1,9 грм.; для Василія II и Константина XI въ 2,24 грм. при 21 мм.; для Константина XII Мономаха въ 2,59 грм. при 31 мм. [2]). Отмѣтимъ, что на литру серебра шло сто кератіевъ по 3,275 грм., или 50 миліарисіевъ Ираклія по 6,55 грм. вмѣсто 96 и 48-и полновѣсныхъ.

Наряду съ арабскими диргемами, распространенная на Руси серебряная валюта оставила слѣды въ кладахъ въ видѣ слитковъ металла. Эти слитки встрѣчаются въ двухъ главныхъ типахъ: или въ формѣ плоской шестигранной присмы, какъ-бы ромбоида съ двумя усѣченными углами, или въ видѣ толстыхъ пальцевъ, продолговатыхъ палочекъ, снизу плоскихъ и округлыхъ сверху, какъ-бы трехгранныхъ брусковъ съ притупленнымъ однимъ ребромъ; иногда въ нижней грани такого бруска желобъ, который, разростаясь въ глубь, превращаетъ его какъ-бы въ лодочку. Слитки серебра различны и по вѣсу. Опредѣляя вѣсъ множества разновидностей въ золотникахъ и доляхъ, нумизматъ иногда перестаетъ изъ за деревьевъ видѣть лѣсъ и теряетъ вѣру въ наличность какихъ либо постоянныхъ нормъ для серебряныхъ слитковъ древней Руси. Однако, противъ господства полнаго произвола въ вѣсѣ этихъ слитковъ и исключи-

---

[1]) Въ системѣ, примиряющей римскую литру съ греческой драхмой, какъ $^1/_{96}$ ея, силиква въ сущности $^1/_{3726}$ литры въ 327,5 грм. (Гультшъ). Но такъ какъ при отношеніи золота по цѣнности къ серебру, какъ 12:1, кератіонъ, или $^1/_{144}$ литры. по цѣнности, равенъ силиквѣ золота. то и онъ называется иногда силиквой. Однако, такой кератій вѣсилъ до Гераклія 2,275 грм., или полъ солида. Между тѣмъ при Македонской династіи кератія обычно вѣситъ свыше 2,6 грм. Значитъ миліарисій, какъ $^1/_{48}$ литры серебра, стоилъ оболъ золота, или $^1/_{576}$ литры золота. Итакъ, диргемъ Абу-Мелика въ 2,83 грм. могъ быть $^1/_{144}$ только Иракскаго фунта въ 408 грм., а не литры; однако при Македонской династіи диргемъ и кератій сблизились временно.

[2]) Харьковскій Университетъ, судя по описанію 1910 г., обладаетъ серебрениками Ираклія и Константина въ 5,83 грм. при 22—23 мм. въ діаметрѣ, Іоанна Цимисхія въ 2,93 грм. при 22—235 мм., Василія II и Константина XI въ 2,43 грм. при 29 мм. (пробитъ), Константина XI и Романа III въ 2, 61 грм. при 23 мм. (пробитъ). Въ Британскомъ музеѣ серебро для Никифора Фоки, Іоанна Цимисхія, Василія II и Константина XI колеблется отъ 34, до 44, до 49,7 грановъ, то есть отъ 2,20—2,88—3,22 грам., причемъ преобладаютъ монеты (очевидно Кератія) свыше 40 грэн., т. е. свыше 2,6 грм. (свѣдѣнія отъ Бертье-Делагарда).

тельно соображеній удобства въ каждомъ частномъ случаѣ говоритъ статистика типовъ. Въ кладахъ съ большимъ количествомъ слитковъ, крайне различныхъ по своей тяжести, обыкновенно встрѣчается только нѣсколько типовъ, насчитывающихъ каждый большое число экземпляровъ; эти типы очевидно стремятся воплотить какую-то опредѣленную норму вѣса. Напротивъ, разновидности, порождаемыя произволомъ и случайными соображеніями, представлены тутъ единичными особями. Такъ среди 92 слитковъ, найденныхъ въ 1893 г. въ дер. Задрутьи, Могилевской губ., было 12 слитковъ вѣсомъ свыше 34 золотниковъ, 36 вѣсомъ болѣе 36 золотниковъ, 31 слитокъ вѣсомъ въ 37 съ дробью золотниковъ каждый, только 9—болѣе чѣмъ по 38 золотниковъ (Черепнинъ). Очевидно, что норма, осуществить которую должны наиболѣе многочисленныя разновидности, была близка къ 37 золотникамъ. Въ кладѣ, найденномъ въ 1906—7 г. въ Твери, оказалось 34 слитка Новгородскаго типа, тоесть въ видѣ палочекъ, вѣсомъ отъ 8 зол. 9 долей до 47 зол. 60 д., и 106 слитковъ Кіевскаго, шестиугольнаго типа отъ 20 зол. 54 дол. до 50 зол. 56 д.[1]). Что-же свидѣтельствуетъ статистика разновидностей для серебряныхъ слитковъ этого клада съ береговъ рѣки Тьмаки?

Между 140 слитками нѣтъ ни одного, вѣсившаго-бы ровное число золотниковъ безъ долей. Такъ какъ самое существованіе золотника для этого періода не оспаривается нумизматами, то отмѣченный фактъ указываетъ лишь на то, что при литьѣ слитковъ серебра дорожили золотниками, а долямъ не придавали важности. Теперь, разновидности Новгородскаго типа въ 8, 12, 14, 17, 20, 21, 22, 23, 25, 36, 43 золотниковъ съ долями представлены здѣсь обыкновенно каждая однимъ, рѣдко (22, 25, 43) двумя экземплярами. Напротивъ, разновидность въ 45 золотниковъ съ различными долями насчитываетъ уже 3 особи, разновидность отъ 46 з. 26 д. до 46 з. 85 д.—особей 5, разновидность въ 47 золотниковъ съ долями опять 3 экземпляра. Очевидно, что особи отъ 45 до 47 золотниковъ стремятся воплотить опредѣленную, среднюю для нихъ норму, которая здѣсь близка къ 46½ золотн. Точно также разновидность новгородскихъ слитковъ отъ 24 з. 14 д. до 24 з. 95 д. представлена 9-ью экземплярами. Это наталкиваетъ на выводъ, что около 24½ зол. лежала какая-то второстепенная норма для льющихъ слитки, можетъ быть для сношеній со Смоленскомъ. Среди 106 слитковъ Кіевскаго типа разновидности въ 20, 39, 44, 46, 50 золотниковъ съ долями представлены одной или самое большее двумя особями, тогда какъ разновидность отъ 37 з. 3 д. до 37 з. 95 д. насчитываетъ 46 экземпляровъ, а разновидность отъ 38 з. 8 д. до 38 з. 92 д. — экземпляровъ 40. Ясно, что намѣченная здѣсь главная норма лежала близко къ 37½—38 золотникамъ.

---

[1]) Кладъ описанъ Чижовымъ по записямъ А. В. Орѣшникова.

Затѣмъ какое-то значеніе имѣла и норма приблизительно въ 36½ з., такъ какъ разновидность отъ 36 з. 34 д. до 36 з. 92 д. представлена 10-ью особями. Наименѣе важности придавалось нормѣ въ 45½ зол., давшей всетаки 3 экземпляра. Можетъ быть ея происхожденіе объясняется просто попыткой отлить слитокъ Новгородскаго типа по вѣсу, но въ тоже время Кіевскаго по формѣ.

Нормы, отвлеченныя отъ Могилевскаго и Тверскаго клада, выдерживаютъ испытаніе, если примѣнять ихъ для оцѣнки другихъ описанныхъ кладовъ и коллекцій. Н. Н. Муравьевъ еще въ 1826 г. далъ подробное описаніе слитка Новгородскаго типа и двухъ его половинокъ, рублей. Слитокъ имѣлъ видъ лодкообразный, съ желобомъ—углубленіемъ въ нижней грани, вѣсилъ 43½ зол., а рубли--22½ и 21½ золотниковъ. Серебро цѣльнаго слитка было 70-й пробы, а рублей перваго—79-й и второго 74-й. Этотъ слитокъ изъ находки, сдѣланной въ 1821 г. въ Новгородѣ на Софійской сторонѣ близъ берега Волхова, пожертвованъ Московскому Университету. Въ общемъ находка заключала въ себѣ около пуда такихъ слитковъ вѣсомъ отъ 42½—46 золотниковъ каждый, съ пробой 76½—93½ золотниковъ. Харьковскій университетъ владѣетъ пятью слитками изъ числа 199 экземпляровъ, найденныхъ въ 1828 г. въ Рязани при Борисоглѣбскомъ соборѣ; эти слитки вѣсятъ 48 зол., 47, 3; 46,97; 45,6; 45,26 зол., или отъ 204,5—192,8 грм. Къ нимъ надо прибавить 114 слитковъ того-же клада, описанные еще у Шодуара, и ко всей массѣ примѣнить опять таки статистику типовъ. Вѣсъ слитковъ колеблется отъ 44 зол. 12 д. до 49 зол. 84 д. Изъ нихъ только одинъ вытянулъ ровно 46 зол., одинъ 47, одинъ ровно 48; всѣ остальные съ долями. Если брать только золотники, то на 44 зол. приходится 5 экз., на 45 з.—40 экз. (изъ нихъ 5 на 45 з. 54 д.); на 46 з. — 47 экз. (изъ нихъ 7 экз. на 46 з. 6 д.); на 47 з.—21 экз.; на 48 зол.—4 экз., на 49 зол. 84 дол.—1 экз. Туже таблицу правильнѣе перераспредѣлить на группы по золотникамъ, но съ долями или до 48, или выше 48 долей; тогда впечатлѣніе получается еще болѣе убѣдительное, а именно: на 44 з.—44 з. 48 д. приходится 2 экз., на 44 з. 48 д. –45 з. 48 д. экземпляровъ 22; на 45 з. 48 д. — 46 з. 48 д. экз. 50; на 46 з. 48 д. — 47 з. 48 д. экз. 35; на 47 з. 48 д. — 48 з. 48 д. экз. 9; на 49 з. 84 д. экземпляръ 1. Итакъ, торжествуетъ норма въ 46 зол. съ долями.

Указатель Историческаго Музея въ Москвѣ различаетъ слитки новгородскіе полуцилиндрическими палочками, Кіевскіе ромбической формы съ двумя обрѣзанными углами и черниговскіе—плоскіе [1]) Вѣсъ слитковъ данъ здѣсь въ полъ-фунта (42—48 зол.), заисключеніемъ Кіевскихъ, которые вѣсятъ 36—38 зол. Проба серебра опредѣлена

[1]) Въ описаніи собранія г.г. Ханенокъ черниговскій типъ охарактеризованъ продолговатой формой. Въ сущности это новгородскій типъ, но расплющенный или приплюснутый на концахъ подошвы; Черепнинъ относитъ сюда и расплющенные удлиненные ромбы.

отъ 70-ой до 93-ьей. Музею принадлежатъ 8 черниговскихъ слитковъ, найденныхъ въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ, изъ коихъ 5 вытянули 46 зол. съ различными долями, одинъ 45, два по 42 зол. всегда съ долями. Здѣсь-же хранится кладъ изъ Бѣльскаго уѣзда Гродненской губ. со слитками мелкой и неполной нормы [1]). А. В. Орѣшниковъ въ дополненіи къ Черепнину отмѣчаетъ здѣсь еще 6 слитковъ въ формѣ палочекъ изъ Херсониса 44 зол. 72 дол.—46 з. 24 д. (чаще всего 45 з. съ долями), 10 экземпляровъ той-же формы изъ 22-хъ, найденныхъ въ Вятской губ., съ вѣсомъ 42 з. 66 д.—46 з. 85 д. (чаще всего 44 съ долями, затѣмъ 45 съ большимъ числомъ долей); 3 слитка ромбической (кіевской) формы, но съ вѣсомъ свыше 46 зол.

Въ Одесскомъ Музеѣ Древностей я провѣрилъ вѣсъ шести слитковъ; два слитка Кіевскаго типа вѣсили 36 з. 24 д. и ровно 37 зол., два слитка Новгородскаго типа—47 з. 6 д. и 55 з. 90 д., два слитка, предположительно, обрубленные тоже Новгородскаго типа—46 зол. 75 д. и 45 з. 48 д.[2]). Изъ кладовъ Кіевской губерніи (Бѣляшевскій) извекаемъ для шестиугольныхъ слитковъ Кіевскаго типа вѣсъ въ 36½ з. (2 экз.), 37 з. 42 д., 38¼ з., 39 з. 12 д., а для новгородскаго типа тамъ-же изъ клада не ранѣе конца XIV в. — 46 з.; 45 з. 84 д.; 45 з.; 44 з. 60 д., 44 з. 26 д., 44 з. 3 д., 43 зол. 86 д.; тамъ-же 3 обрубка отъ 20 з. 33 д. до 20 з. 84 д. Въ Звенигородскомъ уѣздѣ Кіевской губ. найдены вмѣстѣ съ ордынскимъ серебромъ серебряные слитки лодкообразной формы вѣсомъ въ 44 з. 58 д., 46 з. 17 д., 46 з. 73 д. Если слитки новгородскаго типа являются серебромъ болѣе позднихъ датированныхъ кладовъ періода съ Татарскаго ига, то съ вещами и монетами предыдущей, болѣе ранней эпохи по времени связанъ типъ Кіевскій. Такъ въ городѣ Кіевѣ въ 1889 г. вмѣстѣ съ золотою діадемою княгини и и 7-ью кіевскими слитками попались золотые солиды Алексѣя и Іоанна Комненовъ; вѣсу въ каждомъ такомъ слиткѣ было 36—38 золотн. чистаго серебра. (Кондаковъ). Проба кіевскихъ слитковъ часто 90—93 дол. (Черепнинъ). Исчерпывающее описаніе серебряныхъ слитковъ Кіево-Новгородской Руси, вѣроятно, не измѣнило-бы общаго впечатлѣнія перечисленныхъ примѣровъ, что норма слитковъ новгородскихъ и черниговскихъ почему-то не достигала на дѣлѣ ожидаемаго русскаго или иракскаго полуфунта и останавливалась на 46½—47 золотникахъ, готова была даже упасть до 45 з., хотя половинные слитки и льнули къ ¼ этого фунта, или 24 зол., а норма слитковъ Кіевскаго типа почему-то нѣсколько отставала отъ ⅓ римско-византійскаго фунта

---

[1]) Первый 63-ьей пробы въ 30 зол. вѣсу, тоже 93 пробы въ 22 зол., 91½ пробы въ 23 зол., 89½ пробы въ 19 зол., 92½ пробы въ 43 зол. Такъ-же своеобразны и Биляр-скій кладъ Казанской губ., описанный Черепнинымъ по Лихачеву, и круглыя лепешки изъ серебра въ Казанской и Вятской губ.

[2]) Взвѣшены у ювелира г. Пурица.

и вмѣсто 38 з. 42 д. ограничивалась 37—37½ з., даже съ нѣкоторымъ тяготѣніемъ къ 36½ з. [1]).

Въ очень скромныхъ количествахъ сравнительно съ диргемами и слитками находятся въ кладахъ русскіе сребреники древнихъ Кіевскихъ князей, Владиміра и Ярослава, съ вѣсомъ, колеблющимся отъ 45 до 57, до 69, до 79, до 91 и болѣе долей (гр. Толстой, М. Грушевскій), тоесть отъ 1, 98 до 2, 5, до 3, до 3, 5, до 4 грм. Среднев̀ковое серебро, предположительно, чеканилось чаще всего al marco, тоесть, передъ наложеніемъ легенды, повѣрялось въ вѣсѣ сразу нѣкоторое количество кружковъ, приходившихся на опредѣленный вѣсъ, а не каждая бляшка отдѣльно. Поэтому колебанія въ вѣсѣ особей одного и того-же типа монетъ обычны, причемъ случайные крупные экземпляры могли вылавливаться изъ обращенія или непосредственно послѣ чеканки—въ „скотницы“ и клады. Съ другой стороны для угадыванія объявленной, узаконенной или установившейся по преданію нормы важны не среднія числа вѣса дѣйствительно выпущенныхъ монетъ, а средній высшій вѣсъ, представленный значительнымъ числомъ экземпляровъ, такъ какъ, помимо убыли отъ стиранія въ обращеніи, пониженіе нормы монеты входило всегда въ разсчетъ дворцоваго хозяйства и не требуетъ особыхъ объясненій. Гр. И. И. Толстой описываетъ четыре типа серебрениковъ Владиміра и три типа для серебра Ярослава. Если оставить въ сторонѣ особи, бросающіяся въ глаза или своей исключительной тяжеловѣсностью, или рѣдкимъ по легкости вѣсомъ (какъ напрм. 85, 89, 91 долей или напротивъ 45, 48, 52 доли), то значительное число крупныхъ экземпляровъ подымается въ своемъ среднемъ вѣсѣ приблизительно до 75 долей, или 3, 3 грм. Для найденныхъ монетъ Ярослава, включая и наиболѣе тяжелыя, эта норма была-бы близка и къ ихъ среднему вѣсу вообще, который для сребрениковъ Владиміра, безъ исключительныхъ по тяжести или легкости, упалъ-бы приблизительно до 65—70 долей, т. е. до 2, 8—3 грм. Кругъ обладалъ пробнымъ вѣсомъ изъ мѣди съ именемъ Глѣба и цифрой 7, вытянувшимъ 369 нюренб. апт. грн. Цифра 7 приводитъ къ 74 долямъ, или 3, 25 грм. на единицу, тоесть къ среднему вѣсу лучшаго слоя сребрениковъ, но таковъ-же и вѣсъ саманидскаго диргема. Разумѣется, наличность семи типовъ по легендамъ предполагаетъ и семь чеканокъ, и возможность семи нормъ по вѣсу. Однако, обиліе разновидностей въ вѣсѣ и ширина предѣловъ, въ ко-

---

[1]) Хронологію для слитковъ въ 37½ и 46½ зол., одинаково находимыхъ въ Кіевской губерніи, намѣтилъ А. И. Черепнинъ въ своемъ руководящемъ докладѣ «О Кіевскихъ денежныхъ гривнахъ» (Труды XI-го Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ, 1899 г. т. II. Москва, 1902 г.). Весь свой матеріалъ о слиткахъ Черепнинъ обработалъ въ статьѣ «О гривенной денежной системѣ по древнимъ кладамъ» (Труды Моск. Нумизм. Общ., т. II, вып. 2, 1900 г.), къ которой А. В. Орѣшниковъ приложилъ опись серебрянымъ монетнымъ слиткамъ изъ собранія Имп. Росс. Ист. Музея.

торыхъ колеблется ихъ тяжесть, этимъ еще не вполнѣ объясняются, такъ какъ почти каждый типъ чеканки представленъ особями, различающимися другъ отъ друга по вѣсу на 25—30 долей, тоесть свыше грамма. Дабы понять, какъ могла такая неустойчивая монета удовлетворять своему назначенію, остается представить себѣ, что для серебряной валюты центръ тяжести переносился во внѣшнюю, официальную цѣнность по легендѣ, а при крупныхъ расплатахъ или торговыхъ сношеніяхъ за предѣлами княжества господствовали единицы серебра по вѣсу, а не по счету монетъ. Вообще въ этомъ отношеніи древнерусскіе сребреники раздѣляютъ общую участь съ византійскими кератіями и англо-саксонскими пенни. Противоположеніе расплатъ серебромъ по вѣсу и по счету и наличность лажа на чистое или взвѣшенное серебро хорошо извѣстны средневѣковому денежному обращенію въ Западной Европѣ.

Чтобы исчерпать виды серебряной валюты въ древней Руси, надо коснуться наиболѣе распространенной въ кладахъ западно-европейской монеты—англо-саксонскихъ пенни. Почти всѣ найденныя въ Россіи англо-саксонскія монеты принадлежатъ Этельреду II, Кнуту и его преемникамъ, кончая Эдуардомъ Исповѣдникомъ и Гарольдомъ II. Такъ лѣтомъ 1846 г., въ С.-Петербургской губ., близъ Ораніенбаума вырыто около четырехъ тысячъ монетъ арабскихъ, нѣмецкихъ, англо-саксонскихъ, византійскихъ. Здѣсь найдено до 800 хорошо сохранившихся англо-саксонскихъ монетъ, почти столько-же нѣмецкихъ, нѣсколько сотъ арабскихъ и 12 экземпляровъ монетъ Василія II и Константина XI-го. Новѣйшія монеты Ораніенбаумскаго клада принадлежатъ времени *короля* Конрада II, слѣдовательно кладъ укрытъ, вѣроятно, ранѣе 1027 г., когда онъ сталъ императоромъ. Въ Московской губ., въ Звенигородскомъ уѣздѣ въ 1847 г. найдено до тысячи англо-саксонскихъ и нѣмецкихъ монетъ, въ томъ числѣ Майнцскіе пенязи Оттона III и Конрада II, Кёльнскіе Оттоновъ и Генриха II, Тильскіе изъ Гельдерна (Конрада II) и т. д. Въ томъ-же году въ Смоленской губ. недалеко отъ Дорогобужа вмѣстѣ съ византійскими, арабскими, нѣмецкими найдены и англійскія монеты Этельреда II и Гарольда I, а также датскія Свена Эстридссёна. Такъ-же богаты монетами Этельреда II и Кнута клады, находимые въ Финляндіи и Прибалтійскомъ краѣ; вмѣстѣ съ ними изрѣдка попадались норвежскія (ярля Гаукона), шведскія (Олофа Скётконунга, Анунда Якова), нормано-ирландскія (Сигтрига III), датскія (по Кёне). Въ 1878 г. найденъ кладъ въ Молодяхъ, Псковской губерніи; вмѣстѣ съ восточными монетами преимущественно X в. – Аббассидовъ, Саманидовъ, Бувейгидовъ тутъ встрѣтилось много англо-саксонскихъ монетъ короля Этельреда II, много обломковъ монетъ Оттона III, Кельнскихъ монетъ Оттона III, монетъ епископовъ Аугсбургскихъ и Регенсбургскихъ до 1000 г., наконецъ обломки византійскихъ монетъ Іоанна Цимисхія и братьевъ Василія II и Константина VIII (или XI-го). Итакъ всѣ монеты конца X

и начала XI в. (Иверсенъ). Въ 1891 г. въ Новоржевскомъ уѣздѣ, Псковской губ. найденъ кладъ англо-саксонскихъ монетъ въ $15^1/_2$ ф. (Черепнинъ).

Среди найденныхъ въ Россіи пфениговъ Этельреда II, Кёне различаетъ не менѣе пяти типовъ по чеканкѣ легендъ (увѣнчанная голова влѣво, изображеніе со скипетромъ влѣво, изображеніе съ поднятыми вверхъ волосами—влѣво, изображеніе въ бронѣ, со щитомъ и шлемомъ, украшеннымъ вѣнцомъ въ лучахъ), то есть всѣ главнѣйшіе типы монетъ Этельреда II вообще, какъ они перечисляются отъ Лелевеля до Анжеля и Серрюра. Прозоровскій даетъ вѣсъ одного пенни Этельреда II въ 34 доли, то-есть свыше 23 англійскихъ грэновъ (1,496 грм.). Вообще-же свѣдѣнія о вѣсѣ англо-саксонскихъ монетъ и ихъ связи по происхожденію съ франкской чеканкой приходится искать въ западно-европейской литературѣ.

Итоги новѣйшимъ изслѣдованіямъ въ области чеканки Меровинговъ и въ особенности Каролинговъ въ самое недавнее время подвелъ Допшъ[1]). Послѣ работъ Пру, Лушина фонъ-Эбенгрейта, Ф. Сибома и друг. ступени въ исторіи франкской монеты, повліявшей на западно-европейское денежное обращеніе вообще, можно представлять себѣ въ слѣдующемъ видѣ. У франковъ всегда былъ на лицо биметаллизмъ, но при переходѣ отъ Меровинговъ къ Каролингамъ серебряная валюта дѣйствительно беретъ верхъ надъ золотой. Франкскій золотой солидъ, какъ счетная единица въ эпоху Салической Правды, то-есть въ началѣ VI-го в., равнялся 40 денаріямъ, но неизвѣстно, сколько такихъ солидовъ вычеканивалось изъ фунта. Найденные франкскіе солиды рѣдко достигаютъ вѣса золотого Константина В. (4,55 грм.), а съ конца VI в. спускаются до 3,78 грм. Уже меровингскіе серебряные денаріи VII-го вѣка, наприм. Хариберта II, равны среднему вѣсу (1,16 грм.) Каролингскихъ, Пиппиновыхъ денаріевъ. Напротивъ, меровингскій денарій VI-го в. значительно легче (падаетъ до 0,62 грм.). Можно принять, что 40 такихъ легкихъ денаріевъ въ вѣкъ Салической Правды шло на золотой солидъ, такъ какъ въ Галліи уже съ V-го в. чеканился золотой легче Константинова; такъ для начала VII в., для Клотаря II, треть солида равна 0,88 грм., а это даетъ солидъ только въ 2,64 грм. Да и отношеніе золота къ серебру по цѣнности падаетъ и съ пропорціи дней Константина (14,4 : 1) къ половинѣ IX-го вѣка (Эдиктъ въ Пистесѣ 864 г.) уменьшается до 10 : 1. Король Пиппинъ въ 754/5 г. установляетъ, чтобы изъ фунта по вѣсу *серебра* чеканилось не болѣе 22 солидовъ. Находка въ Имфи (денарій въ 1,23 грм.), подтвердила эту норму; болѣе поздніе находки дали колебанія отъ 0,729 до 1,46 грм. для денарія, объясняемыя неравномѣрной чеканкой al marco. Реймскій синодъ 813 г. ссылается на другую мѣру

[1]) A. Dopsch, Die Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit, Th. II. 1913.

Пиппина—на приспособленіе цѣнностей въ монетѣ по Lex Salica къ цѣнностямъ своего времени. Уже до Пиппина даже золотой солидъ стали считать въ 12 денаріевъ, какъ это принято въ Рипуарской Правдѣ VII-го в. Лушинъ ф. Э. изслѣдовалъ кладъ, найденный въ 1904 г. въ Иланцѣ близъ Кура, и убѣдился, что съ начала VI-го в. *золотой* солидъ Салической Правды около 800 г. уменьшился по внутренней цѣнности до того, что не достигалъ даже полной стоимости 12 серебряныхъ денаріевъ. Этимъ ф. Лушинъ объясняетъ, почему новые *серебряные* солиды въ 12 денаріевъ еще при Пиппинѣ легко замѣнили золотой солидъ, стоившій тогда пожалуй даже менѣе серебрянаго. Въ такомъ случаѣ нѣтъ большого контраста между Рипуарской и Салической Правдой: 2400 денаріевъ Пиппина (или 200 его серебряныхъ солидовъ—шиллинговъ по 12 ден.) равны по цѣнности 8 тысячамъ ден. начала VI-го в. (или 200 золотымъ шиллингамъ VIII в. номинально по 40 старыхъ легковѣсныхъ ден.) [1]). При Карлѣ В. (какъ видно изъ капитулярія 779 г.) цѣнность серебрянаго солида еще повысилась, такъ какъ изъ фунта вычеканивалось теперь 20 солидовъ. Кромѣ того увеличенъ былъ въ вѣсѣ и самый фунтъ, спорно только, въ какомъ размѣрѣ. Денаріи Карла В. изъ періода послѣ реформы часто равны 1,70—1,90 грм., доходятъ въ находкахъ IX в. даже и до 2,03 грм. Итакъ, Каролинги стремились своимъ хорошимъ серебромъ замѣнить плохое золото Меровинговъ.

Важная для древне-скандинавскаго и древне-русскаго денежнаго обращенія англо-саксонская чеканка распадается на два періода—на чеканку по Меровингскому образцу (серебряные скеатты въ Мерсіи и Уэссексѣ) и по каролингскому образцу (пенсы Оффы въ Мерсіи и Альфреда въ Уэссексѣ). Золотая монета чеканилась здѣсь по типу римскихъ и меровингскихъ солидовъ или арабскихъ динаровъ и въ VIII—IX вв. называлась манкусами.[2]) Однако, въ X—XI вв. и здѣсь господствовала серебряная валюта съ пеннингами, по отношенію къ которымъ шиллингъ былъ отвлеченной, не подлежавшей чеканкѣ счетной единицей. Послѣ норманскаго завоеванія шиллингъ считался въ 12 пенсовъ сообразно съ новымъ франкскимъ счетомъ по 12 денаріевъ на серебряный солидъ; тутъ фунтъ изъ 240 пенсовъ заключалъ въ себѣ 20 шиллинговъ. Но рядомъ съ этимъ счетомъ англо-саксонское денежное обращеніе раньше знало еще Мерсійскую систему по

---

[1]) Мы допускаемъ такое объясненіе съ оговоркой, что равенство суммъ цѣнностей по скаламъ Салич. и Рипуарской Правды выйдетъ точнѣе, а самая реформа болѣе эволюціонной, если принять вліяніе одновременно третьяго фактора—общаго сильнаго паденія всѣхъ цѣнъ, которое выдвигаетъ П. Г. Виноградовъ, какъ слѣдствіе вздорожанія денегъ, въ частности рѣдкости золота.

[2]) По Инама-Штернеггу, франкскій золотой mancosus, или byzantius sarracenatus по 84 на литру равнялся 30 денаріямъ, или $^1/_8$ ф. серебра. Въ X в. при Этельстанѣ золотой манкусъ стоитъ 30 пенсовъ по 1,68 грм. серебра.

4 пенса на шиллингъ, и тогда значитъ 60 шиллинговъ въ фунтѣ, и Уэссекскій счетъ по 5 пенсовъ на шиллингъ и 48 шиллинговъ на фунтъ. Вѣсъ древняго англо-сакс. фунта споренъ, такъ какъ не установлено прочно ни число пенсовъ въ фунтѣ, ни вѣсъ пенни. Фунтъ былъ именно фунтомъ денегъ, пенсовъ, и съ начала IX в. фунтъ серебра обычное орудіе расплаты.

По Чадвику [1]) изъ 38 цѣльныхъ пенсовъ Кенвульфа, Мерсійскаго кюнинга 796—821 гг., принадлежащихъ Британскому Музею, половина вѣсила 21—23 грэновъ [2]) экземпляръ (1,36—1,49 грм.); изъ 91 цѣльныхъ пенсовъ Эдварда Старшаго (ок. 900—924 гг.) болѣе $^2/_3$ вѣсило 24—26 грэн. (1,55—1,68 грм.) штука (самая значительная группа—24—25 грэн.); изъ приблизительно 600 цѣльныхъ пенсовъ Кнута (1016—1035) свыше $^2/_3$ вѣсятъ 15—18 грэн. (0,97—1,17 грм.). Очевидно, что норма для вѣса пенни мѣнялась здѣсь, по крайней мѣрѣ, дважды; въ такомъ случаѣ, при постоянномъ числѣ пенсовъ на фунтъ, должна была колебаться и норма его вѣса. Устойчивая норма Кнута 15—18 грэн. стоитъ особнякомъ въ области англо-саксонскихъ чеканокъ, но и для Кнута среди $^1/_3$ его монетъ въ Британскомъ Музеѣ, уклоняющихся отъ этой нормы, есть значительныя группы съ вѣсомъ 13—14, 14—15, 18—19, 20—21, 21—22 грэновъ (свыше 23 грэ. всего 5 экземпляровъ). Кнутовой нормѣ слѣдуютъ монеты Гарольда I и Гарэса-Кнута.

Для древнесканд. и древнерусскаго денежнаго обращенія всего важнѣе царствованіе Этельреда II (979—1016). Наибольшее число экземпляровъ пенсовъ этого царствованія въ Брит. Музеѣ падаетъ на вѣсъ въ 22—23 грэн. (1, 42—1, 49 грм.), а именно изъ 365 экземпляровъ 58; слѣдующая по многочисленности группа вѣсомъ штука въ 21—22 грэн. (1, 36—1, 42 грм.), а именно 50 экз.; въ общемъ четыре группы отъ 19—23 грэ (1, 23—1, 49 грм.) представлены 190 особями, тоесть большей половиной всей коллекціи. Но наряду съ этой главной нормой есть для Этельредовыхъ чеканокъ и вторая добавочная; такъ $^1/_4$ всѣхъ его монетъ въ Брит. Музеѣ (91) приходится на максимальный для него вѣсъ 25—27 грэ. (1, 62—1, 7 грм.), изъ нихъ 47 особей на вѣсъ въ 25—26 грэ. Напротивъ, вѣсъ близкій къ Кнутовой нормѣ (16—19 грэ., тоесть отъ 1—1, 23 грм.) насчитываетъ всего лишь 32 экземпляра, тоесть около $^1/_{12}$ всего количества въ коллекціи. При Гарольдѣ II (1066 г.) опять возрождается древняя англосаксонская норма какого нибудь Кенвульфа или Бургреда, а именно средній вѣсъ въ 20, 24 грэ. (1,3 грм.). Изученіе вѣса особей Этельредовой монеты въ предѣлахъ шести типовъ, различныхъ по леген-

[1]) H. M. Chadwick, Studies on Anglo Saxon Institutions, 1905.

[2]) Англ. грэнъ равенъ 0,0648 граммамъ. Если манкусовъ 84 на литру и манкусъ 3.9 грм. золота, а въ 30 пенсахъ 50,54 грм. серебра, то отношеніе цѣнности металловъ, какъ 1:12,96.

дамъ, приводитъ къ выводу, что были чеканки съ своеобразной легендой безъ наиболѣе тяжелыхъ нормъ пенни, или безъ наиболѣе легкихъ, но были и съ тѣми и другими нормами; такъ что однѣ и тѣже наиболѣе тяжелыя нормы, среднія и наиболѣе легкія представлены каждая значительнымъ числомъ экземпляровъ всегда въ нѣсколькихъ различныхъ по типамъ легендъ чеканкахъ. А сверхъ того въ двухъ своеобразныхъ по типу легенды чеканкахъ наряду съ преобладаніемъ главной очень высокой нормы (25—26 и 26—27 грэ.) была вторая дополнительная средняя норма, представленная меньшимъ, однако всетаки значительнымъ количествомъ особей, вѣсомъ въ 22—23 грэна. Если нѣкоторые типы по легендѣ Этельредовой монеты вычеканены въ старыхъ англо-сакс. нормахъ вѣса (19—23 грэ.), то два типа по легендѣ съ преобладаніемъ нормъ выше средней и прямо тяжелыхъ нормъ въ предѣлахъ одного и того-же типа (22—23 и 25—27 грэ.) оказываются новшествомъ Этельреда II.

Серебряныя монеты Альфреда В. и Эдуарда Исповѣдника такъ разнообразны по вѣсу, что не поддаются характеристикѣ по категоріямъ. Для норманскихъ королей, Уильямовъ I и II, средній вѣсъ стертыхъ въ обращеніи монетъ принимается спеціалистами въ $17^1/_2$—$21^1/_4$ грэ. (т. е. 1, 12—1, 39 грм.); однако, даже для не бывшихъ, по видимости, въ употребленіи (кладъ въ Биворсэѣ) средній вѣсъ фактически колеблется $20^3/_4$—21 грэ, т. е. 1, 34—1, 36 грм. Вообще нормы Гарольда II и его норманскихъ преемниковъ совпадаютъ.

Древнѣйшія княжескія монеты Даніи (Свена Тъюгескйегга 985—1014), Норвегіи (ярля Гаукона 989—996), Швеціи (Олава Скейтконунга 995—1021) по общепринятому мнѣнію нумизматовъ подражали пенсамъ Этельреда II. Гораздо болѣе самобытной скандинавской символики въ монетахъ, выбитыхъ, предположительно, въ Даніи, въ подражаніе каролингской чеканкѣ, развившейся въ нидерландскомъ городѣ Дюрстедѣ, или Дорстадѣ. Въ этихъ подражаніяхъ буквы имени Карла и города (Carolus и Dorstat) превращаются въ орнаментъ. На одной подражающей монетѣ монограмма города Дорестада преобразована въ постройку со сводомъ и боковыми столбами, четвероугольникомъ дверей съ косяками и головами дракона при каждомъ углѣ фронтона. На другой монетѣ корабль съ прямыми штевнями на носу и кормѣ и подпертой мачтой, на нѣкоторыхъ корабль викинговъ съ цѣпью щитовъ вдоль борта, обычна—искаженная монограмма Карла В. Черты скандинавской культуры сохранились и на монетахъ, которыя Даны чеканили въ Остъ-Англіи и Нортумбріи. Въ Нортумберландскомъ кладѣ, приблизительно отъ 905 г., въ Куердэлѣ (Cuerdale) въ 1840 г. найдено до 7 тысячъ монетъ. Интересны монеты конунга Сигтрига, изгнаннаго въ 920 г. изъ Дублина и ставшаго съ 924 г. конунгомъ въ Нортумбріи. На его монетѣ (въ Брит. Музеѣ) кромѣ его имени на оборотѣ имя чеканщика; среди передняго

поля помѣщенъ типичный для орнамента викинговъ узелъ—трилистникъ (Valknude), а на оборотѣ—знамя. Веревки, переплетающіяся, какъ змѣи, въ три петли и отдѣльный крендель изъ трехъ петель или узелъ изъ трехъ лепестковъ, этотъ излюбленный мотивъ скандинавской орнаментики можно найти и на Госфорсскомъ крестѣ IX в. въ Кумберландѣ, и на большомъ камнѣ съ рунами X в. въ датскомъ Іеллингѣ, и на монетахъ Кнута В. На другой монетѣ съ именемъ Сигтрига (въ Стокгольмѣ) съ одной стороны мечъ викинга, а на оборотѣ молотъ (Тора) или, можетъ быть, просто буква Т. Ему-же принадлежитъ по всѣмъ признакамъ и третья монета (въ Брит. Музеѣ) съ мечомъ и молотомъ, а на оборотѣ крестъ, окруженный двумя шарами и двумя полумѣсяцами, тоже съ шариками (звѣздами) внутри. На монетѣ Рагнвальда Іоркскаго (до половины X в.) съ одной стороны молотъ, съ другой натянутый лукъ съ наложенной на тетиву стрѣлой. На одной англо-скандинавской монетѣ длань (Всевышняго).

Въ символикѣ этихъ полускандинавскихъ чеканокъ (А. Бугге) приходится искать разгадку загадочнаго «родового» знака на монетахъ Владиміра и Ярослава [1]). Первое общее впечатлѣніе, что это узелъ-трилистникъ эпохи викинговъ, развитый и разработанный въ вензель Владиміра, его монограмму въ духѣ монограммъ Романа II и Василія II (Сабатьэ), м. б. Василія (Владиміра) и Анны (Алексѣевъ). Внизу опрокинутая дуга съ перекладиной и охватывающая ее дуга безъ поперечины въ духѣ буквъ имени Карла, дегенерирующихъ въ орнаментику, точно передаютъ буквы Л. и А. Вверху лѣвый листъ узла даетъ В, а правый—Д. Если повернуть знакъ верхомъ внизъ, то вся середина даетъ ясное М, а стержень съ шарикомъ можетъ читаться, какъ два I десятиричныхъ, въ завиткахъ не трудно найти и Р. Однако, монограмма эта выведена въ какой-то символическій реальный предметъ, причемъ рисунокъ такъ схематиченъ, что остается большой просторъ для воображенія. Въ предметѣ видѣли то портикъ, въ такомъ случаѣ м. б. „валгаллу“, то шлемъ викинга. Но для обоихъ образовъ надо повернуть большинство монетъ головой князя внизъ. Напротивъ, если я держу типичную монету правильно и сравниваю ее съ датскими подражаніями Дюурстедской чеканкѣ, то могу усмотрѣть въ ея знакѣ развѣ только схематичное подобіе тамошняго корабля съ двумя прямыми штевнями и мачтой посрединѣ. Практически этотъ знакъ могъ служить стягомъ князя, напоминающимъ стягъ на монетѣ Сигтрига. Въ одномъ сходятся нѣсколько разнообразныхъ попытокъ объясненія

[1]) Снимки съ этихъ знаковъ даны А. В. Орѣшниковымъ въ Описаніи Памятниковъ Историческаго Музея въ Москвѣ. Для нашихъ параллелей особенно поучительны снимки подъ буквами *е* и *же*, снятые съ монетъ монографіи гр. Толстого, табл. 6 № 7 и табл. 2. № 18. Для скандинавской символики см. рисунки у А. Бугге (A. Bugge, Vesterlandenes Indflydelse, 1905), у J. Steenstrup'a (Danmarks Riges Historie. I), у O. Montelius'a (Sveriges Hednatid) и т. п.

златника, а именно, что, при явномъ подражаніи византійской чеканкѣ, монеты Владиміра въ этомъ загадочномъ знакѣ сохранили слѣдъ варяжскаго происхожденія династіи [1]).

Прежде, чѣмъ перейти къ опредѣленію единицъ вѣса, подчинявшихъ себѣ обращеніе золота и серебра въ древней Руси, отмѣчу, что мѣдная монета не имѣла тогда у насъ существеннаго значенія. Случайная находка въ Кіевѣ, мѣдная монета Василія Македонянина въ 22 миллим. въ діаметрѣ, даетъ случай вспомнить о византійской мѣди. При Константіяхъ мѣдный полуфоллисъ приравнивался по вѣсу приблизительно къ золотому солиду и вычеканивался въ количествѣ 72 изъ фунта. Съ Анастасія появляются болѣе мелкія единицы мѣди, нумміи, по 40 на фоллисъ (съ буквой М), 20 на полуфоллисъ (съ буквой К) и т. п. Въ Одесскомъ музеѣ древностей мѣдная монета Никифора Фоки вытягиваетъ 4,93 грм. при 27 мм. въ діаметрѣ, другая Льва VI. при томъ-же діаметрѣ—вѣситъ 6,235 грм.

Для сравнительной оцѣнки различныхъ орудій золотой и серебряной валюты на Руси неизбѣжно разобраться въ господствовавшихъ тогда на внутреннемъ и международномъ рынкѣ единицахъ вѣса. Исконной единицей всѣхъ мѣръ вѣса древняго міра, а по традиціи и среднихъ вѣковъ считается теперь египетскій дебенъ съ его десятой долей—китой (Kite). Древнѣйшій римскій фунтъ заключалъ въ себѣ 30 китъ, новый—36 к., унція 3 к., древнѣйшій денарій—$^1/_2$ к., аттическо-солонова мина 48 к. Къ этимъ египетскимъ единицамъ приспособилась и вавилонская система вѣсу. Легкій вавилонскій шекель въ $^2/_3$ киты извѣстенъ и какъ эгинская драхма, а статиру въ двѣ такія драхмы соотвѣтствовалъ тяжелый шекель въ $^4/_3$ киты. Гіероглифическій знакъ для *Kute* значитъ—кругъ, „кольцо“. Изъ найденныхъ разновѣсокъ съ надписями и было выведено Гультшемъ и другими окончательное значеніе для дебена въ 90,96 грм., для киты въ 9,096 грм., то-есть размѣръ $^1/_{10}$ унціи новаго Римскаго фунта. Признаками чисто вавилонской системы являются дѣленіе на 60 (талантъ, мина, шекель) и связь нормъ цѣнности съ нормами вѣса. Талантъ дѣлится на 60 минъ, мина на 60 шекелей, и притомъ этотъ рядъ имѣетъ двѣ разновидности—тяжелую и легкую. Однако, каждый разъ, когда опредѣляется не вѣсъ, а цѣнность или размѣръ уплаты, мина дѣлится не на 60 долей, а на 50 шекелей; на тяжелую мину приходится даже 100 шекелей, примѣнительно къ десятиричному дѣленію у египтянъ. Шекели изготовлялись или овальными приплюснутыми кусками, или кольцами,

---

[1]) Археологъ Хвойко, производя раскопки въ Кіевѣ, нашелъ «родовой» знакъ Владиміра на каменной плитѣ; предполагается, что это гербъ съ фронтона. Въ устныхъ докладахъ о находкѣ, проф. И. А. Линниченко, по частнымъ свѣдѣніямъ, допускалъ возможность и въ этомъ гербѣ вычитать нѣсколько буквъ вензеля Владиміра, но въ иномъ распредѣленіи, нежели на его монетахъ. Отмѣчу, по фотографіи, что въ знакѣ на плитѣ отсутствуетъ среднее древко, или мачта монетнаго знака.

послѣдніе въ особенности у египтянъ. И легкая мина могла дробиться на 100 полушекелей, которые у грековъ назывались драхмой. Среди многочисленныхъ египетскихъ гирь изъ базальта, известняку, алебастра, Гультшъ разыскалъ всѣ наиболѣе важныя единицы вѣса Древнихъ и Среднихъ вѣковъ[1]). Наша задача довести исторію этихъ единицъ до эпохи «Русской Правды».

Въ первую очередь отыскиваемъ у Гультша теперешній русскій фунтъ. Вотъ онъ: ровно 45 китъ, то-есть 409,3 грм. (оффиціально русскій фунтъ равенъ 409,512 грм.); это легкая вавилонская мина для золота, а также вѣсъ египетскаго обихода. Эта египетская единица представлена почти невредимой гирей изъ известняку въ Берлинскомъ музеѣ вѣсомъ чуть-чуть свыше 409 грм.; на ней надпись, по Бругшу: „Мѣдь 15“; значитъ эта гиря равна 15 единицамъ по 3 ките, то-есть 15 унціямъ новаго римскаго вѣса. Найдена въ Мемфисѣ еще гиря въ $^1/_3$ этого фунта, то есть 136,4 грм., которую Гультшъ вдвигаетъ въ систему аттико-римской мины (въ 341,1 грм.), приравнивая 40 драхмамъ по 3,41 грм., или сотнѣ полушекелей при шекелѣ въ 6,82 грм. Нашъ золотникъ не встрѣчается въ таблицѣ Гультша, но шесть нашихъ лотовъ найдены, какъ гиря Тутмеса I въ 76,645 грм. съ надписью „Золото 6 единицъ“, откуда $^1/_6$ равна 12,77 вмѣсто нашего лота 12,797 грм. Очень близокъ къ такому лоту и золотой шекель Аменемхата.

Среди обслѣдованныхъ Гультшемъ гирь Египта ближе всего подходятъ къ нашему золотнику разновѣски изъ Дефеннэ и Навкратиса въ 4,366 грм., то-есть въ сильную эвбеоаттическую драхму или полъ легкаго шекеля, какъ одной сотой отъ мины въ 436,6 грм.; къ этимъ разновѣскамъ найдены тамъ-же и половинки по 2,183 грм.

Дальнѣйшую исторію нашего фунта надо искать у Декурдеманша въ системѣ Селевкидовъ и Арабо-сирійской. Здѣсь аттическая драхма, или дарахми, то-есть золотой динаръ омеяда Абдуль-Мелика, принята въ 4,25 грм., значитъ почти нашъ золотникъ въ 4,265 грм. Восемь такихъ драхмъ даютъ унцію, или $^1/_{12}$ фунта, въ 34 грм., а 96 драхмъ-золотниковъ самый Иракскій фунтъ въ 408 грм. Но есть и другая арабская система для этого фунта, исходящая отъ серебра, а именно за единицу берется серебряный диргемъ того-же Абдуль-Мелика (ок. 700 г.) въ 2 грм. $83^1/_3$ ц-грм.; тогда унція получится въ 12 диргемовъ, или 34 грм., а сирійскій, или иракскій фунтъ выйдетъ въ 12 унцій, или 144 диргемовъ, то-есть 408 грм. Итакъ, золотой динаръ при Абдуль-Меликѣ равнялся по вѣсу $1^1/_2$ диргемамъ. Съ распространеніемъ Арабовъ или арабскаго серебра проникаетъ въ Европу очевидно и этотъ иракскій фунтъ. Гиллеръ[2]) находитъ его

[1]) Fr. Hultsch, Die Gewichte des Alterthums. Lpz. 1898.

[2]) Hist. Virteljahrschrift, Jahrg III, 1900.

слѣды въ мѣстныхъ фунтахъ на Югѣ Франціи (Марсель, Авиньонъ, въ особенности Тулуза, гдѣ именно 409,4 грм.), въ Испаніи (Майорка) и Италіи (Сардинія). Этотъ фунтъ въ 15 эръ, или, по мнѣнію Гиллера, римскихъ унцій, то-есть $327{,}5\times{}^{15}/_{12}$, или 409,5 грм., упоминается въ законахъ, носящихъ имя Этельреда II, и другихъ болѣе позднихъ памятникахъ Англіи. Съ этимъ фунтомъ Гераръ, Инама-Штернеггъ, Гиллеръ отождествляютъ неуловимый фунтъ Карла В. Гиллеръ къ половинѣ этого фунта приравниваетъ Кельнскую торговую марку и указываетъ ее среди серебряныхъ слитковъ нѣмецкихъ кладовъ. Такъ въ 1848—1856 гг. въ Нижней Саксоніи, въ Гандерсгеймѣ и Дардесгеймѣ были найдены серебряные бруски мѣстной пробы. Это marca argenti usualis XIV-го вѣка со штемпелемъ. Среди этихъ 18 брусковъ Гиллеръ указываетъ два по маркѣ, тоесть полуфунтовые (въ 200, 6 и 206, 45 грм.) и одинъ въ полумарку (103, 225 грм.). Наконецъ, среди вещей эпохи викинговъ (молодого желѣзнаго вѣка), найденныхъ на островѣ Готландѣ, въ Стокгольмскомъ музеѣ есть гиря въ 819 грм., или 90 китъ вавилонской золотой мины, тоесть въ два Иракскихъ фунта. (Ф. Сибомъ). Таковъ побѣдоносный путь одной изъ древне-египетскихъ единицъ. Отмѣтимъ однако, теперь-же, что эта египетская единица вѣса шла далѣе съ В. черезъ Месопотамію и арабовъ въ размѣрахъ 408 грм. (иракскій фунтъ), а черезъ арабовъ-же и Западную Европу въ размѣрахъ 409,5 грм., или 15 римскихъ унцій. На берегахъ Балтійскаго моря оба типа должны были встрѣтиться, и иракскій фунтъ, для цѣлей торговли съ Западомъ, былъ, вѣроятно, подогнанъ къ ровно 15 западнымъ унціямъ.

Вторая важная для ранняго средне-вѣковья единица—это новый римскій фунтъ въ 327, 45 грм. Въ восточной метрологіи онъ въ 36 египетскихъ китъ, или легкая либральная мина. Первый слѣдъ этой единицы относится къ XII—XIII египетской династіи, тоесть около 2000 лѣтъ до Р. Х. (алебастровая гиря изъ Кахуна съ надписью „9 единицъ“, тоесть каждая въ 3 киты, или римскую унцію.) Всѣ части этого римскаго фунта засвидѣтельствованы для Египта или найденными соотвѣтствующими гирями, или надписями на единицахъ высшаго порядка; такъ установлены $^1/_3$ ф., triens въ 12 китъ, или 109, 15 грм., унція въ $^1/_{12}$ ф., или 3 киты, или 27, 29 грм., silicus въ $^1/_{48}$ ф., или $^3/_4$ киты, или 6, 82 грм., sextula въ $^1/_{72}$ ф., или $^1/_6$ унціи, или $^1/_2$ киты, или 4, 548 грм. (это солидъ), scripula въ $^1/_{96}$ ф., или $^1/_8$ унціи, или $^3/_8$ киты, или 3, 411 грм., двѣ секстулы въ $^1/_{36}$ ф., или 1 киту, или 9,096 грм., полъ—секстулы въ $^1/_{144}$ ф., или $^1/_{12}$ унціи, или $^1/_4$ киты, или 2, 274 грм.

Общая дѣлимость Иракскаго фунта въ 15 унцій съ римскимъ въ 12 унцій объясняется и помимо унцій тѣмъ, что въ основѣ обоихъ фунтовъ лежитъ египетская единица—45 и 36 китъ. Но въ ранніе средніе вѣка существовала въ Англіи и въ Скандинавіи особая единица, которая образовалась какъ-бы изъ $^2/_3$ римскаго фунта: это англо-

скандинавская марка, равняющаяся будто-бы 218,30 грм. и проникшая на Сѣверъ, предположительно, черезъ Готовъ. Однако, мысль взять для марки не $^1/_2$ какого либо фунта, а $^2/_3$ меньшаго фунта, необычна, тѣмъ болѣе, что у англосаксовъ она прямо называется полумаркой. Марка — это, предположительно, исконная, самобытная единица вѣса у Германцевъ, но она обычно приспособляется къ какому либо фунту, какъ его половина. Въ такомъ случаѣ правильнѣе было-бы 218, 3 грм. считать половиной фунта въ 16 унцій, или 436, 6 грм. Такая крупная единица вѣсу сложилась уже въ Египтѣ къ XII династіи изъ 48 китъ, какъ шести-десятиричная мина легкаго финикійскаго шекеля, и тогда уже дѣлилась не только на 60, но и на 100. Вѣроятно, черезъ посредство Финикіянъ, она попала въ Грецію и Переднюю Азію, гдѣ встрѣчается, какъ Эвбейская система; она называется аттической съ тѣхъ поръ, какъ введена Солономъ въ Аѳинахъ. Найдены гири и для всей мины (Навкратисъ) и для ея половины въ 218, 3 грм. (Навкратисъ изъ базальта), и для $^1/_{100}$ въ $^1/_2$ легкаго шекеля, или 1 эвбео-аттическую драхму, тоесть 4, 366 грм., и для $^1/_{50}$ въ 1 легкій шекель или $^1/_4$ статиръ, или 1 аттическій дидрахмонъ, тоесть 8, 73 грм. Итакъ, если-бы новѣйшій издатель Англо-Саксонскихъ законовъ Либерманнъ и былъ правъ въ своемъ опредѣленіи марки въ $^2/_3$ римскаго фунта, то всетаки ее правильнѣе было бы разсматривать, какъ половину аттической мины въ 50 драхмъ. Опять таки совпаденіе $^1/_{16}$ этой мины изъ 48 китъ съ унціей, тоесть $^1/_{12}$ римскаго фунта, находило-бы себѣ объясненіе въ томъ, что въ основѣ мины и либры одинаково лежала египетская единица. Однако, ни въ живой традиціи самой Скандинавіи, ни въ ея археологическихъ находкахъ нѣтъ слѣдовъ такой марки. Впрочемъ среди серебряныхъ брусковъ Нижней Саксоніи (Дардесгеймъ) Гиллеръ нашелъ слитокъ какъ разъ въ 218, 326 грм. и отождествляетъ его съ Кельнской вѣсовой маркой, отъ которой отличаетъ Кельнскую чеканную марку (Prägungsmark) въ 210, 105 грм., какъ вѣсъ другого нижне-нѣмецкаго слитка изъ Дардесгейма и еще недавнюю марку Швеціи для серебра. На дѣлѣ Кельнская марка въ новое время по традиціи установлена въ 233, 8 грм., и Гиллеръ среди своихъ 18-и слитковъ, между которыми словно въ коллекціи образцевъ нѣтъ и двухъ равныхъ, могъ-бы остановиться и на брускѣ изъ Дардесгейма въ 232, 029 грм., не говоря уже о сродствѣ этой нормы съ англійскимъ средневѣковымъ (Тауэрскимъ) фунтомъ, какъ $^2/_3$ его.

А между тѣмъ именно скандинавскую марку можно возстановить и по живой традиціи, и по археологическимъ находкамъ. Въ Скандинавіи часто находятъ вѣсы и гири, но не въ кладахъ, а въ языческихъ могилахъ. О. Монтеліусъ одинъ типъ разновѣсокъ — приплюснутый желѣзный шаръ, покрытый бронзой, ведетъ отъ арабовъ и ихъ серебра; на такихъ гиряхъ иногда подражаніе арабскимъ письменамъ. Отъ, предположительно, самобытной скандинавской системы вѣса тоже дошли гири, но

исключительно изъ желѣза и въ формѣ конуса, поставленнаго на другой опрокинутый усѣченный конусъ, или колокола надъ чашей. Такая гиря языческой эпохи, найденная на островѣ Готландѣ, вѣситъ по описанію Стокгольмскаго музея, 5, 025 скольфунтовъ (по 425 грм.) [1]), или двойныхъ марокъ. Отсюда Готландская марка въ $^1/_{10}$ гири опредѣляется въ 213,6 грм., то есть 50 золотниковъ [2]). На туже норму указываетъ письмо датскаго короля Фредерика I отъ 1500 г., въ которомъ онъ 43 лота стараго норвежскаго вѣса приравниваетъ 39 лотамъ кельнскимъ. Исходя для Кельнскаго вѣса отъ датской нормы въ 235, 29, получаемъ древній норвежскій лотъ въ 13, 338, а марку въ 213, 408 грм. Для серебра въ Швеціи вплоть до послѣдняго вѣка примѣнялась марка въ 210, 62 грм. Такъ какъ папскіе коллекторы изъ начала XIV в. приравнивали Стокгольмскую марку 170 авиньонскимъ денаріямъ, а норвежскую 176—и, то отсюда Стокгольмскую марку вычисляли въ 209, а норвежскую около 216 грм. Но и для южной Норвегіи есть археологическія находки, а именно рядъ невполнѣ цѣлыхъ гирь въ 3 эры, въ 2 эры, въ 1 эру, откуда эра устанавливается въ 26,3—26,5 грм. Хорошо сохранилась разновѣска въ $^1/_{12}$ эры, откуда для эры получается 26,719 грм., тоесть марка въ 213,6 грм., какъ и Готландская (Гиллеръ). Всетаки современные норвежскіе ученые принимаютъ для своей древней марки вѣсъ въ 215,8 грм. (Тарангеръ, Ф. Лундъ), а датскіе для своей—212 грм. По вопросу о скандинавскомъ вѣсѣ въ англо-саксонскомъ государствѣ Ф. Сибомъ въ частномъ письмѣ къ Алекс. Бугге описываетъ находку на островѣ Колонсэ изъ группы Гебридовъ, помѣщенную теперь въ Эдинбургскомъ музеѣ. Здѣсь былъ погребенъ викингъ съ конемъ и съ разновѣсками у колѣнъ; вѣсъ разновѣсокъ, очевидно въ эру, колеблется между 24,74—26,30 грм. Хотя и здѣсь марка не идетъ выше половины скольпунда, всетаки и Сибомъ, и Бугге приравниваютъ эру вполнѣ къ римской унціи, а марку значитъ къ 218,3 грм.

Какая-же связь между этими тремя фунтами—Иракскимъ въ 408, скольфунтомъ въ 425 и предполагаемой двойной маркой въ 436,6 грм.? Конечно, на худой конецъ, можно было-бы найти всѣ эти три фунта въ эвбео-аттической системѣ и помечтать объ отголоскахъ очень древнихъ сношеній съ Эллинами. Вѣдь у Декурдеманша именно эти три цифры даны для трехъ оттѣнковъ аттической серебряной валюты. За нормальную признается здѣсь система съ драхмой въ 4,25 грм. и сотенной миной въ 425,20 грм. при тетрадрахмѣ въ 17 грм. Затѣмъ есть слѣды слабой аттической системы съ драхмой въ 4,08 грм., ми-

---

[1]) Точнѣе 425,076 грм., откуда гиря 2,136 клгр.

[2]) Марка въ полъ скольпунда должна бы вѣсить 212,5 грм. Напротивъ, марка въ 213.6 грм. указываетъ на скольпундъ въ 427 грм., то есть подогнанный къ сотнѣ золотниковъ.

ной въ 408 грм. при тетрадрахмѣ въ 16,32 грм. Наконецъ, есть и сильная эвбео-аттическая система съ драхмой въ 4,352 грм., миной въ 435,20 грм. при тетрадрахмѣ въ 17,408 грм.

Однако, при отсутствіи въ Скандинавіи кельтическаго подпочвеннаго слоя, проще объяснять появленіе такихъ аттическихъ единицъ вѣса у Скандинавовъ посредничествомъ арабовъ. Къ тому-же въ греческихъ колоніяхъ Южной Россіи господствовалъ фунтъ въ 364 грм. Арабо-сирійская система рядомъ съ нормальной аттической драхмой, положенной здѣсь въ основу динара Абдуль-Мелика (дарахми въ 4,25 грм.) для либры-фунта изъ 96 динаровъ (408 грм.), знаетъ и сирійскую (слабую аттическую) драхму въ 4,08 грм. для того-же фунта въ 408 грм., но при дѣленіи его на сто драхмъ. Здѣсь просвѣтъ въ лабораторію арабской метрологіи. Слабая аттическая (сирійская) драхма понадобилась, чтобы сотенную скалу Египта и Аттики приспособить къ двѣнадцатиричной и шестидесятиричной скалѣ, шедшей отъ вавилонской традиціи. При уменьшеніи драхмы съ 4,25 грм. до 4,08 грм. можно было сотней единицъ замѣнить 96. Однако, если 4,25 грм., то-есть динаръ—золотникъ, взять не 96 разъ, какъ для Иракскаго фунта, а сто разъ, то получится шведскій скольфунтъ въ 425 грм., который и теперь еще дѣлится ка 100 частей, ортовъ (Ort)[1]). Вездѣ, гдѣ торговыя соотношенія ведутся на два—три фронта, тамъ по наблюденіямъ метрологовъ является потребность нѣсколько повышать или понижать свою самобытную единицу вѣса, дабы приспособить ее къ единицамъ нѣсколькихъ народовъ, съ которыми приходится вести дѣла; такъ вырабатывается коллективная единица для международнаго обмѣна. Съ своей мѣркой (Готландской) въ полъ арабскаго, но сотеннаго фунта, или 213,6 грм., скандинавы на путяхъ къ Византіи сталкивались съ греческой литрой, а на Западѣ съ ней-же въ видѣ римской либры, то-есть фунтомъ въ 327,5 грм. Приспособленіе могло дать въ разультатѣ, что готландская марка стала подыматься и приравниваться къ $^2/_3$, или 8 унціямъ либры-литры, а тогда при привычномъ счетѣ по двѣ марки на фунтъ могло зародиться представленіе о фунтѣ въ 436,6 грм. Всѣ эти крупныя единицы удобно подходили другъ ко другу, потому что искони у нихъ былъ общій дѣлитель въ одну египетскую ките. Теперь, любопытно, что готландская марка въ 213,6 грм. равнялась 50 не динаровъ, которые съ нормы 4,25 даже понижались до 4 грм., а полсотнѣ русскихъ золотниковъ въ 4,265 грм. Это вызываетъ на анализъ мелкихъ единицъ вѣса.

Господствующій со времени Норманскаго завоеванія и до Генриха VIII тауэрскій фунтъ средневѣковой Англіи, извѣстный еще

---

[1]) Та же цифра въ 425 грм. для мины получается въ римско-египетской системѣ, примиряющей Птоломеевскую (Александрійскую) драхму въ $3{,}541^2/_3$ грм. съ дѣленіемъ литры на 12 унцій, причемъ на Александрійскую унцію здѣсь берется 8 такихъ драхмъ, а на мину ихъ 120, или 425 грм. Эта драхма стала и Александрійскимъ вѣсовымъ диргемомъ.

англо-саксамъ, оффиціально установленъ Генрихомъ III въ XIII в. и соизмѣримъ, какъ ея кратное, съ Кёльнской маркой, а именно въ полуторномъ ея размѣрѣ, то-есть вѣситъ 349,912 грм., при пенни въ 1,458 грм., или 22,5 труагрэновъ; на такую именно норму падаетъ большинство пенсовъ Этельреда II въ Британскомъ музеѣ, и тогда 160 пенсовъ дѣйствительно даютъ Кёльнскую марку въ 233,275, идущую, значитъ, изъ Англіи (цифры Гроте). Однако, въ англо-саксонскій періодъ норма пенни колебалась въ такихъ широкихъ предѣлахъ, что и фунтъ въ 240 пенсовъ Чадвику приходится разсматривать, какъ величину неустойчивую, подвижную. Такъ чеканка Оффы можетъ предполагать только приблизительно римскій фунтъ, норма Кёнвульфа фунтъ, который нѣсколько выше официально установленнаго съ XIII в. Съ Эдуарда Ст. до конца царствованія Альфреда вѣсъ пенни указываетъ почти на Иракскій фунтъ. Извѣстный слой пенсовъ Этельреда II подымаетъ фунтъ еще выше этой нормы въ 408—409,5 грм. Кнутовъ фунтъ не могъ достигать даже и 300 грм., а такъ какъ часть пенсовъ Эдуарда Исповѣдника слѣдовала этой-же нормѣ, то неудивительно, если скандинавская марка приравнивалась-бы въ это царствованіе не $^1/_2$ ф., а 160 пенсамъ. Фунтъ Гарольда II опять подходилъ къ оффиціальной нормѣ Генриха III, какъ и фунтъ его преемниковъ Уильяма I и II.

При такихъ колебаніяхъ англо-саксонскаго фунта отъ римскаго до англо-норманскаго Генриха III и даже свыше Иракской нормы, скандинавская марка, приравненная въ Англіи 8 эрамъ-унціямъ, могла при разсчетахъ съ Данами тоже получить подвижный курсъ. Такъ по памятнику норманской эпохи, законамъ Эдуарда Исповѣдника, марка уравнена съ 160 пенни, а это возможно при его пенни въ 20 грэ, или 1,3 грм. Напротивъ, въ законѣ имени Этельреда II на фунтъ положено 15 эръ, а это даетъ на марку 128 пенсовъ; при высшихъ нормахъ для Этельредова пенни, а именно 26—27 грэ, или 1,68—1,7 грм. марка изъ 128 п. дѣйствительно получилась-бы въ 215—218 грм. Въ Куердельскомъ кладѣ (предположительно X в.) найдено 16 слитковъ серебра, каждый вѣсомъ около 256,6 грм. Такой размѣръ марки я могу объяснить развѣ только тѣмъ, что при нормѣ пенни, преобладавшей въ царствованія Этельберта Уэссекскаго и Эдварда Старшаго, а именно 24—25 грэн. (1,55—1,62 грм.), для литья марки вмѣсто 128—132 пенсовъ, какъ иной разъ при Этельредѣ II, взята была рутинная пропорція въ $^2/_3$ ф., или 160 пенсовъ, какъ при пенни въ 1,36 грм.

Норма Кенвульфа для пенни свидѣтельствуетъ о слѣдахъ Тауерскаго фунта въ 349,912 грм. до норманскаго завоеванія и требуетъ обслѣдованія родословной этого фунта. Среди гирь древняго Египта я не нахожу крупной единицы вѣса такого размѣра, но части ея указаны у Гультша. Такъ, среди долей найденной въ Навкратисѣ легкой эвбейской мины изъ базальта, сіэнита, алебастра въ 48 ките, или 436,3 грм., попадаются въ Египтѣ $^1/_{300}$ ея въ 1,455, то есть почти

пенни Тауерскаго фунта (1,458), $^1/_{150}$ въ 2,911 грм., (два пенса), $^1/_{100}$ въ 4,366 (три пенса), $^1/_{25}$ въ 17,46, то есть шиллингъ, $^1/_{20}$ въ 21,83 или 15 пенсовъ, $^1/_5$ въ 87,32 грм., или 5 шиллинговъ, наконецъ $^2/_5$ въ 174,6 грм., или полфунта въ 10 шиллинговъ, иначе 120 пенсовъ. Найдена и половина легкой эвбейской мины вѣсомъ въ предполагаемую скандинавскую марку изъ 218,3 грм., но она въ систему Тауэрскаго фунта, конечно, не умѣщается. Найдена и $^1/_{60}$ въ 7,28 и $^2/_{60}$ этой мины въ 14, 55 грм., то есть пять и десять пенсовъ, второе, по Гультшу, и есть библейскій шекель. Соотвѣтственно этому изъ системы этого тяжелаго финикійско-еврейскаго шекеля найдены кратныя отъ англійскаго Тауэрскаго фунта, а именно 10 фунтовъ въ 3493 грм. (Навкратисъ), 5 ф. въ 1746,5 (Кахунъ, Мемфисъ), $2^1/_2$ ф. въ 873,2 грм., $1^2/_3$ ф. въ 582,2 грм. Но самая единица Тауэрскаго фунта и не могла кристаллизоваться въ Египтѣ, потому что не дѣлится ни на киту, ни на кратное цѣлой киты, или киты съ однозначной десятичной дробью. Среди арабскихъ фунтовъ у Декурдеманша тоже нѣтъ слѣдовъ Тауэрской единицы; итакъ, она должна была сложиться гдѣ либо на Западѣ, хотя и изъ мелкихъ единицъ, идущихъ отъ Египта. Въ Элладѣ въ эвбео-аттической системѣ сильная драхма подымается до 4,352 грм, (по Декурдеманшу, 4,366 по Гультшу и до 4,32 по Бабелону), а при такой драхмѣ ея $^1/_3$, или діоболъ совпадетъ съ Тауэрскимъ пенни, то есть будетъ равенъ 1,45 грм., или $^1/_{300}$ легкой эвбейской мины. Тогда тетрадрахмонъ въ 17,4 грм. совпадетъ съ Тауэрскимъ шиллингомъ. При этой именно системѣ мина въ 100 драхмъ тождественна съ фунтомъ въ 435,2 грм., то есть двойной англо-датской маркой, которая при объясненіи ея изъ 16 унцій римской литры подгоняется обыкновенно къ 436,6 грм. При этой же системѣ дидрахмонъ, или золотой статиръ вытянетъ 8,7 грм. и можетъ лечь въ основу скандинавскаго эртога, а три эртога дадутъ эру въ 26,1—26,2 грм. съ маркой изъ 8 эръ въ 208,8—209,5 грм. Здѣсь мы находимъ почти шведскую марку, выжившую вплоть до XIX в. для серебра—въ 210 грм. вмѣсто предположительной марки въ 218 грм. изъ 8 римскихъ унцій. Если-же эти египето—эллинскія единицы попадутъ въ скалу 240 пенсовъ на фунтъ, то они создадутъ его въ размѣрѣ Тауэрскаго, то есть 349 грм., а на талантъ данной системы въ 6 тыс. драхмъ пришлось-бы 75 Тауэрскихъ фунтовъ. Если взять 160 пенсовъ—діоболовъ, то получится Кельнская марка въ 233 грм. [1]).

Итакъ, глубже эллино-арабскихъ вліяній на скольфунтъ въ 425 грм. и русскій въ 409,5 грм., глубже римско-византійскаго воздѣйствія черезъ либру-литру въ 327,5 грм. все-таки приходится какъ будто-бы признать возможность переживанія прямо-таки эвбео-аттической мины

---

[1]) Изъ рутиннаго удвоенія этой марки въ фунтъ могъ возникнуть Норвежскій фунтъ для золота и серебра въ 469 грм.

въ 435 грм. и наличность отголосковъ меньшихъ единицъ той-же системы—діоболовъ, драхмъ, статировъ, тетрадрахмоновъ, какъ въ новообразованіи будущаго Тауэрскаго фунта, такъ и въ обработкѣ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ марокъ, которыя считаются самой исконной единицей вѣса у Скандинавовъ. Повторяемъ, однако, что въ признаніи для англо-саксонскихъ и скандинавскихъ сношеній фунта въ 436,6 грм. нѣтъ неизбѣжной нужды. При такомъ фунтѣ пенни поднялся-бы до 1,8 грм., или 28 грэновъ, а пенни свыше 27 грэновъ встрѣчается рѣдко; въ Брит. Музеѣ такіе пенсы имѣются въ серьезномъ количествѣ только для Этельреда II.

Образъ этого фунта всплываетъ изъ удвоенія англо-сканд. марки въ 218,3 грм. въ подражаніе отношенію между чисто скандинавской (готландской) маркой въ 213,5 грм. и скольфунтомъ въ сто арабскихъ динаровъ, или 425 грм. Самая марка въ 218,3 грм. возникаетъ тамъ, гдѣ скандинавская марка изъ 8 эръ попадаетъ въ кругъ вліянія римской либры и, ради удобства переводовъ и перечисленій, эра въ системѣ марки приравнивается римской унціи, что ведетъ къ представленію о фунтѣ въ 16 унцій, или 436,6 грм.

Съ другой стороны построеніе марки изъ такой эллинской единицы, какъ сильная аттическая драхма въ 4,35 или 4,366 грм., совершается по скалѣ, примиряющей римскую систему вѣса съ греческой. Скандинавская марка дробилась на 8 эръ, каждая по 3 эртога, каждый эртогъ иногда въ 10, иногда въ 12 или въ 20 пеннинговъ. Если исходить отъ обола, какъ самой мелкой доли марки, то получится 3 діобола, или 6 оболовъ въ драхмѣ, 2 драхмы или 12 оболовъ въ золотомъ статирѣ, или эртогѣ, 36 оболовъ въ эрѣ, и, наконецъ, 288 оболовъ въ маркѣ. Въ этихъ отношеніяхъ легко узнать римскую скалу дробленія as'а, то есть «единицы», на 8 sescuncia (эра), на 24 semuncia (эртогъ), на 48 sicilicus (драхма), на 288 scripulum-пеннингъ (оболъ). (Гультшъ). Однако, въ эпоху Римской имперіи для примиренія римской либральной системы съ греческой, $^1/_{96}$ либры, или денарій, приравнивалась греческой драхмѣ, очевидно по нормѣ 3,4 грм., близкой къ финикійской въ Сиріи и Египтѣ. Напротивъ, марка изъ 209,5 грм. складывалась изъ 48 драхмъ сильной Аттической нормы въ 4,366 грм. Тогда эра заключала-бы въ себѣ 26,196 грм., а марка почти 210 грм., какъ шведская для серебра.

Общее впечатлѣніе всѣхъ этихъ наблюденій таково, какъ будто-бы какая-то исконная германская марка, уже связанная съ греческими единицами и съ вѣсовой скалой Римской имперіи, въ сферѣ вліянія римскаго фунта подгонялась къ 8 унціямъ, а въ сферѣ арабскихъ вліяній—къ 50 динарамъ, или 213,5 грм. Какъ-бы то ни было, но изъ археологическихъ находокъ мы съ достовѣрностью опредѣляемъ скандинавскую эру въ 26,719 грм. при маркѣ 213,6 грм. Приблизительно такихъ эръ надо было взять 13 при нормѣ 26,916, чтобы получить Тауэрскій фунтъ въ 349,912 грм. Откуда-же, наконецъ, по-

лучился самый размѣръ этого фунта? Можетъ быть, это новообразованіе Сѣверо-Западной Европы изъ тѣхъ же греческихъ единицъ, которыя вошли въ исконную германскую марку, изъ діоболовъ, драхмъ, тетрадрахмъ и статировъ. Но, можетъ быть, что при складываніи этихъ низшихъ единицъ подъ вліяніемъ арабовъ сразу имѣлось въ виду предѣльное количество въ сто примирительныхъ драхмъ-денаріевъ по 3,4 грм. или-же въ 100 финикійскихъ, или сирійскихъ драхмъ (Селевкидовъ) по 3.50 и 3,54 грм., подобно тому, какъ мина Лагидовъ въ 354 грм. возникла въ Александрійской системѣ изъ подобной-же драхмы (Декурдеманшъ), но только эта первая норма обтесана примѣнительно къ 13 эрамъ и 80 аттическимъ драхмамъ-динарамъ.

Впрочемъ, наиболѣе *вѣроятнымъ* пришлось-бы тогда признать возникновеніе Тауэрскаго фунта изъ 96 драхмъ по 3,645 грм., то-есть птоломеевскихъ монетныхъ драхмъ, или 24 еврейск. шекелей по 14,55; Кельнскую же марку въ 233 грм. надо считать не самобытной единицей континентальной Германіи, а отщепенцемъ отъ англійскаго Тауэрскаго фунта, именно въ $^2/_3$ его, по аналогіи съ приспособленіемъ скандинавской марки къ $^2/_3$ римской либры. Наконецъ, гирьку въ Стокгольмскомъ музеѣ, найденную на островѣ Готландѣ, въ 0,71 скольфунта, или 301,75 грм. (70 золотниковъ) я могъ-бы свести только къ половинѣ Эгинской мины въ томъ ея размѣрѣ 602,6, въ которомъ она, по постановленію народнаго собранія, была принята въ Аѳинахъ для торговаго вѣса (μνᾶ ἐμπορική). Это единица въ 66 ките (600,3 грм.). Она вошла въ систему сирійскихъ арабовъ, называемую Мисри, или Птоломеевской, гдѣ «ратль» въ 612 грм. образуется изъ 144 (12 унцій по 12) динаровъ АбдульМелика по 4,25 грм., то есть нормѣ аттической драхмы [1]).

Передъ нами послѣдняя ступень—русскій золотникъ изъ 96 долей (по 0,0444 грм.) въ 4,2657 грм., какъ $^1/_{96}$ фунта въ 409,512 грм. Обращаемся къ таблицѣ Гультша для египетскихъ гирекъ и теоретически опредѣленныхъ единицъ вѣса. Золотой песокъ взвѣшивался тамъ на Пеки (Pek), причемъ пекъ удалось вычислить въ 0,71 грм., то-есть

---

[1]) Въ Германіи держится еще взглядъ, высказанный Г. Шмоллеромъ (Jahrbuch für Gesetzgebung, XVII, или 1893, p. 292) подъ вліяніемъ Куэйпо и усвоенный Мейтценомъ (Siedelung und Agrarwesen, II, p. 542). будто-бы англо-саксонскій фунтъ (то-есть Тауэрскій) около 350 грм. и скандинавская и германская (правильнѣе Кёльнская) марка ок 234 грм. восходятъ къ боспорской, или сиро-финикійской драхмѣ въ 3,70! грм., по 8 драхмъ на германскую унцію въ $29^1/_4$ грм.

Для насъ здѣсь все невѣрно, въ особенности послѣ изслѣдованій Бертье-Делагарда Правда, Миерадатъ VI Евпаторъ въ началѣ I-го в. д. Р. Х. чеканилъ легкія драхмы въ 3,71—3,92 грм., но въ подражаніе римскому денарію въ $^1/_{84}$ ф., или 3,90 грм, а сирофиникійская драхма въ 3,55 грм., усвоенная было раньше въ Херсонисѣ, вытягивала тамъ въ хорошихъ экземплярахъ среднимъ числомъ 3,49 грм., Однако, чаще всего въ Сарматіи и Тавридѣ приходится встрѣчаться съ эгинской драхмой въ 5,97—6 грм., а съ

$^5/_{64}$ ките, вѣсъ, почти равный нормѣ аттическаго обола въ 0,708$^1/_3$ грм. Пекъ совпадаетъ съ нашими 16 долями, то-есть равенъ $^1/_{18}$ лота и $^1/_6$ золотника. Величина пека опредѣляется стелой эѳіопскаго царя Хорсіатефа, найденной въ Джебель Баркалѣ, на мѣстѣ древней Напаты, и устанавливающей равенство 40 дебеновъ золота (по 90,96 грм.) съ 5120 пеками. Избранная для равенства сумма пековъ-дебеновъ почти равна 9 иракскимъ, или русскимъ фунтамъ. Вѣсъ пека засвидѣтельствованъ теперь и алебастровой гирькой въ 92,47 грм., то-есть 130 пековъ, найденной близъ храма Сета въ Нубтѣ—Омбосѣ и относимой къ XVIII династіи. Очевидно, что это десять единицъ въ 13 пековъ, или 9,24 грм., то-есть 210 долей каждая, такъ какъ отъ 13 пековъ найдены среди египетскихъ гирь кратныя. Важна гиря изъ известняку, найденная въ Кахунѣ и вытянувшая въ нынѣшнемъ своемъ видѣ 553,1 грм., но вѣсившая первоначально предположительно 554 грм.; на ней надпись, указывающая, что въ гирѣ 20 единицъ, при чемъ въ ней 60 другихъ единицъ по 13 пековъ. Такая $^1/_{20}$ Кахунской гири опредѣляется въ 27,71 грм., то есть 39 пека, или 630 доли. Найдена и $^1/_{10}$ Кахунской гири въ 6×13 пековъ: это разновѣска изъ кварца съ именемъ фараона Усертесена (Сенусерта) и надписью «золотыхъ дѣлъ мастеръ Хормера» (Hormera), вѣсомъ въ 55,43 грм., то есть 13,12 золотниковъ. Наконецъ, самая Кахунская гиря въ вѣсѣ, возстановленномъ до 554 грм., равна 130 золотникамъ, или 13,5 фунтамъ русскимъ.

Итакъ, русскій золотникъ здѣсь не нашелся, но нашлась $^1/_6$ его часть (пекъ), которая для образованія высшей единицы берется сначала 13 разъ, а такая единица въ 13 пекъ берется затѣмъ 3 раза въ единицу изъ 39 пековъ, а эта единица изъ 39 пековъ берется 20 разъ въ самую высшую единицу, по отношенію къ которой 13 пековъ являются $^1/_{60}$-й. Въ Элладѣ пеку почти соотвѣтствуетъ аттическій нормальный оболъ, однако, все-таки при драхмѣ вѣсомъ въ 4,26 грм., точно также, какъ и русскій золотникъ лежитъ между нормальной драхмой въ 4,25 грм. и сильной въ 4,32 грм. Загадочно, что при арабосирійской скалѣ 96 драхмъ на фунтъ, Иракскій фунтъ обозначается въ 408 грм., но на Руси онъ возвращается опять къ египетской нормѣ

I-го в. д. Р. Х. на Боспорѣ Киммерійскомъ пускаетъ корни аттическая система. Мивридатъ VI чеканилъ и тяжелыя аттическія драхмы, спускавшіяся до 4,14 (вмѣсто 4,37) грм. (Бертье-Делагардъ).

Кёльнская марка, по признанію Мейтцена, упоминается впервые въ 1042 г. Ни этой марки, ни унціи въ 29$^1/_4$ грм. археологическія находки въ Англіи и Скандинавіи вовсе не знаютъ. Итакъ, правдоподобнѣе, что исконная германская марка слагалась по примирительной эллино-римской системѣ изъ 48 тяжелыхъ аттическихъ драхмъ по 4,32—4,37 грм., то-есть доходила до 209—210 грм., а родоначальникъ Тауэрскаго фунта въ 349,9 грм. возникъ изъ 96 драхмъ монетныхъ птоломейскихъ по 3,645 грм., которыхъ сотня составляла легкую финикійскую мину въ 364 грм., обычную въ греческихъ колоніяхъ на Югѣ Россіи (въ 60 эгинскихъ драхмъ). Четыре такихъ драхмы шло на библейскій шекель въ 14,55 грм.

въ 45 ките, то есть 409,3 грм. Къ мелкимъ единицамъ вѣса древніе подходили отъ зеренъ ячменныхъ и пшеничныхъ. Такъ Риджуэ—Сибомъ принимаютъ греческій діоболъ, то есть $^1/_2$ драхмы, въ 24 ячменныхъ, или 32 пшеничныхъ зерна, грана; тогда при драхмѣ въ 96 пшеничныхъ зеренъ и ея размѣрѣ въ 4,36 грм., для 1 пшеничнаго зерна получается вѣсъ въ 0,0454 грм., тогда какъ въ Россіи для такого зерна, скрывающагося въ 1-й долѣ, принятъ вѣсъ въ 0,0444 грм. При Тауэрскомъ фунтѣ грэнъ, какъ $^1/_{32}$ вѣса пенни, взятъ въ $^1/_{100}$ римскаго солида, а именно въ 0,0455. Арабскій счетъ въ Сиріи, исходя отъ нормальной драхмы въ 4,25 грм., долженъ былъ опредѣлять зерно въ 0,0443 грм.; въ Россію арабская норма для драхмы-золотника и доли-зерна могла проникать и черезъ разновѣски, и черезъ динары и диргемы. Теперь стекляныя арабскія гирьки для повѣрки вѣса монетъ, по даннымъ Брит. Музея, даютъ для динара 4,21—4,277 грм. (И. И. Кауфманъ). Однако, эти разновѣски найдены въ Египтѣ, а дѣйствительный вѣсъ дошедшихъ динаровъ тамъ-же въ Англіи принимается въ 4,21—4,54 грм., то есть до вѣса римскаго солида. Традиціонный вѣсъ для динара Беванъ-Чадвикъ устанавливаютъ въ $71^1/_2$ ячменное зерно (вѣроятно, по 0,059 грм. на зерно). Въ коллекціи Эрмитажа динаровъ, вѣсящихъ золотникъ, немного. Норму диргема Декурдеманшъ опредѣлилъ въ 2,83 грм., такъ что на Иракскій фунтъ въ 408 грм. въ самомъ дѣлѣ идетъ 144 диргема. Однако, дѣйствительный вѣсъ диргемовъ на Руси до X. в. колебался 2,77—2,86 грм., а съ X в. поднялся даже въ среднемъ до 3,29—3,5 грм. Итакъ, ни отъ динаровъ, ни отъ диргемовъ нельзя отвлечь непремѣнно русскую норму для золотника въ 4,26, а не 4,25 грм. Эта норма, на нашъ взглядъ, должна была поддерживаться размѣромъ фунта на Руси не точно въ Иракскій изъ 408 грм., а нѣсколько больше—въ 409,5. Такой повышенный размѣръ арабскаго фунта могъ идти только съ Запада, гдѣ эта единица подгонялась къ 15 римскимъ унціямъ. А если этотъ фунтъ и на Западъ занесенъ арабами, то значитъ изъ Египта, гдѣ по преданію норма держалась за 45 ките. Вспомнимъ Готландскую гирю и мѣстный фунтъ Тулузы. Итакъ, признавая, что матеріаломъ для русскаго золотника послужила аттическая нормальная драхма, занесенная къ намъ арабами, я повышеніе нормъ фунта и драхмы-золотника до 409,5 и 4,26 долженъ объяснить западными вліяніями. То, что $^1/_{96}$ отъ 15 унцій римскаго фунта совпала случайно съ тогдашнимъ фактическимъ вѣсомъ византійскихъ солидовъ и средняго динара, укрѣпило за ней названіе золотника.

Кромѣ золотыхъ и серебряныхъ денегъ предполагаются иногда для древней Руси еще деньги мѣховыя. Но тутъ пришлось бы дѣлать различіе между тремя возможностями—между обращеніямъ мѣховъ, какъ наиболѣе распространеннаго товара, въ замѣнъ денегъ, между обращеніемъ малоцѣнныхъ частей мѣховъ, какъ накладныхъ или чековъ, по которымъ всегда можно получить соотвѣтствующій полно-

цѣнный мѣхъ, и, наконецъ,—обращеніемъ подобныхъ-же частей, даже просто не имѣющихъ никакой цѣнности лоскутовъ кожи, какъ условныхъ знаковъ, которые при обмѣнѣ цѣнностей становятся посредниками исключительно съ нарицательной и принудительной валютой. Явленія денежнаго обращенія въ раннее средневѣковье своеобразны по своей примитивности, но общи болѣе или менѣе всему Сѣверу Европы. Чтобы подготовить фонъ сознанія для вѣрнаго пониманія того, что можетъ быть признано мѣховой валютой на Руси, остановимся сначала на аналогичныхъ формахъ денежнаго обращенія въ тогдашней Норвегіи и даже болѣе поздней Исландіи.

Въ Норвегіи и особенно долго на Исландіи кромѣ коровы наиболѣе распространенной цѣнностью и всѣмъ желаннымъ товаромъ было грубое фризовое сукно (vádhmál), которое и стало суррогатомъ металлическихъ денегъ. Въ то же время обращались золото и серебро, въ языческое время по вѣсу, послѣ 1000-наго года и въ монетѣ, которая вычеканивалась въ 240 пеннинговъ изъ марки серебра. Такъ какъ конунги (уже съ Гаральда Гарзсраузси) стремились уменьшать размѣръ монеты и вычеканивать изъ марки большее, близкое къ двойному число пеннинговъ, а на эйриръ по прежнему принималось 30 штукъ пеннинговъ, то возникло противоположеніе серебра по вѣсу серебру по счету. Эйриръ, или эра по счету (eyrir talinn) означали всегда 30 пен. независимо отъ вѣса каждой изъ монетъ, а эйриръ по вѣсу (eyrir veginn) заключался въ томъ любомъ числѣ монетъ любой чеканки, которое вытягивало Эйриръ, или въ 30-и полновѣсныхъ пеннингахъ, дѣйствительно вѣсившихъ эру (eyrir veginn). Такъ на эйриръ приходилось иногда по 45, а позднѣе даже по 60 мелкихъ серебряныхъ монетъ. Тогда марка серебра по вѣсу становилась равной $1^1/_2$ и даже 2 маркамъ по счету (mœrk veginn и talinn). Уже около 1070 г. два пеннинга по счету шло на 1 п. по вѣсу [1]). Тѣмъ не менѣе пеннингъ по счету считался ходячей (gangs penningr), законной монетой, въ которой уплачивались пени и налоги. Поэтому

---

[1]) Поучительна дальнѣйшая исторія норвежской серебряной валюты. При 240 пен. на марку, нормальный пеннингъ долженъ былъ вѣсить 0,9 грм.; вслѣдствіе уменьшенія въ вѣсѣ онъ спускается иногда до половины, т. е. до 0,45 грм. къ 1070 г. Съ XIII в. къ этому присоединяется новый факторъ—порча пробы. Чистымъ серебромъ въ Норвегіи признавали серебро англійскихъ стерлинговъ въ 14,8 лотовъ. Теперь пробное серебро по вѣсу относится къ серебру въ ходячей монетѣ опять таки какъ 2:1. Въ общемъ вліяніе и уменьшенія вѣса монеты, или вѣса законнаго серебра въ ней («черные пеннинги» Магнуса Лагабётира, 1263—80), и пониженія пробы законнаго монетнаго серебра доводили отношеніе марки чистаго (англ. серебра) къ маркѣ монетъ по счету до 2×2=4:1. Это отношеніе дѣйствительно и для черныхъ пеннинговъ Магнуса. Съ 1299 г. временно чеканились улучшенные «бѣлые» пеннинги. Но около 1350 г. марка чистаго серебра равнялась уже опять даже 6 маркамъ денегъ. Тогда возникаютъ три сорта марки: одна марка чистаго серебра равна 3 старымъ маркамъ (въ «бѣлыхъ» пеннингахъ), или 5 маркамъ новымъ. (Тарангеръ).

именно пеннинги и эйриры по счету назывались штрафными деньгами, то есть дѣйствительными въ судѣ (sakgildr) въ противоположность серебру по вѣсу. Въ то же время стала ухудшаться и проба серебра. Вошло въ обычай отличать чистое, или жженное, испытанное огнемъ серебро (brent silfr), и монетное ходячее серебро, среди котораго по степени увеличенія лигатуры говорили о блѣдномъ, о голубомъ, о сѣромъ серебрѣ; отсюда позднѣе названія «чернаго», и «бѣлаго» пеннинга. Лучшій сортъ серебра приравнивался чистому серебру и назывался законнымъ (loeg silfr). Такъ какъ серебро было обычнымъ орудіемъ расплаты, то единицы его вѣса, какъ марку, эйриръ, эртогъ, начали переносить и на количества фриза, ваусмауля, соотвѣтствующія имъ по цѣнности, хотя такое домашнее волосатое сукно никогда не шло на вѣсъ. Такъ 6 локтей бѣлаго (sex alna eyrir), или 5 локтей бураго, съ сѣро-рыжими полосами фриза назывались эйриромъ фриза, а 8 такихъ эръ составляли марку фриза; эйриръ фриза дробился и на пеннинги такъ, чтобы локоть фриза соотвѣтствовалъ одному пеннингу. Такъ какъ уплата пеней принималась и фризомъ, то установленъ былъ законный эйриръ фриза въ 6 локтей этого сукна. Отношеніе между цѣнностью чистаго серебра на вѣсъ и фриза мѣнялось по времени. До половины XI в. это отношеніе на Исландіи равно было 8:1, то есть эйриръ чистаго серебра равнялся 8 законнымъ эйрирамъ фриза, или 48 локтямъ его. Во вторую половину XI в., въ XII и вплоть до XIII в. это отношеніе сводилось къ $7^1/_2$:1.

Кстати уже отмѣтимъ, что въ Скандинавіи тоже чистое серебро относилось къ золоту, какъ $1:7^1/_2$ въ X-мъ вѣкѣ, а съ конца XI и до начала XIII, какъ 1:8. (Гвѣзсмюндссонъ, Тарангеръ, Эббе Гертцбергъ).

Скажемъ заранѣе, что и въ древней Руси можно признать мѣха деньгами развѣ только въ тѣхъ-же предѣлахъ, въ которыхъ суррогатомъ металлическихъ денегъ являлся въ зап. Скандинавіи фризъ. Между мѣховыми цѣнностями и опредѣленными количествами металла на вѣсъ, или по счету были искони установлены освѣщенныя затѣмъ обычаемъ, княжескимъ судомъ и договорами отношенія, прочныя на болѣе или менѣе продолжительное время. По мѣрѣ усиленія притока серебра отживали расплаты непосредственно мѣхами, а съ исчезновеніемъ арабскихъ диргемовъ мѣха, какъ суррогатъ денегъ, могли порою возрождаться въ какомъ либо новомъ видѣ, эволюціонируя наприм. въ кредитные знаки въ родѣ «легкихъ платочковъ» Богеміи у Ибнъ-Якуба. Вліяніе Монголовъ способно было мѣстами укрѣплять примѣненіе системы кожанныхъ жетоновъ, жеребьевъ [1]). Однако, для эпохи «Русской Правды» и Начальной Лѣтописи единицы цѣнности, измѣряемыя и обозначаемыя мѣхами, какъ куны и векши, прійдется понимать для центровъ Руси только, какъ опредѣленныя количества

[1]) Cahun, Introduction à l'Histoire de L'Asie, p.p. 400—401.

серебра въ монетахъ или слиткахъ и кускахъ, соотвѣтствующихъ по вѣсу монетамъ. Терминъ «мордка» въ данную эпоху неизвѣстенъ и появляется лишь въ первой половинѣ XII в., а между тѣмъ только онъ одинъ не можетъ быть безъ возраженій отождествляемъ съ монетой и истолковывается даже авторитетами, какъ кожаный кредитный знакъ безъ достаточной внутренней цѣнности. Однако, такіе capita martarorum въ иностранныхъ источникахъ XIII в. отличаются отъ «кунъ». Только къ подобнымъ мѣстнымъ явленіямъ болѣе поздняго времени, или нѣкоторыхъ дикихъ окраинъ остается отнести извѣстіе у персидскаго писателя XII в. Ахмеда изъ Туса отъ 1160 г.: „И у русскихъ кожаныя деньги, шкуры бѣлокъ (сѣрыхъ), а не диргемы, и кожи безъ мѣха (шерсти) съ передними и задними лапками и когтями; если чего либо изъ этого не достаетъ у кожи, то она считается испорченною, и отсюда онѣ вывозятся, какъ товаръ. Тамъ (у русскихъ) вѣсовъ нѣтъ, но есть слитки опредѣленной (или м. б. ромбической) формы“ (В. Трутовскій) [1]).

Вообще же арабскіе писатели, объединяющіе, правда, русовъ-скандинавовъ со славянами и даже нѣкоторыми урало-алтайскими племенами въ одну промышленную группу, говорятъ о торговлѣ на металлическія деньги на территоріи Россіи. Единственный промыселъ руссовъ—торговля собольими, бѣличьими и другими мѣхами, которые они и продаютъ желающимъ, плату-же, получаемую деньгами, завязываютъ на-крѣпко въ свои пояса (Ибнъ-Даста, или Ибнъ-Русте, перв. полов. X в.). У Ибнъ-Фадлана русъ-скандинавъ обращается къ идолу со словами: „желаю, чтобы ты мнѣ доставилъ купца съ динарами и диргемами, который купилъ бы у меня все, что желаю продать“ (нач. X в.). Этотъ арабъ разсказываетъ, что русы имѣютъ иногда по 10 и даже по нѣсколько десятковъ тысячъ диргемовъ капитала. Только про Волжскихъ Булгаръ Ибнъ-Русте (Даста) сообщаетъ совершенно опредѣленно, что звонкую монету замѣняютъ имъ куньи мѣха, причемъ каждый мѣхъ равняется двумъ диргемамъ съ половиной, значитъ ногатѣ эпохи „Русской Правды“. Однако и къ Булгарамъ приходятъ цѣльные диргемы изъ мусульманскихъ странъ путемъ мѣны за ихъ товары. Писатель XI в. Гардизи добавляетъ эти свѣдѣнія извѣстіемъ, что Булгары ломаютъ диргемы и каждый кусокъ пускаютъ въ дѣло: „потомъ они тѣ диргемы отдаютъ славянамъ, такъ какъ тѣ люди не продаютъ товара иначе, какъ за чеканенные

[1]) В. Трутовскій для отождествленія новгородскихъ кунъ съ мѣхами опирается на миніатюру изъ «Царственнаго Сборника» второй половины XVI в., иллюстрирующую извѣстіе Никоновской лѣтописи отъ 1410 г. объ отмѣнѣ кунъ въ Новгородѣ. Однако, миніатюра возникла лѣтъ черезъ 150 послѣ событія и иллюстрируетъ приписку, невѣжественную уже потому, что она отождествляетъ куны съ мордками, и отсутствующую въ основныхъ рукописяхъ. На рисункѣ куны, какъ цѣльные мѣха, отличны отъ мордокъ, какъ лоскутковъ.

диргемы". Изъ частей диргемовъ на Руси предположительно подбились доли рѣзаны—виверицы и бѣли. Повторяя о Булгарахъ извѣстія Ибнъ-Русте, Гардизи измѣняетъ только цѣну куньяго мѣха съ $2^1/_2$ на два диргема, то есть куну.

Къ терминамъ денежнаго обращенія эпохи „Русской Правды" зоологъ Усовъ подошелъ, исходя отъ данныхъ русской, въ частности сибирской мѣховой торговли XIX в. Подъ куной, гдѣ и когда она обозначаетъ мѣхъ, Усовъ разумѣетъ не только куницу, но и соболя, такъ какъ въ шкуркахъ хорошій куній мѣхъ трудно отличить отъ собольяго: черная куница—это соболь. Подъ бѣлью можно понимать горностая съ его зимней шкуркой; но гдѣ бѣль не мѣхъ, тамъ это значитъ серебро, какъ въ бѣльчатой парчѣ. Сѣрая бѣлка есть не болѣе, какъ цвѣтной, отъ климата зависящій варіететъ. Бѣлка, или, какъ ее называютъ въ лѣтней рубашкѣ, векша, въ западной Россіи болѣе рыжа, чѣмъ сѣра, но въ сѣверо-восточной части Россіи красноватый цвѣтъ спинки теряется, и бѣлка становится все болѣе свѣтло-сѣрой; въ сибирскихъ лѣсахъ бѣлка принимаетъ темно-сѣрый цвѣтъ, а еще далѣе къ В. становится бурой, голубовато-темной, почти черной. Только бѣлки съ сѣрой спинкой безъ краснаго налета имѣютъ торговое значеніе. „Виверица" (vair) обозначаетъ зимній мѣхъ сѣрой бѣлки. Куна—это зимній мѣхъ главнаго пушного звѣря, то есть соболя и куницы. Самая дорогая часть собольей шкурки, то есть спинка съ передними лапами, даетъ драгоцѣнный хребтовый мѣхъ на воротники; это, по Усову, и есть куна по преимуществу. Отрѣзанная часть шкурки, т. е. болѣе дешевое брюшко съ задними лапами, даетъ черевій мѣхъ: это—рѣзана. Наконецъ, цѣлый соболь съ четырьмя лапами, дающій просто соболій мѣхъ, будетъ ногата. Соглашаясь, что въ обычаяхъ мѣховой торговли надо искать источникъ различій въ цѣнности ногаты, куны, рѣзаны, нельзя не отмѣтить два слабыхъ мѣста въ детальныхъ толкованіяхъ проф. Усова: при его разцѣнкѣ мѣха, ногата, какъ цѣлый мѣхъ соболя, должна стоить не двѣ или $2^1/_2$, а три рѣзаны, коли передняя часть шкурки вдвое дороже задней; а затѣмъ непонятно, почему только вся шкура признается „ногатой", хотя лапки остаются и у обѣихъ половинокъ, передней и задней. Нѣмцы нерѣдко жаловались Новгородцамъ, что ихъ купцы отправляютъ къ нимъ мѣха дорогихъ звѣрей, соболей и куницъ, безъ лапокъ и головъ (А. И. Никитскій). Если при прилагательныхъ „ногата" и „рѣзана" подразумѣвать существительное куна, то сравнительно съ обычной въ торговлѣ шкуркой безъ лапъ, отрѣзанныхъ на лапчатые мѣха, „ногата", какъ куна съ лапами, могла быть на $^1/_4$ дороже (25:20), а „рѣзана куна"—представлять собой половину шкуры, дѣлимую пополамъ, можетъ быть, только мысленно, или вообще всякую шкуру, наполовину обезцѣненную какимъ либо урѣзываніемъ, а то и подборомъ и сшиваніемъ изъ частей. Впрочемъ терминъ рѣзана могъ возникнуть и позднѣе полумѣхового вѣка, на почвѣ исключительно се-

ребряной валюты, подобно рублю, какъ отрѣзокъ слитка. Вѣдь „рѣзатися“, значитъ раздѣляться на части (Іоан. Экз. Болг.), а „рѣзань“ „рѣзенъ“—кусокъ, „рѣзъ“—%.

Въ общемъ, въ самой, „Русской Правдѣ“ нѣтъ прямыхъ указаній на то, чтобы термины ногата, куна, рѣзана обозначали реальные мѣха[1]). И здѣсь, и въ Начальной Лѣтописи, и въ другихъ памятникахъ эпохи куны значатъ деньги, а куна—денежная единица, монета. (И. И. Срезневскій) П. Мрочекъ—Дроздовскій подвелъ итоги всѣмъ свѣдѣніямъ о взаимныхъ отношеніяхъ по цѣнности между рѣзаной, куной, ногатой, гривной. По „Русской Правдѣ“ въ гривнѣ меньше 30 кунъ, но больше 20, отсюда вѣроятность за 25 кунъ, хотя изъ „Вопросовъ Кирика“ мы въ правѣ вычитать и 30 кунъ. Относительно того, что въ гривнѣ 20 ногатъ и 50 рѣзанъ, разногласія нѣтъ. Но въ пространной редакціи „Русской Правды“ рѣзаны краткой редакціи замѣнены кунами. Это конечно не значитъ, чтобы рѣзана [ногата и рѣзана поминаются въ „Словѣ о Полк. Игр.“.] была совершенно вытѣснена куной; однако такой фактъ не можетъ быть безъ заминокъ[2]) объясняемъ просто вздорожаніемъ вдвое скота и вообще хозяйственныхъ благъ; вѣдь общаго подъема всѣхъ цѣнъ и не было. Такое пониженіе куны до рѣзаны должно быть истолковано въ связи съ исторіей гривны и вообще серебряной валюты на Руси, такъ какъ платежная сила гривны въ 50 кунъ остается прежней на ряду съ измѣнившейся куной.

Денежное значеніе гривны выясняется изъ сопоставленія договора Игоря съ „Русской Правдой“. По договору за позорящій „ударъ“ мечемъ, или копьемъ, или какимъ либо другимъ орудіемъ платится грѣха ради «серебра литръ 5, по закону русскому», а по закону русскому за такую-же обиду опредѣлено 12 гривнъ (Акад. 3—4) продажи (Кар. 19). Итакъ, гривна—это серебряный слитокъ въ $^5/_{12}$ греко-римскаго фунта въ 327,5 грм. Археологи, встрѣчая такую гривну, безъ предвзятыхъ мнѣній, спокойно узнаютъ въ ней южно русскіе древнѣйшіе слитки, такъ называемую Кіевскую гривну. Правда, $^5/_{12}$ литры равны 136 грм., или менѣе 32 золотниковъ, и даютъ легковѣсную Кіевскую гривну, рѣдко встрѣчающуюся въ находкахъ, Однако, въ международномъ договорѣ денежныя единицы сопоставляются не по вѣсу, а по курсу. Средній вѣсъ древнихъ южныхъ слитковъ стремился къ нормѣ въ 37—37½ зол., а въ экзем-

---

[1]) Разночтеніемъ «5 кунъ, на мѣхъ двѣ ногатѣ» вмѣсто «а за мѣхъ» мы не рѣшаемся пользоваться, и вообще слѣдуемъ здѣсь толкованію Владимірскаго-Буданова.

[2]) Ст. 29. Акад. установляетъ пеню въ 3 гривны и 30 рѣзанъ, а ст. 38 Карамз. какъ-бы повышаетъ ее до 3 гривенъ и 30 кунъ, причемъ не обращаетъ ихъ въ 4 гривны или 4 гривны и 5 кунъ, вѣроятно именно потому, что на гривну шло уже 50 кунъ, какъ раньше 50 рѣзанъ. Тоже и въ ст. 40. Въ ст. ст. 49—65 о приплодѣ и т. д. опять нѣтъ куны, какъ денежной единицы, а только ногата и рѣзана.

плярахъ съ вѣсомъ въ 38,35 зол. достигалъ равенства съ ½ литрой. Но вслѣдствіе бо́льшаго предложенія серебра въ Византіи, чѣмъ на Руси, вслѣдствіе болѣе низкой, неустойчивой пробы русскаго серебра, а главнымъ образомъ вслѣдствіе колебаній вѣса древнихъ Кіевскихъ слитковъ между ½ литрой, или 38,4 зол и ⅛ Иракскаго, русскаго фунта (32 зол.), съ тяготѣніемъ къ 36 золотникамъ, какъ числу не золотниковъ, а солидовъ въ полъ-литрѣ, и частымъ пониженіемъ даже до 34 зол., такія гривны могли приниматься греками только съ лажемъ, а именно вмѣсто 2 гривенъ на литру требовалось 2,4 гривны. Если, примѣрно, договоръ Игоря требовалъ-бы 5 литръ чистаго серебра, а въ южной гривнѣ предполагалась-бы 80-ая проба, то на полулитреную гривну въ 38,4 зол. дѣйствительно пришлось-бы всего 32 зол. чистаго серебра, то есть $^{5}/_{12}$ литры, а на Сѣверѣ въ слиткѣ изъ 48 зол. было бы чистаго серебра 40 зол., то есть $^{5}/_{12}$ Иракскаго фунта. Если-же отъ 80-ой пробы перейти къ 82-ой, то и слитки серебра вмѣсто 38,4 з. и 48 зол. достаточно отливать въ $37^{1}/_{2}$ зол. и $46^{1}/_{2}$ зол.

Впрочемъ, нормы въ ½ литры или въ ⅛ русскаго фунта, такъ сказать, только парили надъ литьемъ слитковъ, не опредѣляя ихъ вѣса съ обязательной точностью. Рѣдкость слитковъ, вѣсящихъ ровное число золотниковъ, и обычная для нихъ наличность долей при золотникахъ свидѣтельствуетъ о томъ, что, если старые слитки могли служить разновѣсками для литья и повѣрки новыхъ гривнъ, то самыя гривны-гири отливались не по вѣсу золотниковъ, а по числу монетъ съ заранѣе высчитаннымъ среднимъ вѣсомъ. Въ такомъ случаѣ для опредѣленія взаимнаго отношенія по вѣсу между монетами различнаго типа важно было найти то ровное число цѣлыхъ златниковъ или серебрениковъ одной чеканки, которое на вѣсахъ уравновѣшиваетъ тоже круглое число монетъ иного типа. На основаніи текстовъ памятниковъ древней русской письменности, вѣса слитковъ и монетъ, найденныхъ въ кладахъ на Руси, и данныхъ оріенталистовъ о нормахъ вѣса для динаровъ и диргемовъ у арабовъ при Омеядахъ, Аббассидахъ, Саманидахъ мы можемъ возстановить рядъ такихъ равновѣсій и тождествъ, за которыми, по ихъ практичности, слѣдуетъ признать реальное значеніе для древнерусскаго денежнаго обращенія. Начнемъ съ русскихъ серебряныхъ слитковъ и текстовъ «Русской Правды».

Господствующій вѣсъ Кіевскихъ слитковъ въ $37^{1}/_{2}$ зол. при золотникѣ 4,26 грм. даетъ 159,750 грм. Тогда Кіевская ногата, какъ $^{1}/_{20}$ гривны, равна 7,987 грм.; Кіевская куна, какъ $^{1}/_{25}$ гривны, равна 6,39 грм.; рѣзана 3,195 грм.

Господствующій вѣсъ новгородскихъ слитковъ въ $46^{1}/_{2}$ золотниковъ даетъ 198,090 грм. Тогда Новгородская ногата равнялась-бы 9,9045 грм., Новгородская куна—7,92 грм., рѣзана—3,96 грм. Однако, въ новгородскомъ слиткѣ Кіевскихъ ногатъ 25 штукъ, то есть въ Новгородѣ Кіевская ногата могла быть только куной. Съ другой стороны, куна новгородская входила 20 разъ въ Кіевскій слитокъ и

могла быть въ Кіевѣ только ногатой. Наконецъ, кунъ Кіевскихъ въ новгородской гривнѣ должно было насчитываться 31. Въ этихъ скрещиваніяхъ Кіевской и Новгородской системъ можно найти объясненіе тѣмъ случаямъ, когда въ гривнѣ изслѣдователь въ правѣ насчитывать 30 кунъ. (При гривнѣ равной $^1/_2$ литры, Кіевская куна была-бы въ $6^1/_2$ грм., а ногата нѣсколько выше 8 грм.).

Отношеніе между ногатой и куной, по видимости, порождено противопоставленіемъ римско-византійской литрѣ русско-иракскаго фунта, а Кіевской гривнѣ гривны Новгородской и совпадаетъ съ пропорціей динара по вѣсу 3,96 грм. къ среднему диргему X в. по вѣсу въ 3,18, а именно почти какъ 1,25:1. $\left(\frac{1,24}{1}\right)$. Сибомъ, приводя вѣсъ гирекъ съ острова Готланда въ Стокгольмскомъ музеѣ въ 819 грм. и 57,25 грм., отмѣчаетъ на первой дигнаціи въ 20 единицъ вѣса, а именно 20 кружковъ, сгруппированныхъ въ 4 пятерки, а на второй помѣтку въ 7 кружковъ. Если взять $^1/_{20}$ отъ первой гирьки, то получимъ 40,95 грм., тоесть $^1/_{10}$ отъ русско-иракскаго фунта, или $^1/_5$ русско-иракскаго полуфунта. Если взять $^1/_7$ второй гирьки, то получится 8,18 грм., то есть $^1/_{50}$ русско-иракскаго фунта. или $^1/_{25}$ русско-иракскаго полуфунта (вмѣсто 8,19 грм.). Эта единица въ римскомъ Египтѣ представляла собой шекель 60-тиричной мины въ 491,16 грм.. которая называлась птоломеевской торговой миной (вмѣсто прежней птоломеевской мины въ 364 грм. и рядомъ съ либральной миной въ 354,7 грм.), или италійской миной въ $1^1/_2$ римской литры; въ аттической системѣ таже единица была дидрахмой для слабой драхмы въ 4,08 грм.

Сибомъ думаетъ отождествить эти 8,18—8,19 грм. со скандинавскимъ эртогомъ, какъ $^1/_{24}$-ой марки. Но даже при гадательной маркѣ въ $^1/_2$ русскаго фунта, эртогъ долженъ быть равенъ 8,5 грм., а при дѣйствительномъ шведскомъ полуфунтѣ въ 212,5 грм., эртогъ равенъ 8,85 грм., при маркѣ скандинавовъ въ Англіи въ 218,4 грм. даже 9,1 грм. Итакъ, готландскія гирьки приспособлены не къ маркѣ, а къ русскому фунту въ 409,5 грм., или западно-европейскому въ 15 римскихъ унцій.

Конечно, такъ какъ римскій фунтъ (литра) въ 12 унцій и готландско-русскій въ 15 унцій соизмѣримы и относятся другъ къ другу, какъ 4:5, или 20:25, или 40:50, то вѣсовая единица въ 8,18 грм. можетъ разсматриваться и какъ $^1/_{40}$ римско-византійской литры, или $^1/_{20}$ полулитры. Можетъ быть, значеніе этой единицы вѣса на Готландѣ и состояло въ томъ, что она служила переходной ступенью отъ римско-византійской системы къ арабо-русско-готландской, такъ какъ таже гирька составляла $^1/_{20}$ полулитры въ 6 унцій и $^1/_{25}$ полуфунта въ $7^1/_2$ унцій. Это проливаетъ свѣтъ на вѣсовое значеніе ногаты и куны, какъ посредствующихъ звеньевъ между Новгородскими и Кіевскими гривнами. Кіевская ногата, какъ $^1/_{20}$ полулитры, могла быть въ

Новгородѣ только куной, какъ $^1/_{25}$ Новгородской гривны, и Кіевская куна, какъ $^1/_{25}$ полулитры, могла быть въ Новгородѣ лишь $^1/_{31}$-ой (точнѣе $^1/_{32,25}$) гривны. *Объ гривны* и ихъ подобныя части вообще относились другъ къ другу *въ пропорціи литры къ русскому фунту*, то есть 4:5; для денегъ это отношеніе воплощено *въ кунѣ и ногатѣ* съ покупательной силой, символизованной мѣхами. Отсюда *точный вѣсъ* гривенныхъ слитковъ долженъ-бы быть 37,2 зол. и 46,5 зол. или 37,5 зол. и 46,87 зол.

Если перевести на теперешніе рубли вычисленный вѣсъ для гривны серебра, а также для ногаты, куны, рѣзаны той эпохи, когда гривна по счету монетъ еще совпадала съ гривной-слиткомъ, то получится скала, очень близкая къ выводамъ М. П. Погодина. Въ теперешнемъ рублѣ 4 золотника 21 доля чистаго серебра (4,219 зол.). Даже при болѣе низкой 76-й пробѣ (Мрочекъ-Дроздовскій—за 78-ую пробу, какъ дозволительный минимумъ) въ Кіевской гривнѣ изъ $37^1/_2$ зол. должно было заключаться около 30 зол. (29,69) чистаго серебра, а въ Новгородской изъ $46^1/_2$ зол. чистаго около 37 зол. (36,8). Въ такомъ случаѣ по содержанію чистаго серебра Кіевская гривна была равна 7 серебрянымъ рублямъ, а Новгородская почти 9 руб. (8 р. 70 к.). Отсюда Кіевская куна въ 0,28 р., ногата въ 0,35 р., Новгородская куна 0,35 р., Новгородская ногата 0,436 р. Конечно, все это только „вѣхи и бакены“ для тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ колебались единицы серебра въ древней Руси. При серебрѣ слитковъ въ 80,16-ую пробу, гривны равнялись-бы 7 р. 55 к. и 9 р 36 к. Погодинъ при рублѣ своего времени, какъ единицѣ серебряной валюты со Сперанскаго, принималъ Кіевскую куну въ 30 коп., ногату въ 40 коп., гривну кунъ около 8 р., а Новгородскую гривну кунъ въ 10 р. съ ногатой въ полтинникѣ и куной въ 40 к. Если эти 8 и 10 рублей отнести къ гривнамъ серебра, то, при слиткахъ въ $37^1/_2$ зол. и $46^1/_2$ зол., нормы Погодина требуютъ пробы гривеннаго серебра почти 90-ой, не исключаемой лучшими экземплярами среди находокъ. Вообще археологическія данныя даютъ намъ право поднять пробу стараго русскаго серебра до 84-ой. Тогда въ Кіевской гривнѣ чистаго серебра окажется 32,8 зол., а въ Новгородской 40,7 зол., откуда получатся гривны приблизительно въ 8 рублей (7,78 р.) и $9^1/_2$ р. (9,64 р.) серебряной валюты съ рублемъ въ 4,219 зол., или въ 17,972 грм., точнѣе 17,996 грм. чистаго серебра при золотникѣ въ 4,2657 грм. [1]).

На господствующихъ нормахъ вѣса серебряныхъ слитковъ и скалѣ 20 ногатъ = 25 кунамъ = 50 рѣзанамъ кромѣ единицъ мѣховой тор-

---

[1]) Насколько проба серебра въ слиткахъ въ сущности важнѣе ихъ вѣса, это видно изъ того, что, напримѣръ, при нормѣ для гривны по вѣсу въ $^1/_2$ фунта и обязательности 76-ой пробы, достаточно взять серебро $78^1/_2$ пробы, чтобы ограничиваться вѣсомъ для слитковъ въ $46^1/_2$ зол. При обязательности 84-ой пробы можно было бы для слитковъ въ $46^1/_2$ зол. вмѣсто 48 зол.—взять серебро 86,7 пробы.

говли сказались арабскія вліянія. На серебряныхъ русскихъ слиткахъ и ихъ дѣленіяхъ могла отразиться арабо-сирійская система Шами, то есть собственно сирійская. Исходя отъ диргема Абдуль-Мелика (ок. 717 г.) въ 2,83⅓ грм. (кератій—силиква, равная ½ миліарисія), она даетъ унцію въ 50 диргемовъ, то есть 141 грм. ⅔ (или 33,2 зол.) при ратлѣ изъ 12 унцій въ1700 грм. Одна четвертая такого ратля нашлась уже въ шведскомъ скольфунтѣ изъ 425 грм., какъ двойной маркѣ.

Но въ X в. средній вѣсъ диргемовъ на Руси и въ особенности саманидскихъ указываетъ скорѣе какъ-бы на иныя системы, наприм. Александрійскую, или Лагидовъ съ драхмой Лагидовъ, или египетско-римской въ основаніи—изъ 64 зеренъ въ 3,541⅔ грм. Дюжина такихъ вѣсовыхъ диргемовъ равна по вѣсу десятку динаровъ Абдуль-Мелика въ 4,25 грм.; это и есть укія въ 42 грм. 1/3. Дюжина укій, или 144 диргема, составляла Багдадскій или Меккскій (но и Ираксій) ратль въ 510 грм. (почти 120 золотниковъ); онъ равнялся ровно 120 динарамъ Абдуль-Мелика, или столькимъ же нормальнымъ аттическимъ драхмамъ. Если-же такихъ вѣсовыхъ диргемовъ бралось 100 на ратль, то въ немъ получалось 354 грм 1/6 (Декурдеманшъ). Это египетская либральная мина въ 13 римскихъ унцій. Такъ какъ драхма Лагидовъ распространилась въ Финикіи, Сиріи, Малой Азіи съ нормой 3,55 грм., то она была усвоена и Херсонисомъ на Югѣ Россіи въ IV—I в.в. до Р. Х. Если взять не 1/100, а 1/96-ую часть этой египетско-римской мины, то получится сильная лагидская драхма въ 3,96 грм., близкая къ легкой драхмѣ Миѳрадата VI Евпатора. До этой драхмы и мины Лагидовъ, примиряющихъ египетскую систему съ римской, Египетъ зналъ проломеевскую монетную драхму въ 3,64 грм. съ сотней драхмъ въ 364 грм. Это легкая финикійская мина, входившая въ Александрійско-Птоломеевскую систему (Гультшъ) и господствовавшая когда-то на Югѣ Россіи въ греческихъ колоніяхъ отъ Ольвіи до Пантикапея съ дробленіемъ то на 60, то на 100 драхмъ (Бертье-Делагардъ). Если взять 1/60 этой финикійской мины, то получится эгинская драхма. Если взять 96 птоломеевскихъ монетныхъ драхмъ, или сто драхмъ Лагидовъ съ Херсонисской нормой въ 3,49 грм., то возникнетъ Тауэрскій фунтъ въ 349,9 грм. Вотъ почему соотношеніе между числами какъ-бы толкаетъ иногда на чисто античныя вліянія съ эгинскимъ статиромъ и египето-римскими драхмами, сильной и слабой.

Третья подходящая для X в. система—аббассидскаго халифа Абу Джафара Эльмансура (около 770 г.) сводилась къ тому, что свой вѣсовой диргемъ въ 3,148 грм. (то есть почти ⅔ солида) онъ бралъ 120 разъ на ратль въ 377 грм. 7/9 и 150 разъ на Манъ (Ман) въ 100 мискалей, или 472 грм. 2/9. Одна треть такого Мана, то есть 50 диргемовъ, составляетъ ровно 37 золотниковъ, а половина такого ратля—44 золотника, или 60 диргемовъ по вѣсу. Ратли изъ 144 единицъ обычно называются египетскими (Мисри). Итакъ, по арабскимъ скаламъ вѣса для единицъ высшаго порядка надо ждать нормы въ 144

и 72 диргема, а также въ 120 и 60, въ 100 и 50, 96 и 48 диргемовъ и динаровъ. Отъ теоретическихъ нормъ и скалъ арабовъ на В. перейдемъ къ надѣлѣ господствовавшимъ размѣрамъ динаровъ и диргемовъ на Руси.

Вмѣсто динара Абдуль Мелика въ 4,25 грм. на дѣлѣ приходится брать или норму стекляныхъ гирекъ Брит. Музея въ 4,21—4,277 грм., или даже норму Тизенгаузена въ 3,96 грм. Вмѣсто диргема омеяда Абдуль-Мелика въ 2,76—2,83 грм. (Куэйпо-Декурдеманшъ) и вѣсового диргема аббассида Абу Джафара Эль Мансура въ 3,148 грм. (Декурд.) предпочтительнѣе брать средній вѣсъ, отвлеченный отъ монетныхъ диргемовъ, найденныхъ на Руси, а именно до X в. 2,77 —2,86 грм. (Черепнинъ, Тизенгаузенъ), для саманидскихъ X в. даже 3,5 грм. (Черепнинъ). средній вѣсъ для всякихъ русскихъ диргемовъ X в. не менѣе 3 грм. (3,29 по Черепнину), врядъ-ли 2,78 грм. [1]). Если принять диргемъ въ 2,83 грм., то 144 диргема дадутъ Иракскій фунтъ въ 408 зол., 72 дирг.—гривну въ 48 зол., 50 дирг. гривну въ 33 зол. Если спустить диргемъ до 2,76 грм. то 72 диргема составятъ слитокъ въ $46^1/_2$ зол., а 50 диргемовъ слитокъ въ 32,4 зол. Если взять средній диргемъ X—XI вв по Черепнину въ 3,29 грм., то 50 диргемовъ сложатся въ слитокъ изъ 38,6 золотник., 60 диргемовъ (30 кунъ) въ слитокъ изъ $46^1/_2$ зол., а при среднемъ вѣсѣ, тождественномъ съ 3,18 грм., то есть съ моимъ примѣрнымъ саманидскимъ диргемомъ изъ Од. Музея Древностей, или съ вѣсовой нормой Эль Мансура, 50 штукъ дадутъ слитокъ изъ $37^1/_2$ зол. При саманидскихъ диргемахъ въ 3,52 грм. гривна въ 41 зол., вытянетъ 50 диргемовъ, скандинавская марка въ 50 зол. уравновѣситъ 60 дир-

---

[1]) И. И. Кауфманъ принимаетъ, въ силу подсчета 654 диргемовъ Тизенгаузена, вѣсъ въ 2,78 грм. ($63^1/_4$ доли), какъ вообще средній вѣсъ русскихъ диргемовъ, или 2,84 грм. ($^2/_3$ зол.) по теоретическимъ соображеніямъ, подымающимъ вѣсъ динара до русскаго золотника. Русскіе диргемы, очевидно, нуждаются еще въ исчерпывающемъ взвѣшиваніи и распредѣленіи по эпохамъ и династіямъ. Такъ у Тизенгаузена подавляющая масса диргемовъ относится къ первымъ двумъ вѣкамъ Гиджры, до 815–16 г.г., и сравнительно немного къ третьему вѣку до 287 г. Гиджры, а съ этого года, когда начинается нашъ X-ый вѣкъ, у него всего только 27 диргемовъ аббасидскихъ со среднимъ вѣсомъ въ 3,218 грм. Если отбросить изъ 27 два съ поразительно малымъ вѣсомъ для этой эпохи (въ 37—$37^1/_2$ грн.) и даже два по $44^1/_2$ грн., то для остальныхъ 23 диргемовъ средній вѣсъ будетъ даже 3,336 грм., причемъ здѣсь 5 диргемовъ свыше 60 грановъ аптек. (60 – 64), девять свыше 50 (50,58), девять свыше 45 (45—49) апт. грн., а 50 апт. грн. равны 3,105 грм., 60 апт. грн. равны 3,73; максимумъ 64=3,97 грм. Для первыхъ двухъ вѣковъ Гиджры тяжелыя монеты въ 50—$54^1/_2$, 64 грн. встрѣчаются въ мѣстностяхъ за предѣлами Месопотаміи, а именно въ Мухаммедіи, Арранѣ, Зереджѣ. Ради предупрежденія недоразумѣнія, отмѣтимъ, что диргемы Эль-Мансура, по Тизенгаузену, вычеканены не по его вѣсовому диргему, а вѣсятъ 45, 46, 47 апт. грн., то есть 2,79, 2,857 грм. и даже 2,91 грм. Все это дѣлаетъ вѣроятнымъ средніи нормы Черепнина, или по крайней мѣрѣ вѣсовой диргемъ Эль-Мансура, къ которому случайно близокъ саманидскій диргемъ Од. Музея Древностей. Апт. граны множимъ на 62 тысячныхъ (0,062!).

гемовъ. При динарахъ вмѣсто разновѣсокъ 50 штукъ по 3,96 грм. вѣсятъ опять таки гривну въ 46½ зол., а 40 штукъ—37½ зол. Такимъ образомъ, различныя единицы вѣса, принятыя изслѣдователями съ большей или меньшей вѣроятностью за средній вѣсъ арабскихъ монетъ разнообразныхъ типовъ, вытягиваютъ вѣсъ серебряныхъ слитковъ всѣхъ главныхъ изъ найденныхъ образцевъ, если эти диргемы и динары берутся въ числѣ 50, 60 и 72 штукъ. Тяжеловѣсный типъ диргемовъ, не вполнѣ исчезнувшій при Омеядахъ и Аббасидахъ и взявшій верхъ при Саманидахъ, можно разсматривать, какъ переживаніе сассанидскаго серебра.

Съ пониженіемъ рѣзаны до англо-саксонскаго пенни, диргемъ могъ въ эпоху предшествовавшую III-ьей редакціи „Русской Правды“ эволюціонировать въ куну, равную теперь двумъ пенсамъ. Тогда ломанный или рѣзанный диргемъ въ своихъ половинкахъ давалъ рѣзану, а позднѣе, можетъ быть, даже въ своихъ третяхъ и четвертяхъ. Эта эволюція облегчилась тѣмъ, что преобладавшіе тогда Саманидскіе диргемы поднялись до средняго вѣса въ 3,5 грм. Къ кануну пространной редакціи Р. П., новую куну однодиргемную, можетъ быть, успѣла уже вытѣснить куна новѣйшая—въ одно пенни. Въ общемъ, появленіе новой монеты не вытѣсняетъ старой. Сассанидскія монеты конца VI и начала VII вв. были въ Глазовскомъ кладѣ, въ Ярыловичѣ Черниговской губ. и близъ Углича Ярославской губ. найдены вмѣстѣ съ диргемами халифата VIII—IX вв. Съ другой стороны Саманидскія начала X в. въ г. Кіевѣ встрѣтились съ аббассидскими II—III вв. Гиджры, а въ Могилевской губерніи въ имѣніи Хоментовскаго смѣшались диргемы Омайядовъ начала VIII в., Аббассидовъ IX—X вв., Саманидовъ X в. и Мервanидовъ XI в., то есть монеты съ 717—1014 г. п. Р. Х. Въ Новоржевскомъ уѣздѣ Псковской губ. (деревня Демшино) въ числѣ 5921 цѣлыхъ монетъ при большинствѣ англо-саксонскихъ, германскихъ и друг. европейскихъ, 240 цѣлыхъ диргемовъ распредѣлялись между Аббассидами, Саманидами, Бувейгидами X—XI вв. отъ 893—1013 гг (Марковъ). Въ такомъ смѣшанномъ кладѣ можно было подобрать монеты, которыя пошли бы одна за рѣзану (пенни), другая за куну (Омайядская и Аббассидская), третья (поздняя Аббассидская и Бувейгидская) даже и за ногату. Возможно, что на Русь сбывались преимущественно старые диргемы (Гардизи), „ветхія куны“. Надо помнить, что „Русская Правда“ могла въ письменности вырабатываться въ теченіе полутора вѣковъ, а въ устномъ обычаѣ даже и двѣсти лѣтъ.

Для исторической эпохи, то есть времени Начальной Лѣтописи и „Русской Правды“, клады переполнены арабскими диргемами, но рѣдко заключаютъ въ себѣ византійское серебро. Поэтому, вслѣдъ за Черепнинымъ приходится признать, что слитки серебра въ колебаніяхъ своего вѣса ориентировались по измѣнявшимся по времени и мѣсту чеканки диргемамъ. При нормѣ Кіевской гривны въ 37,5 зол.,

на нее по вѣсу идетъ 50 диргемовъ по 3,195(3,2) грм. Если взять ихъ 60, то получится 192 грм., то есть почти Новгородская гривна въ 46,5 зол. (198 грм.). Однако, для до-лѣтописной эпохи есть нѣкоторое основаніе допустить и вліяніе нормъ византійскаго серебра на предѣлы вѣса у южно-русскихъ слитковъ. Такъ въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ хранятся 6 слитковъ изъ 12, найденныхъ въ Херсонисѣ въ 1889 г. Орѣшниковъ допускаетъ мѣстное происхожденіе этихъ серебряныхъ гривенъ. Можетъ быть, онѣ предназначались для торговли съ Русью, тѣмъ болѣе что по вѣсу они подходятъ къ русскимъ и отличаются отъ нихъ только длиною. Вѣсъ этихъ гривенъ колеблется отъ 44 зол. 72 д. до 46 з. 24 д., причемъ три вытягиваютъ 45 зол. съ долями. Итакъ, это норма вѣса Новгородскихъ и Черниговскихъ слитковъ. На двухъ слиткахъ Кіевскаго и Черниговскаго типа въ Ист. Музеѣ нашлись по гречески написанныя имена Ѳеодула и Милицы (Милика). Но, если здѣсь слитки, предположительно, греческой колоніи дигнированы по русскому образцу, то нѣтъ препятствій признать для VII-го вѣка послѣ Р. Х. и обратнаго вліянія. Миліарисіи Ираклія близки къ нормѣ 50 на римско-византійскій фунтъ, или 50 кератіевъ (полумиліарисіевъ) на полъ-литры въ 38,4 золотника. Таковы миліарисіи Од. Музея древностей въ 6,50 и 6,55 грм. и у Финлэ 6,54 (при предполагаемой нормѣ 6,82); тогда кератій опредѣлился-бы въ 3,27 грм., а 50 кератіевъ дали бы типъ южно-русской гривны въ полулитру. Однако, даже для VII-го вѣка миліарисіи неустойчивы (Ираклія у Финлэ 4,66; Константа II въ Од. Музеѣ въ 3,87 грм.), а съ Исаврійской династіи вычеканиваются только кератіи, подвергающіеся еще большимъ колебаніямъ въ вѣсѣ. Для гривны въ 32 зол. кератій, какъ $^1/_{50}$, долженъ вытянуть 2,73 грм., а для гривны въ 34,45 зол. нуженъ кератій въ 2,85 грм. Эти нормы въ 42 и 44 англ. грэна представлены для Македонской династіи нѣсколькими особями въ Британскомъ Музеѣ (Никифоръ Фока и Василій II и Константинъ XI) и кератіемъ Іоанна Цимисхія (2,79 грм.) въ Од. Музеѣ Древностей. Въ Брит. Музеѣ есть кератій Іоанна Цимисхія въ 3,2 грм., ведущій къ гривнѣ въ $37^1/_2$ зол., и кератій Василія II и Константина XI въ 2,99 грм., способный лечь въ основаніе гривны изъ 35 золотниковъ.

Съ другой стороны, если исконный типъ южной гривны равенъ былъ-бы $^1/_2$ литры, то есть 36 златникамъ (номисмамъ по 4,55 грм.), то при златникѣ нормы Юстиніана, отчасти Ираклія и даже иногда Македонской династіи примѣрно въ 4,44 грм., получится гривна Кіевская въ $37^1/_2$ зол. изъ 36 такихъ номисмъ. Подобно этому позднѣе, на Сѣверѣ Новородская гривна въ $46^1/_2$ зол. могла-бы получиться изъ 48 златниковъ—динаровъ по 4,127 грм., или 50 динаровъ Эрмитажа по 3,99 грм., вмѣсто 48 золотниковъ русскаго фунта по 4,26 грм.

Однако, не смотря на всѣ эти возможности, при слабомъ обращеніи золота почти полное отсутствіе византійскаго серебра въ русскихъ кладахъ сравнительно съ арабскимъ и обезцѣненіе кератіевъ

до 2,2 грм. (Василія II и Конст. XI въ Од. Музеѣ и Брит. Муз.) заставляютъ удержать выводъ, что въ лѣтописный періодъ Кіевской исторіи южные слитки въ вѣсѣ опредѣлялись полсотнями диргемовъ.

Только для слабой Кіевской гривны въ 36 золотниковъ можно было-бы принять иное происхожденіе, а именно, что, считая гривну въ ½ литры, а ½ литры въ 36 солидовъ-номисмъ, здѣсь вмѣсто византійскаго златника брали русскій золотникъ. Такое объясненіе особенно заманчиво для возникновенія на Сѣверѣ нормы въ 46 ½ золотниковъ (вмѣсто 48) у Новгородской гривны. Вѣдь на русско-готландскій фунтъ въ 15 римскихъ унцій шло 90 солидовъ по 4,55 грм. Итакъ, если сѣверную гривну установить въ ½ фунта, но вмѣсто римско-византійскихъ златниковъ брать русскіе золотники, то получится норма въ 45 золотниковъ. Однако, въ варяжскій періодъ исходнымъ вѣсомъ могъ стать и шведскій фунтъ въ 425,076 грм. или 93,4 солида, а тогда *марка-гривна* опредѣлилась-бы именно *въ 46½ солидовъ-златниковъ*, то есть, при подстановкѣ русскаго золотника вмѣсто златника-солида,—въ обычную норму археологическихъ находокъ. При маркѣ въ 213,6 и 218 грм. и замѣнѣ златниковъ золотниками, для гривны нормой было-бы 46,9—47,9 золотниковъ. Для практическихъ цѣлей намъ важна устойчивость самыхъ нормъ въ 37½ и 46½ зол., но силы, ихъ поддерживавшія, могли мѣняться по эпохамъ.

Предѣлами колебанія слитковъ въ вѣсѣ можно, по здравому смыслу, принять два правила: чтобы кіевская гривна, подымаясь, не превращалась въ новгородскую, и обратно, а также, чтобы ногата не превращалась-бы въ куну той-же системы, и обратно. Фактически эти предѣлы колебанія опредѣлялись измѣнчивой нормой диргемовъ. Однако, условія рынка ставили свои требованія. Сношенія съ Византіей требовали гривны, близкой къ ½ греко-римской литры, т. е 38 золотникамъ. Сношенія со Скандинавіей, то есть Готами или Етами въ Южной Швеціи и на островѣ Готландѣ, требовали гривны, близкой къ маркѣ въ 213,6 грм., или 50 золотниковъ. Въ тоже время и южная, и сѣверная гривна должны были приспособляться и къ златникамъ—динарамъ, и къ сребреникамъ—диргемамъ. Пріемъ—денежную единицу золотой валюты брать по вѣсу за единицу для валюты серебряной, или обратно—знакомъ и античной, и средневѣковой нумизматикѣ. Для южной гривны приходилось повышать ⅓ русскаго фунта почти до половины литры, а для сѣверной нѣсколько понижать ½ русскаго (Иракскаго) фунта. Пятьдесятъ динаровъ по 3,96 грм., или 72 старыхъ диргемовъ по 2,76 (нормы Куэйпо, Тизенгаузена, Черепнина) уравновѣшивали новгородскій слитокъ въ 46½ зол, а 40 динаровъ или 50 среднихъ диргемовъ (по нормѣ Черепнина, моему примѣру для Саманидовъ и Декурд. для Эль Мансура) – кіевскій слитокъ въ 37½ зол. Отсюда мы, наконецъ, получаемъ давно искомую скалу: *Кіевская ногата равна по вѣсу 2 динарамъ, а Кіевская куна равна по вѣсу 2 диргемамъ;* 20 кіевскихъ ногатъ по 7,99

грм. серебра составляютъ *кіевскую гривну изъ* 25 кунъ, по два среднихъ диргема каждая куна въ 6,39 грм., или изъ *50 диргемовъ—рѣзанъ*. Итакъ, кіевская гривна равна 20 ногатамъ, или 25 кунамъ, или 50 рѣзанамъ – диргемамъ, а ногата $1^1/_4$ кунѣ, или $2^1/_2$ диргемамъ. Гривна кунъ была счетной единицей и выплачивалась 50-ью серебрениками арабскими или русскими, а гривна серебра—единицей по вѣсу, опредѣляемой традиціей слитковъ.

Для повѣрки нашихъ выкладокъ, переберемъ гирьки Историческаго Музея въ Москвѣ, главнымъ образомъ разновѣски, найденныя въ Гнѣздовскомъ могильникѣ X вѣка близъ Смоленска (В. Сизовъ, В. Трутовскій). Гирька въ 1 зол. 84 доли даетъ 7,956 грм., тоесть по нашему ровно новгородскую куну (при 25 на гривну), или кіевскую ногату, а также 2 динара нормы Эрмитажа или $2^1/_2$ диргема саманидскихъ примѣрной нормы Од. Музея Общ. Ист. и Древн., годной въ средніе диргемы X в. Гирька въ 2 зол. 84 д., извѣстная въ нѣсколькихъ экземплярахъ, даетъ 12,216 грм., тоесть 3 динара, или 4 диргема X-го в., около 2 кіевскихъ кунъ по нашимъ выкладкамъ при слабой гривнѣ въ 36 зол. Гирька въ 3 зол. 84 д. даетъ 16,476 грм., то есть 5 диргемовъ X в. —XI в. нормы Черепнина (3,29), или 4 динара; это по нашимъ выкладкамъ, можетъ быть, 2 ногаты Кіевскія (при гривнѣ въ 38,7 зол.), или 2 куны новгородскія при гривнѣ въ 48,3 зол., а, можетъ быть, это просто 4 недодѣланные золотника. Наиболѣе дробная часть серебряныхъ гривенъ найдена пока въ 2 зол. 30 д.; эта часть м. б. и должна была быть 2 золотниками съ допускавшейся ошибкой на $^1/_2$ золотника. Самая малая изъ найденныхъ цѣльныхъ гривенъ (слитковъ) вытянула 8 зол. 19 дол.; это и есть, м. б., просто слитокъ въ 8 золотниковъ съ позволительной ошибкой. Такой слитокъ близокъ, однако, и къ 4 ногатамъ, или 5 кунамъ, при гривнѣ въ 40 зол. (надо 32 грм. вмѣсто 34,27 грм.). Первый обрубокъ близокъ къ новгородской кунѣ, или кіевской ногатѣ при гривнѣ въ 41 зол. (надо 8 грм. вмѣсто 8,82 грм.). Вѣдь, можетъ быть, здѣсь на 20—25 частей мысленно раздѣлены были гривны нормы свыше $37^1/_2$ и $46^1/_2$ золотниковъ (Черепнинъ—Трутовскій).

Въ древнѣйшей (при Ярославѣ) редакціи „Русской Правды“ нѣтъ куны, а есть только гривна, очевидно слитокъ серебра. Въ ея т. н. второй, „дополнительной“ редакціи (при сыновьяхъ Ярослава) есть гривна и есть куна, но нѣтъ гривны кунъ. Только въ поздней „пространной“ редакціи (съ Мономаха) является противоположеніе гривны кунъ, то есть счетной единицы, гривнѣ серебра, какъ слитку съ традиціоннымъ вѣсомъ; въ тоже время куна по своей монетной силѣ опускается до прежней рѣзаны, а гривна кунъ по крайней мѣрѣ до половины, а то и до четверти гривны серебра [1]).

[1]) Изслѣдователи «Русской Правды», почему-либо не задающіеся цѣлью самостоятельно разобраться въ вопросахъ древне-русскаго денежнаго обращенія, до сихъ поръ, вплоть до Л. К. Гётца, безъ всякой повѣрки и критики часто повторяютъ для русскихъ

За предѣлами эпохи Ярослава—Владиміра Мономаха паденіе цѣнности денегъ въ монетѣ усиливается. Мирная Грамота новгородцевъ съ нѣмцами ок. 1195 г. и договоръ Мстислава съ Ригою и Готландомъ 1229 г. принимаютъ гривну серебра въ 4 гривны кунъ, или

денежныхъ единицъ опредѣленія и оцѣнки Д. Прозоровскаго по его главному труду, въ свое время широко залагавшему фундаментъ на будущее, а именно по книгѣ «Монета и вѣсъ въ Россіи» (1865 г.). Но трудами Д. Прозоровскаго надо пользоваться съ крайней осторожностью. Какъ разъ въ опредѣленіи и оцѣнкѣ гривны и куны Прозоровскій исходилъ отъ сомнительныхъ данныхъ или фантастично шелъ по ложнымъ путямъ къ невѣрнымъ выводамъ.

Такъ въ «Русской Правдѣ» Прозоровскій различаетъ троякую гривну: 1) Первоначальная изъ 20 ногатъ, или 50 рѣзаней. Приравнивая 12 гривенъ 5 литрамъ по содержимости чистаго серебра, Прозоровскій оцѣниваетъ эту, очевидно, южную гривну въ 7 р. $12^{28}/_{27}$—8 р. $29^{17}/_{27}$ коп. Такая норма приблизительно подтверждается и нашими вычисленіями. Тѣмъ не менѣе въ основаніи соображеній Прозоровскаго лежитъ невѣрное предположеніе, что греческая литра, равная теперешнимъ 76,8 зол., будто-бы принималась у насъ въ 84 нынѣшнихъ золотника, и отсюда несоотвѣтствующій археологическимъ находкамъ выводъ, будто-бы въ гривнѣ было вѣсу 30 секстулъ (по 4,55 грм.?), или (?) 35 нынѣшнихъ золотниковъ чистаго серебра и 42 золотн. слитковаго серебра 80-й пробы. Но при этихъ данныхъ гривна получилась-бы въ 8 р. 30 к. на серебряные рубли. Очевидно, что вмѣсто 4 зол. 21 д. чистаго серебра на рубль Прозоровскій почему-то беретъ вѣсъ монетнаго рубля своего времени $83^1/_3$ пробы (ок. 4,86 зол.), дѣлитъ на него 35 з. и 42 з., вѣроятно, уменьшивъ немного эти вѣсовыя нормы въ виду повышенія пробы, и получаетъ отъ 7—8 р. съ коп. на гривну. А между тѣмъ Прозоровскій знаетъ вѣсъ вомисмы Константина и Романа въ 4,4 грм. Если-бы онъ этотъ византійскій златникъ отождествилъ съ секстулой, то-есть $^1/_{72}$ литры, какъ яко-бы древней русской вѣсовой единицей, то получилъ-бы для гривны въ $^1/_4$ литры вѣсъ въ 37,185 золотн., дѣйствительно близкій къ нормѣ археологическихъ находокъ.

2) Вторая гривна Прозоровскаго прямо таки фантастична для времени Ярослава. Она будто-бы содержала въ себѣ 90 кунъ и, равняясь $^{18}/_{25}$ прежней гривны, стоила около 6—7 рублей. Отождествляя вообще серебреники Владиміра и Ярослава (съ исключительнымъ по тяжести вѣсомъ въ 78—85 долей) вполнѣ правдоподобно съ рѣзаной, Прозоровскій останавливается на экземплярѣ Ярославова серебра въ Стокгольмѣ, вытягивающемъ около $35^1/_2$ дол. или, можетъ быть, даже 1,34 грм. (другая монета?). Привлекая для сравненія свои предположенія о равенствѣ мордки въ Новгородѣ XV-го в. 84 долямъ, то-есть рѣзанѣ, или $2^1/_2$ кунамъ, Прозоровскій Стокгольмскую монету Ярослава отождествляетъ съ куной «Русск. Пр.» и высчитываетъ такихъ кунъ 90 на свою гривну изъ приблизительно 30 зол. лигатурнаго серебра. А между тѣмъ Прозоровскій знаетъ, что Стокгольмское серебро Ярослава сходно по вѣсу съ англійскими и германскими денаріями, но все-таки не угадываетъ наиболѣе правдоподобнаго, что это просто скандинавская чеканка по англо-саксонской нормѣ или шведской практикѣ, разсчитанная на сношенія съ Русью (гр Толстой).

3) Третья гривна, образовавшаяся послѣ Ярослава, опредѣлена у Д. Прозоровскаго правильно въ 50 кунъ по III-ьей редакціи «Русск. Правды», но, такъ какъ онъ уже раньше на рѣзану положилъ $2^1/_2$ куны, а на гривну въ 42 зол. такихъ кунъ 125, то принимаетъ эту третью гривну только въ $16^4/_5$ зол. или, по Стокгольмской нормѣ, до 18,5 зол., то-есть въ 3 р. 32 к.—4 р. $17^3/_4$ к. Между тѣмъ такая норма пріемлема, по III-ьей ред. Р. П., приблизительно развѣ только для гривны кунъ, которая относилась къ гривнѣ серебра вѣр., какъ 1 : 2, и предположительно выплачивалась 50 англо-саксонскими пенни по нормѣ Стокгольмскаго серебреника Ярослава. Точно также можно говорить и о серебряной гривнѣ съ половины и конца XII в., стоящей сто и двѣсти кунъ, а именно, когда гривна кунъ относилась къ гривнѣ серебра, какъ 1 : 2 и 1 : 4, но счетная гривна кунъ и теперь всегда насчитывала въ себѣ только 50 кунъ.

пенязей, статья «о безчестіи»—даже въ $7^1/_2$ гривенъ кунъ. На такомъ паденіи курса денегъ отзываются три фактора: уменьшеніе размѣра серебрениковъ, пониженіе пробы ихъ серебра, стираніе отъ времени; къ тому-же въ эпоху пенсовъ и пеннинговъ и пфениговъ рѣзанныя и ломанныя части диргемовъ могли идти за цѣлую единицу, рѣзанукуну. А между тѣмъ даже одинъ только факторъ уменьшенія пеннинговъ въ размѣрѣ удовлетворительно разъясняетъ курсъ гривны кунъ XII—XIII вѣковъ. Если въ Новгородской гривнѣ около 200 грм. то 50 пенсовъ средней Кнутовой нормы (около 1 грм.) даютъ лишь $^1/_4$ этого вѣса. На Готландѣ и у Етовъ Южной Швеціи, по Монтелiусу, вычеканивали по 16 пеннинговъ изъ эртога, то есть 384 вмѣсто 240 изъ марки, а это предполагаетъ пеннингъ въ 0,56 грм.; норвежскій пеннингъ ок. 1070 г. допускается изслѣдователями даже въ 0,45 грм., то есть половину нормы по 240 на марку пеннинговъ въ 0,9 грм. При готландской нормѣ пеннинговъ Новгородская гривна по счету вытянетъ лишь 28 грм., то есть $^1/_7$ гривны серебра, а при норвежской нормѣ гривна серебра достигнетъ $7^1/_2$ гривенъ кунъ.

Ни куна, ни ногата не вычеканивались, а были лишь счетными единицами, какъ англійскіе фунтъ и шиллингъ, скандинавскіе эра и эртогъ. Тамъ единство счетной единицы поддерживалось сравненіемъ съ единицей вѣса или памятью о той золотой монетѣ, которая была замѣнена грудкой пенсовъ. На Руси счетныя единицы, какъ ногата и куна, скрѣплялись тождествомъ съ цѣнностью мѣховъ или памятью объ этомъ тождествѣ.

Эти явленія надо разсматривать въ связи съ замѣной арабской серебряной монеты западно-европейскими пфенигами.

Съ конца перваго двадцатилѣтія XI в. арабское серебро исчезаетъ, а въ кладахъ диргемы смѣняются чаще всего англо-саксонскими монетами, болѣе мелкаго типа. Такъ, на диргемъ X в., или кіевскую рѣзану (предположительно 3,195 грм.), должно было по вѣсу приходиться два пенса Этельреда II высшей нормы (ок. 1,6 грм. пенни) и даже три пенса Кнута (ок. 1 грм. пенни). При Этельредовыхъ пенсахъ Кіевская куна по вѣсу вытягивала 4 пенса (норма стараго Мерсійскаго шиллинга), а ногата 5 пенсовъ (норма стараго Уэссекскаго шиллинга). При Кнутовыхъ пенсахъ на кіевскую куну требовалось по вѣсу $^1/_2$ новаго (норманскаго) шиллинга, или 6 пенсовъ. Нѣмецкіе пфениги послѣ Карла В. и распаденія имперіи тоже стали падать въ вѣсѣ до нормъ Этельреда и даже Кнута; денарій Карла В., часто достигавшій 1,7—1,9 грм., окончательно похороненъ при Конрадѣ II, а при Генрихѣ V денарій вытягиваетъ лишь половину Каролингскаго. Только Кельнская монета удерживается на нормѣ 1,4—1,45 грм. (Инама—Штернеггъ[1]). На островѣ Готландѣ и въ

[1]) Инама-Штернеггъ принимаетъ пфениги-денаріи Карла В. позднѣйшей части царствованія до 1,70 грм., Людовика Благочес. и Лотаря въ 1,68 грм., послѣднихъ Каролинговъ въ 1,53 грм., Людовика Дитяти въ 1,40 грм. К. Лампрехтъ денаріи епископа

южной Швеціи чеканились монеты еще мельче Кнутовыхъ (Монтеліусъ). Между тѣмъ куна оставалась счетной денежной единицей въ двѣ серебряныя монеты. Вслѣдствіе этого явилась теперь необходимость дѣлать различіе между гривной въ слиткѣ серебра, которая вѣсила по прежнему 37½ и 46½ зол., и гривной въ кунахъ, которая вмѣсто 50 диргемовъ выплачивалась теперь 50 пенсами Этельреда или Кнута, то есть количествомъ серебра вдвое и втрое меньшимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и платежная сила такой куны въ два пенса по счету должна была-бы упасть до цѣнности прежней рѣзаны—диргема, если-бы стоимость серебра оставалась безъ измѣненія. Серебряная монета уменьшалась при этомъ по содержимости въ ней металла, а между тѣмъ гривны въ слиткахъ въ тоже время дорожали, такъ какъ и на Югѣ начинаетъ укореняться новгородская норма для ихъ вѣса.

Итакъ, замѣна арабскихъ диргемовъ въ теченіе XI-го вѣка англосаксонскими пенсами или вообще западно-европейскими денаріями-пфенигами можетъ объяснить какъ установленіе различія по цѣнности между гривной серебра и гривной кунъ, такъ и отождествленіе куны съ рѣзаной. Однако, одно изъ явленій нуждается для своего объясненія въ введеніи новаго фактора, потому что нельзя продваивать вліяніе одного и того-же факта, примѣняя его дважды, какъ двѣ причины для возникновенія двухъ скоростей въ одномъ и томъ-же процессѣ уменьшенія денежной единицы, по количеству содержимаго ею металла. Если человѣкъ, взбираясь по лѣстницѣ, перемѣщаетъ ногу отъ ступени до ступени на полъ—аршина выше, а подымается при этомъ вверхъ на аршинъ, то значитъ ползетъ вверхъ и самая лѣстница съ каждымъ шагомъ тоже на полъ—аршина. Такъ и куна съѣзжаетъ на прежнюю рѣзану[1]) въ смыслѣ серебреника—диргема, а такъ какъ кромѣ того серебреникъ-диргемъ смѣняется серебреникомъ-пенни, то куна съѣзжаетъ и на новую рѣзану въ смыслѣ пенни, или полудиргема. Ясно, что каждое изъ движеній обладаетъ своей особой причиной.

Съ пріостановкой въ потокѣ куфической серебряной монеты послѣ 1015 г., должно было конечно во вторую половину XI вѣка и въ XII-омъ вѣкѣ наступить до прилива закамскаго металла вздорожаніе серебра, а именно, судя по замѣнѣ въ III-ьей редакціи „Русской Правды“ рѣзаны куной, вѣроятно,—по крайней мѣрѣ вдвое.

Метцскаго для эпохи Оттона I-го—въ 1,47 грм.; Оттона II—1,31 грм., а денаріи архіеп. Трирскаго для Генриха II въ 1,08 грм., Конрада II—1,08 грм., Генриха IV 1,03; Генриха V —0,82 грм.; для Гогенштауфеновъ—0,70 грм.

[1]) Это новое отношеніе рѣзано-куны къ ногатѣ, какъ 1:2½ вмѣсто отношенія куны къ ногатѣ, какъ 1:1¼, можно вывести и изъ Уставной грамоты Ростислава Смоленскаго отъ 1150 г.: «пять ногатъ за лисицу..., а за три лисицы 40 кунъ безъ ногаты». Тамъ-же десятина съ 26½ гривенъ равна 3 гривнамъ безъ 7 ногатъ, откуда гривна 20 ногатъ и 50 кунъ.

Соотвѣтственно этому, при уплатѣ виры и головничества половина серебряной гривны могла сначала замѣстить прежнюю цѣльную гривну I-ой редакціи «Русск. Правд.» Такая серебряная гривна выплачивается теперь, какъ счетная единица денегъ, предположительно, оставшимися еще въ обращеніи диргемами VIII—XI вв., но этихъ серебрениковъ идетъ уже лишь по одному на куну, а кунъ, значитъ, 50 — на серебряную гривну, то есть куна, сохраняя прежнюю покупательную силу, наприм. въ куній мѣхъ безъ лапъ, съѣхала по количеству серебра на прежнюю рѣзану 2-ой редакціи «Русской Правды.» [1]) Приэтомъ, независимо отъ *удвоенія цѣны серебра*, арабскіе диргемы вытѣсняются западно-европейскими среб-

---

[1]) Иногда изслѣдователи «Русской Правды» считаются съ вѣроятностью, что въ § 41 Акад., то-есть и для II-й редакціи, на гривну приходится 50 кунъ. Но для такого допущенія нѣтъ достаточнаго основанія. Во II ред. (Ак. § 26) полгривны (лоньщина) менѣе 15 кунъ (третьякъ), а именно, вѣроятно, равняется $12^1/_2$ кунъ при коровѣ въ 20 кунъ (40 рѣзанъ), такъ какъ въ III-ьей редакціи при коровѣ въ 40 рѣзано-кунъ третьякъ цѣнится въ 30 такихъ кунъ, а лоньщина въ $^1/_2$ гривны, то-есть очевидно въ 25 рѣзано-кунъ. Въ такомъ случаѣ и въ § 41 надо гривну принимать въ 25 кунъ, по двѣ рѣзаны каждая, какъ къ этому и приходитъ Гётцъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній.

Вообще при толковніи § 41 изслѣдователи ради примиренія противорѣчій предполагаютъ въ немъ до пяти описокъ. Всѣ затрудненія возникаютъ здѣсь вслѣдствіе неясности, какъ вычислялось въ «Р. П.» вознагражденіе вирнику и мечнику, то-есть набавлялось-ли оно всегда сверхъ виры, или вычиталось иногда изъ нея; далѣе неясно, какая здѣсь десятина, церковная или судебная, и почему она въ дѣйствительности бываетъ и выше 10%? Однако, изъ III-ьей ред. (Кар. §§ 7 и 8) ясно, что 8 и 16 гривенъ вирнику при вирахъ въ 40 и 80 гривенъ составляютъ 20% на виру и скорѣе (какъ и 10 кунъ перекладной и 1 гривна ссадная) набавляются на виру до 48 и 96 гривенъ, отъ которыхъ 8 и 16 будутъ $^1/_6$-ой. Примѣнимъ-же этотъ пріемъ къ §§ 40—41 Ак.

Отъ продажи въ 60 рѣзанъ сборщику (емцу), то-есть по сану, вѣроятно, мечнику, идутъ 10 рѣзанъ. На 50 рѣзанъ, передаваемыхъ князю, 10 рѣзанъ тоже составятъ 20%, или $^1/_5$ доли князя, но по отношенію ко всей суммѣ продажи только $^1/_6$, что здѣсь вѣроятнѣе. Въ концѣ § 41 опредѣляется дѣлежъ пени въ 12 гривенъ, причемъ «емцю»-мечнику назначено 70 кунъ; это (при 25 кунъ на гривну) $^1/_5$ отъ 14 гривенъ и $^1/_6$ отъ $16^4/_5$ гривенъ. Такія 14 кунъ безъ доли емца должны-бы распадаться на 2 гривны (двойной?) десятины и на 12 гривенъ князю, но въ текстѣ 10 гр., какъ будто-бы десятина вычиталась изъ доли князя; можетъ быть, это описка вмѣсто 12 гр. Тогда доля князя въ 12 гривенъ, 2 гривны двойной десятины и 70 кунъ емцу составятъ всю ту сумму взысканія въ $16^4/_5$ гривенъ, отъ которой 70 кунъ ($2^4/_5$ гр.) и есть $^1/_6$. Если-же не вносить поправки, то вся сумма взысканія опредѣлится въ $14^4/_5$ гр., и доля емца-мечника станетъ для него около $^1/_5$-ой, а не $^1/_6$.

Въ первой части § 41 вычислена сумма взысканія при пенѣ въ 3 гривны. Здѣсь предполагается, что вознагражденіе мечнику и десятина берутся сверхъ 3 гривенъ, какъ доли, идущей князю. На 3 гривны 20% двойной десятины составятъ дѣйствительно 15 кунъ, а 20% мечнику тоже 15 кунъ (поправка вмѣсто «коуна» Ак. списка); вся сумма взысканія будетъ $4^1/_5$ гривны. Вообще, гдѣ рядомъ съ куной стоитъ еще рѣзана, тамъ на гривну надо считать 50 рѣзанъ, но 25 кунъ.

Напротивъ, въ III-ьей редакціи на гривну кунъ очевидно идетъ 50 рѣзано-кунъ (рѣзана для инвентаря, куна для всей остальной III-ьей редакціи). Такъ (Кар. § 38) пеня въ 3 гривны и 30 кунъ, предполагаетъ норму для гривны кунъ свыше 30 кунъ.

реникамн, то есть германскимн денаріями — пфеннигами, англосаксонскими пенсами, скандинавскими пеннингами. Такъ какъ подобные сребреники равны по содержанію въ нихъ металла только полудиргему, то выплачиваемая въ нихъ куна, а именно одинъ сребреникъ на новую рѣзано-куну, теряетъ теперь еще *половину своего металлическаго вѣса* и, значитъ, половину своей прежней *покупательной силы*, то есть становится рѣзаной II-ой редакціи „Русской Правды“ по покупательной силѣ, наприм. въ полъ куньей шкуры, и полурѣзаной или полудиргемомъ по количеству въ ней серебра. Такая новая рѣзано-куна въ III-ьей редакціи „Русской Правды“ по Карамзинскому и Троицкому спискамъ вообще просто называется куной, но въ сельскомъ инвентарѣ III-ьей редакціи §§ 49—65 по Карамз. она удержала названіе рѣзаны, а куна совершенно исчезла здѣсь, какъ и въ „Словѣ о полку Игор.“. Ногата въ этой редакціи вездѣ исчисляется въ $2^1/_2$ рѣзанокуны, а въ инвентарѣ въ $2^1/_2$ рѣзаны, предположительно, по полудиргему каждая. Съ замѣной диргема пенни-пфеннигами устанавливается различіе между серебряной гривной въ 50 арабскихъ серебрениковъ и гривной кунъ въ 50 западно-европейскихъ пенсовъ или пфениговъ, причемъ для времени III-ьей редакціи «Русск. Правд.» гривна кунъ, замѣнившая, въ эпоху вздорожанія серебра вдвое, серебряную гривну I-ой редакціи при уплатѣ виръ и головничества, должна была, при выплатѣ зап.-европейскими монетами по курсу въ 1 монету за рѣзано-куну и по 50 рѣзано-кунъ на гривну, заключать въ себѣ очевидно серебра на первое время приблизительно вдвое меньше, чѣмъ гривна серебромъ. Это противоположеніе *гривны кунъ гривнѣ серебра*, которое къ XII в. и въ XIII в. исходитъ уже отъ отношенія первой ко второй, какъ 1:4 и $1:7^1/_2$, свидѣтельствуетъ, что здѣсь произошелъ *нумизматическій переворотъ*, а не экономическое паденіе всѣхъ цѣнъ на товары, причемъ пріемъ такой половинной гривны въ монетѣ взамѣнъ полной гривны въ серебрѣ по вѣсу можетъ найти себѣ объясненіе въ удвоеніи цѣнности серебра.

Вслѣдствіе замѣны диргема пфенигомъ хозяйственныя блага должны были-бы вздорожать вдвое, а вслѣдствіе вздорожанія вдвое серебра они должны были-бы вдвое подешевѣть на деньги. Отсюда ихъ цѣны отъ II-ой къ III-ьей редакціи Р. П. остались почти безъ перемѣнъ. Предѣлы колебанія отношеній между золотомъ и серебромъ въ Византіи, Зап. Европѣ и на Руси, а именно приблизительно отъ 1:14 до 1:7, врядъ-ли даютъ право предполагать вздорожаніе серебра болѣе чѣмъ вдвое, а для учета возможнаго вздорожанія и золота нѣтъ надежныхъ данныхъ [1]).

---

[1]) Изъ Начальной лѣтописи (Ипат.) для отношенія между кунами, гривнами и гривнами кунъ отмѣтимъ слѣдующія данныя. Подъ 980 г. для предполагаемой уплаты «откупа» варягамъ «по 2 гривнѣ отъ человѣка» Владиміръ обѣщаетъ собрать за мѣсяцъ «куны»

Предполагаемый здѣсь нумизматическій переворотъ протекалъ подъ вліяніемъ закона денежнаго обращенія, по которому лучшая валюта при конкурренціи всегда вытѣсняется худшей, а ея металлъ превращается въ товаръ съ лажемъ. Слитки—гривны вытѣсняются гривнами кунъ, выплачиваемыми въ монетѣ, которая гибче слѣдуетъ за колебаніями въ цѣнѣ своего металла. Диргемы вытѣсняются пенсами и пфенигами, тяжелые пенсы Этельреда II легкой чеканкой Кнута, Норвегіи, Готланда, причемъ установленіе лажа на серебро по вѣсу—различеніемъ гривны серебра отъ гривны кунъ— обезпечиваетъ интересы международной торговли, а затѣмъ и внутреннихъ сношеній. Кіевская рѣзана при гривнѣ въ 37½ зол. — это 72 доли серебра (0,75 зол., или 3,17 грм.), куна — это 144 доли серебра (1½ зол., или 6,34 грм.), ногата—это 180 долей серебра (1,875 з., или 7,92 грм.). Первоначально, слитки серебра ориентировались по монетѣ, будь-то 50 полумиліарисіевъ—кератіевъ въ долѣтописную эпоху, будь то 50 диргемовъ въ эпоху Начальной Лѣтописи и I-ой редакціи «Русск. Пр.» Но затѣмъ слитокъ по вѣсу застылъ или даже увеличивается въ числѣ золотниковъ примѣнительно къ новгородской нормѣ и ½ Иракскаго фунта, а монетное обращеніе создало свою собственную подвижную гривну кунъ по счету, приспособлявшуюся и къ вздорожанію серебра, и къ замѣнѣ тяжелыхъ сребреникovъ легковѣсными. Вѣдь въ обиходѣ держалась традиція 50 кератіевъ и 25 миліарисіевъ, 50 диргемовъ и 25 паръ диргемовъ (двойныхъ?) на крупную единицу серебра, а рѣзана, куна, ногата всегда воплощались просто въ одномъ, въ двухъ и въ 2½ сребреникахъ.

Ради теоретическаго объясненія такого быстраго паденія гривны кунъ по счету сначала до ½, а затѣмъ до ¼ гривны серебра по вѣсу пришлось расчленить обѣ причины удвоенной скорости въ процессѣ уменьшенія количества серебра у господствующей денежной единицы—вздорожаніе серебра и замѣну арабской монеты западно-европейской. Но въ сущности, какъ въ сравненіи съ взлѣзаніемъ по движущейся вверхъ лѣстницѣ, обѣ силы вліяютъ здѣсь одновременно и какъ съѣзжаніе куны на рѣзану, такъ и расхожденіе гривны по счету съ гривной по вѣсу въ каждый данный шагъ процесса опредѣляются какъ тѣмъ, такъ и другимъ воздѣйствіемъ, или точнѣе скачками и

Подъ 996 г. онъ-же въ Василевѣ раздалъ убогимъ 300 гривенъ, а въ Кіевѣ нищіе и убогіе берутъ у него «отъ скотьницъ кунами». Подъ 1018 г. новгородцы собираютъ для варяговъ «скотъ», въ который входятъ «отъ мужа по 4 куны, а отъ старостъ по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 80 гривенъ.» Еще подъ 1100 г. упоминаются 200 гривенъ безъ обозначенія металла. Подъ 1097 г. названы «50 гривенъ злата», а подъ 1144 г.—1400 «гривенъ серебра.» Подъ 1287 и 1289 гг. встрѣчаются «гривны кунъ.» Подъ 1288 г. Владиміръ Васильковичъ льетъ золотыя и серебряныя гривны изъ блюдъ и кубковъ и разсылаетъ милостыню.

толчками—то тою, то другою причиной. Можно, напримѣръ, допустить такія посредствующія фазы въ изучаемомъ процессѣ: уже въ XI в. два диргема на куну и 1 на рѣзану замѣнены 2 и 1 пфенигами, но, такъ какъ серебро вздорожало, хотя, можетъ быть, и въ меньшей пропорціи, чѣмъ отношеніе диргема къ пфенигу или пенни, то это вытѣсненіе арабской монеты англо саксонской и германской проходитъ въ жизнь безъ чувствительнаго измѣненія цѣнъ хозяйственныхъ благъ въ кунахъ, причемъ только диргемы или временно выводятся изъ обращенія, или разрѣзаются, или ходятъ съ нѣсколько преувеличеннымъ лажемъ по 1 диргему за 2 пенса. Затѣмъ слѣдуетъ, можетъ быть, новый толчекъ въ вздорожаніи серебра и во всякомъ случаѣ новая ступень въ измельчаніи серебрениковъ. Серебро вздорожало теперь вдвое, а серебряная монета измельчала въ двое—въ трое. Приходится офиціально освятить заднимъ числомъ и тождество куны съ рѣзаной, и лажъ на гривну серебра сравнительно съ гривной кунъ; чрезъ такія фазы эволюція серебряной валюты предположительно ведетъ къ картинѣ денежнаго обращенія въ эпоху III-ьей редакціи „Русск. Пр.“. Дальнѣйшее уменьшеніе количества серебра въ кунѣ безъ вздорожанія металла будетъ уже вызывать подъемъ всѣхъ цѣнъ на хозяйственныя блага.

Для аналогіи надо только вообразить себѣ, что при плаваніи между Петроградомъ и Одессой у судовой команды на рукахъ накопляются русскіе рубли, финляндскія марки (по $37\frac{1}{2}$ к.), скандинавскія кроны (по 52 к.), германскія марки (по $47\frac{1}{2}$ к.), голандскіе полугульдены (въ $39\frac{1}{4}$ к.), англійскіе шиллинги (въ 47,3к.), франки (по $37\frac{1}{2}$ к.), австрійскія кроны (въ $39\frac{1}{2}$ к.) и т. п. съ ихъ половинками. Ими оплачиваются суммы въ 1, два и $2\frac{1}{2}$ рубля золотой валюты. Въ своей средѣ ради упрощенія разсчетовъ экипажъ можетъ отвлечься отъ колебаній $37\frac{1}{2}$—52 коп. и безразлично выплачивать 1, два и $2\frac{1}{2}$ рубля любыми 2,4 и 5 серебряными монетами, приравниваемыми полтиннику серебромъ или золотомъ. Представимъ себѣ, что такія плаванія продолжаются съ введенія въ Россіи золотой валюты и до текущаго дня, въ періодъ, когда серебро постепенно падаетъ въ цѣнѣ до $\frac{2}{3}$ своей тогдашней стоимости. Въ гаваняхъ на пути экипажу при размѣнѣ или сдачахъ навязываютъ 2 марки или $2\frac{1}{2}$ и даже 2 франка за рубль золотомъ или серебромъ, а съ него при расплатахъ требуютъ 50 золотыхъ или серебряныхъ копѣекъ за марку и даже за франкъ. Пока отношеніе золота къ серебру по цѣнности держится близко къ нормѣ 1892 г., то есть 1:23,25, до тѣхъ поръ такой приблизительный разсчетъ по 2 германскихъ марокъ золотомъ или по 2—$2\frac{1}{2}$ франка золотомъ какъ за золотой рубль въ 17,42 доли чистаго золота, такъ и за серебряный въ 4 зол. 21 д. чистаго серебра будетъ убыточенъ для экипажа. Но за послѣдніе 15 лѣтъ, когда отношеніе золота къ серебру держалось на среднемъ уровнѣ 1:35, подобная расплата русскими *серебряными* рублями и пол-

тинниками стала бы выгодной для судовой команды [1]). При конкуррентномъ обращеніи въ Россіи въ обычное (не военное) время золотыхъ рублей съ неограниченной платежной силой и серебряныхъ рублей, обязательныхъ къ пріему только при полученіи суммъ до 25 р., на золотой рубль существуетъ скрытый, или потенціальный лажъ. При суммахъ свыше 25 р. или во внѣшнихъ торговыхъ сношеніяхъ продавецъ или кредиторъ всегда можетъ потребовать уплаты золотомъ, то есть вмѣсто 1 серебрянаго рубля какъ-бы 1 р. 48 к. серебромъ. Такой скрытый, или потенціальный лажъ на гривну серебра по вѣсу сравнительно съ 50 серебрениками въ монетѣ можно представить себѣ для денежной валюты эпохи II-ой редакціи «Русской Правды», когда появились уже куны, но еще не была закрѣплена офиціально или по обычному праву дифференціація гривны кунъ отъ гривны серебра.

Вообще исторія русской серебряной и золотой валюты за послѣднее столѣтіе, необходимая намъ въ концѣ концевъ для перевода гривны, рѣзаны и куны на теперешнія деньги, поучительна для освѣщенія денежной и нумизматической эволюціи XI—XII вв. на Руси. Вмѣстѣ съ офиціальнымъ введеніемъ серебряной валюты въ 1810 г. установлена и типичная для тогдашняго монетнаго серебра $83^1/_3$-ья проба и рубль Сперанскаго въ 4 зол. 21 долю. Съ этой нормой приходилось считаться нашимъ историкамъ и экономистамъ, какъ Погодинъ, Прозоровскій и другіе, при переводѣ на современные имъ рубли и серебряную валюту древнерусскихъ денежныхъ цѣнностей. Но въ 1899 г. въ Россіи введена золотая валюта, и единицей принятъ по новому монетному уставу рубль въ 17,424 долей съ такой пробой чеканки, что пять рублей золотомъ, заключая въ себѣ 87,12 долей чистаго металла, вытягиваютъ въ монетѣ лигатурный вѣсъ въ 1 зол. 0,8 дол. Одновременно былъ сохраненъ и серебряный рубль Сперанскаго въ 4 зол. 21 дол., какъ полнопробная размѣнная монета, обязательная къ пріему лишь въ суммахъ до 25 р. Въ годы подготовки

---

[1]) Въ основаніи примѣра лежатъ такого рода соображенія: за русскій полтинникъ золотомъ въ 0,3868 грм. чистаго золота или за русскій полтинникъ серебромъ въ 8,998 грм. чистаго серебра за границей въ мелочномъ обиходѣ даютъ: нѣмецкую марку золотомъ въ 0,358 грм. чистаго золота или серебромъ марку въ 5 грм. чистаго серебра; франкъ въ 0,2903 грм. чистаго золота или $4^1/_2$—$4^3/_4$ грм. чистаго серебра, или $1^1/_4$ франка; шиллингъ въ 0,3661 грм. чистаго золота или 5,231 грм. чистаго серебра; скандинавскую крону въ 0,4032 грм. чистаго золота или 6 грм. чистаго серебра.

Итакъ, если за иностранное золото платится русскимъ серебромъ, то обмѣнъ или зачетъ золотой марки на или за русскій серебряный полтинникъ не выгоденъ для русскихъ при дорогомъ серебрѣ, то-есть пока отношеніе золота къ серебру не установится по крайней мѣрѣ въ 25,1 : 1; зачетъ русскаго серебрянаго полтинника за англійскій шиллингъ золотомъ невыгоденъ для русскихъ, пока отношеніе между металлами не дойдетъ до 24,6 : 1. При болѣе дешевой цѣнѣ серебра, напримѣръ при теперешнемъ отношеніи золота къ серебру по цѣнности, какъ 35 : 1, тотъ-же обмѣнъ или зачетъ становится выгоднымъ для русскихъ.

реформы Витте, при тогдашней нормѣ взаимоотношенія между металлами по цѣнности, рубль золотой и рубль серебряный были одно время равноцѣнны. Но минувшіе полъ-вѣка ознаменовались вообще неудержимымъ паденіемъ цѣны на серебро. Банкиръ, родившійся въ началѣ 60-ыхъ годовъ XIX-го в., могъ еще въ дѣтствѣ видѣть, какъ за 1 ф. золота требовали 15—16 ф. серебра, въ юности онъ требовалъ за 1 ф. золота уже 17—18 ф. серебра, съ 20-и лѣтъ отъ роду—19—21 ф. серебра, въ 1894 г. фунтъ золота стоилъ для него уже 32½ ф. серебра, въ 1902 г. даже 39,15 ф. серебра. Въ настоящее время среднее отношеніе въ цѣнѣ между серебромъ и золотомъ можно принять, какъ 1:35; въ такомъ случаѣ русскій серебряный рубль стоитъ теперь только ⅔ золотого рубля, а гривна, вычисленная, напримѣръ, въ половинѣ XIX в. въ 7 р. 50 к. при серебряной валютѣ, должна была-бы быть теперь принята лишь въ 5 рублей золотомъ. (Лексисъ. Гурьевъ). Подобныя же колебанія въ цѣнѣ серебра, но только въ обратную сторону—къ вздорожанію, переживали XI—XII вв. Если византинисты, сравнивая цѣнность серебра и золота, принимаютъ для эпохи Константина В. отношеніе, какъ 1:13,9; какъ 1:14, или 1:14⅖ для конца IV в., а для Ираклія 1:12, то на Руси при сильномъ вздорожаніи серебра и расхожденіи гривенъ по вѣсу и гривенъ кунъ по счету, приходится съ одинаковымъ довѣріемъ относиться и къ опредѣленію подобнаго отношенія по Лѣтописи для первой половины XII в. въ 1:16⅔, и къ нормѣ 1:6⅔ для эпохи статьи «о безчестіи». Для западной Европы это отношеніе въ XII в. колеблется отъ 1:12 до 1:8.

На нѣсколькихъ примѣрахъ изъ исторіи цѣнъ легко убѣдиться, что переворотъ XI—XII вв. носилъ характеръ *серебрянаго кризиса* и не былъ вызванъ экономически общимъ паденіемъ цѣнъ на средства существованія. Такъ, телка свыше годовалой (лонщина) оцѣнена въ ½ гривны во второй редакціи «Русской Правды» (Акад. § 26), въ ½ гривны кунъ въ третьей редакціи (Карамз. § 42 и Троицк. § 56) и въ сельскомъ инвентарѣ при третьей редакціи (Карамз. § 56); баранъ въ 1 ногату во II-й и въ III ред. (по Карамз. и Троиц.); жеребенокъ въ 6 ногатъ въ инвентарѣ (однолѣтокъ) и въ III-ьей ред.; тамъ-же жеребецъ неѣзженный въ 1 гривну кунъ; волъ въ 1 гривну и въ 1 гривну кунъ во II и III ред. (Кар. § 42; Тр. § 56); конь княжій въ 3 гривны, а иной въ 2 гривны серебра и кунъ (Ак. § 25; Кар. § 41). Тамъ, гдѣ даже есть разница въ оцѣнкѣ второй половины XI в. и первой XII в., она невелика или сводится къ замѣнѣ рѣзаны куной, гривны серебра, еще не отдѣлившейся отъ гривны по счету, гривной кунъ. Такъ кобыла по II ред. цѣнится 60 рѣзанъ, а по III-й—60 кунъ (К. § 42; Тр. § 56), корова, тамъ же—40 рѣзанъ и 40 кунъ, теленокъ тамъ же 5 рѣз. и 5 кунъ. Въ инвентарѣ кобыла третьячина (на третьемъ году)—1 гривна кунъ, корова 2 гривны кунъ, корова на третьемъ году (третьячина) во II ред. 15 кунъ, то есть 30 рѣзанъ, а въ III-ьей ред. 30 кунъ, но въ инвентарѣ 1 гривна кунъ. Равенство

цѣнности коровы съ заработной платой двухъ женщинъ, матери и дочери, за все лѣто, а именно для XII в. съ двумя гривнами кунъ, повидимости оправдается и въ теперешнемъ хозяйствѣ, не смотря на многократное возрастаніе покупательной силы денегъ. Ногата II-ой редакціи равна $2^1/_2$ рѣзанамъ-диргемамъ, а ногата III-ьей редакціи $2^1/_2$ полурѣзанамъ, или рѣзанокунамъ, или рѣзанамъ инвентаря въ одну монету и притомъ нормы пфенига-пенни.[1]). Но и при такой рѣзанѣ баранъ по инвентарю въ видѣ исключенія стоитъ почему-то вчетверо и вдвое дороже, чѣмъ ногата III-ьей ред. въ $2^1/_2$ полурѣзаны-полудиргема и ногата II ред. въ $2^1/_2$ рѣзаны, а именно 10 рѣзанъ-пенсовъ инвентаря. Можетъ быть, на цѣнѣ коровы, овцы и барана сказалось сѣверное происхожденіе инвентаря (кадь ржи Ростовская!). Или-же данныя инвентаря надо разсматривать, какъ рыночныя цѣны болѣе поздняго времени, тогда какъ въ другихъ статьяхъ III-ьей редакціи дается оцѣнка скота ради уплаты продажи князю, а такая скала судебныхъ тарифовъ могла по косности еще долгое время удерживать уже отжившія на рынкѣ справочныя цѣны предыдущей эпохи.

Почему же стало неизбѣжнымъ для серебрянаго кризиса XI—XII в.в. такое сложное объясненіе съ двумя воздѣйствіями со стороны —прекращеніемъ притока серебра съ В. и началомъ притока иного

---

[1]) Ногату II-ой редакціи, по видимости, приходится опредѣлять путемъ Rückschluss'a, то есть заключенія отъ послѣдующаго къ предыдущему, а именно: Въ инвентарѣ ногата считана несомнѣнно по $2^1/_2$ рѣзаны, а гривна по 20 ногатъ (Кар. § 52 вепрь 6 ногатъ, а § 53 три вепря 45 рѣзанъ; Кар. § 55 за 20 лошадей 22 гривны выйдутъ только при расцѣнкѣ, что 10 жеребцевъ, по 6 ногатъ каждое «однолѣтное» жеребя, какъ въ §§ 54 и 42, стоятъ 60 ногатъ, или 3 гривны). Такъ какъ въ III-ьей редакціи вообще куна тождественна съ рѣзаной (§ 42 Кар.—30 кунъ болѣе полугривны вмѣсто 15 кунъ Ак. § 26), то кунъ, по $^1/_{30}$ гривны куна, въ ногатѣ значитъ тоже $2^1/_2$. Напротивъ, § 26 Ак.—15 кунъ больше полгривны, откуда наиболѣе вѣроятны 25 кунъ на гривну. Ни 30, ни 40, ни 60 рѣзанъ (Ак. §§ 26—39) не даютъ ровнаго числа гривенъ, откуда на гривну наиболѣе вѣроятны 50 рѣзанъ, что и подтверждается III-ьей редакціей. Но, если на ногату идетъ $2^1/_2$ рѣзаны при 50 рѣзанахъ на гривну, то на ногату пойдетъ $1^1/_4$ куны при 25 кунахъ въ гривнѣ.

Однако, такъ какъ въ III ред. идетъ рѣчь о гривнѣ *кунъ*, а во II-й ред. о гривнѣ *кунами*, еще не отдѣлившейся официально отъ гривны серебромъ по вѣсу, то для полной увѣренности въ «рюкпуссѣ» желательно повѣрить его соображеніями, исходящими только отъ II-ой ред. Вотъ они: по Ак. § 42 вирнику полагается 7 ведеръ солоду на недѣлю и овенъ, любо полоть, или двѣ ногаты. По Ак. § 26 баранъ стоитъ 1 ногату, и, значитъ, вторая ногата возмѣщаетъ солодъ за недѣлю. По количеству мяса барану можетъ равняться не полоть вола, коровы и т. п., а развѣ только полоть теленка, но «теля» можно разумѣть тождественнымъ съ «однолѣтное», какъ и жеребя (К. §§ 42 и 54). Далѣе, по § Ак. 26, теля стоитъ 5 рѣзанъ II-ой редакціи, а полоть годовалаго теленка, значитъ, $2^1/_2$ рѣзаны, равныя ногатѣ Ак. § 42. Отсюда наиболѣе вѣроятно, что на ногату II-ой ред. шло $2^1/_2$ рѣзаны, или очевидно $1^1/_4$ куны II-ой редакціи. Въ Кар. § 7 сохранены «законы вирные Ярослава», не смотря на измѣненіе цѣны серебра и барана отъ II ред. къ III-ьей.

Если подъ полотью разумѣть $^1/_2$ свиной туши, то весь разсчетъ остается тѣмъ-же, такъ какъ по Кар. § 42 и теля, и свинья одинаково цѣнятся въ 5 кунъ III-ьей ред., а это 5 рѣзанъ II-ой ред.

серебра въ З.? Если-бы переворотъ въ серебряной валютѣ между II-ой и III-ьей редакціями „Русской Пр." сводился лишь къ тому, что, вмѣсто 25 кунъ, по 2 диргема каждая, на денежную гривну II-й редакціи, позднѣе, въ III-ьей редакціи, на́ гривну кунъ шло ихъ 50, по 1-му диргему куна, то въ сущности реальное денежное обращеніе оставалось-бы безъ перемѣнъ, то есть гривна кунъ совпадала-бы съ гривной серебра въ $37^1/_2$ зол., и всѣ хозяйственныя блага оплачивались-бы прежнимъ количествомъ серебра, а только *по неизвѣстной причинѣ* термины „куна" и „рѣзана" стали вдругъ безразлично употребляться для $^1/_{50}$-ой южнаго серебрянаго слитка, выплачиваемой въ монетѣ первоначально или 1-мъ диргемомъ, или 2-мя пенсами.

Причину уменьшенія куны до количества серебра въ старой рѣзанѣ II-ой редакціи можно было-бы найти въ вздорожаніи серебра по цѣнности—вдвое. Однако, если-бы переворотъ въ валютѣ ограничивался только удвоеніемъ цѣнности серебра, то достаточно было-бы оставить на денежную гривну по прежнему 25 кунъ, но по 2 пенса или 1-му диргему куна, или 50 рѣзанъ по $^1/_2$ диргема, или 1-му пенни; тогда-бы гривна кунъ тоже стала равной $^1/_2$ гривны серебра, но куна не съѣхала-бы на рѣзану. Однако переворотъ на этомъ не остановился.

Поэтому наиболѣе вѣроятнымъ становится, что, къ эпохѣ III-ьей редакціи Р. П., куна, выплачиваемая уже раньше 2 пенсами, или пфеннигами, или двумя половинками диргема, стала равна рѣзанѣ въ 1 пенни, а серебро къ этому времени вздорожало вдвое. Тогда только 50 пенсовъ-кунъ на денежную гривну кунъ будутъ въ то-же время равны по количеству металла $^1/_2$ гривны серебра, но при этомъ рѣзано-куна въ 1 пенни сохранитъ ту-же покупательную силу, какъ и прежняя рѣзана-диргемъ, а на ногату прійдется $2^1/_2$ этихъ новыхъ кунъ.

Въ концѣ концовъ, совпаденіе нашихъ переводовъ гривенъ серебра на рубли съ Погодинскими—чисто внѣшнее и какъ-бы случайное. Мы принимали гривны въ $37^1/_2$ и $46^1/_2$ золотниковъ, а среднее серебро въ лучшемъ случаѣ въ 84-ую пробу. Погодинъ оцѣнивалъ фунтъ серебра въ 20 рублей, то есть предполагалъ какъ бы $80^1/_2$ пробу, но зато опредѣлялъ новгородскую гривну кунъ въ $^1/_2$ ф. серебра, а кіевскую въ $^1/_2$ литры, то есть 38,4 золот., считаясь при этомъ съ серебряной валютой своего времени [1]) Для насъ ок. $^1/_2$ фунта, или ок. $^1/_2$ литры серебра—это гривны серебра, а не кунъ, а наши среднія нормы въ серебрѣ въ 7 р. 78 к. и 9 р. 64 к. мы считаемъ нужнымъ при теперешней золотой валютѣ и отношеніи серебра по цѣнности къ золоту, какъ 1:34,86 (вмѣсто отношенія, какъ 1:23,24, заложеннаго въ количествахъ чистаго металла на одинъ монетный рубль, то есть 17,424 долей золота и 405 долей серебра) уменьшить до $^2/_3$; тогда гривны 80, 16-ой

[1]) Изслѣдованія, т. VII, стр. 342—343, изд. 1856 г.

пробы надо цѣнить въ 5 р. 03 к. и 6 р. 24 к., а гривны 84-ой пробы въ 5 руб. 19 к. и 6 руб. 43 к. на *золотые* рубли и копѣйки. Погодинскія нормы для гривенъ кунъ можно получить и для нашихъ гривенъ серебра при серебрѣ теперешняго рубля 86, 4-ой пробы, исходя для Кіева отъ *гривны серебра въ 37 ½ зол.*, а для Новгорода *въ 46,87 зол.* Тогда эти гривны слѣдуетъ цѣнить дѣйствительно въ *8 и 10 нашихъ серебряныхъ рублей*, или въ *5 р. 33 ⅓ коп. и 6 р. 66 ⅔ коп. на золото*. Практически это будетъ наиболѣе удобное приближеніе. Гривну кунъ, начиная съ III-ьей ред. Р. П., надо, смотря по эпохѣ, исчислять вдвое, въ четверо и даже въ 7½ разъ дешевле такихъ гривенъ серебра, а ногату и рѣзано-куну брать уменьшенными по гривнѣ кунъ, начиная съ того времени, когда (III-ья редакція «Русской Правды») она уже ясно дифференцировалась отъ гривны серебра. Поэтому въ „Русской Правдѣ“ надо дѣйствительно различать три гривны:

1) Гривна серебра I-ой редакціи, очевидно южный слитокъ, только съ сѣверной Новгородской куной вмѣсто ногаты и со своей Кіевской куной въ 144 доли высокопробнаго серебра. Съ этой гривной I-ой редакціи серебра въ слиткѣ еще предполагаются равноцѣнными и въ дополненіяхъ II-ой редакціи денежныя суммы въ 25 кунъ и 50 рѣзанъ, выплачиваемыя монетой, хотя, въ зависимости отъ монеты, онѣ можетъ быть уже не всегда вытягиваютъ 37,5 золотн. пробнаго серебра.

2) Гривна (серебромъ или кунами) II-ой редакціи въ 25 кунъ, выплачиваемыхъ 50-ью серебрениками, по 2 на куну, то диргемами, то германскими денаріями-пфеннигами, то англо-саксонскими пенсами, то скандинавскими пеннингами. Въ международномъ обмѣнѣ гривна кунами, можетъ быть, уже принимается съ лажемъ, но на Руси въ сношеніяхъ съ государствомъ ея противоположеніе гривнѣ серебромъ по видимости еще не освящено закономъ или судебнымъ обычаемъ. А между тѣмъ съ замѣной арабскаго серебра западно-европейскимъ гривна въ 25 кунъ стремится по количеству содержимаго пробнаго серебра упасть до ½ гривны серебромъ.

3) Гривна кунъ III-ьей редакціи въ 50 кунъ или 50 рѣзанъ, безразлично выплачиваемыхъ 50-ью западно-европейскими серебрениками въ ½, ⅓ и даже ¼ диргема. Въ международномъ обмѣнѣ эта гривна кунъ по количеству серебра въ 50-и пенсахъ Этельреда II или Кнута, или въ 50 „пенязяхъ“ Етовъ и Готланда принимается за ½, за ¼ и т. д. гривны серебра въ слиткахъ. Но на Руси законъ или судебный обычай пока освятили такое расхожденіе гривны серебра и гривны-кунъ только до предѣловъ отождествленія куны съ прежней рѣзаной, то есть до отношенія 2:1. Поэтому и ногата III-ьей редакціи, выплачиваемая 2½ рѣзано-кунами, содержитъ пробнаго серебра по крайней мѣрѣ вдвое меньше, чѣмъ ногата II-ой редакціи, а именно не болѣе 90 долей при рѣзано-кунѣ до 36 долей серебра; только при

рѣзано-кунѣ III-ьей редакціи не въ диргемъ, а именно въ пенсъ, или полудиргемъ, на гривну кунъ, какъ ½ гривны серебра, можетъ идти 20 ногатъ.

Такая гривна кунъ III-ьей редакціи равноцѣнна, самое большее, съ 18,75 золотниками высокопробнаго серебра, но къ концу XII-го и началу XIII-го в. въ международномъ обмѣнѣ она приравнивается даже только 9,375 золотникамъ серебра въ слиткахъ. Въ теченіе XIII-го вѣка южная гривна кунъ должна была упасть до 5-и зол., а сѣверная гривна до 6,2 зол. слиткового серебра.

II.

Скала виръ—Славянская, Англо-Саксонская, Скандинавская, Варяго-Русская.

Начальная лѣтопись подъ 907 г. устами Олега отличаетъ Русь передъ Славянами съ оттѣнкомъ уничиженія для нихъ. Константинъ Багрянородный тоже противополагаетъ русскимъ названіямъ Днѣпровскихъ пороговъ—славянскія. Въ договорѣ Игоря съ Греками уголовная пеня опредѣляется „по закону Русскому", а „послы отъ рода Русскаго" въ числѣ полсотни носятъ здѣсь по преимуществу скандинавскія имена. Отсюда объясненія для „русскихъ" названій пороговъ стали съ успѣхомъ искать въ древне-скандинавскомъ языкѣ. Отсюда же вытекаетъ и вся постановка нашей задачи—путемъ сравненія „Русской Правды" съ славянскимъ и скандинавскимъ правомъ выдѣлить въ ней варяжскія вліянія на нормы виръ изъ исконной славянской основы ея уголовныхъ законоположеній [1]).

Отъ уголовнаго права другихъ славянскихъ народовъ „Русская Правда" прежде всего отличается тѣмъ, что она не знаетъ безспорно славянскаго названія для пени за убійство, идущей князю, и прикрываетъ ее м. б. заимствованнымъ словомъ „вира". Корень этого слова встрѣчается во многихъ индоевропейскихъ языкахъ въ значеніи мужа, но и самое слово wer (мужъ), и производныя отъ него were (вира) и wergield (плата за убійство мужа) встрѣчаются рядомъ только въ англосаксонскихъ законахъ, и притомъ всѣ три термина безразлично въ смыслѣ какъ виры (наряду съ wite), такъ и головничества (наряду съ bot). Напротивъ, въ сербо-хорватскомъ правѣ для того отношенія ненависти или затяжной ссоры, которое устанавливается между домами

[1]) Для порядка наслѣдованія въ области какъ гражданскаго, такъ и общественнаго права такую-же постановку изслѣдованія мы развили въ статьяхъ «Порядокъ Престолонаслѣдія у Древне-Норвежскихъ конунговъ» (въ «Сборникѣ» имени В. О. Ключевскаго, 1909—1910 г.г.) и «Das Erbfolgerecht bei den altslavischen Fürstenhäusern» (въ Archiv für Slav. Philol., B. 34. 1912—3 г.).

убитаго и убійцы, употребляются славянскія названія „вражда“ или „вражба“; подъ этимъ словомъ позднѣе разумѣется и всякій откупъ, платимый за убійство, какъ головничество, идущее родичамъ убитаго, такъ и вира для короля, или общины. Такой „враждѣ“, въ смыслѣ непріязни изъ за убійства, у германцевъ соотвѣтствовала фэда, или фэде (др.-врх.-нѣм. fêhida, англо-сакс. faehdhe, у лангобардовъ faida). Этотъ терминъ распространялся затѣмъ на ту часть всего вергельда, всего выкупа за убійство, которая уплачивалась родичамъ, а доля короля называлась тогда „фридой“, или фредусомъ, то есть взносомъ за возстановленіе нарушеннаго мира (fridu, fretho).

Слѣдуя плану изслѣдованія, надо для начала установить основныя черты уголовнаго права славянъ, какъ по юридическимъ памятникамъ отдѣльныхъ племенъ, такъ и по тѣмъ совпаденіямъ въ ихъ нормахъ, которыя могутъ быть выдѣлены, какъ исконный общеславянскій обычай. По ясности текста и по архаичности уголовныхъ законоположеній первое мѣсто принадлежитъ тутъ хорватскому статуту Винодола, записанному въ 1288 году [1]). Исходной точкой можетъ служить § 31: если кто убилъ кмета, то есть крѣпостного по землѣ, тотъ подпадаетъ „осуду“, то есть „уроку“ родичамъ убитаго въ 100 либръ, да 2 либры платитъ общинѣ, вѣроятно той, гдѣ совершено убійство. Изъ этой сотни либръ половина идетъ дѣтямъ убитаго, а половина остальной роднѣ, вѣр. племени, или колѣну-братству. „Осудъ“ платитъ самъ убійца, но родичи очевидно помогаютъ ему до половины взноса. Поэтому, если убійца бѣжитъ, то эта болѣе отдаленная родня („ближика“, мн. чсл. „бл—и“, члены племени-братства) платитъ только половину осуда, надо думать, ближикамъ убитаго, а вторую половину вносятъ прямые наслѣдники убійцы, члены дома, кучи, вѣроятно дѣтямъ убитаго. Такой откупъ отъ мщенія за убійство кромѣ осуда называется здѣсь-же и „вражбой“. Въ то время, пока убійца находится въ бѣгахъ, его родичи могутъ пойти и на мировую сдѣлку съ племенемъ-братствомъ убитаго, то есть учинить „направу“, можетъ быть на болѣе легкихъ для нихъ условіяхъ, чѣмъ уплата полной вражбы. Однако, если убійца пойманъ до вноса вражбы его кучей и братствомъ-племенемъ и до заключенія полюбовной сдѣлки, то онъ подвергается наказанію („мащени“, или „машченье“), то есть по видимости даже смертной казни взамѣнъ кровной мести; дальняя родня его тогда освобождается отъ уплаты половины вражбы-осуда, но наслѣдники, можетъ быть, все-таки вносятъ причитавшуюся съ нихъ половину.

---

[1]) Ради удобства я цитую славянскіе законодательные памятники по «Своду законовъ славянскихъ» Герм. Иречка (Прага, 1880), но пользуюсь каждымъ въ лучшемъ изъ доступныхъ мнѣ изданій. Такъ для «Закона Винодольскаго» использовано изданіе В. В. Ягича 1880 г.

Если кто убилъ мужа изъ княжьяго двора, то въ сущности и онъ, и его имущество, и все его племя попадаютъ во власть князя на гнѣвъ и милость. Князь по произволу назначаетъ размѣръ вражбы, половину которой беретъ съ племени убійцы, а половину, очевидно, съ кучи и имущества самого „злодѣя“, а это при желаніи можетъ свестись почти къ конфискаціямъ. Пойманному убійцѣ князь можетъ мстить любой карой (§ 23). Если кто покусится изъ засады на жизнь кого либо изъ княжьихъ мужей, то платитъ князю 50 либръ, за нанесеніе побоевъ или ранъ кому либо изъ нихъ вноситъ половину, то есть 25 либръ, за причиненіе увѣчья подлежитъ „осуду“ по произволу князя. Однако, скала въ 25 и 50 либръ какъ-бы указываетъ на обычную норму осуда въ 100 либръ, какъ и за кмета (§ 30). Даже знахарка, изготовляющая яды, которой за первый-же разъ грозитъ сожженіе, если ей нечѣмъ платить, можетъ откупиться сотней либръ въ пользу князя (§ 59). Вообще, это общее правило, что, если преступнику нечѣмъ заплатить осудъ или пеню, то князь воленъ распоряжаться его жизнью и личностью, какъ угодно (§ 74). Только разбойника во время грабежа ночью, у себя дома можно убить безнаказанно (§ 71).

Частно-правовой взглядъ на уголовныя преступленія и порука общины за своего члена подробнѣе разработаны въ болѣе позднемъ Полицкомъ статутѣ по записи 1400 года[1]). Преступленіе противъ личности теоретически разсматривается здѣсь, какъ установленіе отношеній займа и долга между виновнымъ зачинщикомъ и пострадавшимъ безъ всякаго повода съ его стороны. Въ „Законикѣ“ сербскаго царя Стефана Душана частно-правовой взглядъ на уголовныя дѣянія сказывается въ названіи преступленія „долгомъ“. Такъ для зависимыхъ людей, „отроковъ“ (полухолоповъ), ихъ тяжкія преступленія, какъ убійство, воровство, разбой, вообще, гдѣ платится вражда, составляютъ ихъ долги царю, и за нихъ они должны предстать передъ судьями, а ихъ мелкіе проступки другъ противъ друга—это ихъ частные долги другъ другу, по которымъ они судятся передъ своими господами („за свое дльговѣ, а за царевѣ“ [2]). Напротивъ, въ Полицкомъ статутѣ такой-же частно-правовой взглядъ создалъ для преступленія названіе ссуды, „заим“, такъ какъ „заимити“ по хорватски значитъ и давать взаймы, и занимать. Тогда талiонъ, или мщеніе, по преимуществу, тождественнымъ дѣйствіемъ, становится какъ-бы возвратомъ ссуды виновному зачинщику лицомъ, раньше пострадавшимъ отъ него. Вообще это въ духѣ нашихъ русскихъ оборотовъ—„не замай,

---

[1]) У насъ подъ руками только изданія Г. Иречка и М. Месича. Въ 1400 году возникла самая ранняя запись статута, но записаны были старые законы и обычаи («како вели стари законь и обычаи»). Однако, въ рукописи, воспроизводившей въ 1665 г. старый статутъ 1400 г., есть конечно дополняющія вставки отъ 1476, 1480, 1485, 1576 г.г.

[2]) По изданію Новаковича 1898 года § 103.

не заимай", „взаимная" обида. Поэтому, при каждомъ преступленіи противъ личности, для Полицкаго статута первый вопросъ, было ли тутъ „заимито" или „не заимито"? Иначе, является ли преступное дѣйствіе мщеніемъ за подобное же правонарушеніе, совершенное раньше, или же для него не было никакого повода и оно само даетъ основаніе для новой πεῖσις, „пизмы", то есть злобы, жаждущей возмездія? Разберемся-же въ статьяхъ Пол. Ст., считающихся съ частноправовой точкой зрѣнія на преступленіе, какъ на дѣйствіе, создающее только новое долговое обязательство между виновнымъ и пострадавшимъ, или погашающее раньше существовавшій долгъ.

Такова статья 62-ая. Если какой либо „племенитый" поличанинъ, то есть свободный землевладѣлецъ на полномъ правѣ собственности въ полицкой общинѣ, ухватилъ племенитаго-же человѣка за волосы и бросилъ его на землю, то за таковую причиненную тому срамоту долженъ уплатить ему „живую вражду", то есть „урокъ" въ 120 либръ за преступленіе безъ совершенія убійства, разумѣется, если со стороны пострадавшаго не былъ раньше поданъ поводъ нанесеніемъ такой же обиды («рекши незаимито») и не было никакой другой подобной причины для злобы. Такъ, если пострадавшій первый схватилъ или рвалъ своего противника за бороду («скубати», «скубсти»), то обида взаимная («у заиму»), и вина на томъ, кто началъ.

Таковы статьи 53-ья и 52-ая. Если чужакъ убилъ поличанина, и не былъ ему на то данъ поводъ предыдущимъ убійствомъ («презь заимито»), то Полицкая община, какъ братство убитаго (брацки), должна преслѣдовать убійцу. Если-же убійство совершено ради кровной мести («за придну пизму»), то Полицы не имѣютъ права на преслѣдованіе виновника его. Если поличанинъ убилъ чужака въ отмщеніе прежняго убійства („за кровь придну"), то Полица должна взять на свою отвѣтственность и защищать это дѣло. Если-же для убійства и мщенія не было повода («незаимито»), то это дѣло на отвѣтственности того, кто убилъ.

Такова-же ст. 57-ая. Если одинъ убилъ другого, когда они оба боролись и бились другъ съ другомъ, и не было у убитаго повода для отмщенія предшествовавшаго безпричиннаго убійства лицу, пострадавшему теперь («небудучи била у тому—и кровь придна незаимита») и никакой другой подобной причины, то за таковую „кровь мертвую или живую", то есть за такое убійство или нанесеніе ранъ, платитъ община Полицъ. Здѣсь рѣчь идетъ о случайномъ убійствѣ во время ссоры и схватки, а потому Полицы, какъ община, платятъ родичамъ убитаго за это преступленіе въ силу круговой поруки между членами общины или какъ-бы въ силу начала взаимнаго страхованія отъ платы за ненамѣренное убійство или случайное нанесеніе ранъ. Тѣмъ самымъ она предупреждаетъ и осуществленіе кровной мести среди своихъ гражданъ.

Наконецъ, сюда идетъ и ст. 65-ая. Если кто либо учинилъ надъ кѣмъ разбой, или ограбилъ на дорогѣ, или въ другомъ мѣстѣ, или устроилъ ему засаду, хотя за пострадавшимъ не числилось передъ нимъ никакой вины („небудучи му кривь)“, то преступникъ долженъ уплатить „осудъ“ въ 100 либръ, 50 истцу, какъ тяжущейся сторонѣ („по страни“), и другой такой-же половинный осудъ Полицкой общинѣ [1]), а раньше обязанъ еще вернуть пострадавшему отнятое у него добро. Если же нападающій убилъ свою жертву на мѣстѣ, то долженъ, какъ при обыкновенномъ преднамѣренномъ и злостномъ убійствѣ („ашашиньство“), уплатить двѣ вражды, то есть очевидно по 240 либръ, по полной „мертвой враждѣ“ родичамъ и судившей власти въ 240 за „мертвую кровь“. Но, если подвергшійся разбою или грабежу, оборонялся и при этомъ убилъ нападавшаго, то это оплатятъ Полицы.

Основныя нормы Полицкаго ст., опредѣляющія убійство («крвь») и наказанія за него, различаютъ нѣсколько видовъ этого преступленія, сообразно съ мотивами убившаго и его близостью къ убитому. Кто убьетъ родного брата, тотъ болѣе не поличанинъ, а его доля въ недвижимомъ имуществѣ племени, въ «племенщинѣ» достается родичу, который наслѣдовалъ-бы ее въ случаѣ смерти убійцы. Если такой убійца окажется въ Полицахъ, то вся Полицкая община можетъ искать его головы. Кто убьетъ болѣе дальняго брата, того караютъ сообразно его близости къ убитому. Кто убьетъ родича, чтобы воспользоваться послѣ него наслѣдствомъ въ племенщинѣ, тому отнюдь не должна доставаться эта доля изъ собственности племени. Кто убьетъ кого либо намѣренно и злостно („Закономъ ашашиньскимъ“ § 56), или обманомъ, или изъ засады, или при деньгахъ и вещахъ, или вообще ради какой либо корысти, или, убивши, оберетъ его, то за это берутся вражды, а именно двѣ (по § 65 [2]), то есть, значитъ, по 240 либръ (по § 55-му); если-же смогутъ схватить самого убійцу, то его вѣшаютъ, или четвертуютъ, будь онъ поличанинъ или чужакъ.

---

[1]) По аналогіи съ пропорціональнымъ распредѣленіемъ поней въ Винодольскомъ статутѣ (§ 30) и въ виду того, что въ концѣ § 65 Полицкаго ст. говорится о двухъ враждахъ, я предпочелъ здѣсь понимать: «дужань е осудом либарь р.: по (поль) страни, а друга по (ль) опчини поличкой», то есть за разбой и засаду платится разбойный осудъ по § 68, отъ котораго половина въ 50 либръ идетъ истцу, а другая Полицкой общинѣ, но въ случаѣ смерти пострадавшаго берется двойная мертвая вражда по 240 либръ судившей власти и роднѣ.

[2]) Въ § 65 словами „дви вражди, како е згора приа писано од ашашиньства“ и словами „по страни, а друга по опчини“ вносятся толкованія въ § 56 о „законѣ ашашиньском“, а именно, что здѣсь „да ги имаю пойти вражди“ обозначаетъ двѣ мертвыя вражды по 240 либръ судящей власти и „страни“, т. е. роднѣ убитаго. Размѣръ всего откупа въ 480 либръ, то-есть 4 живыя вражды, не можетъ смущать насъ, такъ какъ, по §§ 37—38, за увѣчье на одинъ какой либо членъ платится одна живая вражда, а при искалѣченіи двухъ и болѣе членовъ требуется по 4 и по 5 живыхъ вражды, то есть болѣе чѣмъ за убійство злостное. Это оправдывается соображеньемъ, что «ере е горн и тежи човику зао живот, него смрт, ка се едном човику учини».

Отъ этихъ тяжкихъ преступленій Полицкій статутъ отличаетъ случайное убійство, или убійство при самозащитѣ, или при оборонѣ своей собственности, или изъ мщенія за предыдущее убійство. Если кто съ кѣмъ либо затѣялъ ссору и драку („се свадити“) и убилъ одинъ другого, то цѣна („е тому-и цина“) за такую „мертвую кровь“ по старому закону 240 либръ (§ 55). Но, если кто засталъ вора („лупежъ“) у своего добра или у имущества какого либо поличанина и убьетъ вора во время кражи или увода, или если кто убьетъ разбойника („гусар“), обороняясь отъ его удара («се брани»), то за такихъ убійцъ платитъ Полицкая община. Наконецъ, если чужакъ убилъ или ранилъ чужака въ Полицахъ, то Полицкая община не мѣшается въ это дѣло («се неимпачаю» отъ итальянскаго impacciarsi).

Итакъ, изъ сопоставленія статей объ убійствѣ, изложенныхъ въ Полицкомъ статутѣ вразбивку, мы вправѣ возстановить стройную схему. Всякое насиліе, оканчивающееся смертью пострадавшаго, признается мертвой кровью и оплачивается въ пользу тяжущейся стороны, то есть родни убитаго, одной „мертвой враждой“. Однако, если такое убійство совершено не просто въ схваткѣ и дракѣ, а злостно, съ корыстной цѣлью, при разбоѣ, то, сверхъ одной мертвой вражды родичамъ убитаго, убійца долженъ уплатить еще и вторую „вражду“ въ 240 либръ той власти, которая судитъ. За насиліе, не влекущее за собой смерть, виновный уплачиваетъ пострадавшему „живую вражду“ въ 120 либръ. Всякій другой „Осудъ“, какъ напримѣръ, за разбой, за починъ драки („тко учини меусобщину“), за брань (§§ 9, 68, 151) дѣлится пополамъ между истцомъ и общиной, если судитъ ея сходъ, съ уплатой десятины приставу[1]).

Разумѣется, что цѣлую скалу пеней можно отвлечь только отъ статей о ранахъ и увѣчьяхъ. Тутъ важна статья 37-ая: если кто кого

---

[1]) Слова § 62 „дужан му е живом враждом“ указываютъ, что 120 либръ идутъ пострадавшему. Но тутъ могъ, вѣроятно, взыскиваться еще и осудъ въ пользу судившей власти за начинъ ссоры или драки, а именно въ 25 либръ по §§ 33—34. Толкованіе, что мертвая кровь оплачивается двумя живыми враждами, то есть всего только 240 либрами, идущими въ раздѣлъ по 120 либръ, было бы мало правдоподобнымъ для злостнаго убійства. Даже и при убійствѣ въ ссорѣ и схваткѣ вѣроятнѣе принять осудъ за починъ въ 25 либръ рядомъ съ „цѣной“ убійства въ 240 либръ. Впрочемъ, и при такихъ толкованіяхъ останется на лицо фактъ, которымъ мы здѣсь дорожимъ, а именно, что судившей власти идетъ отъ злостнаго убійства доля во враждѣ, равная съ вознагражденіемъ роднѣ убитаго.

Въ Полицахъ кромѣ избраннаго „кнеза“ есть еще 3 присяжныхъ судьи («судци заклетвени») отъ племенъ, далѣе народные присяжные судьи (ротники), наконецъ собраніе общины («збор»). Правила о раздѣлѣ „свакога осуда“ между ищущей стороной и судящей властью общѣе всего сведены въ статьѣ 153-ьей: если тяжба разбирается передъ кнеземъ, то половина осуда идетъ кнезу и судьямъ; если судятъ ротники, то имъ; если «збор», то общинѣ. Въ §§ 2, 3, 9-омъ даны частные случаи этого общаго правила, которые могутъ быть такъ или иначе примирены съ нимъ Наприм. въ § 2 новая подробность, что иногда отъ осуда, къ которому приговариваютъ кнезъ и судьи, имъ идетъ лишь половина, а вторая общинѣ.

нибудь изломалъ („окластити“ какъ будто бы отъ греческаго «класт», κλάω) и сдѣлалъ увѣчнымъ („маганатань“ отъ итальянскаго magagnare) на одну руку, или ногу, или одинъ глазъ, то за каждое такое увѣчье уплачивается по враждѣ, то есть по 120 либръ. Это очевидно «живая вражда» за «живую кровь», то есть поврежденіе безъ смертельнаго исхода. Поэтому, сравнительно съ «мертвой враждой» въ 240 либръ, ее приходится разсматривать, какъ половинную [1]). Если не дѣйствуютъ два такихъ члена („манкала“ отъ итал. mancare), то платится вдвое, если три, то втрое и т. д. Утрата пальца цѣнится въ полъ руки (понимаю „пол“ въ „по руке“), то есть 60 либръ, а остальные 4 пальца въ другую половину руки, то есть тоже 60 либръ. Гдѣ отсѣченъ носъ, тамъ слѣдуетъ прежде всего за рану по закону 50 либръ, а за изуродованье лица („огрубление образа“) еще столько-же до 100 либръ. (§§ 37, 38, 40, 44). Дѣйствительно, за рану, нанесенную оружіемъ или инымъ путемъ, коли рану покрываетъ одежда, вносится 25 либръ, а за рану на лицѣ или на рукѣ, не покрываемую одеждой, 50 либръ. Кромѣ того зачинщикъ такого боя платитъ 25 либръ. Столько же платится и за зачинъ („затачь“) драки, а за слѣды побоевъ или синякъ („модрица“) сверхъ того 5 либръ (§§ 33—36).

Итакъ, въ Полицкомъ статутѣ встрѣчается скала пеней изъ простой сотни и ея частей (5, 25, 50, 100 либръ) и скала съ большой сотней (60, 120, 240). Отъ всякаго уголовнаго „осуда“ половина идетъ обиженной сторонѣ, истцу, половина судящей общинѣ, а приставу десятина (§ 151). Если-же истецъ кметъ и имѣетъ надъ собой господина, то одна половина слѣдуетъ господину, а другая ему самому, какъ обиженной сторонѣ („страни“). Пеню въ 60 либръ знаетъ и статутъ острова Крка, или Вельи по записи 1388 г. За кражу верхового коня или вола воръ платитъ 60 либръ, изъ которыхъ половина идетъ собственнику животнаго, а другая дѣлится между тремя князьями острова. Но далѣе здѣсь идетъ очень причудливая вереница пеней за кражу внѣ дома съ числами, не укладывающимися въ скалы большой или малой сотни [2]). За кражу изъ дома собственнику уплачивается двойная стоимость похищеннаго, а кромѣ того при кражѣ на сумму отъ 10 до 25 либръ взыскивается осудъ въ 12 золотыхъ цехиновъ, идущій въ раздѣлъ по указанному уже правилу. Кто укралъ свыше, чѣмъ на 25 либръ, долженъ въ 15 дней внести 50 либръ, или ему отрубается какой либо

---

[1]) Въ § 65 слова «дви вражди, како е згора приа писано од ашашиньства», повторяемъ, указываютъ на § 56, по которому «Закон ашашиньски» таковъ: «да туи имаю поити вражди». По § 55-му старый законъ оцѣниваетъ «мертвую кровь» именно въ 240 либръ. Напротивъ, по §§ 37' и 62 живая вражда—120 либръ.

[2]) За жеребца, кобылу, молодого бычка или корову 36 либръ, за осла или ослицу 27 либръ, за однозимняго ослика, однозимнихъ теленка или кобылку 13½ л., за взрослую овцу или козу 9 л., за овцу или козу свыше года—48 сольдиновъ, за ягненка или козленка 36 сольд., за курицу или пѣтуха 27 сольд. (Arkiv za Povestn. Jugoslav. Кн. II. 1852).

членъ тѣла. Кто укралъ цѣною свыше 50 либръ, подлежитъ повѣшенію; собственнику похищенное всегда возмѣщается вдвое. Вообще, если за первую или вторую кражу вору нечѣмъ платить, то ему отрубается какой либо членъ тѣла, а за третью онъ вѣшается.

Ознакомленіе съ сербскимъ уголовнымъ правомъ удобнѣе всего начать съ поздняго, но наиболѣе полнаго памятника, „Законика“ царя Стефана Душана, хотя на немъ и отразилось вліяніе византійскаго законодательства. Убійству посвящены здѣсь статьи 86—87 и 94—96 по изданію Новаковича. Гдѣ случилось убійство, кто вызвалъ на него, задѣлъ первый («зарвал»), тотъ и виноватъ (јест крив), хотя бы и былъ убитъ. Очевидно, что убившій зачинщика не отвѣчаетъ. Кто ненарокомъ, «грѣхомъ» учинилъ убійство, платитъ 300 перперъ; кто его совершилъ нарочно (нахвалицом), тому отрубаютъ обѣ руки. Здѣсь, вѣроятно, рѣчь идетъ только объ убійствѣ между простыми людьми, или по крайней мѣрѣ между равными. Напротивъ, кто убилъ епископа, монаха или попа, тотъ убивается и вѣшается. Кто убьетъ отца, мать, брата или свое чадо, тотъ сожигается. Если представитель высшаго слоя знати, „властелинъ“ убьетъ простого человѣка, „себра“ въ городѣ, въ сельской волости (у жупе) или въ лѣсистыхъ горахъ въ загонахъ для скота (у катуну), то есть въ земледѣльческомъ селѣ или пастушескомъ поселкѣ, тотъ платитъ тысячу перперъ. Если „себар“ убьетъ властелина, то ему отрубаются обѣ руки, и онъ платитъ 300 перперъ. Убійство шло всегда на судъ царскихъ судей [1]). О вознагражденіи семьѣ убитаго или о полюбовной сдѣлкѣ, замиреніи между семьями убійцы и убитаго, въ „Законикѣ“ Душана ничего не упоминается, но, можетъ быть, просто потому, что это разсматривалось, какъ частное дѣло.

Итакъ, для наличности преступленія нужна, по „Законику“, злая воля. Напримѣръ, различаются потравы (попаша) „грѣхомъ“, случайно, и „нахвалицомъ“; въ послѣднемъ случаѣ при наличности намѣренія сверхъ вознагражденія уплачиваются еще шесть воловъ (§ 76). Дозволительно убійство и при самооборонѣ, гдѣ „зарва“ составляетъ вину противника. Но и при проявленіи злой воли кара различна, смотря по объективнымъ послѣдствіямъ проступка. Такъ, если пьяный нападетъ, ударитъ кого либо, или нанесетъ рану; или окровавитъ, но не убьетъ до смерти, то ему выкалываютъ глазъ и отсѣкаютъ

---

[1]) Это видно, сверхъ статей 103 и 192, еще и изъ ст. 183-ьей по Призренской рукописи: «Станици вьси царства ми да гредоу прѣдъ соудіе, што имаю судь мегю собомь, за враждоу, за гусара, за тата, за прѣемъ людіи, за крьвь, за землю». Такъ какъ среди «долговъ» передъ царемъ здѣсь упомянуты отдѣльно разбой, кража, переманиваніе чужихъ людей, убійство, то для вражды остаются такія преступленія, какъ выкапываніе погребенныхъ покойниковъ. «Станьникъ», то есть пастухъ, овчаръ, по другой рукописи «посадникъ», вѣроятно, здѣсь вообще парикъ, то есть поселенецъ, зависимый отъ господаря, отъ властелина по инымъ тяжбамъ. «Станъ»—мѣсто дойки овецъ, загонъ. Неупомянута здѣсь еще «невѣра», то есть измѣна.

руку; но если онъ задѣнетъ кого либо вызывающимъ оскорбленіемъ, наприм. сброситъ ему шапку, но не окровавитъ, то ему даютъ сто палокъ и сажаютъ въ тюрьму. (§ 166). „Вражда“ въ Законикѣ обозначаетъ уже вообще тяжкую кару за различныя преступленія. Такъ, если гдѣ либо люди вынимаютъ мертвыя тѣла изъ гробовъ „съ вльховствомъ“ и ихъ сжигаютъ, то такое село платитъ «вражду“ (§ 20). Здѣсь рѣчь идетъ о вѣрѣ въ волховство и истребленіи «вукодлака», то есть вампира. Если присяжные народные судьи своей клятвой оправдали такого обвиняемаго, который потомъ могъ быть уличенъ поличнымъ, то виновные „поротники“ платятъ по тысячѣ перперъ [1]); многія рукописи „Законика“ и эту пеню называютъ враждой. Можетъ быть, это случайность, но какъ разъ виры за убійство въ 300 и тысячу перперъ не называются въ „Законикѣ“ враждой [2]).

Новаковичъ очевидно опирается на ясное свидѣтельство статутовъ Дубровника въ „Спомениці Сръбски“ князя Медо Пуцича объ обычаѣ вражды, господствовавшемъ въ отношеніяхъ между дубровничанами и сербами еще до 1308 года, а именно, что, если гражданинъ Рагузы убьетъ славянина, или славянинъ рагузанца, то уплачивается пеня „вражда“ въ пятьсотъ иперперовъ („pro paena urasda ipros 500“). Для этой нормы можно найти подтвержденія и въ сербскихъ хрисовулахъ. Такъ Стефанъ Урошъ II Милютинъ въ 1326 г. даетъ дубровничанскимъ купцамъ привиллегію на свободную, безпрепятственную торговлю въ земляхъ своего королевства; кто имъ причинитъ какой либо вредъ, тотъ подвергается гнѣву и карѣ краля (да приме гнѣвь и наказание одь кралевьства ми) и платитъ ему 500 перперъ. Однако, царь Урошъ (Стефанъ Урошъ IV), освобождая въ 1360 г. дубровничанъ отъ вновь установленныхъ пошлинъ и объявляя измѣнникомъ (невѣрникь) всякого, кто нарушитъ эту привиллегію, опредѣляетъ за такое преступленіе пеню въ тысячу перперъ. Причину колебаній въ нормѣ тѣхъ пеней, которыя заслуживаютъ названія вражды,

---

[1]) § 154. Въ виду значительности суммы и возможности со стороны поротниковъ ошибки или небрежности мы склонны «по тысячѣ» отнести ко всей той части пороты, которая большинствомъ своихъ клятвъ оправдала обвиняемаго, а не къ каждому поротнику въ отдѣльности. По ст. 151 по крупнымъ преступленіямъ клянутся 24 поротника, по меньшимъ преступленіямъ 12, по мелкимъ дѣламъ 6. Ихъ обязанность своей клятвой «оправити или окривити»; большинство клятвъ, приносимыхъ въ церкви передъ священникомъ, рѣшаетъ дѣло.

[2]) Новаковичъ старую вражду, какъ традиціонную пеню за убійство, принимаетъ въ 500 перперъ, а въ ст. 183 переводитъ „вражду“ какъ „накнаду због убиства“, то есть вознагражденіе за убійство. Конечно въ § 20 размѣръ вражды не опредѣленъ, и тысячу перперъ можно считать двойной враждой. Но, если подъ враждой въ § 183 подразумѣвать плату за ненамѣренное убійство въ противоположность „крови“, то она 300, а не 500 перперъ. Если же подъ „накнадой“ понимать частное вознагражденіе семьѣ убитаго или дикую виру, платимую селомъ „за убиство не проначено“ (въ § 103), въ случаѣ невыдачи убійцы, то на эти явленія въ „Законикѣ“ нѣтъ прямыхъ указаній. См. Monumenta Serbica, въ особенности Additamenta и „Спомениці Сръбски“, II, стр. 151.

надо м. б. искать въ одномъ указаніи хрисовула Стефана Уроша II отъ 1322 г. для церкви въ Грачаницѣ. Въ числѣ пожалованій церкви здѣсь отмѣчено, что въ случаѣ, если церковные люди судятся въ королевскомъ судѣ, то „глоба", то есть пеня, все таки идетъ церкви. Приэтомъ за „мѣхоскубину", то есть вырываніе волосъ, платится 6 динаріевъ, «а чловѣкь кои краде црьквь и враждоу оучини, що рече господинь краль». [1]) Итакъ, если краль опредѣляетъ размѣръ вражды, то этимъ и объясняется, почему въ «Законикѣ» ея норма не указана.

Въ «Законикѣ» есть пени и помимо вражды, при чемъ простолюдинъ сверхъ пени подвергается еще тѣлесному наказанію. Такъ, по § 55, если «себар» облаетъ (опьсовати) властелина, то пусть платитъ 100 перперъ и пусть его обожгутъ, м. б. его рѣсницы или брови, а если человѣкъ высшей или низшей знати, властелинъ или властеличичъ обругаетъ себра, то лишь платитъ 100 перперъ. И здѣсь особенно тяжкой обидой считалось оскубти или оскубать кого либо, то есть рвать его за волосы или выщипывать бороду. Кто вырветъ (искуб) бороду властелину или кому либо отъ лучшихъ людей (добру чловеку), тому отсѣкаютъ обѣ руки. Если оскубетъ себръ себра, то платитъ 6 перперъ „мехоскубины" [2]). За налетъ верховыхъ („најезда") берутся всѣ кони, на которыхъ сдѣланъ наѣздъ, и половина ихъ идетъ царю, а половина пострадавшему.

Душановъ «Законикъ» знаетъ и круговую поруку—какъ большой семьи, или братства-племени, такъ и села, околицы или даже самого властелина села. Если кто причинитъ зло, братъ, или сынъ, или родичъ, изъ тѣхъ, которые всѣ вмѣстѣ живутъ въ одной кущѣ, или «кучѣ», то есть домѣ, пусть за все заплатитъ господарь кучи, то есть старѣйшина, или домачинъ, или пусть дастъ тотъ самъ, кто совершитъ зло. (§ 71). Это-же законоположеніе повторяется въ § 52 въ отрицательной формѣ по отношенію къ «невери», то есть измѣнѣ. При невѣрѣ ни братъ за брата, ни отецъ за сына, ни родичъ за родича ничего на платятъ, если живутъ въ своихъ отдѣльныхъ отъ виновнаго кучахъ и сами не участвовали въ его преступленіи, а платитъ только тотъ, кто совершилъ грѣхъ, и его куча Село отвѣчаетъ за поджигателей, воровъ и разбойниковъ въ своей средѣ. Если кто поджегъ избы, или гумно, или солому, или сѣно въ селѣ, то пусть село выдастъ поджигателя или платитъ за него то, что слѣдовало-бы заплатить самому преступнику. Если поджогъ сѣна или гумна совершенъ внѣ села, то платитъ вся округа (околина) или выдаетъ винов-

---

[1]) По святостефанскому хрисовулу Стефана Уроша II Милютина (ок. 1314—1318 г.г.) за кражу внутри церкви, хотя бы восковой свѣчи, полагается разореніе дома вора: „да му се кушта расе". (Споменик, IV, 1890).

[2]) Новаковичъ проявляетъ здѣсь излишнюю, по видимости, щепетильность, когда уклоняется отъ пониманія этого термина въ смыслѣ „выщипыванія мѣха".

ника (ст. 99—100). Село, въ которомъ найденъ воръ или разбойникъ, должно быть разселено (се распе), «гусаря» пусть повѣсятъ внизъ головой, вора-же ослѣпятъ, а «господарь» этого села, то есть владѣющій имъ и живущій въ немъ властеличичъ, связаннымъ приводится къ царю, самъ карается, какъ воръ и разбойникъ, но раньше возмѣщаетъ пострадавшимъ весь убытокъ, нанесенный татемъ или гусаремъ. Эта отвѣтственность распространялась и на прикащиковъ (владалац, предстајник) князей, властелиновъ и церкви, обладавшихъ селами, и даже на самихъ князей (кнезове, ст. 145—147). Дикая вира не упоминается въ «Законикѣ», но его изслѣдователи пытаются обосновать ее по аналогіи и вычитываютъ изъ ст. 199-ой о томъ, что за коня у села, павшаго волей Божьею, село ничего не платитъ, если оно его не убивало и не гоняло.

Отъ «Законика» Душанова обращаемся теперь къ памятникамъ, предшествовавшимъ ему, или записямъ болѣе позднимъ. Вражда упоминается уже съ половины XIII-го вѣка, въ царствованіе Стефана Уроша I (1243—76) при дарованіи имъ привиллегій купцамъ Рагузы, или Дубровника. Если зависимый человѣкъ («дѣтикь» очевидно тоже, что «отрокь» рядомъ) совершитъ убійство, то господинъ долженъ выдать его или заплатить вражду. За убытокъ, причиненный преступленіемъ близъ села, платитъ это ближайшее село, а, если оно не платитъ, то самъ краль. «Осудь» встрѣчается въ договорѣ боснійскаго бана Стефана съ Рагузой отъ 1332 г. Если въ Боснѣ дубровчанинъ убьетъ или ранитъ босняка, или наоборотъ, то судитъ ихъ банъ, и бану идетъ «осудь» съ нихъ; но если ссора эта (свада) была въ Дубровникѣ, то судятъ Рагузскій князь съ судьями, а пеня (глоба) идетъ общинѣ Дубровника. Если воръ или разбойникъ (хусарь) похититъ что либо у дубровчанина во владѣніяхъ бана, то пусть вознаградитъ пострадавшаго, а бану пусть каждый заплатитъ по шести воловъ за свою голову [1]). Собственно для Сербіи первыя обстоятельныя свѣдѣнія о «враждѣ», какъ пенѣ именно за убійство, даны въ переговорахъ 1308 г. между кралемъ Милютинымъ и рагузанскимъ comes'омъ [2]). По старымъ договорамъ между Сербіей и Рагузой за убійство дубровничаниномъ серба и обратно грозила кара «вражды». Одинъ рагузскій графъ хотѣлъ было по венеціанскому обычаю и статуту казнить дубровничанина, убившаго серба. Граждане Дубров-

---

[1]) Mikl., Monum. Serb. [2]) Новаковичъ, Весничъ, Джоричъ даютъ ихъ въ выпискахъ изъ документовъ Пуцича отъ 1862 г. Дубровчане сообщаютъ дожу объ «antiqua consuetudo vrazde». Дожъ называетъ смертную казнь «justitiam, quae Deo et hominibus et toto mundo amabilis est», а именно «quod ipsum homicidam mortis supplicio puniret.» или «punire morte pro morte». Король Милютинъ (Стефанъ Урошъ II 1282—13..) отвѣчалъ „quod nolebat spargere sanguinem suorum, sed volebat servare et tenere antiquam consuetudinem vrasdae praedecessorum suorum et suam ... quia hoc etiam firmaverit per sacramentum». Пуцичъ, II, стр. 152.

ника стояли за прежній порядокъ и черезъ комеса сдѣлали представленіе дожу, желая, чтобы тотъ поддержалъ старый обычай вражды. Дожъ предписалъ обратиться къ сербскому королю Стефану Урошу II Милютину и просить его одобрить нововведеніе смертной казни; тогда и рагузскій графъ за убійство славянина (Sclavus) сталъ-бы карать смертью дубровничанъ. Краль Милютинъ не захотѣлъ проливать кровь своихъ подданныхъ и высказался за старый обычай „вражды", свой и своихъ предшественниковъ, тѣмъ болѣе, что онъ скрѣпилъ его своей присягой.

Когда сербскіе короли жаловали села и земли церкви, то вмѣстѣ съ этимъ переуступали ей тамъ и право суда по второстепеннымъ дѣламъ, оставляя за собой опять таки правосудіе въ случаяхъ измѣны, вражды, провода (укрывательства), земельныхъ споровъ. Однако, и отъ этихъ приговоровъ королевскаго суда вражда и пени шли все-таки одаряемой церкви. Впрочемъ, вражда въ такихъ случаяхъ по обычному праву сербской земли дѣлилась пополамъ между церковью и доносчикомъ, или наводящимъ обвинителемъ. Само собой разумѣется, что короли могли жаловать только тѣ доходы, которыми раньше пользовались сами, а отсюда слѣдуетъ, что вражда или какая-то доля ея по праву всегда принадлежала королямъ [1]).

По Винодольскому закону главная вражда, или осудъ шли родственникамъ убитаго, и только за своего мужа князь самъ беретъ „вражду" по усмотрѣнію. Въ Полицкомъ статутѣ одна вражда по видимости идетъ родичамъ, а другая равная—судящей власти. Законикъ Душана и ранніе сербскіе памятники вовсе не упоминаютъ о частномъ вознагражденіи для наслѣдниковъ и родни убитаго. Тѣсно связанныя съ такимъ головничествомъ полюбовныя сдѣлки между родами, враждующими вслѣдствіе убійства, упоминаются лишь съ конца XIV и въ XV-мъ вѣкѣ для Босніи и Далматинскаго побережья.

Враждѣ, возникшей между двумя родами, могъ быть положенъ конецъ частнымъ замиреньемъ свѣдома судящей власти. Примѣры

---

[1]) Такъ краль Драгутинъ (1276—81 г.г.) даритъ села Хиландарской обители съ оговоркой: „и люде сие светые црькве пре кое имаю мегу собомь, да се прю прѣдь игумномь или прѣдь владальцы црькьными, развѣ невѣре и провода, земле и вражде, а съ земляны судь да есть прѣдь кролемь или прѣдь единѣмь од владальць двора кралева, коега испроси игумень и братья". Краль Душанъ съ сыномъ Урошемъ жалуютъ села Хтетовской церкви тоже съ судебными доходами: „и що се учини вражда мегу црьковными людми, да узима црьковь; такожде и двчь разбои. И що се пре црькьны люде на двору кралевьства ми, или прѣдь судіями или прѣдь инѣми властьми или е рука, или е послухь, или е глоба коя либо, да узыма все црквь, рекше игумень" (Споменик, III 1890. Српски Хрисовульи.). Краль Урошъ III въ 1322 г. жалуетъ села Дечанской церкви съ судебными доходами: „Послухь *в* динара, рука *д*, а за вражду како е законь по срьбской земли црькви половина а наводчии половина . . . никое глобе да не узима крал ни архиепископь . . . нь все да е црькви". (Дечанске Хрисовуље, Гласник Срп. Уч. Др., II од., кн. XII. 1880). Ср. „Село" Новаковича (Глас, XXIV, 1891).

тому всетаки встрѣчаются уже въ средневѣковыхъ памятникахъ южныхъ славянъ. Такъ въ 1407 г. дубровничане обратились къ королю Босніи Твертку съ жалобой на его „влаховъ“ (то есть пастуховъ романскаго племени), которые учинили на ихъ землѣ потраву и убили имъ человѣка. Король писалъ влахамъ, чтобы они вошли съ дубровничанами въ сдѣлку касательно вражды и заплатили-бы. По указанію короля дубровничане даже посылали родичей убитаго къ влахамъ, но тѣ не дали никакого удовлетворенія [1]). Для 1442 г. есть примѣръ состоявшейся сдѣлки въ рагузскихъ документахъ. Младошъ Баленовичъ и два его племянника вошли въ сдѣлку и соглашеніе и покумились съ Беличемъ и Миловчичемъ по дѣлу убійства и вражды Стрѣза, брата Мл. Баленовича, котораго оцѣнили въ 300 перперъ. Изъ этой суммы родичи убитаго, Младошъ съ племянниками, простили 200 перперъ и получили отъ своихъ новыхъ кумовьевъ только 100 перперъ за вражду Стрѣзову. За отказъ отъ этого соглашенія каждая изъ сторонъ была-бы обязана заплатить 300 дукатовъ [2]). Иное значеніе имѣютъ кумовья и побратимы въ случаѣ замиренія между венеціанскими и турецкими подданными въ Боккѣ въ 1611 году. Ахматъ изъ турецкаго поселенія Нова осужденъ за убійство на уплату 80 талеровъ, и турки ставятъ за него поручителей — побратимовъ и кумовьевъ въ обезпеченье вноса денегъ. Послѣ этого представители общины убитаго даютъ обѣщаніе не мстить туркамъ [3]). Тогда-же въ другой сдѣлкѣ 34 побратима и 7 кумовьевъ ставятся поручителями въ утвержденіе мировой сдѣлки („потвардит речену лубав и мир“). Эти замиренія XV-го вѣка ясно свидѣтельствуютъ, что въ Босніи и Далмаціи вражда совпадала съ головничествомъ, то есть уплатой за убійство вознагражденія, или цѣны, общинѣ или родичамъ убитаго, какъ напримѣръ 300 перперъ. Впрочемъ, въ этихъ примѣрахъ рѣчь по видимости идетъ объ убійствѣ въ схваткѣ, а не въ разбоѣ.

Важно еще для Среднихъ вѣковъ установить круги тѣхъ родичей, которые по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ считаются связанными между собой. Въ памятникахъ есть указанія только на племя, распадающееся на колѣна, которыя въ свою очередь обнимаютъ по нѣскольку кучъ, или семей. Напротивъ, братство въ XIV—XV вв.

---

[1]) Пуцичъ, Споменици Сръбски. I. № 170. «и да се съ онѣми людьми нашѣми за вражьду начине и плате». [2]) Имя убитаго—Стрѣзо: «утакмише се и зьгодше и окумите.. за убои и вражду Стрезоеву, кога сценише *т* перьпера, а одь тога—и.. оставише и простише *с* перьпера на Божю часть и кумова... прьмисмо *р* перьпера динара за више речену вражду Стрза, а ино све простише». Въ документахъ изъ архива Рагузскаго суда Конст. Иречекъ (Споменик, XI, 1892) для 1412 г. приводитъ примѣръ вчинанія иска за избіеніе: «пошлите те вѣрована човѣка, да огледаю тога човѣка нашега, кои е убіень... да ваша милость оправи».

[3]) Споменикъ 37. I. Томичъ, Подаци о умиру или вражди: («кумства и побратимства, кои че се имати дати родбини от мартвога по обичаю земунскому за наплачене».

обозначаетъ, по крайней мѣрѣ въ хорватскихъ земляхъ, просто родство, близкое и дальнее, то есть по кучѣ и колѣну. Такъ въ 1393 г. при замиреніи вслѣдствіе отказа отъ обвиненія въ убійствѣ оправдывается самъ заподозрѣнный было, вмѣстѣ съ его братіею и родствомъ по племени, а вѣчное молчаніе подъ страхомъ пени въ 20 гривенъ [1]) обѣщаетъ вся братія убитаго, въ которую входятъ Дуѣмъ и его двоюродный братъ [2]) („братучедъ"). Здѣсь братію, какъ ближнее родство, можно было-бы еще противопоставить родству племенному, какъ болѣе дальнему. Точно также въ сдѣлкѣ по продажѣ земли отъ 1433 г. продавецъ собираетъ сначала всю свою братію ближнюю и дальнюю и предлагаетъ имъ купить; однако, документъ о продажѣ земли скрѣпленъ печатью всего племени. во главѣ котораго стоялъ жупанъ Марко [3]). Здѣсь братія по видимости совпадаетъ съ колѣномъ. Съ колѣномъ приходится отождествить и Стрижичей, которые въ 1448 году разрѣшаютъ одному изъ своихъ родичей продать его племенщину. Они тоже называются „твоѣ братѣ Стрижищи". Стрижичи, то есть вѣроятно ихъ домачины отъ десятка кучъ, собираютъ всѣхъ своихъ сыновей, братьевъ, двоюродныхъ братьевъ, дядей, племянниковъ, ближнихъ и дальнихъ, можетъ быть и внуковъ; всѣ эти Стрижичи и прочее племя допускаютъ продажу [4]). Но вотъ въ 1447 году передъ Крбавскимъ кнезомъ все племя Неблюшкое разрѣшаетъ одному изъ своихъ членовъ отдать въ залогъ свою землю за деньги. Тутъ упоминаются четыре колѣна племени, перечисляется свыше двухъ де-

---

[1]) Слово Grivna въ хорватскомъ языкѣ въ смыслѣ обруча, ожерелья (ogrlica, kolut) признается въ Словарѣ Юго-Славянской академіи праславянскимъ. Въ значеніи единицы вѣса и денегъ встрѣчаются и grivni srebra. (Act. Croat.) Въ XIV—XVI вв. такая гривна могла соотвѣтствовать маркѣ, а, въ виду итальянскихъ вліяній, скорѣе всего маркѣ Венеціанской, принимаемой метрологами въ 238,34—238,9 грм., то есть въ $^1/_2$ тамошней тяжелой либры.

Такъ какъ «гривна» встрѣчается у хорватовъ, чеховъ, поляковъ. русскихъ въ значеніи единицы вѣса металла при расплатахъ, то и это значеніе слова прійдется признать уже для общеславянской эпохи. Въ такомъ случаѣ «гривна кунъ», какъ денежная единица. не могла возникнуть уже у русскихъ прямо изъ обычая окутывать куньимъ мѣхомъ шею, какъ оплечьемъ, подобнымъ теперешнимъ «лисицамъ» вмѣсто женскаго боа или мѣхового воротника, такъ какъ такое куньe оплечье должно было-бы предшествовать серебряному обручу, или оплечью изъ цатъ и цѣпямъ изъ монетъ-диргемовъ. Въ виду этого мы. въ отличіе отъ проф. Усова, гривну кунъ и понимали, какъ гривну, выплачиваемую или куньими мѣхами, или въ «кунахъ», какъ единицѣ серебряныхъ денегъ, равноцѣнной куницѣ, по аналогіи съ норвежско-исландской маркой фриза.

[2]) Acta Croatica, 1863: «да су Нетрмаца и нега братъ и ближичтво племенско негово в смрти и в убоистви брата них чиста и права нашли». Глаголическіе акты транскрибированы для насъ проф. Б. М. Ляпуновымъ.

[3]) Ibidem, »всу мею братию ближну и далну», но «на видиние все братие та та лист би писан под печат племенску». [4]) Ibidem. «Стрижищи... у кипихъ всихъ своихъ синовь, брате, братучедовь, стрицевь и сиповань, ближнихъ и далнихъ, уну...» (можетъ быть, унука?) Далѣе «з допущенемъ всихъ Стриж (ищь и) инога племена прода». Племенщина лежитъ «у котари Стрижищскомь».

сятковъ семей, или кучъ съ ихъ членами и домачиномъ въ этихъ колѣнахъ и племени Въ предѣлахъ кучи отмѣчены только братья, сыновья, племянники, двоюродные братья, и значитъ и отцы, и дяди. Такой составъ кучи тоже называется здѣсь братіей ближней и дальней [1]). Итакъ, между племенемъ и кучей лежитъ иногда еще какой-то концентрическій кругъ родичей, который среди Неблюсей называется колѣномъ, а въ другихъ случаяхъ глухо обозначается, какъ братія ближняя и дальняя, то есть позднѣйшее братство. Но съ тѣмъ-же обозначеніемъ братьевъ ближнихъ и дальнихъ приходится считаться и въ составѣ кучи.

Уплату осудовъ скотомъ надо признать болѣе древнимъ обычаемъ, а потому исконную скалу пеней у южныхъ славянъ правильнѣе возстанавливать по числу присуждаемыхъ коней и воловъ [2]). Тутъ ясно вырисовывается двѣнадцатиричная скала. Такъ въ жалованной грамотѣ Стефана и Радослава (1222—28) монастырю Жичѣ устанавливаются пени для тѣхъ, кто броситъ свою жену, а именно для властеля въ 6 коней, для иныхъ, несущихъ воинскую службу („воиникъ"), въ 2 коня, для убогихъ людей въ 2 вола. По договору между босній-скимъ баномъ и Рагузой отъ 1332 г. за кражу у дубровничанина въ предѣлахъ Босніи платится бану съ каждаго вора 6 воловъ. По Законику Стефана Душана за преднамѣренную потраву платится 6 воловъ (§ 76). По подтвердительному хрисовулу краля Милютина Хиландарю за нарушеніе дарованнаго церковнымъ землямъ иммунитета устанавливается пеня въ 12 воловъ. По Винодольскому статуту (§§ 48, 51—52) одинъ волъ приравнивается 8 либрамъ, а тогда вражда и вообще уголовная пеня этого закона въ 100 либръ, какъ наприм. за поджогъ и за приготовленіе ядовъ, можетъ быть, представляютъ собой просто переводъ цѣнности 12-и воловъ круглой цифрой на деньги [3]).

---

[1]) Ibidem. Послѣ перечисленія двухъ десятковъ домачиновъ и кучъ говорится: «ти вси в кнпи своем и всих своих синов, отац, и брате ближне и далне, и будущи прокаратури них и ода всих четирих колен племена Неблушкога»; названо колѣно Жидовиничей, описывается земля «в Неб(лус)их и в Неблушкомъ котари».

[2]) Для Хорватіи древнимъ платежнымъ орудіемъ признаются и куньи мѣха. Такъ въ эпоху Арпадовичей здѣсь встрѣчается еще подать «куновина», или marturina, mardorina. Съ конца XII в. куница вытѣсняется монетой, и подать «kunovina» позднѣе уплачивается 12 денаріями въ годъ. Однако, куница остается въ гербѣ королевства и на монетахъ, наприм. банскихъ. Такой банскій динаръ съ куницей, бѣгущей между двумя звѣздами, могъ тоже называться banovac, или kunovina. (Klaić, Povjest Hrvata, I, pp. 241, 250, 259, 277, 286).

[3]) Monum. Serb. Споменик, III. 1890. Вѣроятно, на основаніи всего этого матеріала и Конст. Иречекъ въ „Geschichte der Serben" признаетъ двѣнадцатиричную скалу 2, 6, 12 господствующей у древнихъ сербовъ. Его экскурсы о внутреннемъ бытѣ мы не успѣли получить.

Подводя итогъ всѣмъ свѣдѣніямъ о вирѣ и головничествѣ у сербо-хорватовъ, надо признать исконную вражду частнымъ вознагражденіемъ за любое убійство. По мѣрѣ того, какъ усиливается общественная власть и укрѣпляется среди населенія привычка къ миру, сами родичи убитаго обращаются къ кралямъ, какъ въ примѣрѣ съ влахами въ Босніи, чтобы не прибѣгать къ мщенію и добиться выкупа отъ виновной стороны. Въ тоже время и общественная власть начинаетъ фиксировать норму головничества, а отъ себя карать вирами то лишь за злостное убійство, то и за всякое. Тогда вражда, какъ вира въ пользу судящей власти, выдвигается въ памятникахъ офиціальныхъ на первое мѣсто, а головничество, какъ дѣло частное, перестаетъ даже упоминаться.

Остается сложный вопросъ о денежныхъ единицахъ, въ которыхъ опредѣляются уплаты по южно-славянскимъ законамъ. Удобнѣе начать съ болѣе поздней эпохи XIV и XV вв. и болѣе ясныхъ извѣстій, а именно со статутовъ Дубровника въ „Споменици“ Пуцича. Въ 1337 г. здѣсь постановлено къ каждымъ XI унціямъ чистаго серебра прибавлять 1 унцію мѣди и изъ такой либры серебра 88-ой пробы вычеканивать гроссы такъ, чтобы 14 иперперовъ шло на либру; каждый гроссъ становился равноцѣннымъ 30 фолларамъ, а 24 серебряныхъ гросса по курсу приравнивались одному золотому дукату. Отсюда ясно, что иперперъ въ половинѣ XIV в. былъ только счетной денежной единицей, выплачиваемой въ серебряныхъ гроссахъ, а именно замѣнялся 12 гроссами, такъ какъ около 1337 г. дукатъ золотомъ по курсу опредѣленъ въ 2 иперпера серебромъ; поэтому на либру приходилось 168 гроссовъ. Если принять здѣсь античную либру въ 327 грм. (предположительно Миланская либра), то при 88-ой пробѣ въ ней будетъ 300,16 грм. чистаго серебра (предположительно почти Венеціанская либра). Тогда иперперъ, значитъ, заключалъ въ себѣ 23,39 грм. лигатурнаго, или 21,44 грм. чистаго серебра; 1 гроссъ (тоесть толстый денарій, denarius grossus) вѣсилъ 1,95 грм. и содержалъ въ себѣ 1,8 грм. (или 1,79 грм.) чистаго серебра; 1 фолларъ, замѣнившій, вѣроятно, старые тонкіе, низкопробные денаріи, вытягивалъ 0,065 грм. серебра 88-ой пробы съ содержаніемъ 0,060 грм. чистаго металла Наконецъ, золотой дукатъ Рагузы по курсу равнялся 46,78 грм. пробнаго, или 42,88 грм. чистаго серебра.

Во вторую половину XIV в. гроссы уменьшаются, и соотвѣтственно этому изъ либры ихъ вычеканивается на 18 и 19 иперперовъ. Появляются части гроссовъ, тоесть mezzanino или mezzalino; въ 1370 г. такихъ меццалиновъ выходило 36 изъ унціи пробнаго серебра. Съ 1425 г. изъ либры вычеканиваютъ уже по 21 иперперу съ $20^1/_2$—$21^1/_2$ гроссовъ изъ унціи; тогда значитъ гроссъ вѣситъ уже лишь 1,27—1,33 грм. и содержитъ въ себѣ чистаго серебра 1,17—1,23 грм. Теперь иногда (уже въ 1424 г.), при 22 иперперахъ на либру и $21^1/_2$—$22^1/_2$ денаріевъ гроссовъ на унцію, за золотой дукатъ по курсу

требуется 30 гроссовъ серебра. Въ 1451 г. былъ даже официально установленъ курсъ не болѣе какъ 3 иперпера гроссами серебра за 1 золотой дукатъ, но обязательность такого предѣла вскорѣ отмѣнена. Даничичъ, черпая изъ сербскихъ документовъ, для 1470 г. приравниваетъ 1 дукату 41 денарій (гроссъ), тоесть опять таки дукатъ стоитъ около 3 иперперовъ, а именно 3,4 перперъ по 12,06 динарей гроссовъ.[1]) Въ славянскихъ актахъ Дубровника тотъ-же фунтъ называется по византійски литрой Такая литра серебра по курсу стоила въ 1413 году 8 дукатовъ золота, или 24 иперперы въ серебряныхъ динарахъ Дубровацкихъ или Которскихъ, по три иперперы на дукатъ и по 12 динаровъ--гроссовъ на перперу.[2])

Искони перперой, или иперперомъ называлась византійская номисма, тоесть золотой солидъ. Но въ сношеніяхъ съ Венеціей онъ переводился на либры серебра и серебряные гроссы и денаріи. Такимъ образомъ онъ перешелъ въ Далмацію, какъ счетная денежная единица. Такъ въ сдѣлкѣ 1224 г. между византійскимъ императоромъ Андроникомъ II Палеологомъ и Венеціей 14 тысячъ иперперовъ приравнены почти 723 либрамъ, очевидно серебра, по разсчету за 1 иперперъ 12 гроссовъ большихъ или 13 гроссовъ малыхъ денаріевъ и по 19,4 иперперовъ на либру, тоесть 232,8 гросса большихъ денаріевъ на либру.[3]) Такъ какъ по Винодольскому закону въ либрѣ 20 сольдо, то на сольдо выходитъ 11,6 гроссовъ больш. ден. Для понятія гроссъ денаріевъ можно найти объясненіе въ соглашеніи между княземъ и населеніемъ острова Црѣса отъ 1283 г., по которому на grossus идетъ 27 денаріевъ.[4]) Данныя акты 1324 г., по которымъ на либру идетъ 19,4 иперпера гроссовъ, подтверждаются частностями одной Дубровацкой сдѣлки 1304 года [5]) Византійское золото этой эпохи въ среднемъ упало въ вѣсѣ даже сравнительно съ номисмами Македонской династіи. Въ виду возможности низкой пробы и вообще преобладанія Венеціанцевъ надъ Византіей, при данномъ соотношеніи

---

[1]) Въ Рјечник'ѣ Даничича формы «перьпера» и «динарь». Ср. Mon. Serb. p. 514: «у тех 500 перперь динарь дубровьчкихъ 147 дукатъ, а тъдан бѣше дукатъ у Дубровнику по МА динарь». [2]) Споменик, XI, 1892. Акты Конст. Иречка, № 60

[3]) Diplomatarium Veneto--Levantinum I (Monumenti Storici, v. V), № 95. [4]) Monum. Spect., v. I. („Listine" Ljubic'a, CCX). [5]) Ibidem, CCCXIX. Разсчетъ долговъ бывшаго князя Дубровацкаго Марко Дандуло общинѣ Рагузы (Razmirica) отъ 1304 г. За первый годъ кн. М. Дандуло долженъ былъ получить М либръ въ гроссахъ. Эту букву М надо читать не по латыни, какъ тысячу, а по славянски, какъ 40 либръ. Тогда сумма въ 766 перперовъ вѣрна, такъ какъ по сдѣлкѣ 1324 г. съ Андроникомъ Палеологомъ 19,4 перперъ идетъ на либру изъ 20 сольди. Всего М. Дандуло долженъ былъ получить 936 перперовъ. Получилъ-же онъ сначала 733 перпера и 3 гросса, то есть $733^{1}/_{4}$ перп. Тогда сумма остающагося долга 202 перп. и 9 гроссовъ вѣрна, такъ какъ $733^{1}/_{4}+202^{3}/_{4}=936$ перп. Затѣмъ Дандуло получилъ еще либръ гроссовъ Венеціанскихъ 17 и 4 перпера; при 19,4 перперовъ на либру, это составитъ 334 (330+4) перпера, а тогда значитъ за Дандуло дѣйствительно осталось 131 перп. и 3 гросса, а именно $131^{1}/_{4}+202^{3}/_{4}=334$ перпера.

силъ, въ царствованіе Андроника II Палеолога они могли цѣнить вогнутыя номисмы не по средней нормѣ около 4 грм., а по минимальной ок. 3 грм. [1]) Однако при номисмѣ—перперѣ въ 3 грм. монетнаго золота и либрѣ—литрѣ серебра въ 19,4 перперовъ получилось-бы отношеніе золота къ серебру по цѣнности, какъ 6 (точнѣе 5,6): 1, необычное въ Средніе вѣка, когда это отношеніе не спускалось ниже 7,5:1, а чаще всего равнялось 12:1, или 10:1.

Такой низкій курсъ перперовъ приходится объяснять тѣмъ, что они выплачивались и въ 1324 г. уже не золотыми номисмами, а гроссами денаріевъ. Тогда 19,4 перперовъ на либру совпадутъ съ Рагузской нормой второй половины XIV в. и будутъ указывать на гроссъ толстыхъ денаріевъ въ 1,41 грм. пробнаго, или 1,29 грм. чистаго серебра. При этой нормѣ сольдо, какъ $^1/_{20}$ либры, выйдетъ въ 11,6 гроссовъ большихъ ден., или 16,36 грм. пробнаго, или 14,96 грм. чистаго серебра. Такъ какъ изложенные нами памятники югославянскаго права приходятся на конецъ XIII-го и главнымъ образомъ на XIV-ый вѣкъ, то для оцѣнки ихъ монетныхъ единицъ можно пользоваться данными, отвлекаемыми отъ сдѣлки 1324 г. между Венеціей и Византіей. Тогда въ итогѣ надо принять перперъ въ 12 гроссовъ большихъ денаріевъ (или фолларовъ), то есть въ 16,88 грм. пробнаго или 15,47 грм. чистаго серебра, либру въ 232,8 такихъ гроссовъ, сольдо въ 16,36 грм. пробнаго или 14,96 грм. чистаго серебра [2])

---

[1]) Сабатье для царствованія Андроника II (1282—1328) знаетъ типъ вогнутой номисмы съ діаметромъ 22—25 мм. Судя по вогнутымъ золотымъ второй половины Среднихъ Вѣковъ въ собраніи Од. Музея Древностей, такія номисмы-иперперы при діаметрѣ 22—$22^1/_2$ мм имѣютъ вѣсъ 3,15–3,22 грм, а при діаметрахъ до 25 мм. могутъ вытягивать и 4,11 грм. Монеты Харьковскаго университета подтверждаютъ такія колебанія для солидовъ scyphati—діам. отъ 20–23 до 25—27 мм. и вѣса 2,79–3,29 грм. до 3,72–4,27 грм.

[2]) Наши выводы изъ данныхъ для Балканскаго полуострова мы повѣрили свѣдѣніями о венеціанскихъ деньгахъ той-же эпохи, почерпнутыми П. Мольменти изъ итальянскихъ источниковъ. (P. Molmenti, La Storia di Venezia nella vita privata, Torino, 1880. 2 ed.), Мольменти на либру-либру въ 6880 грн. венц. (grani veneti) считаетъ 20 сольди, а на сольдо 12 денаровъ. Повидимости, Мольменти принимаетъ здѣсь античную, римскую либру въ 327,45 грм., и тогда его гранъ венец. будетъ равенъ 0,0476 грм. Первая собственно венеціанская монета—это denaro piccolo, или marcuccio при Витале Мікіэлѣ II (1156 г.). Маркуччо—это монета низкопробнаго серебра вѣсомъ 9—12 грн (0,43—0,57 грм.); въ 1173 г. упоминается «пикколо» даже въ 6 грн. Рано появляются толстые денарія, grosso, но различнаго размѣра. Важна монета Энрико Дандоло (1192 г.) изъ наилучшаго серебра вѣсомъ $42^1/_{12}$ грана (2 грм.) и равноцѣнная 26 piccoli; она называется grosso или matapane. Отсюда на piccolo получилось-бы 0,077 грм. наилучшаго серебра, но, вѣроятно, онъ, какъ низкопробный, былъ значительно тяжеле. Въ 1284 г. появляется золотой дукатъ (ducato d'oro), который позднѣе называется zecchino (главнымъ образомъ послѣ 1543 г.). Въ одномъ документѣ 1331 г. una lira di grossi уравнена съ 10 дукатами. Такая lira di grossi насчитывала 20 сольди, а сольдо 12 grossi, a grosso –32 piccoli. При римской либрѣ въ 327,45 грм. это дало-бы на сольдо 16,37 грм., на гроссъ 1,36 грм., на пикколо 0,04 грм. пробнаго серебра, не считая добавочной лигатуры при низкопробности. Но для Венеціи

При предѣльныхъ нормахъ для перпера, извлекаемыхъ изъ совокупности приведенныхъ данныхъ, а именно отъ 14 до 19,4 перперовъ на либру, сербская вражда въ 500 перперовъ составитъ отъ 25,7—35,5 либръ, а виры по „Законику“ Стефана Душана въ 1000 и 300 перперовъ будутъ равноцѣнны 51,5—71 и 15,5—21,3 либръ. Итакъ, если допустить, что наряду съ вирой кралю въ 1000 перперовъ уплачивалась еще такая-же вражда въ смыслѣ головничества родичамъ убитаго, то полный выкупъ для властелина за убійство себра составилъ бы отъ 100—140 либръ, тоесть норму, близкую къ Винодольскому статуту и живой враждѣ Полицъ; нормы Душана и Винодола совпали-бы при 20 перперахъ на либру.

Для западныхъ славянъ, у поляковъ привлечемъ для сравненія только установившіяся, позднія виры и головничества, освященныя статутами XIV—XV вв. и практикой судовъ. Краеугольными камнями служатъ здѣсь статуты XIV-го вѣка Казимира Великаго, а именно Вислицкій Первый, или Общепольскій ок. 1347 г., и Вислицкій Второй, или, какъ его генетически опредѣляютъ въ наукѣ польскаго права, Піотроковскій Великопольскій. Вислицкій ст. отмѣчаетъ, что издревле кметъ, убившій кмета, освобождался отъ наказанія за убійство, если онъ уплачивалъ три марки грошей. Чтобы усилить должное воздѣйствіе наказанія, Казимиръ В. установилъ теперь, чтобы такой убійца уплачивалъ шесть марокъ родственникамъ (consanguineis) или ближайшимъ друзьямъ (amicis) убитаго, а четыре марки тому каштелянству, въ предѣлахъ котораго совершено убійство, или тому, кому укажетъ судъ. Во всякомъ случаѣ кметъ за убійство кмета платилъ въ цѣломъ выкупъ въ 10 марокъ. Если онъ оказывался неплатежеспособнымъ, то долженъ быть схваченъ и подвергнутъ смертной казни. Шляхтичъ, убившій шляхтича (miles sibi parem); платилъ „за голову“ 60 марокъ. Точно такъ-же и кметъ, убившій шляхтича, долженъ заплатить 60 марокъ, а за голову знатнаго по новому пожалованію только лишь 30 марокъ. По Піотроковскому

это малая либра, peso sottile, которую другіе спеціалисты по метрологіи понижаютъ даже до 301,23 грм.; въ послѣднемъ случаѣ сольдо вытянетъ 15 грм. пробнаго серебра, а гроссъ 1,25 грм. Если-же вмѣсто гроссо взять монету Энрико Дандоло въ 2 грм., то сольдо получится въ 24 грм., а либра въ 480 грм., близкая къ раннему франц. фунту (poids de marc) изъ 489,5 грм. въ $1^1/_2$ римскія либры. Это приблизительно 2 венеціанскія марки по 238 грм., или тяжелая венец. либра въ 477 грм., иначе peso grosso. При уплатѣ либры, сольдо, гросса въ мелкихъ денаріяхъ, отъ пробы и размѣра этихъ piccoli зависѣло считать-ли ихъ больше или меньше на гроссъ или-же, не увеличить-ли число гроссовъ на перперъ-сольдо.

Итальянскія данныя подтверждаютъ нашъ выводъ, что на Балканскомъ полуостровѣ венеціанская денежная система переплелась съ византійской и что перперъ, приближавшійся къ сольдо, совершенно такъ-же, какъ сольдо, выплачивался не золотомъ, а серебряными денаріями, которые, смотря по своей пробѣ и вѣсу, шли на гроссъ въ числѣ 26—32 штукъ. Гроссъ-же могъ выплачиваться въ денаріяхъ (picкoли), или-же вычеканиваться и отдѣльной монетой (matapane). Такую чеканку grosso при Энр. Данд. Мольменти, значитъ, признаетъ болѣе ранней, чѣмъ знаменитый gros tournois Людовика Св.

статуту (Вислицкому II) за убійство признается вообще узаконенной смертная казнь. Однако, въ смягченіе этой строгости, Казимиръ В. установляетъ, чтобы убившій шляхтича (miles или miles famosus) уплачивалъ его родителямъ, дѣтямъ или друзьямъ 60 марокъ. Если же *кто нибудь* (quispiam) убьетъ кмета, то обязанъ уплатить шесть марокъ, изъ которыхъ три идутъ вдовѣ, или дѣтямъ или, если таковыхъ не осталось, то родственникамъ (propinquis, можетъ быть вообще ближнимъ) убитаго, а три господину убитаго и убійцы; если-же убійца и убитый принадлежатъ къ собственности двухъ различныхъ господъ, то послѣднія три марки дѣлятся пополамъ между обоими господами[1]).

Прежде, чѣмъ излагать остальной законодательный матеріалъ, остановимся на истолкованіяхъ его, извлеченныхъ Ромуальдомъ Губе изъ практики судовъ XIV-го вѣка[2]). Къ вирамъ и продажамъ кромѣ судебнаго термина пеней примѣнялось въ Великой Польшѣ и народное слово „pokup“; „pokupić“ значило заплатить пеню. Пени уплачивались въ разсматриваемую эпоху широкими грошами. Ихъ было три главныхъ типа: пеня 70, или Septuaginta, передавала устарѣвшій польскій терминъ siedemnadziesta, то есть въ сущности 17, далѣе пеня 15, или pietnadziesta[3]) и, наконецъ, „шесть гривенъ“, то есть szesc grzywien. Пеня „семьдесятъ“ называлась королевской, потому что уплачивалась королю; но бывали случаи, когда эта кара назначалась съ оговоркой о раздѣлѣ между королемъ, судомъ, стороной. Кара эта равнялась на деньги даннаго времени 14-и гривнамъ. Пеня „пятнадцать“ шла суду и истцу; въ монетѣ она опредѣляется теперь въ три гривны. Пеня „шесть гривенъ“, или шесть марокъ, въ земляхъ

---

[1]) И. А. Линниченко въ «Чертахъ изъ Исторіи Сословій въ Галицкой Руси XIV—XV в.» поддерживаетъ (стр. 137) невѣрное положеніе, что будто-бы въ статутахъ XIV в. говорится только объ убійствѣ кмета кметомъ. Авторъ просто не далъ себѣ труда внимательно изучить въ подлинникѣ Піотроковскій статутъ Казимира В. (см. Helcel, Starodawne Prawa Polskiego Pomniki, t. I, pp. 162 и 187). Въ quispiam, разумѣется, можетъ входить и шляхтичъ, такъ какъ степень преступности убійства или пораненія опредѣляется здѣсь сословнымъ положеніемъ убитаго, а не убійцы. Такъ, если владыка владыкѣ, или шляхтичъ шляхтичу наноситъ ударъ безъ кровопролитія, то знатному платится пеня «пятнадцать», а человѣку не рыцарскаго состоянія марка грошей, кмету-же ударяющій долженъ заплатить пеню «шесть гривенъ» (cmetoni vero poena Szesc grzywien per percutientem debet solvi, Helcel, pp. 113 и 205) Нѣсколько позднѣе, въ Мазовецкомъ статутѣ 1421 г. сказано прямо: «quando cmeto cmetonem interfecerit, aut nobilis cmetonem, extunc pro capite cmetonis interfecti reus dabit octo sexagenas pecuniarum monetae communis» (Helcel, p. 279). Эти 8 разъ 60, или 8 копъ грошей судебныхъ, равны 10 гривнамъ, такъ какъ на марку причитается 48 широкихъ грошей, а 60 на копу, которую проф. Линниченко ошибочно отождествляетъ съ гривной (ibidem, p. 141, гдѣ вмѣсто 12-и копъ надо принять польскую пеню 15 гривенъ).

[2]) Romuald Hube, Prawo Polskie w 14 wieku (Sądy w Polsce), 1886. Губе иллюстрируетъ свои положенія большимъ количествомъ подлинныхъ текстовъ, выписанныхъ изъ реэстровъ судебныхъ протоколовъ, liber judicialis, или regestrum. [3]) Иногда вмѣсто 15-и вдругъ quinquaginta.

Краковской, Сандомирской, Сѣрадзской равнялась въ текущей валютѣ 6 скойцамъ (pena sex scotorum), или одному віардунку (unum fertonem), то есть 1/4 гривны; въ Великой Польшѣ ее смѣнилъ „покупъ“ въ 8 скойцовъ.

Наряду съ этими пенями королю и судящимъ властямъ есть еще головничество и уроки, „сплата“ за причиненный ущербъ. „Сплата“ опредѣлялась или обычаемъ земли, какъ при ранахъ и убійствахъ, или заявленіемъ пострадавшаго подъ присягой о размѣрахъ убытка. „Сплата“ за убійство, то есть головничество (głownie pieniądze), измѣнялась, сообразно сословному положенію убитаго. Въ Малой Польшѣ за шляхтича (nobilis) платилось 60 марокъ „за голову“ (pro capite), а за голову владыки (medietatis milicie, wlgariter włodica) 30 марокъ мѣстной ходячей монеты [1]). Въ Великой Польшѣ, гдѣ не было раздѣленія знати на слои, за шляхтича платились 30 гривенъ широкими грошами. Въ землѣ Сѣрадзской за голову рыцаря платилось 60 гривенъ, а сверхъ того убійца вносилъ кару «15» въ пользу разслѣдовавшихъ убійство, и кару «70». Въ землѣ Краковской и Сандомирской за голову кмета платилось 10 гривенъ, изъ которыхъ 6 шло наиближайшимъ родичамъ убитаго, а четыре его господину—пану.

Обвиненный могъ испросить у суда разрѣшеніе заключить полюбовную сдѣлку съ потерпѣвшимъ или родичами убитаго, и судъ назначалъ тогда срокъ, до котораго должна была быть заключена эта сдѣлка объ уменьшеніи или полномъ отпущеніи головничества. Если сдѣлка не состоялась, виновный вносилъ все полностью; если сдѣлка состоялась, то истецъ могъ выговорить со стороны убійцы еще и актъ „покоры“, т. е. прощенія, или смиренія. О заключеніи примиренія истецъ сообщалъ суду и оговаривался, что уже ни дѣти его, ни ближайшіе родичи-друзья не имѣютъ болѣе права привлекать убійцу по этому дѣлу къ суду [2]). Головничество выплачивалось дѣтямъ за отца, или, если не было дѣтей, то братьямъ или отцу убитаго. Вдовѣ назначалось или все головничество, или, если были дѣти, то половина. Выплатить головничество было не легко, и на это шло иногда все имѣніе виновнаго. Кара за убійство, гдѣ она назначалась, шла суду и королю, суду 15 и королю 70 гривенъ; примѣры тому, кромѣ земли Сѣрадзской, даютъ и земли Краковская и Сандомирская. Въ Великой Польшѣ опредѣленіе кары за убійство предоставлялось иногда судящей власти. Ненаказуемыми считались по видимости убійство при

---

[1]) Примѣръ для Познани подъ 1395 г.: «pro XXX marcis grossorum latorum capitalis pecunie, vulgariter głofsznich penanzy. [2]) Примѣръ для Калиша 1411 г. «Agnes tenetur penas trium marcarum (peinadzesta) iudicio pro eo, quod citauerat Johannem pro capite mariti et inierunt concordiam sine consensu iudicii».

самооборонѣ и убійство преступника, захваченнаго при совершеніи преступленія и очевидно не сдавшагося [1]).

Матеріалъ, подобранный и разработанный Ромуальдомъ Губе, при всей своей конкретности, всетаки не даетъ опредѣленнаго и надежнаго отвѣта на вопросы, вездѣ-ли и всегда-ли, а, если не вездѣ и не всегда, то гдѣ именно и въ какихъ случаяхъ сверхъ головничества уплачивались еще виры и продажи въ 70 и 15 гривенъ? Поэтому будетъ осторожнѣе опять таки ограничить себя тутъ данными и эпохой законодательныхъ памятниковъ [2]).

По Вислицкому I-ому (общепольскому) статуту пеня «70» въ пользу королевской казны уплачивается только въ четырехъ случаяхъ —за поджогъ, за насиліе или разбой на общественной дорогѣ, за обнаженіе меча въ королевскомъ судѣ и, наконецъ, за неподчиненіе осужденнаго приговору, а именно, если онъ уходитъ, не давъ поручительства (§ 27). Вислицкій II-ой ст. (Піотровскій Великопольскій), повторяя отчасти эти случаи и пополняя ихъ другими, отмѣчаетъ на первомъ мѣстѣ убійство рыцаря въ его собственномъ домѣ, въ присутствіи его дѣтей; за это каждый изъ знатныхъ участниковъ нападенія платитъ суду пеню «70», а сыновьямъ убитаго пеню «15». Обычно-же за убійство рыцаря (miles—или влодыка, или знатный вообще) статуты эти полагаютъ только уплату головничества. Пеню «15» они назначаютъ уже чаще: такъ, если влодыка влодыкѣ или шляхтичъ шляхтичу нанесетъ ударъ безъ пролитія крови, то виновный платитъ обиженному эту пеню, какъ урокъ (I, § 87); кто въ судѣ обнажилъ мечъ, но не ранилъ, тотъ по великопольскому праву карается пеней «15-и» и уплачиваетъ ее-же оскорбленному, какъ урокъ (II, § 5). Очевидно. что къ головничеству пени 70 и 15 присоединялись только въ силу особыхъ обстоятельствъ убійства.

Много своеобразныхъ, несомнѣнно архаичныхъ частностей въ области уголовнаго права (какъ «pokoga», „pomsta“, «wróżba») сохранили

---

[1]) Примѣръ 1392 г. «fateor quod ipsum interfeci, sed post ipsius incepcionem, quod ipsum prius vulneravit». [2]) Самъ Р. Губе сознается (p. 249), что не въ состояніи выяснить, платились-ли кары сверхъ головничества при убіеніи людей седьскаго состоянія? Такія кары за кметовъ засвидѣтельствованы лишь для тѣхъ случаевъ, гдѣ убійство было отягчено добавочными обстоятельствами, какъ насиліе, наприм. повѣшеніе, то есть м. б. самовольное примѣненіе смертной казни («violenter», «quod... metseptimus ipsius hominem vi et potencia interficeret», «quia suspendit sibi hominem violenter»). Отсутствіе каръ наряду съ головничествомъ или головничества наряду съ карами Р. Губе въ случаяхъ убіенія влодыкъ и шляхтичей готовъ объяснять просто неполнотой записей приговоровъ въ реэстрахъ (p. 249). На нашъ взглядъ правдоподобнѣе, что такая неполнота записей сказывается здѣсь лишь въ опущеніи законныхъ мотивовъ, по которымъ приговоры въ однихъ случаяхъ ограничивались головничествомъ, а въ другихъ присоединяли къ нему кары въ XV и LXX. Въ примѣрахъ Р. Губе кара «70» связана наприм. иногда съ подстрекательствомъ, съ умерщвленіемъ путемъ повѣшенія (p.p. 243, 245), а кара «15»—съ попыткой убить (p. 243), а также съ повѣшеніемъ кмета (p. 246).

Мазовецкіе статуты XIV—XV вв. Такъ, по статуту 1421 г. за убійство шляхтича платится 60 гривенъ, а за убійство влодыки 25 гривенъ, но эти суммы обозначаются, какъ 48 и 20 разъ по 60 грошей [1]). Кромѣ того шляхтичъ, убившій шляхтича, долженъ исполнить обрядъ «покоры», или подчиненія, самъ 13-нымъ по древнему обычаю ради сглаженія непріязни [2]). Если у него нѣтъ средствъ оплатить голову убитаго, то ему прійдется искупить ее собственной шеей. Впрочемъ, за него могутъ заплатить и друзья пострадавшему, или-же самъ потерпѣвшій горе, если захочетъ, пусть отпуститъ убійцу [3]). Если-же обвиняемый утверждаетъ, что убитый напалъ первымъ, то долженъ доказать это присягой шести себѣ равныхъ шляхтичей и тогда свободенъ отъ «вражбы» [4]). Если шляхтичъ убьетъ влодыку, то платитъ 25 гривенъ, или, если по бѣдности не въ силахъ этого сдѣлать, то искупаетъ вину собственной рукой, что̀ въ народѣ собственно и зовется «pokupic». Если-же влодыка убьетъ шлятича, то платитъ 60 гривенъ и проситъ прощенія, то есть исполняетъ обычай покоры, а именно обнаженный отъ одежды до пояса, съ мечемъ на̀голо, самъ тринадцатый, онъ долженъ просить простить ему ради Бога, и тогда тотъ долженъ отпустить ему обиду. Такую-же покору приноситъ и влодыка, убившій влодыку. Если виновный отказывается предстать передъ властью или въ теченіе года и 6 недѣль не далъ удовлетворенія пострадавшему, то все его имущество и всѣ поземельныя владѣнія передаются тому, надъ кѣмъ учинено имъ насиліе. Если-же пострадавшему удалось отплатить мщеніемъ (vindictam sumat, pomste wzial) виновнику, находившемуся въ бѣгахъ, тогда онъ возвращаетъ родичамъ этого убитаго имъ изъ мщенія (propinquis interfecti, in quo facta est vindicta) все то имущество, которымъ-бы мститель въ противномъ случаѣ владѣлъ. Если-же преступный бѣглецъ умеръ въ бѣгахъ и изгнаніи, а потерпѣвшій остался неотмщеннымъ, въ такомъ случаѣ онъ до тѣхъ поръ владѣетъ имуществомъ погибшаго убійцы, пока родичи такого бѣглеца не выкупятъ его «шею» у пострадавшаго. Впрочемъ, если вся собственность скрывшагося убійцы превышаетъ по своей цѣнности головничество, то ею овладѣваютъ родичи бѣглеца, но должны выплатить за голову (caput solvere). Такъ какъ тутъ очевидно подъ «насиліемъ» бѣжавшаго разумѣется убійство, то подъ

---

[1]) «quadraginta octo sexagenas grossorum, а по старому польскому переводу 48 Kop. groszy».

[2]) «homagium, vulgariter pokora, juxta consuetudinem antiquam pro contracta inimicitia mettredecimus facere».

[3]) «ille, cui molestia illata est, si vult ipsum interfectorem dimittere, dimittet».

[4]) «Si dixerit: id quod feci, feci pro suo initio... tunc erit liber ab inimicitia (старопольскій переводъ: od nieprzyjaźni, która rzeczona jest wróżba).

пострадавшимъ (laesus или cui facta est violentia) можетъ имѣться въ виду законный истецъ, то есть ближайшій родственникъ убитаго [1]).

Мазовецкій статутъ 1377 г. ограничиваетъ мщеніе только самимъ виновнымъ. Если совершено убійство, то сынъ, братъ или ближній (другъ) убитаго долженъ нападать на самого виновника; если-же онъ причинитъ насиліе невинному, у него на дому или гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, то лишается чести и имущества и долженъ бѣгствомъ спасать свою шею. Слѣдъ круговой поруки односельчанъ остался въ частныхъ записяхъ права времени Казимира В. въ примѣрѣ: крестьянинъ Нагодъ возбудилъ жалобу противъ своихъ сосѣдей-крестьянъ (contra suos vicinos villanos); у него въ ночное время была украдена лошадь; Нагодъ просилъ своихъ сосѣдей по селу помочь ему выслѣдить вора по слѣдамъ ради возвращенія лошади, поселяне-же отказались идти за воромъ по слѣду, и Нагодъ лишился лошади. Королевское законодательство разъясняетъ этотъ случай въ томъ смыслѣ, что поселяне должны быть осуждены на уплату Нагоду за лошадь [2]). Отъ официальныхъ статутовъ XIV—XV вв. подадимся теперь назадъ къ обычному польскому праву XIII-го вѣка; таковымъ признаются обычаи прусскихъ земель тевтонскаго ордена, записанные въ нѣмецкомъ памятникѣ Эльбингенской библіотеки [3]).

Въ этой редакціи польскаго обычнаго права повторяются многія черты, знакомыя изъ древнихъ юридическихъ памятниковъ другихъ славянскихъ народностей, какъ сводъ, дикая вира, круговая порука. Но рядомъ съ этимъ здѣсь такъ ясно, какъ нигдѣ у славянъ, высказаны и идея, и самый терминъ государева мира, то есть нѣкоторой усиленной охраны территоріальнаго князя для общественныхъ дорогъ, его суда, его жилища, отчасти общественной безопасности вообще; нарушеніе такого мира карается государевой пеней, а именно по высшей нормѣ 70-ью гривнами. Семьюдесятью гривнами наказывались кража изъ княжескихъ покоевъ, кража княжеской кобылы съ пастбища, приведеніе изъ одного княжества въ другое или изъ одного ополя въ другое человѣка, совершающаго затѣмъ поджогъ, грабежъ, убійство, воровство или насиліе [4]). Установленія, касающіяся убійства (§§ VIII и XV), здѣсь въ общемъ достаточно ясны.

---

[1]) Статутъ 1421 г. князя Мазовецкаго Земовита IV-го у Helcel'я, Starodawne Prawa Polsk. Pomniki, I, p.p. 279—290. Тамъ же и Сохачовскій статутъ Земовита III отъ 1377 г. [2]) Helcel, I, p. 89. [3]) Пользуемся изданіемъ Гельцеля (Starodawne Prawa Polsk. Pomn. II), но, считаясь съ поправками и толкованіями М. Винавера. (Изслѣдованіе памятника Польскаго обычнаго права XIII вѣка», 1-ое изд. 1888 г. Варшава).

[4]) Нарушеніямъ государева мира посвящена первая часть статьи XII-ой. Винаверъ въ 1-омъ изд. напрасно приведеніе лихого человѣка въ чужое княжество или чужое ополе отрываетъ отъ кражи изъ княжеской камеры, изъ княжескаго погреба и т. п. и вычитываетъ здѣсь подстрекательство. Статья просто возлагаетъ на выше стоящаго отвѣтственность за зависимаго отъ него человѣка и даже не требуетъ для наказанія виновнаго, чтобы онъ непремѣнно былъ освѣдомленъ объ умыслахъ лихого человѣка, введеннаго имъ въ чужой «міръ» и чужой «миръ». По средневѣковымъ обычаямъ за личность отвѣчаетъ родъ, село, округъ или лордъ.

Земская дорога пользуется охраной мира государя земли, и кто причинитъ на ней кому либо насиліе (unrechtis), тотъ нарушилъ миръ территоріальнаго князя (des landes herren vrede gebrochen); поляки называютъ это „государевой рукой“ (des herren hant). Если кто убьетъ «гостя» (т. е. чужеземца, чужака) на такой общественной дорогѣ, тотъ искупаетъ убійство 50-ью марками въ пользу ближнихъ убитаго (des toten frunt) и еще 50-ью марками территоріальному государю за нарушеніе его мира на общеземской дорогѣ. Убьетъ кто на общественной дорогѣ купца или рыцаря, то платитъ тѣмъ-же порядкомъ 100 марокъ. Чтобы очиститься отъ такого обвиненія клятвой, онъ долженъ присягать самъ—девятымъ. Если у убитаго гостя, купца или рыцаря нѣтъ ближнихъ, то и головничество за нихъ беретъ себѣ господинъ земли. Убьетъ кто крестьянина на большой дорогѣ, такъ платитъ за голову 30 марокъ, а князю за нарушеніе дорожнаго мира всетаки 50 марокъ; очистительную присягу приноситъ самъ—шестымъ.

Если на проселочной дорогѣ, ведущей отъ села къ селу, убитъ рыцарь или вообще мужъ рыцарскаго права, то за его голову платится 50 марокъ ближнимъ (den vrunden), а за нарушеніе мира на такой дорогѣ еще 6 марокъ тому, кому здѣсь принадлежитъ право суда. Если-же убитъ тутъ крестьянинъ, то онъ оплачивается 30-ью марками, а миръ дороги опять таки 6-ью. Если крестьянинъ бьетъ на проселочной дорогѣ рыцаря, но не до смерти, то искупаетъ вину передъ нимъ 6-ью марками и нарушеніе мира дороги опять таки шестью. Бьетъ-ли здѣсь рыцарь крестьянина безъ убійства, платитъ одинъ скойцъ или въ комочкахъ соли «триста» и за миръ на дорогѣ 6 марокъ. Такія-же 6 марокъ платятся и за нарушеніе мира на торгу (vor den gebrochin frede des marktes VI marg). Эта детальная разработка идеи государева мира подтверждаетъ въ нашихъ глазахъ отмѣченное уже изслѣдователями вліяніе германскаго права въ частности на польскіе юридическіе обычаи Восточной Пруссіи, предположительно записанные въ памятникѣ Эльбингена.

Къ славянскому праву возвращаютъ насъ слѣды круговой поруки въ томъ же польскомъ обычаѣ. Если человѣкъ убитъ, на полѣ или на дорогѣ, кто его погребетъ, тотъ долженъ заплатить за голову и передъ территоріальнымъ государемъ искупить свою вину 50-ью марками (daz houbt geldin... des herren... beszern). Если убитый рыцарь или купецъ, за его голову платится 50 марокъ; за нѣмца, котораго поляки зовутъ «гостемъ»,—30 марокъ (вѣроятно, здѣсь за гостя простолюдина). Если-же убитый человѣкъ лежитъ на полѣ или на дорогѣ, и неизвѣстно, кто его убилъ, то государь призываетъ къ себѣ общину («міръ», ополе, dy gegenote) и на нее возлагаетъ вину за убійство, и, если община не можетъ переложить вину ни на кого другого, то должна платить за голову. Если-же община укажетъ на село, откуда будто-бы учинено это убійство (dy gegenoten uf eyn dorf),

а село заявляетъ о своей невиновности, то оно должно или очиститься отъ обвиненія поединкомъ, или оплатить убитаго. Если-же село укажетъ на родъ (кругъ родичей), изъ котораго яко-бы исходило убійство (das Dorf uf eyn geslechte), а родъ утверждаетъ, что онъ неповиненъ, то долженъ родъ или заплатить, или оправдаться поединкомъ. Если-же родъ назоветъ опредѣленное лицо виновникомъ этого убійства, то обвиняемый, защищающій свою неповинность, долженъ сражаться или нести желѣзо (ордалія); уличенный пусть искупитъ вину пенями.

Если-же человѣкъ убитъ въ селѣ или у села и крестьяне (dy gebuer) поймаютъ виновника, причинившаго этотъ вредъ, и представятъ на судъ, то они не несутъ никакого ущерба. Если-же имъ не удалось схватить виновнаго, то они должны съ крикомъ преслѣдовать до другого села и этимъ избѣгаютъ отвѣтственности; второе село должно съ крикомъ гнаться до третьяго и т. д., пока не поймаютъ убійцу; какое село не пускается по крику, дошедшему до него, въ догонку, повинно оплатить убитаго. Такимъ-же путемъ гонятся и за грабителемъ, и за воромъ отъ общины до общины, отъ села къ селу (von gegenote zcu gegenote, von dorfe zcu dorfe). «Сводъ» изложенъ подъ типичнымъ для средневѣковаго германскаго права терминомъ «anevangen», то есть наложенія руки (anafangjan, rem in tertiam manum mittere). Такъ, если у кого либо захвачена истцомъ съ поличнымъ украденная у него лошадь, то владѣлецъ ея долженъ держать отвѣтъ; если онъ заявляетъ, что купилъ эту лошадь, то судья требуетъ, чтобы владѣлецъ въ 14 ночей доставилъ продавца ея. Если тотъ представитъ въ судъ своего продавца-поручителя (synen geweren), тогда продавшій лошадь владѣльцу, у котораго она была захвачена съ поличнымъ, долженъ отвѣчать тѣмъ-же путемъ передъ истцомъ, считающимъ, что животное украдено у него (§ XI).

Въ довершеніе всего, этотъ памятникъ польскаго обычнаго права даетъ любопытныя свѣдѣнія объ отношеніи между отжившими судебными единицами денегъ и единицами денежнаго обращенія, въ которыхъ дѣйствительно выплачивались въ его время пени, назначаемыя законодательствомъ. (§ XX). При обозначеніи пеней (dy busen) въ маркахъ, то есть гривнахъ, три судебныя марки идутъ на одну реальную (dry mark geachtit sin vor eine rechte marg), а VI марокъ пени даютъ 9 теперешнихъ скойцевъ (newn scot). Пеня „триста“ (dry hundert) осталась отъ времени, когда расплачивались комочками соли (krusch); теперь за „триста“ дается одинъ скойцъ; иногда судья въ видѣ милости беретъ за „триста“ 4 курицы, или 2, или одну. Иногда пеня „триста“ переводится на новую валюту различно въ зависимости отъ общественнаго положенія пострадавшаго. Такъ, если въ корчмѣ избитъ рыцарь, или мужикъ, или попъ, то платится ему „триста“, но триста за рыцаря—это 8 скойцевъ, а триста за крестьянина—это 3 скойца. Независимо отъ этого скидку при переводѣ пени на современную памятнику валюту всегда можетъ сдѣлать еще и самъ судья

изъ милости, въ особенности изъ пени, которая идетъ ему. Такъ, если надо уплатить VI марокъ пени, то судья иногда беретъ 5 скойцевъ, или 3, или 1 лотъ. „Если-же платится пеня въ 70 (zebinczig), или 50 марокъ, или 12 марокъ, то, хотя здѣсь три марки покрываются одной настоящей, судья всетаки дѣлаетъ милость по своему усмотрѣнію".

Въ нашу задачу не входитъ рѣшеніе вопроса, почему и въ эпоху законодательства Казимира Вел. одна и та-же пеня писалась по польски, какъ „17", выговаривалась или передавалась по латыни, какъ „70", а выплачивалась на валюту дня „14"-ью гривнами? Отмѣтимъ, однако, что въ Вислицкомъ статутѣ остались слѣды расплатъ волами и мѣхами. Такъ, по частной записи статутовъ Казимира В., за неявку въ судъ обвиняемаго полагалась пеня въ 2 вола [1]), а по Вислицкому (II, § 2) ст. оффиціаламъ при судѣ причитался отъ пени „70" одинъ волъ. По Вислицкому ст. (I. § 113) при подачѣ аппелляціи на судью жалобщикъ долженъ вручить ему залогъ въ три марки, или куньи мѣха (pelles mardurinae). По частнымъ записямъ статутовъ, кто хулитъ приговоръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ значитъ и апеллируетъ къ высшему судьѣ, тотъ долженъ внести за эту охулку (narzeczenie или naganienie), прежде чѣмъ будетъ допущенъ до новаго суда, каштеляну Краковскому горностаевые мѣха. каштелянамъ Сандомирскому и Люблинскому—мѣха ласокъ, судьямъ Краковскимъ и Сандомирскимъ—мѣха куньи, подсудкамъ—мѣха лисьи, подкоможимъ по 6 гривенъ и т. п.[2]). Однако, головничество и судебныя пени даже по обычному праву XIII-го вѣка выплачивались въ гривнахъ и скойцахъ, а позднѣе съ Казимира В. въ грошахъ, то есть серебромъ. По матеріаламъ Р. Губе въ приложеніяхъ къ его изслѣдованію о судахъ въ Польшѣ, къ концу XIV в. на счетную марку, или гривну денегъ клалось 48 пражскихъ, то есть широкихъ грошей. По Пекосиньскому[3]), Казимиръ В. съ начала своего царствованія сталъ чеканить широкіе гроши въ подраженіе пражскимъ. Но, завися отъ покупки серебра въ Чехіи и Венгріи, король не могъ конкурировать съ Прагой и перешелъ къ чеканкѣ тоже тяжелой серебряной монеты, но лишь въ $^1/_2$ чешскаго гроша, по силезскому образцу. Такіе полугроши и держатся до конца XV в. Кромѣ того король Казимиръ В. билъ еще мелкую серебряную монету, а именно денары, которыхъ считалось по 12 на грошъ. Въ такомъ случаѣ на счетную гривну монетой приходилось 48 грошей пражскихъ, или 96 краковскихъ (полугрошей), или 576 денаровъ. Такая гривна дѣлилась на 4 віардунка, или фертона, то есть 4 четверти по 12 грошей широкихъ, или на 24 шкойца (szkojciec, szkojce) по 2 гроша. По Пекосиньскому, Кра-

[1]) Helcel I, p. 72 duorum boum poena.

[2]) Ibidem, p. 117—118.

[3]) Fr. Piekosiński, Studya, Rozprawy i Materyały, t. I, 1897, p.p. 39—46 и p.p. 52, 90, 102.

ковская гривна вытягивала 198 граммовъ чистаго серебра, по нормѣ Бреславской марки; нѣмецкіе изслѣдователи принимаютъ польскую марку-гривну даже въ 205,5 грм. При нормѣ въ 198 грм. Краковская гривна совпадетъ съ сѣверной (новгородской) русской въ $46^1/_2$ золотниковъ (точнѣе 46,48 зол.). Раньше Казимировыхъ грошей, отъ Мѣшка I-го и до Владислава Локотка чеканились малые серебряные денаріи, правдоподобно по 240 на гривну, то есть по 20 солидовъ изъ 12 денаровъ каждый. Такой денарій въ эпоху Мѣшка III Стараго († 1202) едва вытягивалъ 0,17 грм., то есть количество чистаго серебра въ $^1/_2$ денара Казимира В. [1]).

---

[1]) При нормѣ Пекосиньскаго – на гривну 198 грм. чистаго (вѣр. высокопробнаго?) серебра мы получили-бы на грошъ 4,125 грм. (gros tournois!), на $^1/_2$ гроша 2,06 грм., на денарій 0,34 грм., на $^1/_2$ ден. – 0,17 грм. Боевой конь въ концѣ XIII в. цѣнился въ 3 или 4 гривны, а судя по сельскимъ инвентарямъ въ привиллегіяхъ начала столѣтія, рабочему коню приравнивалось два вола. Эти взаимоотношенія по цѣнности, кажется, совпадаютъ съ нормами Русской Правды: конь княжій (боевой) – 3 гривны, а иной (рабочій) – 2 гривны, волъ – 1 гривна.

Пекосиньскій разницу между судебной гривной и настоящей, а именно 3–5 гривенъ судебныхъ на 1 гривну валюты XIII—XV вв., пытается объяснить тѣмъ, что судебныя разцѣнки пеней будто бы приноровлены еще къ уплатамъ мѣхами; вѣроятно, онъ находится подъ впечатлѣніемъ русскихъ теорій о гривнѣ кунъ. Напротивъ, Лелевель сдѣлалъ попытку найти отвѣтъ для этой задачи въ исторіи серебряныхъ денегъ и въ частности счетной гривны, которая въ болѣе раннее время подвергалась сильному обезцѣнію. Не смотря на возраженія Гельцеля (Helcel, I, р·р. LXXIX и CI—CIII), наше впечатлѣніе, что Лелевель, какъ опытный нумизматъ, шелъ къ рѣшенію вопроса по болѣе правильному пути. Разберемся, для примѣра, въ данныхъ самого Пекосиньскаго.

Съ Казимира В. королевская пеня (70) выплачивалась 14-ью гривнами, а тогда изъ гривны выходило 576 денаровъ по 0,34 грм. серебра каждый, или по 1165 полуденаровъ въ 0,17 грм., которые, если-бы они вычеканивались, были-бы равны реальнымъ денаріямъ Мѣшка Стараго. При нормѣ 205,5 грм. на гривну: изъ нея полуденаровъ выходило-бы даже не 198 : 0,17, а почти 1200 (а именно 205,5 : 0,17 = 1209). Теперь, если отъ Мѣшка I до Локотка на гривну считалось: по нормѣ Карла В., по 20 солидовъ, каждый въ 12 денаріевъ, а всего до 240 денаріевъ а подобный денарій при Мѣшкѣ Старомъ вытягивалъ едва 0,17 грм., то такая счетная гривна въ денаріяхъ заключала-бы въ себѣ только около $^1/_4$-ой слитковой или новой счетной гривны въ грошахъ въ 198—205,5 грм. Въ такомъ случаѣ 70 гривенъ Мѣшка Ст. дѣйствительно слѣдовало-бы съ Казимира В. уменьшить въ 5 разъ и выплачивать 14-ью гривнами. Если предположить, что искони судебныя пени и въ Польшѣ разсчитаны были на слитковыя марки еще колеблющейся нормы, то отъ 12 до 17 слитковыхъ гривенъ-марокъ и могли быть, при переходѣ къ счетнымъ гривнамъ въ мелкихъ денаріяхъ съ колеблющейся нормой, замѣнены 70-ью. Такъ, при предположеніи исконной марки въ $^1/_2$ либры, то есть въ 163,7 грм., денаръ опредѣлился-бы въ 0,68 грм. Тогда, вмѣсто 17 марокъ по 240 денаровъ, каждый въ 0,68 грм., при денарахъ въ 0,17 грм. пришлось-бы требовать 68 марокъ, то есть приблизительно Septuaginta. Мы приводимъ этотъ разсчетъ не какъ окончательный отвѣтъ на вопросъ, для чего у насъ нѣтъ подъ руками нужнаго археологическаго матеріала, а какъ примѣръ тому, что только путь, избранный Лелевелемъ, можетъ и долженъ вести къ правильному разрѣшенію задачи. Къ тому же милосердный произволъ судей выравнивалъ колебанія въ нормахъ денаріевъ. Въ XIII в. по польскому обычному праву за три судебныя марки уплачивали одну реальную, то есть пени въ 70, 50, 12 марокъ превращались въ 24, 17, 4 марки.

Польша монетой была тѣсно связана съ Чехіей. Здѣсь съ іюля 1300 г. при Вацлавѣ II стала вычеканиваться подъ вліяніемъ Флоренціи итальянскими мастерами новая монета изъ мѣстнаго серебра, Пражскіе гроши и „геллеры“, мелкіе денаріи, по 12 на грошъ. Изъ марки должна была-бы выходить „копа“, т. е. 60 штукъ („кора“), но съ расходами чеканки выпускали по 64 гроша. При Янѣ ок. 1330 г. и ихъ выбивали изъ гривны 72 штуки, при Карлѣ ок. 1374—78 г.г. отъ 80 до 70 грошей, при Вацлавѣ III ок. 1400 г. даже по 110. Пражскую гривну спеціалисты принимаютъ въ 252,97—253,17 грм., а гроши Вацлава II и Яна Люксембургскаго въ 3,7—3,5 грм. вѣсомъ вмѣсто 3,96 грм. Незадолго до начала чеканки новой монеты Вацлавъ II сдалъ на откупъ битье монеты для Моравіи (а именно въ 1286 г.) подъ условіемъ, чтобы къ маркѣ серебра прибавлялось $^1/_2$ марки мѣди, а изъ такого монетнаго металла выбивалось-бы $2^1/_2$ таланта и 12 денаріевъ, для Богеміи даже $2^1/_2$ таланта и 30 денаріевъ на марку гривну. Это предполагаетъ серебро 64-ой пробы, или 666,7 частей чистаго на тысячу. Раньше реформы Вацлава II и въ Богеміи дѣлались только денаріи по традиціи Карла В. Такъ для конца XI в. и начала XII в. надо, по Космѣ Пражскому, принимать 200 такихъ денаріевъ на Пражскую марку; это для правленія Конрада Отто дѣйствительно дало-бы денаріи въ 1,21 грм.[1]). Впрочемъ нормы головничества и пеней не занимаютъ въ древнемъ чешскомъ правѣ такого виднаго мѣста, какъ у южныхъ славянъ и на Руси.

Для XIV в. цѣльную картину уголовнаго процесса даетъ частная запись Земскаго права Чехіи[2]). Если у кого убитъ братъ или иной ближній человѣкъ, то вчинающій дѣло долженъ обратиться къ должностнымъ лицамъ въ Прагѣ, начиная съ наивысшаго коморника. Судъ отряжаетъ ему просто коморника (bedallus) для осмотра тѣла и окровавленной одежды убитаго; тоже коморникъ приглашаетъ на судъ и указаннаго убійцу. Въ этомъ случаѣ и только въ этомъ случаѣ убійства истецъ можетъ и долженъ начать сразу два иска—и за убійство (pro ipso capite), и за головничество, за цѣну, въ которую онъ оцѣниваетъ голову (pro pecunia capitali, pro qua ipsum caput aestimat[3]).

---

[1]) Частности итоговъ изслѣдованія австрійскихъ и собственныхъ чешскихъ нумизматовъ сведены въ Оттовомъ «Научномъ Словарѣ». Мы-же пользуемся главнымъ образомъ трудами Германенгильда Иречка, а именно: Codex Juris Bohemici, t. I, 1867. №№ 43, 76, 77, 101; далѣе Herm. Jireček, Slovanské Právo v Čechách a na Moravě, d. III, sv. 1, 1872, p. 190 и его-же Právnický Život v Čechách a na Moravě, 1903, p. 75. Для отдѣльныхъ терминовъ онъ даетъ толкованія и въ своемъ «Prove», 1904.

[2]) Palacký, Archiv Český, d. II. 184?. Ordo Judicii Terrae по латыни и рядомъ чешскій текстъ—Řád Práwa Zemského.

[3]) Или въ чешскомъ текстѣ: «sem pohnal wraha... i z hlawy i z penĕz, w čemž tu hlawu pokládám».

Въ назначенный срокъ складывается судъ изъ наивысшаго коморника (camerarius summus), судьи, земскаго секретаря и пановъ-шляхтичей. Если обвиняемый настаиваетъ на своей непричастности къ убійству или утверждаетъ, что убитый первый напалъ и убитъ ради самозащиты [1]), то судъ можетъ назначить поединокъ. Если обвиняемый уклонился отъ очистительной присяги передъ поединкомъ, то теряетъ свою голову, или же пожизненно заключается въ тюрьму у бургграфа Пражскаго. Но давшій очистительную присягу можетъ до начала поединка свѣдома и при поддержкѣ бургграфа спастись бѣгствомъ [2]).

Кто побѣдилъ противника въ поединкѣ, тотъ долженъ собственной рукой обезглавить его. Все это заносится въ таблички земскаго суда (dsky zemské), дабы никто изъ ближнихъ не мстилъ за убитаго, а кто отомститъ (kto toho mstil), тотъ утрачиваетъ жизнь и имущество въ пользу короля и всѣхъ судей.

Если обвиняемый проигралъ дѣло, потому-ли, что не явился въ одинъ изъ указанныхъ сроковъ, или въ поедикѣ, тогда истцу присуждается голова и деньги за голову. Коморникъ долженъ потребовать у обвиненнаго, чтобы тотъ въ теченіе 6 недѣль вступилъ-бы въ сдѣлку съ обвинителемъ касательно убійства и головничества [3]). Если примиреніе не заключено, то, по минованіи отсрочки, должностное лицо (beneficiarius) и коморникъ (bedallus) вводятъ обвинителя въ обладаніе вотчиной убійцы въ размѣрахъ головничества, да на столько-же присутственное мѣсто, то есть земскій судъ (beneficium) [4]). Съ этихъ поръ, гдѣ истецъ только встрѣтитъ обвиняемаго, онъ можетъ схватить его и убить (má jej jíéti nebo zabiti); онъ прокалываетъ мертвому убійцѣ стегна, привязываетъ за ноги къ хвосту лошади и,

---

[1]) «hoc feci per initium ejus, defendendo vitam meam», или «jest to musil učiniti brane se jeho násilím, a brane života swého».

[2]) aby mohl uteci pred násilím swych nepratel».

[3]) «aby se s nim smluwil w sesti nedelech».

[4]) «aby jemu othádal dedin pohnaného w techpenezich hlawnich, a úradu tolikéž». Кажется, что здѣсь, по древнему обычаю, истецъ и земскій судъ сразу вступаютъ въ полное обладаніе вотчиной убійцы. Повый и старый обычай обстоятельнѣе и яснѣе изложены въ примѣрѣ грабежа на мирной дорогѣ (§ 95). Петръ ограбилъ Ивана на дорогѣ, охраняемой земскимъ миромъ (in via pacis, na ceste), отобралъ платье, наличныя деньги, лошадей, всего на сумму X марокъ серебра безъ лота. Если обвинитель выигралъ дѣло передъ Пражскимъ присутствіемъ, то черезъ коморника онъ приглашаетъ виновнаго вступить въ соглашеніе съ нимъ по дѣлу о грабежѣ на дорогѣ. Если тотъ не вступаетъ въ соглашеніе съ пострадавшимъ, то истецъ вводится въ пользованіе его вотчиной, дающей $1^1/_2$ марки серебра въ годъ, въ предѣлахъ суммы ущерба въ X марокъ безъ лота и столько-же должностнымъ лицамъ. Послѣ этого истецъ съ коморникомъ, осуществлявшимъ вводъ въ пользованіе, могутъ хозяйничать въ вотчинѣ убійцы (powod s jednim komornikem má na techdedinach panowati). Истецъ въ покрытіе своего ущерба и издержекъ беретъ

отнюдь не обирая трупа, тащитъ въ Прагу къ висѣлицѣ, объявляя обо всемъ должностнымъ лицамъ. Коморникъ осматриваетъ тѣло, вноситъ запись въ таблички, и никто не долженъ мстить за убійство [1]).

Этотъ обычный процессъ изъ за убійства дополняется нѣкоторыми разновидностями. Такъ, если кто либо въ присутствіи короля или передъ полнымъ составомъ суда по собственному почину убьетъ кого либо и тутъ-же или потомъ будетъ схваченъ, то ему отрубается голова. Если человѣкъ высшаго слоя или рода привлеченъ къ суду низшимъ по обвиненію въ убійствѣ и уклонился самъ или съ соприсяжниками (testes, pomocník) отъ очистительной присяги, то онъ не теряетъ еще за это своей головы, а долженъ за голову убитаго дать истцу удовлетвореніе по приговору и оцѣнкѣ должностныхъ лицъ Пражскихъ, то есть наивысшаго коморника, судьи, бургграфа и земскаго секретаря (písaře); эти должностныя лица съ совѣта шляхтичей земли должны подъ присягой дать оцѣнку головѣ убитаго [2]). Если среди должностныхъ лицъ земскаго суда возникаетъ разногласіе при оцѣнкѣ головы, то король или его гофмейстеръ (capitaneus regni; вѣр. то-же, что magister curiae) окончательно рѣшаютъ споръ въ пользу опредѣленной оцѣнки. Наконецъ, если кто другого избилъ или поранилъ, причинивъ синяки или кровавыя раны, и истецъ выиграетъ дѣло, то за каждый слѣдъ ударовъ (plaga) ему должно быть дано удовлетвореніе въ 5 грошей.

Хотя на рядѣ юридическихъ памятниковъ средневѣковой Богеміи сказалось вліяніе нѣмецкихъ колонистовъ и ихъ права [3]), однако

себѣ половину выручки, въ лошадяхъ и скотѣ, а другую передаетъ присутствію. По *старому обычаю* такое хозяйничанье становилось постояннымъ; *теперь*-же пока только дважды въ годъ по двѣ недѣли каждый разъ. Когда минетъ этотъ годъ и 6 недѣль, то еще на двѣ недѣли предоставляется имѣнье въ использованіе истцу. Если виновный и до истеченія этихъ двухъ недѣль не вступитъ въ сдѣлку съ истцомъ и должностными лицами земскаго суда, то тогда тѣ могутъ дѣлать съ его вотчиной, что хотятъ, какъ съ своей личной собственностью (actor et beneficiarii disponent, tanquam de re propria).

[1]) «Žádny toho nemá mstiti». И въ Чехіи различаются два слоя знати—nobilis, sive wladyka, и magnifice nobilis, id est slechticzonem magnificum (по чешскому тексту «pán paná, wládyka wládyku). И здѣсь горожанинъ или поселянинъ могутъ противъ знатнаго начать обвиненіе въ убійствѣ («měšťenín nebo sedlák kteréhо šlechtice nebo wládyku pohnal z hlawy»). [2]) «s panská radú maji hlawu tu šacowati podlé swých přísach» или «qui beneficiarii de consilio baronum terrae taxabunt illud caput juxta eorum juramenta».

[3]) Такъ въ «Правахъ и вольностяхъ города Брюнна» отъ 1243 г.—«heymsvoche» въ смыслѣ вторженія въ домъ, «notwerude» при убійствѣ въ самооборонѣ. Напомнимъ нѣмецкое уголовное право начала XIII в. по Саксонскому зерцалу: за воровство вѣшали, за злостное убійство колесовали, за разбой, нарушеніе земскаго мира, за захватъ людей, нанесеніе смертельныхъ побоевъ безъ умысла убить—отрубали голову. Головничество и пени (weregelde und bûze) остаются за ненамѣренное убійство и убіеніе въ самооборонѣ. (Der Sachsenspiegel von Weiske, 1911. II, 13; 14; 38. III, 45).

исконное теченіе въ законодательствѣ своими славянскими терминами для институтовъ говоритъ о мѣстныхъ источникахъ. Такъ въ Моравскихъ статутахъ герцога Конрада Оттона († 1191 г.) по подтвержденіямъ 1222, 1229 и 1237 г.г. упомянуты „сводъ“ (zuode), „сокъ“, какъ сыщикъ или доносчикъ (zoch), „нарокъ“, какъ разбой или грабежъ (narok), „поводъ“, какъ истецъ (powod), „кій“, какъ поединокъ, вѣроятно на палкахъ (kiy), кличъ „nestoyte“ по видимости при погонѣ по слѣду преступника, „полюбовный судъ“ (zlubni zud) по дѣламъ изъ за мелкаго скота, въ другихъ памятникахъ „glava“ или „hlaua“ въ смыслѣ убійства и пени за него [1]). Сохраняются и отголоски архаическаго права. Такъ въ привиллегіи Пшемысла I Отакара отъ 1222 г. для монастырей Пражской діоцезы упоминаются слѣды круговой поруки: „Когда воръ пойманъ въ селѣ, то конфискуется лишь тотъ домъ, гдѣ найдено краденное, сосѣдніе-же дома оставляются въ покоѣ; однако всетаки вмѣстѣ съ другими платятъ пеню, то есть 300 денаріевъ. Когда кто бывалъ убиваемъ въ селѣ и убійца не былъ схваченъ, то каждый поселянинъ обыкновенно присуждался къ пенѣ въ 200 денаріевъ. Теперь король смягчаетъ пеню и постановляетъ, чтобы въ такихъ случаяхъ все село осуждалось на 200 денаріевъ [2]). Есть указаніе для Знаимской жупы въ Моравіи и на покору: по статутамъ герцога Оттона Конрада въ редакціи, подтвержденной въ 1222 г., если какой нибудь знатный или крестьянинъ убьетъ кого либо, то пусть уплатитъ суду 180 (или 200) денаріевъ, а впрочемъ пусть идетъ и ищетъ прощенія (alias... quaerat gratiam), жена-же его пусть оставляется дома въ покоѣ; тотъ-же герцогъ (въ редакціи 1229 г.) для области Брюнна отмѣняетъ „слѣдъ“: „если слѣды кражи позади какой либо деревни пропадаютъ, то эта деревня ни въ какомъ случаѣ не карается за эту кражу“ [3]).

„Рядъ Земскаго Права“ въ русскомъ переводѣ съ рукописи Ганки напечаталъ Н. Иванишевъ въ Ж. М. Н. П. за 1841 г. Переводъ вошелъ и въ „Сочиненія Н. Д. Иванишева“, Кіевъ, 1876 г. Исходя изъ этого чешскаго права и Законика Стефана Душана, Иванишевъ въ своей диссертаціи „О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ германскою вирою“ выставилъ 1-ое Положеніе: „Въ древнихъ германскихъ законодательствахъ замѣтно стремленіе создать систему абсолютно-опредѣленныхъ наказаній: напротивъ, неопредѣленныя наказанія составляютъ существенную черту древнѣйшихъ уголовныхъ законовъ Славянъ“. Такое пріуроченіе опредѣленныхъ и неопредѣленныхъ выкуповъ къ

---

[1]) Codex Jur. Boh. № № 28, 29, 33, 36.

[2]) Codex J. B. № 28. E.

[3]) Обстоятельную библіографію по славянскому праву можно найти въ чешскомъ переводѣ «Lectures on slavonic law» проф. Зигеля, снабженномъ дополненіями проф. Кадлеца (F. Zigel—K. Kadlec, Slovanské Právo, 1912. Svetova Knihovna, 1022—24).

различнымъ національностямъ не можетъ быть принято, потому что это просто двѣ фазы развитія системы выкуповъ, общаго для многихъ племенъ. Такъ Рихардъ Шрёдеръ признаетъ и для древнихъ Германцевъ неопредѣленность головничества исконнымъ явленіемъ (Lehrbuch der Deutschen Rechtsgeschichte, 5 Aufl. 1907, p. 81 Anm. 44), а для хорватовъ и поляковъ мы указали опредѣленность нормъ головничества и у славянъ. Тоже надо повторить и о 2-омъ положеніи Иванишева, что будто-бы только головничество въ „Русской Правдѣ“ есть понятіе, возникшее изъ жизни славянскихъ народовъ, а понятіе виры основано на началахъ германскаго законодательства. Къ германскимъ вліяніямъ мы возводимъ только нормы виры и предположительно самый терминъ „вира“ или „вѣра“, но понятіе ея возникало у славянъ и самостоятельно подъ наименованіями „вражда“, „осудъ“, „вражба“, „покупъ“ и т. п.

Ни для болгаръ, ни для славянъ прибалтійскихъ нѣтъ извѣстій объ обычной нормѣ уголовныхъ пеней въ раннюю эпоху ихъ исторіи. Къ тому-же въ древнемъ болгарскомъ правѣ берутъ верхъ вліянія тюркское, а позднѣе византійское; у прибалтійскихъ славянъ появленіе грамотъ тоже совпадаетъ съ усиленіемъ чуждыхъ вліяній Римской церкви и германскаго племени, способныхъ сдѣлать спорной самобытность любой черты ихъ тогдашняго быта[1]). Наконецъ, среди русскихъ славянъ долгое время держится такая скала виръ, съ которой ничего ни сроднаго, ни сходнаго нельзя найти ни у одного изъ прочихъ славянскихъ народовъ Такъ, для южныхъ славянъ пришлось признать исконный рядъ, исходящій отъ дюжины, какъ 2, 6, 12 воловъ. При замѣнѣ натуральныхъ пеней денежными у сербо-хорватовъ укореняется скала простой или большой сотни, то-есть ряды 100, 50, 25, или 300, 500, 1000, или 60, 120, 240 и т. д. Поляки выступаютъ со своеобразными нормами въ 70, 15, 6 гривенъ-марокъ. Напротивъ. въ эпоху „Русской Правды“ на Руси господствуетъ устойчивая скала виръ, распространяющаяся на продажи, уроки, можетъ быть даже и на головничество, а именно изъ двойной виры въ 80 гривенъ, простой виры въ 40 гривенъ, полувирья въ 20 и его половины въ 10 гривенъ. Эта скала, чуждая всѣмъ другимъ славянскимъ народамъ, не можетъ имѣть корней и въ Византіи, такъ какъ греко-римское право рѣдко опредѣляло за проступки денежныя пени, ни въ коемъ случаѣ за убійство, а къ тому-же нѣтъ ровно никакихъ слѣдовъ его воздѣйствія на виры, продажи и уроки „Русской Правды“.

---

[1]) С. Бобчевъ, История на Старобългарското Право, 1910. (Крумови закони. Responsa papae Nicolai).

А. Котляревскій, Древности Юридическаго Быта Балтійскихъ Славянъ, Прага, 1874, стр. стр. 11 и 133—137. У Гельмольда никакой точной скалы, разумѣется, нѣтъ; о его числахъ см. теперь еще и Д. Егорова, Славяно-Германскія отношенія въ Средніе Вѣка, стр. 119.

Правда, В. О. Ключевскій сдѣлалъ гадательную попытку найти для ряда ея статей о побояхъ и поврежденіи руки, ноги и другихъ членовъ тѣла первоисточникъ въ такъ называемой „Эклогѣ, переработанной по Прохирону“, то-есть въ Νόμος ὁ Πρόχειρος; однако, самъ авторъ не особенно крѣпко держался за эти свои примѣрныя сопоставленія[1]); да ихъ ни въ какомъ смыслѣ и нельзя принять. Время возникновенія компиляціи, называющей себя „Подручнымъ Закономъ“, въ точности установить нельзя, и нѣтъ даже полной увѣренности, что она предшествовала III-ьей редакціи „Русской Правды“. По словамъ проф. В. Ключевскаго, „за порчу глаза и носа эта Эклога назначаетъ въ пользу потерпѣвшаго пеню въ 30 сиклъ; въ Правдѣ за то-же положено пени и вознагражденія потерпѣвшему 30 гривенъ; за выбитіе зуба въ Эклогѣ 12 золотыхъ (номисма), въ Правдѣ 12 гривенъ кунъ“. Однако, въ Правдѣ за одинъ зубъ пострадавшій беретъ гривну, а за то, что „кровь увидятъ у него въ ртѣ“, платитъ 12 гривенъ продажи виновный. (Кар. 79). Между тѣмъ по „Подручному закону“ (XVIII, 34) 12 номисмъ, по видимости частнаго вознагражденія, опредѣляются за „вырываніе зубовъ“ (ὁ τοὺς ὀδόντας ἐκριζῶν). Итакъ, дюжину златниковъ надо сопоставить съ одной гривной, а 12 гривенъ вѣдь обычная плата за тяжкую обиду еще по I-й редакціи. (Ак. 3—4; 7). За поврежденіе руки, глаза или носа III-ья ред. Правды дѣйствительно полагаетъ „полоувѣрие“, то-есть 20 гривенъ, да 10 гривенъ пострадавшему за увѣчье. Это полувирье за руку замѣнило здѣсь полную виру I-ой редакціи. (Ак. 5. Кар. 22). О такомъ поврежденіи руки византійская компиляція вовсе ничего не говоритъ. За отрѣзаніе носа она назначаетъ не пеню, а таліонъ (ταυτοπάθεια), то-есть отрѣзаніе носа виновному. За ослѣпленіе глаза пострадавшій дѣйствительно получаетъ 30 сиклей, но исключительно, какъ частное вознагражденіе. Норма въ 30 сиклей опредѣлена „Книгой Завѣта“ Моисея (Исходъ, 21) за раба или рабыню, если забодетъ волъ, и въ византійскомъ изложеніи Моисеева Закона таже „Эклога по Прохирону“ переводитъ ихъ въ 30 дидрахмъ, вѣроятно считаясь съ традиціей эгинской нормы, такъ какъ библейскій сикль при слабой аттической нормѣ былъ-бы ближе къ тетрадрахмѣ. (Титлъ 39, 16). Въ довершеніе всего крупныя пени въ 12 номисмъ и 30 сиклей—дидрахмъ полагаются въ „Подручномъ Законѣ“, по видимости, не за увѣчье въ дракѣ, а за ослѣпленіе или вырываніе зубовъ, какъ истязаніе или самосудъ надъ жертвой, находящейся во власти насильника; такъ и тотъ, кто сдѣлаетъ другого чесоточнымъ, платитъ 12 номисмъ, а лѣченіе и расходы покрываетъ за годъ. Напротивъ, поврежденія, похожія на послѣдствія схватки,

---

[1]) Курсъ Русской Исторіи, ч. I, конецъ лекціи 13-ой. Zachariae v. Lingenthal въ Jus Graeco-Romanum, pars IV указываетъ, что древнѣйшій кодексъ «Eclogae ad Prochiron mutatae» принадлежитъ концу XII в., и отводитъ для жизни ея составителя широкіе предѣлы отъ половины X-го до половины XII-го в.в.

искупаются болѣе легкими вносами. Разбившій голову ближнему платитъ 1 солидъ; сломавшій плечо, оплачиваетъ лѣченіе и вноситъ еще 3 номисмы. Даже кто вырвалъ ближнему бороду, платитъ ему только 3 номисмы; тогда какъ Правда за бороду опредѣляетъ 12 гривенъ продажи. Итакъ, для заимствованій здѣсь не остается мѣста. Норма въ 30 гривенъ сложилась на Руси изъ полувирья въ качествѣ продажи, и $^1/_4$ виры въ качествѣ урока, то-есть 20+10 гривенъ, а 12 гривенъ обычная пеня за тяжкую обиду „по закону русскому".

За убійство византійское право вообще не знало ни виры, ни головничества. Въ „Эклогѣ по Прохирону" за умышленное убійство назначена казнь мечемъ. Кто ударитъ мечемъ такъ, что раненый не умираетъ, тому отрубаютъ руку. Если кто-либо убитъ въ схваткѣ, то судьи обслѣдуютъ орудія: если смерть причинена большими камнями или бревнами, то виновному отрубаютъ руку; если орудіями болѣе легкими, то виновный подвергается тѣлесному наказанію и изгоняется. Ударившій въ дракѣ рукой и убившій самъ избивается и ссылается, какъ за намѣренное убійство. Убившій вполнѣ ненамѣренно, по видимости по неосторожности, просто высылается. Кто по непріязнямъ (διά τινας ἔχθρας) и ради грабежей имущества учинитъ поджогъ въ городѣ, предается огню. Если-же кто внѣ города умышленно поджигаетъ поля или постройки на поляхъ, казнится мечемъ. Тутъ поздняя компиляція только идетъ по стопамъ оффиціальнаго законодательства императоровъ Исаврійской и Македонской династій. По Эклогѣ, занимающійся разбоями и подсиживающій въ засадѣ и убивающій вѣшается на томъ мѣстѣ, гдѣ схваченъ. По Прохирону, если кто ударяетъ кого мечемъ и убиваетъ, то казнится мечемъ. Безнаказанно каждый можетъ убить ночного вора, и каждаго разбойника можно смѣло убить [1]).

Пени въ законахъ византійскихъ императоровъ назначаются рѣдко. Есть примѣры для Прохирона (XL, 35): женщину по денежнымъ дѣламъ нельзя сажать въ тюрьму; за нарушеніе этого запрета старшіе начальники караются пеней въ 20 литръ золота, младшіе—въ 10 литръ золота. Кто погребаетъ въ городѣ, платитъ фиску 40 номисмъ. Кто вскапываетъ общественную дорогу, платитъ 50 номисмъ. Свободный за нанесеніе оскорбленій карается имуществомъ, рабъ тѣлесно. (XXXVII, 10). По уложенію о наказаніяхъ военныхъ, кто даетъ отпускъ солдату во время войны, наказывается пеней въ 30 номисмъ. Мелкія пени упоминаются въ тѣхъ спеціальныхъ законахъ, которые, какъ дополненія къ общеимперскому праву, приспособлялись къ особенностямъ быта пестраго провинціальнаго населенія. Такъ по „Земле-

[1]) Ecloga Leonis et Constantini, XVII, 50 въ Collectio Librorum Juris gr.-Rom. Цахаріэ gr. Лингенталя.

Prochiron Legum, XXXIV, 77 и XL, 5 по изданію Brandileone e Puntoni.

дѣльческому закону“ пеня въ размѣрѣ дневного заработка сельскаго работника, а именно въ 12 фоллисовъ, налагается за покражу при работѣ заступа, серпа, топора, или по 12 фоллисовъ за каждый день съ момента покражи плуга [1]). Золото и мѣдь—вотъ главные металлы византійскихъ денежныхъ каръ.

Уже въ сербскихъ законодательныхъ памятникахъ съ эпохи Стефана Душана терминъ „вражда“ оторвался отъ понятія убійства [2]). Точно также и у болгаръ и въ хрисовулѣ Константина Тиха [3]) около половины XIII-го вѣка, и въ компиляціи греко-римскаго права „Законъ соудный людьмъ“, идущей предположительно отъ Симеонова вѣка, враждой называется всякое членовредительство и даже вообще тяжкое уголовное преступленіе. Статья изъ „Эклоги“ (XVII, 41) о поджогахъ изъ непріязни (ἔχθρα) или ради грабежа въ краткой редакціи „Закона суднаго людямъ“ называетъ такого поджигателя „вражебникомъ“ и озаглавлена въ обширной редакціи „о враждѣ“. Въ той-же обширной редакціи есть еще и другая статья „о враждѣ“, гдѣ излагается по Моисею правило таліона—„рука за руку и око за око“. Хотя пространная редакція въ спискахъ на Руси обладаетъ нѣсколькими статьями, общими ей съ „Русской Правдой“, какъ на это указалъ еще Н. Калачовъ, однако на русской скалѣ ценей „Законъ судный людямъ“ такъ-же не отразился, какъ и византійское законодательство, изъ котораго черпаетъ эта болгарская компиляція. Ея статья „О разбойницѣ: Аще разбойникъ имется, мечеви предастьсѧ“ напоминаетъ совѣтъ епископовъ Владиміру Св. подъ 996-мъ годомъ. Любопытно названіе денежной единицы „Закона суднаго“, а именно „стьлѧзь“, или золотой; такъ за блудъ съ чужой рабой уплачивается ея господину 30 стляей „рекше златницъ“ [4]). Не могъ отразиться на „Русской Правдѣ“ и болгарскій переводъ исаврійской „Эклоги“ съ его статьей „О разбойницѣхъ: Разбиваѧи и присѣданія творя и оубивая, на немже мѣстѣ іатъ боудетъ, да востокнутъ его на древо“ [5]).

---

[1]) Νόμος γεωργικὸς и Περὶ στρατιωτικῶν ἐπιτιμίων въ Byz. Zeitschr. 1898, VII; 1894, III.

[2]) Прибавимъ, что въ договорѣ краля Стефана съ Дубровникомъ отъ 1349 г. этотъ терминъ даже избѣгается тамъ, гдѣ ему мѣсто, а именно при перечисленіи уголовныхъ дѣяній, подлежащихъ королевскому суду: „да греду предь царьство-ми на судь: за крьвь, и за земьлю, и за проводь, и за чловека, и за сводь, и за ино ни-за-що“. Herm. Jireček, Svod. Z. S.

[3]) Хрисовулъ Конст. Тиха Вирпинскому монастырю Св. Георгія близъ Скопья: „Вражда.. и.. разбои и конску вражду да (ти) си възм.. цьрква на своихъ си людехъ“. С. Бобчевъ, Старобългарски Правни Паметници, I, 190).

[4]) Обширная редакція даетъ даже форму „ш(щ?)ляи“. Все это приводитъ насъ къ древнеслав. „склязь“ и лѣтописному „щелягу“, какъ заимствованіямъ изъ германскихъ языковъ, начиная съ готск. skilliggs, англ. shilling и т. д. См. Falk und Torp, Norw—Dän. Etymologisches Wörterbuch, 1909. Bearb. von Davidsen.

[5]) Въ „Паметници“ С. Бобчева „Еклога на Льва Исаврянина и Константина Копронима“ („Леона и Константина главизны“), зачало 16, гл. 24.

Въ спорныхъ вопросахъ о трехъ редакціяхъ „Русской Правды“ и значеніи ея денежныхъ выкуповъ за проступки, въ частности скалы въ 20—40—80 гривенъ, мы стоимъ на почвѣ взглядовъ, преобладающихъ надъ попытками Сергѣевича и Гётца—поколебать преданія, господствующія въ русской историко-юридической наукѣ. Послѣ твердаго и въ нашихъ глазахъ рѣшающаго дѣло отпора, который далъ новаторамъ, или точнѣе возродителямъ мнѣній меньшинства, Владимірскій—Будановъ [1]), мы считаемъ излишнимъ повторять исторію контроверса со всѣми ея перипетіями и ограничимся краткимъ изложеніемъ соображеній, которыя склонили насъ на сторону большинства авторитетовъ вопреки исканіямъ новыхъ путей въ направленіяхъ возможнаго, но мало или менѣе вѣроятнаго.

Къ опредѣленію хронологическихъ и логическихъ отношеній между редакціями „Русской Правды“ мы подходили отъ изученія денежнаго и вѣсового обращенія на Руси, а оно подтверждало общепринятый взглядъ, что Краткая Правда (I и II редакціи) закрѣпляетъ судебно-правовые порядки первой и второй половинъ XI-го вѣка и ради этого улаживаетъ въ одно цѣлое что-то въ родѣ „кодекса“ или записи кутюмовъ эпохи Ярослава съ „новеллами“ его сыновей въ качествѣ какъ-бы „автентикъ“, тогда какъ Пространная редакція даетъ право, господствующее отчасти въ первой, отчасти во второй половинѣ XII-го столѣтія. (III редакція до § 65 Кар. даетъ право первой четверти XII-го столѣтія; только съ § 66—можетъ быть конца XII-го и даже начала XIII-го вѣка). Такъ какъ правовая жизнь времени III-ей редакціи „Правды“ органически развилась изъ началъ эпохъ II-ой и I-ой редакцій, то, не позволяя себѣ смѣшивать три эти набора въ одну безразличную груду шрифта, мы признаемъ законнымъ правомъ изслѣдователя видѣть въ „Пространной Правдѣ“ наиболѣе освѣдомленный, хотя и развивающій и дополняющій комментарій къ Краткой Правдѣ.

Въ противоположность теченію, представленному въ наукѣ Сергѣевичемъ-Гётцомъ, я вслѣдъ за М. Владимірскимъ-Будановымъ и вмѣстѣ съ Н. Рожковымъ и А. Прѣсняковымъ [2]), не усматриваю возможности видѣть въ 40 гривнахъ за убійство по Краткой Правдѣ уплату частнаго вознагражденія, головничества, семьѣ убитаго. Съ Владиміра Св. Начальная Лѣтопись ведетъ исторію виръ въ пользу князя; итакъ, гдѣ-же эти виры въ Краткой Правдѣ, если 40 гривенъ I-ой статьи Акад. списка истолковать, какъ головничество? Вознагражденіе вирнику за сборъ виръ опредѣлено урокомъ, или закономъ Ярослава въ 8 гривенъ именно отъ нормы виры въ 40 гривенъ, потому что отъ виры въ 80 гривенъ ему идетъ 16. (Надо число въ § 42 Ак. поправить

---

[1]) Рецензіи М. Ф. Владимірскаго-Буданова на трудъ Гётца въ Извѣстіяхъ Университета Св. Владиміра (1912, № 10; 1911, № 3). Н. Рожковъ „Очерки Юридическаго быта по Русской Правдѣ“. Ж. М. Н. П., 1897.

[2]) Рецензія А. Прѣснякова на трудъ Гётца въ Ж. М. Н. П., 1912, ноябрь.

по § 7. Кар. и сравнить съ § 12. Троиц.). Далѣе, почему-же въ такомъ случаѣ въ ст. 4-ой Кар. Пространной Правды о дикой вирѣ въ 40 гривенъ размѣръ головничества рѣзко противопологается этому числу, какъ не 40 („въ сороцѣ гривенъ"), и все таки не установленъ, если его норма была-бы дана уже въ 1-ой ст. Краткой Правды? Напротивъ, при истолкованіи 40 гривенъ этой статьи въ смыслѣ виры князю можно гадательно опредѣлить головничество въ ½ виры по аналогіи съ § 22 Кар., гдѣ при поврежденіи руки, ноги, глаза, носа уплачивается полувирье въ 20 гривенъ, а пострадавшему за увѣчье вознагражденіе въ 10 гривенъ. Тутъ, правда, возможно поставить еще вопросъ о томъ, вносится-ли этотъ урокъ въ 10 гривенъ сверхъ продажи въ 20 гривенъ, или-же отчисляется изъ нихъ? Обыкновенно принимаютъ весь выкупъ за причиненіе увѣчья въ 30 гривенъ.

Главнымъ доводомъ Гётца въ пользу истолкованія всѣхъ нормъ выкуповъ Краткой Правды въ смыслѣ частнаго вознагражденія остается статья 2-ая Ак., по которой окровавленный или избитый до-синя человѣкъ можетъ мстить за себя или-же дѣйствительно какъ будто-бы взять 3 гривны за обиду. Однако, словъ „ему за обиду" въ одномъ спискѣ не достаетъ [1]). Пространная Правда называетъ эти 3 гривны продажей, а не урокомъ (§ 24 Кар.). Далѣе, если въ ст. 2-ую Ак. составитель сознательно занесъ возможность полученія пострадавшимъ урока за обиду въ 3 гривны, то это еще не исключаетъ права понимать во всѣхъ остальныхъ статьяхъ Краткой Правды объ обидахъ выкупы въ 3 и 12 гривенъ, какъ уголовныя пени князю. Вѣдь если продажи и виры не дѣлились между княземъ и истцемъ, то нормы продажи за обиды фактически могли превращаться въ предѣльные размѣры частнаго вознагражденія по мировымъ сдѣлкамъ безъ суда: отвѣтчику всегда выгоднѣе было-бы по безспорному обвиненію дать пострадавшему за обиду выкупъ, доходящій до нормы продажи, нежели возиться съ судомъ и въ концѣ концовъ уплатить туже продажу, а, можетъ быть, еще сверхъ того и урокъ. Наконецъ, слова „взяти емоу за обидоу" можно, согласно съ Пространной Правдой и противополагая „себѣ" и „емоу", просто понимать, какъ „взять за обиду ему", то-есть въ смыслѣ права власти взять съ виновнаго за обиду, нанесенную пострадавшему. Какъ-бы то ни было, статьи о выкупахъ за обиды ни въ какомъ случаѣ не должны и не могутъ связать изслѣдователя при толкованіи уплатъ за убійства, какъ виръ. Никто не оспариваетъ того, что 80 гривенъ за убійство огнищанина въ обиду платились убійцей князю, а между тѣмъ въ ст. 18 Ак. сказано только „платити зань", какъ и о 40 гривнахъ въ ст. 1-й Ак. „положити зань". Названіе-же „вира" или „вирное" (ст. 19) присоединяется лишь тамъ, гдѣ платитъ вервь.

---

[1]) По Калачову, ихъ нѣтъ въ спискѣ Татищево-Погодинскомъ.

Начнемъ изученіе скалы виръ съ болѣе поздней и болѣе обстоятельной „Пространной Правды“, а точкой отправленія возьмемъ дикую виру. Если убитъ княжій мужъ въ разбоѣ, то вервь, гдѣ лежитъ голова, если она не изыщетъ [1]) убійцы, платитъ 80 гривенъ, а за простого человѣка 40 гривенъ виры („вирное, вирную, виревную, вервьную“). Вервь безъ убійцы уплачиваетъ такую виру (вѣру) [2]) нѣсколько лѣтъ. Если разбойникъ въ верви на лицо, то люди за него не платятъ, а выдаютъ самого съ женою и дѣтьми на потокъ и на разграбленіе, то-есть не община громитъ его имущество и изгоняетъ самого съ семьей, а князю на произволъ отдается личность и собственность преступника. Если-же кто убилъ не преднамѣренно, въ схваткѣ или ссорѣ на пиру явно, то онъ самъ уплачиваетъ головничество за убитаго, а, если не участвуетъ въ круговой порукѣ верви по дикимъ вирамъ, то и виру за свое убійство безъ помощи людей. Если-же случайный убійца обычно [3]) вкладывался въ дикую виру и прикладывалъ къ уплатѣ ея вервью, то теперь люди верви помогаютъ ему уплатить виру, выплачивая сообща, всей дружиной дикую виру въ 40 гривенъ, изъ которыхъ убійца вноситъ тогда лишь причитающуюся на него долю. (Кар. 3—6 ср. Синод. „прикладываетъ“). Головничество, вѣроятно, не равно было съ 40 гривнами, такъ какъ ему противополагается именно участіе въ уплатѣ ихъ, „въ сороцѣ гривенъ“.

Кто ударитъ мечемъ на смерть, платитъ виру и притомъ, можетъ быть, съ вспомоществованіемъ отъ людей верви; если причинитъ только рану мечемъ, то пострадавшему 1 гривну за рану, а князю 3 гривны продажи; если изувѣчитъ руку, ногу, глазъ, носъ, то—полувирье въ 20 грв. и 10 гривенъ увѣчному. (Кар. 22, 25). Когда исконное мщеніе за убитаго путемъ таліона, то есть убіенія убійцы, было замѣнено выкупомъ кунами, то-есть головничествомъ, то во всѣхъ дѣлахъ объ убійствѣ наступалъ случай, который въ эпоху господства мщенія—таліона предвидѣлся въ словахъ „оже не будеть кто его мьстяи“,

---

[1]) Въ позднихъ русскихъ памятникахъ: „а не найдутъ... а не доищутся душегубца“.

[2]) Только формы съ „и“ даютъ Акад. сп. (§ 42 „виро“) и списокъ Археогр. ком. для Краткой Правды, а Синодальный I, относящійся къ концу XIII в. и рѣшающій въ вопросахъ языка, для Пространной Правды. Формы съ „ѣ“ наряду съ преобладаніемъ „вир“ иногда попадаются въ спискахъ Простр. Правды Троицкомъ (§ 6 вѣру), Карамзинскомъ (§ 22 полоувѣрне), и друг. Формы съ „ѣ“ преобладаютъ или исключительно только и даются въ спискахъ кн. Оболенскаго (§§ 6–7), Синодальномъ II, Синодальномъ III, Пушкинскомъ и друг. (вѣрнику, покони вѣрнія, вѣра). См. Н. Калачовъ, Предварительныя Юридическія Свѣдѣнія. Въ итогѣ мы, конечно, признаемъ форму „вира“, исконной, но распространенность формъ съ „ѣ“ въ болѣе позднихъ спискахъ свидѣтельствуетъ въ нашихъ глазахъ о томъ, что слово „вира“ стояло одиноко въ „Русской Правдѣ“ и было необычно и непонятно за предѣлами ея эпохи и территоріи. Все это дѣлаетъ болѣе вѣроятнымъ, что слово „вира“ въ русскомъ языкѣ заимствовано.

[3]) Толкованіе Гётца, что будто-бы рѣчь здѣсь идетъ лишь о данномъ случаѣ уплаты виры, натянутое.

то-есть уплачивалась вира въ 80 гривенъ за княжьяго мужа и 40 гривенъ за просто свободнаго и притомъ въ указанномъ уже порядкѣ, то-есть головничество вносилось самимъ убійцей, а вира имъ однимъ, если онъ не вкладывался въ круговую поруку верви, или-же въ противномъ случаѣ имъ сообща съ другими ея людьми. (Кар. 1—2). За кости и тѣло мертвеца, неопознаннаго и неизвѣстнаго даже по имени, вервь не платитъ дикой виры. (Кар. 15). За княжьяго отрока идетъ вира въ 40 гривенъ, за убійство женщины платится полувирье въ 20 гривенъ. (К. 9 и 101), за холопа и рабу виры вообще нѣтъ, а платится урокъ господину и князю 12 гривенъ продажи.

Отступаемъ хронологически назадъ къ Краткой Правдѣ. Ея вторая часть (со ст. 18 Ак.) начинается надписью, указывающей, что редакція всей Краткой Правды выполнена уже послѣ того, какъ съѣзды Изяслава, Всеволода, Святослава замѣнили собой единовластіе ихъ отца Ярослава. Ст. 19 Ак., соотвѣтствуя Кар. 3-ьей, возлагаетъ на вервь уплату виры въ 80 гривенъ или дикой, за убійство въ разбоѣ огнищанина, то-есть княжьяго мужа, если убійца не разысканъ. Но, если кто убиваетъ огнищанина „въ обидоу“, то-есть намѣренно, но безъ корысти, то платитъ одинъ 80 гривенъ за него, а люди верви уже не платятъ дикой виры. Итакъ, отсюда слѣдуетъ, что уже при сыновьяхъ Ярослава убійство, совершенное не ради разбоя, не карается болѣе таліономъ въ смыслѣ мщенія—казни. Поэтому мы кое въ чемъ согласны съ проф. Гетцемъ и Максимейкой, а именно, что надпись Краткой Правды передъ ст. 18-й („Правда оуставлена Роуськои земли, егда ся съвокоупилъ Ияславъ, Всеволодъ, Святославъ“) тѣсно связана съ 2-ой статьей Пространной Правды, причемъ здѣсь къ ней прибавлено лишь главное постановленіе съѣзда Ярославичей: „отложиша оубиеніе за головоу, но коунами ся выкоупати“. Однако, врядъли это добавленіе составитель Пространной Правды самостоятельно отвлекъ лишь отъ 18-й статьи краткой редакціи; правдоподобнѣе, что выкупъ кунами отъ убіенія за голову имѣетъ въ виду „головничество“ статьи 4-й и идетъ окольными путями изъ первоисточника, общаго какъ для 2-ой статьи Пространной Правды, такъ и для надписи въ Краткой Правдѣ. Далѣе, слова „а людемъ не надобѣ“ платити въ ст. 18 Ак. признаютъ излишней здѣсь дикую виру § 19-го и свидѣтельствуютъ попутно о томъ, что Краткая Правда Ярославичей не интересовалась круговой порукой верви по уплатѣ виръ за убійство безъ разбоя (ср. конецъ § 4 Кар.), какъ учрежденіемъ необязательнымъ, земскимъ, а не княжьимъ, можетъ быть распространявшимся еще только на уплаты дикихъ виръ при невыдачѣ убійцы.

Планъ изложенія дѣйствующаго права въ Пространной Правдѣ отчасти историческій: въ ст. 1-ой Кар. она излагаетъ прежнее право мщенія за убійство любого мужа, просто свободнаго или княжьяго, добавляя, что въ случаяхъ, когда никто не мститъ, уплачиваются

виры въ 80 и 40 гривенъ; а во 2-й ст. отмѣчается, что подобное убіеніе за голову замѣнено при Ярославичахъ денежнымъ выкупомъ. Все это, какъ-бы введеніе къ новому праву, начинающемуся со ст. 3-ьей. Въ сущности этотъ историческій пріемъ изложенія заимствованъ у Краткой Правды, гдѣ ст. 18-ая указываетъ на то, что мщеніе, или убіеніе за голову не примѣняется болѣе даже при убійствѣ „въ обидоу“ огнищанина, а значитъ тѣмъ болѣе, если убитъ простой мужъ; старое-же право мщенія за убійство простого мужа или и княжьяго, да не изъ высшихъ, дано еще раньше въ 1-ой статьѣ Ак. Краткой Правды. Вѣдь, если постановленія съѣзда Ярославичей, упомянутаго здѣсь въ надписи передъ статьей 18-й, не истолковать изъ содержанія этой самой статьи въ смыслѣ упраздненія мщенія, то пришлось-бы допустить мало правдоподобную перспективу, что будто-бы одно время при братьяхъ Изяславѣ, Всеволодѣ, Святославѣ допускалось еще мщеніе за просто свободнаго и низшаго княжьяго мужа, тогда какъ за высшихъ—огнищанина и тивуна—убіеніе было уже отмѣнено. Итакъ, наше непосредственное впечатлѣніе, что старое право мщенія 1-ой статьи, заимствованной изъ редакціи эпохи Ярослава (изъ I-ой редакціи) молчаливо предполагается въ Краткой редакціи вообще отмѣненнымъ, разъ прибавлена вторая часть въ редакціи эпохи Ярославичей (II-я редакція), не знающая болѣе такого права.

Подадимся теперь хронологически еще далѣе назадъ къ эпохѣ Ярослава и I-й редакціи, совпадающей съ первыми 17-ью статьями Академическаго списка. Тутъ въ 1-й статьѣ признано право ближайшихъ родичей убитаго мстить за него, во 2-й право каждаго мстить за нанесенныя ему до крови или до синяковъ побои, въ ст. 5-ой право дѣтей мстить („смирять“) причинившему хромоту ихъ отцу; тутъ архаичное слово „скотъ“ вмѣсто кунъ; именно тутъ на статьѣ 17-ой уловлено вліяніе „Закона Суднаго людямъ“, а въ статьяхъ 3—4-ой содержится повидимости тотъ „законъ русскій“, о которомъ говорятъ статьи 5-ая и 14-ая Договоровъ съ Греками Олега и Игоря[1]). Итакъ, мы здѣсь имѣемъ передъ собой право, дѣйствовавшее отчасти еще задолго до Ярослава. Поэтому можно признать

---

[1]) Заманчивы параллели изъ древне-скандинавскаго права. По остъ-ётскому закону (см. ниже), если мужъ бьетъ другого до крови, то это стоитъ, какъ и въ Ак. 2, три марки-гривны, изъ которыхъ 1 идетъ истцу, 1 конунгу, 1 сотнѣ, то-есть территоріальной общинѣ. Если мужъ ударяетъ мужа рогомъ или рукоятью меча, жердью или коломъ (палкою), лопнетъ кожа или мясо, то это тяжелая рана (или кровоподтекъ, full skena); за это платится однако не 12, а 6 марокъ, изъ которыхъ 4 раненному, 1 конунгу, 1 сотнѣ. (Vadha mal, XIX—XX: maedh hornum aella hiaeltum, stangum aella stafrum. Аллитерація указываетъ на стихотворную, архаичную форму закона). Мы не знаемъ, кому или 5 литръ=12 гривенъ серебра по Договорамъ, но, по § 2 Договора съ Игоремъ, торговля Руси съ Византіей была организована, какъ предпріятіе князя („яко послахъ корабль... да не изищется смерть ихъ отъ князя вашего“). Къ шведскому тексту ближе всего Пространная Правда, §§ 19 и 21 Карз.

законной попытку толковать его въ связи съ тѣми нормами Договоровъ Олега и Игоря, которыя не вполнѣ совпадаютъ съ правомъ византійскимъ. По Договору Игоря (ст. 13), если христіанинъ, то есть грекъ, убьетъ русина, или русинъ христіанина, то ближніе убитаго должны схватить убійцу, чтобы убить его. Если убійца убѣжалъ, то ближніе убитаго вступаютъ въ обладаніе его имуществомъ; если же убѣжавшій убійца человѣкъ неимущій, то родственники должны разыскать его, и, въ случаѣ поимки, пусть онъ будетъ убитъ. Такъ какъ по предыдущей статьѣ (12-ой) русскимъ отказано въ правѣ карать („казнить") подданныхъ императора и установлено, что тѣ будутъ получать наказанія за свои проступки „повелѣньемъ царства нашего", то очевидно, что убіенію убійцы — грека ближними убитаго русскаго долженъ предшествовать нѣкоторый процессъ въ порядкѣ византійскаго судопроизводства. По Договору Олега (ст. 4), если русскій убилъ христіанина, или христіанинъ русскаго, то пусть убійца умретъ на мѣстѣ, гдѣ совершилъ убійство. Если-же убійца обладаетъ имуществомъ и убѣжитъ, то принадлежащая ему по закону часть въ имуществѣ достается ближнему убитаго, а законная доля жены убійцы останется за ней. Если-же бѣжалъ неимущій убійца, то тяжба его не прекращается, пока онъ не будетъ найденъ, чтобы тогда умереть. Нельзя не отмѣтить нѣкотораго различія между словами „да умреть, идѣже аще створить убійство" въ договорѣ болѣе раннемъ и фразой въ договорѣ Игоря „да держимъ будеть створивый убійство отъ ближнихъ убьенаго, да убьють и́".

Сергѣевичъ въ статьяхъ Договоровъ объ убійствѣ желаетъ видѣть исключительно греческое право, а потому истолковываетъ ихъ въ смыслѣ офиціальной смертной казни и отвергаетъ допущеніе здѣсь мести. Напротивъ, Владимірскій-Будановъ допускаетъ, что византійская точка зрѣнія приспособлена въ этихъ нормахъ къ русской. Такъ какъ мы принимаемъ уголовное право Договоровъ за исходный пунктъ процесса эволюціи нормъ для убійства въ трехъ слояхъ Русской Правды, то должны путемъ сравненія статей 4 и 13 Договоровъ Олега и Игоря съ византійскимъ законодательствомъ доказать, что передача имущества бѣжавшаго убійцы родственникамъ убитаго не есть греческое, а значитъ есть русское право; тогда мы въ правѣ, сообразно съ мщеніемъ по Начальной Лѣтописи и по „Русской Правдѣ", слова „да убьють и́" относить къ родственникамъ убитаго, по крайней мѣрѣ, если убитъ русскій.

Примемъ за образецъ византійскихъ нормъ Πρόχειρον νόμων Василія Македонянина. Каковы-же здѣсь имущественныя послѣдствія осужденія на смерть? Общее правило Прохирона гласитъ, что всякое осужденіе, лишающее жизни или гражданства или свободы, сопряжено съ конфискаціей имущества (δήμευσις); только женщина карается конфискаціей лишь въ пяти случаяхъ—при осужденіи за оскорбленіе Величества, или измѣну, за убійство мужа, за отца, за колдовство или

вареніе яда, за убійство вообще. Присужденный къ тому, чтобы не подходить къ своему дому, осуждается не для того, чтобы владѣть имъ. Заточенные, то есть сосланные, не могутъ получать ни наслѣдствъ, ни „легатовъ", отказанныхъ по завѣщаніямъ. Заточенный-же осужденъ не временно, а совсѣмъ и навсегда. Имущество тѣхъ. кто за преступленіе подлежитъ смерти или конфискаціи, все-же идетъ нисходящимъ и восходящимъ родственникамъ, но лишь до третьей степени. Жены ихъ получаютъ собственное приданое и добрачные дары. Если перечисленныхъ лицъ нѣтъ у осужденныхъ, то все достается казнѣ, фиску [1]). (Титлъ XXXVI, въ особенности §§ 30, 33). Собственность жены не присоединяется къ имуществу мужа, когда онъ карается конфискаціей, хотя-бы дѣло шло и не о приданомъ. А если кто присуждается къ смертной казни, то всегда конфискуется его имущество, подвергшійся же конфискаціи приравнивается къ умершему: фискъ становится его наслѣдникомъ (ibidem). Завѣщаніе того, кто присужденъ императоромъ къ смертной казни или ссылкѣ (ἐξορίζεσθαι), недѣйствительно. (T. XXI, гл. 3).

Итакъ, имущество казненнаго идетъ или ближайшимъ родственникамъ. или фиску, а не ближнимъ убитаго; только оговорка о законной собственности жены въ Договорѣ Олега соотвѣтствуетъ византійскому праву. Но такую оговорку знаетъ и древне-шведское право. По закону остъ-ётовъ, когда дѣлится имущество (bo) убійцы, то жена и дѣти сохраняютъ въ немъ свои доли. Напротивъ, въ другихъ случаяхъ, при оскорбленіяхъ и насиліяхъ и Прохиронъ караетъ имущественными пенями. Изнасиловавшій дѣвушку карается отрѣзаніемъ носа и долженъ уступить ей $^1/_3$ всей своей собственности, а если это дѣвочка моложе 12 лѣтъ, то даже половину. (T. XXXIV, 63—64). За преступленіе противъ личности (ὕβρις) свободный карается имуществомъ, рабъ тѣлеснымъ наказаніемъ, а такая обида можетъ быть причинена словомъ или дѣйствіемъ. (T. XXXVII, 2 и 10). Поэтому при позорящемъ ударѣ мечемъ, копьемъ и т. п. (§§ 5 и 14 Договоровъ) „русскій законъ" приходится усматривать въ установленіи пени въ опредѣленномъ размѣрѣ, равноцѣнномъ 5 литрамъ серебра. Выдачей вмѣстѣ съ разбойникомъ его жены и дѣтей потокъ и разграбленіе Пространной Правды отличаются отъ византійскихъ заточеній и конфискацій.

Ближній или ближніе Договоровъ очевидно совпадаютъ съ братьями, сыновьями, отцемъ, племянниками, перечисленными съ правами мстителей въ 1 ст. Акад. списка [2]). Исходя изъ совпаденія „закона рус-

---

[1]) Въ сущности это рецепція Новеллы 134, cap. X. По Геймбаху, эту новеллу надо примѣнять и къ истолкованію Basilicorum, lib. LX, titl. 13—16, гдѣ рѣчь о δήμευσις.

[2]) Замѣну „братоу чадоу, любо сестриноу сынови" (Ак.) въ Кар. словами „ли братню сыновци" я объясняю измѣненіемъ значенія „братоучадъ", подъ вліяніемъ южно-славянскихъ и греческихъ значеній словъ ἐξάδελφος и „братучед", изъ племянника въ двоюроднаго брата. Въ сущности это дѣти двухъ братьевъ, а таковые могутъ быть и кузенами

скаго" и убіенія—мщенія Договоровъ съ древнѣйшимъ наслоеніемъ „Русской Правды", можно и мщеніе въ этой 1-ой статьѣ I-ой редакціи понимать, какъ убить на мѣстѣ, гдѣ совершено убійство, или схватить убійцу, чтобы убить его съ освященія суда. Это убіеніе за голову, по ходу нашей аргументаціи, и замѣнено было при Ярославичахъ денежнымъ выкупомъ, или головничествомъ. Каждый разъ, когда никто не мститъ убійцѣ убіеніемъ, за убійство должна быть уплачена вира. Поэтому, когда головничество въ пользу ближнихъ вытѣснило ихъ мщеніе, рядомъ съ головничествомъ обязательной стала вира. Слова 1-ой статьи „аще не боудеть кто мьстя" совершенно ясны съ точки зрѣнія факта, а именно, что убійца на лицо, но никто его не убиваетъ и не ищетъ по суду права убить его, однако неопредѣленны они только по отношенію къ причинамъ такого факта: можетъ быть, у убитаго нѣтъ родичей, или можетъ быть его ближніе вступили въ мировую сдѣлку съ убійцей и получили выкупъ: вѣдь Краткая Правда не вникаетъ въ такія отношенія, какъ напр. круговая порука въ рамкахъ верви, которыя создаются за предѣлами княжьяго права. Вира въ 40 гривенъ опредѣляется этой 1-ой статьей Краткой Правды, если убитый не огнищанинъ и не княжій тіунъ, убійство которыхъ (по ст. ст. 18 и 21) оплачивается 80 гривнами. Среди такихъ мужей 40-а гривенъ перечислены люди различныхъ территоріальныхъ міровъ (роусинъ, словенинъ), различнаго тягла („коупчина" и „изъгои", то есть, вѣроятно, человѣкъ, случайностями жизни выбитый изъ опредѣленнаго общественнаго тягла) [1]), различныхъ ступеней княжьей службы (гридень, мечникъ, ябетникъ). На эту скалу виръ—20, 40, 80 гривенъ—марокъ—мы будемъ наталкиваться на каждомъ шагу, какъ только, отвернувшись отъ правовой жизни древнихъ славянъ, обратимся къ законодательнымъ памятникамъ скандинавскихъ народовъ въ Средніе вѣка.

Особую категорію среди убійствъ образуютъ въ „Русской Правдѣ" намѣренныя убійства по злобѣ или ради корысти, въ обиду или въ разбоѣ; они вызываютъ наиболѣе недоумѣній и разногласій при истолкованіи текстовъ. Сопоставляя Договоры съ Греками и „Русскую Правду" съ разсказами лѣтописи подъ 996 и 1071 гг., мы станемъ на точку зрѣнія, что жизнь постоянно стремится найти прорѣхи въ нормахъ писаннаго или обычнаго права и идти по новымъ, не преду-

---

другъ другу, и племянниками для одного изъ этихъ братьевъ; отсюда двоякое значеніе ἐξάδελφος. Въ русскихъ памятникахъ „братоучадъ" и „братоучада" раньше—племянникъ и племянница (Начальная лѣтопись, по Ипатск. сп., 1251 г. „братучада = двоюродная племянница), но затѣмъ подъ вліяніемъ переводной канонической литературы (А. Павловъ, „50-я глава Кормчей Книги", 1887, даетъ примѣръ изъ перевода соборнаго свитка патріарха Сисиннія отъ 997 г.) эти слова, какъ и сербскія „братучед" и „братучеда", пріобрѣтаютъ значеніе кузена и кузины.

[1]) Исходимъ отъ Устава Всеволода: „холопъ исъ холопьства выкупится, купець одолжаетъ" и т. д.

смотрѣннымъ ранѣе путямъ, пока они не будутъ преграждены дополнительными статьями.

Подъ 1071 г. Начальная Лѣтопись описываетъ расправу Яна Вышатича на Бѣломъ Озерѣ съ примѣненіемъ пережитка мести къ волхвамъ, убивавшимъ женщинъ подъ предлогомъ вѣдовства. Янъ добился того, что горожане Бѣлозерска поймали и выдали ему виновныхъ. Овладѣвши волхвами, онъ послѣ нѣкотораго пристрастнаго допроса отдалъ ихъ на казнь родственникамъ убитыхъ матерей, сестеръ, женъ со словами „мьстите своихъ". Родичи погубленныхъ взяли волхвовъ, убили ихъ и повѣсили на деревѣ. Можетъ быть это пережитокъ мести, къ которому Янъ прибѣгъ съ превышеніемъ власти въ виду чрезвычайности преступленія и важности быстро положить конецъ соблазну; волхвы считали, что онъ долженъ доставить ихъ на судъ самого Святослава. Однако, вполнѣ возможно, что это мщеніе примѣнено Яномъ еще до отмѣны Ярославичами убіенія за голову. Вѣдь еще къ 1072 г. Нач. Лѣтопись относитъ съѣздъ Изяслава, Святослава, Всеволода ради перенесенія мощей Бориса и Глѣба, а распри между братьями начались лишь съ 1073 г. Какъ-бы то ни было, порядокъ мщенія волхвамъ можетъ лечь въ основу толкованія русскихъ теченій права въ Договорахъ съ Греками.

Договоръ 945 г. молчитъ о различіяхъ въ мотивахъ убійства. Когда судъ подтвердитъ (Нач. Лѣт. 936 г.: „казнити..., нъ съ испытаниемь", „со испытомъ") наличность преступленія и виновнаго, тогда передъ родичами убитаго стоитъ фактически выборъ: или убить присужденнаго имъ убійцу, но и предоставить наслѣдство послѣ него его ближнимъ, или дать ему возможность убѣжать и тогда вступить въ обладаніе имуществомъ бѣглеца. Вѣдь собственность казненнаго разбойника еще и при Владимірѣ Св. не конфисковалась въ пользу князя, такъ какъ иначе старцы (градскіе) не могли бы систему виръ отстаивать, какъ болѣе доходную. При наличности этихъ двухъ крайнихъ выходовъ ясно по здравому смыслу, что стороны должны были найти середину между ними и вступать въ замиреніе, причемъ убійцѣ важно было выговаривать себѣ жизнь, а ближнимъ убитаго—часть состоянія виновнаго. Договоръ, однако, какъ и „Русская Правда", не интересуется дальнѣйшимъ исходомъ конфликта интересовъ сторонъ, послѣ того какъ онъ выйдетъ за предѣлы суда и участія государственной власти.

Краткая Правда знаетъ и другой видъ мести, предшествующій суду. Такъ, если кто ударяетъ другого бичемъ, жердью, ладонью, чашею, рогомъ или тупой стороной орудія и его не схватятъ (очевидно для немедленнаго-же возмездія), то послѣ онъ платитъ только по суду 12 гривенъ, и этимъ дѣло кончается (Ак. 3). Такъ и по Пространной Правдѣ, въ этомъ случаѣ оскорбленный ударомъ можетъ тутъ-же ткнуть обидчика мечемъ, не впадая этимъ въ вину (Кар. 21). Подобную месть до суда разрѣшаетъ, по видимости, Договоръ 911 г. сло-

вами „да умреть, идѣже аще створить убійство“. Выраженія Договоровъ „да умреть“, „да убьють и́“, „да убѣнъ будетъ“ избѣгаютъ какъ-бы нарочно точнаго указанія на то, что убить убійцу долженъ или ближній, или судья съ офиціаломъ—палачемъ, можетъ быть именно, чтобы дать просторъ для различій между русскимъ обычаемъ и византійскимъ правомъ. Такъ по исаврійской Эклогѣ, разбойникъ вѣшается на мѣстѣ, гдѣ схваченъ. Съ другой стороны древне-скандинавское право (законы вестъ-и остъ-ётовъ) признаетъ безнаказаннымъ убіеніе убійцы на мѣстѣ преступленія, а остъ-ётскій законъ знаетъ и убіеніе убійцы послѣ осужденія на „тингѣ“—вѣчѣ.

На почвѣ такихъ комбинацій отношеній между ближними убитаго и убійцей, исчерпывающихъ всѣ фактическія возможности, Владиміръ Св., по извѣстію Начальной Лѣтописи [1]), устанавливаетъ новую фазу вмѣшательства княжьей власти. Сначала онъ отвергъ систему виръ (м. б. только совѣты въ пользу виръ?) и въ духѣ болгаро-византійскаго права соглашается казнить разбойниковъ; слова его „боюся грѣха“ указываютъ прямо на смертную казнь, какъ и слова сербскаго краля Милютина, подъ разбойниками-же Лѣтопись, не выработавшая себѣ строгой юридической терминологіи, могла разумѣть просто злостныхъ убійцъ („на казнь злымъ“) какъ ради корысти, такъ и изъ вражды. Этимъ новшествомъ подверглось ограниченію фактическое право родичей убитаго въ разбоѣ заключать съ разбойникомъ замиреніе цѣною головничества. При казни разбойника его имущество очевидно не доставалось князю, такъ какъ старцы (градскіе) увеличенія доходовъ на коней и оружіе для рати ожидали отъ замѣны системы казней вирами. Слова Лѣтописи о Владимірѣ „отвергъ виры“ осторожнѣе относить къ двумъ теченіямъ, боровшимся между совѣтниками князя—старцами и епископами, которые, давая на выборъ совѣты, сходились лишь въ неизбѣжности государственнаго вмѣшательства, по типу-ли германо-скандинавскому—„оже вира“, или болгаро-византійскому — смертная казнь. Предположеніе, что уже до Владиміра Св., или первое время и при немъ брались виры еще до опыта со смертною казнью, могло-бы быть субъективнымъ толкованіемъ составителя Лѣтописнаго свода XI вѣка, потому что традиція конца X-го вѣка должна-бы помнить „строенье дѣдне и отне“ во всѣхъ его частностяхъ, то-есть, согласно договору 945 г, невмѣшательство власти въ фактическую возможность родичей убитаго казнить виновнаго или дать ему бѣжать, и, согласно съ разсказомъ Льва Діакона, обычай приднѣпровскихъ русскихъ въ дни Святослава—разрѣшать распри убійствомъ и

[1]) Ак. А. А. Шахматовъ признаетъ, что характеристика Владиміра Св. подъ 996 годомъ входила уже въ конструированный имъ Древнѣйшій Сводъ 1039 г. и была внесена въ него изъ какого-либо отдѣльнаго сказанія. („Разысканія о Древнѣйшихъ Русскихъ Лѣтописныхъ Сводахъ“, стр. 161 и 470). Но и позднѣйшіе своды, предположительно 1073 и 1095 г.г., возникали до установленія выдачи разбойника князю на потокъ и разграбленіе.

кровью [1]). Принявъ сначала къ руководству указанія византійскаго права, Владиміръ затѣмъ подъ вліяніемъ нужды въ деньгахъ обращается къ системѣ отвергнутыхъ имъ было виръ. Послѣ этого лѣтописный разсказъ, начавшійся словами „живяше же Володимеръ в страсѣ Божьи", продолжавшійся отвѣтомъ князя „боюся грѣха", заканчивается фразой „и живяше по устроенью отьню и дѣдню". Это не значитъ непремѣнно, что виры существовали при Игорѣ и Святославѣ, а отмѣчаетъ только, что отнынѣ при Владимірѣ, какъ и раньше при его отцѣ и дѣдѣ, княжеская власть не требовала непремѣнно смерти разбойника и не брала казни въ свои руки. Весь разсказъ вертится не около виръ, а около страха Божія и смертной казни. Наше впечатлѣніе, что установленіе виръ при Владимірѣ явилось компромиссомъ между признаніемъ долга для князя начать карать разбойниковъ, его желаніемъ избѣгать смертныхъ казней, къ которымъ не прибѣгали Игорь и Святославъ, и необходимостью увеличить доходы на рать. Можетъ быть, при Владимірѣ и чередовались три момента—вира, казнь и опять вира, но до него о вирахъ нѣтъ слуху [2]).

Въ пониманіи частностей такой системы виръ Владиміра Св., выросшей, какъ надстройка надъ правомъ по Договору Игоря, приходится сообразоваться съ 1-ой статьей Ак. Краткой Правды. Владиміръ очевидно не запрещалъ ближнимъ убитаго казнить уличеннаго разбойника, такъ какъ иначе мести не было-бы и въ Правдѣ Ярослава. Но Владиміръ и не могъ требовать отъ ближнихъ убитаго, чтобы они непремѣнно казнили разбойника таліономъ, такъ какъ самъ отказался отъ смертной казни и нуждался въ доходѣ отъ виръ. А виру съ разбойника онъ долженъ былъ-бы получить только при замиреніи между ближними убитаго и убійцей („аще не боудеть кто мьстя"). Наконецъ, въ случаѣ бѣгства разбойника, когда то же никто не могъ мстить, князь могъ получать виру развѣ только изъ имущества разбойника, достававшагося послѣ бѣгства собственника ближнимъ убитаго. Нормы виръ при Владимірѣ мы съ достовѣрностью не знаемъ; въ связи въ закономъ о вирникахъ скалу виръ I-ой редакціи Правды (Ак. 1—17) надо во всякомъ случаѣ признать для княженія Ярослава.

Дальнѣйшая ступень въ эволюціи уголовнаго права Кіевской Руси—это отмѣна при Ярославичахъ между 1054 или 1071 и 1073 г.г. вообще убіенія родичами какого-бы то ни было убійцы. Въ такъ называемой Правдѣ Ярославичей (II редакція, Ак. 18—43 Краткой Правды) упоминаются убійства „въ обидоу" и „въ разбой", но, можетъ быть, это понятія не сочиненныя логически, а подчиненныя, то-есть „въ обидоу"

---

[1]) Левъ Діаконъ на границѣ X и XI в.в. говоритъ, что Тавроскиеы разрѣшаютъ распри „φόνῳ καὶ αἵματι". Historiae lib. IX. 6.

[2]) Мы оставляемъ въ сторонѣ арабскія извѣстія о смертной казни и поединкѣ у русовъ, потому что писатели—арабы, говоря о русахъ, смѣшиваютъ славянъ съ скандинавами (Ибнъ-Даста о поединкѣ и Ибнъ-Фадланъ о повѣшеніи вора, у Гаркави).

обнимаетъ всякое намѣренное убійство, и по непріязни (за вину, въ свадѣ), и ради корысти, тогда какъ корыстное убійство еще особо называется убійствомъ въ разбоѣ. Во второй части Краткой Правды встрѣчается уже и отвѣтственность міра—верви дикой вирой за неразысканнаго убійцу-разбойника. Эти новыя теченія въ правѣ въ смыслѣ различенія нѣсколькихъ видовъ убійствъ для начала связаны съ преступленіями противъ княжьихъ мужей, то-есть возникаютъ въ дворовомъ правѣ (Hirdhloeg). Убійству огнищанина въ обиду (Ак. 18) противополагается убійство огнищанина ради того, чтобы обобрать его („въ разбои“ Ак. 19). и убійство огнищанина за покушеніе на кражу въ жилищѣ или изъ стада („въ пса мѣсто“ Ак. 20)[1]). Итакъ, убійство вора во время совершенія кражи дозволено. а за всякое другое убійство, по видимости даже за разбойное, требуется по Краткой Правдѣ вира; иначе пришлось-бы признать здѣсь пропускъ кары за разбойное убійство.

Съ начала XII-го вѣка стала по видимости чувствоваться потребность отличить особой карой убійство въ разбоѣ отъ убійства въ обиду, въ ссорѣ и явно на пиру и притомъ, какъ преступленіе противъ княжьей власти, княжьяго мира. Но и на этотъ разъ смертная казнь не принята, а установлена выдача разбойника съ семьей и имуществомъ князю на потокъ и на разграбленіе, собственно на усмотрѣніе князя, такъ какъ „потокъ“ при конфискаціи имущества можетъ вести и къ ссылкѣ, и къ заключенію въ тюрьму, м. б. и къ обращенію въ рабство. „На потокъ и на разграбленіе“ извѣстно уже той части Пространной Правды (Кар. 5), которая принимаетъ отношеніе между гривнами серебра и кунъ въ 2:1 и значитъ возникла задолго до 1195—1229 г.г., когда это отношеніе разошлось до 4:1[2]), вѣроятно еще до смерти Владиміра Мономаха, княженіе котораго служитъ уже исходнымъ пунктомъ для слоя Пространной Правды съ § 66. Кар. Въ общей сложности въ обѣихъ Правдахъ получается три вида убійствъ: убійство въ ссорѣ (свадѣ) или на пиру явно, когда вервь помогаетъ убійцѣ платить виру; убійство въ обиду, когда вервь не помогаетъ убившему при уплатѣ виры; убійство въ разбоѣ, за которое убійца выдается на потокъ и разграбленіе. Нѣсколько авторитетовъ отождествляютъ въ Краткой Правдѣ термины „въ обидоу“ и „въ разбои“ въ виду того, что кары за нихъ по видимости тождественны; это

---

[1]) Попытка вычитать изъ ст. 20 Ак. предписаніе лишать жизни каждаго, кто убьетъ огнищанина, защищающаго отъ воровства домъ, коня, корову, ведетъ къ признанію, что послѣ Владиміра Св. смертная казнь для свободныхъ людей была возстановлена, а на это нѣтъ никакихъ неоспоримыхъ указаній за исключеніемъ случаевъ казней въ порядкѣ верховнаго управленія. Поэтому статью 20 Ак. проще понимать въ истолкованіи ея статьей 37. Кар.: „оже оубиють кого оу клѣти или оу которые татьбы, то оубиють и въ пса мѣсто“.

[2]) Мирная грамота Новгородцевъ съ Нѣмцами. Договоръ Смоленскаго Мстислава съ Ригою, Готландомъ и Нѣмецкими городами.

упрощаетъ толкованіе, но и принижаетъ юридическую мысль XI-го вѣка, такъ какъ различеніе типовъ убійствъ тогда надо вести только съ первой четверти XII-го вѣка. О случайномъ убійствѣ „Русская Правда“ умалчиваетъ. Можетъ быть, въ Краткой Правдѣ признакомъ различія между обидой и разбоемъ принималось то данное практики, что тайное убійство, не обнаруженіе личности убійцы, его бѣгство— фактически встрѣчались только при разбояхъ, а при убійствѣ въ обиду изъ отмѣненнаго теперь мщенія (за вину), по враждѣ, въ схваткѣ, въ ссорѣ убійца всегда бывалъ извѣстенъ и на лицо [1]).

Итакъ, въ итогѣ изученія господствующихъ толкованій и исторіи контроверсовъ въ области „Русской Правды“ мы установили четыре фазы въ развитіи древне-русскаго уголовнаго права по признакамъ: мщеніе родичей подъ контролемъ суда, не исключающее примиренія съ уплатой частнаго вознагражденія; уплата виры во всѣхъ случаяхъ, когда мщеніе не состоялось [2]); запрещеніе мщенія вообще и уплата виры и головничества; выдача на потокъ и разграбленіе за разбойное убійство [3]).

Намъ предстоитъ бѣгло оглянуть постановку и исторію уголовнаго выкупа въ 40 марокъ—гривенъ по частнымъ записямъ средневѣкового скандинавскаго права. Хотя записи эти и принадлежатъ второй половинѣ Среднихъ вѣковъ, но, судя по архаичному строю права, по слѣдамъ стихотворной формы изложенія и въ виду опредѣленныхъ указаній на непрерывную устную передачу традиціи, надо признать, что онѣ безъ сомнѣнія сохранили въ основѣ право первой половины Средневѣковья. Для Швеціи самый ранній областной законъ дошелъ отъ Западныхъ Ётовъ и въ древнѣйшей изъ сохранившихся редакцій относится къ половинѣ XIII вѣка, хотя и сводится къ недошедшей, еще болѣе древней — изъ первой четверти того-же столѣтія [4]).

Старшій Законъ Вестъ-Готовъ [5]), (или правильнѣе Вестъ-Ётовъ, даже Вешьшётовъ) выдѣляетъ подъ названіемъ „подлаго дѣла“ (nidhings-

---

[1]) Въ Кар. 5 разбой – это убійство „безо всякыя свады“. Можно допустить, что при конфискаціи головничество выплачивалось изъ имущества разбойника, какъ по § 97 Кар. убытки за поджогъ гумна или двора: „преже пагоубу расплативши, а въ процѣ князю поточити“.

[2]) Эту фазу можно раздробить и на три: установленіе виръ при Владимірѣ, опытъ со смертной казнью, возвращеніе къ вирамъ.

[3]) Изъ новѣйшихъ толкованій мы приняли вездѣ во вниманіе всѣ выпуски Гётца (Goetz, Das Russische Recht), рецензіи на него, кончая проф. Филипповымъ, и „Опытъ критическаго изслѣдованія Русской Правды“ проф. Максимейка.

[4]) Итоги изслѣдованіямъ о времени возникновенія отдѣльныхъ редакцій частныхъ записей права, дѣйствовавшаго у отдѣльныхъ скандинавскихъ народовъ въ Средніе вѣка, даетъ К. ф. Амира. (Karl v. Amira, Grundriss des Germanischen Rechts, 3 Aufl. 1913). Мелкія разногласія при датированіи разбираемыхъ нами юридическихъ памятниковъ древнихъ скандинавовъ для нашихъ цѣлей безразличны.

[5]) Aeldre Västgötalagen, utg. H. Vendell, Helsingfors, 1897.

vaerk) тягчайшія уголовныя преступленія, которыя вовсе не могутъ быть заглажены выкупомъ. Въ этихъ случаяхъ преступникъ лишается земельной собственности и наличныхъ денегъ, движимости и недвижимости, права жительства въ странѣ. Къ подлому, неоплатному виду убійства (orþótamál), караемому полной конфискаціей, причисляются случаи, если мужъ убиваетъ мужа въ церкви или на вѣчѣ, „тингѣ“, или послѣ заключенія съ нимъ примиренія, убиваетъ соннаго, во время купанья, при отправленіи нужды, выкалываетъ оба глаза, вырѣзываетъ языкъ, отрубаетъ обѣ ноги или обѣ руки, убиваетъ женщину, своего господина, у котораго нанялся, опустошаетъ, какъ непріятель, родную страну, привязываетъ человѣка въ лѣсу къ дереву, мечетъ дротикъ въ отдушину въ крышѣ дома и внутри убиваетъ человѣка, становится пиратомъ, заколетъ цѣлое стадо чужого скота и т. п. Итакъ, вина усиливается не просто наличностью корыстной цѣли, а жестокостью преступленія, оттѣнкомъ предательства, коварства, злоупотребленія довѣріемъ, размѣрами наносимаго соціальнаго ущерба.

Если мужъ убилъ мужа и самъ тутъ-же убитъ „у ногъ“ убитаго (a fotum hanum), то онъ убитъ „на мѣстѣ преступленія“ (a vaerkum sinum), и за это нѣтъ пени ни конунгу, ни судебному округу, „сотнѣ“. Эта статья свидѣтельствуетъ, что месть безъ предварительнаго суда допускалась только по горячимъ слѣдамъ преступленія и что за всякое убійство въ другихъ случаяхъ полагались кромѣ изгнанія или частнаго вознагражденія, выкупа, замѣнявшихъ мщеніе, еще и пени конунгу и сотнѣ. Дѣйствительно, при всякомъ, по видимости, убійствѣ (глава 5 отдѣла объ убійствѣ, mandráp, §§ 1—2) конунгъ и сотня (въ сущности „всѣ мужи“, allir maen) получаютъ отъ преступленія по 9 марокъ; если убійца женщина, то искъ вчинается противъ ближайшаго ей родственника—мущины.

Въ случаяхъ убійства при самозащитѣ или дозволенной защитѣ своей собственности, убившій долженъ все-таки вести передъ тингомъ процессъ противъ убитаго и добиться приговора, объявляющаго покойнаго заднимъ числомъ лицомъ, не охраняемымъ отъ убіенія выкупомъ (ugildan). Такъ, напримѣръ, воръ, пойманный съ кражей цѣною свыше 2 эйриовъ, объявляется по приговору тинга внѣ охраны выкупами для истца и приговаривается къ смертной казни черезъ отсѣченіе головы или повѣшеніе, или къ обмазыванію и забрасыванію смолой и дерномъ („торфомъ“). Поэтому, если такой воръ убитъ во время погони при сопротивленіи и отниманіи у него краденаго, то обокраденный и убившій вора долженъ все-таки начать искъ противъ убитаго и добиться признанія его лицомъ „не оплачиваемымъ“. Тоже самое обязательно, если мужъ убьетъ напавшаго на него въ лѣсу разбойника, или хозяинъ, защищая свой домъ отъ вторгшагося въ него мужа, убьетъ налетчика у себя внутри жилья.

Обвиненіе противъ убійцы вчинаетъ наслѣдникъ убитаго или, въ случаѣ его малолѣтства, ближайшій родственникъ по отцу. Судъ

тинга приговариваетъ убійцу къ лишенію мира, то-есть отнынѣ, въ случаѣ убіенія виновнаго наслѣдникомъ и истцомъ убитаго, выкупа за того не полагается (doema fridhloesaen ok ugildhan). Послѣ этого убійца долженъ бѣжать отъ „мира“, то-есть государственной охраны, въ лѣсъ (fridh flyiae), на что дается день до ночи или и ночь, или предложить выкупъ (bót), то-есть частное вознагражденіе за убитаго. Въ случаѣ согласія противной стороны, убійца платитъ 9 марокъ выкупа наслѣднику, и 12 марокъ платятся роду до шестого „мужа“, то-есть до шестого поколѣнія по римско-католической компутаціи, (напр. до пра-пра-пра-правнука); изъ послѣднихъ наслѣдникъ убійцы вноситъ 6 марокъ, а 6 марокъ его родъ: по три марки родичи со стороны отца и матери, такъ чтобы отдѣльные вносы, постоянно понижаясь на половину, обязательны были для 6 мужей, то-есть до 6-го колѣна (напримѣръ, скала вносовъ въ 12 эйриров, 6, 3, $1^1/_2$ эйрира). Исчисленіе 6 мужей очевидно должно идти и по нисходящей линіи, а для бокового родства и по восходящей (наприм., по аналогіи съ норвежскимъ счетомъ, во-вторыхъ мужахъ будутъ внуки убійцы, дѣдъ и дядя, двоюродный братъ, племянникъ). Равноудаленные родичи распредѣляютъ между собой поровну долевой вносъ того „мужа“, которому они соотвѣтствуютъ. Въ томъ-же порядкѣ 6 марокъ изъ родового вноса распредѣляются между родичами убитаго до шестого колѣна, а другія 6 марокъ родового выкупа вмѣстѣ съ 9 марками убійцы получаетъ наслѣдникъ убитаго. Итакъ, все головничество составляетъ 21 марку, изъ которыхъ 15 достается наслѣднику убійцы.

Если убійца не платитъ выкупа, то онъ долженъ скрыться въ лѣсъ; каждому, кто позволяетъ себѣ встрѣчу и общеніе съ нимъ, ѣстъ и пьетъ съ нимъ, грозитъ пеня въ 3 марки, а главѣ такой сотни, какъ территоріальной области, грозитъ пеня въ 12 марокъ, если онъ не слѣдилъ за убійцей и не преслѣдуетъ его, а съ самой сотни (haeradh) за это-же причитается пеня въ 40 марокъ. Эти 40 марокъ, какъ пеня (sak), достаются очевидно конунгу; ими сотня оплачиваетъ нарушеніе того „мира“, охраны общественной безопасности, изъ подъ которыхъ изъятъ и бѣжалъ убійца. По внѣшности выкупъ и пеня за убійство подчинены иной нормѣ, но въ дѣйствительности, если сложить всѣ ихъ доли, то получится почти 40 марокъ ($9+12+9+9=39$. Можетъ быть, отдѣльныя доли ихъ округлены, а именно $3\times9=27$ вмѣсто $^2/_3\times40=26$ марокъ 5 эйриров 1 эртогъ и $6+3+3=12$ вмѣсто $^1/_3\times40=13$ марокъ 8 эртоговъ. Дѣленіе пеней на три доли тоже требовало кратнаго отъ трехъ). На ту-же норму выплатовъ за убійство какъ-бы указываетъ статья о томъ, что, если свободный мужъ вестъ-ётъ убиваетъ подданнаго королевства, но изъ области шведовъ или Смоланда, а не изъ Вестъ-ёталанда, то платитъ 13 марокъ 8 эртоговъ выкупа, то-есть $^1/_3$ отъ 40 марокъ. Но далѣе за убійство датчанина или норвежца платится выкупъ въ 9 марокъ; за „южанина“ (sudhaermann,

вѣроятно, всякій европеецъ не скандинавъ) или англа (aenskaermadhaer) кромѣ 4 марокъ истцу назначены еще 2 марки конунгу.

За случайную смерть другого человѣка по неосторожности виновнаго отвѣтчикъ платитъ 9 марокъ; напримѣръ, если кто держитъ такъ свое оружіе, что набѣжавшій на него мужъ случайно наткнется на него до смерти или кто-либо повалитъ дерево на другого и задавитъ на смерть, или броситъ копье, такъ что оно случайно упадетъ кому-либо на голову. Правдоподобно, что 9 марокъ—это цѣна жизни свободнаго мужа. Если мужъ убьетъ мужа „за пивомъ“, на пиру, то-есть на свадьбѣ, на сговорѣ, на погребеніи, то участники должны схватить убившаго и выдать, или заплатить выкупъ въ 9 марокъ. Очевидно, что здѣсь убійство въ запальчивости приравнивается убійству случайному, по неосторожности. Если мужъ убитъ внѣ двора, за воротами, то всѣ сосѣди должны или уплатить выкупъ въ 9 марокъ, или добыть убійцу (fá значитъ и брать, и давать, въ сущности касаться рукой, взять въ руки, вручить и выручить). Если мужъ убитъ между трехъ селъ (þyr) и каждое изъ нихъ утверждаетъ, что не владѣетъ въ этомъ мѣстѣ землей (mark), то всѣ они должны очиститься присягой двухъ дюжинъ. Если они не будутъ оправданы, то повинны заплатить 9 марокъ или выдать убійцу; послѣ этого они дѣлятъ данную землю между собой. Если мужъ убитъ на землѣ, принадлежащей всѣмъ вестъ-ётамъ, и убійца неизвѣстенъ, то обвиненіе (sak) предъявляется тому селу, которое ближе всего, а если село отрицаетъ, то привлекаются къ обвиненію и еще два ближайшихъ села. Всѣ они должны очистить себя отъ обвиненія, каждое присягой двухъ дюжинъ соприсяжниковъ. Если всѣ они оправдались, тогда платитъ выкупъ должна сотня, которая подходитъ туда ближе всего и притязуетъ тамъ на право пользованія; сотня или платитъ 9 марокъ, или выдаетъ убійцу. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, гдѣ платитъ село, сотня, сосѣди, рѣчь идетъ о выкупѣ (bót), то-есть очевидно въ пользу истца. О пеняхъ въ пользу конунга, а иногда и сотни въ случаяхъ, когда убійца не выданъ, можно судить только по аналогіи съ остъ-ёталагомъ.

Особый видъ преступленія составляетъ нанесеніе тяжкихъ ранъ (fulsaeri), требующихъ хирургической помощи (острый инструментъ, льняные бинты, вознагражденіе лѣкарю). Виновный долженъ за такое пораненіе предложить по закону выкупъ въ 9 марокъ; тогда по приговору тинга онъ получаетъ миръ и платитъ (boetae) еще по 9 марокъ сотнѣ и конунгу; въ противномъ случаѣ преступнику предстоитъ бѣжать. Если виновный отрубилъ мужу руку, то онъ платитъ за рану 9 марокъ и за остающееся навсегда увѣчье, тѣлесный изъянъ, еще 3 марки. Такіе двойные выкупы обязательны и при отрубаніи любого изъ пальцевъ, на рукахъ и на ногахъ, носа, уха, выщибаніи глаза, зубовъ. Наличность „изъяна“ устанавливается лишь при осмотрѣ черезъ годъ, и тогда платится добавочный выкупъ. Далѣе, выдѣляется случайное нанесеніе ранъ (vádhae sár); наприм., если мужу

случайно разрублена голова, такъ что видна оболочка мозга, то виновный платитъ 3 марки. Иногда въ такихъ случахъ опредѣляется гонораръ лѣкарю, а именно въ 3 эйрира (laekirsgaef). Избіеніе мужа (bardaghi) разсматривается, какъ нарушеніе мира (fridhir a brutin), умаленіе личной чести (somi skaerdhaer), попраніе личной неприкосновенности (manhaelgi brutit); виновный уплачиваетъ пострадавшему 5 марокъ 8 эртоговъ и по 10 эйр. 2 эрт. сотнѣ и конунгу, то есть всего 8 марокъ.

Самоуправный захватъ чужой собственности или самоуправное пользованіе ею (fornaemi) отличается отъ воровства. Наприм., если мужъ беретъ на пастбищѣ чужую упряжную лошадь безъ разрѣшенія собственника и ѣдетъ на ней въ повозкѣ или верхомъ, то долженъ за такое самоуправное пользованіе, какъ за fornaemi, заплатить трижды 16 эртоговъ, то есть очевидно истцу, сотнѣ, конунгу, всего 2 марки. Напротивъ, тайный воръ, захваченный вмѣстѣ съ покражей извѣстной цѣнности (fulldae thiuvaer), присуждается тингомъ къ смертной казни, отрубанію головы или повѣшенію, обмазыванію смолой и забрасыванію дерномъ („торфомъ"), объявляется „неоплачиваемымъ" для истца, если тотъ убьетъ его. Законъ причисляетъ къ ворамъ и того, кто кралъ, и того, кто своими указаніями содѣйствовалъ кражѣ, и того, кто утаиваетъ покражу. Въ трехъ случаяхъ ненужны свидѣтели противъ вора: если покража захвачена у него въ рукахъ, извлечена у него изъ дому, прослѣжена до его двора и воротъ.

Если мужъ обворованъ и гонитъ по слѣду покражи, то, гдѣ слѣдъ теряется, тамъ обращаютъ вниманіе на село, созываютъ сосѣдей, то-есть его жителей; они присоединяются, и, если слѣдъ не выходитъ изъ села, то приступаютъ къ обыску (ransaka). „Сосѣди" (granni) должны войти во дворъ того, на кого ближайшимъ образомъ падаетъ подозрѣніе. Крестьянинъ—собственникъ (bonde) не можетъ отказать въ обыскѣ. Онъ долженъ открыть жилую часть дома, то-есть спальню, столовую, кладовку для зерна; напротивъ, скотный дворъ и сарай называются внѣшнимъ домомъ, хотя-бы и были подъ замкомъ. Обворованный входитъ въ домъ обыскиваемаго хозяина вмѣстѣ съ однимъ понятымъ, которому оба они довѣряютъ. Если истецъ находитъ свое добро подъ замкомъ и ключемъ или подъ соломой, то хозяинъ значитъ воръ. Истецъ можетъ безнаказанно тутъ-же взять украденное у него добро. Если воръ сознается, то истецъ можетъ теперь-же безъ суда получить съ него кромѣ покражи еще и выкупъ (boeta) за ущербъ (skadhi), и „сверхъ того по закону". Впрочемъ, примиреніе должно все-таки совершиться съ вѣдома главы сотни (haeradhs hoefdhingi), такъ какъ воръ долженъ кромѣ того внести пени (sak) области (land) и конунгу. Если хозяинъ не признается въ воровствѣ, то его вмѣстѣ съ краденнымъ доставляютъ на тингъ сотни или всѣхъ ётовъ. За выпускъ его на волю или насильственное освобожденіе вора грозитъ пеня въ 40 марокъ. На тингѣ приведенному послѣ

обыска, по видимости, такъ-же грозитъ смертная казнь, какъ и пойманному съ покражей въ рукахъ по свѣжему преступленію. Если покража найдена подъ ключемъ у хозяйки, то выкупы по закону платитъ за нея мужъ, такъ какъ женщина считается неправоспособной (ovormaghi), не можетъ быть ни повѣшена, ни казнена отрубаніемъ головы, кромѣ какъ за колдовство.

Въ особомъ отдѣлѣ Законъ Вестъ-Ётовъ обсуждаетъ всѣ остальные виды нарушенія чужого права собственности (raetloesa). Здѣсь запрещается захватъ чужого имущества безъ суда и приговора, очевидно самоуправное выправленіе выкуповъ, или мщеніе имуществу обидчика. Такъ захватъ имущества до осужденія его собственника по суду или сломъ его дома оплачиваются тройной пеней по 9 марокъ—истцу, конунгу, всѣмъ мужамъ. Грабежъ безъ кровопролитія, то-есть, въ отличіе отъ разбоя, ручной грабежъ (handrán), однако съ насиліемъ, то-есть съ вырываніемъ вещи изъ рукъ, карается уплатой трижды 16 эртоговъ, то-есть 2 марокъ.

Таковы главныя теченія древне-шведскаго уголовнаго права по самому раннему юридическому памятнику Южной Швеціи—Закону Вестъ-Ётовъ. Пеня въ 40 марокъ упоминается здѣсь прямо только, какъ кара за проступки противъ нарушенія той системы охраны общественнаго мира, которая обезпечивала населенію личную и имущественную безопасность. Однако, какъ мы видѣли, старая скала головничества или частнаго вознагражденія, исходившая отъ прогрессіи 3, 6, 9, 12, дополнялась пенями конунгу и обществу и подгонялась къ 40 въ нормѣ 39 марокъ, какъ кратнаго отъ 3. Широкое примѣненіе при нарушеніяхъ интересовъ общества и государственной власти кара въ 40 марокъ нашла себѣ въ правѣ Остъ-Ётовъ. Въ область Остъ-Ётовъ входило отчасти и то побережье, которое несло военную повинность снаряженіемъ гребныхъ судовъ и называлось „Rôdhaer“, то-есть „гребля“. Отсюда норманисты, кончая Томсеномъ, выводятъ „Русь“. Въ „Oestgoetalagen“ упоминается даже „tiунъ ярля въ имѣньѣ въ Розсѣ“ (iarls bryti i Rodhzs bo, гдѣ dh—звонкая междузубная спиранта[1])). Этотъ законъ Остъ-Ётовъ дошелъ въ редакціи самого конца XIII в., засвидѣтельствованной уже для 1303 г. (ф. Амира). Здѣсь уголовное право изложено съ наибольшей полнотой и обстоятельностью. Вотъ оно:

---

[1]) Oestgötalagen, utg. af Freudenthal, Helsf. 1895, p. 73. Однако, родительный падежъ Rodhzs можетъ указывать на именит. Rodhaer, n., но не съ основой на „r“, въ смыслѣ гребли (др.—норв. róðhr m., gen. róðhrar) или приморской области Roslagen, входившей въ Упландъ и Эстъёталандъ. Въ теперешнемъ шведскомъ гребли обозначается словомъ „rodd“, m., а весло, руль—„roder“, n.; лингвистически отношеніе между обоими словами не вполнѣ ясно. См. „ro“ и „rode“ у Falk-Torp-Davidsen. По Нурэну, флексія именит. падежа „r“ въ древне-датскомъ языкѣ исчезла уже къ 1150 г.; въ древне-шведскомъ она выпадала около 1300 г. въ рядѣ опредѣленныхъ случаевъ, число которыхъ съ 1400 г. все увеличивается. (A. Noreen, Geschichte der Nordischen Sprachen. 1913 p. 220).

Если возникла ссора между двумя мужами и оба убили другъ друга, то наслѣдникъ каждаго изъ нихъ долженъ уплатить пени конунгу (kunungxs raet) и сотнѣ по 13 марокъ и 8 эртоговъ, то-есть по $^1/_3$ отъ 40 марокъ. Если мужъ убилъ мужа, приходитъ наслѣдникъ убитаго и убиваетъ къ его ногамъ самого убійцу, тогда пени конунгу и сотнѣ и выкупъ за право родовой мести роду убитаго (óranbót = феда, вражда, а по смыслу равна aettaerbót въ V. G. L.) платитъ только наслѣдникъ того убійцы, который первый нанесъ смертельный ударъ. Если родичи убитаго не убили убійцы тутъ-же на мѣстѣ, то они должны вести его на тингъ; тамъ выслушиваются свидѣтельства, и, если дѣло сразу ясно, то тогда можно безнаказанно велѣть отрубить убійцѣ голову. Если родичи убійцы въ мѣстѣ ареста или на пути на тингъ или на тингѣ силой освободятъ связаннаго или даже заключеннаго убійцу, то это будетъ нарушеніемъ мира, скрѣпленнаго присягой конунга (bryta kunungxs edhzsöre), а именно попраніемъ статьи о заложникахъ; за это главный руководитель карается (han er sakaer) пеней въ 40 марокъ, а каждый участникъ группы платитъ 3 марки.

Если истецъ въ теченіе года и ночи не начнетъ дѣла противъ предполагаемаго убійцы и если за это-же время никто не явится самъ на тингъ съ признаніемъ въ убійствѣ, то сотня, гдѣ оно произошло, повинна заплатить конунгу 40 марокъ, какъ выкупъ за тайное убійство (mordhgiald). Точно также, если нэмдъ сотни, то-есть комитетъ присяжныхъ, оправдываетъ обвиняемаго, то его члены должны указать истцу истиннаго убійцу, иначе сотня платитъ „плату за убійство“. Вообще-же, если эстъ-ётъ убилъ эстъ-ёта, то онъ утрачиваетъ миръ въ предѣлахъ территоріи тинга, а все имущество его въ предѣлахъ области и круга обычнаго права (laghsaga) дѣлится, за исключеніемъ недвижимости („for utan eghn“), которая идетъ, вѣроятно, наслѣднику. Точно также утрачиваетъ имущество (bo) и лишается мира тотъ, кто обвиненъ въ убійствѣ и уклоняется отъ суда. Общеніе съ объявленнымъ внѣ мира (fridhlös) запрещено подъ страхомъ пени—для отдѣльнаго лица или цѣлаго прихода въ 3 марки, для четверти сотни—въ 10 марокъ, для цѣлой сотни—въ 40 марокъ, если вся она имѣетъ сношенія съ опальнымъ и не можетъ очиститься отъ этого обвиненія черезъ свой нэмдъ. Тотъ родъ, который напалъ, платитъ выкупъ за вражду (óranbót) въ $6^1/_2$ марокъ 4 эртога, то-есть $^1/_6 \times 40$, изъ коихъ $^2/_3$, то-есть $^1/_9 \times 40$, платятъ родичи по отцу, а $^1/_3$, то-есть $^1/_{18} \times 40$, родичи по матери. Вносы эти начинаетъ братъ убійцы, будь то отъ законной жены или отъ наложницы, продолжаютъ болѣе отдаленные родичи до седьмого мужа. За убійство уроженца другой области платится 40 марокъ. Передъ конфискаціей имущества убійцы изъ него выдѣляются доли его жены и на его дѣтей, но этотъ раздѣлъ производитъ не самъ убійца, а представители конунга (фискалъ, soknare), сотни (höfdhinge), истецъ, родичи жены и дѣтей.

Если мужъ убитъ въ лѣсу и убійца неизвѣстенъ, то истецъ можетъ предъявить искъ къ тому, кому принадлежитъ данная земельная собственность; тогда село (bŷr) должно заявить сотнѣ и требовать, чтобы кто-либо сознался. Если въ теченіе года и ночи никто не является сознаться, то сотня выплачиваетъ 40 марокъ. Если въ теченіе года и ночи явится законный наслѣдникъ убитаго и предъявитъ доказательства на свое право, что молъ на землѣ такого-то села убитъ его родичъ, то онъ получаетъ изъ выкупа сотни (bôt) 13 марокъ и 8 эртоговъ, то-есть ⅓ отъ 40, а остальныя двѣ трети, по дважды 13 марокъ и дважды 8 эртоговъ, получаетъ конунгъ. Сотня здѣсь ничего не получаетъ, потому что сама платитъ, разъ она не захватила того, кто долженъ былъ-бы платить. Если наслѣдникъ не явится въ теченіе года и ночи, то все получаетъ конунгъ. Когда сотня платитъ цѣну убійства, то сумма эта распредѣляется по числу плательщиковъ, то-есть всѣхъ свободныхъ хозяйствъ и мущинъ съ 15-и лѣтъ; за такихъ только и платится цѣна убійства, которые сами участвуютъ въ ея выплатѣ. Число участниковъ называетъ глава сотни.

Если убивается мужъ, искупленный уже деньгами и клятвой родичей, то это стоитъ 40 марокъ, но такой убійца не долженъ бѣжать, и его имущество не подвергается раздѣлу. Убитъ тіунъ (þryti, управляющій) конунга въ Упсальскомъ помѣстьѣ; онъ стоитъ 40 марокъ, идущихъ конунгу; такъ внесъ ярль Биргеръ въ законъ, а раньше это стоило 12 марокъ. Убитъ управляющій ярля въ Розсскомъ помѣстьѣ; это стоитъ 9 марокъ въ пользу ярля; но такой ярль долженъ имѣть конюшаго и вертельщика (кухаря) и на собственномъ иждивеніи 40 сидѣльцевъ (гребцовъ?). Убитъ управляющій лагманна; это стоитъ 6 марокъ. Убитъ управляющій крестьянина-собственника; это стоитъ 3 марки въ пользу крестьянина. Убитъ мужъ конунга; онъ стоитъ столько-же, сколько раньше уже указано для свободнаго человѣка вообще (вѣроятно, именно 40 марокъ, идущихъ въ раздѣлъ на три доли. Ср. Edhzsöre, гл. 29), и сверхъ того за безчестье или обиду конунгу (at kunungx thukka): прежде это было 12 марокъ, но ярль Биргеръ установилъ въ законѣ 40 марокъ. Раньше плата за обиду полагалась только въ случаѣ убійства у борта, или у конца корабельнаго моста (сходенъ), или внутри сотни, но въ дни конунга Эриха (вѣроятно, шурина ярля Биргера — Эриха XI, 1222 — 1250) безчестье бралось, гдѣ-бы ни совершено убійство. Если убитъ мужъ помѣщика (haerri), имѣющаго конюшаго, повара и 40 сидѣльцевъ (гребцевъ?) на своемъ иждивеніи, то сверхъ цѣны свободнаго мужа полагается господину, которому служилъ убитый, 6 марокъ за обиду.

Если мужъ убьетъ мужа въ такое время, когда конунгъ былъ въ странѣ, то-есть у эстъ-ётовъ, и это было извѣстно убійцѣ, то онъ этимъ увеличиваетъ свою пеню (sak) на 40 марокъ, составляющихъ пеню только конунга (kunungx ensak). Если мужъ оскопленъ, то виновный платитъ 40 марокъ за рану, 40 марокъ за остающееся навсегда

увѣчье, 40 марокъ за сына, котораго тотъ могъ-бы имѣть, 40 марокъ за дочь, и самъ изувѣченный стоитъ всего 160 марокъ. Вообще всякое увѣчье (afhug), причиненное съ намѣреніемъ, оплачивается 40 марками. Если мужъ наноситъ мужу тяжкія рубленныя раны (fullum sarum) во время королевскаго мира, то-есть когда конунгъ въ странѣ и вѣсть объ этомъ пришла заранѣе, то пеня виновнаго увеличивается на 40 марокъ; эти вторыя 40 марокъ идутъ только конунгу (его „ensak"), а первыя 40 дѣлятся на три части между конунгомъ, сотней и истцомъ. Если тяжкія рубленныя раны нанесены мужу конунга, то, кромѣ выкупа за раны пострадавшему, еще и конунгъ получаетъ 40 марокъ за обиду.

Если мужъ тайно подкладываетъ огонь въ чужой домъ и старается сжечь его и схваченъ съ поличнымъ на мѣстѣ, то бросается въ огонь и утрачиваетъ и движимость, и даже недвижимость въ области; треть идетъ тому, кому угрожалъ поджогъ, треть конунгу, треть „всѣмъ мужамъ". Если поджигатель не схваченъ на мѣстѣ, но и не очистился отъ обвиненія тремя дюжинами соприсяжниковъ, то платитъ 40 марокъ Если воръ укралъ изнутри постройки изъ подъ замка имущество не менѣе ½ марки по цѣнности и схваченъ съ поличнымъ, то покража привязывается ему къ спинѣ, а онъ самъ доставляется на тингъ по обвиненію въ большой, „полной кражѣ". Здѣсь его могутъ осудить и повѣсить. Если не схваченъ съ поличнымъ, то долженъ уплатить украденное и сверхъ того 6 марокъ.

Новостью сравнительно съ закономъ Вестъ-Ётовъ является здѣсь отдѣлъ о нарушеніяхъ присяги конунга (kunungx edhzsöre), въ сущности „королевскаго мира". Ярль Биргеръ и конунгъ Магнусъ Ладюлосъ (1285) впервые принесли вмѣстѣ съ знатнѣйшими мужами королевства присягу поддерживать общественный миръ[1]). Къ такимъ нарушеніямъ коронаціонной присяги конунга (edhsörisbrut) относились многія преступленія, которыя въ законѣ вестъ-ётовъ признаются „неискупаемыми". По закону эстъ-ётовъ сюда причисляются, напримѣръ, такіе случаи: когда кто-либо врывается въ чужой дворъ съ цѣлью вредить, убиваетъ тамъ или наноситъ тяжкія раны; если кто-либо мститъ, послѣ того какъ состоялось примиреніе и уплаченъ выкупъ; если мущина насилуетъ женщину; если мужъ убиваетъ, ранитъ, избиваетъ въ кровь мужа на тингѣ или въ церкви; если мужъ отрубаетъ другому обѣ руки или обѣ ноги и т. д.

Кто участвуетъ въ одномъ изъ такихъ нарушеній королевской присяги, тотъ утрачиваетъ всю свою движимость и становится внѣ

---

[1]) Вообще на редакціи законовъ Эстъ-ётовъ сказалось уже законодательство конунговъ, въ частности установленія Магнуса Ладюлоса (между 1280 и 1290 г.г.) какъ о королевской присягѣ, такъ и о королевскомъ мирѣ на время пребыванія конунга въ странѣ. K. Lehmann, l. c., p.p. 37, 45. Nordström, Bidrag till Den Svenska Samhälls=Forfattningens Historia, II Afd., p.p. 334 и 400.

мира, опальнымъ по всему королевству, а имущество его дѣлится на три части между истцомъ, конунгомъ, сотней. Кто чѣмъ-либо поддерживаетъ опальнаго (biltughaer) или въ чемъ-либо помогаетъ ему, платитъ 40 марокъ. Нарушитель присяги остается внѣ мира, пока за него не станетъ ходатайствовать передъ королемъ самъ пострадавшій или его наслѣдникъ. Конунгъ можетъ тогда даровать миръ опальному, который платитъ за это 40 марокъ исключительно въ пользу конунга (ensak). Всѣ дѣла по нарушенію присяги короля разбираются нэмдомъ данной сотни.

Чтобы покончить съ законами ётовъ, остается каснуться еще права острова Готланда, которое дошло въ редакціи конца XIII-го вѣка, принятой самой общиной; приложеніе къ одному изъ списковъ даетъ и „Исторію Готланда", извѣстную „Сагу Гутовъ" (Guta saga) изъ эпохи, когда островъ Готландъ оставался еще свободнымъ государствомъ подъ покровительствомъ Швеціи, которой платилъ дань.

По Гуталагу [1]), если мужъ убилъ мужа, то онъ долженъ бѣжать съ отцомъ и сыномъ и братомъ, сначала подъ защиту церкви, а потомъ въ особый округъ мира, который онъ себѣ намѣтитъ. Трижды въ теченіе трехъ годовъ убійца долженъ предлагать истцу выкупъ (bot). Если въ теченіе трехъ лѣтъ истецъ не приметъ выкупа, то дѣло переходитъ на тингъ; тамъ мужи рѣшаютъ вопросъ касательно денегъ (fe), но убійца пенѣ болѣе не подлежитъ (osacr). Однако, если убійца не предложилъ въ теченіе трехъ лѣтъ выкупа (vereldi, вергельдъ), тогда земля объявляетъ его внѣ мира (fridhlausan) и затѣмъ взыскиваетъ съ него выкупъ (vereldi) и присуждаетъ его къ пенѣ (sacan) въ 6 марокъ серебра истцу и шесть марокъ землѣ. При этомъ за убитаго мужа готландскаго (gutniscs manz vereldi) предлагается выкупъ въ 3 марки золота (то-есть 24 марки серебра при господствовавшемъ курсѣ); выкупъ (vereldi) всякаго другого свободнаго мужа равенъ 10 маркамъ серебра, выкупъ за раба $4^1/_2$ марки пеннинговъ.

По Гутской сагѣ, еще въ языческую эпоху Готландъ добровольно подчинился шведскому конунгу съ тѣмъ, чтобы гражданамъ Готланда свободно посѣщать Швецію безъ уплаты пошлинъ. Готландъ съ этихъ поръ платитъ дань въ 60 марокъ серебра (scattr guta), изъ которыхъ 40 марокъ идутъ шведскому конунгу, а ярлю 20 марокъ. Въ христіанскую эпоху на Готландъ лежалъ путь черезъ Русь и Грецію для западно-европейскихъ епископовъ-паломниковъ въ Іерусалимъ [2]); тѣмъ-же путемъ еще раньше Олафъ Св. бѣжалъ черезъ Готландъ на кораблѣ изъ Норвегіи къ Ярославу на Русь (til ierzlafs j hulmgardhj).

---

[1]) Gutalag och Gutasaga, utg. af. H. Pipping (Samf. af G. N. L.). H. 1–3. 1905–7. Шведскій переводъ есть при изданіи Schlyter'r 1852 г.

[2]) „than tima var wegr oystra um ryzaland oc gricland fara til ierusalem".

Со времени появленія на Готландѣ собственнаго епископа, граждане острова приняли на себя обязательства сопровождать шведскаго конунга въ морскихъ походахъ (herferdh) противъ языческихъ странъ съ 7 военными кораблями (снекьями). Если готландцы не могутъ сопровождать конунга, то платятъ по 40 марокъ пеннинговъ за каждую снекью (sneckia); это называется „изъянъ въ судовой повинности“ (laidhings lami).

Записи законовъ собственно шведскихъ областей (Svearaettir) сохранились въ болѣе позднихъ редакціяхъ, чѣмъ у ётовъ. Наиболѣе вліятельнымъ сталъ Законъ Упланда, (выговаривается почти, какъ „ыпландъ“ съ открытымъ ú близкимъ къ ö, Uepland), то-есть Верхней Швеціи съ Упсалой, который дошелъ въ оффиціальной редакціи, получившей королевское утвержденіе въ январѣ 1296 г. Этотъ Uplandslagh [1]) особенно важенъ для насъ и потому, что въ Упландъ входила часть Розскаго побережья, доставлявшаго военныя суда: именно Упландскій законъ сообщаетъ наиболѣе точныя свѣдѣнія о томъ, что̀ такое Розсъ и Розсскія права. Съ этими законами должны были сообразоваться всѣ, кто жилъ „въ сѣверномъ Розсѣ (aer þyggiae j þuggae rodhin“), то есть къ сѣверу отъ Стокгольма, включая Естрикландъ. Предисловіе возвѣщаетъ особый отдѣлъ (balkaer) о конунгѣ, о присягѣ конунга, его поборахъ на припасы для судовъ и правѣ побережья „Розсинъ“, (Rodhin, форма съ опредѣленнымъ членомъ позади), несущаго судовую повинность (um rodhae raet). Въ отдѣлѣ о правахъ конунга § 10 начинается словами: „Вотъ истребуетъ конунгъ войско и флотъ, истребуетъ розсъ и рядъ“, то-есть „греблю и снаряженіе“ или „права“ въ смыслѣ договоренныхъ повинностей („biudhaer utt rodh ok redh“, или разночтеніе „raet“). Статья XI-ая перечисляетъ повинности области Розсинъ, а § XII-ый—особенности уголовнаго права на ея судахъ Мужъ, призванный на службу въ морской походъ, называется „назначеннымъ въ греблю во внѣ“ („j utt rodh“).

Убійство разсматривается Закономъ Упланда (по шведски съ открытымъ ú, какъ Uepland) въ отдѣлѣ о „личной неприкосновенности“ (Manhaelgi). Такъ, если мужъ убьетъ мужа и на тингѣ самъ признается, то истецъ (наслѣдникъ) можетъ или мстить (haempna), или взять выкупъ (bot). Если наслѣдникъ беретъ выкупъ, то на свою долю получаетъ 40 (?) марокъ, а конунгъ 18 марокъ 8 эртоговъ и столько-же сотня. [2]) Этотъ выкупъ за объявленное убійство называется „sporgiaeld“. Если убитъ мужъ и убійца остается неизвѣстнымъ, то истецъ вчинаетъ обвиненіе. Обвиненный платитъ по закону или, если у него нѣтъ денегъ, платитъ жизнью за жизнь; если убійца не найденъ, то платитъ сотня.

[1]) Corpus Juris Sueo-Gotorum Antiqui, v. III, 1834. Uplandslagen utg. af Schlyter.

[2]) Вѣроятно, изъ 40 марокъ наслѣднику только 13 марокъ и 8 эртоговъ. Ср. Schlyter, примѣч.

Если мужъ убитъ на дорогѣ—улицѣ, на пустынномъ пастбищѣ, на общихъ земляхъ между церквами или городами, то онъ оплачивается 40 марками. Это—„тайное убійство“ (dulghae drap). Его оплачиваетъ сотня, гдѣ лежитъ убитый, за границами усадебъ, тѣло въ ранахъ и шрамахъ; сотня должна найти убійцу въ теченіе года и ночи, или уплатить выкупъ (bot). Если убійца найденъ и сознается на тингѣ, то наслѣдникъ можетъ требовать за убійство искъ (sak) и выкупы (böter). Также отвѣчаетъ сотня, если тѣло найдено внутри границъ усадебъ, но внѣ дома или въ незапертомъ домѣ. Если тѣло найдено въ запертомъ домѣ, то за это платится, какъ за тяжкое убійство (mordhgiaeld), то-есть 140 марокъ (а отвѣчаетъ, вѣроятно, хозяинъ).

Есть случаи, когда платится двойной выкупъ (twaebotae). Такъ, если мужъ подстерегаетъ другого (forsaeti), спрятавшись въ домѣ, дворѣ, у дверей, въ лѣсу, на островѣ или на мысу, а другой приближается пѣшкомъ, въ повозкѣ, верхомъ или на гребной ладьѣ, то, если убитъ спрятавшійся (вѣроятно, до явнаго нападенія?), то это оплачивается 40 марками (sporgiaeldum, какъ открытое убійство), а если тотъ, кто подходитъ, то это стоитъ, „двойной выкупъ“ (какъ коварное убійство, twae botae) въ 80 марокъ. Двойной выкупъ дѣлится такъ, что истецъ получаетъ 40 марокъ, а 40 марокъ дѣлятся на три части между конунгомъ, истцомъ и сотней. Двойной выкупъ полагается за убійство женщины мущиной.

Особо перечисляются случаи уплаты выкупа въ 140 марокъ при тяжкихъ преступленіяхъ: если мужъ убитъ у себя дома, въ предѣлахъ усадебной земли своихъ односельчанъ или не далѣе 60 саженъ (охватовъ) отъ границы усадебъ, то есть въ предѣлахъ своего «мира», то за это платится 140 марокъ, идущія въ сложный раздѣлъ. Наконецъ, за тайное разбойное убійство въ лѣсу или съ корабля убійца (mordhaerî) колесуется, а просто разбойнику, гдѣ м. б. нападеніе не повлекло смерти (ransman), отсѣкается мечомъ голова.

Кромѣ общеземскаго уголовнаго закона въ отдѣлѣ о власти конунга (kununx balkaer) излагается установленіе о нарушеніяхъ королевской присяги и выкупахъ за нихъ (um edhsöris böter). Если кто либо мститъ не тому, кто совершилъ преступленіе, совершаетъ налетъ на чужой домъ (hemsocn) съ намѣреніемъ причинить вредъ, поранить или убить, если кто подстерегаетъ другого на пути въ церковь или на тингъ и убиваетъ, ранитъ, бьетъ до крови, то онъ, значитъ, нарушилъ „королевскую присягу“. Каждый, кто ее нарушилъ, утрачиваетъ все имущество (bo), которымъ владѣетъ надъ поверхностью земли, а также право пребывать въ странѣ и становится „изгнаннымъ на время“ (biltughir) по всему королевству; онъ тогда только получаетъ обратно миръ, если за него проситъ пострадавшій отъ него. При конфискаціи выдѣляются сначала доли невиновныхъ—сына или отца или брата изъ имущества, а затѣмъ остающееся дѣлится на 3 части между конунгомъ, истцомъ, всѣми мужами. Если пострадавшій про-

ситъ, то конунгъ долженъ дать миръ билтугиру, а тотъ пусть выкупитъ себя въ миръ королю 40 марками за обиду.

Наконецъ, есть въ опредѣленныхъ случаяхъ особая плата „за обиду“ (thokkae þot): если убитъ мужъ конунга, то 40 марокъ платится за обиду. При уплатѣ „сотни“ марокъ (то есть 140) „за обиду“ уже не полагается. Своеобразное мѣсто въ законѣ занимаютъ пени съ „розсовъ“ (vm rodhae raet). Такъ 6 лисфунтовъ хмелю съ каждаго корабельнаго товарищества (skiplagh) и по маркѣ съ каждаго весла (то есть 40 марокъ при обычной нормѣ въ 40 гребцовъ) уплачивается, если „розсъ“ остается дома, за уклоненіе отъ участія въ морскомъ плаваніи (ledhungs lamae). Когда корабль въ морѣ въ плаваніи, то, если мужъ совершаетъ тамъ кражу или грабежъ или иное какое либо нарушеніе закона, все это выкупается на половину дороже, чѣмъ если виновный дѣлаетъ тоже самое дома. Если кто уличенъ тутъ въ проступкѣ, то пеня платится въ трехъ доляхъ—штурману, истцу, всему экипажу (hassaetaer allir, гребцы). Если тутъ мужъ убитъ или получилъ тяжкія раны, то конунгъ получаетъ 40 марокъ за нарушеніе его мира (fore fridh þrut sin); затѣмъ дѣло можетъ быть улажено сдѣлкой еще до возвращенія домой, и тогда истецъ получаетъ эту сдѣлку по иску (witae saet) и выкупы вмѣстѣ со своимъ штурманомъ и 6 гребцами. Когда конунгъ созываетъ войско и морской походъ, требуетъ греблю и снаряженіе (biudhaet utt rodh ok redh), то онъ долженъ назначить людей отъ каждаго рекрутскаго округа (hampna), всѣхъ гребцовъ (очевидно, отъ каждаго матросскаго округа), мужей при штевняхъ (stampn), штурмана.

Подъ болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ Упландскаго закона происходила кодификація родственнаго ему права другихъ областей Швеціи. Такъ возникъ къ 1325 г. законъ Южныхъ Свеевъ, „Сёдерманналагъ“, утвержденный черезъ два года конунгомъ Магнусомъ. Послѣ 1327 г. закрѣплено право Западныхъ Свеевъ, а именно „законъ Долинъ“, „Даларна“ (Westmannalagh I, или Dalalagh). Около того-же времени, все еще до половины XIV в., возникъ законъ самой сѣверной области Швеціи, „страны Гельсинговъ“ (Helsingae landae laghbok). Мы возьмемъ изъ этихъ болѣе позднихъ областныхъ законовъ нѣсколько самобытныхъ частностей, сохранившихся, вѣроятно, отъ исконныхъ обычаевъ до преобладанія упландскихъ вліяній [1]).

Такъ, по закону Гельсингланда, если найдено мертвое тѣло съ ранами и шрамами на землѣ частнаго собственника или на общинной землѣ внѣ запертого дома, тогда корабельный округъ (skjpnöti, округъ, снаряжающій военное судно и соотвѣтствующій сотнѣ, hundari или haeradh въ другихъ областяхъ) долженъ найти убійцу въ теченіе года и ночи или заплатить выкупъ въ 40 марокъ, какъ

[1]) Schlyter, Corpus Juris Sueo-Gotorum Antiqui, v.v. IV, V, VI. Lund, 1838—1844.

пеню одного только конунга (konunga ensak). Если тѣло найдено въ запертомъ домѣ, то собственникъ дома выкупаетъ убитаго «сотней» (hundradha) марокъ (на дѣлѣ 140), идущей въ раздѣлъ на три доли, если убійца не найденъ.

Наряду съ обычной для свейскихъ законовъ нормой выкупа въ 40 марокъ право Гельсингланда знаетъ еще и норму въ 12 марокъ. Такъ при убійствѣ мужа конунга платится выкупъ за обиду (thokka böter) въ 12 марокъ. Этотъ законъ шведскаго Нуррланда упоминаетъ особый миръ народнаго собранія, тинга, (tingxfridh) и спеціальный миръ военнаго судна, снекьи (snäckiufridh); за нанесеніе тяжкихъ ранъ съ нарушеніемъ такого мира платится 40 марокъ, которыя идутъ въ раздѣлъ на три доли. Если убійца самъ сознается въ своемъ проступкѣ, то истецъ можетъ или мстить, или взять выкупы. Если онъ беретъ выкупы, то ему выплачиваются 7 марокъ по вѣсу, конунгу вергельдъ (waerold) въ 4 марки, отцу или матери за убитаго сына 16 эръ, брату убитаго 8 эръ, женѣ 12 эръ, родичу на первомъ мѣстѣ 4 эры, слѣдующимъ родичамъ до четвертаго мѣста 2, 1, $^1/_2$ эры. Если исключить виру конунгу, то головничество родичамъ, включая отца, брата, жену, перваго „мужа“, составитъ ровно 12 марокъ, къ которымъ „мужи“ до 4-го мѣста требуютъ прибавить еще $3^1/_2$ эры.

По закону „Западныхъ мужей“, или праву Далекарліи, если мужъ убитъ безъ нарушенія королевской присяги, то это оплачивается 40 марками, идущими въ раздѣлъ между конунгомъ, истцомъ и всѣми людьми (т. е. сотней). Если крестьянинъ убитъ въ собственномъ домѣ безъ нарушенія королевской присяги, то это оплачивается 80 марками, идущими въ раздѣлъ на три доли между конунгомъ, истцемъ, всѣми мужами. Если мужъ убитъ внѣ дома во дворѣ, то оплачивается обыкновеннымъ выкупомъ за открытое убійство (sporgeldum). Но, если мертвое тѣло скрыто въ илъ, болото или воду, то это тайное убійство (mordh), которое оплачивается выкупомъ за „голову“ (mordgiaeldum), то-есть 40 марками, а личная неприкосновенность убитаго искупается еще вторыми 40 марками, идущими въ раздѣлъ между конунгомъ, истцемъ, всѣми мужами. Если мужъ убитъ на землѣ людского поселенія (bolstadh), то жители его должны найти убійцу въ теченіе года и дня и выдать королевскому прикащику (husabyr=королевское имѣнье, a husabyman=королевскій тіунъ); если тотъ освободитъ убійцу, то платитъ конунгу 40 марокъ (kunungs eensak). Если не поймаютъ убійцу въ теченіе года и ночи, то жители села (bolstadhamen) платятъ 12 (!) марокъ конунгу: это dulgha drap, то-есть не раскрытое убійство.

Уже въ этихъ законоположеніяхъ отдѣла о личной неприкосновенности (manhaelghis balkir) рядомъ со скалой 40—80 марокъ вдругъ встрѣчается дикая вира въ 12 марокъ. Но тутъ-же есть особая вполнѣ своеобразная глава объ убійствахъ между родичами. Такъ, если убьетъ отецъ сына или сынъ отца, тогда 20 марокъ за личность

(manhaelgi), идущихъ въ раздѣлъ между конунгомъ, епископомъ, сотней; „смерть“ убитаго (fall, „голова“) оплачивается еще 40 марками, идущими въ такой-же раздѣлъ на трое. Если убьетъ братъ брата, то нарушеніе личной неприкосновенности искупается 15 марками, а его смерть 40 марками и т. п. Нарушенія королевской присяги изложены здѣсь отдѣльно, какъ и въ другихъ шведскихъ законахъ.

Вслѣдствіе подражанія закону Упланда, какъ образцу, всего менѣе самобытнаго осталось въ записяхъ права „Южныхъ мужей“ (Södermannalagen). Однако, и здѣсь уголовное право архаично. Такъ, если встрѣтятся два мужа и убьютъ другъ друга, то вмѣсто головничества наслѣдникамъ здѣсь лежитъ мужъ противъ мужа; но каждый изъ наслѣдниковъ пусть уплатитъ конунгу и сотнѣ по XIII марокъ и 8 эртоговъ (то-есть $^1/_3 \times 40$). Если мужъ убитъ, а убійца хочетъ отрицать свое дѣло (dyliae), то истецъ можетъ по суду требовать пеню съ убійцы, и тотъ долженъ предложить полные выкупы за убитаго. Если убійца не предложилъ выкупа и самъ убитъ (изъ мщенія), то за убитаго убійцу не платится (ogilder), а наслѣдники убитаго первымъ убійцей истребуютъ еще выкупы послѣ убійцы, которые онъ остался долженъ. Если мужъ убилъ другого и самъ признался на тингѣ, то истецъ можетъ или мстить (haemnae), или взять выкупъ, а именно 13 марокъ и 8 эртоговъ (то-есть $^{40}/_3$), и по стольку же идетъ конунгу и сотнѣ (hundare); такой выкупъ называется „платой за открытое убійство“ (sporgiaeldh). Затѣмъ идетъ рѣчь о двойной пенѣ въ 80 марокъ за подсиживаніе.

Если подвести итоги обычнымъ нормамъ выкуповъ и пеней въ законахъ ётовъ и свеевъ, то бросается въ глаза, что норма 40 марокъ господствуетъ во всемъ свейскомъ правѣ, а въ ётскомъ лишь у остъ-ётовъ, тогда какъ въ законѣ вестъ-ётовъ она только начинаетъ прививаться. Далѣе, надо отмѣтить, что именно нормой 40 марокъ — гривенъ широко пользуется новое законодательство, при ярлѣ Биргирѣ и конунгѣ Магнусѣ Ладюлосѣ, вводящихъ и въ земское право идеи королевской присяги, королевскаго мира, тогда какъ архаичные слои обычнаго права земель наряду съ нормой 40 марокъ удерживаютъ еще и старую скалу изъ 3, 6, 9, 12 марокъ. Такъ по вестъ-ётскому праву выкупъ съ убійцы роду 12 марокъ и особо наслѣднику 9 марокъ. По остъ-ёталагу при убійствѣ королевскаго тіуна или королевскаго мужа вообще конунгу за обиду шло до ярля Биргира 12 марокъ. На Готландѣ за убійство мужа-гута платится 3 марки золотомъ, то-есть въ серебряныхъ маркахъ, значитъ, число, кратное отъ трехъ. По закону Гельсингланда за обиду конунгу, если убитъ его мужъ, идетъ тоже 12 марокъ. Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ К. Леманнъ, исходя изъ общаго положенія, что у древнихъ германцевъ господствовала двѣнадцатиричная скала вергельда, признаетъ ее исконной и для шведовъ, а выкупы и пени въ 40 марокъ считаетъ наноснымъ явленіемъ болѣе поздняго времени. Однако, въ основѣ всего изслѣдованія

К. Леманна лежитъ все-таки, какъ мы это постараемся выяснить далѣе, невѣрная хронологія для исторіи возникновенія и распространенія нормы въ 40 марокъ въ полѣ скандинавскихъ вліяній, а именно онъ ошибается въ томъ, что, не давая объясненія для происхожденія скалы въ 40—80 марокъ, все ея зрѣлое развитіе отодвигаетъ лишь къ началу второй половины Средневѣковья.

Древнѣйшія записи датскаго права дошли для области Сконіи, то есть самой южной оконечности теперешней Швеціи. Изложеніе обычнаго права Сконіи составилъ по латыни между 1206 и 1215 г.г. архіепископъ Лундскій Андрей Сунессонъ. Нѣсколько раньше возникла датская запись того-же Сконскаго обычнаго права (Skaonelagen или Skaonske Lov), опирающаяся предположительно на подобный-же памятникъ второй половины XII-го вѣка [1]). И латинская, и датская редакціи перечисляютъ одни и тѣ-же случаи для уплаты пени въ 40 марокъ. Такъ, если кто во враждѣ нападетъ на мужа въ его собственномъ домѣ или на полѣ или гдѣ либо во время отдыха, когда тотъ воткнетъ копье или щитъ или положитъ сѣдло, то глава такого нападенія платитъ полные выкупы за мужа (головничество, manboetaer), а за такой налетъ шайкой (haerwirki) пусть заплатитъ изъ своего имущества конунгу 40 марокъ и родичамъ убитаго 40 марокъ, а каждый, кто сопровождалъ его въ предпріятіи, пусть внесетъ конунгу 3 марки и родичамъ 3 марки. Точно также по 40 марокъ истцу и конунгу платится, если кто съ вооруженными 5 людьми ворвется въ чужой домъ ради грабежа, если кто нанесетъ другому рану въ то время, когда конунгъ въ странѣ (за рану платится по обычному закону сверхъ пени за „fridh-brut“, т. е. нарушеніе мира), наконецъ, если кто насилуетъ женщину или дѣвушку; за прелюбодѣяніе съ чужой женой безъ насилія платится мужу 40 марокъ и еще 3 марки за обиду [2]) (fore thokkae). Независимо отъ этихъ случаевъ пеней въ 40 марокъ, латинская редакція [3]) перечисляетъ преступленія, за которыя виновный на вѣки лишается мира: если убійца уклоняется отъ предложенія головничества за убитаго, если кто послѣ уплаты выкуповъ все таки мститъ, если совершается открытое убійство на тингѣ, если хозяинъ убитъ гостемъ въ собственномъ домѣ или обратно, если кто совершаетъ поджогъ, если кто похищаетъ чужую невѣсту, похи-

---

[1]) Лучшее изданіе обоихъ текстовъ у Шлитера въ Corpus Juris Sueo-Gotorum Ant., B. IX. 1859 г.

[2]) Арх. А. Сунессонъ въ латинскомъ текстѣ о прелюбодѣяніи (§ 127) говоритъ о 40 маркахъ въ пеннингахъ (40 marcas nummorum, secundum tamen estimationis precium) и о 3 маркахъ за обиду, или 1 маркѣ серебромъ (3 marcas vel unam marcam argenti contemptus precium). Отсюда ясно, что марка серебра приравнивается 3 маркамъ въ пеннингахъ; тоже отношеніе установлено и въ § 65; его надо предполагать и въ § 43, гдѣ предѣльный размѣръ всего вергельда опредѣляется въ 15 марокъ серебра (multa non excedit summam 15 marcarum argenti).

[3]) Есть и въ варіантахъ датской редакціи. Schlyter, IX, p. 221. Addit. B. 6.

щаетъ у другого мать, сестру, дочь ради блуда, если кто осмѣливается совершить убійство въ такое время, когда конунгъ въ странѣ (то-есть за нарушеніе мира конунга, согласно съ новымъ постановленіемъ короля Вальдемара). Во всѣхъ этихъ случаяхъ движимость преступника конфискуется въ пользу конунга, а за вражеское вторженіе въ королевство ради войны противъ короля подданный утрачиваетъ даже и недвижимость. По датской редакціи, въ случаяхъ убійства во время пребыванія конунга въ странѣ, вѣчной утратѣ мира можетъ быть положенъ конецъ выкупомъ съ согласія конунга и родичей убитаго.

Важно отмѣтить (а это истолковано неправильно, у К. Леманна), что обѣ редакціи не опредѣляютъ нормы обыкновеннаго головничества (fullae manbötaer, satisfactio), то-есть всѣхъ выкуповъ, уплачиваемыхъ наслѣднику убитаго и другимъ родичамъ, а какъ-бы предполагаютъ ее извѣстной. Теперь, косвенныя указанія говорятъ за то, что головничество въ обычныхъ случаяхъ равнялось, вѣроятно, 40 маркамъ, а заурядная пеня конунгу (konungs raet) 3-мъ маркамъ и притомъ, по крайней мѣрѣ первое—въ пеннингахъ, такъ что для полученія марокъ серебромъ эту норму надо уменьшить приблизительно втрое. Такъ, по обѣимъ редакціямъ, если рабъ убьетъ свободнаго, то господинъ раба можетъ или выдать раба, оцѣниваемаго въ 3 марки, родичамъ убитаго и приплатить къ нему 6 марокъ, или просто внести (пеннингами) 9 марокъ; съ этой статьей связано общее положеніе, что за всѣ тѣ дѣянія, за которыя свободный платитъ 40 марокъ, господинъ раба, совершившаго такое-же преступленіе, платитъ за него 9 марокъ или 6, но тогда выдаетъ и самого виновнаго (Skaonelagen, §§ 121—122. Sunonis Jur. Scan. Expos. §§ 50); въ это правило король Вальдемаръ внесъ оговорку, что господинъ платитъ за раба свыше 3 марокъ именно только въ случаяхъ убійства свободнаго человѣка. Отсюда можно гадать о томъ, что 6 или 9 марокъ—это древнее вознагражденіе роду убитаго, но гораздо надежнѣе выводъ, что въ началѣ XIII в. головничество равнялось 40 маркамъ.

Вопреки К. Леманну прійдется признать, что подобная норма какого-то выкупа въ 40 марокъ за убитаго [1]) была обычной уже въ эпоху Кнута Великаго. К. Леманнъ отвергаетъ это извѣстіе Саксона

---

[1]) К. Леманнъ (Der Königsfriede der Nordgermanen 1886), p. 133 принимаетъ сконское головничество въ 15 марокъ и въ доказательство ссылается на Сунессона § 43. Однако, здѣсь рѣчь идетъ о томъ, что пеня (multa) за убійство въ общемъ не превышаетъ 15 марокъ серебромъ, а этотъ предѣлъ составитъ 45 марокъ судебныхъ въ пеннингахъ, то-есть, вѣроятно, 40 марокъ головничества и не менѣе 3 марокъ право конунга. Kolderup-Rosenvinge's Grundrisz der dänischen Rechtsgeschichte, übers. von Homeyer. 1825.

Грамматика [1]). Однако, оно стоитъ не одиноко. Законы Эдуарда Исповѣдника, относимые [2]) къ 1130—35 г.г., разсказываютъ, что будто-бы дикую виру въ 46 марокъ съ села или сотни въ случаяхъ нерозысканія убійцы установилъ за убійство дана въ Англіи еще Кнутъ В, причемъ 6 марокъ шли родичамъ или господину убитаго, а 40 марокъ конунгу. Итакъ, два независимыхъ другъ отъ друга источника связываютъ норму выкупа въ 40 марокъ (въ Англіи въ пользу короля, въ Даніи какъ будто-бы съ раздѣломъ на три доли) съ именемъ Кнута В. Намъ прійдется еще рѣшать вопросъ, занесъ-ли Кнутъ эту норму въ Англію изъ родной ему Даніи, или заимствовалъ ее въ завоеванной Англіи и оттуда перенесъ ее и какъ-то примѣнилъ у себя на родинѣ, въ Даніи?

Обратимся къ болѣе позднему праву Зеландіи, представленному тоже двумя редакціями, возникшими до 1241 г.; одна краткая, извѣстна подъ ошибочнымъ заголовкомъ Зеландскаго закона Вальдемара, другая, пространная, также неправильно называется вмѣсто просто „Зеландскаго закона“ (Siaelaenzk logh) „Закономъ конунга Эриха“ [3]).

По краткому Закону Зеландіи, въ случаяхъ простого убійства убійца выкупаетъ свой миръ у должностного лица конунга (kunungs umbuzman) тремя марками, а затѣмъ уже отправляется на тингъ области, чтобы предложить уплату выкупа родичамъ убитаго. Размѣръ выкупа здѣсь не указанъ. Отъ обыкновеннаго убійства и здѣсь отличаются преступленія или вовсе неоплатныя, или искупаемыя пенями въ 40 марокъ. Такъ, убійство на тингѣ вовсе не можетъ быть искуплено деньгами (orbotae mal); но, если кто нарушитъ миръ на тингѣ тѣмъ, что ранитъ мужа, то платитъ сверхъ обычнаго выкупа за рану пострадавшему 40 марокъ и 40 марокъ конунгу (brütaer frith a thingi). Или, если кто-либо убьетъ (изъ мести) мужа, послѣ того, какъ ему данъ уже миръ (gruth) и имъ обѣщаны выкупы, то помимо иныхъ выкуповъ виновный долженъ внести конунгу за это „подлое дѣло“ (nithings vaerk) 40 марокъ; если при такомъ противозаконномъ мщеніи нанесены только раны, то сверхъ выкупа за раны преступникъ платитъ пострадавшему еще 40 марокъ и 40 марокъ конунгу.

Въ пространномъ „Законѣ Зеландіи“ (Eriks Saellandske Lov) держится таже старая традиція, которая записана въ Сконской и

---

[1]) „Cumque alias homicidiorum crimen quadragenis nummi talentis expiari soleret“. Saxonis Grammatici gesta Danorum, herausg. von A. Holder. 1886. p. 357.

По словамъ самого К. Леманна, это извѣстіе принимаютъ Кольдерупъ-Росенвинге, Вильда, Паппенгеймъ, Стэнструпъ и друг. Леманнъ считаетъ себя въ правѣ относиться къ нему съ сомнѣніемъ (zweifelnd), пока изложеніе Саксона не будетъ подкрѣплено другими заслуживающими довѣріе источниками; ихъ-то мы и видимъ какъ въ запискахъ Сконскаго закона, такъ и въ законахъ Эдуарда Исповѣдника.

[2]) Liebermann, Die Gesetze der Angelsachsen, I, 3, 641—642.

[3]) Оба памятника изданы Торсеномъ (Thorsen, Valdemars Saellandske Lov; Eriks Saellandske Lov, 1852).

Краткой Зеландской Правдѣ, но она здѣсь изложена безъ пробѣловъ, отчетливѣе. За всякое изувѣченье выкупы платятся только по истеченіи года и дня. Если отъ этихъ увѣчій (liutae, lyte) пострадавшій умеръ, то онъ, значитъ, убитъ (draepin), и тогда виновный долженъ заплатить 15 марокъ серебра. Это та норма, которую даетъ и арх. Сунессонъ, но тамъ 15 марокъ серебра представляютъ собой цѣнность до 45 марокъ въ пеннингахъ (кунахъ). Однако, въ зеландскомъ правѣ курсъ пеннинговъ по видимости иной: такъ 6 марокъ, какъ цѣна временнаго мира для убійцы, приравнены здѣсь 4 маркамъ серебра [1]) (§ 124). Этотъ выкупъ въ 15 марокъ серебра за убійство виновный выплачиваетъ въ разсрочку, такъ что первые 5 марокъ серебра вносятся въ теченіе первой трети года послѣ установленія выкупа, еще 5 по истеченіи второй трети года и послѣднія 5, когда истекаютъ годъ и день. Первый вносъ (sal) убійца производитъ изъ своего имущества, другой вносятъ родичи со стороны отца, третій—со стороны матери.

Отъ простого убійства и здѣсь отличаются неискупаемыя преступленія (orbota mal). Напримѣръ, если кто-либо съ шайкой нападаетъ на домъ другого мужа, убиваетъ самого хозяина или кого-либо изъ его домочадцевъ, то это дѣло, отъ котораго нельзя откупиться деньгами. Такой убійца утрачиваетъ въ пользу конунга все свое имущество за исключеніемъ земли и долженъ жить въ бѣгахъ, лишенный мира. Всѣ, кто участвовалъ съ нимъ въ шайкѣ и налетѣ, платятъ по три марки за проникновеніе въ чужой дворъ (gardhgange) и по 3 марки за участіе въ налетѣ шайкой (fylghe). Кто при этомъ самъ пустилъ въ ходъ „остріе и лезвее“ (od oc aeg), тотъ платитъ 3 марки за проникновеніе за ограду, во дворъ, и 9 марокъ за взмахъ „лезвеемъ и остріемъ“. Кто участвуетъ въ налетѣ (i far oc i fülghae), но не проникаетъ во дворъ, платитъ лишь 3 марки. Въ общемъ признаются 4 случая неоплатныхъ преступленій—убійство мужа у него на дому, въ церкви, на тингѣ, изъ мести послѣ уплаты выкупа и окончанія дѣла. При каждомъ изъ такихъ „orbotaemal“ родичи не могутъ брать выкупъ отъ родичей убійцы, развѣ только они получатъ на это согласіе конунга, а конунгъ не можетъ вернуть убійцѣ и его роду миръ, то-есть возстановить для нихъ безопасность отъ мщенія, иначе, какъ съ согласія родичей убитаго. Такимъ образомъ родичи убитаго могутъ получить отъ рода убійцы $^2/_3$ выкупа, хотя самъ убійца и бѣжалъ съ своей третью и лишенъ мира. Наконецъ, и тутъ

[1]) Впрочемъ, самъ Сунессонъ отмѣчаетъ, что курсъ монеты часто мѣняется, то падаетъ, то повышается; вслѣдствіе этого и постановлено при уплатѣ частнаго вознагражденія считать три марки пеннингами за 1 марку серебра. Однако, эта пропорція не распространяется на пени конунгу (jus regium), гдѣ число подлежащихъ уплатѣ монетъ уменьшается скорѣе просьбами, нежели ссылками на узаконенія (§ 65).

выдѣляются преступленія, искупаемыя пенями въ 40 марокъ. Нападеніе шайкой на чужой домъ безъ убійства въ домѣ хозяина, но съ пораненіемъ, разграбленіемъ или насиліемъ, при наличности не менѣе 5 вооруженныхъ участниковъ (haervaerki) стоитъ главѣ налета выкупъ въ 40 марокъ. Если мужъ бьетъ мужа на рынкѣ (a toerghi), то долженъ платить выкупъ родичамъ убитаго въ 40 марокъ и столько-же конунгу. Если мужъ ранитъ или бьетъ мужа на рынкѣ, то, сверхъ выкупа за раны или побои, вноситъ по 40 марокъ пострадавшему и конунгу. Утрата не только движимости, но и земли въ пользу конунга, то-есть архаическій и наиболѣе тяжкій видъ лишенія мира, наступаетъ для преступника только въ случаяхъ измѣны, а именно, если мужъ уѣдетъ на чужбину и вернется съ чужимъ войскомъ воевать противъ своего-же государства, и станетъ опустошать родину.

Для нашей задачи крайне важно, что въ такъ называемомъ „Зеландскомъ законѣ Эриха“ есть особый § 28 „о дѣлахъ съ частнымъ вознагражденіемъ въ 40 марокъ и правѣ на пеню конунга“ (kunungs raet); здѣсь устанавливается общее правило, что во всѣхъ случаяхъ, когда свободный собственникъ земли (крестьянинъ, boendaer или bonde) получаетъ частное вознагражденіе въ 40 марокъ, долженъ получить 40 марокъ и конунгъ, причемъ раньше конунгъ помогаетъ крестьянину, какъ непосредственно потерпѣвшему, добиться своего „права“, а затѣмъ уже беретъ и свои 40 марокъ. Напротивъ, когда участники налета шайкой безъ убійства платятъ по 3 марки, они прибавляютъ только по 3 марки и конунгу (§ 126).

Прежде, чѣмъ разстаться съ датскимъ правомъ, остановимся еще на параллеляхъ къ „Русской Правдѣ“ въ отдѣлѣ объ увѣчьяхъ. По Краткой Правдѣ (Ак. 5) за лишеніе руки платится, какъ за убійство. 40 гривенъ; по Пространной редакціи (Кар. 22) за полное поврежденіе руки, ноги, глаза, носа вносится князю „полоувѣрие“ въ 20 гривенъ, а пострадавшему за увѣчье 10 гривенъ. Этотъ пріемъ приравнивать, оцѣнивать нанесенное увѣчье по нормѣ виры, цѣлой, половинной, въ одну четверть ея, высказанъ въ данномъ скандинавскомъ правѣ, какъ отвлеченное начало. По Сконскому праву Сунессона, за отрѣзаніе носа, языка, выкалываніе обоихъ глазъ, кастрацію, отрубаніе обѣихъ рукъ или обѣихъ ногъ полагается частное вознагражденіе (satisfactio), какъ за убійство (то-есть здѣсь 15 марокъ серебра, или до 45 марокъ пеннингами); за увѣчье одного изъ парныхъ членовъ почти всегда половинное вознагражденіе, за большой палецъ $^1/_4$ головничества, за указательный $^1/_8$. При отрубаніи нѣсколькихъ пальцевъ, за каждый пораненный палецъ на кругъ платится по 3 марки, или 1 маркѣ серебра. Это наименьшая плата за рану, а за ударъ свободнаго палкой (подъ fustis разумѣется здѣсь розга, палка, древко копья, топоръ, молотъ, палица, мечъ въ ножнахъ) уплачивается 6 марокъ. Арх. Сунессонъ объясняетъ это тѣмъ, что быть побитымъ позорнѣе,

чѣмъ быть раненнымъ [1]). По датской редакціи за наружную рану частное вознагражденіе 3 марки, за уходящую внутрь 6 марокъ, пеня конунгу всегда 3 марки (§ 88). Въ томъ-же духѣ изложенъ отдѣлъ объ увѣчьяхъ въ правѣ Зеландскомъ Эриха (§ 33). Эта запись предписываетъ (§ 50), чтобы иски по дѣламъ объ убійствѣ, о преступленіяхъ съ урокомъ въ 40 марокъ, объ отрубаніи руки или ноги, вообще о всѣхъ увѣчьяхъ съ оплатой въ $^1/_2$ головничества и по тяжбамъ, грозящимъ лишеніемъ мира, вчинались прямо на тингѣ всей страны, въ отличіе отъ такихъ исковъ, какъ напримѣръ о грабежѣ и ранахъ, которые предварительно непремѣнно возбуждались на сотенныхъ собраніяхъ. Этимъ наиболѣе тяжкія уголовныя обвиненія выдѣлены въ особую группу.

Норма въ 40 марокъ не могла быть исконнымъ размѣромъ головничества у скандинавовъ вообще, потому что ее не знаетъ древнеисландское право. Право Исландіи, заселенной выходцами изъ Норвегіи, начиная съ эмиграціи послѣ торжества единовластія Гаральда Прекрасноволосаго, примыкаетъ по традиціи къ норвежскому праву въ его архаической формаціи, то-есть къ его слоямъ до 930 г. Поэтому отсутствіе въ законахъ Исландіи эпохи независимости нормы въ 40 марокъ дѣлаетъ вѣроятнымъ, что головничество или вира даннаго размѣра были чужды древнему праву земель Норвегіи, въ частности закону Гулатинга. Правда, компиляція древнихъ исландскихъ законовъ періода независимаго государства, извѣстная подъ условнымъ названіемъ „Граугауса“ (Grágás), дошла только въ рукописяхъ, начиная со второй половины XIII-го вѣка (какъ Codex regius, или Konungsbok [2]) отъ 1258—60 г.г.). Однако, по своему содержанію, Граугаусъ можетъ отражать лишь то земское право Исландіи, оффиціальныя записи котораго начались еще съ 1117—18 г.г.

При уплатѣ головничества родичамъ убитаго Граугаусъ даетъ не всю сумму серебромъ сразу, а дробитъ ее на рядъ вносовъ отдѣльныхъ круговъ родичей убійцы соотвѣтствующимъ ближнимъ убитаго. Такъ по „Счету колецъ или перстней“ (Baugatal) въ случаѣ, если родичи убитаго заключаютъ съ дозволенія Альтинга примиреніе съ убійцей и его родомъ, то главный выкупъ состоитъ изъ 4 колецъ и добавочныхъ денежныхъ вносовъ, а именно:

---

[1]) § 65. «maior enim uerberatum ex uerbere, quam mutilneratum ex mutilnere solet infamia comitari». Частное вознагражденіе, продажа и лѣчебное за увѣчья въ болѣе новомъ шведскомъ правѣ опредѣляются независимо отъ нормы головничества и виры. (Uplandslagen, Manhaelgis B. § 21 Oestgotlg. Vadhamal § 18). Впрочемъ, «halw manz böter» въ Helsinge-Lagen; 20 марокъ «за рану» при отрубаніи руки въ Westmannalagen, гдѣ сверхъ того 3 м. за увѣчье и 12 эръ за лѣченье, 20-же марокъ идутъ въ раздѣлъ на три доли.

[2]) Grágás udg. efter det kong. Bibl. Haandskrift af v. Finsen. Kjoebenhavn, 1850—1870.

Первое кольцо въ 3 марки платятъ и получаютъ: отецъ (убійцы или убитаго), сынъ, братъ.

Второе кольцо въ 20 эйриров, или $2^1/_2$ марки,—отецъ отца, сынъ сына, отецъ матери, сынъ дочери.

Третье кольцо въ 2 марки—братъ отца, сынъ брата, братъ матери, сынъ сестры.

Четвертое кольцо въ 12 эръ, или $1^1/_2$ марки, — сыновья брата отца (т. е. двоюродные братья), сыновья брата матери, сыновья сестры отца, сыновья сестры матери.

Затѣмъ идутъ шесть очередей денежныхъ вносовъ болѣе дальнихъ родичей, а именно соотвѣтствующіе другъ другу родичи въ родахъ убійцы и убитаго платятъ другъ другу и другъ отъ друга получаютъ:

а) 1 марку родичи, стоящіе на одно мѣсто (на одного мужа) далѣе двоюродныхъ братьевъ, то-есть очевидно сыновья двоюродныхъ братьевъ (двоюродные племянники). б) 5 эйриров 1 эртогъ—троюродные братья, (naesta bræedhra). в) $3^1/_2$ эйрира—тѣ, кто на одно мѣсто далѣе троюродныхъ братьевъ, то-есть ихъ сыновья. г) Четверородные братья (annara bræedhra)—2 эйрира 1 эртогъ. д) $1^1/_2$ эйрира—тѣ, кто на одного мужа далѣе четверородныхъ братьевъ, то-есть ихъ сыновья. е) 1 эйриръ—пятерородные братья (thridhja bræedhra, третьи кузены).

Есть еще 5 „увеличивающихъ выкупъ“ (sakaukar); это сынъ отъ рабыни или незаконнорожденный, пасынокъ, вотчимъ, мужъ дочери убитаго, мужъ сестры убитаго (зятья); всѣ вмѣстѣ они получаютъ 12 эйриров и 5 пеннинговъ по вѣсу. Кромѣ того требуются додатки къ 4 кольцамъ, такъ называемая „крышка“, которые составляли 15 эйриров и 120—свейтовъ [1]).

Если оставить въ сторонѣ добавочныя уплаты, то обѣ главныя части головничества—кольца въ 9 марокъ и денежные вносы 6 очередей въ 2 м. 5 эйр. 2 эрт.—составятъ 11 марокъ 5 эйр. 2 эрт., то-есть нѣсколько менѣе 12 марокъ. Если подсчитать всѣ уплаты въ опредѣленныхъ цѣнностяхъ, то-есть оставляя въ сторонѣ только малоцѣнные пеннинги и свейты, то получимъ 15 марокъ 2 эртога. Итакъ, возможно, что норма головничества стремилась сначала къ 12, а затѣмъ къ 15 маркамъ серебромъ.

Кратными отъ 3 марокъ оказываются въ „Граугаусѣ“ и другія нормы уроковъ и продажъ. Такъ вознагражденіе за личную обиду, за оскорбленіе личнаго достоинства (réttr), напримѣръ, если мужъ избитъ, установлено въ 6 марокъ, а пеня за нарушеніе закона (útlegdh) чаще всего 3 марки. Отъ этихъ пеней, какъ и отъ конфискованнаго

---

[1]) 6 эйр. 48 свв.; 4 эйр. 32 свв.; 3 эйр. 24 свв.; 2 эйр. 16 свв. Цѣнность свейта, мельчайшей „рубленной“, „рѣзанной“ монеты. (thveiti) неизвѣстна, а число пеннинговъ на эйриръ колеблется отъ 30, до 40 и до 60.

имущества преступниковъ, лишенныхъ мира, 1/2 идетъ мужамъ тинга, 1/2—истцу, такъ какъ конунга нѣтъ на Исландіи [1]).

Норвежское право полнѣе всего изложено для первой половины Средихъ вѣковъ въ частныхъ записяхъ для законодательнаго собранія, или тинга (точнѣе сзинга, thing), въ мѣстечкѣ Гула и для тинга въ мѣстечкѣ Фроста. Хотя отрывки „Книги Гуласзинга“ сохранились и отъ рукописи XII-го вѣка, но та редакція, которая дошла полностью, составлена около 1200 года. Точно также и для „Книги Фростатинга“ дошли отрывки изъ редакціи первой четверти XIII-го вѣка, но цѣликомъ сохранилась только редакція второй четверти того-же столѣтія (1225—1250 г.г.).

Въ этихъ двухъ важнѣйшихъ записяхъ древне-норвежскаго права норма въ 40 марокъ довольно часто встрѣчается для пеней за нѣкоторые особые виды уголовныхъ проступковъ, а именно, какъ это указываетъ и К. Леманнъ, чаще всего за политическія преступленія, направленныя противъ власти конунга, и за преступленія, совершаемыя шайкой, скопомъ, кучками мужей. Такъ по закону Гулатинга, если схватились двѣ кучки, каждая изъ 5 и болѣе мужей, и сражаются, то та сторона, которая своимъ нападеніемъ первая подала поводъ къ убійству, платитъ 40 марокъ (§§ 167—168). Если экипажъ корабля или отрядъ мужей нападаетъ на дворъ землевладѣльца, совершаетъ взломъ въ его домѣ и уноситъ его имущество, то это преступленіе, за которое люди лишаются покровительства законовъ (út legdhar verc); каждый изъ нихъ, кто хочетъ остаться въ странѣ, пусть вернетъ крестьянину унесенное у него добро и уплатитъ 40 марокъ; въ противномъ случаѣ пусть идетъ въ изгнаніе (§ 142). Сорокъ марокъ уплачиваются и за должностныя преступленія. Такъ, если мужъ убитъ въ схваткѣ при нападеніи кучкой, то за него можно мстить; но, если убійца убѣгаетъ въ лѣсъ, то всѣ должны бѣжать за нимъ въ догонку; кто мѣшаетъ и оказываетъ сопротивленіе погонѣ и поимкѣ, долженъ заплатить конунгу 40 марокъ за нарушеніе мира (fridhbrot). Если убійца пойманъ, то онъ пользуется неприкосновенностью только до суда тинга и смертной казни. Родичи убитаго могутъ взять его себѣ подъ охрану, или передать королевскому управляющему (ármadhr), или служилому помѣщику (lendrmadhr) подъ стражу. Если эти должностныя лица отказываются принять подъ свою охрану убійцу или не приводятъ въ исполненіе смертной казни, то платятъ по 40 марокъ, причемъ пеня съ приказчика конунга идетъ крестьянамъ (округа), а пеня съ лендманна дѣлится пополамъ между конунгомъ и свободными землевладѣльцами-крестьянами (§§ 152 и 189). Если воръ пой-

[1]) По изданію В. Финсена § 23 (vardha III marka utlegdh), § 65 (eigo thingonautar haelming), § 88 (taca reit). Ср. К. Maurer, Vorlesungen über Altnordische Rechtsgeschichte, B. V. (Altisländisches Strafrecht und Gerichtswesen), Lpz. 1910.

манъ съ поличнымъ, то доставляется въ судебный округъ (thingsókn), гдѣ совершена кража, и передается арманну (по ново-ислд. „аурманну“) или лендманну; за отказъ принять вора подъ охрану такое лицо съ административными обязанностями въ округѣ платитъ пеню въ 15 марокъ; если мужи судебнаго тинга осудятъ вора на смерть (за кражу свыше эртога цѣною), то аурманнъ долженъ доставить палача для исполненія казни или платитъ 40 марокъ; въ послѣднемъ случаѣ сами крестьяне (члены мѣстнаго судебнаго тинга) нанимаютъ палача за счетъ самого вора или платятъ пеню въ 40 марокъ, если воръ оставленъ будетъ въ живыхъ; если мужи тинга отпустятъ вора безъ суда, то вносятъ 15 марокъ пени (§ 253).

Если убѣгающій убійца бросается въ ладью, то каждый можетъ безнаказанно кинуть ему одно весло, или черпакъ, или руль, или доску для настилки на кормѣ, или вообще одну подобную вещь, но не нѣсколько; но если онъ сдѣлаетъ больше, тогда значитъ онъ помогаетъ бѣгству водой мужу, находящемуся внѣ закона, и подлежитъ за это пенѣ въ 40 марокъ (§ 153). Если аурманнъ обвиняетъ кого-либо въ томъ, что онъ кормилъ мужа, объявленнаго внѣ закона, (útlagr), и осужденнаго на тингѣ того округа, гдѣ живетъ обвиняемый, а тотъ не смогъ очиститься присягами отъ обвиненія, то за это платится пеня въ 40 марокъ; таже пеня грозитъ и за поддержку завѣдомаго мужа внѣ—закона, если онъ осужденъ гдѣ-либо на иныхъ тингахъ. Если кто уличенъ въ томъ, что кормилъ мужа, объявленнаго внѣ закона, въ его убѣжищѣ „въ лѣсу“, то платитъ 3 марки. За всякое общеніе въ пивной, или вообще на пиру, при посѣщеніи церкви или тинга, съ мужемъ, стоящимъ внѣ закона, уплачивается конунгу „кольцо“ (то-есть $1^1/_2$ марки, или 12 эйрировъ § 202). Нельзя налагать запретъ на перевозъ зерна или съѣстныхъ припасовъ изъ одного фильки (т. е. племенной области) въ другое; если какое-либо фильки устанавливаетъ запретъ, то всѣ его мужи платятъ сообща 40 марокъ, изъ которыхъ $^1/_2$ идетъ конунгу, а половина—всѣмъ членамъ того-же (законодательнаго?) округа (laugmautar). Если мужи совершаютъ какое-либо плаваніе на кораблѣ вопреки запрету (конунга, firi bann), то рулевой карается 40 марками, а каждый матросъ-гребецъ 3 марками (§ 313).

Однако, все-таки самое главное примѣненіе норма въ 40 марокъ нашла себѣ въ Гулатингѣ при замѣнѣ условнаго, искупаемаго объявленія внѣ закона денежнымъ выкупомъ конунгу; отсюда эта норма связана съ рядомъ тяжкихъ преступленій вплоть до убійства. Въ норвежскомъ уголовномъ правѣ при преступленіяхъ противъ личности важна для опредѣленія частнаго вознагражденія общая оцѣнка личнаго достоинства въ связи съ сословностью, „право“ личности (réttr), вытекающее изъ ея общественнаго положенія. Такъ, по Гулатингу, личная честь свободнаго крестьянина-собственника (bóandi) цѣнилась въ 12 эйрировъ, „право“ (réttr) гёльда, то-есть собствен-

ника родовой земли, или одаля, въ 3 марки. достоинство лендманна (т. е. помѣщика съ административно-судебной властью въ округѣ) въ 6 марокъ. Каждый разъ, когда мужъ подвергся оскорбленію или побоямъ, платится конунгу 15 марокъ; мужъ, получившій ударъ (högg), вознаграждается второй „личной честью“ (réttr) изъ этихъ 15 марокъ (§ 200). Если мужъ ткнетъ мужа коломъ или жердью или рукоятью топора или древкомъ копья (аллитерація: staure aedha stongu. aedha oxarskapte aedha spiotskapte), то платитъ полъ личной чести, но полную, если тотъ упадетъ (§ 195). Если мужъ истязуетъ, пытаетъ мужа и уличенъ, то платитъ 40 марокъ конунгу (vidh konung), а пострадавшему полную личную честь (réttr fullr) (§ 210). Если мужъ бьетъ мужа и наноситъ 3 удара (högg) или болѣе, то это „вполнѣ бой“ (bardage fullr); тогда пострадавшій за каждый ударъ до трехъ получаетъ по полной личной чести, а конунгъ 40 марокъ (§ 212). Если конунгъ съ флотомъ охраняетъ страну и кто-либо бѣжитъ съ корабля, идущаго на Ю., то онъ внѣ закона и долженъ выкупать себя 40 марками (§ 302). Своеобразно, что пеню за нанесеніе ранъ каждый платитъ пропорціонально своей личной чести. Если вольноотпущенникъ ранитъ мужа, то платитъ пеню (конунгу) кольцомъ (baugi þoeta) въ 12 эръ, его сынъ пеню въ два кольца, крестьянинъ 3 кольца, рожденный отъ собственника одаля (odhalborenn, то-есть гёльдъ) 6 колецъ, лендманнъ 12 колецъ, ярль 24. Напротивъ, такса частнаго вознагражденія за каждую особую рану въ отдѣльности—одна для всѣхъ раненныхъ мужей (§§ 185, 215).

Законодательство объ убійствахъ различаетъ убійство открытое, когда убившій самъ заявляетъ о своемъ проступкѣ (víg, víglysing), убійство тайное (mordh), входящее въ число „низкихъ преступленій“ (nidhingsverk), а именно, когда убійца скрываетъ свое преступленіе; наконецъ, „злостное убійство“ (misvígi), совершенное при отягчающихъ вину обстоятельствахъ. Точкой отправленія для развитія системы наказаній за убійства было мщеніе. Право на вознагражденіе за попраніе личной чести норвежецъ законодательнаго округа Гулатинга можетъ осуществлять не чаще трехъ разъ подъ рядъ, а въ промежуткахъ онъ непремѣнно долженъ мстить за свои обиды, очевидно, чтобы возстановить свое право на честь (§ 186). Такъ, если мужъ толкнетъ другого за бортъ или съ корабельнаго моста (со сходенъ), то долженъ заплатить ему право полной чести, а, если онъ столкнулъ за бортъ въ сторону открытаго моря, то его за это можно убить (§ 195). Точно также, если кто уподобитъ другого кобылѣ, сукѣ, публичной женщинѣ или вообще какому-либо рождающему существу (вѣроятно, съ намекомъ на противоестественныя общенія), то за это обидчикъ платитъ полное право на честь обиженному или даже можетъ быть убитъ (§ 196). При убійствѣ на кораблѣ можно выбросить убійцу за бортъ (§ 171). При убійствѣ въ схваткѣ между двумя кучками допускается мщеніе тутъ-же на мѣстѣ, но если убійца бѣжитъ

и схваченъ, то казнится палачемъ по суду тинга (§ 152). Если при такой-же схваткѣ одинъ ранилъ другого, то на него налагаются узы, а, если раненый умретъ, то узникъ убивается у ногъ мертваго (§ 183). Если въ такой-же схваткѣ одинъ нанесетъ другому изъ вражды ударъ (drep) и убитъ за это, то за его смерть законъ не караетъ (онъ útlagr и úheilagr). Если онъ бѣжитъ и схваченъ погоней, то подлежитъ суду тинга и смерти. Но, если ему удается скрыться въ лѣсъ, то онъ можетъ оттуда предложить за себя законный выкупъ (log biodha); какъ выкупъ изъ лѣсу, виновный уплачиваетъ пострадавшему его личную честь (réttr) въ соотвѣтствіи съ его сословнымъ положеніемъ, а еще столько-же обиженный получаетъ изъ „большой сотни“ эйриовъ, то-есть изъ 15 марокъ, или 120 эръ, какъ выкупа изъ лѣсу ударившаго въ пользу конунга (§ 189). Хотя нанесшій ударъ выкупается „изъ лѣсу“ 15 марками, но тотъ, кто далъ ему возможность бѣжать въ лѣсъ тѣмъ, что задержалъ погоню, и самъ долженъ поэтому укрыться въ лѣсъ, выкупается изъ него все-же 40 марками (§ 207).

Въ случаѣ убійства (víg) призывныя стрѣлы, какъ символъ приглашенія на тингъ ради суда, должны вырѣзать жена убитаго или его наслѣдникъ въ день смерти убитаго, а тингъ можетъ быть созванъ на самомъ мѣстѣ убійства; тутъ пусть крестьяне судятъ, хотя-бы ихъ собралось не болѣе 27 мужей. Если-же дѣло будетъ разбираться на обычномъ мѣстѣ тинга, то должна собраться $^1/_4$ людей тинга. Если обвиняемый не является на тингъ по призыву, то этимъ признаетъ свою вину, „несетъ ее на спинѣ“ (§ 151). Если столкнулись мужи на дорогѣ и одинъ убилъ другого, то, кого обвиняетъ умирающій, тотъ и убійца, если не очистится „Судомъ Божіимъ“, ордаліей. Если кто-либо хочетъ самъ заявить о совершенномъ имъ убійствѣ, то долженъ тотчасъ послѣ убіенія объявить объ этомъ въ ближайшемъ-же домѣ, гдѣ только нѣтъ ни родственниковъ, ни свойственниковъ убитаго, а потомъ представить объ этомъ оповѣщеніи свидѣтельства на тингѣ. Если наслѣдникъ убитаго обвиняетъ въ убійствѣ другого мужа, то тотъ долженъ очиститься присягами: для этого онъ долженъ испросить себѣ допускъ до тинга, сложить тамъ оружіе и принести очистительныя присяги; въ противномъ случаѣ онъ объявляется внѣ закона (útlegdh, § 156). Если убившій не сдѣлалъ самъ объявленія именно въ этомъ указанномъ порядкѣ, то убійство будетъ уже считаться тайнымъ (mordh). Убившій долженъ въ теченіе 12 мѣсяцевъ предложить замиреніе наслѣднику убитаго (§ 240); иначе ему прійдется, какъ за „злостное убійство“, заплатить добавочныхъ 3 марки пени.

При каждомъ преступленіи противъ личности уплачивались частное вознагражденіе потерпѣвшему и пеня конунгу. Однако, размѣръ головничества и виры за убійство по Гулатингу прійдется опредѣлять, преодолѣвая затрудненія, проистекающія отчасти изъ недомолвокъ памятника, отчасти изъ наличности въ немъ разновременныхъ

данныхъ и теченій. Вира конунгу называлась впослѣдствіи въ Норвегіи платой за убійство его „мужа“, „подданнаго“ (сзегна, thegngildi), а головничество въ Законѣ Гулатинга, такъ-же, какъ иногда и вира, покрывалось просто словомъ „gjald“, то-есть плата, или выкупъ. Отъ этихъ двухъ вносовъ надо отличать особый „выкупъ“ изъ лѣсу [1])“ (skógarkaup). Если убійца, совершившій обыкновенное убійство, бѣжалъ, то вся его движимость оцѣнивалась и конфисковалась въ пользу конунга его аурманномъ (§ 189), причемъ, вѣроятно, изъ имущества убійцы вообще, то-есть и изъ доходовъ съ недвижимости, переходившей къ наслѣднику, выправлялось въ такомъ случаѣ и головничество для родичей убитаго. Но, если убійца заключалъ мировую сдѣлку (saett), то онъ лишь дѣлалъ двѣ уплаты—родичамъ и конунгу. Напротивъ, если послѣ объявленія его на тингѣ внѣ закона и фактической (§ 189) конфискаціи движимости убійца изъ лѣсу возстановлялся подъ охрану мира и закона, то онъ вносилъ особый „выкупъ изъ лѣсу“ сверхъ уже конфискованнаго на головничество и виру, или урокъ и продажу (talt oc tekit). Подкрѣпимъ-же эту схему примѣрами только изъ Гулатинга.

По § 157-му, если мужъ убитъ въ „пивномъ домѣ“ или вообще въ домѣ пиршества (i öldrhúsi), при огнѣ или дневномъ свѣтѣ, то участники попойки (ölhúsmenn) должны выдать убійцу или оплатить убитаго полными выкупами родичамъ и конунгу (giallda hann aptr giöllдum fullum baedhe frendum oc sva kononge). Если рогъ, или копыто, или собака причинитъ смерть человѣку, то хозяинъ долженъ оправдаться отъ вины; однако, если онъ послѣ суда кормитъ животное, то платитъ 40 марокъ (конунгу) и вноситъ уплату родичамъ (за убитаго животнымъ, § 165). Если убитъ мужъ въ схваткѣ двухъ кучекъ (i flokke) и обѣ кучки не признаютъ себя зачинщиками, то всѣ они уплачиваютъ выкупъ родичамъ (giallda giöllдum aptr frendum) и по 40 марокъ конунгу съ каждой кучки (§ 167). Кто продаетъ свободнаго, какъ раба, долженъ заплатить 40 марокъ пени и столько-же покупщикъ, если зналъ. Кто продастъ свободнаго въ языческую страну, то долженъ заплатить 40 марокъ и кромѣ того или вернуть проданнаго обратно, или заплатить за него выкупъ родичамъ. Вира конунгу за убійство не могла быть менѣе 40 марокъ, такъ какъ подобная пеня („продажа“) платилась даже за истязаніе мужа или тяжкое избіеніе его (§§ 210, 212). Полный размѣръ головничества за убитаго гёльда указанъ въ § 180 въ 18 марокъ эйрировъ законной валюты (то-есть, вѣроятно, 6 или 12 локтей фризу на эйриръ, какъ въ §§ 170 и 243, а позднѣе въ пеннингахъ). Эта норма головничества за гёльда въ отдѣльныхъ случаяхъ увеличивается и уменьшается сообразно съ

---

[1]) Такъ правильно намѣчаетъ три вноса F. Brandt (Forelaesninger over den Norske Retshistorie, Kr. 1880–83). У К. Леманна вопросы эти не доработаны.

честью (réttr) и сословнымъ положеніемъ убитаго. Если отрублена рука или нога или выбитъ глазъ, то платится половина головничества (giallda hólfum giölldum). Если сразу одному мужу отрублены и рука, и нога, то платится, какъ за убитаго (§ 179); врядъ-ли, такое уменьшеніе на половину распространялось въ этихъ случаяхъ и на виру. За убійство королевскаго аурманна платились 15 марокъ, а за убійство аурманна за самымъ столомъ конунга при исполненіи имъ обязанностей угощенія или на тингѣ при веденіи исковъ конунга убійца объявляется внѣ закона (§ 170). Наконецъ, выкупъ изъ лѣсу упоминается въ нормахъ 15-и марокъ для нанесшаго вражескій ударъ въ схваткѣ скопомъ и 40-а марокъ для препятствовавшаго поимкѣ преступника (§§ 207, 189), объявленнаго внѣ закона, хотя-бы тотъ самъ могъ выкупиться изъ лѣсу и 15-ью марками. Послѣдняя оговорка дѣлаетъ правдоподобнымъ, что объявленный внѣ закона за убійство долженъ былъ выкупаться изъ лѣсу болѣе крупнымъ вносомъ, скорѣе всего тоже 40 марками.

Среди убійствъ, совершенныхъ при особыхъ отягчающихъ вину обстоятельствахъ, Гулатингъ различаетъ „злое убійство“ (misvígi) и „низкое убійство“ (níðhingsvíg). За „злое убійство“ полагается добавочная пеня. Такъ, если мужъ наноситъ ударъ въ подбородокъ или усъ, то за каждый зубъ платится эйриръ. Если мужъ броситъ трупъ убитаго въ огонь или рѣку, то пусть заплатитъ 12 эйрировъ. Если кто подсиживаетъ свою жертву въ опасномъ мѣстѣ, напримѣръ при концѣ моста, гдѣ путнику приходится или идти „подъ лезвее и остріе“, или прыгать внизъ въ пучину, то за это платится 12 эйрировъ. Если мужъ отрубаетъ голову отъ туловища и подымаетъ ее вверхъ, то это—хвастливое надругательство, и за это платится 3 марки. Сверхъ добавочной пени (къ вирѣ) уплачивается при „зломъ убійствѣ“ еще и полная честь (réttr) наслѣднику убитаго (§ 238). Тоже „злое убійство“, если мужъ убитъ задней частью оружія, пораженъ стрѣлой или дротикомъ съ крючками, если ранъ болѣе 7, если мужъ умеръ отъ безкровныхъ ударовъ, если трупъ обобранъ, если мужъ убитъ при отправленіи нужды, если мужъ брошенъ въ огонь, въ воду, съ горы, если трупъ не укрытъ и сталъ жертвой вороновъ и хищныхъ звѣрей, если за убійство въ теченіе 12 мѣсяцевъ не предложено замиреніе. Во всѣхъ этихъ случаяхъ платится по 3 марки (добавочныхъ, § 240). За надругательство надъ тѣломъ убитаго, если голова отрублена и насажена на колъ забора или трупъ положенъ ничкомъ и голова просунута между ногъ, уплата (т. е. головничество, giolld) увеличивается вдвое.

Гораздо строже карается „низкое“, „подлое“ убійство. Если кто нападаетъ на чей-либо домъ, вламывается въ него и убиваетъ хозяина, то это „низкое“ убійство. Если кто убиваетъ мужа, съ которымъ заключилъ примиреніе, если кто убиваетъ палкой, камнемъ или колодой; кто сжигаетъ мужа въ жилищѣ, обираетъ убитыхъ, убиваетъ

тайно (myrdha) и т. п. – все это случаи „подлаго", „низкаго" убійства. За всякое такое убійство убійца долженъ уйти въ изгнаніе, лишенный покровительства законовъ и личной безопасности (útlagr oc úheilagr), утративъ до послѣдняго пеннинга все имущество въ движимости и недвижимой землѣ (вѣроятно, кромѣ одалей), и никогда болѣе не можетъ уже вернуться въ страну, развѣ только съ правдивымъ извѣстіемъ о приближеніи непріятельскаго войска. Это строгій видъ лишенія мира, объявленія внѣ закона, который отъ болѣе мягкаго вида исключенія изъ подъ охраны государства за простое убійство отличается конфискаціей недвижимости и недопустимостью выкупа изъ лѣса, вообще замиренія (§ 178).

Итакъ, въ отличіе отъ ёто-шведскаго права, дѣлящаго выкупъ за преступленіе на три части, Законъ Гулатинга обычно обозначаетъ отдѣльно вознагражденіе истцу и пеню конунгу. Впрочемъ, въ виду компилятивнаго характера памятника, мѣстами остались слѣды дѣленія выкупа на двѣ части. По одному правовому теченію, вѣроятно, болѣе раннему, убійство мужа съ вторженіемъ въ его домъ (§ 178 heimsókn) зачисляется въ разрядъ „подлаго убійства", влекущаго за собой строгое объявленіе внѣ закона безъ возможности искупить его деньгами. Но по другому теченію (§ 242 heimsókn) вторженіе въ домъ и убійство хозяина искупается (вѣроятно, сверхъ виры и головничества, обычныхъ за убійство) еще 40 марками, изъ которыхъ половина идетъ конунгу. И въ норвежскомъ правѣ можно найти примѣры даже дѣленія на три части единаго уголовнаго выкупа, а именно въ записяхъ законовъ Эйзсифатинга въ Восточной Норвегіи, дошедшихъ въ отрывкахъ изъ второй половины XII-го вѣка; такъ, по церковному праву этого тинга, конфискованное имущество виновнаго идетъ въ раздѣлъ на три части между епископомъ, конунгомъ и крестьянами, то-есть членами судебнаго тинга [1]).

Время появленія въ Норвегіи нормы въ 40 марокъ, какъ исконной виры въ пользу конунга за убійство его подданнаго (сзегна), можно опредѣлить только приблизительно. По Фагюрскиннѣ (Fagrskinna), редакціи сагъ о конунгахъ Норвегіи, относимой къ половинѣ XIII в., будто-бы уже Гаральдъ Прекрасноволосый (ок. 872—933 г.г.) назначилъ, какъ кару за изнасилованіе женщины, объявленіе внѣ закона, опалу, изъ подъ которой можно было выкупиться опять въ миръ (í fridh) 40 марками валюты по 6 лóктей фризу на эйриръ [2]). Такъ какъ исландское право не знаетъ этой нормы въ 40 марокъ, то ту часть извѣстія Фагюрскинны, которая признаетъ существованіе такой нормы выкупа изъ опалы уже въ дни Гаральда Гаурфагри, можно подвергнуть сомнѣнію. Во всякомъ случаѣ, это самая ранняя

[1]) Norges G. L. I, p. p. 377, 383 etc.

[2]) Fagrskinna, Christ., 1847, p. 10.

эра для нормы въ 40 марокъ; самой поздней является царствованіе конунга Гаукона Гауконарсона (1217—63 г.г.). По „Королевскому зерцалу“, діалогу о бытѣ сословій въ Норвегіи, въ частности двора конунга, за убійство въ единоборствѣ мужа, пошедшаго къ рукѣ конунга (handgengner maenn) и ставшаго его домочадцемъ (huscarlar), конунгъ бралъ 40 марокъ виры (i thaegn gillde), какъ и за всякаго другого своего мужа—подданнаго (thaegn), да еще сверхъ того 1 марку золотомъ, какъ плату за домочадца [1]) (i hus carls giold). Съ другой стороны во введеніи къ „Закону Фростатинга“ сообщается, что будтобы Гауконъ Гауконарсонъ (1217—63) считалъ себя еще въ правѣ оставлять себѣ все конфискованное имущество убійцы и только по свойственному ему милосердію рѣшился брать изъ него такую-же виру (thegngildi), какая была въ обычаѣ уже раньше [2]). „Земскій Законъ“ (Landslög) Магнуса Лагабётира (1263—80) разъясняетъ это извѣстіе въ томъ смыслѣ, что за обыкновенное убійство Гаук. Гаук. постановилъ брать виру въ 13 марокъ 8 эртоговъ серебра (thegngildi); эта норма въ 1/3 отъ виры въ 40 марокъ опредѣляется тѣмъ, что конунгъ Гаук. Гаук., вообще замѣняя валюту по 6 локтей фриза на эйриръ серебряной валютой, уменьшилъ всѣ пени въ трое, въ частности 40 марокъ фризомъ понизилъ до 13 марокъ 8 эртоговъ серебромъ [3]). Итакъ, въ періодъ времени между эпохой заселенія Исландіи или первой записи исландскихъ законовъ, то-есть не ранѣе 930 г., и первой половиной XIII-го вѣка въ Норвегіи стала когда-то уплачиваться конунгу за убійство его подданнаго вира въ 40 марокъ. Такъ какъ эта норма выкупа конунгу для Англіи и Даніи упоминается въ дни Кнута Великаго, то правдоподобно, что и въ Норвегію вира и пеня въ 40 марокъ проникла не позднѣе этого царствованія, потому что между 1020—35 г.г. Кнутъ В. одновременно господствовалъ надъ Англіей, Даніей и Норвегіей.

До нормы виры въ 40 марокъ головничество по Гулатингу доростало только постепенно. Дошедшая до насъ редакція этого памятника сохранила слои законодательства въ области тинга въ Гулѣ отъ различныхъ временъ, и по нимъ можно прослѣдить ростъ частнаго вознагражденія роду убитаго. По Гулатингу (ст. 223) головщина можетъ уплачиваться коровами (по оцѣнкѣ 2 1/2 эры за корову), волами, зерномъ, золотомъ, чистымъ серебромъ, лошадьми, баранами, одальной землей, кораблемъ, оружіемъ, драгоцѣнностями, фризовымъ сукномъ, вообще матеріями на платье, мужской одеждой, рабами и т. п.

---

[1]) Speculum regale, herausg. von Brenner, p. 67. Памятникъ этотъ относятъ къ правленію конунга Гаукона, сына Гауконова. См. Eug Mogk, Geschichte der Norw-Isl. Literatur, 1904, p. 912.

[2]) Norges G. L. I.

[3]) N. G. L, II, Landslög, p. p. 49, 175

По § 180, какъ уже сказано, головничество за гёльда опредѣляется въ 18 марокъ съ эйриромъ законной валюты; эта норма входитъ въ типичный для Скандинавіи рядъ пеней въ 3, 6, 9, 12 марокъ. Но въ §§ 218—19 „плата за мужа“ (mannzgiolld) для наслѣдника одальной земли (odhalborinn, или гёльдъ) поднята до 19 марокъ, можетъ быть, только для того, чтобы перевести на цѣнность въ 60 коровъ (60×5/2 эйр.=150 эйр.=18 3/4 марки). Въ ст. ст. 218—239 законъ Гулатинга излагаетъ распредѣленіе между родичами всей головщины за убитаго мужа, обладавшаго по рожденію правомъ на родовую землю.

Сначала идутъ уплаты „мужей колецъ“ (baugamadhr): Главное кольцо въ 10 марокъ, или 32 коровы, получаетъ сынъ убитаго или, если его нѣтъ, то отецъ; если оба на лицо, то отцу идутъ 3 марки или даже 12 эйрировъ, коли онъ не боеспособенъ. Второе кольцо въ 5 марокъ, или 16 коровъ, идетъ брату убитаго, или за неимѣніемъ его—сыну убитаго. Третье кольцо въ 4 марки, или 13 коровъ безъ 1/2 эйрира, идетъ двоюродному брату—агнату убитаго. Если нѣтъ ни сына, ни отца, то первыя кольца идутъ брату убитаго а, если нѣтъ его, то всѣ идутъ двоюродному агнату, а, если нѣтъ и его, то всѣ три кольца достаются вообще наслѣднику убитаго. За кольцами и бёйгаменнами слѣдуютъ доли и дары женщинъ (kvengjafar). Тутъ 1 марка идетъ на 4-хъ женщинъ: мать убитаго, его дочь, сестра, жена получаютъ по 2 эйрира. Гдѣ какихъ-либо изъ этихъ женщинъ нѣтъ, тамъ за нихъ получаетъ сынъ убитаго. Каждому родичу убитаго платитъ по обыкновенію соотвѣтствующій ему членъ изъ рода убійцы, а, если такового нѣтъ, то и самъ убійца. Такъ убійца платитъ главное кольцо сыну убитаго, братъ убійцы второе кольцо брату убитаго, двоюродный братъ агнатъ—двоюродному брату-агнату и т. д. Всего ближайшій кругъ родичей, мущинъ и женщинъ, платитъ и получаетъ 20 марокъ, или 64 коровы. Итакъ, вносъ въ 18 марокъ для исконнаго круга ближайшихъ мущинъ, или 19 въ переводѣ на коровъ, дополняется „дарами“ ближайшихъ женщинъ и подгоняется такимъ путемъ къ „полувирью“, или 20 маркамъ.

За „кольцами“ (baugar) слѣдуютъ выкупы (sakir) мужамъ перваго, второго и третьяго полученія (uppnámamenn). Въ этой части Закона Гулатинга убитый безразлично называется то гёльдомъ, то одальнымъ собственникомъ отъ рожденія. За такого убитаго, въ „первомъ полученіи“, братъ его отца, сынъ брата, отецъ матери и сынъ дочери получаютъ каждый по 1-ой маркѣ, а всего 4 марки отъ убійцы [1]). Во „второмъ полученіи“ получаютъ по 6 эйрировъ отъ убійцы двоюродный братъ агнатъ убитаго (braedhrungr, уже помянутый среди мужей колецъ), сынъ дочери брата, братъ матери, сынъ

[1]) Мелкое противорѣчіе является въ статьѣ 230-ой, по которой братъ отца и сынъ брата—одинъ выкупъ.

сестры, двоюродный братъ когнатъ (отъ брата матери), а всего 3 марки 6 эйр. Въ „третьемъ полученіи“ идутъ двоюродный братъ когнатъ отъ сестры матери (systrungr), сынъ двоюроднаго брата агната, то-есть двоюродный племянникъ, двоюродный братъ—агнатъ отца, то-есть двоюродный дядя, братъ матери матери, то-есть дядя матери, (или дядя—дѣдъ убитаго по матери), сынъ дочери сестры, то-есть внучатый племянникъ отъ дочери сестры; каждый получаетъ по $^1/_2$ марки, а всѣ вмѣстѣ $2^1/_2$ марки. Итакъ, чтобы откупиться отъ родичей второго круга по мужской и женской линіи, убійца долженъ уплатить еще 10 марокъ 2 эйрира [1]).

Всего уплаты мужамъ колецъ и женщинамъ перваго круга и болѣе отдаленнымъ родичамъ 1-го, 2-го и 3-ьяго полученія составляютъ уже 30 марокъ 2 эйрира, или 96 коровъ слишкомъ, то-есть три четверти виры.

Мужи перваго полученія, получающіе по 1 маркѣ отъ убійцы, получаютъ на $^1/_3$ меньше отъ брата убійцы, то-есть по $5^1/_3$ эйр.; мужи второго полученія берутъ съ него по $^1/_2$ марки, мужи третьяго полученія по 2 эйр. 2 эрт. Весь вносъ брата убійцы равенъ 6 маркамъ 6 эйр. 2 эрт. Если прибавить этотъ вносъ къ 30 м. 2 эйр., то получится 37 м. 2 эрт., то-есть почти 120 коровъ.

Къ этому въ дошедшей до насъ редакціи закона Гулатинга присоединяются поперечныя уплаты дальнихъ родичей убійцы дальнимъ родичамъ убитаго (thversakir, поперечные выкупы). Такъ каждый изъ 4 мужей перваго, 5 мужей второго, 4 (вмѣсто 5) мужей третьяго полученія платитъ 15-и, 16-и, 14-и родичамъ убитаго по мелкому вносу. Въ общемъ эти поперечные выкупы составятъ свыше 27 марокъ [2]) (27 м. $7^1/_3$ пен.).

---

[1]) Мы свѣрили наши подсчеты съ итогами у Сибома (Fr. Seebohm, Tribal Custom in Anglo-Saxon Law, 1902, p. p. 247 - 249) и у другихъ; мелочная разница въ итогахъ получается мѣстами въ зависимости отъ иныхъ поправокъ, разночтеній, различнаго пониманія угла зрѣнія при исчисленіи выплатъ. Такъ какъ Сибомъ, по его словамъ (p. 238), лично не владѣетъ древне-скандинавскимъ, то при передачѣ названій родства у него попадаются неточности, наприм., при переводѣ слова „systlingr“, означающаго и сына брата матери.

[2]) Отъ мужей перваго полученія свыше 11 м., отъ второго полученія свыше 10 м., отъ третьяго—свыше 5 м. Кромѣ того платитъ поперечные выкупы и болѣе отдаленные родичи убійцы, чѣмъ мужи третьяго полученія, причемъ каждый болѣе отдаленный родичъ платитъ всегда на $^1/_3$ менѣе предыдущаго разряда. Такихъ болѣе отдаленныхъ насчитывается 13 мѣстъ.

Перечисленіе поперечныхъ вносовъ отчасти повторяется тутъ-же рядомъ съ нѣкоторыми ничтожными измѣненіями въ нормахъ вносовъ, и притомъ изложеніе дается по иной системѣ, а именно: каждый „мужъ перваго полученія“ убійцы платитъ соотвѣтствующему мужу перваго полученія убитаго; мужи второго полученія платятъ мужамъ перваго и второго полученія, мужи третьяго полученія—мужамъ второго и третьяго полученія (§§ 232 - 234).

Три мужа именуются „увеличивающими выкупы“ (sakaukar): это сынъ отъ рабыни, братъ отъ рабыни, братъ единоутробный. Каждый изъ нихъ получаетъ 12 эйр. отъ убійцы и 1 марку отъ брата убійцы, то-есть всѣ трое отъ двоихъ 7 м. 4 эйр.

Кромѣ того платится убійцей по 3 эйрира брату матери, рожденному отъ рабыни, за убитаго мужа или обратно, (то-есть за убитаго брата матери отъ рабыни—племяннику), брату матери единоутробному или обратно, по 6 эйр.[1]), брату отца, рожденному отъ рабыни, или обратно, брату отца единоутробному или обратно, а всего 18 эйриров. Это тоже „sakaukar“. Кромѣ того получается ими-же на $^1/_3$ меньше отъ брата убійцы, а еще на $^1/_3$ меньше отъ брата отца убійцы, а всего здѣсь уплачивается 4 марки 6 эйр.

Наконецъ, выкупъ уплачивается и свойственникамъ убитаго мужа. Такъ убійца уплачиваетъ по 12 эйр. тестю за зятя и обратно, вотчиму за пасынка и обратно, брату по клятвѣ, брату молочному и по воспитанію сообща, отцу матери, матери матери и обратно, свояку за шурина и обратно 6 эйр., но, если каждый изъ нихъ женатъ на сестрѣ другого, то за любого 12 эйр. Тутъ возможные выплаты достигаютъ еще до 9 марокъ.

Если подсчитать тѣ добавочные вносы, которые по Закону Гулатинга надо имѣть въ виду, какъ обычно требуемые, а именно вносы мужамъ трехъ полученій отъ брата убійцы, поперечные вносы, далѣе мужамъ, увеличивающимъ выкупъ, родичамъ отъ рабынь и единоутробнымъ, наконецъ свойственникамъ, то это составитъ свыше 55 марокъ, а съ основными вносами въ 30 м. 2 эйр. полученіе одного рода отъ другого можетъ, значитъ, превысить 85 марокъ, или 272 коровы. Сумма эта ближе къ максимальному, чѣмъ къ среднему головничеству, такъ какъ не всѣ родичи, вносы которыхъ приняты здѣсь во вниманіе, бываютъ на лицо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ убійства.

Средней нормой головничества отъ цѣлаго рода на цѣлый родъ за убитаго гёльда правильнѣе считать 40 марокъ, какъ это видно изъ другого подсчета, начинающагося въ томъ-же Законѣ Гулатинга со статьи 243. Здѣсь три кольца ($12^1/_2$ м.), выкупы мира у родичей убитаго (tryggvakaup), выкупъ изъ лѣсу (skógarkaup) и дары женщинъ (kvengiaver) по итогу Гулатинга составляютъ „полувирье“, то-есть 20 мар. $2^2/_5$ эйр. (§ 245. Повѣрочный подсчетъ даетъ лишь 18 м. $6^2/_5$ эйр.). Но, если къ этому полувирью прибавить еще вносы „мужамъ полученій“ (uppnámamenn. почти 16 м.) и „поперечные вносы“ (thversöc, свыше $3^1/_2$ м.), то общій итогъ получится въ $39^1/_2$ марокъ слишкомъ[2])

---

[1]) Кажется, описка вмѣсто 6 эртоговъ?

[2]) По § 247 принимаемъ 2 systkinna synir, двоюродныхъ братьевъ по брату матери и по сестрѣ отца.

Наконецъ, къ Закону Гулатинга присоединенъ (съ § 316) разсчетъ головничества, выработанный въ началѣ XIII в. Бьярне Марзсарсюномъ. Этотъ разсчетъ исходитъ не отъ отдѣльныхъ вносовъ убійцы и его родичей, а отъ круглой суммы всего головничества цѣликомъ, предполагаемаго по приговору суда въ 6. 5, 4, 3 марки золота, то-есть, по обычному соотношенію, въ 48, 40, 32, 24 марки серебра по вѣсу. Беремъ, для примѣра, разверстку между родичами головничества въ 5 м. золотомъ. Тотъ, съ кого присуждено это головничество, выплачиваетъ серебромъ по вѣсу сыну убитаго 10 марокъ, брату 5 м., брату отца и его сыновьямъ 3 м. 5 эйр. $6^1/_3$ пеннинговъ, то-есть свыше $18^1/_2$ марокъ тремъ ближайшимъ „мужамъ“, или мѣстамъ въ родословной. Если есть на лицо еще отецъ убитаго, сводный (по матери единоутробный) братъ убитаго и такой-же братъ его отца, то всѣ выплаты имъ подымутъ итогъ свыше 22 марокъ (по тексту Гулатинга 22 м. 3 эйр. 2 эрт.). Если кого-либо изъ перечисляемыхъ родичей нѣтъ, то причитающаяся ему изъ головничества доля достается истцу, которому присуждены 5 м. золотомъ. Далѣе, между болѣе отдаленными родичами убитаго, если таковые есть на лицо, разверстываются остальныя марки серебра по вѣсу изъ второго полувирья, то-есть приблизительно всего до 40 м.

Пріемъ Бьярне Марзсарсюна — исходить отъ круглой суммы цѣлаго головничества въ золотыхъ маркахъ—типиченъ не для Гулатинга, а для Закона Законодательнаго Тинга въ Фростѣ[1]). Законъ Фростатинга въ той редакціи, въ которой онъ дошелъ полностью, сообщаетъ, что судьи присуждаютъ за убитаго головничество въ 6, 5, 4, 3, $2^1/_2$ и 2 марки золотомъ, то-есть въ 48, 40, 32, 24, 20 и 16 марокъ серебромъ. Каждый изъ этихъ выкуповъ за головничество вносится семью группами родичей убійцы семи группамъ родичей убитаго. Первую группу составляютъ „мужи колецъ“ (baugamenn), уплачивающіе свою долю головничества кольцами. Всѣ кольца уплачиваетъ самъ убійца или его сынъ, если нѣтъ болѣе на лицо никого изъ этого круга плательщиковъ кольцами. Однако, наиболѣе надежными плательщиками, „вѣрными“ (visendr), считаются не убійца или его сынъ, образующіе какъ-бы ядро рода, а ближайшій къ нимъ концентрическій кругъ родичей, а именно: отецъ убійцы, его (отца) сыновья, или братья для убійцы, дяди, то-есть братья отца или племянники черезъ братьевъ, двоюродные братья или ихъ сыновья, то-есть двоюродные племянники. Если эти „вѣрные“ на лицо, то убійца или его сынъ не можетъ платить за нихъ; напротивъ, наличная группа „вѣрныхъ“ платитъ за всѣхъ родичей, причисляемыхъ къ „бѣйгаменнамъ“, хотя-бы иныхъ изъ нихъ въ данномъ случаѣ и не было въ роду. Въ крайнемъ случаѣ, хотя-бы группа „вѣрныхъ“ была

[1]) VI отдѣлъ, Frostathings-Lov, Norges Gamle Love, I. B.

представлена всего только однимъ плательщикомъ, онъ долженъ внести за всѣхъ предполагаемыхъ въ полномъ родѣ „мужей колецъ".

При выкупѣ (bót) въ 5 марокъ золотомъ, или 40 марокъ серебромъ по вѣсу, на эту группу мужей колецъ приходятся 14 марокъ 7 эйриров 1 эртогъ 2 пеннинга. Эта сумма распредѣляется между пятью слоями бёйгаменновъ, изъ которыхъ каждый платитъ слѣдующіе вносы:

Убійца или его сынъ сыну убитаго 4 м. 4 эрт. Отецъ убійцы отцу убитаго—4 м. 4 эрт. Братъ убійцы брату 3 м. 1 эйр. Дядя и племянники дядѣ и племянникамъ 2 м. 2 эрт. Двоюродные братья и двоюродные племянники убійцы соотвѣтственнымъ родичамъ убитаго—1 м. 3 эйр. 6½ пен.

Это самая близкая къ убійцѣ и его сыну и вполнѣ чистая въ кровномъ смыслѣ группа агнатовъ. Далѣе идутъ болѣе отдаленные или не вполнѣ безупречные агнаты: это вторая группа—„увеличивающихъ пеню" (sakaukar). Тутъ сынъ убійцы отъ рабыни, платящій сыну убитаго отъ рабыни, сводный братъ единоутробный, дѣдъ и внукъ, сыновья (первыхъ изъ) этихъ добавочныхъ плательщиковъ, предположительно въ количествѣ 3, и въ томъ-же количествѣ ихъ внуки. Изъ 40 марокъ серебромъ вторая группа платитъ въ общемъ 11 марокъ 5 эрт 3½ пен.

Далѣе слѣдуютъ двѣ группы болѣе близкихъ и болѣе отдаленныхъ когнатовъ, платящихъ съ души, „съ носа"; это большая и малая „подушная" (Micla и litla nefgilldi). Большую подушную въ 4 м. 2 эйр. 1 эрт. 2 пен. платятъ дѣдъ убійцы по матери и сынъ отъ дочери дѣду по матери и сыну отъ дочери убитаго, дядя по матери (ея братъ) и племянникъ черезъ сестру убійцы, двоюродные братья отъ брата матери (или и сестры отца?), двоюродные братья отъ сестры матери, каждый всегда — соотвѣтствующему родичу убитаго. Это третья группа. Малую уплату „съ носа" въ 3 м. 2 эйр. 15 пенн. (правильнѣе 5 пен.) платитъ четвертая группа, а именно шесть типовъ родичей: правнукъ отъ дочери сына убійцы, правнукъ отъ дочери дочери, сынъ племянницы отъ брата, сынъ племянницы отъ сестры, сынъ двоюродной сестры отъ дяди по матери (отъ ея брата), сынъ двоюродной сестры отъ тетки по матери.

Пятую группу, прибавленную позднѣе къ старой книгѣ Фростатинга (VI, 9, Frostuthingsbók), образуетъ сводное родство отъ браковъ съ вдовами, платящее въ общей сложности 4 м. 2 эйр. 2 эрт. (итогъ памятника не вполнѣ соотвѣтствуетъ суммѣ отдѣльныхъ вносовъ), а именно: сводные двоюродные братья, единоутробные по бабкѣ (по матери отца убійцы), и таковые-же ихъ сыновья (двоюродные сводные племянники), сводный братъ матери и сынъ сестры убійцы единоутробной, т. е. сводный племянникъ), сводные двоюродные братья по сводному брату матери, единоутробные по бабкѣ (по матери матери), сводные двоюродные братья черезъ сводную сестру матери, единоутробные по бабкѣ (по матери матери), братъ убійцы отъ рабыни.

Въ этихъ пяти группахъ родство по мужской линіи обыкновенно высчитывается лишь до третьей ступени по римско-канонической компутаціи (или по норвежски, до „третьяго мужа“, третьяго мѣста). Между тѣмъ родство по Фростатингу продолжалось приниматься во вниманіе при выкупѣ отъ мщенія до мѣста шестого мужа (er setta manne eго at fraendsemi) включительно, это значитъ, что, принявши, напримѣръ, дѣда убійцы за родоначальника, который при католической компутаціи самъ, какъ таковой, не считается еще за „мѣсто“ мужа, должно начинать нисходящій счетъ отъ отца убійцы, какъ „перваго мужа“, и спускаться до убійцы (2-ой мужъ), его сына (3-ій), его внука (4-ый), правнука (5-ый) и пра-правнука (6-ой) [1].

Эти родственники убійцы съ четвертаго до шестого мѣста, какъ по мужской линіи (fraendboetr í þauggilldi), такъ и по женской (nefgilldis fraendbót), привлекаются къ уплатамъ головничества въ шестой и седьмой группахъ плательщиковъ. Вся сумма отъ родичей по мужской линіи съ 4-го по 6-ое колѣно, или съ 4-го по 6-ого мужа, исчислена, при головничествѣ въ $5 \times 8 = 40$ марокъ, въ 11 эйриpовъ $6^1/_2$ пенн. Въ седьмую группу плательщиковъ входятъ свойственники по женской линіи 4-ой, 5-ой и 6-ой степени, вносящіе въ совокупности 4 эйр. 1 эрт. 2 пен. Если сложить вносы всѣхъ 7 группъ (съ ничтожными поправками, или опущеніями въ пеннингахъ и ихъ доляхъ), то дѣйствительно получатся 40 марокъ серебромъ, или 5 марокъ золотомъ [2].

[1]) Если за родоначальника принять отца убійцы, то шестымъ мужемъ будетъ пра-пра-правнукъ убійцы, а, если принять за родоначальника прадѣда убійцы, то шестымъ мужемъ (въ томъ числѣ и по боковымъ нисходящимъ линіямъ отъ прадѣда убійцы) будетъ для прадѣда „поколѣніе“, „ступень“, правнука убійцы или его (правнука убійцы) шестеродныхъ братьевъ, которые будутъ „шестыми мужами“ и для убійцы, какъ правнуки троюроднаго брата убійцы; конечно „шестымъ мужемъ“ для убійцы былъ-бы и его собственный шестеродный братъ при общемъ родоначальникѣ (пра-пра-пра-прадѣдѣ убійцы), сыновья котораго (пра-пра-прадѣдъ убійцы и его братъ родной) считаются тогда мѣстомъ первыхъ мужей.

Итакъ, при опредѣленіи своего родства съ убійцей или убитымъ, надо отыскать общаго съ нимъ своего предка, принять его за родоначальника, не входящаго въ счетъ мужей, и отсчитывать отъ него число рожденій, или мѣстъ мужей до убійцы или до себя, смотря по тому, кто дальше отстоитъ отъ исходнаго родоначальника по нисходящимъ отъ сыновей этого родоначальника парентеламъ. Это общее правило—считать мѣста по болѣе длинной парентелѣ. Такъ, сынъ двоюроднаго брата убійцы (его двоюродный племянникъ) будетъ 3-ьимъ „мужемъ“, ибо и онъ, и убійца исчисляются отъ дѣда убійцы, который является прадѣдомъ для двоюроднаго племянника убійцы.

[2]) Платятъ первая группа . . . . . 14 м. 7 эйр. 1 эрт. 2 пен.
вторая » . . . . 11 » — 5 » 3 ($^1/_4$) пен.
третья » . . . . 4 » 2 » 1 » 2 пен.
четвертая » . . . . 3 » 2 » — (15) 5 пен.
пятая » . . . . 4 » 2 » 2 »
шестая » . . . . — 11 » — 6 ($^1/_2$) пен.
седьмая » . . . . — 4 » 1 » 2 пен.

Итого полное головничество . . 36 м. 28 эйр. 10 эрт. 20 пен., или ровно 40 марокъ.

Напомнимъ, что десять пеннинговъ составляютъ эртогъ, три эртога образуютъ эйриръ, а восемь эйриpовъ идетъ на марку.

Законъ Фростатинга знаетъ норму въ 40 марокъ еще и для виры, и для продажъ, но случаи, когда конунгъ получаетъ пеню въ 40 марокъ встрѣчаются здѣсь рѣже, чѣмъ въ Законѣ Гулатинга, хотя въ общемъ эта норма обладаетъ и здѣсь тѣмъ-же характеромъ, какъ и тамъ, то-есть уплачивается за преступленія, совершаемыя отрядами, или за проступки противъ общества, государства и конунга. Есть случаи въ Законѣ Фростатинга, когда норма въ 40 марокъ переносится и на размѣры урока, то-есть частнаго вознагражденія. Такъ (IV, 62), при выкупѣ мира послѣ грабежа скопомъ въ чужомъ домѣ, за каждый ударъ до 3-хъ уплачивается „полная честь“ (по Фростатингу за гёльда это 3 марки), а, если ударовъ болѣе 3, то просто 40 марокъ.

К. Леманнъ не могъ объяснить происхожденія этой нормы въ 40 марокъ, утверждалъ, что въ Англіи будто-бы не было и слѣда такой виры и пытался выводить ея распространеніе изъ Даніи, гдѣ она якобы, не ранѣе конца XI-го вѣка, возникла, какъ пеня за вторженіе скопомъ въ чужое жилище. „Какъ возникло это загадочное число?“, спрашиваетъ себя авторъ въ концѣ своего изслѣдованія о королевскомъ мирѣ у сѣверныхъ германцевъ: „Было-ли оно продуктомъ Сѣвера, или заимствованіемъ изъ чужбины? Мы не въ состояніи дать отвѣтъ на эти вопросы. Сами удовольствовавшись такимъ „ignoramus“, мы должны предоставить новымъ силамъ вести въ этомъ направленіи изслѣдованіе дальше“ [1]). Главная причина, почему К. Леманну не удалось довести своихъ разысканій до благополучнаго конца, коренится въ томъ, что ему остались неизвѣстными древнѣйшіе слѣды и записи скандинавскаго права, сохранившіеся въ договорахъ англосаксонскихъ королей съ вождями данскихъ полчищъ, грабившихъ и даже захватывавшихъ части Англіи.

Только по недоработанному изслѣдованію К. Леманна ознакомился съ нормой въ 40 марокъ А. Прѣсняковъ [2]). Поэтому, сопоставляя съ этой нормой скалу виръ „Русской Правды“ въ 20, 40, 80 гривенъ, авторъ „Княжого Права“ ошибочно призналъ, что эти числа уголовнаго права на Руси стали встрѣчаться ранѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ. По видимости, А. Прѣсняковъ допускалъ возможность вліянія русскаго права на скандинавское [3]). А между тѣмъ отвѣты на вопросы, поставленные К. Леманномъ, можно найти только въ памятникахъ англо-саксонскаго права.

---

[1]) K. Lehmann, Der Königsfriede der Nordgermanen, p. p. 241, 244, 246.

[2]) Княжое Право, 1909, стр. стр. 256—259.

[3]) Таковы его слова на стр. 258-ой: „Нельзя не пожалѣть, что Леманнъ не зналъ „Русской Правды“. Онъ нашелъ-бы въ ней указаніе на существованіе 40 гривенной пени болѣе раннее, чѣмъ всѣ ему извѣстныя указанія на пеню въ 40 марокъ. И нашелъ-бы ее въ связи именно съ охраной жизни, съ платой за убійство, притомъ въ такой формѣ, которая проявляется въ шведскихъ законахъ XIII в., какъ нововведеніе“.

Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія о вирѣ въ 40 марокъ даны для Англіи въ „Законахъ Эдуарда Исповѣдника“. Этотъ памятникъ, выдающій себя за запись англо-саксонскаго права, составленную по опросамъ при Вильгельмѣ Завоевателѣ въ 1070 г., въ сущности возникъ позднѣе, предположительно между 1130—35 г.г., и изображаетъ англо-норманское право изъ конца царствованія Генриха I[1]). Здѣсь различаются нѣсколько видовъ королевскаго мира: миръ, который даетъ король своей рукой („kinges hand sealde gridh“), миръ, даруемый указомъ кюнинга, миръ четырехъ дорогъ. Кто сознательно нарушилъ такой миръ кюнинга, тотъ въ чертѣ осѣдлости дановъ и дѣйствія скандинавскаго обычнаго права (in Danelage) уплачиваетъ 18 „сотенъ“ эръ серебра (или унцій, то-есть, вѣроятно, 144 римскихъ фунта по 327,45 грм. каждый. такъ какъ „сотня“ равна 8 ф. серебра, или 100 скандинавскихъ эйриpовъ по 26,7 грм.); если же взять сотню римскихъ унцій по 27, 29 грм., то фунтъ прійдется поднять до тауэрскаго въ 349 грм.), и жизнь его отдается на милость и немилость королю; напротивъ, по закону англійскому нарушившій миръ кюнинга платитъ свою „веру“, то-есть цѣну своей жизни (lege Anglorum suum were, idest pretium suum). Сверхъ этого вносится „выкупъ за мужа“ (manbote) лордамъ, которыхъ зависимые люди убиты, а именно по датскому закону за виллана и сокмена 12 эръ (глосса: 20 шиллинговъ), за свободнаго 3 марки (глосса: 40 шиллинговъ—солидовъ); по англійскому закону „manbote“ за мужей бароновъ—по 10 шиллинговъ, за мужей графовъ по 20 шил., за мужей конунга по 3 марки. Здѣсь $1^1/_2$ марки англо-скандинавскихъ (по 218,3 грм. каждая) обозначены 12 эрами, или унціями римскими (по 27, 29 грм. каждая), равными либрѣ въ 327,45 грм При нормѣ пени норманскихъ королей въ 1,36 грм., 20 шил., или 240 пенсовъ дѣйствительно равны римскому фунту. Независимо отъ этого, убійца долженъ уплатить вознагражденіе (emendatio) родичамъ убитаго или подвергнуться федѣ (войнѣ, werra=guerra), почему у англовъ есть пословица: „откулись отъ копья, грозящаго съ боку, или самъ носи его на боку“ (bugge spere of side othe bere!—Lanceam eme de latere, aut fer).

Кромѣ открытаго убіенія (§ 12) Законы Эдв. Испов. отличаютъ еще тайное, коварное убійство (murdrum, § 15), дающее поводъ для дикой виры. Если найденъ у села убитый, то отъ села (villa) требуется выдача убійцы правосудію короля. Если село въ теченіе мѣсяца и дня не смогло найти убійцу, то уплачиваетъ въ складчину 46 марокъ; то, что не будетъ добрано изъ этихъ 46 марокъ въ селѣ, собирается по „сотнѣ“, то-есть волости. Если въ теченіе года убійца все еще не найденъ и не подвергся казни (iusticia), то изъ взыскан-

[1]) H. Brunner, Geschichte der englischen Rechtsquellen. Lpz. 1909.—F. Liebermann, Die Gesetze der Angelsachsen, B. B. I—II 1898—1912.

ныхъ 46 марокъ родичи получаютъ 6 марокъ, а, если нѣтъ родичей, то ихъ беретъ господинъ убитаго, (лордъ), или товарищъ убитаго связанный съ нимъ по имуществу или обѣтомъ взаимной вѣрности. Если у убитаго нѣтъ никого изъ такихъ близкихъ, то эти 6 марокъ получаетъ король, подъ миромъ котораго живутъ всѣ чужестранцы (albani, aubain), вмѣстѣ со своими 40 марками. По словамъ Законовъ Эдв. Испов., преступленіе „тайнаго убійства“ узаконено въ царствованіе Кнута В. Когда этотъ король завоевалъ и замирилъ Англію, то по просьбѣ бароновъ земли будто-бы отпустилъ свое датское войско домой. Тогда бароны Англіи стали какъ-бы поручителями за жизнь и миръ, то-есть за безопасность тѣхъ дановъ, которыхъ король удержалъ при себѣ; поэтому, если кто изъ англичанъ убивалъ кого-либо изъ мужей Кнута, то подвергался казни, а, если онъ убѣгалъ, то за него платилась указанная дикая вира. Изъ этого извѣстія памятника, возникшаго при господствѣ норманскихъ общественныхъ отношеній, мы удерживаемъ только фактъ, что при Кнутѣ В. вира за убіеніе мужа этого конунга (thegn'a) равнялась 40 маркамъ, такъ какъ онъ находитъ себѣ подтвержденіе у Саксона Грамматика.

Той-же вирой въ 46 марокъ ограждены были, по словамъ „Статей Вильгельма I“, то-есть компиляціи, возникшей предположительно между 1110—35 г.г., и мужи, пришедшіе изъ Нормандіи съ Вильг. Завоевателемъ или позднѣе къ нему и жившіе подъ миромъ короля. (Willelmi I Articuli, § 3), но только вмѣсто села здѣсь отвѣтственность несетъ лордъ или сотня. Это подтверждается и французскимъ текстомъ „Законовъ Вильгельма“ [1]) (Leis Willelme, предположительно 1090—1135). Обстоятельнѣе англо-норманское уголовное право изложено въ Законахъ Генриха I (Leges Henrici, 1114—18). Здѣсь вознагражденіе родичамъ убитаго называется вирой (wera) и опредѣляется для Уэссекса за „двухъ-сотеннаго мужа (twihynde, оплачиваемый 200-и солидовъ), или теперь виллана, въ 4 фунта, а за „двѣнадцатисотеннаго“ (twelfhynde, оплачиваемый 1200-и солидовъ), или теперь тэна (thain=then, thegn) въ 25 фунтовъ. Свободный англъ за убійство свободнаго дана (и обратно) платитъ 25 ф. или выдается (родичамъ). Самъ памятникъ объясняетъ, что 200 солидовъ за виллана равны 4 фунтамъ, а 1200 солидовъ за тэна (сзегна, или сзена), или вполнѣ знатнаго, равны 25 фунтамъ. Этотъ переводъ шиллинговъ на фунты указываетъ на уэссекскую систему, по которой въ шиллингѣ 3 пенсовъ, а значитъ въ фунтѣ 48 шиллинговъ-солидовъ. Въ норманскую эпоху очевидно рѣчь могла идти только о тауэрскомъ фунтѣ въ 349.9 грм., а, при англо-скандинавской маркѣ въ 218,3 грм., 25 тауэрскихъ фунтовъ (8747 грм.) равны 40 маркамъ (8732 грм.). Здѣсь ключъ къ тайнѣ рож-

[1]) Ki Franceis ocist e les humes del hundred nel prengent e meinent a la justice dedenz les VIII jurs, pur mustrer, ki l'ait fet, si renderunt le murdre: XLVI mars“.

денія нормы въ 40 марокъ-гривенъ: Головничество за королевскаго мужа (тэна, или сзегна, владѣльца 5 гуфъ земли) по Уэссекскому праву полагалось въ 1200 уэссекскихъ солидовъ, или 25 тауэрскихъ фунтовъ, или 40 англо-скандинавскихъ марокъ. Въ § 91 „Законовъ Генриха“ изложены постановленія касательно тайнаго убійства, или murdrum: Если убитъ французъ, или норманнъ, или вообще заморскій мужъ, а убійца неизвѣстенъ или бѣжалъ, такъ что не выданъ королевскому правосудію въ теченіе 7 дней, то за такое убійство уплачиваются 46 марокъ серебра, изъ нихъ 40 королю, а 6 родичамъ убитаго. Если тѣло убитаго найдено въ домѣ или во дворѣ или въ огороженномъ мѣстѣ, то на покрытіе этихъ 46 марокъ продается сначала имущество въ этомъ самомъ помѣстьѣ или манорѣ, а недостающее пополняется сотней сообща. Но, если убитый найденъ въ открытыхъ поляхъ, то вергельдъ въ 46 марокъ уплачивается всей сотней, а не только тѣмъ, кому принадлежитъ земля.

Переведенная здѣсь на фунты и марки „вера“ въ смыслѣ головничества въ 200, 600 и 1200 солидовъ, или уэссекскихъ шиллинговъ, упоминается уже въ законахъ Ине, кюнинга Западныхъ Саксовъ (688—95). По договору о мирѣ между англо-саксонскимъ кюнингомъ Эльфредомъ В. и скандинавскимъ конунгомъ дановъ въ Истангліи Гузрумомъ (или Гвѣзрумомъ) ок. 880—890 г.г., при убійствѣ англичанинъ и данъ цѣнятся равно дорого, а именно по 8 полумарокъ чистаго золота (VIII healfmearcum asodenes goldes), исключая простыхъ свободныхъ, сидящихъ на цензовыхъ (оброчныхъ) земляхъ (ceorle on gafollande) и отпущенниковъ у дановъ (leysingi), которые цѣнятся по 200 шиллинговъ. Здѣсь по необходимости прійдется принять отношеніе по цѣнности между золотомъ и серебромъ въ 10 : 1, какъ оно обыкновенно и предполагается спеціалистами [1]). Тогда цѣна убитаго англа или дана высшаго слоя опредѣлится въ 40 марокъ серебра, или 1200 уэссекскихъ шиллинговъ, а цѣна человѣка низшаго слоя въ 200 шилл., или ок. 4 ф. серебра.

Для возстановленія правового быта скандинавовъ, жившихъ морскими набѣгами или поселявшихся въ завоеванныхъ частяхъ Англіи, важенъ договоръ англо-саксонскаго кюнинга Этельреда II (или Эдсельреда) со скандинавскимъ (отчасти норвежскимъ) войскомъ Олафа (Тригтвасона), Йостейна и Гвѣзсмюнда. сына Стегита, отъ 991 г. По этому договору (§ 5), если свободный англосаксъ убиваетъ свободнаго дана (или обратно), то пусть оплатитъ его 25 фунтами, или пусть выдадутъ (для мести) истиннаго виновника убійства. За убійство

[1]) F. Seebohm, p. 354. Chadwick, Studies on Anglo-Saxon Institutions, p. 51. Если взять болѣе позднее скандинавское отношеніе, какъ $7^1/_2 : 1$ или 8 : 1, то при переводѣ на шиллинги мы не получимъ ни одной изъ обычныхъ у Западныхъ Саксовъ нормъ, ни 1200, ни 600. Сказано «полумарка», а не «$^1/_2$ (римскаго) фунта!».

англійскаго или данскаго несвободнаго (раба, thrael) платится 1 фунтъ. Здѣсь 25-ью фунтами очевидно передано головничество въ 1200 шиллинговъ. Но является вопросъ, о какомъ фунтѣ по вѣсу идетъ рѣчь въ договорѣ Этельреда-Олафа. При нормѣ для пенни въ 1,36 грм. (норма около 800 г. и затѣмъ около 1066 г., но болѣе рѣдкая для Этельреда II) пришлось-бы здѣсь вычитывать римскій фунтъ въ 327,45 грм.; при максимальной нормѣ пенни въ 1,7 грм. (норма при Этельредѣ II, но болѣе рѣдкая), тутъ былъ-бы на лицо арабскій (Иракскій) фунтъ въ 409 грм.; при средней нормѣ пенни въ 1,46 грм. (наиболѣе распространенной среди монетъ Этельреда II въ Брит. Музеѣ) надо считаться здѣсь скорѣе всего съ тауэрскимъ фунтомъ въ 349,9 грм. При тауэрскомъ фунтѣ головничество въ 25 ф. серебра равнялось-бы 40 маркамъ, при иракскомъ (въ 15 унцій)—почти 47 маркамъ (46,8 м.), при римскомъ—37½ маркамъ. Статистика типовъ пенни Этельреда II дѣлаетъ наиболѣе правдоподобнымъ, что эти 25 ф. серебра въ Договорѣ 991 г. равны были 40 скандинавскимъ маркамъ (по 218,3 грм.). Не вполнѣ исключается для царствованія Этельреда II и Иракскій фунтъ въ 15 унцій, или эръ[1]). Любопытны статьи договора, касающіеся мщенія (§§ 5, 2—7). Если убито 8 мужей и болѣе, то это нарушеніе мира (fridhbrec), внутри-ли, или внѣ города; до 8 человѣкъ пусть оплачиваютъ полной вирой (bete fullum were), то-есть каждаго убитаго. Если это преступленіе, то есть нарушеніе мира, совершено внутри города (byrig), то пусть вмѣшивается само гражданство (buruhwaru) и схватитъ убійцъ, живыми или мертвыми, а именно (пусть вмѣшиваются) ихъ (убитыхъ) ближайшіе родичи (magas или maegas), голову за голову (heafod widh heafde); если эти сами не хотятъ, то пусть вмѣшается эльдорманъ или затѣмъ кюнингъ. Если ихъ (дановъ) мужи убьютъ изъ насъ (англо саксовъ) 8 человѣкъ, то они будутъ стоящими внѣ покровительства законовъ (utlage) и у нихъ (скандинавовъ, въ сущности sceidhman корабельщикъ), и у насъ и не допускаются до выкупа деньгами.

Итакъ, если признать норму въ 40 марокъ переводомъ 25 фунтовъ или 1200 шиллинговъ, то значитъ 40 марокъ были цѣной мужа скандинавскаго конунга на почвѣ Англіи еще до Кнута В., который не вводилъ заново, а только удержалъ эту виру. Уравненіе это находитъ себѣ подтвержденіе еще въ нѣсколькихъ англо-саксонскихъ памятникахъ. Такова скала виръ, возникшая ок. 944—1060 г.г. и сохранившаяся какъ на англо-саксонскомъ языкѣ, такъ и по латыни въ Quadripartitus, то-есть латинскомъ изложеніи англо-саксонскихъ законовъ, законченномъ къ 1114 г.[2]). Здѣсь разъяснено по латыни,

---

[1]) Постановленія въ Лондонѣ, предположительно Этельреда II между 991—1002 г.г. говорятъ о такомъ фунтѣ (§ 9, 2).

[2]) Liebermann, Die Gesetze der Angelsachsen, I, 3, p. 392.

что 1200 солидовъ-шиллинговъ равны 25 фунтамъ, а въ такомъ шиллингѣ 5 пенсовъ-денаріевъ. Убійца, обѣщавшій виру, долженъ найти поручителей (waerborh или werborg); такъ для виры въ 1200 шил. надо 12 мужей, 8 родичей со стороны отца и 4 со стороны матери (VIII faederenmaegdhe, IV medren maegdhe). Послѣ этого оба рода „утверждаютъ королевскій миръ“ (raere man cyniges munde), то-есть всѣ родичи съ обѣихъ сторонъ общей рукой даютъ (клятву) посреднику „на (одномъ) оружіи“ (hy ealle gemaenum handum of aegdhere maegdhe on anum waepne.. syllan, thaet cyniges mund stande), что королевскій миръ долженъ держаться. Въ „Законахъ Мерсійцевъ“ (Mircna laga, ок. 920—970 г.г.) вергельдъ за „кеорля“, то-есть простого свободнаго, указанъ въ 200 шиллинговъ, а за сзегна (thegnes wergild)— въ 1200 ш. Къ концу англо-саксонскаго періода сзегномъ, или королевскимъ мужемъ (въ первой или во второй рукѣ, т. е. сзегномъ сзегна), назывался свободный, владѣвшій на правѣ собственности не менѣе, какъ 5 гидами, или гуфами земли, съ кухней, воротами замка и церковью, мѣстомъ (при собраніяхъ) и особой должностью въ королевскомъ дворцѣ (въ послѣднемъ случаѣ непосредственно королевскій сзегнъ) [1]). Но въ норвежскихъ памятникахъ „сзегномъ“ конунга, то-есть его мужемъ въ широкомъ смыслѣ, назывался каждый его подданный, и вира за убійство такого „мужа конунга“ (thegngilldi) опредѣлялась въ 40 марокъ, какъ за англійскаго гезиздкунда съ 5 гуфами, или тэна, или свободнаго англосакса и дана въ Данелагѣ, то-есть областяхъ, занятыхъ данами при господствѣ у нихъ скандинавскаго права, или по договорамъ между викингами и англо-саксами. Понятіе подданнаго понималось подъ угломъ зрѣнія дружинной, военной зависимости „гезиза“ (gesidhcund).

Остается указать типы тѣхъ посредниковъ, черезъ которыхъ правовые обычаи могли переноситься съ одной окраины скандинавскаго міра на другую. Примѣромъ культурнаго посредничества между англо-саксами и норвежцами служитъ распространеніе христіанства Олафомъ Триггвасономъ въ Норвегіи. Родившись ок. 965 г. (между 963—68), Олафъ, по преданію, проводитъ дѣтство и отрочество въ изгнаніи, въ Швеціи и у князя Владиміра въ Новгородѣ. Въ юности онъ затѣмъ породнился съ Болеславомъ Польскимъ и продолжалъ вести жизнь викинга—вождя въ Балтійскомъ морѣ. Съ наступленіемъ зрѣлаго возраста Олафъ появляется въ британскихъ водахъ, въ Ирландіи и на берегахъ Англіи, гдѣ 25-и лѣтъ отъ роду принимаетъ крещеніе. Скрывая свое высокое происхожденіе, а именно отъ конунга Триггви, Олафъ величаетъ себя просто Оли Русскій (Óli Gerzkr, то-есть изъ Gardhariki, съ Руси, изъ „царства городовъ“). Въ Англіи

---

[1]) Be wergildum and be gethindhum, Liebermann, I, 3 p. 456. Записано ок. 1029—60 г.г. Первоначально это, вѣроятно, королевскій мужъ, владѣющій землей не менѣе какъ въ 5 гуфъ, то-есть „gesidhcund mon landagende“. Chadwick, p. p. 95—99.

Олафъ около 991 г. нападаетъ ради добычи со своихъ судовъ у Стэнса на Темзѣ, въ Сандвичѣ (Кентъ), въ Ипсвичѣ (Сёффокъ) и, наконецъ, заключаетъ мирный договоръ съ Эзсельредомъ II. Затѣмъ къ Олафу въ его морскихъ набѣгахъ примыкаетъ датскій конунгъ Свейнъ Тьюгускеггъ (Раздвоенная Борода); въ 994 г. они вмѣстѣ предпринимаютъ неудачный набѣгъ на Лондонъ. Вѣроятно, въ слѣдующемъ году Эзсельредъ II приглашаетъ Олафа одного въ Эндоверъ и становится воспріемникомъ норвежскаго конунга отъ рукъ епископа при конфирмаціи крещенія, которое, по преданію, Олафъ принялъ еще раньше на островахъ Силли [1]). Съ конца 995 г. начинается дѣятельность Олафа въ Норвегіи, куда онъ захватываетъ изъ Англіи епископа, священниковъ, діаконовъ. Ставъ конунгомъ Норвегіи, Олафъ Триггвасонъ креститъ свой народъ и насаждаетъ христіанство по образцу англо-саксонской церкви.

Тѣ десятилѣтія, когда конунги Даніи въ то-же время господствовали и надъ Англіей, и даже надъ Норвегіей, могли быть особенно плодотворны для культурныхъ заимствованій и взаимныхъ вліяній. Во вторую половину 1013 г. датскій конунгъ Свейнъ Тьюгускеггъ (Раздвоенная Борода), явившись съ флотомъ, завоевалъ Англію. Долѣе всего сопротивлялся Лондонъ, но въ концѣ-концевъ королевская чета—Эмма и Эзсельредъ II—должна была удалиться въ Нормандію. Когда въ началѣ слѣдующаго 1014 г. Свейнъ умеръ близъ Линкольна, то его старшій сынъ Гаральдъ сталъ по избранію народа конунгомъ въ Даніи, а англо-саксы опять призвали Эзсельреда II. Другому сыну Свейна, Кнуту, пришлось снова снаряжать изъ Даніи флотъ на завоеваніе Англіи. И теперь съ особеннымъ упорствомъ защищался Лондонъ. Однако, смерть Эзсельреда въ первой половинѣ 1016 г и кончина его сына Эдмунда къ концу года расчистили дорогу Кнуту къ престолу. Съ начала 1017 г. Кнутъ сталъ единовластнымъ правителемъ Англіи и женился на овдовѣвшей Эммѣ. Послѣ смерти брата Гаральда въ 1018 г., Кнутъ предпринялъ поѣздку въ Данію (1019—20 г г.), чтобы и тамъ овладѣть королевской властью. Совер-

---

[1]) Англо-саксонскія хроники упоминаютъ его подъ именемъ Анелафа (Anelaf), подобно тому, какъ на его монетахъ онъ тоже величается Онлафомъ (Onlaf rex Nor.). По словамъ одной хроники „cing Aedhelred his afeng at biscopes handa". Въ этомъ одни изслѣдователи видятъ крещеніе, другіе только конфирмацію. Ch. Plummer, Two of the Saxon Chronicles, v. I, p. 128. Объ Олафѣ Триггвасонѣ вообще см. теперь Norges Historie, H. 33 (I B. 2 hlb. 9 hft.), Kristiania, 1910 и A. Bang, Den Norske Kirkes Historie, 1912.

Ни у скальдовъ, современныхъ Олафу, сыну Триггви, ни у осторожнаго историка Снорри, обработавшаго въ „Heimskringla" саги о конунгахъ Норвегіи, нѣтъ указаній на вторичное появленіе Олафа на Руси, на его крещеніе въ Византіи и его вліяніе при крещеніи Владиміра Св. Поэтому спеціалисты отбрасываютъ, какъ позднѣйшія измышленія заднимъ числомъ, разсказъ пространной редакціи Саги объ Олафѣ Триггвасонѣ, переводъ котораго приложилъ Е. Голубинскій въ „Исторіи Русской церкви" I, 1901 г.

шивъ въ 1027 г. путешествіе въ Римъ, Кнутъ въ 1028 г. изъ Англіи черезъ Данію началъ морской походъ ради покоренія себѣ Норвегіи. Когда онъ завоевалъ это третье царство, то во главѣ Даніи поставилъ своего сына, конунга Гёрзакнута, а племянника, ярля Гакона,—во главѣ Норвегіи. Попытка Олафа Св. вернуть себѣ Норвегію кончилась его гибелью лѣтомъ 1030 г. въ битвѣ при Стикластасахъ. Конунгомъ Норвегіи по избранію тинговъ сталъ сынъ Кнута—Свейнъ; впрочемъ, еще при жизни отца онъ былъ изгнанъ изъ Норвегіи, призвавшей Магнуса, сына Олафа Святого. Свейнъ умеръ въ Даніи, гдѣ искалъ помощи у брата Гёрзакнута, а къ концу 1035 г. умеръ въ Шафтсбёри и самъ Кнутъ. Норвегія была утрачена, но Англіей еще владѣлъ Гёрзакнутъ до своей внезапной кончины лѣтомъ 1042 г.[1]).

Свѣдѣнія о сношеніяхъ между Скандинавіей и Кіевской Русью даютъ саги объ Олафѣ Святомъ[2]). Олафъ Толстый, или позднѣе Святой, родился около 993 г. По одной традиціи, норвежской, онъ принялъ крещеніе еще въ дѣтствѣ отъ Олафа Триггвасона; по другой, нормандской, Олафъ воспринялъ христіанство въ Англіи и крещенъ въ Руанѣ. По обычаю сыновей конунговъ онъ рано сталъ принимать участіе въ морскихъ набѣгахъ викинговъ. Такъ, въ 1009—11 г.г. Олафъ въ ряду другихъ викинговъ участвовалъ въ грабежѣ береговъ Англіи, а въ 1012 г. (Ислд. и Англо-Сакс. Анналы) могъ получить долю изъ „данегельда“, выплаченнаго Эзсельредомъ II. Послѣ этого онъ вмѣстѣ съ Сзоркелемъ и другими остался на службѣ Эзсельреда и въ 1013 г. защищалъ Лондонъ отъ Свейна Раздв. Бороды. Послѣ бѣгства англо-саксонскаго кюнинга и его жены въ Нормандію, Олафъ сталъ служить герцогу Рихарду II Нормандскому въ его войнахъ и побывалъ въ Руанѣ. Когда послѣ смерти Свейна (1014 г.) Эзсельредъ вернулся въ Англію, то Олафъ сопровождалъ его. Изъ Англіи онъ пустился въ набѣги викинговъ на Аквитанію и Сѣв. Испанію. Осенью 1014 г. Олафъ вернулся въ Руанъ; къ этой зимѣ нормандская традиція относитъ его крещеніе, или конфирмацію, какъ толкуютъ защитники норвежскаго преданія. Весной 1015 г. Олафъ покинулъ Нормандію, захвативъ съ собой епископа для распространенія христіанства. Въ Англіи дѣло Эзсельреда было проиграно, а потому лѣтомъ 1015 г. Олафъ поплылъ оттуда въ Норвегію съ священниками-миссіонерами

---

[1]) L. Weibull, Kritiska Undersökningar i Nordens Historia omkring aor 1000. Kobh. 1911 - J. Steenstrup etc. Danmarks Riges Historie, I, Köbh. 1897—1904.

[2]) «Aagrip», ved. V. Dahlerup, Köb. 1880 kap. 22—23, p. 45.—«Fagrskinna», ved. F. Jónsson, Köb. 1902—03, kap. 28, p. 179. - «Morkinskinna», af Unger, 1867, Chr., p. p. 1—7.—«Olafs Saga hins Helga», af Keyser og Unger, Chr., 1849, p. 61, cap. 78.—«Saga Olafs Konungs ens Helga», Chr. 1853 (Udförligere Saga), cap. 77, p. 83, cap. 177, p. 189.—«Heimskringla» af Snorri Sturluson, ved Finnur Jónsson, 1894—96, II, p. p. 181; 419.—«Fornmanna Sögur», B. V, 1830, p. p. 25, 269—298.—«Flateyjarbok», Chr., 1862, II p.p. 315, 321.—«Islandske Annaler», ved Gustav Storm, Chr., 1888, p. p. 16—17, 106, 468.

и англо-саксонскимъ знаменемъ. Здѣсь онъ былъ признанъ конунгомъ и довелъ до конца насажденіе христіанства.

Когда въ Швеціи вліятельная партія, съ ярлемъ Рёгнвальдомъ изъ Зап. Ёталанда во главѣ, уговаривала своего конунга Олафа Грудного („Скёйтконунгъ“) заключить миръ съ Норвегіей, то предполагалось, что дочь шведскаго конунга Ингигерзса выйдетъ замужъ за Олафа Толстого. Однако, отецъ прочилъ ее за Ярослава Кіевскаго. Олафъ Норвежскій женился въ концѣ-концевъ на другой дочери шведскаго конунга, а именно на незаконнорожденной Астризсѣ (1019 г.). Бракъ этотъ, заключенный безъ вѣдома шведскаго Олафа, навлекъ его гнѣвъ на ярля Рёгнвальда. Тогда ярль вмѣстѣ съ Ингигерзсой въ томъ-же 1019 г. уѣхалъ на Русь къ Ярославу. На Руси Ингигерзса получила въ свадебный даръ Ладогу съ округой и передала эту область съ титуломъ ярля Рёгнвальду; ярлями оставались здѣсь (Aldeigioborg, предположительно Ладога) и его сыновья Ульфъ и Эйлифъ. Сыновьями Ярослава и Ингигерзсы саги называютъ Владиміра, Всеволода (Valdamar, Vissivaldr) и, можетъ быть, Святослава; это третье имя можно вычитать изъ скандинавскаго „Holti inn fraekni“, если въ имени „Гольти“ и прозвищѣ „фрайкни“ видѣть переводъ обоихъ корней имени Святослава (hollr = благой, froekinn, froekn = доблестный; такъ hollt ráðh = благой совѣтъ). Впрочемъ, „Гольти“ могло быть тоже норвежскимъ именемъ (см. „Islandske Annaler“, p. 565. Holti: Holr = пустой, holt каменистая гряда, поросшая лѣсомъ).

Только опасность со стороны Кнута объединила обоихъ Олафовъ, норвежскаго и шведскаго; послѣ смерти „Грудного конунга“ при его сынѣ Яковѣ-Анундѣ въ 1022 г. Швеція всецѣло сблизилась съ Норвегіей. Съ 1025 г. начинается натискъ Кнута на Норвегію. Тогда въ 1026 г. Олафъ предпринялъ набѣгъ на Зеландію; вслѣдствіе этого и Кнутъ явился для борьбы противъ него съ флотомъ изъ Англіи. Окончательное завоеваніе Норвегіи состоялось уже послѣ путешествія Кнута въ Римъ: Въ 1028 г. Кнутъ вновь отплылъ изъ Англіи съ заходомъ въ Данію на пути въ Норвегію. Олафъ Св. вынужденъ былъ уйти въ изгнаніе, сначала въ Швецію, а затѣмъ въ 1029 г. къ Ярославу. По дорогѣ на Русь норвежскій конунгъ на Готландѣ распространялъ христіанство; именно въ правѣ Готланда уловлено вліяніе норвежскихъ источниковъ. На Русь къ Олафу Св. стали съ покаяніемъ прибывать прежніе друзья, напримѣръ бывшій его конюшій (stallari) Бьёрнъ, съ вѣстями о положеніи дѣлъ въ Норвегіи. Тогда, оставивъ у Ярослава своего сына Магнуса, Олафъ самъ черезъ Швецію лично вошелъ въ сношенія со своей партіей въ Норвегіи; на его сторону сталъ и его сводный братъ Гаральдъ, сынъ Сигурда, позднѣе прозванный Грознымъ (Гарзсраузси).

Однако, самъ Конунгъ Олафъ Св. лѣтомъ 1030 г. палъ въ битвѣ при Стикластазсахъ, а его приверженцы—сводный братъ Гаральдъ и Рёгнвальдъ, сынъ ярля Бруси, уѣхали на Русь къ Ярославу, со многими

другими воинами Олафа Св. Тамъ всѣ они стали „защитниками русской земли“ на службѣ Ярослава (Flb. II, p. 408: „gerduzst their tha landuarnnarmenn hanz firir Gardariki aller saman“). По словамъ „Фагюрскинны“, Ярославъ держалъ при себѣ одинаково и норвежцевъ, и шведовъ. Послѣ смерти ярля Рёгнвальда (или Рагнвальда) его государство, то-есть область Ладоги, получилъ сынъ Эйлифъ (или Эйлифюръ) подъ условіемъ, чтобы ярль защищалъ государство князя отъ язычниковъ. Поэтому ярль Эйлифъ держалъ у себя много норвежцевъ и платилъ имъ жалованье. Князь Ярослав (Jarizleifr kononger) поставилъ Гаральда, будущаго Гарзсраузси (собственно „твердодумъ“) другимъ вождемъ во главѣ своего войска и сталъ платить жалованье (gaf mala) всѣмъ его мужамъ. Такъ скальдъ XI вѣка Сэиозсольфъ говоритъ въ своемъ стихѣ, что тамъ, гдѣ правилъ Эйлифъ, однимъ и тѣмъ-же занимались оба вождя: строили рать клиномъ. Восточные венды ущемлены, ляхамъ тяжело преслѣдованіе воиновъ [1]).

Сношенія скандинавовъ съ Византіей лучше всего иллюстрируются подвигами этого Гаральда Грознаго. (Hardhrádhi). Въ византійскомъ памятникѣ предположительно эпохи Алексѣя Комнина (ок. 1081 г.) Гаральдъ названъ сыномъ конунга Варангіи, то-есть очевидно Норвегіи. (Ἀράλτης βασιλέως μὲν Βαραγγίας ἦν υἱός). Гаральдъ прибылъ въ Византію въ царствованіе Михаила Пафлагонянина, вѣроятно, между 1034—38 г.г. Онъ попалъ сюда черезъ Русь, отъ Ярослава, и привелъ съ собой пятьсотъ мужей (число это есть и въ Сагѣ объ Олафѣ Св., Fornmanna Sögur, V, p. 138, и въ „Увѣщательномъ словѣ“ Никулицы). Въ самой обширной и самой поздней редакціи сагъ о конунгахъ Норвегіи прямо говорится, что въ Византіи тогда было большое множество норвежцевъ, которыхъ греки называли вэрингами [2]). Однажды при царѣ Михаилѣ вэринги выведены были противъ варваровъ-язычниковъ, очевидно болгаръ. Гаральдъ будто-бы предложилъ всѣмъ вэрингамъ дать обѣтъ Олафу Святому, что они построятъ здѣсь храмъ въ его честь, если только конунгъ даруетъ имъ побѣду надъ врагами. По „Увѣщательному Слову“ къ императору (ок. 1081 г.), Гаральдъ дѣйствительно участвовалъ въ усмиреніи болгарскаго возстанія и получилъ за это титулъ спаѳарокандидата. Въ 1043 г. Византіи угрожало нашествіе русскихъ, съ княземъ которыхъ Гаральдъ имѣлъ дружественныя связи, такъ что позднѣе даже женился на

---

[1]) Fagrskinna, ved Finnur Jónsson, p. 218: „Eitt hoefdhusk at, Eilifr thar er sat, hoefdhingjar tveir: hamalt fylkdhu their‘. Тутъ-же: „Jarizleifr kononger hafdhe iamnan haft medh ser Nordhmenn oc svaenska menn“. Ср. Heimskringla, saga Haralds hardhradha, cap. 2, гдѣ данъ еще стихъ скальда. Вождь наемной скандинавской дружины въ Греціи и на Руси называется въ шведскихъ надписяхъ lidhsforungi (В. Томсенъ).

[2]) Flateyarbók XIV в., B. III, p. 290. «en mikill fiolde var thar adr fyrir Nordmanna, er their kalla Vaeringia». Далѣе p. p. 294—295.

дочери Ярослава—Елисаветѣ. И вотъ онъ ушелъ изъ Византіи тайкомъ, сначала на Русь, а затѣмъ къ себѣ на родину [1]). Въ Исландскихъ Анналахъ прибытіе Гаральда Гарзсраузси, будущаго конунга Норвегіи, изъ „Великаго города", „Миклигарзса", то-есть Византіи, въ Швецію отнесено къ 1045 году. Въ Византіи варяги-скандинавы составляли съ одной стороны полкъ въ арміи, съ другой особый отрядъ тѣлохранителей императора во дворцѣ. Со времени завоеванія Англіи Вильгельмомъ Зав. въ Византію направляется потокъ англо-саксонскихъ бѣглецовъ, и постепенно съ конца XI-го в. англо-саксы на службѣ византійскихъ императоровъ берутъ верхъ надъ норманнами [2]). Такъ уже въ „Увѣщательномъ Словѣ" Никулицы (§§ 242—3. „О томъ, что не нужно возвышать иноплеменниковъ") признается унизительнымъ для Ромэевъ, если-бы иноплеменнику, пришедшему изъ Англіи, пожаловано было званіе стратига. Ни Романъ Аргиропулъ, ни другіе изъ усопшихъ императоровъ не возводили франка или варяга въ санъ патриція [3]). Въ концѣ среднихъ вѣковъ Кодинъ (XV в.) языкомъ дворцовыхъ варанговъ называетъ англійскій [4]). Можно по аналогіи предположить, что приливъ англо-саксовъ въ Византію начался еще съ завоеванія Англіи датскими конунгами Свейномъ и Кнутомъ,

---

[1]) «Увѣщательное слово» Никулицы издано Васильевскимъ и Ернштедтомъ вмѣстѣ съ «Стратегикономъ Кекавмена» по Сборнику Московской Синодальной Библіотеки. (Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris de officiis regiis Libellus—λόγος νουθετητικός— Petrp., 1896). Кромѣ того см. Ж. М. Н. П., 1881 г., ч. 216. В. Васильевскій „Совѣты и Разсказы Византійскаго боярина XI вѣка". — „Труды В. Г. Васильевскаго", т. I, 1908 г. („Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константинополѣ XI и XII вѣковъ").

[2]) Среди именъ договоровъ Олега и Игоря съ греками англо-саксонскія по происхожденію не могутъ быть съ достовѣрностью опредѣлены уже потому, что англо-саксонскія формы часто совпадаютъ со скандинавскими, напр. Waermund и Vermundr. Такъ В. Томсенъ рѣшается съ именемъ „Актеву" сопоставить черезъ посредство Ongentheów по Беофульфу сканд. Angantyr. Англо саксонскіе корни и формы остается только подыскивать для тѣхъ немногихъ именъ пословъ, которыя В. Томсенъ не могъ объяснить изъ скандинавскихъ памятниковъ. Такъ съ „Искусови" позволяемъ себѣ гадательно сопоставить имя аббата „Эскви" въ англо-саксонской хроникѣ подъ 963 г. (Eskwi=Aesk-wig, можетъ быть даже Aeskes-wi или Aesces-wîga по аналогіи съ Aesces-dun, позднѣе Ashdown, и Aesctun, позднѣе Ashton. Aesk=ясень, копье изъ ясени, ясневый корабль дановъ, aeskmann-викингъ съ такого корабля; wig – бой, война, wîga - воинъ). Точно также для „Фрутанъ" наряду съ мыслимымъ по скандинавски Frutönn (Freyatannr по аналогіи съ прозвищемъ датскаго конунга Hilditönn) напомнимъ англо-саксонскіе корни Freó-then. Ср. Bosworth-Toller, A. S. Dictionary и Earle-Plummer, Saxon Chronicles, Index и Grossary: имена Aesc, Aescwig, Aedwig и Eadwi, Wigthen, Freóric.

[3]) Cecaumeni Strategicon etc. p. 95: „τὸν ἐξ Ἀγγέλης ἐθνικὸν ἐλθόντα" и „οὐδὲ ὁ Ἀργυρόπουλος κ. Ῥωμανὸς, οὐδέ τις ἐκ τῶν μακαριτῶν ἐκείνων ἀνεβίβασεν Φράγγον ἢ Βράγγον εἰς τὴν τοῦ πατρικίου ἀξίαν".

[4]) Codinus, De officialibus, cap. VII. „Ἔπειτα ἔρχονται καὶ πολυγρονζουσιν καὶ οἱ Βάραγγοι, κατὰ τὴν πάτριον καὶ οὗτοι γλῶσσαν αὐτῶν, ἤγουν Ἰγκλινιστί."

подобно тому, какъ пораженіе партіи Олафа Святого въ Норвегіи привело много норвежцевъ въ ряды варяговъ Ярослава Мудраго [1]).

Въ итогѣ нашего изслѣдованія опредѣлился кругъ земель, занятыхъ скандинавами, съ прилегавшими къ нимъ территоріями, подпавшими подъ вліянія викинговъ или въ свою очередь культурно воздѣйствовавшими на скандинавскій міръ. Этотъ кругъ земель очерченъ уже въ Начальной Лѣтописи, какъ область разселенія варяговъ: „Ляхове-же и Пруси и Чюдь присѣдять к морю Варяскому. По сему-же морю сѣдять Варязи сѣмо къ вьстоку до предѣла Симова, по тому же морю сѣдять къ западу до земли Агаляньски и до Волошьскые". Здѣсь указаны предѣлы распространенія скандинавскаго племени, площадь, охваченная единообразной „варяжской" культурой, сросшейся изъ частицъ шведскаго, датскаго, норвежскаго быта и заимствованій со стороны, занесенныхъ викингами изъ окраинныхъ уголковъ этого міра. Этнографически „Повѣсть временныхъ лѣтъ" тутъ-же дробитъ эту арену выступленій викинговъ и варяговъ: „Афетово-же колѣно и то: Варязи, Свеи, Урмане (Nordhmenn, норвежцы), Готѣ (ёты), Русь, Аглянѣ, Галичанѣ (на Пиринейскомъ полуостровѣ? Проще понимать вообще Галловъ, Gallici, Gallicani), Римлянѣ" и т. д. Странно, что здѣсь не упомянуты даны, но, кажется, что въ числѣ англовъ надо разумѣть и ихъ завоевателей дановъ. По крайней мѣрѣ въ разсказѣ Начальной Лѣтописи о призваніи варяговъ подъ 862 годомъ понятіе англовъ подчинено, какъ частное общему, понятію варяговъ: „Идоша за море к Варягомъ к Руси,—сіце бо звахуть ты Варягы Русь, яко се друзии зовутся Свее, друзии же Урмани, Аньгляне, инии Готе,—тако и си".

Эта единообразная культура викинговъ должна была обладать опредѣленными признаками, присущими только ей и развѣ еще, можетъ быть, вкрапленными въ бытъ территорій, досягаемыхъ для ея вліянія. Такимъ признакомъ этой „варяжской" культуры, независимымъ отъ національности туземнаго или раньше осѣвшаго населенія, оказалась и скала уголовныхъ выкуповъ въ 20, 40, 80 марокъ-гривенъ. Основаніе этой скалы, а именно вира въ 40 марокъ кюнингу за убійство его мужа, сзегна, или затѣмъ подданнаго вообще, возникло въ Англіи, въ преемственной связи съ мѣстной правовой традиціей, при столкновеніяхъ между англо-саксами и ихъ завоевателями —

---

[1]) Изъ запутаннаго эпизода о службѣ Эймунда (Eymundr) и Рагнара у Ярослава въ Новгородѣ я приведу только условія найма варяговъ, такъ какъ все типичное, а именно бытовыя данныя, въ сагахъ надежнѣе индивидуальныхъ именъ и фактовъ. Эти норвежцы вызвались стать защитниками государства (varnarmenn rikis) и поступить на жалованье (ganga a mála), брать золото, серебро, хорошую одежду. Договоръ былъ заключенъ на 12 мѣсяцевъ; отряду норвежцевъ должна была быть отведена особая палата и отпускаться достаточное содержаніе, а сверхъ того каждому воину выплачено по эйриру серебра по вѣсу, или взамѣнъ серебра—мѣха бобровъ и соболей и т. п. Flateyarbok, II, p. p. 118—121—134.

данами и норманнами. Оттуда норма виры въ 40 распространилась по всему скандинавскому міру, а вмѣстѣ съ другими вліяніями культуры викинговъ занесена и на Русь. Въ этомъ числѣ 40 англо-норманскихъ, скандинавскихъ, русскихъ юридическихъ памятниковъ нельзя видѣть отголосокъ какой-либо странствующей эпической рутины, священное число, или случайныя совпаденія, независимыя другъ отъ друга по происхожденію, такъ какъ 40 марокъ—гривенъ возникаютъ, какъ переводъ суммы въ иной валютѣ, а именно 1200 уэссекскихъ шиллинговъ, или 25 тауэрскихъ фунтовъ. Къ тому-же совпадаютъ не только цифры 40, но вмѣстѣ съ нормой 40 повторяется и вся ея, такъ сказать, правовая оправа, то-есть удвоеніе нормы, дѣленіе ея пополамъ, примѣненіе ея долей къ оцѣнкѣ тяжкаго увѣчья, ея по преимуществу публично-правовой характеръ и т. п. Именно тамъ, гдѣ личная воля можетъ по произволу остановиться на любомъ числѣ для опредѣленія нормы, она часто находитъ выходъ изъ лабиринта безконечнаго множества рѣшеній въ косномъ подражаніи чужому примѣру.

Такъ какъ Новгородская и Кіевская Русь была вовлечена въ сферу вліяній культуры викинговъ главнымъ образомъ скандинавскимъ происхожденіемъ своей первой династіи князей, а варяжская дружина „русскихъ“ князей являлась одно время устойчивымъ проводникомъ типичныхъ признаковъ этой единообразной культуры, то есть основаніе назвать пеню въ 40 гривенъ за убійство подданнаго „варяго-русскаго“ князя варяжской вирою.

Евг. Щепкинъ.

Современное состояніе вопроса о „Каменныхъ бабахъ“ или „Балбалахъ“.

I.

Едва-ли въ области русской Археологіи существуетъ какой-либо вопросъ болѣе запутанный и темный, чѣмъ вопросъ о „каменныхъ бабахъ“, о которыхъ написано безконечно много и въ большинствѣ случаевъ совершенно безплодно. Кто только ни касался этихъ памятниковъ въ печати! О каменныхъ бабахъ главнымъ образомъ сообщали многочисленные путешественники, посѣщавшіе южную Россію, Сибирь и Среднюю Азію и усердно отмѣчавшіе мѣстонахожденіе подобныхъ статуй, и среди нихъ прежде всего плѣнные шведскіе офицеры, сосланные въ Сибирь Петромъ Великимъ. О нихъ разсуждали археологи, историки, этнографы, антропологи, стараясь разгадать смыслъ памятниковъ и выяснить ихъ происхожденіе. Ими интересовались передовые ученые, какъ академики и профессора, указывавшіе на значеніе этихъ, еще не разгаданныхъ древностей. На нихъ останавливались, можно сказать, всѣ грамотные люди, имѣвшіе случай ихъ видѣть; о нихъ писали чиновники, учителя, священники, доктора, даже банкиры и, наконецъ, женщины-писательницы. Возникла грандіозная литература о каменныхъ бабахъ, объемъ которой мало кому знакомъ даже изъ числа спеціалистовъ. Привести ее въ извѣстность, хотя бы съ самымъ краткимъ изложеніемъ сущности каждой статьи, было бы въ значительной мѣрѣ интересно; но едвали кто отважится на подобную работу, потому что свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ помѣщались не только въ „Путешествіяхъ“ и спеціально археологическихъ органахъ, но разсѣяны по разнымъ другимъ изданіямъ, особенно по провинціальнымъ періодическимъ и нерѣдко такимъ, гдѣ нельзя и ожидать статей о каменныхъ бабахъ [1]).

Тѣмъ не менѣе попытки представить обзоръ были. Первая принадлежала графу А. С. У в а р о в у, помѣстившему въ трудахъ перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ статью: „Свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ“, съ атласомъ статуй. Всѣ наиболѣе крупныя работы по вопросу

---

[1]) Пишущему эти строки улалось въ теченіе десяти лѣтъ собрать, при содѣйствіи усердныхъ сотрудниковъ, значительный списокъ статей провинціальной печати о каменныхъ бабахъ, но этотъ матеріалъ, взятый для обработки на лѣтнее время, былъ украденъ въ Екатеринодарѣ въ 1907 г., вмѣстѣ съ замѣтками, и такимъ образомъ пропалъ.

о каменныхъ бабахъ туда вошли, но многія провинціальныя статьи ускользнули отъ вниманія графа[1]). Относительно рисунковъ надо замѣтить, что представленныя изображенія не имѣютъ документальнаго значенія, такъ какъ сдѣланы отъ руки [2]). Въ заслугу графу У в а р о в у надо поставить разъясненіе одного недоразумѣнія, пущеннаго въ оборотъ Ю. Клапротомъ, будто Амміанъ Марцеллинъ приписывалъ каменныя бабы гуннамъ. Графъ Уваровъ доказалъ, что Клапротъ ошибся, не понявъ латинскаго текста [3]). Второй обзоръ составленъ германскимъ археологомъ А в г у с т о м ъ Г а р т м а н о м ъ, который отожествилъ Becherstatuen Восточной Пруссіи съ нашими каменными бабами[4]). Это тѣ статуи съ кубками, которыя, благодаря Гартману, такъ смущаютъ русскихъ археологовъ, не отдающихъ себѣ отчета въ томъ, что прусскія статуи не имѣютъ отношенія къ каменнымъ бабамъ. Само собою разумѣется, что Гартманъ не могъ дать полнаго перечня литературы.

Что литература о каменныхъ бабахъ разрослась до необычайныхъ размѣровъ, объяснить можно тѣмъ, что эти статуи, когда находились еще на курганахъ, производили на путешественниковъ сильное впечатлѣніе въ однообразной и безграничной степи [5]), вызывали потребность у нѣкоторыхъ любознательныхъ людей, по мѣрѣ

---

[1]) Для тѣхъ, которые будутъ пользоваться статьей графа Уварова, отмѣчу нѣкоторыя находящіяся въ ней опечатки. На 502 стр. напечатано: Куртаскъ-Ташъ (Старуха-камень), на 505 стр. Курте-Якпашъ (женщина камень), должно же быть въ обоихъ случаяхъ: Курты(а)якъ-ташъ; Китши-куртоякъ—вмѣсто Кипи-куртаякъ; вмѣсто станціи Тяглиской, слѣдуетъ: Тягинской (отъ Тягинка). Что касается названія Каджи-ташъ, то здѣсь первая половина должна быть Кипо, или Кши, что значитъ: человѣкъ; у монголовъ передавалось: хошо-чулу (каменный человѣкъ—въ смыслѣ могильный памятникъ). Синтамъ (оленій камень), слѣдуетъ: Синташъ (стр. 503).

[2]) Насколько ненадежны рисунки отъ руки, можно видѣть на изображеніи статуи въ статьѣ Д. И. Э в а р н и ц к а г о «Каменныя бабы» (Историч. Вѣстн. 1890, іюль, стр. 186) Статуя представляетъ воина съ большими усами и съ женскими грудями; вполнѣ ясно, что двѣ круглыя бляхи отъ панцыря рисовальщикъ принялъ за груди. Это не единственный примѣръ подобной ошибки, я знаю случаи, когда при плохой сохранности статуи, нагрудныя бляхи принимались за груди, почему мужскіе балбалы шли за женскіе.

[3]) Какъ туго проникаютъ въ научную среду разъясненія подобнаго рода, можно видѣть изъ того, что спустя 17 лѣтъ послѣ появленія статьи гр. Уварова, Шантръ продолжалъ еще слѣдовать Клапроту. (Recherches anthropologiques. III, p. 63).

[4]) Becherstatuen in Ostpreussen und die Literatur der Becherstatuen. (Arhiv für Anthropologie. Braunschweig, B. XXI, 1892—3. S. 253—303).

[5]) Въ одномъ старинномъ сказаніи говорится: «и вездѣ въ поляхъ стоятъ яко человѣки по древнему обычаю отъ каменя содѣланыя, но тыя каменія уже мхомъ поростошa»—Исторія о приходѣ турецкаго и татарскаго воинства подъ Астрахань въ 1677 году. (Записки Одес. Общ. Ист. и Др., т. VIII, стр. 487). На сколько многочисленны были каменныя бабы въ прежнее время, можно видѣть изъ одного мѣста дневника Э р и х а Л а с с о т ы, отправленнаго императоромъ Рудольфомъ II къ запорожцамъ въ 1594 г. Описывая обратный свой путь на татарской сторонѣ р. Днѣпра, Лассота отмѣтилъ: «Далѣе миновали Семь Маяковъ (изсѣченныя изъ камня изображенія, числомъ болѣе двадцати, стоящія на курганахъ или могилахъ на татарскомъ берегу)». Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси. Перев. *К. Мельникъ*. Кіевъ, 1890. Стр. 185.

силъ, освѣтить вопросъ о каменныхъ бабахъ собственными соображеніями. А такъ какъ никто не зналъ ничего достовѣрнаго объ этихъ древностяхъ, то всякій могъ писать о нихъ что угодно, хотя-бы это была очевидная нелѣпость, и та находила мѣсто въ печати. При полномъ отсутствіи какого-либо сдерживающаго начала былъ для фантазіи совершенный просторъ. Каждый рѣшалъ вопросъ по своему, какъ-бы нарочно стараясь чѣмъ-нибудь отличиться отъ своихъ предшественниковъ, и создавалъ свою теорію. И не прекратилось появленіе такихъ теорій даже тогда, когда вопросъ о происхожденіи каменныхъ бабъ разрѣшился совсѣмъ опредѣленно.

Отсюда понятно, какъ надо смотрѣть на литературу о каменныхъ бабахъ. Если въ статьяхъ о нихъ сообщаются какія-либо фактическія свѣдѣнія, напримѣръ, указывается мѣсто ихъ первоначальнаго стоянія, или дается ихъ описаніе [1]),—все это цѣнно и важно; но когда авторами излагаются взгляды и даются собственныя толкованія памятниковъ—это надо отвергнуть безъ малѣйшаго колебанія, какъ вещь безусловно вредную.

Вопросъ о каменныхъ бабахъ, какъ въ русской литературѣ, такъ и въ иностранной осложнился и запутался тѣмъ, что въ кругъ ихъ стали вводить всѣ грубо сработанныя статуи, которыя вообще никуда не пріурочивались и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ къ каменнымъ бабамъ отношенія вовсе не имѣли При этомъ обыкновенно забывали, что человѣку всегда, съ отдаленнѣйшихъ временъ, было свойственно дѣлать человѣческія изображенія и статуи для различныхъ цѣлей, и такихъ статуй разныхъ временъ и разныхъ народовъ накопилось много. Для правильной постановки дѣла прежде всего надо установить, что слѣдуетъ разумѣть подъ народнымъ терминомъ „каменныя бабы“ и отбросить все имъ постороннее и все сомнительное; но это пока никѣмъ еще не сдѣлано. Ошибочно думать, что каменныя бабы ставились на курганахъ разными народами. Эта мысль, впервые высказанная А. В. Терещенко, невѣрна уже по самому существу.

---

[1]) Къ сожалѣнію, описанія не всегда точны. Такъ, Василій Зуевъ («Путешественныя Записки», СПБ. 1787, стр. 265), описывая Чертомлыцкую статую воина, говоритъ: «одѣтъ видно въ латы и на головѣ такаяжъ кольчужная шапка, отъ которой пояса или ремни привязывались на зади къ находящейся на спинѣ пряшкѣ, которою и латы застегивались, руки у него сложены пальцы въ пальцы; пониже оныхъ видѣнъ широкій поясъ или портупея съ большими для застегиванія на переди бляхами, а на лѣвой бедрѣ и знакъ шпаги». Зуевъ принялъ за ремни косы, которыхъ бываетъ чаще всего три, и если онѣ на спинѣ соединяются въ одну, то иногда на мѣстѣ соединенія прикрѣпляется круглая бляха; косы не имѣютъ отношенія ни къ шлему, ни къ панцырю. Пальцы рукъ никогда не вкладываются другъ въ друга; поясъ никогда не бываетъ ниже рукъ, а всегда выше. Если бы всѣ «каменныя бабы» описывались такъ превратно, то, конечно, лучше не имѣть никакихъ описаній. Тотъ же Зуевъ съ такимъ же успѣхомъ изобразилъ статую на Ингулѣ: руки сложены пальцами вмѣстѣ и сверхъ того «еще нѣчемъ прикрыты». (стр. 266). Конечно, прикрытіе есть сосудъ въ рукахъ.

До какой степени произвольно рѣшался вопросъ о каменныхъ бабахъ, можетъ дать дальнѣйшая справка.

Къ *скиѳамъ*, которыхъ каждый писатель понималъ по своему, относили каменныхъ бабъ многіе авторы. Н. С. Всеволожскій писалъ: „Потомъ каменные уродливые истуканы, на всѣхъ почти курганахъ находившіеся, и на нѣкоторыхъ до нынѣ уцѣлѣвшіе, не взирая на грубую и дурную работу, въ которой едва распознается намѣреніе художника изобразить человѣка, показываютъ однако черты лицъ Скиѳскихъ кочующихъ народовъ, или Половцевъ и Печенѣговъ, отъ нихъ происшедшихъ“[1]). А. В. Терещенко утверждалъ, что очертанія лицъ к. бабъ вовсе не представляютъ типа Половцевъ, отрасли монголовъ, а скиѳовъ, имѣвшихъ болѣе европейскій или греческій обликъ[2]). Гр. А. С. Уваровъ, хотя осторожно и съ оговоркою, что для рѣшенія вопроса о каменныхъ бабахъ необходимо изслѣдованіе могильныхъ насыпей, на которыхъ стояли статуи, все-таки склонялся въ пользу скиѳовъ, какъ это можно видѣть изъ его словъ объ Александропольскомъ курганѣ съ каменною бабою: „и тутъ найденные предметы вполнѣ подтверждаютъ пріуроченіе этихъ могилъ Скиѳамъ“[3]). Въ болѣе рѣшительномъ тонѣ всталъ на эту точку зрѣнія Н. Е. Бранденбургъ[4]) въ обширномъ рефератѣ на VIII Археологическомъ съѣздѣ, причемъ встрѣтилъ серьезныя возраженія со стороны Д. И. Иловайскаго указавшаго на существованіе въ большихъ курганахъ впускныхъ могилъ болѣе поздняго времени[5]). В. П. Колосовскій, въ Археологической замѣткѣ: „Въ Каратавскихъ горахъ Чимкентскаго уѣзда“, давая рисунокъ и описаніе каменной бабы, заявилъ: „передъ нами, по всей вѣроятности, портретъ скиѳскаго военачальника, изваянный рукой современнаго ему скульптора“[6]). Изъ иностранныхъ писателей къ той же категоріи надо отнести: Марію Гутри, которая, хотя и приписывала каменныя бабы татарамъ, но

---

[1]) Путешествіе черезъ Южную Россію въ Крымъ, Одессу и проч. М. 1839. Т. I, стр. 20.

[2]) Очерки Новороссійскаго края (Сѣверная Пчела 1852 г., № 137. Ж. М. Н. Пр. 1853 г.). *Его же*: «О могильныхъ камняхъ и каменныхъ бабахъ Екатеринославской и Таврической губ. (Чтенія Общ. Ист. и Древностей, 1866 г кн. IV).

[3]) Труды I Археологическаго съѣзда. Стр. 579.

[4]) «Къ вопросу о каменныхъ бабахъ».

[5]) Труды VIII Археологическаго съѣзда. Т. III, стр. 16 18. Надо, однако, замѣтить, что въ царскихъ скиѳскихъ курганахъ до сихъ поръ впускныхъ погребеній поздняго времени не встрѣтилось Не слѣдуетъ ли поэтому предположить, что каменныя бабы были перенесены съ небольшихъ кочевническихъ кургановъ на грандіозныя скиѳскія ради болѣе сильнаго эфекта. Если вѣрить Зуеву, что чертомлыцкая статуя стояла лицомъ къ западу, а не къ востоку, то это указывало бы на случайную постановку ея на курганѣ.

[6]) Протоколы Турк. кружка любит. Археологіи 11 дек. 1901 г., стр. 97.

отожествляла ихъ со скиѳами [1]), и Шантра, считавшаго скиѳовъ урало-алтайскою чудью[2].)

Гуннамъ, впрочемъ по недоразумѣнію, не понявъ текста Амміана Марцеллина, приписывалъ каменныхъ бабъ Юлій Клапротъ[3]). Къ нему примкнулъ академикъ Палласъ, который дѣлилъ каменныя бабы на двѣ группы: древнюю онъ относилъ къ гуннамъ, новую—къ татарамъ, причисляя къ нимъ ногайцевъ и казакъ-киргизовъ. Къ ногайцамъ относилъ акад. Гюльденштедтъ[4]).

Геншельманъ видѣлъ въ каменныхъ бабахъ типъ арійскихъ народовъ, а въ одѣяніи—византійскія подробности и признавалъ творцами этихъ статуй *готовъ*, увлекшись сходствомъ ихъ съ испанскими статуями, найденными въ Еклѣ[5]) и держащими сосудъ на груди[6]).

Авг. Гакстгаузенъ, заинтересовавшійся нашими каменными бабами, характеризовалъ ихъ довольно неопредѣленно. Описавъ, не совсѣмъ удачно, каменную бабу на курганѣ по дорогѣ изъ г. Харькова въ Чугуевъ у селенія Рогань, онъ замѣтилъ: „Das Gesicht dieser Figur hatte nichts Mongolisches, der Kopf war spitz und das Gesicht unten sehr breit, ich möchte eher sagen, dass ein finnischer Typus im Charakter des Gesichts und Kopfes lag“. При описаніи каменной бабы въ саду г. Екатеринослава, Гакстгаузенъ заявилъ: „Die ganze Figur hat einen andern Charakter, nichts Mongolisches, und reicht gewiss nicht über die Tatarenzeit hinaus. Наконецъ, въ третій разъ Гакстгаузенъ говорилъ о каменныхъ бабахъ у с. Терпѣнія и высказалъ свое впечатлѣніе такъ: «Die Physiognomie war unverkennbar mongolisch, der Kopfputz ist dem der jetzigen gemeinen Kalmückinnen sehr ähnlich»[7]). Полная неустойчивость въ опредѣленіи типа.

Венгерскій ученый Ерней, посѣтившій южную Россію въ 1844 г. и увидѣвшій впервые каменныхъ бабъ въ Одесскомъ музеѣ, сразу рѣшилъ, что онѣ представляютъ портреты венгерцевъ. Венгерская Академія, однако, не согласилась съ нимъ. Въ 1851 г. появился трудъ

---

[1]) A tour performed in the years 1795—6, through the Taurida, or Crimea, etc. by Mrs. Maria Guthrie. London, 1802. Appendix, p. 405—415. Къ сочиненію приложены изображенія шести каменныхъ бабъ, довольно хорошо для того времени воспроизведенныхъ.

[2]) Recherches anthropologiques dans le Caucase par Ernest Chantre. Paris, 1887 T. III, p. 79.

[3]) *Klaproth*, Reise in den Kaukasus. Halle und Berlin, 1812. I, s. 263.

[4]) *Güldenstädt*, Reisen durch Russland und im Kaukasischen Gebürge. 1791. II. 36.

[5]) Мнѣ уже приходилось говорить, что испанскія статуи не могутъ быть отожествлены съ нашими каменными бабами См. «Мнимыя каменныя бабы» (Вѣстникъ Археологіи и Исторіи, издав. И Археологическимъ Институтомъ. Вып. XVII. Спб. 1906).

[6]) *Henszlmann*, L'age du fer. Étude sur l'art gothique. (Compte-rende du Congrès intern. d'anthrop. et archéol. prèh. Buda—Pest, 1876. P. 510). Рисунки кам. бабъ, приложенные къ статьѣ, совершенно не удовлетворительны.

[7]) *August von Haxthausen*, Studien über die innern Zustände..... Russlands. II, Hannover, 1847, s. 343—345. Въ книгѣ помѣщены рисунки каменныхъ бабъ.

Jerney—János keleti utazása, въ которомъ авторъ отнесъ каменныя бабы, какъ къ венграмъ, такъ и къ родственнымъ съ ними народамъ. Онъ приложилъ довольно фантастическіе рисунки съ одесскихъ статуй и, въ подтвержденіе своего положенія,—портретъ венгерца. Это сопоставленіе, какъ нельзя лучше, опровергаетъ теорію Ернея [1]).

Э. И. Эйхвальдъ полагалъ, что каменныя бабы относятся къ *половцамъ*; но считалъ ихъ финскимъ народомъ [2]). Можно отмѣтить, что персидскій поэтъ Низами (†1203—4 по Р. Х.) постановку каменныхъ статуй въ нашихъ степяхъ приписываетъ кипчакамъ, т. е. половцамъ [3]).

Не обошлось дѣло безъ *Кельтовъ*, которыхъ часто считали творцами разныхъ непонятныхъ древностей; въ пользу кельтовъ высказался А. Я. Фабръ [4]).

За *монгольское* происхожденіе этихъ статуй ратовалъ заграницей Дюбуа де Монперё [5]), а у насъ—Г. И. Спасскій [6]).

Монгольская теорія о каменныхъ бабахъ имѣетъ значительное количество приверженцевъ и занимаетъ среди прочихъ теорій видное мѣсто. О ней будетъ сказано дальше. Отмѣчу только статью Е. Баранова „Козу-Курпечь и Баянъ-Слу". гдѣ описаны четыре каменныя бабы, стоящія у памятниковъ этихъ героевъ въ Семирѣченской области: „Статуи эти несомнѣнно калмыцкаго издѣлія, такъ какъ киргизы будучи мусульманами, не имѣли и не имѣютъ обычая дѣлать при могилахъ каменныхъ изваяній" [7]).

Къ *финнамъ* рѣшительно отнесъ каменныхъ бабъ А. Скальковскій говоря, что онѣ „явно финскаго происхожденія" [8]).

Къ *уйгурамъ* и одновременно къ *киданямъ*, хотя первые—тюрки, а вторые принадлежали къ тунгусскимъ народамъ, причислялъ каменныхъ бабъ Н. М. Ядринцевъ [9]).

---

[1]) Цитую по Геншельману, стр. 512–514.

[2]) «О чудскихъ копяхъ». (Записки И. Археол. Общ., т. IX, СПБ. 1857, стр. 297—8. Странно, что Эйхвальду остался неизвѣстнымъ Комапскій Словарь, обнародованный Клапротомъ задолго до труда «О чудскихъ копяхъ». Словарь неопровержимо доказалъ турецкое происхожденіе половцевъ.

[3]) *В. В. Бартольдъ*, Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію съ научною цѣлью 1893—94 гг., стр. 20 (Зап. И. Акад. Н. по Ист.-фил. отд., т. I, СПБ. 1897).

[4]) Записки Одес. Общ. Ист. и Др., II, стр. 36—46.

[5]) *Dubois de Montpéreux*, Voyage autour du Caucase. Paris, 1839—46. Atlas. Serie d'Archéologie, IV, p. 5.

[6]) Записки Одес. Общ. Ист. и Др. I, стр. 594.

[7]) «Нива». Ежемѣсячныя литературныя приложенія 1899 г., февраль, стр. 315.

[8]) «Географическая и этнографическая терминологія Новороссійскаго края». (Газ. «Сѣверная Почта»).

[9]) Труды VIII археол. съѣзда. Т. IV, стр. 160. Нѣсколько раньше онъ склонялся въ пользу скиѳовъ и даже приписалъ проф. В. В. Григорьеву мысль о постановкѣ каменныхъ бабъ Саками (скиѳами). (Литературный Сборникъ. Изданіе редакціи «Восточнаго Обозрѣнія» СПБ. 1885, стр. 475). Между тѣмъ Григорьевъ сказалъ только, что статуя царицы Зарины могла *походить* на каменныя изваянія, извѣстныя подъ наименованіемъ каменныхъ бабъ. (Труды Вост. отд. И. Р. А. О., т. XVI, стр. 165).

Академикъ В. В. Радловъ, проявившій большой трудъ для изслѣдованія орхонскихъ древностей, опредѣлялъ принадлежность каменныхъ бабъ *тюркамъ* періода тукюэской (т. е. тюркской) династіи, до половины VIII столѣтія послѣ Р. Х. Л. Нидерле относилъ каменныхъ бабъ туркамъ[1]).

Наконецъ, *славянамъ* приписалъ каменныхъ бабъ В. М. Флоринскій, который страстно развивалъ свою теорію о славянизмѣ каменныхъ бабъ, впередъ отвергалъ возможность измѣненія его доводовъ дешифровкою только что открытыхъ тогда, но еще не прочтенныхъ, орхонскихъ надписей. Онъ обставилъ свою теорію подробными изслѣдованіями, примѣнилъ въ своей работѣ всѣ научные пріемы, выработанные учеными; но приходится сказать, что Флоринскій пошелъ по ложному пути, и трудъ его пропалъ даромъ[2]).

Если не послѣдователемъ, то до нѣкоторой степени защитникомъ Флоринскаго явился В. А. Мустафинъ, писавшій въ Туркестанѣ въ то время, когда вопросъ о камменныхъ бабахъ былъ уже разрѣшенъ. Онъ находилъ, что изслѣдованіе Флоринскаго „является цѣннымъ вкладомъ въ археологическую литературу по широтѣ взглядовъ и эрудиціи автора. и со многими выводами его долго придется считаться представителямъ такъ называемой тюркской школы... Факты, приводимые г. Флоринскимъ, не даютъ возможности признать безъ ограниченія теорію тюркологовъ. Прежде всего районъ распространенія каменныхъ бабъ, захватывающій не только широкую полосу южной Россіи, но переходящій въ Галичину и даже западную и восточную Пруссію, т. е. такія страны, въ которыхъ. какъ до сихъ поръ извѣстно, не было тюркскаго населенія, заставляютъ призадуматься изслѣдователя надъ вопросомъ о національности этихъ каменныхъ истукановъ и отложить окончательное рѣшеніе его за недостаткомъ научнаго матеріала“ [3]).

Ради курьеза можно отмѣтить сочиненіе В. Х. Кондараки „Универсальное описаніе Крыма“, гдѣ находится глава подъ названіемъ: „Каменные истуканы или бабы степей“. Тамъ эти статуи приписаны скотоводамъ или галоктофагамъ, упоминаемымъ Гомеромъ, и отнесены авторомъ къ племенамъ монгольской расы, „которыя, судя по разсказамъ Геродота, даже въ его время, обитали у подножія кавказскихъ горъ“ [4]).

---

[1]) Человѣчество въ доисторическія времена. Рус. перев. Спб., 1898. Стр. 580.

[2]) Первобытные славяне по памятникамъ ихъ доисторической жизни. Томскъ, 1896—7, ч. II, стр. 36—59.

[3]) Приложеніе къ протоколу Туркестанскаго кружка любителей археологіи. 12 янв. 1898 г., стр. 37,41.

[4]) Изданіе 1875 г., ч. XV, стр. 24—25.

Аспелинъ въ своемъ атласѣ финно-угрскихъ древностей помѣстилъ изображенія каменныхъ бабъ среди предметовъ бронзоваго вѣка [1]).

До какой степени разно опредѣлялась физіогномія каменныхъ бабъ, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ Когда Гюльденштедтъ усматривалъ въ статуяхъ типъ ногайскій, Терещенкѣ онъ представлялся болѣе европейскимъ или греческимъ. А. Л. видѣлъ у каменныхъ бабъ финскія черты лица [2]), а Н. М. Ядринцевъ—тюркскій типъ [3]). Англійскій путешественникъ Д. Каррутерсъ, побывавшій въ Монголіи въ 1910 и 1911 гг. и коснувшійся вопроса о каменныхъ бабахъ, нашелъ у нихъ сходство въ типѣ съ любымъ полковникомъ британской арміи [4]).

Если такое различіе мнѣній существуетъ относительно національнаго пріуроченія каменныхъ бабъ, то тѣмъ болѣе надо ожидать разногласій въ опредѣленіи смысла и назначенія памятниковъ. Въ самомъ дѣлѣ: сколько бы мы ни разнообразили перечень народовъ, всетаки это разнообразіе не могло выдти за предѣлы существовавшихъ и существующихъ народовъ; но когда дѣло касалось объясненія памятниковъ, на что̀ не было никакихъ данныхъ, то тутъ не встрѣчалось для полета фантазіи никакихъ преградъ.

Большинство изслѣдователей, конечно, считало каменныя бабы обыкновенными могильными памятниками; но такое опредѣленіе удовлетворяло далеко на всѣхъ.

Такъ, московскій антропологъ А. А. Ивановскій на восьмомъ археологическомъ съѣздѣ сдѣлалъ докладъ о каменныхъ бабахъ у монголовъ и утверждалъ, что тарбагатайскіе калмыки объясняли ему, что они почитаютъ каменныя бабы за изображенія предковъ, а сосудъ въ рукахъ служилъ для помѣщенія пепла умершаго [5]). Объ этомъ сообщеніи, основанномъ очевидно на какомъ-то недоразумѣніи, потому что ни къ буддизму, ни къ монголамъ каменныя бабы отношенія не имѣютъ, не стоило бы и распространяться, еслибъ оно не вошло въ

---

[1]) *Aspeiln*, Antiquités du Nord finno-ougrien, p. 72—73,84.

[2]) «Самарскія Губернскія Вѣдомости» за 1853 г., отд. II, стр. 94.

[3]) Труды VIII Арх. съѣзда.

[4]) «Unknown Mongolia», by Douglas Carruthers. London, 1913. Vol. I, p. 62. Русскій переводъ Н. В. Турчанинова: «Невѣдомая Монголія», т. I. Петроградъ, 1914, стр 64.

[5]) Труды VIII археологич. съѣзда, т. IV, стр. 181—5, и Congrès Internat. d'Archéologie préhistorique. M. 1892. I. Еще раньше, Г. И. Спасскій писалъ по поводу этого сосуда, что жертвенная чашка есть обыкновенная принадлежность монгольскихъ бурхановъ. (Записки Од. Общ. Ист. и Др., I стр. 59.). Впослѣдствіи онъ измѣнилъ этотъ взглядъ. О достоп. памятн. Сибир. древ. въ сравненіи съ велико-русскими. (Зап. И. Р. Геогр. Общ. 1857, кн. XII, стр. 127).

Кажется, всѣ прежніе писатели согласно признаютъ, что каменныя бабы держатъ въ рукахъ сосудъ, только пасторъ Цвикъ, изъ Саропской колоніи, предполагалъ вмѣсто сосуда книгу. (Dorpater Jahrbücher, 1835, V, 288).

научный оборотъ. Въ руководящей статьѣ о каменныхъ бабахъ, написанной Д. А. для Энциклопедическаго словаря Брокгауза и Ефрона, отведено видное мѣсто показанію Ивановскаго и даже сдѣлано къ нему дополненіе. Д. Каррутерсъ нашелъ возможнымъ дать новое толкованіе предмету, находящемуся въ рукахъ статуй. Заявивъ, и при томъ ошибочно, что писатели, упоминающіе о сосудахъ, обычно не даютъ по этому поводу никакихъ дальнѣйшихъ поясненій, онъ высказалъ увѣренность, что эти сосуды представляютъ изъ себя ничто иное, какъ „табакерки», являющіяся неизбѣжными жизненными спутниками монголовъ; обычай нюханья табака считается наиболѣе распространеннымъ обычаемъ среди монголовъ [1]) Авторъ знаетъ свидѣтельство Рубрука о каменныхъ статуяхъ, самъ видѣлъ у сибирскихъ статуй въ рукахъ чаши на подставкахъ, потому что помѣстилъ въ своей книгѣ фотографическій снимокъ съ подобной статуи; но очевидно забылъ, когда табакъ появился въ Старомъ свѣтѣ, а потому „увѣренность“ Каррутерса нельзя признать послѣднимъ словомъ науки, хотя его трудъ и увѣнчанъ королевскимъ Географическимъ Обществомъ золотою медалью.

Я не знаю, какъ согласовать жертвенную чашу съ значеніемъ самаго балбала; но если оставаться въ области догадокъ, то я предложилъ бы другое толкованіе: чаша можетъ выражать (по крайней мѣрѣ первоначально) служебное положеніе балбала.

Н. М. Ядринцевъ, который получше Ивановскаго зналъ инородцевъ сѣверо-восточной Азіи, говорилъ, что монголы отрекаются отъ всякаго отношенія къ курганамъ съ каменными бабами [2]). И это вполнѣ понятно, потому что монголы не ставили каменныхъ статуй на могилахъ, они не только не отмѣчали мѣста погребеній, но всякими способами старались скрыть ихъ. О погребеніи монгольскихъ хановъ извѣстно изъ китайской исторіи Юань-ши, въ переводѣ архимандрита Палладія: „по прибытіи на мѣсто погребенія, гробъ глубоко зарывали въ землю; потомъ прогоняли по могильной насыпи нѣсколько тысячъ лошадей, или уносили лишнюю землю въ другое мѣсто. Когда всходила трава, все было кончено; могила представляла ровное мѣсто, гдѣ нельзя было ничего распознать“ [3]).

Если вышеприведенный трудъ арх. Палладія принадлежитъ къ числу спеціальныхъ и мало распространенныхъ, то этого нельзя сказать про сочиненіе Плано Карпини, давно переведенное на русскій языкъ. Изъ этого сочиненія видно, что каменныя бабы никоимъ образомъ не могли относиться къ монголамъ. Плано Карпини сообщилъ интересныя свѣдѣнія о погребеніи у монголовъ. Если по-

[1]) «Unknown Mongolia». P. 63—64. Русскій переводъ, стр. 64—65.

[2]) Труды VIII археол. съѣзда. Т. IV, стр. 160.

[3]) Труды членовъ россійской духовной миссіи въ Пекинѣ. Т. IV. СПБ. 1866 г. стр. 252.

койникъ принадлежалъ къ знатнымъ лицамъ, то его хоронили тайно въ полѣ съ богатой погребальной обстановкой. Далѣе этотъ авторъ приводитъ другой способъ погребенія знатныхъ же людей: «Они идутъ тайкомъ въ поле, удаляютъ тамъ траву съ корнемъ и дѣлаютъ большую яму и съ боку этой ямы дѣлаютъ яму подъ землею.... Мертваго же кладутъ въ яму, которая сдѣлана съ боку, вмѣстѣ съ тѣми вещами, о которыхъ сказано выше, затѣмъ зарываютъ яму, которая находится передъ его ямой, и сверху кладутъ траву, какъ было раньше, съ тою цѣлью, чтобы впредь нельзя было найти это мѣсто [1]). Замѣчательно, что китайскій и европейскій источники одинаково говорятъ о травѣ. Повидимому, подъ травою у П. Карпини надо понимать дёрнъ, если этотъ путешественникъ вѣрно понялъ переданный ему разсказъ.

В. А. Каллауръ опубликовалъ статью: „Каменныя бабы въ Ауліятинскомъ уѣздѣ", въ которой призналъ, что каменныя бабы изображаютъ умершихъ, а такъ какъ онъ видѣлъ по нѣсколько статуй на одномъ курганѣ, то пришелъ къ заключенію, что въ одномъ курганѣ находится по нѣсколько человѣкъ одной семьи [2]).

В. А. Мустафинъ высказалъ мысль, что каменныя бабы должны изображать не самихъ умершихъ, но лицъ, принимавшихъ участіе въ погребальныхъ процессіяхъ [3]).

Что о каменныхъ бабахъ можно говорить что угодно, наглядно свидѣтельствуетъ замѣтка шт.-капитана Н. Джетбысбаева: „Слово „мугъ", курганы и каменная баба". Авторъ полагаетъ, что статуи ставились для поклоненія и увѣряетъ, что бурханы у буддистовъ и истуканы у шаманистовъ совершенно похожи на каменныя бабы [4]). Замѣчу, что въ это время назначеніе каменныхъ бабъ уже выяснилось.

Въ области смѣлыхъ предположеній, кажется, всѣхъ превзошелъ В. А. Р., помѣстившій въ газетѣ „Приазовскій Край" (5 марта 1906 г.) фотографическіе снимки каменныхъ бабъ, находящихся въ г. Екатеринодарѣ, и снабдившій ихъ статьей, озаглавленной: „Происхожденіе каменныхъ бабъ". Авторъ думаетъ, что каменныя бабы воздвигались русскими, у которыхъ существовало многоженство даже послѣ принятія христіанства; мужья, чтобы обезпечить во время своей болѣзни тщательный уходъ со стороны своихъ женъ, ввели обычай умерщвлять женъ при смерти мужа, чтобы тѣ не желали своимъ мужьямъ смерти. Священники не могли мириться съ такимъ варварствомъ и стали проповѣдывать ту идею, что вполнѣ достаточно,

---

[1]) Іоаннъ де Плано Карпини. Исторія Монгаловъ. перев. А. І. Малеина. СПБ., 1911 г., стр. 10—11.

[2]) Протоколы засѣд. Туркест. кружка любит. Археологіи. 11 дек. 1897 г. Приложеніе, стр. 9—14.

[3]) Прилож. къ проток. Туркест. кружка любит. Археол., 1898 г., стр. 28.

[4]) Протоколы Турк. кружка любит. Археол. 7 февр. 1900, стр. 31.

если на могилу мужа будутъ принесены въ жертву изображенія женъ изъ камня. Каменныя фигуры эти священники сами вырабатывали, освящали и продавали тѣмъ, кому онѣ были нужны. Авторъ льститъ себя надеждою, что археологическія изслѣдованія, быть можетъ, подтвердятъ его мысль. О мужскихъ статуяхъ онъ умолчалъ. Каррутерсъ призналъ эту теорію „болѣе вѣроятной“ [1]) и раскрылъ инціалы автора, которымъ оказался Владиміръ Риделъ въ Ростовѣ-на-Дону.

II.

Съ присоединеніемъ степной полосы къ Россійской имперіи, каменныя бабы быстро начали исчезать съ кургановъ; ихъ безпрепятственно свозили или для хозяйственныхъ надобностей, или для украшенія помѣщичьихъ садовъ и усадебъ. Всѣмъ извѣстно, на сколько мѣстная администрація, за рѣдкимъ исключеніемъ, и теперь равнодушна къ памятникамъ старины, которую не понимаетъ и потому не цѣнитъ; а въ недавнее время, для охраны древностей, прежде всего приходилось вести борьбу съ провиціальными агентами правительства, и такая борьба оказалась не подъ силу даже министру внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскому, который отличался исключительною любовью къ Археологіи. Судьбою каменныхъ бабъ заинтересовалась И. Академія Наукъ, по порученію которой непремѣнный секретарь ея П. Н. Фусъ обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ съ слѣдующимъ ходатайствомъ, отъ 16 ноября 1843 г. за № 1571:

„Дорожа сохраненіемъ древнихъ памятниковъ, Императорская Академія Наукъ, по удостовѣреніи въ томъ, что такъ называемыя каменныя бабы, которыя еще въ недавнемъ времени во множествѣ стояли на степныхъ могилахъ полуденной Россіи, нынѣ болѣе и болѣе исчезаютъ, поручила мнѣ ходатайствовать предъ вашимъ высокопревосходительствомъ о принятіи мѣръ противъ дальнѣйшаго расхищенія каменныхъ болвановъ.

„Извѣстно, что они, по снятіи съ могилъ, нерѣдко употребляются вмѣсто простыхъ камней, полагаясь въ основаніи вѣтряныхъ мельницъ и другихъ построекъ, или же служа для отягченія гнетовъ въ маслобойнахъ; иногда они разставляются по поворотамъ межъ, вмѣсто гранитныхъ столбовъ, или ставятся у воротъ помѣщичьихъ или въ садахъ вмѣсто статуй и пугала и т. п. Между тѣмъ же памятники эти отъ незапамятныхъ временъ до насъ дошедшіе, имѣютъ и всегда будутъ имѣть цѣну для историка и почитателя отечественныхъ древностей.

„При настоящихъ обстоятельствахъ, по мнѣнію Академіи, нужно бы было принять мѣры для спасенія тѣхъ только каменныхъ болва-

[1]) „Unknown Mongolia“, p. 64; Рус. пер., 66.

новъ, которые стоятъ еще на могилахъ (или курганахъ), оставивъ безъ вниманія всѣ тѣ, которые уже свезены съ первоначальныхъ своихъ мѣстъ.

„Въ такихъ то видахъ я по порученію Академіи Наукъ покорнѣйше прошу ваше в—во приказать собрать и доставить къ ней свѣденія о томъ, гдѣ донынѣ въ Россіи стоятъ еще каменныя бабы на могилахъ (съ присовокупленіемъ особыхъ названій этихъ могилъ буде существуютъ, и наименованіемъ урочищъ, гдѣ онѣ находятся) и вмѣстѣ съ тѣмъ исходатайствовать высочайшее повелѣніе касательно сохраненія донынѣ уцѣлѣвшихъ памятниковъ сего рода, какъ на казенныхъ такъ и на помѣщичьихъ земляхъ и назначенія денежной пени (примѣрно въ 100 руб. сер.) за каждое истребленіе или расхищеніе каменнаго болвана“ [1])

Помѣта карандашомъ: Его высокопр—во изволилъ обратить особенное вниманіе на сіе отношеніе.

Тутъ-же въ дѣлѣ находится Записка Н. И. Надеждина о каменныхъ бабахъ [2]). Затѣмъ помѣщенъ циркуляръ министра отъ 23 декабря 1843 г. гражданскимъ губернаторамъ:

„Имѣя свѣдѣніе, что каменныя изваянія грубой работы въ разныхъ видахъ, называемыя въ простонародіи *бабами*, которыя въ недавнемъ еще времени во множествѣ стояли на степныхъ могилахъ и курганахъ особенно полуденной Россіи, нынѣ время отъ времени изчезаютъ, я предлагаю вашему п—ву представить мнѣ подробныя свѣдѣнія о томъ, гдѣ во ввѣренной вамъ губерніи находятся еще таковыя каменныя бабы на могилахъ, или курганахъ, съ присовокупленіемъ особыхъ названій этихъ могилъ, буде существуютъ, и поименованіемъ урочищъ, гдѣ онѣ поставлены. Съ тѣмъ вмѣстѣ поручаю вамъ сдѣлать немедленно распоряженіе о совершенной неприкосновенности сказанныхъ памятниковъ, на точномъ основаніи Высочайшей воли, изъясненной въ циркулярномъ предписаніи Министерства, отъ 31 декабря 1826 года о сохраненіи древностей и о воспрещеніи разрушать оные“.

[1]) Дѣло по отношенію Непремѣннаго секретаря Имп. С.-Петербургской Академіи о сдѣланіи распоряженія къ сохраненію *Каменныхъ бабъ*. Началось 17 ноября 1843 г., кончено 12 декабря 1818 г. Дѣло хранится въ Архивѣ И. Археологической Коммиссіи за № 88.

[2]) Эта записка, вѣроятно, въ черновикѣ, впослѣдствіи была найдена П. С. Савельевымъ въ бумагахъ Надеждина и напечатана въ 1-мъ томѣ Извѣстій И. Археол. Общ., стр 165—168, съ замѣчаніемъ Савельева, что она была написана для министра внутреннихъ дѣлъ гр. Л. А. Перовскаго и вслѣдствіе ея сдѣланы министромъ запросы о мѣстонахожденіяхъ каменныхъ бабъ начальствамъ разныхъ губерній. Приходится, въ свою очередь, замѣтить, что не Записка Надеждина вызвала «запросы», а обращеніе къ министру Академіи Наукъ, слѣдовательно, Записка не была самостоятельнымъ актомъ, а сама явилась слѣдствіемъ обращенія и для возникновенія «дѣла» могла вовсе не существовать.

Циркуляры были посланы въ губерніи Екатеринославскую, Таврическую, Харьковскую, Воронежскую, Полтавскую, Курскую, Тамбовскую, Херсонскую, Симбирскую, Саратовскую, Оренбургскую, Астраханскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую, начальнику Кавказской области. Керчь-еникольскому градоначальнику, и. д. таганрогскаго градоначальника. Для мѣстностей, не состоявшихъ въ вѣдомствѣ мин. вн. дѣлъ, какъ напр. Донская область, было сдѣлано сношеніе съ подлежащимъ начальствомъ. Въ перечнѣ губерній была забыта Самарская.

Отвѣты изъ губерній и областей поступали крайне медленно, приходилось дѣлать напоминанія. Свѣдѣнія давались далеко неудовлетворительныя, а то и невѣрныя.

Тѣмъ не менѣе изъ донесеній начальниковъ губерній выяснилось, что попустительство мѣстныхъ властей въ дѣлѣ расхищенія каменныхъ бабъ нанесло русской археологіи большой и непоправимый вредъ. Нѣкоторыя донесенія очень характерны и на нихъ слѣдуетъ остановиться.

И. д. таганрогскаго градоначальника писалъ: „Въ селеніяхъ Маріупольскаго округа Мангушѣ, Ялтѣ, Камарѣ, Улакли, Константинополѣ и Курганѣ, находились во многомъ количествѣ на могилахъ или курганахъ каменныя изваянія, называемыя въ простонародіи бабами (по-татарски: Мамаи) съ обличіемъ нынѣшнихъ башкиръ; во время же проѣзда, по полуденной Россіи въ 1818 г., блаженной памяти императора Александра I, всѣ мамаи были сняты съ кургановъ и отвезены на почтовую дорогу, вѣдомства маріупольскаго греческаго суда, гдѣ разставлены вмѣсто дорожныхъ знаковъ, а когда устроены по большой дорогѣ кирпичные знаки, то мамаи зарыты въ землю. При селеніяхъ: Маломъ Янисоли и Новой Каракубѣ, тоже находились въ большомъ количествѣ каменныя бабы, но въ первомъ изъ этихъ селеній въ 1779 г., а въ послѣднемъ въ 1808 годахъ, всѣ свезены въ тѣ селенія на фундаментъ подъ церкви. Въ селеніи Большой Янисоли также имѣлись на курганахъ въ степи каменныя бабы, но при стройкѣ поселянами домовъ, оныя свезены и часть употреблена на фундаменты, а часть отправлена помѣщиками въ свои имѣнія, состоящія екатеринославской губерніи въ александрійскомъ уѣздѣ". Далѣе онъ доносилъ, что въ Таганрогскомъ округѣ имѣются большею частію разбитыя 53 каменныя бабы, привезенныя съ давняго времени изъ Таврической губерніи въ г. Маріуполь, а оттуда доставлены на лодкахъ въ г. Таганрогъ на биржу и, по распоряженію, таганрогской городской полиціи, привезены на сельскихъ подводахъ въ селенія Троицкой волости и поставлены на большихъ дорогахъ вмѣсто дорожныхъ знаковъ.

Больше всего каменныхъ бабъ оказалось въ Екатеринославской губерніи—428, изъ нихъ только 14 уцѣлѣли на курганахъ.

Самое позднее донесеніе о каменныхъ бабахъ поступило изъ Донской области военному министру, который отношеніемъ, отъ 8 ноября 1848 г., сообщилъ министру вн. дѣлъ. Министръ Л. А. Перовскій своевременно извѣщалъ Академію Наукъ о донесеніяхъ касательно каменныхъ бабъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрялъ ее, что имъ приняты мѣры къ сохраненію этихъ памятниковъ.

Всѣ доставленныя свѣдѣнія списалъ скромный чиновникъ м-ва вн. дѣлъ А. И. Пискаревъ и напечаталъ, какъ свою статью, въ Запискахъ И. Р. Арх. Общ., т. III, подъ заглавіемъ: „О мѣстонахожденіи каменныхъ бабъ въ Россіи". Такъ эта статья и числится за Пискаревымъ до сего дня [1]).

Кто-бы могъ подумать, что циркуляръ м-ра вн. д. губенаторамъ о каменныхъ бабахъ, не принеся дѣлу никакой пользы, послужитъ во вредъ этимъ самымъ статуямъ. Мѣстныя власти, встревоженныя запросомъ и боясь отвѣтственности за недосмотръ, поспѣшили распоряженіемъ водворить каменныя бабы на прежнее мѣсто, и понятно, что онѣ попадали не туда, куда слѣдовало. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ низшіе чины администраціи прямо приказывали уничтожать эти изваянія, чтобы донести начальству, что въ ихъ раіонѣ подобныхъ статуй не имѣется. Это узнали наши археологи, вскорѣ затѣмъ начавшіе раскопки кургановъ въ южной Россіи [2]).

Какъ погибали каменныя бабы, можно судить по одному случаю, зарегистрированному печатью. Въ одномъ донесеніи священника преосвященному Іакову саратовскому о курганахъ говорится о каменномъ болванѣ, найденномъ на участкѣ жителя села Старой Яблонки. Онъ стоялъ на небольшомъ курганѣ между селъ Окатнаго и Поселка, въ 5 верстахъ отъ р. Терешки; близъ него не въ дальнемъ разстояніи находился другой, представлявшій женщину. Его взялъ съ мѣста губернскій землемѣръ Грузиновъ и поручилъ крестьянину доставить въ Саратовъ. Но крестьяне, при переправѣ черезъ мостъ р. Терешки, бросили болвана въ воду, сказавъ, что онъ самъ выпрыгнулъ изъ телѣги [3]).

Д. И. Эварницкій сообщилъ, какъ одинъ исправникъ въ Новомосковскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ. построилъ у себя погребъ, воспользовавшись для этого каменными бабами [4]). Каменныя бабы шли на фундаменты церквей и другихъ зданій.

---

[1]) Впрочемъ, П. С. Савельевъ замѣтилъ въ другомъ мѣстѣ, что полученныя отъ губернаторовъ свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ напечатаны въ извлеченіи въ III томѣ Записокъ Археол Общ. (стр 205—220) въ статьѣ о каменныхъ бабахъ, но о Пискаревѣ не упомянулъ.

[2]) Сообщено мнѣ В. Г. Тизенгаузеномъ.

[3]) Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этн. при И. Казан. унив., т. XXIV. Казань, 1908. Самарскія губ. Вѣд. 1853 г., № 15.

[4]) Историч. Вѣстн., 1890 г., іюль, стр. 193.

III.

Вопросъ, такъ настойчиво занимавшій нашихъ изслѣдователей, къ какому народу слѣдуетъ приписывать постановку на курганахъ статуй, извѣстныхъ подъ названіемъ каменныхъ бабъ, уже давно былъ разрѣшенъ европейскимъ монахомъ миссіонеромъ Вильгельмомъ Рубрукомъ. Проѣзжая въ 1253 г. степной полосой южной Россіи, онъ записалъ: „Команы насыпаютъ большой холмъ надъ усопшимъ и воздвигаютъ ему статую, обращенную лицомъ къ востоку и держащую у себя въ рукѣ предъ пупкомъ чашу“ [1]).

Какъ же отнеслись наши ученые къ этому показанію очевидца, всегда обстоятельнаго и чрезвычайно точнаго? Самымъ рѣшительнымъ образомъ возсталъ противъ показанія Рубрука Ю. Клапротъ [2]), и къ сожалѣнію, на столько успѣшно, что Рубруку всѣ стали оказывать недовѣріе, и ссылка на него сдѣлалась рискованною. Было рѣшено, что Рубрукъ добросовѣстно заблуждался.

Въ рукописи Петра Кеппена 1836 года, озаглавленной: „О курганахъ. Предварительное разысканіе“ и хранящейся въ русскомъ отдѣлѣ Библіотеки Академіи Наукъ, читаемъ: «уже Палласъ (Bemerkungen auf einer Reise in die Sudl. Statthalterschaften des Russ. Reichs. I, 392) и Клапротъ (Reise in den Kaukasus, I, 265) весьма справедливо замѣтили, что простодушный монахъ смѣшалъ тутъ вмѣстѣ весьма различные роды гробницъ, почитая всѣ оныя команскими (половецкими) потому только, что онъ видѣлъ ихъ въ землѣ Половецкой, и нѣтъ сомнѣнія, что одна и та же причина побудила и Новгородскаго лѣтописца [3]) и Рубруквиса назвать курганы южной Россіи половецкими“. Здѣсь высказана напраслина на Рубрука: онъ нигдѣ не утверждалъ, что *всѣ* курганы половецкіе, онъ описалъ только обрядъ погребенія у половцевъ.

Разсказъ Рубрука важенъ въ разныхъ отношеніяхъ и о немъ слѣдуетъ распространиться подробнѣе и посмотрѣть: есть ли въ немъ какое-либо противорѣчіе или несогласіе съ дѣйствительностью?

Начну съ того, что его опредѣленіе каменныхъ бабъ слѣдуетъ назвать классическимъ. Всѣ позднѣйшія попытки къ опредѣленію ихъ менѣе удовлетворительны. Н. И Надеждинъ писалъ: „Каменными бабами называются въ простонародіи каменныя изваянія грубой работы и безобразнаго вида, обыкновенно стоящія въ полѣ на курганахъ или могильныхъ насыпяхъ“ [4]). Подъ эту характеристику подойдутъ и

---

[1]) *Вильгельмъ де Рубрукъ*. «Путешествіе въ восточныя страны». Перев. А. І. Малеина. Стр. 81.

[2]) Reise in den Kaukasus. B. I, s. 265.

[3]) Кеппенъ раньше говорилъ о битвѣ на р. Калкѣ, гдѣ упоминается Половецкій курганъ.

[4]) Извѣстія И. Рус. Арх. Общ., т. I, стр. 165.

тѣ грубыя человѣкообразныя стелы, которыя мы находимъ на римскихъ могильникахъ поздней поры въ южной Россіи, а главный признакъ—сосудъ надъ животомъ—оставленъ безъ вниманія.

Возьмемъ другое опредѣленіе каменныхъ бабъ, сдѣланное извѣстнымъ московскимъ археологомъ и помѣщенное въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона за подписью Д. А. Авторъ пишетъ: „Такъ называются древнія каменныя человѣкообразныя статуи, изображающія большей частью женщинъ и встрѣчающіяся въ довольно большомъ числѣ въ южной Россіи, австрійской Галиціи, прусскихъ провинціяхъ восточной и западной Пруссіи, южной Сибири, Средней Азіи и Монголіи". Все въ этомъ изложеніи не можетъ насъ удовлетворить. Терминъ „древнія" ничего не характеризуетъ, потому что и въ южной Россіи, и въ перечисленныхъ здѣсь европейскихъ странахъ встрѣчаются другія, болѣе древнія статуи; слѣдовательно древность каменныхъ бабъ надо было обозначить иначе, хотя бы въ столѣтіяхъ, приблизительно, и отмѣтить ихъ существенный признакъ. «Человѣкообразныя статуи»— выраженіе вполнѣ понятное, оно означаетъ какъ-бы *подобіе* человѣка; но это не такъ: въ Московскомъ Историческомъ музеѣ, въ Симферопольскомъ и другихъ находятся каменныя статуи почти художественной работы и притомъ портретнаго характера; у многихъ безобразіе появилось или отъ порчи людьми, или отъ вывѣтриванія. Осторожно надо относиться къ утвержденію, что статуи изображаютъ большей частью женщинъ; мы имѣемъ одну только статистистическую работу, исполненную А. Л. Крыловымъ „Свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ, находящихся въ области Войска Донскаго", на трехъ листахъ. причемъ изъ 321 статуи г. Крыловъ призналъ мужскими 115, а женскими 140, прочія были въ видѣ отдѣльныхъ фрагментовъ или въ такомъ состояніи, что полъ установить не представлялось возможности [1]). Такимъ образомъ едвали можно рѣшительно считать женскія статуи преобладающими надъ мужскими. Что же касается прусскихъ статуй, то по моему мнѣнію ихъ не слѣдуетъ причислять къ каменнымъ бабамъ [2]). Тоже слѣдуетъ сказать и о статуяхъ въ Галиціи [3]). Считать ихъ одной категоріи съ каменными бабами значитъ не имѣть отчетливаго представленія о послѣднихъ.

Статуи, говоритъ Рубрукъ, обращены лицомъ къ востоку, — это особенность древнихъ турокъ. Турки ставили свои юрты дверями къ востоку, хозяинъ обычно у кочевниковъ сидитъ на своей постели у задней стѣны противъ двери и смотритъ на востокъ; поэтому у турокъ

---

[1]) Однако, статуи за №№ 169, 203 и 204 могутъ считаться мужскими.

[2]) См. статью *Августа Гартмана*: «Becherstatuen in Ostpreussen und die Literatur der Becherstatuen» (Archiv für Anthropologie, Braunschweig, 1892—3, T. XXI. s. 253—303). см. выше.

[3]) «Bildwerke aus altslavischer Zeit», von Dr. *M. Weigel* (въ томъ же Архивѣ Антропологіи, стр. 41—72).

выраженіе „впередъ“ равносильно „на востокъ“. У монголовъ юрта ставится дверью на югъ, куда, слѣдовательно, и обращено лицо хозяина [1]), поэтому у нихъ „впередъ“ значитъ „на югъ“. Отсюда ясно, что монголы поставили бы свои статуи, если бы ихъ имѣли, лицомъ къ югу.

„Каптарга“, о которой сообщилъ Рубрукъ и которая часто встрѣчается прикрѣпленной къ поясу у каменныхъ бабъ въ видѣ мѣшечка или кисета, удержалась въ той же обстановкѣ у казакъ-киргизовъ и у бурутовъ и по настоящее время. Это слово, въ произношеніи *каптурга* и въ значеніи кисета, по свидѣтельству П. А. Ровинскаго, усвоено и русскимъ населеніемъ восточной Сибири [2]).

То одѣяніе и вооруженіе, которыя мы видимъ на мужскихъ каменныхъ бабахъ, превосходно выясняется изъ описаній Плано Карпини, Рубрука и Марко Поло. Надо, однако, оговориться по поводу вооруженія, что оно едвали составляетъ особенность какого-нибудь одного народа; вооруженіе имѣло очень широкое распространеніе и надо допустить существованіе его до монголовъ. Такъ, нѣкоторыя подробности монгольскаго вооруженія мы встрѣчаемъ у воиновъ временъ Танской династіи въ Китаѣ (VII—X в. по Р. Х.), напримѣръ, поножи и латы.

Плано Карпини, описывая вооруженіе монголовъ, говоритъ, что они имѣютъ прикрытія для голеней, шлемы и латы; нѣкоторые имѣютъ латы изъ кожи, которая приготовляется слѣдующимъ образомъ: они берутъ ремни отъ быка или другого животнаго, ширною въ руку, заливаютъ ихъ смолою вмѣстѣ по три или по четыре и связываютъ ремешками или веревочками; на верхнемъ ремнѣ они помѣщаютъ веревочки на концѣ, а на нижнемъ—въ серединѣ и такъ поступаютъ до конца, отсюда, когда нижніе ремни наклоняются, верхніе встаютъ, и такимъ образомъ удваиваются или утраиваются на тѣлѣ... Латы имѣютъ четыре части: одна часть простирается отъ бедра до шеи, но она сдѣлана согласно расположенію человѣческаго тѣла, такъ какъ сжата передъ грудью, а отъ рукъ и ниже облегаетъ кругло вокругъ тѣла, сзади же къ крестцу они кладутъ другой кусокъ, который простирается отъ шеи до того куска, который облегаетъ вокругъ тѣла; на плечахъ же эти два куска, именно передній и задній, прикрѣпляются пряжками къ двумъ желѣзнымъ полосамъ, которыя находятся на обоихъ плечахъ; и на обѣихъ рукахъ сверху они имѣютъ кусокъ, который простирается отъ плечъ до кисти рукъ, которыя также ниже открыты, и на каждомъ колѣнѣ они имѣютъ по куску; всѣ эти куски соединяются пряжками. Шлемъ же сверху желѣзный или мѣдный; а то, что прикрываетъ кругомъ шею и горло,

---

[1]) *В. Рубрукъ*. «Путешествіе», стр. 70. «Путешествіе Марко Поло». Перев И. П. Минаева. СПБ. 1902, стр. 87.

[2]) „Замѣчанія объ особенностяхъ Сибирскаго нарѣчія и Словарь“. (Извѣстія Спб. отдѣла И. Р. Г. О. т. IV, № 1. Иркутскъ, 1873, стр. 24).

—изъ кожи. И всѣ эти куски изъ кожи составлены указаннымъ выше способомъ [1]).

В. Рубрукъ замѣтилъ, что татары пріобрѣтали латы отъ аланъ, „которые умѣютъ хорошо изготовлять ихъ и являются отличными кузнецами". Послѣ этого онъ прибавилъ: „Отсюда, какъ я полагаю, Татары сами имѣютъ немного оружія, а именно только колчаны, луки и мѣховые панцыри (pelliceas). Я видѣлъ, какъ имъ доставляли изъ Персіи желѣзные панцыри (platas) и желѣзныя каски, а также видѣлъ двоихъ, которые представлялись Мангу вооруженными въ выгнутыя рубашки изъ твердой кожи, очень дурно сидящія и неудобныя" [2]).

Марко Поло также описалъ вооруженіе татаръ и сообщилъ: „а на спинѣ у нихъ панцырь изъ буйволовой или другой какой кожи, вареной и очень крѣпкой" [3]).

Въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ находится превосходной сохранности каменная статуя воина, изъ бахмутскаго уѣзда (табл. I, рис. 1), въ панцырѣ такого типа, какой описанъ у Плано Карпини. Панцырь состоитъ изъ двухъ половинъ, скрѣпленныхъ ремнемъ или желѣзной полосой на плечахъ; онъ плотно облегаетъ вокругъ тѣла. Особенно интересно у этого воина прикрытіе шеи и горла. Изъ словъ Плано Карпини ясно, что это прикрытіе дѣлалось изъ кожи. Обыкновенно на статуяхъ мы видимъ открытый воротъ и свободную шею.

На прочихъ извѣстныхъ намъ статуяхъ воиновъ панцыри представлены менѣе отчетливо, а въ большинствѣ случаевъ изображены какъ-бы, прямо на голомъ тѣлѣ, видимъ только ремни, скрѣпляющіе части панцыря, и двѣ круглыя нагрудныя бляхи защитнаго свойства на мѣстахъ скрещеванія ремней[4]). Хорошіе экземпляры такого типа находятся въ Москвѣ въ И. Рос. Историч. музеѣ (табл. II, рис. 5—8). Особенно интересна по рѣдкости статуя чурбанообразной формы, безъ рукъ и безъ ногъ (табл. II, рис. 6), въ томъ же музеѣ.

На таблицѣ III, рис. 9 представленъ воинъ въ панцырѣ съ разрѣзомъ спереди во всю длину (въ томъ же музеѣ). Быть можетъ, это есть та кожаная рубашка, которая заинтересовала Рубрука.

На панцырь обыкновенно мало обращаютъ у насъ вниманія [5]); между тѣмъ этотъ признакъ очень существенный. Заслуживаетъ вниманія еще одна подробность: у воиновъ, съ отдѣляющимся отъ туло-

---

[1]) *Іоаннъ де Плано Карпини.* «Исторія Монголовъ». Переводъ А. І. Малеина. СПБ. 1911, стр. 27—28. Изъ описанія ясно, что рѣчь идетъ не о латахъ, а о панцырѣ.

[2]) Путешествіе. Стр. 169.

[3]) Путешествіе Марко Поло. Стр. 89.

[4]) Геншельманъ считалъ эти бляхи аграфами (agrafes laïques) и сопоставлялъ съ византійскимъ „рухумъ". (L'age du fer, p. 511).

[5]) Д. И. Эварницкій, описывая мужскія статуи, не замѣтилъ панцыря. Историч. Вѣстн. 1890, іюль, стр. 189.

вища руками, глаза выдѣлываются особенно тщательно. Такой техники глаза представлены у одной женской статуи въ г. Екатеринодарѣ, нынѣ, доставленной въ Москву (табл. VII, № 27).

О другихъ подробностяхъ одѣянія и украшеніяхъ каменныхъ бабъ рѣчь будетъ дальше.

Такимъ образомъ, при внимательномъ отношеніи къ показанію Рубрука можно было подвинуть впередъ рѣшеніе вопроса о каменныхъ бабахъ, и наоборотъ: стоило только отвергнуть его показаніе, какъ почва изъ подъ ногъ ускользала, и тогда можно было писать о каменныхъ бабахъ что угодно.

IV.

Вопросъ о каменныхъ бабахъ неожиданно и даже случайно разрѣшился въ пользу Турокъ. Въ 1889 г. въ сѣверной Монголіи на р. Орхонѣ, при развалинахъ города Хара Балгасуна, гдѣ въ древности жили Турки, Н. М. Ядринцевымъ было сдѣлано открытіе памятниковъ исключительной важности [1]). Были найдены каменныя плиты, покрытыя загадочными надписями и китайскими іероглифами, каменныя статуи типа каменныхъ бабъ и другія сооруженія. Вскорѣ же, именно въ 1893 г., надписи были дешифрованы, при чемъ онѣ оказались древними тюркскими, первой половины VIII ст. послѣ Р. Х., историческаго содержанія и были изсѣчены на памятникахъ, поставленныхъ въ честь погребенныхъ [2]).

Каменныхъ статуй оказалось нѣсколько, большею частію поврежденныхъ; на двухъ сдѣланы надписи тѣмъ же письмомъ. На одномъ читается: „это—каменный балбалъ шада Тѳлесовъ“, на другомъ: „балбалъ Сабра-Таркани“. Отсюда слѣдуетъ, что тѣ статуи, которыя нашъ народъ назвалъ каменными бабами, у турокъ назывались „балбалами“ и составляли принадлежность древняго турецкаго погребенія.

Для выясненія балбала необходимо, поэтому, обратиться къ описанію турецкаго обряда погребенія, отмѣченнаго въ исторіи Танской династіи въ Китаѣ.

По китайскимъ извѣстіямъ, которыя подтвердились орхонскими памятниками, похороны у турокъ совершались съ выдающеюся торжественностью; а именно: „Въ зданіи, построенномъ при могилѣ, ставятъ нарисованный обликъ покойника и описаніе сраженій, въ которыхъ онъ находился въ продолженіе жизни. Обыкновенно если онъ убилъ одного человѣка, то ставятъ одинъ камень. У иныхъ число такихъ камней простирается до ста и даже до тысячи“ [3]).

---

[1]) Первыя свѣдѣнія объ этомъ открытіи были сообщены самимъ Ядринцевымъ на восьмомъ археологическомъ съѣздѣ, въ Москвѣ.

[2]) Сборникъ трудовъ Орхонской экспедиціи. СПБ. 1892—7. Изданіе Имп. Академіи Наукъ.

[3]) *Іакинѳъ*. „Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи“. СПБ. 1851. Ч. I, стр. 270.

Могилянь-каганъ, описывая кончину своего отца, Ильтересъ-кагана, говорилъ: „въ честь моего отца-кагана во главѣ (вереницы могильныхъ камней) поставили «балбаломъ» (изображеніе) Базъ-кагана“ [1]). Изъ текста надписи видно, что Базъ-каганъ былъ предводителемъ враждебнаго туркамъ народа токузъ-огузовъ и погибъ въ борьбѣ съ Ильтерсъ-каганомъ. Далѣе, когда наслѣдовавшій Ильтересъ-кагану братъ его (у китайцевъ Мочжо) умеръ, то Могилянь-каганъ въ честь своего дяди поставилъ во главѣ камней „балбаломъ“ кыргызскаго кагана. Когда умеръ отъ болѣзни старшій сынъ Могиляня, отецъ поставилъ ему бабаломъ Кугъ-Сенгюна [2]). При памятникѣ самого Могилянь-кагана балбалъ оказался съ надписью: „Это—каменный балбалъ шада Тёлесовъ“ [3]).

Изъ сопоставленія китайскихъ извѣстій съ орхонскими текстами получается слѣдующій выводъ: при могилѣ знатныхъ лицъ ставили столько камней, сколько героемъ было побито враговъ, и во главѣ (башлаю) камней водружался особый балбалъ, который изображалъ главнаго врага и имѣлъ человѣческую фигуру. Но повидимому и всѣ простые камни при могилѣ тоже назывались балбалами, какъ можно заключить изъ одного выраженія на могильномъ памятникѣ Могиляня: „ихъ витязей убивъ, я приготовилъ себѣ балбаловъ“ [4]).

Прекрасные рисунки такихъ сооруженій (хёшё-чулу) изъ камней на Дуланъ-дабанѣ далъ А. М. Позднѣевъ въ описаніи своего путешествія въ Монголію въ 1892—3 годахъ [5]). Рисунки, съ разрѣшенія г. Позднѣева, воспроизведены здѣсь на табл. VIII, №№ 1 и 2. Кромѣ того на табл. IX, № 3, представленъ балбалъ in situ изъ Семипалатинской области по фотографіи А. В. Адріанова.

Надо замѣтить, что орхонскіе балбалы были обращены лицомъ на востокъ [6]).

И такъ, не путемъ настойчивыхъ изысканій, хотя бы медленно, шагъ за шагомъ, изслѣдователи вопроса о каменныхъ бабахъ приближались къ истинѣ, какъ приближались они въ многихъ другихъ случаяхъ къ уясненію общими усиліями древнихъ культуръ и древнихъ памятниковъ. Напротивъ, чѣмъ больше археологи писали объ этомъ предметѣ, тѣмъ сильнѣе разыгрывалась у нихъ фантазія, а вопросъ затемнялся въ высшей степени. И что всего удивительнѣе, такъ это

---

[1]) *П. М. Меліоранскій.* «Памятникъ въ честь Кюльтегина». СПБ. 1899, стр. 68.
[2]) Сборн. труд. Орхон. экспед., IV, стр. 34.
[3]) Сборникъ трудовъ Орхонской экспедиціи. IV. СПБ. 1897, стр. 45.
[4]) Сборн. труд. Орхон. Эксп., IV, стр. 33.
[5]) Монголія и Монголы. Т. I. СПБ. 1896, стр. 360—361.
[6]) Сборн. труд. Орхон. Эксп., IV, стр. 11.

то, что полетъ фантазіи не ослабѣлъ и послѣ открытія орхонскихъ памятниковъ [1]).

Въ Малой Азіи, гдѣ обосновалось сильное Османское государство, нѣтъ балбаловъ, и это понятно, такъ какъ турки пришли туда уже мусульманами, однако и у малоазійскихъ, и у европейскихъ турокъ мы видимъ на могилахъ два стоячія камня у головы и въ ногахъ: *баш-таш* и *аяк-таш*. При этомъ головной камень очень часто имѣетъ форму столба, вѣнчаемаго человѣческою головою въ чалмѣ. Думаю, что такъ видоизмѣнился балбалъ подъ вліяніемъ ислама.

Слово балбалъ не тюркскаго происхожденія и значеніе его тюркологамъ неизвѣстно. По предположенію В. П. Васильева балбалъ можно производить, отъ китайскаго слова *бай*, что значитъ преклоняться, привѣтствовать, а *бай-бай* можетъ означать памятникъ, воздвигнутый для выраженія почтенія кому-либо [2]). Іероглифъ *бай* служитъ для означенія сложенныхъ рукъ въ знакъ почтенія, удвоеніе же дѣлается для усиленія понятія. Въ настоящее время у казакъ-киргизовъ существуетъ слово *балбанъ* въ значеніи чучела (для птицъ).

Теперь статуи не называются балбалами даже у самихъ тюрковъ, у которыхъ выработались другіе термины: *киз-таш*—дѣвица-камень, *куртаяк-таш*—старуха-камень, *киши-таш*—мущина-камень. Эти памятники прозваны у монголовъ: киша-чило [3]) или правильнѣе: хөшө-чулу.

Простонародное названіе статуй „каменныя бабы“ перешло у насъ къ литературу и прочно въ ней укрѣпилось, не смотря на неудобство этого термина, такъ какъ кромѣ женскихъ изображеній существуютъ и мужскія. Книга Большаго Чертежа, однако, различаетъ статуи: человѣкъ камень (каменный) и дѣвки каменныя [4]).

О сибирскихъ каменныхъ бабахъ писано очень много. Отмѣчу статьи, въ которыхъ сдѣлана сводка литературнаго матеріала или есть подробное описаніе кам. бабъ отдѣльнаго раіона Издатель „Сибирскаго Вѣстника“ Г. И. Спасскій далъ въ Альбомѣ сибирскихъ древностей нѣсколько рисунковъ каменныхъ бабъ. Князь Костровъ напечаталъ «Списокъ каменнымъ изваяніямъ, находящимся въ Минусинскомъ округѣ Енисейской губерніи» (Записки Сибирск. отд. И. Р. Г. О.

---

[1]) Первымъ, указавшимъ на значеніе открытія Н. М. Ядринцева для нашихъ каменныхъ бабъ, былъ Ю. А. Кулаковскій, напечатавшій статью: „Къ вопросу о каменныхъ бабахъ“. (Археологич. Извѣстія и Замѣтки, издав. И. Москов. Археолог. Общ., т. VI, М. 1898, стр. 235—240).

[2]) *Radloff.* Die altürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. St Pet. 1897.

[3]) *Г. Н. Потанинъ.* «Очерки сѣверо-западной Монголіи». Вып. II. СПБ. 1881. Онъ же въ статьѣ, «Памятники древности въ сѣв.-запад. Монголіи, замѣченные во время поѣздки въ 1897 г.» (Древности, т. X, стр. 53), описывая каменную бабу изъ гранита у монастыря Улангомъ, говоритъ, что ее называютъ Цаганъ-чило, т. е. Бѣлый камень. А. М. Позднѣевъ пишетъ: Хөшө-чулу.

[4]) Въ изданіи *Д. Языкова*, стр. 13.

кн. VII, Иркутскъ, 1864). Н. И. Поповъ помѣстилъ обширную статью „О каменныхъ бабахъ Минусинскаго края“ въ Извѣстіяхъ Сибирскаго отдѣла И. Р. Г. О., т. II, № 4, Иркутскъ, 1872. Нѣсколько разъ возвращался къ вопросу о каменныхъ бабахъ Н. М. Ядринцевъ. Наиболѣе подробно, съ указаніемъ мѣстъ нахожденія «бабъ», онъ говорилъ о нихъ въ статьѣ: «Древніе памятники и письмена въ Сибири» (Литературный Сборникъ. Изданіе редакціи „Восточнаго Обозрѣнія». Спб. 1885) Въ этомъ сочиненіи Ядринцевъ обнаружилъ сбивчивыя представленія о каменныхъ бабахъ, говорилъ о сакахъ, юети, китайцахъ, дулгасцахъ, киргизахъ и др., допускалъ возможность пространной постановки каменныхъ изваяній и камней на могилахъ совмѣстно у многихъ племенъ. (стр 475). Въ слѣдующихъ своихъ работахъ Ядринцевъ высказывался болѣе опредѣленно и ближе къ истинѣ.

Можно отмѣтить, что у сибирскихъ балбаловъ всегда очень длинные посы.

О „бабахъ» Тургайской области писалъ А. Добросмысловъ: «Каменныя бабы, найденныя въ Тургайскомъ уѣздѣ Тургайской области въ 1903 году“, съ приложеніемъ трехъ рисунковъ (Извѣстія Общ. Арх. Ист. и Этн. при И. Казан. унив., т. XX). Одна статуя изъ Ауліе-атинскаго уѣзда Сыръ-дарьинской области оттуда доставлена въ Петроградъ въ Археологическое общество И. В. Аничковымъ. Она сдѣлана изъ твердой породы и хорошо сохранилась. (Табл. VII, № 28).

Относительно другихъ раіоновъ мы также имѣемъ полезныя указанія. Такъ, В. В. Бартольдъ обнародовалъ 21 каменную бабу изъ Сыръ-Дарьинской области и Семирѣчья [1]).

Въ Bulletins et memoires de la Société d'Anthropologie de Paris (1910, № 4—5) помѣщена статья «Etude historique et comparative des statues Babas des steppes khirghizes et de Russie en général» par *Joseph Castagné* (p. 375—407). Г. Кастанье снабдилъ свой трудъ, имѣющій компилятивный характеръ, многочисленными рисунками, сдѣланными отъ руки, поэтому не имѣющими документальнаго значенія.

V.

Загадка, какою являлся для насъ вопросъ о каменныхъ бабахъ, теперь разъяснилась. Мы узнали уже безповоротно, что эти статуи принадлежали народу турецкому въ періодъ его шаманскаго вѣрованія, что онѣ назывались балбалами и изображали избраннаго или главнаго врага, нѣкогда павшаго отъ руки героя, котораго затѣмъ похоронили съ сложною обрядностью и съ установкою могильныхъ камней.

---

[1]) Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію съ научною цѣлью 1893—94 гг. (Записки И. Академіи Наукъ, СПБ. 1897).

Какой заключался смыслъ въ постановкѣ балбала? Для выясненія этого вопроса намъ придется обратиться къ шаманской религіи и въ частности прослѣдить понятіе о загробной жизни у шаманистовъ. Какъ извѣстно, народы, у которыхъ существовало шаманство, представляли загробное существованіе продолженіемъ земного. Отсюда возникали заботы о пищѣ для покойниковъ, объ ихъ развлеченіи играми, о вооруженіи, о конѣ, безъ котораго кочевникъ не можетъ обходиться; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, для хановъ, и о служителяхъ.

Остановлюсь на послѣднемъ требованіи. Когда тѣло Чингисъ-хана, скончавшагося во время похода въ Тангутъ, везли въ Монголію, то всѣхъ встрѣчныхъ на пути убивали [1]). Чѣмъ вызывалась такая варварская жестокость? Отвѣтъ на это находимъ у Марко Поло. Говоря о похоронахъ хановъ въ горѣ Алтай, этотъ путешественникъ замѣчаетъ: „когда тѣла великихъ хановъ несутъ къ той горѣ, всякаго кого повстрѣчаютъ, дней за сорокъ, побольше или поменьше ,убиваютъ мечомъ провожатые при тѣлѣ, да приговариваютъ: „Иди на тотъ свѣтъ служить нашему государю!“ Они воистину вѣрятъ, что убитый пойдетъ на тотъ свѣтъ служить ихъ государю. Съ конями они дѣлаютъ тоже самое. Когда государь умираетъ, всѣхъ его лучшихъ лошадей они убиваютъ, на тотъ конецъ, чтобы были онѣ у него на томъ свѣтѣ. Когда умеръ Монгу-ханъ, такъ знайте, болѣе двадцати тысячъ человѣкъ, встрѣченныхъ по дорогѣ, гдѣ несли его тѣло хоронить, было побито“ [2]).

Другой путешественникъ къ Монголамъ, Рубрукъ, сообщилъ о томъ, какъ служанка одной умершей монгольской госпожи просила убить ее, чтобы отправиться вслѣдъ за своею госпожею [3]).

Слѣдовательно, достаточно убить человѣка въ честь покойника съ произнесеніемъ извѣстнаго заклятія, чтобы этотъ убитый человѣкъ обратился на томъ свѣтѣ въ служителя даннаго покойника.

Еще нагляднѣе это понятіе выставлено въ киргизской легендѣ „О мертвомъ и живомъ и о дружбѣ ихъ“, записанной Чоканомъ Валихановымъ. Живой встрѣтился съ мертвымъ у его могилы, и они заключили между собою союзъ дружбы. Мертвецъ просилъ живого друга зарѣзать своего убійцу со словами: „дойди до моего друга“, заколоть и лошадь убійцы съ тѣми же словами: „дойди до друга“. Эта просьба другомъ была исполнена. Когда черезъ нѣкоторое время живой проникъ въ могилу къ мертвому другу, то увидѣлъ, что зарѣ-

---

[1]) Объ этомъ повѣствуютъ и европейскіе писатели (Марко Поло), и восточные. У Рашидъ-эд-Дина читаемъ: „Гробъ его подъявши, пустились въ обратный путь. На дорогѣ убивали всякое твореніе, которое встрѣчали, пока не доставили въ орды“. (Труды Вост. отд. И. Р. А. О., ч. XV, стр. 99).

[2]) *Марко Поло*, стр. 87.

[3]) *Вильгельмъ де Рубрукъ*, стр. 159.

занный имъ убійца прислуживалъ его другу[1]). Значитъ, извѣстное дѣйствіе на землѣ отражается соотвѣтствующимъ образомъ въ загробной жизни.

На основаніи такого шаманскаго взгляда на загробныя отношенія людей между собою, я полагаю, что установленіе при могилѣ хановъ и ихъ родственниковъ вереницы камней съ балбаломъ во главѣ является не только цѣлью удовлетворить земное тщеславіе, но въ тоже время прозвести нѣкоторое воздѣйствіе на умершихъ, а именно закрѣпить на томъ свѣтѣ служебную роль одного и господство другого. Такъ какъ при похоронахъ побѣдителя нельзя было непосредственно воздѣйствовать на побѣжденнаго, уже похороненаго раньше, то и приходилось, какъ я думаю, прибѣгать къ посредству балбала, который изображалъ побѣжденнаго. Иначе, почему же Могилянь-ханъ говорилъ, что убивая враговъ, онъ приготовлялъ себѣ балбаловъ. Такимъ способомъ достигалась таже цѣль, что и при убіеніи живого человѣка: „дойди до друга". У китайцевъ-шаманистовъ, при погребеніи покойника, сжигаютъ нарисованные на бумагѣ различные погребальные предметы, и это считается равносильнымъ приношенію подлинныхъ вещей, т. е. изображенія замѣняютъ оригиналъ.

Если орхонскія надписи разъяснили намъ значеніе балбала, какъ изображеніе павшаго врага, то относительно женскихъ балбаловъ онѣ оставили насъ въ прежнемъ невѣдѣніи. Какія же враги на полѣ сраженія женщины? Объ участіи женщинъ въ битвахъ орхонскія надписи и китайскія лѣтописи ничего не говорятъ. Стало быть, женскіе балбалы означаютъ нѣчто другое. Исходя изъ идеи шаманства, мы могли бы допустить, что и въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ какимъ-то отношеніемъ изображенной женщины къ покойницѣ или пожалуй къ покойнику. Т. е въ такомъ женскомъ балбалѣ можно предполагать или служанку, обреченную на загробное служеніе своей госпожѣ, или жену, которая обязана находиться при своемъ мужѣ, если она умерла раньше его. Бѣда заключается въ томъ, что мы и по настоящее время не знаемъ, при какихъ погребеніяхъ ставились женскіе балбалы, при женскихъ или при мужскихъ?

Если основываться на китайскихъ извѣстіяхъ, то окажется, что обрядъ погребенія у турокъ измѣнился, сравнительно съ первоначальнымъ. Китайцы сообщаютъ, что у народа Ту-гю (Турки) похороны совершались слѣдующимъ образомъ: „въ избранный день берутъ лошадь, на которой покойникъ ѣздилъ, и вещи, которыя онъ употреблялъ, вмѣтѣ съ покойникомъ сожигаютъ: собираютъ пепелъ и зарываютъ въ опредѣленное время года въ могилу"[2])

---

[1]) Сочиненія Чокана Чингисовича Валиханова. (Записки отдѣленія Этнографіи И. Р. Геогр. Общ., т. XXIX. СПБ. 1901, стр. 29—36).

[2]) *Монахъ Іакинѳъ.* Собр. свѣд., ч. I, стр. 270.

Монахъ Іакинѳъ, давшій этотъ переводъ, замѣтилъ въ примѣчаніи, что здѣсь описываются похороны хана, и по немъ знатныхъ и богатыхъ людей. Между тѣмъ въ кочевническомъ погребеніи у насъ на югѣ Россіи такого обряда, на сколько мнѣ извѣстно, не попадалось. Въ предѣлахъ южной Россіи мы не встрѣчаемъ той картины надгробныхъ камней, которая еще и теперь сохраняется мѣстами въ степяхъ Средней Азіи. У насъ, на сколько извѣстно, ставился только одинъ балбалъ. Слѣдовательно, надо допустить, нѣкоторое измѣненіе во взглядахъ турецкаго населенія нашихъ степей на постановку балбаловъ. Мы знаемъ, что смыслъ обрядовъ часто утрачивается, остается традиція и по этой традиціи на могилѣ водружалась лишь одна статуя, которая могла обратиться въ обыкновенный надгробный памятникъ, какъ это видимъ теперь у турокъ Оѳмановъ (баш-таш и аяк-таш).

И это вовсе не являлось бы противорѣчіемъ къ мысли о постановкѣ балбала, потому что турки ставили въ особомъ зданіи, какъ говорятъ китайцы, еще „нарисованный обликъ покойника“, т. е. его портретъ. На гробницѣ Могилянь-хана находятся, кромѣ балбала, еще двѣ статуи, мужская и женская, которыя принимаются за изображенія хана и его супруги.

Быть можетъ навсегда останутся не разрѣшенными и многіе другіе вопросы, связанные съ балбалами. Къ числу такихъ надо отнести вопросъ, почему однѣ изъ статуй изображены въ сидячемъ видѣ, другія въ стоячемъ? Почему для сидѣнія у статуй южной Россіи изображены табуретки—онѣ встрѣчаются и у стоячихъ (табл. I, № 4), когда кочевники не имѣютъ спеціальной мебели для сидѣнья?

Чтобы подвинуть впередъ рѣшеніе вопроса о балбалахъ, въ нашемъ распоряженіи былъ единственный способъ—произвести археологическое изслѣдованіе тѣхъ могилъ, къ которымъ должны относиться эти статуи. Теперь не подлежитъ никакому сомнѣнію, что каменныя бабы, стоявшія на скиѳскихъ курганахъ—Чертомлыцкомъ, Александропольскомъ и другихъ—и смущавшія нашихъ археологовъ, къ скиѳскому погребенію не имѣютъ отношенія. На необходимость изслѣдованія курганныхъ насыпей дѣлали указанія гр. А. С. Уваровъ, Н. Е. Бранденбургъ и другіе; но дѣло обыкновенно ограничивалось одними словами. Еще генералъ Бранденбургъ кое-что предпринялъ въ этомъ направленіи; но результаты работъ не увлекли его на серьезныя изысканія, и онъ скоро къ нимъ охладѣлъ. Между тѣмъ, лѣтъ 50—60 назадъ, когда каменныя бабы еще въ значительномъ количествѣ оставались на курганахъ, подобныя изысканія принесли бы большую пользу русской Археологіи, въ настоящее же время это предпріятіе сдѣлалось мало доступнымъ, такъ какъ, съ увозомъ каменныхъ бабъ съ кургановъ, связь памятниковъ съ погребеніемъ прервалась.

Что же касается обслѣдованія самихъ памятниковъ, то какому бы пристальному изученію мы бы ихъ ни подвергали по методу ли гр. А. С. Уварова, или по какому другому—ничего путнаго; кромѣ объясненія внѣшнихъ признаковъ, мы не достигнемъ. Не установится и сравнительная хронологія памятниковъ. Одни археологи будутъ доказывать, что наиболѣе древними балбалами надо считать тѣ столбы, на которыхъ намѣчены только однѣ лица, а болѣе совершенные изваянія должны быть отнесены къ позднѣйшему періоду; другіе, наоборотъ, съ такимъ же правомъ могутъ признавать болѣе старательную технику въ первоначальныхъ балбалахъ и упадокъ производства въ концѣ періода постановки ихъ.

VI.

Перейду къ разсмотрѣнію подробностей, которыя замѣчаются на балбалахъ, главнымъ образомъ, южной Россіи.

По внѣшнему виду балбалы различаются довольно рѣзко, что происходитъ отъ времени, мѣста и искусства техники, а также и матеріала, изъ котораго изготовлялись статуи. У насъ на югѣ періодъ существованія балбаловъ длился по крайней мѣрѣ 6—7 столѣтій, съ конца VI столѣтія, когда турки впервые появились въ степяхъ южной Россіи, до половины или конца XIII ст., ознаменовавшагося здѣсь усиленіемъ ислама. Встрѣчаются статуи простыя, безъ какихъ либо подробностей наряда, другія отличаются сложными головными уборами и обиліемъ украшеній, состоящихъ у женщинъ изъ серегъ, ожерелей, браслетовъ, нагрудныхъ коробочекъ и предметовъ домашняго обихода: мѣшечка (каптарга), гребенки, ножа; а у мущинъ видимъ хорошо отдѣланный шлемъ, панцырь, саблю, лукъ въ чехлѣ, колчанъ со стрѣлами (табл. I, №№ 2 и 3), тотъ же мѣшокъ на поясѣ [1]), футляръ для огнива, гребенку, ножъ, боевой топоръ. Особенно хорошею техникою отличаются статуи воиновъ, у которыхъ видимъ тщательное изображеніе глазъ [2]). На нѣкоторыхъ статуяхъ высѣчены въ маломъ масштабѣ люди и животныя. И почти всѣ эти балбалы сохраняютъ признакъ, подмѣченный монахомъ Рубрукомъ: держатъ сосудъ передъ животомъ. Исключенія рѣдки, для примѣра укажу на балбалъ въ панцырѣ на табл. II, рис. № 6. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда руки у балбала отсутствуютъ, сосудъ изображается на своемъ мѣстѣ, таковы два балбала въ Одессѣ (табл. XII, рис. 8 и 9 и одинъ балбалъ въ Екатеринодарѣ (табл. VII, рис. 26) Этотъ основной при-

---

[1]) У казакъ-киргизовъ и по настоящее время держится обыкновеніе прицѣплять къ поясу мѣшечки, ножи, огниво, топоры (айбалты), а прежде и колчанъ со стрѣлами, и лукъ въ чехлѣ.

[2]) Можетъ быть я ошибаюсь, только мнѣ кажется, что у многихъ статуй глаза представлены закрытыми (табл. I, № 1; т. III, № 9; т. IV, № 14; т. V, № 20). У нѣкоторыхъ зрачки глазъ продѣланы въ наше время.

знакъ южно-русскихъ и кавказскихъ балбаловъ не всегда проведенъ въ сибирскихъ и монгольскихъ статуяхъ; тамъ чаша бываетъ въ одной рукѣ и на груди, иногда замѣняется соколомъ. Искать въ этой чашѣ религіозное значеніе, едвали есть какое основаніе; не проще ли видѣть въ ней служебное значеніе изображеннаго лица, т. е. представленное балбаломъ лицо будетъ на томъ свѣтѣ подносить чашу своему господину.

Прежде всего, существуютъ ли каменныя бабы обнаженныя до пояса, какъ утверждалъ гр. А. С. Уваровъ? Противъ такого опредѣленія рѣшительно высказалась гр. П. С. Уварова на Екатеринославскомъ археологическомъ съѣздѣ: „Предположеніе это нынѣ должно, мнѣ кажется, навсегда измѣниться, ибо благодаря хорошимъ фотографіямъ, которыя удалось собрать за послѣднее время и которыхъ были лишены прежніе изслѣдователи, видно, во 1), что подробности рельефа груди и живота одинаковы для женскихъ и мужскихъ истукановъ .. и во 2), что то, что принято называть грудями у кам. бабъ ничто иное, какъ изукрашенное наплечье изъ толстаго сукна которое спускается фестонами на грудь, окаймляется узорчатымъ шнуромъ по краямъ, поднимается на плечи и тамъ сливается, на однихъ экземплярахъ, въ одинъ общій орнаментъ съ верхнею частью рукава, или, какъ видно это на другихъ, оторачиваетъ рукавъ во всю его длину до тѣснаго обшлага“ [1]). На этомъ объясненіи слѣдуетъ остановиться. Гр. А. С. Уваровъ былъ не правъ, допуская полуобнаженныя каменныя бабы въ извѣстныхъ ему экземплярахъ. Казалось бы страннымъ допускать на востокѣ мысль изображать открыто обнаженныя фигуры, когда тамъ, съ одной стороны, не понимаютъ красоты человѣческаго тѣла, а съ другой—женщина тамъ не можетъ появиться не только не одѣтой, но даже съ непокрытой головой [2]). Это совершенно независимо отъ ислама. Не права и гр. П. С. Уварова, отвергая изображеніе грудей у каменныхъ бабъ. Груди изображаются до такой степени реально, даже съ сосцами, что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ намѣреніи мастера представить части человѣческаго тѣла, а не части одежды (табл. IV, рис. 12—16, табл. V, рис. 19, табл. VII, рис. 27). Мастеръ, по наивности, выставляя на показъ груди, имѣлъ въ виду оттѣнить полъ статуи, а не ея обнаженность. Что же касается до фестоновъ, на которые указываетъ гр. П. С. Уварова, то они свидѣтельствуютъ противъ нея же. На табл. III, рис. 10, 11 и 12 представлены каменныя бабы съ фестонами изъ собранія И. Русскаго Историч. музея, и мы видимъ, что фестоны сами по себѣ, а груди сами по себѣ, такъ какъ фестоны расположены поверхъ грудей. Да и на той каменной бабѣ, на которую ссылается

---

[1]) *Графиня П. С. Уварова.* «Къ вопросу о каменныхъ бабахъ». Труды XII археологическаго съѣзда въ Екатеринославѣ, т. II, отд. III, стр. 94).

[2]) Н. С. Щукинъ. «Буряты». (Ж. М. Вн. Д. 1849, ч. XXVI).

гр. Уварова и которая находится въ Москвѣ (табл. III, рис. 10) замѣтно, хотя и слабо, присутствіе грудей.

Если мы обратимся къ разсмотрѣнію тѣхъ статуй, которыя могутъ быть приняты за обнаженныя, то увидимъ дѣйствительно, что считать ихъ такими нѣтъ основанія. Остановимся на нѣкоторыхъ балбалахъ женскихъ и мужскихъ. Прежде всего займемся тѣми изъ нихъ, которые имѣютъ нарядъ изъ фестоновъ. Довольно характерная въ этомъ отношеніи кам. баба И Р. Историч. музея (табл. III рис. 10). Ея головной уборъ довольно сложный: первоначально надѣта шапочка или повязка въ видѣ шлема, съ ободкомъ, затѣмъ спеціально женскій остроконечный колпакъ (верхушка отбита) съ покрываломъ, спускающимся на спину; на шеѣ два ожерелья изъ пластинчатыхъ привѣсокъ; далѣе изображенъ на плечахъ и на груди воротникъ съ фестонами и два борта кафтана; на обоихъ рукавахъ изображены вошвы Ниже таліи кафтана нѣтъ; на бедрахъ такіе же узоры, какъ на рукавахъ, и наконецъ поножи или сапоги. Отмѣтимъ другую каменную бабу того же музея (табл. V рис. 18). На головѣ надѣтъ уборъ съ фестономъ по серединѣ и розеткой надъ лбомъ, а сверху колпакъ; косы представлены по бокамъ головы. Отъ круглой серьги въ правомъ ухѣ проходитъ къ головному убору плетеніе (цѣпочка). На шеѣ три ожерелья, верхнее—пластинчатое, прочіе два—гладкія; отъ послѣдняго спускается на грудь разукрашенный футляръ для туалетныхъ принадлежностей или для амулета; на правомъ бедрѣ изображены: гребенка, ножъ и сумка (каптарга). Всѣ эти украшенія не могутъ находиться на голомъ тѣлѣ. На ногахъ видимъ сапоги. Странною вышла бы эта фигура въ обнаженномъ видѣ и въ сапогахъ.

Нѣкоторыя сидячія статуи изображены безъ кафтана, какъ-бы совсѣмъ голыми; но отсутствіе кафтана вызвано тѣмъ, чтобы лучше подчеркнуть сидячую позу, которая могла затушеваться одеждой. Посмотримъ на сидячій балбалъ въ И. Р. Историч. Музеѣ (табл. II рис. 5). У него пластинчатый шлемъ на головѣ (узкія металлическія пластины вертикально укрѣплены на кожаной или тоже металлической основѣ)—такіе шлемы еще недавно существовали въ сѣверо-восточной Азіи; на плечахъ ремни отъ панцыря съ круглыми бляхами на груди. Можно ли допустить наложеніе ремней на голое тѣло? Что этого и нѣтъ, доказывается рукавами панцырной рубашки, отчетливо отдѣляющимися отъ рукъ. Далѣе: на ногахъ надѣты поножи, которыя прикрѣплены ремнями къ поясу и перекрещены ремнями же по бедрамъ,—неужели ремни идутъ по голому тѣлу? Кажется ясно, что ваятель имѣлъ въ виду изобразить не голое тѣло, а нѣчто иное.

Возьмемъ другую мужскую статую изъ того же собранія (табл. II, рис.7—8). Шлемъ низкій, съ наносникомъ; горизонтальные ремни отъ панцыря имѣютъ продолженіе по плечевымъ частямъ рукъ вмѣсто того, чтобы идти подъ мышками. Ремни на ногахъ нарядѣе, видна пряжка на поясѣ, къ которой подтянуты поножи; къ поясу, предста-

вленному въ неправильномъ положеніи, прикрѣплены на правомъ боку ножъ и мѣшечекъ (каптарга́). Странно было бы надѣвать эти принадлежности на голое тѣло.

Отсутствіе кафтана у нѣкоторыхъ сидячихъ статуй можно было бы объяснить изъ современнаго быта казакъ-киргизовъ и предположить что, полы кафтана засунуты въ шаровары, какъ это дѣлали киргизскіе батыри во время набѣговъ, забирая полы халата, въ чембары. Получалась довольно безобразная фигура съ сильно раздутыми бедрами, почти такая, какъ на каменныхъ бабахъ; но мнѣ неизвѣстно, поступали ли также и женщины; а потому я и высказываю свое предположеніе въ видѣ вопроса. Въ Одесскомъ музеѣ находится каменная баба, которую можно было бы признать за обнаженную (табл. XII, № 15); но обломокъ кам. бабы въ Москвѣ подобнаго же типа ясно свидѣтельствуетъ о присутствіи кафтана на такихъ изваяніяхъ (табл. IX, № 4),

У нѣкоторыхъ женскихъ статуй съ переднихъ волосъ идетъ черезъ високъ къ сергѣ особая косичка или прядь волосъ, рѣзко отдѣляющаяся отъ общей прически. На эту подробность обратилъ мое вниманіе А. А. Миллеръ, который объяснилъ ее, какъ особаго рода украшеніе; а именно онъ видѣлъ здѣсь изображеніе металлической цѣпочки, протянутой съ верху головы къ сережкѣ. Такое украшеніе удержалось у калмычекъ и теперь.

Очень отчетливо сохранилась эта цѣпочка у каменной бабы въ Имп. Рус. Истор. Музеѣ (табл. V, рис. 17, 18). Подобныя же цѣпочки находятся и у одесскихъ каменныхъ бабъ, какъ по правому виску (табл. XIV, рис. 30), такъ по лѣвому (табл. XIV, рис. 28).

До сихъ поръ, кажется, не было еще объяснено женское нагрудное украшеніе въ видѣ продолговатой четыреугольной коробочки, ромба или цилиндра. Мнѣ, при раскопкѣ кургановъ въ Кубанской области, приходилось находить эти, обыкновенно серебряные, предметы въ большомъ количествѣ въ женскихъ погребеніяхъ XIV—XV столѣтій послѣ Р. Х. Форма этихъ украшеній чрезвычайно разнообразна; одна изъ нихъ имѣетъ видъ четыреугольнаго плоскаго футляра, другія—цилиндрическаго игольника, третьи—якоря и т. д. [1]). Въ цилиндрическихъ я находилъ двойную металлическую иглу въ видѣ шпильки, обмотанную шелковою тканью со слѣдами черной краски на концахъ. Ясно, что это туалетная принадлежность для сюрменія бровей. Въ другихъ коробочкахъ могли заключаться амулеты, очень распространенные у восточныхъ женщинъ. Эти футляры можно видѣть на многихъ женскихъ статуяхъ (табл. V, №№ 17, 20; табл. VII, № 1; табл. IX, № 6).

---

[1]) Отчеты И. Археол. Коммиссіи за 1896—1897 годы.

Женскіе головные уборы каменныхъ бабъ сохранились у тюркскихъ кочевыхъ народовъ и по настоящее время. Такъ, низкая повязка изъ фаты съ распущеннымъ на спинѣ однимъ или двумя концами (*жаулыкъ*) существуетъ у казакъ-киргизовъ и является принадлежностью замужнихъ женщинъ (табл. X, № 3). Чтоже касается высокаго колпака, то и онъ не исчезъ изъ современнаго обихода у кочевыхъ тюркскихъ народовъ. Повидимому, это есть дѣвичій колпакъ или, быть можетъ, парадный женскій нарядъ—*саукелэ* (табл. X, № 2). Послѣдній походитъ на мужской колпакъ съ полями (табл. X, № 1).

Относительно шлемовъ у балбаловъ, надо замѣтить, что одни изъ нихъ имѣютъ видъ гладкой шапочки съ толстымъ ободомъ внизу (табл. I, № 1; II, № 6; III, № 9 и др.), другіе отличаются наложенными пластинами, и такіе шлемы удерживались очень долго (табл. II, № 5; IX, № 1). Иногда у шлема, на переносьѣ, находится четыреугольный выступъ; думаю, что этимъ способомъ мастеръ хотѣлъ изобразить наносникъ, который поднятъ вверхъ (табл. IX, № 1, въ Симферопольскомъ музеѣ). Изъ подъ шлема спускаются на спину три косы, которыя въ большинствѣ случаевъ соединяются въ одну. Этотъ обычай существуетъ у тюркскаго населенія на Алтаѣ и въ настоящее время. У бахмутскаго воина (табл. I, рис. 1) изображено пять разной величины косичекъ.

Пріемъ подвязывать поножи или голенища сапогъ къ поясу мнѣ наблюдать не приходилось, но онъ вполнѣ возможенъ; по крайней мѣрѣ о подобномъ пріемѣ упомянулъ Н. С. Щукинъ у бурятъ: „у нѣкоторыхъ—писалъ онъ—бываютъ и сапоги съ толстыми подошвами на китайскій манеръ; голенища привязываются ремешкомъ къ штанамъ“ [1]).

Надо еще отмѣтить статуи съ изображеніемъ на нихъ людей и животныхъ. Образцомъ перваго и второго типа могутъ служить статуи въ Симферопольскомъ музеѣ: одна съ двумя человѣческими фигурами на платьѣ (табл. VI, № 21), другая со звѣрями (табл. VI, №№ 22—24). Этотъ послѣдній балбалъ уже изданъ въ Извѣстіяхъ Таврической архивной коммиссіи (№ 34, стр. 20); но неудвлетворительно и съ невѣрнаго рисунка; здѣсь дается изображеніе статуи по фотографіи, съ трехъ сторонъ. На воинѣ панцырь со всѣми характерными признаками этого вооруженія, только вмѣсто бляхъ на груди представлены кольца, къ которымъ прикрѣплены фестончатые, съ насѣчками ремни, числомъ по четыре у каждаго кольца. Въ верхней части рукавовъ съ передней стороны изображены вошвы изъ шести смежныхъ полосъ, онѣ отмѣчены косыми насѣчками; на задней сторонѣ рукавовъ рисунокъ этихъ полосъ немного иной (вошвы). Поверхъ этого украшенія по всему рукаву идутъ ремни, отъ груди и со спины, сливающіеся у

[1]) Н. С. Щукинъ. «Буряты». Ж. М. Вн. Д., ч. XXVI, 1849).

локтя въ одинъ. Ниже чаши изображенъ полукругъ [1]) въ видѣ фартука, — думаю, что это нижняя часть панцыря, т. е. его бахрома. Воротъ панцыря обозначенъ вполнѣ отчетливо рядомъ мелкихъ насѣчекъ. У лѣваго бока прикрѣпленъ къ поясу лукъ въ чехлѣ; что́ находилось на правомъ, не видно вслѣдствіе порчи камня; но можно предположить тамъ колчанъ со стрѣлами, который часто сопутствуетъ луку. На ногахъ сохранились ремни того же характера, какъ и на панцырѣ; кромѣ того у щиколки изображена узкая полоска, сдѣланная косыми насѣчками, какъ-бы для того, чтобы отдѣлить обувь отъ поножей. Съ правой стороны у ногъ поставленъ какой-то загадочный предметъ, похожій на весло; по догадкѣ Я. И. Смирнова это — струнный инструментъ въ родѣ балалайки, что весьма правдоподобно [2]). На задней сторонѣ статуи видимъ спускающіяся изъ подъ шлема вдоль всей спины три косы, не соединенныя между собою; подъ косами изображена круглая бляха, повидимому съ двумя кисточками или съ какимъ-то инымъ прибавленіемъ; къ этой бляхѣ сходятся ремни отъ панцыря. На нижней части кафтана, представленнаго въ видѣ четыреугольника, отороченнаго бордюромъ, помѣщены: каптарга (кисетъ), подвязанная къ поясу двойнымъ шнуркомъ, ножъ или сабля (по фотографіи трудно опредѣлить размѣры) на тонкомъ ремешкѣ, и предметъ, который можетъ означать точилку, обыкновенно сопутствующую ножу, или самый ножъ, если первый предметъ представляетъ саблю; здѣсь ремень широкій. Внизу изображена собака и впереди ея какой-то маленькій звѣрекъ, который въ описаніи Тавр. уч. арх. коммиссіи названъ зайцемъ; оба звѣря сдѣланы выпукло, что исключаетъ предположеніе о позднѣйшемъ ихъ происхожденіи. Лицо, къ сожалѣнію, сильно пострадало, только въ лѣвомъ ухѣ видна круглая серьга, что у мужскихъ статуй встрѣчается нерѣдко. Обычай этой подтверждается и раскопками: въ позднихъ погребеніяхъ кочевниковъ находимъ при мужскихъ скелетахъ круглыя серьги.

Двѣ екатеринославскія каменныя бабы съ фигурами пляшущаго человѣка, сдѣланнаго рельефомъ на задней сторонѣ статуи, описаны Д. И. Эварницкимъ, съ приложеніемъ рисунка, въ статьѣ: „Каменныя бабы“, стр. 187.

Археологи признаютъ существованіе, кромѣ мужскихъ и женскихъ статуй, еще дѣтскихъ [3]). Послѣднія для меня сомнительны и думаю, что въ данномъ случаѣ происходитъ недоразумѣніе, вызываемое малыми размѣрами статуи и несовершенствомъ техники, ибо по

---

[1]) Полнаго круга, какъ изображено на рисункѣ въ Извѣстіяхъ Таврич. уч. арх. Коммиссіи, на фотографіи незамѣтно.

[2]) Въ описаніи, приведенномъ въ Изв. Тавр. уч. арх. Ком., этотъ предметъ названъ копьемъ, что не имѣетъ никакого основанія.

[3]) Д. И. Эварницкій допускаетъ оба пола и всѣ возрасты: мужчинъ и женщинъ, юношей и дѣвицъ, малолѣтнихъ и взрослыхъ дѣтей. (Историч. Вѣстн. 1890, іюль, стр. 188).

основной идеѣ, заключающейся въ балбалѣ, дѣтскихъ балбаловъ не должно бы быть. Впрочемъ, не въ качествѣ балбала, а какъ простой могильный памятникъ, возможны и дѣтскія изображенія. Мнѣ они неизвѣстны.

Статуи изготовлялись не всегда заправскими художниками, почему въ этихъ произведеніяхъ замѣчаются промахи и условности разнаго рода. Такъ, у нѣкоторыхъ совершенно отсутствуетъ шея и даже случается, что голова помѣщается на груди (табл. XIV, № 27). Ремни пояса и панцыря часто проводятся тамъ, гдѣ не слѣдуетъ. Вообще много наивнаго сказывается въ этомъ скульптурномъ искусствѣ, какъ напр., способъ обозначенія женскаго пола статуй.

Для ознакомленія съ каменными бабами теперь надо обращаться въ музеи[1]). Лучшее собраніе каменныхъ бабъ находится въ Москвѣ въ И. Рус. Историческомъ музеѣ, куда онѣ были доставлены главнымъ образомъ изъ Бахмутскаго уѣзда, гдѣ было, можно сказать, царство этихъ статуй. Начало Московскому собранію каменныхъ бабъ было положено В. В. Пассекомъ, который болѣе семи лѣтъ занимался изслѣдованіемъ городищъ и кургановъ Украйны въ 30-хъ годахъ XIX ст., вывезъ оттуда для музея Московскаго университета три каменныя бабы, отличавшіяся величиной и сохранностью[2]). Много ихъ въ музеѣ Поля въ г. Екатеринославѣ, но довольно плохой сохранности. Въ Анадольскомъ лѣстничествѣ Екатеринославской губ. находится нѣсколько каменныхъ бабъ[3]). Рѣдкіе по достоинству экземпляры балбаловъ находятся въ музеѣ г. Симферополя. Въ Новочеркасскомъ музеѣ собраны каменныя бабы изъ Донской области. Саратовскій преосвященный Іаковъ перевезъ нѣсколько каменныхъ бабъ въ саратовскую духовную семинарію для храненія[4]). Въ г. Сергіополѣ Семирѣченской области каменныя бабы свезены въ большомъ количествѣ[5]).

Въ г. Екатеринодарѣ имѣется собраніе каменныхъ бабъ Кубанской области.

Тифлисскій музей содержитъ нѣсколько каменныхъ бабъ[6]).

---

[1]) Н. И. Рѣпниковъ сообщилъ мнѣ, что въ Славяно-сербскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губ., по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, еще сохраняется на курганахъ нѣсколько десятковъ каменныхъ бабъ; но ему самому видѣть эти курганы не пришлось.

[2]) «Очерки Россіи», издаваемые *Вадимомъ Пассекомъ*. Кн. II. 1840. М. Примѣчанія, стр. 4.

[3]) По отчету Одес. Общ. Ист. и Др. съ 14 ноября 1859 по 14 ноября 1860 (Одесса, 1861, стр. 9) видно, что въ Великоанадольское степное лѣстничество отправлено 16 кам бабъ для храненія и, если можно, для снятія рисунковъ съ нихъ. Есть свѣдѣніе, что Каменныя бабы доставлены въ Велико-Анадольское лѣстничество изъ Маріупольскаго уѣзда, по порученію екатеринославскаго губернатора А. Я. Фабра, фонъ-Графомъ, который завѣдывалъ лѣстничествомъ. (Сборникъ статей Екатеринославскаго научнаго Общества по изученію края. Екатер., 1905, 151).

[4]) Самарскія губ. Вѣдомости 1853 г., II, стр 94.

[5]) Протоколы Турк. кр. любит. Археологіи 5 марта 1899 г.

[6]) Древности. Археол. Вѣстникъ. Т I, М. 1869. Стр. 282—3.

Въ музеѣ Академіи Наукъ находится нѣсколько экземпляровъ сибирскихъ каменныхъ бабъ.

Въ Оренбургскомъ музеѣ находятся каменныя бабы изъ Тургайской области [1]).

Ташкентскій музей имѣетъ нѣсколько интересныхъ экземпляровъ мѣстнаго раіона [2]).

Наши каменныя бабы попали и заграницу. Въ королевскомъ Берлинскомъ музеѣ находятся три статуи изъ Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи, которыя въ Путеводителѣ по музею обозначены слѣдующимъ образомъ: „Drei von den Russen Bába-Jagá oder Jagá-Bába (=Hexen) genannte grosse Steinfiguren aus der Provinz Charkow, Kreis Isjum, Russland. 1 desgl. aus Sibirien, an dem Ufer des Jessater, Altai, unweit der chinesischen Grenze gefunden“ [3]).

Устанавливать хронологію каменныхъ бабъ на основаніи ихъ внѣшнихъ признаковъ, какъ я уже замѣтилъ, дѣло трудное, для этого требуются другіе пріемы [4]). Тѣмъ не менѣе является наобходимымъ привести въ извѣстность и эти внѣшніе признаки посредствомъ Альбома, въ который вошли бы, по возможности, всѣ уцѣлѣвшіе въ предѣлахъ Россіи балбалы. Это наша обязанность передъ русской Археологіей. Изданіе подобнаго Альбома по спеціально выработанной программѣ [5]), едва ли окажется подъ силу какому-либо отдѣльному ученому учрежденію, это прежде всего обязанность государства, потому что каменныя бабы находятся только въ Россіи да еще въ Монголіи, и лишь государство можетъ издать Альбомъ надлежащимъ образомъ и воспользоваться для этой цѣли собраніями отдѣльныхъ лицъ, что можетъ оказаться недоступнымъ для частныхъ обществъ.

Н. Веселовскій.

---

[1]) Труды Оренб. ученой Архивн. Комиссіи, вып. XXII (1910).

[2]) И. В. Аничковъ, „Поѣздка къ каменнымъ бабамъ около Мерке“ (Сборникъ Русскій Туркестанъ, Ташкентъ 1899). Описаніе археол. и нумизматической коллекцій при Ташкентскомъ музеѣ, Н. П. Остроумова и И. В. Аничкова. Ташк. 1900.

[3]) Führer durch das Museum für Völkerkunde. Berlin, 1911, s. 7.

[4]) А. А. Спицынъ въ статьѣ «Къ вопросу о каменныхъ бабахъ» (Записки Имп. Р. Арх. Общ., т. X, вып. 1 и 2, нов. серія. СПБ. 1898, стр. 345) сдѣлалъ опытъ опредѣленія времени одной статуи, стоящей въ общественномъ саду г. Вѣрнаго, на основаніи сосуда, находящагося въ рукахъ ея и, по аналогіи съ серебряными сосудами той же формы, призналъ время статуи приблизительно половиною XIII столѣтія.

[5]) Желательно выдержать для снимковъ одинъ опредѣленный масштабъ въ видахъ показанія сравнительной величины статуй; дать точные обмѣры ихъ; фотографировать слѣдуетъ не только съ лицевой стороны, но и съ задней, если на ней изображены какія-либо подробности, и съ боковъ, гдѣ часто представлены различные предметы. Группировать каменныя бабы слѣдуетъ по раіонамъ. И. т. д.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Каменныя бабы музея ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Императорское Одесское общество Исторіи и Древностей съ самаго основанія стало интересоваться каменными бабами и въ первомъ же томѣ своихъ Записокъ помѣстило статью о нихъ. Послѣ того время отъ времени появлялись въ Запискахъ Общества новыя разсужденія по вопросу о каменныхъ бабахъ, съ приложеніемъ рисунковъ съ нихъ. Такое настойчивое стремленіе Общества содѣйствовать разрѣшенію археологической загадки было сочувственно отмѣчено въ печати [1]).

Въ Одессѣ имѣется довольно значительное количество каменныхъ бабъ, которыя теперь впервые издаются по фотографическимъ снимкамъ, съ лицевой стороны, въ порядкѣ установки ихъ въ Музеѣ. Одесское общество Исторіи и Древностей обогатилось коллекціей каменныхъ бабъ благодаря своему члену-учредителю А. Я. Ф а б р у, который въ 1847 г. получилъ должность екатеринославскаго губернатора. Онъ, по разсказамъ старожиловъ, распорядился переслать въ Одессу лучшіе экземпляры каменныхъ бабъ [2]), о чемъ, однако, не упомянуто въ некрологѣ Фабра, составленномъ Н. Н. Мурзакевичемъ [3]).

Таблица XI, №№ 1—7.

1. Статуя женская, сидячая. Верхняя часть колпака отбита, на шеѣ три ожерелья, сосудъ въ рукахъ узкій, на рукахъ браслеты. Кафтана нѣтъ. Высота 163 с. м., ширина 65 с. м., толщина 30 с. м.

2. Статуя мужская, стоячая. На головѣ высокій шлемъ, на тѣлѣ латы не совсѣмъ обычнаго типа, кафтанъ длинный, съ стоячимъ воротникомъ и съ вырѣзанной полоской по подолу и поламъ. Ноги короткія, на подставкѣ. Высота 173 с. м., ширина 52 с. м., толщ. 37 с. м.

---

[1]) См. статью П. Х и ц у н о в а о Каменныхъ бабахъ (въ Сборникѣ газеты «Кавказъ» 1847 г., второе полугодіе. Тифлисъ. 1848 г. стр. 234). Авторъ замѣтилъ, что въ трудахъ Общества представлено «нѣсколько опытовъ любопытныхъ разысканій объ этомъ интересномъ предметѣ».

[2]) Сборникъ статей Екатеринославскаго научнаго Общества по изученію края. Екатер., 1905, стр. 150—151.

[3]) Записки Одес. общ. Ист. и Др., т. VI. Од. 1867.

3. Статуя мужская (?), сидячая, изъ бѣлаго камня, сильно вывѣтрившаяся. Высота 185 с. м., ширина 53 с. м., толщина 39 с. м

4. Женская, большихъ размѣровъ, стоячая. Три ожерелья: верхнее состоитъ изъ бусъ, два другія—въ видѣ обручей, изъ нихъ бо́льшій можетъ означать и воротъ кафтана. Колпакъ сохранился только въ нижней части, толстая коса видна съ правой стороны; на рукахъ браслеты; кафтанъ короткій, съ рубцами; ногъ не замѣтно. Сосудъ небольшой. В. 193 с. м., ш. 72 с. м., т. 50 с. м.

5. Женская, стоячая, значительно пострадавшая. Колпакъ сверху отбитъ, въ ухѣ сохранилась серьга, два ожерелья, на рукахъ браслеты, кафтанъ съ ободкомъ по подолу и поламъ, нижнія части ногъ отбиты. В. 173 с. м., ш. 53 с. м., т. 42 с. м.

6. Женская, стоячая. Статуя сдѣлана изъ бѣлаго известковаго камня, а такія всегда отличаются тонкой отдѣлкой и богатымъ украшеніемъ. Головной уборъ и лицо пострадали. Три ожерелья, верхнее изъ пластинокъ, подражающихъ металлическимъ, два другія въ видѣ гладкихъ обручей. На груди спускается цѣпочка съ ромбовидной пластинкой или футляромъ; на рукахъ браслеты; сосудъ широкій. По кафтану, имѣющему украшенный подолъ, изображены по правой сторонѣ: мѣшечекъ, привязанный ремнемъ къ поясу (каптарга) и неизвѣстнаго назначенія кольцо. На ногахъ (короткихъ) видны ремни или украшенія. Ступни ногъ отбиты. В 178 с. м., ш. 50 с. м., т. 43 с. м.

7. Женская, стоячая. Верхушка колпака отбита; на шеѣ толстое ожерелье—обручъ. Статуя грубая. В. 171 с. м., ш. 50 с. м., т. 40 с. м.

Таблица XII, №№ 8—15.

8 и 9. Двѣ одинаковыя женскія статуи, не обычнаго вида. На головѣ островерхій колпакъ, какъ у предыдущихъ „бабъ", три гладкія ожерелья, отъ нижняго виситъ сумочка или футляръ, можетъ быть для амулета. Груди исполнены вполнѣ реально, съ сосцами. Руки не изображены, но сосудъ помѣщенъ на своемъ мѣстѣ; кафтанъ изображенъ на плитѣ схематично, по краямъ обозначена опушка треугольниками. Ноги не были сдѣланы. В. 193 с. м., ш. 60 с. м., т. 40 с. м.; в. 207 с. м., ш. 58 с. м., т. 35 с.

10. Мужская, стоячая. Сдѣлана изъ бѣлаго известковаго камня. Шлемъ и лицо пострадали; воротъ видѣнъ довольно отчетливо, кафтанъ отороченъ тремя линіями. Ноги короткія, имѣютъ конусообразную форму, ступни отбиты. По кафтану на лѣвой сторонѣ видны ножъ, лукъ и сабля, на правой—колчанъ. В. 210 с. м., т. 70 с. м., т. 43 с. м.

11. Женская, стоячая, хорошей сохранности, хотя камень съ правой стороны вывѣтрился. Лицо пострадало мало. Груди съ сосцами. Ноги очень тонкія. В. 226 с. м., ш. 55 с. м , т. 40 с. м.

12. Женская, сидячая. Работа грубая. Кафтана нѣтъ. Ноги упираются на горизонтальный выступъ. В. 230 с. м., ш. 65 с. м., т. 42 с. м.

13. Мужская, сидячая. Замѣтны слѣды панцыря. Кафтана нѣтъ. В. 250 с. м., ш. 70 с. м., т. 50 с. м.

14. Женская, стоячая. Головной уборъ низкій. Кафтанъ длинный. Камень вывѣтрился. В. 271 с. м., ш. 65 с. м., т. 46 с. м.

15. Женская, сидячая, крупныхъ размѣровъ. Одно ожерелье. Камень въ мягкихъ слояхъ вывѣтрился. В. 300 с. м., ш. 75 с. м., т. 50 с. м.

Таблица XIII, №№ 16—22.

16. Мужская (?), стоячая. Камень вывѣтрился волнисто. В. 250 с. м., ш. 75 с. м., т. 55 с. м.

17. Женская, стоячая. Головной покровъ низкій. По лѣвому виску тянется цѣпочка къ серьгѣ. Ожерелій—четыре, верхнее состоитъ изъ бусъ и пластинокъ, прочія въ видѣ обручей. На рукахъ по два браслета. Кафтанъ узкій и длинный. На ногахъ ремни. Ноги упираются въ перекладину. В. 240 с. м., ш. 55 с. м., т. 52 с. м.

18. Женская, стоячая. На шеѣ три ожерелья, верхнее состоитъ изъ бусъ или бляхъ. Кафтанъ сдѣланъ небрежно, безъ оторочки, ноги не выдѣланы или отслоились. В. 229 с. м., ш. 60 с. м., т. 41 с. м.

19. Мужская, сидячая. На головѣ шлемъ съ ободкомъ, сохранились на плечахъ ремни отъ панцыря. Кафтана нѣтъ. Ступни ногъ, упирающихся на перекладину, отбиты. В. 220 с. м., ш. 60 с. м., т. 36 с. м.

20. Мужская, сидячая. Сдѣлана изъ бѣлаго известняка, типъ тотъ же: шлемъ съ ободкомъ, ремни отъ панцыря на груди видны отчетливо, концы ихъ спускаются ниже бляхъ; на ногахъ ремни, охватывающіе колѣна и идущіе къ поясу, какъ будто подтягивающіе обувь. Ступни и перекладина отбиты. В. 211 с. м., ш. 52 с. м., т. 31 с. м.

21. Женская, сидячая. Разбита на три части. На головѣ остроконечный калпакъ, ноги хорошо сохранились, перекладина у ногъ очень широкая. Замѣтны два ожерелья, одно изъ бусъ, другое гладкое. В. 223 с. м., ш. 53 с. м., т. 38 с. м.

22. Мужская сидячая. Кромѣ лица всѣ прочія части статуи хорошо сохранились, особенно ремни и бляхи отъ панцыря; тѣ горизонтальные ремни, которые обыкновенно проходятъ подъ мышками, здѣсь проведены по рукамъ. В. 205 с. м., ш. 70 с. м., т. 41 с. м.

Таблица XIV, №№ 23—30.

23. Женская, сидячая. Лицо подправлено; на шеѣ два обруча. В. 157 с. м., ш. 60 с. м., т. 36 с. м.

24. Мужская, сидячая. Шлемъ съ наносникомъ сохранился хорошо, лицо подправлено, ремни отъ панцыря видны отчетливо. В. 160 с. м., ш. 45 с. м., т. 31 с. м.

25. Женская, стоячая. На шеѣ два ожерелья, груди изображены реально. В. 185 с. м., ш. 60 с. м., т. 34 с. м.

26. Женская. Сохранилась только верхняя половина. В. 185 с. м., ш. 60 с. м., т. 40 с. м.

27. Мужская, стоячая. Высѣчена изъ твердой породы камня, почему хорошо сохранилась, особенно лицо, только глаза испорчены; длинные тонкіе усы, отчетливо сдѣланы уши; шлемъ кругловатый. Голова посажена очень низко въ грудь. По общему виду напоминаетъ среднеазіатскія каменныя бабы. В. 195 с. м., ш. 63 с. м., т. 44 с. м.

28. Женская, сидячая. По лѣвому виску изображена цѣпочка. Колпакъ остроконечный, верхъ отбитъ. В. 184 с. м., ш. 50 с м, т. 40 с. м.

29. Женская, стоячая. Сохранность плохая. В. 175 с. м., ш. 50 с. м., т. 40 с. м.

30. Женская, сидячая (?). На правомъ вискѣ цѣпочка, соединяющаяся съ серьгой. На шеѣ три ожерелья, верхнее состоитъ изъ бусъ. В. 162 с. м., ш. 55 с. м., т. 35 с. м.

31. Женская, стоячая. Головной уборъ отбитъ, лицо сгладилось, щеки очень раздуты. На шеѣ три ожерелья, верхнее состоитъ изъ плоскихъ привѣсокъ. Кафтанъ короткій, съ оторочкой. На ногахъ ремни. Ступни отбиты вмѣстѣ съ плитой. В. 144 с. м., ш. 57 с. м., т. 31 с. м.

32. Мужская (?), стоячая. Сдѣлана изъ бѣлаго камня, сильно вывѣтрилась. В. 135 с. м., ш. 34 с. м., т. 34 с. м.

Послѣднія три статуи не вмѣстились на таблицахъ. Привожу только размѣры.

33. Высота 132 с. м., ширина 35 с. м., толщина 30 с. м.

34. В. 130 с. м, ш 42 с. м., т. 30 с. м.

35. В. 120 с. м., ш. 38 с. м., т. 27 с. м.

Гдѣ былъ древній Одессъ?

(Докладъ, прочитанный въ годичномъ засѣданіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 14-го ноября 1914 года).

На мою долю выпала честь доложить почтенному ученому собранію, въ самый день 75-лѣтія Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, о найденномъ мною древнемъ городищѣ, которое, какъ будетъ ясно изъ послѣдующаго изложенія, имѣю основанія назвать останками Одесса, того самого портоваго поселенія древнихъ эллиновъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря, чье имя преемственно присвоено городу Одессѣ.

Въ вопросѣ о мѣстѣ нашего Одесса, какъ извѣстно, главное значеніе имѣетъ свидѣтельство Арріана:

Ἀπὸ δὲ Βορυσθένους ἐπὶ νῆσον σμικρὰν, ἐρήμην καὶ ἀσώνυμον στάδιοι ἑξήκοντα· καὶ ἔνθεν ἐς Ὀδησσὸν ὀγδοήκοντα [1]).

Безыменный составитель перипла Эвксинскаго Понта, приводя тѣ-же разстоянія, поясняетъ, что 60 стадіевъ составляютъ 8 римскихъ миль, а 80 стадіевъ—$10^2/_3$ [2]). Значитъ, Арріанъ измѣряетъ разстоянія тѣми стадіями, что $7^1/_2$ составляютъ римскую милю; эта-же послѣдняя представляетъ величину опредѣленную: 1478,7 метровъ [3]). Выходитъ, что стадій Арріана равняется 197,2 метрамъ или 92,4 саженямъ.

Это и есть такъ называемый стадій персидскій: 30 такихъ стадіевъ равняется парасангу.

Необходимо замѣтить, что Арріанъ измѣряетъ разстоянія не единицами стадіевъ, а десятками; слѣдовательно, ошибку измѣреній онъ самъ заключаетъ въ предѣлахъ ± 5 стадіевъ $= \pm 462$ сажени $= \pm 0{,}9$ версты.

Съ этой необходимой поправкой находимъ, что разстояніе отъ устья Днѣпра, каковымъ обычно принимался Очаковскій мысъ, до

---

[1]) „Отъ (устья) Борисѳена (Днѣпра, Днѣпровско-Бугскаго лимана) до небольшого, необитаемаго и безыменнаго острова 60 стадіевъ, а отсюда до Одесса 80 (стадіевъ)". Ἀρριάνου Περίπλους Εὐξείνου Πόντου. 31.

[2]) Ἀνωνύμου (Ἀρριάνου, ὡς φέρεται) Περίπλους Εὐξείνου Πόντου 87.

[3]) См. Энциклопедію Брокгауза и Ефрона, т. 37, стр. 324.

„маленькаго, пустыннаго и безыменнаго острова“ составляетъ 10,2—12,0 верстъ. Слѣдуя изгибу материка отъ Очаковскаго мыса, въ разстояніи 11,5 верстъ, а по прямой линіи на 10,2 верстъ, приходимъ къ извѣстному въ археологіи острову Березани. Отсюда въ разстояніи между 13,9 и 15,7 верстъ должны находиться останки Одесса.

Четыре прибрежныхъ мѣстности соотвѣтствуютъ этимъ разстояніямъ.

Одна находится на лѣвомъ берегу занесеннаго пескомъ устья Тилигульскаго лимана, между хуторомъ Карабашъ и с. Коблево; другая—на лѣвомъ берегу Сосицко-Березанскаго лимана, гдѣ теперь с. Александро-Даръ и выше до деревни Холодной; третья—на выступѣ праваго берега того-же лимана; четвертая—на мысѣ, раздѣляющемъ Сосицкій и Березанскій лиманы.

Большинство изслѣдователей ставитъ Одессъ въ мѣстности первой (Аркасъ [1]), Стемпковскій, фонъ-Муральтъ и П. Беккеръ [2]). Основаніемъ для этого мнѣнія служатъ, какъ извѣстно, находки въ названной мѣстности слѣдовъ построекъ, двухъ посвятительныхъ надписей, повидимому ольвійскихъ, и глиняной амфоры.

Современный изслѣдователь, почтенный нашъ сочленъ проф. С. Д. Пападимитріу, не находя возможнымъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ по причинамъ топографическимъ, предлагаетъ, но безъ основаній,—искать древній Одессъ „вокругъ большой балки послѣ Карабаша“, т. е. къ востоку отъ той, при которой расположенъ этотъ хуторъ [3]).

Второй и третій пункты,—по берегамъ Сосицко-Березанскаго лимана, не дали никакихъ находокъ, и признаковъ древняго жилья здѣсь нѣтъ: поэтому нельзя согласиться съ мнѣніемъ П. Беккера, отдѣлившаго Ordesos Плинія и Ὀρδησσός Птолемея отъ Ὀδησσός'а Арріана и Анонима и помѣстившаго первый близъ нынѣшняго с. Александро-Дара, на лѣвомъ берегу Сосицко-Березанскаго лимана [4]).

Остается пунктъ четвертый, повидимому, не посѣщенный еще изслѣдователями. Именно здѣсь, на оконечности безлюднаго мыса, раздѣляющаго Сосицкій лиманъ отъ Березанскаго, мы нашли въ 1913 году городище съ двойнымъ параллельнымъ огражденіемъ со стороны материка. Внѣшнее огражденіе состоитъ изъ земляного вала, внутреннее образуетъ каменная стѣна, отчасти уже разобранная. Нынѣ площадь городища имѣетъ около $2^1/_2$ десятинъ. Надъ берегомъ лимана оно возвышается на 8 саженъ очень крутыми, мѣстами вертикальными обрывами. Толщи глины, изъ которыхъ состоитъ мысъ, откалываются вертикально и сваливаются въ лиманъ; и эта разруши-

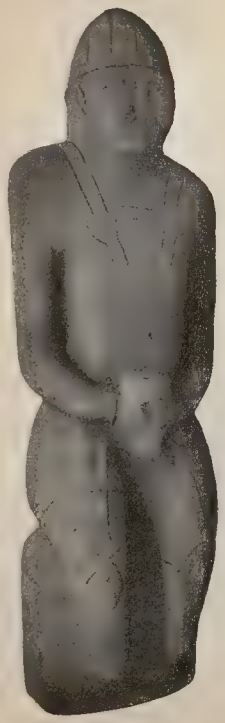
---

[1]) Записки Одес. Общ. Ист. и Древн., т. III, стр. 145.
[2]) Ibid. 199.
[3]) Записки Одес. Общ. Ист. и Древн., т. XXX, стр. 395.
[4]) Записки Одес. Общ. Ист. и Древн., т. III, стр. 201.

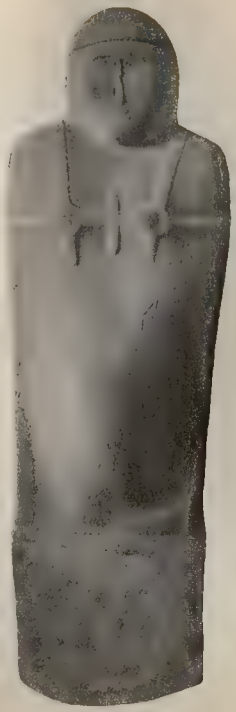
1 2 3 4

тип. „ЯКОРЬ".

А. А. Евдокимовъ и Ко. Петроградъ.



5



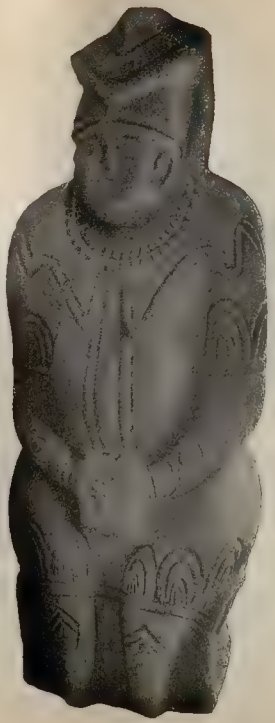
6

7

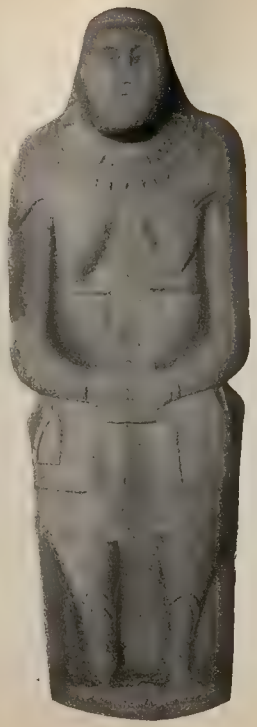
8

А. А. Евдокимовъ и Ко, Петроградъ.

9



10



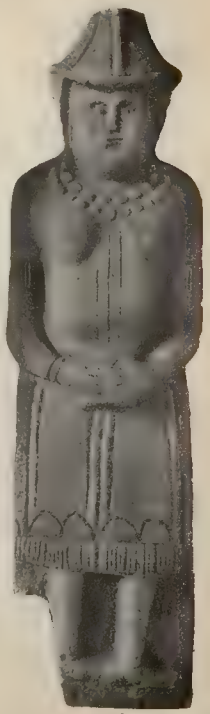
11

12

13

14

15



16

17

18

19

20

тип „якорь".

А. А. Евдокимовъ и Ко. Петроградъ.

21

22

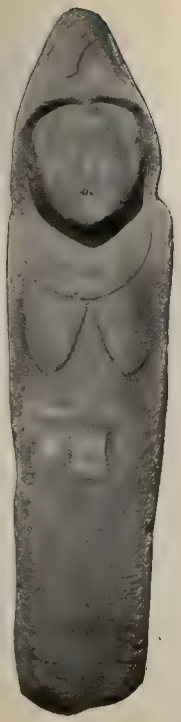
23

24

тип. „якорь".

А. А. Евдокимовъ и Ко. Петроградъ.

25



26

27

28

Тип. „Якорь".

А. А. Евдокимовъ и Ко. Петроградъ.

1

2

1

2

3

4

тип. „якорь".

А. А. Евдокимовъ и Ко. Петроградъ.

2

1

3

тип. „НОРЪ".

1 2 3 4 5 6 7

8 9 10 11 12 13 14 15

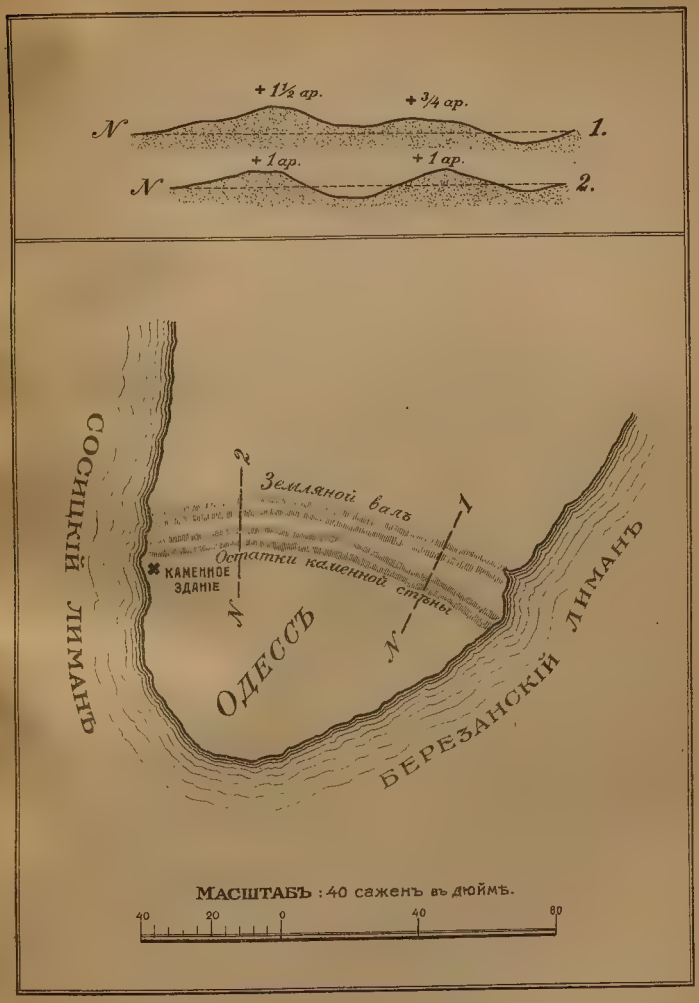
А. А. Евдокимовъ и Ко. Петроградъ.

16 17 18 19 20 21 22

А. А. Евдокимовъ и Ко. Петроградъ.

23 24 25 26 27 28 29 30

А. А. Евдокимовъ и Ко. Петроградъ.



План городища древняго Одесса.

тельная работа атмосферныхъ водъ въ теченіе ряда вѣковъ должна была уменьшить первоначальные размѣры городища. Въ западномъ концѣ внутренней ограды, у самого обрыва, лѣтъ двадцать тому назадъ, при обвалѣ глины обнаружилась каменная постройка изъ двухъ параллельныхъ стѣнъ со слѣдами сгнившихъ связывавшихъ ихъ брусьевъ. Стѣны эти отчасти разобраны сосѣдними крестьянами на постройки. Черепки, изрѣдка попадающіеся на площади городища и въ окружающихъ его обвалахъ, принадлежатъ глинянымъ амфорамъ [1]).

Считаемъ правильнымъ назвать найденное нами городище останками древняго Одесса.

Въ самомъ дѣлѣ:

Ἐν Ὀδησσῷ ὅρμος ναυσίν,—говоритъ Арріанъ [2]).

Мы знаемъ, что Тилигульскій лиманъ потерялъ сообщеніе съ моремъ всего только въ 1823 году [3]), а столѣтій 20 тому назадъ былъ открытымъ для морскихъ волнъ. Удобно-ли было помѣстить стоянку для кораблей при его устьѣ? Объѣхавшій эти берега проф. С. Д. Пападимитріу свидѣтельствуетъ категорически: „ни берегъ Карабаша, ни мѣсто при Тилигулѣ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какой они представляютъ въ настоящее время, нельзя назвать ὅρμος или даже какимъ-нибудь болѣе слабымъ терминомъ, такъ какъ въ сущности здѣсь открытое море, защищенное только отъ берегового вѣтра“ [4]).

Совершенно противоположную картину видимъ въ Сосицко-Березанскомъ лиманѣ. Этотъ бассейнъ, шириною въ среднемъ около 3-хъ верстъ, сохранившій связь съ моремъ понынѣ, состоитъ изъ двухъ частей, раздѣленныхъ выступающими другъ противъ друга косами, сдерживающими волненіе, идущее съ моря. Въ концѣ защищенной такимъ образомъ верхней его части, тихой и глубокой, въ разстояніи 12 верстъ отъ моря, на высокомъ мысѣ при сліяніи прѣсноводныхъ лимановъ: Сосицкаго и Березанскаго, расположено найденное нами древнее городище.

Такое характерное расположеніе городища отмѣчено Птолемеемъ:

Ὑπὲρ δὲ τὸν Ἀξιάκην ποταμὸν Ὀρδησσός [5]).

Не могъ-бы этого сказать географъ о городѣ при устьѣ Тилигула.

Объ этой рѣкѣ Аксіакѣ или Азіакѣ упоминаетъ Помпоній Мела, называя ее ближайшею къ Каллипидамъ, жившимъ въ окрестностяхъ Ольвіи, пограничною рѣкою между владѣніями Каллипидовъ и Азіаковъ:

---

[1]) В. И. Гошкевичъ: „Лѣтопись музея древностей Херсонскаго края за 1913 г.“, стр. 9—10.

[2]) „Въ Одессѣ пристань для кораблей“. Ἀρριανοῦ Περίπλους Εὐξείνου Πόντου. 31.

[3]) Барботъ де-Марни, Геологическій очеркъ Херсонской губ., стр. 19 -20.

[4]) Записки Одесскаго Общ. Ист. и Древн., т. XXX, стр. 393.

[5]) „Вверхъ по рѣкѣ Аксіаку Ордессъ“. Κλαυδίου Πτολεμαίου Γεωγραφικὴ ὑφήγησις. Βίβλ. Γ' Κεφ. Ε'.

Callipidas Hypanis includit... Asiaces proximus inter Callipidas Asiacasque descendit [1]).

Но мы знаемъ, что ближайшимъ (на западъ) къ Гипаниду (Бугу) рѣчнымъ теченіемъ былъ и понынѣ остается не Тилигульскій, а соединенный Березанско-Сосицкій лиманъ; слѣдовательно, этотъ именно лиманъ и носилъ имя Азіака или Аксіака; надъ нимъ-то и стоялъ Одессъ или Ордессъ.

Непосредственную близость Ордеса къ Борисѳену утверждаетъ Плиній Старшій:

Mox Asiacae cognomines flumini, ultra quos Crobiggi. flumen Rhode, sinus Saggarius, portus Ordesos et... flumen Borysthenes [2]).

Гдѣ именно жили Кробигги, какая рѣка скрывается подъ именемъ Роды, что назвать Саггарійскимъ заливомъ,—мы пока не знаемъ. Но весьма важно упоминаніе Плиніемъ порта Ордеса непосредственно предъ р. Борисѳеномъ, т. е. Днѣпровско-Бугскимъ лиманомъ.

Павелъ Беккеръ, вдумываясь въ значеніе Сосицко-Березанскаго лимана, замѣчаетъ: „Берега при устьѣ Березанскаго лимана, еще и теперь соединеннаго съ моремъ, представляютъ такое удобное мѣсто для поселеній, что нельзя не удивляться, какимъ образомъ Греки, имѣя вблизи колоніи, не обратили особеннаго вниманія на эту страну“ [3]).

Обратили. По берегамъ этого лимана кромѣ Одесса намъ извѣстны и другія древнія поселенія: одно изъ нихъ было расположено на правомъ его берегу, ниже дер. Викторовки; протяженіемъ съ версту, а другое, не меньшихъ размѣровъ, на лѣвомъ берегу, по Бейкушскому лиману; есть древнее-же поселеніе и вблизи дер. Аджіаски, на берегу залива. Поселенія эти не были ограждены, какъ Одессъ, обнесенный не только земляным валомъ, но и каменной стѣной.

Полагаемъ, что Одессъ нуженъ былъ ольвійской экспортной торговлѣ, какъ пунктъ, гдѣ корабли, идущіе изъ Ольвіи въ Элладу, дѣлали запасы прѣсной воды, ибо вода Бугскаго лимана, какъ настойчиво твердятъ древніе писатели, была негодна для питья. Въ Одессѣ-же, конечно, и догружались корабли товарами, свезенными туда изъ окрестнаго района подъ защиту крѣпкихъ стѣнъ.

Объ Одессѣ—Ордессѣ, какъ мы видѣли, упоминаютъ писатели I—II в.в. по Р. Хр., знаетъ о немъ и анонимный составитель Перипла

---

[1]) „Каллипидовъ (территорію) омываетъ Гипанидъ (Бугъ). Ближе всѣхъ (рѣкъ къ Гипаниду) течетъ Азіакъ: между (территоріями) Каллипидовъ и Азіаковъ“. Pomponius Mela. De chorographia, II, 7.

[2]) „Затѣмъ (къ востоку отъ р. Тиры, т. е. Днѣстра, живутъ) Азіаки, соименные съ рѣкой (Азіакомъ); за ними Кробигги, рѣка Рода, заливъ Саггарійскій, портъ Ордесъ и... рѣка Борисѳенъ (Днѣпръ, Днѣпровско-Бугскій лиманъ)“. C. Plinius Secundus. Naturalis Historia. IV, 82.

[3]) Записки Одесскаго Общ. Ист. и Древ., т. III, стр. 201.

Эвксинскаго Понта, жившій въ V вѣкѣ. Какъ видно, Одессъ принадлежалъ къ типу такихъ-же прибрежныхъ укрѣпленныхъ торговыхъ пунктовъ, какихъ не мало обслѣдовано нами по лиманамъ, Днѣпру, Бугу и ихъ притокамъ. Возникли они въ эллинистическую и особенно въ римскую эпоху для надобностей ольвійской экспортной торговли и погибли со смертью Ольвіи [1].

Вотъ и все, что можно сказать о нашемъ Одессѣ, пока еще не произведены научныя раскопки на его городищѣ.

Остается выяснить, какое-же древнее поселеніе стояло на берегу Тилигульскаго лимана, между с. Коблево и хуторомъ Карабашъ.

Въ 160 стадіяхъ отъ Одесса, по словамъ безыменнаго составителя Перипла, а по нашему въ разстояніи отъ 28,6 до 30,5 верстъ было поселеніе, не имѣвшее собственнаго имени, а называвшееся нарицательно σκόπελοι. Пунктъ этотъ какразъ соотвѣтствуетъ тѣмъ слѣдамъ жилья, что давно извѣстны, въ которыхъ большинство прежнихъ изслѣдователей желали, вопреки природѣ, видѣть остатки порта Одесса. Не ὅρμος, а всего только σκόπελοι, наблюдательные пункты на высокомъ берегу [2]. И такіе сторожевые пункты по тогдашнимъ временамъ были необходимы: моряки, ведущіе изъ Эллады судно, нагруженное цѣнными товарами, должны были знать, доведутъ-ли они его ἀγαθῇ τύχῃ въ счастливую Ольвію, или-же отъ дальнѣйшаго пути имъ нужно воздержаться въ виду частаго наступленія тамъ печальныхъ событій, слишкомъ хорошо намъ извѣстныхъ по декрету въ честь Протогена или по разсказу очевидца Діона Златоуста.

Въ 250 стадіяхъ или 45,3—47,1 в. отъ Одесса, по Арріану, или, что то-же, въ 90 стадіяхъ—15,7—17,6 в. отъ Скопеловъ, по Анониму,—была пристань Истріанъ: отсчитавши эти разстоянія, придемъ къ устью Малаго Аджалыкскаго лимана. Указаннымъ разстояніямъ соотвѣтствуетъ какъ лѣвый берегъ этого лимана, къ югу отъ нѣмецкой колоніи Бѣляры (Анненталь), такъ и правый, гдѣ теперь деревня Григорьевка.

Пристань Исіаковъ—въ 50 стадіяхъ или въ 8,3—10,2 в. отъ предыдущей, по Арріану,—придется на лѣвый берегъ устья Большого Аджалыкскаго лимана, именно на деревню Новую Дофиновку и трехверстное отъ нея къ востоку протяженіе морского берега. Безыменный авторъ Перипла указываетъ для пристани Исіаковъ другой пунктъ: въ разстояніи 90 стадіевъ, т. е. 15,7—17,6 в., отъ пристани

---

[1]) См. нашу работу: „Древнія городища по берегамъ низоваго Днѣпра", напечат. въ вып. 37 „Извѣстій Императорской Археологической Коммиссіи", а также нашу: „Лѣтопись музея древностей Херсонскаго края за 1909—1911 г.г., стр. 2—12 и такія-же „Лѣтописи" за 1912 г., на стр. 13—15 и за 1913 г., на стр. 6—7.

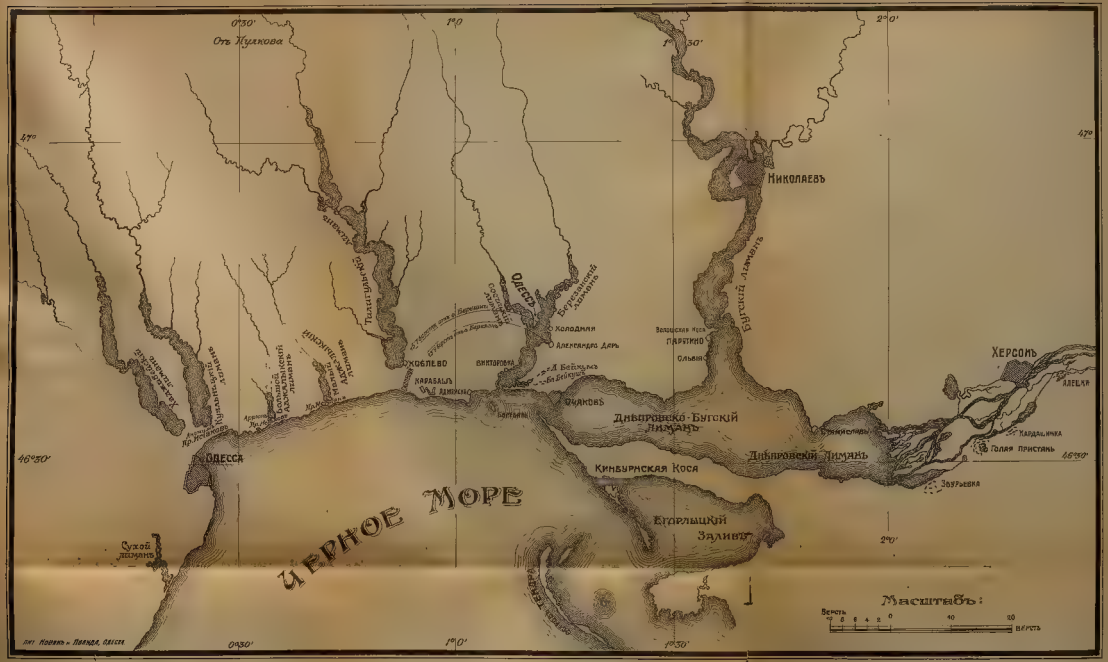
[2]) Арріанъ вовсе не упоминаетъ о селеніи Σκόπελοι: правдоподобно, что въ его время здѣсь были только σκόπελοι, впослѣдствіи превратившіеся въ χωρίον Σκόπελοι, сохранившее свое нарицательное имя.

Истріанъ, что соотвѣтствуетъ протяженію морского берега между деревнями Крыжановкой и Фонтанкой, версты на $1^1/_2$ по обѣ стороны меридіана 0°30′ отъ Пулкова.

Примирить такое разнорѣчіе между Периплами въ опредѣленіи мѣста пристани Исіаковъ, а также разыскать при устьѣ Малаго Аджалыкскаго лимана слѣды пристани Истріанъ ставимъ одной изъ ближайшихъ своихъ задачъ. Вопросъ-же о мѣстахъ, гдѣ были Скопелой и портъ Одессъ, считаемъ рѣшеннымъ.

Дѣйств. членъ Общ. **Викторъ Гошкевичъ.**

Херсонъ,
10 ноября 1914 г.



Къ статьѣ В. И. Гошкевича

Еще о мѣстоположеніи древней Одессы.

Главныя положенія нашей первой статьи по поводу этого предмета [1]) заключались въ слѣдующемъ:

а) Если принять во вниманіе, что съ теченіемъ времени по нашимъ берегамъ произошли большіе геологическіе перемѣны, катастрофы и обвалы, то не безъ основанія приходишь къ заключенію, что остатки древней Одессы, можетъ быть, находятся теперь въ грунтѣ дна моря, а потому изслѣдованіе мѣстоположенія этого города дѣло не археолога, а водолаза.

б) Если это не такъ, то интересующій насъ древній городъ несомнѣнно находится въ мѣстности, въ настоящее время не населенной. Надъ могилой древней Одессы въ настоящее время никто не живетъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ несомнѣнно кому-нибудь изъ жителей представилась-бы возможность нарушить тишину могилы древняго города неожиданной и совершенно случайной находкой хоть какой-нибудь кости.

в) Относительно названія этого города традиція передаетъ намъ два имени: Ὀρδησσός и Ὀδησσός. Въ виду-же того, что на берегахъ Чернаго моря существовалъ еще древній городъ, также милетскаго происхожденія, съ именемъ Ὀδησσός, но не въ нашихъ краяхъ, а въ области теперешней Болгаріи, около города Варны, то въ цитатахъ древнихъ писателей обнаруживается путаница: часто подразумѣвается наша сосѣдная Одесса тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о болгарской Одессѣ и наоборотъ; во-вторыхъ, свѣдѣнія, которыя относятся къ одному изъ этихъ городовъ, приписываются другому. Въ виду этого трудно установить, есть-ли пріурочиваніе имени Ὀδησσός сосѣднему намъ древнему милетскому городу просто промахъ ученыхъ и переписчиковъ, или-же прародительница нашего города дѣйствительно носила когда-то названіе Ὀρδησσός, которое со временемъ получило форму Ὀδησσός.

---

[1]) Докладъ по этому вопросу прочитанъ въ засѣданіи Имп. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 30-го сентября 1910 г.—Напечатанъ въ XXX-мъ томѣ «Записокъ» Общества.

г) Собственно говоря, о нашей Одессѣ почти ничего неизвѣстно: мы не знаемъ ни о времени основанія ея, ни о времени прекращенія жизни ея Цитата Скимна Хіосскаго (?—GGM. I p. 226) относится къ другому городу, къ болгарской, такъ сказать, Одессѣ.

д) До сихъ поръ высказаны слѣдующія предположенія о мѣстонахожденіи древней Одессы: 1) около села Карабаша (мнѣніе древнее и болѣе распространенное); 2) около Тилигульскаго лимана (мнѣніе Келера) 3) внутри Березанскаго лимана (мнѣніе Беккера). Для всѣхъ этихъ предположеній исходной точкой служитъ сообщеніе древнихъ периплоръ, которые опредѣляютъ разстояніе древней Одессы отъ острова Березани 80 стадіями.

Однако до сихъ поръ ни одно изъ этихъ предположеній не подтвердидось фактами. такъ какъ нигдѣ еще не найдены предметы, которые указывали бы намъ на неоспоримое присутствіе древняго города. Спорадическія находки того или другого предмета или надписи для рѣшенія интересующаго насъ вопроса никакого значенія не имѣютъ, такъ какъ по свидѣтельству Геродота по всей приморской области, начиная съ острова Березани (значитъ западнѣе Днѣпра), существовало много греческихъ селеній каллипидовъ [1]) Слѣдовательно остатки древне-греческой культуры занимаютъ большое пространство.

То, что мы говоримъ относительно чужихъ предположеній насчетъ мѣстоположенія древней Одессы, имѣетъ силу и относительно нашего предположенія, высказаннаго въ первой печатанной статьѣ, а именно, что Одесса лежала на берегахъ такъ называемой Большой балки около Карабаша [2]). И наше предположеніе останется только предположеніемъ до тѣхъ поръ, пока удачными и счастливыми раскопками не будетъ установлено мѣстонахожденіе этого города. Желая убѣдиться въ правильности нашего предположенія, мы два раза послѣ этого посѣтили мѣсто для того, чтобы предпринять пробныя раскопки. Первый разъ намъ совсѣмъ не удалось приступить къ работѣ вслѣдствіе продолжительной дождливой погоды, а второй разъ уже приступили, но не получили еще желательнаго результата. Правда, найдены нами нѣкоторые мелкіе черепки, остатки древнегреческой культуры, но городъ еще не найденъ. Но это нисколько не лишаетъ насъ надежды и не заставляетъ отказаться отъ нашего

---

[1]) Герод. IV. 17 Ἀπὸ τοῦ Βορυσθενειτέων ἐμπορίου... πρῶτοι Καλλιπίδαι νέμονται ἐνέτας Ἕλληνες σκόθαι. Что ἐμπόριον Βορυσθενειτέων есть именно о. Березань, можно убѣдиться, познакомившись съ нашею статьей—«Древнія свѣдѣнія объ островѣ Березани». Одесса, 1910.

[2]) При первомъ посѣщеніи мѣстности В. балка была совершенно суха, не имѣла воды. При посѣщеніи-же въ 191 г. намъ представился сюрпризъ: вода была пропущена посредствомъ маленькаго канала, соединяющаго ее съ моремъ, вслѣдствіе чего получился маленькій, не глубокій лиманъ.

предположенія, такъ какъ поиски наши и пробныя раскопки не доведены еще до конца Территорія, въ предѣлахъ которой мы считаемъ возможнымъ искать древнюю Одессу, еще обслѣдована нами не вся. Несмотря на расходы, съ которыми сопряжены пробныя раскопки и на другія затрудненія, которыя встрѣчаетъ предпринимающій ихъ на свой счетъ, мы намѣревались продолжать наши работы лѣтомъ 1914 года. Но въ виду того, что работать свободнѣе можно только въ концѣ іюля, когда посѣвы уже убраны съ полей, ни въ прошломъ, ни въ этомъ году продолжать раскопки намъ не удалось вслѣдствіе переживаемыхъ событій и вслѣдствіе отсутствія свободныхъ рабочихъ рукъ по деревнямъ.

На этомъ пунктѣ остановились наши изслѣдованія по данному вопросу.

Въ засѣданіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 14-го ноября 1914 года членомъ его В. И. Гошкевичемъ былъ прочитанъ докладъ подъ заглавіемъ—„Гдѣ былъ древній Одессъ?“. Докладчикъ съ гордостью доказывалъ, что внутри Березанскаго лимана, а именно на оконечности безлюднаго мыса, отдѣляющаго Сосицкій лиманъ отъ Березанскаго, ему удалось открыть въ 1913 году городище, которое по мнѣнію его есть древній городъ Одесса. Слѣдовательно г. Гошкевичъ возвращается опять къ предположенію Беккера и увѣренъ, что напалъ на слѣды древней Одессы.

Предположеніе Беккера мы приняли во вниманіе въ нашей первой работѣ (стр 6) объ Одессѣ и, не желая тогда рвспространяться, ограничились краткими возраженіями: „предположеніе А. Беккера не выдерживаетъ критики и не нашло себѣ никакихъ сторонниковъ“. Но такъ какъ теперь появляется новый сторонникъ мнѣнія Беккера, хотя не во всемъ согласный съ нимъ, намъ приходится высказаться, по какимъ соображеніямъ мы считаемъ мѣстоположеніе древней Одессы въ предѣлахъ Березанскаго лимана вообще невозможнымъ и предположеніе г. Гошкевича неосновательнымъ.

Подобное предположеніе можетъ принять только человѣкъ, который не имѣетъ яснаго понятія о томъ, что значитъ περίπλους и какими принципами руководились вообще составители такихъ периплювъ. Вѣдь насколько они ни были-бы неаккуратно составленные путеводители, все таки они имѣли опредѣленную цѣль и составлены по опредѣленному плану. Главная же ихъ цѣль состояла въ томъ, чтобы не заставлять мореплавателя путаться въ своемъ путешествіи и предпринимать безполезныя прогулки къ мѣстностямъ, находящимся внѣ прямого ихъ пути, теряя напрасно свое драгоцѣнное время. Между тѣмъ, по предположенію г. Гошкевича выходитъ, что мореплаватель долженъ былъ, выходя изъ Ольвіи, дойти до устья Днѣпра, потомъ до острова Березани, а затѣмъ вмѣсто того, чтобы продолжать дальше

свое прямое путешествіе долженъ былъ подниматься по Березанскому лиману 14 — 16 верстъ и еще разъ пройти эти-же 14 — 16 верстъ до острова Березани и, наконецъ, продолжать свое путешествіе дальше! Абсурдъ становится еще болѣе явнымъ, благодаря тѣмъ соображеніямъ г. Гошкевича, что мореплаватель, выходящій изъ Ольвіи по направленію къ Греціи, долженъ былъ непремѣнно подниматься до Одессы, такъ какъ по его мнѣнію „городъ Одесса нуженъ былъ ольвійской экспортной торговлѣ, какъ пунктъ, гдѣ корабли, идущіе изъ Ольвіи въ Элладу, дѣлали запасы прѣсной воды, ибо вода Бугскаго лимана была негодна для питья!“ Но сколько времени пропало-бы напрасно для исполненія такого круговаго путешествія,— объ этомъ не думаетъ иниціаторъ новаго предположенія. Зачѣмъ-же не въ самой Ольвіи дѣлать запасы воды? Или у него есть какія-нибудь свѣдѣнія, что въ Ольвіи не было достаточно воды, а лишь столько, сколько было необходимо для нуждъ жителей, вслѣдствіе чего кораблямъ не разрѣшалось брать съ собою бо́льшее количество воды, чѣмъ опредѣленный законъ указывалъ?

Намъ кажется, что приведеннымъ выше достаточно доказано, что предположеніе г. Гошкевича (и Беккера) не можетъ разсчитывать на успѣхъ. Но для того, кому этого недостаточно, приводимъ еще слѣдующія доказательства.

Обратимъ вниманіе на пріемы, которыхъ придерживаются авторы перипловъ относительно тѣхъ пунктовъ, которые находятся въ сторонѣ.

Арріанъ, приведя разстоянія отъ Днѣпра до Дуная, доходитъ до перваго устья Дуная (ψιλὸν στόμα), останавливается здѣсь и внѣ очереди говоритъ объ островѣ Фидониси (Λευκὴ νῆσος), а послѣ этого продолжаетъ свою главную задачу, начиная давать разстоянія именно съ того пункта, гдѣ онъ остановился, т. е. отъ перваго устья Дуная: ἀπὸ δὲ τοῦ ψιλοῦ καλουμένου στόματος τοῦ Ἴστρου εἰς τὸ δεύτερον στόμα στάδιοι ἑξήκοντα и т. д.

Городъ Τύρας, какъ извѣстно находился внутри Днѣстровскаго лимана и разстояніе отъ устья Днѣстра до этого города почти тоже самое, что и отъ о. Березани до пункта, въ которомъ по предположенію г. Гошкевича лежала Одесса. Между тѣмъ Арріанъ въ своемъ периплѣ совершенно о г. Τύρας не упоминаетъ, повидимому, потому, что этотъ городъ находится внутри лимана и далеко отъ береговой линіи. Анонимный писатель совершенно правильно поступаетъ такъ: даетъ разстояніе разныхъ пунктовъ, начиная онъ устья Днѣпра и до устья Днѣстра; здѣсь онъ останавливается, говоритъ о рѣкѣ Τύρας и о находящемся при немъ городѣ Τύρας, даетъ итоги разстоянія отъ Днѣпра до Днѣстра и отъ Херсонеса до Днѣстра, а затѣмъ возвращается опять къ своей задачѣ, продолжая дальше: ἀπὸ δὲ Τύρα ποταμοῦ ἐπὶ τὰ Νεοπτολέμου στάδιοι ρκ΄, μίλια ιστ΄. Слѣдовательно, если-бы дѣйствительно Одесса лежала внутри Березанскаго лимана и далеко отъ береговой линіи, авторы или совсѣмъ не упоминяли бы объ Одессѣ,

или же послѣ того, какъ они дошли до о. Березани, они говорили бы намъ о существованіи этого города вблизи и продолжали бы дальше давать разстоянія отъ Березани до Скопеловъ, напр.: ἀπό δὲ νήσου μικροτάτης, ἐρήμου καὶ ἀνωνύμου εἰς Σκοπέλους χωρίον στάδιοι π΄ и т. д.

Кромѣ того, по предположенію г. Гошкевича, если отъ Березани до Одессы 80 стадій, а отъ Одессы до Скопеловъ 160, выходитъ что отъ Березани до Скопеловъ разстояніе въ 240 стадій, между тѣмъ фактически разстояніе это должно было опредѣлиться цифрой 60 стадій, такъ что мореплаватель прошелъ бы 80 ст. до Одессы, а потомъ еще разъ обратно 80 ст. до Березани, а оттуда только 60 стадій до Скопеловъ. Подобнымъ образомъ, если анонимный авторъ перипла, составляя итогъ разстояній отъ Днѣпра до Днѣстра, получаетъ правильно 810 стадій, то онъ также допустилъ-бы ошибку въ 160 стадій, если-бы Одесса не лежала на береговой линіи.

Изъ всего сказаннаго выше приходится заключить, что невозможно никоимъ образомъ согласиться съ мнѣніемъ г.г. Беккера и Гошкевича и что, если послѣдній утверждаетъ, что онъ на конечности мыса, раздѣляющаго Сосицкій лиманъ отъ Березанскаго, открылъ греческое городище. то эта находка, во всякомъ случаѣ очень пріятная и очень интересная, къ древней Одессѣ никакого отношенія не можетъ имѣть. Значеніе только имѣетъ то, что въ предѣлахъ территоріи, заселенной когда-то каллипидами, найдено новое неизвѣстнаго названія селеніе, а больше ничего. Утверждать, что это есть именно древняя Одесса, намъ кажется не только смѣлымъ, но и абсолютно невозможнымъ.

Такимъ образомъ, и опредѣленіе мѣстоположенія деревни Σκόπελοι слѣдуетъ считать нерѣшеннымъ вопреки утвержденіямъ г. Гошкевича. Вѣдь этотъ вопросъ всецѣло зависитъ отъ опредѣленія мѣстоположенія Одессы. Разъ у насъ нѣтъ безспорнаго опредѣленія послѣдняго пункта, то никакой рѣчи не можетъ быть объ опредѣленіи Скопеловъ. Но независимо отъ ошибочнаго опредѣленія мѣстоположенія Скопеловъ, будто находящихся между с. Коблево и хуторомъ Карабашъ, г. Гошкевичъ допускаетъ рядъ странныхъ объясненій и соображеній. Онъ желаетъ убѣдить насъ, что Σκόπελοι не собственное имя, а только нарицательное! Оно несомнѣнно обозначаетъ наблюдательные пункты на высокомъ берегу, т. е. сторожевые пункты! Онъ утверждаетъ, что эти сторожевые пункты были необходимы, такъ какъ моряки, ведущіе изъ Эллады судно, нагруженное цѣнными товарами, должны были знать, доведутъ-ли они его въ счастливую Ольвію или-же имъ нужно воздержаться отъ дальнѣйшаго пути въ виду частаго возникновенія тамъ различныхъ печальныхъ событій! Изъ всего, что говоритъ г. Гошкевичъ, выходитъ, что мореплаватели, отправляющіеся изъ Греціи въ Ольвію, должны были останавливаться въ открытомъ морѣ у высокихъ береговъ между Тилигуломъ и Карабашомъ, высаживать людей или капитана для того, чтобы

съ этого мѣста разсмотрѣть, что дѣлается въ Ольвіи, а потомъ рѣшить, продолжать ли путешествіе дальше или возвратиться назадъ. Всѣхъ этихъ грубыхъ заблужденій, конечно, не допустилъ-бы г. Гошкевичъ, если-бы онъ рѣшился лично познакомиться съ мѣстностью. Тогда онъ убѣдился-бы, что дальше версты ничего нельзя видѣть, и окончательно бросилъ-бы свою теорію о наблюдательныхъ и сторожевыхъ пунктахъ: открывъ первый попавшій ему въ руки греческій словарь, онъ увидѣлъ-бы, что слово σκόπελος, значитъ только *скала* и больше ничего. Затѣмъ, обративши вниманіе на существованіе многихъ острововъ, которые носятъ названіе Σκόπελος, онъ убѣдился-бы, что и въ данномъ случаѣ Σκόπελος есть имя собственное, а не нарицательное, которое дано было мѣстности, благодаря тому, что она представляла изъ себя именно σκόπελοι.

Если г. Гошкевичъ на основаніи полученныхъ имъ результатовъ намѣренъ продолжать свои изысканія, то намъ кажется, что онъ будетъ напрасно трудиться: онъ ни къ какому опредѣленному и надежному результату не прійдетъ. Напрасно также питать надежду примирить въ будущемъ разнорѣчіе между периплами въ опредѣленіи мѣста пристани исіаковъ (отъ Ἰστριανῶν λιμὴν къ Ἰσιακῶν λιμὴν по Арріану στάδιοι ἐννενήκοντα, по анонимному автору στάδιοι πεντήκοντα). Это разнорѣчіе весьма удовлетворительно объясняетъ намъ издатель перипловъ К. Муллеръ, принимая, что анонимъ болѣе правъ, такъ какъ и общій итогъ разстоянія отъ Днѣпра до Днѣстра требуетъ для даннаго разстоянія только 50, а не *90* стадій. Значитъ въ рукописи Арріана вкралась палеографическая ошибка.

С. Пападимитріу.

Библіографическіе матеріалы по исторіи Новороссіи.

УКАЗАТЕЛЬ

статей, замѣтокъ и разныхъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ „Календаряхъ", „Новороссійскомъ календарѣ", „Памятной книжкѣ" и „Адресъ календарѣ" Одесскаго градоначальства, а также въ „Трудахъ Одесскаго статистическаго Комитета" съ 1832—1914 годъ.

Занимаясь много лѣтъ собираніемъ библіографическаго матеріала о жизни и дѣятельности завоевателя Гаджибея и перваго градоначальника Одессы адмирала Іосифа де-Рибаса, а также и по исторіи Одессы въ первые годы ея существованія, я не могъ не обратить вниманія на огромное количество чрезвычайно важнаго матеріала, помѣщеннаго въ различныхъ мѣстныхъ „сборникахъ", „календаряхъ", „альманахахъ" и т. п., а равно въ газетахъ и журналахъ, — матеріала почти неизвѣстнаго лицамъ, занимавшимся различными вопросами по исторіи прошлаго нашего края и города.

Обстоятельство это побуждаетъ меня напечатать предлагаемый „Указатель" къ нѣкоторымъ справочнымъ изданіямъ, выходившимъ въ Одессѣ съ тридцатыхъ годовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и выразить пожеланіе, чтобы въ ближайшемъ будущемъ были составлены и изданы также указатели къ газетамъ: „Одесскій вѣстникъ", „Journal d'Odessa", „Unterhaltungsblatt für deutsche Ansiedler im südlicher Russland", „Новороссійскій телеграфъ" и другимъ изданіямъ въ настоящее время уже не издающимся. Въ этихъ изданіяхъ помѣщены весьма цѣнныя и интересныя свѣдѣнія по исторіи, географіи и статистикѣ Одессы, всего Новороссійскаго края, Бессарабіи и Крыма. Одному лицу составить подобные указатели—трудъ непосильный, а потому слѣдуетъ желать, чтобы мѣстныя ученыя общества взяли на себя эту довольно серіозную и сложную работу [1]).

Первыхъ календарей, выпущенныхъ въ Одессѣ въ 1821 и 1822 г.г., къ сожалѣнію, мнѣ видѣть не удалось, т. к. ихъ нѣтъ въ мѣстныхъ библіотекахъ. Изданы они были на русскомъ и французскомъ языкахъ, въ форматѣ in 4⁰ и въ 2 печатныхъ листа и, кромѣ свят-

---

[1]) Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей вполнѣ раздѣляетъ взглядъ своего члена-корреспондента Л. М. де-Рибаса по данному вопросу и съ полной готовностью будетъ отводить мѣсто въ своихъ изданіяхъ такого рода указателямъ. *Ред.*

цевъ и адресъ-календаря, другихъ свѣдѣній не заключали. Императорская академія наукъ, которой принадлежало право изданія календарей въ Россіи, запретила другимъ обществамъ и лицамъ печатать таковые. Тѣмъ не менѣе въ 1831 году, т. е. десять лѣтъ спустя, былъ выпущенъ въ Одессѣ календарь на 1832 годъ и тоже на двухъ языкахъ (in 16^0, 46 стр.); въ немъ, кромѣ святцевъ и адресъ-календаря, было помѣщено и небольшое статистическое описаніе Одессы. Академія наукъ и на этотъ разъ протестовала, но, благодаря попечителю Одесскаго учебнаго округа, удалось выхлопотать соотвѣтствующее разрѣшеніе, и слѣдующій календарь вышелъ въ 1833 году (на 1834 г.) въ томъ же видѣ, что и на 1832 г. и на тѣхъ же языкахъ, но съ болѣе подробными свѣдѣніями по статистикѣ Одессы. Кромѣ того, для нѣмецкихъ читателей были вклеены отпечатанные литографскимъ способомъ святцы, роспись праздничнымъ днямъ и данъ второй выходной листъ („Kalender auf das Jahr nach Christi Geburt“) [1]). Въ 1835 году издатели календаря, присвоивъ ему названіе „Новороссійскаго календаря“, стали выпускать его ежегодно и исключительно на русскомъ языкѣ [2]). Издавался „Н. К.“ аккуратно вплоть до 1874 года [3]) (въ этомъ году онъ вышелъ безъ „литературнаго“ отдѣла); возобновленный въ 1890 году онъ просуществовалъ всего три года. Календари довольно часто снабжались очень недурно исполненными видами, портретами и пр. Издателями „Н. К.“ были: Канцелярія генералъ-губернатора [4]) (1835—1838, 1871—1874 г.г.), Ришельевскій лицей (1839—1865 г.г.), Имп. Новороссійскій университетъ (1866—1869 г.г.), Городская публичная библіотека (1891 г.) и Статистическое бюро Одесской городской управы (1892 и 1893 г.г.).

Въ своемъ указателѣ я помѣстилъ, кромѣ „Новороссійскаго календаря“, „Адресъ-календарь“ (1877, 1881—1914 г.г.) и „Памятную книжку“ (1870, 1878—1880 г.г.) Одесскаго градоначальства, такъ какъ они, какъ-бы служа продолженіемъ „Н. К.“, взаимно дополняютъ другъ —друга, а также и „Труды Одесскаго статистическаго комитета“, томы 1—4 (1865—1870 г.г.), въ которыхъ опять таки встрѣчаются

---

[1]) Повидимому экземпляра съ нѣмецкимъ текстомъ не видѣлъ авторъ «Справки» о «Новороссійскомъ календарѣ» (см. это изд. на 1891 г.), т. к. онъ ничего о немъ не говоритъ. Принадлежитъ экз. Одесской городской публичной библіотекѣ.

[2]) На французскомъ яз. онъ былъ выпущенъ въ 1835 и 1836 г. п. з. «Calendrier de la Nouvelle Russie», publié par P. M., но свѣдѣнія, помѣщенныя въ немъ были исключительно справочными.

[3]) Въ 1870 году вмѣсто «Н. К.» вышла «Памятная книжка Одесскаго градоначальства», изданная Статистическимъ Комитетомъ, впрочемъ, «Книжка» составляла 3-й выпускъ «Трудовъ» Комитета, изданныхъ въ томъ-же 1870 году, и, къ которому было прибавлено лишь «календарное отдѣленіе» и соотвѣтствующій заглавный листъ.

[4]) Въ тридцатыхъ годахъ главнымъ вдохновителемъ и душею изданія былъ «П. М.» (Морозовъ), авторъ ряда статей объ Одессѣ въ разныхъ журналахъ того времени. (О немъ см. М. Г. Попруженко «Одесская гор. публ. библіотека», стр. 19).

изслѣдованія помѣщенныя въ нѣкоторыхъ годахъ „Памятной книжки“ и, такимъ образомъ, связанныя между собою.

Въ указатель я не внесъ спеціально-календарныхъ свѣдѣній, распоряженій правительства и обязательныхъ постановленій, какъ неимѣющихъ научнаго значенія.

Для составленія настоящаго указателя использованы слѣдующія изданія:

1) „Календарь“—„Calendrier“ на 1832 и 1834 г.г.

2) „Kalender auf das Jahr nach Christi Geburt“, 1834.

3) „Calendrier de la Nouvelle Russie“, 1835, 1836

4) „Новороссійскій календарь“ на 1835—1869, 1871—1874, 1891—1893 г.г.

5) „Труды Одесскаго статистическаго комитета“ т. 1—4. (1865—1870 г.г.).

6) „Памятная книжка Одесскаго градоначальства“ на 1870, 1878—1880 г.г.

7) „Адресъ-календарь Одесскаго градоначальства“ на 1877, 1881—1914 г.г.

Сокращенія.

Kal. — „Kalender“...
Кал. — „Календарь“—„Calendrier“.
Cal. — „Calendrier“...
НК. — „Новороссійскій календарь“.
ПК. — „Памятная книжка Од. градоначальства“.
АК. — „Адресъ-календарь Од. градоначальства“.
Тр. — „Труды Од. статистическаго комитета“.

Л. М. де-Рибасъ.

1. „Kalender auf das Jahr nach Christi Geburt“ (1834). **2. „Календарь“—„Calendrier“** (1832. 1834). **3. „Calendrier de la Nouvelle Russie“** (1835. 1836).

1. Calendrier météorologique.
   Кал. 1832 (20—25).
2. Метеорологическій календарь.
   Кал. 1832 (20—23).
3. Статистика Одессы.
   Кал. 1832 (17—19); 1834 (39—60);
   Kal. 1834 (39—60).
4. Statistique d'Odessa.
   Кал. 1832 (17—19); 1834 (XV—XXIX);
   Kal. 1834 (XV—XXIX).
5. Таблица, показывающая числа въ которыя Одесскій портъ замерзалъ и открывался.
   Кал. 1832 (26).

---

4. „Новороссійскій Календарь“ (1835—1869. 1871—1874. 1891—1893).

6. Аббатъ Николь и первые годы Ришельевскаго лицея *П. Юрченко* и *В. Яковлевъ*. (Съ портретомъ).
   НК. 1891 (11—91).
7. Алупка.
   НК. 1859 (445—449).
8. Армяне-католики въ Новороссійскомъ краѣ *А. Скальковскаго*
   НК. 1850 (375—378).
9. Артезіанскіе колодцы Таврической губерніи *Н. Головкинскаго.* (Съ картой).
   НК. 1891 (131—169).
10. Бердянскъ.
    НК. 1839 (178—179).
11. Бессарабскіе цыгане *Д. Д. Суручана.*
    НК. 1892 (93—106).
12. Біографія герцога де-Ришелье *І. Михневича.*
    НК. 1850 (333—359).

13. Благотворительныя, богоугодныя, воспитательныя и врачеб, учрежденія Новороссійскаго края и Бессарабіи.
НК. 1865 (267—284); 1866 (209—222); 1867 (185—196); 1868 (209—221); 1869 (173—184).

14. Ближайшій частный трактъ отъ Екатеринослава до Перекопа *А. Шмакова.*
НК. 1844 (379—381).

15. Бомбардированіе Одессы англо-французскимъ флотомъ, 10-го апрѣля 1854 года. (Съ рисункомъ).
НК. 1855 (414—429).

16. Взглядъ на заведенія общественнаго призрѣнія въ Одессѣ.
НК. 1835 (126—129); 1836 (132—134).

17. Взглядъ на состояніе Новороссійскаго Края и Бессарабіи въ 1862 году *А. А. Скальковскаго.*
НК. 1867 (62—98).

18. Взятіе англійскаго парохода—фрегата „Тигръ". (Съ рисунк.).
НК. 1855 (430 - 432).

19. Взятіе непріятельской винтовой канонирской лодки, у Кривой косы. (Съ рисункомъ).
НК. 1856 (407—408).

20. Водолечебное заведеніе, въ колоніи Клейнъ-Либенталѣ.
НК. 1856 (409—410).

21. Выписка изъ основныхъ условій на сооруженіе Балто-Елисаветградской желѣзной дороги, заключенныхъ 12-го мая 1865 года. (Съ картой жел. дороги).
НК. 1866 (235—238).

22. Города и значительнѣйшія мѣстечки Новороссійскаго Края и Бессарабіи.
НК. 1872 (103—125); 1873 (85—108).

23. 28 декабря 1870 года въ Одессѣ *С. Кулябки.*
НК. 1893 (т. 2; 1—12).

24. Движеніе земельной собственности въ Екатеринославской губерніи за послѣдній періодъ времени *Д. М. Г.*
НК. 1892 (31—48).

25. Движеніе народонаселенія и общественное здоровье въ Одессѣ *А. Рафаловича.*
НК. 1845 (323—340).

26. Движеніе частной земельной собственности въ Херсонской губерніи *Н. Борисова.*
НК. 1893 (т. 2; 76—88).

27. Дворянскій земельный банкъ.
НК. 1892 (203 – 204); 1893 (224).

28. Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ *И. Минакова.* (Съ портретомъ).
НК. 1860 (464—469).

29. Дополненія къ статистическому описанію Новороссійскаго края.
НК. 1839 (157—167).

30. Древнее Сюреньское укрѣпленіе и башня на Бельбекѣ *Г. Караулова.* (Съ рисункомъ).
НК. 1871 (3—24).

31. Древняя топографія нѣкоторыхъ мѣстъ Новороссійскаго края и Бессарабіи, сост. *Ф. К. Брунomъ.*
НК 1858 (111—144); 1859 (108—140); 1860 (98—132).

32. Замѣтки для путешествующихъ по Крыму *Е. Шевелева.*
НК. 1847 (357—362).

33. Замѣтки, относящіяся къ древней топографіи Новороссійскаго края и Бессарабіи *Ф. Б.*
НК. 1857 (414—438).

34. Замѣчанія о Бессарабской области *И. Чернѣвскаго.*
НК. 1865 (297—315).

35. Земскій банкъ Херсонской губерніи (1864—1890) *Н. И. Борисова.*
НК. 1892 (194—199).

36. Историческій взглядъ на учебныя заведенія Новороссійскаго края и Бессарабіи *І. Михневича.*
НК. 1844 (313—360).

37. Извѣстіе о предполагаемой въ Одессѣ часовнѣ. (Со снимкомъ).
НК. 1851 (414—415).

38. Изъ дѣлъ о „бѣглыхъ" въ г. Одессѣ *В. А. Яковлева.*
НК. 1892 (107—115).

39. Изъ исторіи заселенія Одессы *А. Бѣлецкаго.*
НК. 1893 (т. 2; 118—136).

40. Историко-статистическій очеркъ г. Багчесерая *Ф. Домбровскаго.*
НК. 1849 (380—396).

41. Историко-статистическій очеркъ г. Ѳеодосіи *Ф. Домбровскаго.*
НК. 1848 (339—355).

42. Историко-статистическое описаніе города Симферополя.
НК. 1847 (337—345).

43. Историко-статистическое описаніе еврейскихъ колоній Новороссійскаго края *Ѳ. Захаріевича*.
НК. 1853 (396—416).

44. Историко-статистическое описаніе Екатеринослава *И. Ляликова*.
НК. 1846 (317—327).

45. Историко-статистическое описаніе Херсона *А. Б.* (Съ планомъ).
НК. 1845 (341—356).

46. Карта Новороссійскаго края.
НК. 1853 (420); 1854 (412).

47. Карта Новороссійскаго края и Бессарабіи.
НК. 1852 (366—367); 1855 (435).

48. Концессія на линію желѣзной дороги отъ Москвы до Севастополя.
НК. 1864 (46—59).

49. Краткія статистическія свѣдѣнія о Новороссійскомъ краѣ и Бессарабской области.
НК. 1838 (153—157).

50. Краткое извѣстіе объ Одесскомъ благотворительномъ обществѣ въ пользу швейцарцевъ.
НК. 1846 (349—351).

51. Краткое извѣстіе объ Одесскомъ учебномъ округѣ *І. Михневича*.
НК. 1843 (306—318).

52. Краткое статистическое обозрѣніе городовъ Новороссійскаго края и Бессарабской области.
НК. 1839 (95—149).

53. Крестьянскій поземельный банкъ.
НК. 1892 (200—202); 1893 (223).

54. Крымскій полуостровъ около половины XVIII столѣтія *Ф. Бруна*.
НК. 1868 (1—28).

55. Крымъ и интересъ его изученія *Д. Городецкаго*.
НК. 1892 (13—30).

56. Курганы и городища Херсонскаго края *В. Ястребова*.
НК. 1892 (63—80).

57. Къ исторіи землевладѣнія Новороссійскаго края.
НК. 1893 (т. 2; 137—148).

58. Къ исторіи земскаго банка Херсонской губерніи *Н. Борисова*.
НК. 1893 (т. 2; 184—192).

59. Къ исторіи неурожаевъ и народнаго продовольствія въ Бессарабіи *Д. Д. Суручана*.
НК. 1893 (т. 2; 89—101).

60. Къ исторіи продовольственнаго дѣла въ Херсонской губерніи *Н. Борисова*.
НК. 1892 (81—92).

61. Ливадія *М. Сосногоровой*. (Съ рисункомъ).
НК. 1873 (3—20).

62. Малорусскія прозвища Херсонской губерніи *В. Ястребова*.
НК. 1893 (т. 2; 29—45).

63. Матеріалы для біографіи свѣтлѣйшаго князя Михаила Семеновича Воронцова. (Съ рисункомъ).
НК. 1863 (378—396).

64. Матеріалы для исторіи Сугдеи *Ф. Бруна*. (Съ рисункомъ).
НК. 1872 (3—38).

65. Медико-статистическія разъисканія о вліяніи климата и мѣстности Одессы на здоровье ея жителей *А. Рафаловича*.
НК. 1843 (319—340).

66. Музеумъ Одесскаго общества исторіи и древностей.
НК. 1851 (398—409).

67. Мѣры и распоряженія правительства относительно Новороссійскаго края.
НК. 1860 (133—137).

68. Мѣстечко Алферово.
НК. 1843 (345—350).

69. Наводненіе въ Екатеринославѣ въ апрѣлѣ 1845 года *С. Веребрюсова*.
НК. 1846 (346—348).

70. Нападеніе непріятельскихъ пароходовъ на Очаковскія укрѣпленія.
НК. 1855 (433—434).

71. Настоящее состояніе Ростова на Дону въ 1860 годахъ. (Изъ сочиненія *А. Скальковскаго*).
НК. 1868 (74—98).

72. Начала Городового положенія 1892 года.
НК. 1893 (т. 2; 158—183).

73. Неурожай 1891 — 92 г.г. и продовольственныя нужды въ Херсонской губерніи *С. Лазаровича*.
НК. 1893 (т. 2; 102—117).

74. Николаевъ.
НК. 1839 (172—178).

75. „Новороссійскій календарь". (Библіографическая справка).
НК. 1891 (3—7); 1892 (предисловіе, 1—2).

76. Новые матеріялы для медицинской статистики Одессы за 1842 г. *А. Рафаловича.*
НК. 1844 (361—372)

77. Нынѣшнее состояніе Керчь-Еникольскаго градоначальства *Н. Н.*
НК. 1858 (464—469).

78. Нѣсколько замѣчаній для желающихъ съѣздить въ Константинополь *В. Г.*
НК. 1841 (310—323).

79. Нѣсколько словъ о морскихъ купаньяхъ *А. Линка.*
НК. 1872 (39—63).

80. Обзоръ православной іерархіи тѣхъ мѣстъ, которыя составляютъ нынѣ Новороссійскій край и Бессарабію *Н. М.*
НК. 1848 (372—382).

81. Обозрѣніе нѣкоторыхъ минеральныхъ источниковъ Керченскаго полуострова *Х. Гассгагена.*
НК. 1861 (49—53).

82. Обозрѣніе южнаго берега Крыма *Ф. Домбровскаго.*
НК. 1851 (339—379).

83. Объ измѣреніи времени *Г. Фохта.*
НК. 1861 (1—31).

84. Объ общественномъ управленіи города Одессы.
НК. 1864 (1—22).

85. Объ уравненіи времени и о составленіи солнечныхъ часовъ. (Съ рисункомъ).
НК. 1862 (343—353).

86. Объ устройствѣ солнечныхъ часовъ *В. Петровскаго.*
НК. 1844 (382—387).

87. Объ устройствѣ торговаго порта на Азовскомъ морѣ *А. Скальковскаго.*
НК. 1871 (25—32).

88. Объ учрежденіи въ Одессѣ второй гимназіи *А. П.*
НК. 1849 (409—410).

89. Объ эпидемической болѣзни холерѣ, въ г. Одессѣ и его уѣздѣ, въ 1848 году.
НК. 1849 (397—402).

90. О винодѣліи.
НК. 1838 (158—161).

91. О внѣшней торговлѣ Новороссійскаго края и Бессарабіи *Ф. К. Бруна, Ф. Б., Н. Сокальскаго, Н. С.*
НК. 1841 (271—277); 1842 (287—300); 1843 (299—305); 1844 (307—312); 1845 (303—322); 1846 (311—316); 1847 (329—336); 1849 (339—347); 1850 (327—332); 1852 (343—350); 1853 (381—395); 1854 (375—387); 1855 (371—397); 1857 (393—413).

92. Одесская богадѣльня сердобольныхъ сестеръ *А. Стурдзы.*
НК. 1853 (417—419).

93. Одесская городская публичная библіотека.
НК. 1849 (403—408).

94. Одесская лечебница для приходящихъ *Линка.*
НК. 1854 (409—411).

95. Одесскія морскія купанья, лиманныя ванны и искусственныя минеральныя воды.
НК. 1840 (172—178).

96. Одесскій Архангело-Михайловскій дѣвичій училищный монастырь *Н. М.*
НК. 1845 (357—361),

97. Одесское училище глухонѣмыхъ.
НК. 1873 (21—26).

98. О еврейскихъ колоніяхъ въ Херсонской губерніи.
НК. 1842 (311—313).

99. О значеніи дѣятельности Потемкина *Г. Е. Аѳанасьева.*
НК. 1892 (116—124).

100. О календарѣ древнихъ и новыхъ народовъ.
НК. 1837 (III—XL).

101. О караимахъ, преимущественно живущихъ въ городѣ Евпаторіи.
НК. 1839 (179—182).

102. О климатѣ Одессы.
НК. 1839 (167—172).

103. О колоніяхъ южнаго края Россіи *Г. Соколова.*
НК. 1848 (356—371).

104. О кометахъ *Г. Фохта.*
НК. 1861 (33—48).

105. О морскихъ одесскихъ купаньяхъ *А. Рафаловича.*
НК. 1842 (314—325).

106. Описаніе Молочанскаго колонистскаго округа *Э. Вальтера.*
НК. 1851 (380—397).

107. Описаніе Николаевской обсерваторіи *К. Кнорре.*
НК. 1844 (373—378).

108. О поданіи помощи въ несчастныхъ случаяхъ.
НК 1866 (239—247).

109. О постепенномъ ходѣ развитія телеграфическаго искусства *Э. Цабеля.*
НК. 1860 (441—463).

110. Опытъ программы — вопросника для собиранія географическо-историческихъ свѣдѣній по Новороссійскому краю *А. А. Матвѣева.*
НК. 1891 (93—130).

111. О соляныхъ промыслахъ.
НК. 1838 (161—163).

112. О способахъ предузнаванія погоды *В. Л.*
НК. 1841 (303—309).

113. О средней температурѣ Николаева, Херсона и Севастополя *К. Кнорре.*
НК. 1840 (166—171).

114. Островъ св. Еѳерія *Ф. Б.*
НК. 1854 (388—405).

115. Очеркъ Александрійскаго уѣзда *А. Коваленкова.*
НК. 1858 (436—463).

116. Очеркъ геогностическаго описанія Крыма *Х. Гассгагена.*
НК. 1858 (415—435).

117. Очеркъ исторіи Инкермана *И. Даневскаго.*
НК. 1855 (398—413).

118. Очеркъ Ѳеодосійскаго уѣзда *Ф. Домбровскаго.*
НК. 1856 (379—406).

119. Памяти Н. И. Пирогова, бывшаго попечителя Одесскаго учебнаго округа *С. Н. Кулябки.*
НК. 1892 (1—12).

120. Памятникъ императрицѣ Екатеринѣ II, въ Екатеринославѣ.
НК. 1848 (383—385).

121. Памятникъ Кагульской битвы. (Съ рисункомъ).
НК. 1850 (379—383).

122. Первый доменной заводъ въ Херсонской губерніи *Н. Борисова.*
НК. 1893 (т. 2; 149—154).

123. Перепись Одессы 1-го декабря 1892 г. *А. Боринеевича.*
НК. 1893 (т. 2; 200—208).

124. Передѣлъ общественной земли на наличныя мужскія и женскія души *Н. Б.*
НК. 1893 (т. 2; 155—157).

125. По Запорожью и на порогахъ *Л. Падалки.*
НК. 1892 (49—62).

126. Положеніе объ общественномъ управленіи г. Одессы.
НК. 1864 (1—22)

127. По поводу предстоящей переписи въ Одессѣ *А. Бориневича.*
НК. 1892 (125—135).

128. Правила для студентовъ и постороннихъ слушателей Императорскаго Новороссійскаго университета.
НК. 1871 (33—50).

129. Православные монастыри, скиты и киновіи въ епархіяхъ Новороссійскаго края и Бессарабіи.
НК. 1873 (109—132); 1893 (т. 1; 84—85).

130. Прибавленія къ статистикѣ Одессы. (Съ планомъ Одессы).
НК. 1836 (123—130).

131. Пространство и народонаселеніе Новороссійскаго края *А. Скальковскаго.*
НК. 1849 (348—379).

132. Пространство, населеніе и промышленность г. Одессы.
НК. 1867 (98—105).

133. Прошедшій и настоящій бытъ города Евпаторіи *Ф. Домбровскаго.*
НК. 1847 (346—356).

134. Разныя статистическія свѣдѣнія объ Одессѣ.
НК. 1835 (95—120).

135. Результаты химическихъ изслѣдованій морскихъ, озерныхъ и лиманныхъ водъ и грязей Новороссійскаго края *Х. Гассгагена.*
НК. 1850 (360—374).

136. Ришельевскій лицей и состоящая при немъ гимназія съ пансіономъ *Г. Соколова, І. Михневича.*
НК. 1847 (363—372); 1852 (351—366).

137. Рѣшеніе нѣкоторыхъ задачъ, относящихся къ лѣтосчисленію, помощію первыхъ четырехъ дѣйствій ариѳметики *Г. Бруна.*
НК. 1842 (326—332).

138. Сакскія цѣлебныя грязи.
НК. 1839 (182—185).

139. Свѣдѣнія для желающихъ помѣстить дѣтей въ Одесскій институтъ благородныхъ дѣвицъ.
НК. 1872 (64—74).

140. Свѣдѣнія о второклассномъ Успенскомъ монастырѣ въ окрестностяхъ Одессы *К. Зеленецкаго.*
НК. 1843 (341—344).

141. Свѣдѣнія о городахъ и другихъ замѣчательныхъ мѣстахъ Новороссійскаго края и Бессарабіи.
НК. 1864 (5—23); 1865 (82—100); 1866 (82—100).

142. Система Днѣпровскихъ пороговъ *И. Л.*
НК. 1846 (313—345).

143. Статистика Новороссійскаго края.
НК. 1892 (165—194); 1893 (т. 1; 197—222).

144. Статистика Одессы.
НК. 1854 (406—408).

145. Статистика растеній *Ш. Мартэна.*
НК. 1863 (365—377).

146. Статистическія свѣдѣнія о Новороссійскомъ краѣ.
НК. 1836 (59—93).

147. Статистическія замѣтки о Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи.
НК. 1872 (86—102); 1873 (160—179).

148. Статистическія свѣдѣнія о городахъ: Елисаветградѣ, Вознесенскѣ, Николаевѣ и Балаклавѣ.
НК. 1846 (328—342).

149. Статистическія свѣдѣнія по г. Одессѣ.
НК. 1869 (148—158).

150. Статистическія таблицы Новороссійскаго края и Бессарабіи.
НК. 1863 (107—130).

151. Статистическое обозрѣніе Одессы. (Съ двумя видами)
НК. 1837 (XLI—LXXX).

152. Статистическое описаніе Керчь-Еникольскаго градоначальства *А. Смоленскаго.*
НК. 1841 (278—302).

153. Статистическое описаніе Перекопскаго уѣзда *Е. Шевелева.*
НК. 1842 (301—310).

154. Статистическое описаніе Таганрогскаго градоначальства *Н. Мурзакевича.*
НК. 1840 (127—165).

155. Указатель достопримѣчательнѣйшихъ предметовъ въ городахъ и мѣстечкахъ Новороссійскаго края и Бессарабіи.
НК. 1844 (109—128); 1845 (53—86); 1846 (61—75); 1847 (59—71); 1848 (63—77); 1849 (63—78); 1850 (63—79); 1851 (63—80); 1852 (64—81); 1853 (72—93); 1854 (75—96); 1855 (76—103); 1856 (77—103); 1857 (80—101); 1858 (89—110); 1859 (87—107); 1860 (77—97); 1861 (71—90); 1862 (69—88); 1863 (71—89).

156. Условія пріема воспитанниковъ въ пансіонъ, состоящій при гимназіи Ришельевскаго лицея.
НК. 1859 (450—453).

157. Уставъ общества Одесско-Кіевской желѣзной дороги.
НК. 1864 (23—45).

158. Уставъ Одесскаго общества инженеровъ и архитекторовъ.
НК. 1865 (316—319).

159. Характеристика экономической жизни Одессы въ 1891 г. *А. Бориневича.*
НК. 1893 (т. 2; 193—199).

160. Херсонесская обитель (подп. *Вѣстникъ Херсонеса*).
НК. 1860 (437—440).

161. Химическое разложеніе воды и цѣлительной грязи Чокракскаго солянаго озера *Х. Гассагена.*
НК. 1851 (410—413).

162. Хищническое рыболовство на нашихъ лиманахъ и рѣкахъ *П. Рябкова.*
НК. 1893 (т. 2; 13—28).

163. Хронологическая таблица достопримѣчательныхъ событій Новороссійскаго края и Бессарабіи.
НК. 1865 (61—78); 1866 (61—78); 1868 (56—73); 1869 (87—104).

164. Хронологическое показаніе достопримѣчательныхъ событій отечественной исторіи въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи.
НК. 1840 (9—18); 1841 (63—69); 1842 (63—69); 1843 (63—70); 1844 (59—66); 1845 (45—52); 1846 (52—60); 1847 (50—58); 1848 (54—62); 1849 (54—62); 1850 (54—62); 1851 (54—62); 1852 (55—63); 1853 (60—71); 1854 (61—74); 1855 (61—75); 1856 (61—76); 1857 (65—79); 1858 (73—88); 1859 (71—86); 1865 (61—78); 1866 (61—78); 1868 (56—73); 1869 (87—104); 1871 (66—85); 1872 (71—85); 1873 (70—84).

165. Церковь св. пророка, предтечи и крестителя Господня Іоанна, въ гор. Керчи. (Съ рисункомъ).
НК. 1857 (439—443).

166. Черный лѣсъ и его окрестности *іеромонаха Арсенія.* (Съ планомъ).
НК. 1859 (421—430).

167. Чуфутъ-Кале и его первоначальные обитатели *раввина Бейма.*
НК. 1859 (431—444).

168. Южная Русь при Екатеринѣ II *А. Маркевича.*
НК. 1893 (т. 2; 46—75).

---

5. Труды Одесскаго статистическаго комитета. (Т. т. I—IV; 1865—1870).

169. Акцизныя учрежденія въ Одессѣ *А. Скальковскаго.*
Тр., II (269—284).

170. Біографія Одесской желѣзной дороги *А. Скальковскаго.*
Тр., I (291—310).

171. Врачебныя средства и заведенія въ Одессѣ *А. Скальковскаго.*
Тр., III (115—131).

172. Второй статистическій съѣздъ въ Одессѣ 1868 г.
Тр., IV (1—46).

173. Вѣдомство православнаго исповѣданія, въ Одесскомъ градоначальствѣ, за 1863 годъ *Г. Попруженко.*
Тр., I (137—146).

174. Географическій и топографическій очеркъ Одесскаго градоначальства *А. Шмакова.*
Тр., III (1—37).

175. Дѣйствительное населеніе Одессы въ 1863 году *А. Скальковскаго.*
Тр., I (129—136).

176. Историческій очеркъ основанія и развитія г. Одессы *А. Шмакова.*
Тр., III (46—88).

177. Изслѣдованія Одесской почвы *Завадовскаго.* (Съ планомъ).
Тр., I (59—127).

178. Изслѣдованіе о смертности въ Одессѣ, въ десятилѣтній періодъ, съ 1851 по 1860 годъ включительно *М. Финкеля.*
Тр., I (147—216).

179. Климатъ Одессы и вліяніе его на общественное здоровье *И. Федорова.*
Тр., III (107—114).

180. Къ вопросу о счисленіи и движеніи населенія *М. Финкеля*.
Тр., II (19—34).

181. Матеріалы для исторіи общественнаго образованія въ Одессѣ *А. Скальковскаго*.
Тр., II (93—124).

182. Начало развитія заводской промышленности въ Одессѣ *А. Скальковскаго*.
Тр., IV (143—157).

183. Общее обозрѣніе внѣшней торговли по Одесскому таможенному округу за 1865 г. *Мордвинова*.
Тр., II (231—268).

184. Одесса за 40 лѣтъ назадъ *А. Скальковскаго*.
Тр., IV (47—68).

185. Одесскіе лиманы *И. Шмакова*.
Тр., II (35—92).

186. Одесскій портъ *П. Бѣлявскаго*. (Съ планомъ).
Тр., I (265—290).

187. Одесскій учебный округъ въ 1869 году.
Тр., IV (211—239).

188. Одесское заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ (1829—1866).
Тр., IV (178—184).

189. Одесское Общество исторіи и древностей, его записки и археологическія собранія *Ф. Бруна*.
Тр., IV (69—101).

190. О Куяльницкомъ соляномъ промыслѣ *П. Шостака*. (Съ планомъ).
Тр., I (217—240).

191. О положеніи рабочаго класса въ Одессѣ *И. Федорова*.
Тр., III (89—106).

192. Отголосокъ Степовика по вопросу: отчего у насъ такъ вздорожала земля?
Тр., IV (167—176).

193. О торговлѣ съ Индіею чрезъ Одессу. (Историческій документъ 1804 г.).
Тр., IV (130—134).

194. О цѣнности земель въ окрестностяхъ Одессы *А. Скальковскаго*.
Тр., IV (159—167).

195. О цѣнности земли въ Новороссійскомъ краѣ.
Тр., IV (158—177).

196. Очеркъ торгово-юридической статистики Одессы *А. Митькова.*
Тр., I (311—316).

197. Почты и телеграфы въ Одессѣ (1808—1869) *А. Скальковскаго.*
Тр., IV (185—192).

198. Поѣздка въ Ольвію *А. Скальковскаго.*
Тр., IV (102—116).

199. Пятая или загородняя часть г. Одессы *А. Скальковскаго.*
Тр., II (217—228).

200. Результаты регистраціи Одесскаго населенія въ 1866 году *А. Скальковскаго.*
Тр., II (285—296).

201. Русское общество пароходства и торговли (1857—1869) *А. Скальковскаго.*
Тр., IV (193—210).

202. Статистическій съѣздъ въ Одессѣ.
Тр., II (1—34).

203. Стоимость городскихъ имуществъ и городское хозяйство *А. Шмакова.*
Тр., III (38—45).

204. Судьбы мѣстности занимаемой Одессою *Ф. Бруна.*
Тр., I (15—45).

205. Тонкорунное овцеводство и торговля шерстью при Одесскомъ портѣ *А. Скальковскаго.*
Тр., IV (135—147).

206. Топографическое описаніе города Одессы *Н. Крылова.*
Тр., I (47—58).

207. Торговля заводская, фабричная и ремесленная промышленность въ Одессѣ *А. Скальковскаго.*
Тр., I (241—265).

208. Торговля скотомъ и мясомъ на Одесскихъ рынкахъ продовольствія *А. Скальковскаго.*
Тр., IV (117—129).

209. Учебныя заведенія въ Одесскомъ градоначальствѣ *А. Вистъ.*
Тр., II (125—215).

---

6. „Памятная книжка Одесскаго градоначальства" (1870, 1878, 1879, 1880),

210. Врачебныя средства и заведенія въ Одессѣ.
ПК., 1870 (115—125).

211. Географическій и топографическій очеркъ Одесскаго градоначальства *А. Шмакова.*
ПК., 1870 (1—37).

212. Движеніе одесскаго населенія въ г.г. 1870, 1877 и 1878 *А. Скальковскаго.*
ПК. 1870 (64—72); 1879 (40—45); 1880 (52—63).

213. Заслуги Одессы предъ отечествомъ *А. Скальковскаго.*
ПК. 1880 (37—51).

214. Историческій очеркъ основанія и развитія г. Одессы *А. Шмакова.*
ПК. 1870 (46—88).

215. Климатъ Одессы и вліяніе его на общественное здоровье *И. Федорова.*
ПК. 1870 (107—114).

216. Настоящая численность Одесскаго населенія въ 1870-хъ годахъ *И. Федорова.*
ПК. 1870 (47—63).

217. Общественная благотворительность въ Одессѣ *А. Скальковскаго.*
ПК. 1879 (49—60).

218. Одесса 84 года тому назадъ и теперь *А. Скальковскаго*
ПК. 1879 (37—39).

219. Одесса въ лечебномъ отношеніи *А. С.*
ПК. 1880 (68—77).

220. Одесса въ 1870-хъ годахъ *А. Скальковскаго.*
ПК. 1878 (37—46).

221. Одесская торговля въ 1868 году *А. Скальковскаго.*
ПК. 1870 (126—131).

222. О положеніи рабочаго класса въ Одессѣ *И. Федорова.*
ПК. 1870 (89—106).

223. Павловская глазная лечебница въ Одессѣ.
ПК. 1880 (78—79).

224. Русская ученая экспедиція въ Египтѣ для изученія чумы, въ 1839—1844 годахъ *А. Скальковскаго.*
ПК. 1880 (95—104).

225. Санитарная полиція въ Одессѣ.
ПК. 1879 (46—48).

226. Смертность города Одессы за 1878 г.
ПК. 1880 (64—67).

227. Стоимость городскихъ имуществъ и городское хозяйство *А. Шмакова.*
ПК. 1870 (38—45).

228. Черные дни Одессы. (Чума 1812—13, 1829—30, 1837—38 г.г.) *А. Скальковскаго.*
ПК. 1880 (80—116).

---

7. „Адресъ-календарь Одесскаго градоначальства" (1877, 1881—1914 г.г.).

229. Временные Одесскіе генералъ-губернаторы.
АК., 1905. 1906 г.г.

230. Движеніе и развитіе Одесскаго населенія въ первомъ году послѣ столѣтняго его существованія *А. Скальковскаго.*
АК., 1896 (116—121).

231. Движеніе (и развитіе) Одесск. населенія *А. Скальковскаго* и др.
АК., 1881 (22—29); 1882 (19—26); 1883 (235—243); 1884 (33—38); 1885 (324—332); 1886 (330—337); 1887 (330—338); 1888 (339—347); 1889 (391—400); 1890 (444—458); 1891 (419—431); 1892 (432—437); 1893 (441—448); 1894 (489—495); 1895 (114—121); 1896 (116—121); 1897 (129—134).

232. Любопытный документъ для исторіи общественнаго развитія Одессы (1802—1803) *А. Скальковскаго.*
АК., 1888 (348—355).

233. Нѣсколько документовъ о торговой промышленности Одессы въ десятилѣтіе 1876—1886 *А. Скальковскаго.*
АК., 1887 (339—346).

234. Общественная благотворительность въ Одессѣ *А. Скальковскаго.*
АК., 1886 (338—344).

235. Одесскій юбилей *К. Скальковскаго.*
АК., 1890 (451—458); 1891 (426—431).

236. Роспись доходовъ и расходовъ Одессы въ 1802 году.
АК., 1888 (350—354).

237. Списокъ генералъ-губернаторовъ Новороссійскаго края.
АК., 1905. 1906 г.г.

238. Списокъ градоначальниковъ города Одессы.
АК, 1905. 1906 г.г.

239 Сравнительныя цифры народнаго образованія за 20 лѣтъ въ Одессѣ *И. Ф. Федорова.*
АК., 1887 (347—349).

240. Столѣтіе Новороссійскаго генералъ-губернаторства. 1774—1874. *А. Скальковскаго.*
АК., 1881 (18—21).

241, Столѣтній юбилей Одессы *А. Скальковскаго.*
АК., 1889 (401—411).

242. Торговля и промышленность Одессы *А. Скальковскаго.*
АК., 1885 (333—338)

243. Хронологическая таблица достопримѣчательныхъ событій Одесскаго градоначальства.
АК., 1886 (345—358); 1887 (350—366); 1888 (356—374); 1889 (412—430); 1890 (459—477); 1891 (432—450); 1892 (438—456); 1893 (449—468); 1894 (496—516); 1895 (122—144); 1896 (122—147); 1897 (135—164); 1898 (145—176); 1899 (347—380).

Алфавитъ упоминаемыхъ въ заглавіяхъ статей именъ, предметовъ, событій и проч.

Цифры означаютъ номера статей по настоящему указателю.

Азовское море. 87.
Александрійскій уѣздъ. 115.
Алупка. 7.
Алферово. 68.
Армяне-католики. 8.
Арсеній. 166.
Артезіанскіе колодцы. 9.
Аѳанасьевъ, Г. Е. 99.

Б., А. 45.
Б., Н. 124.
Б., Ф. 33, 91, 114.
Багчесерай. 40.
Балаклава. 148.
Балто-Елисаветградская жел. дор. 21.
Банкъ (дворянскій). 27
Банкъ (земскій) Херсонской губ. 35, 58.
Банкъ (крестьянскій). 53.
Вахчисарай. 40.
Башня на Бельбекѣ. 30.
Бельбекъ. 30.
Бердянскъ. 10.
Бессарабія. 11, 13, 17, 22, 31, 33, 34, 36, 47, 49, 52, 59, 80, 129, 141, 147, 150, 155, 163, 164.
Беймъ. 167.
Библіотека (Одесская городская). 93
Біографія Одесской жел. дороги. 170.
Благотворительность Одессы. 217, 234.
Богадѣльня (Одесская) сердобольныхъ сестеръ. 92.
Бомбардированіе Одессы. 15.
Бориневичъ, А. С. 123, 127, 159.
Борисовъ, Н. 26, 35, 58, 60, 122.
Брунъ, Г. 137.
Брунъ, Ф. К. 31, 33, 54, 64, 91, 114, 189, 204.
Бытъ г. Евпаторіи. 133.
Вѣглыхъ (о) въ Одессѣ. 38.
Вѣлецкій, А. 39.
Вѣлявскій, П. 186.

Вальтеръ, Э. 106.
Ванны (Одесскія лиманныя). 95.
Веребрюсовъ, С. 69.
Взглядъ на заведенія общ. призрѣнія въ Одессѣ. 16.
Взглядъ на состояніе Новороссійскаго края и Бессарабіи. 17.
Взглядъ на учебныя заведенія Новороссійскаго края и Бессарабіи. 36.
Взятіе англійскаго парохода „Тигръ“. 18.
Взятіе канонерской лодки. 19.
Винодѣліе. 90
Вистъ, А. 209.
Воды (морскія, озерныя и лиманныя) Новороссійскаго края. 135.
Воды (Одесскія) искусственныя минеральныя. 95, 188.
Вознесенскъ 148.
Воронцовъ, князь М. С. 63.
Времени (объ измѣреніи) 83.
Времени (объ уравненіи). 85.
Вѣдомство православнаго исповѣданія. 173.
Вѣстникъ Херсонеса. 160.

Г., В. 78.
Г., Д. М 24.
Гассгагенъ, Х. 81, 116, 135, 161.
Генералъ-губернаторство (Новороссійское). 240.
Генералъ-губернаторы Новороссійскаго края. 237.
Генералъ-губернаторы (Одесскіе). 229.
Гимназія (вторая) въ Одессѣ. 88.
Головкинскій, Н. 9.
Города Новороссійскаго края и Бессарабіи. 22, 141.
Городецкій, Д. 55.
Городища Херсонскаго края. 56.
Градоначальники Одессы 238.
Градоначальство (Керчь-Еникольск.). 77, 152.
Градоначальство (Одесское). 173, 174.
Грязи Новороссійскаго края. 135.
Грязи (Сакскія). 138.
Грязь Чокракскаго озера. 161.

Даневскій, И. 117.
Движеніе земельной собственности въ Екатеринославской губ. 24.
Движеніе земельной собственности въ Херсонской губ. 26.
Движеніе и счисленіе населенія. 180.
Движеніе Одесскаго населенія. 25, 180, 212, 230, 231.
Дни (черные) Одессы. 228.
Домбровскій, Ф. 40. 41, 82, 118, 133.
Дорога (желѣзная). 21.
Дорога (желѣзная) Москва—Севастополь. 48.
Дорога (Одесская жел.). 170.
Дорога (Одесско-Кіевская желѣзная). 157.
Дѣло (продовольственное) въ Херсон. губ. 60.

Евпаторія. 101, 133.
Еврейскія колоніи, 43, 98.

Египетъ. 224.
Екатерина II (Императрица). 120, 168.
Екатеринославская губернія. 24.
Екатеринославъ. 14, 44, 69, 120.
Елисаветградъ. 148.

Жизнь (экономическая). Одессы. 159.

Завадовскій. 177
Заведеніе (водолечебное) въ Кл.-Либенталѣ. 20.
Заведенія (врачебныя) въ Одессѣ, 171, 210.
Заведенія общественнаго призрѣнія въ Одессѣ. 16.
Заведенія (учебныя) въ Одесскомъ градоначальствѣ. 209.
Заведенія (учебныя) Новороссійскаго края и Бессарабіи. 36.
Заводъ (доменной) въ Херсонской губ. 122.
Замерзаніе Одесскаго порта. 5.
Замѣтки для путешествен. по Крыму. 32.
Замѣтки (статистическія) о Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи. 147.
Замѣчанія о Бессарабской области. 34.
Запорожье и пороги. 125.
Заселеніе Одессы. 39.
Заслуги Одессы. 213.
Захаріевичъ, Ѳ. 43.
Здоровье жителей Одессы. 65.
Здоровье (общественное) въ Одессѣ. 25, 179, 215
Зеленецкій, К. 140.
Земель (о цѣнности) въ окрестностяхъ Одессы. 194.
Землевладѣніе Новороссійскаго края. 57.
Земли (о цѣнности) въ Новороссійскомъ краѣ. 195.
Земля (общественная). 124.
Земли (отчего такъ вздорожала?). 192

Измѣреніи (объ) времени. 83.
Инкерманъ. 117.
Институтъ (Одесскій) благородн. дѣвицъ. 139.
Искусство (телеграфическое). 109.
Источники (минеральные). 81.

Іерархія (православная). 80.

Кагулъ. 121.
Календарь (метеорологическій). 2.
Календарь (Новороссійскій). 75.
Календарѣ (о) др. и нов. народовъ. 100.
Calendrier météorologique. 1.
Каранмы. 101.
Карауловъ, Г. 30.
Карта Новороссійскаго края и Бессарабіи. 46, 47.
Керченскій полуостровъ. 81.
Керчь. 81, 165.
Керчь-Еникольское градоначальство. 77, 152.
Киновіи въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи. 129.
Клейнъ-Либенталь. 20.
Климатъ Одессы. 65, 102, 179, 215.
Кнорре, К. 107, 113.
Княжевичъ, Д. М. 28.
Коваленковъ, А. 115
Колодцы (артезіанскіе). 9.
Колоніи (еврейскія). 43, 98.
Колоніи южнаго края Россіи. 103.
Кометахъ (о). 104.
Константинополь. 78.
„Кривая Коса". 19.
Крыловъ, Н. 206.
Крымъ. 32, 54, 55, 82, 116.
Кулябка, С. П. 23, 119.
Купанья (Одесскія морскія). 79, 95, 105.
Курганы Херсонскаго края. 56.

Л., В. 112.
Л., И. 142.
Лазаровичъ, С. 73.
Лечебница (глазная) въ Одессѣ. 223.
Лечебница (Одесская) для приходящихъ. 94.
Ливадія. 61.
Лиманы и грязи Новороссійскаго края. 135.
Лиманы (Одесскіе). 185.
Линкъ, А. 79, 94.
Лодка (непріятельская винтовая). 19.
Лѣтосчисленіе. 137.
Ляликовъ, И. 44.

М., Н. 80, 96.
Маркевичъ, А. 168.
Мартэнъ, Ш. 145.
Матвѣевъ, А. А. 110.
Матеріалы для біографіи кн. М. С. Воронцова. 63.
Матеріалы для исторіи общественнаго образованія въ Одессѣ. 181.
Матеріалы для исторіи Сугдеи. 64.
Матеріалы для медицинской статистики Одессы. 76.
Météorologie. 1.
Метеорологія. 2.
Минаковъ, И. 28.
Митьковъ, А. 196.
Михновичъ, І. 12, 36, 51, 136
Молочане. 106.
Монастыри въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи. 129.
Монастырь (Одесскій дѣвичій). 96.
Монастырь (Успенскій) въ окрестностяхъ Одессы. 140.
Мордвиновъ. 183.
Москва—Севастополь (жел. дорога). 48.
Музеумъ Одесскаго общ. исторіи и древностей. 66.
Мурзакевичъ, Н. 154.
Мѣры правительства относительно Новороссійскаго края. 67.
Мѣста (замѣчат.) Новороссійскаго края и Бессарабіи. 141.
Мѣстечки Новороссійскаго края и Бессарабіи. 22.

Н., П. 77.
Наводненіе въ Екатеринославѣ. 69.
Нападеніе непріятельскихъ пароходовъ на Очаковск. укр 70.
Народонаселеніе въ Одессѣ. 25.
Народонаселеніе Новороссійскаго края. 131.

Населеніе Одессы. 132, 175, 200, 212, 216, 230, 231.
Начала Городового положенія. 72.
Начало промышленности въ Одессѣ. 182.
Неурожаи въ Бессарабіи. 59.
Неурожай въ Херсонской губ. 73.
Николаевъ. 74, 113, 148.
Николь (аббатъ) 6.
„Новороссійскій календарь". 75.
Новороссійскій край. 8, 13, 17, 22, 29, 31, 33, 36, 43, 46, 47, 49, 52, 57, 67, 80, 91, 110, 129, 131, 135, 141, 143, 146, 147, 150, 155, 163, 164, 195, 237.
Нужды (продовольственныя) въ Херсонской губ. 73.

Обзоръ православной іерархіи. 80.
Обитель (Херсонесская). 160.
Обозрѣніе (статистическое) Новороссійскаго края и Бессарабской обл. 52.
Обозрѣніе (статистическое) Одессы. 151.
Обозрѣніе торговли по Одесскому таможенному округу. 183.
Обозрѣніе ю. берега Крыма. 82.
Образованіе (народное) въ Одессѣ. 239.
Образованіе (общественное) въ Одессѣ. 181.
Обсерваторія (Николаевская). 107.
Общество (благотворительное) въ пользу швейцарцевъ. 50.
Овцеводство (тонкорунное) 205.
Одесса. 3, 15, 16, 23, 25, 37, 38, 39, 50, 51, 65, 76, 84, 88, 89, 102, 123, 126, 127, 130, 132, 134, 140, 144, 149, 151, 159, 169, 171, 172, 173, 175, 176, 177, 178, 179, 181, 182, 184, 185, 186, 191, 193, 196, 197, 199, 200, 202, 204, 205, 206, 207, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 225, 226, 228, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 238, 239, 241, 242, 243.
Odessa. 4.
„Одесское заведеніе искусств. минеральныхъ водъ". 188.
„Одесское общество исторіи и древностей". 66, 189.
Озеро (Чокракское). 161.
Округъ (Молочанскій колонистскій). 106.
Округъ (Одесскій таможенный). 183.
Округъ (Одесскій учебный). 51, 187.
Ольвія. 198.
Описаніе (геогностическое) Крыма. 116.
Описаніе еврейскихъ колоній Новороссійскаго края. 43.
Описаніе (историко-статист.) Екатеринослава. 44.
Описаніе (историко-статист.) Симферополя. 42.
Описаніе (историко-статист.) Херсона. 45.
Описаніе Молочанскаго колонистск. окр. 106.
Описаніе (статистическое) Керчь-Еникольскаго градонач. 152.
Описаніе (статистическое) Новороссійскаго края. 29.
Описаніе (статистическое) Перекопскаго уѣзда. 153.
Описаніе (статистическое) Таганрогскаго градоначальства. 154.
Описаніе (топографическое) Одессы. 206.
Островъ св. Евсрія. 114.
Отголосокъ Степовика. 192.
Очаковъ. 70.
Очеркъ Александрійскаго уѣзда. 115.
Очеркъ геогностическаго описанія Крыма. 116.
Очеркъ (историко-статист.) Вагчесерая. 40.
Очеркъ (историко-статистич.) Ѳеодосіи. 41.
Очеркъ (историческій) Одессы. 176, 214.
Очеркъ Одесскаго градоначальства. 174, 211.
Очеркъ статистики Одессы. 196.
Очеркъ Ѳеодосійскаго уѣзда. 118.

П., А. 88.
Падалка, Л. 125.
Памятникъ императрицѣ Екатеринѣ II. 120.
Памятникъ Кагульской битвы. 121.
Пароходы (непріятельскіе). 70.
Передѣлъ общественной земли. 124.
Перекопъ. 14, 153.
Перепись Одессы. 123, 127.
Петровскій, В. 86.
Пироговъ, Н. И. 119.
Погоды (о предузнаваніи). 112.
Показаніе (хронологическое) событій Новороссійскаго края и Бессарабіи. 163, 164.
Полиція (санитарная) въ Одессѣ. 225.
Положеніе (городовое). 72.
Положеніе объ общественномъ управленіи Одессы. 126.
Положеніе рабоч. класса въ Одессѣ. 191, 222.
Полуостровъ (Керченскій). 81.
Полуостровъ (Крымскій). 54.
Помощи (поданіе) въ несчастныхъ случаяхъ. 108.
Попруженко, Г. 173.
Пороги (Днѣпровскіе). 142.
Портъ (Одесскій). 5, 186, 205.
Портъ (торговый) на Азовскомъ морѣ. 87.
Потемкинъ. 99.
Почва (Одесская). 177.
Почты въ Одессѣ. 197.
Поѣздка въ Ольвію. 198.
Правила для студентовъ Новороссійскаго университета. 128.
Предузнаваніе погоды. 112.
Программа-вопросникъ для собиранія географич.-историч. свѣдѣній. 110.
Продовольствіе (народное) въ Бессарабіи. 59.
Прозвища (малорусскія). 62.
Промыселъ (Куяльницкій соляной). 190.
Промыслы (соляные). 111.
Промышленность Одессы. 132, 182, 207, 233, 242.
Пространство Новороссійскаго края. 131.
Пространство Одессы. 132.

Рабочіе въ Одессѣ. 191, 222.
Развитіе (общественное) Одессы. 232.
Разложеніе (химическое) воды и грязи Чокракскаго озера. 161.
Разысканія (медико-статистич.) о вліяніи Одессы на здоровье. 65.
Распоряженія правительства относительно Новороссійскаго края. 67.
Рафаловичъ, А. 25, 65, 76, 105.
Результаты регистраціи Одесскаго населенія. 200.

Ришелье (де). 12.
Ришельевский лицей. 6, 136. 156.
Роспись доходовъ и расходовъ Одессы. 236.
Ростовъ-на-Дону. 71.
„Русское об-во пароходства и торговли". 201.
Русь (Южная). 168.
Рыболовство на лиманахъ и рѣкахъ. 162.
Рынки (Одесскія). 208.
Рябковъ, П. 162.

С., А. 219.
С., Н. 91.
Саки. 138.
Свѣдѣнія (статистическія) о Новороссійскомъ краѣ и Бессарабской области. 49, 52, 146, 147.
Свѣдѣнія (статистическія) по Елисаветграду, Вознесенску, Николаеву и Балаклавѣ. 148.
Свѣдѣнія (статистическія) по Одессѣ. 134, 149, 151.
Севастополь. 113.
Севастополь—Москва (жел. дорога). 48.
Симферополь. 42.
Система Днѣпровскихъ пороговъ. 142.
Скальковскій, А. А. 8, 17, 71, 87, 131, 169, 170, 171, 175, 181, 182, 184, 194, 197, 198, 199, 200, 201, 205, 207, 208, 212, 213, 217, 218, 220, 221, 224, 228, 230, 232, 233, 234, 240, 241, 242.
Скальковскій, К. 235.
Скиты въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи. 129.
Словъ (нѣсколько) о морскихъ купаньяхъ. 79.
Смертность въ Одессѣ. 178, 226.
Смоленскій, А. 152.
Собственность (земельная). 24, 26.
События (достопримѣчательныя) въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи. 164.
События (достопримѣчательныя) въ Одессѣ. 243.
Сокальскій, Н. 91.
Соколовъ, Г. 103, 136.
Сосногорова, М. 61.
Средства (врачебныя) въ Одессѣ. 171, 210.
Статистика Новороссійскаго края. 29, 49, 52, 143, 146, 147, 150.
Статистика Одессы. 3, 76, 130, 134, 144, 149, 151, 172, 196, 200.
Статистика растеній. 145.
Statistique d'Odessa. 4.
Стоимость городск. имуществъ. 203, 227.
Столѣтіе Новороссійскаго генералъ-губернаторства. 240.
Стурдза, А 92.
Сугдея. 64.
Судьбы мѣстности занимаемой Одессою. 204.
Суручанъ, Д. Д., 11, 59.
Счисленіе и движеніе населенія. 180
Съѣздъ (статистическій) въ Одессѣ. 172, 202.
Сюреньское укрѣпленіе. 30.

Таблица событій въ Одессѣ. 243.
Таблицы (статистическія) Новороссійскаго края и Бессарабіи. 150.
Таблица (хронологическая) событій Новороссійскаго края и Бессарабіи. 163, 164.
Таврическая губернія. 9, 118.
Таганрогъ. 154.
Телеграфы въ Одессѣ. 197.
Температура (средняя) Николаева, Херсона и Севастополя. 113.
„Тигръ" (пароходъ-фрегатъ). 18.
Топографія (древняя) Новороссійскаго края и Бессарабіи. 31, 33.
Торговля (внѣшняя) Новороссійскаго края и Бессарабіи. 91.
Торговля (Одесская). 183, 193, 205, 208, 221, 242.
Торговля по Одесскому таможен. округу. 183.
Торговля скотомъ и мясомъ на Одесскихъ рынкахъ. 208.
Торговля съ Индіею. 193.
Торговля шерстью при Одесск. портѣ. 205.
Трактъ отъ Екатеринослава до Перекопа. 14.

Указатель достопримѣчат. предметовъ въ Новороссійск. краѣ и Бессарабіи. 155.
Укрѣпленіе (Сюреньское). 30.
Укрѣпленія (Очаковскія). 70.
Университетъ (Имп. Новороссійскій). 128.
Управленіе (общественное) Одессы. 84, 126.
Условія пріема въ Ришельевскій лицей. 156.
Уставъ об-ва Одесско-Кіевской жел. дор. 157.
Уставъ Одесск. об-ва инженеровъ и архитекторовъ. 158.
Училище (Одесское) глухонѣмыхъ. 97.
Учрежденія (акцизныя) Одессы. 169.
Учрежденія (благотворительныя) Новороссійскаго края и Бессарабіи. 13.
Учрежденія (богоугодныя) Новороссійскаго края и Бессарабіи 13.
Учрежденія (воспитательныя) Новороссійскаго края и Бессарабіи. 13.
Учрежденія (врачебныя) Новороссійскаго края и Бессарабіи. 13.

Федоровъ, И. 179, 191, 215, 216, 222, 239.
Финкель, М. 178, 180.
Флотъ (англо-французскій). 15
Фохтъ, Г. 83, 104

Характеристика экономической жизни Одессы. 159
Херсонесъ. 160.
Херсонская губернія. 26, 35, 60, 62, 73, 98, 122.
Херсонскій край. 56
Херсонъ. 45, 113.
Хозяйство (городское). 203, 227.
Холера въ г. Одессѣ. 89.

Цабель, Э. 109.
Церковь св. пророка Іоанна въ Керчи. 165
Цыгане. 11.
Цѣнность земель въ окрестн. Одессы. 194.
Цѣнность земли въ Новороссійск. краѣ. 195.

Часовня въ Одессѣ. 37.
Часть (загородная) Одессы. 199.
Часы (солнечные). 85, 86.
„Черный лѣсъ". 166.

Чернѣвскій, И. 34.
Численность Одесскаго населенія. 216.
Чокракское соляное озеро. 161.
Чума. 224, 228.
Чуфутъ-Кале. 167.

Шевелевъ, Е. 32, 153.
Шмаковъ, А. 14, 174, 175, 203, 211, 214, 227.
Шмаковъ, И. 185.
Шостакъ, П. 190.

Экспедиція (русская) въ Египтѣ. 224.

Юбилей Одессы. 235, 241.
Южный берегъ Крыма. 82.
Юрченко, П. 6.

Яковлевъ, В. А. 6, 38.
Ястребовъ, В. 56, 62.

Өеодосія. 41.
Өеодоссійскій уѣздъ. 118.

Изъ бумагъ М. М. Кирiакова.

Печатаемые ниже документы извлечены изъ небольшого собранiя бумагъ, предоставленнаго Императорскому Одесскому Обществу Исторiи и Древностей гвардiи полковникомъ М. М. Кирiаковымъ, живущимъ въ имѣнiи Докторовичи (Минская губ.) и имѣющимъ въ своемъ распоряженiи разнообразные рукописные матерiалы, въ томъ числѣ и оставшiеся послѣ смерти его дѣда Михаила Михайловича Кирiакова, который, занимая въ 30 годы прошлаго вѣка выдающееся положенiе среди интеллигенцiи Одессы, былъ инiцiаторомъ учрежденiя въ 1839 году Императорскаго Одесскаго Общ. Исторiи и Древностей [1]).

Этотъ „архивъ“ представляетъ пестрый характеръ: здѣсь находятся прежде всего бумаги и черновые списки нѣкоторыхъ работъ самого М. М. Кирiакова, какъ напримѣръ „Хозяйственныя замѣтки о Херсонской губернiи“, напечатанныя въ 85 номерѣ „Земледѣльческой газеты“ за 1836 г., или „Очеркъ исторiи Херсонской губернiи со времени первыхъ объ ней свѣдѣнiй до открытiя губернiи въ 1803 г.“, напечатанный въ изд. „Матерiалы для статистики Россiйской Имперiи“, Спб. 1839, отд. II, стр. 169—176. Нѣкоторые матерiалы такого рода по статистикѣ и исторической географiи Новороссiйскаго края сохранились въ разрозненномъ состоянiи и не были, кажется, напечатаны. Сохранился, затѣмъ, въ этомъ собранiи рядъ записокъ, относящихся къ исторiи Одессы и Новороссiи, какъ напримѣръ извѣстная и по другимъ источникамъ записка И. А. Стемпковскаго „Note sur les recherches d'antiquités, qu'il y aurait á faire dans la Russie Méridionale“, „историческая записка объ одесской чумѣ 1829 года“, напеч. нынѣ въ „Русской Старинѣ“ (1914), разнообразные документы въ оригиналахъ и копiяхъ касательно членовъ рода Кирiаковыхъ, семейныя бумаги и письма.

Изъ всего числа присланныхъ пока въ распоряженiе Общества матерiаловъ воспроизводится здѣсь два документа. Первый—донесенiе

---

[1]) Подробнѣе о М. М. Кирiаковѣ вообще, а въ частности объ участiи его въ созданiи названнаго Общества см. *М. Г. Попруженко*—„Одесская Городская Публичная Библiотека“. Одесса, 1911, стр. 21, а также статьи по поводу 75 лѣтiя Имп. Одес. Общ Ист. и Древн.—въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за 1914 г. № 11 М. Г. Попруженко и въ Журн. М. Нар. Просв. 1914 г. № 12 Б. В Варнеке.

генерала П. А. Текелія о взятіи Сѣчи Запорожской въ 1775 г.; это донесеніе напечатано было еще въ 1853 г. въ „Запискахъ“ Общества архіепископомъ Гавріиломъ (т. III, стр. 587—9), но безъ приложеній; по указанію полк. М. М. Кіріакова въ его архивѣ сохранился и черновикъ этого донесенія, для сравненія съ которымъ М. М. можетъ быть и получилъ (какъ и архіеп. Гавріилъ) отъ М. С. Воронцова секретно присланную ему отъ военнаго министра А. Чернышева копію подлиннаго текста рапорта главнаго руководителя дѣломъ уничтоженія Сѣчи Запорожской. Второй документъ—рапортъ М. С. Воронцова Императору Николаю I-му о Новороссійскомъ краѣ въ періодъ отъ 1823 по 1838 представляетъ интересъ, какъ сжатый и общій очеркъ состоянія различныхъ сторонъ жизни всего края.

А. Флоровскій.

Копія.

I.

Доношеніе о взятіи Сѣчи Запорожской.

Всепресвѣтлѣйшей, Державнѣйшей, Великой Государини Императрицы Екатерины Алексѣевны, Самодержицы Всероссійской, Государыни Всемилостивѣйшей.

Отъ Генералъ порутчика *Текелїи.*

По прибытіи моемъ къ Корпусу, заставъ оной въ марше не дошедшей до Елисаветъ, на время собранія его къ оному Городу и что надобность требовала отъехать обратно въ Кременчугъ къ Генералъ-поручику и кавалеру Князю Прозоровскому для положенія съ нимъ мѣръ о окруженіи сечи запорожской со всѣхъ сторонъ, и согласясь коль скоро возвратно къ Корпусу прибылъ, раздѣлилъ оной на деташаменты, о коихъ краткое описаніе Вашему Императорскому Величеству подношу, а 25-го прошедшаго маія пошли каждой въ свои назначенныя мѣста, полагая заступить все въ одно время, 7-го числа сего мѣсяца, а Генералъ поручику Прозоровскому, съ Ему ввѣренными войсками по ту сторону Днѣпра также исполнить; я съ главною частію Корпуса пошелъ прямо въ сечь; и слѣдуя тѣми землями, по коихъ Запорожцы обиталищи свои имѣютъ, чтобъ смотря на марширующее войско, имѣя при томъ слухи и въ концахъ округовъ проживанія ихъ, по границамъ о движеніяхъ войскамъ; сумнѣваясь я, чтобъ о настоящемъ предпрїятіи несталибъ сїи люди думать, а потому или прїуготовленїе ко вреду имѣть, или къ побѣгу способы избирать и тѣмъ тревожится, и чтобъ Кошевой Калнишевской и писарь Глоба уйтить не могли, къ отвращенію того положилъ скорѣйшей маршъ съ своею частію Корпуса принимать—и на 4-ое число къ сечи прибылъ предъ свѣтомъ, оставляя корпусъ при занятіи лагеря, самъ взялъ съ полковникомъ Языковымъ его Орловской пѣхотной полкъ и небольшую часть конницы подъ командою полковника и кавалера Барона Розена, пошелъ прямо въ селеніи и въ ретрашаментъ, ни кѣмъ за ихъ сномъ необозримъ, такъ что и часовые при ихъ Артилеріи въ томъ же упражненіи были; которою ускорили полковникъ Розенъ конницею чинять тожъ введенныя сюда, а къ тому поспѣшилъ и Языковъ съ пѣхотою, какъ то занятіе прїумножить, такъ и по всѣмъ улицамъ пристойныя караулы разставить осталось только ихъ укрѣпленіе кошей, при коемъ ихъ караулы были не спящія,—умѣривая Всевысочайшіи Вашего Императорскаго Величества соизволеніи, дабы спокойно и безъ кровопролитія кончить,—посланъ къ вызову коше-

ваго ко мнѣ подполковникъ Мисюревъ, котораго хотя долго недопущали во укрѣпленіе Кошей; но однако примѣчаю какъ обозрились, что ихъ укрѣпленіе со всѣхъ сторонъ окружено, и занята Артиллерія и суда стоящія на рѣкѣ Подполье, впадающей въ Днѣпръ; и сколь уже не было имъ средствъ къ утечки столь и къ оборонѣ не въ силахъ допустили его Мисюрева и согласился Кошевой съ своими Старшинами ко мнѣ выѣхать; а по прибытіи въ лагерь взятъ онъ писарь Глоба, и какъ сказываютъ ихъ же единомысленникъ Судья Головатой подъ караулъ, въ самоежъ то время четыре за время приготовленныя пѣхотныя роты и во укрѣпленіе Кошей вступивъ заняли оные, гдѣ ихъ Войска болѣе трехъ тысячъ находилось, и тогдажъ взяты подъ корпусной караулъ войсковой казенной и пороховой погреба, канцелярія кошей и всѣ принадлежности, на завтрешній день собраны были изъ укрѣпленія въ полѣ Войсковые Старшины, Куренные атаманы и казаки и при объявленіи Всевысочайшаго Вашего Императорскаго Величества объ ихъ народу соизволеніе положили ружья.

А нынѣ описывается ихъ Артиллерія съ принадлежащими ей припасы, войсковая казна и имѣніе Кошеваго писаря Глобы и судьи Головатаго.

И посылаю во всѣ деташаменты съ объявленіемъ о сдѣланіи равнаго сему, по доходящимъ же извѣстіямъ есть надежда, что и во всѣхъ мѣстахъ спокойнѣйше произведется, а останется только въ переписки числа народовъ по обиталищамъ ихъ въ разсылкѣ называемымъ зимовникамъ и что ихъ и бывшіе правительство о числѣ и именахъ всѣхъ неизвѣстно, ускорить перепискою съ ихъ желаніями, кто здѣсь остается, или на свою родину пойдетъ,—не можно.

А объ Артиллеріи Войсковой, денежной казнѣ и о имѣніи Кошеваго писаря и Судьи Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше донести неумѣдлю, такъ равно и отправленіемъ самихъ ихъ въ Москву, а за тѣмъ, Всемилостивѣйшая Государыня, упражненіе принимать буду объ остаткахъ Всевысочайшаго Вашего Императорскаго Величества намѣреніе всеподданнѣйше доносящей и поручающей себя и бывшихъ при томъ первыми полковниковъ Языкова и Барона Розена въ милость Вашего Императорскаго Величества

Всемилостивѣйшей Государыни,

Всеподданнѣйшій рабъ.

Петръ Текелій.

6-го іюня 1775.
Изъ лагеря при
Сечи.

Списана съ копіи, присланной Военнымъ Министромъ Гр. Чернышевымъ Гр. Воронцову.—По секретной экспедиціи.

Копія.

РЕПОРТИЦІЯ.

О разстановленіи Корпуса ипоселенныхъ полковъ по постамъ Зделанная съ зачатія поплану съ перваго Номера.

Деташамента Господина Полковника Звѣрева, а ему состоять подъ ордеромъ Господина Генералъ-Маіора икавалера Лопухина.

Изъ Чернаго Гусарскаго Полку.

№		Число людей.
1.	Въ Архангельскомъ при оберъ офицерѣ	24
2.	Въ Терновкѣ при Унтеръ Офицерѣ	12
3.	Около Хутора порутчика Грекула при Офицерѣ . . .	32
4.	Въ Добрянкѣ при Капитанѣ	69
5.	Въ Слободѣ Капитана Адобаша при прапорщикѣ . . .	24
6.	Волшанской ротѣ при Капитанѣ	45
7.	Въ Кальмазовой при Эскадронномъ Командирѣ . . .	138
8.	Въ Синьюхину броду при Капитанѣ	70
9.	При Екатериненскомъ Шанцѣ при Эскадронномъ Командирѣ	138
	И сверхъ того тамъ стоящія нынѣ двуротныя Команды и Тамошній Гарнизонъ, здѣсь самъ и Деташаментной Командиръ.	

Изъ Молдавскаго.

10.	Приустьѣ Мигейскаго или костоватаго ташляка при Эскадронныхъ Командирахъ	138
11.	Между устья Мегейскаго Тешляка и Гарду, гдѣ удобно сыщется при Унтеръ-Офицерѣ	24
12.	При Запорожскомъ Гарду при Эскадронномъ Командирѣ	138
	Да свѣрхъ того Астраханской Карабинерной полкъ, итудажъ будетъ слѣдующей изъ первой Арміи Подполковникъ Штакельбергъ съ пятью пѣхотными ротами, которой уже въ Торговицахъ, да Донской Казачій Полковника Яловайскаго полкъ, сему посту инижеписаннымъ пяти состоять въ командѣ Его Штакельберга, но однако подъ Ордеромъ Полковника Звѣрева.	
13.	При Овечьемъ броду при Капитанѣ идругихъ офицерахъ	69
14.	У голой пристани близъ устья Чикчалей при Капитанѣ и другихъ офицерахъ	69
	Да сверхъ того донской казачій полковника Дячкина полкъ.	
15.	На Мертвыхъ водахъ при устье Комышеватой при Капитанѣ и суполтернъ офицерѣ	69

16. При Бешъ Баяракахъ при оберъ офицерѣ 69
17. При Павловскомъ шанцѣ при Эскадронномъ командирѣ и протчихъ офицерахъ 114

Всего въ Деташаментѣ полковника Звѣрева пѣхотныхъ 7-мь ротъ, Екатерининскаго Шанца гарнизонъ Карабинерной одинъ, донскихъ казачьихъ два полка, да изъ полковъ Чернаго и Молдавскаго Гусарскихъ, кромѣ штабъ оберъ и унтеръ офицеровъ однихъ рядовыхъ 1242 человѣка.

Деташамента Господина Генералъ Маіора Чорбы

Изъ Желтаго Гусарскаго полку.

18. При Сугаклей Комышеватой при Унтеръ Офицерѣ . . 24
19. При рѣчке Вилевой при офицерѣ 45
20. При устьѣ Калиновки при Капитанѣ и супартернъ офицерахъ 69
21. При рѣчькѣ Каменкѣ при Капитанѣ ипротчихъ офицерахъ 69
22. При вершинѣ Верблюжки при Капитанѣ и супартернъ офицерахъ 69
23. При ротѣ Верблюжкѣ главной постъ Деташамента . . 276

Да свѣрхъ того Волошской гусарской и Донской отъ Арміи подполковника Сулина полкъ.

Изъ Елисаветградскаго Пикинернаго полку.

24. При рѣчьке Жолтой при Эскадронномъ ипротчихъ офицерахъ 138

и три Эскадрона венгерскаго полку.

25. При рѣчьке Камисаровкѣ при Эскадронномъ Командирѣ ипротчихъ офицерахъ 138
26. На изгибѣ рѣки Самоткани при Эскадронномъ Командирѣ и другихъ офицерахъ 138
27. При Пушкаревкѣ или ротѣ Домотканской при эскадронномъ Командирѣ идругихъ офицерахъ 138

Всего въ Деташаментѣ господина Генералъ Маіора Чорбы Волоской Гусарской полкъ, Венгерскаго три Эскадрона и Донской отъ Арміи Подполковника Сулина полкъ; да отъ полковъ Желтаго Гусарскаго и Елисаветградскаго Пикинернаго, кромѣ Штабъ, оберъ и унтеръ офицеровъ, однихъ рядовыхъ 1.104 человѣка.

Деташамента господина Генералъ маіора Графа Дебальмена

28. При новомъ Кайдакѣ Ингерманландской карабинерной второй Московской пѣхотный полки, да два донскихъ казачьихъ Леонова и Устинова.

При самой Сѣчи корпусный Командиръ. ипринемъ полки.

29. Изъ Карабинерныхъ Пермскаго и Вятскаго, названной Драгунской Таганрогской, Гусарскіе Ахтырской и Острогожской.

Пѣхотныя: Орловской, Козловской, Бутырской, Ингерманландскій, Навагинской Сибирской.

Донскія казацкія.

Ребрикова, Денисова, Луки Сулина, Мартынова и Бузина.
Отъ нихъ храниться будетъ и при Никитинскомъ перевозѣ.

Деташаменты господина генералъ маіора и кавалера Лопухина.

Полки: Харьковской, гусарской, пѣхотныя: Сибирской, Куринской и Низовской.

Донскія казацкія: Сычева, Яновскаго и Агѣева.

изъ оныхъ

30. При Кизикерманѣ, на правомъ берегу Днѣпра баталіонъ Пѣхоты и Казачій полкъ.

31. При Александровскомъ Шанцѣ баталіонъ пѣхоты и казачій полкъ.

32. При устьѣ рѣки Буга при Деташаментномъ Командирѣ Харьковской Гусарской, одинъ Пѣхотный полкъ и одинъ Баталіонъ.

33. Приустье Ингула баталіонъ пѣхоты иодинъ донской казачій полкъ, изъ коихъ содержать посты по Бугу между ингуломъ и Семеновымъ Рогомъ, и между Ингуломъ же и Голою Пристанью противъ устья Чикчаклей.

Всѣ Деташаментныя Командиры снабжены довольными наставленіями, и что при вступленіи въ тамошніи мѣста, имъ открытыя оныя стануть; а притомъ инанепредвидимыя случаи въ перемѣнѣ занятіемъ другихъ постовъ отдано ихъ разсмотрѣнію, но однако съ тѣмъ, для чего и когда гдѣ постъ переведенъ будетъ, репортовать.

Копія.

РЕПОРТИЦІЯ.

О расположеніи Корпуса и поселенныхъ полковъ къ закрытію своихъ земель отсторонъ польской и Татарской.

№

Деташаментъ Господина Генералъ маіора Чорбы.

Содержитъ посты.

1. Зачиная отъ Присугаклей къ мышеватой до Пушкаревки, или роты Домотканской.

Подъ Его Командою:

Волоской Гусарской полкъ. Венгерскаго 3-го Эскадрона, Донской Сулина, изъ Желтаго Гусарскаго и изъ Елисаветградскаго пикинерскаго полковъ 11-ть Экскадроновъ.

Господинъ Генералъ маіоръ Дебальменъ.

2. При новомъ койдакѣ ипоокругѣ онаго

Подъ Его командою.

Ингермоландской карабинерной, пѣхотной второй Московской да два Донскихъ Леонова и Устинова.

Корпусный Командиръ.

3. При самой Сѣчи.

П о л к и:

Изъ Карабинерныхъ Пермскаго и Вятскаго названной Драгунской Таганрогской Гусарскій Ахтырской и Острогожской. Пѣхотныя: Орловской, Козловской, Бутырской, Ингермоландской, Навагинской корпусной, Донскія казацкія Ребрикова, Денисова, Луки Сулина, Мартынова и Бузина.

Отъ оныхъ хранится будетъ и при никитинскомъ перевозѣ.

Господинъ генералъ маіоръ и кавалеръ Лопухинъ.

4. Отъ Кизикермена до устья Ингула.

Подъ его командою.

Харьковской гусарской, пѣхотные: Сибирской, Куринской и низовской.

Донскіе казацкіе: Сычева, Яновскаго и Агеева.

Господинъ полковникъ Звѣревъ, который состоитъ подъ ордеромъ Господина генералъ-маіора икавалера Лопухина.

5. Отъ Архангельскаго шанца до редута Павловскаго и порѣкѣ Буге до устья Ингула.

Подъ его командою.

Пѣхотныхъ слѣдующихъ изъ первой Арміи къ своимъ онаго корпуса полкамъ подкомандою подполковника Штакельберга 5-ть, дастоящіе въ Екатеринославскомъ шанце дву ротныхъ двѣ, всего семь ротъ итого шанца Гарнизонъ да астраханской карабинерной полкъ, два казачьи Иловайскаго и Дячкина да изъполковъ Чернаго и молдавскаго Гусарскихъ 12-ть Эскадроновъ.

Свѣрялъ начальникъ секретной экспедиціи Журавскій.

NB. Третьимъ приложеніемъ къ рапорту Текелія является „описаніе корпуса пораспредѣленію на деташаменты“, текстъ котораго тожественъ съ текстомъ предшествующей „репортиціи“ за исключеніемъ послѣдняго перечня полковъ подъ командою Звѣрева: онъ здѣсь начинается прямо съ указанія Астраханскаго полка.

II.

Обозрѣніе Новороссійскаго края и Бессарабской области съ 1823 года по 1838, представленное Графомъ Воронцовымъ лично Государю, въ Одессѣ, въ сентябрѣ 1837 года.

Всемилостивѣйшій Государь.

При нынѣшнемъ счастливомъ для здѣшняго края событіи, Высочайшемъ Вашего Императорскаго Величества посѣщеніи, я осмѣлился всеподданнѣйше представить при особомъ рапортѣ краткую записку съ нѣкоторыми свѣдѣніями о здѣшнемъ краѣ, и съ показаніемъ перемѣнъ въ ономъ въ послѣдніе 13-ть лѣтъ.

Не смѣя обременять Ваше Императорское Величество представленіемъ подробныхъ статистическихъ свѣдѣній, я повергнулъ на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Ваше, Всемилостивѣйшій Государь, краткое только обозрѣніе Новороссійскихъ губерній и Бессарабской области по части народонаселенія и главныхъ отраслей торговли и сельскаго хозяйства, во время управленія моего симъ краемъ.

Не думайте, Всемилостивѣйшій Государь, чтобы мое намѣреніе было выставить симъ какой нибудь собственный подвигъ, мыслію, чтобы я могъ быть виновникомъ таковой степени возращенія. Чѣмъ болѣе я познакомился съ симъ краемъ, тѣмъ болѣе удостовѣрился, что природныя силы онаго, при безпрестанныхъ милостяхъ и благодѣяніяхъ отъ Престола, должны клониться къ умноженію и возращенію шагами, въ старыхъ провинціяхъ не возможными, и что мѣстное начальство должно довольствоваться только приведеніемъ въ дѣйствіе Высочайшихъ постановленій и милостей и, ободряя каждаго жителя въ кругу своихъ занятій, болѣе всего не слишкомъ мѣшать и не возбранять того, что только законами не запрещено. Факты, мною представляемые, должны тѣмъ болѣе быть пріятны сердцу Вашего Императорскаго Величества, что они суть послѣдствія велѣній Вашихъ и Вашего отеческаго милосердія къ вѣрноподданнымъ Вашимъ.

Счастливымъ себя почту, ежели Вашему Императорскому Величеству покажется, что я въ точности всегда исполнялъ все то, что мнѣ было предписано и былъ вѣрнымъ и усерднымъ орудіемъ Вашей воли.

Позвольте теперь, Всемилостивѣйшій Государь, войти въ нѣкоторыя объясненія свѣдѣній, помѣщенныхъ въ представляемой мною запискѣ.

Торговля. Насчетъ здѣшней торговли вообще нужнымъ считаю присовокупить слѣдующее: въ прежнія времена въ портахъ Чернаго и Азовскаго морей главная и почти единственная торговля была хлѣбная. Неурожаи въ западной Европѣ 1816 и 1817 годовъ имѣли послѣдствіемъ огромныя у насъ покупки за цѣны, не помѣрно высокія. Зато и упадокъ сей торговой статьи послѣдовалъ скоро и съ большими потерями не только для торгующаго класса, но и для многихъ помѣщиковъ. Полагаться на одну хлѣбную торговлю, по сему опыту, оказалось неудобнымъ; но недостатокъ капиталистовъ и домовъ съ Европейскою репутаціею долго мѣшали распространенію торговли на другіе продукты изъ внутренности Россіи, нужные для чужихъ краевъ, особливо для Англіи. Наконецъ успокоеніе насчетъ здѣшняго Порто-франко, существованіе коего даже и съ теперешними ограниченіями долго было въ сомнѣніи, и основаніе здѣсь болѣе по сей причинѣ нѣкоторыхъ богатыхъ домовъ, извѣстныхъ и капиталомъ и кредитомъ, какъ то Барона Штиглица, который, имѣя Контору свою въ Одессѣ, занимается въ тоже время сильными торговыми сношеніями по всему пространству здѣшняго края;—совершенно перемѣнили, съ большою для насъ выгодою, ходъ дѣлъ здѣшней торговли Сало, кожи и шерсть, привозимые даже съ береговъ Кубани и отправляемые или изъ Таганрога, или изъ Одессы, строевой лѣсъ, пенька и масло, бойные сѣмена изъ дальнихъ Бѣлорусскихъ и даже Литовскихъ губерній,—все сіе обратилось сюда такъ, что въ 1834 году, когда послѣ неурожая, постигшаго всю полуденную Россію, выпуска хлѣба отъ насъ не только не было, но мы сами хлѣбъ покупали, торговля вообще неуступила важностію и цѣнностію лучшимъ годамъ, и именно прибыло къ Одесскому порту каботажныхъ судовъ съ разнымъ грузомъ 486, а отошло 461; вообще же привезено въ Одессу и вывезено изъ оной какъ заграницу, такъ и во внутрь Россіи, разныхъ товаровъ на сумму до 30 т. рублей. Всѣ сіи отрасли теперь берутъ болѣе и болѣе силы, и обѣщаютъ еще важнѣйшія выгоды для всей Имперіи.

Овцеводство. Первою статьею здѣшняго хозяйственнаго и общаго благосостоянія справедливо можно назвать до сихъ поръ улучшенное испанское овцеводство. Въ началѣ царствованія блаженныя памяти Императора Александра, Испанская и Саксонская шерсти были здѣсь неизвѣстны. Скоро послѣ пріѣзда сюда Дюка де Ришелье иностранецъ изъ южной Франціи, Рувье, и потомъ нѣкоторые другіе помѣщики и спекуляторы, при покровительствѣ и пособіи правительства, начали случать здѣшнихъ простыхъ овецъ съ лучшими заграничными баранами, для большаго расплоду ввезли въ Имперію цѣлыя стада хорошихъ овецъ на земли, для того отъ Правительства имъ данныя.

Пожертвованія, въ семъ случаѣ, были сто кратъ вознаграждены успѣхомъ. Прежнее ничтожное здѣсь овцеводство скоро получило новый видъ; желаніе улучшивать породу распространилось повсюду въ здѣшнемъ краѣ, а дешевизна земли и климатъ сходный вомногомъ съ климатомъ Андалузіи, прямымъ отечествомъ мериносовъ, скоро поставили насъ на такую ногу, что нельзя неожидать въ нашу пользу Монополіи для шерсти во всей Европѣ. Изъ представленной мною записки Ваше Императорское Величество изволите усмотрѣть огромное распространеніе улучшеннаго овцеводства въ послѣдніе 13 лѣтъ. Умноженіе сіе растетъ съ каждымъ годомъ и по вышеизложеннымъ причинамъ и по безпрестаннымъ покупкамъ здѣсь земли для овцеводства. Всего утѣшительнѣе видѣть то, что и простые поселяне занимаются разведеніемъ улучшенной породы овецъ. Есть колонисты, которые имѣютъ до 1000 головъ, и я видѣлъ одного простаго Русскаго поселянина въ селѣ Новоспаскомъ Таврической губерніи, который имѣетъ 3000 мериносовъ. Въ 1823 году было въ здѣшнемъ краѣ овецъ мериносовъ 444.922; а въ нынѣшнемъ 2.399.866 тысячь (sic!). Распространился было страхъ, что слишкомъ великимъ умноженіемъ овцеводства цѣны на шерсть упадутъ; но мысль сія совершенно неосновательна. Самый большой выпускъ шерсти изъ Россіи въ чужіе краи былъ въ 1835 году, около 120 т. пудовъ; но въ томъ же году ввозъ въ Англію мытой шерсти изъ всѣхъ мѣстъ простирался до 1.500.000 пудовъ. А такъ какъ природныя наши выгоды дадутъ намъ всегда первенство подъ Саксоніею, то можно навѣрное сказать, что если будетъ производиться и въ 10 разъ болѣе того, что теперь производится, то сбытъ шерсти всегда останется у насъ въ рукахъ.

Винодѣліе. Какъ частный человѣкъ, я старался и по долгу и по вкусу помогать и давать примѣръ по части винодѣлія. Изъ здѣшняго края вся Бессарабія, забугская часть Херсонской губерніи и весь Крымъ природою приготовлены для большихъ успѣховъ по сей статьи Сельскаго хозяйства; но важная и интересная сія отрасль была въ большомъ упущеніи. Кромѣ окрестностей Аккермана, малаго количества около Бендеръ, и нѣкоторыхъ долинъ въ Крыму, винограда почти нигдѣ не было. Съ 1823 года, примѣрами, ободреніями и доставкою хорошихъ лозъ, при постоянныхъ милостяхъ и пособіи отъ мѣръ, Вашимъ Императорскимъ Величествомъ предписанныхъ, для утвержденія за обывателями тѣхъ земель и участковъ, на коихъ они посадили извѣстное количество винограда, посажено въ Бессарабіи слишкомъ 24.000.000 лозъ; въ Одессѣ на городской землѣ, гдѣ почти ничего небыло, болѣе 4.000.000; на южномъ берегу, гдѣ кромѣ простаго татарскаго винограда былъ только одинъ маленькій садъ Генерала Бороздина и начало разсадника въ Никитѣ—также болѣе 4.000.000 самыхъ лучшихъ Французскихъ, Реинскихъ, Испанскихъ, Италіанскихъ и Греческихъ виноградныхъ лозъ. Въ разсадникѣ Никитинскаго сада остается какъ для пользы, такъ и для любопытства, собраніе болѣе

600 сортовъ разнаго винограда. Количество добываемаго вина уже велико, но оно будетъ еще болѣе, а знакомство съ сортами и съ свойственными для каждаго сорта грунтами не премѣнно доставитъ намъ весьма хорошее вино. Не смотря на большое употребленіе виноградnаго вина, откупы по краю не только не потеряли, но болѣе, или менѣе выиграли и выигрываютъ. Лучшимъ доказательствомъ сему служитъ постоянное возвышеніе откупныхъ суммъ, платимыхъ откупщиками.

Лѣсоводство. По части лѣсоводства, столь нужнаго въ здѣшнихъ мѣстахъ, начальство сдѣлало все, что могло, но способы были весьма малы, и результаты еще не таковы, какъ бы желать можно. Управленіе казенными селеніями, гдѣ болѣе всего можно разводить лѣса, было совершенно отъ насъ отдѣлено; затѣмъ у помѣщиковъ сдѣланы нѣкоторые шаги, по мѣрѣ силъ и способовъ хозяевъ; но какъ весьма малое только число зажиточнѣйшихъ изъ оныхъ живутъ на мѣстахъ, то и многаго ожидать отъ нихъ невозможно. Лучшій примѣръ и усилій и успѣховъ, по сей важной части, суть колоніи, находящіяся подъ управленіемъ Генерала отъ Инфантеріи Инзова. Я думаю, что полезно бы было предписать временному совѣту, управляющему Департаментомъ Государственныхъ Имуществъ, сколько можно подражать по части лѣсоводства методѣ и мѣрамъ, принятымъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ, особливо Мелитопольскаго уѣзда у менонистовъ. Примѣръ сихъ отличныхъ поселянъ дѣйствуетъ уже самъ по себѣ на сосѣдей ихъ Ногайцевъ, недавно еще полудикихъ и кочевавшихъ, изъ коихъ многіе уже строютъ теперь дома на нѣмецкій манеръ, и заводятъ сады и древесныя школы, улучшивая въ то-же самое время состояніе свое заведеніемъ хорошаго овцеводства. То, что мы могли сдѣлать по части лѣсоводства, есть слѣдующее:

1) На Одесской городской землѣ, чрезъ расширеніе и умноженіе въ большемъ видѣ казеннаго заведенія подъ именемъ Ботаническаго сада, уже теперь готовы на пересадку и безпрестанно всѣми покупаются нѣсколько милліоновъ лучшихъ родовъ лѣсныхъ деревьевъ.

2) Плантація на пересыпѣ, долго почитаемая невозможною, трудами и терпѣніемъ здѣшняго Градоначальника получила совершенно неожиданный успѣхъ, что смѣю надѣяться Ваше Императорское Величество сами найти изволите.

3) Разведеніе довольно большого лѣсистаго участка недалеко отъ Керчи, на берегу Азовскаго моря.

4) Таковый же большой участокъ засѣянъ близъ Бердянска по дорогѣ къ Петровскому посаду на нѣсколько верстъ

5) Засѣянъ также большой участокъ на горѣ около Ѳеодосіи, гдѣ былъ въ старину лѣсъ, который при нѣкоторой помощи и усиліи непремѣнно возобновится.

Въ сихъ трехъ послѣднихъ мѣстахъ, для правильныхъ посѣвовъ, обкопа и всѣхъ предосторожностей, для сохраненія того, что сдѣлано,

я употребилъ отряженнаго ко мнѣ министромъ финансовъ ученаго лѣсничаго Іенша; кромѣ сего заведены городскіе сады въ Симферополѣ, Керчи, Кишиневѣ и Ѳеодосіи. Въ прежніе годы у насъ не было на сіе никакихъ способовъ; но теперь по лѣсной части отпускается нѣкоторая сумма, и я надѣюсь, что успѣхъ каждый годъ будетъ увеличиваться.

Каменный уголь. Великая нужда въ лѣсѣ и неминуемое истребленіе еще хотя части онаго для нуждъ умножающагося народонаселенія, давно уже обратили мое вниманіе на каменный уголь. Не буду повторять здѣсь того, что я нѣсколько уже разъ представлялъ на счетъ угля и министерству и прямо Вашему Императорскому Величеству. Въ нынѣшнемъ году съ помощію, Высочайше мнѣ разрѣшенною, я добылъ на казенномъ заводѣ у Лисичьей балки и сплавилъ въ первый разъ по Донцу до Ростова до 100 т. пудовъ каменнаго угля, по цѣнамъ весьма умѣреннымъ. Противъ сего первоначальнаго предпріятія было много препятствій и затрудненій, и уголь мнѣ не весь отпущенъ такого качества, на которое я считалъ и который мнѣ былъ обѣщанъ. Завсѣмъ тѣмъ опытъ сей будетъ весьма полезенъ, и мы уже видимъ возможность, въ случаѣ какихъ либо политическихъ затрудненій, не быть совершенно въ рукахъ Англичанъ для существованія почти всѣхъ нашихъ пароходовъ и чугунныхъ заводовъ. Патріотическое предпріятіе Камеръ Юнкера Анатолія Демидова даетъ намъ теперь, по сей части, еще большую надежду; огромные капиталы, коими онъ для сего жертвуетъ, и искусные люди, имъ выписанные, не могутъ не имѣть благодѣтельныхъ послѣдствій, и болѣе или менѣе успѣхъ его усилій откроетъ новую эру промышленности и богатства для Южной Россіи.

Одесса. Желая всегда сколько возможно сблизить край сей во всѣхъ отношеніяхъ съ внутренностію Россіи, я дѣлалъ, что могъ, дабы приглашать въ Одессу жителей помѣщиковъ изъ внутри Россіи. Къ выгодамъ здѣшняго климата и морского купанья скоро прибавились минеральныя воды, открытіе великой пользы купанья въ лиманѣ, и наконецъ грязей на подобіе Сакскихъ въ Крыму. Теперь въ Одессѣ живутъ весьма многія семейства изъ внутреннихъ Губерній, которыя безъ того большею частію были бы въ чужихъ краяхъ.

Крымъ. Пароходное сообщеніе съ Крымомъ и дороги, сдѣланныя по Южному берегу Крыма, обратили туда такъ много посѣтителей и хозяевъ, что на одномъ протяженіи отъ Ласпи до Алушты, гдѣ 13 лѣтъ тому назадъ жилъ одинъ только помѣщикъ Генералъ-Лейтенантъ Бороздинъ, и всего было три дома, включая казенный въ Никитѣ, теперь, какъ изъ представленнаго списка Ваше Императорское Величество изволите усмотрѣть, находится 105 помѣщиковъ; число всякаго рода строеній неимовѣрно умножилось.

Сообщенія. Вообще для сего, какъ и для всѣхъ отраслей общаго благосостоянія, ничего нѣтъ полезнѣе и можно сказать необходимѣе,

какъ улучшеніе сообщеній. Устроеніе, разрѣшенное еще блаженной памяти Государемъ въ 1823 г., горной дороги въ Крыму, было первымъ и рѣшительнымъ для сего шагомъ. Улучшеніе, по возможности, прочихъ дорогъ и умноженіе почтовыхъ сообщеній были всегда въ виду здѣшняго управленія; а введеніе пароходовъ и увеличеніе каботажнаго судоходства имѣли и не могли не имѣть благодѣтельнаго вліянія на весь край. Для сближенія Одессы съ внутренностію Россіи заведена здѣсь ярмонка, сначала незначительная, но которая впослѣдствіи неминуемо принесетъ большую пользу. Улучшеніе внутреннихъ сообщеній по городу также имѣетъ на сіе большое вліяніе. Въ 1823 году начато первое шоссе въ Одессѣ по одному протяженію чрезъ городъ. Въ прочихъ улицахъ и на базарахъ въ дождливое время почти не было никакого проѣзда. Въ теченіи шести лѣтъ вымощено и шоссировано кромѣ тротуаровъ 64.713 квадратныхъ саженей, и теперь уже на всѣхъ главныхъ улицахъ города сдѣлана шоссе или мостовая.

Улучшеніе дорогъ вообще по краю еще требуетъ много усилій. Не мѣсто здѣсь распространяться о семъ важномъ предметѣ, и я имѣю теперь случай писать о семъ подробно Министерству. Смѣю только сказать здѣсь, что Ваше Императорское Величество магическимъ жезломъ устроили на будущее время эту важную статью опредѣленіемъ въ каждую губернію особаго Гражданскаго инженера и учрежденіемъ гражданскихъ арестанскихъ ротъ.

Каботажное судоходство. Каботажъ, какъ выше сказано, взялъ здѣсь совершенно новый видъ. Суда вездѣ строятся и все еще недостаютъ для потребностей края. Всѣ новыя заведенія въ Крыму питаются и содержатся привозомъ всего нужнаго изъ Одессы и Азовскаго моря. Одинъ Керченскій камень по удобности для строеній направляетъ десятки грузовъ на всѣ пункты южнаго берега. Въ тоже самое время всѣ большія потребности Черно-морской эскадры и войскъ на Кавказѣ удовлетворяются національнымъ каботажемъ. Заведеніе вольныхъ матросовъ, корабельныхъ школъ въ С. Петербургѣ и Херсонѣ, будутъ еще имѣть благодѣтельныя послѣдствія по сей части. О сихъ двухъ предметахъ я осмѣливаюсь входить къ Вашему Императорскому Величеству съ особою запискою.

Города. Отъ того, что по всему этому уже сдѣлано, нѣкоторые города сильно поднялись, а другіе воспріяли свое начало. Въ числѣ первыхъ можно поставить Одессу, Измаилъ, Керчь, Ростовъ и Таганрогъ, который несмотря на предубѣжденіе о потерѣ чрезъ приведеніе въ практическое состояніе Азовскаго моря, въ послѣдніе 2 года обогатился и украсился множествомъ строеній. Кромѣ того, Херсонъ, Кишиневъ, Симферополь и Екатеринославъ начинаютъ украшаться хорошими каменными зданіями; а Бердянскъ и Ялта изъ ничего сдѣлались городами и непремѣнно ежегодно будутъ возрастать.

Карантины. Устройство карантиновъ и карантинныхъ линій для огражденія имперіи отъ внесенія чумы составляетъ одну изъ главнѣйшихъ заботъ здѣшняго начальства. Опасность болѣе всего велика на Прутѣ и Дунаѣ, и устройство на нихъ карантинной линіи требовало болѣе дѣятельности и усилій, и въ семъ случаѣ я нашелъ сильную помощь въ нынѣшнемъ Бессарабскомъ Военномъ губернаторѣ, Генералъ Маіорѣ Федоровѣ. Его попеченіемъ объ линіи сіи доведены до возможнаго устройства, и не смотря на существованіе чумной заразы въ Турціи, мы, благодаря Бога, избавлены отъ оной. Что касается собственно карантиновъ, то смѣю сказать, что Одесскій и Керченскій могутъ стать на ряду съ лучшими въ семъ родѣ Европейскими учрежденіями. Другіе карантины, особливо въ Бессарабіи, требуютъ усовершенствованія по части построекъ, и я уже представилъ Министерству проэкты и планы Карантиновъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предположеніе: произвесть ли постройки дешевѣйшимъ образомъ, смотря по мѣстнымъ способамъ, не требующимъ большихъ капиталовъ. Я осмѣливаюсь просить Ваше Императорское Величество, когда это представится на Высочайшее Ваше разсмотрѣніе,—утвердить представленіе мое; ибо если будутъ требовать по смѣтамъ значительныхъ капиталовъ на постройку Карантиновъ, то казна не въ состояніи будетъ отпустить оныя въ скоромъ времени, и тогда необходимое это устроеніе будетъ отложено на неопредѣленное время. Въ прошедшемъ и нынѣшнемъ годахъ чума нѣсколько разъ завозима была на купеческихъ судахъ въ Одессу, Измаилъ, Керчь и Ѳеодосію; но въ тамошнихъ карантинахъ и была прекращаема и совершенно уничтожена. Это служитъ доказательствомъ того, что Карантины сіи достигли своего назначенія.

Подати. Государственныя подати по краю, не смотря на неурожаи 1833 года и послѣдствія оныхъ, а также по другому не удобству по крайней на все дешевизнѣ при хорошемъ теперь на все урожаѣ, собираются по возможности успѣшно. Доказательствомъ сему я поставлю Всемилостивѣйшее благоволеніе Вашего Императорскаго Величества, объявленное въ нынѣшнемъ году за успѣшное поступленіе податей Бессарабскому Военному, Таврическому и Херсонскому гражданскимъ губернаторамъ.

Сдѣлавъ сіе изъясненіе о ходѣ дѣлъ вообще по здѣшнему краю, осмѣливаюсь повторить изъ глубины сердца, что ежели найдутся шаги къ лучшему, я не беру оныхъ на себя, въ видѣ главнаго виновника; но меня питаетъ надежда, что Ваше Императорское Величество изволите найти, что я никогда не мѣшалъ развитію здѣсь благосостоянія и помогалъ, сколько могъ, точнымъ исполненіемъ законовъ и всего свыше предписаннаго, а иногда и примѣромъ въ частномъ видѣ.

Подходя къ лѣтамъ преклоннымъ и съ здоровьемъ разстроеннымъ, и отъ походовъ прежнихъ лѣтъ, и отъ службы часто не менѣе

изнурительной по здѣшнему пространному и многосложному управленію, не могу надѣяться еще долго продолжать оную, какъ должно, какъ я бы желалъ и въ угодность Вашего Императорскаго Величества.

Но отходя въ такомъ случаѣ на покой, и сохраняя въ сердце благодѣянія Ваши и въ Бозѣ почившаго Государя, буду стараться и въ частной жизни всячески, по мѣрѣ силъ и способовъ моихъ, быть полезнымъ Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, и отечеству, какъ помѣщикъ и земледѣлъ, опытомъ и пожертвованіями для всего, что можетъ расти и процвѣтать въ здѣшнемъ краѣ, и въ тоже время буду готовить сына своего на вѣрную и усердную службу Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь.

Къ начальной исторіи г. Маріуполя.

Городъ Маріуполь, какъ извѣстно, былъ основанъ въ 1780 г. для поселенія грековъ, выселившихся изъ Крыма [1]). Главнымъ дѣятелемъ при этомъ выселеніи былъ Игнатій, послѣдній митрополитъ Готѳійскій и Кафійскій. Онъ былъ родомъ грекъ съ о. Кеоса (нынѣ Τζία), изъ „древле-благороднаго“ рода Гозадино [2]), и прибылъ въ Крымъ изъ Константинополя въ санѣ митрополита и патріаршаго намѣстника въ 1771 году. Права и положеніе его по выселеніи изъ Крыма, еще до основанія Маріуполя, были установлены Высочайшимъ указомъ св. Синоду отъ 14 марта 1779 г. [3]), гдѣ, между прочимъ, было опредѣлено именоваться ему по смерть митрополитомъ Готѳійскимъ и Кафійскимъ и имѣть мѣсто подъ архіепископомъ Херсонскимъ и Словенскимъ.

Послѣ основанія Маріуполя Игнатій дѣятельно принялся за устроеніе своей паствы на новомъ мѣстѣ, но прожилъ здѣсь менѣе 6 лѣтъ и скончался 16 февраля 1786 года.

Ближайшимъ сподвижникомъ его какъ въ Крыму, такъ и по выселеніи оттуда былъ протопопъ (πρωτοπαπᾶς) Трифиллій Карацоглу. Нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о немъ почерпаются, между прочимъ, изъ его личныхъ бумагъ, часть которыхъ попала въ архивъ Одесскаго общества исторіи и древностей и была пере-

---

[1]) Мы считаемъ излишнимъ для нашихъ цѣлей указывать всю литературу, относящуюся къ исторіи Маріуполя. Удобнымъ пособіемъ для справокъ могутъ служить статьи Г. И. Тимошевскаго въ сборникѣ „Маріуполь и его окрестности“. Изд. Д. А. Хараджаева. Маріуполь 1892.

[2]) Потомки Игнатіева брата Антонія, выселившагося съ нимъ въ Маріуполь, нынѣ носятъ фамилію съ русскимъ окончаніемъ „Гозадиновы“. Родословную ихъ см. въ ук. сборникѣ, стр. 94.

[3]) См. ук. сб., стр. 95. О митрополитѣ Игнатіи см. еще еп. Гермогена, Таврическая епархія (Псковъ 1887), стр. 151; [Еп. Ѳеодосія], Матеріалы для историко-статист. опис. Екатериносл. епархіи, вып. 2-й (Екатеринославъ 1880), стр. 315 слл. и 325. Нѣсколько документовъ, относящихся къ переселенію, изъ Военно-ученаго архива Главнаго штаба издалъ F. Braun, Die letzten Schicksale der Krimgoten (St.-Petersb. 1890), Beilage, стр. 81 слл.

смотрѣна протоіереемъ Серафимовымъ въ 1866 г.[1]) Здѣсь сохранился, въ числѣ другихъ бумагъ, дневникъ его, написанный по турецки (или, вѣрнѣе, по татарски) греческимъ алфавитомъ, „перемѣшаннымъ индѣ буквами русскими“[2]). Прот. Серафимовъ приводитъ его содержаніе частію въ переводѣ, частію въ пересказѣ.

Какъ изъ фамиліи протопопа, такъ и изъ того факта, что онъ писалъ свои личныя бумаги по татарски, можно заключить, что онъ былъ не греческаго, а турецкаго или татарскаго происхожденія. По свидѣтельству его дневника, онъ былъ рукоположенъ во священника митрополитомъ Гедеономъ, предмѣстникомъ Игнатія, въ 1759 г. и служилъ при немъ до кончины его въ 1769 г.[3]), занимаясь письмоводствомъ, а затѣмъ Игнатій, по прибытіи въ Крымъ, въ 1772 г. рукоположилъ его протопопомъ и поставилъ управлять дѣлами епархіи. „Въ отношеніи къ дѣламъ Императорскихъ войскъ, говоритъ Трифиллій въ своемъ дневникѣ, и вообще порученіямъ высочайшей власти я былъ не послѣднимъ лицомъ Когда до митрополита доходилъ какой слухъ, то для удостовѣренія онъ посылалъ меня, и затѣмъ мы извѣщали кого слѣдовало“. Такое вліятельное положеніе Трифиллій сохранилъ и въ Маріуполѣ, гдѣ занялъ должность иконома при соборномъ храмѣ во имя св. Харалампія.

Послѣ кончины митрополита Игнатія митрополія Готѳійская и Кафійская была упразднена, и Маріуполь былъ присоединенъ къ учрежденной незадолго предъ тѣмъ (въ 1775 г.) епархіи Словенской и Херсонской[4]), во главѣ которой въ то время стоялъ архіепископъ Никифоръ Ѳеотоки, ученый грекъ, родомъ съ острова Корфу, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ іерарховъ славнаго вѣка Екатерины. Краткая біографія его дана уже преосв. Евгеніемъ въ числѣ русскихъ писателей духовнаго чина[5]), затѣмъ А. С. Стурдзой въ „Москвитянинѣ“ 1844 г. помѣщены біографическія свѣдѣнія и личныя воспоминанія о немъ[6]), а въ новѣйшее время ему посвятилъ спеціаль-

---

[1]) „Замѣтки изъ архива Готѳійской епархіи въ Крыму“. *Записки Од. общ. ист. и древн.*, т. VI (1867), стр. 591—5.

[2]) Едва-ли это замѣчаніе справедливо: вѣроятно, прот. Серафимову показались „русскими“ буквы, пишущіяся одинаково въ греческомъ и русскомъ алфавитахъ. Объ языкѣ ср. Braun, ук. соч. стр. 74.

[3]) Въ цитатѣ изъ дневника у Серафимова въ ук. ст. Трифиллій говоритъ, что онъ служилъ при Гедеонѣ „18 лѣтъ“, но эта цифра, безъ сомнѣнія, поставлена по описке или опечаткѣ вмѣсто цифры 10 (1759—69). Въ неизданномъ письмѣ Трифиллія, пріобрѣтенномъ въ числѣ прочихъ бумагъ его Н. И. Рѣпниковымъ (см. ниже), встрѣчается упоминаніе, что онъ служилъ при Гедеонѣ 9 лѣтъ.

[4]) См. архіеп. Гавріила Отрывокъ повѣствованія о Новоросс. краѣ. *Зап. Од. общ.*, т. III, стр. 79—129. Еп. Гермогена, Таврич. епархія, стр. 152.

[5]) Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ дух. чина Греко-россійской церкви, изд. 2, т. II (Спб. 1827), стр. 97—101.

[6]) Евгеній Булгарисъ и Никифоръ Ѳеотокисъ, предтечи умственнаго и политическаго пробужденія Грековъ. *Москвит.* 1844 г., № 2 (перев. съ франц. рукописи М. М.), стр. 337—367.

ную монографію М. Соловьевъ въ „Трудахъ Кіевской дух. академіи“ за 1896 и 1897 г., вышедшую и отдѣльными оттисками (Кіевъ 1897). Онъ указываетъ также (стр. 9) нѣсколько біографій, написанныхъ греческими авторами[1]). Не вдаваясь здѣсь въ подробное изложеніе біографіи Никифора, отмѣтимъ только, что въ Россію онъ прибылъ изъ Яссъ въ 1776 г. въ санѣ іеромонаха, имѣя около 45 лѣтъ отъ роду (родился въ 1731 г.), по приглашенію престарѣлаго архіепископа Словенскаго и Херсонскаго Евгенія Булгариса, и поселился при немъ въ Полтавѣ, будучи назначенъ членомъ мѣстной консисторіи, а черезъ годъ—инспекторомъ всѣхъ школъ епархіи. По увольненіи Евгенія на покой указомъ 5 мая 1779 г. Императрица Екатерина избрала ему въ преемники Никифора изъ двухъ кандидатовъ, представленныхъ ей синодомъ, и 6 августа того-же года состоялась его хиротонія въ Петербургѣ въ присутствіи Императрицы, предъ которою новопоставленный произнесъ благодарственную рѣчь на греческомъ языкѣ, сохранившуюся въ подлинникѣ и переводахъ французскомъ и русскомъ[2]).

Прибывъ въ свою епархію, Никифоръ дѣятельно занялся ея устройствомъ и просвѣщеніемъ, учредивъ въ ней, между прочимъ, семинарію. Такъ какъ эта дѣятельность подробно изложена Соловьевымъ, то мы не будемъ повторять ее, ограничившись приведеніемъ слѣдующей краткой, но вѣрной характеристики ея у названнаго автора (стр. 8): „Борьба съ раскольниками, устроеніе юной церкви въ новообразованномъ Новороссійскомъ краѣ, заботы о просвѣщеніи духовенства, проповѣданіе слова Божія—вотъ что свѣтлой строкой записано на скрижаляхъ нашей отечественной церкви изъ жизни Ѳеотоки“.

Что касается до отношеній Никифора къ Маріуполю, то о нихъ мы находимъ въ существующей литературѣ очень мало свѣдѣній[3]).

---

[1]) Указавъ греческія біографіи, Соловьевъ говоритъ: „Россія не имѣетъ обстоятельной и вѣрной біографіи Ѳеотоки. У насъ есть лишь краткія замѣтки о немъ у преосв. Гавріила („Отрывокъ повѣствованія о Новороссійскомъ краѣ“), еп. Порфирія („Проповѣдники на островахъ Средиземнаго моря“), въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ—Полтавскихъ, Астраханскихъ, Херсонскихъ—и только“. Значитъ, труды Евгенія и Стурдзы остались автору неизвѣстными.

[2]) Русскій переводъ Л. Сѣчкарева см. у Соловьева, ук. ст. стр. 63-65. На хиротоніи присутствовалъ м. пр. и митрополитъ Игнатій Готѳійскій.

[3]) Г. И. Тимошевскій въ ук. сб., стр. 103, даже совершенно обходитъ молчаніемъ кратковременный періодъ непосредственнаго подчиненія Маріуполя въ духовномъ отношеніи архіеп. Никифору и говоритъ: „По смерти митрополита Игнатія его паства вошла въ составъ Екатеринославской епархіи въ видѣ викаріатства“. Такимъ образомъ онъ упустилъ изъ вида, что между смертью Игнатія и учрежденіемъ викаріатства прошло больше года. Тотъ-же пробѣлъ и у прот. Серафимова, *Зап. Од. Общ.* VI, 594. Въ „Матеріалахъ для ист.-статист. описанія Екатериносл. епархіи“, в. 2, стр. 317—319, приведена въ выдержкахъ переписка о назначеніи преосв. Никифоромъ, чрезъ посредство прот. Трифиллія Карацоглу, священника Бориса Кириакова къ Маріупольской церкви свв. Ѳеодоровъ Тирона и Стратилата въ октябрѣ 1786 года. Тамъ-же, на стр. 329—332,

Тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ мы пользуемся случайно представившеюся возможностью сообщить здѣсь два документа, проливающіе нѣкоторый свѣтъ на эти отношенія.

Мы уже упомянули выше, что часть личныхъ бумагъ протопопа Трифиллія Карацоглу давно находится въ архивѣ Одесскаго общества исторіи и древностей и была обнародована протоіереемъ Серафимовымъ. Н. И. Рѣпникову во время поѣздки въ Маріуполь и его уѣздъ лѣтомъ 1914 г. посчастливилось пріобрѣсти отъ одного изъ потомковъ Трифиллія, священника с. Каракобы о. Алексѣя Трифильева, еще нѣсколько бумагъ изъ личнаго архива Трифиллія, разсмотрѣніе которыхъ было любезно предоставлено Н. И. Рѣпниковымъ Н. И. Веселовскому и мнѣ. Пріобрѣтенныя Н. И. Рѣпниковымъ бумаги представляютъ собою по истинѣ disiecta membra: между ними оказалось нѣсколько богослужебныхъ рукописей на татарскомъ языкѣ греческими буквами, разныя разрозненныя тетради и записки, написанныя такимъ-же образомъ[1]), и нѣсколько документовъ на греческомъ языкѣ, изъ коихъ мы, съ любезнаго разрѣшенія Н. И. Рѣпникова, сообщаемъ здѣсь три посланія къ Трифиллію и властямъ или жителямъ Маріуполя: два отъ архіепископа Никифора и одно отъ преемника его по управленію Маріупольской паствой, епископа Дороѳея Ѳеодосійскаго и Маріупольскаго.

Первый документъ представляетъ собою архипастырское посланіе преосвященнаго Никифора къ гражданамъ г. Маріуполя отъ 26-го августа 1786 г. объ учрежденіи въ этомъ городѣ начальнаго еллино-русскаго училища и о средствахъ на его содержаніе. Посланіе сохранилось не въ подлинникѣ, а въ копіи, переписанной рукою Трифиллія на листѣ обыкновенной писчей бумаги синеватаго цвѣта. Листъ раздѣленъ на два столбца, изъ коихъ въ лѣвомъ читается греческій текстъ, а въ правомъ (en regard)—татарскій переводъ греческими буквами, написанный, несомнѣнно, тѣмъ-же почеркомъ. Вѣроятно, копія снята нарочито для перевода, котораго при подлинномъ посланіи Никифора не было; такъ можно думать на основаніи второго посланія того-же архипастыря, которое сохранилось въ подлинникѣ и татарскаго перевода при себѣ не имѣетъ. Трифиллій, вѣроятно, счелъ нужнымъ сдѣлать переводъ для своихъ прихожанъ, въ числѣ которыхъ были лица, не знавшія греческаго языка. Посланіе, какъ видно изъ вступительной части его, представляетъ собою

переписка объ опредѣленіи протоіерея Захарія Пурцхелова (грузина, прибывшаго изъ Тифлиса) въ грузинскую слободу Игнатьевку, Маріупольскаго уѣзда. Резолюція преосв. Никифора по этому дѣлу послѣдовала 4 сентября 1786 г.

[1]) Было-бы весьма желательно, чтобы эти тетради были разсмотрѣны лицомъ, знающимъ татарскій языкъ, съ цѣлью опредѣлить, не найдется-ли между ними частей дневника Трифиллія, извѣстнаго по сообщенію прот. Серафимова. Въ числѣ бумагъ имѣются два большихъ письма Трифиллія съ біографическими данными.

первое обращеніе Никифора къ вновь присоединенной паствѣ, послѣдовавшее въ отвѣтъ на ея посланіе къ нему. Какого содержанія было это посланіе, изъ отвѣта не видно; по всей вѣроятности, это было простое привѣтствіе новому архипастырю съ изъявленіемъ почтенія и сыновней любви, за которую Никифоръ выражаетъ благодарность и вмѣстѣ съ тѣмъ преподаетъ поученіе о необходимости взаимной любви, согласія и мира и обѣщаетъ посвятить свое попеченіе и трудъ, чтобы вести свою новую паству по пути спасенія, но при этомъ напоминаетъ, что и паства должна слушать его отеческіе и духовные совѣты, ссылаясь на слова Господни о пастырѣ добромъ и овцахъ, слышащихъ гласъ его.

Послѣ этого вступленія Никифоръ переходитъ къ главной части своего посланія—о необходимости устроить въ Маріуполѣ начальное училище. Онъ краснорѣчиво и вмѣстѣ съ тѣмъ просто и удобопонятно доказываетъ необходимость училища, главнымъ образомъ выставляя на видъ практическую пользу образованія и называя устройство училища святымъ, небеснымъ и полезнѣйшимъ дѣломъ, и затѣмъ подробно перечисляетъ тѣ мѣры, которыя считаетъ нужными на первое время для изысканія средствъ на содержаніе училища. Мы не будемъ подробно излагать содержаніе этой части посланія, такъ какъ съ сущностью предлагаемыхъ мѣръ легко познакомиться по подлиннику и по нашему переводу посланія, прилагаемому ниже, но считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ поясненіе перваго пункта, тѣмъ болѣе, что къ этому пункту тѣсно примыкаетъ и второе посланіе Никифора.

Есть извѣстія, что митрополитъ Игнатій по переселеніи въ Маріуполь имѣлъ намѣреніе устроить близъ города монастырь св. Георгія [1]). Эта мысль при жизни его не осуществилась, но изъ перваго пункта посланія Никифора видно, что въ пользу будущаго монастыря уже начали собираться пожертвованія: жители жертвовали животныхъ [2]), деньги, серебряные сосуды и разныя другія вещи. Никифоръ въ первомъ пунктѣ своего посланія категорически заявляетъ, что «по Императорскимъ указамъ никто не имѣетъ права устроять монастыри" [3]), а посему и устройство проектированнаго монастыря св. Геор-

---

[1]) См. архіеп. Гавріила, *Зап. Од. Общ.* т. I, стр. 03 (ср. Тимошевскаго, Маріуполь и его окр., стр. 97). Эти извѣстія прямо подтверждаются разсматриваемымъ посланіемъ Никифора.

[2]) Какія это были животныя и съ какою ближайшею цѣлью жертвовались,—изъ посланія не видно. По даннымъ, извлеченнымъ Г. И. Тимошевскимъ изъ дѣлъ Маріупольской городской управы, въ числѣ имущества, оставшагося послѣ кончины Игнатія, показаны принадлежавшими Георгіевскому монастырю 99 головъ лошадей и рогатаго скота. См. Маріуполь и его окр., стр. 98

[3]) Разумѣется, безъ сомнѣнія, извѣстный указъ Екатерины II отъ 26 февраля 1764 г. о духовныхъ штатахъ. См. о немъ В. В. Звѣринскаго, Матеріалы для ист.-топограф. изслѣд. о правосл. монастыряхъ въ Росс. имп., т. I (Спб. 1890), стр. X слл.

гія осуществиться не можетъ, и поэтому предлагаетъ всѣхъ уже собранныхъ и вновь собираемыхъ животныхъ, серебряные сосуды и другія вещи продавать и вырученныя отъ продажи деньги, а также и собранныя или собираемыя денежныя пожертвованія употреблять на содержаніе училища, которое онъ ставитъ подъ покровительство св. Георгія. Желая, чтобы училище было открыто какъ можно скорѣе, Никифоръ указываетъ и подходящаго, по его мнѣнію, учителя въ лицѣ монаха Агаѳангела и прибавляетъ, что онъ уже писалъ „честнѣйшему киръ Іоанну“ (т. е. поручику Ивану Антоновичу Гозадино, о которомъ будетъ рѣчь ниже), племяннику митрополита Игнатія, и просилъ его уступить для помѣщенія училища одинъ изъ домовъ покойнаго [1]) на вѣчное поминовеніе его.

Заботы преосв. Никифора объ устроеніи въ Маріуполѣ начальнаго училища, относящіяся къ концу августа 1786 г., могутъ показаться стоящими въ противорѣчіи съ однимъ свидѣтельствомъ о томъ, что такое училище якобы существовало тамъ раньше. Въ собранныхъ преосв. Ѳеодосіемъ матеріалахъ для описанія Екатеринославской епархіи [2]) имѣется указаніе, что 28 іюня 1784 г., по просьбѣ греческаго купечества, рукоположенъ въ Таганрогскую Царе-Константиновскую греческую церковь во священника грекъ Константинъ Павловъ Схоларіусъ, „бывшій по опредѣленію Азовской губернской канцеляріи секретаремъ Маріупольскаго суда, а потомъ, по опредѣнію той-же канцеляріи, *учителемъ греческаго училища*“. Однако изъ этой цитаты не видно, что греческое училище было именно въ Маріуполѣ: въ то время присутственныя мѣста, называвшіяся Маріупольскими, на самомъ дѣлѣ находились въ Таганрогѣ, откуда переведены въ Маріуполь только въ 1791 г. [3]), стало быть не можетъ быть сомнѣнія, что въ приведенной выпискѣ разумѣется *Таганрогское* училище, въ которое Схоларіусъ былъ переведенъ изъ Маріупольскаго суда, находившагося въ Таганрогѣ, и затѣмъ по просьбѣ купечества былъ рукоположенъ тамъ-же во священника. Такимъ образомъ все, что А. Ѳ. Петрашевскій говоритъ [4]) о существованіи училища въ Маріуполѣ въ 1784 г., основано на недоразумѣніи.

Однако, просвѣщенныя заботы преосв. Никифора о скорѣйшемъ устройствѣ училища въ Маріуполѣ встрѣтили неожиданное препятствіе, съ которымъ знакомитъ насъ второе посланіе его, сохранившееся

---

[1]) Объ этихъ домахъ см. свѣдѣнія, сообщаемыя изъ архивныхъ дѣлъ Г. И. Тимошевскимъ, ук. сб., стр. 97.

[2]) [Еп. Ѳеодосій], Матеріалы для историко-статистич. описанія Екатериносл. епархіи, вып. 2-й, стр. 173. Ср. А. Ѳ. Петрашевскаго, Очеркъ учебныхъ заведеній г. Маріуполя въ книгѣ „Маріуполь и его окр.“, стр. 167.

[3]) См. Тимошевскаго, Маріуп. и его окр., стр. 97, и еп. Ѳеодосія Матеріалы, вып. 2 passim.

[4]) См. выше прим. 2.

въ подлинникѣ съ собственноручною его подписью и датою—27 сентября 1786 г., т. е. ровно черезъ мѣсяцъ послѣ перваго. Митрополитъ Игнатій, судя по всѣмъ даннымъ, былъ полнымъ хозяиномъ во вновь основанномъ имъ городѣ. Пожертвованія на проектированный имъ монастырь деньгами, животными и вещами поступали, по всей вѣроятности, въ его вѣдѣніе и распоряженіе. И вотъ, послѣ его кончины племянникъ его, поручикъ Иванъ Антоновичъ Гозадино, вѣроятно, счелъ эти пожертвованія собственностью дяди и отказался выдать ихъ. Граждане Маріуполя принесли на это жалобу въ Кременчугъ [1]), откуда послѣдовало распоряженіе Павлоградскому суду [2]) разсмотрѣть дѣло. Тогда И. А. Гозадино, вѣроятно, испугавшись оборота, который приняло дѣло, изъявилъ согласіе добровольно отдать животныхъ и церковныя вещи. Трудно думать, чтобы всѣ эти перипетіи дѣла, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, не говоря уже о другихъ причинахъ, могли совершиться въ теченіе одного мѣсяца. Скорѣе можно предположить, что отказъ Гозадино выдать имущество, жалоба въ Кременчугъ и пр. послѣдовали раньше перваго посланія архіеп. Никифора, но онъ обо всемъ этомъ не имѣлъ свѣдѣній во время написанія этого посланія. Какъ бы то ни было, во второмъ посланіи Никифоръ, ссылаясь на добровольную уступку И. А. Гозадино, предлагаетъ обѣимъ сторонамъ донести Павлоградскому суду, что онѣ покончили дѣло миромъ и обѣ считаютъ себя удовлетворенными, дабы дѣло „получило такимъ образомъ скорый конецъ и училище открылось часомъ раньше“. Такимъ образомъ мы видимъ, что поводомъ ко 2-му посланію послужили все тѣ-же просвѣщенныя заботы іерарха объ училищѣ. Далѣе онъ дѣлаетъ въ томъ-же посланіи распоряженіе о раздачѣ церковныхъ вещей по принадлежности подъ расписки, о продажѣ животныхъ въ пользу училища, о способѣ храненія вырученныхъ денегъ и о пріисканіи помѣщенія для училища, такъ какъ И. А. Гозадино, повидимому, не согласился отдать для этой цѣли одинъ изъ домовъ своего покойнаго дяди.

Преосв. Никифору едвали довелось видѣть плоды своихъ заботъ о маріупольскомъ училищѣ [3]), такъ какъ ровно черезъ два мѣсяца по-

[1]) Кому именно,—въ документѣ не сказано. Въ данное время Маріуполь входилъ въ административномъ отношеніи въ составъ Екатеринославскаго намѣстничества, учрежденнаго Высочайшимъ повелѣніемъ 7 ноября 1775 г. и открытаго въ апрѣлѣ 1784 г. Главнымъ городомъ намѣстничества былъ Кременчугъ, правителемъ дѣлъ намѣстничества—генералъ-маіоръ Синельниковъ. Ему, вѣроятно, и была принесена жалоба.

[2]) Не ясно, почему дѣло было передано Павлоградскому суду, когда самъ г. Маріуполь по Высочайшему указу 22 января 1784 г. былъ въ числѣ 15 уѣздныхъ городовъ Екатеринославскаго намѣстничества, и въ Таганрогѣ уже существовалъ Маріупольскій судъ (какъ мы видѣли и выше).

[3]) Вообще объ этомъ училищѣ нѣтъ никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній. Предназначавшійся въ учителя монахъ Агаѳангелъ, быть можетъ, тожественъ съ лицомъ, упоминаемымъ во 2-мъ письмѣ епископа Дороѳея къ Трифиллію, о которомъ см. ниже. Въ концѣ этого грубаго письма Дороѳей пишетъ: „Подарокъ твой, присланный съ Агаѳангеломъ, возвращаю“.

слѣ второго посланія (28 ноября того-же 1786 г.) онъ былъ перемѣщенъ на Астраханскую каѳедру [1]). Съ его уходомъ епархія Словенская и Херсонская, послѣ 11-лѣтняго существованія (1775—86), была переименована въ Екатеринославскую и Херсонскую[2]). Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Высочайшимъ указомъ 7-го марта 1787 г., „по обширности епархіи Екатеринославской и по населенію въ городѣ Маріуполѣ и области Таврической грековъ", было учреждено въ составѣ епархіи викаріатство съ присвоеніемъ викарію наименованія епископа Ѳеодосійскаго и Маріупольскаго и съ пожалованіемъ въ сей санъ Нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря архимандрита Дороѳея [3]), которому были препоручены въ паству всѣ греки, поселившіеся въ Маріуполѣ и въ Таврической области.

Этотъ епископъ, родомъ грекъ (подобно Игнатію и Никифору), о которомъ краткія біографическія свѣдѣнія можно найти въ указанныхъ трудахъ, былъ хиротонисанъ въ Кременчугѣ 2 мая 1787 г. и состоялъ викаріемъ до своей кончины 10 сентября 1790 г. [4]), живя въ Ѳеодосіи.

Для ознакомленія съ характеромъ кратковременной дѣятельности этого архипастыря до сихъ поръ могли служить, между прочимъ [5]), два письма его къ протопопу Трифиллію Карацоглу, которыя съ частью личныхъ бумагъ протопопа попали въ архивъ Имп. Одесскаго Общества Ист. и Древн. и сообщены протоіереемъ Серафимовымъ въ 1866 г. въ „Запискахъ" Общества (см. выше). Въ одномъ изъ нихъ епископъ предписываетъ снять кувуклію надъ гробницею митрополита Игнатія въ Маріупольскомъ Харалампіевскомъ соборѣ [6])

---

[1]) О вѣроятныхъ причинахъ перемѣщенія ср. Соловьева ук. с., стр. 73. Въ Астрахани Никифоръ святительствовалъ до 1792 г. Удалившись въ этомъ году на покой, онъ получилъ въ управленіе Московскій Даниловъ монастырь, гдѣ и скончался 31 мая 1800 г. См. Соловьева ук. с., стр. 77—85

[2]) Еп. Гермогенъ, Таврич. еп., стр. 152 и 153.

[3]) Гермогенъ, ук. с. стр. 162-5; Тимошевскій, ук. сб. стр. 103. Викаріатство было упразднено 16 октября 1799 г., просуществовавъ слишкомъ 12 лѣтъ. Всѣхъ викаріевъ было пять. Они перечислены съ краткими біографическими свѣдѣніями у прот. А. Лебединцева, Столѣтіе церковной жизни Крыма (*Зап. И. Од. Общ.*, т. XIII, стр. 208), еп. Гермогена, ук. с. стр. 161-4, и С. Г. Рункевича въ статьѣ „Екатеринославская епархія" въ Правосл. Богосл. Энциклопедіи, изд. † А. П. Лопухина, т. V (1904), ст. 860—1.

[4]) Такую дату кончины еп. Дороѳея сообщаютъ: П. М. Строевъ, Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Росс. церкви (Спб. 1877), стр. 490; еп. Гермогенъ, ук. с. стр. 164; Рункевичъ, ук. ст. и др. прот. Лебединцевъ (ук. ст., стр. 208) говоритъ, что Дороѳей скончался 7 марта 1790 г., но онъ, по всей вѣроятности, смѣшалъ день смерти Дороѳея съ днемъ учрежденія викаріатства (7 марта 1787).

[5]) Имѣются еще свѣдѣнія объ участіи, которое еп. Дороѳей принималъ въ дѣлѣ о постройкѣ церкви св. Маріи Магдалины въ Маріуполѣ. См. Матеріалы для ист.-стат. оп. Екатер. епархіи, в. 2, стр. 320—324.

[6]) О гробницѣ Игнатія см. Тимошевскаго, Маріуполь и его окр., стр. 101, Ср. замѣтку В. Луцкаго въ *Русской Старинѣ* 1880, № 11, стр. 737.

по той причинѣ, что „кувуклія, занимая много мѣста, стѣсняетъ молящихся“, а въ другомъ, написанномъ очень грубо [1]), упрекаетъ Трифиллія въ небреженіи къ своимъ обяванностямъ и съ угрозами предписываетъ немедленно устроить въ соборѣ архіерейскій тронъ и сопрестоліе. Въ обоихъ письмахъ ярко сквозитъ неуваженіе къ памяти Игнатія и весьма неблагосклонное отношеніе къ его сподвижнику.

Такой-же характеръ носитъ и посланіе епископа Дороѳея къ Трифиллію и „прочимъ властямъ Маріупольскимъ“, оказавшееся въ остаткахъ архива Трифиллія, пріобрѣтенныхъ Н. И. Рѣпниковымъ, и издаваемое нами ниже. Оно сохранилось не въ подлинникѣ, а въ копіи, безъ подписи и даты. Копія переписана на такой-же точно бумагѣ, какъ копія перваго посланія арх. Никифора, и, повидимому, рукою Трифиллія, хотя болѣе крупнымъ почеркомъ, чѣмъ копія упомянутаго посланія. Написана она на одной половинѣ полулиста, согнутаго ровно пополамъ, на двухъ страницахъ, при чемъ другая половина обѣихъ страницъ оставлена чистою, за исключеніемъ маленькой приписки, сдѣланной тѣмъ-же почеркомъ вверху 2-й страницы по татарски греческими буквами и гласящей (по переводу, сообщенному Н. И. Веселовскимъ): „1792, августа 26. Свѣчное сало око 100 драхмъ стоитъ денегъ 148 пара“. Очевидно, эта приписка, сдѣланная почти черезъ два года послѣ смерти Дороѳея, не имѣетъ никакого отношенія къ документу и является чисто случайною хозяйственною замѣткою. Чистыя половины страницъ были оставлены, быть можетъ, для татарскаго перевода, который почему-либо не былъ исполненъ.

Посланіе начинается традиціоннымъ обращеніемъ къ адресатамъ съ пожеланіемъ благодати отъ Бога и съ „молитвою, благословеніемъ и прощеніемъ“ отъ пишущаго, но въ концѣ не имѣетъ обычныхъ благожеланій и благословенія [2]). По содержанію посланіе дѣлится на три части или пункта, ясно свидѣтельствующіе, что новаго епископа интересовали главнымъ образомъ вопросы матеріальные, а не просвѣщеніе и духовное усовершенствованіе паствы, какъ его предшественника.

Въ первомъ пунктѣ епископъ говоритъ, что братъ покойнаго митрополита Игнатія Антоній Гозадино довелъ до его свѣдѣнія о неправдахъ, которыя чинитъ ему родной сынъ его Іоаннъ, т. е. тотъ самый поручикъ, о которомъ была уже рѣчь выше по поводу второго посланія Никифора. Повидимому, это былъ человѣкъ неуживчивый и корыстолюбивый. Споры съ отцомъ происходили у него, какъ видно изъ дальнѣйшаго текста посланія, изъ-за наслѣдства послѣ митрополита Игнатія. Епископъ, въ виду донесенія Антонія Гозадино, „желая по долгу соблюсти справедливость, узнавъ истину путемъ болѣе обстоя-

---

[1]) Это второе письмо цѣликомъ переведено о. Серафимовымъ.

[2]) Возможно, конечно, что это обычное заключеніе опущено переписчикомъ.

тельныхъ разслѣдованій", проситъ Трифиллія и Маріупольскія власти составить полную и подробную опись всего имущества Игнатія, какъ движимаго, такъ и недвижимаго, и хранить эту опись до его прибытія въ Маріуполь [1]).

Во второмъ пунктѣ посланія епископъ обращается прямо къ Трифиллію съ требованіемъ передать въ руки городскихъ властей, подъ угрозой запрещенія, отлученія и конечнаго низложенія [2]), клятвенное заявленіе о томъ, оставилъ-ли митрополитъ Игнатій завѣщаніе и кого въ немъ назначилъ своимъ полнымъ наслѣдникомъ, если-же завѣщанія нѣтъ, то о томъ, кто взялъ его имущество послѣ смерти [3]).

Наконецъ въ третьемъ пунктѣ выражается желаніе, чтобы городскія власти сообщили епископу „съ первымъ надежнымъ человѣкомъ", по чистой совѣсти, кто до того времени „ѣлъ архіерейское рыбное", т. е. кто получалъ деньги, ассигнуемыя на содержаніе архіерея, и средства, дарованныя отъ щедротъ Императрицы.

Всѣ три посланія написаны на традиціонномъ языкѣ греческихъ архипастырскихъ посланій—литературномъ ново-греческомъ (ἡ καθαρεύουσα) съ большею или меньшею примѣсью народныхъ словъ и формъ. Второе посланіе арх. Никифора, сохранившееся въ подлинникѣ, написано разборчивымъ почеркомъ съ небольшимъ числомъ обычныхъ сокращеній и буквъ, исполненныхъ вязью, въ общемъ очень грамотно по отношенію не только къ орѳографіи, но даже и къ удареніямъ и придыханіямъ. Въ собственноручной подписи Никифора слово „Χερσῶνος" написано въ видѣ монограммы (большая буква Χ и между нижними концами ея перекладинъ остальныя буквы этого имени). Въ лѣвомъ верхнемъ углу листа помѣта рукою Трифиллія: Ὀκτομβριοζουν τ.—Внизу, подъ подписью Никифора, тою-же рукою написано по татарски греческими буквами, безъ удареній: οκτομβριοζουν τ—πενιμ ελιμε τηκτη κυρ Ιανακιτέν Въ переводѣ, любезно сообщенномъ Н. И. Веселовскимъ, это значитъ: „Октября I. Въ мои руки поступило отъ господина Янаки". Ниже повторено другою рукою и болѣе новыми чернилами: γιανακητεν. Не ясно, слѣдуетъ-ли считать знакъ τ за цифру „1", или за буквенное обозначеніе числа 10. Второе кажется болѣе

---

[1]) Неизвѣстно, во исполненіе ли этого требованія Дороѳея, или независимо отъ него была составлена подробная опись имущества Игнатія, сохранившаяся въ дѣлѣ Маріупольской гор. управы 1786 г., № 16, „объ оставшемся послѣ смерти покойнаго митрополита Готѳейскаго и Кефайскаго Игнатія имѣніи". Содержаніе описи см. у Тимошевскаго, Маріуполь и его окр., стр. 97 сл

[2]) Эти угрозы, столь тяжкія для священника и, кажется, вовсе не умѣстныя въ данномъ случаѣ, явно свидѣтельствуютъ о недовѣріи и нерасположеніи Дороѳея къ Трифиллію.

[3]) Черновое завѣщаніе Игнатія сохранилось до насъ. Содержаніе его сообщилъ прот. Серафимовъ въ *Зап. Од. Общ.* VI, стр. 594.

вѣроятнымъ. Первое посланіе Никифора переписано тоже довольно грамотно, хотя нѣсколько хуже второго, тогда какъ копія посланія Дороѳея можетъ быть названа совсѣмъ безграмотною.

Намъ удалось вполнѣ разобрать всѣ три документа и прочно установить текстъ ихъ, за исключеніемъ весьма немногихъ отдѣльныхъ словъ, которыя будутъ отмѣчены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Въ виду разной степени грамотности документовъ мы не сочли нужнымъ передавать ихъ буква въ букву, а вездѣ исправили орѳографію и поставили ударенія и придыханія согласно принятымъ правиламъ [1]). Неправильныя написанія мы оставили только въ тѣхъ случаяхъ, когда они даютъ точныя свидѣтельства о томъ или иномъ *произношеніи* даннаго слова, а между тѣмъ при замѣнѣ ихъ правильными написаніями эти особенности произношенія исчезли-бы. Напр., мы оставили πούλησις вм. πώλησις, λέξει вм. λήξει, παρεγγείλαμεν вм. παρηγγείλαμεν и т. п. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ копіяхъ Трифиллія замѣчены описки въ видѣ пропусковъ отдѣльныхъ буквъ въ словахъ; буквы, вставленныя нами въ такихъ случаяхъ, отмѣчены прямыми скобками безъ особыхъ оговорокъ. Переводы посланій сдѣланы нами по возможности дословно.

---

[1]) Слово ὁσπῆτι или σπῆτι (домъ), написанное въ документахъ черезъ η, мы пишемъ черезъ ι въ виду краткости ι въ латинскомъ hospitium. Энклитическія формы наст. времени гл. εἶναι оставлены съ самостоятельными ударѳніями, какъ въ рукописяхъ. Удержано также согласно съ рукописями, написаніе δύω.

I.

Первое посланіе архіепископа Никифора.

Εὐσεβεῖς καὶ τιμιώτατοι χριστιανοὶ οἱ κατοικοῦντες τὴν Μαριούπολιν, τέκνα ἐν Κυρίῳ ἀγαπητὰ τῆς ἡμῶν μετριότητος, χάρις ὑμῖν εἴη ἀπὸ Κυρίου Ἰησοῦ Χριστοῦ, παρ᾽ ἡμῶν δὲ εὐχὴ καὶ εὐλογία.

Λαβόντες τὸ τίμιον ὑμῶν γράμμα ἐχάρημεν, ἰδόντες τὴν ἀγάπην ὁποῦ προσφέρετε εἰς ἡμᾶς· εὐχαριστοῦμεν καὶ εὐλογοῦμεν πάντας ἀπὸ μικροῦ ἕως μεγάλου σὺν γυναιξὶ καὶ τέκνοις, παρακαλοῦντες τὸν ἅγιον Θεόν, ἵνα[1]) διαφυλάττῃ ὑμᾶς ἐν ὑγείᾳ καὶ πάσῃ εὐτυχίᾳ, φυλάττοντας τὰς ἁγίας αὐτοῦ ἐντολὰς καὶ ἔχοντας τὴν πρὸς ἀλλήλους ἀγάπην καὶ τὴν ὁμόνοιαν καὶ τὴν εἰρήνην, τὰ ὁποῖα εἶναι ἡ ῥίζα πάσης εὐτυχίας καὶ καλῆς καταστάσεως καὶ ἀναγκαιότατα διὰ τὴν σωτηρίαν τῆς ψυχῆς μας· ἐπειδὴ ὅποιος χριστιανὸς δὲν ἔχει τὴν ἀγάπην, εἶναι ἀδύνατον[2]) νὰ σωθῇ, καὶ ἐὰν νηστεύῃ καὶ ἐὰν προσεύχηται καὶ ἐὰν ἀγρυπνῇ καὶ ἐὰν ἄλλας ἀρετὰς πράττῃ· ὅταν δὲν ἀγαπᾷ τὸν πλησίον του, ὅλα μάταια εἶσὶ καὶ οὐδὲν αὐτὸν ὠφελοῦσιν. Ἐπειδὴ δὲ ὁ Θεὸς διὰ τὸ ἄμετρον αὐτοῦ ἔλεος, παριδὼν τὴν ἀναξιότητα ἡμῶν, ὥρισε νὰ ἀναλάβωμεν τὴν ποιμαντικὴν φροντίδα τῶν ψυχῶν ὑμῶν[3]), ἡμεῖς μὲν τῷ ἀπείρῳ ἐλέει αὐτοῦ θαρροῦντες θέλει ἀφιερώσομεν τὴν ἐπιμέλειαν καὶ τὸν κόπον ἡμῶν εἰς τὸ νὰ ποιμαίνωμεν καὶ νὰ ὁδηγοῦμεν ὑμᾶς πρὸς τὴν ὁδὸν τῆς σωτηρίας· πρέπει ὅμως καὶ ὑμᾶς μετὰ προθυμίας νὰ ἀκούετε τὰς πατρικὰς καὶ πνευματικὰς συμβουλὰς ἡμῶν, διότι ὁ αὐτὸς Κύριος Ἰησοῦς Χριστὸς ὁ Θεὸς καὶ Σωτὴρ ἡμῶν, ὅστις εἶπεν, ὅτι ὁ ποιμὴν ὁ καλὸς τὴν ψυχὴν αὐτοῦ τίθησιν ὑπὲρ τῶν προβάτων, ὁ αὐτὸς εἶπεν, ὅτι καὶ τὰ πρόβατα τῆς φωνῆς αὐτοῦ ἀκούει.

Καὶ ἐπειδὴ ἡ μάθησις ὁδηγεῖ τὸν ἄνθρωπον πρὸς τὴν σωτηρίαν τῆς ψυχῆς αὐτοῦ, καθὼς βεβαιοῖ ὁ θεῖος ἀπόστολος, γράφων πρὸς τὸν μαθητὴν αὐτοῦ καὶ ἀπόστολον Τιμόθεον «Τὰ ἱερὰ γράμματα οἶδας τὰ

---

[1]) ἵνα въ рп. написано дважды. [2]) ἀδύνατου рп. [3]) ἡμῶν рп.

δυνάμενά σε σοφίσαι πρὸς σωτηρίαν» [1]), ἡ αὐτὴ δὲ μάθησις συμφέρει πολλὰ καὶ πρὸς τὴν σωματικὴν καλὴν κατάστασιν καὶ κυβέρνησιν, διότι ὅποιος ἦ μαθητικὸς καὶ πεπαιδευμένος, ἐκεῖνος καὶ τιμὴν ἔχει καὶ δόξαν καὶ κυβέρνησιν εὔκολα εὑρίσκει ζαζίαν [2]) λαμβάνει, χωρὶς δὲ σχολεῖον καὶ διδάσκαλον οὐδεὶς δύναται νὰ μάθῃ, διὰ τοῦτο ἡ πρώτη συμβ[ου]λή μου καὶ παρακίνησις πρὸς ὑμᾶς, τέκνα μου ἐν Κυρίῳ ἀγαπητά, ἦ νὰ συστηθῇ ἕνα σχολεῖον εἰς τὴν Μαρισύπολιν, εἰς τὸ ὁποῖον πάντα τὰ τέκνα σας νὰ μανθάνωσιν δύω γλώσσας, τὴν ἑλληνικὴν καὶ τὴν ρωσσικήν. Ὅταν δὲ τὸ σχολεί[ον] λάβῃ τρόπον, τότε τὰ πτωχὰ καὶ ὀρφανά, ὁποῦ σπουδάζουσι μετὰ ἐπιμελείας, νὰ λαμβάνωσιν ἐκ τοῦ σχολείου καὶ τροφὴν καὶ ἔνδυμα, καθὼς ὁ τρόπος συγχωρεῖ· ἀφ'[οὗ] δὲ μάθωσιν αὐτὰς δύω γλώσσας, ἤγουν καὶ νὰ ἀναγινώσκουσι καὶ νὰ γράφωσι καὶ νὰ λαλῶσι, τότε νὰ ἐκλέγωμεν ἐξ αὐτῶν τὰ πλέον εὐφυῆ, διὰ νὰ τὰ εἰσάγωμεν εἰς τὸ ἐν Πολτάβῃ τῆς ἐπαρχίας σχολεῖον, ὁποῦ νὰ ἐκπαιδεύωνται καὶ ἄλλας γλώσσας καὶ μαθήματα καὶ ἐπιστήμας. Ἐὰν ὁ Θεὸς εὐοδώσῃ αὐτὸ τὸ ἔργον, τότε ἀπὸ αὐτὰ τὰ τέκνα σας ἄλ[λ]α μὲν θέλει γένουν ἄξιοι ἱερεῖς καὶ διδάσκαλοι ἀρκετοὶ νὰ διδάσκωσι τῆς πίστεως τὰ δόγματα καὶ τὸν νόμ[ον] τοῦ Θεοῦ καὶ νὰ ὁδηγῶσι πρὸς σωτηρίαν, ἄλλα θέλει γένουν σοφοὶ καὶ πεφωτισμένοι πρὸς τὸ νὰ καταστα θῶσι κριταὶ καὶ νὰ λάβωσι πολιτικὰ ἐπαγγέλματα, ἄλλα πάλιν θέλει εὕρουν τάξιν καὶ κατάστασιν καὶ ἀξίαν ἀνάλογον μὲ τὴν προκοπὴν αὐτῶν. Ὅθεν τοῦτο τὸ ἔργον ἡμεῖς νομίζομεν ἅγιον καὶ οὐράνιον καὶ ὠφελιμώτατον καὶ εἰς τὴν ψυχὴν καὶ εἰς τὴν ζωὴν ὑμῶν. διὰ τοῦτο μακάριος καὶ τρὶς μακάριος, ὅστις ἔργῳ ἢ λόγῳ ἢ παντὶ ἄλλῳ τρόπῳ συνδράμῃ καὶ συμβοηθήσῃ πρὸς τὸ νὰ λάβῃ ἔκβασιν καὶ τέλος καλόν.

Ἡμεῖς οὖν ἐκλέξαμεν ἐπιτρόπους πρὸς τοῦτο τὸ θεῖον ἔργον, πρῶτον τὸν αἰδεσιμώτατον πρωτοπαπᾶν κὺρ Τριφύλλιον, τὸν ὁποῖον κατεστήσαμεν καὶ προεστῶτα τῶν ἱερέων πρὸς τὸ νὰ ἐπιμελεῖται καὶ ἐπαγρυπνῇ διὰ τὴν εὐταξίαν τῶν ἱερέων καὶ τῶν ἐκκλησιῶν καὶ τῶν ἐκκλησιαστικῶν πραγμάτων. Παρακαλοῦμεν δὲ πάντας [3]), ἵνα ἀγαπᾶτε αὐτὸν ὡς ἄνδρα τίμιον καὶ σεβάσμιον, προσφέροντες αὐτῷ τὴν πρέπουσαν εὐλάβειαν καὶ ὑπακοήν. Δεύτερον δὲ ἐπίτροπον τοῦ αὐτοῦ σχολείου τὸν τιμιώτατον κὺρ Χατζὶ Μιχαήλ, τρίτον τὸν τιμιώτατον κὺρ Χατζὶ Παναγιώτην, τέταρτον τὸν τιμιώτατον κὺρ Πιτζακτζὶ Στέφανον καὶ πέμ[π]τον τὸν τιμιώτατον κὺρ Τὰτ Σάββα. Παρακαλοῦμεν δὲ αὐτοὺς ἐν τῷ ὀνόματι τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἵνα μετὰ πάσης προθυμίας συμβοηθήσωσιν εἰς τὸ κοινωφελὲς τοῦτο καὶ σωτηριῶδες ἔργον.

---

[1]) 2 Tim. 3,15. [2]) Такъ въ рп. [3]) πάντασι рп.

Ἀλλὰ τί νὰ κάμωσιν οἱ ἐπίτροποι μετὰ ἀδειανὰ τὰ χέρια; τὸ σχολεῖον χρειάζεται σπίτι, βιβλία, μισθοὺς διὰ τοὺς διδασκάλους, ψωμὶ καὶ ἔνδυμα διὰ τοὺς πτωχοὺς μαθητάς. Ἡ χάρις τοῦ Θεοῦ καὶ ἡ βοήθεια ὅλα θέλει τὰ ἐξαποστείλῃ, ἐὰν ἔχωμεν πίστιν [1]) καὶ δείξωμεν προθυμίαν καὶ ἀγάπην εἰς τοῦτο τὸ ἔργον. Θέλημα γὰρ τῶν φοβουμένων αὐτὸν [2]) ποιεῖ ὁ Κύριος καὶ τῆς δεήσεως αὐτῶν εἰσακούει καὶ σώζει αὐτούς. Βλέπετε δὲ καὶ πόσους τρόπους ἐγὼ προβάλλω εὐθὺς εἰς τὴν ἀρχήν.

α. Πρῶτον μὲν ἐπειδὴ [3]) κατὰ τὰ Αὐτοκρατορικὰ προστάγματα οὐδεὶς ἔχει ἐξουσίαν νὰ κτίσῃ μοναστήριον, διὰ τοῦτο τὸ μελετώμενον μοναστήριον τοῦ ἁγίου Γεωργίου οὐδέποτε θέλει κτισθῇ· ὅθεν ὅσα ζῶα ἐσυνάχθησαν ἐπὶ τῷ ὀνόματι τῆς εἰκόνος τοῦ ἁγίου Γεωργίου καὶ τοῦ μελετωμένου μοναστηρίου, νὰ πωληθῶσιν ἀπὸ τοὺς ἄνω εἰρημένους ἐπιτρόπους τοῦ σχολείου· ἔτι οἱ αὐτοὶ ἐπίτροποι νὰ παραλάβωσι καὶ ὅσα ἄσπρα εὑρίσκονται συναγμένα ἢ ἀσημικὰ ἢ ἄλλα πράγματα ὁποιαδήποτε, ὡσαύτως καὶ ὅσα συνάζονται εἴτε ζῶα, εἴτε ἄσπρα, εἴτε ἄλλο τι [4]) καθ' ἕκαστον χρόνον καὶ προσφερόμενα τῷ ἁγίῳ Γεωργίῳ, καὶ νὰ ἀφιερωθῶσι καὶ ἀφιερώνωνται καὶ εἰς τὸ ἑξῆς ὅλα εἰς τὸ σχολεῖον, τοῦ ὁποίου προστάτης καὶ ὑπέρμαχος γίνεται ὁ ἅγιος Γεώργιος, ὅστις εἶναι τῶν αἰχμαλώτων ὁ ἐλευθερωτὴς καὶ τῶν πτωχῶν ὑπερασπιστής.

δ. Δεύτερον διορίζομεν νὰ βαλθῇ εἰς πᾶσαν ἐκκλησίαν ἕνα κουτί [5]), εἰς τὸ ὁποῖον πᾶς χριστιανὸς νὰ βάλῃ διὰ σωτηρίαν τῆς ψυχῆς αὐτοῦ καὶ ὠφέλειαν τῆς κοινότητος πᾶσαν ἑορτὴν εἴ τι ὁ Θεὸς φωτίσῃ αὐτόν· ταῦτα δὲ κουτία νὰ ἀνοίγωσιν οἱ ἐπίτροποι κατὰ πᾶν ἑξάμηνον καὶ νὰ λαμβάνωσι τὰ συναχθέντα ἄσπρα πρὸς χρῆσιν τοῦ σχολείου.

Τρίτον νὰ γένῃ μία κοινὴ συνεισφορά, εἰς τὴν ὁποίαν καθεὶς ἀπὸ μικροῦ ἕως μεγάλου πλούσιος καὶ πένης καὶ πάσης τάξεως ἄνθρωπος νὰ συνεισφέρῃ καὶ ἀφιερώσῃ θεληματικῶς καὶ αὐτοπροαιρέτως ἔλεος κατὰ τὴν δύναμιν αὐτοῦ καὶ κατά[στα]σιν· περὶ τούτου στέλλομεν εἰς τοὺς ἐπιτρόπους καὶ βιβλίον [6]) καλούμενον κνίγαν, διὰ νὰ γράφῃ ὁ καθεὶς τῶν διδόντων τὸ ἔλεος τὸ ὄνομα αὐτοῦ καὶ τὴν ποσότητα τῶν ἄσπρων εἰς μνημόσυνον αὐτοῦ αἰώνιον· διότι διορίζομεν, ὅτι τὰ τοιαῦτα ὀνόματα νὰ μνημονεύωνται κατὰ πᾶσαν κυριακὴν εἰς τὴν πρόθεσιν τοῦ καθολικοῦ, ἤγουν τῆς ἐκκλησίας τοῦ ἁγίου Χαραλάμπους.

---

[1]) ζίγινο pu. [2]) αὐτοῦ pu. [3]) ἐπειπειδὴ pu. [4]) ἄλλοτε pu. [5]) κατη (безъ уд.) pu. [6]) βιβρίον pu.

Τέταρτον, τὸ εἰσόδημα τῆς ἐκκλησίας τοῦ ἁγίου Χαραλάμπους νὰ μερίζεται εἰς τρία μέρη, ἓν διὰ τὰς χρείας [1]) τῆς ἐκκλησίας, ἓν διὰ τὸ σχολεῖον καὶ ἓν διὰ τοὺς πτωχούς.

Ἀπὸ αὐτὰ ὅλα τὰ ἄσπρα, διὰ τὰ ὁποῖα οἱ τιμιώτατοι ἐπίτροποι νὰ κρατοῦν . . . . . [2]) κατάστιχον, εἰς τὸ ὁποῖον νὰ γράφωσιν ἐπιμελῶς ὅσα λαμβάνωσι καὶ ὅσα ἐξοδεύουσι, διὰ νὰ μὴν ἔχῃ τινὰς ἀφορμὴν νὰ ὑποπτεύεταί τι κακόν, ἀπὸ αὐτὰ λέγω ὅλα τὰ προειρημένα ἄσπρα εὐθὺς ὁπoῦ λάβωσιν καὶ νὰ διορίσωσι καὶ μισθὸν ἐτήσιον δι' ἕναν διδάσκαλον (κατὰ τὸ παρὸν δύναται νὰ χρησιμεύσῃ ὁ ὁσιώτατος μοναχὸς κὺρ Ἀγαθάγγελος) καὶ νὰ ἀρχίσῃ εὐθὺς ἡ παράδοσις τῶν μαθημάτων [3]), ἐπειδὴ ἄλλη χάρις εἶναι, ὅταν τὸ πρᾶγμα λάβῃ ἀρχὴν καὶ καθεὶς τὸ βλέπῃ, καὶ ἄλλη [4]) ὅταν τὸ ἀκούῃ.

Περὶ τοῦ ὁσπιτίου ἔγραψα τὸν τιμιώτατον κὺρ Ἰωάννην [5]), νὰ ἀφήσῃ ἓν ἀπὸ τὰ σπίτια τοῦ μακαρίτου θείου αὐτοῦ μητροπολίτου Ἰγνατίου, διὰ νὰ γένῃ ἐν αὐτῷ τὸ σχολεῖον εἰς μνημόσυνον αὐτοῦ αἰώνιον. παρακαλέσατε δὲ καὶ ὑμεῖς αὐτὸν πάντες κοινῶς, καὶ εἰ μὲν στέρξει ἤδη καλῶς, εἰ δὲ μή, ἐνοικιάσατε ἢ ἓν τῶν αὐτῶν ὁσπιτίων ἢ ἄλλο.

Καὶ ταῦτα εἰσὶ τὰ βοηθήματα περὶ τοῦ σχολείου, ὅσα κατὰ τὸ παρὸν ἐνδυνήθημεν νὰ νοήσωμεν· μετὰ δὲ ταῦτα, ὅταν ἀρχίσῃ τὸ σχολεῖον καὶ ἡ παράδοσις τῶν μαθημάτων, τότε πάλιν ἴσως νὰ νοήσωμεν καὶ ἄλλα. Παρακαλοῦμεν δὲ τὸν πανάγαθον Θεὸν ἐξ ὅλης ψυχῆς καὶ καρδίας, ἵνα φωτίσῃ ὑμᾶς [6]) νὰ δείξητε πᾶσαν προθυμίαν καὶ σπουδὴν πρὸς τὸ ἔργον τοῦτο, ἐπὶ τὸ ὁποῖον ἄλλον ὠφελιμώτερον οὐδέν. Ἐλπίζομεν δὲ εἰς τὸν ἅγιον Θεόν, ὅτι θέλει εὐοδώ[σει] αὐτό, οὗ ἡ χάρις καὶ τὸ ἔλεος καὶ ἡ εὐχὴ καὶ εὐλογία τῆς ἡμῶν μετριότητος εἴη μετὰ πάντων ὑμῶν [7]). Ἀμήν.

Ἔτει ,αφπς΄— Αὐγούστου κς΄ [8])

II.

Второе посланіе архіепископа Никифора.

Αἰδεσιμώτατε πρωτοπρεσβύτερε Τριφύλλιε καὶ οἱ λοιποὶ πάντες τιμιώτατοι χριστιανοὶ οἱ κατοικοῦντες τὴν Μαριούπολιν, τέκνα ἐν Κυρίῳ ἀγαπητὰ τῆς ἡμῶν μετριότητος, χάρις ὑμῖν εἴη ἀπὸ Κυρίου Ἰησοῦ Χριστοῦ, παρ' ἡμῶν δὲ εὐχὴ καὶ εὐλογία.

---

[1]) χείρας рп. [2]) Неразборчивое слово изъ 5 буквъ, повидимому satpi или patpi. [3]) μαθημάτων рп. [4]) ἄλλο рп. [5]) ἰωάνην рп. [6]) ἡμᾶς рп. [7]) ἡμῶν рп. [8]) Ниже прибавлена другая дата: ,αφπθ—Maiou 10.

Ὁ εὐγενὴς πορούτζικος κὺρ Ἰωάννης ὁ Γοζαδῖνος ἔστερξε νὰ δώσῃ τὰ ζῶα, ὁποῦ ἐσυνάχθησαν εἰς τὸ ὄνομα τοῦ ἁγίου Γεωργίου πρὸς σύστασιν τοῦ σχολείου, ἔτι δὲ νὰ δώσῃ καὶ τὰ πράγματα τῶν ἐκκλησιῶν. Ἐπειδὴ δὲ περὶ τούτων καὶ τῶν λοιπῶν ζητημάτων τῆς κοινότητος ἐστάλθη ἀπο τὸ Κρεμεντζοὺκ προσταγὴ εἰς τὸ κριτήριον τὸ ἐν τῷ Παυλογράδι, νὰ κρίνῃ τὰς μεταξὺ αὐτοῦ καὶ τῆς κοινότητος διαφοράς, διὰ τοῦτο ἀνάγκη εἶναι καλοθελήτως καὶ χριστιανικῶς νὰ συμφωνήσετε, καὶ ἀφ' οὗ λάβετε τὰ εἰρημένα ζῶα καὶ τῶν ἐκκλησιῶν τὰ πράγματα, νὰ δώσετε κσὶ τὰ δύω μέρη ἀναφορὰν εἰς τὸ αὐτὸ τοῦ Παυλογρὰδ κριτήριον, διὰ τῆς ὁποίας νὰ παραστήσετε, ὅτι ἐτελειώσατε τὰς μεταξύ σας διαφορὰς καὶ εἶστε καὶ αὐτὸς καὶ ὑμεῖς εὐχαριστημένοι, καὶ οὕτω νὰ λάβῃ τέλος ὀγλήγορον ἡ ὑπόθεσις, ὁποῦ νὰ ἀνοίξῃ τὸ σχολεῖον μίαν ὥραν προτίτερα.

Καὶ τὰ μὲν πράγματα τῶν ἐκκλησιῶν νὰ τὰ παραδώσετε εὐθὺς εἰς τὴν κάθε ἐκκλησίαν ἐκεῖνο ὁποῦ της πρέπει, εἰς τὰς χεῖρας τῶν ἐπιτρόπων καὶ τῶν ἱερέων τῆς κάθε ἐκκλησίας μὲ κατάστιχον, καὶ νὰ λάβετε παρ' αὐτῶν ὁμολογίαν. Ὁ δὲ πρωτοπαπᾶς ὁ Τριφύλλιος θέλει στείλει εἰς τὸ Κονσιστώριον ῥεπόρτο ὁμοῦ καὶ τὸ κατάστιχον πάντων τῶν εἰρημένων πραγμάτων, ὅσα ἐδόθηραν εἰς κάθε ἐκκλησίαν, ὁμοῦ καὶ τὰς ὁμολογίας.

Τὰ δὲ ζῶα νὰ πωληθῶσιν εὐθὺς ἀπὸ τοὺς ἐπιτρόπους τοῦ σχολείου καὶ νὰ γένῃ μία κασέλα μὲ τρία κλειδία, εἰς τὴν ὁποίαν νὰ βαλθοῦν τὰ ἄσπρα ἀπὸ τὴν πούλησιν τῶν ζώων, ἔτι δὲ καὶ ὅσα ἄσπρα συνάζονται ἀπὸ τὴν κνίγαν, ὁποῦ ἐδώσαμεν διὰ τὸ αυτὸ σχολεῖον, καὶ ὅσα ἀκόμι συνάζονται ἐπ' ὀνόματι τῆς εἰκόνος τοῦ ἁγίου Γεωργίου καὶ τοῦ σχολείου· ἡ αὐτὴ κασέλα καὶ ἕνα κλειδὶ νὰ εὑρίσκεται πάντοτε εἰς τὰς χεῖρας τοῦ πρωτοπαπᾶ Τριφυλλίου, τὰ δὲ ἕτερα δύο κλειδία εἰς τὰς χεῖρας τῶν ἄλλων ἐπιτρόπων· ὁ δὲ πρωτοπαπᾶς ὁ Τριφύλλιος πρέπει νὰ ἀναφέρῃ εἰς ἡμᾶς καὶ περὶ τῆς ποσότητος τῶν συναχθέντων ὑπὲρ τοῦ σχολείου ἄσπρων καὶ περὶ τοῦ ὁσπιτίου, ἐὰν εὑρέθη χωρὶς ἀργοπορίας, καὶ περὶ τῶν λοιπῶν ὑποθέσεων, ὅσας αὐτῷ καὶ ἀπὸ στόματος καὶ διὰ γράμματος παρεγγείλαμεν.

Ἡ εἰρήνη καὶ ἡ ἀγάπη προξενεῖ ὅλα τὰ καλά· ὅθεν κατὰ πάντα τρόπον συμφέρει νὰ εἶστε ἠγαπημένοι καὶ εἰρηνικοὶ μὲ τὸν κὺρ Ἰωάννην. Ταῦτα δὲ οὕτως ποιήσαντες καὶ ἡμᾶς χαροποιήσετε καὶ ἑαυτοὺς ὠφελήσετε καὶ τῷ Θεῷ εὐαρεστήσετε, οὗ ἡ χάρις καὶ τὸ ἔλεος εἴη εμτὰ πάντων ὑμῶν [1]).

---

[1]) ἡμῶν pp.

Ἔτ. ,αφπς', Σεπτεμβρίου κζ'.

Ὁ Στλαβονίου καὶ Χερσῶνος Νικηφόρος καὶ ἐν Χ(ριστ)ῷ ὑμῶν εὐχέτης [1]).

οκτομβριοζουν —τ
πηνιμ ηλιμε τηκτη
κυρ ἰανακιτέν
γιανακητεν [2])

III.

Посланіе епископа Дороѳея.

Ἐλέῳ Θεοῦ ταπεινὸς Δωρόθεος ἐπίσκοπος Θεοδοσίας καὶ Μαριουπόλεως τῷ εὐλαβεστάτῳ ἐν ἱερεῦσι καὶ οἰκονόμῳ παπᾷ κὺρ Τριφυλλίῳ [3]) καὶ τοῖς λοιποῖς προεστῶσι τῆς Μαριουπόλεως, τέκνοις ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ περιποθήτοις τῆς ἡμῶν ταπεινότητος, χάρις εἴη παρὰ Θεοῦ Κυρίου Παντοκράτορος, παρ' ἡμῶν δὲ εὐχή, εὐλογία καὶ συγχώρησις.

Ἐπειδὴ καὶ ἀνεφέρθη εἰς ἡμᾶς ἀπὸ τὸν κὺρ Ἀντώνιον Γοζαδῖνον [4]), αὐτάδελφον τοῦ ἐν μακαρίᾳ τῇ λέξει προκατούχου μας κυρίου μητροπολίτου Γοτθίας καὶ Καφᾶ ἁγίου Ἰγνατίου, μὲ ἀναφορὰν τὸ ἄδικον ὅπου κάνει εἰς αὐτὸν ὁ γνήσιός του υἱὸς κὺρ Ἰωάννης, καὶ ἡμεῖς θέλοντες χρεωστικῶς νὰ φυλάξωμε τὴν δικαιοσύνην, ἐγνωρίζοντες μὲ τὰς πλέον ὑψηλὰς ἐρεύνας [5]) τὴν ἀλήθειαν, ἴδοὺ ὅποῦ εὕμεθα [6]) ἢ μὲν νὰ κάμετε μίαν ἀληθινὴν καταγραφὴν τῆς περιουσίας τοῦ μακαρίτου κὺρ Ἰγνατίου, ὅσον ἐν συνειδήσει ἠξεύρετε καὶ ἐνθυμᾶσθε, τόσον εἰς τὰ ἀκίνητα, καθὼς ἀκόμι καὶ εἰς τὰ κινητὰ καὶ εἰς τὰ ἄσπρα ὁποῦ τοῦ ἔμειναν, πόσα καὶ ποῦ καὶ εἰς ποῖον εὑρέθησαν καὶ τίς τὰ ἔπηρεν καὶ εἰς ποῖον ἀκόμι εὑρίσκονται, καὶ αὕτη ἡ καταγραφὴ νὰ εἰσλαγθῇ εἰς χεῖρας τῶν προεστοτέρων ἕως τὸν ἐρχομόν μου.

Πρὸς τούτοις σύ, εὐλαβέστατε οἰκονόμε παπᾶ κὺρ Τριφύλλιε [7]), νὰ δώσῃς ἐν βάρει ἀργίας, ἀφορισμοῦ καὶ τελείας καθαιρέσεως εἰς χεῖρας τῶν προεστώτων τῆς πόλεως ἕνα ἔγγραφον καθαρὰ ὅρκον, εἰ μὲν καὶ ὁ μακαρίτης κὺρ Ἰγνάτιος ἔκαμε διαθήκην καὶ ποῖον ἄφησε καθολικόν του κληρονόμον μὲ τὴν διαθήκην του· εἰ μὲν καὶ δὲν ἔκαμε διαθήκην,

---

[1]) Дата и подпись собственноручно поставлены арх. Никифоромъ. Χερσῶνος въ видѣ монограммы. [2]) Послѣднее слово другой рукой и болѣе новыми чернилами. [3]) Τριφιλίῳ рп. [4]) Γοδαζίνον рп. [5]) ἔρευνας рп. [6]) εὐ[χό]μεθα? [7]) Τριφίλιε рп.

νὰ φανερώσῃς ἐγγράφως ὅμως μὲ ὅρκον σου ἐκεῖνα ὁποῦ ἔξευρες, πῶς εἶχε καὶ ποῖος μετὰ τὸν θά[νατον] τὰ ἔλαβεν, καὶ αὐτά σου τὰ χαρτία εἴτε τοὺς ὅρκου[ς] σου [1]) νὰ τὰ βεβαιώσῃς μὲ τὴν ὑπογραφήν σου καὶ νὰ τὰ παραδώσῃς εἰς χεῖρας τῶν προεστῶν διὰ νὰ τὰ κρατοῦν ἕως πρὸς ὑμᾶς ἐλευσόμεθα.

Πρὸ[ς] τούτοις [2]) θέλομεν νὰ μᾶς σημειώσετε μὲ ὅλην τὴν καθαρότητα ὅλοι σας οἱ εὐγενέστατοι προεστοὶ ἐν καθαρᾷ συνειδήσει, ποῖος ὀκρατήσει [3]) ἕως τώρα καὶ ἔτρωγε τὴν ψαρικὴν τοῦ ἀρχιερέως καὶ ὅλων πραγμάτων, τὰ ὁποῖα ἔδωσεν ἡ πλουσιόδωρος δεξιὰς τῆς Αὐτοκρατορίσσης διὰ τὸν κατὰ καιρὸν ἀρχιερέα τῆς Μαριουπόλεως, καὶ μὲ πρῶτον βέβαιον ἄνθρωπον αὐτὴν τὴν φανέρωσιν νὰ μὲ στείλετε.

---

[1]) ὅρκουσου pn. [2]) προτουτης pn. (чит. ἐκρ? [3]) Ταπъ pn.τησεν?)

ПЕРЕВОДЪ.

I.

Благочестивые и честнѣйшіе христіане, населяющіе Маріуполь, чада во Господѣ возлюбленныя нашей мѣрности, благодать вамъ да будетъ отъ Господа Іисуса Христа, отъ насъ же молитва и благословеніе.

Получивъ ваше почтенное письмо, мы возрадовались, узрѣвши любовь, которую вы приносите намъ. Благодаримъ и благословляемъ всѣхъ отъ мала до велика съ женами и дѣтьми, моля святаго Бога, да сохранитъ васъ въ здравіи и всякомъ благополучіи, хранящихъ святыя Его заповѣди и имѣющихъ взаимную любовь, согласіе и миръ, которыя суть корень всякаго благополучія и благосостоянія и весьма необходимы для спасенія души нашей. Поелику какой христіанинъ не имѣетъ любви, тому невозможно спастись, хотя бы онъ постился, хотя бы молился, хотя бы бодрствовалъ и хотя бы совершалъ другія добрыя дѣла. Если онъ не любитъ ближняго своего, все суетно и не приноситъ ему никакой пользы. Поелику же Богъ по безмѣрной своей милости, презрѣвъ наше недостоинство, опредѣлилъ, чтобы мы приняли пастырскую заботу о душахъ вашихъ, мы, уповая на безпредѣльную милость Его, посвятимъ попеченіе и трудъ нашъ, чтобы пасти и вести васъ по пути спасенія. Надлежитъ, однако, и вамъ со тщаніемъ слушать наши отеческіе и духовные совѣты, потому что Господь Іисусъ Христосъ, Богъ и Спаситель нашъ, который сказалъ, что пастырь добрый душу свою полагаетъ за овецъ,—Онъ же сказалъ, что и овцы гласъ его слышатъ.

И поелику ученіе ведетъ человѣка къ спасенію души его, какъ утверждаетъ божественный Апостолъ, пишущій своему ученику и апостолу Тимоѳею: „Ты знаешь священныя писанія, могущія умудрить тебя во спасеніе“, и то же ученіе много содѣйствуетъ и къ тѣлесному благосостоянію и управленію, потому что кто ученъ и воспитанъ, тотъ имѣетъ и честь, и славу, и легко находитъ управленіе (въ томъ, что) предпринимаетъ, безъ училища-же и учителя никто не можетъ научиться, посему первый совѣтъ мой и побужденіе къ вамъ, чада мои во Господѣ возлюбленныя,—чтобы было устроено въ Маріуполѣ училище, въ которомъ всѣ дѣти ваши изучали бы два языка, эллинскій и русскій. Когда же училище получитъ устройство, тогда бѣдняки и сироты, которые будутъ прилежно заниматься, должны

получать отъ училища и пищу, и одежду, какъ позволитъ устройство. Когда же они изучатъ эти два языка, т. е. читать, писать и говорить [на нихъ], тогда мы будемъ избирать изъ нихъ болѣе способныхъ, чтобы помѣщать въ Полтавское епархіальное училище, гдѣ они будутъ изучать и другіе языки, знанія и наукй. Если Богъ поведетъ это дѣло во благо, тогда изъ сихъ дѣтей вашихъ одни сдѣлаются достойными іереями и учителями, способными учить догматамъ вѣры и закону Божію и вести ко спасенію, другіе сдѣлаются мудрыми и просвѣщенными къ тому, чтобы стать судьями и получить государственныя должности, иные же найдутъ положеніе, состояніе и достоинство соотвѣтственное успѣшности ихъ. Посему мы признаемъ это дѣло святымъ, небеснымъ и полезнѣйшимъ какъ для души, такъ и для жизни вашей. Поэтому блаженъ и трикраты блаженъ (всякій), кто дѣломъ или словомъ или всякимъ другимъ способомъ посодѣйствуетъ и поможетъ тому, чтобы оно получило исходъ и добрый конецъ.

Итакъ, мы избрали попечителей для сего божественнаго дѣла, во-первыхъ достопочтеннѣйшаго протопопа киръ Трифиллія, котораго поставили и предстоятелемъ іереевъ, дабы онъ имѣлъ попеченіе и бодрствовалъ надъ благочиніемъ іереевъ, церквей и церковныхъ дѣлъ. Просимъ всѣхъ, чтобы вы любили его, какъ мужа честнаго и достойнаго уваженія, принося ему приличествующее благоговѣніе и послушаніе. Вторымъ попечителемъ того же училища [мы избрали] честнѣйшаго киръ Хаджи Михаила, третьимъ — честнѣйшаго киръ Хаджи Панагіота, четвертымъ — честнѣйшаго киръ Пичакчи Стефана и пятымъ — честнѣйшаго киръ Татъ Савву. Просимъ ихъ во имя Господа нашего Іисуса Христа, чтобы они со всякимъ рвеніемъ помогли сему общеполезному и спасительному дѣлу.

Но что могутъ сдѣлать попечители съ пустыми руками? Училищу нужны домъ, книги, жалованье учителямъ, хлѣбъ и одежда для бѣдныхъ учениковъ. Благодать и помощь Божія все это ниспошлетъ, если мы имѣемъ вѣру и выкажемъ рвеніе и любовь къ этому дѣлу. Ибо Господь творитъ волю боящихся Его и моленіе ихъ слышитъ и спасаетъ ихъ. Смотрите, сколько способовъ я предлагаю тотчасъ для начала.

Во-первыхъ, поелику по Императорскимъ указамъ никто не имѣетъ права построить монастырь, то проектируемый монастырь св. Георгія никогда не будетъ устроенъ. Посему всѣ животныя, сколько ихъ собрано во имя образа св. Георгія и проектируемаго монастыря, должны быть проданы вышесказанными попечителями училища. Кромѣ того, тѣ-же попечители должны взять и всѣ деньги, сколько ихъ окажется собрано, или серебряные сосуды, или всякія другія вещи, и точно такъ-же сколько собирается животныхъ, или денегъ, или чего-либо другого ежегодно и приносится св. Георгію, и должны посвятить и посвящать и на будущее время все [это] на училище, котораго предстоятелемъ и поборникомъ является св. Георгій, который считается освободителемъ плѣненныхъ и покровителемъ бѣдныхъ.

Во-вторыхъ, мы опредѣляемъ, чтобы въ каждой церкви была поставлена кружка, въ которую всякій христіанинъ для спасенія души своей и на пользу общины долженъ въ каждый праздникъ класть, какъ просвѣтитъ его Богъ. Попечители должны открывать эти кружки каждое полугодіе и брать собранныя деньги на нужды училища.

Въ-третьихъ, долженъ быть устроенъ одинъ общій сборъ, въ который каждый отъ мала до велика, богатый и бѣдный и всякаго чина человѣкъ да внесетъ и посвятитъ добровольно и самопроизвольно милостыню по силѣ его и состоянію. Для сего мы посылаемъ попечителямъ и такъ называемую „книгу“, дабы каждый изъ дающихъ милостыню записалъ свое имя и сумму денегъ на вѣчное его поминовеніе. Ибо мы опредѣляемъ, чтобы таковыя имена поминались каждое воскресенье въ предложеніи соборнаго [храма], т. е. церкви св. Харалампія.

Въ-четвертыхъ, доходъ церкви св. Харалампія долженъ дѣлиться на три части,—одну на нужды церкви, одну на училище и одну на бѣдныхъ.

Изъ всѣхъ этихъ денегъ, для которыхъ честнѣйшимъ попечителямъ надлежитъ имѣть... списокъ, въ который они должны тщательно записывать, сколько получаютъ и сколько расходуютъ, дабы никто не имѣлъ повода подозрѣвать что-либо дурное,—изъ всѣхъ этихъ вышесказанныхъ денегъ, говорю я, какъ только они получатъ ихъ, должны опредѣлить годовое жалованье для учителя (каковымъ въ настоящее время можетъ служить преподобнѣйшій монахъ киръ Агаѳангелъ), и должно тотчасъ начаться преподаваніе наукъ, поелику иная благодать, когда дѣло получитъ начало и каждый видитъ его, и иная, когда слышитъ о немъ.

О домѣ я писалъ честнѣйшему киръ Іоанну, чтобы онъ уступилъ одинъ изъ домовъ своего покойнаго дяди, митрополита Игнатія, дабы въ немъ было устроено училище на вѣчное его поминовеніе. Попросите и вы его всѣ сообща, и если онъ согласится,—уже хорошо, а если нѣтъ, наймете или одинъ изъ этихъ самыхъ домовъ, или другой.

Таковы средства помощи училищу, которыя мы могли придумать въ настоящее время. Послѣ сего, когда начнется училище и преподаваніе наукъ, тогда мы опять, быть можетъ, придумаемъ и иныя. Молимъ всеблагого Бога отъ всей души и сердца, чтобы Онъ просвѣтилъ васъ показать всякое рвеніе и стараніе къ сему дѣлу, полезнѣе котораго нѣтъ никакого другого. Уповаемъ на святого Бога, что Онъ дастъ ему благой путь, Его-же благодать и милость, а также молитва и благословеніе нашей мѣрности да будетъ со всѣми вами. Аминь. Лѣта 1786, Августа 26-го.

II.

Досточтимѣйшій протопресвитеръ Трифиллій и прочіе всѣ честнѣйшіе христіане, населяющіе Маріуполь, чада во Господѣ возлюбленныя нашей мѣрности, благодать вамъ да будетъ отъ Господа Іисуса Христа, отъ насъ-же молитва и благословеніе.

Благородный поручикъ киръ Іоаннъ Гозадино согласился отдать животныхъ, которыя были собраны во имя св. Георгія, для устройства училища, а также отдать и церковныя вещи. Поелику-же объ этомъ и прочихъ искахъ общины посланъ изъ Кременчуга приказъ въ Павлоградскій судъ, чтобы онъ рѣшилъ споры между нимъ и общиной, то посему необходимо, чтобы вы добровольно и по-христіански пришли къ соглашенію и, такъ какъ вы получили сказанныхъ животныхъ и церковныя вещи, обѣ стороны дали-бы въ Павлоградскій судъ донесеніе, въ которомъ представите, что вы покончили бывшіе между вами споры, и какъ онъ, такъ и вы считаете себя удовлетворенными, и такимъ образомъ дѣло получило-бы скорый конецъ. дабы училище открылось часомъ раньше.

Церковныя вещи вы должны тотчасъ передать въ каждую церковь, куда что надлежитъ, въ руки попечителей и іереевъ каждой церкви по описи, и получить отъ нихъ расписку. А протопопъ Трифиллій пошлетъ въ консисторію рапортъ и опись всѣхъ сказанныхъ вещей, которыя даны въ каждую церковь, вмѣстѣ съ расписками.

Животныя должны быть немедленно проданы попечителями училища, и должна быть устроена шкатулка съ тремя ключами, въ которую должны быть вложены деньги отъ продажи животныхъ, а также и деньги, какія собираются по „книгѣ“, которую мы дали для того-же училища, и какія еще собираются именемъ образа св. Георгія и училища. Эта шкатулка и одинъ ключъ должны всегда находиться въ рукахъ протопопа Трифиллія, а два другіе ключа—въ рукахъ другихъ попечителей. Протопопъ Трифиллій долженъ донести намъ ои количествѣ собранныхъ въ пользу училища денегъ и о домѣ, если онъ найденъ безъ затрудненій, и о другихъ дѣлахъ, которыя мы поручили ему и устно, и письменно.

Миръ и любовь приносятъ всякія блага. Посему во всѣхъ отношеніяхъ полезно, чтобы вы были любезны и миролюбивы къ киръ Іоанну. Сдѣлавъ это такимъ образомъ, вы и насъ обрадуете, и себѣ принесете пользу, и Богу угодите, Его-же благодать и милость да будетъ со всѣми вами.

Лѣта 1786, сентября 27.

Словенскій и Херсонскій Никифоръ и во Христѣ вашъ молитвенникъ.

III.

Милостію Божіею смиренный Дороѳей, епископъ Ѳеодосійскій и Маріупольскій. Благоговѣйнѣйшему во іереяхъ и иконому отцу киръ Трифиллію и прочимъ предстоятелямъ Маріуполя, чадамъ во Христѣ Богѣ возлюбленнымъ нашего смиренія, благодать да будетъ отъ Бога Господа Вседержителя, отъ насъ же молитва, благословеніе и прощеніе.

Поелику донесено намъ киръ Антоніемъ Гозадино, роднымъ братомъ иже во блаженномъ удѣлѣ предмѣстника нашего, господина митрополита Готѳійскаго и Кафайскаго святого Игнатія, о неправдахъ, которыя чинитъ ему родной сынъ его киръ Іоаннъ, и мы, желая по долгу соблюсти справедливость, узнавши правду посредствомъ болѣе обстоятельныхъ разслѣдованій, нынѣ просимъ васъ сдѣлать точную опись имущества покойнаго киръ Игнатія, поскольку вы по совѣсти знаете и вспоминаете, какъ по отношенію къ недвижимости, такъ и къ движимости и къ деньгамъ, которыя отъ него остались,—сколько, гдѣ и у кого нашлись и кто взялъ ихъ и у кого еще находятся, и эта опись должна быть отдана въ руки главнѣйшихъ лицъ до моего прибытія.

Сверхъ сего, ты, благоговѣйнѣйшій икономъ, отецъ киръ Трифиллій, долженъ дать подъ тяжестью запрещенія, отлученія и конечнаго низложенія въ руки городскихъ властей чисто написанную клятву, составилъ-ли покойный киръ Игнатій завѣщаніе и кого оставилъ полнымъ своимъ наслѣдникомъ по своему завѣщанію. Если-же онъ не составилъ завѣщанія, ты долженъ всетаки выяснить письменно подъ клятвою то, что ты зналъ, какъ было и кто послѣ смерти взялъ, и эти бумаги твои, т. е. клятвы твои, долженъ утвердить твоею подписью и передать въ руки властей, дабы они хранили ихъ, пока мы не прибудемъ къ вамъ.

Сверхъ сего мы желаемъ, чтобы всѣ благороднѣйшія власти объяснили намъ со всею чистотою по чистой совѣсти, кто владѣетъ понынѣ и ѣлъ архіерейское рыбное и [владѣетъ] всѣми вещами, которыя дала щедродарная десница Самодержицы для повременнаго архіерея Маріупольскаго, и прислали мнѣ это объясненіе съ первымъ надежнымъ человѣкомъ.

В. Латышевъ.

Какъ составилось собраніе „Каменныхъ бабъ“ Музея Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Н. И Веселовскій, издавая выше принадлежащія Обществу каменныя бабы, попутно говоритъ о трудахъ А. Я. Фабра по ихъ доставкѣ въ Общество, о ихъ поступленіи въ Велико-Анадольское лѣсничество и т. д. Есть возможность пополнить эти свѣдѣнія:

среди старыхъ дѣлъ Общества за № 28 хранится дѣло, состоящее по описи изъ 62 номеровъ и содержащее относящуюся къ первымъ годамъ дѣятельности Общества переписку по поводу „Каменныхъ бабъ“, вошедшихъ въ составъ археологическаго собранія Общества и лишь теперь изданныхъ его почетнымъ членомъ, проф. Н. И. Веселовскимъ.

Какъ покажетъ дальнѣйшее изложеніе, живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ принималъ тогдашній секретарь Общества, незабвенный въ его исторіи Н. Н. Мурзакевичъ. Громадное большинство исходящихъ бумагъ описываемаго дѣла собственноручно составлено имъ; онъ-же исправлялъ и направлялъ всю остальную переписку по этому вопросу, видимо, весьма его занимавшему. Такимъ образомъ если нынѣ въ музеѣ Общества собрался значительный подборъ „бабъ“, то этимъ Общество обязано прежде всего неутомимой настойчивости Н. Н. Мурзакевича.

Дѣло открывается отношеніемъ Общества на имя Таганрогскаго градоначальника, барона О. Р. Пфейлицеръ-Франка отъ 24 апрѣля 1840 г. за № 26. Ему Мурзакевичъ писалъ: „Одесское Общество любителей исторіи, предположивъ учредить Музеумъ для храненія въ подлинникѣ разныхъ древнихъ статуй. надписей, сосудовъ, древнихъ монетъ и проч. желаетъ между прочимъ имѣть нѣсколько хорошо сохраненныхъ истукановъ, извѣстныхъ подъ именемъ „бабъ“. Во ввѣренномъ управленію Вашего Превосходительства градоначальствѣ, въ разныхъ мѣстахъ попадается значительное количество помянутыхъ истукановъ. Посему Общество и имѣетъ честь обратиться къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшей просьбой о доставленіи въ Одессу двухъ или трехъ хорошо сбереженныхъ истукановъ, буде не встрѣтится къ отправленію ихъ какихъ-либо особенныхъ затрудненій. При семъ Обществу пріятно было-бы, если-бы при выборѣ сихъ исту-

кановъ для отправки къ нему, обращено было особенное вниманіе на различіе въ чертахъ ихъ лицъ и находящихся при нихъ принадлежностей. Желательно также было-бы, если только возможно, чтобы къ нимъ приложено было хотя краткое увѣдомленіе о томъ, гдѣ именно они были найдены, на какихъ курганахъ, въ какомъ точно положеніи, не были-ли разрыты такіе курганы и что въ нихъ оказалось".

Тожественное отношеніе одновременно съ только что изложеннымъ было препровождено за № 27 на имя Екатеринославскаго гражданскаго губернатора. Послѣдній 31 мая того-же 1840 г. за № 4830 писалъ Обществу, что, „хотя во ввѣренной его управленію губерніи дѣйствительно находится значительное количество истукановъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „бабъ", но доставка ихъ чрезвычайно затруднительна, ибо они по тяжести своей и величинѣ не иначе могутъ быть доставлены, какъ зимою на особо устроенныхъ саняхъ".

Таганрогскій градоначальникъ бумагой отъ 26 іюня 1840 г. за № 2581 писалъ: „по извѣстности мнѣ, что по большей части попадаются каменные истуканы, извѣстные подъ именемъ „бабъ" на Нахичеванской землѣ, я писалъ тамошнему городскому головѣ о доставленіи сюда 2 или 3 такихъ истукановъ, хорошо сбереженныхъ, со свѣдѣніями, гдѣ именно они найдены, на которыхъ курганахъ и проч.". По полученіи ихъ онъ обѣщалъ доставить въ Одессу на купеческихъ судахъ и прибавлялъ, что въ бытность свою начальникомъ губерніи онъ видѣлъ въ 1832 г. въ Екатеринославѣ при губернаторскомъ дворѣ нѣсколько „каменныхъ бабъ древняго произведенія, не помню откуда доставленныхъ". 8 октября 1840 г. Общество за № 248 благодарило Таганрогскаго градоначальника за эту „его готовность содѣйствовать его разысканіямъ и достиженію Высочайше предназначенной цѣли", и просило его увѣдомить, когда обѣщанныя статуи будутъ отправлены въ Одессу, чтобы можно было заблаговременно распорядиться о принятіи и помѣщеніи ихъ въ приличное мѣсто.

Но это обѣщаніе барономъ Пфейлицеръ-Франкомъ исполнено, повидимому, не было, и потому ровно черезъ 5 лѣтъ, 10 октября 1845 г. Общество за № 178 обратилось къ его преемнику по должности, Его Свѣтлости Александру Карловичу Ливену съ сообщеніемъ про обѣщаніе его предмѣстника, повторяя ту-же просьбу.

Между тѣмъ еще 22 іюня 1841 г. Общество получило изъ Таганрога французское письмо отъ г. Спити (?) съ рисункомъ 4 бабъ, изъ которыхъ одна будто-бы была найдена внутри сада генерала Хусанова въ Таганрогѣ, а три остальныя во рву по дорогѣ на Ростовъ въ разстояніи двухъ съ половиной верстъ отъ Таганрога, причемъ сообщалось, что рисунки эти были выполнены учителемъ рисованія мѣстной гимназіи Сунгуровымъ.

23 января 1844 г. и. д. Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора увѣдомлялъ Общество за № 884 о полученномъ имъ отзывѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣт-

ника Перовскаго, который имѣлъ „свѣдѣнія, что каменныя изваянія грубой работы въ разныхъ видахъ, называемыя въ простонародіи бабами, въ недавнее еще время во множествѣ стояли на степныхъ могилахъ и курганахъ особенно полуденной Россіи, а нынѣ время отъ времени исчезаютъ. Поэтому Министръ предписалъ Военному губернатору г. Херсона и Херсонскому гражданскому губернатору, гражданскимъ губернаторамъ: Таврическому и Екатеринославскому, Керчь-Еникольскому градоначальнику и и. д. Таганрогскаго градоначальника представить подробныя свѣдѣнія о томъ, гдѣ во ввѣренныхъ имъ управленіяхъ находятся еще таковыя каменныя бабы на могилахъ или курганахъ съ присовокупленіемъ особыхъ названій этихъ могилъ, буде существуютъ, и поименованіемъ урочищъ, гдѣ они поставлены". Съ тѣмъ вмѣстѣ Министромъ поручено „сдѣлать немедленно распоряженіе о совершенной неприкосновенности сказанныхъ памятниковъ на точномъ основаніи Высочайшей воли, изъясненной въ циркулярномъ предписаніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ 31 декабря 1826 года о сохраненіи древностей и о воспрещеніи разрушать оныя".

По полученіи этой бумаги генералъ-губернатора Общество 11 апрѣля 1844 г. за № 18 обратилось къ нему съ извѣщеніемъ, что „Общество со дня своего существованія постоянно обращаетъ особенное свое вниманіе на сіи любопытнѣйшіе памятники древняго ваятельнаго искуства", сносилось по этому вопросу съ разными учрежденіями, „но по разнымъ неудобствамъ не могло достигнуть удовлетворительнаго конца". Нынѣ пользуясь предложеніемъ Министра, Общество обращается къ генералъ-губернатору, „не сочтетъ-ли онъ за полезное пригласить господъ губернаторовъ Екатеринославской и Херсонской губерній, а также Таганрогскаго градоначальника къ тому, чтобы они тѣ свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ, какія будутъ представлять Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, въ копіи сообщали и Обществу".

Но, повидимому, такихъ копій въ Общество не поступало.

27 августа 1846 г. директоръ таганрогской гимназіи Я. С. Флоренсовъ писалъ въ частномъ письмѣ Н. Н. Мурзакевичу, что имъ собрано „съ разныхъ мѣстъ Маріупольскаго округа довольно каменныхъ бабъ, хорошихъ, кои лежатъ у меня теперь на дворѣ". Двѣ изъ нихъ онъ хотѣлъ переслать въ Общество, но такъ какъ онѣ вѣсили болѣе 35 пудовъ, и перевозка ихъ обошлась-бы слишкомъ дорого, то онъ просилъ выхлопотать безплатную доставку ихъ. Повидимому, къ этому времени Обществу уже принадлежала одна баба; иначе, Флоренсовъ не закончилъ бы своего письма Мурзакевичу такой шуткой: „Вы увидите, что мои бабы лучше Вашей! Ваша не годится и въ горничныя моимъ".

На это частное письмо Н. Н. Мурзакевичъ отвѣтилъ Я. С. Флоренсову оффиціальной бумагой за № 148 отъ 22 октября 1846 г. Бла-

годаря его „за усердіе къ ученымъ пользамъ", Общество находило доставку „бабъ" на пароходѣ слишкомъ дорогой и предлагало воспользоваться для этого какимъ-нибудь коммерческимъ судномъ. Однако прошелъ цѣлый годъ, и 7 ноября 1847 г. Общество за № 118 снова просило Я. С. Флоренсова доставить обѣщанные экземпляры „бабъ". Только 20 апрѣля 1848 г. Я. С. Флоренсовъ увѣдомилъ Мурзакевича, что 16 апрѣля онъ выслалъ 2 „бабы" съ первымъ таганрогскимъ пароходомъ, и при этомъ обѣщалъ выслать при удобномъ случаѣ еще 2 „бабы", кои полегче".

6 мая 1848 г. за № 92 Я. С. Флоренсову было послано отъ Общества увѣдомленіе о полученіи 2 бабъ, съ выраженіемъ горячей благодарности и съ просьбой выслать еще нѣсколько „для полноты собранія разнородныхъ видовъ бабъ".

16 января 1848 г. Я. С. Флоренсовъ писалъ Н. Н. Мурзакевичу: „Въ началѣ прошлаго года я имѣлъ честь представить на разсмотрѣніе Ваше мое мнѣніе о каменныхъ статуяхъ или бабахъ, не касаясь объясненія видимаго сосуда, который онѣ всѣ безъ исключенія держатъ прижатымъ къ чреву. Изъ внимательнаго разсмотрѣнія многихъ этихъ сосудовъ я сдѣлалъ заключеніе, если не вполнѣ рѣшающее вопросъ о загадочной этой кружкѣ, то болѣе всѣхъ предположеній подходящее къ истинѣ. Мнѣніе мое объ этомъ предметѣ имѣю честь приложить здѣсь, покорнѣйше прося присоединить его къ присланному мною Вамъ въ прошломъ 1848 г.". Здѣсь, очевидно рѣчь идетъ о замѣткѣ Флоренсова „О каменныхъ бабахъ", напечатанной во II томѣ Записокъ (1850) стр. 820—822. Авторъ развиваетъ ту мысль, что статуи эти бабы—портреты или образы умершихъ, можетъ быть, главныхъ лицъ улусовъ; кружку въ рукахъ у этихъ лицъ Флоренсовъ объясняетъ двояко: въ самомъ текстѣ задается вопросомъ „не есть-ли это символъ печали—сосудъ слезъ?", а въ примѣчаніи уже даетъ иное объясненіе: это не кружка, а полотенце или ручникъ, влагаемый въ руки умершему. Отсюда можно заключить, что при письмѣ 16 января 1849 г. Флоренсовъ прислалъ какъ разъ ту замѣтку, которая напечатана въ видѣ примѣчанія къ ранѣе присланной статьѣ. Далѣе онъ сообщалъ, что изъ-за холеры онъ не могъ выслать обѣщанныхъ въ прошломъ году бабъ и обѣщалъ ихъ прислать будущей весной.

25 марта 1849 г. гражданскій Екатеринославскій губернаторъ Фабръ за № 2805 увѣдомилъ Общество о высылкѣ для кабинета Общества „4 древнихъ истукановъ". Общество благодарило его за полученные въ исправности истуканы 16 августа 1849 г. за № 223. Одновременно за № 224 была Обществомъ выражена благодарность и шкиперу мореходной лодки „Св. Николай" за безденежную доставку тѣхъ-же самихъ статуй изъ Ростова въ Одессу.

26 сентября 1849 г. Н. Н. Мурзакевичъ писалъ за № 263 опять Я. С. Флоренсову, что Общество узнало о его намѣреніи передать въ музей Общества еще 5 бабъ, и о доставкѣ ихъ на военномъ тран-

спортѣ снеслось съ адмираломъ Лазаревымъ. Въ случаѣ удовлетворенія послѣднимъ ходатайства, Общество проситъ Флоренсова выслать бабы. Въ дѣлахъ Общества сохранилось и соотвѣтственное ходатайство отъ того-же 26 сентября за № 260, на имя главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ адмирала Михаила Петровича Лазарева разрѣшить доставить этихъ 5 бабъ на военномъ транспортѣ, плавающемъ изъ Таганрога въ Керчь, а оттуда въ Одессу. По этому поводу у Общества возникла длительная переписка съ главнымъ управленіемъ Черноморскаго флота и портовъ. Кораблестроительная экспедиція интендантства 7 октября 1849 г. за № 1363 увѣдомила, что отдано предписаніе командирамъ всѣхъ находящихся въ Таганрогѣ транспортныхъ судовъ принять отъ статскаго совѣтника Флоренсова каменныя статуи для отправки въ Одессу.

Затѣмъ 18 ноября того-же 1849 г. за № 1592 та-же экспедиція сообщила, что еще 1 октября изъ Таганрога отбыли всѣ казенные транспорты, почему доставка статуй отложена до весны 1850 г. Однако въ 1850 г. бабы эти доставлены не были и 19 сентября 1851 г. новый директоръ Таганрогской гимназіи за № 587 увѣдомилъ Общество, что 5 каменныхъ бабъ, очевидно, тѣхъ самыхъ, которыя его предшественникъ предлагалъ Обществу, 21 августа за № 156 имъ переданы комиссіонеру Черноморскаго интендантства коллежскому совѣтнику Андрееву. При этомъ онъ приложилъ и расписку послѣдняго отъ 6 сентября 1851 г. за № 1421.

Но въ 1850 г. 18 мая тайный совѣтникъ А. Я. Фабръ снова за № 6258 увѣдомилъ Н. Н. Мурзакевича, что теперь онъ снова получилъ случай доставить Обществу „двѣ огромной величины и отлично сохранившіяся каменныя бабы“, и просилъ Общество озаботиться ихъ пріемомъ въ Херсонѣ. 26 мая того-же года Общество за № 70 благодарило А. Я Фабра и увѣдомило его, что пріемка бабъ поручена члену корреспонденту Общества, директору училища торговаго мореплаванія С. Я. Генбачеву. Одновременно Общество въ той-же бумагѣ выражало особенную благодарность А. Я. Фабру за доставленный имъ планъ колоніи острова Хортицы. Карта эта составлена Екатеринославскимъ губернскимъ землемѣромъ Адамовичемъ см. А. Л. Б(ертье-Делагардъ) Каталогъ, картъ, плановъ, чертежей, рисунковъ, хранящихся въ музеѣ Имп. Одес. Общества Исторіи и Древ. 1888, стр. 12. Она значится подъ номеромъ I 112. Семену Яковлевичу Генбачеву просьба о „безвредной доставкѣ“ бабъ отъ А. Я. Фабра была послана въ тотъ-же день за № 71.

20 іюля того-же 1850 г. управленіе Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора за № 6866 сообщило, что 28 минувшаго іюля Таганрогскій градоначальникъ генералъ-маіоръ кн. Ливенъ донесъ о томъ, что имъ для Общества въ Маріуполѣ собрано нѣсколько бабъ, но что въ его распоряженіи нѣтъ средствъ для отправленія ихъ въ Одессу. Въ виду запрета Новороссійскимъ пароходамъ принимать

безплатно какіе-либо грузы, генералъ-губернаторъ предлагалъ Обществу изыскать мѣры для перевозки собранныхъ въ Маріуполѣ изваяній.

4 сентября того-же 1850 г. Общество за № 95 просило и. д. Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора, генералъ-лейтенанта Павла Ивановича Ѳедорова передать князю Ливену „искреннѣйшую благодарность за его усердное содѣйствіе къ пользамъ науки и Общества", и увѣдомляло, что одновременно съ этимъ оно обращается къ адмиралу Лазареву, почетному члену Общества, съ просьбой о доставкѣ этихъ каменныхъ бабъ на военномъ транспортѣ. Таковая бумага адмиралу Лазареву и была отправлена 12 октября 1850 г. за № 126. На это послѣдовалъ 15 ноября за № 4614 отвѣтъ начальника штаба Черноморскаго флота и портовъ, контръ-адмирала Корнилова, что имъ о перевозкѣ на транспортѣ изъ Маріуполя въ Одессу каменныхъ древнихъ статуй „кому слѣдуетъ сообщено".

Черезъ годъ, 1 ноября 1851 г. Кораблестроительная экспедиція интендантства главнаго управленія Черноморскаго флота и портовъ за № 1533 увѣдомила, что „состоявшія (??) при Таганрогской гимназіи каменныя статуи, числомъ пять, отправлены изъ Таганрога въ Одессу на транспортѣ „Арагва". Для подвозки ихъ съ берега была нанята вольная лодка, за которую Общество приглашалось уплатить 10 рублей серебромъ. Эта сумма была выслана 15 января 1852 г. за № 5 и въ полученіи ея отъ Таганрогскаго комиссіонера Черноморскаго интендантства Андреева получена расписка отъ 26 января 1852 г. за № 115, а за № 106 того-же 15 января Общество увѣдомило о высылкѣ 10 рублей оберъ-интенданта Черноморскаго флота.

Повидимому, однако еще раньше то-же учрежденіе запрашивало Общество о числѣ и вѣсѣ подлежащихъ перевозкѣ статуй: но въ дѣлахъ сохранился лишь отвѣтъ Общества отъ 12 мая 1851 г. за № 83, что число неизвѣстно, а вѣсъ предположительно опредѣляется не свыше 50 пудовъ. Трудно теперь рѣшить, почему обычно столь поспѣшный въ отвѣтахъ по дѣламъ Общества Н. Н. Мурзакевичъ, на этотъ разъ лишь въ маѣ слѣдующаго года изготовилъ отвѣтъ на запросъ отъ 28 ноября 1850 г. за № 4794: не принялъ-ли онъ во вниманіе зимній перерывъ судоходства?

Этотъ отвѣтъ о вѣсѣ предназначенныхъ къ доставкѣ „бабъ" вызвалъ новую переписку: 8 іюня 1851 г. оберъ-интендантъ Черноморскаго флота и портовъ за № 811 запросилъ: „во всѣхъ-ли вообще каменныхъ бабахъ заключается вѣсу 50 пудовъ, или въ одной штукѣ, и сколько именно всѣхъ ихъ?

На это 26 іюня 1851 г. за № 122 Общество отвѣтило, что во дворѣ Таганрогской гимназіи имѣется 5 бабъ, а въ Маріуполѣ не болѣе 10, „что составить едва-ли еще сто пудовъ вѣса".

Черезъ два дня 28 іюня 1851 г. Екатеринославскій гражданскій губернаторъ Фаберъ увѣдомилъ, за № 6937, что 7 минувшаго мая

имъ снова отправлены въ Херсонъ въ даръ Обществу еще двѣ „бабы“ для сдачи директору школы торговаго мореплаванія кол. сов. Генбачеву. А черезъ мѣсяцъ 28 іюля 1851 г. и оберъ-интендантъ сообщилъ, за № 1051 что начальникъ штаба разрѣшилъ доставить бабы лишь изъ Таганрога, но не изъ Маріуполя: „куда по неимѣнію случая, потребовалось-бы собственно на этотъ предметъ заходить транспорту, а къ этому не представляется возможности по недостаточности таковыхъ судовъ“.

21 августа 1851 г. Общество указало оберъ-интенданту за № 157, что въ Таганрогѣ статуи могутъ быть приняты отъ директора мѣстной гимназіи, которому въ тотъ-же день было послано Обществомъ соотвѣтственное предложеніе за № 156.

24 марта 1860 г. Екатеринославская палата Государственныхъ имуществъ за № 3163 сообщила, что „по распоряженію г. управляющаго палатой въ Бахмутскомъ, Ростовскомъ, Александровскомъ, Новомосковскомъ и Павлоградскомъ округахъ собрано въ степяхъ въ предшествующемъ году 93 древнихъ каменныхъ статуй, имѣющихъ мѣстное названіе „каменныхъ бабъ“, болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ, что 16 изъ нихъ отправлено въ Великоанадольское учебное степное лѣсничество для храненія и, если можно, для снятія рисунковъ съ нихъ, а изъ остальныхъ затѣмъ часть изъ ближайшихъ къ лѣсничеству мѣстностей будетъ отправлена туда-же, а часть будетъ размѣщена въ садахъ, находящихся при волостныхъ правленіяхъ“. Помянутые рисунки палата намѣревалась доставить Обществу вмѣстѣ съ свѣдѣніями о другихъ достопримѣчательныхъ древностяхъ, по мѣрѣ ихъ открытія. Получивъ это весьма важное и любопытное сообщеніе, Общество 1 мая 1860 г. за № 104 проситъ палату объ ускоренномъ доставленіи этихъ рисунковъ, съ тѣмъ, чтобы обращалось вниманіе, какъ на наружную, такъ и на оборотную сторону означенныхъ „бабъ“. Если-бы Обществу представилась надобность имѣть нѣкоторые экземпляры изъ собранныхъ каменныхъ статуй, то благоволитъ палата увѣдомить, какимъ дешевымъ и необременительнымъ путемъ могутъ быть перевезены нѣкоторыя изъ статуй въ Одессу“.

10 января 1861 г. управляющій Екатеринославской палатой увѣдомилъ за № 183, что доставленіе нужныхъ Обществу рисунковъ замедлилось „по неимѣнію въ вѣдомствѣ палаты такого лица, которое могло-бы принять на себя означенный трудъ. Но наконецъ я пріискалъ живописца, отставного поручика Товбача, поручилъ ему съѣздить въ Велико-Анадольское лѣсничество и снять рисунки съ находящихся тамъ „бабъ“. Г. Товбачъ представилъ нынѣ мнѣ свои рисунки на 6 листахъ, которые я и спѣшу при семъ препроводить“. См. А. Л. Бертье-Делагардъ. Каталогъ картъ, плановъ и т. д. стр. 44, № IV. 13. I. Въ библіотекѣ Общества рисунки г. Товбача хранятся въ особой переплетеной тетради подъ значкомъ 6/140. Всѣ рисунки

выполнены карандашемъ, и каждая баба срисована спереди (верхній рядъ), и сзади (нижній рядъ); на первомъ листѣ № 1— 6

II	„	№ 19—24
III	„	№ 13—18
IV	„	№ 7—12
V	„	№ 31—36
VI	„	№ 25—30

Размѣръ каждаго листа 21—28 снм.

По вопросу о доставкѣ бабъ въ Одессу, г. управляющій палатой сообщилъ, что удобнѣе всего это сдѣлать изъ Велико-Анадольскаго лѣсничества, находящагося на разстояніи 18½ верстъ отъ Маріуполя.

31 января 1861 г. за № 83 Общество благодарило его за доставленные рисунки, а 21 октября 1861 г. за № 128 Общество проситъ его отобрать экземпляры бабъ, показанные на рисункахъ подъ № 2, 3, 4, 7, 8, 9, 11, 12, 14, 18, 22, 25, 26, 27, 29, 31, 32, 33, 35 и 36 (всего двадцать бабъ), „буде онѣ въ хорошемъ состояніи", доставить ихъ въ Маріуполь и сдать ихъ въ вѣдѣніе тамошняго управляющаго пристанью. Одновременно съ этой бумагой, въ тотъ-же день, за № 129 Общество обратилось къ командиру Николаевскаго порта и его военному губернатору, генералу адъютанту Богдану Александровичу Глазенапу съ просьбой: „нѣтъ-ли какой возможности на военныхъ транспортахъ, буде оные плаваютъ по Азовскому морю, въ будущую навигацію перевезть изъ Маріуполя въ Одессу нѣсколько каменныхъ бабъ".

27 октября 1861 г. генералъ-адъютантъ Глазенапъ отвѣтилъ, за № 7749, что это онъ „считаетъ весьма возможнымъ и сдѣлаетъ о томъ надлежащее распоряженіе".

21 ноября 1861 г. за № 143 Общество просило управляющаго Маріупольской пристанью принять 20 „бабъ" и сдать по явкѣ транспорта командиру онаго.

19 января 1862 г. управляющій Екатеринославской палатой Государственныхъ имуществъ за № 769 сообщилъ Обществу, что „такъ какъ художникъ снимавшій съ бабъ рисунки, своей нумераціи не оставилъ, то не зная, какіе именно экземпляры бабъ нужны Обществу, онъ предписалъ управляющему лѣсничествомъ, подполковнику фонъ-Граффу выбрать изъ имѣющейся коллекціи 20 лучшихъ экземпляровъ по своему усмотрѣнію". Однако оказалось, что выборъ этотъ сдѣланъ неудовлетворительно, поэтому управляющій палатой д. с. с. Компанейщиковъ предложилъ фонъ-Граффу нѣкоторыя изъ бабъ перемѣнить ранней весною подъ личнымъ его наблюденіемъ. Объ этомъ онъ проситъ Общество увѣдомить управляющаго портовымъ правленіемъ: „дабы съ его стороны не встрѣтилось какого-либо затрудненія".

Это и было исполнено Обществомъ 6 февраля 1862 г. за № 71.

8 марта 1862 г. Н. Н. Мурзакевичъ за № 82 писалъ командиру Николаевскаго порта Б. А. Глазенапу, что количество подлежащихъ перевозкѣ изъ Маріуполя въ Одессу каменныхъ бабъ простирается до 20, почему ихъ удобнѣе доставить въ разные сроки. Это сообщеніе было отвѣтомъ за запросъ генерала Б. А. Глазенапа въ видѣ частнаго письма на имя Н. Н. Мурзакевича отъ 2 марта 1862 г.

8 марта 1862 г. Н. Н. Мурзакевичъ писалъ за № 83 управляющему Маріупольской пристанью, что въ непродолжительномъ времени туда прибудетъ военное судно для забранія каменныхъ бабъ, которыя и просилъ имѣть въ готовности около пристани.

14 марта 1862 г. управляющій Маріупольскимъ портовымъ управленіемъ за № 16 увѣдомилъ Общество, что новыя бабы предназначенныя д. с. с. Компанейщиковымъ для замѣны доставленныхъ ранѣе фонъ-Граффомъ еще не прибыли, что ранѣе доставленныя сложены на пристани, и что портовое управленіе не имѣетъ никакихъ средствъ для найма лодки, чтобы доставить оныя на транспортъ, который по мелководію не можетъ подойти къ самой пристани. Глубина въ гирлахъ рѣки Кальміуса при входѣ къ пристани осенью истекшаго года была менѣе 5 футъ; рейдъ Маріупольскій еще покрытъ льдомъ.

Но уже 27 марта за № 21 онъ-же увѣдомилъ Общество, что къ этому времени въ Маріуполь и „новыя бабы“ доставлены, и что рейдъ открылся отъ льда.

7 апрѣля 1862 г. онъ-же за № 26 сообщилъ, что 20 каменныхъ бабъ 4 апрѣля имъ сданы на пароходъ „Турокъ“.

Въ пріемѣ ихъ командиръ парохода „Турокъ“ капитанъ-лейтенантъ Артюховъ выдалъ хранящуюся въ дѣлахъ Общества расписку вмѣстѣ съ распиской владѣльца лодки Дубъ въ полученіи 20 рублей за ихъ доставку. Наемъ этой лодки былъ оффиціально засвидѣтельствованъ капитаномъ-лейтенантомъ Артюховымъ 4 апрѣля 1862 г. за № 116. Бабы были отправлены при особой препроводительной бумагѣ за № 23 отъ 4 апрѣля 1862 г.

17 апрѣля Общество за № 89 выслало управляющему Маріупольскимъ портовымъ правленіемъ 20 рублей.

4 іюля 1862 г. управляющій Екатеринославской палатой Государственныхъ имуществъ д. с. с. Компанейщиковъ сообщилъ, что фонъ-Граффъ донесъ ему о томъ, что имъ въ Маріуполѣ изъ числа свезенныхъ уже туда прежде каменныхъ бабъ 14 экземпляровъ замѣнено другими.

13 августа 1862 г. за № 10157 онъ-же увѣдомилъ, что за перевозку этихъ бабъ Общество должно ему выслать для уплаты государственнымъ крестьянамъ, поставлявшимъ пароволовыя подводы сто тридцать семь рублей. Вся эта сумма была выслана ему Обществомъ 17 сентября 1862 г. при бумагѣ за № 110.

Въ полученіи ихъ Екатеринославская палата выслала 5 ноября 1862 г. за № 13050 расписку.

Описанныя выше бумаги воссоздаютъ довольно любопытную картину тѣхъ условій, при которыхъ Обществу приходилось собирать предметы для своего древлехранилища. Назвать благопріятными ихъ едва-ли возможно. Только настойчивость и терпѣніе дѣятелей Общества съ Н. Н. Мурзакевичемъ во главѣ могли устранить безконечное множество препонъ, на которыя наталкивалось постоянно доброе желаніе отдѣльныхъ любителей древностей въ родѣ директора гимназіи Флоренсова послужить дѣлу сохраненія и собиранія памятниковъ древности. Здѣсь прежде всего бросается въ глаза удивительная канцелярская волокита, на цѣлые года задерживавшая полученіе предназначавшихся для Общества памятниковъ. Не трудно разглядѣть между строками казенныхъ бумагъ и явную неохоту морского начальства обременять себя доставкой какихъ-то тамъ древнихъ каменныхъ изваяній. Не этимъ-ли надо объяснять и такое маловѣроятное явленіе, что въ Маріупольскомъ *портовомъ* управленіи такъ таки и не нашлось ни одной *лоджи* для доставки бабъ съ берега на транспортъ?

За все Обществу приходилось платить изъ своихъ скудныхъ средствъ.

Изъ дѣлъ видны и другія любопытныя черты нашего ученаго быта.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ отдаетъ приказъ о сохраненіи древностей. И въ то-же самое время мѣстное начальство не находитъ ничего лучшаго, какъ использовать эти памятники старины для украшенія садовъ при волостныхъ управленіяхъ.

Общество, такъ бережно хранившее всякую квитанцію лодочника, перевозившаго „бабы“, получило-бы очень цѣнный матерьялъ, если-бы соблюдалось отданное властями распоряженіе о доставленіи Обществу подробныхъ свѣдѣній о всякомъ находимомъ предметѣ древностей. Но такихъ свѣдѣній въ архивѣ Общества нѣтъ. Стало быть этотъ хлопотливый и ни въ какомъ отношеніи не „интересный“ приказъ остался „на бумагѣ“.

При такихъ условіяхъ и при такомъ отношеніи властей къ дѣлу можно-ли удивляться, что пополненіе музея носило чисто случайный характеръ, что множество цѣннѣйшихъ памятниковъ старины либо вовсе пропало, либо попало совсѣмъ не туда, куда слѣдовало? Повидимому, наоборотъ скорѣе приходится удивляться тому, что все-таки такъ много удалось получить и сберечь.

426 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

14 ноября 1913 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ вице-президента А. Л. Бертье-Делагарда, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: Б. В. Варнеке, А. Я. Шпаковъ, А. Е. Егоровъ, К. О. Лысаковскій, И. А. Линниченко, К. М. Милисавлевичъ, М. Ѳ. Болтенко, Е. П. Трифильевъ, Г. И. Танфильевъ, баронъ Э. Л. Гойнингенъ-фонъ-Гюне, В. Н. Мочульскій, члены-корреспонденты: А. В. Флоровскій, В. Э. Крусманъ, С Л. Аваліани, А. М. Гамовъ, Н. Н. Вусковичъ, М. С. Мончевскій.

Открывъ засѣданіе, вице-президентъ привѣтствовалъ собраніе со вступленіемъ Общества въ 75 годовщину существованія: и выразилъ пожеланіе, чтобы оно еще многіе годы работало на поприщѣ изученія родной старины. Послѣ этого собраніе выслушало доложенныя секретаремъ М. Г. Попруженко краткія извлеченія изъ отчета за 74 годъ существованія Общества.

Слушали:

I. Сообщеніе д. чл. М. Ѳ. Шкадышка, прочитанное за отсутствіемъ автора барономъ Э. Л. Гойнингенъ-фонъ-Гюне,—„Погребенія каменнаго вѣка въ Одессѣ“.

Постановили:—Напечатать въ протоколѣ засѣданія.

II. Сообщеніе д. чл. Б. В. Варнеке объ одномъ принадлежащемъ Обществу керченскомъ рельефѣ (залъ засѣданія № 129). Разобравъ мнѣнія о сюжетѣ рельефа акад. Кондакова и Рейнаха, докладчикъ высказалъ предположеніе, что, кромѣ Артемиды, Аполлона и Гермеса, изображена на рельефѣ еще нимфа Киллена. Въ такомъ случаѣ рельефъ представляетъ варіантъ миѳа, изложеннаго въ заключительной части вновь найденной пьесы Софокла „Слѣдопыты“.

Постановили:—Благодарить докладчика.

III. Слѣдующее письмо д. чл. Общества В Н. Смольянинова (попечителя Одесскаго учебнаго Округа):

„Возвратившись изъ продолжительной поѣздки по ввѣренному мнѣ учебному округу, спѣшу принести Обществу мою совершеннѣйшую благодарность за избраніе меня дѣйствительнымъ членомъ.

Въ своей землѣ не чужеземецъ, а преданнѣйшій сынъ, я и вѣрую, и исповѣдую, что въ цвѣтѣ настоящаго надо помнить о корняхъ прошлаго, что они не исчезаютъ, а живутъ въ насъ, что старина новизну держитъ, что, забывая ее, мы даемъ право потомству забыть и о насъ самихъ. Поэтому мои немногіе досуги съ юныхъ лѣтъ были посвящены историческимъ разысканіямъ, и, хотя свободныя отъ службы минуты стали теперь еще рѣже, я постараюсь однако принести Обществу посильную пользу".

IV. Сообщеніе хранителя музея о вновь поступившихъ въ музей предметахъ древности:

Предметы, поступившіе изъ кургана раскопаннаго въ Слободкѣ-Романовкѣ:

I. 843. Глиняный сосудъ съ сѣтчатымъ орнаментомъ.

I. 844. Сосудъ сѣрой глины съ веревочнымъ орнаментомъ.

I. 845—850. Глиняные сосуды безъ орнамента.

I. 851. Глиняная миска.

I. 852—854. Обломки глиняныхъ сосудовъ малыхъ размѣровъ.

Пожертвовано:

1) Генер. *К. М. Милисавлевичемъ:*

4 Жетона: a) Память 1812—1912.
b) Москва—Бородино
c) Открытіе памятника Барклаю-де-Толли сереб.
d) Тоже—позолоченный.

2) *Б. Е. Клименко*: Ш. 7723. Римская миска изъ terra sigillata

3) Отъ *А. А. Бертье-Делагарда.*

1. Мѣдная монета Амастріи—Каракаллы.
2. Дукатъ золотой Стефана Баторія города Данцига 1586 г.
3. Свинцовый разновѣсъ. Керчь.
4. Печать свинцовая. Пантикапея.
5. Тосканская Косьма II Медичи сереб.
6. VI. 810—817. Восемь стекляныхъ сосудовъ, древне-греческихъ, изъ Керчи.
7. I. 855. Половина каменнаго молотка изъ готской могилы въ Артекѣ, на южномъ берегу Крыма.
9. V. 3184. Бронзовая фигура сидящаго орла изъ Херсонеса.
10. V. 3185. Бронзовый замокъ въ видѣ собаки съ птицей на головѣ, и ручка съ звѣриной головой (Кубань).

Постановили: Благодарить жертвователей.

V. Сообщеніе секретаря о томъ, что почетный членъ Общества графъ С. Д. Шереметевъ прислалъ въ даръ библіотекѣ Общества—свое изданіе—„Остафьевскій Архивъ".

Постановили:—Благодарить жертвователя.

Погребенія каменнаго вѣка въ г. Одессѣ.

(*Предварительное сообщеніе*).

30-го Сентября 1912 года въ № 277 газеты „Одесскій Листокъ“ появилась замѣтка, что на Слободкѣ-Романовкѣ въ оградѣ психіатрической больницы раскапывается администраціей больницы курганъ для устройства погреба, при чемъ въ курганѣ оказалось древнее кладбище съ погребеніями въ каменныхъ ящикахъ Киммерійскаго типа, трупы въ утробномъ положеніи, сосуды премикенскаго типа.

По доведеніи мною объ этомъ до свѣдѣнія Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, Совѣтъ Общества поручилъ изслѣдованіе этого кургана профессору И. А. Линниченко, подъ руководствомъ котораго начата была мною раскопка кургана 3-го октября 1912 года. Продолжалась она недѣли двѣ, прекратилась вслѣдствіе наступившихъ холодовъ и дурной погоды, а въ этомъ году опять продолжалась съ 4-го по 30-е октября. Работа еще не окончена: весь курганъ не снятъ. Окончить ее удастся только въ 1914 году.

Къ началу нашей раскопки курганъ возвышался надъ уровнемъ окружающей мѣстности около 4-метр., имѣлъ діаметръ около 38 метр., въ планѣ представлялъ овалъ, въ профили—конусъ съ пологими скатами и округленной вершиной. Рва или вала кругомъ кургана не было замѣтно. На планѣ г. Одессы курганъ обозначенъ въ усадьбѣ больницы для душевно больныхъ. Особаго мѣстнаго названія онъ не имѣетъ. Сдѣланная для погреба администраціей больницы выемка оказалась не сквозной траншеей, идущей съ сѣвера на югъ, шириной 5-метр. и глубиной около 3-хъ метр. Осмотръ срѣзанныхъ боковъ траншеи показалъ, что курганъ состоитъ изъ трехъ слоевъ: верхняго толщиной около 1 метр.—черноземнаго и вообще наноснаго, средняго и нижняго—насыпныхъ изъ сѣрой глины. Материкъ, желто-красная глина (лёссъ), начинается на уровнѣ 3,5 метр. отъ вершины. Администрація больницы показала, что на глубинѣ 0,75 метр. въ сѣверной части траншеи найдено было погребеніе: скелетъ и при немъ горшокъ

(желтой глины, слабаго обжига, сдѣланъ безъ круга, имѣетъ выпуклые бока и плоское дно). Въ горшкѣ была зола. Въ насыпи найдено было еще два горшка небольшихъ черной глины и два куска краски. На глубинѣ около 3-хъ метр. оказалась часть каменной ограды, состоявшей изъ поставленныхъ на ребро каменныхъ грубо отесанныхъ плитъ, размѣрами около 1-го метр. высотою и 35—50 см. шириной. Внутри ограды, начиная съ глубины 1,5 метр. отъ вершины кургана, попадались крупные камни. Подъ ними найдены были три каменныя гробницы, расположенныя по радіусамъ. Каждая гробница состояла изъ 5 каменныхъ плитъ: 4 образовали боковыя стѣнки и 1 крышку. Внутри гробницы, кромѣ земли и костей, ничего не было. Костяки—въ сидячемъ положеніи. Все это, какъ ненужное, было выброшено, кромѣ красно-глинянаго горшка, представленнаго намъ. Изъ выброшенной земли удалось намъ извлечь 1 черепокъ отъ сосуда черной глины слабаго обжига съ елочнымъ орнаментомъ, 2 небольшихъ не отдѣланныхъ кремня и нѣсколько птичьихъ косточекъ.

Наша археологическая раскопка въ 1912 и 1913 г.г. велась все время подъ наблюденіемъ дѣйств. членовъ Общества М. Ф. Шкадышекъ, барона Э. А Гойнингенъ-фонъ-Гюне и любителя археологіи А. В. Добровольскаго.

Во время раскопокъ велись дневники и дѣлались фотографическіе снимки. По окончаніи работъ этого года сдѣлана была на средства Общества модель вскрытой части кургана. Работы велись въ 1912 г. на средства Общества и въ этомъ году на частныя средства, а именно: И. А. Линниченко, барона Э. А. Гойнингенъ-фонъ-Гюне и Совѣта Старшинъ Одесскаго Коммерческаго Собранія. Городская Управа дала инструментъ, а Городская Артель вывозила выбрасываемую землю на городскія сооруженія. Въ 1912 году израсходовано около 100 руб., выброшено и вынесено носилками земли около 10 куб. саж; въ 1913 г.—185 руб., выброшено и вывезено земли около 120 куб. саж. Результаты раскопокъ получились слѣдующіе:

1) На нижней, древней, насыпи обнаруженъ кругъ (овалъ діам. около 10 метр. изъ каменныхъ прямоугольныхъ грубо обтесанныхъ известковыхъ плитъ, поставленныхъ на узкое ребро и обращенныхъ плоской стороной къ центру кургана. Внутри этого круга уложенъ меньшаго діаметра кругъ (овалъ), около 5 метр., изъ небольшихъ неправильной формы камней.

Некрополь-ли это, стоянка-ли, т. е. мѣсто для жилья, или городище, т. е. укрѣпленіе, служившее убѣжищемъ отъ враговъ или звѣрей, трудно сказать, такъ какъ погребеній внутри средняго круга найдено 4 изъ 40, обнаруженныхъ въ курганѣ; не найдено совсѣмъ сопутствующихъ всякое жилье отбросовъ, черепковъ посуды, пепла, угля и проч. Возможно, что это было городище, устроенное одновре-

менно и для убѣжища и для охраны священнаго мѣста, алтаря, храма и т. п. слѣдовъ котораго не сохранилось. Центральныя же погребенія особаго отличія отъ прочихъ не представляли.

2) Кромѣ двойной ограды оказалось въ курганѣ до 40 погребеній, 17 глиняныхъ сосудовъ, цѣлыхъ или въ фрагментахъ, много кремней, нѣсколько кусковъ краски, скорлупа крупныхъ яицъ, 1 костяной кружокъ съ дыркой (амулетъ), нѣсколько мелкихъ костяныхъ кружечковъ, кости птицъ, кости и зубы парнокопытныхъ крупныхъ и мелкихъ животныхъ, 2 деревянныхъ сосуда, 1 п. серегъ металлическихъ, нѣсколько зубовъ лошади и 1 челюсть ея.

Познакомимся съ этими находками, болѣе типичные экземпляры которыхъ изображены на прилагаемой къ этому сообщенію таблицѣ, гдѣ помѣщенъ также снимокъ модели разрытой части кургана.

а) ПОГРЕБЕНІЯ.

Въ насыпи встрѣчались 3 типа погребеній: въ скорченномъ видѣ (видъ спящаго человѣка на лѣвомъ или правомъ боку)—найдено скелетовъ 8, въ утробномъ (когда колѣнныя чашки почти соприкасались съ подбородкомъ черепа)—8 и вытянутыхъ во весь ростъ—13. Изъ нихъ въ насыпи 13, на материкѣ 6 и въ грунтѣ 14. Въ числѣ послѣднихъ найдено два парныхъ: въ одной ямѣ были мущина и женщина, въ другой 2 ребенка. Часть погребеній, а именно 3, найдено въ каменныхъ ящикахъ, состоявшихъ изъ боковыхъ стѣнъ и крыши. Большею частью скелеты имѣли окраску, а именно 18 изъ 30, при чемъ краска покрывала у большинства скелетовъ только черепъ, у меньшиства черепъ, руки и ноги, или находилась въ кускахъ на скелетѣ и подъ нимъ. Всѣ крипты находились въ насыпи, т. е. выше материка. Одна была обмазана по швамъ зеленой глиной, остальныя сложены на сухо. Одно погребеніе имѣло въ затылочной части черепа дыру, 3 снт. длиной и 1,5 шир., происхожденіе которой отъ удара какимъ либо орудіемъ едва-ли можно объяснить, т. к. отверстіе очень чистое, безъ трещинъ во кругъ; возможно, что это трепанація черепа, сдѣланная съ религіозной или хирургической цѣлью. Такіе трепанированные черепа доисторическихъ людей находились и раньше, напр. Гр. Бобринскимъ въ курганахъ возлѣ Смѣлы, въ городищѣ на Княжей горѣ въ Кіевской губ. и проч. Вопросъ этотъ обсуждался на IX съѣздѣ въ 1893 году въ гор. Вильнѣ.

Особенно характерныхъ отличій отъ современныхъ европейскихъ расъ въ нашихъ погребеніяхъ не найдено. Профессоръ Третьяковъ обратилъ вниманіе на сплющенность большихъ берцовыхъ костей (саблистость), свойственную кочевникамъ.

Особенности погребеній выражены въ слѣдующей таблицѣ:

ПОГРЕБЕНІЯ:

№№ по порядку	Ростъ	Положеніе	Окраска	Устройство могилы	Полъ	Особыя отличія
1	1 м. 78 с.	вытян. на спинѣ	окраш.	въна сыпи	?	—
2	1 — 85	—„—	не окр.	— „ —	?	—
3	?	?	окраш.	— „ —	?	—
4	1 — 67	утробн.	не окр.	въ грунтѣ	?	Подъ дерев. площадкой, опиравшейся на 4 дерев. столбика.
5	?	?	?	крипта	?	—
6	1 — 60	вытян.	не окр.	въ насыпи	женск.	—
7	1 — 70	спящ.	не окр. кус. кр.	крипта	?	—
8	1 — 60	утробн.	не окр.	въ насыпи	дѣтск.	—
9	?	?	?	— „ —	?	—
10	1 — 74	спящ.	?	въ насыпи	?	—
11	1 — 6	— „ —	не окр.	— „ —	дѣтск.	—
12	1 — 56	вытян.	не окр.	на матер.	?	—
13	1 — 12	спящ.	?	— „ —	дѣтск.	—
14	1 — 60	вытян.	окр.	въ грунтѣ	мужск.	—
	1 — 92	— „ —	— „ —	— „ —	женск.	Серги
15	1 — 70	утробн	— „ —	въ насыпи	?	—
16	?	спящ.	— “ —	— „ —	?	Центральныя
17	?	— „ —	— „ —	матер	?	погребенія
18	1 — 84	— „ —	не окр. кус. кр.	крипта	?	Крипта обмазана глиной
19	?	утробн.	не окр.	матер. впускн.	?	—
20	1 — 60	спящ.	не окр. кусокъ краски	— „ —	?	въ ног. кости 2 коп. животн., черепъ трепанир.
21	1 — 56	вытян.	не окр.	въ грунтѣ	?	—
22	1 — 56	утробн	не окр. кус. кр.	въ грунтѣ	?	—

№№ по порядку	Ростъ	Положеніе	Окраска	Устройство могилы	Полъ	Особыя отличія
23	?	— „ —	— „ —	— „ —	?	—
24	1 — 70	— „ —	— „ —	— „ —	?	—
25	?	?	не окр.	— „ —	?	—
26	1 — 74	вытян.	— „ —	— „ —	?	—
27	1 — 30	— „ —	окр. кусок. кр.	— „ —	дѣтск.	—
28	1 — 25 —65	утробн.	— „ —	— „ —	— „ —	Парное
29	1 — 80	вытян.	не окр.	въ насыпи	?	—
30	1 — 60	— „ —	— „ —	— „ —	?	—
31	?	?	окр.	матер.	?	—
32	?	?	— „ —	въ грунтѣ	дѣтск.	—
33	?	?	кус. кр.	— „ —	— „ —	—
34	1 — 84	вытян.	не окр.	— „ —	?	—
35	1 — 84	— „ —	?	— „ —	?	Круглодонный бол. горшокъ

Въ общемъ итогѣ	ср. дл. мущ. 1 м. 75 см.	утр 8	окр. 18	въ нас. 13	мущ. 18	
		спящ. 8	не окр.	на мат. 6	жен. 2	
				въ гр. 14	дѣт. 7	
	женщ. 1 м. 60 см.	выт. 13	13	криптъ 3	неизв. 11	

Изъ прилагаемой таблицы видно, что люди были выше средняго роста. Кроніологическія измѣренія еще не сдѣланы. 1 полный скелетъ № 20 и 1 черепъ доставлены въ музей, остальные скелеты и черепа отданы въ университетъ на храненіе и для изслѣдованія (профессору Ласкареву 8 скелетовъ и профессору Третьякову 2).

б) ПОСУДА.

Вся найденная въ курганѣ глиняная посуда и черепки ея представляютъ довольно разнообразную коллекцію по фасону, орнаменту и матерьялу. Однообразна она только тѣмъ, что вся сдѣлана безъ гончарнаго круга и слабо обожжена. Здѣсь встрѣчаются и круглодонные черной глины сосуды безъ орнамента на подобіе тѣхъ, какіе найдены въ Бельгіи г. Фрэпонъ вмѣстѣ съ костями мамонта въ Энгисской пещерѣ палеолитическаго человѣка, и красиво глу-

боко орнаментированные черной глины сосуды типа посуды свайныхъ построекъ неолитической эпохи; наконецъ—сосуды красноглинянные росписные черной краской премикенскаго типа съ рельефнымъ орнаментомъ и безъ него. Посуда находилась при погребеніяхъ и отдѣльно отъ нихъ въ насыпи.

в) КРЕМНИ.

Среди большей части неотдѣланныхъ кремней попадалось много нуклеусовъ, т. е. кремневыхъ ядеръ, отъ которыхъ уже отбиты острыя пластинки или осколки для инструментовъ и стрѣлъ; найдено нѣсколько штукъ и самыхъ пластинокъ, которыя по виду можно признать за скребки, служившіе доисторическому человѣку вмѣсто ножей, и частью за стрѣлы съ поперечнымъ лезвіемъ въ родѣ тѣхъ, что находимы были въ неолитическихъ Крымскихъ пещерахъ и въ Итальянскихъ палафитахъ. Наконецъ найдено 2 кремневыхъ наконечника стрѣлъ съ остріемъ очень хорошей отдѣлки.

г) КРАСКА.

Отдѣльные куски краски, большіе и маленькіе, попадались прямо въ землѣ, или-же при погребеніяхъ. Цвѣтъ ея темнокрасный, красный и блѣднорозовый. Составъ не опредѣлялся, да пожалуй и надобности въ этомъ нѣтъ, такъ какъ онъ уже точно опредѣленъ давно—это охра и сурикъ. Этой-же краской окрашены и тѣ костяки, о которыхъ говорилось раньше. О гипотезахъ, существующихъ на счетъ происхожденія окраски скелетовъ. говорить не будемъ. Изъ извѣстныхъ намъ болѣе интересныхъ трудовъ по этому вопросу мы упомянемъ только о рефератѣ профессора Кулаковскаго, читанномъ имъ на съѣздѣ въ Римѣ въ 1903 году. Уважаемый профессоръ отрицаетъ каннибализмъ, очищеніе трупа отъ мяса, окрашиваніе скелета и говоритъ, что окрашиваніе тѣла существовало въ древнѣйшіе времена, какъ культъ. Вполнѣ присоединяясь къ этому мнѣнію, думаемъ, что кромѣ того существовалъ религіозный обрядъ посыпанія покойника и его ложа охрой, а часто красноватый цвѣтъ костей можно объяснить просто окисляющимъ вліяніемъ на нихъ истлѣвшихъ кожанныхъ одежды и обуви. Покрайней мѣрѣ по обнаруженнымъ въ нашемъ курганѣ окрашеннымъ костякамъ такое предположеніе вполнѣ допустимо, такъ какъ часто находились слои краски на ступняхъ ногъ и подъ скелетомъ

д) ОСТАЛЬНЫЯ НАХОДКИ.

Прочія находки являются чисто случайными и не проливаютъ свѣта на вопросъ объ опредѣленіи эпохи возведенія кургана и людей, его сооружавшихъ.

Скорлупа яицъ попадалась по всей насыпи. Надъ центральнымъ погребеніемъ была положена цѣлая кучка яицъ, штукъ 10. Судя по

величинѣ ихъ, это были яйца дрофы или утки. Возможно, что присутствіе ихъ можно объяснить поминальной тризной. Кружокъ костяной съ дыркой—это амулетъ, часто находимый въ курганахъ Скифскаго періода. Костяные мелкіе кружочки—это бусы конца неолитическаго періода и позднѣйшихъ. Кости животныхъ опредѣлитъ намъ уважаемый профессоръ Ласкаревъ, тогда быть можетъ окажется, что либо новое. Особенно интересно знать, какой лошади принадлежали найденные зубы и челюсть, т. к. лошадь палеолита рѣзко разнится отъ современной однокопытной. Деревянные сосуды сохранились очень плохо. Одинъ имѣлъ видъ глубокой чашки, сохранившееся дно другого было плоское и круглое. Металлическія серьги въ формѣ спирали, серебрянныя или бронзовыя, надо разсматривать, какъ случайность, т. к. кромѣ нихъ во всемъ курганѣ не найдено ни кусочка металла. Возможно, что парное погребеніе, гдѣ онѣ найдены на женскомъ скелетѣ, принадлежитъ другой, болѣе позднѣй, эпохѣ, тѣмъ болѣе, что и могила (глубокая грунтовая), повидимому, обложена сверху и закрыта камнями, снятыми съ наружной ограды, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ эта ограда прервана. На стѣнкахъ этой могилы замѣтны слѣды отъ инструмента, которымъ она копалась, при чемъ эти слѣды указываютъ, что инструментъ былъ узкій, въ родѣ роговой мотыги, употреблявшейся въ неолитическую эпоху. Образцы почвы вертикальнаго разрѣза кургана взяты геологическимъ кабинетомъ нашего университета. Научное изслѣдованіе ея можетъ дать намъ интересныя открытія въ смыслѣ опредѣленія времени сооруженія кургана, на основаніи сравненія толщины пластовъ чернозема подъ курганомъ и такового же съ сосѣднихъ полей. Образцы дерева, краски, яичной скорлупы и металла серегъ также даны въ Новороссійскій университетъ для изслѣдованія. Такимъ образомъ можно надѣяться, что раскопка этого кургана не останется безполезной для археологіи юга Россіи.

Дневникъ раскопки кургана еще не обработанъ, самая раскопка еще не закончена, поэтому окончательные выводы дѣлать затруднительно. Можно одно сказать, что принадлежность раскрытыхъ погребеній къ каменному вѣку едва-ли оспорима. Принадлежатъ-ли они къ палеолиту или неолиту, т. е., какъ французы называютъ, къ эпохѣ оббитаго камня или полированнаго камня, это существеннаго значенія не имѣетъ. Важно то, что въ предѣлахъ города Одессы мы натолкнулись на культуру доисторическаго человѣка, жившаго на мѣстѣ нашего города за нѣсколько тысячелѣтій до Рождества Христова.

Дѣйств. чл. Общ. **М. Шкадышекъ.**

427 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

17 декабря 1913 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена совѣта Б. В. Варнеке, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены:—А. Е. Егоровъ, баронъ Э. А. Гойнингенъ-фонъ-Гюне, Б. М. Ляпуновъ, С. Г. Вилинскій, И. С. Спаѳарисъ, К. М. Милисавлевичъ, М. Ѳ. Шкадышекъ, Е. П. Трифильевъ, А. Я. Шпаковъ, члены-корреспонденты—П. О. Потаповъ, А. В. Флоровскій, А. М. Гамовъ, Е. А. Загоровскій, гость—Б. Я. Калустовъ.

Слушали:

1) Сообщеніе Совѣта о томъ, что въ виду окончанія 31 сего декабря договора на аренду Русскому Обществу Пароходства и Торговли участка побережья въ находящейся въ вѣдѣніи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Судакской крѣпости секретаремъ Общества М. Г. Попруженко по довѣренности Совѣта заключенъ новый договоръ на четыре года съ платой по 1.675 р. въ годъ.

Постановили:—Принять къ свѣдѣнію и благодарить М. Г. Попруженко за его труды по веденію этого дѣла.

2) Письмо г. Министра Народнаго Просвѣщенія Л. А. Кассо на имя Б. В. Варнеке съ выраженіемъ благодарности за присылку XXXI т. „Записокъ“ Общества и Отчета за 1912 годъ.

Постановили:—Принять къ свѣдѣнію.

3) Сообщеніе Совѣта о томъ, что въ виду слабаго поступленія членскихъ взносовъ имъ предположено обратиться ко всѣмъ членамъ съ просьбой сдѣлать взносы и не считать въ числѣ членовъ тѣхъ, кто отъ такихъ взносовъ откажется.

Постановили:—Одобрить рѣшеніе Совѣта.

4) Предложеніе Совѣта избрать въ дѣйствительные члены Общества профессора А. И. Томсона и священника Ѳ. А. Миляновскаго (законоучителя Одесскаго Сергіевскаго артиллерійскаго училища), а въ члены-корреспонденты А. В. Добровольскаго (помощника прис. повѣреннаго).

Постановили:—Согласно § 7 устава баллотировать въ слѣдующемъ засѣданіи.

5) Сообщеніе хранителя музея о томъ, что А. А. Борзенко принесъ въ даръ музею литографическій снимокъ съ памятника ст.-секр. П. А. Столыпину въ Кіевѣ (зап. въ инвент. XV. 32).

Постановили: —Благодарить жертвователя.

6) Сообщенія д.-чл. И. С. Спаѳариса 1) „О двухъ памятникахъ съ турецкими надписями“ и 2) „О металлической чашѣ съ арабской надписью“.

Постановили:—Благодарить докладчика, а сообщеніе напечатать въ протоколѣ засѣданія.

7) Сообщеніе чл.-кор. Е. А. Загоровскаго о книгѣ Миннса (Scythians and Greeks, Cambridge 1913).

Постановили:—Благодарить докладчика, а сообщеніе напечатать въ протоколѣ засѣданія.

8) Сообщеніе Б. Я. Калустова о находкахъ древностей въ устьѣ Дуная.

Постановили:—Благодарить докладчика, а сообщеніе напечатать въ протоколѣ засѣданія.

О двухъ намогильныхъ памятникахъ съ турецкими надписями, хранящихся въ музеѣ Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей.

(По поводу статьи о нихъ Н. Ѳ. Катанова).

По нѣкоторымъ независящимъ отъ моей воли и желанія обстоятельствамъ, я до сихъ поръ не имѣлъ возможности ознакомиться съ разнаго рода памятниками старины съ надписями на восточныхъ языкахъ, хранящимися въ музеѣ нашего Общества. Случай помогъ мнѣ сдѣлать то, что мнѣ не удавалось до сихъ поръ. Недѣли двѣ тому назадъ перелистывая только что изданный XXXI томъ Записокъ Имп. Од. О—ва ист. и древностей на 146—147 стр. его натолкнулся на коротенькую статью д. чл. О—ва, почтеннаго проф. каз. ун. Н. Ѳ. Катанова съ приложенными къ ней 3-мя таблицами, въ которыхъ приводятся текстъ двухъ намогильныхъ памятниковъ, хранящихся въ музеѣ О—ва, чтеніе и переводъ ихъ.

Ближайшее ознакомленіе съ упомянутою статьею и побудило меня осмотрѣть лично въ музеѣ и оригиналы этихъ памятниковъ въ 10. залѣ. О нихъ я намѣренъ сказать нѣсколько словъ теперь въ связи со статьею Н. Ѳ. Катанова, имѣя въ виду, въ ближайшемъ будущемъ, представить особый докладъ и о другихъ памятникахъ 10. зала, которые я теперь изучаю.

Какъ чтеніе, такъ и переводъ упомянутыхъ выше двухъ памятниковъ, изъ коихъ первый представляетъ собою высокій мраморный бѣлый столбъ съ тюрбаномъ, а второй такой-же столбъ меньшаго размѣра, предложенные Н. Ѳ. Катановымъ въ вышеприведенной его статьѣ, заключаютъ въ себѣ слѣдующія существенныя, по моему крайнему разумѣнію, неточности, не говоря уже объ опредѣленіи нарѣчія, на которомъ, по мнѣнію Н. Ѳ. Катанова, написаны эти памятники, и о которомъ рѣчь впереди.

Гласные знаки, поставленные авторомъ статьи въ приведенномъ имъ текстѣ памятниковъ для бо̀льшей удобопонятности, въ данномъ случаѣ не достигли цѣли, такъ какъ они, вмѣсто облегченія, весьма затрудняютъ чтеніе надписей, ограничивая свободу изслѣдователя и субъективно предрѣшая и фиксируя, то, что подлежитъ доказательству. Эти гласные знаки важны, главнымъ образомъ, для арабскаго

языка, въ которомъ крайне разнообразныя грамматическія формы особенно же глагольныя при совершенно одинаковомъ начертаніи буквъ даютъ возможность, при различномъ чтеніи словъ, состоящихъ изъ однѣхъ и тѣхъ-же буквъ, переводить ихъ различно и потому при отсутствіи гласныхъ знаковъ создаютъ широкое поле для всякаго рода толкованій. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ нарѣчіями тюркскаго языка, въ которыхъ только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ и то или съ педагогическими или съ художественными цѣлями прибѣгаютъ къ помощи гласныхъ знаковъ

Транскрипція текста, данная авторомъ статьи для русскихъ, особенно, ученыхъ мало понятна и еще менѣе полезна. Болѣе продуктивна въ фонетическомъ отношеніи могла бы быть транскрипція сдѣланная на основаніи русской, такъ называемой, Академической, азбуки, составленной членами Импер. Академіи Наукъ спеціально для восточныхъ языковъ и примѣняемой уже давно во многихъ ея крупныхъ восточныхъ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ. Я предпочелъ здѣсь именно эту, примѣняемую у насъ въ научныхъ трудахъ систему транскрипціи, такъ какъ въ ней очень мало условныхъ знаковъ, кромѣ буквъ русскаго алфавита, чѣмъ, конечно, упрощается до minimum'а чтеніе восточныхъ народныхъ и литературныхъ произведеній, или историческихъ памятниковъ.

Интересующіе насъ памятники написаны не на крымскомъ нарѣчіи турецкаго языка, какъ утверждаетъ Н. Ѳ. Катановъ, а на османскомъ, константинопольскомъ, изысканно-литературномъ нарѣчіи тюркскаго корня или языка. Въ подтвержденіе этого мнѣнія, я, кромѣ исторической справки о мѣстонахожденіи упомянутыхъ памятниковъ до того времени, когда они вывезены изъ Константинополя въ 1839 въ числѣ семи намогильныхъ памятниковъ, находящихся у насъ въ музеѣ (см. краткій указатель музея Имп. Од. О—ва исторіи и древностей стр. 141) я могу привести много словъ, встрѣчающихся въ этихъ памятникахъ какъ напр. *чăшм, намурат* (*д*), *кăрімă*, *мăс'кăн*, *шад.* (*з*) *цăннăтмă'кан* и др., которыя въ Крыму не употребительны. При этомъ также не слѣдуетъ оставлять безъ должнаго вниманія и то обстоятельство, что въ области турецкой эпиграфики вообще принято примѣнять самый высокій, изысканный, изобилующій арабскими и персидскими словами и выраженіями стиль и языкъ искусственный книжный, напоминающій, хоть отдаленно, языкъ константинопольскаго образованнаго только общества.

Самъ Н Ѳ. Катановъ не особенно послѣдовательно: съ одной стороны опредѣляетъ языкъ памятниковъ крымскимъ нарѣчіемъ, а съ другой въ чтеніи даты памятниковъ вставляетъ прописью османскую форму слова два (*ікі*), вмѣсто крымской (*ăкі*), тогда какъ первая форма въ Крыму совершенно не употребляется.

Вѣроятно, автора статьи ввело въ невольное заблужденіе первое слово (*ічім-дан*) [1]) второй строки, прочитанное имъ съ буквой *а* (элифъ) въ послѣднемъ слогѣ, совершенно не встрѣчающейся въ предлогѣ (послѣслогѣ) османскомъ *дан, дäн* (=изъ, отъ). Но какъ мы увидимъ ниже въ разборѣ текста и въ переводѣ его эта форма, принятая Н. Ѳ. Катановымъ вслѣдствіе ошибочнаго имъ чтенія текста, совершенно отсутствуетъ на оригиналѣ памятника.

Н. Ѳ. Катановъ устанавливая начертаніе этого слова, находитъ возможнымъ читать это слово *ічімдäн* вмѣсто *ічімдан* какъ бы слѣдовало читать по его правописанію и переводитъ „внутри у меня", разумѣя, очевидно османское слово *ічімдäн* обозначающее буквально изъ внутренности моей, изъ внутри у меня.

Начертаніе и чтеніе *ічімдан* съ гласнымъ знакомъ *а* (элифъ между двумя согласными въ одномъ слогѣ) въ послѣднемъ слогѣ, по мимо того, что разстраиваетъ, и меньшимъ числомъ слоговъ далеко впрочемъ не всегда строго соблюдаемый, въ османскомъ нарѣчіи, размѣръ стиха, явно противорѣчитъ оно еще и основному фонетическому закону сингармонизма (harmonie vocalique) въ османскомъ нарѣчіи, по которому всѣ слоги слова должны имѣть, одинаково широкіе или всѣ—одинаково узкіе гласные знаки произношенія въ строгой зависимости отъ такого или иного характера гласнаго знака перваго слога напр.:

олаца̣ ҕындан

или

öläц̣äјіндäн

Согласно этого закону и данное слово слѣдуетъ читать или *ічімдäн* или *ы—чым—дан*. На первое произношеніе не даетъ права предлагаемое Н. Ѳ. Катановымъ правописаніе слова *ічімдан*, (съ буквою элифъ а въ послѣднемъ слогѣ) а второе чтеніе совершенно невозможно какъ не существующее въ турецкомъ языкѣ, хотя бы даже съ другимъ значеніемъ. Въ виду этихъ противорѣчивыхъ данныхъ и неестественнаго сравненія смерти молодой женщины съ высохшимъ изъ внутри болотомъ — озеромъ, я обратившись къ оригиналу памятника, послѣ тщательнаго осмотра его пришелъ къ убѣжденію, что въ немъ стоятъ совершенно другія слова: Вмѣсто слова *ічімдäн* я прочелъ слово: *ачылмадан* и вмѣсто *'гöl* я читаю *'гÿl*.

Первое изъ нихъ являясь страд. залогомъ отъ корня *ач* (*ачмак* =открыть) съ послѣслогомъ *дан* значить: не открывшись, не успѣвъ расцвѣсти. Если бы памятникъ самъ не навязывалъ намъ ясно это предлагаемое мною чтеніе здѣсь вполнѣ возможна была бы варіація чтенія: ачмадан, какъ я предполагалъ до осмотра памятника, дѣйств. залогъ. того же корня въ той же формѣ со значеніемъ: не раскрывъ, разумѣется свои лепестки, каковая форма и чаще употребительна

---

[1]) Ограничиваюсь приведеніемъ словъ только въ транскрипціи такъ какъ въ одесскихъ типографіяхъ, къ сожалѣнію, не имѣется арабскаго шрифта.

для обозначенія цвѣтенія въ примѣненіи къ розѣ и другимъ цвѣткамъ.

Второе же слово второй строки перваго памятника читается у Н. Ѳ. Катанова *'göl* и переводится имъ *озеро* между тѣмъ какъ съ такимъ же или еще бо́льшимъ правомъ, можно было бы читать здѣсь по внѣшнему начертанію буквъ и *kül* (пепелъ), что̀ дало бы намъ сравненіе цвѣта трупа женщины съ золою. Но по моему мнѣнію не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ совершенно другимъ, персидскаго происхожденія, словомъ *'gül* цвѣтокъ, роза, которое или по ошибкѣ или ради красоты начертанія сопровождено въ срединѣ гласною буквою (*вав*) *у*. Можно даже, пожалуй, допустить, что авторъ надписи нарочно поставилъ этотъ лишній знакъ, (*ӱ, вав*) чтобы лишить читателя возможности съ перваго взгляда, нечаянно произносить здѣсь слово *'kül* (съ одинаковой орѳографіею со словомъ *'gül*) со значеніемъ: плѣшивый, паршивый, считающееся ругательнымъ словомъ, и въ данномъ случаѣ могущее оскорбить благоговѣйное отношеніе автора надписи къ памяти усопшей, высоко имъ почитаемой.

4-е слово этой же строки *солдум* переводится Н. Ѳ. Катановымъ высохло (озеро).

Такимъ образомъ получается у Н. Ѳ. Катанова переводъ строки такой: у покойницы внутри высохло какъ озеро (точнѣе было бы: я высохла изъ моей внутренности какъ озеро). Между тѣмъ какъ корень *сол* (*солмак*) обозначаетъ не высыхать (что передается даже въ крымскомъ нарѣчіи корнемъ *куру* (*курумак*), а поблекнуть, поблѣднѣть, вянуть, увядать. Только въ киргизскомъ и шорскомъ нарѣчіяхъ значитъ высыхать а въ уйгурскомъ: уменьшаться.

Такимъ образомъ выраженіе *'gül 'gibi солду* по русски значитъ: она завяла какъ роза и при томъ: *ачылмаданъ* или *ачмадан* т. е. не успѣвъ даже вполнѣ распуститься.

Въ сборникѣ турецкихъ пословицъ, изданномъ не особенно давно въ Константинополѣ знаменитыми османскими филологами Шинаси и Абуз-Зія мы встрѣчаемъ такую пословицу (стр. 456: *вакытсыз ачылан 'gül тäз солар* т. е. роза (или цвѣтокъ), распустившаяся не въ свое время, скоро вянетъ.

Въ этой турецкой пословицѣ мы, какъ разъ, встрѣчаемъ всѣ тѣ три слова, которыя Н. Ѳ. Катановъ читаетъ и переводитъ: *ічімдан 'göl 'gibi солдум*, внутри у меня высохло (букв.: я высохла изъ моей внутренности) какъ озеро, тогда какъ памятникъ даетъ ясное и при томъ естественное чтеніе вполнѣ совпадающее со смысломъ: преждевременной смерти молодой женщины, внезапно подкошенная жизнь которой уподобляется въ памятникѣ кратковременной жизни розы едва успѣвшей распуститься и уже увядшей.

Въ еще неизданной моей коллекціи мало-азійскихъ народныхъ пѣсенъ между прочимъ говорится:

Ах! kара kара kанлы ц̣амыз ölдÿрдÿн̣ бäні
'гÿlÿм гонц̣а ікäн солдурдун̣ бäні

Ах, ты черный, пречерный буйволъ, кровопійца ты, убилъ ты меня изъ-за тебя завяла я, когда была я нераспустившейся еще розою (бутономъ) (букв. когда моя роза была бутономъ-почкою).

Эта элегическая народная пѣсня повѣствуетъ о несчастномъ случаѣ преждевременной смерти молодой также женщины, которую рогами убилъ буйволъ.

Очевидная цѣль автора надписи на памятникѣ отмѣтить преждевременную смерть молодой женщины сопоставленіемъ ея со скорой гибелью именно розы, а не съ высохшимъ изъ внутри, чудомъ, внезапно и безпричинно, озеромъ подтверждается и слѣдующими строками надписи: *Заз, зар аӈлар бан̣а бÿlбÿl бiлä,* т. е. даже (пѣвецъ печали) соловей скорбно оплакиваетъ меня. Всѣмъ извѣстна тѣсная неразрывная связь, существующая въ миѳологіи легендахъ и поэзіи мусульманскаго Востока между розой и соловьемъ, послужившая въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій вѣчно новой неисчерпаемой темою, вдохновлявшей поэтовъ, по представленію коихъ соловей безумно влюбленный въ благоухающую розу, но вѣчно терзаемый и ранимый ея шипами все-же не разстается съ ней и не перестаетъ любить ее воспѣвать, самъ страдая, и оплакивать недолговѣчную ея жизнь.

Даже турецкій Эзопъ, весьма популярный въ Турціи Насреддинъ-Ходжа увѣковѣчилъ тяготѣніе соловья къ розѣ въ одномъ изъ смѣшныхъ анекдотовъ своихъ, въ новеллѣ о розовомъ деревѣ и соловьѣ (о бородѣ и рисовомъ зернѣ) словами: „*Хоц̣а, хоц̣а! гÿl далына бÿlбÿl конмуш*“.

Первыя два слова 4-й строки перваго памятника Н. Ѳ. Катановъ неточно переводитъ: открывши глаза (какъ будьто глаза при жизни покойницы были закрыты, а она ихъ открыла только лишь при смерти или послѣ смерти). Эти слова: *чäшмiм ачык* букв. переводятся такъ: мой глазъ открытъ. Являясь болѣе литературною формою словъ: *'гöзÿм ачык.*=съ открытыми глазами моими или *'гöзÿм ардымда* съ глазами обращенными назадъ себѣ въ переносномъ смыслѣ онѣ значатъ: съ глазами, которые въ виду внезапной или преждевременной смерти не успѣлъ умирающій даже закрыть. Эти выраженія употребляются именно съ случаяхъ смерти молодыхъ, не успѣвшихъ пожить, не осуществившихъ своихъ желаній и мечты своей, ничего вообще еще въ жизни не достигшихъ. О такой преждевременной смерти въ другихъ болѣе ясныхъ и опредѣленныхъ выраженіяхъ говорится и въ нѣкоторыхъ другихъ намогильныхъ памятникахъ 10 зала, о которыхъ скоро представлю особый докладъ.

Слово *намурат*[1]) въ простонародіи *мырадына äрмäдäн,* является синонимомъ предыдущаго выраженія *'гöзÿм ачык* и значитъ: человѣкъ

---

[1]) Вмѣстѣ *намурад,* буква *д* въ концѣ слова или послѣ согласной буквы предыдущаго слога произносится какъ *т.*

съ неосуществленнымъ желаніемъ, недостигшій своей цѣли, а какъ нарѣчіе: поневолѣ.

Слова же *ɣittim jola* буквально переведенныя Н. Ѳ. Катановымъ: я отправилась въ путь, обозначаютъ: я была принуждена подчиниться (велѣнію свыше, или злому року).

Слово *саіјіт* [1]) здѣсь значитъ: потомокъ (изъ рода) прор. Мухаммеда. Иногда это слово значитъ еще: господинъ, но это понятіе въ расматриваемыхъ надписяхъ обозначено авторомъ ихъ другимъ словомъ *аҕа*.

Слово *хаџы* значитъ: мусульманинъ посѣтившій Мекку и Мединну, паломникъ.

Слово *кӓрімӓ* обозначаетъ благородная, щедрая, почтенная, госпожа, употребляемое, какъ и слово *мах-тум* [2]) для сына (*оҕул*) не родителями а посторонними лицами вмѣсто слова дочь (*кыз.*) для оказанія особаго почета ей и рикошетомъ ея отцу. Слово это Н. Ѳ. Катановъ почему-то переводитъ словомъ любимая.

Слово: *мӓрхумӓ* значитъ: покойная, удостоенная милости Божіей, въ простонародіи, оно замѣняется словомъ (*ы*)*рâ*(*h*)*мӓтli*(*к*). Слово *зар* или *зар зар* отъ персидскаго глагола значить глубоко стонатъ и плакать навзрыдъ, горько, неутѣшно.

Слово *фатіха* значитъ: первая (открывающая серію главъ) глава Корана. Она при посѣщеніи могилы, какъ и при нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствахъ, читается правовѣрными въ видѣ молитвы за упокой души усопшихъ. Послѣ этого слова на памятникахъ разумѣется слово *оқу* прочти, читай.

Слово *шад* веселый, радующійся Н. Ѳ. Катановъ читаетъ *шаз* предпочитая простонародное произношеніе, внесенное и въ надпись, между тѣмъ какъ слово *шаз* обозначаетъ: исключеніе, противное правилу.

Слово *џӓннӓтмӓ'кан* какъ его синонимы *џӓннӓтмакам* и *џӓннӓтмакарр* значитъ: человѣкъ, имѣющій свое жищище въ раю, райскій житель, и примѣняется чаще всего къ покойнымъ Султанамъ.

Лѣтосчисленіе или дата въ надписяхъ никогда не пишется прописью, а всегда цифрами. Существуетъ еще особый скрытый видъ лѣтосчисленія посредствомъ словъ (хронограммы) въ концѣ надписей на памятникахъ. Объ этомъ способѣ обозначенія даты я подробно остановлюсь при разборѣ надписей съ подобными датами.

Слово *Хадіџа* въ памятникѣ не имѣетъ точки надъ первой буквой.

Передъ словомъ *Ху—al—Бакы* подразумывается слово *бісмі* во имя. Въ виду необходимости указать на вѣчность одного только Бога, который часто и въ коранѣ обозначается словомъ Онъ (*Ху*) съ отли-

---

[1]) см. прим. на стр. 5.
[2]) см. прим. на стр. 5.

чительнымъ значеніемъ (подобно тому какъ и греч. слово αὐτὸς (ἔφα) въ устахъ учениковъ Пиѳагора относилось къ нему, послѣднему) и по нѣкоторымъ внѣшняго характера соображеніямъ выраженіе: (*Бісмі*) *Ху—al—Бакы* въ намогильныхъ памятникахъ почти всегда весьма часто замѣняетъ собою обыкновенно встрѣчаемое въ началѣ какъ каждой почти главы Корана такъ и документовъ, бумагъ и памятниковъ выраженіе *Бісміллах ір—рахман—ір—рахім*=во имя единаго Бога, всемилостиваго и милосерднаго.

Судя по общей стилистикѣ обоихъ памятниковъ въ которыхъ повторяются однѣ и тѣ же слова при чемъ нѣкоторыя слова, указывающія на званіе и происхожденіе лицъ сокращены во второмъ или совсѣмъ опущены сравнительно съ первымъ можно съ большою вѣроятностью предположить, что эти два памятника были поставлены въ началѣ близко другъ къ другу, такъ сказать въ одномъ фамильномъ склепѣ и принадлежали двумъ покойницамъ Хадиджѣ и Эммишѣ [1]), роднымъ сестрамъ, дочерямъ одного и того же Хасана Имамова, фамилія котораго какъ и другія слова опущены во второмъ памятникѣ для краткости. Въ противномъ случаѣ, допуская, что во второмъ памятникѣ говорится о другомъ Хасанѣ, осталось бы безъ удовлетворительнаго объясненія отсутствіе фамиліи Хасана второго памятника и намъ пришлось бы напрасно стараться рѣшить неразрѣшимую задачу, узнать его фамилію: иначе говоря, пришлось бы искать вѣтра въ полѣ или по турецкой пословицѣ опредѣлить личность Мехмеда въ желтыхъ сапогахъ (*Сары ҫізмäлі Мäһмäт аҕа*).

Послѣ изложенныхъ выше отдѣльныхъ замѣчаній, я перехожу къ чтенію, транскрипціи и переводу упомянутыхъ памятниковъ изъ коихъ первый съ датою 1227 г. почему-то совсѣмъ не обозначенъ въ указателѣ Музея (см. стр. 141—145 1913 г.) а второй отмѣченъ въ немъ подъ л. д. № 2 памятниковъ 10-го зала Музея.

Транскрипція надписи I пам.

1. *(Бісмі) Ну-al-Бакы.*
2. *Ачылмадан ҫӳл ҫібі солдум һäлä*
3. *Зар зар аҕлар банҷа бӳлбӳл білä*
4. *чäшмім ачык намурат ҫіттім јола*
5. *рухумуз* [2]) *шат* [3]) *мäскäніміз ҷаннат ола*
6. *імамзадä сäіјіт Хаҷы Хасан*
7. *аҕаның, ҳäрімäсі мäрхумäі шäріфä*
8. *Хадіҷä Ханым рухуна фатіха (оқу)*
9. *Сänä: бінҷ* [4]) *ікі јӳз јӧрмі јäді*

[1]) букв. = сосавшая.

[2]) Въ простонародіи *ҷанымыз*=душа наша

[3]) вм. *шаз* надписи

[4]) Турки—Османлы при счетѣ говорятъ не: одна тысяча (*бір бінҷ*) а просто: тысяча (=*бінҷ*).

Транскрипція надписи II пам.

1. (*Бісмі Ху*) *Al-Бакы.*
2. *Хасан аҕанын `кäрiмäсi*
3. *Џäннäтмä`кан мäрхумäi*
4. *шäрiфä Äммiш* (?) *ханым*
5. *рухуна фатiха* (*Оку*)
6. *сäнä: бiң, iкi jÿз отуз алты* [5])

Переводъ надписи I. пам.

1. (Во имя) Бога вѣчносущаго.
2. Едва успѣвъ расцвѣсти и уже завяла я, какъ роза
   (такъ скоро и преждевременно, что)
3. даже соловей неутѣшно стонетъ оплакивая меня
4. (потому, что) я не насладилась жизнью, не достигши цѣли
   подчинилась (волѣ злого рока)
5. Да возликуетъ душа наша и рай да будетъ нашимъ жилищемъ
8. (Остановись, о прохожій, и прочти) молитву (за упокой) души
   Хадиджи,
7. усопшей, высокочтимой госпожи дочери господина
6. Хаджи Хасана Имамова, потомка Мухаммеда
9. Годъ 1227 (=1812).

Переводъ надписи II п.

1. (Во имя Бога) вѣчносущаго.
   (прочти, о посѣтитель сей могилы)
5. молитву за (упокой) души
3 усопшей, (нынѣ) жительницы рая,
4. глубокочтимой Эммиши Ханумъ
2. дочери господина Хасана.
Годъ 1236 (=1820).

Дѣйств. членъ Общества **И. Спаөарисъ.**

---

[5]) Текстъ не могъ быть воспроизведенъ арабскимъ шрифтомъ (см. примѣч. 1 стр. 3).

Сообщеніе о металлической чашѣ съ арабскою надписью.

Настоящая чаша доставлена мнѣ г. Клименко съ просьбою прочесть надпись на ней и высказаться о значеніи ея.

Средней величины, формы почти усѣченнаго конуса, діаметра 16 с. широкой, открытой и $6^1/_2$ с. узкой, закрытой стороны чаша эта, сдѣланная изъ мѣди или скорѣе изъ луженной бронзы имѣетъ много самостоятельныхъ надписей какъ съ внутренней такъ и съ наружной стороны. Даже дно ея, сильно вдавленное во внутръ а также и горизонтальная, плоская часть открытой стороны ея имѣютъ надписи. Небольшое отверстіе, совпавшее какъ разъ съ началомъ одной изъ надписей, сдѣлано, очевидно для привѣшиванія ея посредствомъ цѣпочки.

Кромѣ надписей и несложной орнаментики, состоящей, главнымъ образомъ, изъ звѣздочекъ и трилистниковъ чаша между верхней и и нижней строками надписей на наружной окружности имѣетъ двойные круги, въ срединѣ каждаго изъ коихъ начертаны изображенія созвѣздій зодіака (по арабски бурчъ отъ греч. слова πύργος). На верхней же сторонѣ каждаго круга справа обозначены названія созвѣздій.

1) *Бурџу хамāl* — Овенъ
2) „ *сāвр* — Телецъ
3) „ *џāвза* — Близнецы
4) „ *сāрāтан* — Ракъ
5) „ *āсāд* — Левъ
6) „ *сӯнбӯлā* — Дѣва
7) „ *мізан* — Вѣсы
8) „ *акрāп* — Скорпіонъ
9) „ *кавс* — Стрѣлецъ
10) „ *Џāдi* — Козерогъ
11) „ *дāлв* — Водолей
12) „ *хут*[1]) — Рыба

[1]) Слова на арабскомъ, персидскомъ и турецкомъ языкахъ приведены мною и въ этой статьѣ въ академической только транскрипціи такъ какъ въ мѣстныхъ типографіяхъ не имѣется арабскаго шрифта.

Подъ этими названіями по обѣимъ сторонамъ круговъ мы видимъ арабскія также слова *ја ц̣аббар*=о всемогущій (эпитетъ Бога) 12 разъ повторяемыя.

Во внутренней поверхности чаши тексты надписей чередуются четырьмя кругами, также двойными, другъ противъ друга, въ срединѣ которыхъ начертаны въ небольшихъ квадратикахъ отдѣльныя слова, буквы и числа. Первая строка надписи въ каждомъ кругу указываетъ на названіе тѣхъ талисмановъ (слово ар. отъ греч. τέλεσμα) какіе заключены въ кругу.

Языкъ надписей вездѣ арабскій, никакихъ указаній на лѣтосчисленіе въ нихъ нѣтъ.

На горизонтальной поверхности посуды, начиная съ вышеупомянутаго круглаго небольшого отверстія, читаются справа на лѣво слѣдующіе стихи корана (3 отдѣлъ о престолѣ: *ајäјі курсі* 2-ой главы „корова“ *сурäјі äl-бакр*).

Бісміllахіррахман—іррахім
Аллаху, ла ілаха illa хуаl
Хаіяl—каіјуму lа тахузуху
синетун вä lа навмун....

т. е.: Во имя Бога единаго милосерднаго и милостиваго. Есть только одинъ Богъ, и нѣтъ Бога кромѣ единаго Бога, живого и неизмѣннаго, ни дремота ни сонъ не овладѣваетъ имъ, и т. д.

Весь этотъ стихъ, только начало котораго я здѣсь привелъ для образца, читается у мусульманъ какъ молитва и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ также какъ амулетъ.

За нимъ слѣдуетъ первая, благодарственная глава корана (*сурäї фатіха*), вся, затѣмъ глава о единствѣ Бога (или о спасеніи *сурäі іхлас*) послѣ чего мы читаемъ имена: Бога, Мухаммеда, 4-го преемника его Алія, Фатимы жены Алія и сына ихъ Хасана, при чемъ имя его брата Хусейна, неразрывно почти всегда слѣдующее за именемъ Хасана здѣсь опущено, очевидно за неимѣніемъ мѣста.

Эти же имена повторяются безъ пропуска на верхней части надписи наружной окружности чаши. Имена этихъ глубоко почитаемыхъ у мусульманъ—шіитовъ пяти лицъ (именуемыхъ у нихъ *пäнч тäн*) съ именемъ Бога на первомъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ обыкновенно на персидскихъ амулетахъ и на кольцахъ.

Внутри чаши также слѣва отъ линіи отверстія начиная отъ верхнихъ двухъ строкъ съ крупными буквами и до самаго дна чаши читается большая глава корана Я Синъ названная Мухаммедомъ серцемъ корана и читаемая мусульманами въ качествѣ отходной молитвы во время агоніи.

Наружная поверхность чаши имѣетъ надписи только въ двухъ строкахъ надъ выше приведенными изображеніями и подъ ними по

одной строкѣ, представляющія собой послѣднія три коротенькія главы корана съ прибавленіемъ въ концѣ одной изъ нихъ имени Алія и повтореніемъ именъ пяти почитаемыхъ шіитами лицъ.

Нижняя строка заключаетъ въ себѣ снова первую главу Корана, раздѣленную на три части съ равномѣрнымъ распредѣленіемъ между ними орнаментовъ.

Дно чаши снаружи служитъ index'омъ для надписей чаши, указывая какіе стихи, главы корана и знаки талисмановъ начертаны на чашѣ.

Описанная мною чаша, по моему мнѣнію, несомнѣнно персидскаго, шійтскаго происхожденія. Въ этомъ насъ убѣждаетъ: 1) наличность изображеній людей и животныхъ а также элементовъ мистическаго характера на ряду съ воспроизведеніемъ цѣлыхъ главъ изъ священной книги мусульманъ, чего не могло бы быть если бы чаша была сдѣлана въ Турціи или другихъ странахъ съ преобладающимъ суннитскимъ населеніемъ, гдѣ изображенія безусловно запрещены.

2) Троекратное упоминаніе имени Алія, (656—661 по Р. Хр. 35—40 гиджры) одного изъ 4-хъ правовѣрныхъ халифовъ, зятя Мухаммеда. Какъ извѣстно шіиты, Персы, считаютъ первыхъ трехъ халифовъ Абубекра, Омара и Османа узурпаторами власти, а законнымъ преемникомъ Мухаммела признаютъ Алія, называя его Львомъ Божіимъ (*шірі-Худа*).

3) Двоекратное упоминаніе въ надписи, послѣ имени Бога, именъ пяти лицъ т. е. Мухаммеда, Алія, Фатины, Хасана и Хусеина, сыновей Алія, мученическая смерть которыхъ доселѣ оплакивается шіитами дважды въ годъ 19—23 Рамазана и 10 Мухаррема (Ашура).

Въ смыслѣ техники чаша является самымъ посредственнымъ издѣліемъ Керманскихъ, Ширазскихъ и Яздскихъ мастерскихъ, встрѣчающимся въ каждомъ почти домѣ современной Персіи. Большею тонкостью и изяществомъ работы съ артистически выполненными орнаментами и художественными надписями (*накшы—нігкар*) изъ корана и поэтовъ, отличаются золотыя и серебрянныя чаши разной величины Исфаганскаго производства.

Чаша у персовъ носитъ названіе *цамъ*. Подобныя же чаши въ болѣе вычурныхъ, иногда, формахъ мы видимъ у Турокъ подъ названіемъ *машраба* [1]) (слово арабское букв. обозначающее сосудъ для питья) *'касѣ* или просто *тас*, которое слово вошло и въ пословицу: *ёскі хамам ёскі тас*=старая баня, старый тазъ т. е. ничего не измѣнилось, все осталось по старому. Примѣненіе подобнаго рода чаши въ зависимости отъ ея величины бываетъ двоякое: 1) или для питья воды

[1]) Въ нѣкот. мѣстахъ Мал. Азіи напр. въ гор. Ангорѣ оно произносится *ношрапа*.

ҷамы аб, су тасы, су кабы въ отличіе отъ *кадәх* (*шарап кадәһі* или *раҡы кадәһі*) у турокъ и *ҷамы бадә, ҷамы мәй* у персовъ для вина и др. крѣпкихъ напитковъ, или 2) для обливанія головы и тѣла въ баняхъ когда называется *ҷамы хаммам* и *хаммам тасы*.

Чаши съ надписями, заключающими изреченія корана, составляющія молитвы для разныхъ обстоятельствъ жизни, какъ и амулетные и другіе знаки, считаются у суевѣрнаго мусульманскаго простонародія носительницами чудодѣйственной силы, способными при употребленіи ихъ, исцѣлять больныхъ, беречъ отъ непредвидѣнной, предстоящей, невѣдомой опасности или вредныхъ дѣйствій злой силы, болѣзни и т. д. и охранять пользующихся ими предоставляя имъ здоровье и всяческое благополучіе. Вотъ почему наряду съ самыми разнообразными амулетами: 1) *нуска* (въ простон. мыска) носимыми, въ трехугольныхъ бумажн. или изъ матеріи футлярахъ на груди, шеѣ, въ чалмѣ и на рукѣ съ молитвенными словами внутри, или выкуриваемыми, выжимаемыми и выпиваемыми, 2) кольцами съ священными именами, и 3) съ обычаями связывать болѣзнь къ вѣткѣ деревьевъ тряпкою и др., пользованіе для подобныхъ же цѣлей и чашами, въ родѣ настоящей, весьма распространено въ мусульманскомъ мірѣ [1]).

Даже многіе чиновники и сановники въ Персіи и другихъ мусульманскихъ странахъ, не говоря уже о простомъ народѣ, считаютъ для себя религіозно обязательнымъ передъ выходомъ изъ бани обливаться извѣстное число разъ съ одновременнымъ произнесеніемъ молитвы. Нѣкоторыя чаши, поэтому, съ молитвенными надписями и носятъ названія чаши съ 40 молитвами (*ҷамы чіһіл бісміlla*).

Такія же чаши, какъ я отмѣтилъ выше, служатъ еще для питья воды въ домахъ и въ мѣстахъ особаго накопленія публики. На Ближнемъ Востокѣ, особенно же въ Турціи и Египтѣ, въ виду тропической, почти, жары въ лѣтнее время на базарахъ, площадяхъ и улицахъ а также при мечетяхъ и джаміяхъ проведены источники горной воды. Здѣсь устраиваются открытые, публичные фонтаны—источники (*чәшмә*) съ одной или нѣсколькими кранами (*ӏүлә*) не только для доставки воды въ дома но и для питья на мѣстѣ въ металлическихъ чашкахъ тутъ же у крана прикрѣпленныхъ.

У насъ въ Музеѣ Общества хранится въ 10 залѣ подъ № 16 большая мраморная плита составляющая центральную часть стѣны фронтона подобнаго источника—фонтана (*чәшмә*) съ отлично сохранившейся красивою надписью, ошибочно отмѣченной въ указателѣ какъ

---

[1]) Восточный, мусульманскій окультизмъ весьма обстоятельно изложенъ въ сочиненіи *Ібн-әл-хач-әт Тәlмасані-әл-Маҷрібі* подъ заглавіемъ: *Кітабы шумусул-әнвар вә күнүз-үл-әсрар-үл күбра* (книга о солнцахъ свѣтилъ и о сокровищахъ великихъ тайнъ), изданномъ въ Каирѣ на арабскомъ языкѣ въ 1325 году хиджры.

надпись съ колодца. Разборомъ этой надписи я теперь также занимаюсь и своевременно представлю докладъ о ней.

Кромѣ этихъ общественныхъ *чăшмă* для снабженія домовъ водою, сооружаются на доходы мечетей, или на личныя средства благотворителей или на средства султановъ вельможей, сановниковъ, правительства и пр. еще особыя закрытія круглыя или полигоническія зданія съ художественными или простыми куполами и съ узкими окнами.

Эти зданія носятъ названіе *căbilhană* отъ арабск. слова *căbil* дорога, путь въ связи съ символическимъ значеніемъ выраженія: *fi căbil illah* =въ пути къ Богу т. е. ради стремленія, любви къ Богу и служатъ такими богоугодными учрежденіями, гдѣ особые служащіе *căbilцi* наполняютъ разсматриваемыя нами чаши, иногда съ надписями но чаще и безъ всякой надписи, изъ источника внутри этихъ закрытыхъ зданій ставятъ на подоконники. Измученные жаждою прохожіе спѣшатъ сюда отдохнуть подъ тѣнью деревьевъ и утолить жажду безвозмездно, при этомъ, иногда бросаютъ въ чаши мелкую монету для поддержанія заведенія.

Какую крупную роль въ повседневной жизни мусульманъ играли эти *чăшмă* и *căbilhană* видно изъ статистическихъ свѣдѣній о нихъ, существовавшихъ въ XVII в. въ самомъ Константинополѣ, которыя даетъ намъ знаменитый турецкій путешественникъ Эвлія Челеби (1611—1679) къ которому вполнѣ примѣнимо гомеровское: „πολλῶν δ' ἀνθρώπων ἴδεν ἄστεα καὶ νόον ἔγνω“ какъ побывавшему въ очень многихъ странахъ Евроны, Азіи и Африки и весьма живо и обстоятельно описавшему съ исторической, соціологической, религіозно-миѳологической, лингвистической, археологической и др. точекъ зрѣнія, все имъ видѣнное въ десяти [1]) крупныхъ томахъ своего *Сăjaхătnamă*, на 327—330 стр. I т. котораго онъ говоритъ о томъ, что до завоеванія Константинополя турками, тамъ было всего на всего только 40 источниковъ—фонта-

---

[1]) А не 4-хъ только, какъ полагаетъ Ф. Брунъ (см. 166 стр. IX т. Записокъ Имп. Од. Общества Исторіи и древностей) который перевелъ два небольшихъ отрывка (объ осадѣ турками Азова въ 1641 г. см. VIII т. тѣхъ же записокъ стр. 161—181 и о путешествіи Эвлія Эфенди (=Челеби) по восточному берегу Чернаго моря IX т. стр. 161—193) съ англійскаго сокращеннаго весьма дефектнаго перевода, сдѣланнаго въ 1850 г. барономъ Гаммеромъ въ его: Narrative of travels in Europe, Asia and Afrika.... by Evliya Efendi. Ср. также X т. стр. 501—503 примѣч. А. Воденскаго. Объ этомъ замѣчательномъ памятникѣ османской литературы XVII вѣка, часть котораго (6 первыхъ томовъ) издана въ Константинополѣ весьма неудовлетворительно въ научномъ отношеніи редакторомъ издателемъ газ. „Икдамъ“ Ахмедъ Джевдетомъ въ 1314 (отъ 1—4 тома), 1315 (5-й т.) и 1318 (6-й т.) годахъ гиджры и о крайней желательности для нашего общества издать и изслѣдовать по крайней мѣрѣ часть его, касающуюся описанія Россійскихъ городовъ и областей времени Эвлія Челеби, по подлиннымъ (?) рукописямъ находящимся въ Константинополѣ (въ Скутари на Азіатскомъ берегу) въ библіотекѣ имени Пертева Паши и въ Лондонской библіотекѣ the Royal Asiatic Society, я намѣренъ подробнѣе остановиться въ другомъ мѣстѣ.

новъ, вода же главнымъ образомъ дождевая, проведенная въ бассейны въ 5-ти мѣстахъ, удовлетворяла нужды населенія. Послѣ же завоеванія Константинополя Султанъ Мухаммедъ II построилъ 200 источниковъ, Баязетъ 70 а Сулейманъ 700. Кромѣ нихъ построены источники также и визирами, и др. сановниками какъ то источники: Хайдаръ Паши, Бейлеръ-бей, Искендеръ-бей, Султана Мурада III, Кара Мустафа паши, Али Паши, Хаджи Мансура, Сулеймана ага, Ибрагима и Хасана Паши, Махмудъ и Месиха Паши и др., а *сѣbilhanѣ*: Муса Паши, Султана Баязеда, Кеннанъ ага, Аише Султанъ, Мин. Финансовъ Мустафы, Ардабили, Косе-Али Паши, Аббас аги, Синана Паши и др При этомъ Эвлія Челеби указываетъ гдѣ каждый изъ упомянутыхъ *чѣшмѣ* и *сѣbilhanѣ* находился и когда построенъ, посредствомъ приведенія надписей ихъ и хронограммъ.

Кромѣ общественныхъ *чѣшмѣ* и *сѣbilhanѣ* существуютъ и отдѣльныя лица, спеціально отъ этихъ богоугодныхъ заведеній *сѣbilhanѣ* командируемыя, или отъ себя лично раздающія безплатно воду на многолюдныхъ улицахъ, въ отличіе отъ водовозовъ (*saka*), продававшихъ воду въ дома въ большихъ глиняныхъ, кожаныхъ, металлическихъ сосудахъ (*дѣсті, кырба, бардакъ, бакрач, кова* и т. д.), такъ сказать оптомъ.

Происхожденіе только что описаннаго обычая, безплатной раздачи жаждущимъ воды отдѣльными лицами, обычая все рѣже и рѣже теперь на Востокѣ встрѣчаемаго, имѣетъ чисто религіозное объясненіе.

Когда глубоко и искренно вѣрующій мусульманинъ, совершивъ невольно, безсознательно тяжкій грѣхъ напр. убивъ родителей или родныхъ и т. д., впослѣдствіи узнаетъ объ этомъ, въ родѣ Эдипа, онъ раскаивается въ своемъ грѣхѣ и до такой степени глубоко сознаетъ свою вину и желаетъ ее исправить, что навсегда онъ отрекается отъ всего міра, нерѣдко совершенно молодымъ и полнымъ жизненныхъ силъ и съ того момента ставитъ себѣ единственною цѣлью жизни своей умилостивить Бога за содѣянное, искупить, вымолить свой грѣхъ возможно бо́льшимъ трудомъ и принести людямъ пользу добрымъ, богоугоднымъ дѣломъ

И вотъ отдавшись всецѣло мистицизму, углубившись въ мысль о своей единственной цѣли жизни, съ непокрытой головой, въ кожанной одеждѣ, необутый или въ сандаліяхъ изъ ремня, съ чашкой въ правой рукѣ, связкою другихъ чашекъ у пояса или на плечахъ, и съ водой въ кожанномъ мѣшкѣ (тӯрсухѣ) на ремняхъ, висящемъ чрезъ плечо и снабженномъ краномъ или деревянной затычкой, стоитъ онъ, совершенно обросшій какъ убѣжденный аскетъ, но часто молодой и красивый, среди муравейника людей на базарахъ особенно, и уныло напѣвая изреченія Корана и произнося слова: *сѣbil сѣbil*, предлагаетъ, въ знойные дни, воду всѣмъ, безъ различія, желающимъ. Картина достойная кисти художника.

Утоляя жажду иногда многимъ сразу лицамъ, такой, своего рода, типичный дервишъ и живетъ случайными подаяніями прохожихъ.

Послѣ всего вышеизложеннаго, я полагаю, становится очевиднымъ, что настоящая чаша ничѣмъ не выдѣляясь въ археологическомъ или историческомъ отношеніи отъ современныхъ и являясь не старинымъ предметомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ весьма характерное бытовое и, религіозное для современнаго мусульманскаго Востока значеніе.

Дѣйств. членъ Общества **И. Спаѳарисъ.**

Новая книга о скиѳахъ и понтійскихъ грекахъ.

(*Ellis H. Minns*. Scythians and Greeks. A survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus Cambridge. 1913. (стр. XL+720 in 4°+IX таблицъ).

Изученіе исторіи и древностей Южной Россіи обогатилось въ текущемъ году замѣчательнымъ трудомъ, заглавіе котораго приведено нами выше. Хорошо извѣстно, что въ дѣлѣ разработки исторіи и археологіи нынѣшней Южной Россіи за періодъ времени, охватывающій рядъ вѣковъ до и послѣ начала христіанской эры, съиграли большую роль труды иностранныхъ ученыхъ, особенно въ началѣ этой разработки, въ первой половинѣ XIX вѣка. Съ появленіемъ и расцвѣтомъ дѣятельности русскихъ изслѣдователей, посвятившихъ себя планомѣрной и детальной разработкѣ того богатѣйшаго историческаго и археологическаго матеріала, который заключаетъ въ себѣ Южная Россія и особенно Новороссія, участіе иностранныхъ ученыхъ въ этой работѣ ослабѣваетъ. Уже по этой причинѣ появленіе обширнаго труда г. Миннса вызываетъ полное сочувствіе, какъ признакъ того, что интересъ западныхъ ученыхъ къ исторіи и археологіи Юга Россіи снова оживился, и даже въ очень сильной степени. Но трудъ г. Миннса интересенъ не только какъ показатель роста вниманія западноевропейской науки; онъ важенъ и по поставленной себѣ авторомъ цѣли и по способу выполненія имъ этой цѣли. Въ своемъ предисловіи г. Миннсъ говоритъ, что цѣлью его труда является дать сводъ археологическихъ, этнографическихъ и историческихъ данныхъ, относящихся къ пространству, находящемуся между Карпатами и Кавказомъ, т. е. охватывающему всю южную Россію, а также Галицію, за періодъ времени отъ появленія здѣсь первыхъ слѣдовъ существованія человѣка и до Великаго Переселенія народовъ, какъ начала новаго, отличнаго по этнографическому составу населенія, періода въ исторіи Юга Россіи. Г. Миннсъ опредѣляетъ намѣченный имъ раіонъ по одному общему его признаку—по его степному характеру и, основываясь на этомъ же признакѣ, привлекаетъ данныя, относящіяся къ исторіи и археологіи степей Средней Азіи вплоть до Сибири. Очертивъ такимъ образомъ кругъ своихъ изслѣдованій, г. Миннсъ переходитъ къ оправданію своей рѣшимости взяться за столь сложный и обширный трудъ. Эту рѣшимость онъ черпаетъ съ

одной стороны въ той разработанности, которой достигла наука изученія древностей Южной Россіи благодаря неутомимымъ и важнымъ по результатамъ трудамъ русскихъ ученыхъ, съ другой же стороны въ томъ маломъ знакомствѣ западныхъ ученыхъ съ результатами, добытыми русской наукой, которое обусловлено слабымъ знаніемъ русскаго языка этими учеными. Такимъ образомъ г. Миннсъ по его собственнымъ словамъ понимаетъ свой трудъ, какъ сводъ результатовъ, добытыхъ русской наукой, предназначенный для ознакомленія съ этими результатами западныхъ ученыхъ. Если разсматривать трудъ г. Миннса только съ этой, несомнѣнно неполной, точки зрѣнія, то нужно признать, что г. Миннсъ выполнилъ свою задачу съ необычайной тщательностью, изучивъ всю крайне многочисленную и чрезвычайно разбросанную литературу русскихъ ученыхъ изслѣдованій по намѣченной имъ темѣ; наличность немногихъ, признаваемыхъ самимъ г. Миннсомъ, пропусковъ не можетъ поколебать этого вывода (такъ между прочимъ, мы не нашли указанія на послѣдній по времени общій обзоръ исторіи и археологіи Южной Россіи — „Історію Украіни Руси“ проф. Грушевскаго (т. I, 2 изд., 1904 г.) и резюмирующій трудъ извѣстнаго археолога, проф. Самоквасова—„Могилы русской земли“, Москва, 1908 г.). Но г. Миннсъ не ограничился передачей содержанія и выводовъ трудовъ русскихъ изслѣдователей, онъ нашелъ необходимымъ иллюстрировать сообщаемыя имъ данныя тѣмъ богатѣйшимъ археологическимъ матеріаломъ, который добытъ тѣми же русскими изслѣдователями и съ этой цѣлью приложилъ къ своему труду 351 рисунокъ (въ большинствѣ съ фотографическихъ снимковъ) и 9 отдѣльныхъ превосходно выполненныхъ таблицъ (съ фотографіями монетъ), не говоря о приложеніи къ труду копій съ ряда важнѣйшихъ греческихъ надписей Юга Россіи, а также картъ и плановъ. Такимъ образомъ мы видимъ, съ какими стараніемъ и любовью отнесся г. Миннсъ къ поставленной имъ себѣ задачѣ съ внѣшней стороны; тѣмъ интереснѣе ознакомиться въ главнѣйшихъ чертахъ съ разнообразнымъ содержаніемъ огромнаго труда г. Миннса.

Трудъ г. Миннса распадается на 19 главъ, которыя могутъ быть распредѣлены по тремъ неравнаго объема группамъ. Къ первой изъ этихъ группъ относятся главы I—III, сообщающія географическія данныя о Южной Россіи въ наше время а также во времена Геродота. Вторая группа, носящая историческій характеръ включаетъ въ себя главы IV (этнологическая характеристика Скиѳовъ), V (такая же характеристика сосѣднихъ со скиѳами племенъ Южной Россіи и средней Азіи), VI (исторія Скиѳіи, особенно происходившихъ въ ней миграцій народовъ), XIII (колонизапія и торговля грековъ въ Скиѳіи), XIV—XIX (очерки исторіи политической и культурной отдѣльныхъ греческихъ колоній въ Скиѳіи—Тираса, Ольвіи, Керкинита, Херсонеса, Ѳеодосіи, Пантикапея и другихъ Босфорскихъ поселеній). Наконецъ, третья группа носитъ чисто археологическій характеръ, охватывая

главы VII (доскиѳскія древности), VIII (скиѳскія могилы), IX (древности Сибири и другихъ прилегающихъ къ Скиѳіи странъ), X (обзоръ памятниковъ скиѳскаго искусства и греческихъ, предназначенныхъ для скиѳовъ, издѣлій), XI и XII (греческое искусство въ колоніяхъ, расположенныхъ въ Скиѳіи).

Переходя къ обзору содержанія отдѣльныхъ главъ труда г. Миннса, мы не будемъ подробно останавливаться на томъ детальномъ обзорѣ устройства поверхности, береговой линіи и естественныхъ произведеній нынѣшней Южной Россіи, который даетъ въ первыхъ двухъ главахъ своего труда г. Миннсъ, подкрѣпляя данныя современной науки свидѣтельствами древнихъ писателей о Скиѳіи. Отмѣтимъ только, что при пріуроченіи греческихъ поселеній по берегамъ Чернаго моря, г. Миннсъ помѣщаетъ пристань Исіаковъ на мѣсто, занимаемое нынѣ Одессой, а древній городъ Одессосъ онъ склоненъ искать при устьи рѣки Аксіака, отождествляемаго имъ съ Тилигуломъ (автору осталась неизвѣстной статья проф. С. Д. Пападимитріу о „Мѣстоположеніи древней Одессы“ въ т. XXX Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, несогласнаго съ этимъ мнѣніемъ, высказаннымъ еще академикомъ Келеромъ въ 1826 году и склоннаго искать мѣсто древняго Одессоса не на берегу моря, а вдали отъ него, вокругъ большой балки, расположенной послѣ с. Карабаша). Больше интереса представляетъ III глава, посвященная разбору географическихъ сообщеній Геродота о Скиѳіи. Г. Миннсъ относится критически къ попыткамъ ученыхъ воспользоваться данными Геродота для пріуроченія называемыхъ имъ географическихъ пунктовъ къ тѣмъ или другимъ мѣстностямъ Южной Россіи; онъ видитъ ошибку изслѣдователей въ соединеніи вмѣстѣ сообщеній Геродота, составленныхъ въ разное время и на основаніи различныхъ источниковъ, и грѣшащихъ притомъ ошибками. Такъ въ знаменитомъ опредѣленіи протяженія Скиѳіи Геродотомъ, приведшемъ его къ мысли о квадратности площади, занимавшейся Скиѳіей, г. Миннсъ склоненъ видѣть грубую ошибку Геродота, находившаго, что линіи, проведенныя отъ устья Дона къ Перекопу и отъ Перекопа къ Дунаю находятся подъ прямымъ угломъ другъ къ другу. Отрицая возможность опредѣлить такимъ способомъ границы Скиѳіи, г. Миннсъ считаетъ болѣе правильнымъ принять за границу Скиѳіи съ сѣвера линію, разграничивающую степную и лѣсную области европейской Россіи. Что касается пріуроченія названій рѣкъ, сообщаемыхъ Геродотомъ, то г. Миннсъ признаетъ возможность такого опредѣленія только для главнѣйшихъ рѣкъ, что же касается второстепенныхъ—Пантикапа, Гипакириса и Герра, то онъ не находитъ возможнымъ отождествить ихъ съ какой-либо изъ имѣющихся въ данное время меньшихъ рѣкъ, ввиду неясности сообщеній Геродота, полученныхъ имъ изъ вторыхъ рукъ. Болѣе заслуживающими довѣрія признаетъ авторъ свѣдѣнія Геродота о географическомъ положеніи тѣхъ или другихъ скиѳскихъ племенъ,

но только въ общихъ чертахъ, безъ точнаго опредѣленія границъ. Играющую важную роль въ скиѳскомъ погребальномъ обрядѣ область Герросъ г. Миннсъ помѣщаетъ въ центрѣ Екатеринославской губерніи, по берегамъ Днѣпра, а лѣсистую мѣстность Гилею къ востоку отъ Днѣпра, въ бассейнѣ р. Конки.

Отъ географическаго обзора Скиѳіи г. Миннсъ переходитъ къ разсмотрѣнію сложнаго вопроса о происхожденіи скиѳовъ, ихъ этническомъ родствѣ и объ ихъ обычаяхъ и нравахъ (глава IV). Г. Миннсъ начинаетъ съ указанія на существованіе огромной и противорѣчивой литературы о скиѳскомъ вопросѣ (ея обзору онъ посвящаетъ отдѣльный экскурсъ), обусловленной въ значительной степени неправильнымъ, по его мнѣнію пониманіемъ сообщеній Геродота о скиѳахъ, какъ объ извѣстномъ этнологическомъ понятіи. Скиѳы Геродота являются по мнѣнію г Миннса понятіемъ чисто политическимъ, служащимъ для выраженія соціальныхъ взаимоотношеній, у другихъ греческихъ писателей терминъ „скифы“ носитъ географическій характеръ, служа для обозначенія жителей Сѣвера вообще и Сѣверо-Востока Европы ва частности. У самого Геродота г. Миннсъ видитъ нетвердость въ пониманіи имъ термина „скиѳы“, проявившуюся въ неудачной попыткѣ выдѣлить „собственно“ скиѳовъ; но въ общемъ онъ находитъ у Геродота двоякое употребленіе этого термина—болѣе узкое (въ значеніи только „царскихъ“ или кочевыхъ скиѳовъ) и болѣе широкое (гдѣ рѣчь идетъ о всѣхъ племенахъ, подчиненныхъ „царскимъ“ скиѳамъ и о нихъ самихъ). Хотя, такимъ образомъ, г. Миннсъ отрицаетъ этнологическое значеніе термина „скиѳъ“, но онъ всеже стремится выяснить вопросъ объ ихъ племенномъ происхожденіи и родствѣ того населенія Южной Россіи, которое охватывалось этимъ терминомъ во времена Геродота и другихъ греческихъ писателей. Отмѣтивъ, что большинство сообщеній Геродота должно быть отнесено къ кочевымъ или царскимъ скиѳамъ, г. Миннсъ не рѣшается опредѣленно высказаться относительно взаимоотношеній этихъ кочевыхъ скиѳовъ къ осѣдлымъ, „пахарямъ“: онъ допускаетъ правильность какъ гипотезы о двухъ различныхъ по культурѣ слояхъ одного и того же народа, такъ равно и гипотезы о двухъ различныхъ народахъ—побѣдителѣ и покоренномъ. Переходя къ болѣе точному этнографическому опредѣленію, г. Миннсъ присоединяется къ мнѣнію ряда ученыхъ (среди которыхъ онъ выдѣляетъ Мюлленгофа и Всев. Ѳ. Миллера) объ устойчивомъ иранскомъ характерѣ населенія южнорусскихъ степей, высказанному преимущественно на основаніи лингвистическихъ данныхъ и соображеній. Однако относительно древнѣйшихъ изъ обитателей Южной Россіи—Киммерійцевъ г. Миннсъ допускаетъ возможность ихъ сближенія съ Кимврами-Кельтами, а не съ Иранцами, приводя въ числѣ отрицательныхъ доказательствъ не иранскій характеръ древнѣйшихъ названій рѣкъ (Борисѳена, Истра); впрочемъ онъ признаетъ отсутствіе археологическихъ доказательствъ этой гипо-

тезы въ находкахъ Южной Россіи за исключеніемъ Кобанскихъ въ Предкавказьи, а въ гл. VI допускаетъ возможность иранскаго происхожденія Киммерійцевъ (стр. 115). Допуская, такимъ образомъ устойвость иранскаго элемента на Югѣ Россіи, г. Миннсъ указываетъ однако, что большинство лингвистическихъ данныхъ, говорящихъ въ пользу этой устойчивости, почерпаются изъ источниковъ сравнительно позднихъ (греческія надписи послѣднихъ вѣковъ до Рождества Христова) и относятся скорѣе къ сарматамъ, чѣмъ къ Скиѳамъ Геродота. Анализируя собственно скиѳскія имена, дошедшія до насъ, г. Миннсъ указываетъ на малочисленность среди нихъ именъ, сходныхъ съ иранскими; къ тому же онъ допускаетъ возможность распространенія иранскихъ (точнѣе, персидскихъ) именъ и среди племенъ не иранскаго корня въ эпоху политическаго и культурнаго расцвѣта Персіи. Такимъ образомъ г. Миннсъ склоняется къ мысли объ иномъ, не иранскомъ, происхожденіи тѣхъ скиѳовъ кочевниковъ или царскихъ, которые согласно разсказу Геродота завоевали земли киммерійцевъ и загнали часть ихъ сквозь Кавказъ въ Ассирійскія земли. Разбирая сообщаемыя Геродотомъ легенды о происхожденіи скиѳовъ, г. Миннсъ приходитъ къ выводу о допустимости азіатской родины для кочевыхъ скиѳовъ до ихъ прихода въ Южную Россію и хотя онъ отрицательно относится къ теоріи о монгольскомъ происхожденіи скиѳовъ (опровергая, между прочимъ, сообщенія Гиппократа о физической природѣ скиѳовъ археологическими и сравнительно-этнографическими данными), но признаетъ возможной мысль о неарійскомъ происхожденіи кочевыхъ скиѳовъ и ихъ позднѣйшей иранизаціи чрезъ вліяніе покоренныхъ ими иранцевъ Юга Россіи.

Отъ вопроса о происхожденіи скиѳовъ г. Миннсъ переходитъ къ разсмотрѣнію обычаевъ скиѳовъ по сообщеніямъ Геродота. Въ этихъ сообщеніяхъ онъ видитъ смѣшеніе различныхъ данныхъ, затрудняющее пріуроченіе ихъ къ опредѣленной народности, и склоненъ скорѣе примѣнить ихъ къ нормамъ быта, стоящимъ въ связи съ географическими условіями — именно къ укладу жизни степныхъ кочевниковъ вообще, тѣмъ болѣе, что значительнѣйшая часть сообщеній Геродота касается кочевыхъ или царскихъ скиѳовъ. Переходя къ детальному обзору матеріальнаго быта скиѳовъ, г. Миннсъ въ изобиліи пользуется археологическими данными; въ одномъ только пунктѣ онъ не довѣряетъ вполнѣ этимъ даннымъ, именно въ вопросѣ объ изображеніяхъ скиѳовъ на вазахъ, терракоттахъ и другихъ предметахъ, преимущественно греческихъ, видя здѣсь часто изображенія какихъ то варваровъ вообще, но не скиѳовъ въ частности. Отъ матеріальной культуры скиѳовъ г. Миннсъ переходитъ къ культурѣ духовной и съ особой подробностью останавливается на религіи скиѳовъ и связанныхъ съ ней обрядахъ. Перечисливъ имена скиѳскихъ божествъ въ передачѣ Геродота, г. Миннсъ критически относится къ мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ (начиная съ Цейса) объ иранскомъ характерѣ

этихъ божествъ и скорѣе склоняется къ попыткѣ венгерскаго ученаго г. Nagy, сближающаго имена этихъ божествъ и ихъ концепціи съ урало-алтайскими языками и религіозными представленіями. Однако въ волхвахъ, ихъ гаданіяхъ и ихъ роли среди скиѳовъ г. Миннсъ допускаетъ иранскія черты. Переходя къ погребальнымъ обычаямъ скиѳовъ, г. Миннсъ отмѣчаетъ полное совпаденіе сообщеній Геродота съ результатами раскопокъ нѣкоторыхъ кургановъ, позволяющее отнести эти курганы къ скиѳамъ Геродота. Погребальные обычаи скиѳовъ г. Миннсъ сближаетъ съ такими же обычаями монголовъ и тюрковъ, находя значительное сходство между тѣми и другими, говорящее въ пользу уже высказанной г. Миннсомъ гипотезы объ азіатскомъ происхожденіи скиѳовъ и послѣдующемъ выселеніи ихъ изъ Азіи въ Европу. Подкрѣпленіе этой же гипотезы г. Миннсъ находитъ въ тѣхъ параллеляхъ къ чертамъ скиѳскаго быта, которыя онъ приводитъ изъ сообщеній китайскихъ источниковъ о Хунну и другихъ средне-азіатскихъ кочевникахъ и которыя свидѣтельствуютъ по его мнѣнію о сходствѣ въ обычаяхъ и въ отношеніяхъ къ болѣе культурнымъ народамъ. Впрочемъ, г. Миннсъ считаетъ болѣе надежнымъ подкрѣпленіемъ своей гипотезы сравненіе археологическихъ данныхъ Скиѳіи и Средней Азіи (включая и Южную Сибирь), которымъ онъ и занимается въ одной изъ дальнѣйшихъ, чисто археологическаго характера, главъ. Пока же онъ непосредственно переходитъ къ этнологическому обзору племенъ, сосѣдившихъ со скиѳами, а также племенъ, жившихъ въ Средней Азіи и съ которыми скиѳы могли имѣть сношенія (гл. V). Этотъ обзоръ г. Миннсъ начинаетъ съ южныхъ сосѣдей скиѳовъ—съ Тавровъ и Гетовъ, причемъ указываетъ на рѣки, какъ на факторъ, облегчающій пріурочиванье сосѣдившихъ со скиѳами племенъ къ опредѣленной территоріи. Тавровъ г. Миннсъ признаетъ древнѣйшими обитателями южной Россіи, родственными съ кавказскими аборигенами, т. е. съ иранцами, что же касается Гетовъ, то онъ критикуетъ мнѣніе о фракійскомъ ихъ происхожденіи, ввиду сомнительности существованія самой народности фракійской и склоненъ сближать ихъ съ кельтами.

Изъ западныхъ и сѣверныхъ сосѣдей скиѳовъ г. Миннсъ подробнѣе останавливается на Неврахъ, которыхъ онъ признаетъ предками Восточныхъ славянъ, указывая на славянскій характеръ миѳа объ оборотняхъ и на разсказъ Геродота объ оборачиваніи Невровъ въ волковъ, кромѣ того, на господство обычая умычки невѣстъ у Невровъ, свойственнаго славянамъ, а также на славянскій характеръ названій рѣкъ въ области Невровъ (напримѣръ, Десны). Мѣстомъ жительства Невровъ г. Миннсъ признаетъ среднее теченіе Днѣпра, верховья Днѣстра и Буга. Сѣверо-восточныхъ сосѣдей скиѳовъ Андрофаговъ и Меланхленовъ г. Миннсъ отождествляетъ съ финнскими племенами Мордвы, Мери и Черемисовъ, вопреки мнѣнію финнолога проф. И. Н. Смирнова. Что касается Будиновъ, то г. Миннсъ для примиренія

противорѣчивыхъ данныхъ Геродота, расчленяетъ это племя на двѣ вѣтви, помѣщая восточную изъ нихъ въ область сліянія Волги и Оки, а городъ Гелонъ на мѣстѣ позднѣйшаго Болгара и отождествляетъ этихъ восточныхъ Будиновъ съ Пермяками или Башкирами, опровергая такимъ образомъ мнѣніе Нидерле о славянствѣ Будиновъ и ихъ болѣе западномъ положеніи. Отъ непосредственныхъ сосѣдей Скифовъ г. Миннсъ переходитъ къ обзору племенъ, находившихся въ сношеніяхъ, хотя бы и сомнительныхъ, со Скифами, особенно жившихъ на сѣверо-восточномъ торговомъ пути въ Среднюю Азію, каковы Тиссагеты, Ирки (отождествляемые имъ съ Юграми), Аргиппеи (приалтайскіе Монголы по Миннсу). Г. Миннсъ придаетъ большое значеніе сообщенію Геродота о существованіи отдѣльнаго племени Царскихъ Скиѳовъ по сосѣдству съ Ирками, въ сибирскихъ степяхъ, видя здѣсь подкрѣпленіе своей гипотезы объ эмиграціи скиѳовъ изъ Азіи и ихъ не иранскомъ происхожденіи. Вслѣдъ за Аргиппеями, въ характеристикѣ которыхъ Геродотомъ г. Миннсъ видитъ ту идеализацію дикихъ, которая позже встрѣчается у Тацита, онъ разсматриваетъ свидѣтельства объ Исседонахъ (тибетскихъ племенахъ въ бассейнѣ Тарима, по его мнѣнію), Массагетахъ (въ которыхъ г. Миннсъ не признаетъ этническаго единства, а видитъ конгломератъ не только иранскихъ, но и тибетскихъ племенъ—Юэчжи Китайцевъ), наконецъ Аримаспахъ и Гипербореяхъ, въ которыхъ сквозь окутывающую ихъ сказочную дымку. онъ видитъ указанія на Монголовъ и Китайцевъ.

Отъ этихъ этнологическихъ вопросовъ г. Миннсъ переходитъ къ историческому очерку Скиѳіи, какъ географическаго термина за время отъ обоснованія здѣсь скиѳовъ Геродота и до великаго переселенія народовъ (гл. VI). Указавъ еще разъ на связь появленія скиѳовъ въ Южной Россіи съ племенными передвиженіями въ Средней Азіи, отмѣченными въ китайскихъ источникахъ, г. Миннсъ переходитъ къ разсмотрѣнію наиболѣе извѣстнаго эпизода изъ исторіи Скиѳовъ—похода на нихъ Дарія Гистаспа. Г. Миннсъ относится съ большимъ недовѣріемъ къ сообщаемымъ Геродотомъ подробностямъ объ этомъ походѣ, не допуская возможности перехода Даріемъ Днѣстра и дальнѣйшаго движенія его къ Востоку. Цѣль этого похода онъ видитъ въ стремленіи Дарія напугать варваровъ демонстраціей своихъ силъ и считаетъ сомнительной гипотезу Бери о трансильванскихъ золотыхъ рудникахъ, какъ цѣли предпріятія Дарія. Указавъ на появленіе на восточныхъ предѣлахъ Скиѳіи Сарматовъ еще во времена Геродота, онъ признаетъ невозможность точной датировки вытѣсненія Скиѳовъ Сарматами изъ Южной Россіи за Дунай. въ Добруджу. Начало передвиженія Сарматовъ г. Миннсъ не считаетъ возможнымъ датировать ранѣе III вѣка до Р. Хр., и съ этого же времени по его мнѣнію терминъ „скифы“ получаетъ исключительно географическое значеніе. Царскіе скиѳы, думаетъ г. Миннсъ, окончательно растворились въ массѣ подчиненныхъ имъ раньше иранскихъ племенъ, надъ которыми

теперь стали господствовать Сарматы, относительно которыхъ г. Миннсъ не рѣшается опредѣленно высказаться—были ли они также иранцами или урало-алтайцами. Во всякомъ случаѣ съ появленіемъ Сарматовъ этнографическая картина Южной Россіи сильно измѣняется, если судить по сообщеніямъ Страбона, приводимымъ г. Миннсомъ. Среди сарматскихъ племенъ г. Миннсъ выдѣляетъ Аорсовъ, которыхъ онъ сближаетъ съ Аланами, признавая ихъ такимъ образомъ иранцами. Появленіе Сарматовъ въ Южной Россіи, какъ раньше Скиѳовъ, г. Миннсъ объясняетъ передвиженіями средне-азіатскихъ народовъ (Хіунгну, Юечжи и др.). Одновременно съ этими переселеніями восточныхъ племенъ въ Скиѳію происходили такія же движенія племенъ западныхъ, прежде всего Гетовъ, которыхъ г. Миннсъ почти отождествляетъ съ даками; завоеваніе ими сѣвернаго побережья Чернаго моря онъ относитъ къ I в. до Р. Хр. Къ этой же группѣ западныхъ переселенцевъ г. Миннсъ относитъ германское племя Бастарновъ, временно спустившееся съ восточныхъ склоновъ Карпатъ (во II в. до Р. Хр.) къ Дунаю и размѣстившееся затѣмъ въ сѣверной Бессарабіи и Галиціи, а также Кельтовъ, дошедшихъ до нижняго Дуная и двинувшихся на Востокъ, въ Скифію. Это нашествіе Кельтовъ на сѣверныя берега Чернаго моря, сопровождавшееся нападеніемъ на Ольвію, г. Миннсъ относитъ ко II в. до Р. Хр., полемизируя съ академикомъ Латышевымъ, пріурочивающимъ его къ III в. на основаніи эпиграфическихъ данныхъ. Свой обзоръ народныхъ передвиженій въ южнорусскихъ степяхъ г. Миннсъ заключаетъ готами, появленію которыхъ въ III в. послѣ Р. Хр. онъ приписываетъ паденіе, если не полное уничтоженіе греческихъ поселеній на сѣверномъ берегу Понта. Детальнымъ перечисленіемъ племенъ, жившихъ по побережью Азовскаго моря и на предгорьяхъ Кавказа (смѣшаннаго иранско-кавказскаго происхожденія) заканчиваетъ г. Миннсъ эту главу, чтобы перейти къ археологической части своего труда.

Свой чрезвычайно подробный обзоръ археологическихъ находокъ не только Юга Россіи, но и Южной Сибири, а равно средне-азіатскихъ степей г. Миннсъ начинаетъ съ древностей до скиѳскаго періода, посвящая имъ VII главу своего труда. Указавъ на находки, относящіяся къ палеолитическому періоду (раскопки Хвойки въ Кіевѣ), г. Миннсъ особенно подробно останавливается на неолитическихъ находкахъ ввидѣ тѣхъ „площадокъ“, которыя дали поводъ г. Хвойкѣ и другимъ изслѣдователямъ установить особую „трипольскую“ культуру и намѣтить раіонъ ея распространенія по Юго-Западу Россіи, а также далеко на Югъ, до Ѳессаліи и Троады въ Малой Азіи. Описавъ формы „площадокъ“, а также виды находимой на нихъ глиняной утвари, г. Миннсъ переходитъ къ вопросу о пріуроченіи этой Трипольской культуры къ опредѣленному этническому типу. Указавъ на мнѣніе г. Хвойки о праарійцахъ, или точнѣе праславянахъ, какъ носителяхъ этой культуры, а также на пріуроченіе этой

культуры проф. Э. Р. фонъ-Штерномъ (на основаніи Петренскихъ находокъ) къ грекамъ до переселенія ихъ на Балканскій полуостровъ и созданія ими микенской культуры, г. Миннсъ высказываетъ сомнѣніе въ возможности этой послѣдней гипотезы, ввиду того болѣе примитивнаго характера, какой носятъ греческія находки сравнительно съ южно русскими, что затрудняетъ предположеніе о развитіи прагреками вынесенной ими изъ Южной Россіи культуры на новыхъ мѣстахъ—въ Греціи. Вообще г. Миннсъ считаетъ труднымъ пріуроченіе археологическихъ находокъ къ опредѣленнымъ народностямъ или расамъ, особенно въ столь отдаленныя эпохи. Заканчивая обозрѣніе вопроса о Трипольской культурѣ, г. Миннсъ скорѣе склоняется къ мысли о принадлежности ея народу средиземноморскаго круга, но подвергнувшемуся вліянію сѣверныхъ сосѣдей, приближаясь такимъ образомъ къ предположеніямъ Нидерле о переходѣ этой культуры съ Юга на Сѣверъ. Указавъ на земледѣльческій характеръ Трипольской культуры, г. Миннсъ констатируетъ фактъ исчезновенія этой земледѣльческой культуры на долгое время въ Южной Россіи и замѣны ея культурой кочевниковъ. Непосредственно примыкающимъ къ Трипольской культурѣ звеномъ является по мнѣнію г. Миннса, культура, характеризуемая окрашенными костяками. Эти окрашенные костяки, преимущественно въ скорченномъ положеніи, обнаруживаются подъ насыпными курганами (а не въ толщѣ ихъ), причемъ имъ сопутствуетъ весьма скудная утварь, по большей части каменная, изрѣдка мѣдная или бронзовая. Указавъ на широкое распространеніе погребеній съ окрашенными костяками по всей Южной Россіи до Кавказа, г. Миннсъ относитъ соотвѣтствующую культуру къ концу каменнаго и началу металлическаго вѣковъ. Отказываясь отъ пріуроченія этой культуры къ какой либо народности (напримѣръ, къ киммерійцамъ, какъ это дѣлалъ проф. Самоквасовъ), г. Миннсъ указываетъ на фактъ оттѣсненія этой культуры новыми пришельцами къ Кавказу и смѣшенія ея здѣсь со скиѳскими элементами, чѣмъ объясняется богатство погребальной утвари въ кавказскихъ могилахъ съ окрашенными костяками. Послѣ обзора мегалитическихъ памятниковъ и земляныхъ валовъ (во многихъ изъ которыхъ онъ видитъ, въ согласіи съ г. Спицынымъ, распаханные курганы), г. Миннсъ переходитъ къ скиѳскимъ могиламъ (гл. VIII), причемъ критикуетъ примѣненіе термина „скиѳскій“, ввиду распространенія его на могилы, принадлежащія времени послѣ удаленія скиѳовъ изъ Южной Россіи. Однако вслѣдъ за тѣмъ, признавая малое различіе между скиѳами и сарматами (наличность урало-алтайскаго элемента у обоихъ, съ болѣе значительной примѣсью иранства у сарматовъ), г. Миннсъ предлагаетъ сохранить названіе скиѳскихъ могилъ за всѣми могилами того періода, когда Скиѳія являлась общепринятымъ географическимъ обозначеніемъ Южной Россіи. Переходя къ обзору скиѳскихъ могилъ, г. Миннсъ указываетъ на ихъ чрезвычайно широкое распространеніе отъ Подоліи до Кавказа и на отдѣльныя

находки скиѳскихъ древностей далеко за предѣлами этого раіона (въ Венгріи, Ѳракіи, Сибири), а также на трудность датировки скиѳскихъ могилъ, возможной только по находимымъ въ нихъ греческимъ древностямъ. Въ классификаціи могилъ г. Миннсъ слѣдуетъ за академикомъ А. С. Лаппо-Данилевскимъ, устанавливающимъ четыре вида скиѳскихъ могилъ: первый, мало отличающійся, по мнѣнію г. Миинса отъ могилъ съ окрашенными костяками, съ бѣдной погребальной утварью, съ многими погребеніями въ одной могилѣ. Г. Миннсъ, обращаетъ вниманіе на сосредоточеніе могилъ этого типа вокругъ предполагаемой территоріи Герроса Геродота (въ Екатеринославской губерніи[1], выводя отсюда, что эта мѣстность была священной и для предшествовавшей скиѳамъ Геродота народности, каковой онъ считаетъ строителей этихъ могилъ перваго вида. Вторымъ, уже чисто скиѳскимъ, видомъ могилы г. Миннсъ, вслѣдъ за г. Лаппо-Данилевскимъ считаетъ курганъ „Каменную Могилу“, съ остатками нѣсколькихъ конскихъ скелетовъ, съ погребеніемъ не особенно богатымъ, повидимому рядового воина, третьимъ—такъ называемые „близнецы“—парные курганы, въ одномъ изъ которыхъ погребались племенные вожди, а въ другомъ—простые воины. Наконецъ, четвертымъ и самымъ важнымъ видомъ скиѳскихъ могилъ г. Миннсъ признаетъ такъ называемыя „толстыя“ могилы, съ высокими насыпями—курганами, многочисленными погребальными камерами. обдѣланными глиной или деревомъ и предназначенными не только для человѣческихъ, но и для многочисленныхъ конскихъ труповъ, съ богатой погребальной утварью, въ томъ числѣ съ остатками погребальной колесницы царя, для котораго устраивались могилы этого типа. Наиболѣе характерной могилѣ этого типа—Чертомлыцкому кургану, г. Миннсъ посвящаетъ обстоятельное описаніе, а вслѣдъ за этимъ онъ подробно обозрѣваетъ всѣ болѣе значительные скиѳскіе курганы Южной Россіи. Отмѣтимъ его мнѣніе объ особомъ характерѣ могилъ Кіевской и Полтавской губерній, указывающемъ на осѣдлый характеръ населенія, съ менѣе богатой погребальной утварью; эти могилы г. Миннсъ склоненъ относить къ скиѳамъ—пахарямъ, хотя, какъ онъ замѣчаетъ, Геродотъ помѣщаетъ ихъ южнѣе. Г. Миннсъ перечисляетъ и описываетъ наиболѣе выдающія скиѳскія могилы Кіевской и Полтавской губерній (въ Смѣлѣ, Рыжановкѣ и др.), причемъ въ этой послѣдней губерніи онъ выдѣляетъ могилы вокругъ Поповки. какъ принадлежащія къ болѣе позднему времени (что доказывается многочисленностью желѣзныхъ издѣлій) и составляющія переходъ къ ряду погребеній не скиѳскаго типа, найденныхъ въ той же губерніи. Эти нескиѳскія погребенія характеризуются отсутствіемъ кургановъ, большей бѣдностью погребальнаго ритуала (нѣтъ слѣдовъ конскихъ жертвъ, а равно и оружія), находками римскихъ монетъ II и III в. послѣ Р. Хр. Г. Миннсъ видитъ въ этихъ могилахъ переходъ отъ скиѳскаго къ славянскому типу погребенія; онъ склоненъ (вслѣдъ за г. Хвойкой) приписывать

ихъ славянамъ—Неврамъ, испытывавшимъ раньше скиѳскія вліянія, а затѣмъ готскія, но сохранившимъ и подъ этими вліяніями свои особенности Подчеркнувъ вообще убываніе чистоскиѳскаго характера могилъ по мѣрѣ перехода степной полосы въ лѣсную, г. Миннсъ обращается къ Юго-Востоку, къ курганамъ, лежащимъ въ окрестностяхъ Керчи—„царскимъ или золотымъ“, какъ отличающимся особымъ богатствомъ скиѳскихъ древностей—Куль-Обскому и др. Однако въ этихъ курганахъ, особенно въ ихъ архитектурѣ, г. Миннсъ долженъ признать сильное сходство съ греческими (микенскими) могилами, хотя онъ выставляетъ гипотезу о наличности здѣсь эволюціи отъ типа скиѳскихъ могилъ съ земляной или деревянной кладкой и облицовкой камеръ и проходовъ. Въ утвари этихъ кургановъ г. Миннсъ видитъ смѣшеніе скиѳскихъ и греческихъ, но приноровленныхъ къ скиѳскимъ вкусамъ, вещей (подробному описанію находокъ скиѳскихъ могилъ онъ посвящаетъ одну изъ дальнѣйшихъ главъ). Такое же смѣшеніе, но съ преобладаніемъ особаго „звѣринаго“ стиля, родственнаго скиѳскому г. Миннсъ находитъ въ богатѣйшихъ по своему содержанію курганахъ Кубанской области (особенно Карагодеуашха), замѣчательныхъ также по чрезвычайному изобилію въ нихъ человѣческихъ и конскихъ скелетовъ (до 480 коней), указывающему на расцвѣтъ здѣсь скиѳскаго погребальнаго ритуала. Этотъ расцвѣтъ г. Миннсъ объясняетъ долгимъ сохраненіемъ въ Предкавказьи остатковъ скиѳовъ и сарматовъ. Главу о скиѳскихъ могилахъ г. Миннсъ заканчиваетъ замѣткой о каменныхъ бабахъ, которыхъ онъ относитъ къ позднимъ, тюркскимъ временамъ.

Отъ скиѳскихъ могилъ Южной Россіи г. Миннсъ переходитъ къ древностямъ Южной Сибири и прилегающихъ къ ней областей (гл. IX), указывая на необходимость изученія этихъ древностей ввиду сходства ихъ со скиѳскими, указывающаго на возможность взаимнаго вліянія этихъ культуръ.

Г. Миннсъ принимаетъ данную академикомъ В. В. Радловымъ классификацію сибирскихъ могилъ на курганы и на могилы съ каменными прямоугольными надгробіями, съ отнесеніемъ послѣднихъ къ мѣдному и бронзовому, а первыхъ къ желѣзному вѣкамъ (иногда съ монетами XVII вѣка).

Въ болѣе раннихъ могилахъ заслуживаетъ вниманія обиліе орудій для горнаго дѣла, а также для земледѣлія, указывающее на мирныя горно—и земледѣльческія занятія собственниковъ этихъ могилъ, которыхъ г. Миннсъ относитъ къ урало-алтайцамъ, точнѣе финнамъ, тогда какъ смѣнившую этотъ народъ желѣзную культуру онъ приписываетъ воинственнымъ кочевникамъ—вѣроятно, гуннамъ.

Разсматривая различныя бронзовыя и мѣдныя сибирскія находки, г. Миннсъ видитъ въ нихъ черты сходства со скиѳскими соотвѣтствующими имъ предметами (ножами, котлами, зеркалами) и объясняетъ это тѣсными кровными и культурными связями; эти же связи

онъ обнаруживаетъ въ многочисленныхъ золотыхъ издѣліяхъ, найденныхъ и въ Средней Азіи (на Аму-Дарьѣ), указывая въ среднеазіатскихъ находкахъ признаки смѣшенія скиѳскаго и иранскаго стилей. Слѣды той же „финно-скиѳской“ культуры г. Миннсъ находитъ и въ Пріуральи (въ Пермской губерніи). Наконецъ, онъ указываетъ на столкновеніе этой скиѳо-сибирской (въ широкомъ смыслѣ) культуры съ западно-европейской—такъ называемой „Ла-Тенской“ культурой, проникшей въ Южную Россію вмѣстѣ съ пришедшими сюда германцами—бастарнами и, можетъ быть, съ кельтами. Результатомъ этого столкновенія г. Миннсъ считаетъ появленіе „готскаго стиля“ или „стиля эпохи великаго переселенія народовъ“, много позаимствовавшаго изъ скиѳскаго „звѣринаго“ стиля, вопреки мнѣнію Салина о его оригинально-германскомъ характерѣ. Свою главу о связяхъ собственно-скиѳской культуры Южной Россіи съ другими родственными ей культурами (особенно сибирской), г. Миннсъ заканчиваетъ анализомъ взаимоотношеній скиѳской и Кавказской (бронзовой, Кобанской) культуръ, находя между ними мало точекъ соприкосновенія, несмотря на безспорность связи скиѳовъ съ Кавказомъ.

Разсмотрѣвъ въ двухъ предъидущихъ главахъ археологическія находки на территоріи собственно скиѳской и въ раіонахъ, связанныхъ съ нею общностью культуры, г, Миннсъ въ слѣдующей, X главѣ еще разъ останавливается на памятникахъ, усваиваемыхъ имъ скиѳскому искусству, стараясь сдѣлатъ опредѣленные выводы относительно происхожденія и роста этого искусства. Г. Миннсъ настаиваетъ на самобытности основы скиѳскаго искусства и эту основу онъ отождествляетъ съ такъ называемой Минусинской бронзовой культурой въ Сибири, находя слѣды распространенія памятниковъ этой культуры даже въ Южной Россіи. Характерной чертой этого „минусинскаго“ стиля г. Миннсъ считаетъ пристрастіе къ орнаменту, особенно животнаго характера.

Эта самобытная „минусинская“ культура въ своей позднѣйшей стадіи испытала, по мнѣнію г. Миннса, вліяніе эгейско-микенской культуры чрезъ посредство кочевниковъ; что касается развившагося на этой „минусинской“ основѣ собственно скиѳскаго искусства, то г. Миннсъ находитъ, что оно (повидимому отчасти еще въ Азіи) подверглось двоякому вліянію: ассирійскому и иранскому, относящемуся еще къ VII и VI вѣкамъ до Рождества Христова. Результатомъ этого двоякаго вліянія г. Миннсъ считаетъ еще болѣе сильный расцвѣтъ животнаго или „звѣринаго“ стиля, съ преобладаніемъ фантастическихъ существъ. Этотъ „звѣриный“ стиль скиѳскаго искусства видоизмѣняется съ переходомъ послѣдняго въ Европу, гдѣ это искусство подвергается греческому вліянію. Впрочемъ начало вліянія греческаго искусства въ его архаической, іонійской, формѣ на искусство скиѳское относится г. Миннсомъ еще къ азіатскому періоду этого послѣдняго. Этой іонійской архаической формѣ греческаго искусства

г. Миннсъ приписываетъ и въ дальнѣйшее время большое вліяніе на скиѳское искусство, ввиду бо́льшей его доступности для скиѳовъ, чѣмъ классической аттической формы. Вообще въ подражаніяхъ скиѳскаго искусства греческому г. Миннсъ не видитъ тонкости и вкуса. Наоборотъ, онъ чрезвычайно высоко ставитъ художественность тѣхъ греческихъ работъ, которыя предназначены для скиѳовъ (Чертомлыцкой и Куль-Обской вазъ, и Чертомлыцкаго горита), относя ихъ къ эпохѣ расцвѣта греческаго искусства. Отъ этихъ „греко-скиѳскихъ“ памятниковъ г. Миннсъ переходитъ къ обзору чисто-греческихъ памятниковъ искусства, найденныхъ въ понтійскихъ колоніяхъ.

Подробному обзору всѣхъ памятниковъ греческаго искусства въ Скиѳіи г. Миннсъ посвящаетъ двѣ главы—XI и XII. Характеризуя различные виды памятниковъ по ихъ сравнительной цѣнности для науки классической археологіи, г. Миннсъ ставитъ на первое мѣсто металлическія издѣлія изъ драгоцѣнныхъ металловъ, связанныя съ погребальнымъ ритуаломъ понтійскихъ грековъ и скиѳовъ, богатство котораго онъ приписываетъ скиѳскому вліянію на погребальные обычаи грековъ, а также развитію роскоши среди эллинизированныхъ скиѳскихъ вождей. На второмъ мѣстѣ по интересу г. Миннсъ помѣщаетъ остатки живописи на стѣнахъ погребальныхъ камеръ, а также на надгробныхъ стелахъ, на третьемъ—деревянныя издѣлія, рѣдкія въ другихъ мѣстахъ (кромѣ эллинистическаго Египта). Менѣе интересными признаетъ г. Миннсъ керамику и терракотты понтійскихъ колоній, скульптурныя же и архитектурныя находки онъ находитъ бѣдными и не дающими какихъ либо оригинальныхъ чертъ. Среди греческихъ могилъ, которымъ г. Миннсъ посвящаетъ особую главу—XII, г. Миннсъ съ интересомъ останавливается на Березанскихъ погребеніяхъ, ввиду господства въ нихъ обряда сожженія труповъ, а затѣмъ особенно много вниманія удѣляетъ Босфорскимъ могиламъ, ввиду богатства ихъ содержимаго.

Главой о греческихъ могилахъ г. Миннсъ заканчиваетъ археологическую часть и переходитъ снова къ исторической темѣ—именно къ исторіи греческихъ колоній въ предѣлахъ древней Скиѳіи. Сначала онъ посвящаетъ отдѣльную главу (XIII) вопросу общаго характера—о возникновеніи греческой колонизаціи по берегамъ Понта, о роли съигранной здѣсь отдѣльными греческими племенами; здѣсь же онъ касается въ общихъ чертахъ развитія торговыхъ сношеній Греціи съ ея понтійскими колоніями и со скиѳами. Г. Миннсъ пытается прослѣдить начало древнѣйшихъ сношеній грековъ со странами, лежащими на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Онъ указываетъ на привлекательность эвксинскихъ береговъ для поэтической фантазіи грековъ, отразившей картины этихъ береговъ въ Одиссеѣ, но съ перенесеніемъ этихъ картинъ въ другую географическую обстановку. Въ частности, г. Миннсъ указываетъ на упоминающихся въ Одиссеѣ киммерійцевъ, какъ на несомнѣнныхъ жителей Южной Россіи, но пере-

несенныхъ на туманный Сѣверъ, съ другой стороны, онъ отрицаетъ возможность отождествленія порта Лестригоновъ съ Балаклавой. Время перваго появленія грековъ, или какъ болѣе неопредѣленно выражается г Миннсъ, эгейцевъ на Черномъ морѣ отодвигается имъ въ глубокую древность, ко временамъ Трипольской культуры, но съ другой стороны г. Миннсъ признаетъ, что еще около 1000 года до Р. Хр. свѣдѣнія грековъ о берегахъ Чернаго моря отличались значительной неполнотой. Плаванія финикійцевъ по Понту и освѣдомленіе ими грековъ отрицаются г. Миннсомъ вопреки Берару. Указавъ на возникновеніе и ростъ сношеній Милетянъ съ берегами Понта, вызванныхъ сначала пиратствомъ, а затѣмъ работорговлей и, наконецъ мѣновой торговлей вообще, г. Миннсъ переходитъ къ появленію постоянныхъ факторій на берегахъ Чернаго моря, стараясь объяснить ростъ и развитіе однихъ изъ этихъ колоній и застой другихъ мѣстными географическими и отчасти политическими условіями. Время милетской колонизаціи г. Миннсъ датируетъ VIII—VII вѣками до Р. Хр. Эту общаго характера главу г. Миннсъ заканчиваетъ очеркомъ взаимоотношеній грековъ и скиѳовъ, указывая на ихъ мирное въ общемъ теченіе, а также очеркомъ греко-скиѳской торговли, перечисляя предметы ея и останавливаясь съ особымъ вниманіемъ на скиѳскомъ хлѣбѣ, игравшемъ столь крупную роль въ экономической жизни Греціи вообще и Аѳинъ въ частности.

Нарисовавъ общую картину развитія греческой колонизаціи на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, г. Миннсъ въ рядѣ отдѣльныхъ главъ (XIV—XIX) даетъ детальные обзоры политической и культурной исторіи отдѣльныхъ греческихъ колоній въ предѣлахъ Скиѳіи, въ порядкѣ ихъ географическаго размѣщенія съ Запада на Востокъ, отъ Тираса до Фанагоріи. Мы не будемъ подробно слѣдить за сообщеніями г. Миннса, ввиду ихъ чрезвычайной обстоятельности и ограничимся указаніями на нѣкоторыя болѣе интересныя изъ мнѣній г. Миннса. Такъ въ главѣ объ Ольвіи г. Миннсъ удѣляетъ мѣсто вопросу о греческомъ поселеніи на Березани, которое онъ считаетъ однимъ изъ древнѣйшихъ въ Скиѳіи и готовъ, вслѣдъ за проф. С. Д. Пападимитріу, отождествить съ торжищемъ Борисѳенитовъ; запустѣніе этого поселенія съ начала V в. онъ ставитъ въ связь съ превращеніемъ Березани изъ полуострова въ островъ. Древности, найденныя на Березани, г. Миннсъ относитъ къ VII—V вѣкамъ и дѣлитъ на два періода, слѣдуя за сообщеніями проф. Э. Р. фонъ-Штерна. Переходя къ Ольвіи, г. Миннсъ чрезвычайно детально описываетъ результаты раскопокъ и выясняетъ на основаніи ихъ топографію города. Излагая исторію города, г. Миннсъ много вниманія удѣляетъ знаменитому декрету въ честь Протогена, указывая на его важность для пониманія причинъ упадка Ольвіи въ связи съ упадкомъ хлѣбнаго экспорта изъ Скиѳіи вслѣдствіе конкуренціи эллинистическаго Египта, а также въ связи съ передвиженіями скиѳскихъ племенъ

вокругъ Ольвіи. Декретъ этотъ г. Миннсъ, какъ мы уже упоминали, датируетъ первой половиной II вѣка, полемизируя съ акад. Латышевымъ, стоящимъ за III в. до Р. Хр. Въ описаніи государственнаго строя Ольвіи г. Миннсъ слѣдуетъ тому же акад. Латышеву, что же касается религіознаго быта ея, то здѣсь онъ находитъ пособіе въ статьяхъ г-жи Hirst въ Journal of Hellenic Studies за 1902 и 1903 годы (переведенныхъ на русскій языкъ). Въ заключеніе г. Миннсъ даетъ обзоръ монетъ Ольвіи, что онъ дѣлаетъ и въ слѣдующихъ очеркахъ. Въ обширной главѣ, посвященной Херсонесу, г. Миннсъ, вопреки поставленному себѣ хронологическому предѣлу, продолжаетъ свой обзоръ судебъ этого города до его полнаго запустѣнія въ XV в., что конечно можетъ вызвать только чувство благодарности къ неутомимому автору, тѣмъ болѣе, что онъ даетъ здѣсь интересный экскурсъ о вопросѣ, особенно интересномъ для русской исторіи—объ осадѣ Херсонеса Владиміромъ Святымъ и связаннымъ съ этой осадой крещеніемъ Владиміра. Г. Миннсъ, ознакомившись со спеціальной литературой, склоняется на сторону ученыхъ, отдѣляющихъ крещеніе Владиміра отъ похода на Херсонесъ и относящихъ крещеніе къ другому мѣсту и времени; что же касается цѣли похода Владиміра, то г. Миннсъ видитъ здѣсь стремленіе Владиміра оказать услугу Византійскимъ императоромъ взятіемъ возставшаго противъ нихъ Херсонеса, примкнувшаго къ Вардѣ Фокѣ, услугу, вознагражденную бракомъ съ Анной. Вслѣдъ за Херсонесомъ столь же детально слѣдитъ г. Миннсъ за исторіей Босфорскаго царства, указывая однако на бѣдность историческихъ данныхъ за исключеніемъ эпохи Митридата. Въ своемъ обзорѣ Босфорскаго царства г. Миннсъ отмѣчаетъ двойственный характеръ власти мѣстныхъ династовъ по отношенію къ грекамъ и къ скиѳамъ, отражающійся и въ титулахъ этихъ правителей.

Мы закончили нашъ обзоръ труда г. Миннса, конечно далеко не исчерпавъ его богатаго содержанія. Какъ можно видѣть, трудъ г. Миннса отличается чрезвычайнымъ разнообразіемъ затронутыхъ въ немъ темъ, что, конечно, затрудняло работу автора, который долженъ былъ совмѣщать въ себѣ и историка, и археолога, и этнолога, и географа. Уже это обстоятельство можетъ служить оправданіемъ того, что во многихъ отношеніяхъ г. Миннсъ не выступаетъ съ самостоятельными изслѣдованіями и мнѣніями, являясь лишь въ роли объединителя результатовъ всѣхъ предшествовавшихъ ему ученыхъ работъ, къ которымъ онъ однако всегда относится критически, стараясь провѣрить и если возможно дополнить ихъ путемъ привлеченія непосредственныхъ источниковъ – археологическихъ или литературныхъ. Въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ—въ обзорѣ скиѳскихъ древностей, въ исторіи народовъ, заселявшихъ степи Южной Россіи, въ критикѣ сообщеній древнихъ писателей о географіи Скиѳіи г. Миннсъ имѣлъ предшественниковъ, давшихъ обзоры тѣхъ же вопросовъ, неуступающіе

по полнотѣ обзорамъ г. Миннса—мы имѣемъ ввиду прежде всего проф. Грушевскаго съ его капитальнымъ первымъ томомъ исторіи Украины-Руси во второмъ изданіи 1904 года, а затѣмъ академиковъ Кондакова и Лаппо-Данилевскаго (труды которыхъ, вслѣдствіе давняго времени появленія ихъ—въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ прошлаго XIX столѣтія и сильнаго роста археологическаго матеріала съ того времени, значительно устарѣли). Но и въ этихъ отдѣлахъ большая заслуга г. Миннса сотоитъ въ тщательномъ собраніи всѣхъ доступныхъ ему археологическихъ и иныхъ матеріаловъ и появившихся о нихъ трудовъ, до самыхъ позднѣйшихъ по времени появленія включительно, а въ особенности въ богатой иллюстраціи своего труда изображеніями соотвѣтствующихъ вещественныхъ памятниковъ. Еще значительнѣе заслуга г. Миннса въ составленіи перваго историческаго обзора судебъ всѣхъ греческихъ колоній на Югѣ Россіи, съ использованіемъ всего богатаго матеріала, собраннаго въ послѣднее время трудами русскихъ ученыхъ. Все это, взятое вмѣстѣ, даетъ право труду г. Миннса вызвать къ себѣ вниманіе русской науки и заслужить отъ нея выраженіе признательности.

Е. Загоровскій.

Слѣды древнѣй стоянки человѣка въ низовьяхъ Дуная.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1912 г. мнѣ пришлось участвовать въ почвенномъ обслѣдованіи плавней Дуная между г. Киліей и посадомъ Вилковымъ, предпринятомъ профес. Императорскаго Новоросс. Университета А. И. Набокихъ по порученію Херсонско-Бессарабск. Упр. Земл. и Госуд. имуществъ съ цѣлью выясненія степени пригодности различныхъ участковъ плавней для меліораціонныхъ осушительныхъ работъ [1]).

Во время поѣздки въ предѣлахъ такъ называемой Кислицкой дачи, въ районѣ краевой гряды около устья почти прорытаго къ тому времени водопроводнаго канала въ озеро Китай, удалось наблюдать въ нижней части аэрируемаго слоя почвы окрашенный въ темный цвѣтъ пластъ линзообразной формы, толщиной до 4 верш. Глубина залеганія пласта въ почвѣ достигала 30—40 верш., причемъ діаметръ линзы колебался отъ 4 до 5 аршинъ.

При осмотрѣ на мѣстѣ этотъ черный слой былъ принятъ за торфъ, но при изслѣдованіи въ лабораторіи взятаго въ ящики разрѣза почвы, когда онъ достаточно подсохъ, явилась возможность заподозрить здѣсь ничто иное, какъ скопленіе уплотненной золы древняго погребеннаго костерища. Окраска пласта при высыханіи превратилась въ свѣтло-пепельную и образованіе такимъ образомъ совершенно не напоминаетъ торфъ ни по окраскѣ, ни по строенію. Въ общей массѣ попадаются въ значительномъ количествѣ мельчайшія частички угля и осколки сильно измѣненныхъ костей (повидимому млекопитающихъ). Кости почти не содержатъ органическаго вещества и представлены лишь минеральнымъ скелетомъ. Для окончательнаго сужденія о характерѣ образованія все же являлось необходимымъ произвести по возможности подробный химическій анализъ, что и было осуществлено въ Агрономической лабораторіи Имп. Новорос. Университета. Мною былъ произведенъ валовой анализъ слоя, а также и анализъ водной вытяжки. Привожу здѣсь полученные результаты:

---

[1]) Проф. А. И. Набокихъ. Главнѣйшіе результаты почвеннаго обслѣдованія плавней Дуная между Килiей и Вилковымъ. Южн Меліораціон. бюллетень, 1913 г. № 5—10.

Валовой анализъ въ °/₀°/₀ отъ воздушно-сухой массы:

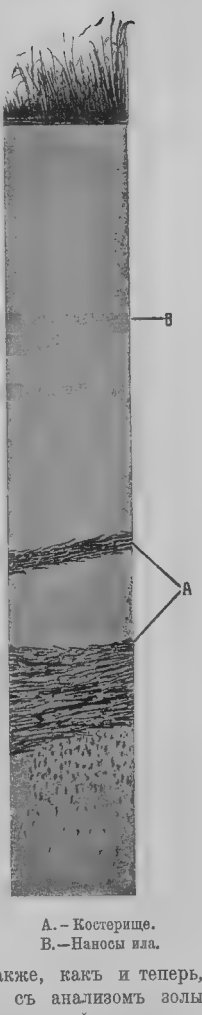
Гигроскопической воды (при 100° С.)	5,22
Органическихъ веществъ (вычисленныхъ на гумусъ)	16,31
Потеря при прокаливаніи	20,20
SiO_2	62,73
Fe_2O_3	2,39
Al_2O_3	3,25
CaO	7,01
MgO	0,66
P_2O_5	0,98
CO_2	0,63
K_2O+Na_2O	2,68
Сумма	100,53

Анализъ водной вытяжки, полученной обработкой 1 кил. воздушно-сухого вещества 3-мя литрами воды на холоду въ теченіе 24 часовъ (въ °/₀°/₀ отъ воздушно-сухого вещества):

Общее количество водно растворимыхъ веществъ		0,65
Органическія и летучія водно растворимыя вещества (потеря отъ прокаливанія)		0,16
Минеральныя водно-растворимыя вещества (остатокъ отъ прокаливанія)		0,50
SO_3		слѣды
Cl		0,017
NaCl	перечеты	0,028
Na_2SO_4		слѣды
Na_2CO_3		0,032

Особенно характернымъ является въ приведенномъ валовомъ анализѣ повышенное количество фосфорной кислоты (0,98°/₀), что совершенно не свойственно почвѣ, и явно происходитъ отчасти насчетъ золы растеній, отчасти—костей. Наибольшее содержаніе фосфорной кислоты, найденное въ почвахъ другихъ повышенныхъ участковъ плавней, не превышаетъ 0,134°/₀ (на P_2O_5).

Что касается водной вытяжки, то она показываетъ почти полное отсутствіе сульфатовъ, въ то время какъ на той же глубинѣ въ сосѣднихъ участкахъ ея найдено до 0,03% (на SO_3). Количество растворимыхъ органическихъ веществъ значительно повышено (0,65%) по сравненію съ таковымъ даже наиболѣе богатыхъ въ этомъ отношеніи участковъ плавней (0,37%), гдѣ создаются благопріятныя условія для накопленія органическаго вещества насчетъ гумификаціи отмершихъ корней плавневой растительности. Является очевиднымъ, слѣдовательно, что обогащеніе пласта органическимъ веществомъ произошло насчетъ обугливанія растеній, давшихъ золу костерища. Валовое количество органическаго вещества, вычисленное на гумусъ достигаетъ 16,31%, что, конечно, не соотвѣтствуетъ истинному его содержанію, т. к. не принято въ расчетъ, что въ общей массѣ находится значительное количество угля; на это обстоятельство указываетъ также сильное отклоненіе числа, выражающаго потерю при прокаливаніи (20,20), отъ суммы органическихъ веществъ + гигроскопич. вода + углекислота, равной 22,16, т. к. послѣднее число должно быть или почти равнымъ или же меньшимъ перваго



А. – Костерище.
В. – Наносы ила.

Такимъ образомъ на основаніи наружнаго осмотра и сопоставленія данныхъ химическаго анализа съ увѣренностью можно заключить, что мы имѣемъ на лицо погребенную растительную золу съ примѣсью частицъ угля растительнаго происхожденія и осколковъ костей, т. е. покрытые наносомъ остатки костерища, измѣненные въ своемъ первоначальномъ составѣ воздѣйствіемъ циркулирующихъ почвенныхъ водъ, выщелачившихъ однѣ вещества и накопившихъ другія изъ сосѣднихъ слоевъ Въ виду возможности естественнаго предположенія, что матеріаломъ для образованія золы могъ послужить сжигаемый камышъ, являющійся единственнымъ источникомъ топлива въ данной мѣстности и произраставшій здѣсь въ прежнія времена также, какъ и теперь, желательно было сопоставить анализъ костра съ анализомъ золы камыша (Phragmites communis). Ниже помѣщаемъ ранѣе приведенный анализъ, перечисленный на вещество прокаленное (лишенное

органич. веществъ, углекислоты и др. летучихъ веществъ) и анализъ золы камыша, заимствованный изъ книги Emil Wolff'a [1]) и произведенный Schulz—Fleeth'омъ [2]).

% %	SiO_2	Fe_2O_3	CaO	MgO	P_2O_5
Зола костра .	78,41	2,99	8,76	0,83	1,23
Зола Phragm. communis . .	77,27	0,23	6,35	1,31	2,15

Въ приведенныхъ анализахъ аналогія выступаетъ довольно ясно, если принять въ расчетъ процессы выщелачиванія и накопленія, происходившіе на протяженіи огромнаго періода времени.

Относительно возраста найденнаго костра трудно высказаться опредѣленно, но, принимая во вниманіе глубину залеганія пласта (до $2^1/_2$ арш.) и значительную высоту гряды, благодаря чему заливаніе водой здѣсь могло происходить крайне рѣдко даже и въ болѣе древнія времена, нужно отнести образованіе костерища къ весьма отдаленной эпохѣ, за цѣлыя тысячелѣнія до нашего времени. Къ сожалѣнію съ мѣста находки удалось взять лишь естественный почвенный разрѣзъ черезъ костерище, помѣщенный въ ящики и хранящійся въ Почвенномъ Музеѣ Императорскаго Новороссійскаго Университета, а не все содержимое пласта. По установленіи въ лабораторіи истиннаго характера погребеннаго слоя, было сообщено на мѣсто находки о сохраненіи всей площади костра, но, къ сожалѣнію, не смотря на предпринятыя въ этомъ на правленіи мѣры руководителемъ работъ по проведенію канала инженеромъ М. М. Шостакомъ, перемычка гряды была разрыта и такимъ образомъ былъ уничтоженъ весь погребенный слой, въ которомъ, возможно, находились какія нибудь орудія и утварь.

Заканчивая сообщеніе, считаю не лишнимъ высказаться о необходимости болѣе тщательныхъ обслѣдованій низовьевъ Дуная и въ частности плавневыхъ дунайскихъ грядъ съ цѣлью дальнѣйшихъ находокъ памятниковъ пребыванія древняго человѣка. Богатыя рыбой низовья Дуная по всѣмъ вѣроятіямъ и въ глубокой древности привлекали къ себѣ человѣка, какъ и теперь. Пользуюсь случаемъ также указать здѣсь на важность химическаго обслѣдованія памятниковъ старины, которое, по моему мнѣнію, зачастую можетъ дать цѣнныя указанія объ истинной природѣ находимыхъ объектовъ.

Профессору Императорскаго Новорос. Универ. А. И. Набокихъ, предоставившему въ мое распоряженіе для изслѣдованія почвенный

---

[1]) Emil Wolff. Aschen—Analysen von landwirthsch. Producten und wildwachsenden Pflanzen 1871. T. 1, s. 41.

[2]) Schulz-Fleeth. Liebig u. Kopp. Jahresb. 1850. Tab. C.

разрѣзъ, заключающій слой погребенной золы, приношу свою глубокую благодарность.

Обслѣдованіе объекта и химическій анализъ выполнены мной въ Агрономической лабораторіи Императорскаго Новороссійскаго Университета, причемъ опредѣленіе гумуса произведено И. Е. Островскимъ, а фосфорной кислоты Н. М. Рубцовымъ, за что выражаю имъ свою признательность.

Б. Калустовъ.

428 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

15 января 1914 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта Б. В. Варнеке, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: А. Я. Шпаковъ, К. О. Лысаковскій, баронъ Э. А. Гойнингенъ-фонъ-Гюне, М. Ѳ. Шкадышекъ, П. М. Андріановъ, В. Н. Ренненкампфъ, Е. А. Щуманскій, К. М. Милисавлевичъ, прот. С. М. Петровскій, членъ-корреспондентъ А. М. Гамовъ и гость проф. Д. К. Третьяковъ.

Открывъ засѣданіе, предсѣдатель сообщилъ, что 14 января 1914 г. исполнилось 25 лѣтъ со времени избранія въ члены Общества секретаря Общества М. Г. Попруженко и выразилъ пожеланіе, чтобы его работа на пользу Общества продолжалась еще многіе годы.

Присутствующіе единодушно привѣтствовали М. Г. Попруженко.

Слушали:

1) Сообщеніе д. чл. В. Н. Ренненкампфа—„Россія на Дунаѣ“ (по поводу книги Л. А. Кассо).

Постановили: Благодарить докладчика, а его сообщеніе напечатать въ „Запискахъ“ Общества.

2) Сообщеніе проф. Д. К. Третьякова—„Остатки человѣческихъ скелетовъ изъ кургана на Слободкѣ-Романовкѣ“.

Постановили: Благодарить докладчика, а докладъ напечатать въ „Запискахъ“ Общества.

3) Произведена баллотировка лицъ, предложенныхъ въ предыдущемъ собраніи въ члены Общества.

Постановили: Профессора А. И. Томсона и св. Ѳ. А. Миляновскаго (законоучителя Одесскаго Сергіевскаго артиллерійскаго училища) считать единогласно избранными въ дѣйствительные члены, а Аркадія Викторовича Добровольскаго въ члены-корреспонденты избраннымъ большинствомъ голосовъ.

4) Предложеніе Совѣта объ избраніи въ дѣйствительные члены С. П. Шелухина, А. В. Флоровскаго и проф. Д. К. Третьякова.

Постановили: Баллотировать въ слѣдующемъ засѣданіи.

5) Сообщеніе хранителя музея о вновь поступившихъ предметахъ:

Отъ В. В. Золотницкаго.

Кусокъ металла, найденнаго на глубинѣ 14 саж. въ шурфѣ Александрійскаго уѣзда, Херсонской губерніи, въ имѣніи жертвователя. (I. 856).

Отъ барона Гойнингена-фонъ-Гюне.

22 наконечника стрѣлъ и бляшекъ. (V. 3186—3208).

Постановили: Благодарить жертвователей.

429 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

25 февраля 1914 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта Б. В. Варнеке, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: В. Н. Смольяниновъ, А. И. Томсонъ, П. М. Андріановъ, свящ. Ѳ. А. Миляновскій, К. О. Лысаковскій, Е. П. Трифильевъ, Е. Н. Щепкинъ, М. Ѳ. Шкадышекъ, И. С. Спаварисъ, В. Н. Ренненкампфъ, К. М. Милисавлевичъ, М. Ѳ. Болтенко, Е. А. Шумановскій, А. Я. Шпаковъ, С. Д. Пападимитріу, члены-корреспонденты: В. И. Василенко, А. М. Гамовъ, В. Э. Крусманъ, С. П. Шелухинъ и гость—докторъ Л. Л. Михневичъ.

Открывъ засѣданіе, предсѣдатель сообщилъ, что профессоръ М. Г. Попруженко впредь до выздоровленія сложилъ съ себя обязанности секретаря Общества, въ виду чего Совѣтъ примѣнительно къ § 39 Устава временно возлагаетъ обязанности секретаря на казначея Общества проф. А. Я. Шпакова, который изъявилъ на то свое согласіе.

Слушали:

1) Предложеніе Совѣта разрѣшить ему вести расходы по смѣтѣ 1913 г., такъ какъ смѣта на 1914 г. въ виду не послѣдовавшаго еще рѣшенія вопроса о возобновленіи казенной субсидіи составлена быть не можетъ.

Постановили: Разрѣшить.

2) Предложеніе Совѣта избрать ревизіонную коммиссію для провѣрки денежной отчетности Общества за 1913 г.

Постановили: Избрать въ коммиссію чл. Общества К. М. Милисавлевича, Е. П. Трифильева, С. П. Шелухина.

3) Предложеніе Совѣта произвести баллотировку предложенныхъ въ засѣданіи № 428 въ дѣйств. члены Общества С. П. Шелухина, проф. Д. К. Третьякова и А. В. Флоровскаго.

Постановили: Согласно произведенной баллотировкѣ считать означенныхъ лицъ избранными въ дѣйств. члены единогласно.

4) Сообщеніе Совѣта о томъ, что проф. А. В. Рыстенко отказался отъ званія дѣйствительнаго члена Общества.

Постановили: Принявъ къ свѣдѣнію, произвести выборы библіотекаря, должность котораго занималъ А. В. Рыстенко.

5) Предложеніе г. предсѣдателя произвести выборы библіотекаря.

Постановили: Согласно произведенной баллотировкѣ считать избраннымъ единогласно на должность библіотекаря дѣйствительнаго члена А. В. Флоровскаго, котораго и просить вступить въ исполненіе своихъ обязанностей, принявъ библіотеку отъ А. В. Рыстенко.

6) Предложеніе Совѣта избрать въ члены корреспонденты Людвига Михайловича де-Рибаса въ виду его многолѣтнихъ занятій библіографіей по исторіи Одессы, а также Леона Меликсетовича Меликсетъ-Бекова—въ виду занятій его исторіей армянскихъ поселеній на югѣ Россіи.

Постановили: Согласно § 7 Устава произвести баллотировку въ слѣдующемъ засѣданіи.

7) Слѣдующее письмо профессора С. М. Танатара, который по просьбѣ Общества произвелъ анализъ краски, найденной въ древнихъ могилахъ на Слободкѣ-Романовкѣ:

„Присланная для анализа „краска“ изъ кургановъ состоитъ изъ болѣе или менѣе крупныхъ зеренъ песку (главнымъ образомъ, кварца) и глины, окрашенной окисью желѣза. Взмучиваніемъ я отдѣлилъ песокъ, а затѣмъ помощью 15-ти процентной соляной кислоты мнѣ удалось растворить и отдѣлить отъ глины окись желѣза. При этомъ въ растворъ перешла только окись желѣза со слѣдами алюминія и кальція. По раствореніи окиси желѣза остается бѣлая глина.

Я нашелъ содержанія песка=31,3%
глины=63,1%
и окиси желѣза= 5,2%
99,6%

Кромѣ того, содержатся слѣды

CO_2, кальція и P_2O_5.

Замѣчательно, что фосфорной кислоты и кальція почти нѣтъ; это указываетъ на то, что при образованіи этой „краски“ не принималъ участія фосфорнокислый кальцій, содержащійся въ костяхъ“.

Постановили: Благодарить проф. С. М. Танатара за его любезное вниманіе къ трудамъ Общества.

8) Сообщеніе д. чл. А. Я. Шпакова о новыхъ матеріалахъ для біографіи В. О. Ключевскаго.

Постановили: Благодарить докладчика, а сообщеніе напечатать въ „Запискахъ“ Общества.

9) Сообщеніе д. чл. М. Г. Попруженко, обратившаго вниманіе собранія на рѣчь гр. А. Ѳ. Ланжерона, сказанную 8 февраля 1818 г. при открытіи въ Одессѣ Ришельевскаго Лицея.

Постановили: Въ виду интереса, который представляетъ означенная рѣчь для исторіи одесскаго просвѣщенія,—перепечатать ее въ протоколѣ настоящаго засѣданія изъ „Вѣстника Европы“ за 1818 г. № 3.

10) Прочитанъ д. чл. Б. В. Варнеке отчетъ поч. чл. Э. Р. фонъ-Штерна о раскопкахъ на о. Березани лѣтомъ 1913 года.

Постановили: Напечатать въ „Запискахъ" Общества.

11) Сообщеніе хранителя музея о вновь поступившихъ въ музей предметахъ древности:

Предметы, поступившіе изъ раскопокъ Э. Р. фонъ-Штерна въ Березани 1913:

А. Три фрагмента греческихъ надписей. (II а 228—230).

Б. Полосатый родосскій скиѳосъ. (III 7718).

Маленькій полосатый скиѳосъ. (III 7719).

Милетскій росписной котилъ. (III 7720).

25 кусковъ росписной вазы киренскаго стиля (III 7721), нынѣ возстановленной по Panofka № 3. Объ изображеніяхъ на греческихъ вазахъ человѣческихъ существъ съ головами животныхъ см. *S. B. Leace*—Cylix in Boston (*Amer. journ. of arch*, XVII, 1913 (1—13), гдѣ отмѣчено какъ разъ большое число т. н. киренскихъ вазъ съ подобными фигурами.

Картонъ съ 17 фрагментами вазъ. (III 7724).
„ „ 19 „ „ (III 7725).
„ „ 15 „ „ (III 7726).
„ „ 10 „ „ (III 7727).
„ „ 9 „ „ (III 7728).

Картонъ съ 10 обломками посуды съ Graffiti. (III 7729).

3 амфоры съ красными полосами. (III 7730—7732).

22 обломка античнаго стекла. (VI 818).

15 бронзовыхъ предметовъ. (V 1660).

База грубаго мрамора. (II в 553).

Обломокъ мрамора. (II в 554).

Каменный жерновъ. (II в 555).

Тоже, обломаный. (II в 556).

37 каменныхъ грузилъ. (II в 557).

Обломокъ мрамора. (II в 558).

Отъ начальника Одесскаго сыскного отдѣленія:

XIV/12. Фотографія съ предметовъ древности, захваченныхъ у Грищенко и другихъ Парутинскихъ крестьянъ.

XV/33. Отъ А. А. Борзенко портретъ проф. П. Е. Казанскаго.

Отъ д. чл. Е. А. Шуманскаго, 2 связки бусъ. (IX 4817—4818).

Постановили: Благодарить жертвователей.

РѢЧЬ,

произнесенная Новороссійскимъ **Военнымъ губернаторомъ и Одесскимъ Градоначальникомъ** Его Сіятельствомъ, Графомъ Александромъ Федоровичемъ Ланжероном, при открытіи Ришельевскаго Лицея въ Одессѣ 7-го января 1818 года.

Господа!

Учрежденіе Лицея въ странѣ, недавно вышедшей изъ неизвѣстности, въ странѣ, многіе вѣки бывшей необработанною и ненаселенною, есть событіе, сколько славное для Россіи, коей свидѣтельствуетъ оно объ успѣхахъ и могуществѣ, столько и полезное для здѣшняго края, коего оно утвердитъ благосостояніе; съ симъ вмѣстѣ оно важно и для славы наукъ, коихъ счастливое вліяніе довершитъ блаженство Новой Россіи.

За 25 лѣтъ до сего Одесса не существовала; за 25 лѣтъ страна сія, дѣлающаяся нынѣ святилищемъ наукъ, была пустынею, подвластною правительству деспотическому и варварскому, которое отвергало всякой образъ просвѣщенія и людскости.

Пустыня сія покрыта нынѣ городами богатыми, многолюдными, какъ бы волшебнымъ жезломъ воздвигнутыми; съ изумленіемъ усматриваемъ здѣсь хлѣбопашество, торговлю и искусства, которыя быстрымъ возвышеніемъ своимъ спѣшатъ вознаградить безплодіе и дикость цѣлыхъ двадцати вѣковъ.

Путешественникъ, предъ симъ за 25 лѣтъ проходившій сіи пространныя степи, тогда безмолвныя и унылыя, топтавшій сію плодородную землю, тогда пренебреженную, гдѣ взоры его встрѣчали токмо гробницы—печальныя хранилища исчезнувшихъ поколѣній,—путешественникъ, видѣвшій берега сіи забвенными для мореходцевъ, необычайно долженъ быть пораженъ новою картиною, которую представляетъ нынѣ страна сія.

Одесса, еще въ колыбели своей, является уже городомъ цвѣтущимъ, украшеннымъ изящными и многочисленными зданіями, обитаемымъ 30 тысячами трудолюбивыхъ и промышленныхъ гражданъ. Одесса видитъ нынѣ, что великая часть торговли Европы и Азіи, оставивъ прежніе пути свои, несетъ богатую дань въ портъ ея, въ которомъ прошлаго году вѣяли флаги болѣе тысячи кораблей иностранныхъ.

Институтъ, основанный при самомъ рожденіи Одессы, находившейся подъ отеческимъ покровительствомъ Начальства, имѣвшій наставниковъ искусныхъ и опытныхъ, познаніямъ коихъ Отечество благодарно за образованіе многихъ отличившихся юношей, былъ достаточенъ для удовлетворенія нуждъ новаго края.

Но умноженіе народонаселенія Одессы, желаніе ея жителей, желаніе обитателей городовъ Новороссійскихъ, требовали воспитательнаго заведенія бо́льшаго, требовали, чтобы такое заведеніе имѣло основаніе прочнѣе и планъ обширнѣе; сіи желанія услышаны и исполнены.

Министръ, сколько просвѣщенный, столько ревностный, но по самой строгой справедливости снискавшій довѣріе и отличную благосклонность Государя, Его Сіятельство Князь Голицынъ, беретъ въ семъ Лицеѣ живѣйшее участіе. Его стараніямъ обязаны мы симъ заведеніямъ, которое утвердитъ къ нему признательность сего края, равно какъ другіе труды обезпечили уже признательность къ нему всей Россіи.

Александръ I-й, Государь нашъ—но что я говорю?—нашъ Спаситель, нашъ Благотворитель, нашъ Отецъ (ибо титла сіи, пріобрѣтенныя Его непоколебимостію, Его доблестями, Его благочестіемъ и благодѣтельностію, сіи титла, которыя признательность и любовь наша къ Нему приписали Ему согласно со всею Европою, славнѣе для Него и любезнѣе сердцу Его, нежели всѣ другія, рожденіемъ Ему присвоенныя), Александръ I-й, отъ котораго ничто могущее способствовать благоденствію Его подданныхъ не можетъ укрыться, не только удостоилъ утвердить планъ сего Лицея, но еще объявилъ Себя покровителемъ онаго. Александръ I-й ввѣрилъ мнѣ попеченіе, толико пріятное и толико лестное для меня, блюсти объ усовершенствованіи и успѣхахъ Лицея. При таковыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ заведеніе сіе полагаетъ нынѣ основаніе славѣ своей и ожидаемому блаженству.

И какъ не предсказать сихъ благъ для новаго Лицея, видя имя, которое носитъ онъ, видя планъ ученія принятой для него, и зная людей, коимъ поручено исполненіе онаго?

Имя, носимое Лицеемъ, любезное для всѣхъ васъ, Господа, увѣковѣчивая признательность вашу къ вашему благодѣтелю, будетъ напоминать вамъ, равно и дѣтямъ вашимъ, основателя Одессы, устроителя страны сей, начальника мудраго, просвѣщеннаго, благомыслящаго и прозорливаго, которому край здѣшній обязанъ счастіемъ и богатствомъ;—имя сіе будетъ напоминать вамъ усерднаго гражданина, который посвятилъ вамъ лучшіе годы жизни своей; оно станетъ напоминать вамъ вашего друга,—титло, которое столь достойно приобрѣлъ онъ, и которымъ гордится; наконецъ, имя сіе станетъ напоминать вамъ Дюка де-Ришелье, который никогда бы неразстался съ вами, если бы желаніе перваго его отечества и довѣріе его Государя не отозвали его отсель къ обязанностямъ высокимъ иважнымъ, что было

достойною наградою за его добродѣтели и за уваженіе къ нему цѣлой Европы.

Планъ ученія въ Лицеѣ, преимущественно основанный на любви къ Отечеству, на чистой нравственности, на религіи, служитъ уже достаточною порукою добра, имѣющаго отъ него разлиться. Не изображая здѣсь, Господа, многочисленныхъ злодѣяній и бѣдствій, коихъ театромъ и жертвою въ теченіи толикихъ лѣтъ была Европа, я не могу умолчать, что всѣ сіи ужасы не чѣмъ другимъ порождены были, какъ безвѣріемъ, плодомъ философіи напыщенной и чудовищной, коей пагубныя начала разорвали связь человѣка съ человѣкомъ, связь человѣка съ его Монархомъ, связь человѣка съ его Богомъ.

Правила небесной религіи—источника всѣхъ благъ и всѣхъ добродѣтелей—будутъ основаніемъ воспитанія дѣтей Лицея и посѣютъ въ сердцахъ ихъ сѣмена качествъ, которыя предсказываю теперь съ удовольствіемъ. Что касается, Господа, до избранія начальниковъ для сего заведенія, намъ не чего пожелать: намъ нужны были наставники, коихъ правила, чувствованія и познанія были бы споручителями успѣховъ Лицея и его благосостоянія. Не здѣсь слѣдовало бы мнѣ принесть дань добродѣтелямъ Директора сего заведенія; но чтобы укрѣпить надежду тѣхъ, кои поручили ему дѣтей своихъ, я напомню только, что для посвященія имъ трудовъ своихъ, онъ, будучи уже въ лѣтахъ, которыя требуютъ необходимаго покоя, не подорожилъ разлукою съ своимъ семействомъ, въ нѣдрѣ коего могъ бы наслаждаться счастіемъ чистымъ и безмятежнымъ, не подорожилъ отечествомъ, гдѣ таланты его и отличныя заслуги были бы награждены по достоинству,—и находитъ свое счастіе въ томъ, что самымъ безкорыстнымъ посвященіемъ себя общей пользѣ можетъ соотвѣтствовать довѣрію Всероссійскаго Монарха и дружбѣ основателя Одессы. Если же еще что-либо внушало ему повиноваться сему призванію, то безъ сомнѣнія увѣренность имѣть сотрудниками г. Жилле и другихъ достойныхъ Профессоровъ, въ помощь ему избранныхъ. Хорошее мнѣніе, ими снисканное и предшествовавшее ихъ сюда прибытію, освобождаетъ меня отъ произнесенія имъ похвалы, которой скромность ихъ конечно непожелаетъ слышать изъ устъ моихъ, но которая находится въ устахъ вашихъ. Юные питомцы Лицея, надежда Отечества, коему вы нѣкогда должны быть украшеніемъ! вы видите, что творится для васъ, вы безъ сомнѣнія благословляете нѣжную заботливость вашего Государя; заслужите прилѣжностію своею таковую заботливость и отъ вашихъ наставниковъ, и вы соберете плоды на томъ поприщѣ, на кое поставятъ васъ судьба, или воля родителей вашихъ.

Если вы призваны будете служить Отечеству подъ его знаменами, заранѣе гордитесь, что составите нѣкогда частицу той удивительной и непобѣдимой арміи, которая восторжествовала надъ всей Европой, подвигнутой противъ Повелителя Россіи, той вѣрной, терпѣливой, мужественной арміи, которая для спасенія Отечества ни во что ста-

вила самыя чувствительныя потери и самыя неимовѣрныя усилія, которыя спасла его, и которая неменѣе страшна въ необходимыхъ отступленіяхъ, какъ и въ побѣдныхъ шествіяхъ; которая совершила шесть тысячь верстъ, ознаменованныхъ кровавыми битвами, и никогда не теряла бодрости при минутныхъ неудачахъ, никогда не ослѣплялась торжествомъ своимъ; той арміи, которой побѣдоносные орлы парили надъ непріятельскою столицею, и которая геройствомъ своимъ, дисциплиною и человѣколюбіемъ приобрѣла уваженіе отъ арміи, ею побѣжденной и достойной стать съ нею въ споръ, приобрѣла признательность и дружбу націи, которой не надлежало быть,—и не будетъ болѣе ей непріязненною.

Если же судьба призоветъ васъ служить въ мѣстахъ судебныхъ; то изящныя правила, кои почерпнете вы въ семъ домѣ, научатъ васъ, что есть еще другая слава кромѣ военной, и что человѣкъ, которому ввѣряется участь, благополучіе и жизнь гражданъ его, также можетъ достигнуть блистательнаго имени, являя при исправленіи должностей своихъ ту безпристрастную правоту, ту непоколебимую твердость и ту строгую добродѣтель, кои обожать и исполнять вы здѣсь научитесь.

Наконецъ, если вы предназначены будете обогощать ваше Отечество торговлею, незабывайте, что честность должна быть основою оной, и что она одна можетъ сдѣлать васъ достойными тѣхъ выгодъ, кои получите, достойными того уваженія, которое составитъ прелесть и благополучіе жизни вашей.

Но знайте, любезныя дѣти, что къ симъ вожделѣннымъ событіямъ вы можете достигнуть токмо неусыпною прилѣжностію къ наукамъ, уваженіемъ и безпредѣльною покорностію къ достойнымъ вашимъ наставникамъ, которыхъ вы должны почитать вторыми отцами вашими, и которые столь много заслуживаютъ вашу довѣренность и вашу любовь.

(Перепечатано изъ „Вѣстника Европы“ за 1818 г., № 3).

Издаваемая выше рѣчь гр. А. Ф. Ланжерона напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1818 г. № 3, а позже перепечатана въ статьѣ И. А. Стемпковскаго „О трудахъ Дюка Ришелье по части управленія въ полуденной Россіи“ („Записки Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн.“, т. X, стр. 405 и въ оттискахъ ея, Одесса 1877). Въ этомъ видѣ она является трудно находимой, такъ какъ имя Ланжерона въ заглавіи статьи Стемпковскаго не отмѣчено. Мы, желая спасти интересное произведеніе Ланжерона отъ забвенія, снова перепечатываемъ ее въ „Запискахъ“ Общества и выпускаемъ ее отдѣльнымъ оттискомъ. Предстоитъ юбилеи Ришельевскаго Лицея и др. учрежденій, а потому эта перепечатка по нашему мнѣнію не будетъ лишней.

430 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

26 марта 1914 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта Б. В. Варнеке, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: В. Н. Смольяниновъ, А. Я. Шпаковъ, А. В. Флоровскій, св. Ѳ. А. Миляновскій, К. М. Милисавлевичъ, И. С. Спаѳарисъ, М. Ѳ. Шкадышекъ, С. Г. Вилинскій, К. О. Лысаковскій, А. И. Томсонъ, прот. С. В. Петровскій, члены-корреспонденты: А. М. Гамовъ, П. О. Потаповъ, В. И. Василенко.

Слушали:

I. Слѣдующее предложеніе Канцеляріи Министерства Двора отъ 18 февр. 1914 г. № 2210: „Канцелярія по приказанію Министра Императорскаго Двора имѣетъ честь увѣдомить, что доставленный Совѣтомъ Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей для поднесенія Государю Императору XXXI т „Записокъ“ названнаго Общества и „Отчетъ“ его за 1912 г.—представлены по Высокому назначенію и за означенное подношеніе повелѣно благодарить отъ **Высочайшаго Его Императорскаго Величества Имени“.**

Постановили:—Напечатать въ протоколѣ засѣданія.

II. Денежный отчетъ казначея Общества за 1913 г. и заключеніе ревизіонной комиссіи (К. М. Милисавлевичъ, С. П. Шелухинъ) о томъ, что всѣ статьи какъ по приходу, такъ и по расходу найдены правильными и согласными съ оправдательными документами и отчетомъ, а наличность къ 1 января 1914 г. вполнѣ имъ соотвѣтствующей.

Постановили:—Отчетъ утвердить и напечатать въ протоколѣ засѣданія и въ общемъ отчетѣ Общества, а казначея Общества проф. А. Я. Шпакова благодарить за его труды, выразивъ также благодарность и ревизіонной комиссіи.

III. Сообщеніе предсѣдателя о томъ, что 24 февраля, — въ день 25-лѣтія со дня учрежденія Историко-филологическаго Общества при

Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ,—д. чл. М. Г. Попруженко по порученію Совѣта привѣтствовалъ юбиляра слѣдующею рѣчью:

„Императорское Одесское Общ. Ист. и Древн. дало мнѣ лестное порученіе привѣтствовать Историко-филологическое Общество при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ въ день его 25-лѣтняго юбилея.

Старѣйшее въ Одессѣ историческое Общество, приближающееся къ предѣлу своего 75-лѣтняго существованія, съ чувствомъ глубокой радости слѣдило и слѣдитъ за трудами сегодняшняго юбиляра, видя въ его дѣятельности безкорыстное и плодотворное служеніе родной наукѣ вообще, а въ частности—служеніе изученію нашего южнаго края.

Изданіемъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ въ Новороссіи, заботами о выясненіи историческихъ отношеній юга Россіи къ Византіи и балканскимъ славянамъ —Историко-филологическое Общество оказываетъ громадную услугу родной наукѣ. Описаніемъ различнаго рода матеріаловъ—оно облегчаетъ трудъ изслѣдованія родной старины. Императорское Одесское Общ. Ист. и Древн. сердечно поздравляетъ своего молодого, полнаго силъ и энергичнаго сотоварища и искренно желаетъ ему дальнѣйшаго славнаго развитія своей культурной работы".

Постановили:—Принять къ свѣдѣнію.

IV. Сообщеніе д. чл. И. С. Спаѳариса о принадлежащихъ Обществу памятникахъ съ восточными надписями.

Постановили:—Благодарить докладчика.

V. Сообщеніе д. чл. М. Г. Попруженко о книгѣ С. С. Боброва — „Таврида или мой лѣтній день въ Таврическомъ Херсонесѣ" (Николаевъ, въ Черноморской Адмиралтейской типографіи 1798 года). Докладчикъ сообщилъ біографическія свѣдѣнія объ авторѣ, (+1810), который въ свое время пользовался широкою извѣстностью въ литературныхъ кругахъ, и указалъ, что данная его книга должна быть признана однимъ изъ первыхъ трудовъ, въ которомъ сказалось стремленіе русскаго общества ознакомиться съ недавно присоединеннымъ къ Россіи Крымомъ. Бобровъ несомнѣнно зналъ исторію Крыма, но въ силу господствовавшаго литературнаго направленія передалъ ее въ высшей степени туманной, весьма аллегорическй формѣ.

Постановили:—Благодарить докладчика.

VI. Предложеніе Совѣта произвесть баллотировку предложенныхъ въ засѣданіи № 429 въ члены-корреспонденты Л. М. де-Рибаса и Л. М. Меликсетъ-Бекова.

Постановили:—Согласно произведенной баллотировкѣ считать означенныхъ лицъ избранными въ члены-корреспонденты—единогласно.

VIII. Сообщеніе хранителя музея о вновь поступившихъ въ музей предметахъ древности:

Куплено отъ Эдлиса за 15 руб.:
Античный стеклянный сосудъ. (VII. 819).
Отъ *А. Л. Бертье-Делагарда*:
Глиняная амфора съ надписью. (III. 7735).
Бронзовая фибула. (V. 1661).
Бронзовая чаша. (V. 1662).
Отъ генерала *К. М. Милисавлевича*:
Собраніе снимковъ съ витринъ музея Общества. (XIV. 13).

Постановили:—Благодарить жертвователей.

ПРИХОДЪ. Отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей за 1913 годъ РАСХОДЪ.

Статьи	НАИМЕНОВАНІЕ СТАТЕЙ	Суммы Руб. К.
	Остатокъ къ 1-му января составилъ	
	Процентными бумагами:	
	Капиталъ Общества . . . . . Р. 6100	
	Капиталъ преміи имени Д. М. Княжевича . . 2000	
	Р 8100	
	Наличными деньгами:	
	На текущемъ счету по книжкѣ казначея за № 15096 въ Одесск. Общ. взаимн. кредита. . . . . Р. 1099.63	
	На рукахъ у казначея . . . . . „ 111.67	1211 30
	Поступило въ 1913 году наличными деньгами:	
I	ВЫСОЧАЙШЕ дарованнаго пособія	4570 —
II	Процентовъ съ капитала Общества	241 88
III	Процентовъ по текущему счету въ Обществѣ взаимнаго кредита	42 46
IV	Отъ Русскаго Общества пароходства и торговли за аренду Судакской крѣпости.	900
V	За аренду Аккерманской крѣпости	150 —
VI	За аренду Судакской крѣпости отъ крестьянъ .	25 —
VII	Членскихъ взносовъ	70 —
VIII	Выручено отъ продажи изданій Общества и за хранение гардероба отъ посѣтителей	47 57
	Итого	8048 21

Статьи	НАИМЕНОВАНІЕ СТАТЕЙ	Сумма Руб. К.
I	Жалованье хранителю музея (по 1 апрѣля)	150 —
	„ смотрителю музея	348 —
	„ его помощнику	31.
	„ разсыльному 1-му	240
	„ „ 2-му.	240 —
	„ швейцару	240
	„ сторожу при крѣпости въ Судакѣ . .	60
II	Наградныя служащимъ.	130
III	Отопленіе зданія музея	768 16
IV	Освѣщеніе . „ „	184 90
V	Печатаніе „Записокъ“ Общества и „Указателя“. . . .	1441 30
VI	Изготовленіе таблицъ, клише, фотографій	680 15
VII	Покупка древностей	653 —
VIII	Покупка книгъ	45 20
IX	Почтовые и телеграфные расходы.	76 18
X	Клейка и реставрація древностей, хозяйственные и мелкіе расходы	118 45
XI	Ремонтъ зданія музея	42
XII	„ музея въ Керчи	70 —
XIII	Витрины и другія столярныя работы	145 45
XIV	Экстренные расходы и командировки	120 62
XV	Переплетъ книгъ	40 60
XVI	Канцелярскіе расходы	60 —
XVII	Страховка зданія музея	44 79
XVIII	Расконки	60 41
XIV	На текущемъ счету въ Обществѣ взаимнаго кредита по книжкѣ № 15096	1754 17
XX	На рукахъ у казначея	13 83
	Итого	8048 21

Казначей Общества Профессоръ **Алексѣй Шпаковъ.**

431 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

15 апрѣля 1914 года.

Присутствовали: Подъ предсѣдательствомъ члена совѣта Б. В. Варнеке, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: А. Я. Шпаковъ, А. В. Флоровскій, Е. А. Шуманскій, баронъ Э. А. Гойнингенъ-фонъ-Гюне, М. Ѳ. Шкадышекъ, К. М. Милисавлевичъ, С. Г. Вилинскій, А. Е. Егоровъ, К. О. Лысаковскій, Д. К. Третьяковъ, И. С. Спаѳарисъ, члены-корреспонденты: А. В. Добровольскій, В. И. Василенко, А. М. Гамовъ, гости: Х. С. Чернявскій и П. Л. Тучапскій.

Открывъ засѣданіе, предсѣдатель сообщилъ о смерти одного изъ старѣйшихъ дѣйствительныхъ членовъ Общества Георгія Петровича Алексѣева (избр. въ 1871 г.) и предложилъ почтить память его вставаніемъ, что и было исполнено.

Слушали:

1) Предложеніе Совѣта о томъ, чтобы ст. 3 протокола 427 засѣданія 17 декабря 1913 г. была принята въ слѣдующей редакціи: „Совѣтъ Общества обращается къ г.г. дѣйствительнымъ членамъ, проживающимъ въ Россіи, съ приглашеніемъ о присылкѣ по мѣрѣ возможности своихъ членскихъ взносовъ".

Постановили:—Принять эту редакцію въ отмѣну прежней.

2) Предложеніе Совѣта объ избраніи въ члены корреспонденты: 1) гвардіи полковника Михаила Михайловича Кіріакова, внука одного изъ основателей Общества, въ виду изъявленнаго имъ желанія содѣйствовать трудамъ Общества сообщеніемъ матеріаловъ изъ семейнаго архива и 2) Харлампія Семеновича Чернявскаго (преподавателя одесскихъ учебныхъ заведеній) въ виду его занятій древностями Аккермана и 3) преподавателя исторіи Павла Лукича Тучапскаго.

Постановили:—Согласно уставу баллотировать въ слѣдующемъ засѣданіи.

3) Сообщеніе д-чл. А. Я. Шпакова объ одномъ памятникѣ др. Руси. (Допросныя рѣчи разныхъ гостей иноземцовъ, въ уложеньяхъ ихъ въ нѣмецкихъ правахъ въ судномъ какомъ великомъ дѣлѣ двумъ свидѣтелямъ вѣрять-ли? (Моск. Главн. Арх. мин ин. дѣлъ, приказн. дѣла $\frac{7154}{1646}$ марта 13, № 20).

Постановили:—Благодарить докладчика.

4) Сообщеніе д.-чл. Б. В. Варнеке о книгѣ М. И. Ростовцева—«О росписи керченскихъ катакомбъ».

Постановили:—Благодарить докладчика.

5) Сообщеніе д. чл. С. А. Жебелева—«Θукидидъ VI 20, 4».

Постановили:—Благодарить докладчика, а докладъ напечатать въ протоколѣ засѣданія.

6) Сообщеніе хранителя музея о томъ, что въ музей поступили слѣдующіе предметы древностей:

Отъ Е. А. Шуманскаго.

IX. 4819. Связка стеклянныхъ золоченныхъ бусъ.

IX. 4820. Связка цвѣтныхъ бусъ.

IV. 1452. Женская терракотовая головка.

Отъ Л. А. Чижикова.

Воспроизведеніе плановъ Суджака и Геленджика, сдѣланныхъ французскимъ инженеромъ Лафитомъ—Клаве въ 1784 г.

Постановили:—Благодарить жертвователей.

Θукидидъ VI 20, 4.

Стремясь отвратить аѳинянъ отъ похода въ Сицилію, Никій въ началѣ своей второй рѣчи, приводимой Θукидидомъ въ VI 20—23, указываетъ, между прочимъ, на то, что у двухъ изъ тѣхъ сицилійскихъ государствъ, противъ которыхъ, главнымъ образомъ, и предпринимается походъ, у Селинунта и Сиракусъ, имѣются въ изобиліи „денежныя средства, или частныя, или, какъ у селинунтянъ, хранящіяся въ святыняхъ, а сиракусяне получаютъ дань отъ нѣкоторыхъ изъ подвластныхъ имъ варваровъ“ — χρήματα τ' ἔχουσι, τὰ μὲν ἴδια, τὰ δὲ καὶ ἐν τοῖς ἱεροῖς ἔστι Σελινουντίοις· Συρακοσίοις δὲ καὶ ἀπὸ βαρβάρων τινῶν ἀπ' ἀρχῆς φέρεται. Въ приведенной фразѣ слово Σελινουντίοις смущаетъ толкователей Θукидида: Classen предлагалъ исправить текстъ такъ: ἐν τοῖς ἱεροῖς ἔστι Σελινουντίοις δὲ καὶ Συρακοσίοις и пр., Herwerden: ἐν τοῖς ἱεροῖς Συρακοσίοις δὲ καὶ Σελινουντίοις и пр. Но мы ничего не знаемъ о томъ, чтобы селинунтянамъ, подобно сиракусянамъ, кто-либо былъ подвластенъ изъ „варваровъ“ (т. е. сикуловъ). Papabasileios предлагалъ вставить послѣ Σελινουντίοις καὶ Συρακοσίοις, что̀ въ виду дальнѣйшаго повторнаго Συρακοσίοις δὲ представляло бы нѣкоторое неудобство. Наконецъ, Weidner думалъ, что Σελινουντίοις къ первоначальному тексту Θукидида не принадлежитъ, и предлагалъ Σελινουντίοις выкинуть. Это предложеніе соблазнило Steup'a (3-я переработка VI книги Θукидида въ изданіи Classen'a, Berlin 1905), который заключаетъ Σελινουντίοις въ скобки и замѣчаетъ: „совершенно невѣроятно, будто только селинунтскіе храмы служили мѣстомъ храненія денегъ“.

Мнѣ кажется, текстъ Θукидида ни въ какой операціи не нуждается, и правильность его можетъ быть защищена при помощи одного археологическаго соображенія, упущеннаго изъ виду толкователями Θукидида. Изслѣдованіе сохранившихся остатковъ сицилійскихъ храмовъ, произведенное Koldewey'емъ и Puchstein'омъ (Die griechischen Tempel in Unteritalien und Sicilien, Berlin 1899), показало, что до конца V в. до Р. Хр. именно Селинунтъ былъ изъ всѣхъ сицилійскихъ городовъ наиболѣе богатъ храмами: ихъ было тамъ восемь, тогда какъ въ Акрагантѣ три, въ Сиракусахъ два. Такимъ образомъ Θукидидъ былъ совершенно правъ, когда онъ хотѣлъ подчеркнуть обиліе денежныхъ средствъ, хранящихся именно въ селинунтскихъ святыняхъ, предпочтительно предъ прочими сицилійскими святынями. Принадлежали ли

деньги, хранившіяся въ селинунтскихъ святыняхъ, государству, или онѣ составляли собственность самихъ святынь? Krüger находилъ страннымъ, почему Θукидидъ не выразился болѣе точно, что тутъ рѣчь идетъ о государственныхъ суммахъ, въ противоположность частнымъ (τὰ μὲν ἴδια), тѣмъ болѣе, что, говоря объ эгестянахъ (VI 6, 3. 8, 2), онъ опредѣленно различаетъ деньги государственныя (ἐν τῷ κοινῷ) и деньги храмовыя (ἐν τοῖς ἱεροῖς). Поэтому Krüger предполагалъ, что предъ τά δὲ καὶ ἐν τοῖς ἱεροῖς выпало τὰ δὲ κοινά, а Steup думаетъ, что нужно читать: τὰ δὲ καὶ ἐν τοῖς <κοινοῖς καὶ τοῖς> ἱεροῖς. И эти операціи, на мой взглядъ, излишни; что и въ Селинунтѣ и въ Сиракусахъ были государственныя суммы, это разумѣется само собой; Никій хочетъ подчеркнуть, что, помимо ихъ, и въ Селинунтѣ и въ Сиракусахъ были частныя χρήματα, а въ Селинунтѣ сверхъ того и χρήματα ἐν τοῖς ἱεροῖς, т. е. храмовыя сокровища; съ формальной стороны послѣднимъ противополагаются тѣ суммы, которыя сиракусяне получали „отъ варваровъ“.

С. Жебелевъ.

432 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

13 мая 1914 года.

Присутствовали: Подъ предсѣдательствомъ члена совѣта Б. В. Варнеке, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: А. Я. Шпаковъ, К. М. Милисавлевичъ, А. Е. Егоровъ, С. Г. Вилинскій, М. Ѳ. Шкадышекъ, В. Н. Ренненкампфъ, члены-корреспонденты: А. В. Добровольскій, А. М. Гамовъ, Б. А. Бауэръ, В. Э. Крусманъ, гость П. Л. Тучапскій.

Слушали:

1) Сообщеніе Совѣта о командированіи депутатовъ на предстоящій XVI археологическій Съѣздъ въ Псковѣ (съ 22-го іюля по 6 августа 1914 г.).

Постановили:—Избрать депутатами дѣйствит. членовъ—М. Г. Попруженко, А. Я. Шпакова, С. Г. Вилинскаго и А. В. Флоровскаго.

2) Сообщеніе Совѣта о томъ, что временно сложившій въ виду болѣзни свои обязанности секретарь Общества М. Г. Попруженко вступилъ въ должность 17 апрѣля 1914 г.

Постановили:—Принять къ свѣдѣнію.

3) Предложеніе Совѣта баллотировать въ члены-корреспонденты предложенныхъ въ засѣданіи 15 апрѣля 1914 г. Х. С. Чернявскаго, М. М. Кириакова и П. Л. Тучапскаго.

Постановили: Считать избранными единогласно.

4) Сообщеніе П. Л. Тучапскаго „Иванъ III и зарубежные евреи". (По поводу статьи В. И. Огородникова).

Постановили:—Благодарить докладчика, а докладъ напечатать въ протоколѣ засѣданія.

5) Сообщеніе хранителя музея о вновь поступившихъ предметахъ древности. Отъ *А. В. Добровольскаго* — юбилейный серебряный Романовскій рубль 1913 г., *Ф. А. Юдта*—18 кусковъ костей животнаго, задѣланныхъ въ извести (найдены въ каменоломнѣ на рѣкѣ Селянихѣ)—(I—857);—5 наконечниковъ бронзовыхъ (V—1663—67), *Ю. Ю. Марти*—красноглиняный рельефный сосудъ (III—7736).

Постановили:—Благодарить жертвователей.

Иванъ III и зарубежные евреи (Хозя Кокосъ и Захарія Гуилъ-Гурсисъ).

(По поводу статьи В. И. Огородникова).

Статья В. И. Огородникова подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, помѣщенная въ „Сборникѣ статей въ честь Дмитрія Александровича Корсакова“ (Казань 1913 г. стр. 52—75), освѣщая, по крайней мѣрѣ, въ одной своей части, „ту дипломатическую систему, при помощи которой Ивану III удалось совершить великое дѣло окончательнаго освобожденія Россіи отъ Монгольскаго ига“ (стр. 56), вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ очень много цѣннаго и для исторіи южной Россіи во второй половинѣ XV в. Нельзя сказать, чтобы тѣ документальныя данныя, на которыя опирается г. Огородниковъ въ своей работѣ, отличались своей новизной: 41-й томъ „Сборника Императорскаго русскаго историческаго Общества“, содержащій эти данныя, вышелъ въ 1884 г., а часть ихъ была опубликована еще въ 1863 г. («Записки Одес. О-ва ист. и древн.» т. V-й. Малиновскій А. Ѳ. „Историческое и Дипломатическое собраніе дѣлъ, происходившихъ между Россійскими Великими Князьями и бывшими въ Крымѣ Татарскими царями съ 1462 по 1533 годъ“. Дипломатическое приложеніе). Но г. Огородниковъ, обнаруживая много ученаго остроумія и глубокое знакомство съ литературой предмета, чрезвычайно умѣло использовалъ эти давно уже извѣстныя документальныя данныя для созданія изъ отрывочныхъ, фрагментарныхъ указаній источниковъ цѣльной картины. Тѣмъ не менѣе и въ этой картинѣ есть дефекты: какъ мы постараемся доказать ниже, нѣкоторые спорные вопросы и въ работѣ г. Огородникова остались неразрѣшенными, вопреки его собственному мнѣнію на этотъ счетъ.

Передадимъ вкратцѣ содержаніе статьи г. Огородникова. Вначалѣ онъ характеризуетъ положеніе евреевъ на Руси до княженія Ивана III, причемъ указываетъ, что евреи мѣстные, „поселившись у насъ издавна, жили наряду съ прочимъ свободнымъ населеніемъ и пользовались полнымъ признаніемъ своихъ правъ со стороны государственной власти“ (стр. 53). Что касается зарубежныхъ евреевъ, „приравниваемыхъ вообще къ чужеземцамъ“, то, начиная съ XIV в., даже самое допущеніе ихъ въ Россію возможно только съ согласія „заинтересованныхъ правительствъ“. Такая политика продолжается и въ Московскомъ государствѣ, причемъ она „принимаетъ мало-помалу крайнія формы“, что объясняется опасеніемъ „за цѣлость православной вѣры, нравовъ и всего уклада народной жизни“ (стр. 54—55). Но при Иванѣ III, „съ превращеніемъ Московскаго княжества въ націо-

нальное великорусское государство", возникаетъ чисто дѣловой взглядъ на иностранцевъ: „чужеземцы... могутъ удовлетворять практическимъ нуждамъ страны, лишь бы только они не наносили ущерба ея главнымъ основамъ и традиціямъ" (стр. 55). Такое измѣненіе во взглядѣ на иностранцевъ вообще отразилось и на отношеніи къ зарубежнымъ евреямъ. Это иллюстрируется сношеніями Ивана III съ двумя кафинскими (Ѳеодосійскими) евреями—Хозей Кокосомъ и Захаріей Гуилъ-Гурсисомъ. Далѣе г. Огородниковъ подробно разсказываетъ на основаніи документовъ, содержащихся въ посольскихъ книгахъ Моск. Главн. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ (Дѣла Крымскія, №№ 1 и 2) и опубликованныхъ въ 41-мъ томѣ «Сборника Имп. рус. ист. Общества», исторію сношеній прежде всего съ Хозей Кокосомъ. Кокосъ былъ посредникомъ при заключеніи столь важнаго для Ивана III союза его съ Крымскимъ „царемъ" Менгли-Гиреемъ. Въ 1472 или 1473 г. вел. князь поручаетъ Кокосу (очевидно, уже раньше заслужившему довѣріе Ивана III) передать Менгли-Гирею „челобитную грамоту" о заключеніи оборонительнаго и наступательнаго союза. Хотя Менгли-Гирей и самъ склонялся къ союзу съ Иваномъ III (у нихъ было два общихъ врага—польскій король Казимиръ IV, у котораго нашелъ убѣжище свергнутый Менгли-Гиреемъ его старшій братъ Нурдовлатъ, и ханъ Золотой Орды Ахматъ), тѣмъ не менѣе онъ выразилъ только желаніе „учинить" съ вел. княземъ такія же „братство и дружбу" какъ и съ Казимиромъ IV. Кокосъ прислалъ въ Москву съ своимъ шуриномъ Исупомъ ханскій ярлыкъ, письмо ширинскаго князя Мамака, на котораго, повидимому, Кокосъ имѣлъ вліяніе и который былъ вліятельнымъ совѣтникомъ хана, и собственныя письма, писанныя по еврейски. Дальнѣйшіе переговоры черезъ толмача Иванчу Бѣлáго и черезъ боярина Никиту Вас. Беклемишева Иванъ III ведетъ опять таки при посредствѣ Кокоса, причемъ велитъ Беклемишеву передать Кокосу „поклонъ", „поминки" (извинившись за ихъ „легкость", потому что и самъ посолъ „ѣхалъ легко") и сказать ему: „И ты бы ми тѣмъ послужилъ до конца: какъ еси почялъ мое дѣло дѣлати, такъ бы еси и кончалъ. А дастъ Богъ, ино наше жалованіе тобѣ будетъ" (стр. 59). Беклемишеву и удалось получить благодаря посредничеству Кокоса отъ Менгли-Гирея „шертной ярлыкъ". За то, что Кокосъ „великому князю дружбу свою чинилъ", онъ получилъ отъ Ивана III новый „поклонъ". Оказывалъ Кокосъ и другія услуги великому князю: оказалъ содѣйствіе „изъ дружбы" къ вел. князю въ освобожденіи русскихъ купцовъ, захваченныхъ въ плѣнъ ширинскимъ княземъ Мамакомъ [1]), долженъ былъ употребить свое вліяніе въ Кафѣ

[1]) Хотя при этомъ случаѣ Кокосъ обнаружилъ большое корыстолюбіе, заявляя о значительныхъ расходахъ, будто бы понесенныхъ имъ, тогда какъ въ дѣйствительности русскіе купцы сами заплатили «вздарье» за свое освобожденіе, но вел. князь все таки не измѣнилъ своего благосклоннаго отношенія къ Кокосу (стр. 58, 59—60).

въ дѣлѣ возвращенія въ Москву московскихъ купцовъ и ихъ товаровъ, захваченныхъ кафинцами „безлѣпъ“, выступалъ въ роли свата (онъ предлагалъ въ 1472 или 1473 г. Ивану III женить своего сына Ивана на дочери Мангупскаго православнаго князя Исайко; сватовство налаживалось, будущимъ родственникамъ передавались поклоны и поминки, Кокосу было поручено узнать: „что взятка (приданаго) съ дѣвкою, на колко тысячь золотыхъ“?, но въ 1475 г. Мангупъ былъ взятъ вел. визиремъ Магомета II Ахметомъ-пашей, а кн. Исайко былъ или умерщвленъ, или отправленъ въ Константинополь вмѣстѣ съ семействомъ), покупалъ для вел. князя „лалы (рубины) да яхонты да зерна жемчужные великіе“ и исполнялъ еще какія-то порученія (стр. 58—62). Г. Огородниковъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что „гордый своимъ царственнымъ достоинствомъ и родственными связями съ византійскимъ императорскимъ домомъ, Иванъ III совсѣмъ инымъ является въ сношеніяхъ съ едва замѣтнымъ, но весьма нужнымъ и полезнымъ ему кафинскимъ евреемъ“. Объясняетъ онъ это ролью Кокоса въ разрѣшеніи татарскаго вопроса, бывшаго „самымъ больнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе жизненнымъ вопросомъ въ международной политикѣ Ивана III“ (стр. 63).—Остальная часть статьи г. Огородникова посвящена сношеніямъ „другого кафинскаго еврея“ Захаріи Гуилъ-Гурсиса съ Иваномъ III. Эти сношенія г. Огородниковъ рисуетъ въ такомъ видѣ (здѣсь-то именно и проявилось то умѣнье изъ отрывочныхъ намековъ возсоздавать цѣльную картину, о которомъ мы говорили выше). Захарія Гуилъ-Гурсисъ былъ весьма богатымъ человѣкомъ съ большимъ вліяніемъ въ коммерческомъ и финансовомъ мірѣ Кафы. У него, предполагаетъ г. Огородниковъ, вышли какія-то столкновенія съ амазійскимъ (на южномъ, малоазійскомъ побережьи Чернаго моря) губернаторомъ принцемъ Баязетомъ и когда Баязетъ сталъ султаномъ по смерти Магомета II, Захарія искалъ защиты у Московскаго вел. князя. Въ концѣ 1483 или въ началѣ 1484 г. Гуилъ-Гурсисъ посылаетъ съ москов. купцомъ Гавриломъ Петровымъ письмо (не дошедшее до насъ) вел. князю съ просьбой о дозволеніи ему пріѣхать и поселиться въ Россіи. Отвѣтная грамота вел. князя отъ 14 марта 1484 г. на имя „евреянина Захаріи Скарьи“ содержитъ въ себѣ не только разрѣшеніе пріѣхать, но и приглашеніе на службу („А похочешь намъ служити, и мы тебя жаловати хотимъ“) и обѣщаніе въ случаѣ нежеланія оставаться отпустить „доброволно, не издержавъ“. Грамота эта не застаетъ Захарію въ Кафѣ (онъ былъ гдѣ-то „за моремъ“) Въ 1486 г. Захарія опять проситъ въ письмѣ (также не сохранившемся) черезъ московскаго купца Семена Хозникова разрѣшенія пріѣхать въ Россію Въ отвѣтъ онъ получаетъ повторную грамоту, тождественную съ первой (отъ 18 окт. 1486 г. черезъ посла Дм. Вас. Шеина и подъячаго Митю Нардукова), и съ этой грамотой отправляется въ Москву. Но по дорогѣ напалъ на него волошскій господарь Стефанъ IV, ограбилъ и предалъ жестокой пыткѣ.

Захарія принужденъ былъ вернуться назадъ. Изъ Копаріо (городъ на р. Кубани) онъ пишетъ великому князю, вѣроятно, подробное сообщеніе о своихъ злоключеніяхъ. Затѣмъ онъ ѣдетъ въ Кафу и оттуда снова пишетъ Ивану III (оба письма до насъ не дошли). Наконецъ, онъ отправляетъ изъ Копаріо съ армяниномъ Богданомъ третье письмо, написанное по латыни и сохранившееся въ современномъ ему русскомъ переводѣ. Въ этомъ письмѣ Захарія разсказываетъ „повѣсть бѣдъ своихъ прошлыхъ", ссылаясь при этомъ на два своихъ предыдущихъ письма, спрашиваетъ, ѣхать-ли ему со всѣмъ своимъ „домомъ" или только съ „нѣкими малыми людми" и проситъ прислать довѣреннаго человѣка, знающаго безопасную дорогу. Въ заключеніе Захарія говоритъ: „а о всемъ, его-же взмогу надобьѣ осподарьствію твоему по сѣмъ странамъ, есмь въ твоемъ приказѣ, аки твой истинной слуга во всѣхъ твоихъ". Иванъ III черезъ того-же армянина Богдана посылаетъ Захаріи, называя его „княземъ таманскимъ", отвѣтную грамоту отъ 18 марта 1488 года съ милостивымъ приглашеніемъ пріѣхать и обѣщаніемъ пожаловать за вѣрную службу. Вмѣстѣ съ тѣмъ посылаются грамоты Менгли-Гирею и бояр. Д. В. Шеину, все еще бывшему въ Крыму, о посылкѣ ханомъ двухъ проводниковъ въ „Черкасы" къ Захаріи и о присоединеніи Шеинымъ и своего проводника. Менгли-Гирей, опасаясь гнѣва султана, вассаломъ котораго онъ былъ, отказывается исполнить просьбу Ивана III и Захаріи не удается и на этотъ разъ поѣхать въ Москву. Тогда уже осенью 1489 г. въ Кафу былъ посланъ Мичура Домановъ и кафинскій „паробокъ селянинъ" Данило, человѣкъ Менгли-Гирея, съ назначеніемъ Захаріи мѣста и сроковъ встрѣчи весной 1490 г. съ посланными изъ Москвы проводниками. Однако и на этотъ разъ благодаря появленію золотоордынскихъ татаръ въ степи между Дономъ и Днѣпромъ этого намѣренія не удалось осуществить. Не удалось это сдѣлать и весной 1491 г.: проводники донесли послу кн. Ромодановскому, что „нельзѣ Захарьѣ ѣхати, замятня у нихъ велика; а нелзѣ тому и свестися (устроиться): человѣкъ Захарья тяжелъ, семья велика, подниматися ему надобе тяжело". Могъ-бы помочь Менгли-Гирей, но, по словамъ кн. Ромодановскаго, „царю того учинить не смѣть: турьскому Захарья великой грубникъ". Черезъ 9 лѣтъ, въ 1500 г., Захарія оказывается уже на службѣ у Менгли-Гирея (объясняетъ это г. Огородниковъ различными перемѣнами въ отношеніи Баязета II къ Менгли-Гирею), но великій князь все еще хочетъ привлечь Захарію, называя его „Фрязиномъ, жившимъ въ Черкасѣхъ", къ себѣ на службу: въ „памяти" послу кн. Ив. Сем. Кубенскому Иванъ III напоминаетъ, что Захарія неоднократно „присылывалъ къ великому князю а хачивалъ служити" и поэтому въ случаѣ его желанія посолъ долженъ пригласить его въ Москву и обнадежить жалованьемъ. Изъ документовъ не видно, чѣмъ кончилось это начинаніе великаго князя. Г. Огородниковъ склоненъ объяснить эту настойчивость великаго князя вліяніемъ принадлежав-

шихъ къ ереси „жидовствующихъ“ извѣстнаго дьяка Ѳедора Васильевича Курицына и его брата дьяка Ивана Волка (стр. 67—75).

Насколько личность Хози Кокоса не внушаетъ никакихъ сомнѣній (единственное разногласіе существуетъ только между Г. Ѳ. Карповымъ, редакторомъ 41-го тома Сб. И. Р. И. О., и г. Огородниковымъ, по поводу того, былъ-ли Кокосъ кафинскимъ консуломъ, но и оно разъяснено г. Огородниковымъ въ отрицательномъ смыслѣ—см. стр. 60, прим. 2), настолько-же неясной остается и послѣ работы г. Огородникова личность Захаріи Гуилъ-Гурсиса. Прежде всего въ собственномъ разсказѣ г. Огородникова есть хронологическое противорѣчіе, значительно нарушающее стройность его построенія: на стр. 69-й онъ говоритъ, что Захарія Гуисъ-Гурсисъ, получивши въ октябрѣ или ноябрѣ *1486 г.* отъ Ивана III черезъ посла боярина Дм. Вас. Шеина и подъячаго Митю Нардукова повторную „опасную грамоту“ (отъ 18 октября), съ этой новой грамотой отправился въ Москву, по дорогѣ на него напалъ волошскій господарь Стефанъ IV, Захарія принужденъ былъ вернуться и изъ Копаріо отправилъ 8-го іюня 1487 г. съ армяниномъ Богданомъ письмо Ивану III; на страницѣ-же 65-й дату этой повторной грамоты онъ опредѣляетъ 18 окт. *1487 г.* Эта дата, дѣйствительно, правильна (см. Сб. И. Р. И. О. т. 41-й, стр. 71 и „Дипломат. приложеніе“ къ труду А. Ѳ. Малиновскаго. указан. выше: Зап. Одес. Об-ва Ист. и Древн. V, стр. 272, № 8). Самое посольство Дм. Вас. Шеина отправилось, по сообщенію А. Ѳ. Малиновскаго, 23 октября *1487 г.* (Зап. Одес. О-ва Ист. и Древн. V, стр. 202—203). Итакъ, ясно, что Захарія Гуилъ-Гурсисъ отправился въ Москву задолго до полученія повторной грамоты, адресованной, напомнимъ, на имя „евреянина Захаріи Скарьи“. Вмѣстѣ съ тѣмъ любопытно, что армянинъ Богданъ долженъ былъ привезти письмо Захаріи Гуилъ-Гурсиса въ Москву до отправленія посольства Дм. Вас. Шеина (письмо Гуилъ-Гурсиса датировано 8 іюня 1487 г., а посольство, какъ только что было указано, отправилось 23 октября того-же года). Почему-же посольство повезло отвѣтъ на письмо Захаріи, посланное съ Семеномъ Хозниковымъ, а отвѣтъ на письмо того-же Захаріи (притомъ отвѣтъ, тождественный по содержанію съ первымъ), посланное съ армяниномъ Богданомъ, былъ посланъ съ тѣмъ-же Богданомъ только въ мартѣ 1488 г.? Вспомнимъ, что грамота отъ 18-го октября 1487 г. была послана на имя „евреянина Захаріи Скарьи“, а грамота отъ 18 марта была адресована „таманскому князю Захаріи Гуилъ-Гурсису“. Невольно является вопросъ, одно-ли и то-же лицо Захарія Скарья и Захарія Гуилъ-Гурсисъ. А. Ѳ. Малиновскій въ своемъ много разъ указанномъ трудѣ (Зап. Одес. Об-ва Ист. и Древн., т. V. Одесса 1863. Самый трудъ относится къ 1793 г.) смотритъ на „Захарію Скару“ и „Таманскаго князя Гуйгурсиса“, какъ на два разныхъ лица (стр. 203), о чемъ упоминаетъ и г. Огородниковъ (стр. 64), оставляя это мнѣніе безъ разсмотрѣнія, очевидно, какъ не

заслуживающее возраженій. А между тѣмъ, намъ кажется, заслуживаетъ вниманія съ этой точки зрѣнія то обстоятельство, что только въ двухъ первыхъ грамотахъ на имя Захаріи (отъ 14 марта 1484 г. и 18 окт. 1487 г.) онъ называется „евреянинъ Захарія Скарья", въ другихъ-же документахъ рѣчь идетъ уже о „князѣ Таманскомъ", „Черкасинѣ" и о „Фрязинѣ, жившемъ въ Черкасѣхъ" (Сб. И. Р. И. О. т 41-й, стр. 41 и 71, 72, 73 и 77, 114, 309). Ф. К. Брунъ („Черноморье", ч. I. Одесса 1879 г., стр. 214—216) принимаетъ, подобно г. Огородникову, Скарью и Гуилъ-Гурсиса за одно лицо, но полагаетъ, что „князь Таманскій" былъ вовсе не „евреянинъ", а итальянскій князь Матреги (Тамани) Захарія Гуизольфи, лишенный своихъ владѣній турками. Основываясь на итальянскихъ документахъ (письмо Захаріи Гуизольфи къ протекторамъ генуэзскаго банка св. Георгія отъ 12 авг. 1482 г.), Брунъ утверждаетъ, что Захарія Гуйгурсисъ и Захарія Гуизольфи — одно лицо. Въ указанномъ письмѣ Захарія Гуизольфи жалуется, что на пути въ Геную его ограбилъ волошскій воевода Стефанъ. Названіе Захаріи „евреяниномъ" Брунъ объясняетъ ошибкой писца: онъ думаетъ, что здѣсь допущено искаженіе слова „иверіецъ". Г. Огородниковъ опровергаетъ мнѣніе Бруна указаніемъ на письмо Гуилъ-Гурсиса (отъ 8 іюня 1487 г.), въ которомъ онъ говоритъ, что былъ ограбленъ Стефаномъ не на пути въ Геную, а когда „шолъ наитти осподарьствія" вел. князя московскаго. Кромѣ того Гуилъ-Гурсисъ именуетъ себя не княземъ, а просто „рабомъ Захарьею Гуилъ-Гурсисомъ", а, по мнѣнію г. Огородникова, „никакія, даже самыя исключительныя обстоятельства не могли-бы заставить его умолчать о своемъ званіи". Что̀ касается названія „евреянинъ", то оно повторяется въ двухъ грамотахъ, написанныхъ черезъ три года одна послѣ другой (1484-й и 1487-й г.), и, по заключенію г. Огородникова, поэтому нельзя его считать ошибкой. Но наиболѣе вѣское доказательство еврейской національности Таманскаго князя Гуилъ-Гурсиса г. Огородниковъ находитъ въ посланіи къ Дм. Вас. Шеину инока Саввы съ Сѣнного острова (что̀ на Ладожскомъ озерѣ); въ этомъ посланіи авторъ упоминаетъ о бесѣдахъ Шеина, когда онъ былъ посломъ, „с жидовином с Захаріею с Скарою", приписывая этимъ бесѣдамъ вредное вліяніе на чистоту православія Шеина. („На жидовъ и на еретики посланіе" Чтенія въ О-вѣ ист. и др. рос., 1902 г., кн. III, стр. V, VII и I). Можно ли считать всѣ эти замѣчанія г. Огородникова (стр. 64—66) вполнѣ убѣдительными, какъ думаетъ онъ самъ („посланіе инока Саввы устраняетъ послѣднее сомнѣніе относительно полнаго различія между евреемъ Гуилъ-Гурсисомъ и матрегскимъ владѣтелемъ Захаріей Гуизольфи"—стр. 67)? Конечно, если думать, вмѣстѣ съ Ф. К. Бруномъ и г. Огородниковымъ, что всѣ грамоты и другія документальныя указанія, относящіяся къ Захаріи Скарьѣ и Захаріи Гуилъ-Гурсису, имѣютъ въ виду одно и то же лицо, то г. Огородниковъ совершенно правъ. Но намъ кажется, что именно этотъ вопросъ нельзя

считать окончательно рѣшеннымъ и что, можетъ быть, правъ А. Ѳ. Малиновскій, различая эти два лица. Если принять это предположеніе, многое станетъ болѣе правдоподобнымъ и въ объясненіи личности Гуилъ-Гурсиса Ф. К. Бруномъ. Тогда болѣе понятнымъ станетъ и названіе Гуилъ-Гурсиса „Фрязиномъ, жившимъ въ Черкасѣхъ". Между прочимъ, подпись Захаріи Гуизольфи въ итальянскомъ документѣ передана „Sacharias de guixulfis" (Брунъ, стр. 216), подпись же Гуилъ-Гурсиса была прочитана Малиновскимъ, какъ „Гуйгурсисъ". Такъ какъ письмо Гуилъ-Гурсиса извѣстно намъ только въ переводѣ съ латинскаго, то весьма возможна ошибка въ транскрипціи. Съ другой стороны откуда взялся титулъ „князя Таманскаго" въ отвѣтной грамотѣ (18 марта 1488 г.) Ивана III на письмо Гуилъ-Гурсиса? Очевидно, армянинъ Богданъ объяснилъ, кто такой этотъ Гуилъ-Гурсисъ. Едва ли возможно допустить, чтобы всего за полгода передъ тѣмъ (18 окт. 1487 г.) тому же „князю Таманскому" писали просто, какъ „евреянину Захаріи Скарьѣ". Въ объясненіи г. Огородникова, что почетное прозваніе „князя таманскаго" дали Гуилъ-Гурсису современники въ виду его особенно прочныхъ связей съ Таманью, въ соединеніи съ его богатствомъ и вліятельнымъ положеніемъ, звучитъ явная натяжка. Если допустить, что Захарія Скарья или Скара и Захарія Гуилъ-Гурсисъ—два разныхъ лица, то и бесѣды Шеина со Скарой, о которыхъ упоминаетъ инокъ Савва, вполнѣ возможны: вѣдь именно черезъ Шеина была переслана Захаріи Скарьѣ великокняжеская грамота отъ 18 окт. 1487 г.

Итакъ, вопросъ о личности Захаріи Гуилъ-Гурсиса, по нашему мнѣнію, которое мы старались выше обосновать, все еще не можетъ считаться окончательно разрѣшеннымъ. Если, какъ намъ кажется, Захарія Гуилъ-Гурсисъ былъ, какъ полагаетъ Ф. К. Брунъ, дѣйствительно владѣтельный князь Таманскій, хотя бы и „бывшій", то старанія Ивана III привлечь его на свою службу будутъ вполнѣ понятны и безъ догадокъ о вліяніи дьяка Ѳед. Вас. Курицына: вѣдь служилые князья только усиливали блескъ княженія перваго „государя всея Руси".

Если, какъ мы склонны думать, „евреянинъ Захарія Скарья" и Захарія Гуилъ-Гурсисъ — разныя лица, то является вопросъ, кто же былъ этотъ Захарія Скарья. Ак. Соболевскій (Переводная литература Московской Руси XIV—XVII в.в. СПБ. 1903 стр. 397) высказалъ мысль, что Захарія Скара, съ которымъ велъ бесѣды, по словамъ инока Саввы, Дм. Вас. Шеинъ, не кто иной, какъ новгородскій ересіархъ жидовствующихъ того же имени, и что Шеинъ могъ бесѣдовать съ нимъ по дорогѣ въ Крымъ черезъ Кіевъ, откуда ересіархъ, какъ извѣстно, пріѣхалъ въ Новгородъ. Г. Огородниковъ опровергаетъ это мнѣніе ак. Соболевскаго указаніемъ на то, что, во первыхъ, „Московскіе послы ѣздили въ Крымъ не черезъ Кіевъ" и, во вторыхъ, „бояринъ Шеинъ отправился въ свое посольство въ октябрѣ

1487 г., т. е. 17 лѣтъ спустя послѣ прибытія въ Новгородъ ересіарха (8 ноября 1470 г.)“ (стр. 67). Но не могъ ли ересіархъ за эти 17 лѣтъ переселиться въ Кафу, откуда и посылать свои просьбы Ивану III о разрѣшеніи переѣхать въ Москву? Вѣдь въ Москвѣ именно въ это время развивалась и крѣпла ересь жидовствующихъ и ересіархъ въ силу этого могъ испытывать желаніе личнымъ своимъ содѣйствіемъ способствовать ея усиленію. Ересіархъ „Схарія“ исчезаетъ изъ исторіи секты уже въ началѣ 70-хъ г.г. XV в. (Голубинскій Ист. рус. церкви т. II, пол. I. М. 1900, стр. 561) и въ допущеніи его переселенія въ Крымъ нѣтъ ничего невозможнаго. Конечно, все это—лишь предположенія, но ясно, что они допустимы и послѣ статьи г. Огородникова.

П. Тучапскій.

433 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

17 октября 1914 года.

Присутствовали: Подъ предсѣдательствомъ члена совѣта Б. В. Варнеке, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: В. Н. Смольяниновъ, А. Я. Шпаковъ, Е. А. Шуманскій, А. В. Флоровскій, А. П. Доброклонскій, Е. П. Трифильевъ, К. О. Лысаковскій, Е. Н. Щепкинъ, Б. М. Ляпуновъ, члены-корреспонденты—П. Л. Тучапскій, В. Н. Василенко и Х. С. Чернявскій.

Открывая засѣданіе, предсѣдатель Б. В. Варнеке обратился къ присутствующимъ со слѣдующей рѣчью:

„При печальныхъ условіяхъ открываю сегодняшнее собраніе нашего дорогого Общества, первое послѣ лѣтняго перерыва. Разставаясь весной, мы надѣялись радостно вступить осенью въ новый юбилейный годъ, который-бы достойно завершилъ славное 75-лѣтнее существованіе нашего Общества, усердно поработавъ за лѣто надъ матерьялами для зимнихъ изслѣдованій. Нашъ досточтимый сочленъ проф. С. Д. Пападимитріу намѣревался продолжать свои изысканія мѣста расположенія старой Одессы, вызвавшія столь живой интересъ. М. Ѳ. Шкадышекъ долженъ былъ продолжать свои раскопки кургана въ Слободкѣ-Романовкѣ, доставившія такую обильную пищу для весьма интересныхъ сообщеній, заслушанныхъ Обществомъ въ минувшемъ году, но разразившаяся война смела безъ слѣда всѣ наши надежды и намѣренія. Чествованіе 75-лѣтняго юбилея приходится отложить до лучшихъ дней: не по времени какія-либо торжества, когда наши братья своей кровью отстаиваютъ честь и цѣлость родной земли. Не осуществились и предположенныя раскопки, тѣмъ болѣе, что М. Ѳ. Шкадышекъ въ рядахъ нашей арміи, возвратившей Россіи ея исконный удѣлъ Галицкую Русь, былъ раненъ, хотя Слава Богу, настолько благополучно, что могъ остаться подъ знаменами.

Теперь обстоятельства для Одессы становятся еще напряженнѣе. Врагъ не только „у воротъ“, но третьяго дня (въ ночь съ 15 на 16 октября) былъ среди насъ, нагло проникши въ предѣлы нашего порта, угрожая своими выступленіями цѣлости нашего любимаго дѣтища, музея, созданнаго 75-лѣтними трудами нашихъ славныхъ предшественниковъ.

Является вопросъ, умѣстно-ли при такихъ условіяхъ военнаго времени продолженіе нашей работы? Думаю, что было-бы непростительнымъ малодушіемъ прерывать ее: какъ ни велики ниспосланныя намъ испытанія, въ нихъ нѣтъ ничего новаго. За долгіе годы своей исторіи Россія встрѣчала своей грудью не мало враговъ, и никому изъ нихъ не удалось сломить ее. Поэтому и теперь питаемъ непоколебимую вѣру, что часъ испытаній придетъ и что послѣ войны Россіи придется приступить къ новому великому подвигу—устроенію освобожденныхъ изъ подъ многовѣковаго ярма исконнихъ русскихъ земель. И вотъ тутъ-то и настанетъ время къ осуществленію уроковъ исторіи, къ проведенію въ жизнь ея завѣтовъ. Какъ люди исторически построеннаго міросозерцанія, мы исповѣдуемъ ту мысль, что строеніе новаго лишь тогда прочно и плодотворно, когда оно построено на заботливо сохраняемыхъ корняхъ прошлаго; хороша лишь та новизна, въ которой, по счастливому слову М. П. Погодина, старина слышится. Пріобрѣтеніе новаго должно происходить при непремѣнномъ условіи самаго бережнаго сохраненія здоровыхъ остатковъ старины. Вотъ почему, какъ-бы скромна ни была наша работа, какъ ни малы наши силы, теперь не гоже прятать ихъ подъ спудъ и намъ надлежитъ, оставаясь на своемъ посту, по мѣрѣ силъ продолжать свою работу. Не доставимъ радости врагамъ Россіи отъ сознанія, что имъ удалось сломать нашъ духъ и сковать русскую ученую мысль".

Выслушавъ означенную рѣчь, присутствующіе единогласно постановили послать Его Императорскому Высочеству Великому Князю Александру Михаиловичу, Августѣйшему президенту Общества, слѣдующую телеграмму:

Петроградъ.

Его ИМПЕРАТОРСКОМУ Высочеству Великому Князю Александру Михаиловичу.

Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей, собравшись въ первое послѣ лѣтнихъ каникулъ засѣданіе, по стародавнему обычаю Русской земли ищетъ духовнаго единенія съ Державнымъ ея вождемъ и чувствуетъ нравственную потребность прежде всего выразить въ лицѣ Вашего Императорскаго Высочества вступившаго въ ряды россійскаго воинства, свое благоговѣйное преклоненіе передъ величіемъ подвига русской арміи и молитъ Всевышняго, да охранитъ Онъ Десницею своею драгоцѣнную жизнь нашего Августѣйшаго Президента. Вмѣстѣ съ тѣмъ Общество пріемлетъ смѣлость просить Ваше Императорское Высочество повергнуть къ стопамъ Державнаго покровителя Общества, Государя Императора, всю глубину одушевляющихъ Общество вѣрноподданическихъ чувствъ, проникнутыхъ

незыблемой вѣрой, что Господь Богъ, неизмѣнно даровавшій успѣхъ Россіи въ прошлые вѣка ея славной военной исторіи, и нынѣ ниспошлетъ ей прочную побѣду надъ врагомъ и, возвративъ Державѣ Россійской исконныя русскія земли, обезпечитъ нашей родинѣ долгіе годы блестящаго мирнаго преуспѣянія подъ благодатнымъ скипетромъ дома Романовыхъ. Предсѣдатель собранія профессоръ *Варнеке*. Секретарь Общества профессоръ *Попруженко*.

Слушали:

1) Сообщеніе Совѣта о томъ, что Департаментъ Народнаго Просвѣщенія отъ 24 сентября 1914 г. за № 44856 увѣдомляетъ о прекращеніи отпуска впредь до болѣе благопріятнаго времени положеннаго закономъ 21 іюня 1914 г. дополнительнаго пособія Обществу по 5000 рублей въ годъ.

Постановили: Напечатать въ протоколѣ засѣданія означенный законъ и имѣть въ виду сообщеніе Департамента при составленіи смѣтъ Общества.

2) Заявленіе Ѳ. М. Кречуна о томъ, что онъ въ виду перехода на службу въ Одессу отказывается отъ завѣдыванія Аккерманской крѣпостью.

Постановили: Принявъ къ свѣдѣнію, отложить избраніе новаго завѣдующаго крѣпостью.

3) Заявленіе Совѣта о томъ, что имъ въ теченіе лѣтнихъ каникулъ разрѣшено было лектору Петроградскаго университета С. Шапшалу заниматься принадлежащимъ Обществу восточными рукописями.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

4) Сообщеніе д.-чл. *Е. Н. Щепкина*—„Новѣйшія теченія въ вопросахъ древнерусскаго денежнаго обращенія“.

Постановили: Благодарить докладчика, а докладъ напечатать въ „Запискахъ“ Общества.

5) Сообщеніе д.-чл. *М. Г. Попруженко*—„Реймское Евангеліе“. („Texte du Sacre“). Въ сообщеніи этомъ была изложена происхожденіе и судьба того славянскаго Евангелія, которое, попавъ въ Реймсъ, было употребляемо при коронованіяхъ французскихъ королей и которое по слухамъ погибло въ Реймсѣ во время бомбардировки его германцами въ 1914 г. Сообщеніе сопровождалось демонстрированіемъ снимковъ Евангелія.

Постановили: Благодарить докладчика.

6) Сообщеніе хранителя музея о вновь поступившихъ предметахъ древности:

Пожертвовано: г. *Волковымъ*—мѣдная монета 1773 г. (молдавская), *проф. Е. Н. Щепкинымъ*—приборъ для взвѣшиванія монетъ, *Е. А. Шуманскимъ*—стеклянная голубая пиксида (VI—822), 5 цвѣтныхъ бусъ (IX—4821).

Императорской Археологической Комиссіей три свинцовыя пластинки съ надписями изъ Ольвіи (изданы и описаны В. Шкорпиломъ въ „Извѣстіяхъ“ Комиссіи 1908 г. XXVII, стр. 68—74). Пластинки представляютъ частное письмо и два списка заклинаемыхъ лицъ (V в.—154—156).

Куплено—чрезъ посредство Л. П. Колли за 20 рублей цвѣтной стеклянный сосудикъ (VI—820), у Эдлиса—Ольвійская монета за 1 рубль и сосудъ стеклянный за 25 рублей (VI—821).

Постановили: Благодарить жертвователей.

Копія.

Списокъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„Быть по сему“.

Въ Петергофѣ
21-го іюня 1914 года.

Скрѣпилъ: Государственный Секретарь *Крыжановскій.*

Одобренный Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою

ЗАКОНЪ

объ отпускѣ изъ Государственнаго казначейства дополнительныхъ средствъ въ пособіе ИМПЕРАТОРСКОМУ Одесскому Обществу Исторіи и Древностей.

I. Отпускать изъ средствъ Государственнаго казначейства въ теченіе 5 лѣтъ, начиная съ 1914 года, по пяти тысячъ рублей въ годъ въ дополненіе къ пособію, отпускаемому Императорскому Одесскому Обществу Исторіи и Древностей.

II. Указанный въ предыдущемъ отдѣлѣ (I) расходъ въ 1914 году отнести на счетъ ожидаемыхъ сбереженій отъ назначенныхъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія по государственной росписи—расходовъ на 1914 годъ.

Временно исполняющій обязанности
Предсѣдателя Государственнаго Совѣта *Иванъ Голубевъ.*

Съ подлиннымъ вѣрно:
Статсъ-Секретарь (скр.) *Тимротъ.*

Вѣрно: Дѣлопроизводитель (подпись).

434 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

14 ноября 1914 года.

Присутствовали: Подъ предсѣдательствомъ члена совѣта Б. В. Варнеке, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: В. Н. Смольяниновъ, А. Е. Егоровъ, К. О. Лысаковскій, баронъ Э. А. Гойнингенъ-фонъ-Гюне, В. И. Гошкевичъ, прот. С. В. Петровскій, свящ. Ѳ. А. Миляновскій, В. Н. Мочульскій, Е. П. Трифильевъ, М. Ѳ. Болтенко, И. С. Спаѳарисъ, К. Д. Третьяковъ, Б. М. Ляпуновъ, А. П. Доброклонскій, П. М. Андріановъ, С. Д. Пападимитріу, члены-корреспонденты: И. А. Міодушевскій, А. М. Гамовъ, Б. А. Бауэръ, П. М. Бицилли, В. Э. Крусманъ, Х. С. Чернявскій, гость Б. А. Панченко.

Открывъ засѣданіе, предсѣдатель привѣтствовалъ Общество съ исполненіемъ 75-лѣтія его и сообщилъ, что празднованіе юбилея откладывается до болѣе благопріятнаго времени.

Слушали:

1. Слѣдующую отправленную изъ Сѣдлеца телеграмму *Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михаиловича, Августѣйшаго Президента Общества*:

„Отъ души благодарю всѣхъ бывшихъ на собраніи за телеграмму, о которой доведу до свѣдѣнія Его Величества.

АЛЕКСАНДРЪ“.

Постановили: Внести въ протоколъ засѣданія. (Срв. протоколъ засѣданія 433).

2. Телеграмму вице-президента Общества А. Л. Бертье-Делагарда: „Передайте мои самыя сердечныя благопожеланія дорогому Обществу“.

Постановили: Благодарить вице-президента.

3. Телеграмму члена Совѣта полковника М. Ѳ. Шкадышка: „Привѣтствую изъ Галичины всѣхъ членовъ Общества, собравшихся въ семьдесятъ пятую годовщину его. Отъ души желаю силъ и здоровья на пользу дорогого всѣмъ намъ дѣла. Обществу желаю полнаго преуспѣянія. Шкадышекъ“.

Постановили: Благодарить М. Ѳ. Шкадышка за память и послать ему въ дѣйствующую армію отъ имени Общества привѣтъ съ пожеланіями дальнѣйшихъ доблестныхъ успѣховъ на полѣ ратномъ.

4. Предсѣдатель доложилъ о понесенной Обществомъ утратѣ въ лицѣ на дняхъ скончавшагося въ Кіевѣ Викентія Вячеславовича

Хвойки, избраннаго въ дѣйствительные члены въ 328 засѣданіи Общества 11 сент. 1900 года. Уроженецъ Чехіи, В. В. Хвойко, давно поселился въ Кіевѣ и усердно занялся изученіемъ богатыхъ мѣстныхъ нахожденій доисторической культуры, временами помѣщая свои сообщенія въ Запискахъ нашего Общества (т. XXIII, стр. 199—206). Изъ произведенныхъ имъ многочисленныхъ раскопокъ какъ въ самомъ Кіевѣ, такъ и его окрестностяхъ, въ научномъ отношеніи особый интересъ представляетъ открытая имъ около мѣстечка Триполья Кіевскаго уѣзда такъ называемая Трипольская культура, носящая на себѣ ясные слѣды связи съ Троей и Балканами (см. *К. Хилинскій*, Изъ археологіи Кіевской земли. Сборникъ въ честь *С. Ѳ. Платонова*—стр. 56—61). Съ нею въ исторіи науки навсегда будетъ связано имя почившаго В. В. Хвойки. Послѣднее время В. В. Хвойко состоялъ хранителемъ доисторическаго отдѣла Кіевскаго музея, поставленнаго имъ на образцовую высоту. Весьма желательно, чтобы хоть теперь были достойнымъ образомъ изданы богатые матеріалы, добытые раскопками В. В. Хвойки; итоги своихъ изысканій онъ неоднократно докладывалъ на всероссійскихъ археологическихъ съѣздахъ. Срв. „Каменный вѣкъ средняго Приднѣпровья“ (Труды Кіевскаго съѣзда, I т., 1899, 736—812), „Городища средняго Приднѣпровья“ (Труды Харьковскаго съѣзда, т. I, стр. 93—104), „Начало земледѣлія и бронзовый вѣкъ въ среднемъ Приднѣпровьѣ“ (Труды Екатеринославскаго съѣзда, т. I, стр. 1—8). См. также его статью: „Раскопки въ 1901 г. въ области Трипольской культуры“. (Зап. Имп. Рус. Археолог. Общ. 1904, V, 2, стр. 1—25).

Постановили: Почтивъ память покойнаго вставаніемъ, внести сообщеніе предсѣдателя въ протоколъ.

5. Сообщеніе почетн. члена акад. Ѳ. И. Успенскаго: „Начальныя страницы русской лѣтописи и византійскія перехожія сказанія (доложено секретаремъ).

Постановили: Благодарить акад. Ѳ. И. Успенскаго за вниманіе къ Обществу, а сообщеніе его напечатать въ „Запискахъ“.

6. Сообщеніе д. чл. В. И. Гошкевича о мѣстѣ нахожденія древней Одессы.

Постановили: Благодарить докладчика.

7. Предложеніе Совѣта объ избраніи въ дѣйствительные члены Секретаря Русскаго Арх. Инст. въ Константинополѣ Б. А. Панченко.

Постановили: Считать избраннымъ единогласно.

8. Сообщеніе хранителя музея Б. В. Варнеке о новыхъ поступившихъ въ музей пожертвованіяхъ: 1) О. И. Эрны—поломанный сосудъ (серебряный) изъ Египта (?) — (Va—12—85), 2) Отъ члена Совѣта Общества М. Ѳ. Шкадышка—два литографированныхъ вида православныхъ церквей Галиціи. (VII 251—252), 3) Отъ К. О. Лысаковскаго—5 иностранныхъ книгъ разнаго содержанія.

435 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

12 декабря 1914 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта Б. В. Варнеке, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: К. О. Лысаковскій, С. Г. Вилинскій, Ѳ. А. Миляновскій, Б. М. Ляпуновъ, М. Ѳ. Болтенко, А. Я. Шпаковъ, А. В. Флоровскій, Б. А. Панченко, В. Н. Ренненкампфъ, Е. А. Шуманскій, члены-корреспонденты: В. Э. Крусманъ, П. М. Бицилли, П. Ѳ. Потаповъ, А. М. Гамовъ, Х. С. Черняв-скій, гость А. А. Мироновъ.

Открывъ засѣданіе, предсѣдатель предложилъ собранію стоя выслушать слѣдующій докладъ Министра Императорскаго Двора Августѣйшему Президенту Общества Его Императорскому Высочеству Великому Князю Александру Михаиловичу:

«Ваше Императорское Высочество! Имѣю честь почтительнѣйше довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Высочества, что по всеподданнѣйшему моему докладу доставленной мнѣ въ копіи телеграммы Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей отъ 20 октября сего года **Государь Императоръ повелѣть соизволилъ сердечно благодарить означенное Общество за выраженныя въ вышеупомянутой телеграммѣ чувства».**

Постановили: Внести въ протоколъ засѣданія.

Слушали:

1. Рѣчь д. чл. М. Г. Попруженко: „Памяти члена Общества академика В. И. Ламанскаго".

Постановили: Почтивъ память покойнаго своего сочлена (съ 1884 г.) вставаніемъ, рѣчь М. Г. Попруженко напечатать въ протоколѣ засѣданія и отправить Петроградскому Славянскому благотворительному Обществу, которое въ память Ламанскаго предполагаетъ назначить особое засѣданіе, слѣдующую телеграмму:„ Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей, заслушавъ сообщеніе профессора М. Г. Попруженко объ историческомъ значеніи трудовъ почившаго великаго славянскаго ученаго и философа политика Ламанскаго,

постановило выразить Петроградскому Славянскому благотворительному Обществу соболѣзнованіе по случаю кончины незабвеннаго въ исторіи славянства его сочлена".

2 Сообщеніе предсѣдателя о томъ, что 3 декабря скончался смотритель Музея И. К. Глобенко, который въ теченіе 28 лѣтъ съ искренной преданностью и любовью исполнялъ свои обязанности.

Постановили: Почтить память покойнаго вставаніемъ.

3. Слѣдующее письмо д. чл. Б. А. Панченко: „Обществу угодно было 14 ноября сего года избрать меня въ дѣйствительные члены. Прошу принять глубокую благодарность за оказанную мнѣ честь, которую я объясняю главнымъ образомъ моей десятилѣтней службой Русскому Археологическому Институту въ Константинополѣ, поставившей меня въ непосредственную близость къ научной работѣ по открытію и изданію археологическихъ памятниковъ".

Постановили: Внести въ протоколъ засѣданія.

4. Предложеніе Департамента Народнаго Просвѣщенія отъ 19 октября 1914 г. за № 49355 о томъ, что согласно Высочайшему повелѣнію всѣ находящіяся въ Петроградѣ учрежденія, которымъ въ свое время присвоено было наименованіе С.-Петербургскихъ должны впредь именоваться *Петроградскими*.

Постановили: Принять къ руководству.

5. Сообщеніе Совѣта Общества о томъ, что на основаніи Высочайше утвержденнаго 19 ноября сего года журнала Совѣта министровъ слѣдующіе члены Общества, (австрійскіе или германскіе подданные) должны считаться выбывшими изъ состава Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей:—Беценбергеръ (Кениг сбергъ), Бете (Лейпцигъ), Ванкль (Ольмюцъ), Дерпфельдъ (Аѳины), Ферстеръ (Бреславль), Штапельбергъ (Мюнхенъ).

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

6. Составленную Совѣтомъ Общества Смѣту на 1915 г. При этомъ предсѣдателемъ было сдѣлано разъясненіе, что въ виду того, что нѣкоторыя статьи прихода не могутъ быть считаемы безспорными,—расходы Общества доведены до возможнаго сокращенія съ уничтоженіемъ ассигнованій по ряду статей и въ общей суммѣ расходовъ ниже предположенныхъ поступленій, такъ какъ впредь до возстановленія выдачи Обществу субсидіи въ полномъ размѣрѣ возможная экономія является необходимой въ цѣляхъ всегда имѣть въ кассѣ Общества въ запасѣ извѣстную сумму денегъ.

Постановили: Смѣту утвердить и налечатать въ протоколѣ засѣданія.

7. Сообщеніе д. чл. Б. В. Варнеке—„Объ изученіи Южной Россіи римлянами".

Въ сообщеніи было отмѣчено, что за послѣднее время появилось нѣсколько весьма цѣнныхъ работъ объ изученіи юга Россіи греками: Ю. А. Кулаковскаго, Ѳ. А. Брауна, М. И. Ростовцева, Э. Р. фонъ-

Штерна и др., но въ исторіи отношеній римлянъ къ югу Россіи еще остается много неяснаго. Между тѣмъ при сличеніи свидѣтельствъ грековъ и римлянъ сказываются существенныя различія. Затѣмъ докладчикъ въ частности остановился на географическихъ свидѣтельствахъ о югѣ Россіи Плинія, которыя весьма часто совпадаютъ съ свидѣтельствами Помпонія Мелы (Э. Шведеръ, *Philologus* XVI, 1888, 276—321). Основнымъ его источникомъ, повидимому, являются геодезическія работы Агриппы, положенныя въ основу карты Августа (см. Э. Шведеръ въ *Fleckeisen Jahrbücher CXLV*, 1892, 113—132). Ему Плиній довѣряетъ особенно (III 17, VI, 136) и часто пользуется имъ въ IV книгѣ для опредѣленія разстояній между отдѣльными мѣстностями южной Россіи (см. Д. Детлефсенъ, *Philologus XVI*, 1888, 691—704). Замѣчанія Плинія (VI 3) позволяютъ предполагать, что вычисленія Агриппы, виднаго военнаго дѣятеля времени Августа, были вызваны потребностями римскаго штаба, прекрасно понимавшаго важное стратегическое значеніе Тавриды и Понта. Поэтому, напримѣръ, Агриппа разстоянія между городами вычислялъ не по корабельному курсу, какъ это дѣлали греки, а circuitu totius Ponti (IV 77). Такой способъ обмѣра былъ важенъ для береговыхъ дѣйствій войска.

8. Сообщеніе хранителя музея о томъ, что д. чл. Е. А. Шуманскій принесъ Обществу въ даръ осколокъ турецкаго снаряда, попавшаго въ ночь на 16 октября 1914 г. въ сахарный заводъ на Пересыпи въ Одессѣ (XV, 96) и 37 монетъ различныхъ иностранныхъ государствъ.

Постановили: Благодарить жертвователя.

СМѢТА

прихода и расхода суммъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

на 1915 годъ.

ПРИХОДЪ.

Статьи	НАИМЕНОВАНІЕ СТАТЕЙ	Сумма Руб.	К.
I	ВЫСОЧАЙШЕ дарованнаго пособія	2500	—
II	Процентовъ съ капитала Общества	231	80
III	Процентовъ по текущему счету Общества	25	—
IV	Отъ Русскаго Общества пароходства и торговли за аренду Судакской крѣпости	1675	—
V	Членскихъ взносовъ	50	—
VI	За аренду Аккерманской крѣпости	800	—
VII	Отъ продажи изданій Общества	100	—
VIII	Доходъ отъ посѣтителей музея за гардеробъ	50	—
	Итого . . .	5431	80

Казначей Общества

РАСХОДЪ.

Статьи	НАИМЕНОВАНІЕ СТАТЕЙ	Сумма Руб.	К.
I	Жалованье: 1 служителю	300	—
	„ 2 служителю	300	—
	„ разсыльному 1-му	240	—
	„ „ 2-му	240	—
	„ швейцару	240	—
II	Наградныя служащимъ	120	—
III	Отопленіе зданія музея	1000	—
IV	Печатаніе записокъ Общества	1000	—
V	Почтовые и телеграфные расходы	25	—
VI	Канцелярскіе расходы (въ распоряженіе секретаря)	100	—
VII	Хозяйственные и другіе мелкіе расходы	200	—
VIII	Экстренные расходы и командировки	250	—
IX	Освѣщеніе зданія музея	150	—
X	Сторожу при крѣпости въ Судакѣ	120	—
XI	Страховка зданій музея	49	88
	Итого...	4334	88

Профессоръ **Алексѣй Шпаковъ.**

Памяти В. И. Ламанскаго.

Въ лицѣ скончавшагося 19 ноября 1914 г. академика Владимира Ивановича Ламанскаго русское славяновѣдѣніе потеряло въ высшей степени выдающагося и авторитетнаго представителя, въ теченіе *шестидесяти* лѣтъ работавшаго на ученомъ поприщѣ и создавшаго цѣлую школу русскихъ славистовъ. Подъ его руководствомъ и подъ его вліяніемъ начали свои занятія—Ѳ. И. Успенскій, К. Я. Гротъ, А. С. Будиловичъ, Т. Д. Флоринскій, И. С. Пальмовъ, М. И. Соколовъ, Р. Ѳ. Брандтъ и мн. др. Эти ученые въ области избранныхъ ими научныхъ спеціальностей извѣстны крупными и выдающимися трудами, отличающимися исключительными достоинствами, и ихъ имена являются лучшимъ свидѣтельствомъ, что дѣятельность Ламанскаго въ исторіи русской науки, въ исторіи русскаго просвѣщенія оставила крупный, навсегда неизгладимый слѣдъ.

В. И. Ламанскій родился въ 1833 году въ семьѣ, которая дала Россіи рядъ весьма талантливыхъ и крупныхъ работниковъ: Евгеній Ламанскій, выдающійся финансовый дѣятель, и Сергѣй Ламанскій,—извѣстный физіологъ,—родные братья покойнаго Владимира Ивановича.—Въ 1850 г. по окончаніи курса гимназіи Владиміръ Ивановичъ поступилъ въ число студентовъ историко-филологическаго факультета Петроградскаго университета, въ которомъ въ 1854 г. окончилъ курсъ со степенью кандидата. Такимъ образомъ, въ области славяновѣдѣнія В. И долженъ былъ пройти школу И. И. Срезневскаго.

Срезневскій принадлежитъ къ числу тѣхъ избранниковъ, которые должны были занять новую, основанную въ нашихъ университетахъ по уставу 1835 года, каѳедру славянскихъ языковъ и литературъ. Начало занятій Срезневскаго и его товарищей славяновѣдѣніемъ, ихъ первыя поѣздки по славянскимъ землямъ — совпали съ наиболѣе ярко и энергично выраженными моментами славянскаго, главнымъ образомъ, западнаго возрожденія. Общеніе съ Шафарикомъ, Капитаремъ, В. Караджичемъ и другими славянскими дѣятелями наложило замѣтный отпечатокъ на занятія славянствомъ нашихъ первыхъ славистовъ, и они въ полной мѣрѣ усвоили то настроеніе, которое господствовало въ этотъ первый періодъ славянскаго возрожденія. Горячее сочувствіе пробужденію славянскаго самосознанія, искреннее желаніе, чтобы и въ русскомъ обществѣ распространился и окрѣпъ интересъ ко всему славянскому,—къ славянскому языку, славянскимъ литера-

турамъ, надежды, что славянскія стремленія къ лучшей, свободной духовно и политически жизни неминуемо осуществятся, — все это отличаетъ опредѣленнымъ колоритомъ научныя работы нашихъ славистовъ указаннаго періода. Восторги по поводу отдѣльныхъ явленій славянскихъ литературъ, усердное подчеркиваніе всякаго, даже слабо замѣтнаго факта творчества славянскаго генія, усиленное восхваленіе произведеній славянской народной поэзіи, настойчивое расширеніе, до предѣловъ грандіознаго значенія, каждаго момента славянской древности, — вотъ элементы, изъ которыхъ слагается тотъ романтическій культъ, съ которымъ подходили въ начальный періодъ своей дѣятельности къ изученію славянства наши первые кандидаты на каѳедру славяновѣдѣнія. Срезневскій также отдалъ въ свое время дань всему этому, но ко времени, когда покойный Ламанскій былъ его слушателемъ, въ направленіи его работъ уже замѣтенъ поворотъ въ сторону строго объективнаго изученія научныхъ вопросовъ. Разработка отдѣльныхъ памятниковъ древности славянской и занятія славянской палеографіей отвлекли Срезневскаго отъ былыхъ надеждъ, которыя возлагались на молодыя славянскія литературы. Самостоятельное, исчерпывающее изученіе явленій жизни славянства въ прошломъ, изслѣдованіе цѣлой группы фактовъ историческихъ, стремленіе сдѣлать изъ нихъ обобщающіе выводы — все это было признано необходимымъ и все это было воспринято Ламанскимъ, избравшимъ славяновѣдѣніе своей спеціальностью. Въ спеціальности этой онъ, однако, пошелъ своимъ особымъ путемъ, который привелъ его къ исключительному положенію среди славистовъ вообще, не только русскихъ.

Ламанскій не замкнулся въ тѣсномъ кругу славянскихъ задачъ, онъ очень рано обнаружилъ интересъ къ цѣлому ряду такихъ вопросовъ, которые на первый взглядъ могутъ показаться очень далекими отъ славяновѣдѣнія. Поступивъ по окончаніи университета на службу въ архивъ Министерства иностранныхъ дѣлъ и въ Публичную библіотеку [1]), Ламанскій обращаетъ вниманіе на матеріалы по русской исторіи, по политической исторіи славянъ, а также по этнографіи Россіи. Результатомъ этихъ работъ были многія замѣтки и статьи по исторіи Россіи XVIII и XIX в.в., а также и цѣлый рядъ публикацій сырыхъ матеріаловъ этнографическаго и историческаго характера. Внимательное отношеніе къ явленіямъ русской жизни въ ея прошломъ вызвало въ Ламанскомъ потребность высказаться по вопросу высокой важности—о просвѣщеніи; вопросъ этотъ и разработанъ имъ въ очень любопытной, напечатанной въ 1857 г. (въ „Современникѣ“) статьѣ— „*О распространеніи знаній въ Россіи*“. Данная работа встрѣчена

[1]) Ср. Пыпинъ, „Русское Славяновѣдѣніе въ XIX в.“—Вѣстникъ Европы 1889 г. № 9, стр. 280.

была весьма сочувственно тогдашней критикой [1]), которая подчеркивала въ ней рядъ весьма цѣнныхъ положеній, какъ защиту „интересовъ просвѣщенія“; эту защиту признавали полезной и значительно позже; такъ, напр., о ней отзывался въ 1889 г. покойный А. Н. Пыпинъ [2]).

Что же говорилъ въ этой статьѣ молодой Ламанскій? „Мы схватили верхушки европейской образованности и думаемъ, что просвѣщеніе мы себѣ усвоили“, „а на повѣрку выходитъ, что мы взяли то, чего могли бы и не брать...“ „Главнымъ производителемъ во всѣхъ отрасляхъ человѣческой жизни былъ и есть трудъ; его-то болѣе всего мы чуждаемся... Мы, т. е. люди, получившіе такъ называемое европейское образованіе, мы чужды труда; мы насыщаемся, больными плодами видимаго западнаго просвѣщенія, не развивая своего коренного, живительнаго начала“. Помочь этому по мнѣнію Ламанскаго могутъ „любовь къ наукѣ и просвѣщенію, любовь *къ русской землѣ* и глубокая увѣренность въ гибельныхъ послѣдствіяхъ недостатка знанія и слабаго развитія образованія у насъ на Руси...“ Въ Россіи по убѣжденію автора должно быть организовано „Общество распространенія знаній“, одной изъ главныхъ задачъ котораго нужно поставить изученіе „греко-славянскаго міра“, т. е. Россіи, ея единовѣрцевъ и соплеменниковъ“.

Я привелъ только главнѣйшія положенія статьи Ламанскаго, но и изъ нихъ уже видно, что въ представленіи его Россія должна стоять во главѣ цѣлаго особаго греко-славянскаго міра, къ познанію и пониманію котораго нужно подходить съ большимъ запасомъ знанія, возможно расширеннаго прежде всего именно въ Россіи.

Въ 1859 году Ламанскій издалъ свою магистерскую диссертацію: [3]) *„О славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи“*. Въ этомъ трудѣ авторъ обнаружилъ громадную ученость, разнообразную начитанность, но въ немъ мы не находимъ однихъ только извлеченій изъ различныхъ источниковъ для подтвержденія справедливости того или другого факта,—весь обширный матеріалъ согрѣтъ общей мыслью и идеей о необходимости знанія даже мельчайшихъ свидѣтельствъ о судьбахъ славянства. Вотъ что авторъ между прочимъ говоритъ въ оправданіе своихъ далекихъ экскурсовъ въ Испанію, Португалію и др. мѣста. „Россія одна еще не составляетъ одного самостоятельнаго цѣлаго, а есть только органическая часть цѣлаго міра славянскаго, который въ свою очередь есть только одинъ, хотя и великій, членъ всей семьи человѣческой: не можетъ же безъ взаимодѣйствія и общенія частей совершаться въ организмѣ правильное отправленіе всѣхъ его жизненныхъ силъ, иначе же ему угрожаетъ смерть, и уже всегда его постигаютъ искаженія и

---

[1]) Объ этой работѣ даны были отзывы въ „Молвѣ“ за 1857 г. № 10 (К. Аксакова), въ „Московскихъ Вѣдом.“ за 1857 г. № 61.

[2]) Вѣстн. Евр. 1889 г. № 9, стр. 280.

[3]) Ученыя Записки Второго Отд. Имп. Ак. Наукъ 1859 г. кн. V и отд.

безобразіе". „Для Россіи въ высшей степени важно изученіе міра греко-славянскаго: оно уясняетъ ей собственное ея призваніе и назначеніе въ исторіи человѣчества, служитъ ей переходомъ къ самостоятельному изученію и объясненію судебъ міра романо-германскаго. Справедливость этого общаго положенія легко провѣрить на частномъ случаѣ. Исторія отношеній славянъ къ Испаніи и Португаліи составляетъ только часть задачи,—„какъ понынѣ трудились славяне въ исторіи человѣчества, что съ своей стороны внесли они въ образованность европейскую",—задачи весьма важной для Россіи и ея самосознанія, ибо она есть только одна, хотя и значительная, органическая часть цѣлаго міра славянскаго" [1]). Въ указанномъ направленіи, въ цѣляхъ выясненія поставленнаго вопроса о значеніи славянъ въ образованности европейской — Ламанскій и продолжаетъ свои труды, удѣляя однако не мало времени и на изученіе отдѣльныхъ вопросовъ по обслѣдованію памятниковъ славянской старины и проч.

Основнымъ мотивомъ всѣхъ его работъ главнымъ образомъ остается идея о необходимости изученія славянства въ интересахъ русскаго самосознанія. Съ наибольшей рельефностью изъ послѣдующихъ своихъ трудовъ Ламанскій разбираетъ занимающій его вопросъ въ работахъ— „*Національности итальянская и славянская въ политическомъ и литературномъ отношеніяхъ*" (Спб. 1865 [2]), въ „*Чтеніяхъ о славянской исторіи — (Чтеніе I: изученіе славянства и русское самосознаніе)*" (*Ж. М. Н. Пр.* 1867 г. № 1), а особенно въ докторской диссертаціи— „*Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра въ Европѣ*". (Спб. 1871).

Въ началѣ этой замѣчательной и вызвавшей много споровъ диссертаціи Ламанскій дѣлаетъ весьма содержательное опредѣленіе отношеній двухъ міровъ - греко-славянскаго и романо-германскаго. На эти два міра— Западный и Восточный—долженъ быть раздѣленъ весь христіанско-арійскій міръ. Дѣленіе это основано на строгомъ различеніи признаковъ внутреннихъ, географическихъ, этнографическихъ, религіозныхъ, общественныхъ,—вообще культурныхъ особенностей. Романо-германскія племена распадаются на пять большихъ историческихъ разновидностей: три романскія (Франція, Италія, Испанія) и двѣ германскія (Англія и Германія). Эти пять языковъ достигли болѣе или менѣе значенія всемірно историческаго. Въ греко-славянскомъ мірѣ рядомъ съ русскимъ народомъ находится нѣсколько малыхъ славянскихъ народностей; изъ иноплеменныхъ сюда входятъ также нѣсколько мелкихъ,—изъ нихъ самая многочисленная—румынская; среди этихъ иноплеменныхъ народностей имѣются народности старыя, съ нѣкогда богатыми, болѣе или менѣе самобытными культурами; въ ряду ихъ первое мѣсто безспорно

---

[1]) Стр. 115, 116 (приложеніе).

[2]) Первоначально работа эта была напечатана въ „Отечеств. Записках" за 1864 г. № 11.

занимаетъ — греческая. Греко-славяне по своему этнографическому составу и по религіознымъ началамъ представляютъ по отношенію къ романо-германцамъ совершенно особый историческій организмъ или *самобытный* міръ, отъ котораго и безъ разности времени выступленія ихъ на историческое поприще нельзя бы было ожидать и требовать совершенно единовременнаго развитія. (Стр. 48, 53, 56).

Тѣмъ неумѣстнѣе такое требованіе при столь значительной, слишкомъ четырехвѣковой разности начальныхъ годовъ ихъ исторической дѣятельности. Понятно, что не рѣдко всѣми нами употребляемыя выраженія: *медленное развитіе Россіи и прочихъ странъ нашего міра сравнительно съ міромъ романо-германскимъ,—Россія далеко отстала отъ Европы, Западъ, далеко опередившій Россію,*—всѣ эти выраженія лишены всякой научной строгости, отличаются крайней неточностью и свидѣтельствуютъ о неясности понятій... Отъ богатства содержанія и разнообразія внутренняго состава, отъ большей или меньшей сложности народныхъ организмовъ и историческихъ міровъ зависитъ медленность и быстрота ихъ развитія. Быстро или медленно развивались романо-германцы сравнительно напримѣръ съ Греціей и Римомъ, рѣшить очень трудно, такъ какъ эти организмы слишкомъ несходны между собою. Какъ рѣшить, быстро или медленно развивается русскій народъ сравнительно съ Европою въ государственномъ и въ культурномъ отношеніи? Одного ли времени, однихъ ли усилій требовалось для образованія русскаго народа и государства и нынѣшнихъ европейскихъ государствъ и народовъ? (стр. 56).

„По историческому возрасту, мы, русскіе, говоритъ Ламанскій (стр. 57), ровесники романо-германцевъ XIV—XV в., а по многимъ нашимъ интересамъ и задачамъ, мы *современники ихъ потомковъ въ осьмомъ, девятомъ колѣнѣ*".

Послѣ этихъ общихъ, формулированныхъ мной кратко положеній—Ламанскій переходитъ къ разсмотрѣнію европейскаго, преимущественно нѣмецкаго воззрѣнія на славянъ. Во второй главѣ, обширной, какъ и первая, авторъ приводитъ цѣлый рядъ мнѣній главнымъ образомъ нѣмецкихъ ученыхъ о славянахъ, какъ результатъ ихъ, этихъ нѣмецкихъ ученыхъ,—изслѣдованій, изысканій и наблюденій. Приводить всѣ эти мнѣнія, конечно, нѣтъ нужды; среди нихъ встрѣчаются принадлежащія всякимъ мало извѣстнымъ псевдо-ученымъ, но имѣется не мало и связанныхъ съ очень крупными именами. Гегель, напр., которому у насъ одно время такъ усиленно поклонялись, въ своемъ курсѣ философіи исторіи, приступая къ характеристикѣ христіанской, ново-европейской образованности, останавливается на первоначальномъ появленіи въ исторіи племенъ романскаго и германскаго, а затѣмъ упоминаетъ о великомъ, многочисленномъ племени славянскомъ. „Хотя различныя отрасли славянъ, говоритъ Гегель, и образовали впослѣдствіи государства и вели мужественную борьбу съ различными племенами, однако они должны быть выпущены въ

нашемъ изложеніи, ибо они составляютъ почти среднее между европейскимъ и азіатскимъ духомъ, а потому ихъ вліяніе на постепенное развитіе духа не было достаточно дѣятельно...". Это мнѣніе Гегеля[1]) объ историческомъ значеніи славянъ должно быть признано, какъ обобщеніе обычнаго взгляда нѣмецкихъ ученыхъ на наше племя: до Гегеля оно высказывалось спорадически въ видѣ отрывочныхъ клеветническихъ замѣчаній, въ трудѣ Гегеля оно получало обобщеніе, а послѣ него стало господствующимъ и обычнымъ, при чемъ выражалось (и, прибавимъ, выражается) самымъ возмутительнымъ по грубости образомъ. Высказанныя и высказываемыя нѣмцами мнѣнія о славянахъ могутъ быть въ общемъ формулированы такъ: [2]) „Славянское племя, хотя и родственное германскому, — раса несравненно низшая и совершенно ему неравная. Въ средней и новой исторіи оно занимаетъ весьма незначительное мѣсто, вовсе не соотвѣтствующее его численности и тому пространству земли, которое оно населяетъ. Сравнительное его положеніе относительно племени германскаго, какъ низшей расы относительно высшей, можетъ быть уподоблено отношеніямъ негровъ, хамитовъ, туранцевъ къ европейцамъ, кельтовъ къ римлянамъ и германцамъ... Славяне—раса пассивная, страдательная, германцы—раса активная, дѣятельная... Поэтому вся печальная и мрачная исторія славянъ такъ мало поучительна для мыслителя, такъ ничтожна въ исторіи христіанской образованности... Немногія исключенія принадлежатъ тѣмъ свѣтлымъ періодамъ ихъ исторіи, когда нѣмцы, эта цивилизующая и облагораживающая стихія, управляли кормиломъ славянскихъ государствъ". Послѣ подобныхъ этнологическихъ и историческихъ домысловъ нѣмецкихъ ученыхъ мы должны вполнѣ естественнымъ признать тѣ практическіе выводы, къ которымъ съ отдаленнѣйшихъ временъ приходили (да и приходятъ) нѣмецкіе политики и администраторы. Эти выводы Ламанскимъ формулированы были и опредѣленно и убѣдительно [3]). „Всѣ попытки славянъ къ освобожденію отъ нѣмецкаго господства безполезны, тщетны и заранѣе осуждены исторіей. Въ случаѣ временной удачи потеряли бы сами славяне, лишившись необходимаго имъ руководства назначенныхъ имъ провидѣніемъ повелителей, учителей и обуздателей (Bezwinger, Lehrer, Zuchtmeister), а исторія человѣчества сдѣлала бы огромный шагъ назадъ. Дальнѣйшее побѣдоносное шествіе и завоевательное движеніе германской стихіи на славянскій востокъ вызывается и требуется всей предыдущей исторіей европейско-христіанской образованности, всѣми высшими интересами и задачами современной цивилизаціи. Такимъ образомъ, Германія непремѣнно должна увеличиться и раздвинуть свои границы

[1]) У Ламанскаго стр. 62.
[2]) Ibid. стр. 126.
[3]) Ibid. стр. 128 и дальше.

далѣе на славянскій сѣверо—и юго-востокъ". Дунайскія земли должны принять въ себя потокъ нѣмецкой колонизаціи. Нѣмцамъ предназначено владѣть устьями Дуная, заселять Болгарію... Нужно, чтобы Пруссія осадила и урѣзала Россію отнятіемъ у нея Привислянскихъ губерній, по крайности по ту сторону Вислы, Ковенской и Виленской губерній и русскаго Балтійскаго прибрежія... Для скорѣйшаго и удачнѣйшаго достиженія всѣхъ этихъ высокихъ цѣлей нужно предварительно подымать, возвышать, ростить и укрѣплять имѣющіеся въ славянскихъ земляхъ нѣмецкіе элементы и стараться объ ихъ усиленіи умноженіемъ нѣмецкихъ колоній... Къ чему должны были привести столь ясно обнаруженныя Ламанскимъ[1]) историческія традиціонныя мечтанія нѣмцевъ,—мы хорошо знаемъ. Все то нѣмецкое засиліе, съ которымъ намъ приходится теперь такъ бороться въ Россіи, наглость нѣмецкихъ напоровъ на все славянское вообще, а въ частности на все русское,—результаты нѣмецкихъ идеаловъ, о которыхъ прозорливый славистъ русскій счелъ нужнымъ заговорить даже въ своей докторской диссертаціи. Опасность, которой намъ грозили нѣмцы, была издавна серіозной, это нужно было подчеркивать; молчать объ этомъ не могъ никто, кто ее подмѣчалъ. Ламанскій и не молчалъ. Какъ въ самомъ дѣлѣ можно было замалчивать такія, напримѣръ, взгляды? Въ 1853 г. Дитцель (публицистъ нѣмецкій) говорилъ: «Если Россія въ настоящее время кое-какъ прозябаетъ и держится еще, то единственно лишь благодаря политической слабости и разорванности Германіи"...[2]).

Послѣднюю (третью) главу своей работы Ламанскій посвящаетъ опроверженію всѣхъ высказанныхъ въ западной литературѣ, преимущественно, конечно, въ нѣмецкой,—извѣтовъ на славянъ, всѣхъ дикихъ и нелѣпыхъ взглядовъ на нихъ, находящихся въ безконечномъ числѣ всякихъ ученыхъ и публицистическихъ статей. Опроверженія эти авторомъ въ высшей степени обоснованы и выражены съ исключительной научной убѣдительностью. Приводить ихъ я не стану. Намъ нѣтъ надобности повторять, что славянство вообще, а въ частности Россія своими духовными силами, своимъ геніемъ, своимъ творчествомъ давно уже заняли въ культурной исторіи человѣчества въ достаточной мѣрѣ почетное мѣсто. Кто, зная неоспоримыя доказательства этого изъ новаго и новѣйшаго времени, захотѣлъ бы познакомиться съ фактами, относящимися къ древнимъ временамъ, тому слѣдуетъ обязательно проштудировать книгу Ламанскаго. Въ ней изъ этой области очень много поучительнаго собрано въ одну цѣльную и яркую картину.

---

[1]) Ламанскій каждое изъ приведенныхъ мечтаній и пожеланій нѣмцевъ подкрѣпляетъ очень многими цитатами изъ различныхъ статей, рѣчей и докладовъ нѣмецкихъ ученыхъ. Все это дастъ весьма цѣнный и поучительный матеріалъ для выясненія исторіи нѣмецкаго засилія въ славянскихъ земляхъ.

[2]) Стр. 96.

Книгу свою Ламанскій писалъ въ тѣ моменты, когда нѣмцы одерживали верхъ надъ Франціей. Это обстоятельство очень печалило и пугало автора. „Новѣйшія грозныя по содержанію и громадныя по послѣдствіямъ событія въ Европѣ должны, кажется, писалъ Ламанскій 18 января 1871 г. въ предисловіи къ своей книгѣ, еще глубже укоренить и сильнѣе распространить въ общественномъ сознаніи Германіи любимое и давнее ея воззрѣніе на славянъ. Съ благополучнымъ окончаніемъ своихъ дѣлъ на романскомъ западѣ, новая Германская имперія, вѣроятно, не замедлитъ дать почувствовать Россіи великую практическую важность близкаго знакомства съ этимъ воззрѣніемъ". Справедливость этихъ словъ Ламанскаго, правильность убѣжденія, вынесеннаго имъ изъ штудированія всякихъ нѣмецкихъ „изслѣдованій" о славянахъ,— никто оспаривать въ настоящее время, конечно, не станетъ. Ламанскій своимъ прекраснымъ трудомъ съ особой ясностью подтвердилъ правильность стариннаго положенія, что изучать прошлое необходимо для предотвращенія многихъ бѣдъ въ будущемъ. Въ 1871 г. для будущаго книга Ламанскаго давала много цѣнныхъ указаній, и мы, свидѣтели событій 1914 г., конечно, должны пожалѣть, что эти указанія своевременно не были съ достаточнымъ вниманіемъ учтены.

Въ переживаемые нами моменты всеобщаго прозрѣнія на характеръ и значеніе нѣмецкаго засилія въ Россіи и неизмѣннаго наглаго третированія нѣмцами всего славянскаго— стали свободно и громко говорить о всѣхъ фактахъ грознаго движенія нѣмца на востокъ, на Россію. Все это теперь, какъ говорятъ обыкновенно, модный и вполнѣ терпимый вопросъ. Совершенно иначе обстояло дѣло 45 лѣтъ назадъ, когда выступалъ съ своей диссертаціей Ламанскій, поставившій данный вопросъ на чисто научную почву. Это былъ громкій и мощный призывъ русскаго общества къ осторожности, къ серіозному обращенію вниманія на то, что у насъ и раньше высказывалось въ теоріяхъ первыхъ славянофиловъ, но что проходило незамѣченнымъ. Въ этомъ мы должны видѣть громадную заслугу Ламанскаго, громадное значеніе его вдумчиваго отношенія къ фактамъ исторіи и современности.

Опредѣленно установивъ съ историческимъ обоснованіемъ отношеніе греко-славянскаго міра къ міру романо-германскому, указавъ особенности принциповъ культурнаго развитія каждаго изъ нихъ, Ламанскій во всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ работахъ неизмѣнно продолжалъ выяснять условія, которыя необходимо соблюдать всему славянству, а въ частности Россіи для занятія надлежащаго мѣста въ семьѣ европейскихъ народовъ. Съ этой цѣлью Ламанскій въ цѣломъ рядѣ замѣтокъ и статей пытался показать, что славянство въ исторіи своей не мало представляло фактовъ, которые свидѣтельствуютъ о жизнедѣятельности его и о способностяхъ къ культурной работѣ. Въ этомъ отношеніи большой интересъ представляетъ его, къ сожалѣнію, не доведенная до конца работа—*„Видные дѣятели западно-славянской*

образованности въ XV, XVI и XVII в.в.“ [1]) Авторъ въ цѣломъ рядѣ историко-литературныхъ и культурныхъ очерковъ предполагалъ дать свѣдѣнія о жизни и трудахъ нѣкоторыхъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей Польской, Чешско-Моравской, Словинской, Словацкой, Хорватской литературы и образованности, за указанныя три столѣтія. Вмѣстѣ съ этимъ авторъ хотѣлъ выяснить читателю и общественное положеніе страны и времени, въ которыхъ жили эти дѣятели, и характеры другихъ важнѣйшихъ ихъ современниковъ, съ которыми они наиболѣе соприкасались, и значеніе ихъ литературныхъ и научныхъ трудовъ, ихъ соціальныхъ и политическихъ стремленій. Въ началѣ своей работы Ламанскій говоритъ: „Имѣетъ-ли западно-славянская образованность какое-нибудь значеніе въ исторіи ново-европейской образованности и какое именно? Въ какомъ отношеніи къ ней находится наша старая допетровская и новая съ XVIII в. до новѣйшаго времени“? Эти вопросы, замѣчаетъ Ламанскій (стр. 414), такъ важны и необходимы для пониманія исторіи и ново-европейской и русской образованности, что они всегда скрыто подразумѣваются во всѣхъ нашихъ толкахъ, преніяхъ и разсужденіяхъ объ отношеніяхъ западной Европы къ Россіи древней и новой“. Ламанскій ясно сознавалъ, что не выводя этихъ вопросовъ наружу изъ ихъ скрытаго состоянія, не ставя ихъ отдѣльно, мы никогда не можемъ ни точно опредѣлить себѣ, ни вѣрно объяснить историческими данными какъ главныхъ положеній, такъ и отрицаній нашихъ о характерѣ западно-европейской образованности и русской культуры,—прошлой, настоящей и будущей,—особенно если, „какъ это почти всегда и бываетъ, мы разумѣемъ подъ западно-европейской образованностью исключительно романо-германскую, а подъ русскою—исключительно славянскую“. Ламанскій совершенно справедливо думалъ, что предположенные имъ очерки должны были указать, что эти два общіе, отмѣченные выше вопроса, распадаются на множество занимательныхъ частныхъ вопросовъ, вызывающихъ цѣлый рядъ новыхъ историческихъ и критическихъ трудовъ относительно самыхъ важныхъ явленій европейской образованности XV—XVII в.в. по исторіи художествъ, наукъ нравственныхъ и точныхъ. Насколько эти очерки въ полномъ своемъ объемѣ были бы цѣнны и важны, видно изъ предложеннаго Ламанскимъ введенія къ нимъ. Здѣсь въ сжатомъ видѣ, но весьма рельефно и доказательно, изложены главнѣйшія черты историческаго развитія и общей внутренней связи разныхъ попытокъ и стремленій всего славянскаго племени къ достиженію государственной самостоятельности и утвержденію національной независимости. Такого рода освѣщеніе историческаго матеріала всегда можетъ быть лучшимъ опроверженіемъ всякихъ выставленныхъ нѣмцами обвиненій

[1]) «Славянскій Сборникъ» т. I. (Петроградъ, 1875).

противъ славянъ и отрицаній ихъ пригодности для творческой работы. Своей работой о „видныхъ дѣятеляхъ славянской образованности“ Ламанскій прекрасно показалъ это.

Изслѣдователями исторіи изученія судебъ славянъ давно вполнѣ справедливо было отмѣчено [1]), что въ глазахъ Ламанскаго славянскій вопросъ не заключался только въ романтическомъ культѣ народности; у него онъ возводился къ основному положенію о вѣковой исторической судьбѣ славянъ, объ отличительныхъ особенностяхъ славянской племенной природы, славянской цивилизаціи, просвѣщенія, наконецъ, о современныхъ политическихъ отношеніяхъ славянства, которыми опредѣлялась возможность болѣе или менѣе широкой дѣятельности племени въ смыслѣ его національныхъ свойствъ. У Ламанскаго въ рѣшеніи этихъ вопросовъ не было уклончивости, двойственности или колебанія. Онъ опредѣленно призывалъ всѣхъ славянъ къ единенію съ Россіей, для которой считалъ необходимымъ стоять всегда во главѣ всего славянства въ дѣлѣ выработки самостоятельной славянской культуры, въ установленіи славянской самобытности. Въ статьѣ [2]) *„Россія уже тѣмъ полезна славянамъ, что она существуетъ“* Ламанскій далъ блестящую программу необходимыхъ взаимоотношеній Россіи и всего славянства. На пользѣ Россіи для славянъ, по его мнѣнію, и пользѣ славянъ для Россіи утверждается ученіе о солидарности и общности ихъ національныхъ интересовъ. Сознаніе ея въ умахъ русскихъ и славянскихъ и составляетъ такъ называемую *идею славянскую*. „Простой фактъ существованія милліоновъ родныхъ братьевъ за предѣлами Россіи возвышалъ, окрылялъ русскіе помыслы, раздвигалъ границы мысли, не дозволялъ русской душѣ очерствѣть въ тѣсномъ, національномъ эгоизмѣ, питалъ и поддерживалъ въ ней чуткую отзывчивость и благоволеніе къ людямъ“... Это по глубокому убѣжденію Ламанскаго русскіе всегда чувствовали и понимали такъ же, какъ другіе славяне сознавали возможность мощной поддержки и помощи Россіи. „Предположите, говоритъ онъ, что мы всѣ, нашъ народъ, общество, правительство были бы по вѣрѣ не христіане, а мусульмане, по крови же и языку не славяне, а турки. Или предположите, что мы всѣ и христіане, да не славяне, а нѣмцы“. Въ томъ и другомъ случаѣ отъ существованія Россіи былъ бы для славянъ одинъ только вредъ. Славянамъ въ виду всего сказаннаго нѣтъ надобности искать поддержки, связи, единенія внѣ своего племени. Они могутъ и должны быть самобытными, могутъ и должны развиваться собственными силами. На естественный вопросъ о средствахъ для достиженія всего этого Ламанскій отвѣчаетъ опредѣленно и ясно.

„Распространеніе русскаго языка въ земляхъ славянскихъ, по его мнѣнію, очень упроститъ и облегчитъ рѣшеніе этихъ важныхъ

[1]) Ср. Пыпинъ, „Русское славяновѣдѣніе въ XIX ст.“ В. Евр. 1889 г. № 9.

[2]) Сборникъ «Братская Помочь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины» (Петроградъ, 1876).

политическихъ вопросовъ, ибо съ этимъ условіемъ образованіе общаго славянскаго союза не представляетъ громадныхъ трудностей.... Отъ насъ требуется много энергіи, сильнаго напряженія духа, чтобы добровольное принятіе нашего языка славянами за обще-славянскій языкъ сдѣлать для нихъ внутреннею, нравственною необходимостью. Для этого нужно, чтобы русскій языкъ сталъ носителемъ великихъ началъ любви и свободы, необходимымъ дѣятелемъ общечеловѣческаго просвѣщенія“ [1]).

Подчеркивая эти идеи въ очень длинномъ рядѣ статей, рѣчей и докладовъ, Ламанскій въ 1892 г. снова всѣ свои наблюденія по данному вопросу пересмотрѣлъ въ большой и обстоятельной статьѣ [2]): — *„Три міра азійско-европейскаго материка“*. Въ трудѣ этомъ онъ приводилъ собранныя имъ данныя о трехъ мірахъ, т. е. о романо-германскомъ, мірѣ собственной Азіи и мірѣ Среднемъ. Къ послѣднему, какъ обладающему особой культурой, и нужно отнести всѣ земли славянскія во главѣ съ Россіей, которой здѣсь принадлежитъ первенствующая роль.

Вліяніе Россіи на различныя страны „средняго“ міра было всегда значительно и существенно. Особенно оно было благотворно и глубоко преимущественно тамъ, гдѣ Россія дѣйствовала массою, гдѣ русскій народъ такъ или иначе проявлялъ свою силу, гдѣ нельзя безъ него обойтись, напр., арміей, флотомъ, языкомъ, народною поэзіей. Менѣе сильно, менѣе глубоко и менѣе благотворно было вліяніе русской школы, образованности и литературы. Ламанскій объ этомъ очень скорбѣлъ, а потому и предъявлялъ въ этой области рядъ серіозныхъ требованій. „Русская школа, говоритъ онъ [3]), какъ народная, такъ средняя и высшая, находится еще въ положеніи далеко не блестящемъ. Наша образованность и наша образовательная литература, за исключеніемъ немногихъ добрыхъ и свѣтлыхъ явленій, страдаетъ еще великими пробѣлами, недостатками, даже крупными

---

[1]) „Національности итальянская и славянская въ политическомъ и литературномъ отношеніяхъ“ (Петроградъ, 1865), стр. 92. Ту же мысль о значеніи русскаго языка для славянъ Ламанскій высказывалъ въ различныхъ своихъ статьяхъ и раньше (напр. „Сербія и южно-слав. провинціи Австріи“.—Отеч. Записки 1864 г. № 2, № 5). Названная здѣсь работа Ламанскаго о національностяхъ итальянской и славянской имѣетъ большое значеніе не только въ области славяновѣдѣнія. Дѣло въ томъ, что нѣмецкіе историки Рима—Швеглеръ, а особенно Момзенъ—по соображеніямъ политическимъ доказывали, что поэтическій даръ присущъ греческому и германскому племенамъ и совершенно чуждъ славянамъ и древнимъ римлянамъ. Въ связи съ этимъ мнѣніемъ была оставлена мысль Нибура о carmina convivalia, какъ объ основѣ исторической традиціи. Ламанскій въ указанной работѣ обнаружилъ всю нелѣпость мнѣнія нѣмецкихъ ученыхъ по данному вопросу. Подъ вліяніемъ его соображеній наши русскіе ученые В. И. Модестовъ и Ю. А. Кулаковскій вернулись, какъ указалъ мнѣ проф. В. В. Варнеке,—къ мнѣнію Нибура, которое теперь и въ западной научной литературѣ снова начинаетъ получать широкое признаніе.

[2]) „Славянское Обозрѣніе“ за 1892 г.

[3]) Ib. стр, 478 и слѣд.

пороками. Въ нашей школѣ, и ученой литературѣ, въ русской образованности вообще еще очень мало здороваго, русскаго, національнаго. Еще сильна въ насъ, русскихъ, непривычка думать своимъ умомъ и работать самостоятельно, еще въ нашихъ работахъ всякаго рода въ значительной долѣ участвуютъ невнимательность, несосредоточенность, неряшество, разгильдяйство и, можно даже сказать, нерѣдко настоящая недобросовѣстность". „Наша школа и общественная жизнь не даютъ юношеству и молодежи должной нравственной и умственной выправки и самообладанія". „Администрація наша, столичная и провинціальная, еще понынѣ славится своею неточностью, неисполнительностью и халатностью, по крайности въ отношеніяхъ къ мелкой публикѣ и къ народу". „Всѣ лучшія наши стремленія и намѣренія о внутреннемъ развитіи Россіи, говоритъ Ламанскій въ другомъ мѣстѣ [1]), могутъ быть неожиданно прерваны, все ея существованіе можетъ подвергнуться страшнымъ испытаніямъ и ударамъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, сама Россія этого внѣшняго бѣдствія, войны съ ея ужасами никогда не вызоветъ. Но при нынѣшнемъ напряженномъ положеніи Европы и ея страшныхъ вооруженіяхъ, при извѣстномъ планѣ наступательной войны Германіи и Австро-Венгріи съ Россіей, государство наше не можетъ не готовиться къ отпору". Констатируя все это, Ламанскій въ видѣ грознаго предостереженія замѣчалъ: „Главный расчетъ германскихъ военныхъ стратеговъ въ будущей предполагаемой войнѣ съ Россіей основанъ именно на неряшливости и неисправности какъ желѣзнодорожныхъ, такъ и прочихъ нашихъ органовъ управленія". Вслѣдствіе всего этого вполнѣ естественнымъ должно признать выводъ Ламанскаго, „что наша образованность мало еще отвѣчаетъ потребностямъ и задачамъ Россіи, мало опознала духовныя и насущныя нужды славянства, всего *нашего міра*, гдѣ ей досталось первое мѣсто". Я назвалъ это положеніе Ламанскаго вполнѣ естественнымъ, такъ какъ съ точки зрѣнія исторіи славянскихъ отношеній къ Россіи приходится съ грустью констатировать, что мы, русскіе, въ прошломъ не разъ упускали благопріятные случаи съ пользой для себя, съ выгодами для нашего русскаго дѣла занять надлежащее положеніе въ славянскомъ мірѣ, поставивъ на международныхъ судбищахъ, въ видѣ разныхъ конгрессовъ, свой престижъ на должную высоту, а вмѣстѣ съ тѣмъ не разъ оказывали довѣріе *нѣмцамъ*, совершенно забывая, что это исконный нашъ врагъ. Мы всегда мало занимались славянствомъ, мало интересовались отношеніями къ отдѣльнымъ его членамъ со стороны народовъ иныхъ племенъ, мы предоставляли это лишь такимъ искреннимъ славистамъ, какъ покойный Ламанскій. Вмѣстѣ съ этимъ, однако, мы мало прислушивались къ ихъ словамъ и

[1]) Ibid. стр. 505, 479, 480.

мнѣніямъ, такъ какъ вообще мало учились, мало работали надъ собой. Не будетъ, кажется мнѣ, несправедливымъ, если мы скажемъ, что своевременный учетъ мыслей Ламанскаго не заставилъ бы насъ нынѣ съ такой неизбѣжной и законной настойчивостью вступить въ борьбу съ Германіей, признавъ, наконецъ, ее исконнымъ врагомъ Россіи, врагомъ всего славянства. Въ данную минуту,—мы это можемъ говорить съ радостью и увѣренностью,—самосознаніе наше проснулось; мы уразумѣли свои задачи, какъ народа, поставленнаго судьбой во главѣ міра славянскаго,—и поняли, что въ этомъ мірѣ мы можемъ и должны играть исключительную по своей авторитетности роль народа—вершителя судебъ въ борьбѣ съ міромъ германскимъ. Съ выясненіемъ всего этого должны, конечно, получить особую цѣнность и значеніе также и тѣ требованія, которыя ставилъ Ламанскій, какъ условія для достойнаго выполненія возложенной судьбой на Россію миссіи въ рѣшеніи славянскаго вопроса. Слависты предшествовавшаго Ламанскому поколѣнія усердно и съ искренней теплотой занимались изученіемъ отдѣльныхъ вопросовъ въ жизни различныхъ славянскихъ племенъ, подчеркивая необходимость той „славянской взаимности", о которой такъ усиленно говорилъ въ свое время Колларъ. Однако эти мечтанія о „славянской взаимности", о славянскомъ единеніи не получали никакихъ реальныхъ формъ, а потому почти не было поставлено никакихъ условій, при которыхъ могли быть рѣшаемы тѣ или иные моменты отношеній славянъ другъ къ другу, а также и къ сосѣдямъ. Ламанскій, пройдя школу указанной выше стадіи развитія русскаго славяновѣдѣнія, остался отъ нея почти совершенно независимымъ; не будетъ, думается мнѣ, большой смѣлостью сказать даже, что онъ съ раннихъ моментовъ своей дѣятельности увлеченъ былъ славянофильской школой, которая въ теоріяхъ Кирѣевскаго и Хомякова поставила рядъ теоретическихъ вопросовъ въ философской формѣ. Вопросы эти нуждались въ провѣркѣ на фактахъ, въ объясненіи научными изученіями матеріала, предлагаемаго все болѣе и болѣе укрѣплявшимся въ Россіи славяновѣдѣніемъ, какъ научной дисциплиной, какъ самостоятельной областью знанія и изученія. Необходимость именно такого рода перенесенія отвлеченныхъ идей славянофильства на научную почву была сознана и другими изслѣдователями судебъ славянства, напр., Гильфердингомъ, но у Ламанскаго это отношеніе къ вопросамъ даннаго порядка получило характеръ и видъ исключительной, весьма строго и выдержанно продуманной и опредѣленной системы. Его многочисленныя работы,—изслѣдованія, статьи, замѣтки, публикаціи матеріаловъ (всего числомъ свыше 500)—всѣ проникнуты тѣми мыслями и мнѣніями о славянствѣ вообще и о Россіи въ частности, которыя я пытался формулировать выше на основаніи наиболѣе крупныхъ работъ его. Ламанскій, какъ я уже упоминалъ, съ большимъ усердіемъ относился къ изученію памятниковъ русской старины, онъ старательно собиралъ матеріалы для выясненія внут-

ренней жизни Россіи, для опредѣленія особенностей ея быта. Разсматривать, даже просто перечислять всѣ его работы по русской исторіи вообще, въ частности по исторіи русскаго быта я, конечно, здѣсь не могу. Скажу лишь, что онѣ затрагиваютъ массу интересныхъ сторонъ русской жизни и должны быть признаны очень цѣннымъ матеріаломъ для подтвержденія столь опредѣленно признаваемой Ламанскимъ необходимости всесторонняго изученія Россіи. Его статьи (съ матеріалами) объ отношеніи русскихъ къ грекамъ, о крестьянскомъ вопросѣ, о старомъ рекрутскомъ наборѣ въ Россіи, комментаріи къ письмамъ Потемкина, Румянцева, Щербатова, Новикова, Сумарокова, его матеріалы о Ломоносовѣ, матеріалы по вопросу объ учрежденіи въ Россіи народныхъ училищъ, объясненіе грамотъ славянскихъ правителей къ русскимъ императорамъ и т. д.,—все это является поучительнымъ и необходимымъ для выполненія главнѣйшей для насъ задачи—полнаго и детальнаго знанія русскихъ нравовъ, русскаго быта, русской жизни.

Проявленная крайняя и высшая степень добросовѣстности въ дѣлѣ изученія матеріаловъ по исторіи Россіи Ламанскимъ обнаруживалась, какъ обычное его ученое качество, всякій разъ, когда онъ приступалъ къ разработкѣ какихъ-либо историческихъ источниковъ. Вопросы, которые имъ намѣчались, были всегда весьма важны и обыкновенно имѣли въ виду выясненіе широкихъ перспективъ въ той области изученія соотношенія „двухъ міровъ“, которые, какъ мы видѣли, составляли главный его научный интересъ. Яркое выраженіе всѣхъ этихъ отношеній къ изучаемому предмету мы находимъ въ монументальномъ трудѣ Ламанскаго—„Secrets d'Etat de Venise“, который вышелъ въ 1884 году и былъ результатомъ 15 лѣтней разработки собранныхъ имъ документовъ въ библіотекахъ и архивахъ Венеціи. „Государственныя тайны Венеціи“—есть сборникъ документовъ и этюдовъ, т. е. матеріаловъ, снабженныхъ обширными экскурсами и поясненіями [1]). Центръ тяжести этой книги, конечно, не въ „государственныхъ тайнахъ Венеціи“, а въ новомъ освѣщеніи многихъ темныхъ сторонъ такъ-называемаго „восточнаго вопроса“, т. е. исторіи культурныхъ и политико-экономическихъ отношеній греко-славянскаго востока къ романо-германскому западу въ XV и особенно XVI в.в.

Венеція въ дѣлѣ установленія опредѣленнаго порядка на Востокѣ играла роль замѣтную, отъ нея чрезвычайно многое зависѣло для положенія предѣловъ расширенію могущества турóкъ, въ опредѣленіи ихъ отношеній къ подвластнымъ христіанамъ. Ея въ полной мѣрѣ растлѣвающее воздѣйствіе на владыкъ Порты, которая подъ вліяніемъ

[1]) Разборъ этого труда Ламанскаго сдѣланъ А. С. Будиловичемъ въ 1885 г. въ Ж. М. Н. Пр. По своей цѣнности заключающійся въ этомъ трудѣ Ламанскаго матеріалъ заслуживаетъ детальной и всесторонней обработки для изученія различныхъ сторонъ исторіи, но, къ сожалѣнію, онъ не вызвалъ, насколько мнѣ извѣстно, ни одной такой работы, не привлекъ вниманія ни одного изъ нашихъ изслѣдователей.

Венеціи, ограждавшей свои торгашескіе интересы на Балканскомъ полуостровѣ, замѣтно развращалась, давно уже получало выясненіе, благодаря попадавшимъ на свѣтъ сокровеннымъ документамъ изъ итальянскихъ архивовъ. Таковы, напр., были свѣдѣнія, опубликованныя еще въ 1872 году Макушевымъ (донесенія Сангундино и др.), но наука не располагала матеріаломъ для детальной характеристики Венеціи, какъ одного изъ элементовъ, игравшихъ роль въ восточномъ вопросѣ.

Ламанскій далъ намъ такой матеріалъ. „Государственныя тайны" рисуютъ намъ Венецію съ самой неприглядной стороны, такъ какъ обнаруживаютъ всю непристойность и неразборчивость средствъ, къ которымъ она прибѣгала для сохраненія своей власти на Востокѣ, для достиженія тамъ своихъ эгоистическихъ цѣлей. Точкой отправленія для діагноза государственныхъ болѣзней старой Венеціи, Ламанскій избралъ факты *политическихъ убійствъ*, которыя на основаніи опубликованныхъ документовъ должны быть признаны для Венеціи обычнымъ государственнымъ пріемомъ, получавшимъ высшую санкцію въ Совѣтѣ X. Исторія политическихъ убійствъ Венеціи интересуетъ насъ въ матеріалахъ, изданныхъ Ламанскимъ, конечно, не однѣми только этическими сторонами. Она имѣетъ непосредственное отношеніе къ судьбѣ народовъ того времени, такъ какъ обязательно отражалась на ней. Не разъ Венеціанское правительство убирало съ политической арены предательски организованнымъ отравленіемъ или ударомъ кинжала крупныхъ государственныхъ лицъ и тѣмъ обрывало нити разнообразныхъ дипломатическяхъ затѣй, вмѣстѣ съ этимъ оно на сцену выводило иныхъ дѣятелей, выдвигая новыя идеи, комбинаціи и отношенія. Убійства Матвѣя Корвина, Карла VIII, Александра VI, Льва X вполнѣ это подтверждаютъ. Ламанскій въ своемъ сборникѣ длиннымъ рядомъ документально обоснованныхъ примѣровъ показываетъ, какъ подобнаго рода пріемы Венеціи отражались на ея отношеніяхъ къ грекамъ, къ славянамъ и т. д. Не ставя себѣ задачей исчерпать или просто пересказать даже главнѣйшіе выводы, къ которымъ приходитъ Ламанскій, публикуя собранные имъ матеріалы, я скажу лишь, что въ его „Государственныхъ тайнахъ" можно найти массу чрезвычайно цѣнныхъ данныхъ для надлежащаго освѣщенія очень многихъ вопросовъ жизни Европы XV и XVI в.в., напр. роли папскаго Рима въ томъ же восточномъ вопросѣ. Отдѣльные экскурсы въ этомъ трудѣ Ламанскаго очень любопытны для выясненія политики и другихъ государствъ Европы; напр., такое значеніе имѣетъ его разсужденіе о роли инородцевъ въ старой Венеціи и новой Австро-Венгріи, о борьбѣ романо-германскаго запада съ греко-славянскимъ востокомъ и др. Изучая, публикуя и объясняя весь этотъ матеріалъ, Ламанскій не чуждъ былъ, конечно, желанія открыть изнанку западно-европейской жизни въ вѣкѣ возрожденія и гуманизма, какъ достойный противовѣсъ всѣмъ тѣмъ укорамъ и навѣтамъ, которые всегда такъ усердно и охотно направлялись противъ міра греко-славянскаго, являвшаго своей исто-

ріей по мнѣнію нѣкоторыхъ западныхъ, главнымъ образомъ нѣмецкихъ ученыхъ, однѣ лишь темныя стороны нравовъ и культуры.

Обладая глубокимъ критическимъ анализомъ, способностью мелкіе факты соединять въ общую картину для характеристики цѣлой эпохи, Ламанскій въ теченіе своей многолѣтней литературной и ученой дѣятельности не разъ выступалъ съ трактатами по очень спеціальнымъ вопросамъ славянской старины. Въ этой области онъ преимущественно останавливалъ свое вниманіе на тѣхъ отдѣлахъ славяновѣдѣнія, которые наиболѣе могутъ быть признаны показательными для выясненія раннихъ культурныхъ запросовъ славянства. Къ числу такихъ работъ нужно отнести его статьи:—*„Непорѣшенный вопросъ“*, въ которой авторъ разбираетъ исторію древне-церковно-славянскаго языка, какъ языка искусственнаго, смѣшаннаго, приводя о ранней культурной исторіи славянъ рядъ весьма цѣнныхъ соображеній изъ разнообразныхъ источниковъ[1]), *«Новѣйшіе памятники древне-чешскаго языка»*,[2]) *«Появленіе и развитіе литературныхъ языковъ у народовъ Славянскихъ»*[3]), *«Славянское житіе св. Кирилла, какъ религіозно эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ»*[4]).

Разбирая затронутые вопросы, Ламанскій стремился дать самостоятельную, вытекающую изъ разсмотрѣнія длиннаго ряда фактовъ оцѣнку занимающаго его дѣятеля, памятника или событія. Иногда съ нимъ не во всемъ можно согласиться, не все иногда можно признать окончательно установленнымъ, но все, что имъ высказано, требуетъ у читателя особаго вниманія къ привлекаемому матеріалу и вызываетъ потребность въ новыхъ розысканіяхъ. Это, напр., можно съ особенной ясностью видѣть въ названной выше работѣ о житіи св. Кирилла. Здѣсь мы имѣемъ въ совершенно новомъ освѣщеніи Хазарскую миссію св. Константина (Кирилла) съ очень усиленнымъ подчеркиваніемъ, что она была направлена къ руссамъ, здѣсь же мы встрѣчаемъ различнаго рода предположенія о составѣ извѣстныхъ Паннонскихъ житій свв. Кирилла и Меѳодія и т. д. Эти и другія положенія вызываютъ возраженія[5]), но они имѣютъ значеніе, какъ указанія, что многіе коренные вопросы славянской культурной исторіи далеко еще не разрѣшены окончательно, но что въ этой области возможны новыя допущенія, новыя освѣщенія. Изслѣдователямъ считаться съ этимъ необходимо, какъ съ плодомъ мысли одного изъ крупнѣйшихъ славистовъ нашего времени. Работа о житіи св. Кирилла Ламанскимъ

[1]) Ж. Мин. Нар. Просв. 1869.
[2]) Ж. Мин. Нар. Просв. 1879, 1880 г.
[3]) Изв. Отд. Русск. яз. и слов. т. VI.
[4]) Ж. Мин. Нар. Просв. 1903, 1904 г.
[5]) Изъ числа такихъ вызванныхъ трудомъ Ламанскаго статей нужно назвать, какъ особенно цѣнную, статью покойнаго Е. Е. Голубинскаго. «По поводу перестроя В. И. Ламанскимъ исторіи дѣятельности Константина философа, первоучителя Славянскаго» — Изв. Отд. русск. яз. и слов. Т. XII, кн. 2, стр. 368 и слѣд.

окончена не была. Судя по ходу его разсужденій, по характеру высказанныхъ въ ней положеній, мы можемъ съ увѣренностью предполагать, что она въ полномъ своемъ объемѣ дала бы исчерпывающую картину длиннаго періода культурной исторіи славянъ, ихъ мечтаній и стремленій. Вотъ что Ламанскій, думая приступить къ дальнѣйшему разсмотрѣнію отдѣльныхъ положеній въ вопросѣ объ изобрѣтеніи славянскаго письма, сказалъ въ концѣ [1]) напечатанной части этого своего изслѣдованія: „Предварительно считаемъ нужнымъ охарактеризовать литературное, научное и общественное движеніе западныхъ славянъ со времени Добровскаго до начала XX вѣка и такое же движеніе у насъ въ Россіи со времени Востокова и Горскаго, преимущественно въ предѣлахъ славяновѣдѣнія и византологіи". Ламанскій считалъ необходимымъ такой экскурсъ для уясненія различныхъ мнѣній по Кирилло-Меѳодіевскому вопросу и, конечно, далъ бы намъ въ немъ полное, детальное и исчерпывающее разсмотрѣніе всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые интересовали его съ первыхъ моментовъ ученой и литературной дѣятельности... Предполагая объ этомъ по данной Ламанскимъ постановкѣ намѣченныхъ имъ для дальнѣйшаго разбора вопросовъ, мы можемъ только искренно и глубоко сожалѣть, что трудъ этотъ имъ не былъ доведенъ до конца...

Характеризуя ученую дѣятельность Ламанскаго, я не могу не остановиться на работѣ его въ качествѣ редактора изданія „Живая Старина". Ламанскій, какъ я уже отмѣтилъ, по окончаніи курса университета сталъ принимать дѣятельное участіе въ трудахъ Императорскаго Русскаго Географическаго общества. Въ 1865 г. онъ былъ избранъ предсѣдателемъ отдѣла этнографіи этого Общества и тогда же во вступительной рѣчи [2]) высказалъ свой взглядъ на важность этнографіи вообще, а въ частности на значеніе этнографическихъ изученій Россіи. Ведя съ указаннаго времени названный этнографическій отдѣлъ, Ламанскій въ 1890 г. явился иниціаторомъ и редакторомъ изданія „Живая Старина". Первая книга его выпущена была съ обширнымъ вступленіемъ отъ редактора, здѣсь обстоятельно выяснены задача, программа и цѣль изданія. „Мы, русскіе, говоритъ здѣсь Ламанскій, не можемъ не приходить въ сильное смущеніе, когда намъ приходится слышать и читать, какъ англичане, французы, нѣмцы нерѣдко выражаются про себя, что они еще мало знаютъ свою страну и свой народъ. Не приходится ли тогда намъ сознаваться, что мы и того меньше знаемъ нашу Россію"? Мы знаемъ уже, что знакомство съ Россіей для содѣйствія ея величію, для облегченія ей выполнить роль руководительницы во всемъ славянскомъ мірѣ Ламанскій считалъ серіозной обязанностью русскаго общества; онъ признавалъ

---

[1]) Мин. Нар. Просв. 1904 г. № 5, стр. 167, 168.

[2]) Напечатана въ «Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общ. 1865 г. т. I.

непреложнымъ условіемъ въ цѣляхъ политическаго развитія Россіи широкое просвѣщеніе ея массъ народныхъ. Въ виду этого въ предисловіи къ первому выпуску „Живой Старины“ онъ, поставивъ указанный выше вопросъ о томъ, что мы Россіи не знаемъ, выясняетъ тѣхъ лицъ, при помощи работы которыхъ можетъ быть выполнено детальное собираніе необходимыхъ о Россіи свѣдѣній. Физическія свойства, наружность, внѣшніе признаки населенія Россіи, языкъ, народныя преданія его, памятники въ различныхъ мѣстахъ Россіи, домашній бытъ различныхъ слоевъ общества русскаго—вотъ тѣ стороны, на которыя можетъ, если захочетъ, обратить вниманіе всякій. „Зародышъ знанія, зачатки интереса къ различнымъ его отраслямъ западаютъ и развиваются, въ душѣ человѣка еще съ самаго ранняго младенческаго возраста“. Эту природную склонность человѣка легко можно использовать у насъ въ Россіи для цѣлей собиранія различныхъ необходимыхъ матеріаловъ. Для достиженія этого нужно помочь проникновенію въ широкія массы знанія, просвѣщенія, что можетъ быть достигнуто путемъ распространенія въ нихъ хорошихъ книгъ съ научными свѣдѣніями. „Наша литература однако, замѣчаетъ Ламанскій, еще очень бѣдна по этой части, у насъ не выработаны ни пріемы, ни языкъ для самоучителей или дешевыхъ, краткихъ, но толково, ясно изложенныхъ, съ богатствомъ фактовъ, пособій по различнымъ отраслямъ чистаго и прикладнаго знанія“. Такія книги народу нужно дать, чтобы онъ имѣлъ матеріалъ для чтенія и по выходѣ изъ школы. „Какъ жалка, говоритъ Ламанскій, тамъ элементарная школа, гдѣ обучавшійся въ ней два, три года, забываетъ впослѣдствіи и письмо и грамоту, такъ не завидна и средняя и высшая школа, когда окончившіе въ нихъ свое образованіе юноши и молодые люди не вынесутъ изъ нея и не сохранятъ на всю жизнь уваженія къ знанію, любви къ тому или другому его отдѣлу, охоты и привычки къ извѣстному научному или техническому труду“... „Человѣкъ, получившій извѣстное образованіе, не можетъ безнаказанно отворачиваться отъ науки, иначе онъ погибаетъ, опускается, падаетъ“. „Живая Старина“ по идеѣ Ламанскаго должна была стать центромъ, куда могли быть направляемы матеріалы, собранные каждымъ, въ комъ таится искра знанія, имѣется доля желанія ближе познакомиться съ Россіей.

Въ „Живой Старинѣ“, какъ извѣстно, за всѣ годы изданія появилось много цѣннаго матеріала, любопытныхъ наблюденій; авторы статей и замѣтокъ были изъ всевозможныхъ слоевъ населенія: сельскіе учителя, крестьяне, ученики учебныхъ заведеній. Сколько изъ этого матеріала можно извлечь чрезвычайно важныхъ выводовъ для познанія Россіи, знаетъ всякій, кто имѣлъ дѣло съ этимъ прекраснымъ изданіемъ. Не трудно поэтому сдѣлать выводъ о той громадной услугѣ, которую Ламанскій оказалъ дѣлу просвѣщенія Россіи, т. е. тому дѣлу, которое онъ считалъ важнѣйшимъ для выясненія основного вопроса о положеніи и роли нашей родины въ семьѣ славянскихъ народовъ.

Я указалъ только очень небольшое число трудовъ В. И. Ламанскаго, я не коснулся его рѣчей и докладовъ въ Географическомъ Обществѣ, не назвалъ его многочисленныхъ сообщеній и чтеній въ Петроградскомъ Славянскомъ благотворительномъ обществѣ. Сдѣлать все это у меня нѣтъ никакой возможности. Покойный Вл. Ив. Ламанскій 60 лѣтъ работалъ въ качествѣ писателя, профессора Петроградскаго университета (съ 1865 г.) и наконецъ академика. Весь этотъ длинный періодъ его трудовъ одухотворенъ одной мыслью, одной задачей—служенія просвѣщенію Россіи, роль которой въ смыслѣ политическаго организма, въ качествѣ представительницы особаго славянскаго міра детально и обстоятельно, во всеоружіи глубины знаній въ области славяновѣдѣнія онъ такъ прекрасно выяснилъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и указалъ ей средства, при помощи которыхъ она должна быть мощнымъ оплотомъ для этого міра.

Когда въ 1905 г. исполнилось 50 лѣтъ ученой дѣятельности Ламанскаго, его ученики и ученики его учениковъ въ предисловіи къ юбилейному сборнику своихъ статей говорили: „Вашъ юбилей, глубокочтимый Владиміръ Ивановичъ, имѣетъ общественно-историческое значеніе, какъ для Россіи, такъ и для всего славянства. Это вмѣстѣ нѣкоторымъ образомъ и юбилей новѣйшаго славянскаго возрожденія Россіи, юбилей подъема и замѣтнаго роста славянскаго самосознанія въ нашей наукѣ, литературѣ и жизни“. Слова эти сказаны людьми близко знакомыми съ трудами Ламанскаго, и съ нами всякій согласится, кто перечтетъ хоть нѣкоторыя статьи его.

„Славянское самосознаніе“, „славянское возрожденіе Россіи“ въ настоящее время не могутъ быть признаны только одними фикціями, абстрактными понятіями, это уже теперь опредѣленныя руководящія положенія, переходъ которыхъ въ жизнь русскую, въ русскую политику, воплощеніе въ опредѣленныхъ конкретныхъ формахъ и выраженіяхъ кажется близкимъ и вполнѣ возможнымъ. В. И. Ламанскій многое сдѣлалъ для этого и покончилъ свой жизненный путь, свой подвигъ научный, несомнѣнно, на рубежѣ новыхъ явленій въ общественной жизни всего славянскаго міра, во главѣ котораго достойно нынѣ занимаетъ первое мѣсто Россія. Онъ всю жизнь мечталъ объ этомъ, всю жизнь доказывалъ необходимость этого. Я говорилъ, что В. И. Ламанскій не сомнѣвался, что русскій языкъ долженъ въ славянскомъ мірѣ стать „носителемъ великихъ началъ любви и свободы, необходимымъ дѣятелемъ общечеловѣческаго просвѣщенія“. Этимъ завѣтомъ своимъ онъ возлагалъ на Россію великую задачу, выполнить которую можно лишь при условіи, если мы въ постоянныхъ и неуклонныхъ стремленіяхъ нашихъ къ *„общечеловѣческому просвѣ-*

щенію" будемъ помнить и другой завѣтъ его:[1]) «Недостатокъ опредѣлительнаго сознанія въ цѣльномъ народѣ и обществѣ бываетъ обыкновенно источникомъ слабости, ведетъ къ печальнымъ заблужденіямъ, по ложнымъ путямъ».

М. Г. Попруженко.

10 декабря 1914 года.

[1]) В. И. Ламанскій, «Три міра азійско-европейскаго материка», «Славянское Обозрѣніе» 1892 г. стр. 488.

436 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

12 января 1915 года.

Присутствовали: Подъ предсѣдательствомъ почетнаго члена академика Ѳ. И. Успенскаго, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: Б. В. Варнеке, А. Я. Шпаковъ, Б. А. Панченко, С. Д. Пападимитріу, В. Н. Мочульскій, Е. Н. Щепкинъ, А. В. Флоровскій, К. О. Лысаковскій, прот. С. В. Петровскій, свящ. Ѳ. А. Милановскій, П. М. Андріановъ, члены-корреспонденты: А. М. Гамовъ, В. И. Василенко, Х. С. Чернявскій.

Засѣданіе было открыто членомъ Совѣта Б. В. Варнеке, который привѣтствовалъ присутствовавшаго въ собраніи почетнаго члена академика Ѳ. И. Успенскаго, какъ достойнѣйшаго и высокаго представителя русской науки, стяжавшаго себѣ широкую извѣстность своими работами по византиновѣдѣнію и въ качествѣ директора Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ много способствовавшаго укрѣпленію русскаго культурнаго вліянія на Ближнемъ Востокѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ его оказать честь собранію принятіемъ на себя предсѣдательствованія въ немъ. Выразивъ благодарность, акад. Ѳ. И. Успенскій при единодушныхъ аплодисментахъ собравшихся занялъ предсѣдательское кресло.

Слушали:

1) Сообщеніе д. чл. Б. В. Варнеке — „Памяти почетнаго члена Общества А. Н. Шварца".

Постановили: Благодарить докладчика, а сообщеніе напечатать въ протоколѣ засѣданія.

2) Сообщеніе д. чл. полковника П. М. Андріанова объ истекшихъ 6 мѣсяцахъ Великой войны народовъ. Сообщеніе это, иллюстрированное географическими картами, состояло въ детальномъ изложеніи главнѣйшихъ моментовъ войны на всѣхъ фронтахъ.

Постановили: Благодарить докладчика за его сообщеніе.

3) Отношеніе Императорскаго Эрмитажа о томъ, что имъ препровождается для храненія въ Музеѣ монета греческаго царя Лизимаха изъ клада, найденнаго около Туапсе.

Постановили: Благодарить Императорскій Эрмитажъ.

Памяти А. Н. Шварца.

Скончавшійся 6 января 1915 г. на шестьдесятъ седьмомъ году жизни Александръ Николаевичъ Шварцъ былъ единогласно избранъ почетнымъ членомъ Общества въ 391 засѣданіи 15 декабря 1908 г. „за ученыя заслуги и благожелательное отношеніе къ Обществу", что выразилось между прочимъ въ проведеніи закона о дополнительномъ пособіи Обществу, получившаго Высочайшее утвержденіе 17 іюня 1909 г. (см. протоколъ 395 засѣданія 7 сен. 1909 г.).

Почившій сочленъ нашъ оставилъ по себѣ замѣтный слѣдъ въ области какъ административной, такъ и ученой дѣятельности. Помимо каѳедры классической филологіи въ томъ самомъ Московскомъ Университетѣ, гдѣ нѣкогда профессорствовалъ и его прадѣдъ Іоаннъ Георгъ Шварцъ, онъ занималъ послѣдовательно должности преподавателя въ частной гимназіи Креймана, инспектора во 2 Московской прогимназіи, директора 5 гимназіи, а затѣмъ Московскаго Межеваго Института, Попечителя Рижскаго, Варшавскаго, Московскаго учебнаго Округа, Члена Государственнаго Совѣта и Министра Народнаго Просвѣщенія.

Ближайшій ученикъ знаменитаго Ѳ. Е. Корша А. Н. Шварцъ, читавшій въ Университетѣ отвѣтственные курсы по греческой филологіи и археологіи, несомнѣнно, принадлежалъ къ числу блестящихъ Московскихъ профессоровъ недавняго времени. Этого не рискнули отрицать даже люди, безусловно враждебно къ нему настроенные (см. напр. замѣтку Asper—въ Русскихъ Вѣд. № 5 отъ 8 янв. 1915 г.). Однако эта напряженная служебная дѣятельность не помѣшала ему съ честью поработать и въ области науки, причемъ его интересы направлялись одинаково въ сторону и греческой литературы и классической археологіи.

По греческой словесности имъ опубликованы между прочимъ слѣдующія работы:

Рѣчь Гиперида за Евксенippa, магистерская диссертація, М. 1875.

Новые отрывки рѣчей Гиперида. *Фил. Обозр.* III. 1892, 3—39, 109—113.

Къ Гипериду. *Фил. Обозр.* IV. 1893.

XXII рѣчь Лисія и ея новое толкованіе. *Фил. Обозр.* VI. 1894.

Къ вопросу о времени написанія Политики Аристотеля. *Фил. Обозр.* VIII. 1895, 144—148.

Изъ наблюденій надъ Политикой Аристотеля. *Сборникъ статей въ честь Ѳ. Е. Корша.* 1896, 403—468.

Aristot. Polit. III. 8, 7. *Сборникъ въ честь Э. Р. фонъ-Штерна.* Одесса 1912, стр. 1—8.

Тріумфъ Пейфетера въ „Птицахъ" Аристофана. *Фил. Обозр.* XX. 1901. 3—16.

Аристотель и Θукидидъ. *Ж. М. Нар. Пр.* 1913. № 1, стр. 57—77.

Крупнѣйшей по объему его работой въ этой области явилась защищенная въ Одессѣ докторская диссертація: „О государствѣ Аѳинскомъ, сочиненіе неизвѣстнаго автора V вѣка". Москва 1891 г., стр. 174. Работа эта представляетъ собой очень остроумное и тонкое толкованіе этого чрезвычайнаго сложнаго и темнаго памятника древней политической литературы: т. н. Псевдо-Ксенофонтовой Аѳинской Политіи; съ ея основными положеніями ознакомилъ европейскихъ ученыхъ ученикъ почившаго проф. С. И. Соболевскій въ обстоятельной статьѣ, напечатанной по латыни въ голландскомъ журналѣ Mnemosyne (XXI 1893 г., стр. 182—195). Несмотря на крайнюю трудность, поставленной въ этой работѣ задачи, она была встрѣчена съ живѣйшимъ сочувствіемъ (см. рецензію Ѳ. Ф. Зѣлинскаго. *Фил. Обоз.* II. 1892, стр. 29—34), и заняла почетное мѣсто въ обширной литературѣ предмета (см. В. П. Бузескулъ. Введеніе въ исторію Греціи. Петроградъ 1915, стр. 126—127. А. А. Захаровъ. Сборникъ статей въ честь В. П. Бузескула. Харьковъ 1914 г., стр. 335—352).

По объему, особенно на установившуюся у насъ въ послѣдніе годы мѣрку, и эта диссертація не велика, но А. Н. Шварцъ видимо помнилъ мудрое изреченіе древняго поэта о большихъ книгахъ и умѣлъ на двухъ, трехъ страницахъ дать очень много и всегда сказать свое, самостоятельное слово. Непріятное впечатлѣніе производитъ лишь одна мелочь. Очень внимательно пересказывая иностранную литературу предмета, авторъ ни однимъ словомъ не обмолвился о своемъ русскомъ предшественникѣ—проф. Ю. А. Кулаковскомъ, который въ ранней своей работѣ по тому же вопросу внесъ не мало существенныхъ поправокъ въ теорію Мюллера Штрюбинга (*Кіев. Унив. Изв.* 1881 г. № 7, стр. 161—176). Но это грѣхъ далеко не одного А. Н. Шварца — блистать знакомствомъ съ подробностями иностранной библіографіи при незнаніи русскихъ работъ по тому же вопросу.

Вездѣ А. Н. Шварцъ, помимо глубокой начитанности въ древнихъ текстахъ, обнаруживаетъ самое цѣнное для филолога свойство—умѣніе стать на точку зрѣнія объясняемаго писателя и усвоить его образъ мыслей. Въ этомъ отношеніи особенно любопытна отмѣченная выше его замѣтка о „Птицахъ" Аристофана, котораго онъ вообще зналъ великолѣпно, постоянно привлекая для сопоставленій, очень цѣнныхъ и убѣдительныхъ. (См его замѣтку въ Сборникѣ въ честь Э. Р. фонъ-Штерна, ср. *В. П. Бузескулъ* въ томъ же сборникѣ стр. 62). Недаромъ изъ его школы вышелъ лучшій у насъ знатокъ Аристофана, С. И. Соболевскій Такъ же хорошо зналъ онъ Аристотеля, Гиперида, Лисія и другихъ греческихъ ораторовъ. (Въ 1873 г. онъ издалъ Олинѳскія

рѣчи Демосѳена и затѣмъ вернулся къ нему въ 1895 г. въ статьѣ: о школьномъ чтеніи и школьныхъ изданіяхъ Демосѳена. *Фил. Обозр.* VIII, 302—228).

Занятія древне-греческимъ искусствомъ у А. Н. Шварца, повидимому, стояли въ тѣсной связи съ завѣдываніемъ минцъ-кабинетомъ Московскаго Университета. Въ 1890 г. онъ выпустилъ описаніе древнегреческихъ глиняныхъ сосудовъ, принадлежащихъ Имп. Москов. Унив. и въ нѣсколькихъ изслѣдованіяхъ описалъ отдѣльно наиболѣе любопытные предметы этого собранія:

О нѣкоторыхъ расписныхъ вазахъ, принадлежащихъ университетскому минцъ-кабинету. (*Древности.* Труды Имп. Археол. Общества. XII, 1890, стр. 28. Нынѣ В. К. Мальмбергъ внесъ нѣсколько поправокъ въ предложенное А. Н. Шварцемъ толкованіе персонажей, изображенныхъ на этой вазѣ. См. его статью: Апулійская ваза. *Памятники музея изящныхъ искусствъ.* IV 1913 г., стр. 133—198).

О такъ называемыхъ панаѳинейскихъ скифосахъ. Москва 1890 г., стр. 26. Работа эта сохранила свое значеніе даже послѣ выхода новѣйшаго изслѣдованія G.v. Brauchitsch. Die Panathanäischen Preisamphoren. Lpz. 1910.

Въ этихъ статьяхъ, опять таки небольшихъ по объему, А. Н. Шварцъ ведетъ археологическое изслѣдованіе въ духѣ направленія, установленнаго школой Отто Яна, сосредоточивая свое вниманіе главнымъ образомъ на истолкованіи содержанія даннаго памятника путемъ сопоставленія съ литературными текстами.

Таковъ же характеръ и нѣкоторыхъ другихъ его работъ изъ этой области:

Къ вопросу объ истолкованіи одного неизданнаго античнаго бюста изъ собранія графа А. С. Уварова—*Древности.* XII (1888) стр. 17—30.

Замѣтка объ орнаментаціи саркофага, найденнаго близъ Анапы. Москва. 1893.

По поводу одной Керченской вазы. *Археологическія Извѣстія и Замѣтки.* 1894. № 3—4, стр. 81—87.

По поводу вазы съ рельефными изображеніями, найденной въ с. Парутино. *Древности.* XV. 1892, стр. 14—27.

Гермесъ Праксителя на монетѣ Анхіала. *Археологическія Извѣстія и Замѣтки.* 1893. № 3—4, стр, 102—111.

Для насъ статья эта особенно цѣнна, такъ какъ представляетъ собой попытку возстановить знаменитую статую Праксителя по монетѣ изъ собранія нашего Общества. Теперь эта очень любопытная монета издана *F. Münzer* и *M. L. Strack:* Die Antiken Münzen von Thracien. I 1. Berlin 1912. Табл. VI. № 12, стр. 233. № 2127, гдѣ указана и вся позднѣйшая литература по ея поводу.

Теперь осмотръ монеты обнаружилъ, что какъ-разъ предметъ въ рукѣ Гермеса настолько стерся, что не поддается опредѣленію. Не принялъ А. Н. во вниманіе также и того, что далеко не всегда на мо-

нетахъ памятники искусства воспроизводятся точно во всѣхъ своихъ подробностяхъ, какъ это доказалъ Т. Шрейберъ въ примѣненіи къ Аѳинѣ—Парѳеносъ. *Arch. Zeitung* XLI. 1883, стр. 195—196.

Если во всѣхъ указанныхъ работахъ по археологіи А. Н. Шварцъ, по преимуществу касаясь внутренняго истолкованія памятника, стоитъ на почвѣ, вполнѣ доступной для филолога, то подъ конецъ онъ переходитъ къ работамъ въ новомъ направленіи, установленномъ по преимуществу Г. Брунномъ и Ад. Фуртвенглеромъ—къ изученію художественнаго стиля памятниковъ. Сюда относится его очень любопытная работа:

Къ исторіи древне-греческихъ рельефовъ на золотыхъ вещахъ, найденныхъ въ южной Россіи. *Древности.* XV (1892) стр. 17—34.

Хотя эта область и мало доступна для чистаго филолога, но съ ней А. Н. Шварцъ справился такъ удачно, что эту статью считаетъ заслуживающей упоминанія и теперь даже такой знатокъ предмета, какъ Б. В. Фармаковскій (см. его статью: Золотая обивка налучій изъ Ильинецкаго и Чертомлыцкаго кургановъ. *Сборникъ статей въ честь гр. А. А. Бобринскаго.* СПБ. 1911 г., стр. 1, 7, 66 отд. оттиска). Вѣроятно, здѣсь помогъ почившему его общій интересъ къ вопросамъ искусства, выразившійся между прочимъ въ составленіи текста къ альбому геліогравюръ съ картинъ русскихъ художниковъ, изданному въ 1885 г. Кано и Ангереромъ Если не ошибаюсь, въ русской ученой литературѣ эта была первая попытка примѣненія къ классическимъ древностямъ этого новаго направленія, даже и теперь на Западѣ далеко не всегда господствующаго.

Помимо этихъ самостоятельныхъ трудовъ и нѣсколькихъ педагогическихъ работъ, А Н. оставилъ послѣ себя много критическихъ статей и рецензій. Ихъ списокъ приведенъ въ очеркѣ, составленномъ по случаю тридцатилѣтія его научной дѣятельности и напечатанномъ въ XIX томѣ Филол. Обозрѣнія 1900 г., стр. 152. Нѣсколько рецензій написалъ А Н. и въ послѣдніе годы жизни по оставленіи поста министра; онъ разобралъ въ нихъ:

1) Книгу Зюсса Aristophanes und die Nachwelt. *Ж. М. Нр. Пр.* 1911. № 10, стр. 341—351.

2) Переводъ С. А. Жебелева — Политика Аристотеля, *тамъ же* 1911. № 9, стр. 136—151.

3) Очень интересную книгу Хатвани: Die Wissenschaft des nicht Wissenswerten. *тамъ же.* 1912. № 8, стр. 262—272 Здѣсь авторъ попутно затрагиваетъ цѣлый рядъ весьма любопытныхъ вопросовъ, между прочимъ касаясь переводовъ Евангелія, выполненныхъ Львомъ Толстымъ и К. П. Побѣдоносцевымъ.

Несомнѣнно, что эти работы надолго сохранятъ въ признательной памяти ученыхъ имя почившаго.

Б. В. Варнеке.

437 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

23 февраля 1915 года.

Присутствовали: Подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта Б. В. Варнеке, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: А. В. Флоровскій, Е. Н. Щепкинъ, свящ. Ѳ. А. Миляновскій, члены-корреспонденты: А. М. Гамовъ, Х. С. Чернявскій.

Открывъ засѣданіе, предсѣдатель Б. В. Варнеке сообщилъ о смерти дѣйствительныхъ членовъ Общества академика Ѳедора Евгеніевича Корша († 16 февраля) и Алексѣя Константиновича Накко († 13 февраля), при чемъ о Ѳ. Е. Коршѣ онъ сказалъ слѣдующее: „16 февраля въ Москвѣ скончался ординарный академикъ, профессоръ Ѳедоръ Евгеніевичъ Коршъ. Вскорѣ послѣ его перехода изъ Московскаго университета въ Новороссійскій, въ 254 засѣданіи Общества 8 окт. 1890 г. А. А. Кочубинскій, А. И. Маркевичъ и В. А. Яковлевъ предложили избрать Ѳ. Е. Корша въ дѣйствительные члены Общества, а въ слѣдующемъ 255 засѣданіи 14 ноября 1890 г. состоялось самое избраніе. Среди многочисленныхъ и столь разнообразныхъ по своему содержанію трудовъ почившаго непосредственное отношеніе къ задачамъ Общества имѣла лишь весьма интересная статья его: «Колоссъ Домиціана», напечатанная въ *Археологическихъ извѣстіяхъ и замѣткахъ* 1895 г. № 9-10, стр. 289—300.

Выясненіе значенія всей ученой дѣятельности Ѳ. Е. Корша должно составить предметъ изслѣдованій многихъ спеціалистовъ, но уже ко времени настоящаго засѣданія въ газетахъ появился цѣлый рядъ замѣтокъ, посвященныхъ памяти этого великаго ученаго. Изъ ихъ числа особаго вниманія заслуживаютъ, какъ матеріалъ для будущаго біографа, статьи:

1) *А. А. Грушка.* Рус. Слово № 38.
2) *М. М. Покровскій.* Рус. Вѣд. № 38.
3) *М.И.Мандесъ.* Одесскій Листокъ № 50.
4) *А. Крымскій.* Утро Россіи № 47.
5) *А. А. Шахматовъ.* Русск. Вѣд. № 41.
6) *М. Біовичъ.* Русское Слово № 38.
7) *Вл. Гордлевскій.* Рус. Вѣд. № 40.
8) *С. Петлюра.* Рус. Вѣд. (ср. однако замѣтку *Ар—ъ* въ Утрѣ Россіи № 49.
9) *Д. Ушаковъ.* Рус. Вѣд. № 39.
10) (безъ подписи). Прав. Вѣст. № 40.
11) *В. Розановъ.* Новое Время № 13990.

Постановили: Почтивъ память скончавшихся сочленовъ вставаніемъ, отправить Императорской Академіи Наукъ слѣдующую телеграмму:

„Императорское Одесское общество исторіи и древностей приноситъ Академіи Наукъ выраженіе своей глубокой скорби по случаю понесенной ею невознаградимой утраты въ лицѣ почившаго Ѳедора Евгеніевича Корша. Предсѣдатель профессоръ Варнеке, секретарь профессоръ Попруженко".

2. Сообщеніе о томъ, что Совѣтъ Общества согласно выраженному нѣкоторыми членами желанія изготовилъ портретъ почетнаго члена академика Ѳ. И. Успенскаго.

Постановили: Одобрить рѣшеніе Совѣта, а портретъ помѣстить въ залѣ засѣданій.

3. Сообщеніе о томъ, что 27 марта сего года состоится празднованіе 50-лѣтія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Постановили: Просить д. чл. Общества проф. А. Я. Шпакова быть депутатомъ на этомъ юбилеѣ.

4. Сообщеніе д. чл. *А. В. Флоровскаго*—„Новыя данныя по исторіи выборовъ депутатовъ отъ городовъ въ Законодательную Коммиссію 1767 г.". Указавъ на отсутствіе въ литературѣ работъ по исторіи составленіи избирательнаго закона 14 декабря 1766 г., докладчикъ привелъ краткія свѣдѣнія о томъ, какъ имп. Екатерина II постепенно вырабатывала положеніе о городскихъ выборахъ, предполагая ранѣе призвать депутатовъ отъ купечества, затѣмъ отъ двухъ группъ городского населенія — купцовъ и цеховыхъ съ мѣщанами, что замѣнено было въ концѣ концовъ представительствомъ «жителей каждаго города». Въ исторіи примѣненія къ дѣлу этого положенія докладчикъ отмѣтилъ отсутствіе единства и опредѣленности какъ въ дѣятельности Сената, такъ и губернаторовъ и воеводъ. Рядъ населенныхъ пунктовъ, во внутренней жизни во всемъ соотвѣтствовавшихъ городамъ, не носилъ этого имени, и Сенатъ то требуетъ отъ нихъ депутата (сл. Казанская у г. Астрахани), то въ другихъ случаяхъ лишаетъ ихъ права представительства, несмотря на ясный смыслъ указа императрицы отъ 14 января 1767 г. Для губернаторовъ и воеводъ было, повидимому, не вполнѣ понятно и привычно безсословное представительство городовъ; и въ ихъ распоряженіяхъ чрезвычайно различно выполняется законъ,—то въ смыслѣ представительства только купечества, то въ смыслѣ представительства всѣхъ городскихъ домовладѣльцевъ Поправку въ этомъ послѣднемъ смыслѣ вноситъ герольдмейстерская контора, провѣрявшая полномочія и не принимавшая нѣкоторыя изъ нихъ, подписанныя одними лишь купцами. Для характеристики самаго производства выборовъ докладчикъ привелъ факты настойчивости лицъ admini

страціи въ дѣлѣ избранія, доходившей иногда до назначенія штрафовъ не явившимся избирателей или даже тѣлеснаго наказанія „батожьемъ“ (Касимовъ). Случаи, заочнаго избранія депутатовъ при этомъ иногда явно несоотвѣтствующихъ основнымъ понятіемъ о представительствѣ, какъ это было, напр., въ Курскѣ, гдѣ избранъ былъ Скорняковъ, о которомъ были свидѣтельства, что онъ безъ памяти и одержимъ „болѣзнью ипохондрическою“ могутъ свидѣтельствовать о характерѣ отношеній избирателей къ призыву императрицы.

Постановили: Благодарить докладчика.

5. Сообщеніе д. чл. Ю. Ю. Марти (прочитано Б. В. Варнеке): „Стихотворная эпитафія Аристона, сына Аристонова“.

Постановили: Напечатать въ протоколѣ настоящаго засѣданія.

6. Сообщеніе предсѣдателя о вновь поступившихъ въ музей пожертвованіяхъ:

Отъ А. М. Гамова:

XIV. 14—16. Три вида Хотинской крѣпости.

XII. 253. Портретъ гр. И. Д. Делянова.

VII. 254. Изображеніе памятника русскаго первопечатника Ѳедорова.

VII. 255. Группа профессоровъ и преподавателей Историко-филолог. факультета Имп. Нов. Унив. 1874 г.

VII. 256. Билетъ благотворительной лотереи 1891 г., въ пользу голодающихъ.

VII. 257. Ассигнація въ 3 рубля россійской соціалъ демократической республ. (Шаржъ).

VII. 258. Сторублевая ассигнація времени боксерскаго возстанія, на китайскомъ языкѣ.

VII. 259. Гербовый листъ 4 окт. 1873 г.

1) Медаль 1854 г. бронзовая.
2) „ „ мѣдная.
3) „ 1878 г. „
4) „ 1904—1905 г. мѣдная.
5) Фальшивый серебряный рубль 1898 г.
6) Копѣйка 1854 г.
7) ½ копѣйки 1854 г.
8) Копѣйка Александра II.

Отъ Д. И. Иловайскаго:

XV—34. Портретъ Д. И. Иловайскаго.

Отъ Н. П. Замаріи:

VII—260. Телеграмма Новор. Телеграфа отъ 29/XI 1877 г. о плѣненіи Османа-паши.

Постановили: Благодарить жертвователей.

Стихотворная эпитафія Аристона, сына Аристонова.

27 апрѣля 1912 г. для Мелекъ-Чесменскаго кургана у торговца древностями Ермолая Запорожскаго былъ купленъ надгробный камень съ стихотворною надписью. Гдѣ найденъ камень, къ сожалѣнію, выяснить не удалось.

Камень обломанъ снизу и сверху. Наибольшая высота его 0,77 м., шир. 0,47, толщ. 0,12.

Сохранившаяся часть рельефа представляетъ двухъ стоящихъ рядомъ воиновъ. Слѣва юноша въ опоясанной рубахѣ, правой рукой придерживаетъ большой овальный щитъ, за которымъ виднѣются два длинныхъ копья. Воинъ справа (голова его отбита) болѣе высокаго роста, съ плащемъ на плечахъ, въ рубахѣ безъ пояса, въ штанахъ и ясно обозначенныхъ сапожкахъ, въ лѣвой рукѣ держитъ горитъ (?), а правой касается щита юноши.

Весь фронтонъ отбитъ, также отбита часть праваго пилястра.

Подъ рельефомъ надпись въ 2 строки крупнаго шрифта (0,03 м.) и 7 строкъ мелкаго (0, 115), изъ которыхъ 4 нижнія не вполнѣ сохранились.

ΑΡΙΣΤΩΝΑΡΙΣΤΩΝΟΣ
ΧΑΡΙΡΕ

ΟΥΚΛΑΥΣΕΙΓΟΝΕΩΝΧΑΛΕΓΟΝΓΑ
ΘΟΣΕΝΘΑΣΑΡΙΣΤΩΝ ΑΛΛΑΡΕΤΗ.
ΓΑΤΡΑΣΤΕΙΧΕΑΡΥΟΜΕΝΟΝ ΟΥΓΑΡΔΗ
ΜΕΝΟΙΣΜΕΤΕΣΣΕΑΙΑΛΛΕΝΙΜΝΗΜΗ
: ΡΟΣΓΟΡΕΩΝΕΣΣΕΑΙΑΙΔΙΟΣ
ΑΜΑΝΟΥΤΟΙΗΛΙΚΙΑ
ΝΕ ΥΣ

Ἀρίστων Ἀρίστωνος
Χαῖρε

Οὐ κλαύσει γονέων χαλεπὸν πάθος ἔνθα σ' Ἀρίστων,
ἀλλ' ἀρετῆ(ι) πάτρας τείχεα ῥυόμενον
Οὐ γὰρ δὴ (φθι)μένοις μετέσσεαι ἀλλ' ἐνὶ μνήμη(ι)
(πάντων) Βοσπορέων ἔσσεαι ἀίδιος
αμαν οὗτοι ἡλικία

Повидимому, стихотвореніе состояло изъ 3 disticha въ 7 строкахъ, 2 disticha съ небольшими конъектурами читаются свободно. Послѣднее двустишіе возстановить затруднительно.

1-ый гекзаметръ и пентаметръ сохранились цѣликомъ. Въ какомъ лицѣ обращеніе къ покойному? На это указываетъ σ' послѣ ἔνθα и второе лицо μετέσσεαι и ἔσσεαι. Такимъ образомъ первый стихъ:

Οὐ κλαύσει γονέων Χαλεπὸν πάθος ἔνθα σ' Ἀρίστων

можно перевести такъ:

Тяжкое горе родителей не станетъ оплакивать тебя здѣсь, Аристонъ!

2-й стихъ: ἀλλ' ἀρετῆ(ι) πάτρας τείχεα ῥυόμενον, ῥύομαι—часто встрѣчается у Гомера. Синтактически ῥυόμενον приходится поставить въ зависимость отъ σ'.

3-й стихъ сохранился не весь: οὐ γὰρ δὴ ∪ μένοις μετέσσεαι, ἀλλ' ἔνὶ μνήμη(ι).
μέτειμι—быть, находиться съ кѣмъ-нибудь, среди кого-нибудь, требуетъ дат. пад.; ∪ μένοις—дѣйствительно, можетъ быть окончаніемъ дат. пад. какого-нибудь причастія. Въ виду же дальнѣйшаго μνήμη, по которому ⌣ μένοις можно дополнить въ φθιμένοις—съ погибшими, умершими.

4-й стихъ. Βοσπορέων ἔσσεαι ἀίδιος. Первая буква напоминаетъ φ, но въ φῶς πορέων нельзя объяснить глагольную форму πορέων Поэтому предлагаю читать: Βοσπορέων и лакуну передъ этимъ словомъ запол-

нять прилагательнымъ πάντων. Получимъ въ метрическомъ отношеніи вполнѣ правильный пентаметръ:

(Πάντων) Βοσπορέων ἔσσεαι ἄἶδιος. Βοσπορεῖς Βοσπορέων новое ἐθνικὸν для Βόσπορος. У Стефана Византійскаго отмѣчены только Βοσπόριος, Βοσπορανός, Βοσπροινός, Βοσπορηνός.

Въ послѣднемъ двустишіи, возстановить которое затрудняюсь, рѣчь идетъ повидимому о юности погибшаго.

Аристонъ—имя весьма часто встрѣчающееся на Боспорѣ.

Переводъ стихотворенія можетъ быть приблизительно слѣдующій:

Тяжкое горе родителей здѣсь не станетъ, Аристонъ,
Слезъ проливать по тебѣ, доблестный родины стражъ!
Ибо, повѣрь, не къ мертвымъ ты пріобщишься, но будешь
Въ памяти всѣхъ боспорянъ жизнью вѣчною жить....

Такимъ образомъ передъ нами стихотворная эпатафія воина, доблестнаго защитника отчизны, повидимому, павшаго на полѣ брани. Такого рода смерть въ бою за отчизну постоянно служила у древнихъ предметомъ поэтическаго воспѣванія. У Kaibel'я въ его „Epigrammata graeca“ мы находимъ цѣлый рядъ стихотвореній посвященныхъ „bello interfecti“ (стр. 686.).

Среди южно-русскихъ античныхъ надгробій отмѣтимъ три, въ которыхъ также воспѣвается смерть на полѣ брани.

Ios P. E. II, 171 B. (Лисимаха, с. Психаріона)

Νομάδων ἔκταν(ε) θοῦρος Ἄρης

Ios P. E. II, 298 B. (Менодора, с. Аполлонія)

Πολλὰ δὲ δυσμενέων ἔναρα βροτόεντα δαΐξας
Κεῖμαι δουριτυπὴς ἐν χθονὶ Βοσπορίδι

Ios. P. E. IV, 109. ch.

Βάσκανος ὃν κατέπεφνεν Ἄρης πάτρῃ προμαχεῦντα.

Остается опредѣлить время, къ которому относится описанная эпитафія: и по стилю нѣкоторыхъ буквъ, въ особенности A, Γ, N и Σ, а также по работѣ надгробія, памятникъ слѣдуетъ отнести къ I вѣку по Р. Хр.

Ю. Ю. Марти.

438 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

4 апрѣля 1915 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта Б. В. Варнеке, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: А. Е. Егоровъ, Е. Н. Щепкинъ, А. Я. Шпаковъ, Е. А. Шуманскій, А. В. Флоровскій, А. П. Доброклонскій, Е. П. Трифильевъ, прот. С. В. Петровскій, св. Ѳ. А. Миляновскій, В. Н. Ренненкампфъ, К. О. Лысаковскій, С. Г. Вилинскій, члены-корреспонденты В. Э. Крусманъ, П. М. Бицилли, Х. С. Чернявскій.

Открывъ засѣданіе, предсѣдатель сообщилъ, что по единодушному и горячему желанію членовъ Общества онъ предлагаетъ просить **Его Императорское Высочество Великаго Князя Николая Николаевича, Августѣйшаго Верховнаго Главнокомандующаго,**—оказать Императорскому Одесскому Обществу Исторіи и Древностей милость, удостоить его принятіемъ званія Почетнаго Члена.

Собраніе постановило отправить Его Императорскому Высочеству слѣдующую телеграмму:

«Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей, въ засѣданіи своемъ 4 апрѣля отмѣтивъ какъ одинъ изъ историческихъ моментовъ великой войны грозившую цѣлости Одессы и музею Общества 21 прошлаго марта отъ вражескаго флота опасность и съ горячей благодарностью сознавая, что замыслы коварнаго врага не осуществились лишь благодаря доблести защитниковъ родины нашей, —выражаетъ Вашему Императорскому Высочеству чувства своего глубочайшаго почтенія передъ великимъ подвигомъ русскаго воинства и пріемлетъ смѣлость просить Ваше Императорское Высочество удостоить Общество принятіемъ званія его почетнаго члена».

Слушали:

1) Сообщеніе д. чл. Е. Н. Щепкина—„Изъ исторіи русско-византійскихъ отношеній".

Постановили: Благодарить докладчика.

2) Сообщеніе д. чл. А. Я. Шпакова о томъ, что онъ согласно порученію Общества присутствовалъ на празднованіи 50-лѣтняго юбилея Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, которое

привѣтствовалъ и которое выражаетъ Одесскому Обществу благодарность за это привѣтствіе.

Постановили: Благодарить А. Я. Шпакова за его трудъ по поѣздкѣ въ Москву на юбилей.

3) Предложеніе Совѣта избрать ревизіонную Коммисію для провѣрки кассы Общества.

Постановили: Просить д. чл. А. П. Доброклонскаго, Е. П. Трифильева и Е. А. Шуманскаго представить къ слѣдующему засѣданію докладъ по данному вопросу.

4) Предложеніе Совѣта объ избраніи епископа Ямбургскаго Анастасія, академиковъ В. И. Латышева, А. И. Соболевскаго, профессоровъ Ю. А. Кулаковскаго и Н. И. Веселовскаго почетными членами Общества, прис. пов. К. Г. Березовскаго--дѣйствительнымъ членомъ, а Клавдію Васильевну Флоровскую—членомъ-корреспондентомъ.

Постановили: Баллотировать въ слѣдующемъ засѣданіи.

5) Сообщеніе хранителя музея о томъ, что въ музей Общества поступили слѣд. предметы.

Отъ *Е. А. Шуманскаго.*

1) Ода на новогреческ. языкѣ въ честь греч. короля Оттона. (VII. 261).

2) Краснофигурный канфоръ съ головою амазонки изъ Ольвіи. (Ш. 7737).

Куплено отъ Эдлиса бронзовое кольцо изъ Ольвіи съ вогнутой печатью. (V 3209).

439 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

1 мая 1915 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта Б. В. Варнеке, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: В. Н. Смольяниновъ, А. Я. Шпаковъ, Е. А. Шуманскій, В. Н. Ренненкампфъ, Е. П. Трифильевъ, А. П. Доброклонскій, А. А. Грушка, Б. М. Ляпуновъ, Е. Н. Щепкинъ, С. Г. Вилинскій, К. О. Лысаковскій, прот. С. В. Петровскій, А. Е. Егоровъ, члены-корреспонденты: В. Э. Крусманъ, Е. А. Загоровскій, Х. С. Чернявскій, В. И. Василенко, Б. Я. Калустовъ, гость—ректоръ Императ. Казанск. университета проф. Г. Ѳ. Дормидонтовъ.

Открывъ засѣданіе, предсѣдатель сообщилъ, что имъ отъ **Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича, Августѣйшаго Верховнаго Главнокомандующаго**, получена слѣдующая телеграмма (Ср. прот. № 438).

«Очень тронутъ и сердечно благодарю Одесское Общество Исторіи и Древностей за выраженныя чувства и постановленіе объ избраніи Меня почетнымъ членомъ Общества. Генералъ-Адъютантъ НИКОЛАЙ.

Слушали:

1) Сообщеніе д. чл. М. Г. Попруженко: „Два юбилея“. Сообщеніе это, въ сокращеніи напечатанное въ „Историческомъ вѣстникѣ“ за 1915 г. № 5, посвящено было выясненію значенія трудовъ В. И. Григоровича, 100-лѣтіе со дня котораго исполнилось 30 апрѣля 1915 г. и очерку дѣятельности Императорскаго Новороссійскаго университета въ виду исполнившагося 1 мая 1915 г. 50-лѣтія со дня основанія.

Постановили: Благодарить докладчика.

2) Предложеніе Совѣта баллотировать лицъ, предложенныхъ въ прошломъ засѣданіи въ почетные члены Общества.

Постановили: Въ виду выдающихся и цѣнныхъ трудовъ по изученію славянства и русской старины единогласно избрать почетными членами—епископа Ямбургскаго Анастасія (въ мірѣ проф. А. И. Александровъ), академиковъ В. В. Латышева, А. И. Соболевскаго, профессоровъ Ю. А. Кулаковскаго и Н. И. Веселовскаго.

3) Предложеніе Совѣта баллотировать предложенныхъ въ члены Об-ва К. Г. Березовскаго (въ дѣйств. члены) и К. В. Флоровскую (въ члены-корреспонд.).

Постановили: Считать избранными единогласно.

4) Денежный отчетъ казначея Общества за 1914 г. и заключеніе ревизіонной коммиссіи (А. П. Доброклонскаго, Е. П. Трифильева, Е. А. Шуманскаго) о томъ, что всѣ статьи какъ по приходу, такъ и по расходу найдены правильными и согласными съ оправдательными документами и отчетомъ, а наличность къ 1 январю 1915 г. вполнѣ имъ соотвѣтствующей.

Постановили: Отчетъ утвердить и напечатать въ протоколѣ засѣданія, а казначея Общества А. Я. Шпакова благодарить за его труды, выразивъ также благодарность и ревизіонной комиссіи.

5) Сообщеніе хранителя музея о томъ, что отъ начальника отряда тралеровъ поступилъ генуэзскій якорь, найденный тралеромъ въ Черномъ морѣ у с. Григорьевки. (XV в. 157).

Постановили: Благодарить за пожертвованіе.

ОТЧЕТЪ

прихода и расхода суммъ Императорскаго
Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

на 1914 годъ.

ПРИХОДЪ.

Статьи	НАИМЕНОВАНІЕ СТАТЕЙ	Сумма Руб.	К.
	Остатокъ къ 1-му января составилъ		
	Процентными бумагами:		
	Капиталъ Общества . . . . . Р. 6100		
	Капиталъ преміи имени Д. М. Княжевича . . . 2300		
	Р. 8400		
	Наличными деньгами:		
	На текущ. счету по книжкѣ казначея за № 15096 въ Одесск. общ. взаимн. кредита.	1754	17
	На рукахъ у казначея	13	83
		1768	
	Поступило въ 1914 году наличными деньгами:		
I	ВЫСОЧАЙШЕ дарованнаго пособія	2500	—
II	Процентовъ съ капитала Общества	231	80
III	Процентовъ по текущему счету въ Обществѣ взаимнаго кредита	111	24
IV	Отъ Русскаго общества пароходства и торговли за аренду Судакской крѣпости.	1675	—
V	За аренду Аккерманской крѣпости	800	
VI	Членскихъ взносовъ.	55	—
VII	Выручено отъ продажи изданій Общества и за храненіе гардероба отъ посѣтителей	405	05
	Итого . . .	7546	99

Казначей Общества, ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго Университета **Алексѣй Шпаковъ**.

РАСХОДЪ.

Статьи	НАИМЕНОВАНІЕ СТАТЕЙ	Сумма Руб.	К.
I	Жалованье служащимъ (смотрителю музея, его помощнику, двумъ рассыльнымъ и шнейцару	1116	
	За веденіе канцеляріи	170	
	Жалованье сторожу при крѣпости въ Судакѣ .	60	—
II	Наградныя служащимъ	168	—
III	Отопленіе зданія музея	874	
IV	Освѣщеніе и иллюминація зданія	170	24
V	Печатаніе „Записокъ“ и каталоговъ Общества .	1133	
VI	Изготовленіе таблицъ, клише, фотографій .	51	—
VII	Покупка древностей	60	—
VIII	Покупка книгъ и переплеты	35	—
IX	Почтовые и телеграфные расходы	48	90
X	Клейка и реставрація древностей, хозяйственные и мелкіе расходы	170	26
XI	Ремонтъ зданія музея	21	40
XII	Витрины и другія столярныя работы	103	—
XIII	Экстренные расходы	178	
XIV	Канцелярскіе расходы	42	75
XV	Страховка зданія музея	44	79
XVI	На текущемъ счету въ Обществѣ взаимнаго кредита по книжкѣ № 7059	3682	41
XVII	На рукахъ у казначея	297	18
	Итого .	7546	99

440 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

3 октября 1915 года.

Подъ предсѣдательствомъ почетнаго члена академика Ѳ. И. Успенскаго, при секретарѣ М. Г. Попруженко, присутствовали—дѣйствительные члены: В. Н. Смольяниновъ, Б. В. Варнеке, А. Я. Шпаковъ, С Г. Вилинскій, св. Ѳ. А. Миляновскій, Е. Н. Щепкинъ, С. Д. Пападимитріу, Е. П. Трифильевъ, К. М. Милисавлевичъ, А. В. Флоровскій, Е. А. Шуманскій, В. Н. Ренненкампфъ, члены-корреспонденты: К В. Флоровская, В. Э Крусманъ, А. М. Гамовъ, Б. Я. Калустовъ.

Членъ Совѣта Б. В. Варнеке, открывъ засѣданіе, предложилъ просить почетнаго члена академика Ѳ. И. Успенскаго принять на себя предсѣдательство, что и было исполнено.

Занявъ предсѣдательское кресло, академикъ Ѳ. И. Успенскій сообщилъ собранію о смерти Почетнаго члена Общества Великаго Князя Константина Константиновича (избранъ былъ 12 ноября 1889 г.) и, отмѣтивъ значеніе трудовъ почившаго для русской науки, предложилъ почтить его память вставаніемъ. Почтена была память вставаніемъ и скончавшагося 30 сентября 1915 г. профессора А. В. Рыстенко (членомъ-корреспондентомъ былъ избранъ 25 февраля 1903 г., дѣйствительнымъ членомъ избранъ 30 января 1907 г.; состоялъ нѣкоторое время библіотекаремъ Общества и издалъ (XXVIII т. „Записокъ“) описаніе рукописей его).

Слушали:

I. Доложенныя секретаремъ письма съ выраженіемъ благодарности за избраніе почетными членами—епископа Анастасія, академиковъ А. И. Соболевскаго, В. В. Латышева, профессоровъ Ю. А. Кулаковскаго и Н И. Веселовскаго.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

II. Отношеніе Пріамурскаго отдѣла Императорскаго русск. географическаго Общества отъ 31 августа 1915 г. № 21 о содѣйствіи отдѣленію этого Общества по археологіи, исторіи и этнографіи доставленіемъ дублетовъ и проч.

Постановили: Выражая отдѣленію лучшія пожеланія въ дѣлѣ изученія старины, отъ высылки дублетовъ воздержаться, такъ какъ они должны быть использованы для обмѣна съ находящимися на югѣ Россіи музеями.

III. Сообщеніе члена Совѣта Б. В. Варнеке о томъ, что во время посѣщенія имъ лѣтомъ текущаго года Екатеринославскаго музея Д. И. Эварницкій (директоръ этого музея) просилъ возбудить вопросъ о передачѣ Обществомъ этому музею предметовъ запорожской старины въ обмѣнъ на предметы классической древности.

Постановили: Ходатайство отклонить въ виду невозможности передавать кому-либо предметы, собранные музеемъ Общества.

IV. Сообщеніе Совѣта о томъ, что въ теченіе лѣта въ музеѣ Общества произведенъ крайне необходимый ремонтъ крышъ, печей и проч. Совѣтъ призналъ необходимымъ, несмотря на скудость средствъ, израсходовать на это до 1.500 руб., такъ какъ зданіе музея во многихъ частяхъ приходило въ окончательную ветхость.

Постановили: Одобривъ рѣшеніе Совѣта, расходъ утвердить.

V. Предложеніе Совѣта о взиманіи за входъ въ музей по 25 к. вмѣсто понедѣльниковъ по воскресеньямъ, когда бываетъ большое скопленіе публики. Мѣра эта вызывается необходимостью дать возможность учащимся съ большимъ удобствомъ, безъ наплыва посѣтителей, осматривать музей. Учащіеся по воскресеньямъ будутъ допускаться безплатно.

Постановили: Одобрить это предложеніе Совѣта.

VI. Сообщеніе поч. члена академика В. В. Латышева—„Изъ исторіи г. Маріуполя“ (доложено Б. В. Варнеке).

Постановили: Сообщеніе напечатать въ „Запискахъ“ Общества.

VII. Сообщеніе хранителя музея Б. В. Варнеке о поступившихъ въ музей пожертвованіяхъ:

Отъ Е. А. Шуманскаго. Камень съ греческой погребальной надписью. (II. 231).

Отъ К. М. Милисавлевича: a) Литографированный портретъ императора Александра II, составленный изъ словъ манифеста 19 февраля 1861 г. (VII. 262).

b) Щитъ съ 7 жетонами въ память войны 1914—1915 года.

Постановили: Благодарить жертвователей.

VIII. Сообщеніе хранителя музея Б. В. Варнеке о томъ, что чрезъ члена Ю. Ю. Марти музеемъ въ Керчи пріобрѣтены:

Ваза милетскаго стиля. (III. 7738).

Терракоты:

a) Старуха. (IV. 1453).

b) Комич. старикъ. (IV. 1454).

c) Старикъ съ ребенкомъ. (IV. 1455).

Постановили: Напечатать въ протоколѣ засѣданія сообщеніе Б. В. Варнеке объ этихъ предметахъ.

Новыя древности изъ Керчи.

Въ маѣ 1915 г. въ музей Общества поступили изъ Керчи три терракоттовыя фигурки, пріобрѣтенныя для музея хранителемъ Мелекъ-Чесменскаго кургана въ Керчи Ю. Ю. Марти у мѣстнаго продавца древностей Пекерева. По сообщенію послѣдняго, всѣ три фигурки найдены на Таманскомъ полуостровѣ. Двѣ статуэтки поменьше имъ были будто-бы куплены у одного лица, а болѣе крупная, найденная на хуторѣ Супруновой—у другого, причемъ вмѣстѣ съ этой фигуркой были найдены еще золотыя серьги и головка негра изъ синяго стекла. Такимъ образомъ есть полное основаніе думать, что эти три фигурки были найдены въ двухъ совершенно различныхъ, независимыхъ другъ отъ друга, погребеніяхъ. До отсылки ихъ въ Одессу Ю. Ю. Марти показывалъ ихъ извѣстному знатоку Керченскихъ древностей В. В. Шкорпилу, который высказался безусловно въ пользу ихъ подлинности. Такое-же самое впечатлѣніе произвели онѣ и на Б. Вл. Фармаковскаго при осмотрѣ ихъ въ августѣ 1915 г. уже послѣ ихъ поступленія въ Одесскій музей. Не скрою, что только авторитетное сужденіе Б. В. Фармаковскаго устранило вполнѣ мои сомнѣнія на счетъ подлинности этихъ новыхъ пріобрѣтеній нашего музея: я слишкомъ хорошо помнилъ замѣчанія такого искушеннаго горькимъ опытомъ въ этомъ дѣлѣ лица, какъ Э. Р. фонъ-Штернъ, доказавшаго на цѣломъ рядѣ примѣровъ, до какого совершенства доходятъ въ области поддѣлокъ какъ разъ терракоттовыхъ фигурокъ именно керченскіе мастера [1]). Мои сомнѣнія были вызваны необычно малымъ размѣромъ т. н. Brennloch на всѣхъ 3 фигуркахъ, при чемъ Ю. Ю. Марти въ письмѣ отъ 20 мая сообщалъ мнѣ, что и его эта же самая подробность не мало смущала, пока В. В. Шкорпилъ не увѣрилъ его, что вполнѣ возможенъ и такой обжигъ. Всетаки долженъ указать, что въ нашемъ музеѣ теперь собрано почти что полторы тысячи терракоттовыхъ фигурокъ. Я нарочно сызнова всѣ ихъ пересмотрѣлъ, но такой Brennloch, какъ на двухъ меньшихъ изъ числа здѣсь описываемыхъ, не нашелъ. Стало быть это во всякомъ случаѣ не заурядное явленіе.

---

[1]) О поддѣлкѣ предметовъ классической древности *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1896, № 12, стр. 132 слл. отд. классической филологіи *А. Л. Бертье-Делагарда.* Поддѣлка греческихъ древностей на югѣ Россіи. *Записки Имп. Од. Общ. Ист. и Древ.* 1896, 43—45.

I. Фигурка изъ красной глины, съ рѣзко проступающими, особенно сзади, черными крапинами. № инвентарнаго каталога IV 1454.

Изображаетъ старика съ явно утолщеннымъ животомъ, надъ которымъ онъ сложилъ руки. Коропластъ сознательно подчеркнулъ чрезмѣрный оскалъ рта, придавшій лицу насмѣшливое, злорадное выраженіе. Одѣтъ въ короткій хитонискъ, не прикрывающій даже αἰδοῖα.

Подъ хитонискъ актеръ, очевидно, надѣлъ особую „толщинку“ для усиленія живота, Προγαστδιρίδιδον или σωμάτιον бывшее для такой надобности въ ходу у греческихъ актеровъ [1]).

Складки плаща какъ-бы прикрываютъ и заднюю часть головы; правая сторона статуэтки моделирована недурно и всѣ складки одежды, сокращенія согнутой руки и т. д. выражены четко; но лѣвая сторона почти вся слилась въ одно, если не считать хорошо переданнаго сгиба лѣваго колѣна. Посреди черепа фигурка дала трещину, расходящуюся влѣво до плеча.

Фр. Винтеръ въ своемъ каталогѣ терракоттовыхъ типовъ (Die Typen der figürlichen Terrakotten. II. Berlin und Stuttgart. 1903) приводитъ на табл. 414 № 12 статуетку изъ Троады, поступившую въ частное собраніе Calvert. Голова старика и особенно его борода здѣсь очень напоминаютъ разсматриваемую терракотту нашего музея. На таблицѣ 418 подъ № 9 онъ приводитъ фигурку изъ Аѳинъ, а подъ № 11 изъ Петроградскаго Эрмитажа (№ 868 G), найденную тоже на Таманскомъ полуостровѣ. Эти двѣ статуэтки также изображаютъ что-то обдумывающихъ стариковъ, но та и другая изображаютъ стариковъ въ сидячемъ положеніи. Всѣ эти три фигурки Винтеръ признаетъ за изображенія актеровъ комедіи.

Въ свое время еще Визелеръ издалъ статуэтки, изображающія стоящихъ стариковъ, погруженныхъ въ глубокое раздумье. И онъ считалъ ихъ за изображенія комическихъ стариковъ [2]).

У старика борода клиномъ: это σφηνοπώγων Поллукса (IV, 143), который соединяетъ эту форму бороды съ плѣшивостью (IV, 145): и нашъ старикъ плѣшивъ. Затѣмъ въ наружности этого старика бросаются въ глаза значительные размѣры его живота.

Толстый животъ не разъ заставлялъ издателей отдѣльныхъ терракоттъ принимать ихъ за изображеніе комическихъ актеровъ именно въ роли парасита. Такъ было, напримѣръ, съ одной мраморной ста-

---

[1]) Lucian. de salt. § 27. Iuppiter trag. § 41, 689.

[2]) Theatergebäude und Denkmäler des Bühnenwesens. Göttingen 1851 табл. XII № 3 и 4 ср. текстъ стр. 90.

туэткой Константинопольскаго музея[1]) и дѣйствительно надъ такими обжорами любила издѣваться народная комедія и грековъ и римлянъ. Изъ образовъ первой сюда относится Μαίσων[2]), а Поллуксъ указываетъ плѣшивость какъ одинъ изъ признаковъ этого типа слуги (IV, 150).

У римлянъ это былъ Manducus[3]). Какъ извѣстно, въ литературной комедіи эта страсть къ ѣдѣ составляетъ характерный признакъ парасита. Стоитъ вспомнить хотя-бы Плавтовскихъ Artotrogus (Miles Gloriosus) или Saturio (Persa) съ цѣлымъ рядомъ менѣе яркихъ представителей того-же типа. Недаромъ тотъ-же Гесихій даетъ очень любопытную глоссу: μασύντης παράσιτος[4]), съ чѣмъ Ѳ. Ф. Зѣлинскій очень удачно сопоставилъ имя одного изъ рабовъ Бделиклеона въ Осахъ Аристофана (ст. 433)[5]).

Греческая комедія зачастую выводила на сцену брюхачей. Въ такомъ видѣ появлялся въ „Птицахъ“ Аристофана Гераклъ, какъ это видно изъ обращенныхъ къ нему словъ Посейдона (ст. 1604): ἡλίθιος καὶ γάστρις εἶ. Таковъ былъ видъ и Діониса въ Лягушкахъ: (ст. 100) Харонъ спрашиваетъ οὐκοῦν καθεδεῖ δῆτ' ἐνθαδὶ γάστρων; (ср. схоліи къ этому стиху и Thesm. 816).

Платонъ въ какой-то своей комедіи говорилъ про одного персонажа, что на свѣтѣ нѣтъ никого съ болѣе крупнымъ животомъ: οὐδεὶς ἐστ' ἀνὴρ γαστρίστερος (frg. 195 K.) Поллуксъ сообщаетъ, будто Алкей называлъ Питтака γάστρωνα (II 175).

Большой и мягкій животъ Адамантій считалъ признакомъ безчувственности, невоздержанности и пристрастія къ вину[6]).

Хитрое, довольно таки отталкивающее лицо нашего старика вполнѣ подходитъ къ одному изъ такихъ параситовъ и я думаю, что хотя-бы тотъ-же Сатуріонъ изъ Persa могъ принять близкую къ изображенной на нашей фигуркѣ позу во время своего монолога, гдѣ онъ углубляется въ дебри своей родословной (ст. 56 слл.). Сама поза еще болѣе подходитъ къ монологу Гнатона изъ Eunuchus Теренція, когда онъ разсуждаетъ о томъ, во сколько разъ умный человѣкъ превосходитъ глупаго (232 слл.).

Къ „новой“ комедіи однако совсѣмъ не подходитъ то, что αἰδοῖα старика не прикрыты и оставлены на показъ. Затѣмъ Донатъ свидѣ-

---

[1]) *S. Reinach.* Statuette d'acteur comique au musée de Tchinli-Kiosk. *Gazette Arch.* VIII 1883 pl. 43, стр. 250–258, см. стр. 256.

[2]) Ср. Hesychius s. v.

[3]) Ср. Festus s. v Manduci, 115,20 Lindsay.

Ср. *Ѳ. Ф. Зѣлинскій* Quaestiones comicae *Ж. М. Нар. Пр.* 1885, № 12, стр. 115—118.

[4]) Изд. М. Шмидта. Іена 1867 стр. 1016.

[5]) Ук. статья стр. 117.

[6]) *E. Foerster.* Script. physiogn. I. 361, 7—8.

тельствуетъ, что въ ней параситы выступали въ палліяхъ[1]) Это подтверждаетъ и текстъ Плавта[2]), а также и иллюстрированныя рукописи Теренція; на нихъ въ длинный паллій одѣты и Гнатонъ[3]) и „Форміонъ[4]); это заставляетъ меня склониться къ мысли, что эта фигурка воспроизводитъ образъ не литературной комедіи, а какой-нибудь низшей ея разновидности въ родѣ мима. Съ такой оговоркой возможно видѣть въ ней изображеніе комическаго актера въ роли парасита; Въ свое время такъ объяснилъ и А. Н. Деревицкій одну изъ терракоттъ изъ собранія А. И. Нелидова, найденную въ Малой Азіи[5]).

II. Фигурка женщины въ лѣтахъ изъ свѣтло-желтоватой глины съ слѣдами коричневой окраски, проступающей на лбу, животѣ и правомъ колѣнѣ. Высота статуэтки 8½ сантиметровъ. Номеръ инвентаря IV 1453. Женщина правую рѣзко согнутую руку подняла надъ головой, опустивъ книзу сжатыя въ кулакъ пальцы· Лѣвой рукой она упирается въ бокъ. Надъ рѣзко выступающимъ животомъ узломъ перевязаны концы гиматія, который, плотно облегая лѣвое колѣно, надъ правымъ явно поднимается кверху, что вызвано отмѣченнымъ выше сгибомъ соотвѣтственной руки. Черты лица грубыя съ широкимъ, расплюснутымъ носомъ. Лѣвая нога плотно упирается въ землю, а правая согнута въ колѣнѣ и сильно отнесена назадъ. Съ обоихъ боковъ фигурка моделирована одинаково отчетливо, но задняя сторона оставлена почти вовсе безъ всякой обработки.

Б. Вл. Фармаковскій любезно указалъ мнѣ, что эта фигурка въ высокой степени напоминаетъ ту, которую удалось ему найти въ 1909—1910 г.г. при раскопкахъ 4-го слоя въ Ольвіи[6]), представляющаго собою только передѣлки и перестройки сооруженій V слоя, относящагося въ свою очередь до II—I вѣку до Р. Х.[7]).

---

[1]) Parasiti cum intortis palliis veniunt. Donat. Excerpta de com. VIII § 6 p. 29 Wessner.

[2]) Curc. 385. Mil. 59. Persa 124. Pseud. 1279 Stich. 257.

[3]) *I. van Wageningen.* Album Terentianum. Groningae 1907; №№ 55, 56, 67, 75a, 75b, 76.

[4]) №№ 84, 85, 101, 102.

[5]) Нѣсколько греческихъ статуэтокъ изъ собранія Одесскаго Общества Исторіи и Древностей и А. И. Нелидова. *Записки Имп. Од. Общ. Ист. и Древн.* XVIII (1895), стр. 237—239, табл. II, 9.

[6]) Издана на рисункахъ №№ 101 и 102 на стр. 84 Отчета Императорской Археологической Комиссіи за 1909 и 1910 г.г. Спб. 1913.

[7]) См. *Б. В. Фармаковскій* Ольвія. Статья въ Экскурсіонномъ Вѣстникѣ за 1915 г., стр. 22—23 отдѣльнаго оттиска.

Схожая фигурка женщины находилась и раньше въ Эрмитажѣ: лицо, настолько можно судить по рисунку Солнцева, а также постановка лѣвой руки, упертой въ бокъ, тождественны. Но правая рука, приподымающая покрывало, значительно болѣе отнесена въ сторону [1]).

К. Робертъ и эту фигуру старой женщины, навѣрно, принялъ-бы за изображеніе какого-нибудь образа комедіи: вѣдь онъ съ такой настойчивостью подбиралъ въ каталогѣ Поллукса театральные ярлыки и для такихъ фигурокъ, связь которыхъ съ драмой еще болѣе сомнительна [2]). Можетъ быть и, дѣйствительно, коропластъ здѣсь вдохновился какимъ-нибудь образомъ театра, но въ другомъ мѣстѣ я уже слишкомъ подробно указывалъ, какъ надо быть осторожнымъ, чтобы не принять за театральный образъ совершенно независимую отъ драмы карикатуру. Поэтому не буду здѣсь повторяться [3]).

III (№ инвентаря IV 1455). Высота фигурки 14 сантиметровъ. Глина свѣтло-красная съ оранжевымъ; дно фигурки снизу полое и

представляетъ собою значительное углубленіе. Изображаетъ старика съ густой бородой и пышными, сильно свисающими усами. Круглые уши оттопырены и неестественно вынесены впередъ. Носъ курносый, „пятачкомъ“. Надъ правымъ плечомъ виденъ ясно конецъ повязки, охватывавшей надѣтую на затылокъ шапку. Жирное тѣло прикрыто плащемъ, оставляющимъ правое плечо открытымъ, и плотно облегающимъ сильно утолщенный животъ. Другой конецъ плаща сильно перекинутъ за лѣвое плечо и свисаетъ сзади ниже поясницы. Постановка ногъ, повидимому, должна указывать на то, что старикъ идетъ. Правая излишне толстая рука опущена книзу, въ ней старикъ что-то держитъ: при грубой отдѣлки этой части статуэтки трудно установить точно, что именно онъ держитъ, но не исключена возможность, что это кисть винограда. На лѣвое плечо онъ посадилъ себѣ ребенка, поддерживая его подъ ножки лѣвой рукой. Ребенокъ весь съ головой укутанъ въ плащъ, нижній край котораго обтянутъ надъ самыми пальцами ногъ. Личико было открыто, но чертъ его разобрать уже трудно. Лѣвое плечико сбито въ позднѣйшее время. Голова ребенка слегка подымается надъ шапкой старика. Длина всей фигурки ребенка 5 сантиметровъ.

---

[1]) Древности Босфора Киммерійскаго (Спб. 1854, Атласъ LXIX, № 6 ср. текстъ т. II, стр. 90.

[2]) D. Masken d. neueren Attischen Komödie. Halle 1911, рис. 64 и 65 и т. д.

[3]) Поллуксовъ каталогъ масокъ. *Ж. М. Н. Пр.* 1913 № 10, стр. 442 слл.

Непомѣрно большія уши коропластъ придалъ старику, конечно, не зря: имъ онъ хотѣлъ указать въ предѣлахъ своихъ средствъ на какую-нибудь особенность его характера. Еще Аристотель считалъ ихъ признакомъ глупаго болтуна [1].

Другіе считали ихъ признакомъ характера, схожаго съ ослинымъ [2], или глупой порочности [3].

Но его уши не только черезчуръ велики, они еще неестественно круглы, а именно такое построеніе ушей Адамантій считалъ признакомъ непонятливаго, тупого человѣка [4].

Усы и носъ старика въ значительной степени напоминаютъ то, что видимъ на терракотовой головѣ силена прекраснаго стиля, найденной въ 1891 г. въ Херсонесѣ [5].

Фигурка (выс. 0,125), изображающая раба несущаго тоже на лѣвой рукѣ ребенка, а въ правой—свѣтильникъ, была найдена въ Миринѣ [6]. Этотъ Λυχνοῦχος одѣтъ въ хитонъ, немногимъ подлиннѣе того, который надѣтъ на старика нашей статуэтки. Онъ сильно согнутъ; волосы на головѣ у него расположены прямыми прядями, на маковкѣ видно что-то въ родѣ небольшой шапочки. Ребенокъ завернутъ въ одежды, на головѣ у него une couronne en bourrelet. Издатели этой статуэтки отказываются видѣть въ ней какую-либо зависимость отъ миѳологіи и разсматриваютъ ее, какъ простой жанръ.

Отто Людерсъ, чуть-ли не первый, кто повѣдалъ ученому міру о тагангрскихъ терракоттахъ, самъ склонялся къ тому мнѣнію, что онѣ представляютъ собой по преимуществу воспроизведеніе сценъ и типовъ обыденной жизни [7]. Но позднѣйшіе ихъ изслѣдователи разошлись въ своихъ мнѣніяхъ на этотъ счетъ: одни склонялись въ пользу преобладанія среди нихъ миѳологическихъ, а другіе жанровыхъ сюжетовъ [8]. Обѣ точки зрѣній и по сей день не растеряли своихъ сторонниковъ, почему одинъ изслѣдователь признаетъ за Афродиту статуэтку, которая для другого является изображеніемъ заурядной греческой обывательницы.

Попадающіяся довольно часто среди терракоттъ изображенія стариковъ съ ребенкомъ на рукахъ и Винтеръ распредѣляетъ на два раз-

---

[1]) *R. Foerster* Scriptores physiogn. II 260, 24—26;=259, 20—21; 262, 4.

[2]) ibid. I, 72, 11.

[3]) ibid. I, 424, 4—5.

[4]) ibid. I. 381, 3.

[5]) Отчетъ Имп. Археол. Комиссіи за 1891 г. Спб. 1893, стр. 7, рис. № 6.=Альбомъ рисунковъ изъ отчетовъ комиссій, листъ 115, № 666.

[6]) *E. Pottier S. Reinach.* La nécropole de Myrina. Paris. 1887 № 336 каталога. Издана на таблицѣ XLII перваго тома, описаніе дано на стр. 454—455 второго.

[7]) Retrovamenti di terre cotte in Tanagra. *Bull. dell'istit.* 1874, стр. 120—127.

[8]) Обзоръ этихъ разногласій далъ *Н. П. Кондаковъ.* Записки Имп. Одес. Общ. Ист. и Др. XI. 1879, стр. 173, слл. ср. *К. К. Герцъ.* Соб. соч. V (1900), стр. 256 сл. ср. *И. В. Цвѣтаевъ:* Рус. Обозр., 1894 № 5, стр. 166—188.

ряда. Къ первому онъ относитъ изображенія будто-бы Паппосилена съ ребенкомъ Діонисомъ: сюда, по его мнѣнію, относятся статуэтки:

1) Берлинская: табл. 400 № 1.

2) Изъ собранія Lecuyer: табл. 400 № 2.

3) Изъ Эрмитажа №№ 439 E и 870 A. A. Объ онѣ изъ Тамани— табл. 400 № 3d.

4) Изъ Аѳинскаго музея табл. 400 № 7.

5) Изъ собранія Мистосъ въ Смирнѣ, (теперь поступившаго тоже въ Аѳинскій музей) табл. 401 № 4.

На таблицѣ 403 онъ даетъ подборъ фигурокъ, изображающихъ будто-бы простыхъ педагоговъ съ смертными дѣтьми:

№ 3. Изъ Аѳинъ.

№ 4. Изъ Берлина.

№ 5. Изъ Беотіи (видѣлъ ее въ частной продажѣ).

№ 6. Петроградскій Эрмитажъ № 870.

№ 7. Лувръ.

№ 8. Британскій музей.

№ 10. Берлинскій Антикваріумъ.

Но въ сущности различіе между фигурками этихъ двухъ устанавливаемыхъ Винтеромъ разрядовъ не велико. Поэтому и я думаю, что за Силена этого старика можно признать лишь въ томъ случаѣ, если дѣйствительно у него въ рукѣ кисть винограда.

IV. Осенью въ музей поступила ваза, купленная Ю. Ю. Марти въ Керчи чрезъ посредство Пекерева изъ собранія мѣстнаго коллек-

ціонера И. А. Терлецкаго. Найдена была ваза въ 1911 г. у южнаго кордона въ томъ мѣстѣ, гдѣ и ранѣе попадалось много архаической

посуды. Тамъ тянется некрополь отъ косы Туалы до мыса Туалы. Раскопки тамъ, по сообщенію В. В. Шкорпила, казаки начали зимой 1909 г. послѣ неурожая. В. В. Шкорпилъ высказываетъ предположеніе, что это мѣсто представляетъ собой некрополь Фанагоріи (см. письмо Ю. Ю. Марти отъ 30 сентября 1913 г.).

№ по инвентарю III 77, 38. Амфора высотой въ 27 сантиметра. Діаметръ горлышка 12 сантиметра. Глина свѣтло-коричневая съ легкимъ красноватымъ отливомъ; сохранность вазы очень хорошая и возстановлены изъ гипса лишь незначительныя части горлышка. Только внизу съ одного бока ваза сильно вдавлена. Эта впадина однако древняго происхожденія. Роспись сдѣлана чернымъ лакомъ тусклаго оттѣнка, мѣстами сильно пожухщимъ и переходящимъ въ коричневые и темно-красные отливы. Горлышко между ручками, состоящими изъ тройныхъ складокъ и перечеркнутыхъ полосками чернаго лака, заполнено съ каждой стороны тремя спиралями, подпираемыми снизу небольшими треугольниками. Основной рисунокъ вазы состоитъ изъ изображенія двухъ животныхъ, отдѣленнаго отъ верхняго орнамента какъ-бы ожерельемъ изъ небольшихъ черныхъ кружечковъ. Оба животныя—козлы съ рѣзко подчеркнутыми бородками, высокими рогами, нарисованными нѣсколько условно. Животъ также схематично переданъ почти въ видѣ геометрически правильной прямой линіи, сливающейся у одного изъ нихъ въ непрерывную линію съ нижней стороны шеей. Есть разница въ рисункѣ и ногъ обоихъ животныхъ: У одного онѣ переданы болѣе реально съ подробнымъ указаніемъ колѣнныхъ изгибовъ надкопытныхъ выступовъ и т. д. тогда какъ у другого рисовальщикъ ограничился опять таки почти прямыми линіями и только правую заднюю ногу нарисовалъ немного отчетливѣе. Заполнительный орнаментъ на обоихъ поляхъ довольно бѣденъ и состоитъ изъ симметрично расположенныхъ по бокамъ каждаго животнаго рядовъ черныхъ точекъ; подъ ногами у нихъ круглыя дужки, надъ которыми опять таки расположено по полукругу тѣхъ-же точекъ. Подъ брюхомъ каждаго изъ нихъ по кресту. Подъ мордой у того козла, который нарисованъ менѣе детально и правдиво, двѣ линіи должны, повидимому, обозначать ту траву, за которой тянутся козлы, потому и опустившія сильно свои головы къ землѣ. Весь рисунокъ покоится снизу на непрерывной черной линіи. Немного отступя идетъ черная полоса, мѣстами теперь пожухшая, по срединѣ прерванная темной красной полосой. Далѣе идетъ полоса мэандра, подъ которой снова двѣ черныя полосы съ темно-красной серединой, а отъ подставки къ широкому поясу подымаются вверхъ стилизованные остроконечные листья, т. н. „лучи“ [1]).

[1]) То-же самое украшеніе видимъ и въ нижней части амфоры изъ Керчи, изданной *С. Д. Рудневой* въ *Изв. Имп. Арх. Ком.* вып. 45 (1912) стр. 104—110 см. ниже.

Козлы очень похожи на того, который изображенъ на вазѣ милетскаго стиля Императорскаго Эрмитажа (инв. № 12995) изъ Березани, поступившей изъ Очаковскаго собранія о. Никиты Левицкаго [1]).

Въ 1911 г. Императорская Археологическая Комиссія купила въ той-же Керчи амфору милетскаго стиля, найденную въ окрестностяхъ Таманской станицы и изображающую горнаго козла, бѣгущаго вправо и идущаго влѣво быка [2]).

I. Boehlau, который, примыкая къ Лешке, поставилъ эту посуду въ прямую зависимость отъ работы милетскихъ гончаровъ, указываетъ, что здѣсь дѣленіе всей росписи на полосы является почти непреложнымъ правиломъ. Заполненныя изображеніями животныхъ полосы являются основой всего рисунка, но въ то-же самое время эти изображенія крайне однообразны и бѣдны мотивами; также однообразенъ и подборъ орнаментовъ, среди коихъ наряду съ мэандромъ преобладаютъ гирлянды въ восточномъ вкусѣ изъ цвѣтовъ и бутоновъ, а также и „лучи“ [3]).

По его мнѣнію, на характерѣ этой росписи отразилась свойственная Милету страсть къ пестротѣ, привычка глазъ къ богатымъ узорамъ одеждъ и ковровъ [4]).

Цѣлый рядъ древне-греческихъ вазъ съ изображеніемъ дикихъ животныхъ былъ недавно разсмотрѣнъ Б. Вл. Фармаковскимъ въ его изслѣдованіи „Милетскія вазы изъ Россіи“ [5]). По его наблюденію на милетскихъ вазахъ изображаются животныя дикія, живущія на свободѣ [6]). Художники, повидимому, даютъ наборъ животныхъ, которыя олицетворяютъ калейдоскопъ жизни на лонѣ дѣвственной природы. Очень можетъ быть, что при росписи сосудовъ художниками не руководила вовсе какая-нибудь символическая мысль и ихъ композиціи имѣли лишь чисто декоративное значеніе. Но какъ это всегда бываетъ, всякая чисто декоративная композиція въ первоисточникѣ должна восходить къ композиціи, имѣвшей смыслъ. Композиціи милетскихъ вазъ въ первоисточникѣ, по всей вѣроятности, восходятъ къ религіозно символическимъ изображеніямъ, создавшимся въ Малой Азіи и вышедшимъ изъ религіи „Владычицы звѣрей“ (стр. 6). Далѣе Б. Вл. Фармаковскій указываетъ, что милетскія вазы являются свидѣтелями начала жизни грековъ на югѣ Россіи во вторую половину

---

[1]) Сужу по рисунку № 5, на стр. 107 указанной выше статьи С. Д. Рудневой.

[2]) Издана *С. Рудневой* ук. стат. XII, стр. 404—410.

[3]) Aus Ionischen und Italischen Nekropolen. Lpzg. 1898, стр. 77.

[4]) Стр. 79.

[5]) *Древности Имп. Моск. Археолог. Общества*, томъ XXV. Пользуюсь оттискомъ, любезно присланнымъ мнѣ авторомъ.

[6]) *E. Pottier* считаетъ характернымъ для вазъ этого рода изображеніе животныхъ, мирно пасущихся: Cratere grec de style corinthien et rhodien. *Mon. Piot* I, 1894, стр. 43—48.

VII вѣка до Р. Х., причемъ онѣ держатся вплоть до половины VI вѣка до Р. Х. (стр. 9).

Другіе изслѣдователи вмѣсто Милета ставятъ эти вазы въ связь съ промышленностью Родоса [1]). Такое мнѣніе высказываетъ, напримѣръ, F. Poulsen, ставящій вопросъ, была-ли у милетцевъ своя техника, близкая къ родосской, или-же они просто торговали родосскимъ товаромъ [2]).

Въ заключеніе настоящей замѣтки вмѣняю себѣ въ пріятный долгъ принести глубокую благодарность д. чл. Имп. Одес. Общ. Ист. и Др. генералу К. М. Милисавлевичу за любезное изготовленіе снимковъ съ описанныхъ древностей.

Б. В. Варнеке.

[1]) *G. Perrot.* Hist. de l'art. IX. Paris. 1911, 416 слл.

[2]) Der Orient und die frühgriechische Kunst. Leipz. 1912, слл.